

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

ММ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

Материалы I Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур (23–25 мая 2018 года, Москва)

Москва

2018

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

**Материалы I Международной научной
конференции студентов и школьников «Язык
и культура: взгляд молодых» в рамках
Международного Кирилло-Мефодиевского
фестиваля славянских языков и культур
(23–25 мая 2018 года, Москва)**

Москва
2018

УДК 8.80

ББК 80.4

Я 41

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Протокол № 1 от 24 января 2018 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.Н. Русецкая (главный редактор);

М.А. Осадчий (зам. главного редактора);

И.А. Лешутина (научный редактор);

Л.А. Мовсисян (ответственный секретарь);

Т. Тапилин (заместитель ответственного секретаря);

А.А. Негушина, Е.А. Ротова, К.А. Паутова

Рецензенты:

Е. В. Никольский, д-р филол. наук, проф.;

Т. В. Кудоярова, канд. пед. наук, доц.

Статьи печатаются в авторской редакции. Ответственность за содержание и корректность заимствований несут авторы статей.

Язык и культура: взгляд молодых // Материалы I Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного Кирилло-Медодиевского фестиваля славянских языков и культур, 23–25 мая 2018 года : сборник статей / гл. ред. М.Н. Русецкая. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. 797 с. ISBN 978-5-98269-188-0

Я 41

В сборнике представлены статьи, посвященные актуальным вопросам языкознания, методики преподавания филологических дисциплин и РКИ, языка средств массовой информации и рекламы. Также затрагиваются актуальные проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, истории и поэтики русской и зарубежной литературы и современного литературного процесса, отечественной и мировой истории. В книге содержатся материалы I Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного Кирилло-Медодиевского фестиваля славянских языков и культур (23 – 25 мая 2018 года).

УДК 8.80

ББК 80.4

ISBN 978-5-98269-188-0

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018

Содержание

Раздел I

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Афанасенков Георгий Дмитриевич

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА
НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 22

Бать Ты Куанг

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК МЕЖУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА 25

Бурмакин Андрей Александрович

ЭКСПРЕССИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ
В БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ 28

Бусоедова Дарья Витальевна

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ «ОБРАЗА АВТОРА»
В КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ 31

Вахрушева Мария Александровна

ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ МОЛОДЕЖНЫХ МЕДИЙНЫХ ИЗДАНИЙ . . . 35

Веселова Полина Николаевна

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 38

Вилкова Екатерина Александровна

СЕМАНТИКА СРАВНЕНИЙ В СКАЗКАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ 41

Гуськова Маргарита Дмитриевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ
ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ 44

До Тхи Хань

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ОБОРОТОВ ЖИВОЙ РЕЧИ
(ЭЭОЖР) СО ЗНАЧЕНИЕМ УДИВЛЕНИЯ 50

Ерцегович Ясмينا

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА
В РУССКОМ И ЧЕРНОГОРСКОМ ЯЗЫКАХ 55

Ерцегович Ясмينا

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АОРИСТА
В РУССКОМ И ЧЕРНОГОРСКОМ ЯЗЫКАХ 58

Исянова Дания Рамисовна

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
 В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ 61

Котова Ирина Сергеевна, Лужная Мария Михайловна

ШУТЛИВЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПРОСЬБЫ, ПРИГЛАШЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ,
 СОГЛАСИЯ, ОТКАЗА В ОБИХОДНОМ ОБЩЕНИИ РУССКИХ 64

Нгуен Зиеу Хьюнг

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ: «КРИЧАТЬ» – «КЛИКАТЬ»
 В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ» 76

Нгуен Тхи Оань

МОДИФИКАЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ
 В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 79

Паутова Ксения Алексеевна

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ 82

Самбоцыренова Ирина Карловна

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЛЕКСЕМЫ
РАДОСТЬ/JOIE В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ. ... 85

Серовская Дарья Валерьевна

АМЕРИКАНИЗМЫ В ОБИХОДНОЙ РЕЧИ МОЛОДЕЖИ 73

Симонишвили Анастасия Алексеевна

ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ФУНКЦИИ ГЛАГОЛОВ В ОПИСАНИИ
 ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ ИТАЛИИ 88

Фекличева Наталья Леонидовна

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
 (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МОДА»). 91

Чиненов Дмитрий Максимович

РОЛЬ А.С. ПУШКИНА В СТАНОВЛЕНИИ
 СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА. 94

Юдаков Егор Александрович

ОЙКОНИМЫ ОЗЕРСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
 ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ КАЛЕНДАРНЫХ И НЕКАЛЕНДАРНЫХ ИМЕН 97

ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**Алиева Надиля Ханларовна**

МИФ ОБ ЭДИПЕ КАК МИФ О САМОПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА
 В ДРАМЕ АНДРЕ ЖИДА «ЭДИП» 101

Бабичева Екатерина Анатольевна

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ
КЛАССИЧЕСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО РОМАНА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА ХХІ в. («ЮЛИЯ, ИЛИ НОВАЯ
ЭЛОИЗА» Ж.-Ж. РУССО И «ПИСЬМОВНИК» М.П. ШИШКИНА) 104

Борисова Татьяна Олеговна

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НОМИНАЦИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
В РОМАНАХ ДЖ. К. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ 108

Боровикова Дарья Алексеевна

ЛЕГЕНДА О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ ФОЛК-РОК ГРУППЫ «МЕЛЬНИЦА» 111

Вершинина Татьяна Викторовна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ
«ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА 115

Голикова Александра Владимировна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНТЕРТЕКСТ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «Т» 118

Голубев Антон Александрович

МОТИВ ЛЮБВИ И ВЕРЫ В ПОВЕСТИ Ф. ГОРЕНШТЕЙНА
«УЛИЦА КРАСНЫХ ЗОРЬ» 121

Демина Арина Рудольфовна

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА 125

Дмитриева Елизавета Сергеевна

СЕМАНТИКА СИНЕГО ЦВЕТА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО 129

Жданович Олеся Андреевна

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ МАНИФЕСТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА) . . . 132

Забудряева Юлия Александровна

С.А. ЕСЕНИН: КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОГО МЫШЛЕНИЯ 136

Закиров Дмитрий Андреевич

ГЛАЗОВСКИЕ СТРАНИЦЫ СУДЬБЫ Р. КАЗАКОВОЙ 140

Иванов Петр Константинович

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ КОНЧЕТТО В ПОЭЗИИ ДЖОНА ДОННА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «A VALEDICTION:
FORBIDDING MOURNING») 143

Индзинская Ольга Максимовна

НАСЛЕДИЕ ЕЛЕНА АНДРЕЕВНЫ ШТАКЕНШНЕЙДЕР146

Какайкина Майя Александровна

ОБРАЗЫ СВЯТЫХ В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ150

Кемпла НаталияК ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ ИМЕН В РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ДЮМА
«ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО» (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ЭДМОНДА ДАНТЕСА) ...153**Кочковая Ирина Олеговна**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТИЧНОГО СЮЖЕТА ОБ АМУРЕ И ПСИХЕЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ АПУЛЕЯ, Ж. ЛАФОНТЕНА, И. БОГДАНОВИЧА156**Криволапова Наталья Владимировна**МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА ПРИМЕРЕ «ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО» НЕСТОРА
И ПЬЕСЕ «НЕДОРΟΣЛЬ» Д.И. ФОНВИЗИНА)160**Кузьмина Яна Александровна**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ЛИРИКЕ КУЗЕБАЯ ГЕРДА
И СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА НА ПРИМЕРЕ МОТИВА ВЕЧЕРА163**Лебедев Алексей Алексеевич**

ПИСЬМА П. МЕРИМЕ И.С. ТУРГЕНЕВУ КАК РУССКИЕ ТЕКСТЫ166

Лихачева Елизавета

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АГАТЫ КРИСТИ ...169

Макарова Алина Викторовна

РЕЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА173

Мирошников Алексей Геннадьевич

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» СЛАВЫ КПСС176

Плиева Медина Исаевна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИНГУШЕТИЯ179

Репина Анастасия СергеевнаПРИЕМЫ КОМИЧЕСКОГО И ИХ РОЛЬ
В ПОВЕСТИ А.Я. ПАНАЕВОЙ «СЕМЕЙСТВО ТАЛЬНИКОВЫХ»183**Ротова Елена Андреевна**ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА КРАТКОГО РАССКАЗА
В СОВРЕМЕННОЙ СЕТИРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «JUST STORY»). ...186

Сафарова Кристина Викторовна

ОБРАЗ ИФИГЕНИИ В АНТИЧНОЙ, ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XX ВЕКОВ 190

Севастьянова Анна Дмитриевна

МАСОНСКАЯ СИМВОЛИКА В УТОПИИ В.А. ЛЕВШИНА «НОВЕЙШЕЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ, СОЧИНЕННОЕ В ГОРОДЕ БЕЛЕВЕ» 196

Синджу Пак

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЬЕСЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «К ЗВЕЗДАМ» . . . 199

Тапилин Татьяна

ДОМ БЕСКОНЕЧНОСТИ:
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...». 202

Телкова Дарья Владимировна

ПОЭТИКА ТРАДИЦИОННОЙ ЛЮБОВНОЙ БАЛЛАДЫ
В СТИХОТВОРЕНИИ Н. ГУМИЛЕВА «ПЕРСТЕНЬ» 205

Трегубова Мария Валерьевна

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОНЕТОВ ДЖОРДАНО БРУНО. 208

Шамова Наталья Дмитриевна

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ЭМИЛИ ДИКИНСОН:
ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА. 211

Шахмаева Ксения Андреевна

ФУНКЦИИ ВЫДЕЛЕННЫХ ГЛАГОЛОВ
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ» 214

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**Воробьева Алена Сергеевна**

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ХАРАКТОНИМОВ В КНИГАХ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА 217

Карпова Анастасия Александровна

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЭП-ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 220

Кондратьева Дарья Евгеньевна

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ»
В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ. 223

Кузнецова Мария Александровна

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ – САМЫЙ ЧИТАЕМЫЙ
РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗА РУБЕЖОМ 226

Ли Гэнь

ОБРАЗ ЛИСЫ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ 229

Манчак-Рогальска Татьяна Васильевна

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА

В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 233

Минаев Патриция

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В КИТАЕ И ПОЛЬШЕ

В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ) 236

Негушина Александра Алексеевна

ГЕНДЕРНАЯ ЦЕНзуРА КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ... 239

Сарайкин Иван Валерьевич

ПРИНЦИП ПОВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АДАМА МИЦКЕВИЧА:

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА 242

Угаркович Тияна

КАРИКАТУРА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА: ЕЕ СУЩНОСТЬ И РОЛЬ 247

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РЕКЛАМЫ**Аврамёнок Маргарита Владимировна**

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

В АНОНСАХ НОВОСТЕЙ ПЕРВОГО КАНАЛА 253

Гейн Екатерина Андреевна

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ 260

Жумабаева Саидахон Тахирджановна

ЯЗЫКОВЫЕ ФУНКЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 264

Иванова Олеся Вячеславовна

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЭВФЕМИЗАЦИИ КАК ОДНОГО ИЗ СРЕДСТВ

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ ... 268

Ивушкина Александра Денисовна

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ

ВЫРАЖЕНИЙ В ПЕЧАТНОЙ ПРЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «STORY») ... 271

Карташова Анастасия Анатольевна

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКЕ 275

Котова Екатерина Олеговна

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В СТРУКТУРЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ЛОНГРИДА 279

Красичкова Анастасия Дмитриевна

ФЕМИНИТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ЯЗЫКЕ 282

Лаба Камила Леонидовна ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ШОКОЛАДНЫХ НАБОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	285
Левшина Евгения Олеговна ИНФОРМАТИВНЫЙ РЕГИСТР В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ТВИТТЕР»	288
Ло Хунся ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СЕТЕВЫХ СМИ КИТАЯ	291
Погостина Полина Сергеевна ДОНАЛД ТРАМП КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА	298
Саморуков Максим Владимирович ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В РЕКЛАМЕ	301
Синельщикова Валентина Николаевна РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В РЕКЛАМЕ	303
У Чэнь РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ СФЕРЫ ТУРИЗМА	306
Чу Сяовэй СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ	309
Юй Хун Бо ОЦЕНКА ОСОБЕННОСТЕЙ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В КИТАЕ И В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ ОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ)	312
ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
Балабанова Дарья Викторовна СРАВНЕНИЕ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУР (НА ОСНОВЕ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ Г. ХОФСТЕДЕ)	316
Билиневич Татьяна Александровна КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО КУЛИНАРНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА)	320
Бродецкая Ульяна Владиславовна ГЕРОИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АНЕКДОТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ	324
Булгакова Вероника Владимировна СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКЕМЫ LORD В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА “THE VANITY FAIR” У. ТЕККЕРЕЯ)	328

Веремеева Елизавета Сергеевна

СОПОСТАВЛЕНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ИНТОНАЦИОННЫХ
 КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ. 332

Вечорек Паулина

СУБКУЛЬТУРА ФАНАТОВ ФУТБОЛА В ПОЛЬШЕ И В РОССИИ 336

До Тхи Хань

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ
 ОБОРОТОВ ЖИВОЙ РЕЧИ (ЭЭОЖР) СО ЗНАЧЕНИЕМ УДИВЛЕНИЯ
 НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК. 340

Дресвянин Даниил Васильевич

КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ НОВОГО СТИЛЯ
 В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ 344

Иванова Лия Сергеевна

БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
 В ИНАУГАРАЦИОННЫХ РЕЧАХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ 347

Комацу Маами

ВОПРОСЫ ДВОЙНОЙ «ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ»
 В ЯПОНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ 350

Левиньска Анна

ВОПРОС УНИКАЛЬНОСТИ И ПОНИМАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР
 В МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ 353

Нгуен Дык Тьонг

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В
 РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ. 357

Тьу Хай Лонг

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВЬЕТНАМ 362

Фам Тхи Ча

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
 ВЬЕТНАМСКОГО ФОЛЬКЛОРА. 366

Чжао Сюэлян

ПРОБЛЕМА ВЗАИМНОЙ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ
 В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ 370

РУССКИЙ ЯЗЫК И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МИРЕ**Айкало Зора**

ПРЕДПОСЫЛКИ К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ПРОСОДИЧЕСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВА В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ 374

Бурдыкина Анна Александровна

ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ СЕРБСКОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ 377

Веретенина Валерия ОлеговнаДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ 381**Зьонг Тхи Зунг**РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ЛЕКСИКИ ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ . . . 384**Кликовац Ана**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ЧЕРНОГОРСКОМ 388**Коновалова Екатерина Сергеевна**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА, ВЛИЯЮЩИЕ
НА ОСВОЕНИЕ РУССКОГО ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА
ПРИМЕРЕ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-ость*) 391**Куприянова Алена Олеговна**ВЛИЯНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОВЛАДЕНИИ БЫТИЙНЫМИ
ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В АНГЛОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ 394**Ле Тхи Хуен**РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ДЛЯ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ 397**Ли Чжиен**УСТРАНЕНИЕ ОШИБОК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФОНЕТИКИ
В КОРЕЙСКОЙ АУДИТОРИИ 400**Линь Сяюе**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИ ЗНАЧЕМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ КИТАЙСКОГО УЧАЩЕГОСЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ 402**Романчикова Наталья Михайловна**КУЛИНАРНЫЙ РЕЦЕПТ КАК ВИД АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 405**Садекова София Равилевна**

«ИНСТАГРАМ» КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ РКИ 408

Сайфеева Камила МарселевнаРУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ
ТЕХНОЛОГИИ ДРАМАТИЗАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ 411

Сорокина Юлия Владимировна
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ УЧЕБНИКА416

Тихонова Екатерина
СЮЖЕТНО-РОЛЕВАЯ ИГРА НА ЗАНЯТИЯХ РКИ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ419

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Болдышева Анастасия Юрьевна
РУССКИЕ СЕЗОНЫ С.П. ДЯГИЛЕВА
И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА ЗА РУБЕЖОМ425

Гейн Екатерина Андреевна
РЕФОРМЫ ПИСЬМА 1710 И 1918 ГОДОВ
В КОНТЕКСТЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА428

Ирани Адель Асифовна
ИСТОРИЯ ФЕМИНИЗМА В РОССИИ В 80–90-е ГОДЫ XX ВЕКА431

Лебедев Алексей Алексеевич
ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ
КАК КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ434

Трегубова Мария Валерьевна
«УРАВНИТЕЛЬ И САНКЮЛОТ» ИЛИ «КОРОНОВАННЫЙ БЕЗУМЕЦ»?437

Фам Тхи Ча
ХО ШИ МИН И В.И. ЛЕНИН
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ440

Раздел II

Абдуллина Галия Равилевна
ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ БЕЛЛЫ
АХМАДУЛИНОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ С ВАСИЛИЕМ АКСЕНОВЫМ) . . .443

Абрамова Анастасия Сергеевна
ЭВФЕМИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ТОЛСТЫЙ ЧЕЛОВЕК»
В СОВРЕМЕННЫХ СМИ447

Айзатуллин Т. Рауф, Иоакимиди Еирини
ГРЕЧЕСКИЕ (ПОНТИЙСКИЕ) ФАМИЛИИ С ТУРЕЦКИМИ КОРНЯМИ
В СРАВНЕНИИ С РУССКИМИ ФАМИЛИЯМИ С ТЮРКСКОЙ ОСНОВОЙ451

Алимбай Айгерим, Сураншиева Дана
ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ЯЗЫКАМ
В УСЛОВИЯХ ПОЛИЯЗЫЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ457

Алмин Кирилл Игоревич МАЯК НАД ВОЛГОЙ (ТОПОНИМИКА СЕЛА ВИННОВКА)	460
Амерханова Алина Рамилевна ОТ ПУСТОСЛОВИЯ ДО ПРЕДАТЕЛЬСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»)	464
Бадина Дарья Драговна ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗАХ ЭДГАРА А. ПО	468
Балабаева Ангелина Сергеевна СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В РОМАНЕ Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»	473
Балабанова Дарья Викторовна НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ДОКУМЕНТНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СДЕЛОК В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ).	478
Балванова Валерия Сергеевна СЕМАНТИКА ИМЕН ЯЗЫЧЕСКИХ БОЖЕСТВ В ТЕКСТАХ КОМПОЗИЦИЙ РОК-ГРУППЫ «АРКОНА»	482
Белозеров Павел Сергеевич К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	485
Берёзкина Алиса Дмитриевна, Гришина Алеся Александровна, Жегличева Анна Михайловна ГОСТЕПРИИМСТВО КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ЧЕРТА РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)	489
Буравлёва Елизавета Сергеевна ПРИЯТИЕ МИРА КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ С. ДОВЛАТОВА	494
Бусоедова Дарья Витальевна ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФОРА И ТИПОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН ЗЕМФИРЫ (АЛЬБОМ «ЖИТЬ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ»)	499
Ван Дань К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	504

Вартазарова Жаклин Артуровна

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ В «СОЛНЕЧНОЙ» ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА 507

Викторова Анастасия ГеннадьевнаОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВИЛЬНОСТИ РЕЧИ НА УРОКАХ РКИ. 513**Войслова Силвия Симеонова**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *сон/сън* В РУССКОЙ
И БОЛГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ 518**Го Тяньсяо**БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЯ В КИТАЕ:
СОБЕСЕДОВАНИЕ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ. 523**Гонопольская Анастасия Витальевна, Хамидуллина Аниса Ленаровна**РАССКАЗЫ И.А. БУНИНА 1900–1940-х ГОДОВ:
К ВОПРОСУ ОБ ИМПРЕССИОНИСТИЧНОСТИ СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ 526**Гуськова Маргарита Дмитриевна, Нестерова Татьяна Вячеславовна**ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ (НЕЙМЫ И СЛОГАНЫ) 531**Денст Бартломей**

МОТИВ РОССИИ В СПЕКТАКЛЯХ ГДАНЬСКОГО ТЕАТРА «TEATR WYBRZEŻE» . . . 539

Евко Анастасия Игоревна«ЯЗЫК ВРЕТ, КАК ВСЕ МЫ, ВРЕТ И НЕ КРАСНЕЕТ»:
ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В. НОВИКОВА В «РОМАНЕ С ЯЗЫКОМ» 542**Евменова Татьяна Сергеевна**ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ПОЭЗИИ XX ВЕКА
НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ПОЭТОВ-ФУТУРИСТОВ
СЕМЕНА КИРСАНОВА И ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО 545**Жданович Олеся Андреевна**ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК Н.Н. АСЕЕВА «ОКСАНА»
КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ 549**Загуменнов А.В.**ТЕЗИСЫ О РЕФЛЕКТОРНЫХ ДУГАХ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА 555**Запезалова Наталья Дмитриевна**

СПОРТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ КАК ПРЕДМЕТ ЯЗЫКОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. 559

Запивалова Полина Ивановна

РЕЛИГИОЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАК ДИДАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ БИЛИНГВОВ 563

Иванов Петр Константинович

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»
В ОДНОИМЕННОЙ ОПЕРЕ П.И. ЧАЙКОВСКОГО 568

Тихомирова Дарья Геннадьевна

КАТЕГОРИЯ PLURALIA TANTUM
КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА. 571

Индзинская Ольга Максимовна

УСАДЬБА ДАРОВОЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. 576

Калита Ольга Валерьевна

СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА В АНОНИМНОЙ «ГИСТОРИИ
О РОССИЙСКОМ МАТРОСЕ ВАСИЛИИ КОРИОТСКОМ»
И ПОВЕСТИ Н.М. КАРАМЗИНА «ОСТРОВ БОРНГОЛЬМ» 580

Кантомирова Богдана Игоревна

«МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ ЖАНРА 583

Карташова Анастасия Анатольевна

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ СМИ
НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «КОТ ШРЕДИНГЕРА» 588

Козлова Елизавета Юрьевна

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ЯЗЫК – РЕЧЬ»
В ТЕКСТАХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК 593

Корнеева Татьяна Алексеевна

ФОРМЫ ИМ. - ВИН. П. МН. Ч. ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТЕ
«ОПИСАНИЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ» 1781 г. 598

Костомарова Ксения Павловна

ПРИЕМ ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ. 602

Кокшарова Екатерина Олеговна

ВЫРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ДУШИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГОСТЕПРИИМСТВА
(НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ) 607

Красичкова Анастасия Дмитриевна

ИНВАРИАНТЫ ОБРАЗА ДАЭРОНА
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ РОЛЕВИКОВ 611

Крестьянинова Кристина Сергеевна

КОЛОРАТИВ *КРАСНЫЙ* В ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЕ УДМУРТИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О. А. ПОСКРЁБЫШЕВА) 614

Крючкова Анастасия Александровна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТАМИНАЦИОННЫХ КАЛАМБУРОВ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПРИ СОЗДАНИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ . . . 618

Кузнецова София Андреевна, Сергеенко Ирина Сергеевна

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПУТЕШЕСТВИЯ»
В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.К. ТОЛСТОГО 621

Куприянова Алена Олеговна

ТРУДНОСТИ УСВОЕНИЯ БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЛОКАТИВНОЙ
СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В АНГЛОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ. 625

Кузнецова Татьяна Юрьевна

РОЛЬ АРХАИЗМОВ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО 630

Кушнир Ксения Игоревна

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ СТИХИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХИИ
ВОДА) В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. СОЛОУХИНА 634

Лаба Камила Леонидовна

НОВЫЕ СЛОВА В РЕКЛАМЕ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ. 640

Лахонкина Софья Андреевна

К ВОПРОСУ ОБ ОТЛИЧИИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В РУКОПИСНОМ
И ПЕЧАТНОМ ВАРИАНТАХ ТЕКСТА В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII ВЕКА 643

Левитина В.Д.

ЗНАЧЕНИЕ САТУРАЛЬНОЙ АКЦИОНАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ. 647

Литневская Ольга Андреевна

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА. 652

Медведева Мария Александровна

И.И. ЛЕОНТЬЕВ-ЩЕГЛОВ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАСТАВНИК
Р.П. КУМОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ) 657

Метликина Анна Васильевна

РЕАЛЬНОЕ И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «АЭЛИТА» 662

Назарян Сильва Аликовна

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОБМЕН И ПРОБЛЕМА НЕУДАЧ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 666

Нгуен Тхи Тху

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ЭРИСТИКИ КАК ИСКУССТВА СПОРА 670

Нефедова Анастасия Александровна

ОТРАЖЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ДЕТСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИИ К. И. ЧУКОВСКОГО
«ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ» 674

Островская Дарья Александровна

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ С.В. ЛАВРОВА. 678

Полянская Наталья Васильевна

ПРИНЦИП ПАРАДОКСА В ПОЭТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ВЕЧНЫЙ МУЖ») 683

Рудаков Михаил Александрович

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЧИТУЛИ (НЕКРОЛОГА) В СЕРБСКОЙ
МАССМЕДИЙНОЙ СРЕДЕ ОБЩЕНИЯ 687

Сабо Адам

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕДУЦИРОВАНИЯ ЗВУКОВ [i] И [ə]
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ 692

Самбоцыренова Ирина Карловна

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «JOIE»
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ 697

Семенцова Дарья Игоревна

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНТРАПРОСТРАНСТВА
В ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ 700

Сымбат Алексей

ОБРАЗ ЧИНГИСХАНА В ГЛАЗАХ МОНГОЛОВ И РУССКИХ. 704

Сюрмен Мерием

О ФАКТОРАХ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
ГРАЖДАНАМИ ТУРЦИИ, ЖИВУЩИМИ В КАЗАХСТАНЕ 710

Тагунова Анастасия Максимовна

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ФАНТАСТИЧНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ «НОВЕЙШЕГО
ПУТЕШЕСТВИЯ, СОЧИНЕННОГО В ГОРОДЕ БЕЛЕВЕ» В.А. ЛЕВШИНА). 713

Тапилин Татьяна

ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРА ДЕТЕЙ В РОМАНЕ М. ПЕТРОСЯН
«ДОМ, В КОТОРОМ...» (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЙ,
ЗВУЧАЩИХ В ПЕРВУЮ НОЧЬ СКАЗОК).....716

Тверитина Елена Руслановна

ДИСПЛЕЙНЫЙ ТЕКСТ В КОНКРЕТИКЕ АНАЛИЗА722

Тихонова Екатерина

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ728

Тиян Диана Евгеньевна

ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ИНАКОВОСТИ
В РОМАНЕ КРИСТЫ ВОЛЬФ «МЕДЕЯ».....733

Траоре Яя

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГАЛИЦИЗМЫ
КАК ЭРГОНИМЫ И МАРКИРОВКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ738

Хараборкина Татьяна Сергеевна

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСЕМ, СОЗДАЮЩИХ АВТОРСКОЮ
ВСЕЛЕННУЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ741

Хименес Васкес Габриела

КИНЕСИКА: ЖЕСТЫ В РОССИИ И НА КУБЕ746

Чжан Сюань

ГЕРОИ И КОМПОЗИЦИЯ РОМАНА ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.750

Чжан Юйевань

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ755

Чуносова Ирина Александровна

МЕЖДОМЕТИЯ В ТЕКСТАХ ЮЖНО-УРАЛЬСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIX в.758

Шаламатова Елена Олеговна

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ
В РОМАНЕ М.ШИШКИНА «ВЕНЕРИН ВОЛОС».....762

Шелудякова Анастасия Викторовна

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АНГЛИЦИЗМА «ТРОЛЛИНГ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ766

Шепко Юлия Евгеньевна

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО.770

Шутова Наталья Сергеевна

МИР И ВОЙНА В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ «ОБЫКНОВЕННОГО»
ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЧУВСТВО). 774

Юрина Мария Константиновна

МЕТАФОРА КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА. 779

Ясникова Ангелина Сергеевна

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 783

Яцкив Екатерина Олеговна

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА ДЕМОНА
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И М.А. ВРУБЕЛЯ 788

Гаврич Вукашин

ЭПОПЕЯ О КОСОВСКОМ БОЕ – ОТ «ИЛИАДЫ» ДО ГОЛГОФЫ 793

Раздел I

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Афанасенков Георгий Дмитриевич
студент 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
afanasenkov26@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ЯЗЫКОВОГО ПУРИЗМА НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме языкового пуризма в России, его актуальности в настоящее время, а также вопросам нормализации русского языка.

Ключевые слова: языковой пуризм; языковая норма; языковая идеология.

Языковой пуризм в России является одновременно и старым, и новым понятием. Широко известными пуристами и борцами за чистоту языка были шишковисты (XIX в.), но с началом XXI века эта проблема актуализировалась вновь.

Языковой пуризм (от лат. *purus* – чистый) – преувеличенное стремление к чистоте литературного языка, к изгнанию из него всех посторонних элементов [5]. Одним из наиболее известных русских пуристов XIX века является адмирал А.С. Шишков. Он предлагал «очистить» русский язык от всех слов неславянского происхождения, включая не только новые иноязычия, но и старые заимствования. Однако в начале XXI века в связи с глобализацией меняются и пересматриваются сами подходы к языковому пуризму.

В зависимости от критериев классификации, можно выделить несколько видов пуризма.

В частности, крайний и умеренный пуризм. Пуризм считается крайним, если отвергаются все иноязычные (неславянские) слова, все заимствования и даже кальки. «Взамен» предлагаются исконные слова – созданные вновь или обновленные с точки зрения семантики. Умеренный пуризм использует более дифференцированный подход к отбору заимствований: он предлагает «отсеивать» те слова, которые имеют собственно русский аналог в языке [3].

Согласно классификации, предложенной Г.О. Винокуром, выделяются эмоциональный и идеологический (характерный, например, для эпохи СССР)

пуризм; базой последнего, по утверждению учёного, служат «посторонние соображения», часто политические [1].

В настоящее время имеет место быть такое явление, как «американома-ния», возникшая в результате государственной политики с ориентацией на западные образ жизни, модель общества и, в первую очередь, экономику. Кроме того, это так же связано с распадом СССР и утратой русского языка своего прежнего авторитета [3].

Сегодня можно встретить и негативное восприятие подобной «западной ориентации», называя наше время своеобразным «транзитным периодом», когда заимствования употребляются чрезмерно. К ярким пуристам можно отнести, например, В.В. Жириновского, выступившего за отказ от любых иностранных слов и замену их русскими [1].

Стремление воспринимать чистый и понятный, а не идеологически обусловленный язык, встречается и в повседневной жизни: так, ориентируясь, на западный образец, в настоящее время вместо приказного тона мужским голосом «Поезд дальше не пойдёт. Просьба освободить вагоны» в Москве говорят мягким женским «Конечная. Поезд дальше не идёт, просьба освободить вагоны». Пугающую надпись «Выхода нет» заменили доброй «Выход слева». Таким образом, происходит не только засилие иностранных слов в языке, но и своеобразное «смягчение» собственно русского языка [2, с. 16].

При этом нельзя не отметить, что в настоящий момент большинство молодых людей стремится овладеть иностранными языками; таким образом, можно сказать, что мы находимся на пути к культурному двуязычию, какое имело место быть в XIX веке [1].

Идеологические и крайние пуристы стремятся очистить язык от любых иностранных слов, «нормализовать» его, ввести единую, общую норму для всех.

Поиск правильного языка увязывается с понятием нормы, вообще актуальным для эпохи формирования нации, которая требует порядка и чёткой дисциплины в производстве, хозяйстве, науке, во всех сферах жизнедеятельности государства [2, с. 5].

Стоит, однако, сказать, что и постоянное новаторство, и консерватизм в отношении родного языка мешают нормализации языка в его собственных интересах, направленных на хранение его в системном и составном единстве.

Нормализация может быть успешной только тогда, когда меняющиеся потребности, вкусы и другие социально-человеческие факторы согласуются с устройством, законами и возможностями языка [2, с. 13].

Языку чужда нормализация, нацеленная на абсолютный прогресс (при-способление его к желаниям и потребностям общества, прихотям отдельных людей). Едва ли можно с полной уверенностью заявлять, что стремление к состоянию нормативности заложено в самой системе языке; по всей види-

мости, нормативность привносится в функционирование языка социальными потребностями [2, с. 18].

Посредником между социальными структурами и формами речи выступает идеология языка, основывающаяся на определенной социальной позиции, мнении определённой социальной группы. Языковая идеология – это модель лингвистического выражения социальных и культурных различий. Она кодифицирует языковые нормы и содержит понятия о социальных функциях той или иной разновидности языка [4].

Языковые идеологии обеспечивают связь языка с групповой и персональной идентификацией, эстетикой, моралью. Благодаря этой связи они поддерживают фундаментальные социальные институты. Изучение практик языковой социализации дает возможность исследовать функционирование языковых идеологий, их двойственность и противоречия. Представления о том, как, где и когда использовать различные формы языка или различные языки, отражаются в ежедневных социальных практиках [4].

Итак, проблема языкового пуризма в России прежде всего связана с социальной ситуацией и социальными потребностями, как и вопросы нормализации языка. Для её непосредственного осуществления необходимо изучение языковых идеологий различных социальных групп и стабилизация общества, но никак не насильственное «очищение» языка от любых инородных слов.

Литература

1. Богуславская В.В., Китанина Э.А. Идеологический пуризм в контексте патриотизма: социокультурный аспект / В.В. Богуславская, Э.А. Китанина // Общество: социология, психология, педагогика. – Выпуск № 3. – 2016.
2. Костомаров В.Г. Язык текущего момента. Понятие правильности – СПб.: Литагент «Златоуст», 2015 – 60 с.
3. Маринова Е.В. Вечный вопрос о заимствованиях – Журнал «Русская речь», 2014 – 58 – 61 с.
4. Соловьёва Н.П. Языковые идеологии усыновления в США и России // Вестник НГЛУ. Язык и культура. С. 93-100.
5. Словари и энциклопедии на Академике // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1855695> (дата обращения 08.03.18)

Afanasenkov G.D.

MAIN APPROACHES TO THE CONCEPT OF LANGUAGE PURISM ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. This article is devoted to the problem of linguistic purism in Russia, its relevance at the present time, as well as questions of the normalization of the Russian language.

Key words: Language purism; language norm; linguistic ideology.

студент 2 курса магистратуры Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
bachtuquang@gmail.com

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК МЕЖУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА

Аннотация. В статье рассматривается принцип взаимодействия словообразования с другими уровнями языка в функциональном и коммуникативном планах.

Ключевые слова: словообразование, синтаксис, лексика, морфология, стилистика.

Широкое и всестороннее определение словообразования дается в лингвистическом энциклопедическом словаре: «Словообразование – раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения, классификации производных и сложных слов» [2, с. 467].

Рассмотрим межпредметные связи, устанавливаемые между словообразованием и единицами других уровней языковой системы в функциональном и коммуникативном аспектах.

Хотя производные слова и являются частью русской лексики, языковая специфика словообразовательных единиц проявляется в особенностях их функционирования. Имеющиеся связи между словообразовательными средствами и единицами других уровней языка (словоизменяемыми морфемами, лексемами, синтаксическими конструкциями) позволяют интегрировать данный научный принцип в процесс обучения русскому языку.

Языковые процессы, происходящие на морфемном шве, где проходит граница между словообразовательными аффиксами и основами производящего слова (интерфиксация, чередование фонем, усечение производящей основы, интерференция дериватора на часть производящей основы), изучаются морфонологией. Поэтому проблема сочетаемости морфем в производном слове относится и к словообразованию, и к морфонологии. Собственно словообразовательная модель является морфонологической разновидностью внутри одного и того же словообразовательного типа. Использование многих суффиксов регулируется морфонологическими свойствами основы производящего слова. Так, суффикс -тель обычно образует существительные от глаголов с основой на гласный: строить – строитель, искать – искатель. Морфы -щик и -чик существительных встречаются при разных типах основ: -чик после

фонем [т] и [д], если им не предшествует другой согласный (обычно сонорный): переводчик, рассказчик, летчик, перевозчик (редкие слова с [с], [з] + -чик: обозчик, подписчик). Во всех остальных случаях, в том числе и после [т] и [д], если предшествует согласный, выступает -щик: спорщик, обманщик.

Непосредственной и тесной представляется связь словообразования с лексикологией. Известно, что производные слова составляют в достаточно высокой степени организованную часть русской лексики. В русской морфологической системе образование производных слов закономерно обуславливается запросами лексики. Картина языкового мира человека меняется через появление новых слов, прежде всего производных, в том числе сложных. Образная характеристика языка «живой как жизнь» в наибольшей степени относится как раз к производной лексике. Производные слова используются для закрепления новых знаний о внеязыковой действительности, они образуются, в частности, для того, чтобы дать наименование нового предмета (гипермаркет) или явления, процесса (монетизация). В то же время изменения в языке могут быть связаны и с переименованием известных объектов, отношение к которым меняется вместе с обновляющейся действительностью (террорист – душегуб).

С одной стороны, словообразование пополняет лексику, а с другой – лексика накладывает ограничения на возможности словопроизводства (ср. крестьянин – крестьянка).

Словообразование тесно связано с морфологией, так как каждое производное слово создается как слово определенной части речи, характеризующееся определенными грамматическими значениями. Суффиксы тесно соединены с флексиями, которые участвуют в образовании каждого производного слова. Словообразовательная роль системы флексий заключается прежде всего в том, что они служат для окончательного оформления слова и, тем самым, придают ему цельность значения [3, с. 169]. Г.И. Рожкова отмечает: «Например, словообразовательные типы с суффиксами -тель, -ость, -ин(а) связаны с категорией имени существительного (двигатель, учитель, скорость, величина); словообразовательные типы с суффиксами -ыва- (-ива-), -ова-, -ва- характерны для образования глаголов (указывать, советовать, создавать). С глаголом тесно связан тип образования существительных на -ение, -ание, -тие (горение, изыскание, открытие); словообразовательные типы с суффиксами -н-, -ат- для имени прилагательного (холодный, полосатый)» [3, с. 359]. Таким образом, словообразовательные средства, в частности суффиксы, включают в себя информацию о части речи слова, роде и типе словоизменения, наличии форм множественного числа. Так, суффиксы -от-, -ениј-, -ец предопределяют принадлежность слова к имени существительному соответственно женского рода (доброта), среднего (строение) и мужского рода (молодец) и разные

системы флексий. Синтаксические дериваты от прилагательных обычно не имеют форм множественного числа: белый – белизна.

Связь словообразования и синтаксиса является «двунаправленной». С одной стороны, пропозиции, лежащие в основе производных наименований, могут иметь синтаксическую форму выражения (словосочетание, предложение): небольшая река – речка; тот, кто играет в футбол – футболист. Обозначение пропозиции с помощью краткой и содержательной единицы лексики – одна из функций словообразования. С другой стороны, производное слово наделено определенной синтаксической функцией, ассоциируется с некоторым типом текста. Словообразование выступает проекцией синтаксиса на лексикон. Например, связки отличаться, выделяться, славиться обычно употребляются существительными с качественным значением, большая часть которых представляет собой производные слова, причем только в форме творительного падежа – отличаться сообразительностью / решительностью; выделяться красотой; славиться известностью.

Таким образом, словообразование не нацелено на сплошной охват лексики, оно весьма избирательно в своем устройстве и тонко реагирует на лексическую семантику. Известно, что словообразование безразлично к лексико-семантическим группам слов, а пополнение лексики производными словами происходит через лексико-тематические объединения, которые обслуживаются теми или иными словообразовательными типами.

Литература

1. Красильникова Л.В. Взаимосвязи словообразования с другими уровнями языковой системы в лингвометодическом аспекте. // Журнал «Stephanos», № 3, 2014. – С. 10-20.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Яревой. – М.: Сов. энцикл. – 1990. – 682 с.
3. Рожкова Г.И. Избранные труды. – М.: МАКС Пресс. – 2011. – 494 с.

Bach Tu Quang

THE DERIVATION AS INTERLEVEL LANGUAGE SYSTEM

Abstract. This article reveals this principle of interrelation from the derivation to other levels of the language system in the functional and communicative plans.

Key words: interrelation; syntax; lexic; morphology and stylistics.

Бурмакин Андрей Александрович
студент 3 курса Института фундаментальной
биологии и биотехнологии
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
Красноярск, Россия
7bur7an7@gmail.com

ЭКСПРЕССИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматривается экспрессия и эмоциональность, а также образность биологических научных текстов на примере учебной литературы по ботанике и физиологии растений. Выявлены нетерминологические средства словесной образности и устоявшиеся термины-метафоры со стершейся образностью.

Ключевые слова: экспрессия, эмоциональность, образность, научный текст, функциональная стилистика.

Основная цель научного текста, это наиболее точно и логично выразить мысль [1, с. 632; 2, с. 419–425; 6, 338,]. Нельзя сказать, что отвлечённость и обобщённость делает научный текст неэкспрессивным и безэмоциональным. За счёт этого, а так же образности, научный текст достигает своей цели с сохранением коммуникативных качеств [3, с. 161–167].

Под экспрессивностью можно понимать «семантическую категорию, придающую речи выразительность за счёт взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного и эмоционального отношения субъекта (говорящего или пишущего) речи к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире» [5, 771]. Учитывая мнение С. Е. Никитиной и Н. В. Васильевой о том, что экспрессивность речи, есть не что иное, как «совокупность признаков языковых единиц или высказывания/текста, в которых отражается/которые указывают на не-нейтральное отношение говорящего к содержанию или адресату речи», можно сказать, что экспрессивная окраска речи или текста, которая достигается за счёт образности, эмотивности, оценочности и интенсивности, реализует цели и задачи общения и делает весь этот процесс более эффективным [3, с. 168; 8, с. 764–765].

Эмоциональность текста достигается за счёт лексико-семантических, словообразовательных и синтаксических единиц. В научном тексте присутствуют средства словесной образности и устоявшиеся в науке термины-метафоры, у которых образность является стёртой [5, с. 770–771].

Среди примеров словесной образности (метафорических и сравнительных оборотов) в биологических текстах можно отметить следующие контексты:

1. «Когда величина напряжения превысит предел прочности материала, произойдёт необратимое сгибание предмета, или **тотальная потеря устойчивости**» [9, с. 203].

2. «Они не являются **прямыми потомками** известных нам каламитов» [9, с. 203].

3. «Образуется **листовой прорыв**, <...> соответствует веточному прорыву» [9, с. 203].

4. «<они> **напоминали** сложноперистые листья» [9, с. 203].

5. «Индузий образуется из основания и постепенно обрастает спорангиев **в виде чаши**» [9, с. 203];

6. «**Слепая ветвь** эволюции» [4, с. 343].

Большое внимание стоит уделить устоявшимся в науке терминам-метифорам со стёртой образностью:

1. «**Устьице** представляет собой пару замыкающих клеток, разделённых межклетником – устьичной щелью» [7, с. 61].

2. «... но их [папоротники и пальмы] основания сохраняются на стебле <...>, создавая своеобразный **механический футляр**» [7, с. 259].

3. «Клетки **чехлика**, <...>, составляя **столбчик** (columella)» [7, с. 270].

4. «На конце усика находится **кувшинчатый орган**, представляющий собой видоизменённую листовую пластинку, верхняя **лопасть** которой превращена в **зонтик**, или **крышечку**, прикрывающую входное отверстие **кувшина**» [7, с. 25].

5. «Опорную роль играют и **корни-прицепки** ...» [7, с. 25].

6. «Растения паразиты имеют **корни-присоски**» [7, с. 25].

7. «Воздушные корни, не соприкасающиеся с субстратом...» [7, с. 332].

8. «Из мелких, **щуплых** семян с недостаточным количеством питательных веществ» [7, с. 341].

9. «Один из вариантов серментации – размножение **отводками**» [7, с. 346].

10. «У печёночника маршанции в особых выростах таллома – выводковых **корзинках** – образуются **линзовидные структуры**, называемые **выводковыми телами**» [7, с. 348].

11. «Основной способ вегетативного размножения представляет собой **прививка**» [7, с. 350].

12. «Такие собрания спорофиллов называют спороносными **колосками**, или стробилами» [7, с. 354].

13. «Спорогоний имеет гаусторий, глубоко внедряющийся в стебель гаметофита, **ножку, коробочку и колпачок** – остаток стенки **брюшка** архегония. **Коробочка** дифференцирована на **урночку и крышечку**. <...> От неё начинается колонка» [7, с. 362].

14. «Самый крупный лепесток, расположенный вертикально, называют **флагом, или парусом**. <...> находящиеся под **парусом, – крыльями, или**

вёслами, <...>, часто срастающиеся отгибами, *лодочкой*» (Лотова Л.И. «Ботаника Морфология и анатомия высших растений») [7, с. 411].

Естественные науки изучают весь окружающий мир и, чтобы наиболее ярко и понятно изложить весь теоретический материал о структуре природы, нужно использовать эмоциональность и экспрессивность в изложении теоретического материала, для того чтобы у читателя сформировался образ об объекте, который он изучает.

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М.: Флинта: Наука. 2007. – 520 с.
2. Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. – М.: Эксмо, 2007. – 464 с.
3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. 224 с.
4. Комарницкий Н.А. и др. Ботаника (систематика растений). – М.: Просвещение. 1975. – 608 с.
5. Копнина Г.А., Щербаков А.В. Эмоциональность речи // Культура русской речи: энциклопедический справочник / под ред. Л.Ю. Иванова. А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 771–773с.
6. Крысин Л.П. Научный стиль // Культура русской речи: энциклопедический справочник / под ред. Л.Ю. Иванова. А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 338с.
7. Лотова Л.И. Ботаника: Морфология и анатомия высших растений. – М.: КомКнига, 2007. – 512 с.
8. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивность речи // Культура русской речи: энциклопедический справочник / под ред. Л.Ю. Иванова. А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 764–765с.
9. Тимонин А.К. Ботаника. Высшие растения: в 4 т. Т. 3. – М.: Издательский центр «Академия», – 2007. 352 с.
10. Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 333 с.

Burmakin A.A.

EXPRESSION AND EMOTIONALITY OF SCIENTIFIC TEXTS IN THE FIELD OF BIOLOGY

Abstract. Expression and emotionality, as well as figurativeness of scientific texts on biology on the basis of educational literature on botany and plant physiology are considered in the article. Nonterminological means of verbal figurativeness and set terminological metaphors with eroded figurativeness are revealed.

Key words: expression, emotionality, figurativeness, scientific text, functional stylistics.

Бусоедова Дарья Витальевна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
busoed.d@yandex.ru

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ «ОБРАЗА АВТОРА» В КОММУНИКАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена тем составляющим понятия «образ автора», которые раскрываются благодаря обращению к субъектной перспективе высказывания и четырёхступенчатой схеме анализа текста. Данные методы работы с текстом разработаны Г.А. Золотовой в рамках коммуникативно-функциональной грамматики.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика; образ автора; субъектная перспектива высказывания; четырёхступенчатая схема анализа.

В 1967 году было опубликовано эссе Ролана Барта «Смерть автора», ставшее знаковым в постмодернистской текстологии. В нём ставится под сомнение критический и литературоведческий подход к тексту, при котором «объяснение произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке» [1, с. 385]. Философ настаивает на необходимости отказа от биографического фактора, призывает рассматривать художественный текст как самостоятельный творческий продукт, в котором читатель может увидеть новые, не заложенные создателем смыслы.

Приводя аргументы, Р. Барт ссылается на специалистов в языкознании, которые, как он пишет, доказали, «что высказывание как таковое – пустой процесс и превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих» [1, с. 387]. Однако с позиции современности ясно, что формальными моделями, к которым апеллирует Р. Барт, лингвистика не ограничивается. Учёный вполне может изучать семантику, заложенную в текст конкретной речевой личностью, основываясь только на языковых показателях.

Ярким примером служит коммуникативно-функциональная грамматика, разработанная в середине XX века Г.А. Золотовой. Базисными принципами теории являются антропоцентричность и текстоцентричность. Таким образом, ключевая фигура коммуникативной грамматики – говорящий в тексте. В числе первых учёных, занимавшихся вопросом о субъекте речи и повлиявших на

развитие коммуникативного подхода, Г.А. Золотова называет В.В. Виноградова с его «образом автора» и М.М. Бахтина с понятием «точка зрения». И если в первых трудах [4], излагающих основы коммуникативной теории, для анализа берутся преимущественно отдельные предложения (высказывания), что позволяет говорить о позиции говорящего, то в последующих работах вместе с более сложными и объёмными текстами вводится проблема авторского присутствия в тексте.

Такая связь сложности субъекта с объёмом текстового материала закономерна. С одной стороны, каждая синтаксема и каждое предложение в тексте порождены авторским началом, с другой – нельзя в каждом предложении видеть манифест автора или, что вернее, образа автора. Согласно В.В. Виноградову, образ автора – это «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [3, с. 118]. «Образа автора», или «абстрактный автор» (термин в западной традиции) не что иное, как организующий принцип, он не обладает собственными репликами в произведении.

Для иллюстрации данной мысли воспользуемся бахтинским разграничением сущности произведения на два аспекта – на «событие, о котором рассказывается», которое представляет собой фабулу, и «событие самого рассказывания», т.е. способ изображения и развёртывания данной фабулы, ведь любой автор преподносит любой сюжет по-своему [2, с. 403–403]. Каждый отрезок текста – элемент «события рассказывания», и в каждом конкретном случае оно организуется посредством говорящего или говорящих.

В прозе говорящий может быть представлен через первое лицо и быть либо автором-рассказчиком, либо героем-рассказчиком, либо героем, не являющимся рассказчиком; а может – через третье, при котором повествование квалифицируется как собственно авторское, несобственно авторское или как несобственно прямая речь [6, с. 6–16]. И ни один из этих типов изложения не тождественен образу автора, т.к. даже при собственно авторском повествовании, когда история словно бы рассказывается объективно и отстранённо, автор-повествователь является средством, способом передачи информации. Он описывает одни детали и игнорирует другие, диктует читателю определённый угол зрения.

В связи с концепцией образа автора интересно рассмотреть два метода исследования текста, выведенных Г.А. Золотовой: субъектную перспективу высказывания и четырёхступенчатую схему анализа.

Субъектная перспектива высказывания раскрывает взаимодействие субъектных сфер. Всего их пять: две в диктуме (S1 – субъект неосложненной модели, т.е. субъект действия, состояния или качества; S2 – субъект-каузатор,

т.е. воздействующий субъект) и три в модусе (S3 – субъект-авторизатор, т.е. *Он-говорящий* ; S4 – субъект-говорящий, т.е. *Я-говорящий*; S5 – субъект-слушающий, т.е. *Ты-адресат высказывания*) [5, с. 229–235].

В разных текстах можно наблюдать разные комбинации субъектных зон. Например, совпадение S4 и S1 *Я красив*; совпадение S5 и S1 *Ты смотришь в окно*; совпадение S3 и S2 *Сын попросил маму приехать*. Возможно и усложнение структуры модусной рамки. Например, *Всё вокруг казалось ему отталкивающим*. В этом предложении появляется не только субъект-авторизатор, но и некто, фиксирующий данное состояние персонажа. Причём, невербализованный говорящий вводит негативную характеристику окружающего мира, указывая на предвзятость героя.

Другой метод коммуникативной грамматики – **четырёхступенчатая схема анализа текста**. Её преимущество в том, что она позволяет определить характеристики разных текстовых уровней.

1. Структурно-семантическое (типовое) значение предикативной единицы
2. Принадлежность ее к речевому регистру
3. Тактика текста
4. Стратегия текста [5, с. 455]

На первом уровне изучаются модели предложений зависимости от способа выражения субъекта и предиката и типовое значение предикативной единицы: акциональное, статуальное, качественное, квалификативное или квантификативное. Выбор модели предложения во многом основывается на коммуникативном регистре в авторской интенции, который понимается как «способ текстового моделирования действительности и систематизации языковых средств» [7].

На следующем уровне открывается тактика говорящего – ступень, на которой производится анализ языковых единиц и их композиции в тексте. Именно на этом этапе исследуется последовательность регистровых блоков, поскольку благодаря ей становится доступен способ восприятия действительности, имеющийся у говорящего, а если говорить о целом тексте, то у абстрактного автора. И, наконец, четвёртый, высший уровень четырёхступенчатой схемы анализа Г.А. Золотовой, рассматривает стратегию автора, пытаясь приблизиться к раскрытию замысла произведения.

Таким образом, субъектная перспектива высказывания концентрируется на «событии рассказывания» и на том элементе, который назван В.В. Виноградовым соотношением «с повествователем, рассказчиком или рассказчиком». Этот метод интересен для определения взаимоотношений субъектов, отношения к ним говорящего и установления его «наблюдательных пунктов». Четырёхступенчатая схема анализа текста же помогает не только изучить «расстановку» субъектов повествования, но и пронаблюдать за тем, что В.В. Виноградовым определяется как «система речевых структур». С помо-

шью неё раскрывается подход автора к составлению текста: преобладание тех или иных моделей, авторские предпочтения в области таксиса и условные ответы на вопросы, как и зачем создаётся данное произведение. Четырёх-ступенчатая схема характеризует способ вербальной организации авторского мировосприятия.

Итак, коммуникативный подход Г.А. Золотовой доказывает не только то, что грамматика способна опираться на семантику, но и то, что через языковые средства в тексте можно увидеть «образ автора», его позицию. Однако речь, конечно, не биографическом факторе, против которого восставал Р. Барт, а о способе организации текста. С этой точки зрения, «смерть автора» невозможна.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. – 1989. – С. 384–391.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М. – 1975. – 504 с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М. – 1971. – 244 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М. – 1982. – 368 с.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М. – 2004. – 544 с.
6. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении. Учебное пособие. – М. – 2008. – 44 с.
7. Роговнева Ю.В. Коммуникативная грамматика и анализ текста / Русский язык за рубежом. №6. – 2017. – С. 92–95.

Busoedova D.V.

METHODS FOR IMPLIED AUTHOR IDENTIFYING IN LINE WITH THE COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL GRAMMAR

Abstract. The article is devoted to characterizing the concept of «implied author» under the methods of communicative-functional grammar by G.A. Zolotova. The methods are the subjective perspective of the statement and four-stage scheme of text analysis.

Key words: communicative-functional grammar; implied author; subjective perspective; four-stage scheme of text analysis.

Вахрушева Мария Александровна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
vahrusheva.mariya@mail.ru

ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ МОЛОДЕЖНЫХ МЕДИЙНЫХ ИЗДАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается лексика эмоций в различных типах молодежных изданий, выявляется доминантная эмоция.

Ключевые слова: русский язык; лексика эмоций; молодежные медийные издания.

Ещё в начале девятнадцатого столетия В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. С тех пор лингвисты не раз пытались осмыслить взаимосвязь языка и эмоций в различных аспектах. И сегодня проблемы эмотивной лингвистики привлекают все большее внимание исследователей. Так, одним из актуальных направлений является изучение эмоционального фона различных типов изданий. Однако, по мнению В.И. Шаховского, «приметой нашего времени становится использование современными СМИ лексики, заряженной преимущественно отрицательными эмоциями» [3, с. 275]. Целью нашей работы является проверка данного тезиса в отношении публикаций в молодежных медийных изданиях и выявление доминантной эмоции.

В психологии эмоциональность понимается одними исследователями как свойство личности, а другими – как свойство языкового знака. Однако большинство психологов придерживаются той точки зрения, что эмоции – универсальны. Несмотря на это, до сих пор нет их единой общепринятой классификации. Так, Декарт считал, что существует только шесть основных базовых лексем, обозначающих эмоции: радость, печаль, удивление, желание, любовь, ненависть [1, с. 501]. К. Изард выделяет следующие базовые лексеммы для эмоций: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина [2, с. 102]. В нашем исследовании мы придерживаемся этой классификации.

Для анализа лексики эмоций в текстах молодежных медийных изданий нами было выбрано шесть примеров таких СМИ: wonderzine.com, snccmedia.ru, thevyshka.ru, 5uglov.ru, daily.afisha.ru, youngspace.ru. Данные Интернет-журналы подходят под определение «молодежные» так как: 1) в кредо издания

указана предполагаемая аудитория и тематика (wonderzine.com – «Интернет-сайт для девушек о стиле, красоте и развлечениях», сайт youngspace.ru – «Сетевое издание о современной молодежной культуре»); 2) издание принадлежит школьникам или студентам, как интернет-журналы thevyshka.ru НИУ ВШЭ и 5uglov.ru «Журнал старшеклассников»; 3) в медиаките издания указана подходящая нам возрастная категория читателей (посетители сайта daily.afisha.ru моложе 30 лет).

Выбранные шесть изданий мы распределили по трем типологическим группам:

1) Тип 1 (wonderzine.com, sncmedia.ru) – издания для девушек. В этих Интернет-журналах большинство материалов посвящено моде, красоте, психологическим вопросам.

2) Тип 2 (theyyshka.ru, 5uglov.ru) – издания о жизни студентов и школьников.

3) Тип 3 (daily.afisha.ru, youngspace.ru) – издания общего характера. Здесь нет привязанности статей к определенной социальной группе, поэтому тематика варьируется от музыки до вопросов о космосе.

Всего нами было найдено 20351 лексемы различных частей речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие), которые обозначают какую-либо базовую эмоцию. 80% (16384 ед.) материала содержится в первом типе изданий, 16% (3329 ед.) – во втором, 4% (638 единиц) – в третьем.

В таблице ниже приведены количественные результаты по каждой базовой эмоции:

Название эмоции	Тип 1	Тип 2	Тип 3
Интерес – 7252 ед.	67% (4885)	29% (2110)	4% (257)
Страх – 3235 ед.	81% (2625)	16% (518)	3% (92)
Удивление – 2687 ед.	90% (2409)	8% (220)	2% (58)
Вина – 2308 ед.	94% (2239)	2% (21)	4% (48)
Радость – 2095 ед.	85% (1777)	13% (267)	2% (51)
Стыд – 1193 ед.	92% (1096)	6% (76)	2% (21)
Печаль – 804 ед.	88% (706)	8% (69)	4% (29)
Гнев – 326 ед.	88% (286)	4% (15)	8% (25)
Отвращение – 236 ед.	73% (172)	11% (26)	16% (38)
Презрение – 215 ед.	88% (189)	3% (7)	9% (19)

Наиболее часто встречающейся эмоцией во всех типах издания стала номинация «интерес». Меньше всего лексем соотносятся с эмоцией «презрение». Поскольку объем данной статьи не позволяет рассмотреть соотношение лексики эмоций по отдельным частям речи, мы привели общий количественный результат.

Суммируя лексику положительных эмоций (интерес, удивление, радость – 12034 ед.) и соотнося с общим количеством лексики эмоций (20351 ед.), мы

можем говорить о тенденции журналистов затрагивать более позитивные темы в актуальной информационной повестке именно в молодежной аудитории.

Важным наблюдением считаем и тот факт, что, в целом, примеры употребления лексики эмоций в молодежных СМИ отличаются прозрачностью и простотой толкования. Примеры употреблений: *Намного больше молодежь интересуется, например, биткойны, чем Навальный* (ЭИСИ: Молодежной политике нужна перезагрузка, 16.07.17, youngspace.ru); *Лично мне досталась военная тема, и я с радостью привела в аргументы «А зори...» и что-то ещё, сама тема мне не показалась сложной* (11 класс – мой персональный ад, 13.07.2015, Suglov.ru); *Тем не менее я с детства испытывала отвращение к мясу: не брала сыр, лежащий с колбасой, не ела суп с мясным бульоном и так далее* (VEGВышка, 11.09.14, thevyska.ru); *Купили вы билет за 30 000 или за 3000 – обставьте это с помпой (а перед этим загляните в ресторан – поход в такой театр нужно отметить!), нарядитесь в (меру) вечернее платье или костюм, смотрите на людей в джинсах со снобским презрением, а хихикающим делайте «ишиши» и грозите пальцем* (Выход в свет: в чем пойти в театр (и в какой), 11.05.17, sncmedia.ru).

Проанализировав лексику эмоций в текстах молодежных медийных изданий, мы пришли к следующим выводам:

- 1) Основной процент лексики эмоций содержится в материалах, которые ориентированы на женскую аудиторию и темы красоты, шоу-бизнеса, отношений;
- 2) Доминантной эмоцией во всех типах изданий стал «интерес», наименее привлекательной для авторов материалов оказалась эмоция «презрение»;
- 3) В целом, лексика положительных эмоций превалирует в общем эмоциональном фоне, что говорит о положительно-ориентированном контенте для данной аудитории. Таким образом, гипотеза В.И. Шаховского не может быть применена в отношении СМИ для молодежи.

Литература

1. Декарт Р. Страсти души: Соч. в 2-х т. – М., 1989. Т. 1. – С. 481–572.
2. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард // Пер. с англ. СПб., Изд-во Питер, 1999. – 464 с. – С. 27.
3. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416с. – С. 275.

Vakrusheva M.A.

VOCABULARY OF EMOTIONS IN THE TEXTS OF YOUTH MEDIA PUBLICATIONS

Abstract. The article discusses the vocabulary of emotion in different types of youth media publications and deters a dominant emotion.

Key words: Russian language; vocabulary of emotions; youth media publications.

Веселова Полина Николаевна
студент 1 курса магистратуры Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
pollyveselova@icloud.com

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка определить причины возникновения некоторых тенденций в современном словообразовании, а также описать их, проиллюстрировав при этом примерами.

Ключевые слова: современный русский язык; словообразование.

Язык чутко реагирует на малейшие изменения, происходящие в социуме. Словообразование же, подвижное по своей природе, имеет огромный потенциал для «выполнения заказа общества на создание необходимых для коммуникации наименований» [1, С. 90].

Изучая модели, типы, способы, средства словообразования на определенном отрезке времени, можно говорить об отдельных тенденциях, указывающих на изменения в словообразовательной системе.

Для языка последних двух-трёх десятилетий характерна тенденция к демократизации. Она проявляется не только в отказе от канцелярских способов выражения, характерном для 50–60-х годов XX века, но и в использовании единиц, выходящих за пределы литературного языка, в тех коммуникативных сферах, где ранее приемлемым считался только кодифицированный литературный язык.

Демократизация отчетливо выражается в производстве существительных путем универбации – компрессионном способе словообразования на базе словосочетаний «прилагательное + существительное», причем базовой является основа прилагательного. Наиболее продуктивным является образование универбатов с помощью суффикса -к(а): посудомойка (посудомоечная машина), фронталка (фронтальная камера), текстилка (Текстильная академия) и др. Можно заметить, что данные образования, помимо компрессивной, выполняют также экспрессивную функцию.

Зачастую негативную оценку несут существительные, образованные с помощью суффиксов -ух-/-юх-, -уг-/-юг-, -аг-/-яг-: порнуха, движуха, хапуга, ворюга, тюряга и др.

Рост личностного начала – ещё одна важная тенденция современного словообразования. В первую очередь для нее характерна «персонализация»

словообразования, т.е. использование имён собственных в качестве производящих основ. Чаще всего с этой целью используются фамилии общественных и политических деятелей.

Например, сейчас никого не удивит тем, что в номинации сторонников определенных лиц используются производные слова с суффиксами -ец-/ -ист-: ельцинец, ельцинист, путинец, обамовец, трампист, порошенец.

Весьма продуктивными являются производные с суффиксом -изм-: ельцинизм, трампизм, путинизм, медведизм.

Довольно активно идет процесс образования прилагательных на -ский: ельцинский, путинский, трамповский и др.

Для роста личностного начала в языке вполне характерен и рост окказионального словообразования, ранее принадлежавшего языку художественной литературы (см. В.Хлебников, А.Крученых и др.), все более активно проникающего в СМИ и разговорную речь.

Производство нарицательных имён лиц почти всегда происходит в строго традиционных границах с целью дать название новым жизненным реалиям (наиболее продуктивны суффиксы -ник и -щик): рыночник, бюджетник, льготник, бесплатник, компьютерщик и др.

Не столь продуктивной, но всё же довольно часто используемой, является модель с суффиксом -ант, хотя и она сегодня работает с большей нагрузкой, чем раньше: подписант, деградант, амнистант и др.

В особую группу стоит выделить существительные, называющие процессы, оканчивающихся на -фикация, -изация, образование которых активировалось во второй половине прошлого века, т.к. они, обозначая процесс, производятся не от глаголов, а многие из них вообще не соотносятся с глаголами [2, С. 104]: европеизация, люмпенизация, криминализация и др.

С всё более возрастающей открытостью российского общества связана тенденция к интернационализации языка. Прежде всего, она проявляется в активизация интернациональных аффиксальных морфем, сочетающихся как с иноязычными, так и с русскими основами.

К примеру, возросла именная префиксация, ранее активная в основном для глаголов. Она происходит с помощью иноязычных приставок и выражает характерные для данного времени смыслы: анти-, де-, пост-, ре-, контр-, супер- (антикоррупционный, деидеологизация, постсоветский, реорганизация, контрмеры, супермодный).

Заемствования стали чаще употребляться в качестве производящих основ. Например, с помощью суффиксов -и-(ть), -а-(ть) и др. от иноязычных основ образовались глаголы юзать (использовать), чекать (проверять), пиарить (рекламировать) и др. Также активно проявляют себя глагольные образования на -ова- и -ирова-: кастинговать, брендировать, продюсировать и др. Прилагательные от иноязычных основ образуются с помощью суффиксов -ов-, -н-, -ск-: онлайн-овый, гламурный, продюсерский.

В конце прошлого века в связи с той же открытостью общества в русском языке возникла тенденция к усилению черт агглютинативности. Русский язык является синтетическим и фузийным. Агглютинативность же проявляет себя в увеличении числа многоморфемных структур.

Такие способы словообразования, как аббревиация, сложносокращенный способ и др. возникают в связи с потребностью в новых составных номинациях.

Аббревиация – специфический способ словообразования. Выполняя компрессионную функцию, аббревиатуры в то же время являются весьма емкими. С середины 90-х годов прошлого века образование слов путем аббревиации усиливается: ПФР (Пенсионный Фонд России), БиС (Бикбаев и Соколовский), МКБ (Международная Классификация Болезней).

Черты агглютинативности проявляются и в образовании сложносокращенных слов. Они состоят из двух и более основ, оканчивающихся на согласный и соединяющихся друг с другом без помощи каких-либо морфем. Эта модель словообразования довольно активно используется в настоящее время: Росатом, Газпром, Внешторгбанк и др.

Подводя итоги, можно сказать, что процессы, протекающие в современном словообразовании, объясняются, скорее, причинами внеязыковыми. Перечисленные выше тенденции связаны с серьезными изменениями, произошедшими за последние десятилетия в жизни нашего государства (постперестроечные катастрофы, отмена цензуры и т.п.).

Современный русский язык, как и современное русское общество, живёт активной жизнью, постоянно изменяясь. Поэтому неверно думать, что особенности современного словообразования говорят об упадке русского языка. Невостребованные новообразования уйдут в прошлое, оставив место значимым элементам. Какими будут эти элементы, покажет время.

Литература

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Наука. – 1996. – 480 с.
2. РЯСО, 2: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. / под ред. М.В. Панова. – М.: Наука. – 1968. – 185 с.

Veselova P.N.

FORMATION OF NEW WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article describes the causes of some trends in modern word formation, and describe them, illustrating with examples.

Key words: modern Russian language; word formation.

СЕМАНТИКА СРАВНЕНИЙ В СКАЗКАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Аннотация. В статье на примере сравнений рассматриваются языковые средства выразительности в русских авторских сказках XIX–XXI вв., поднимаются вопросы видовой организации сравнительных конструкций и их семантические особенности.

Ключевые слова: сравнения; детские авторские сказки; классификация сравнений; семантика сравнительных конструкций.

Настоящее исследование посвящено проблеме определения функций сравнения в авторских сказках для детей. В качестве материала были привлечены произведения: «Чёрная курица, или Подземные жители» (1829) А. Погорельского [3], «Приключения жёлтого чемоданчика» (1928) С. Прокофьевой [4] и «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» (2003) А. Егорушкиной [1].

Изучение сравнения в современной русистике хорошо представлено, известны труды М.И. Черемисиной, Т.Е. Ворониной, М.А. Шапиро, А.Ф. Прияткиной, С.О. Карцевского и др. ученых. В работе мы будем рассматривать сравнение, как средство создания эмоционально насыщенного описания образов персонажей и мест действия, опираясь на работу С.О. Карцевского «Из лингвистического наследия. Сравнения» (2000) [2]. Вслед за автором будем учитывать три основные функции сравнения: функции сходства и противопоставления, которые служат для достижения выразительности; семантическую функцию, отражающую авторскую позицию [2, с. 86-93].

Основная тематика сказки А. Погорельского «Чёрная курица, или Подземные жители» заключается в осмыслении нравственного развития ребёнка, решения психологической проблемы послушания ребенка. В художественном тексте используются прилагательные в сравнительной степени аналитической структуры: «Задавал ему уроки вдвое и втрое больше, нежели другим»; полуаналитической структуры: «Чернушка была к нему ласковее других [чем другие]». В данной сказке сравнения выполняются две функции: создание образов героев и конкретизация миров. Одна из главных героинь, чёрная курица Чернушка, наделяется рядом мистических сравнительных характеристик: «Из глаз её выходили как будто лучи, которые освещали всё вокруг, хотя не так ярко, как маленькие свечки», благодаря чему курица

оказывается волшебным животным. Второй главный герой Алёша проходит внутреннюю эволюцию от нескромного ребёнка («Вообразил, что он гораздо лучше и умнее всех [учеников]») до скромного («[стал] опять таким же добрым мальчиком, как был прежде»).

А. Погорельский разграничивает три мира в сказке: скучный человеческий мир («в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме»); симметричный мир старушек-голландок («стояла кровать... В другом углу стояла такая же точно кровать»); и яркий мир Подземных Жителей, где «всё было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол». Комната была действительно маленькой, потому что сделана была для людей «ростом не более как с пол-аршина», облачённых в «круглые с перьями шляпы наподобие испанских», словно для кукол. Сравнение в тексте выполняет наглядную функцию, благодаря которой маленький читатель окунается в картину сказочного мира.

Основной идеей сказки С. Прокофьевой «Приключение жёлтого чемоданчика» является попытка юмористически и доступно объяснить поведение детей. С. Прокофьева адаптирует текст для детей дошкольного и школьного возраста, создавая упрощённые, но конкретные образы героев с помощью сравнительной степени протитивительных структур: «Он был такой яркий, что лучше было целый час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонёк»; полуаналитических структур: «Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая»; сравнительных оборотов: «Застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели все зубы».

К особенностям данного текста С. Прокофьевой можно отнести введение устойчивых синонимических характеристик героев: «У [злого] мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке»; «Этот [смелый] человек был похож на смелого вождя» и т.д. С. Прокофьева, вложила в устойчивые сравнительные характеристики психологизм, адаптированный для детей в виде определенных моделей поведения: «смелый», «злой», «грустный» и т.д.

Идея, заложенная А. Егорушкиной в сказке «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик», касается проблемы осознания себя, своего места в мире. В сравнениях А. Егорушкиной используются аналитические структуры: «За Бродячим Мостиком начинается что-то интересное, гораздо более интересное, чем всё это», полуаналитические: «Вёл себя ничуть не лучше, чем троечник Костя», и противительные структуры: «Даже не голос, а тень звука, эхо тишины».

Особенностями сравнительных конструкций А. Егорушкиной является использование конструкции с непродуктивной группой прилагательных с суффиксами -ейший/-айший: «Свежайшие сливки», «Прелестнейшая в мире заколка»; употребление развёрнутых сравнений: «Филин летел почти над самыми крышами, как будто проверяя, не происходит ли чего подозрительного поблизости от дома, где живёт упрямая рыжая девочка». А также

введение новых понятий – «неочевидное зло» и «неочевидное добро» – при разграничении персонажей на положительных и отрицательных. Например, положительный герой: «Вот летит дракон Конрад, самый сильный из всех драконов», отрицательный герой: «Мутабор ответил таким злым взглядом, что Костю будто окатило ледяной водой и обожгло огнём одновременно», неочевидно положительный герой: «Пропищала она мелодичным голоском, совсем не похожим на отвратительное шипение прочих мышекрысов»; неочевидно отрицательный герой «Это достопочтейнейший Гарамонд Эльзеви́р и так далее».

Главным символом добра в данном тексте является «солнце». Под влиянием зла символ искажается: «Мутное, как будто немывое солнце». Мир приходит в гармоничное существование, лишь когда символ вновь возвращается к своему первоначальному состоянию: «[Лиза] снова сощурилась, ослеплённая ярчайшим солнцем». Данная семантическая особенность определяется лишь благодаря сравнительным конструкциям, ведённым А. Егорушкиной в данном тексте.

Таким образом, в произведении «Чёрная курица, или Подземные жители» А. Погорельского сравнения используются для описания героя и мира, его окружающего. В сказке «Приключение жёлтого чемоданчика» С. Прокофьевой сравнения употребляются для описания устойчивого, конкретного характера персонажей. Семантика сравнений А. Егорушкиной в сказке «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» заключается в противопоставлении положительного и отрицательного героев. Несмотря на различия в применении авторами приема сравнения, сравнение было и остаётся одним из важнейших средств для создания образности и выразительности в тексте, особенно написанном для детей.

Литература

1. Егорушкина А. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик. СПб.: Wexler Publishing, 2003. – 127 с.
2. Карцевский. С. Из лингвистического наследия. Том 2. М.: Языки русской культуры, 2000. – 297 с.
3. Погорельский А. Чёрная курица, или Подземные жители. СПб.: Стрекоза, 1829. – 56 с.
4. Прокофьева С. Приключения жёлтого чемоданчика. – М.: Самовар-книги, 1928. – 93 с.

Vilkova E.A.

SEMANTIC OF COMPARISONS IN FAIRY TALES FOR CHILDREN

Abstract. Language means of expressiveness (on the example of comparisons) in Russian author's fairy tales of XIX–XXI centuries in the article are considered. Also questions of the species organization of comparative constructions and their semantic features are raised.

Key words: comparison; children author's fairy tales; semantics of comparative constructions.

Гуськова Маргарита Дмитриевна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
gusckova.margarita2016@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Аннотация. В статье дается определение понятия «предприятие общественного питания», рассматриваются различные лингвистические классификации наименований предприятий общественного питания (эргонимов).

Ключевые слова: наименование (нейм), предприятие общественного питания, эргонимы.

Согласно ГОСТ Р 50647-94 «Общественное питание. Термины и определения», утвержденному Постановлением Госстандарта России от 21 февраля 1994 года №35 и введенному в действие с 1 июля 1994 года (далее ГОСТ Р 50647-94), «предприятие общественного питания - это предприятие, предназначенное для производства кулинарной продукции, мучных кондитерских и булочных изделий, их реализации и (или) организации потребления» [<https://studfiles.net/preview/5274821/>]. В соответствии с ГОСТ Р 50762-95 «Общественное питание. Классификация предприятий», утвержденному Постановлением Госстандарта России от 5 апреля 1995 года №198 (далее ГОСТ Р 50762-95) установлена следующая классификация типов предприятий общественного питания: ресторан, бар, кафе, столовая, закусочная, буфет.

На сегодняшний день существует множество подходов к классификации наименований (неймов) предприятий общественного питания (далее - ПОП), или эргонимов (лингвистические классификации). Рассмотрим некоторые из них.

Первый подход раскрывается в работах Казаковой С.Л., Ласицы Л.А., Самсоновой Е.С., Щитовой О.Г., Юстовой П.С. [1 ; 5 ; 14 ; 19 ; 20]. В них рассматриваются классификации иноязычных эргонимов. Второй подход прослеживается в трудах Курбановой М.Г., Федотовских Т.Г. [4; 16], рассматривающих коммерческие имена с точки зрения прагматического аспекта. Третий (структурный подход) лежит в основе работ Овсянниковой К.В. и Стариковой Г.Н., Хоанг Тхи Хонг Чанг [12 ; 15]. Рассмотрением структурных и семантических особенностей эргонимов также занимались Носенко Н.В. (аббревиатурные эргонимы, явление языковой игры) [11], Щербакова Т.В. (классификация

лексических единиц, выступающих в качестве словообразовательной базы собственных имен) [18], Михайлюкова Н.В. (классификация текстов городских вывесок по идентифицирующему, квалифицирующему и дифференцирующему компоненту)[7], Мальцева В.М. (названия объектов общественного питания городов Абакана и Черногорска проанализированы на предмет соответствия номинативным нормам) [6], Крыжановская В.А. (рассматривала эргонимы с элементами графической трансформации) [3], Шмелева Т.В. (синтаксический подход к классификации эргонимов) [17].

Нами было собрано 456 названий предприятий общественного питания (ПОП) городов Москвы и Санкт-Петербурга, а также некоторые названия эргонимов областных городов (г. Липецк, г. Череповец, г. Пермь, г. Вологда и др.).

Среди них можно выделить: 1) однокомпонентные – названия, состоящие из одного слова (кафе Березка, ресторан Бейрут, столовая Фасоль); 2) двухкомпонентные – названия, состоящие из двух элементов (ресторан Мадам Вонг, кафе-столовая Марков двор; кафе Дом-кафе); 3) многокомпонентные – названия, состоящие из трех и более компонентов (гастробар Наффига Козе баян?!, семейное кафе – кондитерская АндерСон для Пап, столовая Компас Групп Рус) [5].

С точки зрения синтаксического подхода данные названия можно классифицировать следующим образом: 1) названия, представляющие собой словосочетания: кафе Восточное солнышко, кафе Старый приятель, кафе-бар Соленый пес, кафе-пекарня Хлеб насущный, кафе Тарелочка чечевичного супа и один маленький, но очень хитрый сухарик; 2) названия, представляющие собой односоставные предложения: кафе Заверни, ресторан Не горюй, ресторан Сам Ам Бери, кафе Люди как люди; 3) названия, представляющие собой двусоставные предложения: паб-ресторан Ленин жив, ресторан I LoveCake; 4) названия, представляющих собой нечленимые предложения: ресторан Рыбы нет!, кафе Вилки нет.

Вслед за Курбановой М.Г. мы также выделяем группу названий, представляющих собой звукоподражания: ресторан Сооккарекц, кафе Му-му.

Щербакова Т.В. пишет о том, что некоторые наименования содержат исключительно цифровой контент, например кафе «1-2-3». Число может выступать в качестве одного из компонентов названия: бар «33 Зуба» (у Овсянниковой К.В. данный эргоним относится к наименованиям по названию частей тела человека [12, с. 158].

Опираясь на классификацию Крыжановской В.А. мы рассматриваем группу названий с параграфемикой, в которую добавляем названия со слогамиграммами (у Крыжановской – «графическая имитация иноязычности») [3, с. 77]: названия с синграфемикой: гастробар Наффига Козе баян?!, бар Самый лучший бар! , сеть быстрого питания Домино'с Пицца; названия с супраграфемикой: кафе ПирО.Г.И. на Фонтанке, сеть быстрого питания

ДвижОК, семейное кафе – кондитерская АндерСон для Пап, сеть быстрого питания КФС, столоваяКомпасс Групп Рус; названия с логограммами: ресторан Бильён&Мильён, ресторан Пряности & радости, ресторанПив&ко.

Можно также выделить названия с транслитерацией: ресторан PRoBKA на Цветном, ресторан ZACONCEPT, бар ThePodwall, ресторан BarDuck, ресторан ХЛЕБОСОUL, ресторан Натюрлих, ресторан Бон Джорно.

Среди названий ПОП, построенных на языковой игре (подобное явление описывала и Носенко Н.В.[11, с. 18]), можно выделить следующие: бар ThePodwall (подвал; иная возможная интерпретация – «под стеной» (от англ. wall - стена), кафе Слоенышко(слоеный+солнышко – контаминация), кафе СтоLoveая (часть слова «столовая» образовано с помощью английского слова «love» (любовь)), кафе-блинная Вкуснямба(выделяется псевдоморфема(термин Морозовой А.Ю.[8, с. 186]) «ням»), ресторан СольФаСоль(варьирование шрифта, а также двоякое прочтение слов: либо два равнозначных рифмующихся слова – «соль» и «фасоль», либо комбинация названий нот);суши-бар Суши Весла(по утверждению Т.В. Шмелевой, японское слово суши омонимично императиву русского глагола сушить[17, с. 15] и др.

Исследователи Ласица Л.А.[5], Овсянникова К.В. [12], Юстова П.С. [20] выделяют особую группу эргонимов – номинации, восходящие к топонимам. Такие наименования присутствуют и в наших примерах: ресторан Вятский край, кафе Эйяфьятлайокудль (название вулкана в Исландии).

Овсянникова К.В. выделяет группу номинаций ПОП, восходящих к антропонимам[12, с. 158]. Среди этих названий отдельно стоят антропонимы общего характера (ресторан Сандуновъ, ресторан Старина Мюллер, ресторан Гусятникофф, ресторан Мадам Вонг), мифологические и фольклорные антропонимы(бар Китайский летчик Джао Да(мифологический персонаж, символ данного заведения), ресторан Горгасали (в переводе с грузинского «волчеголовый»)), имена известных личностей (бар MendeleevBar, ресторан Кафе Пушкинь), литературные антропонимы (винный бар и кафе Гаврош,гранд-кафе Dr. Живаго,ресторан Hamlet + Jacks, ресторан Доктор Ватсон,паб RobertBurns Pub).

Присутствуют также названия, отсылающие нас к иностранным реалиям (Япония, Италия, Вьетнам, Греция, Грузия, Сербия и т.д.): ресторан Tokyobay, японский паб Накатика, ресторан Японский городской, пиццерия PizzaPari, итальянский ресторан IL Патио, ночной клуб-кафе Pho, ресторан уличной еды LaoLee, ресторан Дионис № 1, ресторан Пита &сувлаки, ресторан Пенаты, ресторан Боэми, ресторан Генацвале, ресторан Горгасали).

Наибольший интерес для нас представляет коммуникативно-прагматический подход к анализу наименований ПОП. По мнению Т.В.Нестеровой, «Рассмотрение языковых единиц с точки зрения данного подхода позволяет раскрыть весьма существенные особенности их семантики и прагматики,

выявить у них новые коммуникативные потенции, которые остаются скрытыми в рамках системно-структурного описания» [9, с. 162]. Так, Т.В.Шмелева пишет: «Обозначилась тенденция к коммуникативизации городских вывесок, включенности их в коммуникацию «город – горожанин» /.../. Название столовых и кафе в разных городах нашей страны (в Москве, Петербурге, Краснодаре, Красноярске, Челябинске и многих других) позволяют увидеть ситуацию еды в ее сценарном развертывании. Начинается этот сценарий с ощущения голода «Съем слона». Затем следует предложения: «Есть поесть», «Покушай как дома», «Перекуси», «Ешь», «Ешь-ка», «Ешь пей», «Ешь бери». За предложением следует согласие – «Поедим», затем сообщения о еде «Ем» и «Ем-ем». И наконец, ответ на вопрос «Что вы там делали?» – «Сели поели», «Пили ели». Простейшие предложения этой серии оказались востребованными именно потому, что они звучат в реальных разговорах» [17]. В нашем материале наименования ПОП, представляющих собой РА, достаточно много: ресторан Че? Харчо!, бар Дорогая, я перезвоню, кафе Мама, я на паре. В последнем примере «Студенческий контекст создает словоформа на паре в значении ‘на занятии в университете’, а фраза в целом – ситуацию легкого обмана родителей ради их спокойствия – ответ на фразу «Ты где?», с которой теперь начинается едва ли не любой телефонный разговор. Так из-за фразы в очередной раз проглядывает типовая житейская ситуация» [17, с. 15].

Как видим, классификации наименований ПОП очень разнообразны и требуют дальнейшего изучения. Перспективу данной работы представляет рассмотрение названий ПОП в структурно-семантическом и прагматическом аспектах.

Литература

1. Казакова, С.Л. Система урбанонимов и их прагматический аспект [Текст] / С.Л. Казакова // Университетские чтения. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – Ч. VI. – С. 45-51 (0,4 п.л.). – То же : [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/31453406-S-l-kazakova-sistema-urbanimov-i-ih-pragmaticeskij-aspekt.html> (дата обращения: 15.03.2018).
2. Классификация предприятий общественного питания [Электронный ресурс] / StudFiles. – URL : <https://studfiles.net/preview/5274821/>. — (дата обращения: 10.03.18).
3. Крыжановская В.А. Эргони́мы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ...канд. фил.наук : 10.02.01/ Крыжановская Валентина Александровна ; [место защиты: Кубанск. гос. унив.-т]. – Краснодар, 2017. – 27 с.
4. Курбанова М.С. Эргони́мы современного русского языка: семантика и прагматика : автореф. дис. ... канд. фил.наук : 10.02.01 / Курбанова Малика Гумаровна ; [место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. унив.-т]. – Волгоград, 2015. – 23 с.

5. Ласица Л.А. Языковые и структурные особенности иноязычных эргонимов города Оренбурга / Любовь Александровна Ласица // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 11 (186). — С. 95-100.
6. Мальцева В. М. Коммерческая номинация городов Абакана и Черногорска (на материале названий предприятий общественного питания) [Текст] / В.М.Мальцева // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. 2015. № 11. С. 60.
7. Михайлюкова Н.В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока) : автореф. дис. ... канд. фил.наук : 10.02.01/ Михайлюкова Наталья Владимировна ; [место защиты: Томск.гос. унив-т]. – Томск, 2013. – 27 с.
8. Морозова А.Ю. Проблемы морфемного анализа в английском языке/ А.Ю. Морозова// Вестник ТОГУ. — 2007. № 3 (6). С. 185–190.
9. Нестерова Т.В. Коммуникативные потенции слов и предложений (к вопросу о создании новой версии русской грамматики) // Академическая наука - проблемы и достижения Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Академическая наука – проблемы и достижения». – NorthCharleston, USA, 22–23 августа 2017 г. — С. 162–165.
10. Новожилова Т.А. Номинация современных коммерческих предприятий (на материале русского, английского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. фил.наук : 10.02.19 / Новожилова Татьяна Александровна ; [место защиты: Рост.гос. пед. унив-т]. – Ростов-на-Дону, 2005. – 20 с.
11. Носенко Н.В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. фил.наук : 10.02.01 / Носенко Наталья Владимировна ; [место защиты: Новосиб. гос. пед. унив-т]. – Новосибирск, 2007. – 23 с.
12. Овсянникова К. В. Особенности номинации предприятий общественного питания: на примере коммерческих названий г. Воронежа и г. Москвы: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Овсянникова Ксения Владимировна; [Место защиты: Воронеж.гос. ун-т]. — Воронеж, 2016. 217 с. : ил.
13. Разумов Р.В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII-XX веков : на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля : дис. ... канд. фил.наук : 10.02.01 / Разумов Роман Викторович ; [место защиты : Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д.Ушинского]. — Ярославль, 2003. 293 с.
14. Самсонова, Е.С. Информационный потенциал иноязычных эргонимов / Е.С. Самсонова, О.Г. Щитова // Вестник Томского Государственного Педагогического Университета. – Томск, 2012. – №1 (116). – С. 175–181.
15. Старикова Г.Н., Хоанг Тхи Хонг Чанг Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы)// Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 47. С. 72–87.

16. Федотовских Т.Г. Коммерческие имена предприятий ресторанного бизнеса г. Екатеринбург: содержательно-прагматический аспект // Русская речевая культура и текст: материалы IX Междунар. науч. конф., 15–16 апреля 2016 г. / под ред. Н.С. Болотновой. — Томск, 2016. — С. 197–201.
17. Шмелева Т.В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. — 2017 (264). — № 5. С. 14–18.
18. Щербакова Т.В. Искусственная номинация коммерческих предприятий (на материале тюменских наименований) : автореф. дис. ... канд. фил.наук : 10.02.01 / Щербакова Татьяна Владимировна ; [место защиты: Тюменск. гос. унив-т]. — Тюмень, 2009. — 25 с.
19. Щитова, О.Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века: монография / О.Г. Щитова. — Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. — 480 с.
20. Юстова П.С. Особенности чешских названий предприятий общественного питания (на примере эргоурбонимов г. Трутнова Чешской Республики) / П.С. Юстова // Язык, сознание, коммуникация: сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Григорьевны Широковой / ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. — Москва: МАКС Пресс, 2009. Вып. 38. 200 с.

Guskova M.D.

FEATURES OF NAMING THE CATERING STATIONS

Abstract. The article defines the term «a catering firm», considers different linguistic classification of catering firm names (ergonyms).

Key words: name, catering firm for the supply of meals, ergonyms.

До Тхи Хань
магистрант 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
hanh.dothi93@gmail.com

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО- ЭКСПРЕССИВНЫХ ОБОРОТОВ ЖИВОЙ РЕЧИ (ЭЭОЖР) СО ЗНАЧЕНИЕМ УДИВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье описывается лексико-семантическая специфика ЭЭОЖР со значением удивления в соответствии с разделением лексики на лексико-семантические поля и указанием частотности употребления различных видов лексики.

Ключевые слова: междометие, частица, знаменательные слова, изъяснительное наклонение, внутренняя форма, нечленимое предложение, в «чистом виде».

ЭЭОЖР со значением удивления, как и другие виды ЭЭОЖР, считаются особенным типом предложения. Своеобразие этих синтаксических единиц выражается на всех уровнях языка: фонетико-интонационном, лексическом и словообразовательном, морфологическом и синтаксическом.

Нетрудно заметить, что в состав ЭЭОЖР со значением удивления (особенно ЭЭОЖР типа слов-предложений) очень часто входят служебные части речи как междометия: ах, ой, а, тьфу, фи, ба и др. или частицы: как, ну, неужели, будто и др. Компонентами данных ЭЭОЖР могут быть и знаменательные слова. Собранные нами примеры показывают, что входят в состав ЭЭОЖР со значением удивления чаще всего существительные (бог, господи, батюшки, матушки, отцы, мама, мамочка, черт и др.), глаголы (видал, выдумал, пожалуй, помилуйте, скажите, пожалуй, здравствуй и др.), а также наречия (как, отчего и др.)

В связи с наличием знаменательных слов в составе ЭЭОЖР возникает вопрос: сохраняют ли эти знаменательные слова как компоненты ЭЭОЖР свои лексические значения? Чтобы найти ответ на данный вопрос, рассмотрим следующий пример:

– Чучело! Нализался... (М. Горький. На дне).

Вне контекста слово чучело имеет три значения: 1) фигура животного из набитой чем-н шкуры его, 2) пугало для птиц в виде куклы наподобие человека, 3) о грязном небрежно одетом и т.п. человеке. [6, с.790]. Однако в данной конкретной ситуации оно ничего подобного не обозначает, а лишь выражает эмоцию удивления. Другими словами, в качестве компонента ЭЭОЖР знаменательное слово чучело теряет своё лексическое значение, что и нашло отражение в переводе Хонг Фи: “Kỳ quặc thật! Lại say khướt rồi...”.

Лишение лексического значения наблюдается также у глаголов, составляющих ЭЭОЖР со значением удивления. Рассмотрим следующие примеры:

Когда же мы повенчаемся? – спросила я. Он так удивился... – Помилуй, - говорит, - какой же я муж семьянин? (Горький. Жизнь Клима Самгина) (Пример взят у Меликяна). – *Vậy khi nào thì chúng mình kết hôn? – tôi hỏi. Anh ấy có vẻ rất ngạc nhiên... - Cái gì vậy! – anh ấy nói, - tôi mà làm chồng cha cái nỡ gì?*

Да, у ней ужасно голова болит – промолвила Марья Дмитриевнв, обращаясь к Варваре Павловне и закатывая глаза. – У меня самой такие бывают мигрени.../ - Скажите! – возразила Варвара Павловна. (И.Тургенев. Дворянское гнездо). – *Phải đấy, cháu nó thường hay đau đầu dữ dội lắm, bà Maria Mitriepna vừa nói vừa quay về phía Vacvara Paplopna, nháy nháy mắt: chính tôi cũng hay có chứng đau đầu như thế.../ - Thật ă? Vacvara Paplopna trả lời. (Перевод Чыонг Тхи Тинь).*

Ясно, что в этих примерах помолуй не имеет ничего общего с глаголом помиловать – «щадить, прощать кому», а скажите – с глаголом сказать – «владеть устной речью, владеть каким языком». Они только выражают удивление.

Кроме глаголов в повелительном наклонении в ЭЭОЖР могут встречаться и глаголы в изъявительном наклонении. Приведем несколько примеров:

Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало! (А.Чехов.Ванька) – *Chuyện chi lạ! Chẳng khi nào mà trên nhà lại chứa chấp cái giống chó này! (Перевод Фан Хонг Занга, Као Суан Хао, Нгуен Туана).*

Вот не ожидал! Пелагея – отратился он к горничной – дайте гостям переодеться во что-нибудь. (А.Чехов. Крыжовник) – *Thật là bất ngờ! Đây cô Pelageya, ông quay sang người đầy tớ gái nói, cô liệu kiểm quần áo cho quý ông thay đi. (Перевод Фан Хонг Занга, Као Суан Хао, Нгуен Туана).*

В этих ЭЭОЖР форма прошедшего времени глаголов выдумал и ожидал вовсе не говорит о том, что обозначаемые ими действия имели место в прошедшем. Эти глаголы ничего не обозначают, ни действия, ни состояния. Составляя вместе с другими компонентами единое целое, они просто выражают эмоцию удивления говорящего. Отсюда следует вывод, что знаменательные слова в ЭЭОЖР теряют свое лексическое значение. Как компоненты одного целого, они не обозначают, а лишь выражают эмоции. По этому поводу справедливо отметил В.Ю. Меликян: «значение ЭЭОЖР связано с экспрессивно-эмоциональной и волевой сферой поведения человека, непосредственным

выразителем которой они являются, и не вытекает из номинативных значений слов, входящих в их структуру» [4, с.11].

Следует также заметить, что большинство ЭЭОЖР обладает внутренней формой. По законам семиотики внутренняя форма проявляется лишь в сопоставлении (или противопоставлении) с внешней формой. Значение и функция ЭЭОЖР реализуется благодаря наличию исходного значения, принадлежащего её производящей основе: значение последней мотивирует значение ЭЭОЖР [4, с.13]. Это понимается как способность воссоздания полного высказывания из нечленимого предложения – ЭЭОЖР.

Потеря лексических значений знаменательных слов в ЭЭОЖР со значением удивления ещё приводит к одной из специфик данных оборотов – существование лексических вариантов. Рассмотрим на примерах лексические варианты Вот новость/ история/ ведь/ вздор/ оказия:

Вот новость! Обморок! С чего бы! – невольно воскликнул Базаров, опуская Павла Петровна на траву. (И.Тургенев. Отцы и дети) – Thế mới lạ chứ! Ngát xiu rồi! Mà có gì đâu kia chứ! – Badarop bắt giác kêu lên, rồi đặt ông Paven Petorovich nằm xuống cỏ. (Перевод Ха Нгок).

Вот история... – начал он, останавливаясь, чтобы перевести дух. – На поверхности земли, как видишь, мороз, а подними на палке термометр сажени на две повыше земли, там тепло...От чего это так? (А.Чехов. Черный монах). – lạ chưa... - ông ngừng lại mà thở rồi bắt đầu nói, - Anh thấy không, sát mặt đất là sương muối, và nếu ta cầm gậy đưa cái hàn thử biểu lên độ cao hai con sào thì không thấy có sương muối nữa: vì sao thế? (Перевод Фан Хонг Занга, Као Суан Хао, Нгуен Туана).

Лексические варианты Что вы? / Что ты?

Елена (поражена). Что вы говорите? Что вы? (М.Горький, На дне) – Elena (sùng sốt) – Chị nói gì vậy? Chị sao thế? (Перевод Хонг Фи).

Ситин (удивленно). Что ты? Сбесилась? (М.Горький, На дне) – Hatin (ngạc nhiên) – Sao thế? Gì mà cô phồng mang trợn mắt lên thế? (Перевод Хонг Фи).

Исследуемые нами ЭЭОЖР редко выражают эмоцию удивления в «чистом виде». В действительности выраженное ими удивление часто сопровождается разными оттенками: удивление-страх, удивление-восхищение, удивление-радость, удивление-недоверие, удивление-возмущение и др. Рассмотрим, например, употребление ЭЭОЖР со значением удивления И.Тургеневым в романах «Отцы и дети» и «Дворянское гнездо»:

Для выражения сильного удивления, изумления И.Турген использовал ЭЭОЖР Неужели?: «Неужели? Бедная старуха! А Прокофьич жив?» (И.Тургенев. Отцы и дети) – Vậy ư? Tội nghiệp bà cụ! Thế bác Prokophich vẫn còn sống chứ ạ? (Перевод Ха Нгок).

Для выражения удивления-радости героини Арины Власиевны, когда Одинцова неожиданно приехала и спасала жизнь своему сыну Евгению,

И.Тургенев употребил ЭЭОЖР Что такое, господи! «Что такое, Господи! – пролепетала, выбегая из гостиной старушка и, ничего не понимая, тут же в передней упала к ногам Анны Сергеевны и начала как безумная целовать её платье.» (И.Тургенев. Отцы и дети) – Cái gì thế này hả Trời! – bà già lấp bắp, chạy ra khỏi phòng khách và chưa hiểu mô tê gì, vừa ra đến buồng ngoài bà đã như điên như dại sụp xuống chân bà Odinxtova mà hôn lên xiêm áo của bà ta (Перевод Ха Нгюк).

Для выражения удивления-гнева употребляются ЭЭОЖР Матушки мои!; А, вот как?: «Матушки мои! Она его любит! – Марфа Тимофеевна сдернула с себя чепец. Женатого человека любит! А? Любит!» (И.Тургенев. Дворянское гнездо) – Trời đất ơi, nó yêu thằng ấy! Cụ Macfa Timofeevna giật chiếc mũ trên đầu xuống. Nó yêu thằng ấy, một thằng đã có vợ! Nó yêu thằng ấy! (Перевод Ха Нгюк); «А, вот как? – начал он нервным голосом. – Я понимаю ваш намек, вы меня отсылаете к ней, Елена Николаевна. Другими словами, я здесь лишний?» (И.Тургенев. Накануне) – À, thế hả? – chàng mở lời, lạc hẳn giọng. – Tôi hiểu chị ngụ ý gì, chị đuổi tôi về với cô ta đấy, chị Elena ạ. Nói cách khác, tôi ở đây là thừa chứ gì? (Перевод Ха Нгюк).

Для выражения удивления-неудовлетворения писатель употребил ЭЭОЖР Ради самого бога! «Андрей Петрович! – воскликнул вдруг Шубин, - Ради самого бога! Уж не хочешь ли ты прочесть Елене Николаевне лекцию о Шеллинге? Пощади! (И.Тургенев, Накануне) – Andray! – Subin bỗng kêu lên. – Trời cao đất dày ơi! Anh lại còn định đọc cho chị Elena một bài diễn giảng về Selinh hay sao đấy? Xin anh tha cho! (Перевод Ха Нгюк).

ЭЭОЖР Как же это; Боже мой! употребляются для выражения удивления-разочарования: «Как же это, Боже мой! Врач – и не имеет такой необходимой вещи?» (И.Тургенев. Отцы и дети) – Trời ơi, sao lại thế được nhi! Làm thầy thuốc mà cái thứ cần đến thế cũng không có! (Перевод Ха Нгюк).

Наши наблюдения также показывают, что ЭЭОЖР со значением удивления могут быть многозначными, т.е кроме удивления в отдельных ситуациях они выражают и другие эмоции. Например: ЭЭОЖР А!/ А-а!/ А-а-а! помимо удивления (1) способен выражать и (2) удовлетворение, восторг, радость; (3) гордость, преклонение; (4) досаду, упрек, негодование, угрозу, злорадство; 5) бессилие, безнадежность, безразличие; 6) раскаяние, испугу; 7) ужас, отчаяние, боль; 8) решимость; 9) возражение, несогласие. [4, с.45].

Литература

1. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Изд. Ростовского университета, 1996
2. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: Сб. ст. по языкознанию. М., 1958. с.102-124.
3. Максимова В.И. Русский язык и культура речи. Москва, 2002

4. Меликян В.Ю - Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. Москва, 2001
5. Меликян В.Ю. - Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь. Русский язык в школе, 1999, №2
6. С.И. Ожегов. Словарь русского языка – М.: «Русский язык», 1982. – стр.790
7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004, с. 42-67.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008
9. Bùi Mỹ Hạnh. Cấu tạo từ tiếng Nga hiện đại. NXBĐHQGTPHCM
10. Cao Xuân Hạo. Tiếng Việt: Sơ thảo ngữ pháp chức năng. NXB Giáo dục, 2004
11. Diệp Quang Ban, Ngữ pháp tiếng Việt, tập 1 và tập 2, NXBGD, 2005
12. Vũ Dung, Vũ Thúy Anh, Vũ Quang Hào. Từ điển “Thành ngữ và tục ngữ Việt Nam”, NXB Văn hóa thông tin, 2000

Do Thi Hanh

**LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF EMOTIONAL-
EXPRESSIVE PHRASES OF LIVING SPEECH (EEPLS) WITH
THE MEANING OF SURPRISE**

Abstract. The article presents the lexical and semantic features of EEPLS with the meaning of surprise. The article is based on lexical-semantic fields analysis and usage frequency of different types of lexis of emotionally expressive phrases of living speech.

Key words: interjection, particle, significant words, indicative mood, inner form, unseen sentence, in «pure form».

студент 1 курса магистратуры Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
ercegovic.jasmina@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В РУССКОМ И ЧЕРНОГОРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье проанализировано значение плюсквамперфекта, описаны средства его выражения и употребление в современном русском и черногорском языках.

Ключевые слова: плюсквамперфект, русский язык, черногорский язык, прошедшее время.

Русским плюсквамперфектом» историки русского языка называют глагольную форму, которая состоит из перфекта вспомогательного глагола «быти» и действительного причастия прошедшего времени, оканчивающегося на -л-. Однако некоторые исследователи характеризуют русский плюсквамперфект как причастие с двумя вспомогательными глаголами-связками.

Форма русского плюсквамперфекта, состоящая из вспомогательного глагола в форме перфекта и причастия прошедшего времени или из аналитических форм перфекта в сочетании с причастиями прошедшего времени вспомогательного глагола, входит в ряд аналогичных по структуре и семантике глагольных форм, используемых в ряде европейских языков.

Среди дополнительных значений плюсквамперфекта выделяются значения аннулированного результата, прекращенной ситуации, прерванного действия, контрафактического условия или следствия [3, с. 175-194].

Плюсквамперфект в значении аннулированного результата или прерванного действия/ситуации обозначает, что в прошлом действие имело место, но сейчас уже не имеет, например:

Я было купила себе платье, но моего размера не оказалось.

Эта деревня была заселена, сейчас вот пустует.

Я было пошла гулять, но вернулась.

Значение контрафактического условия выражает действие, которое могло бы случиться в прошлом при каком-либо условии, например, «если бы я заболел, я бы не смог выйти на работу», «если бы не отключили воду, посуда была бы уже вымыта» [2, с. 70].

В отдельную группу можно выделить использование плюсквамперфекта в значении повторяющегося в прошлом действия. При этом особенно подчер-

квивается удаленность этого действия от момента речи. Таким образом, эти глаголы сочетают в себе значения не только давности, но и многократности, например: «И я там сживал», «она бывала там неоднократно» и проч. Такое же значение передалось и сочетанию глагола несовершенного вида с частицей «бывало», например: «бывало, я приходил в этот сад» [1, с. 637].

На данный момент в современном русском языке существует четыре формы прошедшего времени, две из которых относятся к совершенному, одна – к несовершенному виду и еще одна представляет собой остатки плюсквамперфекта. Все они между собой грамматически и стилистически неравноправны и неравноценны: например, форма прошедшего времени, являющаяся остатком русского плюсквамперфекта, является непродуктивной, вследствие чего постепенно угасает и практически вытеснена формами прошедшего времени несовершенного вида.

Несмотря на то, что единого мнения относительно времени исчезновения форм аориста, имперфекта и «книжного» плюсквамперфекта в русском языке и прихода им на смену универсальной формы прошедшего времени на -л-, Ø не существует, сам факт, что процесс имел место, является неоспоримым.

Плюсквамперфектное значение в современном русском языке обычно проявляется в повествовании при актуализации более ранних событий или в диалоге [1, с. 310-312].

Это значение ограничено в жанрах и текстах современного русского языка. Оно может быть выражено как формами совершенного, так и формами несовершенного вида, например:

Она стремилась войти в круг избранных и не учла многих обстоятельств.

Певица сделала карьеру, и друзья детства уже не встречали ее как свою.

В формировании этого значения при опоре на контекст могут участвовать бытийные глаголы «быть» и «существовать»:

Эта оговорка была сформулирована Вами уже несколько лет назад.

Некоторые станции на Кубани были основаны еще при Екатерине Великой.

Плюсквамперфект (pluskvamperfekat) в черногорском языке – это глагольная форма, которая обозначает действие, которое произошло в прошлом перед каким-то другим действием в прошлом. Эта форма состоит из имперфекта глагола «быть» и прошедшего времени глагола, например:

Ja bijah/bjeh¹ (pro)čitao(la), Mibijasmo/ bjesmo (pro)čitali

Я был/была (про)читал(а), Мы были (про)читали.

Плюсквамперфект также может состоять из перфекта глагола «быть» и прошедшего времени глагола:

¹ В старом черногорском языке, который существовал до начала XX века, особенно в литературе, больше использовалась краткая форма глагола «быть» – «bjeh». С XX века начала распространяться форма «bijah». На сегодняшний день обе формы равноправны.

Ja sam bio/bila (pro)čitao(la), Mismobili (pro)čitali

Я – был/была прочитала, мы – были прочитали

Особенность плюсквамперфекта в черногорском языке состоит в том, что плюсквамперфект глагола «быть» – «bejahbio» (был) – может быть образован только первым способом, т.к. формы «biosambio» (дословно был-был) не существует [4, с.36].

Что касается сербского языка, плюсквамперфект существует только в литературной форме, в отличие от черногорского языка.

Kad smo mi stigli, oni su bili otisli (Когда мы пришли, они уже ушли [к тому времени]) – плюсквамперфект здесь обозначает действие, которое предшествовало действиям, обозначаемым перфектом. Для сравнения предложение Kad smo mi stigli, oni su otisli переводится уже как «Когда мы пришли, они уходили», т.е. одно действие следует за другим.

Плюсквамперфект обозначает также прошлое действие, результат которого не существует в момент речи, т.е. речь идет о значении аннулированного результата. Например: Marko je bio nazebao (Марко был простужен) – обозначает, что Марко сейчас здоровый, но ранее болел. Для сравнения – Marko je nazebao, pa mora da lezi (Марко простудился и должен лежать).

Таким образом, плюсквамперфект в современном русском языке не имеет форм выражения, но сохранилось его значение в формах прошедшего времени, в отличие от черногорского языка, в котором сохранились и форма, и значение плюсквамперфекта.

Литература

1. Маркова Т.Д. Функционирование форм перфекта и плюсквамперфекта в древнерусском Прологе XVI века // Вестник ЧГПУ №1. – 2010. №1. – 303–311 с.
2. Плунгян В.А. Исследования по теории грамматики: Глагольные категории. Вып.1. – М. – 2001. – 50–88 с.
3. Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. – М. – 2013. – 384 с.
4. Silić, Josip: „Nikčevićeva Crnogorska gramatika“, LinguaMontenegrina, br.3. Institut za crnogorski jezik i jezikoslovlje „Vojislav P. Nikčević“, Cetinje, – 2009. – 468 s.

Ercegovich Y.

THE CURRENT STATE OF PLUSKVAMPERFEKT IN THE RUSSIAN AND MONTENEGRO LANGUAGES

Abstract. In article the value of the pluskvamperfekt is analysed, meanings of his expression and the use in modern Russian and Montenegro languages are described.

Key words: plusquamperfect; Russian and Montenegrin languages; past tense.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АОРИСТА В РУССКОМ И ЧЕРНОГОРСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье проанализировано значение и употребление форм аориста в современном русском и черногорском языках.

Ключевые слова: аорист, русский язык; черногорский язык; прошедшее время.

Наиболее часто употребляемой формой прошедшего времени в литературной речи являлась форма аориста. Под аористом в русском языке понимается временная форма глагола, обозначающая законченное неповторяющееся действие, относящееся к прошлому. Эта глагольная форма использовалась для обозначения длительного или недлительного конкретного действия или состояния, происходившего в определенный, конкретный момент в прошлом и не связанного с настоящим [1, с.48]. Именно это и объясняет широкую популярность использования этой глагольной формы как в церковных, так и в летописных текстах. Впоследствии формы аориста стали заменяться и переводиться глаголами совершенного вида:

и приде вѣсть (и пришла весть);

гонися в лодияхъ по нихъ (погнался в лодках за ними);

и постиже я (и настиг их).

В современном русском языке аорист не используется, однако формы прошедшего времени сохранили аористическое значение. Глагольные формы с аористическим значением обозначают действие, представляющееся как один момент вне зависимости от его продолжительности. Форма прошедшего времени принимает аористическое значение в случае, когда речь идет о не связанной с настоящим результативности в прошлом, например:

«Мересьев достал заветную зажигалку, чиркнул колесиком, чиркнул еще раз – и похолодел, в зажигалке кончился бензин» (Б. Полевой).

В этом случае речь идет о конкретном факте прошлого, т.е. контекст указывает на отсутствие или наличие данного факта в прошлом.

Также аористическое значение присутствует в случаях передачи последовательности действий:

«Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась»

(В. Г. Короленко).

В данном случае аористическое значение указывает на то, что перечисляемые факты не просто следуют друг за другом, но и вытекают один из другого.

Важной особенностью аористического значения можно назвать то, что указание на определенный момент действия в прошлом может сыграть роль контекстного показателя аористического значения, например:

«Даша проговорила детским голосом:
– Разве я виновата, что не умерла тогда!
А теперь мешаю вам жить...»
(А. Толстой. Восемнадцатый год).

Благодаря наличию наречия «тогда» в этом предложении глагольное действие воспринимается как факт, относящийся к прошлому и не имеющий связи с настоящим, т.е. не являющийся актуальным на данный момент времени. Если бы наречие «тогда» отсутствовало, эта глагольная форма не принимала бы аористическое значение.

Аорист (aorist) в черногорском языке представляет собой прошлое совершенное время и образуется соответственно из глаголов совершенного вида. Аорист обозначает действие, которое случилось в прошлом, а также действие, которое случилось после этого действия в прошлом [2, с.156]:

On je ustao sa klupe, a oni odmah ustadoše za njim.
(Он встал со скамейки, и они сразу встали за ним).

Аорист используется также в случае, когда речь идет о событии, которое произошло непосредственно перед моментом речи:

Gle, prestade kiša, ali dunu vjetar.
(Смотри, дождь закончился, но подул ветер).

Также аорист служит для выражения настоящего и будущего времени:
«Dodi, pojedoše me psi!» («Приходи, меня кусают собаки!»)
«Vidi, izgore je sunce!» («Смотри, она сгорела на солнце!»)

В современном сербском и черногорском языке аорист активно используется в литературе. Несмотря на то, что обычно в разговорной и частично в литературной речи аорист заменяется перфектом, т.е. обыкновенным прошедшим временем, все чаще встречаются примеры использования аориста в социальных сетях, потому что данная форма глагола короче, чем перфект: «japadoh» - «jasampala».

Существует несколько видов аориста, среди которых выделяется повествовательный, модальный и пословичный [3, с.112]. Повествовательный аорист узнается при помощи наречий, обозначающих время: tada(в тот же момент), onda (тогда), juče (вчера) и др.:

Onda Marko uze tešku topuzinu, pa je baci u sinje more.
Тогда Марко взял тяжелую булаву и бросил ее в синее море.

Модальный аорист обозначает отношение говорящего к еще не произошедшему действию, например:

Vježimo, nastradasmo.
Побежали,[иначе]пострадаем.

Dajte im vode, umreše od žeđi.

Дайте им воды, [иначе] умрут от жажды.

Гномский или пословичный аорист используется в пословицах:

Bez muke se pjesma ne ispoja, bez muke se sablja ne iskova.

Без муки песня не поется, без муки сабля не куется.

Некоторые глаголы третьего лица единственного числа пишутся одинаково как в настоящем времени, так и в аористе. Различаются они произношением, т.к. имеют разные ударения. Рассмотрим на примере глагола «ohladiťse» - «охладиться»:

Pita niđe ukusna kad se ohladi.

Пирог не вкусный, когда остынет (наст.вр.)

Dođite, djeco! Pita se ohladi.

Дети, идите! Пирог уже остыл (аорист)

Таким образом, аорист в черногорском языке, в отличие от русского, активно употребляется как в литературной, так и в разговорной речи и имеет несколько видов, каждый из которых служит для обозначения конкретного случая. А в русском языке отголоски аориста, формы прошедшего времени, остались в современном русском языке в виде аористического значения глаголов.

Литература

1. Сумбатова Н.Р. Грамматикализация глагольного синтаксиса. Дисс. канд. филол. наук. – М., Институт языкознания РАН, 1996. – 219 с.
2. A.Ćirić, I.Pranjković, J.Silić. Gramatika crnogorskoga jezika. – Cetinje, 2010. – 358 s.
3. Стојићевић А., Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику. – Ljubljana, 1951. – 171 с.

Ercegovich Y.

Abstract. In article the value and the use of forms of the aorist in modern Russian and Montenegro languages is analysed.

Key words: aorist; Russian and Montenegrin languages; past tense.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация. Работа посвящена проблеме функционирования поэтонимов в художественном тексте, являющихся самостоятельными единицами художественной речи. В статье рассматривается соотношение терминов «оним» и «поэтоним», «ономастическое пространство» и «ономастическое поле», характеризуются основные подходы к описанию и классификации ономастического пространства.

Ключевые слова: ономастика; поэтонимы; онимы; ономастическое пространство; ономастическое поле.

В настоящее время в лингвистической науке наблюдается возрастание интереса к проблеме изучения имён собственных в художественной литературе, что объясняется увеличением числа исследований в области лингвопоэтики, стилистики художественной речи, литературной ономастики.

Проблема изучения ономастической лексики в художественном тексте становилась предметом рассмотрения в лингвистических работах С.И. Зинина [Зинин 1980: 3], В.Н. Михайлова [Михайлов 1981: 5], А.В. Суперанской [Суперанская 1986: 8], В.И. Супруна [Супрун 2000: 9], О.И. Фояковой [Фоякова 1990: 10], С.П. Васильевой [Васильева 2009: 1] и др. Однако в лингвистической литературе отсутствует единообразие в терминологии для обозначения ономастической лексики как объекта изучения в художественной речи, единый взгляд на принципы и подходы к ее классификации.

Цель настоящего исследования – на основе анализа лингвистической литературы рассмотреть термины, характеризующие существенные признаки онимов в художественном тексте и принципы их анализа.

Прежде всего необходимо выяснить соотношение терминов «оним» и «поэтоним», которые приняты в ономастике. Их различия состоят в том, что онимы – это имена собственные, которые служат для выделения именуемого объекта среди других в предложении (например, город Тольятти, село Ширяево, река Волга и др.); поэтонимы – это имена собственные в поэтическом произведении. Следует отметить, что в литературоведении под термином «поэтоним» подразумеваются обозначения условных, экзотических, мифологических, то есть наделённых определённым поэтическим смыслом имён

собственных [Суперанская 1973: 30]. Например, поэтонимом могут являться такие имена собственные, как Джоконда, Фауст, Афродита и т.д. В свою очередь, к примеру, город Москва нельзя назвать поэтонимом – это оним, который принадлежит к разряду топонимов – географическим наименованиям.

Однако в литературной ономастике принята более широкая трактовка данного термина: «Поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имён, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [Подольская 1988: 6, 108].

Например, в стихотворении поэта-современника Игоря Иртеньева «Моя Москва» город Москва считается не просто именем собственным, а поэтонимом, так как в нём Москва предстаёт как живое существо, к которому обращается лирический герой (поэт), она является символом Дома для него и главным «героем» поэтического произведения [4]: «Я, Москва, в тебе родился, / Я, Москва, в тебе живу, / Я, Москва, в тебе женился, / Я, Москва, тебя люблю! / Ты огромная, большая, / Ты красива и сильна, / Ты могучая такая, / В моем сердце ты одна...».

Другой проблемой теоретической литературной ономастики является разграничение терминов «ономастическое пространство» и «ономастическое поле», которые часто используются как синонимичные. Между тем, это разные понятия. Ономастическое пространство – это совокупность личных имён и фамилий, какие применяются в языке для названия настоящих, предположительных и нереальных прецедентов [Зинин 1980: 2].

Ономастическое пространство представляет собой совокупность онимов, образующих следующие лексико-семантические группы в соответствии с разделами ономастики: топонимы, антропонимы, зоонимы и др. Функционирующие в художественных текстах поэтические антропонимы, топонимы и другие онимов могут в отдельности являться самостоятельными ономастическими полями в составе в составе общего ономастического пространства.

Изучение ономастического пространства художественного текста связано со структурным подходом в лингвистике. Разновидностью структурного подхода является полевой, т.е. структурно-семантический. На наш взгляд, самым оптимальным подходом при изучении ономастической лексики является полевой, так как он предполагает наличие не только структурных отношений, но и семантическую общность языковых единиц, учет их стилистической окрашенности, выделение микрополей, ядерной и периферийной части.

Еще одна проблема изучения ономастической лексики в художественном тексте связана с отсутствием единой классификации онимов. Разные исследователи в зависимости от идейно-эстетических задач авторов художественных произведений при рассмотрении ономастического пространства предлагают

различные группировки онимов: реальные/вымышленные имена собственные, прямо/косвенно характеризующие поэтический образ, по стилистической роли (нейтральные/пародийные/ассоциативные/описательные) и др.

Таким образом, для обозначения имен собственных в художественном тексте используется специальный термин – поэтонимы. Данный термин, по мнению исследователей, позволяет более точно отобразить особенности онимов как единиц художественного текста, в котором они помимо номинативной функции выполняют характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Лингвистическое изучение онимов предполагает применение структурно-семантического подхода, который связан с понятием ономастического пространства художественного произведения.

Литература

1. Васильева С.П. Литературная ономастика. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009 – 138 с.
2. Зинин С.И. Из истории лексикографирования собственных имен в художественной литературе. Ташкент: ТашГУ, 1980. Вып. 629. С. 83-89.
3. Зинин С.И. Введение в поэтическую ономастику. Ташкент: ТашГУ, 1980 – 396.
4. Иргеньев И., «В одном практически шнурке...» [Электронный ресурс] // Сайт Игоря Иргеньева. URL: <http://www.irteniev.ru/verse.php3>
5. Михайлов В.Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи. Симферополь: СГУ, 1981 – 28 с.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988 – 192 с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973 – 367 с.
8. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986 – 256 с.
9. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Волгоградский пед. ун-т, Перемена, 2000 – 172 с.
10. Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990 – 103 с.

Isyanova D.R.

THE PROBLEM OF STUDYING ONOMASTIC VOCABULARY IN THE LITERARY TEXT

Abstract. The work is devoted to the problem of the functioning of the poetics in the literary text, which are independent units of literary speech. The article deals with the correlation between the terms «onym» and «poetic», «onomastic space» and «onomastic field», the main approaches to describing and classifying the onomastic space.

Key words: onomastics; poetics; onyms; onomastic space; onomastic field.

Котова Ирина Сергеевна

*магистрант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина*

Москва, Россия

irina-kotova@newmail.ru

Лужная Мария Михайловна

*магистрант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина*

Москва, Россия

marialuzhnaya1@gmail.com

ШУТЛИВЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПРОСЬБЫ, ПРИГЛАШЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СОГЛАСИЯ, ОТКАЗА В ОБИХОДНОМ ОБЩЕНИИ РУССКИХ

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятия «шутливый речевой акт», рассмотрены шутливые речевые акты просьбы, приглашения, предложения, согласия, отказа в повседневной русскоязычной коммуникации.

Ключевые слова: непрямая коммуникация; прагмалингвистическая категория косвенности; контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты; шутливый речевой акт.

В настоящее время в коммуникативистике наблюдается интерес к изучению явлений, связанных с непрямой коммуникацией (далее — НК), прагмалингвистической категорией косвенности [16; 18; 22; 23; 30].

Некоторые исследователи выделяют особый тип КСКРА — «шутливый РА», «цель которого развеселить, развлечь, рассмешить слушателя, доставить ему удовольствие, улучшить его эмоциональное состояние, развлечься самому» [15, с. 126]. Эти РА относятся к единицам НК и представляют собой вербальные реализации прагмалингвистической категории косвенности [19], являясь контекстуально-ситуативными косвенными РА (далее — КСКРА) [17 19]. Как отмечает Т.В. Нестерова, «шутливые РА — своеобразные средства самопрезентации личности (если стратегическая цель при реализации этих единиц НК достигнута, есть запланированный перлокутивный эффект в виде положительной реакции адресата, говорящий испытывает чувство удовлетворения от своего коммуникативного поведения <...>). Условиями успешности шутливого РА являются: наличие у говорящего и слушающего одинакового социального и психологического опыта, общих фоновых знаний, их принадлежность к одной и той же культуре и т.д.» [15, с.126].

В данной статье шутливые КСКРА будут рассмотрены на примере иницирующих реплик в ситуациях предложения, приглашения, просьбы и реплик согласия и отказа как ответных реакций на побуждение. Здесь мы можем говорить о формировании полиинтенциональных РА (в которых сочетаются две и более интенции): шутка + побуждение; шутка+ согласие; шутка +отказ [19, с.89].

Побудительные РА играют большую роль в регулировании общественных и межличностных отношений. Н.И. Формановская определяет побудительность как «одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление с одной стороны, а с другой — побуждение к действию адресата» [29, с. 141].

Интересующие нас РА просьбы, приглашения и предложения Н.И. Формановская определяет следующим образом:

Просьба — 1. Наименование побудительной ситуации общения, когда говорящий склоняет или понуждает адресата к выполнению того, что нужно, полезно просящему. 2. Сумма выражений, составляющих тематическую группу со значением просьбы 3. Каждое из выражений, с помощью которых осуществляется речевое действие (акт) просьбы [28].

Приглашение — 1. Наименование этикетной ситуации общения, когда говорящий побуждает адресата к совершению действия, которое, с точки зрения адресанта, приятно и полезно для адресата. 2. Стереотипные выражения — РА, с помощью которых осуществляется приглашение [27].

Предложение — 1. Наименование ситуации общения, когда говорящий побуждает адресата к совершению действия, которое, с точки зрения адресанта, полезно для адресата, либо объективно необходимо для исполнения. 2. Стандартные выражения, с помощью которых осуществляется предложение [26].

В качестве реплик-реакций на данные побудительные РА рассмотрим согласие и отказ.

Н.И. Формановская выделяет следующие три речевые ситуации, в которых согласие является репликой-реакцией на предшествующий РА: «а) согласие что-либо сделать для другого (в ответ на просьбу); б) согласие разрешить другому что-либо сделать; в) согласие с мнением собеседника» [30, с. 134]. Нас будут интересовать первые две ситуации (а, б).

Отказ — это «1) речевое действие, которое содержит негативную реакцию (несогласие, отрицание) на просьбу, на требование, на приказ, на флирт, на предложение (в том числе предложение руки и сердца), на совет (непрощеный)» [18, с. 48], «на приглашение» [23, с. 14].

Отметим, что РА отказа связан с дисгармоничной ситуацией общения и, к тому же, относится к «ликоущемляющим», поскольку его интенция противоречит интересам адресата [11]. Именно поэтому при реализации данной интенции используются КРА [18], в том числе и шутливые, которые позволяют говорящему действовать в рамках принципа кооперации.

Шутливый РА согласия используется с целью получения «психологических поглаживаний» [25; 29], которые позволяют «укрепить фундамент отношений» [25], перевести диалог в шутливую тональность.

Употребление шутки в директивных РА смягчает степень их категоричности, т.к. снижает «в побудительности долю принуждения» [26]. К тому же использование шутки в рассматриваемых побудительных РА может быть связано с нежеланием говорящего «потерять лицо в случае отказа» [13].

Итак, шутливые РА просьбы, предложения, приглашения, согласия, отказа, функционируя в «зоне этикета», сохраняют вежливые, доброжелательные, дружеские отношения между коммуникантами, способствуют сохранению гармонии в общении.

В рамках данной статьи будут рассмотрены следующие ситуации:

- 1) предложение согласие/отказ;
- 2) приглашение согласие/отказ;
- 3) просьба согласие/отказ.

Поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным описать все шутливые РА в данных ситуациях общения, ограничимся анализом нескольких примеров.

Рассмотрим 1-ую ситуацию: предложение согласие/отказ.

Шутливые РА этой группы мы рассматриваем в следующих коммуникативных ситуациях: 1) предложение сделать что-либо вместе; 2) предложение кому-либо сделать что-либо [2]. Приведем примеры:

- 1) шутливое предложение сделать что-либо вместе:

— Ну, что, соучастница моего преступления, вместе ограбим холодильник? <...> Она тихо засмеялась, согласившись помочь мне в моем «преступлении» [12].

Созданию шутливого эффекта в этом РА способствует изменение стилистической сочетаемости слов. Здесь лексика юридического дискурса («соучастница преступления») включена в обиходно-бытовую сферу общения. Происходит также нарушение лексической сочетаемости глагола «ограбить»: «Ограбить — Отнять силой у кого-л. в разбойном нападении; обокрасть что-л., применяя угрозы, насилие. Ограбить банк» [21]. РА «ограбим холодильник» не является побуждением к реальному преступлению, а представляет собой шутливое предложение поехать.

Данный РА имеет запланированный перлокутивный эффект: адресат понял шутку и согласился на предложение поехать.

- 2) шутливое предложение кому-либо сделать что-либо:

[Roberta, жен] <...> Заходите, присаживайтесь, участвуйте в обсуждении #:love:#

[Kotlina, жен] Roberta, спасибо! (Интернет-коммуникация [14])

Коммуниканты находятся вне зоны видимости (дистантное, опосредованное интернет-общение), но реализуют этикетный РА приглашения как в коммуникации с реальными людьми в контактном непосредственном общении.

Вот и совершите променад, — улыбнулся Женя, — за тридцать минут я уничтожу безобразия [7].

Использование слова «променад» с пометами «шутл., устар.» [10] придает РА предложения шутливую тональность.

— Если не съедите, я вам тогда в пакет уложу остатки. Завтра сфинишируете, ребята [1].

Здесь используется окказионализм «сфинишируете» в значении «доедите».

Рассмотрим ответные реплики – шутливые РА согласия и отказа в ситуации предложения:

— Может, нам в гости сходить?

— Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро! К кому пойдём? (запись устной речи)

Шутливый эффект РА согласия создаётся за счёт использования прецедентного текста: цитата из мультфильма «Винни-Пух».

— Мне надо работать, а ты же не будешь целый день торчать в четырех стенах. Поди, погуляй по городу!

— Да погода какая-то неаппетитная, я лучше поваляюсь с книжечкой на свободе, телик посмотрю... [4].

Шутливый отказ основан на обыгрывании лексической сочетаемости: слово «неаппетитный» не обладает устойчивым зафиксированным значением, подходящим для описания погоды (см. «аппетитный» как «возбуждающий аппетит. А. пирог. А. запах. Аппетитно (нареч.) есть с аппетитом» [21]).

Перейдём к описанию 2-ой ситуации приглашения – согласия / отказа. Здесь мы можем выделить: приглашение в гости, приглашение к столу, приглашение сходить куда-либо вместе.

В словаре А.Г. Балакая приводятся следующие шутливые реализации РА приглашения (с пометкой шутл.): «Будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях» [2, с. 68]; «Милости прошу к нашему шалашу»; «Милости просим к нам во двор со своим добром» [2, с. 245].

Приведем примеры шутливых РА в ситуации приглашения в гости:

— Заходи, подруга, я сейчас холостякую, Олег только завтра вернется. Так что нам никто не помешает [4].

Шутка создаётся за счёт окказионализма «холостякую». К тому же эту реплику произносит женщина, и такое несоответствие значения слова (от «холостяк» — «холостой мужчина (обычно о немолодом мужчине)» [21]) придаёт РА дополнительный комический эффект.

Капитонов направляется к себе по коридору, но из шумного номера открывается дверь: — Маэстро, это же вы? Милости просим на огонек! И какая-то непостижимо фатальная сила заворачивает туда Капитонова. [20]

Говорящий намеренно использует устаревшую лексику (устар. «милости просим» [31]) в сочетании с шутливым обращением («маэстро» как «обращение к музыканту, композитору» [21]), хотя адресат не является ни

композитором, ни музыкантом). Перлокутивный эффект достигнут: адресат принимает приглашение.

Также возможно шутивное приглашение к столу:

Слава. <...> (Поставил на стол цветы, сел.) Свистать всех к столу! [5]

Обыгрывается прецедентный текст «Свистать всех наверх!» (он подвергается трансформации) (специальная команда, по которой экипаж судна собирается на верхней палубе), что создает шутивную тональность.

На возможность шутивного обыгрывания РА приглашения сходиться куда-либо вместе указывает А.Г. Балакай, приводя в качестве примера следующую реплику: «(шутл.) Не хотитца ли пройтитца» [2, с.500]. Здесь мы видим приём рифмовки, который построен на фонетической и графической деформации словоформ.

Функционируют шутивные приглашения такого типа и в Интернет-коммуникации: — Кто со мной на зыринг, плавно перетекающий в шоппинг?))) (соблюдена орфография и пунктуация источника) [33].

В данном примере используется неологизм, образованный с помощью суффикса -инг, «продуктивного для английских заимствований (явление гибридации) (по аналогии с «франчайзинг», «лизинг», «копирайтинг» и т.п.)» [15, с. 127 128].

В ответных реакциях согласия / отказа на приглашение также возможно возникновение шутивной интенции:

(Друзья, посидев в кафе, собираются домой)

— Ребят, время уже 10 часов.

— Да. Пойдёмте домой... к Роме

— Не, ко мне никак. У меня пока нет дома – ремонт. (Нарочито грустно).

Я теперь Рома без дома (запись устной речи).

Эффект шутки основан на рифмовке имени Рома и слова «дом» в Р.п. ед.ч. В данном примере шутка служит способом мотивировки отказа (дополнительно смягчая его категоричность).

Шутивное согласие может быть основано на обыгрывании лексической сочетаемости слов:

— Может быть, тогда выпьем кофе?

— Где предлагаете приземлиться? [9]

Ответная реплика представляет собой КСКРА согласия в форме вопроса. Многозначное слово «приземлиться» использовано в значении «опуститься куда-н. (разг. шутл.)» [21], что и создаёт комический эффект.

— Может, пойдём прогуляемся?

— Что-то не хочется. У меня сегодня кабинетное настроение (запись устной речи).

Шутка содержится в обосновании отказа на приглашение и создаётся за счёт использования необычной сочетаемости слов «кабинетный» и «настроение». Слово «кабинетный», образованное от слова «кабинет» в его 1, 2, 3 значениях не может сочетаться со словом «настроение». (Прим.: «кабинет» — «1. Комната

для занятий, работы. 2. Комплект мебели для такой комнаты. 3. Помещение, оборудованное для каких-н. специальных занятий») [21].

Перейдём к описанию 3-ей ситуации просьбы – согласия / отказа на неё.

Рассмотрим пример шутливой просьбы совершать / не совершать какое-либо действие:

(Говорящий садится в такси, он в хорошем настроении):

— Гони лошадей! [7].

Здесь мы видим обыгрывание прецедентного текста: названия романа «Ямщик, не гони лошадей!».

— Граждане, разрешите купить жене подарок, я её 12 суток не видел, сидел на курорте! (из к/ф «Большая перемена»)

Комический эффект возникает за счёт обыгрывания лексической сочетаемости слов. Говорящий использует глагол «сидеть» в значении «находиться в каком-н. месте, внутри чего-н.; быть помещённым куда-н.» [21]. В разговорной речи абсолютное употребление глагола «сидеть» в таком значении связано с привычным представлением «сидеть в тюрьме». В данной ситуации комический эффект создаётся за счёт несоответствующего общим представлениям дополнения «на курорте» в сочетании с обстоятельством времени «12 суток», используемых здесь как в качестве эвфемизмов.

(СМС-переписка): - Любимый, мы с подругами в бар собираемся, можно я с ними уже ушла? (анекдот).

Обыгрывается синтаксическая структура предложения. В основе шутки – логический парадокс. Девушка спрашивает разрешения уйти, хотя сама уже ушла. Здесь мы наблюдаем несоответствие временных форм глаголов («собираемся» - настоящее время, «ушла» - прошедшее время). Возможность построения данного предложения связана с особенностью опосредованной коммуникации (СМС-переписка).

Шутливыми ККРА согласия на просьбу являются различные трансформации английского слова «окау», которые характерны для молодёжного и Интернет-сленга. Такие реализации частотны в устной речи и уже отражены в словаре [24]:

1) Шутл. подтверждение своего согласия с чем бы то ни было.

— Встретимся в 20:00. — Океюшки [24].

2) — Привози его на то же место. Я заберу его через сорок минут.

— Оки-доки! [6].

Отметим, что такие реализации могут быть использованы и как согласие на РА предложения, приглашения.

Антон. Эй, парень, стой. К родственникам ты все равно уже не попадешь, а здесь живут очень хорошие ребята, но как сказать-то, попонятнее, ужасно голодные.

Виктор. Я понял. Вообще-то у меня есть дела, но час я могу посвятить... спасению голодающих [3].

В данном примере реплика согласия служит ответом на просьбу-намёк, содержащийся в реплике Антона «здесь живут очень хорошие ребята, но как сказать-то, попонятнее, ужасно голодные». Ответный РА Виктора можно охарактеризовать как согласие-уступку. Комический эффект создаётся за счёт трансформации фразы «час я могу посвятить спасению голодающих» (по аналогии с выражением «спасение утопающих»).

K1: — У вас сигаретки не найдётся?

K2 (даёт сигарету): — Курите на здоровье!

K1: — Спасибо (смеётся) (запись устной речи).

Здесь представлен шуточный полиинтенциональный КСКРА согласия-предложения в ответ на косвенную просьбу. Эффект шутки в реплике-реакции основан на столкновении несовместимых понятий (оксюморон) (курение и здоровье). Коммуникацию можно считать успешной, т.к. здесь есть перлокутивный эффект: адресат понял шутку (реакция — смех).

(Разговор жены и мужа)

— Помогите ребенка вытереть! — приказала Вика.

— О, уи, мон жэнераль! — шуточно козырнул Митя. Он взял мокрую, агукающую Дашку на руки, и Вика стала вытирать ее большим махровым полотенцем [8].

Комический эффект создаётся за счёт включения в контекст обиходной ситуации французских слов. При этом обыгрываются социальные роли «вышестоящий-нижестоящий» (говорящий называет жену «мон жэнераль» («мой генерал»), сопровождая фразу невербальным поведением («шуточно козырнул»).

Отказ на просьбу также может содержать шутовую интенцию:

«Хочешь чаю? — Нет, спасибо, я уже отчаялся».

Шутовый эффект достигается за счёт создания окказионального неологизма: «обыгрывание внутренней формы глагола “отчаяться” — “ложная этимология”») [15, с. 127].

Шутовая фраза «У меня лапки» также является КРА отказа. Это выражение перешло в обиходное общение из Интернет-коммуникации, где в сочетании с изображением кота обозначало его неспособность решать человеческие проблемы (напр. «Я бы сдал за тебя французский, но у меня лапки» [34]). В повседневной коммуникации этот РА приобрел значение нежелания выполнять какое-либо действие (напр. « — Разведи костёр! — У меня лапки» [32]).

Безусловно, в одной статье невозможно рассмотреть все шутовые реализации названных выше интенций в обиходном русскоязычном общении. Данная работа будет продолжена в рамках магистерских исследований.

Нам представляется перспективным создание типологии шутовых РА в обиходной сфере, которая может быть полезна при написании пособий по РКИ для студентов высших этапов обучения.

Литература

1. Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп [Электронный ресурс] // URL: <https://e-libra.ru/read/164798-kruglye-sutki-non-stop.html> (дата обращения: 12.03.2018)
2. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: 2-ое изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
3. Венедиктова Е. Экзамен про любовь [Электронный ресурс] // URL: http://lit.lib.ru/w/wazhenina_o_n/text_0070.shtml (дата обращения: 12.03.2018)
4. Вильмонт Е. Полоса везения, или Все мужики козлы [Электронный ресурс] // URL: <https://e-libra.ru/read/135339-polosa-vezeniya-ili-vse-muzhiki-kozly.html> (дата обращения: 12.03.2018)
5. Володин А. Пять вечеров [Электронный ресурс] // URL: <http://lib-drama.narod.ru/volodin/fiveevening.html> (дата обращения: 13.03.2018).
6. Геласимов А.В. Год обмана [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=10003&p=1> (дата обращения: 12.03.2018)
7. Донцова Д. Родословная до седьмого колена [Электронный ресурс] // URL: <http://lovereads.me/read/84670/1> (дата обращения: 12.03.2018)
8. Житков А. Кафедра [Электронный ресурс] // URL: http://www.rulit.me/programRead.php?program_id=131354&page=1 (дата обращения: 12.03.2018)
9. Иванов А.В. Комьюнити [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=149616&p=1> (дата обращения: 12.03.2018)
10. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 12.03.2018)
11. Кунаева Н.В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения: на материале английского языка Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Воронеж, 2009.- 225 с.
12. Левалк А. Кошка по кличке «счастье» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=590281&p=1> (дата обращения: 12.03.2018)
13. Мосейко А.А. Этикетная модель просьбы в британской и русской лингвокультурах [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25651553_90355050.pdf (дата обращения: 12.03.2018)
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.03.2018)
15. Нестерова Т.В. «НОМО LUDENS» в непрямой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 5-2(71). — С. 126-131.
16. Нестерова Т.В. Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Современная коммуникативистика. 2013. № 6 (7). С. 26-34.
17. Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (47). С. 156-162
18. Нестерова Т.В. Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24549694_71735970.pdf (дата обращения: 12.03.2018)
19. Нестерова Т.В. Шуточные речевые акты в повседневной русскоязычной коммуникации // Актуальные направления фундаментальных и приклад-

ных исследований Материалы XIV международной научно-практической конференции. North Charleston, SC, USA, 2017. С. 88-91.

20. Носов. С.А. Фигурные скобки [Электронный ресурс] // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=250676&p=1> (дата обращения: 12.03.2018)

21. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] // URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 11.02.2018)

22. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 195-222

23. Симонова С.О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе Дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2011. — 207 с.

24. Словарь современной лексики, жаргона и сленга [Электронный ресурс] // URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: 12.03.2018)

25. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/79455631> (дата обращения: 12.03.2018)

26. Формановская Н.И. Предложение // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) Словарь-справочник [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24549659_58335397.pdf (дата обращения: 12.03.2018)

27. Формановская Н.И. Приглашение // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) Словарь-справочник [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24549694_71735970.pdf (дата обращения: 12.03.2018)

28. Формановская Н.И. Просьба // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) Словарь-справочник [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24549726_45967538.pdf (дата обращения: 12.03.2018)

29. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. – Рус. яз., 2002. – 216 с.

30. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М.: Рус. яз., 2002. – 160 с.

31. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] // URL: <https://phraseology.academic.ru> (дата обращения: 12.03.2018)

Kotova I.S., Luzhnaya M.M.

HUMOROUS SPEECH ACTS OF REQUEST, INVITATION, PROPOSAL, CONSENT AND REFUSAL IN RUSSIAN EVERYDAY COMMUNICATION

Abstract. The article defines the meaning of the term “humorous speech act”. The situations of request, invitation, proposal, consent and refusal in Russian everyday communication are in the focus of research.

Key words: indirect communication; pragmatic and linguistic indirection category; contextual and situational indirect speech acts; humorous speech act.

Серовская Дарья Валерьевна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
dasha-serovskaya@yandex.ru

АМЕРИКАНИЗМЫ В ОБИХОДНОЙ РЕЧИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье дается толкование термина «американизмы», являются причины их употребления в обиходной речи молодежи (русско-язычное общение), приводятся примеры речевых реализаций, содержащих американизмы.

Ключевые слова: заимствования, американизмы, обиходная речь, молодежный дискурс.

Займствования – естественный процесс пополнения словарного состава языка. Их можно разделить на два типа: заимствования из славянских языков и заимствования из неславянских языков. [3, 167]. В данной статье нас интересуют лексические единицы второй группы, а именно американизмы. Русский язык испытывает сегодня сильное влияние английского языка и его американского варианта. «Американизмы – слова и выражения, заимствованные из американского варианта английского языка, напр. в русском языке "гангстер"».

Как отмечает В.Г. Костомаров, американские заимствования появляются, в первую очередь, в сфере информационных технологий (апдейт, браузер, скриншот, трафик), коммерции (акцепт, депозит, овердрафт, оферта, маркетинг) политики (спикер, саммит), музыки (трек, хип-хоп, сингл постпанк), моды (боди, худи, сникерсы) [1, 53]. Данная классификация актуальна и по сей день.

Анализ практического материала позволил нам выявить причины употребления американизмов в обиходной речи молодежи:

1. Появление новых реалий, отклик на изменения в обществе, в массовой культуре (биткоин, харрасмент, бекер).

2. Отсутствие русского эквивалента для номинации какой-либо новой реалии: офшор, мем, лайк, селфи.

3. мода: хайпануть, лук (образ), свитшот, лонгслив.

4. Удобство, экономия времени: окей, лол, го, дедлайн.

5. Шутка, языковая игра, усиление экспрессивности речи: Вотс ап, ребята?; У нас полный мисандестендинг; Фотки – топ.

В рамках нашего исследования мы провели социальный опрос, в котором приняло участие 74 человека. На вопрос «Почему вы употребляете американизмы при наличии русского эквивалента?» 3% респондентов ответили,

что это модно. 5 % опрошенных сказали, что таким образом они лучше запоминают английские слова. 11 % не употребляют американизмы вообще. 22 % не задумывались об этом. 27 % вставляют в свою речь американские заимствования для того, чтобы придать речи экспрессивность. А большинство участников опроса, 32 %, отдали свой голос за то, что употреблять американизмы – удобно и это значительно экономит время.

Большое влияние на обиходную речь молодежи оказывает язык, используемый для переписки в электронной среде (чаты, форумы, СМС-переписка). Как было отмечено выше, использование американизмов значительно экономит время участников коммуникации при создании текстового сообщения. Например, вместо того, чтобы написать фразу «Давай поедem в путешествие!», молодые люди используют короткое выражение «Го в трип!» (Go – англ. ехать, trip – англ. Поездка, путешествие). Коммуниканты привыкают к таким выражениям, находят их удобными и, соответственно, переносят их в свою обиходную речь.

Теперь обратимся к следующему диалогу:

– А ты знала, что на завтра нужно еще сделать презентацию к выступлению?

– Нет. Я точно не успею. Хэлп ми, плиз! (Help me, please!).

В данном контексте вместо русской фразы «Пожалуйста, помоги мне!» используется емкий аналог с американизмами.

Русскоязычная молодежь слышит американизмы в популярных американских фильмах, использует в общении со своими иностранными друзьями, а затем переносит их в обиходную коммуникацию. Например:

– Хай! А что задали? (Hi – англ. привет)

– Ну, все, давай, си ю. (see you – англ. увидимся)

– Камон, гайз! Сегодня пятница! Идем куда-нибудь. (Come on – англ. междометие «Ну же!», «Давайте!»). Guys – англ. ребята)

– Ты на пары го? – Го. – А я не го.

Очень часто в обиходе молодых людей можно услышать следующие выражения: я хочу писать про лайфстайл (lifestyle – стиль, образ жизни); сингл хороший, а альбом мне не нравится (single – единственный, т.е. одна песня из альбома); покажу вам секреты бэкстейджа (backstage – за кулисами, то есть то, что не вошло в съемку); сейчас проще покупать одежду в масс-маркетах (mass market – массовый рынок товаров и услуг).

Использование в речи молодежи таких конструкций связано с влиянием западной культуры (модные тенденции, кинематография, музыка и т.п.). Соответственно, она становится для них более близкой и понятной.

Итак, проведенное нами исследование показало, что американизмы активно поступают в лексикон российской молодежи, проникают в ее обиходную речь. Однако, с нашей точки зрения, при наличии в языке русских синонимов приоритетнее использовать именно их.

Мы согласны с точкой зрения Т.В. Нестеровой, которая пишет: «Многочисленные заимствования, проникающие в русский язык, большая часть которых представлена англицизмами и американизмами, - явление закономерное, отражающее активизировавшиеся в последнее десятилетие экономические, политические, культурные, общественные связи и взаимоотношения России с другими странами. И мы несколько не умаляем их роль в развитии лексической системы русского языка. Однако во всем нужно соблюдать меру. С грустью приходится констатировать, что в погоне за всем иностранным, в стремлении копировать западные образцы мы всё больше теряем свою самобытность. Как следствие этого — потеря интереса к родному (русскому) языку, русской литературе и культуре, косноязычие, снижение грамотности, общей и языковой культуры. Здесь было бы уместно вспомнить слова великого русского писателя И.С. Тургенева: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса» [3, с. 73].

Литература

1. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 1999. – 330 с.
2. Крысин Л.В. Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63–91
3. Нестерова Т.В. Новое в лексике русского языка // Русский язык за рубежом. 2015. № 1. С. 64–73.
4. Фомина М.И. Современный русский язык : Учебник: Лексикология. - 4-е изд., испр./ – М.: Высш.шк.2001. – 415 с.

Serovskaya D. V.

AMERICANISMS IN YOUTHS' EVERYDAY DISCOURSE

Abstract. The paper gives a definition of the term «Americanisms», educes reasons of their use in Russian youths' everyday speech and offers examples of speech fragments containing Americanisms.

Key words: Borrowings, Americanisms, everyday speech, youths' discourse.

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ: «КРИЧАТЬ» – «КЛИЧАТЬ» В «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ»

Аннотация. В данной статье проводится описание глаголов речевого действия «кричать» и «кличать» в «Словаре Академии Российской», рассматриваются семантически сходство и разница между двумя глаголами.

Ключевые слова: глаголы речевого действия; «Словарь Академии Российской» (САР); кричать; кличать; крик; клик.

Речевое действие имеет огромное значение в жизни человека. Без общения, основной формой которого является речь, невозможно существование человеческого общества, поэтому глаголами речевого действия обозначается самая важная сторона деятельности человека.

Глаголов речевого действия (глаголы речи) в современном русском языке довольно много, ведь тоже существует множество способов передать речь (например, стилистически или семантически). Существуют различные определения «глаголов речевого действия» (глаголов речи), но до настоящего времени лингвисты не пришли к общему мнению о том, что следует считать глаголами речевого действия. Так, позиция – «В широком понимании под глаголами речи понимаются все глаголы, которые называют акт говорения» – отражена в работе И.А. Езolkой. [1, с. 2-5] Глаголы речевого действия, по мнению М.И. Кролла, – это все «глаголы, выражающие процесс говорения в его различных проявлениях». [3, с. 7-9] Эти глаголы активно употреблялись в Древней Руси и достаточно распространены в наше время.

В данной статье проводится описание конкретных глаголов речевого действия «кричать» и «кличать» в «Словаре Академии Российской» (далее – САР), который является уникальным памятником российской словесности конца XVIII века. Описание этих глаголов позволяет сопоставить их понимание и толкование в XVIII веке с современным объяснением значений этих слов.

Являясь главным и наиболее важным достижением русской лексикографии XVIII столетия, «Словарь Академии Российской» получил высокую оценку современников. Н.М. Карамзин в речи, которая была произнесена им по случаю избрания его членом Российской Академии в 1818 году, сказал: «Полный

словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями». [2, с. 169]

Работа над словарем заняла 11 лет (1783–1794). Слова в Словаре располагались гнездовым способом, т.е. по общему корню, образуя разветвленные смысловые гнезда, поэтому по нему можно было определить, откуда произошло слово.

Обратимся к описанию глагола «кричать» («крикнуть» – СВ) в САР, где выделены три значения данного глагола: 1) Испускать громкий голос. Из всей силы кричать. Кричать ура. Он так громко кринул, что ... Птицы кричат. 2) Иногда берется вместо шуметь в спор; или ссориться, браниться. Они не могут пробыть без того, что бы не кричать в спор. Они долго между собою кричали, но наконец поладили. 3) На кого. Бранить или возбранять что делать кому крича. Я на него кричал, однако он не слушает меня. [4, III, с. 952]

Там же указаны значения данного глагола в сочетаниях с некоторыми существительными:

Кричать с зеленью, плодами и проч. – Ходя продать зелень, плоды.

Кричать к ружью. реч. воен. – Дать голосом знать, чтобы солдаты становились в строй, принимались за ружья. [4, III, с. 952]

Следует отметить, что первое и второе значения глагола «кричать» распространяются существительным «крик»: 1) Громкое испускание; произношение голоса животных. Великой, ужасной крик. Радостной, печальной крик. Испускать крик. Слышен в дали крик. Крик животных. Крик птицы. Крик ослиный. 2) Брань, ссора, гнев. У них всякой день почти бывает крик. [4, III, с. 952] Словарь ещё отсылает нас к прилагательному – «крикливый»: 1) В отношении к лицу: бранчивый; склонный ко гневу, брюзге. Крикливая старуха. 2) Говорится также о людях плакливых и о птицах часто кричащих. Крикливой ребенок. Крикливая ворона. [4, III, с. 952]

Далее рассмотрим описание глагола «кликать» («кликнуть» – СВ) в данном словаре. В САР дано два значения данного глагола: 1) Звать кого громким голосом. Я его кликал, но он не идет. Он кликал, но никто не откликается. Клинуть кого в горницу, на двор. Петух кличет кур. Самец кличет свою самку. Наседка цыплят кличет. 2) В старинном употреблении означало: кричать громким гласом, сказывать, объявлять что всенародно. И бирючем белети кликати по многие дни. [4, III, с. 614]

Что касается существительного данного глагола, то следует указать, что лексическое значение существительного «клик» имеет значение следующее: «Крик, громкое чего произглашение» (Испускать радостные клики. // Девич и юнош красных лики Вносите радостные клики. М. Л.). [4, III, с. 614]

Очевидно, что значения существительных «крик» и «клик», данные в САР, фактически совпадают, и, второе значение «кричать громким гласом»

глагола «кликать» семантически тождественно первому значению глагола «кричать». Однако в значении глагола «кликать» и существительного «клик» присутствует дополнительный оттенок значения «объявлять что всенародно, громкое чего произглашение», отсутствующее в значении глагола «кричать» и существительного «крик».

В современном русском молодёжном языке ещё используется англоязычный вариант глагола «кликать» и существительного «клик» – «щелкать компьютерной мышкой», но использовать глагол «кликать» и существительное «клик» только с предлогами: «кликнуть на», «кликнуть по», и, только в сочетаниях: «кликнуть мышкой» или «кликнуть такой-то кнопкой мышки», чтобы не перепутать исконное русское слово с его англоязычным НЕ-эквивалентом.

Таким образом, можно заключить, что глагол «кликать» в старинном употреблении является синонимом глагола «кричать». Значения глагола «кликать» определяются в САР либо как устаревшие, либо как специальные, чаще всего употреблявшиеся во время войны – их будет использовать впоследствии А.С. Пушкин при описании Полтавской битвы:

«Швед, русский колет, рубит, режет:

Бой барабанный, клики, скрежет...»

В современном языке этот глагол менее употребителен, его чаще заменяют нейтральным, близким по семантике, глаголом «кричать». Изучение глаголов речевого действия в современном русском языке и в русском языке XVIII века представляется нам интересной задачей для дальнейшей работы.

Литература

1. Езолка И.А. Стилистические функции синонимичных глаголов речи// Очерки по стилистике иностранных языков. – Ростов-на-Дону, 1975. 22 с.
2. Карамзин Н.М. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского». Л.: Художественная литература, Ленингр. отд-ние, 1984. 455 с.
3. Кроль М.И. Глаголы речи в современном французском языке: Автореф. Дис. ...канд.филол.наук. – М., 1969. С 7-9.
4. Словарь Академии Российской 1789–1794. М., 2002.

Nguyen Dieu Huong

VERBS SPEECH ACT: «SCREAM» – «CALL» IN THE «DICTIONARY OF THE RUSSIAN ACADEMY»

Abstract. The article describes speech verbs «кричать» and «кликать» on the material of «Dictionary of the Russian Academy», considers semantic similarities and differences between «кричать» and «кликать».

Key words: Ispeech verbs; «Dictionary of the Russian Academy»; (to) scream, (to) call.

МОДИФИКАЦИОННАЯ СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются семантические вопросы русского словообразования. Дается определение модификационного словообразования, его разновидностей.

Ключевые слова: словообразование, производное слово, модификация.

Особенностью современной науки о языке является заметно увеличившийся интерес к изучению языка в процессе его функционирования. Изучение механизмов семантических преобразований, рождение нового слова, семантическая деривация остаются центральной проблематикой лингвистических исследований. Не случайно модификационная семантика производных слов до сих пор вызывает интерес у дериватологов.

В сфере лексической деривации были выделены мутационные и модификационные словообразовательные типы, т.е. типы с принципиально различной деривационной семантикой [1]. Итак, что такое мутационные и модификационные словообразовательные типы?

По мнению Е.А. Земской, модификационными «называются такие типы, производные которых обозначают лишь какое-то видоизменение (модификацию) значения производящего слова» [2, с. 299]. Например: дом → домик, картофель → картофеляина, студент → студенчество, жемчуг → жемчужина. Производные модификационных словообразовательных типов всегда относятся к той же части речи, что и их производящие: кот – котенок; ручка – ручечка; белый – беловатый – белесый. Слова с модификационными словообразовательными значениями содержат в своей семантике дополнительный мотивирующий (модификационный) признак. А мутационные типы – это тип, который «включают производные, обозначающее не модификацию значения производящего», а нечто иное [2: с. 300]. Их значения очень разнообразны. Единицы мутационных словообразовательных типов могут принадлежать той же части речи, что производящие (касса – кассир, собака – собачник, собачина, корова – коровник, секрет – секретарь), а могут менять свою частеречную принадлежность (белый – бельё, читать – читальня, сухой – сухарь, сушить).

Мутационное и модификационное словообразование противопоставлено на основе направленности трансформаций лексического значения исходной единицы. Если к сфере мутационного словообразования относят процесс и результат формирования нового лексического значения, то, как писал М. Докулил, модификационное словообразование представляет особый тип семантических категорий. Для этого типа словообразовательных категорий характерно то, что к содержанию «данного понятия» (т.е. к семантике производящей основы) «прибавляется дополнительный модификационный признак» [1, с. 200].

В функциональном аспекте З. И. Рязанова распределяет модификационные словообразовательные типы по двум сферам: к первой группе относятся «модели, обслуживающие потребности номинативной сферы языка» [7, с.39]; например, производные слова типа брат – побратим, президент – экспрезидент, лист – листва, солома – соломина и т.п. Во вторую группу входят «модели, обслуживающие прагматическую языковую функцию», она включает в себя производные такого типа: подруга – подруженька, мысль – мыслишка, положение – положеньице и т.д.

Л.В. Красильникова подразделяет модификационные дериваты на три большие группы в зависимости от их значения [4, с.117]:

1. Производные первой группы передают разного рода модификации объективного характера. По мнению Е.А. Земской, словообразовательные типы этой группы объединяются на основе «универсальных, вненациональных» категорий [3, с.34]: «женскость», «невзрослость», «единичность», «множественность»/ «собираемость», «подобие».

2. Во второй группе рассматривается единицы, в которых объективируется тесная связь, спаянность рациональной (объективного характера, или диктумной) и эмоциональной (субъективной, или модусной) оценок. Они выражают уменьшительное или увеличительное значение, но обычно в эти значения включается эмоционально-экспрессивный оттенок близости, уничижительности, ласкательности и чуждости и др.

3. Модификационные производные третьей группы стилистически маркированы как разговорные варианты.

Ядром модификационной подсистемы русского словообразования выступают производные с суффиксами субъективной оценки, которые представляют собой специфический фрагмент русской языковой картины мира. Такие дериваты показывают степень близости или отдаленности отношений между говорящими и адресатами. Путем использования экспрессивно оценочных дериватов выясняется «возможность стать «своим» или как бы «своим» [5, с.3]. Категория «свой–чужой» является одной из основных концептуальных категорий человеческого сознания, которая определяет место производных с суффиксами субъективной оценки в русской языковой картине мира. «Свой» объясняется как «принадлежащий себе, имеющий отношение к себе», а также «находящийся в родственных, дружественных отношениях, связанный

местом жительства, совместной работой, общими убеждениями» [6, с. 704], а «чужой» – «принадлежащий другому или другим, не собственный, не свой» и «неродной, посторонний, далекий по духу, внутренне чуждый для кого-л., чего-л.; такой, с которым нет подлинной близости» [6, с. 889].

Таким образом, производные слова с помощью модификационных дериватов передают разные значения, разные оттенки: увеличительность, уменьшительность, уничижительность и т.д. Анализ функционирования модификационной семантики производных помогает учащимся-филологам в усвоении, запоминании значений слов и в их уместном употреблении.

Литература

1. Dokulil M. Словообразование в чешском языке. 1. Теория словопроизводства (резюме)// M. Dokulil / Tvoření slov v češtině. Т. 1. Praha, 1962. S. 191–219.
2. Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
4. Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов. М.: МАКС Пресс, 2011. 360 с.
5. Красильникова Л.В. Национально-культурный компонент семантики производного слова в аспекте РКИ // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. Т. 3. С. 34–38.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е издание. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
7. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск: Изд-во Томского университета, 1996. 219 с.

Nguyen Thi Oanh

THE MODIFIED SEMANTICS OF DERIVED WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. This article considers the semantic issues of Russian word formation. The definition of modification word formation, its varieties is given.

Key words: word formation, derived words, modification.

Паутова Ксения Алексеевна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
ksuha9702@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье проанализированы произведения современной российской детской поэзии и выявлены языковые особенности данных произведений.

Ключевые слова: русский язык, прагмалингвистика, образование.

Поэзия играет большую роль в становлении ребенка. Не только в развитии его речи, но и мышления в целом. Поэтому перед детскими писателями стоит важная задача – перекодировать взрослый опыт для детского восприятия. Следует выбрать ту кодовую систему, которая произведёт наиболее сильное воздействие на аудиторию. Рассмотрим, какие стратегии используют современные российские детские писатели.

В данной работе произведения расположены по хронологическому принципу.

Стихотворение Веры Полозковой «Жизнь рассыпалась в труху...» входит в сборник «Ответственный ребенок. Стихи для детей», который поэтесса посвятила своему сыну.

Жизнь рассыпалась в труху.

И учеба.

Зубы выпали вверху

Сразу оба.

Автор выбрал форму стихотворения, чтобы познакомить аудиторию с этапами взросления и соответствующими этим этапам физическими изменениями, а также рассказать о сложностях «взрослой» жизни. Рассмотрим лексическое наполнение произведения: нейтральная лексика (суп, зубы, лес и др.); использование наименований профессий (инженер, гидротехник); частотное употребление абстрактных существительных (труха, жизнь, учеба, любовь, карьера, пустота, привлекательность, мечта, явь); сравнения (улыбаюсь без зубов, как пантера; если страшно, как змея, шепелявлю).

В произведении мы можем наблюдать синтаксические конструкции двух типов: простые двусоставные предложения, осложненные деепричастными оборотами и односоставные предложения, осложненные однородными членами.

Отметим, что в стихотворении употребляется сложная для детей лексика (абстрактные существительные, профессионализмы и др.). Выбор синтаксических конструкций (обилие деепричастных оборотов, односоставные предложения и др.) негативно сказывается на восприятии текста. В стихотворении автор использовал стратегию усложнения. Выбор данной стратегии не соответствует поставленной цели – воздействовать на аудиторию. Есть вероятность возникновения коммуникативной неудачи ввиду разной картины мира коммуникантов и недостаточного житейского опыта у одной из сторон. Можем сделать вывод, что произведение скорее о детях, а не для детей.

Стихотворение А. П. Тимофеевского «Картофель, запечённый в мундире» входит в сборник «Я играю на гармошке. Стихи для детей».

Не надо бежать за советами к маме,
С картофелем запросто справимся сами.
Его мы не чистим, не режем, не мнём,
А моем и клубни на протвень кладём.

В данном случае автор выбрал форму стихотворения, чтобы познакомить аудиторию с рецептом приготовления картофеля, запечённого в мундире. Рассмотрим лексическое наполнение стихотворения: частотное употребление нейтральной лексики (машина, картофель, заправка и др.); использование заимствованных слов (клипер, таймер); олицетворение (Машина с работой не справится, Покуда она не заправится – отождествление детей и машины). Синтаксические конструкции в произведении однотипны: простые двусоставные полные предложения, неосложнённые оборотами разного типа или вставными конструкциями.

Следует отметить, что лексика подобрана в соответствии с возрастом аудитории. Сложных синтаксических конструкций не наблюдается. Автор преобразует строгий по своей структуре жанр инструкции в интересный для аудитории способ запоминания последовательности действий для приготовления блюда. Коммуникация между автором и аудиторией проходит успешно, стратегия примитивизации выполняет поставленную автором цель.

Стихотворение И.М. Шевчука «Мой самый верный друг» входит в сборник «Педадь от огурца: [стихи для чтения взрослыми детям]».

Куда б ни шел я, каждый день,
За мною по пятам
Везде моя крадется тень —
И тут!
И здесь!
И там!

Автор выбрал форму стихотворения, чтобы познакомить аудиторию с таким физическим явлением, как тень. Рассмотрим лексическое наполнение стихотворения: частотное употребление нейтральной лексики (тень,

гости, ноги и др.); повтор указательных местоименных наречий (тут, здесь, там); олицетворение (Тень отождествляется с другом ребёнка); языковая игра (Везде моя крадется тень... Хотя она всегда в тени). Стихотворение построено как монолог ребёнка с воспроизведением его диалогов с Тенью. Синтаксические конструкции в произведении однотипны: простые двусоставные полные предложения, неосложнённые оборотами разного типа или вставными конструкциями.

Следует отметить, что лексика подобрана в соответствии с возрастом аудитории. Сложных синтаксических конструкций не наблюдается. Восприятию текста способствует деление фрагментов текста на реплики диалога. В рассмотренном нами произведении коммуникация между автором и аудиторией проходит успешно, стратегия поиска простого, но не примитивного наполнения выполняет поставленную автором цель.

Таким образом, современные российские детские поэты используют разные методы и стратегии перекодировки взрослого опыта для детского восприятия: усложнение; примитивизация; поиск простой, но насыщенной формы. В зависимости от выбора стратегии меняется и лексическое наполнение, и синтаксические конструкции произведения. Необходимо продолжать исследование языка современных российских детских писателей для выявления наиболее действенных стратегий и методов воздействия на современную детскую аудиторию.

Литература

1. [Электронный ресурс] <http://trumpumpum.ru/autors/shevchuk-igor/moy-samiy-verniiy-drug.html>
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 т.: Т. 4: Детская психология. — 1984
3. Полозкова В. Ответственный ребёнок. Стихи для детей, М., Machaon, 2017
4. Тимофеевский А. Я играю на гармошке. Стихи для детей, М., Омега, 2017
5. Чуковский К.И. Детский язык. Собрание сочинений в 15 т. Т. 2: - От двух до пяти, М., Терра - Книжный клуб, 2001

Pautova K.A

LANGUAGE CHARACTERISTICS MODERN CHILDREN'S POETRY

Abstract. The article analyses the modern Russian children's poetry.

Key words: Russian language; pragmalinguistics; education.

Самбоцыренова Ирина Карловна
студент магистратуры Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
rinusya425@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ЛЕКСЕМЫ РАДОСТЬ/JOIE В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье на материале текстов произведений французской и русской литературы, толковых и фразеологических словарей предлагается описание и сопоставление когнитивных моделей лексемы «радость»/«joie» во французской и лингвокультурах.

Ключевые слова: концепт, когнитивная модель, радость, эмоция, языковая картина мира.

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа или концепта. Концепты представляют национально-культурные смыслы, изучение которых помогает выявить особенности мировосприятия народа, представить национальную и концептуальную картины мира.

По мнению З. Ковечеса, эмоциональные концепты имеют более сложную и тонкую структуру и более богатое концептуальное содержание. Любая эмоция имеет сценарий своего развития и состоит из определённых компонентов [8]. Это позволяет представить концептуальное содержание эмоции в виде модели или структуры, в нашем случае в виде когнитивной модели. «Под когнитивной моделью понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире» [6, с. 14].

Эмоция радости признана универсальной, поскольку она схожим образом толкуются носителями разных языков. [1, с. 168]. Это свидетельствует о том, что данная эмоция обладает большим количеством различных характеристик и особенностей их выражения в том или ином языке, а в нашем случае в русском и во французском языках.

В ходе исследования нами были рассмотрены различные способы вербализации эмоции радости в современных французском и русском языках на материале словарей, а также текстов статей и произведений французской и русской литературы и проанализированы данные способы представления *радость/joie* посредством когнитивных моделей.

В ходе анализа языкового материала нами были обнаружены схожие в обоих языках когнитивные модели, представляющие радость/*joie* как: «радость/*joie* – кинесические способы», «радость/*joie* – действие», «радость/*joie* – предмет, объект», «радость/*joie* – свет», «радость/*joie* – жидкость, «радость – живое существо» и «*joie* – субъект».

Отличительными моделями являются в русском языке те модели, которые не нашли своего отображения во французском языке: «радость – событие», «радость – обращение», «радость – духовность». Во французском языке уникальными моделями являются: «*joie* – шар», «*joie* – цветок».

Наиболее значимое место в обоих языках занимают когнитивные модели «радость / *joie* – кинесические способы» и «радость / *joie* – действие», поскольку именно внешние проявления являются основным средством выражения эмоционального состояния радости: смех и улыбка, кинемы глаз и лица в целом. Эмоциональное состояние радости через действия субъекта такие как крики, смех, прыжки, позволяют распознать переживаемое им эмоции даже в отсутствии языковых средств её описания.

Языковой материал показывает, что, испытывая эмоцию радости, лицо и глаза наполняются светом, искрами, что дало нам основание выделить когнитивную модель в двух языках: «радость/*joie* – свет».

Наибольшую вариативность представляет когнитивная модель «радость / *joie* – предмет, объект». Анализ показал, что эмоция радости может иметь физические характеристики, которые позволяют рассматривать её в роли дискретного объекта. К этим характеристикам относятся размер, физическая субстанция, вид, деление на части. Также нами были выявлены специфичные когнитивные модели во французском языке, представляющие *joie* как объект: *joie* как цветок, шар и вместилище.

В русском сознании радость предстает как живое существо, обладающая человеческими характеристиками: радость капризная, радость злая, доверчивая и гордая.

Когнитивная модель «*joie* – субъект» указывает на то, что эмоция радости в определённом контексте представляется как полноценный субъект: *joie vive*; *joie folle*; *joie maligne*; *la joie venait*, *joie qui demeure* и т.п.

Отличительной когнитивной моделью мы считаем «радость – духовность». Данная модель демонстрирует духовность русского народа в целом.

При анализе результатов проведенного сопоставительного исследования когнитивных моделей, объективирующих данный концепт в французском и русском языках, можно сделать заключение, что для обеих культур переживание радости представляет собой важное, значимое чувство. Сопоставительный анализ языковых средств отражения эмоции «радость» в французском и русском языках показал, что когнитивные модели «кинесические способы» и «действие» в равной мере присутствуют в обоих языках.

Однако несмотря на схожесть, каждая лингвокультура имеет свой особый способ концептуализации действительности и обнаруживает больше различающихся, чем сходных когнитивных моделей представления концепта «радость».

Литература

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г. Р. Державина, 2002. – 123 с.
2. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
3. Вежбицкая, А. Толкование эмоциональных концептов [Текст] / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание; Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступит. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 326-375 с.
4. Вежбицкая, А. Толкование эмоциональных концептов [Текст] / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание; Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступит. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 326-375 с.
5. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Пименова, М.В, Методология концептуальных исследований [Текст] / М.В. Пименова // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – 14 с.
7. Слышкин, Г.Г. Концептологический анализ институционального дискурса [Текст] / Г.Г. Слышкин // Филология и культура. – 2001. – 34-36 с.
8. Kövecses, Z. Metaphor and emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling [Text] / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 224 p.

Sambotsyrenova I.K.

COMPARISON ANALYSE OF THE LEXEME “JOY” IN THE FRENCH AND THE RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. The article discusses the description and the comparison of the lexeme “joy” in the French and the Russian languages based on the materials French and Russian literature, explanatory dictionaries and dictionaries of phrase and idiom. The main cognitive models of physiological display of the emotional state of joy are described and represented.

Key words: concept, cognitive model, joie/joy, emotion, linguistic view of the world.

Симоишвили Анастасия Алексеевна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
marygnom@yandex.ru

ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ФУНКЦИИ ГЛАГОЛОВ В ОПИСАНИИ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ ИТАЛИИ

Аннотация. В статье рассматриваются формы глаголов в их видо-временных функциях. Автором данной работы были выявлены основные случаи употребления функций глаголов в текстах путеводителей по Италии и установлены закономерности их использования.

Ключевые слова: русский язык; морфология; видо-временные функции; глагол; достопримечательности.

Выступая в качестве самой сложной части речи русского языка, глагол занимает центральное место в его грамматической системе. Глагол обозначает признак процесса, в тексте выполняет конструктивную роль. Он является главным строителем и организатором синтаксических единиц, и поэтому также занимает ведущее положение в синтаксической системе языка. Глаголы обладают большим разнообразием грамматических значений, это самая ёмкая часть речи.

Глагольные категории тесно взаимодействуют со своим окружением, некоторые из них, например, категории вида и времени, являются текстовыми. От лексического значения глагола, а также его принадлежности к лексико-грамматическому разряду зависит то, какими морфологическими категориями он будет обладать.

Для каждой формы глагола характерно выполнение нескольких функций, условием проявления которых служит значение определённого глагольного слова. В этом вопросе немаловажным является то, располагают ли глаголы признаками акциональности или нет.

Грамматические категории вида и времени тесно взаимосвязаны. Хотя они разнятся во многом – в их средствах выражения, системах форм, но всё же от времени зависит функционирование видов, а от вида – временная парадигма. В единой видо-временной форме слова соединяются эти категории глагола, которые являются главным средством организации и членения текста.

Реализация тех или иных видо-временных функций глагола и значение их форм обуславливаются их контекстным окружением. Для описания этого

свойства В.В. Виноградовым было введено понятие функции [2, с.110]. Такие композиционно-синтаксические функции глагольных форм названы терминами, свойственными для обозначения временной системы древнерусского языка. У глаголов совершенного вида различаются функции аориста и перфекта; у глаголов несовершенного вида – имперфекта в двух разновидностях: имперфективно-процессуальной и узуально-характеризующей [3, с.27].

Формы прошедшего времени совершенного вида в нарративном режиме речи обозначают последовательность целостных, неделимых действий. Формы же несовершенного вида описывают ситуацию, выражают одновременные действия, на фоне которых развиваются события. Важно также отметить, что действия в прошлом, помимо форм прошедшего времени, могут быть выражены и формами настоящего времени (Тритоны правят морскими конями, один из которых норовистый, а другой спокойный, что символизирует морскую бурю и штиль), инфинитивом (Приглядевшись, можно заметить, что на монументе вытеснены две надписи).

Рассмотрим видо-временные формы предикатов в текстах путеводителей по Италии.

В аористивной функции формы прошедшего времени совершенного вида выражают последовательно сменяющие друг друга действия в прошлом, которые продвигают сюжет к развязке. «Первым делом он разделил потолок на ряд секций, отведённых им для библейских сюжетов, а в центре написал ветхозаветные сцены».

В перфективной функции также предстают глаголы в форме прошедшего времени совершенного вида. Они выражают значение соединения связанных между собой предшествующего действия или процесса и последующего состояния, вытекающего из его результата. «Благодаря счастливому стечению обстоятельств уцелел угловой фрагмент базилики. В основании колокольни сохранился балкон, постройки середины 16 века, украшенный мрамором и бронзой».

Таким образом, глаголы в аористивной функции чаще всего встречаются в описании истории сооружения достопримечательностей или происхождения их названия. Среди глаголов совершенного вида они встречаются чаще, чем глаголы в перфективной функции, которые главным образом описывают изменения во внешнем виде памятника или постройки.

Формы несовершенного вида в имперфективной функции выражают действия в их течении, процессе, одновременные другим действиям, а также состояния и отношения в их статике. Действие или состояние в имперфективно-процессуальной функции показывают неограниченное во времени действие или состояние. «Бесконечное количество шпилей, скульптур, колонн завораживают взгляд и заставляют затаить дыхание, созерцая величие работы десятков поколений человеческого гения, сотворившего нечто невообразимо

красивое. Лестница (1720) соединяет площадь с возвышающейся над ней французской церковью Тринита дей Монти».

В имперфективной узуально-характеризующей функции действие, отношение и состояние в прошлом по отношению к настоящему показаны простыми умениями, занятиями, привычками. «Еще одним достоянием парка является Пасека, когда-то здесь разводили пчел».

В ходе анализа текстов с описанием достопримечательностей Италии было выявлено, что преобладающая группа глаголов предстаёт в имперфектной функции, а точнее в её имперфективно-процессуальной разновидности. Эти глаголы употребляются непосредственно при описании внешнего вида достопримечательностей. Глаголы же в узуально-характеризующей функции встречаются реже других и появляются при повествовании о действиях в прошлом, связанных с тем или иным сооружением, и утративших актуальность в настоящем.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.; Л.: Учпедгиз. — 1947. — 784 с.
2. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР. — 1936. — Вып. 2. — 74 — 147 с.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ. — 1998. — 541 с.
4. Золотова Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. М. — 2002. — № 3. — 8-29 с.

Simonishvili A.A.

ASPECTUAL-TEMPORAL FUNCTIONS OF VERBS IN DESCRIPTION OF LANDMARKS OF ITALY

Abstract. This article examines different forms of verbs and their aspectual-temporal functions. The author of this paper identifies the main cases of verb functions in tourist guide books about Italy, and establishes the patterns of their use.

Key words: russian language; grammar; morphology; aspectual-temporal functions; verb; landmarks.

Фекличева Наталья Леонидовна
студент 3 курса Московского педагогического
государственного университета
Москва, Россия
nata.feklicheva@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ «МОДА»)

Аннотация. В статье исследуется процесс заимствования как один из путей пополнения лексического состава современного русского языка. На основе наблюдений, материалом для которых служит лексическое поле «Мода», делается вывод ограниченности влияния заимствований на русскую языковую картину мира.

Ключевые слова: русский язык; лексикология; заимствования.

Языки находятся в постоянном развитии, которое обусловлено как внутрилингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К числу последних принадлежат процессы межкультурной коммуникации, следствием которых являются изменения в лексике как наиболее подвижного языкового пласта. Лексикосистемы взаимодействующих языков пополняются новыми языковыми единицами. Они входят в их состав разными путями, среди которых наиболее частотным является заимствование.

Т.В. Жеребило считает заимствования объективной закономерностью развития словарного состава любого языка, «основанной на том, что тот или иной язык вбирает в себя иностранные слова, пытаясь подстроить их фонетически и морфологически к условиям функционирования системы языка». [1, с.107] В данной статье мы рассмотрим процессы заимствования иноязычной лексики в русском языке с целью выяснения степени воздействия иноязычных вкраплений на национальную картину мира.

Лингвисты по-разному оценивают возможности заимствованной лексики.

Л.П. Крысин и М.А. Кронгауз уверены в том, что данные лингвистические явления не могут негативно повлиять на самобытность языка в том смысле, что язык – саморегулируемая система, которая адаптирует новый языковой материал в соответствии с собственными законами. Есть и другая точка зрения: писатель

А.И. Солженицын и лингвист П.А. Лекант считают, что носители русского языка должны использовать богатства национального словаря.

Отметим, что все заимствованные слова, проникая в русский язык, подвергаются фонетическим, морфологическим и семантическим изменениям, которые продиктованы нормами русского языка.

В первую очередь, заимствованное слово приспособляется к фонетической системе языка, например: носовые гласные в словах, заимствованных из французского или других европейских языков, исчезают (слова авангард, корсет произносятся без грассированного [ɣ]), перед гласными переднего ряда согласные смягчаются (кепка, стретч). Английские слова обычно сохраняют ударение, которое было в языке-доноре, однако в некоторых словах оно может меняться ([ˈvelvɪt] – вельвет, [ˈtiːneɪdʒə] – тинэйджер).

Различие в графической передаче заимствований в русском языке обусловлено различием алфавитов. Графическое освоение иноязычных слов часто происходит в несколько этапов: а) передача латинского написания кириллицей; б) изменение правописания в связи с новым лингвистическим окружением. Вариативность графического облика слов видна в следующем примере: леггинсы – легинсы – легенсы.

Заимствованные слова приспособляются к словообразовательной системе русского языка: при образовании прилагательного «демисезонный» к французскому *demi-saison* прибавляется русский суффикс -н-.

В процессе заимствования иноязычные слова подвергаются и семантическим изменениям: заимствования утрачивают смысловую и деривационную связь с корнями языка-источника. Например, мы не считаем курорт сложным словом (*kurieren* – лечить, *ort* – место), хотя в немецком языке оно является таковым. В таких случаях иноязычные заимствования становятся немотивированными.

Часть заимствованных слов ассимилировалась к русскому языку в морфологическом отношении (клатч, балетки, ботсы, бомбер, кардиган, свитшот).

В данной статье мы проанализируем иноязычные слова, пополнившие лексическое поле «Мода», материалы для которого были взяты из таких журналов, как «Allure», «Instyle», «Tatler» и «Vogue». Нами найдены семьдесят пять заимствований. Разделим их на несколько тематических групп.

Тематическая группа «Одежда»: бермуды, боди, бомбер, гамаши, гетры, джегинсы, кардиган, кейп, коверкот, комбинизон, леггинсы, лонгслив, монтикот, ольстер, парка, поло, свитшот, снуд, твинсет, тренкот, туника, худи, чиносы. Найдено двадцать три лексемы.

В тематической группе «Обувь» мы можем встретить такие иноязычные слова, как: ботильоны, веллингтоны, гладиаторы, дезерты, криперсы, кроссовки, лоферы, мартенсы, мокасины, монки, оксфорды, плексиглас, слиперы, тимберленды, угги, хилисы, эспадрильи. Обнаружено семнадцать лексем.

В тематической группе «Косметика» можно найти следующие заимствования: глиттер, консилер, кушон, лайнер, люминайзер, праймер, спонж, тоник, хайлайтер, шиммер. Мы обнаружили десять лексем.

В тематической группе «Ткани» встречаются такие иноязычные слова, как: альпака, вельвет, гипюр, демикотон, драп, полиэстер, синтепон, холлофайбер. Найдено восемь лексем.

В тематической группе «бренды» выделим следующие заимствования: Gucci, H&M studio, Mango, Marks&Spenser, Ostin, Pull&Bear, Reebok, River Island, TOP SHOP, Zara. Мы обнаружили десять лексем.

В тематической группе «сумки» обозначим такие иноязычные слова, как: baguette, belt bags, Kelly, tote bags, кисет, клатч, мессенджер, саквояж. Найдено восемь лексем.

Лингвистический комментарий: на современном этапе развития языка ЛП «Мода» динамично пополняется заимствованной лексикой. Наиболее активно развивается его ядерная часть, представленная тематической группой «Одежда». Ее элементы, а также заимствования тематических групп «Обувь», «Косметика», «Ткани» полностью освоены, это обусловлено тем, что у них нет точных аналогов в русском языке. Многие из них вошли в состав русского литературного языка и адаптировались фонетически, графически и семантически. Отметим, что элементы группы «Одежда» оказались наиболее многочисленными.

В то же время заимствования тематических групп «бренды» и «сумки» по большей части не освоены, они не обнаружили тенденции к адаптации, поскольку на современном российском рынке большая часть марок – иностранная и иноязычная графика – маркер бренда, подчеркивающий его статус. Чаще всего они являются варваризмами и употребляются в специальной литературе. По этой причине они лишены возможности влиять на изменение русской языковой картины мира.

Литература

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. - Назрань: Пилигрим, 2010. — 486 с.
2. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 888 с.
3. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. - М.: Прозерпина, 1994 г. - 400 с.

Feklicheva N.L.

BORROWINGS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE LEXICAL FIELD «FASHION»)

Abstract. The article examines the process of borrowing as one of the ways to replenish the lexical composition of the modern Russian language. Based on observations, the material for which is lexical field «Fashion», the conclusion is the limited impact of borrowings in the Russian language picture of the world.

Key words: russian language; lexicology; borrowings.

РОЛЬ А.С. ПУШКИНА В СТАНОВЛЕНИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье описываются новаторские приемы А.С. Пушкина, определившие путь формирования литературного русского языка.

Ключевые слова: стиль, народная речь, художественные средства.

А.С. Пушкин – крупнейшая фигура в истории русской духовной культуры. Его по праву называют основоположником современного русского литературного языка: именно А.С. Пушкин первым нашел «формулу соотношения» русского литературного и церковнославянского языков в новых условиях. Это соотношение держалось вплоть до 20-х годов 20 столетия.

До великого реформатора господствовала теория трех «штилей» М.В.Ломоносова. Согласно ее постулатам, понятия и предметы речи, относимые к правящим особам, должны были описываться высоким «штилем», в котором преобладала церковнославянская лексика; нейтральные понятия должны были передаваться средним «штилем»; низкий «штиль» служил для использования в комедиях, эпиграммах, дружеских письмах и т.д. Таким образом, все средства языка были «разделены», обособлены друг от друга. Вплотную к решению проблем, которые были поставлены развитием русского литературного языка того времени, в своей литературной деятельности подошли И. А. Крылов и А. С. Грибоедов, однако они создали образцы нового литературного выражения только в жанрах басни и стихотворной комедии. А эти жанры, согласно еще не полностью отжившей поэтике классицизма, относились к числу «низких». К тому же созданные Крыловым и Грибоедовым образцы языкового употребления далеко не всеми были поняты и приняты. Необходимо было преодолеть это непонимание и неприятие, необходимо было преобразовать всю систему литературного языка во всех жанрах художественной литературы и за ее пределами (критика и публицистика, научная литература, бытовая и деловая переписка и т.д.). Для этого требовалась гигантская практическая работа и глубокое теоретическое осмысление происходящих в литературном языке процессов.

К этой работе А.С. Пушкин приступил не сразу: первые стихотворные опыты поэта, очевидно, не могли быть вполне самобытными ни по жанрам, ни по

тематике, ни по языку. В них нашли отражение традиции русской поэзии конца 18 – начала 19 веков, сказались также влияние В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, Г.Р. Державина. В частности, традиции старого высокого стиля прослеживаются в знаменитом стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1814): «Утешься, мать градов России, // Воззри на гибель пришлеца. // Отяготела дньес на их надменны выи // Десница мстящая творца...» [1, с. 312].

Вместе с тем церковнославянские слова у А.С. Пушкина приобретают новые значения: «Зима! Крестьянин, торжествуя, // На дровнях обновляет путь...» [1, с.163]; «Татьяна долго в келье модной // Как очарована стоит...» [1, с.178]; «Во градах ваших с улиц пыльных // Сметают сор – полезный труд. // Но, позабыв свое служенье, // Алтарь и жертвоприношенье, // Жрецы ль у вас метлу берут?» [1, с.147] и т.д.

Или другой пример: в языке ранних стихотворений А.С. Пушкина слово позор употребляется в старом, церковнославянском значении зрелище. Так, в оде «Вольность» (1817): «Везде бичи, везде железы, // Законов гибельный позор» [1, с.364]. В поэме «Руслан и Людмила»: «Но между тем какой позор // Являет Киев осажденный?» [1, с.65]

С начала же 20-х годов 19 века архаическое значение слова позор «отмирает» в пушкинском языке: поэт употребляет слово позор в новом, современном контексте – бесчестье, постыдное, презренное положение: «Свободы тайный страж, карающий кинжал, // Последний судия позора и обиды» [1, с.378] ; «Она забыла стыд и честь, // Она в объятиях злодея! //Какой позор!» [1, с.100]

Процесс сближения двух языковых стихий – народно-разговорной и церковно-книжной – приводит к тому, что старославянизмы перестают быть единственной категорией «высокого», они становятся приемлемы во всех жанрах литературного творчества. Происходит снятие с них «покрова книжности», разрыв с религиозной сферой и, как следствие, их нейтрализация, в результате чего они лишаются своих стилистических функций и становятся живыми структурными элементами языка.

Что касается языковой основы, то ею, согласно пушкинским указаниям, должен быть язык простого русского народа: А.С. Пушкин смело разрушил привычные представления о приуроченности определенных слов к определенным темам, стилям и жанрам. Великий художник слова вводил в поэтический обиход слова, которые допушкинская поэзия избежала, поскольку до А.С. Пушкина просторечие было средством стилизации, характерной приметой жанра, средством изображения народности, оно выступало как целенаправленное отклонение от литературной нейтральной нормы, как художественно обусловленный прием.

У А.С. Пушкина роль народной речи качественно иная: она освобождена от жанра, стилистически не маркирована, нейтрализована, она проникает в разные по характеру произведения (сонеты и элегии, оды и послания, поэмы и сказки, роман в стихах и повести, эпиграммы, трагедии и сатиру, статьи и рецензии): «Какая радость: будет бал! // Девчонки прыгают зара-

нее» [1, с.167]; «Мелькают профили голов // И дам и модных чудаков» [1, с.141]; «Не мог понять, как важный Грим // Смел чистить ногти перед ним, // Красноречивым сумасбродом» [1, с.140]; «Что нет презренной клеветы, // На чердаке вралем рожденной // И светской чернью ободренной» [1, с.159]; «Из мелкой сволочи вербую рать...» [1, с.115]

Таким образом, А.С. Пушкин завершил длительную эволюцию литературного языка, используя все достижения русских писателей в области литературного языка и стилистики, совершенствуя все то, что сделали до него М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, А.С. Грибоедов и др. Кроме того, он завершил процесс демократизации литературного языка – слияния всех жизнеспособных элементов живой народной речи с литературным языком. Впервые в истории языка народная речь – нормированная основа любого жанра.

В дальнейшем поэт широко и эффективно использует уникальные стилистические нюансы русского языка с его взаимопроникновением обиходных и церковнославянских элементов, светской и церковной традиций, народных (разговорных и фольклорных) элементов, подчиняя отбор и употребление всех языковых единиц чувству «соразмерности и сообразности». Конечно, это крайне затрудняет восприятие иностранцами произведений А.С. Пушкина (в особенности его лирики, теснейшим образом связанной с языковыми значениями) и создает много «головомомных» трудностей для переводчика, в родном языке которого отсутствует столь богатая стилистическая стратификация словаря. Вместе с тем соединение функциональных элементов из различных языковых пластов создает широкое поле деятельности для развития индивидуального творчества в будущем: так происходит преобразование стилистической системы и появляется понятие художественного стиля.

Литература

1. Пушкин А.С. Золотой том. Собрание сочинений. Издание исправленное и дополненное. – М.: ИД «Имидж», 1993. – 975 с.

Chinenov D.M.

A. PUSHKIN'S ROLE IN THE FORMATION OF THE STYLE SYSTEM IN THE RUSSIAN LANGUAGE.

Abstract. The article describes Pushkin's innovative methods that defined the formation of the literary Russian language.

Key words: style, folk language, artistic tools.

ОЙКОНИМЫ ОЗЕРСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ КАЛЕНДАРНЫХ И НЕКАЛЕНДАРНЫХ ИМЕН

Аннотация. В статье рассматриваются ойконимы Озёрского района Московской области через призму лингвокультурного кода. Атрибутивный код в отантропонимических единицах проявляет себя в наименованиях, образованных как от календарных, так и от некалендарных имен. Ставится вопрос о важности региональных исследований, позволяющих подробнее изучить историю определённого края.

Ключевые слова: ономастика; топонимика; топонимы; ойконимы; ойконимия; Озёрский район; календарные и некалендарные имена; краеведение; регионоведение.

В процессе исследования определённого региона учёные сталкиваются с большим количеством именных объектов: *гидронимами, дримонимами, оронимами, урбанонимами* и т. д. Одним из наиболее встречаемых видов топонимов на карте региона являются ойконимы (от греч. *oikos* – обиталище, жилище, опута – имя) [4, с. 93], которые составляют самостоятельную группу.

Т. Ю. Васильева утверждает, что в ойконимии реализуется определенный код культуры, в основе которого лежит способ восприятия и описания человеком окружающей действительности. [2, с. 66] Исследователь выделяет ландшафтный, топоморфный, растительный, пространственный, временной и атрибутивный коды, например: с. Горы (в названии содержится указание на возвышенную форму рельефа населяемой территории); с. Сенницы (по берегам р. Сенницы находились богатые сенокосные угодья и от названия реки появилось и название села) [1, с. 7]; с. Сосновка (очевидна связь названия с деревом сосна); д. Большое Уварово (определение «Большое» указывает на изменение пространства населённого пункта с течением времени, так как ойконим включил в себя ранее существовавшую д. Малое Уварово). Необходимо сказать о тесной взаимосвязи пространственного и временного кодов, ведь с течением времени изменяется пространство местности, и на это

изменение указывают такие определения, как «малый – большой», «старый – новый». Атрибутивный же код, в свою очередь, выражает представления человека о свойствах и качествах предметов, например, определяет качество почвы с точки зрения её пригодности для хозяйственного использования: Белые Колодези (колодезь – распространённое в прошлом наименование, означавшее «ручей», а определение «белый», могло значить его расположение на свободной местности, ещё никем не занятой. [5, с. 146]) Таким образом, мы приходим к выводу, что наименование объекта всегда даётся человеком с целью зафиксировать его на поверхности земного шара [6, с. 102], придавая некую характеристику, которая позволила бы рассматривать данный топоним обособленно на фоне прочих.

В ойконимии превалирующим для большинства топонимов является антропоморфный код, который отражает осознание присутствия человека в этом мире и реализуется на базе имён, прозвищ и фамилий. Наш языковой материал основан на перечне ойконимов Озёрского района Московской области. На данной территории большое количество ойконимов связано с календарными и некалендарными именами. Календарные имена – это традиционные русские имена, пришедшие из Византии вместе с христианством [6, с. 8]: Александр, Андрей, Герасим, Роман, Яков, Анастасия, Варвара, Руфина, Юстина. Они включены в календари, приурочены к определённым дням года, потому и получили название календарных. [6, с. 8] Некалендарные имена давались новорождённым по различным отличительным признакам [3, с. 103]: Голуба, Забава, Истома, Любава, Малюта, Неулыба, Первак, Третьяк, Черный.

Большая часть антропонимических ойконимов показывает, что населённый пункт называли в честь жившего там человека, пользовавшегося определённым авторитетом или властью. Нами были отмечены следующие календарные и некалендарные по своим связям ойконимы в Озёрском районе. Образованные от некалендарных имён: д. Бабурино (от Бабура) [5, с. 135]; д. Бардино (от Барда) [5, с. 139]; д. Бебехово (от Бебех) [5, с. 142]; д. Болобново (от Болобан) [5, с. 158]; с. Бояркино (от Боярка) [5, с. 168]; д. Бутьково (от Бутька) [5, с. 174]; д. Дулебино (от Дулеба) [5, с. 239]; д. Каблучки (от Каблук) [5, с. 272]; д. Кобяково (от Кобяк) [5, с. 287]; с. Комарёво (от Комар) [5, с. 293]; д. Кудрино (от Кудря) [5, с. 316]; д. Ледово (от Лед) [5, с. 328]; д. Люблино (от Любль); д. Найдено (от Найден) [5, с. 378]; д. Облезьево (от Облез) [5, с. 398]; с. Редькино (от Редька) [5, с. 455]; д. Рудаково (от Рудак) [5, с. 461]; д. Стребково (от Стряко) [5, с. 499]; д. Тарбушево (от Тарбыш) [5, с. 509]; д. Трегубово (от Трегуб) [5, с. 516]; д. Храброво (название связано с некалендарным именем Хороброй, но поскольку русская полногласная форма хоробрый была вытеснена церковнославянской формой храбрый, в топонимии Хороброво было заменено на Храброво) [5, с. 541]; от календарных имён: д. Большое Уварово (от Увар) [5, с. 164]; с. Клишино (от Клиша, производной формой календарного имени Климент) [5, с. 284]; д. Протасово (название связано с разговорной формой Протас от Протасий) [5, с. 440]; д. Якшино (название связано с производной формой Якша, от Яков) [5, с. 566]; особо следует выделить ойконим д. Бoko-

во-Акулово, первая основа которого связана с некалендарным именем Бок, а вторая – с древнецерковной формой Акула от календарного имени Акила [5, с. 157]. В представленном перечне ойконимов отчётливо видно, что количество имён собственных, образованных от некалендарных имён (84 %), преобладает в Озёрском районе над ойконимами, образованными от календарных имён (16 %). Скорее всего, данный перевес связан с тем, что в эпоху становления вышеупомянутых поселений основным населением являлись простые крестьяне, носившие преимущественно некалендарные имена.

Ойконимия Озёрского района, равно как и любого другого региона, представляет собой уникальное явление. Изучение ономастикона определённой области не только помогает выявить характерные особенности местности, но и обогащает наши знания об истории данного края. Неудивительно, что топонимические исследования по-прежнему перспективны, ведь многие области нашей страны остаются не до конца исследованными. Мы считаем, что подобные исследования должны проводиться более активно, так как в будущем они могут помочь при создании региональных топонимических атласов.

Литература

1. Букринская Н.К. Сенницы. Облики прошлого. Коломна: МГОСГИ, 2012. 168 с.
2. Васильева Т.Ю. Коды культуры — ойконимия: проблема взаимосвязи // Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города). Смоленск: Маджента, 2012. С. 65–69.
3. Кюршунова И.А. Некалендарные личные имена и их когнитивный потенциал в средневековом региональном ономастиконе // Вестник СПбГУ. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 103–108.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
5. Поспелов Е.Д. Географические названия Московской области: топонимический словарь: более 3500 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2008. 600 с.
6. Суперанская А.В. Имя – через века и страны / Отв. ред. Э.М. Мурзаев. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 192 с.

Yudakov E.A.

OYKONIMS OF OZYORSKIY DISTRICT OF MOSCOW REGION, CREATED FROM CALENDAR AND NON-CALENDAR NAMES

Abstract. This article discusses the special group of toponym, called oykonim. Clasification of cultural codes that affect the nomination process in oykonymy is carried out. Oykonyms, created otantropoimically from calendar and non-calendar names, wide spread in Ozyorskiy district. The question is raised about the importance of regional studies, allowing for a more in-depth study of the history of a certain region.

Key words: onomastics; toponymy; toponym; oykonyms; oykonymy; Ozyorskiy district; calendar and non-calendar names; local history; regional study.

Раздел II

ИСТОРИЯ И ПОЭТИКА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алиева Надия Ханларовна
студент Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
Nadilya1999@gmail.com

МИФ ОБ ЭДИПЕ КАК МИФ О САМОПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА В ДРАМЕ АНДРЕ ЖИДА «ЭДИП»

Аннотация. Статья посвящена исследованию интерпретации мифа об Эдипе и образа Эдипа в драме Андре Жиде «Эдип».

Ключевые слова: загадка; самопознание; двуобразность Сфинкса; миф.

Миф об Эдипе целесообразно называть не просто мифом о самопознании человека, но мифом о неправильной интерпретации образов бессознательного, мифом о неправильной интерпретации мифа о двойственной загадке двуобразного Сфинкса. Наиболее ярко миф об Эдипе, как миф о самопознании, художественно осмысливается в драме Андре Жиде «Эдип» (1931).

Драма французского писателя 20 века состоит из монологов Эдипа, в которых он делится своими воззрениями на судьбу, на самого себя, на природу человеческого счастья, и диалогов остальных персонажей, в которых выражается их отношение к Эдипу. Перестраивая изнутри мирозерцательные установки самой личности, Андре Жид изображает Эдипа способным бестрепетно взглянуть в лицо трудной истине мира и посреди хаоса заявить о своей безграничной свободе.

В системе образов Эдип противопоставлен всем остальным как «идеобразующий» персонаж.

В отличие от античных авторов Софокла и Сенеки, в драме Андре Жиде акцентируется внимание на изображении внутреннего мира человека, разрабатывается проблема самопознания как интерпретации образов бессознательного. Трагедия Софокла — это трагедия узнавания Эдипом своей судьбы через встречи с различными людьми, которые в ходе развития действия открывают смысл пророчества оракула. И если у Софокла важным мотивом к трагической развязке событий становится факт узнавания Эдипом, что он не родной сын Полиба и Мeroпы, Эдип Андре Жиде знает, что он приёмный сын коринфского царя, и это освобождает его от ответственности и страха, что он, как было предсказано, станет убийцей своего отца. Покинув Коринф, он отказывается от своего прошлого, от навязанных ему традиций и считает, что может сам вершить свою судьбу: «Чье-то пропавшее дитя, без имени, звания, без документов, — я особенно рад, что обязан всем только себе.». [3, с 175]

После ответа на загадку Сфинкса он становится царём Фив и с гордостью заявляет своему зятю и одновременно дяде Креонту: «Заново всё — родину, предков — открыть, найти, изобрести. Не на кого походить, кроме себя». [3, с 186

По сравнению с интерпретацией Софокла и Сенеки смещается акцент, покидая двор Полиба, Эдип Андре Жиды стремится не избежать своей судьбы, но найти себя, найти отгадку на свою судьбу. Появляется важный для понимания замысла произведения мотив амбивалентного, двойственного восприятия жизни, неосознаваемого Эдипом: Полиб ему одновременно и отец, он воспитал его, и не отец, они не связаны кровными узами.

Загадка Сфинкса – это ключевой узел мифа, каким он предстаёт в драме Андре Жиды, его смысловое зерно. В сборнике «Мифы» Гая Юлия Гигина, загадка выступает под латинским словом *saemen*, которое может переводиться как «пророчество». Андре Жид в своей драме сталкивает Эдипа одновременно с загадкой о человеке вообще и одновременно с пророчеством конкретно ему, Эдипу.

Природа пророчества-загадки двойственна, для её правильного истолкования необходимо распознать её надындивидуальное, универсальное значение, касающееся человека вообще, и индивидуально-конкретное, применимое к судьбе Эдипа.

В «Мифологической библиотеке Апполодора (V в. до н. э.) загадка Сфинкса звучит так: «Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно четырехногим, двуногим и трехногим?». [2, с 55] Если толкование загадки применять к судьбе Эдипа, то получается, что это он, кто перемещается на четырех ногах, из-за проколотых в младенчестве на ногах сухожилий. Позрелев, Эдип обретает способность перемещаться на двух ногах, благодаря тому, что Мерапа исцеляет его. После того, как Эдип ослепляет самого себя, он вынужден опираться на посох-это третья нога.

Сама ситуация «Эдип-Сфинкс» похожа на персонифицированное образное пророчество. Несмотря на то, что в драме чудовище называют Сфинксом, важно помнить, что речь идёт о существе женского пола. С.С. Аверинцев отмечает, «по-гречески η Σφίγξ - слово женского рода, и обозначает оно существо женского пола». [1, с 97] Это важно для понимания произведения Андре Жиды, так как в нём подчёркивается двойственность чудовища, оно предстаёт нам в двух образах: Сфинкса и Иокасты.

Можно сказать, что ситуация Эдипа и Иокасты – это продолжение ситуации Эдипа и Сфинкса. Иокаста также, как и Сфинкс, имеет двойственную природу – она для него и мать, и жена, она также несёт для Эдипа загадку и также убивает себя после её разгадки, сам характер её самоубийства (Иокаста повесилась) заложен в имени Сфинкса, которое означает «душительница».

Лишившись одной семьи (семьи Полиба) и одного прошлого, он через Иокасту обретает новую семью, из которой, как ему кажется, он уже не может быть изгнан, потому что это его собственная семья (семья Эдипа). Таким образом, он меняет одно ложное прошлое, на другое (прошлое в будущем),

меняет одну ложную самоидентификацию (Эдип – сын Полиба) на другую (Эдип – муж Иокасты). Остановившись на пути самопознания, отказавшись искать прошлое, Эдип отрезал себя от будущего и превратил свою жизнь в парадокс: стал одновременно мужем и сыном своей Матери, отцом и братом своих детей. После запоздалого проникновения в тайну Иокасты, природа Эдипа снова раздваивается, он изгоняется из человеческого общества и лишает себя света – при жизни становится мертвецом, его природа двоится, и он сам, его судьба в свою очередь становится загадкой, пророчеством, мифом для его сыновей, для его зятя Креонта.

Действительно, трагедия «бессознательного» преступника-Эдипа заключается в том, что, разгадав загадку Сфинкса, он обманул в её природе, не увидел в ней пророчество, не смог применить добытое знание к своей собственной судьбе.

Однако так ли он «бессознателен» у Андре Жида? Если подобный эпитет можно было применить к его предшественникам, то к Эдипу Андре Жида он совсем не подходит. Обратимся к тексту: «Теперь мне даже кажется, что именно убийство меня толкнуло сначала к сфинксу. Чего ждать от бога? Ответов. А я сам себя чувствовал ответом на мне еще неведомый вопрос. Это был вопрос сфинкса. И я, прозорливец, его победил». [3, с 194] Вот как понимает случившееся с ним Эдип: ответ на загадку спасёт Фивы, ответ на загадку Сфинкса – «человек», Эдип – «человек», который спасёт Фивы. «Отгадав» загадку Сфинкса, Эдип убеждается в том, что он нашёл свою судьбу: он будущее спасённого им города, и его будущее связано с этим городом. Он ближе всех предшественников подошёл к разрешению тайны своего бытия, тем обиднее, фатальнее его заблуждение.

Андре Жид, как писатель-экзистенциалист XX века, через судьбу Эдипа показал, что становление личности человека, его самопознание не проходит без фатальных заблуждений и потерь. Однако отказ следовать по этому пути ведёт к обострению противоречий внутри человека, раздвоению его природы, превращает его жизнь в парадокс.

Литература

1. Аверинцев. С.С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность. - М.: Наука, 1972, с. 504.
2. Аполлодор. Мифологическая библиотека /под. ред. Я. М. Боровского — Л.: Наука, 1972, 224 с.
3. Жид Андре Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Эдип: Драма /Пер. с фр. В. Станевич — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2002. — 464 с.
4. Пимонов В. Славутин Е. Загадка мифа об Эдипе. Вестник Европы 2011, 31–32.

Alieva N.H.

THE MYTH OF OEDIPUS AS A MYTH OF SELF-ACTUALIZATION IN THE DRAMA OF ANDRE GIDE «OEDIPUS»
Abstract. The article is devoted to the study of the interpretation of the myth of Oedipus and the image of Oedipus in the drama of Andre Gide «Oedipus».
Key words: mystery; self-knowledge; duality of Sphinx; myth.

Бабичева Екатерина Анатольевна
студент 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
eababicheva@pushkin.institute

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ КЛАССИЧЕСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО РОМАНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XXI в.

(«ЮЛИЯ, ИЛИ НОВАЯ ЭЛОИЗА» Ж.-Ж. РУССО И «ПИСЬМОВНИК» М.П. ШИШКИНА)

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации классического эпистолярного романа в русской литературе начала XXI в. На примере произведений «Юлия, или новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо и «Письмовник» М.П. Шишкина выявляются причины этих трансформаций.

Ключевые слова: эпистолярный роман, письмо, жанр, переписка, сентиментализм, постмодернизм.

Расцвет эпистолярной прозы в Европе приходится на век Просвещения – 1740–1780 гг. Самым значимым произведением этой эпохи, по мнению И. Е. Верцмана[2], является «Юлия, или новая Элоиза» – роман в письмах Ж.-Ж. Руссо. Благодаря этой книге в жанр романа вошли сердечность страстного увлечения и поэтическая экзальтация. В русской литературной традиции роман в письмах представлен в форме эпистолярного диалога, т.е. «взаимной переписки двух главных героев» [5, с. 53] – как в произведениях классиков («Бедные люди» Достоевского и «Переписка» Тургенева), так и в современной литературе («Письмовник» Шишкина).

В этой статье я рассмотрю сходства и различия классического европейского эпистолярного романа и современного романа в письмах на примере произведений Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или новая Элоиза» и М. П. Шишкина «Письмовник».

Французский писатель внес огромный вклад в формирование эпистолярного жанра. Даже в заглавии современного романа Шишкина «Письмовник» прослеживается заданная когда-то Руссо традиция «маркировать в наименовании романа жанр, в контексте которого он создан» [2]. Сразу после названия своего романа автор добавляет подзаголовок: «Письма двух любовников,

живущих в маленьком городке у подножия Альп. Собраны и изданы Ж.-Ж. Руссо». Для сравнения обратимся к значению заявленного в заглавии романа Шишкина слова «Письмовник» – «сборник образцов для составления писем разного содержания» [7].

Говоря о жанре, нельзя не обратить внимание на направления, к которым относятся исследуемые произведения. Ж.-Ж. Руссо – представитель сентиментализма. Основная тематика произведений этого направления – любовная, «культ чувства вел к более адекватному раскрытию внутреннего мира человека, к углублению психологического анализа, к индивидуализации образа» [2]. Образ любви-бытия проходит через все произведение, ведь экспрессия чувств в романе Руссо выражена очень ярко: для героев нет разницы между отсутствием любви и смертью: «Люблю ли я тебя еще? Что за сомнения! Разве я перестал существовать?» – говорит Сен-Пре своей возлюбленной [6]. Важно отметить, что раскрытию внутреннего мира героев с присущими им чувствами и откровениями способствовал и выбранный Руссо жанр произведения – роман в письмах.

Творчество М.П. Шишкина относят к постмодернизму. Литература этого направления опирается на всю историю человеческой культуры, по-особому ее переосмысляя. Поэтому в произведении М.П. Шишкина «Письмовник» мы можем найти черты сентиментализма. По словам Николая Александрова [4], они проявляются в том, что влюбленные в своих письмах рассказывают о своих первых чувствах – любви друг к другу: «Есть минутка побыть с тобой. Ну почему поцелуи всегда приберегают на конец письма? Целую тебя сразу...», «Так хочется прижаться к тебе и рассказывать что-нибудь глупое-глупое, дорогое-дорогое» [9, с.44].

Чувствительность героев, эмоциональность, присущая роману Руссо, приобретает в «Письмовнике» М.П. Шишкина новый формат. Как уже было сказано выше, постмодернизм включает в себе черты самых разных направлений. Очевидно, что чувствительность сентиментализма в романе Шишкина находится под влиянием натурализма, поэтому «тактильные и осязательные подробности становятся у него «строительным материалом» образов» [1]. Все повествование проходит через сенсорную призму. Например, через запахи Владимир противопоставляет войну и счастливое прошлое: «Не запах, конечно, а вонь. Смерд. Самый противный запах на земле», «Вот наша кондитерская – ваниль, корица, шоколад. Безе, марципан. Эклеры. Зефир» [9, с.255]. Герой одновременно описывает свои чувства (а именно – запахи, которые он ощущает) и выражает отношение к тому, о чем говорит.

Образы двух главных героев раскрываются через переписку, однако в романе Шишкина ее форма несколько изменяется. Автор «Письмовника» отказывается не только от привычной нам композиции письма – рамки, состоящей из обращения и подписи [8], но и добавляет черты таких жанров, как дневник

и мемуары. Лишь некоторые штрихи напоминают нам о том, что мы читаем письмо, например: «...прости за эту кляксу!» [9, с. 262]. Форма переписки тоже искажена из-за особой хронологии романа, где героиня пишет погибшему возлюбленному. Переписка приобретает биографический оттенок, и лишь изредка герой, будто бы вспоминая о том, что обращается к другому, делает вставки-обращения, чтобы связать письма между собой. Например, рассказывая длинную историю из своего детства, Владимир спрашивает: «...Сашка, хорошая моя, ничего, что пишу тебе об этом?..» [9, с. 85].

Чтобы понять, с чем связано изменение жанровой структуры в эпистолярном романе, обратимся к задачам, которые ставили перед собой писатели.

Ж.-Ж. Руссо, как уже было сказано выше, был образцовым автором эпохи Просвещения. Одной из главных целей его литературного творчества было разрушение социальных предрассудков, выведение морали общества на новый уровень. Поэтому во второй части романа «Юлия, или новая Элоиза» присутствуют элементы трактата: Руссо рассуждает о том, каким должно быть идеальное общество и человек. Однако следует принять во внимание, что отрицательных персонажей французский писатель не создает. Верцман пишет, что для Руссо было важно создать жизненные образы. Поэтому страсть Сен-Пре к Юлии не изображается как безнравственное желание. Писатель ставит целью просвещение общества, донесение истины о том, что «любовь сама по себе не преступление» [6]. Автор пытается воздействовать на читателя с помощью изображения Кларана – классической утопии места и времени, вновь обращаясь к другому жанру.

В одном из своих интервью М.П. Шишкин сказал, что его книга о взрослении. Создавая героев, автор сделал акцент не на их личностях, внешности, а на внутреннем мире, который должен быть един с общечеловеческим. Он старался «напомнить читающему о его жизни, о его собственном опыте непонимания, счастья, детской любви, ухода близких». Именно поэтому к жанру романа в письмах добавляются мемуарные, дневниковые и биографические записи, позволяющие как можно подробнее описать жизнь человека. Очевидно, автор надеется, что, проанализировав судьбы героев, читатель приблизится к пониманию сложных вещей на своем жизненном пути – «первая любовь, смерть – своя и своих близких» [3].

Таким образом, жанровые трансформации эпистолярного романа XVIII в. в русской литературе напрямую связаны с различиями литературных направлений. В постмодернистском романе Шишкина традиция Руссо выражать чувства персонажей видоизменяется: автор не просто раскрывает внутренний мир героев с помощью образов, он показывает их мир через восприятие мира внешнего с помощью органов чувств. И Руссо, и Шишкин стремились создать типические образы. Однако целью французского писателя было просвещение общества, что отражается в добавочных жанрах – трактате

и утопии, а Шишкин, выбирает своей целью воспитание читателя через постулирование главной истины: ценность жизни в том, чтобы жить и любить. Для этого автор обращается к жанрам биографии, дневника и мемуаров, позволяющих подробно описать судьбу героев.

Литература

1. Александр Леденев. Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина // URL: http://pspu.ru/upload/-pages/39430/shishkin_book_web.pdf (дата обращения: 10.03.2018).
2. Верцман И.Е. Руссо Жан-Жак (Литературная энциклопедия // URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/vercman-russo-le.htm> (дата обращения: 21.02.2018).
3. Михаил Шишкин о своем новом романе «Письмовник // URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (дата обращения: 21.02.2018).
4. Николай Александров о книге «Письмовник» // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lsikiRvwgFk> (дата обращения: 21.02.2018).
5. Рогинская О.О. Эпистолярный роман, поэтика жанра и его трансформация в русской литературе. Москва: учебная литература - 2002. 23 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или новая Элоиза // URL: <https://www.litlib.net/bk/32158/read> (дата обращения: 21.02.2018)
7. Ушаков Ф.Ф. Толковый словарь русского языка Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/430675.html> (дата обращения: 21.02.2018).
8. Характеристика письма как типа эпистолярного текста и его разновидности // URL: http://koi.tspu.ru/koi_books/-kuryanovich3/15.htm (дата обращения: 21.02.2018).
9. Шишкин М.П. Письмовник. Москва: художественная литература - АСТ. – 2016. 414 с.

Babicheva E. A.

GENRE TRANSFORMATION OF A CLASSICAL EPISTOLARY NOVEL IN RUSSIAN LITERATURE IN THE EARLY 21-TH CENTURY ('JULIE, OR THE NEW HELOISE' BY J.-J. ROUSSEAU AND 'PISMOVNIK' BY M.P. SHISHKIN)

Abstract. In this article transformation of a classical epistolary novel in Russian literature of early 21-th century comes under review. On the instance of 'Julie, or the new Heloise' by J.-J. Rousseau and 'Pismovnik' by M.P. Shishkin reasons of these transformations are identified.

Key words: epistolary novel; a letter, a genre; correspondence; sentimentalism; postmodernism.

Борисова Татьяна Олеговна
студент Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина
Москва, Россия
nao.akkardi@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НОМИНАЦИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В РОМАНАХ ДЖ. К. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

Аннотация. В статье сопоставляются способы перевода номинаций фантастических реалий, преобладающих в двух наиболее известных переводах поттерианы Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер». Ставится вопрос о восприятии способов перевода различными возрастными группами читателей.

Ключевые слова: перевод; переводчик; стиль переводчика; способы перевода; фантастические реалии; детская литература.

В настоящее время детская литература продолжает быть популярным многоаспектным объектом исследования литературоведами и лингвистами. Интерес вызывает то, как детские фэнтези-писатели создают фантастические реалии и их обозначения. Они используют уже существующие реально и известные им выдуманные картины мира и задействуют не выдуманный ими язык (как, например, эльфийский язык Дж.Р.Р. Толкина), а прибегают к способам словообразования (таким как словосложение, словослияние, аббревиация и др.), которые гипотетически должны быть приближены тем, которые применяет ребёнок в познании действительности и обозначении вымышленных реальностей. Ребёнок выстраивает новые образы на основе категоризации старых и создаёт номинации по уже знакомым ему моделям. Подобную практику можно расценивать как ценный материал для изучения потенциала языка.

Дж.К. Роулинг – одна из таких писателей. Её серия романов о Гарри Поттере стала сенсацией в мире детской литературы не только благодаря сюжету, псевдо-реальному хронотопу, но и благодаря умелому обращению с английским словообразованием, что вызвало интерес как простых читателей, так и переводчиков, и лингвистов.

В России наиболее известны два перевода данного цикла: перевод издательства «РОСМЭН» (Игорь Оранский, М.Д. Литвинова, В.П. Гольшев, В.О. Бабков, Л.Ю. Мотылев, С.Б. Ильин, М.Д. Лахути, М.М. Сокольская) [4] и перевод М.В. Спивак [5], инженером-математиком по образованию. Главный интерес составляют способы перевода, которые избрали переводчики в своей работе, и их влияние на дальнейшую судьбу произведения в среде русских читателей.

Предмет данной статьи составляют способы перевода фантастических реалий, которые избрали переводчики в своей работе, и их влияние на дальнейшую судьбу произведения в среде русских читателей.

В качестве наглядного материала в представленной ниже таблице рассмотрим несколько примеров номинаций фантастических реалий и их вариантов перевода из общего числа выборки, составившей пятьдесят одно наименование.

Примеры номинаций фантастических реалий и их вариантов перевода

Оригинал	Значение	Мария Спивак	«РОСМЭН»
Bludger	Мяч для игры в квиддич	Нападала	Бладжер
Cleansweep	Марка метлы	Чистая победа	Клинсвип
Cruciatus Curse	Проклятие	Пыточное проклятие	Круцио/Круциатус
Flobberworm	Магическое животное	Скучечервь	Флоббер-червь
Grim	Магический знак в виде пса	Сгубит	Грим
Grindylow	Магическое животное	Заграбыст	Гриндиллоу
Knarl	Магическое животное	Сварль	Нарл

Из приведенных примеров можно понять, что переводчики издательства «РОСМЭН» придерживаются таких способов перевода как транслитерация (передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы, средствами другой алфавитной системы) [1, с. 479] и транскрипция (передача звуковой формы переводимого слова буквами переводящего языка) [3, с. 28]. Они составляют 8 % от всех выбранных наименований, что на 5 % процентов больше, чем у М.В. Спивак, у которой данные способы встречаются лишь в 3 % всей выборки, составляющей пятьдесят одно наименование. Преимущество данных способов состоит в том, что переведенные слова сохраняют в себе отзвуки чего-то иностранного, того, что непривычно для нашего мира. Но это англоязычный магический мир с отзвуками латыни, используемыми для научной стилизации магической терминологии. Для русского читателя подобная номинация становится безликой: она не всегда имеет мотивированности и не может вызвать запоминающиеся ассоциации.

М.В. Спивак старается создать точный русский подстрочник, поэтому предпочитает использовать калькирование (образование новых слов или введение в язык новых способов синтаксического построения путем заимствования лексико-семантических и лексико-синтаксических моделей другого языка или языков и заполнения их морфемами данного языка) [1, с. 182]. При этом она прибегает к корневым и словообразовательным морфемам устаревшей, характерной для сказок, и разговорной речи. Данный способ помогает читателю-ребенку выстроить в сознании точный образ реалии на основе знакомых ему ассоциаций. К удачным моментам подобного перевода стоит отнести также то, что с помощью него становится возможно передать тот смысл номинации, который был заложен автором оригинала. Однако слова,

110 | переведенные таким способом, зачастую превращаются в неудачные окказиональные словообразования, а функционально закрепленная детская лексика и русскоязычный фольклорный привкус отталкивает взрослую аудиторию.

И здесь мы подходим к интересному вопросу, который ещё ни разу не затрагивался в сообществе поклонников серии романов о Гарри Поттере: если бы первым официально изданным переводом в России был перевод М.В. Спивак, а не «РОСМЭН», смогла бы история о мальчике-волшебнике приобрести ту же популярность среди взрослых читателей, которую она имеет в данный момент? В большинстве случаев современная взрослая аудитория относится к волшебству как к элементу сказки, предназначенной исключительно для детей, а потому не воспринимает подобную литературу как серьёзную. И если бы в «Гарри Поттере» каждая фантастическая реалия была названа по принципу «вопилок», «заграбыстов», «дубльдумов» и подобных им, то данная серия романов так и не вышла бы за пределы детской и подростковой аудитории, а волшебство бы осталось лишь атрибутом детской развлекательной литературы. Однако благодаря издательству «РОСМЭН» «Гарри Поттер» пришёлся по душе взрослым читателям, которые, в свою очередь, значительно повлияли на дальнейший перевод: будучи недовольными качеством перевода первых книг, они убедили «РОСМЭН» нанять профессиональных переводчиков для работы над пятой, шестой и седьмой частями [2].

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия. – 1966. – 608 с.
2. Борисенко А.Л. Гарри Поттер и трудности перевода. [Электронный ресурс] // N+1: Интернет-издание. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/09/12/harrypotter> (дата обращения: 05.02.2018).
3. Илюшкина М.Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: [учеб. пособие] / под науч. ред. М.О. Гузикова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2015. – 84 с.
4. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер [Электронный ресурс] // Книгизм: электр. библиотека. URL: <https://knigism.com/s/8185> (дата обращения: 05.02.2018).
5. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер [Электронный ресурс] // ЛитРес: электр. библиотека. URL: <https://www.litres.ru/dzhoan-ketlin-rouling/> (дата обращения: 05.02.2018).

Borisova T.O.

TRANSLATING WAYS OF FANTASY NOMINATIONS IN HARRY POTTER NOVELS BY J.K. ROWLING

Abstract. The paper collates translating ways of fantasy nominations in Harry Potter series by J.K. Rowling. The two most famous novels translations into Russian demonstrate different preferences. The nomination translations seem demonstrate dissimilar comprehension by readers of different age.

Key words: translation; translator; translator's style; ways of translation; fantastic realities; children's literature.

ЛЕГЕНДА О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ФОЛК-РОК ГРУППЫ «МЕЛЬНИЦА»

Аннотация. В статье рассматривается современная вариация средневековой легенды о Тристане и Изольде. На примере двух песен отечественной группы «Мельница» выявляются основные мотивы и образы-символы, с помощью которых раскрывается сюжет эпического произведения. Подчеркивается оригинальность и самобытность трактовок образов средневековой легенды, обусловленных стилистическими особенностями и художественными средствами выражения.

Ключевые слова: легенда; мотив; Тристан и Изольда; символы; «Мельница».

Средневековая легенда о Тристане и Изольде, относится к числу наиболее распространенных сюжетов западноевропейской литературы. Их образы приобрели непреходящую эстетическую ценность и нашли многочисленные воплощения в литературе разных стран и эпох. Печальная история любви Тристана и Изольды получила оригинальные интерпретации в произведениях Беруля, Тома и Готфрида Стасбургского, гибко отразив этические и эстетические идеалы Средневековья. Однако легенда продолжала привлекать писателей и поэтов в Новое время. Талантливое изложение легенды создал в начале XX века Жозеф Бедье. В наши дни образы Тристана и Изольды нашли свое отражение в творчестве отечественной фолк-рок группы «Мельница». В двух одноименных композициях мы встречаемся с ещё одной интерпретацией эпического произведения.

Начать стоит со структуры альбомов: обе композиции относятся к диптиху «Алхимейра». В первую часть альбома вошла композиция «Тристан», а во вторую – «Изольда». Подобно мечу, разделяющего Тристана и Изольду, были расположены данные композиции в альбоме. В одном из интервью сама певица и лидер группы, Наталья О'Шей, сказала: «Распределяли песни по символическому принципу. Например, песня «Изольда» специально расположена на одной части альбома, а «Тристан» на другой. Они разделены, между ними меч». [3]

В песне «Тристан» лирический герой рассказывает историю о странствиях рыцаря. В первом четверостишии встречается первый символ – серебро («мой серебряный»). Образ князя серебряного часто встречается в композициях данной группы и не всегда трактуется однозначно. Но в данном случае нужно рассматривать саму символику данного металла, так как в следующей композиции «Изольда» серебро будет противопоставлено золоту. Серебро всегда ассоциировалось с Луной, чистотой и целомудрием, так же «его сравнивали со светом надежды и мудростью». [2] Вместе с тем, в роковом значении этот металл символизирует тленность человеческого бытия. Весь путь Тристана (чьё имя переводится как «Печальный»), как и он сам, полон печальных событий и испытаний, он постоянно ведет борьбу за свою любовь не только с внешними врагами (королем и его свитой), но и с самим собой. Однако ничто не способно помешать ему в достижении цели – быть с Изольдой.

Во 2-3 строфах лирический герой снова обращается к Тристану: «она тебе лира или клинок?» Рыцарь уже взял в руки оружие («тугой металл в руках зазвучал»), но непонятно, что это за оружие. Лира и клинок тоже являются парой противопоставленных символов, одновременно они же являются обязательными атрибутами любого рыцаря. Лира олицетворяет «божественную гармонию» [2], это оружие мира и равновесия. Меч хоть и обладает отрицательными коннотациями (выражает агрессивно-защитную функцию), в то же время этот клинок является символом «высшего правосудия» [2] и, что стоит отметить, «духовной решимости» и «единством мужского и женского начала». [1, с.203]

В следующих строфах идет описание странствий Тристана. Кульминационный момент наступает в 4 строфе, где герой нравственно перерождается, как Феникс («был возрожден ясным дождем из пепла, в котором сожжен»). Тристан не может отказаться от Изольды и забыть её. Он буквально «сгорает» в любви к ней, но и из неё же возрождается, осознавая, что он не может существовать без своей истинной возлюбленной. Здесь же Тристан окончательно принимает решение, по какому пути ему следовать. И он выбирает и лиру, и клинок («с клинком и лирой спорить не стал») – гармония добра и зла, мира и хаоса. Развязка – Тристан возвращается из своего духовного странствия. В обоих припевах мы слышим «верный Тристан». Верный и преданный своей возлюбленной, рыцарь на протяжении всей песни и истории не теряет своего главного качества.

Вторая песня хоть и называется «Изольда», но главным её героем является Тристан. Первая строфа является завязкой, в ней кратко пересказывается сюжет всего сказания – борьба Тристана и Изольды за право любить друг друга. Во второй строфе – кульминационный момент. Лирический герой описывает воинственный край, где живет Изольда – опасности («небо темнеет от стрел», «беспощадными врагами в жарких боях за любовь»), холодное синее море

и безразличие людей («за холодными волнами», «за холодными глазами»). И постоянно лирический герой спрашивает, испытывая чувства Тристана: «Отдашь ли ты все, что имел, за её любовь, мой серебряный?» 3 строфа – развязка, именно здесь Тристан принимает решение быть с Изольдой. И край, представленный ранее как враждебный и чужой, вдруг преображается: «лишь флейта поет золотыми голосами», «золотыми волосами». Это уже не враждебное королевство, а край, где герой встречает свою любовь. Из-за своих свойств этот благородный металл повсеместно начали ассоциировать с Солнцем, а чуть позже золото стало символом божественного начала и бессмертия. Кроме этого оно обозначало огромный спектр иных качеств: «от чистоты, утонченности, духовной просвещенности, правды, гармонии, мудрости до земной силы, славы, великолепия, знатности и богатства». [2]

«Мельница» по-другому раскрывает смысл древнего сказания. В средневековой легенде два королевства: Корнуэлл, в котором правит дядя Тристана – король Марк, и Ирландия, королем которой является отец Изольды, враждуют между собой, средневековый автор рыцарских романов может объяснить чудо индивидуальной любви только действием волшебного любовного напитка. В песнях современной фолк-группы «Мельница» подчеркивается, что Тристан и Изольда обретают подлинное чувство любви. Несмотря на множество испытаний, любовь Тристана и Изольды божественна и прекрасна. Изображение торжествующей страсти и высшей красоты чувства влюбленных обусловлено художественными средствами выражения: «князь серебряный» обретает через «золотые волосы» и «золотой голос» Изольды «золото» настоящей любви.

Таким образом, в песнях фолк-рок группы «Мельница» встречаются аллюзии на рыцарские романы, однако вариация XXI века отличается жанровой структурой, композицией, символикой и художественными средствами. Интерпретация средневековой легенды о Тристане и Изольде фолк-рок группой «Мельница» как бы случайна или далека от первоисточника она ни была, необходима как подвижный компонент открытой смысловой структуры старинного сюжета, как подтверждение способности образов все вбирать и все объяснять, ничем до конца не объясняясь.

Литература

1. Купер Дж. Энциклопедия символов. / М.: Золотой Век, 1995. — 401 с.
2. Тресиддер Дж. Словарь символов. [Электронный ресурс] / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. - М.: Издательство ФАИР-ПРЕСС, 1999. - 448 с. Режим доступа: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/
3. Хелависа: В «Химере» мы зашифровали петухов Шагала и пророка БГ [Электронный ресурс] / Информационное агентство «Национальная служба

Borovikova D.A.

**THE LEGEND ABOUT TRISTAN AND ISEULT
IN THE ART OF FOLK-ROCK BAND «MELNITSA»**

Abstract. This article reviews and analyzes a modern variant of the medieval chivalry novel about Tristan and Iseult. On the example of the russian folk-rock band «Melnitca» and their two songs, the main motives and symbolic images are revealed. With help of which the plot of the ancient legend is unfolded. It emphasizes originality of the interpretations of images in this medieval legend, conditioned by stylistic features and means of the artistic expression.

Key words: legend; motif; Tristan and Iseult; symbol; «Melnitsa».

Вершинина Татьяна Викторовна
студент Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
tvershinina21@gmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

Аннотация. Статья посвящена особенностям литературных портретов, созданных Н.М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника». На основе анализа сделан вывод об их месте в композиции произведения.

Ключевые слова: литературный портрет; Карамзин; композиция; мета-жанр; сентиментализм.

Письма русского путешественника» — одно из крупнейших и популярных произведений русской литературы конца XVIII века. Автор художественно-публицистического сочинения — русский писатель, историк и публицист Николай Михайлович Карамзин (1766—1826). Впервые «Письма русского путешественника» появились на страницах «Московского журнала» (1791—1792) и быстро стали известны как в России, так и за рубежом. Спустя более двух веков, интерес к этому произведению не угасает, о чем свидетельствуют многочисленные исследования. В частности в центре внимания литературоведов остается вопрос о жанровой природе произведения. А.А. Бешкарев [2] относит «Письма русского путешественника» к жанру путешествия («травелога»), П.Е. Бухаркин [3] — к эпистолярному жанру. И.М. Святошенко [6] полагает, что «Письма русского путешественника» можно отнести к романному жанру, Е.А. Краснощекова [5] считает, что «это своего рода предроман». На наш взгляд, не менее значимо место в произведении занимают письма, содержащие литературные портреты современников. В связи с этим сочинение Карамзина, действительно, скорее тяготеет к метажанру в определении М.Я. Сорниковой [7]. Цель нашего исследования — выявить специфику литературных портретов Н.М. Карамзина, созданных в «Письмах русского путешественника», и определить их место в композиции произведения.

Включение Карамзиным в состав дорожных впечатлений портретов современников, несомненно, связано с принципами сентиментализма. Именно в эпоху сентиментализма живописцы и литераторы увидели индивидуальное

116 | своеобразие личности. «Русский путешественник» за время своей поездки имел счастье побеседовать с немалым количеством знаменитостей, о встречах с которыми подробно записывал в своём труде. В произведении «Письма русского путешественника» присутствуют литературные портреты немецкого философа Иммануила Канта (1724-1804), преподавателя логики и изящных искусств в Берлинском кадетском корпусе Рамлера, мыслителя, педагога и писателя Карла Филиппа Морица (1756-1793), историка культуры Иоганна Готфрида Гердера (1744-1803), поэта и прозаика Христофа Мартина Виланда (1733-1813), поэта, просветителя, политический деятеля Иоганна Вольфганга Гёте (1749-1832), швейцарского писателя Иоганна Каспара Лафатера (1741-1801), натуралиста и философа Шарля Бонне (1720-1793).

Литературные портреты в «Письмах русского путешественника» композиционно располагаются в первой половине «писем» и занимают малую часть от всего объёма, при этом они не теряют своей ценности. Если учитывать, что произведение состоит из 151 «письма», то литературные портреты просветителей даны в 16 письмах. Все они погружают читателя в атмосферу духовных и интеллектуальных исканий Европы конца XVIII века.

Стоит отметить, что в описании великих писателей и философов Николай Михайлович использует приём психологизма, позволяющий верно и живо изобразить душевные движения героев. Этому служит и описание внешности, и раскрытие манеры разговора и поведения. Карамзин описывает их внешний облик, обращая внимание на одни и те же схожие параметры: рост, цвет и состояние кожи, черты лица, даёт зрительную оценку возраста. Вот как, например, описываются Иммануил Кант: «Меня встретил маленький, худенький старичок, отменно белый и нежный» [4, с. 100] и Иоганн Готфрид Гердер: «Гердер невысокого роста, посредственной толщины и лицом очень не бел...» [4, с. 177].

Описывая глаза кумиров, путешественник подчёркивает, что глаза каждого говорят о живости ума, молодости духа: «лоб и глаза его (Гердера) показывают необыкновенный ум» [4, с. 178], глаза Виланда «были некогда серые, но от чтения стали красные» [4, С. 175], «острые глаза» у Лафатера [4, С. 222], «старец, в глазах которого блистает огонь жизни» – таков Шарль Боннет [4, С. 301]. Особенности речи великих собеседников раскрывают индивидуальность характера и образа мыслей просветителей: уверенный в себе, глубокомыслящий Кант «говорит скоро, весьма тихо и невразумительно...» [4, с. 100], а энергичный, полный жизни Лафатер «всякое слово говорит он с жаром. В тоне его есть нечто учительское или повелительное» [4, С. 222].

Современники напоминают рассказчику великих деятелей времен античности. Автор «Писем русского путешественника» называет Рамлера «немецким Горацием» [4, С. 133], а Иоганна Вольфганга Гёте – человеком, имеющим «важное греческое лицо» [4, С. 181]. Разговоры путешественника

с просветителями были, в основном, на одни темы: будущее немецкой и русской литературы, философия, образ мышления деятелей. Для Карамзина было очень важным понять, с какими мыслями живут его кумиры.

Таким образом, в литературных портретах Карамзина наблюдается определённая типология. Каждый из них содержит описание внешности, манеры разговора, особенностей поведения, оценку черт характера, субъективные впечатления рассказчика. Портреты знаменитых современников русского писателя являются историческим свидетельством и вместе с тем они занимают важное место в композиционной структуре произведения. В своей совокупности они создают образ духовного величия просветителей, который вдохновляет путешественника на путь самосовершенствования.

Литература

1. Барахов, В.С. Литературный портрет (Истоки. Поэтика. Жанр.) / В.С. Барахов. – Л.: Наука: Ленингр. отд-е. – 1985. – 312 с.
2. Бешкарев А.А. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина: проблемы поэтики: Дисс. кандидата филологических наук. – Сыктывкар. – 2003. – 193 с.
3. Бухаркин П.Е. Письма русских писателей XVIII в. и развитие прозы (1740-1780 гг.) Автореф. дис. канд. филолог. наук. – Л. – 1982. – 14 с.
4. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. – М.; Л.: Художественная литература. Т. 1. – 1964. – 810 с.
5. Краснощекова Е.А. «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина// Рус. лит. №4. – 1992. – 12-31 с.
6. Святошенко И.М. Концепция личности в творчестве Н.М. Карамзина и Л. Стерна. Автореф. дисс.канд. филолог. наук. – М. – 1995. – 180 с.
7. Сорникова, М.Я. Жанровая структура «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.01.01)/ Сорникова Мария Яковлевна. – Коломна. – 2006. – 172 с.

Vershinina T.V.

LITERARY PORTRAIT IN THE COMPOSITE STRUCTURE OF LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELER BY N.M.KARAMZIN

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the literary portraits created by N.M. Karamzin in the Letters of a Russian Traveler. Based on the analysis, a conclusion is made about their place in the composition of the work.

Key words: composition; literary portrait; Karamzin; meta-genre; sentimentalism.

Голикова Александра Владимировна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
alex.golikova@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНТЕРТЕКСТ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «t»

Аннотация. В статье проанализированы интертекстуальные связи романа В. Пелевина «t», в частности, литературные реминисценции и аллюзии в произведении.

Ключевые слова: интертекстуальность; Пелевин; роман «t»; Л. Толстой; Ф. Достоевский; М. Горький.

Интертекстуальность – это текстовая категория, отражающая соотносимость одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения.

Интертекстуальность у Виктора Пелевина является конститутивной особенностью, то есть используется во всем его творчестве, а значит, выполняет и свои функции: изменяет однозначность художественного произведения, когда автор вводит в него инородные элементы; нарушает линейный характер текста, когда требует от читателя вспомнить тот или иной текст; меняет статус текста на разнородный и дискретный. Интертекстуальность у В. Пелевина представлена как имплицитно, так и эксплицитно. Особую роль интертекстуальности в текстах

В. Пелевина отмечает И.И. Яценко, который утверждает, что она является «основным художественным приемом, через который реализуется концептуальность текста». [3, с.73]

В данной статье остановимся на литературной интертекстуальности романа В. Пелевина «t», который был опубликован в 2009 году. Отметим, что в романе также сильны другие аспекты интертекста, как то отсылки, связанные с религиозными понятиями или с фактами культурной жизни, но сейчас нас интересуют именно связи романа Пелевина с литературной традицией.

Для того, чтобы понять этот роман, читателю необходимо уметь интерпретировать присутствующие в нем отсылки, так как сам читатель является важной категорией интертекстуальности. Но иногда на это не способен даже квалифицированный читатель с высшим образованием. Поэтому возникает вопрос прочтения и понимания текста во всей полноте смыслов.

Главным героем романа В. Пелевина «Ф» является граф Т., который «принял решение уйти в Оптину Пустынь». [1, с.10] Известно, что Оптина Пустынь занимала особое место в жизни Льва Николаевича Толстого. Там он беседовал со старцем Амвросием, в 1896 со старцем Иосифом. В 1910 году Толстой в самый тяжелый момент своей жизни хотел поехать к Оптинским старцам. Он спрашивал о них в поезде, у ямщика и по прибытии в монастырь у монахов. Но он не мог войти туда, потому что на тот момент был отлучен от церкви. И сам повествователь говорит об этом «...у вас есть прототип. Это граф Толстой, великий писатель и мыслитель, живший в Ясной Поляне и ушедший в конце жизни в Оптину Пустынь. До которой он, впрочем, не добрался». [1, с.73]

Старец Варсонофий (из скита Оптиной Пустыни), который также присутствует в романе, хотя и в виде убийцы, пытающегося спасти графа Т., узнав о том, что граф Лев Толстой несколько раз приезжал и хотел посетить скит, но не решался, отправился на станцию Астапово к умирающему Л. Толстому, чтобы напутствовать ему перед смертью и дать возможность примириться с церковью, но Варсонофия к Толстому не допустили.

В тексте романа упоминается, что герой ищет именно «Оптину Пустынь соловьев» [1, с.137], и это тоже неслучайно. Здесь возникает отсылка к реальным жизненным фактам Ф.М. Достоевского с его работой «Оптина Пустынь соловьев». Известно, что жена Достоевского, когда в их семье заболел сын, просила гостя семьи – Владимира Соловьева, съездить с Федором Михайловичем в Оптину Пустынь, где он встретился со старцем Амвросием, чему и посвящена его работа.

В романе упоминается граф Олсуфьев, прототипом которому является известный реставратор XX века. Он тоже был связан с Оптиной Пустынью, в частности, он выпустил в 1928 году книгу «Амвросий, троцкий резчик XV века», рассказывающую про старца, живущего в Оптиной Пустыни.

Таким образом, мы видим, что отсылка в графу Льву Толстому, упоминание Варсонофия и «Оптиной Пустыни соловьев» объединены духовными исканиями героев и их реальными прототипами.

Ф.М. Достоевский не только упоминается в связи с Оптиной Пустынью, но и является героем романа, который оказался в заброшенном Петербурге с мертвыми душами (отсылка к Н.В. Гоголю), которыми он питался: «Достоевский поставил топор на мостовую, оперся на его рукоять и сделал непроницаемое лицо». [1, с. 213] При этом имя героя не изменено, и становится понятным, кто явился его прототипом. Однако приведенная цитата показывает, что интертекстуальность не только в имени героя, но и в упоминании топора, что является отсылкой к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Подчеркивая схожесть главного героя графа Т. с его прототипом, В. Пелевин сознательно использует отсылку и к Максиму Горькому, упоминая в диалоге его имя:

– Какое вино пить будете?

– Писатель Максим Горький, – с улыбкой произнес Т., – обычно отвечал на этот вопрос так: «хлебное». За это его ценили в славянофильских кругах. [1, с.23]

Чтобы понять этот диалог, читателю должно быть известно, что М. Горький был в дружественных отношениях с Л. Толстым и написал воспоминания «Лев Толстой», которые состоят из отрывочных заметок, сделанных в период болезни Л.Н. Толстого.

Но это не единственная отсылка к М. Горькому. Так, Ариэль, рассказывая о своих друзьях – создателях романа, говорит и о Грише, у которого «теперь миллионный контракт на телевидении – «Старуха Изергиль». Это про одну старую путану, которая научилась делать выводы о человеке по минуте – типа как цыганка на ладони». [1, с. 156]

В этом примере видна интерпретация рассказа старухи Изергиль о взаимоотношениях с юношами в молодости, что отсутствует у М. Горького.

Не только главный герой носит уже знакомое всем имя, но и его создатель Ариэль, с которым он знакомится на корабле и который периодически является к нему на протяжении романа. Но позже читатель узнает, что он и является автором всего повествования, хотя в конце романа выясняется, что это не так. Все это является типичной чертой постмодернизма – авторской маской, где автор не раскрывает свою позицию и всячески скрывает свое присутствие в тексте. Однако повествователь раскрывает читателю происхождение имени Ариэль и указывает, что это имя взято из «Бури» В.Шекспира и означает дух воздуха. Однако в Библии имя Ариэль значит Лев Иуды, а также является символом могущества императорской власти.

Таким образом, мы видим, что В. Пелевин использует прием интертекстуальности, в частности, литературных отсылок, упоминая при этом имена классиков русской литературы: Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М. Горький.

Литература

1. Пелевин В. Роман «t». М: Азбука, Азбука–Аттикус, 2017. – 426 с.
2. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.
3. Яценко И.И. Интертекст как средство интерпретации художественного текста (на материале рассказа В.Пелевина «Ника») // Мир русского слова. СПб., 2001. №1. С.73–83.

Golikova A.V.

LITERARY INTERTEXT IN THE NOVEL «T» BY V.PELEVIN

Abstract. The article investigates literary intertext, specifically, allusions and reminiscences in the novel «t» by V. Pelevin.

Key words: intertextuality; Pelevin, novel “t”; L. Tolstoy; F. Dostoevsky; M. Gorky.

МОТИВ ЛЮБВИ И ВЕРЫ В ПОВЕСТИ Ф. ГОРЕНШТЕЙНА «УЛИЦА КРАСНЫХ ЗОРЬ»

Аннотация. Статья посвящена анализу темы любви и веры через призму экзистенциальных мотивов в повести Ф. Горенштейна «Улица Красных Зорь».

Ключевые слова: Горенштейн; современная русская проза; экзистенция; символ; сиротство; выбор; вера; любовь.

Художественный экзистенциальный мир Горенштейна строится на пространстве одиночества, где автобиографический опыт сиротства предстаёт метафорой положения человека в мире и тесным образом связан с философско-эстетическими поисками, а также собственным взглядом автора на окружающий мир. Писатель использует сложный художественный приём мифологизированного нарратива – «вдохнуть живую боль современного человека в великие библейские схемы» [2].

Повесть «Улица Красных Зорь» относится к позднему периоду творчества писателя и является одним из самых ярких и пронзительных произведений, где впервые появляется нравственный идеал и звучит тема веры. Главная особенность повести – стихия народного языка: народные песни, гадания, предзнаменования, пословицы и поговорки, которыми заполнено всё содержательное пространство. Горенштейн выстраивает авторскую конструкцию мифа, в котором неразрывно связаны «советский» и фольклорный пласты, где коммунистическая идеология гармонично сочетается с языческими обрядами и верой в Бога, а советские символы соседствуют с народными. Примером может служить языческий календарный обряд «встреча весны» в советском детском доме. По содержанию повесть отражает реальные события послевоенных лет – период «ворошиловской амнистии», а по форме является народной притчей. Автор воздействует на мифологическое сознание читателя, на его национальное воображение и память.

Трагедию, свершившуюся на единственной и главной улице посёлка, Улице Красных Зорь, читатель видит глазами главной героини, девочки Тони. Композиционно повесть разделена на две части. Первая – история любви «красавицы певуны» Ульяны и ссыльного еврея Менделя, жизнь в любящей

122 | семье Тони Пейсехман, вторая – сиротство, жизнь Тони Зотовой в детском доме. Две части составляют одно смысловое поле – сознание ребёнка.

Жизнь Ульяны и Менделя – это не сказочная идиллия, а трудные и голодные послевоенные годы, метания Менделя между семьёй и благополучными родственниками. Отбыв ссылку, Мендель уехал, вернулся, увидел «здешнюю нищету, <...> двух малых детей, жену, простую таёжную бабу, взял расчёт и опять уехал. Поступил так, как ему родственники советовали» [3, с.269]. Ни нищета, ни тяжелый труд мойщицы вагонов, ни враждебность родственников, ни предложения потенциальных женихов не могут сломить в Ульяне веры в любовь. Любовь Ульяны возвышает её, наполняет жизнь смыслом, силой своего чувства, она борется за Менделя, не высказав ни единого упрёка в его адрес: «Я Менделя люблю. Вернется он ко мне» [3, с. 274]. Свою веру она передает детям. Услышав нелестную оценку в адрес отца от тёти Веры, Тоня сразу бросается защищать свою семью: «Ты нашего Менделя не тронь!» [там же].

Ульяна выступает в повести символом русского женского начала, в ней сочается неграмотность «таёжной бабы» и внутренняя чистота. Автор завоужен её обликом и любитесь им на протяжении всего повествования: «Когда пела, так сладко плакалось. Понимает, скоро дети придут с прогулки, пора умыться да утереться, а все не может остановиться, плачется и поется, поется и плачется. Вдоволь наплачется, и веселей становится...» [3, с.271]. Ульяна не верит в Бога, но её вера в любовь по своей природе божественна и сходна с любовью Христа к людям – это не плотская, страстная любовь, а любовь ко всему живому, к добру, красоте, Родине. Тоня вбирает в себя это чувство, слыша от матери: «Ой, вы, жаворонки, жавороночки. Летите в поле, несите здоровье. Первое коровье, второе – овечье, третье – человечье. – Они ведь высоко, – говорит Тоня. – Ничего... Они добрые слова сердечком слышат» [3, с.275]. Образ Ульяны – нравственный идеал, впервые появившийся среди героев Горенштейна, которым ранее автор отказывал в торжестве духа и обретении смысла существования («Зима 53-го», «Место», «Ступени» и др.).

Любовь Менделя и Ульяны, победив разлуку и неприятие родственников, трагически обрывается. Семейный вечер с пельменями закончился трагедией – утром пришла тётя Вера и сообщила Тоне: «Ваших отца и мать убили» [3, с.314]. В художественном экзистенциальном сознании Горенштейна человек бессилён перед хаосом бытия, и только любовь может на мгновение осветить мир жестокости, зла и насилия и продолжать жить в душе детей, в их памяти.

Вторая часть повести – поиск своего места вне дома. У Тони есть шанс остаться в семье. Смерть Ульяны и Менделя ставит родственников Тони перед выбором, но они не выдерживают испытание человечностью. Горенштейн жесток к человеческому греху, не давая собственных оценок и сохраняя эмоциональное равновесие, автор расставляет акценты на деталях: «Тётя Вера сильно плакала, но когда вышли после прощания и муж её, Никита, начал в который раз говорить: – Надо бы детей к нам взять, родные ведь.

Вера покраснела, нос её заострился, и глаза сами по себе высохли. – Куда взять? Ты мне пятерых смастерил и Менделя ещё двух на меня повесить хочешь. А жить как?» [3, с. 317]. В этом диалоге происходит смена субъекта повествования: угол зрения Тони – тётя Вера [курсив мой – А.Г.], угол зрения автора – Вера. Таким образом, автор перемещает сказанное из пространства содержания в пространство осмысления действия, следуя Бахтину: «Сказовое, изобразительное и осведомительное слово должны выработать какое-то новое отношение к своему предмету» [1, с.12]. Ответ Веры имеет две смысловые части: объяснение Веры и «приговор» автора. «А жить как?», когда отказываешь в милосердии, в одной из форм духовного самоопределения. Для автора «суд божеский» важнее «суда человеческого».

Коренным переломом в судьбе Тони стал осмотр врача: «Дурочка, – сказал очкастый, – тебе прививку сделать надобно, поскольку ты теперь будешь жить не в семье, а в коллективе» [3, с.315]. Для автора жизнь в любящей семье Тони Пейсехман и жизнь в коллективе «советской детдомовки» Тони Зотовой – два цикла бытия, не перетекающих один в другой, между ними пропасть.

Осознания Тоней себя в новом качестве автор воплощает через традиционный для русской литературы образ странника. Ежедневно путь её лежит от школы к камню у дороги, где она подолгу сидит и в каждом прохожем пытается «увидеть женщину, хотя бы похожую на её мать» [3, с. 318]. Тоска и страх вселились в душу девочки: «...по утрам, начало у нее болеть под ложечкой, сосать что-то, давить» [3, с.318]. Желание вновь обрести семью толкает её к ложному выбору. «Однажды пришел в детдом некто Машков. <...> Тоня подбежала к нему с криком: – Папочка, папочка, ты пришёл за мной!» [3, с.312]. Попытка вернуться в атмосферу семейного счастья заканчивается неудачей, через месяц Тоню в детский дом вернули. Дети встретили ее криками: «Мать Божья Курская вернулась» [3, с.322]. Эта параллель с иконой Курской Божьей матери не случайна. Курская икона Богоматери знаменует справедливость и напоминает каждому православному христианину о великом чуде рождения Сына Божьего. Этому образу молятся о семейном счастье. С 1919 года древнейшая российская святыня странствовала по миру и лишь в 2009 году вернулась в город Курск. Таким образом, слова автора оказались пророческими. Во второй части автор ставит своей задачей не изображение тягот сиротства, как такового, а пытается собрать мир воедино с позиции взрослого человека, пережившего трагедию смерти близких и одиночества.

Путь к себе Тоне Зотовой подсказывает автор: «Минуют необъятные российские годы, пройдут бесконечные российские дни, и опять наступит тот дождливый вечер с пельменями, который переломил Тонину жизнь у самого корня. Но на сей раз вечер перейдет не в ночь, а сразу в рассвет <...> услышит Тоня чистый, заоблачный голос, как бы единый голос Ульяны и Менделя: «Прийди, ближняя моя, прийди, голубица моя» [3, с.322]. И ответит им Тоня словами 107-го псалма из Псалтыри: «Готово сердце мое, Боже, готово» [4].

Таким образом, ранний авторский опыт атеистического экзистенциализма не привёл героев Горенштейна к преодолению страха, отчаяния и одиночества (Ким – «Зима 53-го», Гоша Цвибишев – «Место», Август – «Искушение» и др.). Без Веры нет возможности прорваться через бездну абсурдности бытия. Судьба героев повести «Улица Красных Зорь», их путь к себе предполагает веру в Бога (Тоня), а если не в Бога, то в божественное – любовь, добро, Родину (Ульяна). Впервые в финале произведения Горенштейна забрезжил луч надежды.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7-300.
2. Горенштейн Ф. Мой Чехов осени и зимы 1968 года. // [электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28635479.html> (дата обращения: 27.02.2018)
3. Горенштейн Ф. перевоплощения: роман, повести. – СПб.; Азбука, 2012. – 608 с.
4. Псалтырь, псалом 107// [Электронный ресурс]. URL: <https://www.molitvoslov.com/text444.htm> (дата обращения: 27.02.2018)

Golubev A.A.

THE MOTIF OF LOVE AND FAITH IN F. GORENSTEIN'S STORY «STREET OF THE RED DAWN»

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theme of love and faith within the context of existential motifs in F. Gorenstein's story «Street of the Red Dawn».

Key words: Gorenstein; modern Russian prose; existence; symbol; orphanhood; choice; faith; love.

Демина Арина Рудольфовна
студент 2 курса Сочинского института (филиал)
Российского университета дружбы народов
Сочи, Россия
arisha0309@yandex.ru

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Аннотация. В статье представлен анализ декларативных, проявляющиеся на вербальном уровне, и ассоциативно-подтекстовых античных реминисценций из цикла стихотворений «Киммерийские сумерки» Максимилиана Волошина.

Ключевые слова: Максимилиан Волошин, цикл стихотворений, античные реминисценции, вербальный уровень, ассоциативно-подтекстовый уровень, Киммерия, Коктебель.

Имя Максимилиана Волошина не так известно публике, как имена его современников: Марина Цветаева, Иван Бунин, Андрей Белый, Александр Блок. Но, тем не менее, так называемые «популярные» и известные на данный момент поэты отдавали дань творчеству Максимилиана, отмечая в нем и его произведениях нечто уникальное и манящее. Марина Цветаева вспоминала: «Пишу и вижу, голова Зевса на могучих плечах, а на дремучих, невероятного завива кудрях узенький полынный веночек, засушная необходимость, принимаемая дураками за стилизацию, равно как его белый парусиновый балахон...» [1, с. 200]. А. Белый писал о Волошине: «В центре этого орнамента из людей и их интересов видется мне приветливая фигура Орфея – М. Волошина, способного одушевить и камни, его уже седеющая пышная шевелюра, стянутая цветной повязкой, с посохом в руке, в своеобразном одеянии, являющем смесь Греции со славянством» [1, с. 510]. Многими современниками Волошин так же воспринимался и как «царь Киммерии», как некий синтез античности и современности.

Волошин является автором лучшего сборника стихотворений о Крыме. Киммерия для поэта была отражением прошлых эпох, именно поэтому он прибегает к античным мотивам в написании стихотворений. Красота Крыма стала для него своеобразной «машиной времени», способной отправить его во времена Гомера. Волошин находит в Крыме осколок сохранившегося античного мира с богатыми культурными и историческими наслоениями, оставшимися от киммерийцев. Поэт считает себя певцом и наследником

всего исторического прошлого этого края. Сведения Гомера о том, что северные берега Понта Эвксинского в доисторические времена принадлежали киммерийцам, подтверждались свидетельствами историка Геродота (V в. до н.э.) и географа Страбона, а также новыми археологическими раскопками, которые дали Волошину уверенность в реальности его суждений. Основываясь на фактах поэт переносит античность на пространство своей современной Киммерии, создавая свои собственные мифы, например, о том, что именно здесь находится вход в подземное царство Аида. «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам океана, там киммериян печальная область, покрытая влажным туманом и мглой облаков» («Одиссея» перевод В. Жуковского) – эти строчки из «Одиссеи» вдохновляли поэта.

В творчестве Волошина можно проследить два вида отражения мифического: прямые (декларативные), проявляющиеся на вербальном уровне, и ассоциативно-подтекстовые. Цикл «Киммерийские сумерки» содержит несколько основных смысловых линий:

1. Отражение темы Праматери-земли.
2. Вечный образ скитальца, стремящегося домой – Одиссея.
3. Мифологические топонимы.
4. Упоминание имен богов, героев и титанов.

Данная классификация достаточно условна, так как во многих стихотворениях происходит синтез не только разных смысловых линий, но и видов отражения мифического.

1. Отражение темы Праматери-земли

Эта тема появляется в первом же стихотворении цикла «Киммерийские сумерки» – «Полынь»: В гранитах скал – надломленные крылья / Под бременем холмов – изогнутый хребет./ Земли отверженной – застывшие усилья. / Уста Праматери, которым слова нет!

Поэт представляет землю, как Праматерь, погруженную в безмолвие и горечь от неспособности высказаться, выразить себя. Лирический герой близок Праматери-земли: он тоже безмолвствует и в страдании припадает к «грудям пустыни», называя ее «мать-невольница», он пленен её красотой и навсегда останется ее певцом.

2. Вечный образ скитальца, стремящегося домой – Одиссея.

В стихотворении «*Mare internum*», есть не только прямое упоминание Одиссеи, но и выражение античных мотивов на ассоциативно-подтекстовом уровне: Люби мой долгий гул, и зыбких взводней змеи./ И в хорах волн моих напевы Одиссеи.

3. Мифологические топонимы

Поэт объединяет реальные топонимы вместе с мифологическими:

«Я – солнца древний путь от красных скал Тавриза / До тёмных врат, где стал Гераклов град – Кадикс. / Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс,/ И струйный столб огня на мне сверкает сизо» («*Mare internum*»)

Волошин ограничивает морское пространство двумя реальными городами и вводит мифологему «Стикс», обозначающую в греческой мифологии олицетворение первобытного ужаса и мрака, из которых возникли первые живые существа, и персонификация одноимённой мифической реки Стикс, находящейся в царстве Аида. Поэт переносит легенду на реальную основу, связывает земной мир с потусторонним.

3. Упоминание имен богов

Влачился день по выжженным лугам / Струился зной. Хребтов синели стены. / Шли облака, взметая клочья пены / На горный кряж. (Доступный чьим ногам?) / Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам / Цикад и ос? Кто мыслил перемены? Кто, с узкой грудью, с профилем гиены, Лик обращал навстречу вечерам? (Сехмет).

Для античности характерно олицетворение и одушевление природы и ее явлений, этот прием использует Волошин в своих стихотворениях, в том числе и в стихотворении «Сехмет» – в древнеегипетской мифологии это богиня войны и палящего солнца, грозное око бога Солнца Ра. Солнце для Волошина предстало в облике богини, ожило. В самом стихотворении можно также заметить и ассоциативно-подтекстовое отражение мифа: «Кто, с узкой грудью, с профилем гиены, Лик обращал навстречу вечерам?». Сехмет изображалась в виде женщины с головой льва.

«Столбы снегов, и гроздьями глициний / Свисают вниз... Зной глуше и тусклей. / А по степям несётся бег коней, / Как тёмный лёт разгневанных Эриний. / И сбросил Гнев тяжёлый гром с плеча, / И, ярость вод на доли расточа, / Отходит прочь. Равнины медно-буры. / В морях зари чернеет кровь богов. И дымные встают меж облаков / Сыны огня и сумрака — Асурь» («Облако»).

В данном стихотворении происходит синтез двух культур - греческой и индийской. Эринии – это богини мести, преследующие преступника, насылая на него безумие, а асурь в древнеиндийской мифологии змееголовые духи, высшие демоны, противостоящие богам. Они отличаются злобностью и коварством. В переводе «асура» означает «облако».

Ассоциативно-подтекстовые отражения мифического в поэзии М. Волошина проявляются как аллюзии, то есть как намеки и отсылки, появляющиеся в описании, в приметах и деталях сюжета, понимание которых основано на определенном уровне знаний.

«Здесь был священный лес. Божественный гонец / Ногой крылатою касался сих прогалин. / На месте городов ни камней, ни развалин. / По склонам бронзовым ползут стада овец». «Божественный гонец» – это отсылка к богу Гермесу.

Существующий в объективной реальности Коктебель становится символическим центром мироздания, в котором поэт-странник нашел гармонию

128 | и совершенство. Можно с уверенностью говорить о том, что М.А. Волошин вписал свой творческий лик в многогранную литературу Серебряного века, несмотря на все противоречия, присущие данной эпохе.

Литература

1. Волошин М. Воспоминания о Максимилиане Волошине// Составление и комментарии В.П. Купченко, З.Д. Давыдова// М., Советский писатель, 1990, с. 713.

2. Волошин М. Собрание сочинений, Том 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926// М., Эллис Лак, 2003, с. 610.

Demina A.R.

ANTIQUÉ REMINISCENCE IN MAKSIMILIAN VOLOSHIN'S CREATION WORK

Abstract. The article presents an analysis of declarative, manifested at the verbal level, and associative-subtextual ancient reminiscences from the cycle of poems «Cimmerian Twilight» by Maximilian Voloshin

Key words: Maximilian Voloshin; cycle of poems; ancient reminiscences; verbal level; associative-subtext level; Cimmeria; Koktebel.

СЕМАНТИКА СИНЕГО ЦВЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Аннотация. В статье рассмотрена семантика синего цвета в общепринятой традиции и её трансформация в стихотворениях В. Высоцкого. Проанализированы цветоименования и сделаны выводы об их функционировании в текстах автора.

Ключевые слова: русский язык; семантика, цветоименования.

Понятие цвета, значение и символика, всегда были в центре внимания мыслителей (Аристотель «О душе», Гегель «Эстетика», И.В. Гёте «Трактат о цвете», К.Г. Юнг «Символы трансформации», В. Тренер «Символ и ритуал», А.Ф. Лосев «Философия. Мифология. Культура» и др.). Так, А.Ф. Лосев поднимает проблему «вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе» (1982), В.М. Жирмунский рассматривает этот вопрос на материале творчества А. Ахматовой и А. Блока (1970), А.А. Брагина обращает внимание на «цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний» (1972), А.П. Василевич делает сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений» (2003) и др. В настоящее время цветопись, к которой прибегают авторы, представляется достаточно хорошо изученным языковым приёмом. Внимательное прочтение художественного произведения приводит читателя к пониманию контекстуального наполнения цветового содержания какого-либо понятия.

В настоящем исследовании мы обратились к творчеству Высоцкого. Известны биографические, литературоведческие и лингвистические работы, посвященные анализу поэзии Высоцкого, увидело свет 4-х томное издание «Мир Высоцкого: исследовательские материалы» (1998), где собраны исследования В.И. Новикова, М. Хмелинской, В.Ф. Щербаковой и др., сделаны обобщающие наблюдения в работе Ю.В. Дюпиной [Дюпина 2009: 48].

Нами был проанализирован сборник стихотворений Высоцкого с целью рассмотреть цветовую картину мира поэта [Песни 2015]. Высоцкий, в первую очередь, поэт-бард, для него, как для музыканта, был важен не цвет как таковой, а его эмоциональная сторона и психологический результат воздействия на читателя и слушателя. Цветообозначения Высоцкого проявляются

130 | в многообразии семантических связей между словами, активно участвуют в создании образной картины мира поэта, раскрытии внутреннего мира лирического героя. Слово поэта «двухголосое, сюжетное, предметное, гиперболочное, драматическое» [Новиков 1991: 97].

Доминантными цветами в палитре Высоцкого выступают белый и чёрный. Корень бел- использован 47 раз, корень черн- использован 39 раз. Например: «Белее снега белый вальс, кружись, кружись, / Чтоб снегопад подольше не прервался! / Она пришла, чтоб пригласить тебя на жизнь, – / И ты был бел – белее стен, белее вальса» [Песни 2015: 509]. В пределах одного фрагмента в различных формах прилагательного «белый» отражены значения цвета, чистоты, первого шага со стороны девушки, бледность от волнения. Производное от прилагательного «чёрный» содержит значения цвета: «Но то и дело тень перед мотором – / То чёрный кот, то кто-то в чем-то чёрном» [Там же: 602], вражды: «Не слепая, не чёрная ненависть в нас, – / Свежий ветер нам высушит слезы у глаз / Справедливой и подлинной ненависти!» [Там же: 476], святости: «Лики – как товарищи – / Смотрят понимающе / С почерневших досок на меня» [Там же: 384].

Поэтом использована вся палитра красок: белый, чёрный, серый, синий, жёлтый, золотой, зеленый, голубой, красный и рыжий (11 основных цветов). Единичные случаи употребления цвета (малиновый, изумрудный, бледно-розовый) также дополняют картину мира поэта. Среди общей цветовой гаммы поэта особенно выделяется синий.

Синий цвет отмечен в стихотворениях Высоцкого 17 раз, что составляет 10% от общего числа цветоименований. В стихах поэта выявлено 11 прилагательных «синий», трижды встречается существительное «синева» и дважды глагол «синеть». Прилагательное «синий» отличается многообразием своих значений. Поэт использует традиционное указание на цвет: «А вот прошла вся в синем стюардесса как принцесса – / Надежная, как весь гражданский флот» [Там же: 513]. Символическое значение синего цвета давно положено в основу поэтической образности. Синее небо, синее море – образы, пришедшие из фольклора и обозначающие безграничность определяемого пространства. Такое символическое значение представлено в произведениях поэта: «Она жила под солнцем – там, / Где синих звезд без счета» [Там же: 390]; «И небо поделилось с океаном синевой – / Две синевы у горизонта скрещены» [Там же: 416] и др.

Встречается значение «холодный», такой семантикой наделяет поэт окказионализм «синегубые» в стихотворении «Странные скачки»: «Эй вы, синегубые! / Эй, холодноносые!» [Там же: 231]. К типичной семантике обозначения цвета добавляется значение покоя: «Я дышал синевой, Белый пар выдыхал [Там же: 134]. Отмечаем общее значение поэтичности: «Она жила под солнцем – там, / Где синих звезд без счета» [Там же: 209].

В поэзии Высоцкого у прилагательного «синий» появляется мрачное значение «смерти». Указанное значение не зафиксировано в толковых словарях русского языка В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, оно имеет контекстуальное проявление. Наравне с чёрным цветом, который привычно ассоциируется с трагедией и горем, синий в поэзии Высоцкого олицетворяет нечто тёмное, которое в своей величественной глубине и поэтичности таит печаль и боль: «Я покрасил синим – шутка гения, – / Утром вижу – синие лежат» [Там же: 175]. Такое же значение в стихотворении «Песня о Судьбе»: «Мне тяжело под нею, / Гляди – я синеею, / Уже сатанею, / Кричу на бегу: / «Не надо за шею! / Не надо за шею! / Не надо за шею! / Я петь не смогу!» [Там же: 412]. Чувствительность к синему повышается при состоянии тоски, усталости или грусти. Контекстуальное значение смерти встречается трижды, что составляет 18% от общего числа цветоименований. Так, семантика синего цвета расширяется в поэзии Высоцкого, лирический образ «синевы» сменяется отчаянием, мрачным оттенком смерти.

Литература

1. Высоцкий В.С. Песни. Стихотворения. – Москва: Эксмо. – 2015. – 640 с.
2. Дюпина Ю.В. Цветообозначения в репрезентации поэтической картины мира Владимира Высоцкого: структура, семантика, функции: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 189 с.
3. Новиков В.И. В Союзе писателей не состоял. – Москва: Интерпринт. – 1991. – 221 с.

Dmitrieva E.S.

THE SEMANTICS OF A BLUE COLOR IN THE WORKS OF VLADIMIR VYSOTSKY

Abstract. This article reveals features of concept «Sangre» in Spanish phraseology.

Key words: russian language; grammar; semantics; color names.

Жданович Олеся Андреевна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
olesya_zhdanovich@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ В СИСТЕМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ МАНИФЕСТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА)

Аннотация. В данной статье анализируются стилистические, художественные, жанровые особенности поэтического манифеста первой трети XX века.

Ключевые слова: поэтический манифест; модернизм в литературе; жанровые особенности.

В настоящей работе под термином поэтический манифест подразумевается манифест поэтического объединения, который рассматривается как самостоятельное художественно-литературное явление. При этом автор у поэтического манифеста может быть и один, если его высказывание носит программный характер для поэтической группы (н., «Notre Dame» О. Манделъштама).

Несмотря на то, что понимание природы поэтических манифестов имеет важнейшее значение для анализа задач, реализуемых автором в лирических произведениях, для их интерпретации, литературный феномен поэтического манифеста практически не изучен.

Среди прочего, это связано с тем, что поэтический манифест имеет сложную стилистическую природу. В структуру произведений органично входят элементы публицистического стиля, что само по себе не является исключением для текстов художественных, где средства других стилей «используются <...> не в их основной, а в измененной, <...> в эстетической функции» [6, с. 595]. В поэтических же манифестах, переплетаясь с художественным, реализуется публицистический стиль как таковой. Стоит отметить, что для поэтических манифестов главными являются две функции: воздействующая и эстетическая, что и дает нам основания говорить о поэтическом манифесте как о гибридном художественно-публицистическом жанре. Информативная функция в поэтических манифестах реализуется и публицистически: так, сообщаются факты о создании, распаде поэтических объединений, изменении их эстетической установки, этим событиям даются оценка и подробный комментарий. Как и публицистические, тексты поэтических манифестов, кроме вышперечисленного, крайне эмоциональны, документальны, судь-

ективны, в них авторская позиция выражена отчетливо, ясна воспринимающему, тогда как ее интерпретация в художественных произведениях всегда является трудноразрешимой задачей как для обыкновенного читателя, так и для литературоведа (самый яркий пример – постмодернистские тексты).

Однако не следует характеризовать поэтический манифест исключительно как обслуживающий сферу литературы текст. Поэтический манифест мы рассматриваем прежде всего как произведение искусства, с присущей ему категорией художественности.

К поэтическим манифестам в полной мере применимы законы художественности, сформулированные В.И. Тюпой:

- так, поэтический манифест целостен, т.е. имеет внутреннюю завершенность и избыточность;
- автор создает за поэтическим манифестом «конвенциональный мир» [1, 317], воплощая закон условности;
- закон внутренней адресованности также действует в «пространстве» поэтического манифеста: автор создает манифест в первую очередь для того, чтобы ответить себе на вопрос «Как я хочу писать?», внешняя же адресованность манифеста вторична;
- закон творческой оригинальности в поэт. манифестах проявляется особенно ярко, так как одной из эксплицитных задач таких произведений является как раз поиск и обоснование оригинальных, экспериментальных способов творческого выражения;
- закон генерализации, согласно которому «творимый текст есть аналог <...> исторической действительности (по преимуществу исторической современности)» [5, с. 81] также применим к поэтическим манифестам.

Важная особенность поэтического манифеста, отличающая его от большинства художественных произведений, состоит в том, что за образами, воссоздаваемыми в поэтических манифестах, всегда стоят реальные лица. Тем не менее, черты их неизбежно преломляются через восприятие автора манифеста, отдельные качества личности могут быть гипертрофированы, как, например, в эпиграмме или ранней сатире.

Поэтический манифест, с одной стороны, из трех родов больше всего тяготеет к лирике (субъективность, исповедальность, концентрация на личности автора), но не обладает ее сущностными свойствами, с другой стороны, по доминирующему типу речи – рассуждению – сближается с художественным эссе, формой «внеродовой» [7, с. 331], к коим мы относим и поэтический манифест.

Какие же признаки являются, по нашему мнению, жанрообразующими для поэтического манифеста?

Тематика такого рода произведений – поэтическое творчество; для авторов первой трети XX века главным является вопрос как, а не о чем писать, т.е. вопрос формальной реализации, например: «Мы, настоящие мастеровые искусства, мы, кто отшлифовывает образ, кто чистит форму от пыли содержа-

134 | ния лучше, чем уличный чистильщик сапог, утверждаем, что единственным законом искусства <...> является выявление жизни через образ и ритмику образов» [3, с. 172].

Малый объем произведений (сравнимый с объемом стихотворения или небольшого рассказа), имеющий прямую связь со сжатой структурой изложения.

Частное я в большем количестве манифестов заменяется на групповое мы, автор поэтического манифеста начала XX в. ощущает себя в первую очередь как часть целого. Отсюда противопоставление мы – вы. В пример приведем отрывок из манифеста ОБЭРИУ: «Может быть вы будете утверждать, что наши сюжеты «не-реальны» и «не-логичны»? А кто сказал, что житейская логика обязательна для искусства? <...> Мы расширяем смысл предмета, слова и действия. <...> Наше объединение свободное и добровольное, оно соединяет мастеров, а не подмастерьев — художников, а не маляров. Каждый знает самого себя и каждый знает — чем он связан с остальными» [2, с. 14].

С помощью поэтического манифеста авторы включают себя в литературный процесс, даже если отрицают преемственность (как, например, в «Пощечине общественному вкусу»), заявляют свое право нахождение в условном поэтическом пространстве, в котором разворачивается их вневременной поединок с современниками и писателями прошлого.

Императивная тональность, провозглашение «высших истин» в поэтическом манифесте отличают его от эссе, в котором «мысли <...>, как правило, не претендуют на исчерпывающую трактовку предмета, они допускают возможность совсем иных суждений» [7, с. 331].

Тесно связаны с предыдущим качеством поэт. манифестов повышенные эмоциональность, экспансивность: «Экспрессионизм – это не та идиотская погоня молодых поэтиков во что бы то ни стало прилепить к себе ярлык нового звучного «изма», чтобы как-нибудь прикрыть убогость своих виршей» [3, с. 218-219].

Поэтические манифесты первой трети XX в. разнообразны в формальном отношении: произведение может быть написано в стихах («Адам» С. Городецкого, «Пролог» И. Северянина и др.), прозе («Садок судей», «Декларация неоклассиков» и др.), не менее распространено смешение двух этих способов изложения («Символизм как миропонимание» А. Белого, «Имажинизма основное» И. Грузинова и др.). Структурно поэтический манифест часто включает в себя пункты, обязательно – указание на автора послания.

Именно в первой трети XX века поэтический манифест как жанр достигает своего расцвета, утверждаются его характерные признаки. Так, И. С. Воробьев называет манифест «крупнейшим художественно-публицистическим феноменом» эпохи авангарда [4, с. 9].

Подводя итог, следует отметить, что стилистически поэтический манифест соединяет в себе художественность и публицистику, относится к внеродовым литературным формам, является самостоятельным жанром и обладает специфическими признаками.

Литература

1. Введение в литературоведение: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Филология» / Под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа. – 2004. – 679 с.
2. Манифест ОБЭРИУ // Афиша Дома печати. – Л.: Дом печати, 1928. – № 2. – С. 11-14.
3. От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. – М.: Новая Москва. – 1924. – 303 с.
4. Русский авангард: манифесты, декларации, программные статьи (1908-1917): к 100 летию русского авангарда / авт.-сост. И. Воробьев. – СПб: Композитор. – 2008. – 254 с.
5. Сергеева В.Б., Тюпа В.И. Инновационная технология литературного образования школьников: системно-деятельностный подход // М.: Филологический класс. – 2014. – №1. – С. 78-84.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Наука. – 2003. – 694 с.
7. Теория литературы: учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа. – 2004. – 404 с.

Zhdanovich O.A.

POETIC MANIFESTO IN THE SYSTEM OF LITERARY GENRES (USING THE TEXTS OF THE MANIFESTOS OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY)

Abstract. This article analyzes the stylistic, artistic, genre features of the poetic manifesto of the first third of the XX century.

Key words: poetic manifesto; literary modernism; genre features.

Забудряева Юлия Александровна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
zabudryaeva96@mail.ru

С.А. ЕСЕНИН: КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена теме религиозного мировосприятия, его роли в революционной поэзии Есенина, и духовно-религиозного кризиса, отразившегося в творчестве поэта.

Ключевые слова: Есенин, религия, революция, мотив, образ, поэзия.

Указанная тема не однажды привлекала внимание исследователей: над ней работали О.Е. Воронова [2], Н.И. Шубникова-Гусева [5], Т.К. Савченко [4] и др. Тем не менее некоторые ее положения требуют дальнейшего уточнения, что и является темой нашей статьи.

Христианство и революция оказали значительное влияние на творчество С.А. Есенина. Воспитанный в крестьянско-религиозной среде поэт отразил в своей ранней поэзии образ святой одухотворенной России. Религиозная тема – едва ли не в каждом его произведении первой половины 1910-х гг. Однако Есенин жил в тяжелые для России времена, прошедшие под знаком революции и гражданской войны. Влияние революционных идей не могло не отразиться на мировоззрении молодого рязанского поэта, позднее став одной из причин духовно-религиозного кризиса в его жизни и творчестве.

Религиозный настрой Есенина стал заметно ослабевать после его переезда в Москву. Юноша, оторванный от родного дома и крестьянской среды, оказывается в самом центре атмосферы предреволюционных событий. Позиция Есенина этих лет крайне противоречива: в его сознании происходит борьба христианских взглядов и революционных настроений. Болезненную перестройку мировосприятия юного поэта легко проследить по его переписке 1912-1915 гг. с Григорием Панфиловым и Марией Бальзамовой.

В 1917 г. в творчестве Есенина явствен порыв революционного вдохновения. Тогда же он создает свои первые революционные поэмы: «Товарищ» (март 1917) и «Певущий зов» (апрель 1917). В них сохраняются религиозные мотивы и образы, столь близкие его ранней христианско-крестьянской лирике. Образ Христа выходит на первый план в поэме «Товарищ», однако наряду с религиозной темой в произведении уже слышны отголоски революционных событий: об этом свидетельствует характерное для советских лозунгов

восклицание («Велит стоять за волю, / За равенство, за труд!») [3, т. 2, с. 33]. В начале поэмы совмещены два пласта – религия и революция. Идею христианской революции выражает обращение лирического героя к Христу с просьбой о помощи в создании нового лучшего мира («Исус, Исус, ты слышишь? / Ты видишь? Я один <...> Зовет он нас на помощь, / Где бьется русский люд») [3, т. 2, с. 31]. Поэт верит, что христианская вера проложит путь развития послереволюционной России. При этом отметим, что еще до начала Октябрьской революции он предчувствует в своем произведении ее антирелигиозный характер. Финал поэмы «Товарищ» будто предсказывает итоги предстоящей Октябрьской революции: младенец Исус погибает, сраженный пулей, а «железное слово» республика наиболее точно отражает исход кровавой народной войны.

В поэме «Певущий зов» Есенин аллегорически переосмысливает религиозно-библейские мотивы, рождающие не христианские образы, а революцию. Критик Р.В. Иванов-Разумник отозвался о Есенине как о певце «рожденной в вифлеемских яслях русской революции» [3, т. 2, с. 294]. Есенин создает образ крестьянской революции, которая явилась русскому народу как второе рождение Христа. Текст поэмы изобилует библейскими мотивами и вместе с тем наполнен многочисленными призывами и восклицаниями («Радуйтесь!; Хвалите Бога!») [3, т. 2, с. 26], что сближает ее с поэмой «Товарищ». В заключительных строчках «Певущего зова» звучит жизнеутверждающая идея готовящейся революции, в отличие от поэмы «Товарищ», где финал трагичен. «Не губить пришли мы в мире, / А любить и верить!» [3, т. 2, с. 29] – на первый план здесь выходит тема великой революции, в справедливость которой верит молодой поэт. Есенин не мог пока еще представить народную революцию без опоры на религию. Однако позже он проникается идеями, выдвигаемыми социал-демократами, и все чаще в его произведениях слышится отказ от христианской веры.

Пик религиозного кризиса Есенина приходится на конец 1910-х – начало 1920-х гг. В это время создаются самые кощунственные, антирелигиозные его произведения, что было связано с периодом принадлежности Есенина к «Ордену имажинистов». Январь 1918 г. ознаменовался созданием поэмы «Инония». В автобиографии поэт пишет: «В начале 1918 года я твердо почувствовал, что связь со старым миром порвана, и написал поэму «Инония» [3, т. 2, с. 343]. Громко звучит в поэме отказ от старого мира, образ которого с детско-юношеской нежностью создавал и оберегал Есенин в своем раннем творчестве. Мотив богоборчества, неприятие религиозных догм появляются в произведении: «Тело, Христово тело, / Выплюваю изо рта; Даже богу я выщиплю бороду / Оскалом моих зубов» [3, т. 2, с. 61]. Общий тон поэмы, резкие и отрывочные фразы, динамизм, создаваемый за счет грубых метафор и сравнений («Рукою упругую готов повернуть весь мир; «Языком вылижу

на иконах») [3, т. 2, с. 62], передают образ жестокой революции, устанавливающей свои правила и воздвигающей своего нового бога: «Новый на кобыле / Едет к миру Спас. / Наша вера – в силе. / Наша правда – в нас!» [3, т. 2, с. 68]. Заключительные строчки «Инонии» подтверждают отказ свершившейся революции от христианской веры в пользу веры в советскую власть.

Библейские поэмы Есенина во многом отражают его непостоянство во взглядах. В годы революционных перемен в России поэт пытался найти свое отношение к происходящему у него на глазах образованию новой советской страны. С одной стороны, ему как будто жаль прошлого, и вместе с тем Есенин искренне возлагает надежды на революцию. Поэзию Есенина 1917–1918 гг. можно назвать борьбой двух начал: религиозного и революционного. Противостояние Есенина-христианина и Есенина-бунтаря приводят к созданию грубых и даже богоотступнических, но, тем не менее, по-своему уникальных произведений.

Творчество С.А. Есенина выражает особенности его поэтической «хулиганской» и одновременно кающейся души истинно русского человека. Мысль о противоречивости русского народа высказывал Н.А. Бердяев. В философской статье «Душа России» он пишет о главной черте русской народности: «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью» [1]. Такими же противоречивыми предстают и поэмы Есенина – то христоролюбивые, то богоборческие.

Всеобщая вдохновенность Октябрьской революцией, оказавшейся не новым желаемым миром, а тяжелейшим испытанием в судьбе русского народа, исчезла спустя время. Многие писатели и поэты, в том числе Есенин, теряют веру в справедливую «святую» революцию. Происходит переосмысление ценностей сначала в сознании, а после и в поэзии Есенина. В поздней лирике утративший ложные революционные иллюзии поэт возвращается к религиозным мотивам. В стихотворении «Я усталым таким еще не был» наряду с темами, характерными для ранней есенинской поэзии, появляется трагическое чувство: «Мне приснилось рязанское небо / И моя непутёвая жизнь...» [3, т. 1, с. 181]. Возникает мотив смирения, отказ от скандальной жизни. «Передайте, что я отскандалил», – признается Есенин.

Таким образом, религиозная поэзия Есенина отчасти циклична: вера – революция – вера. В последние годы жизни «последний поэт деревни» Сергей Есенин, воспитанный в духе религиозного крестьянского быта, возвращается к христианским истокам, с той разницей, что поэзия 1923–1925 гг. приобретает трагически-философский характер. Пережив глубокий духовный кризис, разочаровавшись в идеологии советской революции, Есенин не смог отказаться от христианской веры, так глубоко и разносторонне отразившейся в его поэзии.

Литература

1. Бердяев Н.А. Душа России// Судьба России: сборник статей. – М.: Центрполиграф, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://litportal.ru/avtory/nikolay-berdyayev/read/page/1/kniga-dusha-rossii-sbornik-249569.html> (дата обращения: 24.02.2018)
2. Воронова О.Е. Сергей Есенин и православие // Журнал Международного общественного Фонда единства православных народов. 2010. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://esenin.ru/o-esenine/stati/voronova-o-esergei-esenin-i-pravoslavie> (дата обращения 24.02.2018)
3. Есенин С. А. ПСС: В 7 т. / Гл. ред.- Ю. Л. Прокушев. – М.: Наука; Голос, 1995– 2002.
4. Савченко Т.К. Тема вины и покаяния в русской поэзии XX века: к вопросу о христианских мотивах в отечественной литературе // С.А. Есенин и православие: Сб. статей о творчестве С.А. Есенина / Сост. и авт. предисл. В.А. Алексеев. – М.: «К единству!», 2011. – С. 243–266.
5. Шубникова-Гусева Н.И. Сергей Есенин в стихах и жизни // Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения, 1910–1925 /Вступ. ст. и общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М.: Республика, 1995. С. 3–26.

Zabudryaeva Y.A.

S.A. ESENIN: THE CRISIS OF RELIGIOUS MINDSET

Abstract. The article is devoted to the theme of religious mindset, its role in Esenin's revolution poetry and the spiritual and religious crisis that affected author's creativity.

Key words: Esenin, religion, revolution, motive, image, poetry.

Закиров Дмитрий Андреевич
студент Ижевской государственной
сельскохозяйственной академии
Ижевск, Россия
natnik50@rambler.ru

ГЛАЗОВСКИЕ СТРАНИЦЫ СУДЬБЫ Р. КАЗАКОВОЙ

Аннотация. В статье в биографическом аспекте освещается связь с Удмуртией известной московской поэтессы Р.Ф. Казаковой, её пребывание в Глазове в годы войны и визит в 1995 году нашли отражение в творчестве и архивных источниках.

Ключевые слова: русская литература; Р. Казакова; Глазов; литературное краеведение.

*И затеряться страха нет,
Как незаметная песчинка,
В глубинке города, починка,
Села, разъезда, верст и лет.*
Р. Казакова

Имя Риммы Казаковой (1932-2008) хорошо известно всем любителям современной русской поэзии. Её творчество популярно не только в нашей стране, но и за рубежом. Она выпустила более двух десятков сборников лирики, автор массы текстов известных эстрадных песен, переводчик и критик. На поэтическом небосклоне её звезда долго излучала волнующий свет Любви.

Но мало кто знает, что в жизни поэтессы есть и глазовские страницы: в годы войны семья Казаковых была эвакуирована на север Удмуртии, именно в наш город [4, с. 301-302] Об этом Римма Федоровна рассказывала сама, когда летом 1995 года, спустя полвека после отъезда, приехала в Глазов и, конечно, не узнала того маленького, деревянного городка, который спас их семью от голодной смерти.

Отец был военным и, конечно, находился на фронте, а маленькая Римма из Ленинграда в 1941 году приехала в Глазов вместе с мамой, которая работала в Ленинградском пехотном училище. (Кстати, в это же время в этом училище несколько месяцев готовился к отправке на фронт будущий поэт Н. Старшинов, посвятивший нашему городу ряд стихотворений [4, с.124-126, 235]). Жила Римма в полукаменном доме № 8 на улице Калинина (напротив Металлпрома), училась в школе № 2. В журнале регистрации учащихся под № 42 числится «Рэма Федоровна Казакова, ученица 6 «А» класса». И спустя десятилетия, она помнила свою строгую и серьезную учительницу – К.П. Ляпунову.

В школах было не только холодно, но и голодно, многие учащиеся недоедали. По воспоминаниям поэтессы, есть хотелось постоянно. Все были жутко рады, когда в качестве горячего завтрака во время большой перемены получали стакан кипятка и 100 г черного хлеба. Её воспоминания о посильной помощи маме – зимних походах по воду на речку нашли отражение в стихотворении «Когда ребенком я была...»

*И если есть она, моя
Из детства главная пятёрка,
За то, что, задыхаясь, я
Несла два этих полведёрка.*

В книге отзывов в музее Глазовской школы № 2 Р. Казаковой сделана следующая трогательная запись: «Я почти не узнаю и почти не помню, но это было, моё глазовское детство, суровая, но справедливая Ксения Павловна, которая покрикивала, но учила нас уму-разуму. Шамиль, который облил меня чернилами «из ревности»... Детство! Спасибо этой удмуртской земле, спасибо учителям...»

*Спасибо всем, кто учил...
За то, что я не хочу
Быть ревом в стаде мычащем,
Куда-то чащами мчащем...
За то, что сына учу!*

Р. Казакова. 29.VI.1995.»[4, с.302]

В воспоминаниях поэтессы о Глазове, прозвучавших на её творческой встрече, есть ещё соседка Тамара, девочка Юля, с которой она почему-то часто дралась, квартирная хозяйка, деревянный мост через Чепцу, заречные луга, деревянные тротуары в деревянном городе, серебряные сугробы на улицах, а главное – постоянное ощущение холода и голода. Ведь шла война, жилось трудно всем, а эвакуированным – особенно. Но когда девочка заболела и почти умирала – на помощь ей пришла простая глазовская женщина, дала картошки и капусты. Это помогло выжить Римме. Как знать, не эту ли добрую женщину подсознательно имела в виду Р. Казакова, когда писала стихи о добрых людях?..

«Я живу в измерении сегодняшнего дня, а не прошлыми достижениями или потерями», – признавалась поэтесса. Но память о военном детстве её не покидала.

Об этом она поведала членам городского литобъединения, экспромтом проведшего своё необычное заседание в семье Игоря Александровича и Галины Ивановны Фарушевых, рассказавших следующее: «Гостями литобъединения часто бывали известные литераторы Удмуртии: О. Поскребышев, Ф. Васильев, В. Романов, О. Хлебников, В. Парамонов и др. Последнее заседание литобъединения провела после творческого поэтического концерта в кинотеатре «Родина» известная поэтесса Римма Казакова, посетившая Глазов с кратковременным визитом в 1995 году. Это было в нашей квартире,

142 | присутствовало восемь человек. Началось заседание в 22 часа 30 минут, а провожали гостью в гостиницу «Глазов» участники литературного объединения в пятом часу утра...» [6, с.300]

После встречи с современным Глазовом у поэтессы родилось стихотворение «Леса моего детства». В нём переданы воспоминания детской поры, а спасительная роль лесов, универсально и мудро выражена в финальных строках:

*«... Я вернулась к вам через столько лет,
Так непросто мне в вас взглядеться!
Все тот же храните вы тайный свет,
Леса моего детства...»*

*А если погаснет моя звезда
от случая или злодейства
вернусь я к вам –
и уже навсегда! –*

Леса моего детства...» [4, с. 237-238]

Р. Казакова – тонкий поэт-лирик, влюбленный в жизнь, в Россию. Её творчество подкупает глубоким проникновением в духовный мир человека. Лирический герой поэтессы – сильный и смелый современник, влюбленный в жизнь, в работу, природу, в людей. Автор – противница косности, жизни без сомнений и тревог. Главная тема поэзии Р. Казаковой – любовь, пронизанная пафосом поиска, движения, мечты. Добрый свет поэзии Р. Казаковой согревает сердца ценителей прекрасного в городе на Чепце [1-3; 5; 7].

Литература

1. Ананина Т. Быть звездой // Красное знамя. – 1995. – 8 сент.
2. Багужев Э. Ио венес но тоды пуны // Кенеш. –1995. – №11-12. – С.73.
3. Главатских М. «Там, где ты полет свой начал...» // Красное знамя. – 1995. – 21 июля.
4. Закирова Н.Н. Наше культурное достояние: учебно-методическое пособие по литературному краеведению. – Глазов, 2008. – 368 с.
5. Якина Т. Праздник души: отзыв о выступлении Р. Казаковой в кино-театре «Родина»// Красное знамя. – 1995. – 5 июля.
6. Фарушев И.А. Воспоминания о глазовском литобъединении// Закирова Н.Н. Наше культурное достояние: учебно-методическое пособие по литературному краеведению. – Глазов, 2008. – С.299-301.
7. Чумаченко Н. Небо детства: О Р. Казаковой// Красное знамя. – 1995. – 5 июля.

Zakirov D.A.

GLAZOV PAGES OF FATE OF R. KAZAKOVA

Abstract. Communication with Udmurtia of the famous Moscow poetess R.F. Kazakova is covered in article in biographic aspect, her stay in Glazov in the years of war and a visit in 1995 have found reflection in creativity and archival sources.

Key words: Russian literature; R. Kazakova; Glazov; literary study of local lore.

Иванов Петр Константинович
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
pelugos@gmail.com

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ КОНЧЕТТО В ПОЭЗИИ ДЖОНА ДОННА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ «A VALEDICTION: FORBIDDING MOURNING»)

Аннотация. В данной статье путем анализа различных переводов одного стихотворения доказывается структурная неоднородность приема кончетто как основного элемента поэтики произведений Джона Донна.

Ключевые слова: Донн; поэтика; кончетто; метафора; перевод.

Наследие Джона Донна, одного из основных представителей английского барокко, сравнительно мало изучено в современном литературоведении. Не издав ни одного своего произведения, Донн оказался мало причастен литературному процессу XVII в. С другой стороны, в эпоху окончательного становления английского языка, формирования новой жанровой базы и традиционной поэтики английской литературы, «в отличие от поэтов старшего поколения... увлекавшихся игрой слов, любивших неологизмы и музыку звука, Донна больше интересовала мысль» [1, с. 17].

Творчество для Донна – прежде всего, попытка осмыслить мир, объяснить его самому себе. Основным элементом его поэтики становится кончетто (итал. *concetto*; англ. *conceit*) – особого рода «причудливая» метафора, «эксцентричный образ, построенный на неожиданном сочетании разнородных явлений» [3]. Этот прием, распространенный у петраркистов и последователей самого Донна и принимающий у них подчас совершенно орнаментальный характер, для Донна, напротив, является сущностью его мышления и, следовательно, поэтики его произведений.

Однако именно потому, что кончетто у Донна лишено функции орнаментальной, сами объекты той или иной метафоры в его лирике никогда не определяют конечный образ. Если рассматривать кончетто как трехуровневое образование (предметы метафоры; авторский взгляд на них; конечный образ в купе с мировоззренческой установкой), то ключевым уровнем, диктующим подчас весь смысл фрагмента, содержащего данный прием, и даже целого стихотворения, является именно второй уровень.

Эта гипотеза находит подтверждение в переводах Донна, где переводчики, внешне достаточно точно перенося то или иное кончетто из оригинала в свой текст, заметно расходятся в его трактовке. Для примера рассмотрим стихотворение «A valediction: forbidding mourning».

Существует пять переводов данного стихотворения на русский язык, выполненные В. Топоровым, И. Бродским, А. Шадриним, С. Степановым и Г. Кружковым. Во всех них реализуются четыре кончетто, данные в оригинальном тексте: сравнение расстающихся любовников с умирающим; разделение любви «земной» и «высокой» и сравнение ее с землетрясением и «дрожанием небесного свода»; сравнение любви в разлуке с натяжением золотой нити; хрестоматийное сравнение любящих с ножками циркуля.

Конечный образ первого кончетто во всех пяти переводах практически одинаков: расставание любящих подобно умирающему праведнику, так тихо и покорно прощающемуся со своей жизнью, что даже трудно определить момент, в который он на самом деле умирает. Дополнительное значение появляется в переводе В. Топорова, где разлука отрицается как «повод ссориться» [2, с. 488]. Это указывает на возможное активное участие самих влюбленных в разрушении их связи, от чего лирический герой отговаривает своего адресата.

Второе кончетто также почти одинаково реализовано во всех переводах. Однако, у В. Топорова, в отличие от других поэтов, этот образ принимает более радикальную, почти эсхатологическую форму («Когда земля разверзнет бездны, / Погибнем все среди огней. . .» [Там же]). В свете этого и «дрожание небесных сфер» устрашает, любовь высокая видится скорее роком (doom), теряет святость, праведность, так явно отмеченную в других переводах (особенно у И.А. Бродского).

Реализация третьего кончетто в рамках эстетики Донна вносит принципиальные различия в смысл переводов данного стихотворения. Во всех пяти присутствует сравнение любви в разлуке с натяжением, «утончением» золотой нити. Однако в четырех вариантах «взаимопроникновение двух душ» видится переводчикам чем-то немислимым, не поддающимся объяснению, осознанию и определению. И только в варианте Г. Кружкова (наименее мистическом из всех пяти) четко называются и определяются и «подлунная», и высокая любовь: первая – «влечение», вторая – «неразделимость» [2, с. 486]. Еще важнее то, что «цель» любящих – «неразделимость сознавать» [Там же]. Не к осознанию ли стремится Донн, вообще занимаясь поэтическим творчеством?

В четвертом кончетто синтезируются выводы предшествующих, и его смысл зависит от того, как поэты трактуют уже рассмотренные нами образы. Здесь снова при сохранении объективных элементов приема заметны принципиальные различия вывода. Так, например, у В. Топорова лирический герой, отдаляющийся от своей возлюбленной, делает это под влиянием неотвратимой внешней (или внутренней) силы, как бы следуя долгу («Смотри не

дрогни – час неровен, – / Мне нужно круги обогнуть» [2, с. 489]), и надеется на силу возлюбленной, от которой зависит его возвращение. У А. Шадрина «по кругу путь» еще более ненадежен («И клонит долу шаг превратный» [2, с. 485]), но общий вывод гораздо оптимистичнее: «Есть ты – опора и залог / Того, что я вернусь обратно» [Там же] (то же у Г. Кружкова: «Лишь ты – надежная опора / Того, кто, замыкая путь, / К истоку возвратится скоро» [2, с. 487]). Разнится и роль возлюбленной в успехе героя. Наиболее пассивна и случайна она в варианте Г. Кружкова: «Где б ни скитался я, ко мне / Ты тянешься из середины» [Там же]. У А. Шадрина «та, что в центре» приобретает определенную силу, «следит ревниво» за «круженьем» [2, с. 485]; у Бродского же она становится практически нерушимой святыней («Те будет озирать края, / Где кружится моя душа, / Не двигаясь, душа твоя» [2, с. 483]) и приобретает наиболее активную роль: она «должна вернуть» лирического героя в начальную точку пути.

Исследователи часто отмечают «сложность», «мучительность противоречий» [1, с. 21] лирики Джона Донна. Проведенный выше анализ показывает, что различные переводы одного стихотворения даже при сохранении ключевых элементов оригинала могут иметь значительные расхождения между собой в конечных, мировоззренческих выводах. Тем не менее, наследие поэта изучено недостаточно, и нельзя полностью отрицать наличие некоторой системности его мысли, еще не открывшейся ни переводчикам, ни литературоведам. Более полное описание творчества Джона Донна, частотный анализ его идей и элементов его художественного мира видятся перспективным направлением дальнейшего исследования.

Литература

1. Английская лирика первой половины XVII века : [сборник] / общ. ред. А.Н. Горбунов : Изд-во Московского университета. М., – 1989 . – 347 с.
2. Донн, Джон. Песни и песенки. Элегии. Сатиры / Джон Донн. – СПб., 2000. – 671 с.
3. Литературный словарь терминов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litdic.ru/konchetto/> (дата обращения: 13.03.2018).

Ivanov P.K.

ON THE ISSUE OF INTERPRETATION OF THE CONCEIT IN THE POETRY OF JOHN DONNE (BASED ON THE TRANSLATIONS OF THE POEM «A VALEDICTION: FORBIDDING MOURNING»)

Abstract. The article considers the heterogeneous structure of the conceit in Donne's poetics by analyzing different translations of the poem.

Key words: Donne; poetics; conceit; metaphor; translation.

Индзинская Ольга Максимовна
ученица 7 «Б» класса МБОУ СОШ № 24
г. о. Коломна, Россия
mila-22-79@mail.ru

НАСЛЕДИЕ ЕЛЕНА АНДРЕЕВНЫ ШТАКЕНШНЕЙДЕР

Аннотация. Данная статья посвящена описанию жизни и творчества Елены Андреевны Штакеншнейдер.

Ключевые слова: русская литература 19 века; эго-документы; мемуарная литература.

Усилия современных отечественных учёных в гуманитарных отраслях науки в последние десятилетия направлены на создание новой, лишённой идеологической нагрузки интерпретации истории литературы и культуры. В связи с этим значительно возрос интерес к так называемым эго-документам – автобиографиям, дневникам, записным книжкам, мемуарам, письмам – то есть всему тому, что было неотъемлемой частью жизни человека и в то же время содержало свидетельства о времени, в котором он существовал. Эго-документы позволяют полнее представить себе события прошлого, взаимоотношения людей и, конечно же, аутентично, то есть во всей полноте, помогают воспринять произведения литературы и культуры, дошедшие до нас из предыдущих исторических эпох.

В 2015 году Российский государственный научный фонд выделил средства на изучение целого корпуса эго-документов, принадлежавших перу одного человека – Елены Андреевны Штакеншнейдер. Речь шла о её дневниках, мемуарах и письмах. Чем записи девушки, жившей в Санкт-Петербурге в середине XIX века, вдруг оказались важными для учёных наших дней?

Елена Андреевна Штакеншнейдер родилась в 1836 году в семье придворного архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера и была, как бы мы сказали сейчас, человеком с ограниченными возможностями: у неё была врождённая болезнь суставов и позвоночника, заставившая её уже к 18 годам передвигаться медленно и с трудом. Физическая ущербность заставила рано развиться душу девушки, её мыслительные способности и, осознавая своё положение, она писала в дневнике:

«14-ти лет я уже знала, что для меня в жизни доли не положено, и тогда уже решила отказаться ото всего заблаговременно, чтобы потом, с позором, не вырвали из рук... А жизнь ведь такая длинная впереди... И столько досуга, столько досуга – думать. Кому или чему могла бы я служить? Кто научит меня, что делать?». [2]

Запись эта сделана 5 ноября 1856 года. В тот момент Елене Андреевне было 20 лет и она жила в роскошном особняке на улице Миллионной, неподалёку от Зимнего дворца. Её родители были состоятельными людьми. Отец, Андрей Иванович Штакеншнейдер, руководил строительством в Санкт-Петербурге. Среди десятков его шедевров самыми известными стали: Мариинский дворец (в нём сейчас находится резиденция Законодательного собрания Санкт-Петербурга), дворец Белосельских-Белозерских на Невском проспекте (д. 41), Николаевский дворец (на Площади Труда, д. 4) и многочисленные постройки в Петергофе, апартаменты в Эрмитаже...

А мать, Мария Фёдоровна Штакеншнейдер, открыла литературно-художественный салон в доме на Миллионной, и десятки писателей, поэтов, художников, общественных деятелей стремились попасть на знаменитые «субботы» Штакеншнейдеров. Всё в этом доме впечатляло: общество, щедрость хозяев, роскошь обстановки... Гости сначала попадали в чудесный зимний сад, который был достопримечательностью Петербурга. Вот как его описала Елена Штакеншнейдер:

«Зимний сад был освещён, но местами листья бананов бросали гигантскую тень, и тень эта была какая-то таинственная, и таинственен казался шум падающих капель. Лампы... проливали... тёплый свет на растения, там все листья играли золотом, и, тихо колеблясь под падающими на них светлыми каплями, роняли их на удивлённых гостей...». [3]

Среди посетителей салона в то время можно было увидеть известнейших людей своего времени: писателя и цензора Ивана Александровича Гончарова (он назвал в своей переписке Елену Андреевну «горбуной с умным лицом»), поэта Якова Петровича Полонского, романиста Ивана Сергеевича Тургенева (про которого Штакеншнейдер заметила, что голос у него, такого крупного человека, «как у цыплёнка»), будущего политического эмигранта и революционера Петра Лавровича Лаврова, президента Академии художеств Фёдора Петровича Толстого и многих, многих других... До глубокой ночи посетители салона декламировали, рисовали, играли на инструментах, говорили, пели, ставили спектакли.

А Елена Андреевна? Что эта творческая атмосфера дома дала ей? Она записывала 16 февраля 1856 года:

«Едва ли я когда-нибудь буду жить жизнью более богатой всякими впечатлениями; едва ли буду встречаться с людьми более замечательными и просиживать с ними и прислушиваться к ним целые вечера...» [5]

В другом месте своего дневника девушка размышляла:

«Вся жизнь моя так ничтожна. Читаю для себя, пишу для себя... Другие трудятся для существования, а мне не надо пошевеливаться, и меня оденут с головы до ног. Я окружена всем удобством и всею роскошью светской жизни, между тем ощущаю что-то похожее на голод и жажду... Жизнь мне

148 | обещает мало радости – горя много; но если она... так ничтожна и легка, то как жить?...» [4]

Вопрос о своём предназначении Елена Штакеншнейдер решила вскоре: она начала вести дневник, чтобы записать в него всё то, чему становилась свидетельницей – разговорам, анекдотам, ситуациям, слухам, впечатлениям. Отец не жалел средств на воспитание и обучение девушки – ей выписывались все литературные журналы и газеты, которые можно было достать, нанимались учителя живописи из Академии художеств (где отец сам был профессором преподавательского состава), её вывозили на все театральные и музыкальные премьеры столицы. К 20 годам она свободно говорила на немецком, французском и английском языках. Поэтому её дневниковые записи, которые она с 8 марта 1855 года вела более трёх десятков лет, – ценнейшие эго-документы эпохи.

Свидетельница царствований Николая I, Александра II и Александра III, зарождения народнического и женского движений в России, Крымской войны, отмены крепостного права, реформ 1860-х годов, Елена Штакеншнейдер кропотливо и предельно честно постаралась отразить на страницах своего дневника все события, которым стала свидетельницей. Она также сыграла немалую роль в судьбах важнейших для русской литературы семей Полонских, Лавровых, Достоевских.

Ограниченные форматом доклада, упомянем только, что последнее десятилетие своей жизни, с 1872 года по 1881, Фёдор Михайлович Достоевский был частым посетителем салона самой Елены Штакеншнейдер. К началу 1870-х годов семья Штакеншнейдер потеряла кормильца, обеднела, была вынуждена продать большую часть недвижимости и жить очень скромно. Семеро детей Штакеншнейдеров выросли и обрели самостоятельность, только Елена, вдвоём с матерью и сестрой, снимали квартиру на улице Знаменской (совр. ул. Восстания). Именно в салоне Штакеншнейдер Фёдор Михайлович устраивал чтение глав своего последнего романа «Братья Карамазовы».

Е.А. Штакеншнейдер принадлежит одна из первых ценнейших характеристик творческого метода Достоевского, дающая ключ к пониманию характера и настроения всей его личности, а значит, и творчества:

«И вот чем велик Достоевский! ...Его называют психологом. Да, он был психолог. Но, чтобы быть таким психологом... надо уметь подходить к душе ближнего, надо самому иметь душу добрую, простую, глубокую и не умеющую презирать. Надо иметь не гордую душу, а мягкую, склоняющуюся, которая может нагнуться, умалиться и пройти в душу ближнего; а там уже видно, чем больна эта душа и чего ей нужно, можно понять её». [1]

Подводя итоги, скажем, что обнаруженные и прочитанные спустя полтора века сочинения Е.А. Штакеншнейдер позволяют отнести их к образцам лучшей отечественной мемуарной литературы второй половины XIX века.

Прокомментированные и отредактированные, они в скором времени войдут в научный оборот отдельным изданием. 149

Литература

1. Березкин А.М. Неизданные письма к Достоевскому. В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. – Л. – С. 254–255.
2. Индзинская А.В., при участии В.А. Викторovichа. «Вся Ваша и с костылями Е. Штакеншнейдер»: Переписка Е.А. Штакеншнейдер и А.Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. Международный электронный научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 34–39.
3. Розанов И.Н. Елена Андреевна Штакеншнейдер и ее дневник. В кн.: Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886): М.—Л. –С. 7–27.
4. Тихомиров Б.Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. – СПб., С. 73–83.
5. Волгин И. Незавершённый диалог // ВЛ. – 1975. – № 4. – С. 163.

Indzinskaia O. M.

THE LEGACY OF HELENA ANDREYEVNA STACKENSCHNEIDER

Abstract. This article is devoted to the description of Elena Shtakenshneider's life and work.

Key words: Russian literature of the 19th century; ego-documents; memoirs.

Какайкина Майя Александровна
студент 5 курса Башкирского государственного
педагогического университета им. М. Акмуллы
Уфа, Россия
majua.kakaikina@gmail.com

ОБРАЗЫ СВЯТЫХ В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие авторской интерпретации христианской святости, обозначается место образов святых в художественной системе М.И. Цветаевой.

Ключевые слова: лирика; святой; христианство; художественный образ; М.И. Цветаева.

Художественный мир М.И. Цветаевой тесно связан с православной культурной традицией, не случайно в своем творчестве она часто обращается к духовному наследию христианства как богатому источнику образов и мотивов. Актуальность нашей работы обусловлена большим вниманием современного литературоведения к проблемам связи русской поэзии Серебряного века с православной традицией, в частности, в творчестве Марины Цветаевой. Данной проблеме посвящены работы таких исследователей, как Е.О. Айзенштейн, А.В. Быков, И.Н. Мещерякова, Г.В. Романова и другие, однако образы святых в лирике М.И. Цветаевой не становились объектом отдельного исследования.

Цель нашей работы заключается в определении особенностей трактовки образов святых, представленных в поэзии М.И. Цветаевой, выявлении причин обращения к ним и определения места образов святых в художественной системе поэтессы. Предметом исследования является лирика поэтессы, включающая в себя стихотворения и стихотворные циклы разных лет.

В результате анализа лирики разных лет были выявлены обнаружены упоминания следующих образов святых: Борис и Глеб, Георгий Победоносец, Димитрий Угличский, Пантелеимон, Сергей Радонежский. Все стихотворения, содержащие указанные образы, относятся к 1915-1921 годам. Будучи свидетельницей революции и гражданской войны, Цветаева, как и многие другие поэты серебряного века, использует образы святых для осмысления переломного времени, но в то же время поэтесса сосредоточена на личных переживаниях, обусловленных во многом трагическим временем: расставанием с мужем и отсутствием вестей о нем, тяжелой жизнью в революционной Москве с детьми, смертью младшей дочери Ирины.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что становление Цветаевой как поэтессы проходило в атмосфере напряженных духовных исканий русской

религиозной философии, которая в переломный момент эпохи находится в поиске нового пути развития России, и поэтому обращается к категории святости как к особому феномену русской православной культуры. Среди них Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Г.П. Федотов, П.А. Флоренский и другие. Н.А. Бердяев в книге «Судьба России» так описал святость: «Святость остается для русского человека трансцендентным началом... Оно должно что-то делать для русского человека, ему помогать и его спасать». [1, с. 76]

Центральным образом, встречающимся в лирике Марины Цветаевой, является образ великомученика Георгия Победоносца. В 1921 году поэтесса за очень короткий срок создает цикл «Георгий», состоящий из 9 стихотворений, который посвящает своему мужу Сергею Эфрону. Не получая от него вестей, М. Цветаева уже теряет надежду, обращается с молитвой к православному герою, самому почитаемому святому России, претерпевшему муки и смерть за веру. Цветаевский Георгий получает описание, схожее с каноническим житийным: «Плащ красен, конь бел», «пречистый юноша», «святая иконка – лицо твое», «огненный плащ его, / просвист копья его». По наблюдениям исследователя М. Мейкина, «Георгий» явно копирует стиль и содержание жития, однако традиционные составляющие жития расположены в цикле в обратном порядке. [3, с. 159] Но цветаевский Георгий сомневается в необходимости жертвы, в отличие от канонического, в котором подвиг совершается во славу Божию. Действительно, Цветаева создает образ «Победоносца, победы не вынесшего», подчеркивается «тяжесть удачи, обида победы». Образ Георгия раскрывается в двух пластах: духовном вневременном (как заступник, способный остановить кровопролитие) и обыденно-жизненным (как автобиографический образ С. Эфрона). Последнее стихотворение цикла «Странноприимница высоких душ...» является апофеозом цикла, оно построено на разностильных уподоблениях, использовании восклицательных знаков. Как полагает исследовательница Ирма Кудрова, это «скорее черновик, зафиксировавший все пришедшие в голову варианты» [2, с. 26], и на следующий день было бы доработано, но Марина Цветаева дождалась чуда: Эфрон был жив.

Образ фольклорного Георгия или Егория Храброго возникает в стихотворении «Когда я буду бабушкой...» (1919), нашедшем дальнейшее воплощение в неоконченной поэме «Егорушка». Перед нами – юный Егорушка, более похожий на былинного богатыря или разбойника: «Год три месяца, / А уж, гляди, как зол!». Стихотворение «Все Георгии на стройном мундире...» образ Георгия противопоставляется каноническому: широко используется черный цвет («черная перевязь», «черный взгляд»), взгляд воинов затуманен от шампанского и войны. Стихотворение написано в 1915 году, и следует предположить, что Первая мировая война видится Цветаевой в таких «героях».

В стихотворении «За Отрока – за Голубя – за Сына...» (4 апреля 1917) поэтесса обращается к образу страстотерпца Димитрия Угличского, сына царя Ивана Грозного, убитого по приказу Бориса Годунова. Марина Цвета-

152 | ева вымалывает жизнь для «царскосельского ягнёнка – Алексия», чтобы не повторилась страшная угличская история с царевичем Дмитрием. Поэтесса будто предчувствует уготованную участь царской семье и взывает «церковную Россию» помолиться и не карать наследника. В данном стихотворении образ Дмитрия используется для осмысления переломной эпохи, сопоставления современной действительности и исторического прошлого России.

Образы Пантелеимона, преподобного Сергия Радонежского, Бориса и Глеба связаны с описанием Москвы в лирике Марины Цветаевой. Образ младенца Пантелеимона возникает в стихотворении «Москва! – Какой огромный...», в котором старинная деревянная Москва воспринимается как русская, традиционная, православная. Любовь к городу воспевается, поэтесса словно чувствует Россию изнутри. Народ в этом городе обращается в святому Пантелеймону, помощнику бедных, вдов и сирот: «На каторжные клейма, / На всякую болезнь – / Младенец Пантелеймон / У нас, целитель, есть». Цветаева сосредотачивает внимание на характерной для русского человека черте: полагаться на святых, на их заступничество и предстательство.

В результате исследования были сделаны выводы о том, что в лирике М. Цветаевой происходит переосмысление традиционных мотивов (например, мотив подвига великомученика Георгия); стяжение христианской образности с автобиографическим и историческим контекстом (например, образ Георгия – Сергей Эфрон, образ Дмитрия – Алексей Романов). Образы святых интерпретируются поэтессой субъективно, становятся способом выражения глубоких личностных переживаний лирической героини, которая находится в смятении и обращается к святым как к посредникам между Богом и человеком, дарующим помощь и заступничество, также особую роль играет создание в стихах атмосферы православной культуры России (отсылки к образу Пантелеимона, упоминания Бориса и Глеба, Сергия Радонежского).

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 736 с.
2. Кудрова И. Версты, дали...: Марина Цветаева: 1922 – 1939. М.: Сов. Россия, 1991. 368 с.
3. Мейкин М. Марина Цветаева: поэтика усвоения. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. 312 с.

Kakaikina M.A.

SAINTS IN M.I. TSVETAEVA'S LYRIC POETRY

Abstract. The article is devoted to the determination of the author's interpretation of Christian sainthood and the place of images of saints in M.I. Tsvetaeva's poetry system.

Key words: Christianity; image; lyric poetry; M.I. Tsvetaeva; saint.

студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
fellinimattros@gmail.com

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ ИМЕН В РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ДЮМА «ГРАФ МОНТЕ-КРИСТО» (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ЭДМОНДА ДАНТЕСА)

Аннотация. В статье рассматриваются функции имен в романе Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Главный герой романа, меняя имена, разграничивает свои социальные роли и идентичность.

Ключевые слова: граф Монте-Кристо; функция; имя; идентичность; социальная роль.

В романе «Граф Монте-Кристо» на протяжении всего повествования главный герой меняет свои имена. Эти изменения ведут к глубоким изменениям личности. Дантес принимает множество разных имен, каждое из которых связано с определенной ролью в его схемах мести.

Опираясь на «Поэтику» Аристотеля, Поль Рикер утверждает, что «на протяжении всей рассказанной истории персонаж сохраняет свою идентичность, которая согласуется с идентичностью рассказанной истории» [4], но сохраняет ли свою идентичность Эдмон Дантес, называясь новыми именами? Или же вживается в роли, теряя себя настоящего?

Все имена главного героя романа можно классифицировать по различным функциям: имена социальной роли, или имена для других, и имена идентичности.

К именам социальной роли относятся те, которыми Эдмон Дантес называл себя, главным образом, для достижения определенных целей.

Имя лорд Уилмор Дантес берет по возвращении в Марсель, под этим именем покупает дом, где некогда он жил с отцом, оплачивает долги торгового дома «Моррель и сын». Важно отметить, что лорд Уилмор выглядит и говорит как чистокровный англичанин, его образ закончен, нет даже намек на фальшь. Дантес блестяще играет свою роль и даже отмечает впоследствии, что терпеть не может графа Монте-Кристо.

Далее появляется новое имя – аббат Бузони – в главе «Трактир «Гарский мост», где Эдмон узнает о страшной смерти своего отца и шепчет: «Бедный

154 | отец!» [1, т. 1, с. 237]. Здесь видно, что Дантес снова лишь исполняет роль аббата, чтобы узнать подробности о жизни своих врагов, но не идентифицирует себя с ним.

Сказочное имя – Синдбад-Мореход – «личность, по-видимому, весьма таинственная, раз суждения о ней столь разноречивы» [1, т. 1, с. 293]. Несмотря на то, что это имя всего лишь отсылка к сказочному персонажу, оно раскрывает сущность Эдмона-моряка, который ходил в море с ранней юности. Синдбад-Мореход – альтер эго Эдмона, но это имя «для других», оно дает неоднозначную оценку образу. Синдбад-Мореход – псевдоним загадочного контрабандиста, богатого вельможи, экзотического мореплавателя.

В главе «Видение» появляется еще одно имя, но им Дантеса называет графиня Г.: «Это сам лорд Рутвен во плоти» [1, т. 1, с. 350] (персонаж первой повести о вампирах) – такое жуткое внешнее сходство с вампиром имел Дантес из-за своей бледности. Это имя не относится ни к идентичности персонажа, ни к его социальной роли, но в таком образе его видят другие.

В замке Иф «несчастный юноша лишился имени Эдмон и фамилии Дантес, – он стал номером тридцать четвертым» [1, т. 1, с. 119]. В одиночестве, будучи на грани помешательства, решив умереть от голода, Эдмон все же не идентифицирует себя как Номер 34 – это обозначение заключенного, которым наградили Дантеса тюремщики, аббату Фария Эдмон представляется своим настоящим именем.

Вместе с тем, Дантес использует и другие имена: майор Блэк, господин Дзакконе, аббат Адельмонте, все они носят эпизодический характер и нужны для обозначения разных социальных ролей.

Перейдем к именам, определяющим идентичность главного героя: Эдмон Дантес и граф Монте-Кристо. Эдмон Дантес – первое и настоящее имя главного героя, он предстает перед нами открытым и наивным юношей, его персонаж прост и понятен, но после восьмой главы он исчезает со сцены и мы встречаем его только в самом конце романа.

Наконец, главное имя, которое взял себе Эдмон Дантес, – граф Монте-Кристо. Это имя появляется из названия острова Монте-Кристо и переводится как «Гора Христа», может быть аллюзией на Голгофу, где был распят Иисус, или отсылкой к страданиям, которые перенес Эдмон. Возрождение Дантеса напоминает воскресение Христа. Именно под именем графа Монте-Кристо Дантес примеряет на себя роль ангела отмщения. В конце романа остается только два имени: Граф Монте-Кристо и настоящее имя – Эдмон Дантес. Таким образом, можно утверждать, что с именем Монте-Кристо отождествляет себя главный герой. В прощальном письме Максимилиану Моррелю Эдмон Дантес подписывается двумя именами, наконец чувствуя себя именно тем Эдмоном, которого он потерял много лет назад в тюрьме, но и не отказывается от имени Монте-Кристо.

Личность Эдмона Дантеса настолько ярко эволюционировала в романе, что иногда сложно поверить, что это один и тот же человек, так отличается образ героя и его самоопределение в мире в начале романа и в конце.

При этом в финале романа мы можем наблюдать возвращение настоящего Эдмона Дантеса, которому больше не надо скрывать свое имя, которому больше не надо мстить.

Если рассматривать изменения имен Эдмона Дантеса с точки зрения типологии повествовательных ролей Владимира Яковлевича Проппа, можно заметить, что персонаж Эдмона Дантеса выступает почти во всех ролях: он и сочувствующий в лице аббата Бузони, и трикстер, ложный герой и помощник в лице Синдбада-Морехода, искомая личность – господин Дзакконе, доверенное лицо – лорд Уилмор, герой – Монте-Кристо. Неизменным остается то, что идентичность персонажа Эдмона Дантеса связана с именем графа Монте-Кристо и его собственным, настоящим именем, которое, как казалось, он давно потерял.

Литература

1. Дюма А. Граф Монте-Кристо: роман: в 2т. М.: Сов. Россия, 1991. 621 с.
2. Пропп В. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2006. 128 с.
3. Рикер П. Я–сам как другой // Французская философия XX века. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
4. Рикер П. Повествовательная идентичность // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php.

Kempla N.

THE FUNCTION OF NAMES IN ALEXANDER DUMA'S COUNT OF MONTE CRISTO THROUGH THE ANALYSIS OF EDMOND DANTES

Abstract. This paper examines the function of names in the novel 'The Count of Monte Cristo' by Alexandre Dumas. Through the change of names, the protagonist of the novel differentiates his social roles and his identity.

Key words: Count of Monte Cristo; function; name; identity; social role.

Кочковая Ирина Олеговна
студент 1 курса Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина
Москва, Россия
kochkovaairina@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТИЧНОГО СЮЖЕТА ОБ АМУРЕ И ПСИХЕЕ В ТВОРЧЕСТВЕ АПУЛЕЯ, Ж. ЛАФОНТЕНА, И. БОГДАНОВИЧА

Аннотация. Статья посвящена исследованию интерпретаций сюжета об Амуре и Психее в произведениях Апулея, Ж. Лафонтена, И. Богдановича.

Ключевые слова: античный сюжет; кризис мифологического сознания; сказочные элементы; фольклорные элементы.

Сюжет об Амуре и Психее представляет самостоятельную художественную ценность и неоднократно перерабатывался зарубежными и русскими писателями последующих эпох. Миф об Амуре и Психее обработал и внёс в сборник новелл «Золотой осёл» древнеримский писатель Луций Апулей (II в н. э.). Апулею было важно показать, как настоящая любовь помогает обрести человеку путь духовного развития, очиститься от пороков, освободиться от прошлых ошибок и обид, преодолеть все невзгоды, пройти трудные испытания и, наконец, обрести истинное блаженство и счастье. Не случайно главная героиня – Психея, что в переводе с греческого означает «душа», которая полюбила Амура.

В системе образов античного романа отражается кризис мифологического сознания и формирование новой этико-эстетической философии. Так, Венера, богиня любви и красоты, «древняя мать природы», «родоначальница стихий», «всего мира родительница» предстаёт в образе злой мачехи. Она жестока и беспощадна к Психее и желает её погубить, наполнена чёрной зависти к сопернице, которая оказалась красивее её. Внешняя холодная красота Венеры противопоставлена внутренней красоте души Психеи. Амур – «крайне дерзкий мальчик, который, в злонаправлении своим общественным порядком пренебрегая, вооруженный стрелами и факелом, бегаёт ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает». Действительно, ведь из-за Амура страдали даже олимпийские боги. Амур появляется в образе чудесного супруга, влюбляется в Психею, горько страдает, потеряв свою возлюбленную из-за её любопытства, а затем вновь обретает истинное счастье вечной любви. Психея – «беднячка», «боящаяся», «трепещущая», «плачущая». Такой героиня предстает перед читателем, когда родители ведут её в неизвестность к таинственному супругу.

«Сладчайшая и дорогая супруга», «нежненькая», «простодушная девочка», «ненасытная», «любопытная» – такая Психея во взаимоотношениях с Амуром. «Измученная», «расстроенная» после того, как супруг её оставил. Кажется, Психея – исключительно положительный герой. Она предстаёт перед читателем любящей, верной супругой, терпит мучения и оскорбления, наносимые Венерой, ради своего возлюбленного Амура. Однако Апулей не лишает её отрицательных качеств. Психее присуща мстительность – она наказывает сестёр смертью за горе, причиненное ей. Но именно сестры Психеи – «злодейки», «ламии», «фурии гнуснейшие», «преступные женщины», их козни едва не погубили бедную Психею. А самое страшное – они хотели разрушить счастье Психеи, уничтожить любовь, без которой не может жить душа.

Для романа Апулея характерна «ажурность» повествования, многочисленные эпитеты, яркие образы. Он совмещает элементы мифологические: античный сюжет, боги и герои, а также сказочные: мотив чудесного супруга, злой мачехи и несчастной падчерицы, мотив испытаний, злых сестёр.

Рассмотрим, как интерпретируется сюжет об Амуре и Психее в повести «Любовь Психеи и Купидона» французского писателя Ж. Лафонтена. Произведение было написано в XVII веке. В начале произведения автор говорит о четырёх приятелях, познакомившихся на Парнасе, которым были интересны «похождения Психеи». В тексте их имена: Полифил, для которого «похождения Психеи» представляли сюжет для интересного рассказа, Акант, любивший цветы, сады, трогательные стихи, Арист – серьёзный, но не докучный, и Геласт – «неизменно весёлый». Под именами этих героев скрывались соответственно сам Лафонтен, Расин, Буало и Шапель. То есть изначально время повествования – не античность, а действительность, современная писателю. Приятели лишь обсуждают античную историю.

В данном эпическом произведении есть лирические фрагменты. Например, эти слова произносит Акант:

Как, неужели мы на юге?

Вечнозеленую листву

Здесь подчинить не могут вьюги

Зимы суровой торжеству. [2, с. 11]

Лафонтен использует интересный приём: описания, наиболее эмоциональные диалоги, монологи, действия он передает стихами, а повествование – прозой. Лирический фрагмент есть и у Апулея (предсказание прорицателя), но Лафонтен использует их гораздо чаще.

Как и у Апулея, в произведении Лафонтена в изобилии представлены необыкновенной красоты пейзажи и портреты. Но образы более очеловечены: Психея уже не только загадочная красавица, сердце которой преисполнено отважной любовью, но и обычная юная девочка. Она не лишена тщеславия. Повествователь говорит, что ей нравится любоваться собой в разных нарядах, ей нравилось находить свое изображение в статуях и картинах дворца. Героиня несколько восторженна и чувст-

вительна: она говорит о любовной печали и сама с собой, и с ручейком, и с рошей, и с каждым предметом, как настоящая сентиментальная героиня. Венера отличается от античной вечно прекрасной и юной богини. Она стареет, как обыкновенная женщина, ревнует своих поклонников к женщине, превосходящей её по красоте. Супруг Психеи кажется более взрослым и зрелым богом, чем является, а также более таинственным и непостижимым (до определенного момента), чем в сказке Апулея. Также Купидону свойственна жестокость: он долгое время с наслаждением смотрит на муки Психеи, глубоко раскаивающейся в своем проступке.

Кроме того, Лафонтен уделяет особое внимание интерьеру дворца Купидона. Он подробно описывает всё: гобелены, картины, бюсты, скульптуры... Читатель будто видит перед собой это роскошное убранство.

Как и у Апулея, в произведении Лафонтена есть мотивы злых сестёр, чудесного супруга, мачехи и падчерицы, испытаний.

У Лафонтена мы можем наблюдать философские размышления о жизни, любви и сострадании. Французский писатель выбирает не менее изысканные описания, чем Апулей. Повествование Лафонтена красочно и насыщено.

Наконец, обратим внимание на поэму И.Ф. Богдановича «Душенька», которую он писал во второй половине 1770-х годов. Поэма названа по переводу имени главной героини. «Психея» по-русски означает «Душа». В начале произведения автор, подражая творцам античности, обращается к богине. Но в его строках сквозит ирония: он будто намеренно подчеркивает пренебрежение к форме и стилю стиха:

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых, равных, стройных
И к пеню пристойных!

Прости вину мою,

Когда я формой строк себя не беспокою

И мерных песней здесь порядочно не строю... [3, книга 1 с. 4]

В поэме наблюдается смешение греческой и римской мифологии, автор будто не разделяет их: «В старинной Греции, в Юпитерово время...» [3, книга 1 с. 5] На протяжении произведения автор неоднократно обращается к Гомеру.

Богданович, описывая античный сюжет, не гнушается просторечных выражений: фонтаны пытаются узреть Душеньку, «плескаючись», сама героиня ходит, «разинув рот», рассеивает скуку «гульбой». Это подчеркивает предельную очеловеченность героев. Ирония автора распространяется на всех персонажей.

По стилистике «Душенька» имеет сходства с басней, повестушки в стихах и героико-комической поэмой.

В поэме есть и русские фольклорные мотивы: Венера приказывает Душеньке принести живой и мертвой воды, но на пути ей встречается Змей Горыныч Чудо-Юдо. Упоминаются царевна Перекраса, Царь-Девица, Кашей.

Эти детали вызывают у читателя ряд ассоциаций, благодаря которым произведение Богдановича становится близким для них. Смешение античных и древнерусских мотивов рождает новое, уникальное произведение.

Автор стремится к салонной игривости, желая увести читателя в светлый и весёлый мир шутки. Вместе с тем, в своём повествовании он вызывает к жалости, сочувствию и состраданию, характерным для сентиментализма

Таким образом, сюжет об Амуре и Психее, сложившийся в эпоху античности, представленный в романе Апулея, возрожденный и преобразованный в XVII веке французом Лафонтеном, достигает значительной переработки в русской литературе XVIII века.

Лафонтен, заимствуя у Апулея непринужденную манеру рассказа, развивает сюжет об Амуре и Психее в сторону конкретизации времени и пространства, изображения французской действительности, описания местного колорита.

Продолжая традиции Лафонтена, Богданович стремится придать античному сюжету национальный колорит, изобразить типичные для русской действительности XIX в. характеры и ситуации, приблизить содержание заимствованных сюжетов к представлениям русского читателя. Художественная интерпретация Богдановича глубже вторгалась в жизнь, судила явление в его сложности, сопоставляя объект изображения с жизнью нации, с её внутренними возможностями. В произведении русского писателя словно ожила народная поэтическая стихия, национальные русские образы и сюжеты, отраженные в фольклоре.

Итак, исследование произведений Апулея, Лафонтена и Богдановича выявляет удивительную продуктивность античного сюжета об Амуре и Психее, его неисчерпаемые возможности в постоянном обновлении и одновременно способность сохранять устойчивые традиционные компоненты, свойственные вечным образам безотносительно ко времени её создания.

Литература

1. Апулей Луций. Метаморфозы, или Золотой осёл. / пер. с лат. М.А. Кузмина. – Москва: Гослитиздат. – 1956. — 280 с.
2. Богданович И.Ф. Душенька. Древняя повесть в вольных стихах. – Москва: Ладомир. – 2002. – 352 с.
3. Лафонтен Ж. Любовь Психеи и Купидона. – Москва: Наука. – 1964. – 140 с.

Kochkovaya I.O.

THE INTERPRETATION OF THE ANCIENT STORY OF CUPID AND PSYCHE IN THE WORKS OF APULEIUS, J. LAFONTAINE, I. BOGDANOVICH

Abstract. The article is devoted to the study of interpretations of the story of the Cupid and Psyche in the works of Apuleius, J. Lafontaine, I. Bogdanovich.

Key words: Ancient story; crisis of mythological consciousness; elements of fairy tale; elements of folklore.

Криволапова Наталья Владимировна
студент 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
Natalya.kriv96@mail.ru

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ «ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО» НЕСТОРА И ПЬЕСЕ «НЕДОРОСЛЬ» Д.И. ФОНВИЗИНА)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы влияния матерей с властным характером на детей на примере древнерусской литературы («Житие Феодосия Печерского» Нестора) и русской литературы XVIII века («Недоросль» Д.И. Фонвизина).

Ключевые слова: древнерусская литература; русская литература XVIII века; влияние матерей на детей.

Родительская любовь играет главную роль в становлении человека как личности, а общение, которое ребёнок наблюдает в семье, становится для него подлинной школой социальных чувств [3], поэтому в русской литературе тема семьи занимает важное место. Особого внимания заслуживают произведения, в которых показаны сложные отношения между родителями и детьми, случаи отклонения от основополагающих принципов воспитания подрастающего поколения старшим в семье патриархального типа. Задача данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, как в русской литературе в разные периоды времени затрагивалась проблема влияния матерей с властным характером на своих детей на примере «Жития Феодосия Печерского» Нестора (XI век) и пьесы «Недоросль» Д.И. Фонвизина (1782 год).

В древнерусской литературе существовало строгое соблюдение канонов, особенно в житиях, а одним из правил являлось обязательное упоминание о благочестивости родителей святых, но в «Житие Феодосия Печерского» представлена необычная для литературы того времени ситуация: мать одного из основателей Киево-Печерской лавры – властная женщина, «тѣльмь крѣпка и сильна, якоже и мужь» [2], не гнушающаяся поднять руку на своего сына. И.П. Ерёмин в своём исследовании утверждает, что подобное изображение матери Феодосия Печерского продиктовано необходимостью антитезы земного и божественного [1]. Также в характере этой женщины господствует страсть и одержимость любовью к сыну, которая больше похожа на чувство

животного к своему детёнышу [1]. Мать не отпускает Феодосия Печерского в монастырь, она не желает, чтобы старший сын покидал родительский дом. Стоит отметить, что мотивировать её поступок исключительно боязнью потерять материальное благо при уходе Феодосия в монастырь нельзя, так как согласно законам, а именно «Русской правде», действовавшим в то время, имущество доставалось вдове, которая затем распоряжалась им по своему усмотрению [4]. Это означает, что основная причина подобного поведения матери святого кроется в её характере. Также нельзя забывать о том, что главной в семье после смерти отца становится мать, на плечи которой ложится вся ответственность за детей и хозяйство, и именно после этого момента в «Житие» начинает показываться мужеподобное поведение женщины. Однако несмотря на это Феодосий Печерский со смирением переносит побои и унижения от матери; более того, он благодарит Бога за всё перенесённое. Единственное, что перенимает святой у своей деспотичной матери, - это силу характера и непоколебимость духа при принятии решений и следовании им, ведь несмотря на обязанность со смирением принимать всё происходящее, Феодосий Печерский, которого спасает исключительно вера в Бога, идёт на бунт, а именно – неповиновение воле матери и уход в монастырь.

В пьесе же Д.И. Фонвизина «Недоросль» показана другая ситуация влияния матери с суровым характером на сына. Госпожа Простакова при живом муже, который «рохлею родился» [5], сама управляет всем хозяйством и держит всю семью и всех своих крестьян в страхе. Единственный человек, к которому Простакова относится с любовью и заботой, - это сын Митрофанушка. Мать ослеплена своим страстным чувством и стремлением обезопасить Митрофана от всех жизненных сложностей и сама не видит ничего противоестественного в подобном, ведь «слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала?» [5]. Сын же, прекрасно понимая своё положение и обладая прозорливостью, начинает манипулировать Простаковой, получая всё желаемое. Женщина даже не осознаёт, что отклоняющаяся от нормы ситуация в семье разрушает все шансы Митрофана иметь в дальнейшем благоустроенную жизнь. Простакова, не занимаясь духовным развитием своего ребёнка, заботится только о материальном достатке сына и показывает уважительное отношение исключительно к тем людям, которые занимают более высокое положение в обществе; таким образом она не устанавливает взаимосвязи с Митрофанушкой, и поведение матери становятся моделью в дальнейших контактах сына с окружающими [3]. Именно поэтому в финале произведения, когда Митрофан видит, что мать больше не имеет власти, он перестаёт играть выгодную прежде роль «послушного» сына и показывает жестокость, которую видел от Простаковой на протяжении всего детства.

Если же перейти к непосредственному сопоставлению влияния матери Феодосия Печерского и госпожи Простаковой, которое они оказали на своих

162 | сыновей, то можно прийти к выводу, что их безмерная родительская любовь имела разное воздействие: Феодосий Печерский получил бесценный жизненный опыт, твёрдость духа и способность противостоять дьявольским умыслам, в то время как Митрофанушка, изнеженный и избалованный, окончательно потерял шанс на благополучную жизнь. Более того, суровость и жестокость матерей проявились в их детях совершенно по-разному: если Феодосия Печерского подобная семейная ситуация сделала стойким и сильным душой, то Митрофанушка стал манипулятором, умело подстраивающимся под характер представителей власти.

В заключение можно утверждать, что формирование личности ребёнка происходит под непосредственным влиянием условий его жизни в семье [3], и негативные черты характеров родителей хотя и по-разному, но всё же неизбежно отражаются на миропонимании детей и дальнейшей применяемой ими модели поведения в окружающем мире.

Литература

1. Ерёмин И.П. «Лекции и статьи по истории древней русской литературы». 2-е изд. – Л., – 1987. – 26-33 с.
2. Нестор Летописец. «Житие Феодосия Печерского» / <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4872> (Дата обращения 25.01.2018)
3. Российская педагогическая энциклопедия, 1993 г. / http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/russpenc/17.php (Дата обращения 01.02.2018)
4. Русская правда (Пространная редакция). Подготовка текста, перевод и комментарии М. Б. Свердлова, 102 и 103 статьи / <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (Дата обращения 27.02.2018)
5. Фонвизин Д.И., «Недоросль» / <http://ilibrary.ru/text/1098/p.1/index.html> (Дата обращения 1.02.2018)

Krivolapova N. V.

MATERNAL AFFECTION IN RUSSIAN LITERATURE (ON THE EXAMPLES OF «LIFE OF THEODOSIUS OF THE KIEV CAVES» BY NESTOR AND «THE MINOR» BY D.I. FONVIZIN)

Abstract. The paper considers the problem of parental influence particularly domineering mothers' influence on their children illustrated with the examples the Old Russian literature sample («Life of Theodosius of the Kiev Caves» by Nestor) and the 18th century Russian literature sample («The Minor» by D.I. Fonvizin).

Key words: Old Russian literature; 18th century Russian literature; maternal influence on children.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ЛИРИКЕ КУЗЕБАЯ ГЕРДА И СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА НА ПРИМЕРЕ МОТИВА ВЕЧЕРА

Аннотация. В статье рассматривается мотив вечера в лирике К. Герда и С. Есенина как явление интертекстуальных отношений между двумя поэтами 20 века, в которых обнаруживается своеобразие творческих миров и схождения, определяемые характером самого изображаемого времени, романтическим типом мироощущения.

Ключевые слова: К. Герд; С. Есенин; лирика; интертекстуальные связи; мотив вечера.

В данной статье мы рассматриваем мотив вечера у двух поэтов: Кузебая Герда и Сергея Есенина. Образ вечера обнаруживается в ряде стихотворений поэтов, в данной работе мы представляем стихотворения «Летний вечер» Кузебая Герда и «Весенний вечер» Сергея Есенина.

В описаниях вечера обнаруживается очевидная близость мироощущений поэтов, их душевная гармония с природой. Вместе с тем стихотворения различны, прежде всего, по эмоциональному тону и настроению.

Стихотворение «Весенний вечер» относится к раннему творчеству Сергея Есенина. В каждой строчке этого произведения ощущается любовь Есенина к природе, стремление соединиться с ней. Все эти чувства он передал в стихотворении, где ярко рисуется картина природы вечером.

Вечер – время, когда природа готовится ко сну, и первая строка стихотворения уже задает ритм и его настроение: река струится тихо, словно боится нарушить тишину в «царстве вечернем», царицей которого является «зеленая весна». На смену солнцу выплывает «рог золотой луны», день переходит в новое состояние – вечер. На западе появляется «розовая лента» – проблески заката, пахарь, возвращающийся домой, в свою «избушку». Далее слышатся звуки нежной песни соловья. И заря, словно его возлюбленная, внимает ему и слушает ласково его «песни глубокие». В последнем четверостишии автор пишет о земле, которая «с нежностью смотрит на звезды далекие» и улыбается небу. В этих строках звезды – это глаза неба, и земля смотрит на них с нежностью. Автор выстраивает своеобразную вертикаль, диалог между небом и землей: С нежностью смотрит на звезды далекие / И улыбается небу земля. [2, с.37]. Все стихотворение дышит любовью, каждая строка

наполнена нежностью и красотой, которую автор передает через цвет («река серебристая», «зеленая весна», «рог золотой луны», «лента розовая») и звук («песнь соловья», шелест листвы), придавая звучность и многоцветность миру. Поэт любит свой край с его живописной природой.

У удмуртского поэта Кузубая Герда так же, как и у Есенина, через описание вечерней природы выражается любовь к родным местам, природе и к людям. (У Герда в отличие от Есенина вечер летний). Интересно заметить, что жанр стихотворения Кузубая Герда – сонет, которому присуще универсальное осмысление реальности. Сонет – мир в миниатюре, поэт занимает суть окружающей действительности. Поэтому автор, описывая летний вечер, создает картину деревенского мира в его бытийном выражении. С самых первых строк К. Герд дает пейзаж приближающегося летнего вечера, выписанный цветовой, звуковой гармонией: Солнце село. Журавли курлычут. / Ольховые болота звенят. / Стемнело. Снова звезды загораются /Звезды в небе блещут. (Здесь и далее подстрочный перевод наш – Я.Кузьмина) [3, с. 163].

Лирический герой Герда, как и герой Есенина, выписывается как созерцатель природы, с которой находится в абсолютной гармонии. Схожесть и в том, что у обоих в контекст пейзажного описания вводятся бытийно-земное: у того и другого присутствуют образы пахаря (Есенин), косаря (Герд). У обоих в заключительных строках даются пейзажные картины, в контекст которых вписываются лирические герои, ощущающие благодать земного мира во всех его природных проявлениях.

Сюжет стихотворений обоих авторов одинаков и вырисовывается через пространственно-временные описания: К. Герд рисует панораму деревни и ее природы, выстраивая своеобразную вертикаль пространства, причем пространство в его сужении и расширении. Открывая стихотворение словами: «заходит солнце», поэт останавливает наш взгляд на небе, затем взгляд выхватывает образ журавлей, далее пространство сужается до ольховых кустов, и в финале, после взрыва пространства до необъятного неба, на котором блещут звезды, взгляд лирического героя останавливается на «цветущих деревнях» и «желтеющих полях». Таким образом, душа лирического героя приходит к абсолютной гармонии, сливаясь с природой своего родного, земного края: В это время легко дышать, / Так легко жить и трудиться /В тех цветущих деревнях. [3, с.163].

Если у Герда происходит сужение пространства – от солнца к полю, т.е. направление взгляда идет сверху вниз, то Есенин начинает свое стихотворение с образа реки, постепенно взгляд лирического героя уходит вверх, на «рог золотой луны» неба. Привлекательным у Есенина является образ «избушки», в которую возвращается пахарь. Дом, названный «избушкой» – это священное место для крестьянина, его маленький мир, где он отдыхает после работы, где его ждет и любит семья. У Герда косари возвращаются с лугов в деревни, довольные работой, с песнями на устах: «С лугов идут косари/ С песнями возвращаются в деревню». В контексте замеченного образа песен скажем, что песня для Герда была во многих его смыслах душой народа.

У обоих поэтов лес является источником тишины, но звуковой мир у каждого свой: у Герда в лесах плачут совы, а у Есенина «в чаще березовой» соловей поет «песню любви». Вместе с тем у обоих поэтов стихотворения наполнены тональностью легкого дыхания весны и лета. Так, Герд пишет: «Как легко дышать в это время, легко жить и трудиться в тех цветущих деревнях». В последних строках гердовского стихотворения мы ощущаем восхищение поэтом своей родиной, ее природой. Поэт живописно рисует картину природы своего края, используя всю палитру ярких красок при изображении «желтеющих полей» (До утра бы ходил, песни пел / В этих желтеющих полях), и «цветущих деревень» (Легко жить и трудиться/ В тех цветущих деревнях).

В заключительных строках есенинского стихотворения через описание сказочно-весеннего вечера раскрывается чувство любви и нежности не только к родине, но и к возлюбленной через метафору: земля «с нежностью смотрит на звезды далёкие» и улыбается небу. Диалог земли и неба звучит как диалог между влюбленной парой. Звёзды, воспринимаемые как глаза неба, смотрят с нежностью на землю.

Заметим, что и Герд, и Есенин представляют поэтическую картину мира, выписанную благодаря слуховым, зрительным, осязательным ощущениям, которые дают полную гармонию в созданных картинах мира. К. Герд, описывая картину вечера, выразил свою любовь к родным местам. Душа Есенина наполнена романтическими и нежными чувствами к возлюбленной и к родной природе. Оба поэта близки своими мироощущениями, живут в гармонии с природой: Герду поле шепчет слова для песен, у Есенина «улыбается небу земля». Таким образом, оба автора создают мир природы, гармонирующий с миром души человека.

Литература

1. Есенин С.А. Весенний вечер («Тихо струится река серебристая...») // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – М.: Наука; Голос, 1995—2002. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». – 1996. – С. 37.
2. Кузубай Герд. Та кырзанъёсы – турагайёсы: Люкам кылбуръёс, поэмаос/ Дасяз но аськылзэ гожтйз Ф.К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 304с.
3. Пронин В.А. Теория литературных жанров: Учеб. Пособие. – М.: Изд-во МГУП, 1999. – 196с.

Kuzmina Y.A.

INTERTEXTUAL CONNECTIONS IN THE LYRICS OF KUZEBAY GERD AND SERGEY YESENIN EXAMPLE OF THE MOTIF OF THE EVENING

Abstract. The article considers the motive of the evening in the lyrics Gerd and Yesenin as a phenomenon of intertextual relations between two poets of the 20th century, which reveals the originality of creative worlds and convergence, determined by the nature of the time depicted and the romantic type of attitude.

Key words: K. Gerd; S. Yesenin; lyric; intertextual connections; the motive of the evening.

Лебедев Алексей Алексеевич
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
alexeylebedev97@mail.ru

ПИСЬМА П. МЕРИМЕ И.С. ТУРГЕНЕВУ КАК РУССКИЕ ТЕКСТЫ

Аннотация. В статье доказывается, что письма П. Мериме И.С. Тургеневу с размышлениями о русской литературе могут быть признаны русскими текстами французского писателя.

Ключевые слова: переписка; русский текст; диалог культур.

В данной статье будут приведены убедительные доказательства того, что письма Проспера Мериме Ивану Сергеевичу Тургеневу следует считать русскими текстами великого французского писателя.

Стоит отметить, что в настоящей работе мы намеренно опираемся только на сами тексты писем, а не на исследования о них, т.к. для объективного изучения чего-либо очень важно бывает возвратиться непосредственно к первоисточнику и самостоятельно его рассмотреть. Более того, данное заявление связано также с тем, что проблема русского текста у П. Мериме является, на наш взгляд, малоизученной, т.е. по ней трудно найти какие-либо исследования.

Прежде чем начать исследование текстов писем Мериме, дадим определение русскому тексту. Мы понимаем его как любой текст, созданный под влиянием русской культуры или навеянный общением с русскими людьми, в т.ч. и переводной.

Таким образом, под данное определение подпадают не только художественные тексты, но и публицистические, научные и др.

Исходя из нашего определения, письма Мериме к Тургеневу вполне можно считать русскими текстами, тем более что эти письма не просто «навеяны общением с русскими людьми», а сами по себе и являются актами такого общения.

Однако для того чтобы причислить переписку П. Мериме с И.С. Тургеневым к русским текстам великого французского писателя, одного этого доказательства недостаточно, хотя бы оно и является важным и веским.

В качестве дополнительных подтверждений наших предположений относительно писем Мериме Тургеневу стоит привести и другие важные факты.

Первым из них является отображение в письмах знатока многих культур и литератур Мериме к Тургеневу неподдельного интереса французского писателя к русской литературе и – шире – к России вообще, к её истории и современности.

Приведём некоторые цитаты из писем Мериме, чтобы наши утверждения не выглядели голословными. Вначале будут приведены выдержки из писем, касающиеся русской литературы, а после – выдержки, показывающие увлечение великого французского писателя нашей страной в целом.

1) П. Мериме активно читал не только особо любимых им А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, но и Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, раннего

Л.Н. Толстого, А.К. Толстого, П.А. Вяземского и др. Ввиду ограниченности объёма статьи приведём лишь две цитаты. Первая: «Вчера меня посетил князь Вяземский... Он принёс мне две свои книжки: Фотография Венеции и За границею. Мне показалось, что он в хороших стихах отдаёт должное нашему каннскому небу...». [1: 182-183] Отметим, что Мериме склонен не просто рассказывать о том, что он прочёл, но и давать прочитанному оценку, в данном случае положительную. Вторая: «Я прочёл роман Толстого («Казаки» –А.Л.)... многое... мне непонятно... мало понятна мне молодая казачка, которая вызывает отвращение, когда босиком шлёпает по конюшне. Такого рода реализм я не люблю». [1: 184] Хотя в «Казаках» Л.Н. Толстого Мериме нашёл неприятные для него моменты, он отметил: «общий колорит повести правдив...». [1: 184] Таким образом, Мериме стремился быть объективным в оценке произведений наших авторов.

2) П. Мериме активно интересовался русской историей и современностью. Ввиду ограниченности объёма статьи приведём одну цитату, в которой отражён интерес французского писателя сразу к первой и второй (письмо от 23.12.1869): «Не знаете ли Вы, опубликовал ли мой друг Устрялов новый том своего Петра Великого? (имеется в виду труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» – А.Л.)... Было ли опубликовано что-нибудь о недавних русских аннексиях в Средней Азии?». [1: 253]

Вторым из них является то, что письма Мериме инкрустированы русскими словами и выражениями, делящимися по цели их использования на две группы:

1) Слова и выражения, написанные Проспером Мериме по-русски для точнейшего выражения мысли. Они делятся на две подгруппы:

1.1) Слова, которые не имеют точного соответствия во французском языке («самозванец», «щи» и пр.). «Хорошо, если русская соседка угостит меня щами» [1: 178], – заявляет П. Мериме в письме Тургеневу от 15.01.1865. В другом письме, от 27.01.1865, тонко-умный француз пишет: «Я завидую Вам, что Вы православный». [1: 181] Данная цитата интересна по двум причинам: во-первых, Мериме решил, что французское слово *orthodoxe* («православный») не подходит потому, что особое русское православие невозможно передать западным словом «ортодоксия»; во-вторых, любопытна суть фразы: Мериме завидует русскому православному человеку! Причину он указывает чуть далее: «Каждый должен иметь свою собственную (веру – А.Л.)...». [1: 181] Это лишний раз демонстрирует то, что французский писатель уважал русскую культуру за её самобытность.

1.2) Названия произведений русских авторов Мериме также приводил по-русски. Например, в своём письме от 10.12.1860 он пишет: «Какого Вы мнения о Графе Нулине и Домике в Коломне?». [1: 159]

2) Слова и выражения, написанные Мериме по-русски из уважения к русскому языку, которое иногда, по-видимому, поддерживалось стремлением французского писателя показать то, что он узнал новые для него русские слова (последнее косвенно доказывается тем, что некоторые слова Мериме писал с ошибками). Например, в уже цитированном письме от 15.01.1865 Мериме отмечает: «Когда я выходил из дому, я читал военные рассказы Толстого...» [1: 178]. К данному участку текста есть примечание: «У Мериме: военныя разказы» [1: 178]. Ещё один пример – строчка из письма от 24.11.1862 об «Отцах и детях»: «Образы правдивы, иные, может быть, даже слишком правдивы» [1:167]. Интересно, что вместо французского соответствия *trou* Проспер Мериме использует русское слово, возможно, именно потому, что он недавно его узнал и хочет вставить его в свой текст просто потому, что может. В связи с этим интересен тот факт, что Мериме цитировал наших классиков по-русски, что объяснимо и его стремлением к точности выражения мысли, и его уважением к русскому языку и русскому слову вкупе с желанием продемонстрировать их знание. В качестве примера подобных цитат приведём одну из письма от 18.01.1861: «Под моими окнами расположилась семья цыган, и я вижу, как у них «между колёсами телег горит огонь»» [1: 162]. Слова, выделенные жирным курсивом, Мериме написал по-русски: это сокращённая цитата из пушкинских «Цыган»: «Между колёсами телег, // Полузавешанных коврами, // Горит огонь...» [2].

Таким образом, мы видим, что Проспер Мериме проявлял неподдельный интерес к русской культуре и русскому языку, что во многом и предопределило появление у французского писателя русских текстов, к которым по праву стоит отнести и его письма к И.С. Тургеневу, чему нами приведены веские доказательства.

Литература

1. Мериме П. Собрание сочинений в 6-ти тт. – М.: Издательство «Правда», 1963. – Т. 6. – 388 с.
2. Пушкин А.С. Цыганы. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rvb.ru/pushkin/01text/02poems/01poems/0789.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

Lebedev A.A.

P. MERIMEE'S LETTERS TO I.S. TURGENEV AR THE RUSSIAN TEXTS

Abstract. The article proves the possibility P. Merimée's letters, with their reflections on Russian literature, to I.S. Turgenev as the Russian texts of this French author.

Key words: Correspondence; Russian text; dialogue of two cultures.

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АГАТЫ КРИСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию античных мотивов в творчестве писательницы Агаты Кристи.

Ключевые слова: детектив; античность; английская литература; Агата Кристи.

Английская писательница Агата Кристи известна своими сложно построенными детективами. Но её успех – не только в хитросплетении сюжетных линий. Писательница использовала множество различных литературных отсылок в своём творчестве. И часть из них – мотивы античности.

Один из них – это мотив наказания, которое рано или поздно настигнет преступника. Причём, иногда это даже не физическое наказание, а духовное. Например, в романе «Убийство в Восточном экспрессе» сыщик отпускает убийц, оставляя их на суд собственной совести. Или же в романе «Пять поросят» и в рассказе «Коробка шоколадных конфет».

Мотив неминуемого наказания проходит и через образы детективов, появляющихся в произведениях писательницы.

Один из самых ярких – Мисс Джейн Марпл. Милая старушка, живущая в маленькой английской деревушке. Она тихая, ничем не примечательная, часто смешная на вид. Но сама себя мисс Марпл иногда называет Немезидой. «Немезида! Вот уж кто меньше всего похож на богиню возмездия» [2, 256], – отзывается о ней один из героев романа «Немезида». Схожесть мисс Марпл с богиней в безжалостности по отношению к преступникам и стремлении к совершению правосудия даже в том случае, когда с момента убийства прошло много лет.

Следующий персонаж-детектив, обладающий непримемой ненавистью к преступлениям (особенно убийствам) – Эркюль Пуаро. На английском его имя читается как Гераклес, т.е. Геракл. Впрочем, бельгийский детектив не похож на своего знаменитого тезку: «Безукоризненно одетый человек с великолепными усами» [3, 1]; «Отнюдь не великан, а совсем напротив». Сам Пуаро, когда впервые изучил биографию Геракла, был неприятно удивлён: «Здоровенный детина недалекого ума с преступными наклонностями! Пуаро

170 | он напоминал некоего Альфреда Дюрана, мясника, осужденного в 1895 году в Лионе за убийство нескольких детей — тот тоже отличался бычьей силой» [3, 1]; «Говоря откровенно, античная культура его шокировала. У всех этих богов и богинь кличек было, как у нынешних преступников, да и сами они весьма смахивали на уголовников» [3, 1].

Но у обоих Гераклов есть общая черта – желание избавить мир от любого зла.

Наиболее ярко Агата Кристи развила эту аллюзию в сборнике рассказов «Подвиги Геракла». Он представляющий собой 12 историй, в которых подвиги Геракла перенесены в современную на момент написания (1947 год) жизнь. Например, в рассказе «Авгиевы конюшни» сыщик должен очиститься репутацию некой политической партии, а в «Немейском льве» – найти пропавшего пекина.

Играя античными образами, Агата Кристи добавляет в и так забавный образ Эркулеса Пуаро иронию, а в повествование – ещё и дополнительную загадку: кто зашифрован в каждом из героев?

Однако даже непримиримый со злом детектив, подобно своему тезке, в конце концов, совершает преступление (роман «Занавес»). Не увидев другого выхода, он убивает человека, который мог загубить жизнь невинной девушки.

В этот момент образ Пуаро больше напоминает образ другого античного персонажа – царя Эдипа. Человек, который когда-то спас людей от страшной опасности, зла, осознаёт, что он сам совершил зло. Не в силах вынести мук совести, оба героя наказывают себя. Эдип ослепляет и изгоняет себя из города, а Пуаро, как намекает сама писательница, совершает самоубийство.

Ироничное переложение античного прототипа нашло отражение в образе подруги Пуаро – миссис Ариадны Оливер. Образ этой писательницы-детектива – пародия Агаты Кристи на саму себя. Отличительная черта миссис Оливер – сложные, порой запутанные умозаключения. Но эти сложные логические цепочки являются чем-то вроде путевой нити, которая помогает Пуаро в особенно сложных делах (например, романы «Слоны умеют помнить» и «Хитрость мертвеца»).

Теперь следует перейти к второстепенным героям. Как известно, в детективе практически всегда применяется приём создания ложного впечатления от героя, как положительного, так и отрицательного.

Агата Кристи часто преображает этот приём в образ ложной жертвы. Но не просто жертвы, а ложной Ифигении.

В романе «Лощина» такой ложной жертвой является убийца мужа, которую пытается обелить его любовница Генриетта.

Но наиболее полно и интересно «ложная Ифигения» показана в романах «Немезида» и «Вечеринка на Хэллуин».

В «Немезиде» это – девушка, тело которой убийца Клотильда выдавала за другую – свою приёмную дочь. Она хотела, во-первых, подставить таким

образом невинного жениха убитой. Во-вторых, ей было важно, чтобы дочь была похоронена близко к ней: конкретно в саду её с сестрой общего дома.

В романе «Вечеринка на Хэллуин» ложной Ифигенией является первая убитая Ровенной девочка, которая якобы когда-то видела убийство. Впрочем, в сюжете находится место и для настоящей Ифигении. Её отец (сообщник Ровенны) решает принести девочку в жертву, чтобы сохранить тайну совершенного им и его сообщницей преступления.

В «Лощине» возникает ещё один похожий образ – образ ложной Навсикаи. В начале романа «Лощина» Генриетта пытается создать скульптуру, изображающую античную героиню. Она долго лепит её, но конечный результат не устраивает художницу. Модель оказалась неподходящей: это не разумная царица из «Одиссеи», а глупая простушка. В результате Генриетта сама уничтожает свою работу.

Образ ещё одной героини древнегреческих мифов, Клитемнестры, достаточно ярко выписан в романах «Вечеринка на Хэллуин», «Немезида» и «Лощина».

В романе «Вечеринка на Хэллуин» Ровенна и её сообщник-любовник принимают решение убить несколько девочек, одна из которых – дочь последнего. Причём сходство с античной героиней также подчёркивается способом убийства первой жертвы: её утопили в тазе с водой. В результате на убийце намочена одежда. Здесь можно провести параллель с описанием убийства Клитемнестрой мужа Агамемнона.

В романе «Немезида» мисс Марпл при первой встрече сравнивает с античной героиней Клотильду: «А вот Клотильда уж точно не Офелия, скорее великолепная Клитемнестра, способная с наслаждением заколоть мужа в ванной» [1, 60]. Впоследствии именно она и оказывается убийцей своей воспитанницы и ещё одной девушки.

В «Лощине» сравнение с Клитемнестрой также строится на схожести места преступления: бассейн с телом убитого и стоящая рядом убийца мужа. Причём один из мотивов – ревность к одной из его любовниц (актрисе).

В образе другой любовницы убитого, Генриетте, можно увидеть схожесть с образом весты Кассандры. Неслучайно именно она создаёт «ложную Навсикаю» (о чем говорилось выше) и прикрывает настоящую убийцу («ложная Ифигения»).

Наконец, именно с ней связан образ Троянского коня, в котором было спрятано оружие убийства. И именно Генриетта страдает больше всего из-за бессилия спасти кого бы то ни было.

Последние образы, которые хотелось бы рассмотреть в данной работе – Орфей и Эвридика. Они проходят своеобразной красной нитью через сборник «Подвиги Геракла». В каждом рассказе можно найти аллюзию на миф об этих героях. Где-то это – поиск возлюбленной («Киринейская лань»), в другом

172 | произведении живая «Эвридика» носит траур по «Орфею» («Эриманфский лев»). В рассказе «Немейский лев» с Орфеем и Эвридикой сравниваются эпизодические герои, появляющиеся в самом конце повествования.

Но «кульминации» эти аллюзии находят в рассказе «Укрощение Цербера». Пуаро, как Орфей, выводит свою давнюю знакомую и возлюбленную графиню Веру Русакову из ада: как физического (так называется ночной клуб), так и метафорического (на графиню собирались повесить торговлю наркотиками).

Примечательно, что это не первый раз, когда Пуаро спасал свою «Эвридику»: в рассказе «Ключ к разгадке» он позволяет ей уйти от наказания, хотя и вернув украденные ею ранее драгоценности.

Античные мотивы позволили Агате Кристи не только усилить интригу произведения, но и углубляла характеры своих героев. Писательница также вела дополнительную игру с читателями, заставляя сравнивать героев античной мифологии с современными.

Литература

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека / под. ред. Я.М. Боровского – Л.: Наука, 1972. – 224 с.
2. Агата Кристи «Немезида»/ Collins Crime Club (London), November 1971, 256 p.
3. Агата Кристи «Подвиги Геракла»/ Dodd Mead and Company (New York), 1947, 265 p.

Likhacheva E.V.

ANCIENT MOTIFS IN THE WORKS OF THE WRITER AGATHA CHRISTIE

Abstract. The article is devoted to the study of ancient motifs in the work of the writer Agatha Christie.

Key words: Detective; antiquity; English literature; Agatha Christie.

РЕЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН В РАССКАЗАХ В.М. ШУКШИНА

Аннотация. Статья посвящена исследованию речевых образов женщин в рассказах В.М. Шукшина на примере героинь сборника «Характерь». Рассмотрены языковые средства создания функционально-стилистических типов речи (ФСТР), с помощью которых автор показывает разные типы женских персонажей, в соответствии с их социальными ролями. Показана методика комплексного анализа гендерного типа ФСТР, включающего перцептивный, ментальный, собственно языковой аспекты художественного текста.

Ключевые слова: речевой образ; языковые средства; образ женщины.

Важной характеристикой языка писателя является речь его литературного героя, которая, в свою очередь, является проекцией существующих функционально-стилистических типов общенародной речи. В настоящее время к этой проблеме проявляют интерес исследователи по теории коммуникации, занимающиеся описанием дискурса. С нашей точки зрения, большой интерес представляет творчество советского писателя В.М. Шукшина, мастерски владевшего умением создавать речевые портреты типичных героев эпохи. Отличительными особенностями советского «деревенского» дискурса являются, во-первых, просторечная, разговорная и диалектная лексика; во-вторых, интонационные и синтаксические особенности высказывания; в-третьих, особые ключевые понятия (концепты). Художественный текст – особая стилистическая сфера передачи речевой манеры говорящего, контролируемая «образом автора» для идейно-композиционной целостности произведения. Поэтому целью настоящей работы является описание особенностей шукшинской манеры воспроизведения ФСТР женщин определённой эпохи, где живой исконный русский язык и особенности советской идеологии тесно переплетены.

Художник слова создал широкий круг неповторимых литературных образов, каждый из которых обладает уникальным набором характеристик. В данной работе рассматриваются языковые средства образов женщин в сборнике рассказов «Характерь».

Гендерные особенности речевого поведения русских женщин отличаются от речевых стереотипов мужчин, и Шукшин подчеркивает это. Исследователи гендерных аспектов (Е.А. Попова, А.В. Казакова и др.)

174 | отмечают, что для речи женщин характерны: использование интонационных средств и приблизительных обозначений, междометий, вводных конструкций и диминутивов, а также употребление инверсий, восклицательных и вопросительных предложений.

В сборнике «Характеры» Шукшин раскрывает перед читателями разные социальные роли женщин. Прежде всего это «мать», «тёща», «старуха» [4, с.20], «женщина, как представитель профессии», отбирая для каждой роли образные средства.

На лексическом уровне автор использует диминутивы в эмотивной функции. Например: «Он нарочно не откликнулся, – что дальше скажет? – Сергунь! – ласково позвала Клава» [4, с.40]; «Черт бы ее побрал, ноженьку! Разок довелось, и то...» [4, с.39]. Диминутив может выражать даже сарказм. В речи тётчи из рассказа «Бессовестные»: «Чего вы сиротинками-то казанскими прикидываетесь?» [4, с.117].

Для речи женщин в рассказах Шукшина характерно употребление бранной и просторечной лексики, сниженных лексико-грамматических норм: лаяться, сдуреть, што и др. Примеры: «Ты што, сдурел, Макар? На родного сына стану директору жалиться!». [4, с.97] Или в рассказе «Верую!»: «Ну и нервничай, черт с тобой! Люди дожудатся воскресенья-то да отдыхают культурно... В кино ходют. А этот – нервничает, видите ли. Пузырь» [4, с.161]; «А она согласна? Хотя, ты говоришь, не успел с ей...» [4, с.113].

Употребление частиц и междометий в речи героинь имеет большое значение для выражения эмоциональных оттенков и экспрессии. «Мам, ты гляди-ка, што он вытворяет – за шубу-то начал обзывать по-всякому!» [4, с.16]: частицы «-ка» и «-то» служат для усиления чувств возмущения и негодования. «Ах!.. – обрадовалась женщина. – Ах, какие они!» [4, с.76] – с помощью междометия «ах» переданы восторг и радость женщины. Междометие «эхма» служит для выражения сожаления и разочарования: «Разок довелось, и то... Эхма!» [4, с.39], а посредством сочетания императивного междометия «на» и разговорной частицы «-ка» выражено побуждение: «Она протянула сапожок дочери. – На-ка, примерь» [4, с.39].

На синтаксическом уровне женская речь в рассказах Шукшина представлена разными типами предложений разговорно-бытового синтаксиса, что в целом можно назвать стилистической образной парадигмой «женского» образа – от ласкового сочувствия до брани (неодобрения и негодования) и речевой агрессии (проклятий). Наиболее употребительны простые предложения, выражающие побуждение, вопрос или восклицание. «Если недопонимаешь, то слушай, што говорят! — повысила голос теща» [4, с.16] – восклицание, выражающее в грубой форме побуждение. Характерны также риторические формы, вносящие не только элемент рассуждения, но призывающие к полемике: «Где взял?! – изо всех сил кричала Лизавета Васильевна. – Купил! – На какие деньги? Ты всю получку домой отдал! Ты их в государственном лесу бесплатно нарубил! Ты машину дров украл!» [4, с.18]. Все представленные

в текстах типы предложений служат для выражения экспрессии и характеристики их эмоционального состояния женщины.

Важнейшим средством создания речевых женских образов в рассказах являются авторские ремарки, где автор создает перцептивный образ героини. Своеобразие образа автора, в частности, выбор сказовой манеры, создающей наивную картину мира рассказчика, и отбор лексики для создания философской картины мира Автора, в ремарках позволяет соединить ментальный, перцептивный и речевой компоненты образа. Так, например, в рассказе «Сураз», употреблённые в ремарках неакциональные глаголы «любила» [4, с.80], «жалела» [4, с.80], «стыдилась» [4, с.80], «ждала» [4, с.80] служат для характеристики любящей и заботливой матери. В других же случаях пояснения автора служат для конкретизации эмоционального состояния героини, например: «с дрожью в голосе» [4, с.17], «изо всех сил кричала» [4, с. 18], «буркнула тёща» [4, с.20] и т.п.

Итак, в статье были рассмотрены основные аспекты изучения языковых средств, при помощи которых В.М. Шукшин создаёт ФСТР для художественных образов женщин в своих рассказах. Несмотря на кажущуюся общность средств, каждое из них служит тому, чтобы представить читателю исключительный характер. Писатель на разных уровнях языка показывает, какой эмоциональной, «живой» и яркой может быть женская речь типичных жительниц советской деревни.

Литература

1. Земская Е.А. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его формирование / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова / [под. ред. Е.А.Земской, Д.Н. Щмелева]. М., 1993
2. Казакова А.В. Гендерные различия в речи литературных персонажей // Вестник ШГПУ. 2016. №4. С. 112-116.
3. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112-132.
4. Попова Е.А. Особенности речи мужчин и женщин// Русская речь. 2007. № 3. С. 40-49.
5. Шукшин В.М. Характеры. Рассказы [Текст]/В.М. Шукшин. – М.: Современник, 1973. – 212 с. 212.

Makarova A.V.

THE SPEECH IMAGES OF WOMEN IN THE STORIES BY V.M. SHUKSHIN

Abstract. The article is devoted to the study of speech images of women in the stories of V.M. Shukshin for example heroines collection «Characters». Language tools are considered, with the help of which the author shows different types of female characters, in accordance with their social roles.

Key words: Speech image; language facilities; image of a woman.

Мирошников Алексей Геннадьевич
студент 4 курса бакалавриата Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина
Москва, Россия
lavdiasmylove@gmail.com

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» СЛАВЫ КПСС

Аннотация. Статья посвящена анализу интертекстуальных связей в текстах песен из альбома «Солнце Мертвых» рэп-исполнителя Славы КПСС.

Ключевые слова: рэп-поэзия; интертекстуальность; Слава КПСС; «Солнце Мертвых».

В своём первом полноформатном студийном альбоме отечественный рэп-исполнитель Вячеслав Машнов, известный под псевдонимом Слава КПСС (данный псевдоним объединяет в себе и имя исполнителя, и лозунг), сознательно отходит от китчевой эстетики, в целом характерной для большей части его творчества, и создает концептуально целостное полотно, идейно и содержательно представляющее собой панораму русской культуры. Это достигается в том числе за счёт использования множества реминисценций на различные художественные тексты, а также прямого цитирования.

В целом источники цитат и аллюзий можно распределить по трём группам: 1) русский фольклор и произведения, в своей поэтике опирающиеся на него; 2) русская литература и эмигрантская проза XIX-XX веков; 3) русская рок-поэзия. Выпуск альбома был сопровождён аннотацией, представляющей собой отрывок из рассказа Л.Н. Андреева «Он»: «Дело в том, что я почему-то умираю. <...> Не нужно все время спрашивать, не надо говорить так много. Как мне объяснить, что молчание – есть естественное состояние человека?» [1]. Данная аннотация в сочетании с названием диска, отсылающем к одноименной повести И.С. Шмелева, довольно точно передает общее идейное наполнение входящих в состав альбома текстов.

Общая смысловая доминанта собранных под заголовком «Солнце мертвых» текстов – мрачная панорама русской культуры – возникает уже в тексте первого трека на альбоме под названием «Сочечка», в первой строке которого приводится практически прямая цитата заглавия романа «Катали мы ваше солнце» писателя-фантаста Е.Ю. Лукина, поэтика которого основана на использовании традиционных фольклорных образов и мотивов. По похожему принципу строится образная система «Сочечки»:

Катали ваше солнышко, шкалик да хлеба корочка,

Пела песню соечка, клевала с подоконничка.

Лунный мотылек, ты лети на костерок

Там где лысый бережок, сопит пьяненький дьячок [3].

Подобная система образов и мотивов помимо устного народного творчества отсылает к текстам песен из «Русского альбома» Б.Б. Гребенщикова, в частности к стихотворению под названием «Ласточка», который строится на похожих противопоставлениях (образ безмятежной птицы – картины мрачной действительности). Так, у Гребенщикова читаем:

Солнце взошло - видно время пришло.

Прыг, ласточка, прыг - дело к войне [2, с. 342].

В «Соечке» находим следующие строки:

Катали ваше солнышко, голуби пляшут полечку

Лью в себя из горлышка с горечью в горло водочку [3].

Использование наследия рок-поэзии не ограничивается диалогом с «Русским альбомом». В тексте «Соечки» находим также цитату из текста «Родина» Ю.Ю. Шевчука:

Моя уродина — родина,

От разбойника в крестах в подоле ты принесла [3].

Помимо обращения к творчеству представителей Ленинградского рок-клуба, Слава КПСС также использует прямые цитаты из текстов Егора Летова. В том же тексте можно встретить цитату из «Песенки о святости, мышке и камыше»:

И то, что я хочу сказать,

То мозгами не услышать, мозгами не понять. Поняла? [3]

Отсылки к творчеству Летова встречаются также на уровне поэтики заглавий. Так, название текста «Следы на снегу» отсылает слушателя к одноименному произведению сибирского рок-поэта. Стоит отметить, что указанные в начале статьи источники заимствований позволяют сгруппировать подобным образом сами заглавия некоторых текстов из альбома: «Мышка-норушка», «В замогильной стороне» – использование поэтики устного народного творчества; «Солнце мертвых», «Шатуны» – отсылки к произведениям писателей-эмигрантов XX века (к названиям повести И.С. Шмелева и романа Ю.В. Мамлеева соответственно); «Следы на снегу», «Волки да вороны», «Пусть» – прямые цитаты заглавий текстов русских рок-поэтов (имеются в виду песня Б.Б. Гребенщикова «Волки и вороны» из упомянутого уже «Русского альбома» и текст «Пусть» поэта-песенника, автора текстов к песням Л.В. Федорова и группы «АукцЫон» Д.А. Озерского).

Интертекстуальность альбома «Солнце мертвых» проявляется не только на уровне использования характерных образов, заглавий и прямых цитат. Так, лирический сюжет текста «Шатуны» во многом вторит сюжету романа Мамлеева, а лирический герой Славы КПСС в плане идеологии и мировоззрения оказывается удивительно близок герою «Шатунов» Федору Соннову:

*Я хожу по свету катуном
 За то, что вы прервали мой метафизический сон,
 Я вас с вагона уходящей жизни кину в ничто.
 Ваш Бог – неумный ревизор, а мой – бездушное зло [3].*

Далее в тексте встречаем конструкцию, напоминающую описание интеллектуалов-метафизиков Мамлеева и те отношения, которые выстраиваются между ними и главным героем в процессе развития действия романа:

*Черпай мыслишки ковшом из книжек жалких писак –
 Подстерегу вас за углом, в моих ручищах тесак.
 <...>*

*Другие тошно визжат, но вы, гляжу, поскромней.
 Для катуна глаза людей — парад потухших огней [4].*

Лирический герой альбома «Солнце мертвых» объединяет в своём образе черты персонажа «Шатунов» Федора Соннова, рассказчика из эпопеи Шмелёва «Солнце мертвых», лирического героя текстов Егора Летова, через которого он также сближается с другим поэтом-метафизиком, творческим предтечей Летова – А.И. Введенским. Многоуровневые и разнородные аллюзии и реминисценции очерчивают панораму русской культуры и контркультуры (имеются в виду эмигрантская литература и полуподпольная рок-поэзия), в которой положение художника (коим явно полагает себя лирический герой) оказывается не самым радостным, о чём говорится уже в первом тексте альбома:

Русская культура — это смерть, бухло и тюрьма [3].

С такими выводами можно спорить, но сложно отрицать наличие у автора обширного круга чтения и умения использовать свои познания в русской литературе с целью создания сложных концептуальных работ.

Литература

1. Андреев Л.Н. Он. Рассказ неизвестного [Электронный ресурс]. – URL: <http://andreev.org.ru/biblio/Rasskazi/ON1.html>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 12.02.2018).
2. Гребенщиков Б.Б., Гуницкий А.А. БГ – Песни. – М.: Нота-Р, 2002. 622 с.
3. Слава КПСС – Солнце Мертвых [Электронный ресурс]. – URL: <https://genius.com/albums/Slava-kpss/The-sun-of-the-dead>. – Заглавие с экрана. – (дата обращения: 12.02.2018).

Miroshnikov A. G.

INTERTEXTUALITY OF «THE SUN OF THE DEAD» BY SLAVA KPSS

Abstract. The article is devoted to the analysis of intertextual links in the lyrics of the songs from the album «The Sun of the Dead» by the rap artist Slava KPSS.

Key words: Rap-poetry; intertextuality; Slava KPSS; «The Sun of the Dead».

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИНГУШЕТИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению связей между русской литературой XIX-XXI века и Ингушетией, отражению в произведениях русских классиков исторических и культурных реалий Ингушетии, увековечиванию памяти о русских писателях в республике.

Ключевые слова: литература; Ингушетия; русский язык; русские писатели

В марте 1770 года Ингушетия вошла в состав Российской империи. 22 августа 1810 года во Владикавказе представители шести ингушских родов, подписали Акт присяги шести ингушских фамилий с Россией. Нужно отметить, что данное вхождение было добровольным

В своей работе я попытаюсь ответить на вопрос: «Насколько тесны связи между русской литературой и Ингушетией?»

М.Ю. Лермонтов бывал в разных уголках Кавказа. Так случилось, что это стало возможным благодаря его ссылке и участию, как ни парадоксально, в войне против тех же кавказских горцев. В большей степени речь здесь идет о территории Дагестана, Чечни и восточной Ингушетии. Вспомним строки из «Измаил-Бея», где поэт описывает местный народ во время его поездки из Владикавказа в Тифлис: «Темны преданья их. Старик чеченец, хребтов Казбека бедный уроженец. Когда меня чрез горы провожал, про старину мне повесть рассказал». Учитывая то, что в литературе XIX века русские авторы часто путали этнические наименования кавказских горцев, в особенности таких как «ингуш» и «чеченец», а также памятуя о том, что чеченцы никогда не жили в районе Казбека и никак не могли сопровождать поэта по незнакомой им дарьяльской дороге, мы совершенно точно можем говорить, что речь в данном пассаже идет именно об ингуше.

От «Измаил-Бея» перейдем к другому известному произведению М.Ю. Лермонтова «Демон». Многие хорошо знают следующие строки из этой поэмы: «И башни замков на скалах, смотрели грозно сквозь туманы, врата Кавказа на часах, сторожевые великаны». Скорее всего, строки из «Демона» «и башни замков на скалах» адресованы, на наш взгляд, староингушскому замку Гелатхоевых.

М.Ю. Лермонтову установлен памятник в столице Ингушетии.

Три года, проведенные молодым русским графом Л.Н. Толстым на Кавказе, стали не только важной вехой его личной эволюции, но и подарили

180 | миру величайшего прозаика и мыслителя. Толстой на склоне лет говорил, что его жизнь можно разделить на семь периодов, и тот, который он провёл на Кавказе, был одним из самых главных.

В центре Назрани появится улица в честь выдающегося российского писателя Льва Толстого, сообщил «Кавказ Сегодня» руководитель пресс-службы городской мэрии Магомед Аушев.

В 1892 году в Назрани Максим Горький работал наемным рабочим на прокладке железной дороги. Тогда написан рассказ «В ущелье» – его первое произведение.

«Сыновья муллы». Пьеса М.А. Булгакова Пьеса, поставленная во Владикавказе (Владикавказ-20 января 1921 — 7 ноября 1924 — столица Горской АССР.) в мае 1921 г. местной ингушской труппой. Премьера состоялась 15 мая, и С. м. прошли три раза. Отметим, что в противоположность многим другим пьесам на революционную тему Булгаков уже в этой пьесе призывал проявлять милость к представителям свергнутой власти. Даже плохому начальнику участка Идрис обещает не допустить расправы и обеспечить справедливый суд.

Выдающийся русский поэт и переводчик XX века Арсений Александрович Тарковский познакомился с Джемалдином Яндиевым и его поэзией в 1938 году. Он переводил в эти годы северокавказских поэтов (после войны, во второй половине 40-х годов – была грузинская поэзия), в частности, ингушских и чеченских. Этим и был обусловлен его приезд в тогдашнюю Чечено-Ингушетию, Союз писателей которой возглавлял совсем ещё юный Джемалдин Яндиев. Будучи председателем правления писательского союза, он организационно обеспечивал нормальную с точки зрения быта и эффективную в профессиональном отношении работу переводчика в течение нескольких месяцев. Дж. Яндиев в прямом смысле открывал русскому поэту уникальный мир горной Ингушетии и Чечни. «Новый», как писал сам Тарковский, «способ перевода» – между поездками и встречами – оказался весьма результативным: было переведено шестнадцать стихотворений Дж. Яндиева, несколько из которых стали классическими.

Указом Президента Ингушетии Мурата Зязикова за выдающиеся заслуги в области литературы: человечности и дружбы между народами А. Приставкин посмертно награждён орденом «За заслуги». Одна из улиц главного города Ингушетии, Магаса, получит название в честь Анатолия Приставкина.

Приставкин часто в книгах оживлял истории своего непростого детства. Он стал сиротой в самом начале войны. Так, в 1944 году мальчик оказался на Северном Кавказе, куда после депортации чеченцев и ингушей, чтобы заселить освободившиеся территории, отправили московских беспризорников. В своей полной трагизма повести «Ночевала тучка золотая» (была отмечена Государственной премией СССР) Анатолий Игнатъевич поведал миру о том

времени, о том, что довелось пережить ему, о том, что больно обожгло его душу. Поступки детдомовского ребенка оказываются чище и благороднее поступков тысяч взрослых людей, ослепленных яростью и безжалостно уничтожающих друг друга.

Весной 2017 года в Республике Ингушетия с целью сбора этнографического материала находился писатель Александр Костюнин. Он откровенно признался:

– Работа на «четвёрку/хорошо» не нужна ни ингушскому народу, ни мне, никому. Время такое... Космическое. Самодеятельность, «два прихлопа – три притопа», остались в прошлом. Книга будет называться «Ингушетия (Дневник поездки)». Она должна стать лучшей в мире!..

*Как одна –
Двенадцать душ
Тянем песни грустные,
То ли я уже ингуш,
То ли вы все русские?*

И. Ляпин «Гармоника»

Игорь Иванович Ляпин – талантливый русский поэт, большой друг ингушского народа. Его судьба была тесно связана с судьбой народов Кавказа. Особенно близки были его отношения с ингушским народом. Он стал как бы частью его жизни. Игорь Иванович был с ингушами в дни радости и веселья, делил с ними беды и печали и искренне радовался их успехам в деле возрождения республики. Никогда не забыть нашему народу трагического 1992 года, когда Ингушетия была в хаосе. Когда все имеющиеся средства массовой информации – газеты, телевидение, радио – трубили во все голоса об ингушской агрессии, вводя в заблуждение весь мир и все человечество, и прочее, прочее, прочее... В это трагическое для нашего народа время мало, кто осмеливался стать в защиту правды и справедливости. Игорь Ляпин был одним из этих немногих. Голос Игоря Ляпина звучал звонко, будто колокол. Он написал целую книгу, посвященную геноциду ингушского народа.

Он был Почетным гражданином г. Назрани, лауреатом премии «За гуманизм, человечность и социальную справедливость» имени ингушского просветителя Висан – Гирея Джабагиева, был награжден орденом «За заслуги» перед народом Ингушетии, его стихи звучат на ингушском языке, его именем названа улица в Ингушетии.

Таким образом, мы установили, что связи между Ингушетией и русской литературой не только существуют, они существенные. Ингушетия вошла в судьбу и книги многих русских писателей и поэтов, и память о них хранит благодарный ингушский народ.

Литература

1. Сайт об Ингушетии: <http://yablor.ru/>

- 182 | 2. М.Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. В 10 томах // Воскресенье.М.,2000-2002.
3. Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 томах. М. Художественная литература, 1978-1985.
4. Приставкин А. Ночевала тучка золотая.М..Аст.2015
5. Игорь Ляпин. Гармоника: Стихотворения. М. Интер-Весы, 1995.
6. <http://foma.ru/10-faktov-o-gornom-xrame-txaba-erdyi.html>

Plieva M.I.

RUSSIAN LITERATURE AND INGUSHETIA

Abstract. The article is devoted to the study of relations between the Russian literature of the 19th-21st century and Ingushetia, reflection in the works of Russian classics of the historical and cultural realities of Ingushetia, perpetuating the memory of Russian writers in the country.

Key words: Literature; Ingushetia; Russian language; Russian writers.

ПРИЕМЫ КОМИЧЕСКОГО И ИХ РОЛЬ В ПОВЕСТИ А.Я. ПАНАЕВОЙ «СЕМЕЙСТВО ТАЛЬНИКОВЫХ»

Аннотация. В статье исследуются приёмы комического в повести А.Я. Панаевой «Семейство Тальниковых», посвященной проблеме деспотизма в семье, безнравственного воспитания. Рассматриваются основные средства создания образов отрицательных персонажей и выделяется характер комического и сатирического в них. В статье также подчеркивается влияние автобиографичности на характер диалогов, деталей предметного мира, что способствует большему сатирическому эффекту.

Ключевые слова: комическое, сатирическое, приемы создания образа, автобиографичность, авторские отступления.

В наше время творческая судьба писательницы Авдотьи Яковлевны Панаевой, которая более известна русскому читателю как вдохновительница и гражданская жена писателя Н.А. Некрасова, изучено слабо. Тем не менее, её литературное наследие вызывает интерес не только потому, что произведения Панаевой – это яркий пример ранней женской художественной прозы, но и потому, что в идейно-тематическом и художественном плане они вторят настроениям революционно-демократического направления русской общественной мысли 40-50-х гг. XIX века. Критическое восприятие действительности в духе натуральной школы можно проследить уже в первом произведении А.Я. Панаевой, издававшейся под псевдонимом Н. Станицкий, автобиографической повести «Семейство Тальниковых», заслужившей высокой оценки В.Г. Белинского, но так и не допущенной цензурным комитетом к печати за «революционное потрясение семейных основ» [6, с. 98]. Повесть посвящена проблеме деспотизма в семье, «всего грубого и безнравственного, что может быть в домашнем воспитании» [4, с. 116]. Семейная проблема раскрывается автором с привлечением обилия комических и сатирических средств создания образа. Целью данной работы является выявление приемов комического и их роли в повести.

Все персонажи в произведении оцениваются автором через призму детского взгляда на мир: повесть оформлена в виде записок, в которых уже взрослая женщина вспоминает о годах своего детства и юности. Герои чётко разделены на положительных и отрицательных, при этом характер вторых статичен, в их образах наиболее ярко прослеживается талант автора-сатирика. Сатирический эффект усиливается за счёт того, что в сознании ребенка многие недостатки воспитания воспринимаются как естественные, но тем более безобразными кажутся они читателю. «Сперва я не смела вступиться за брата: о правах родителей я имела такое понятие, что они могут не только наказывать, но и убивать детей, а несправедливости я ещё не понимала» [4, с. 5].

На протяжении всей повести А. Панаева вносит разнообразные комментарии, текст изобилует авторскими отступлениями, в которых в духе сентименталистской этики подчеркивается важность уважительного отношения к детству, оттого дидактизм в повести приобретает иногда явную нарочитость. Так, исследователь С.В. Татаркина отмечает: «Обозначенную в «Семействе Тальниковых» концептуальную парадигму (проблемы воспитания, любви и брака, внутрисемейных отношений), можно назвать константой художественного мира Панаевой» [5, с. 12]. Друг за другом в повести следуют наглядные примеры неправильного воспитания, намеренное нагнетание комического и сатирического в повести делает отрицательных персонажей абсурдными в своих животных страстях, пошлых привычках и грубых манерах. Каждому из героев в повести дается прямая авторская характеристика. Таково описание матери главной героини: «Она не любила пропускать ничего, перебирая недостатки своих дочерей с таким наслаждением и восторгом, как иная нежно любящая мать говорит о достоинствах детей своих, не пропуская ни одного самого незначительного и даже в избытке горячности изобретая небывалые» [4, с. 17]. Схоже описание отца: «Отец молча ходил по комнате, как будто приискивая новую пищу своему бешенству» [4, с. 5]. Мотив животного гнева, кровожадной, хищнической жестокости воспитателей очень част в повести. Одним из главных средств создания образа в повести является сатирический портрет. Устрашающим и одновременно нелепым и комичным становится описание гувернантки: «Её плечи, довольно толстые и широкие, <...> совершенно багровели и уподоблялись кускам сырой говядины» [4, с. 16].

А.Я. Панаева передает богатство предметного мира (обустройства комнаты, женского туалета и т.д.), посредством чего выявляется полная погруженность героев в быт и совершенное отсутствие у них духовных ценностей. Одна из характерных особенностей повести – автобиографичность. Возможно, именно поэтому комического эффекта автор достигает посредством умелой передачи деталей, а также диалогов, воспроизводимых Панаевой с большой точностью и иронической усмешкой:

– Я их всех раздам! – горячо воскликнула маменька.

Отец отвечал выразительным «гм». [4, с. 44].

Таким образом, привлечение большого количества материала из собственной жизни позволяет А. Я. Панаевой умело обращаться с деталями портрета и быта, а также диалогом. Создавая комический эффект через намеренное нагнетание определённых мотивов, автор-сатирик осмеивает жестокую и пошлую действительность, в которой вынуждены воспитываться дети. Детский взгляд на мир усиливает контраст между должным и действительным, создает комический эффект в повести.

Литература

1. Николаев П.А. (гл. ред.) Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Том 4. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999. – 720 с.
2. Николокин А.Н. (гл. ред.) Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
3. Панаева А.Я. Воспоминания. – М.: Правда, 1986. – 529 с.
4. Станицкий Н. (Панаева А.Я.) Семейство Тальниковых // Иллюстрированный альманах, изданный И. Панаевым и Н. Некрасовым. – СПб: Типография Э. Праца, 1848. – С. 1-116.
5. Татаркина С.В. Творчество А.Я. Панаевой в литературном контексте эпохи: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Томск, 2006. – 217 с.
6. Чуковский К.И. «Панаева и Некрасов» // А.Я. Панаева «Семейство Тальниковых». – Москва – Ленинград: Academia, 1928. – С. 97-101.

Repina A.S.

METHODS OF COMIC AND THEIR ROLE IN THE STORY OF A.J. PANAEVA «TALNIKOV FAMILY»

Abstract. The author of the article investigates methods of the comical in the story of A. J. Panaeva «Talnikov family» devoted to the problem of despotism in the family and immoral upbringing. There is an investigation of the main methods of imagery creation of negative characters and the character of comical and satirical technique in them. The article also emphasizes the influence of autobiography on the form of dialogues and details, which contributes to a greater satirical effect.

Key words: Methods of comical and satirical; methods of imagery creation; autobiography; author's digression.

Ротова Елена Андреевна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
duck.superquack@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА КРАТКОГО РАССКАЗА В СОВРЕМЕННОЙ СЕТИРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «JUST STORY»)

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые особенности современного «сетевого» рассказа на примере портала и сообщества в социальной сети «ВКонтакте» «Just Story».

Ключевые слова: сетевой рассказ; Интернет-литература; жанровое своеобразие.

В настоящее время литература претерпевает глобальные изменения. Её жанровые и стилистические рамки размыты, и ещё невозможно говорить о новой русской литературе – литературе XXI века. Изменения коснулись не только жанровой палитры, но и места создания и публикации, способов чтения и восприятия литературы. Проза и поэзия, перейдя в Интернет, обрела своего нового читателя, современного, активного, воспринимающего её «на бегу».

В своей статье писатель Сергей Корнев определяет следующие факторы влияния глобальной сети на литературу: «конец монополии печатного станка» и исчезновение значимости времени и пространства, выделяя Интернет для литературы как новую «среду обитания» [3]. И это утверждение верно, поскольку писателю в настоящее время не достаточно издать книгу: о ней необходимо рассказать в Интернете, разместить её для скачивания, и только тогда, возможно, эту книгу будут читать.

Ещё одним фактором, позволяющим говорить о сети Интернет, как о современной глобальной литературной площадке, служит утверждение о том, что информация, размещаемая там, является общедоступной и практически не цензурированной.

Доступность новых информационных возможностей привела к тому, что любой пользователь сети Интернет может опубликовать то, что считает уместным. С этим трудно не считаться, поскольку сама идея признана маститыми современными писателями, а многие книги писателей доселе неизвестных, стали популярны именно благодаря сети Интернет. Так, Татьяна Толстая и Евгений Гришковец ведут собственные блоги в «Живом журнале», где публикуют зарисовки о своей повседневности, которые нередко потом становятся идеями для книг или циклов рассказов. Более того, часто они перекочёвывают в книги, практически без измене-

ний. Известная писательница Наринэ Абгарян стала популярна после размещения в блоге рассказов о Манюне, героине своей будущей книги.

Современная сетиратура жанрово насыщена, поэтому каждый читатель может найти что-то соответствующее его вкусам. Некоторые современные сетевые авторы не готовы писать часто и помногу. Они хотят поделиться несколькими историями из своей жизни или из жизни знакомых и не претендуют на известность.

Именно благодаря таким людям зародился так называемый феномен «Подслушано». Сама традиция рассказывать различные бытовые истории имела место в Интернете давно, но именно этот проект объединил вокруг себя людей, желающих делиться такими историями постоянно.

Благодаря тому, что Интернет является открытой площадкой, у любого человека есть возможность выговориться, поделиться наболевшим и попросить совета, вступив в диалог с читателями посредством короткого рассказа-зарисовки.

Если «Подслушано» построено на простых и, зачастую, коротких историях, то сообщество «Just Story» чаще публикует не просто бытовые зарисовки, но небольшие рассказы.

Строение подобного рассказа не обладает общепринятой формой. В завязке автор, как правило, сообщает о себе и своём статусе в обществе на момент описываемых событий. Сюжет выстраивается вокруг события или группы событий, которые каким-либо образом связаны с автором или его знакомыми. Событие, являющееся кульминацией, несёт в себе главную мысль, которую автор адресует аудитории. В заключении повествования звучит риторический вопрос или авторский вывод, иллюстрирующий его отношение к ситуации.

О мультижанровости этих рассказов можно судить в связи с тем, что их авторы используют приемы, характерные для разных литературных стилей. Особенно яркими и популярными в читательской среде являются рассказы двух типов: анекдотического и назидательного.

В первом случае история рассказывается беспристрастно, от первого или третьего лица. Целью повествования служит развлечение читателя: авторы описывают порой неприглядные стороны жизни и хотят показать их в позитивном ключе.

«Выходим с мужем с избирательного участка, у забора стоит женщина лет 50, прилично одетая, ничто не предвещало, короче. Только поравнялись с ней, она сразу с жаром спрашивает, за кого мы голосовали. За Путина? Нет? Ну и правильно, он же еврей!

Пока я перевариваю информацию, муж такой:

- Ой-вей, где же вы раньше были? Сарочка, ты слышала? Как же мы не знали, проголосовали бы за своего, а не за гоя какого-то!

И начинает напевать «Хаву Нагилу». Женщина затравленно оглядывается и, не поворачиваясь к нам спиной, ретируется за угол дома.

Приятно знать, что мой муж долбанутее любой городской сумасшедшей.» [4].

Так, в приведённом выше рассказе основой становятся межнациональные отношения, которые характерны для жанра традиционного русского анекдота. Разговорный стиль изложения также связывает этот жанр с анекдотическим. Жаргонное слово «долбанутее» выступает в данном случае в качестве сравнения, так как сама героиня утверждает, что её муж способен заткнуть за пояс любую сумасшедшую благодаря своему характеру и манере общения. Лакуна «ничто не предвещало, короче» тоже применима в разговорной речи и иллюстрирует состояние автора, позволяя ему таким образом сократить дистанцию до читателя, быть с ним на равных.

Поучительные рассказы могут быть разнообразны по объёму. Их лексика также является разговорной, при этом через простые бытовые подробности в этих рассказах описываются случаи, каким-либо образом повлиявшие на автора как на личность.

«В классе втором был у нас какой-то левый урок типа «этика» или «классный час». Вела его классуха, которую мы все тогда очень любили. Первая учительница и все такое. Так вот на этом уроке она задвигала всякие интересные (как нам тогда казалось) темы. В частности, предложила нам однажды вести дневники. Только по следующим условиям: для каждого ученика заводился блокнотик, в котором раз в неделю нужно было написать по одной-две сокровенной истории из жизни, затем эти блокнотики сдавались на хранение классухе до следующей недели. Таким образом дневникам якобы обеспечивалась сохранность и неразглашение. Интересное началось после родительского собрания, когда мама поинтересовалась у меня по поводу одного случая, о котором она узнать не могла бы ниоткуда кроме этого блокнотика (так как данная история была лично мною полностью от и до выдумана и записана в тот самый блокнотик). Так я пришел к выводу, что училка нас подло обманула, воспользовавшись нашим к ней безграничным доверием. Пожалуй, первое в жизни разочарование в человеке, которому доверял.»[4].

В данном рассказе, как и во многих других, речь идёт о детстве и о психологическом становлении автора. Образ учительницы является одним из ключевых, и в течении рассказа подвергается трансформации. Фабула рассказа имеет небольшое сходство с романом воспитания, а также с жанром школьного рассказа, но, в отличие от последнего, ситуация воспроизводится автором острее, с большим количеством подробностей и по прошествии лет.

Помимо рассмотренных ранее особенностей, стоит выделить анонимность, свойственную почти всем сетевым рассказам. Это можно объяснить двумя причинами: автор, скрывая свою личность рассказывает об историях, которые, возможно, демонстрируют его в не лучшем свете; автор не желает быть узнаваемым. Некоторые авторы всё же публикуют свои имена, но это обеспечивает их популярность лишь в рамках конкретного сообщества. Кроме

того, вместо имен или псевдонимов авторы часто пользуются отсылкой к профессии, роду деятельности (пенсионер, школьник, студент) или упоминают свои прошлые рассказы, при этом развивая их тематику. Именно поэтому читатели часто ждут рассказов не конкретного автора, а конкретной тематики или же произведений, написанных от лица понравившегося персонажа.

У коротких рассказов, размещаемых в сообществе «Just Story», отсутствуют заголовки. На наш взгляд это вызвано двумя причинами. Многие авторы позиционируют свои тексты как способ общения с аудиторией. Жанр краткого сетевого рассказа вышел из блогов и почтовых форумов (fido), поэтому такой подход не удивителен. Оставляя рассказ без заголовка впускает читателя в свой мир. Также существует мысль о том, что далеко не каждый сетевой автор профессионал и обладает должным количеством времени для верного оформления и публикации своего рассказа.

Подводя итог можно сказать, что жанры сетевой литературы однообразны и изменяются под влиянием времени. Малый литературный жанр сетевого рассказа отличается следующими характерными особенностями: анонимность, непредвзятость, композиционная целостность, назидательность, полижанровая структура, языковая гибкость.

Безусловно, жанр сетевого рассказа ещё достаточно формализован и данная тема требует дополнительного исследования.

Литература

1. Горчев Д. Сетература / Д. Горчев // Терабайт. 2000. - № 2. - С. 26 - 28.
2. Житинский А. Самиздат XXI века / А. Житинский // Русский журнал -08.07.1999. (<http://www.russ.ru/netcult/99-07-08/zhitinsk.htm>)
3. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 29-47.
4. Just story [Электронный ресурс]. - URL: <https://just-story.ru/> (дата обращения: 20.03.2018).

Rotova E.A.

THE SHORT STORY'S STYLE SPECIFICITY IN THE MODERN INTERNET-LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF THE «JUST STORY» PROJECT)

Abstract. This article discusses the key features of the modern «network» story on the example of the portal and community in the social network «Vkontakte» «Just Story».

Key words: Network story; Internet-literature; style originality.

ОБРАЗ ИФИГЕНИИ В АНТИЧНОЙ, ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XX ВЕКОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа Ифигении в литературе античности, западноевропейской, а также русской литературе XVII–XX веков. Интерпретация судьбы девушки меняется в зависимости от эпохи и авторских умозаключений, именно этим объясняется динамика развития образа, его схожесть и противоречивость при сравнении различных произведений.

Ключевые слова: образ Ифигении, гуманизм, жертва, метод, эпоха.

Образ Ифигении имеет всечеловеческое значение как жертвы во имя грядущего успеха и находит многочисленные воплощения в литературе различных стран и эпох. Каждый новый период вкладывает в трактовку мифологического образа свой конкретно-исторический смысл, который обусловлен его потенциальной многозначностью.

Настоящая статья посвящена исследованию художественной интерпретации античного образа Ифигении в русской и зарубежной литературе XVII–XX вв.

В «Орестее», написанной в V в. до н.э. древнегреческим драматургом Эсхилом, в сцене жертвоприношения прослеживается следующая характеристика Ифигении: «красы нежный цвет», «милые уста» [11, с. 169]. «Свирепых слуг Арея» [11, с. 169] не тронули девичьи мольбы и слезы. Описываемая невинность дочери Агамемнона контрастирует на фоне с жестокостью воинов. Несмотря на то, что автор не акцентирует внимание на конкретном образе Ифигении, без мотива жертвоприношения обойтись не может, так как именно смерть Ифигении становится одним из поводов к убийству Агамемнона Клитемнестрой.

Еврипид, еще один древнегреческий драматург, также обращается к образу Ифигении и создает две трагедии. В «Ифигении в Авлиде», написанной в 407 г. до н.э., автор акцентирует внимание на непорочности мыслей главной героини. Его Ифигения сильна духом: она приносит себя в жертву, потому что смерть за Родину – дело чести и благополучия всего государства.

«Это тело – дар отчизне» [6, с. 988], – произносит она, подводя итог читательским рассуждениям: девушка выстояла в этой неравной борьбе со всем греческим народом, желающим ее смерти, доказав силу своего патристического начала.

Написанная тем же автором, но немногим раньше, в 414 г. до н.э., «Ифигения в Тавриде» показывает эволюцию образа девушки. Спасенная Артемидой, она выполняет тягостную работу по приготовлению чужеземцев к казни.

Под страхом смерти Ифигения обманывает царя Фоанта, пытаясь сбежать домой вместе с Орестом и Пиладом. Она не убивает брата, как того требует долг служительницы, тем самым доказывая не только свою любовь к нему, но и нежелание переступить через кровь соотечественника, предав Грецию. Таким образом, чувство личное в данном случае сопряжено с долгом перед Родиной.

О происхождении Ифигении сложились многие мифы и легенды. Согласно версии древнегреческого поэта Стесихора, Ифигения – приемная дочь Клитемнестры и Агамемнона, но рождена она была Еленой от Тесея. Взяв за основу эту идею, французский драматург Жан Расин в 1674 г. написал трагедию «Ифигения», которая считается первой самостоятельной интерпретацией мифа о жертвоприношении в Авлиде.

«Можно ли даже помыслить, чтобы я осквернил сцену чудовищным убийством столь добродетельной и прелестной юной особы, какой следовало изобразить Ифигению» [7, с. 185], – так писал сам автор.

Трагедия знакомит нас с двумя девушками царского рода, одна из которых была рождена в тайном браке и не признана матерью Еленой. Она и является «второй» Ифигенией, носящей чужое имя троянки Эрифилы.

...Прибыла как пленница Ахилла

В их свите юная рабыня Эрифила... [7, с. 198]

Дочь Агамемнона влюблена в Ахилла и с готовностью едет на свадьбу, еще не догадываясь, что за этим известием скрывается обман отца. Однако узнав о намерениях греков, она не теряет самообладания: успокаивает близких, убеждает Ахилла в том, что смерть не страшит ее так, как слухи о его измене.

...Зачем мне жить без вас? В том, право, смысла нет... [7, с. 221]

Жан Расин жил в эпоху формирования классицизма как литературного направления в истории французской литературы, что, несомненно, отразилось и в художественной интерпретации образа Ифигении.

Писатель не только обращается к образам античности, четко разделяя их на положительных и отрицательных, но и придает трагедии ярко выраженный психологический характер. Под влиянием янсенизма (религиозного философского течения, стержнем которого была идея предопределения, «благодати» и, как следствие, спасения души) Расин подвергает Ифигению ряду душевных испытаний. Мастер психологического портрета, он через страдания героини ведет ее к смирению. Недаром в трагедии фигурирует и любовная линия: Ифигения прямо говорит, что без Ахилла ее жизнь невозможна. Принося себя в жертву, девушка осознает, что таким образом она может обеспечить счастье всему государству и в том числе любимому человеку.

В эпиграфе к юбилейному изданию «Ифигении», подаренному актеру Крюгеру, немецкий поэт Иоганн Вольфганг фон Гете писал так: «человечность настоящая дана, / Чтоб все пороки искупать людские» [5, с. 57]. Именно

192 | понятия о человечности и нравственности были положены в основу его трагедии «Ифигения в Тавриде», написанной в 1779 году.

Веря в то, что насилие не должно порождать еще большее насилие, в то, что положить конец кровавым расправам более чем возможно, Ифигения – будучи жрицей в Тавриде – хочет вернуться на родину и избавить род Танталов от проклятия. Помимо этого, она пытается добиться от царя Фоанта отмены закона о жертвоприношении чужеземцев. Девушка чиста, невинна и безгрешна. Для нее даже обман (в отличие от Ифигении Еврипида и Ж. Расина) является продолжением проклятого пути Танталидов. Встретив брата и всем сердцем желая его спасения, героиня не прибегает к крайним мерам: она раскрывает обман Ореста и Пилада царю Фоанту, понимая, что своей честностью может добиться взаимного благородства.

...Бесхитростному слову

Из благородных уст подвигнуть дай

Себя на подвиг! Государь! Не часто

Дается людям повод для таких

Высоких дел! Спеши творить добро!.. [4, с. 73]

Искренняя наивность такой Ифигении гиперболизирована, но, по выражению советского литературоведа А. Аникста, «достижима в великом искусстве» [1, с. 277].

В данном случае в творчестве Гете прослеживается значительное влияние идей веймарского классицизма, основа которого – поиски совершенной гуманности в первую очередь в образах античности. В центре повествования всегда высоконравственный идеал целостного, всесторонне развитого, мужественного и свободного человека – путь к свободе осуществляется через красоту и раскрепощенность души.

Роман венесуэльской писательницы Тересы де ла Парры «Ифигения» [13], датированный 1924 г., рассказывает о молодой девушке с созвучным именем – Мария Эухения. В основу произведения положен мотив «жертвоприношения»: девушка решается на брак с нелюбимым богатым молодым человеком, следуя господствующим патриархальным традициям, и тем самым лишает себя личного счастья. Героиня оказывается в пропасти между стихией чувств и нормами социального поведения.

В отличие от предыдущих произведений, роман «Ифигения» содержит лишь отголоски прежнего образа Ифигении. Формируется переход от античного возвышенного героического жертвоприношения Ифигении ради спасения отечества к обыденной действительности, к области личных отношений между мужчиной и женщиной. Художественный метод реализм требует изображения современных социальных реалий, носит обличительный характер, указывая – в данном случае – на неспособность личности противостоять сложившимся правилам в условиях гендерной дискриминации в Америке XX в.

Интерпретация мифа представлена в творчестве русского символиста Соловьева Сергея Михайловича. Появляется не только прозаический мате-

риал, но и лирические стихотворения – «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде», написанные в 1905 и 1909 гг. соответственно.

Рассказ ведется от лица девушки. В первом случае Ифигения со смирением и сожалением принимает свою судьбу, напоминая героинь античности.

...Нет, не мне весною ранней
Бегать в поле, рвать цветы.
Ах! и злая жизнь — желанней
Застигийской темноты.<...>
Я — покорна. Руки вздеты
К выси, ясно голубой.
Слышу волн холодной Леты
Закипающий прибой [8, с. 105].

Автор воспевае идеал вечной женственности, который неразрывно связан с темой жертвенности. Внутренний мир Ифигении раскрывается с помощью описаний окружающего пространства, сопоставления состояния природы и души девушки: так, река Лета, связанная с сакральным пространством, ассоциируется с тягой к забвению, попытками освободиться от гнетущих воспоминаний о Родине, недостижимом идеале.

В Тавриде же, находясь на чужбине, Ифигения страдает в этом одиночестве, часто вспоминая родной дом, брата, отца и возлюбленного. Она волею судьбы оказалась спасена богиней, но, тем не менее, предпочла бы смерть вместо молчаливых терзаний и «бессмертной тоски».

...О Атрид, о мой родимый!
Неустанна и горька
Дочери твоей любимой
Одинокая тоска... [8, с. 414]

Характерна для данного произведения концепция страдательности женского начала в символизме, а также мотив ностальгии по совершенному миру. Ифигения стремится к недостижимому идеалу Родины, ради которого принесла себя в жертву, но, тем не менее, осталась несчастливой.

Марина Цветаева в своих дневниковых записях [9] ограничилась такой характеристикой Ифигении: «смерть за Грецию» [9, с. 226]. Поэтесса видела в девушке некоторую жертву, которая необходима для победы целого государства.

Герхард Гауптман, немецкий драматург, в своем творчестве пошел значительно дальше, связывая мифические события с современной политической ситуацией Германии. Главная героиня «Ифигении в Авлиде» 1943 г. написания предстает перед читателем любящей и даже счастливой молодой девушкой, однако на нее все яростнее обрушивается осознание несправедливости окружающего мира. Ее самопожертвование выглядит уже не таким всепрощающим и естественным: Ифигения в состоянии бреда, с затуманенным рассудком насильно примеряет на себя роль заступницы, готовая безвольно лечь на жертвенный камень. Отказ от себя, разрушение собственной воли приводят ее к этому решению.

В связи с тем, что «Ифигения в Дельфах» 1941 г. была написана Г. Гауптманом на 2 года раньше, чем предыдущее произведение, читатель осознает, что безвольное самоубийство Ифигении в работе 1943 г. было только первым шагом на пути к ее жесточению. Здесь разворачивается иная, еще не знакомая ранее, история о девушке, ставшей на путь саморазрушения, отказавшейся не только от идеи «исцеления» рода Танталов, но и от собственной моральной установки.

Эта Ифигения мстит грекам за свою участь и кроваво расправляется с чужеземцами. Она охвачена ненавистью при виде Ореста, она боится дня и солнечного света, в конце концов, она – уставшая от жизни жрица, для которой все уже потеряно. Ифигения не верит ни в искупление, ни в забвение, а выходом для нее становится одно – самоубийство незадолго до восхода солнца.

Ифигения Г. Гауптмана – воплощение жестокости, созданной под давлением тяжелых жизненных обстоятельств. Неспособность принять собственную жертву привела к тому, что девушка разрушает не только себя, но и окружающий ее мир. Она одолевается ложными ценностями, которые навязывала разрушительная фашистская система, направленная на уничтожение человека, его счастья, благополучия, а также подавление личности.

Грешной предстает перед публикой и героиня немецкого писателя Фолькера Брауна в «Ифигении на свободе», написанной в 1992 г. Она совершает жертвоприношения, однако мечтает о возвращении в Элладу («...мой старый текст, которым я давилась, которым я блевала, который я кричала ночами наперекор прибою на голом берегу, душой ища Элладу...» [12, с. 122]), а также любит царя Фоанта. Как ни странно, теперь мысли девушки обращены в иное русло: «А хочу ли я быть так освобожденной моим братом. Украшенная, наряженная Ифигения. Ифигения в супермаркете. Манекен — Ифигения» [12, с. 122], - вопрошает она, пытаясь найти действительно верный ответ на этот волнующий ее вопрос.

В образе девушки прослеживается нарушение иерархии нравственных ценностей: разрушена цельность ее взглядов на мир, героиня постоянно рефлексировала, при этом пытаясь найти счастье в настоящем, и именно этим объясняется разобщенность и противоречивость ее мыслей.

Излишний физиологизм характерен для постмодернизма, а принцип травестики помогает писателю изобразить ту, которая не хочет утратить ни душу, ни личное счастье.

Трансформацию образа на протяжении веков можно связать с тем, что для авторов античности важным показателем была воля Богов и то, как они влияли на действия людей. Если для Еврипида был особо показателем момент спасения Ифигении богиней, то Ж. Расин не смог отдать предпочтение неправдоподобности такого финала, а также изображению людской несправедливости.

Писатели и поэты ориентировались не только на свои чувства, но и на окружающую их обстановку: политическую (как в случае с немецкими ав-

торами XX века, когда все мысли были направлены на осмысление войны) или этическую (Тереса де ла Парра воплотила в образе Марии Эухеннии смелого борца за женские права в Америке XX века).

В заключение следует отметить, что художественная интерпретация, как бы случайна или далека от первоисточника образа ни была, необходима как свидетельство непреходящей эстетической ценности античного образа. Рассмотрение эволюции образа Ифигении на широком историко-литературном фоне позволяет, с одной стороны, выявить общие инвариантные признаки, запечатленные в образе, а с другой стороны, — определить индивидуальные черты, отражающие авторское мировосприятие. Именно жизнь образа в веках, его способность образовывать все новые и новые связи с миром конкретных явлений, включаться в самые разные философские системы и есть обнаруженные художественного потенциала образа и его общечеловеческой значимости.

Литература

1. Аникст А.А. Творческий путь Гете. – М., 1986.
2. Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: филология. // Шарыпина Т.А. «Ифигения в Тавриде» Гете на рубеже XXI века. – Н.Новгород, 2015.
3. Гауптман Г. Полное собрание сочинений. – СПб., 1908.
4. Гете И.В. Ифигения в Тавриде. // Перевод с нем. под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М., 1977.
5. Гете И.В. Ифигения в Тавриде. Послесловие. // Перевод Н. Бочарова. – М., 2008.
6. Еврипид. Полное собрание трагедий в одном томе. // Перевод И. Анненского. – М., 1999.
7. Расин Ж.Б. Трагедии. //Перевод И. Я. Шафаренко и В. Е. Шора. – Новосибир., 1977.
8. Соловьев С.М. Собрание стихотворений. – М., 2007.
9. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. – М., 1997. – Т.1.
10. Шарыпина Т.А. Драматургия позднего Г. Гауптмана и новый взгляд на немецкую литературу XX века. – Н.Новгород, 2010.
11. Эсхил. Трагедии. // Перевод В. Иванова. – М., 1989.
12. Braun V. Iphigenie in Freiheit . – Verl., 1992.
13. Teresa de la Parra. Iphigenia. – USA, 1993.

Sapharova C.V.

THE IMAGE OF IPHIGENIA IN ANCIENT, WESTERN EUROPEAN AND RUSSIAN LITERATURE OF THE XVII–XX CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the study of the Iphigenia's image in the ancient literature, Western European and Russian literature of the XVII–XX centuries. The interpretation of the girl's destiny changes depending on the era and author's conclusions. It explains the dynamic of the character's development, its similarity and controversial nature while comparing different literary works.

Key words: Image of Iphigenia, humanism, sacrifice, method, era.

Севастьянова Анна Дмитриевна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
i.love.my.family@bk.ru

МАСОНСКАЯ СИМВОЛИКА В УТОПИИ В.А. ЛЕВШИНА «НОВЕЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, СОЧИНЕННОЕ В ГОРОДЕ БЕЛЕВЕ»

Аннотация. В статье рассматривается влияние идей и символов масонства на утопию В.А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве».

Ключевые слова: русская литература 18 века; масонские символы; утопия.

Философия масонов, с их утопической идеей объединения человечества в братском союзе, получила широкое распространение в российском обществе 18 века. В масонские ложи входили Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, М.М. Херасков, М.Д. Чулков и др. К ложе масонов-розенкрейцеров принадлежал В.А. Левшин, автор «Русских сказок», драмы «Торжество любви» и других произведений. Идеи и символы масонства нашли отражение в менее известной утопии «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». В повести описывается путешествие главного героя Нарсима на Луну и его знакомство с идеальным обществом лунатистов.

Как и Солнце, Луна в масонском учении символизирует свет, истину. По мнению исследователя А.А. Шунейко, свет и тьма являются основными понятиями для картины мира масонов [4, с. 21]. Свет – это божественное откровение, источник знания и мудрости, которым человек обладал в раю, до грехопадения, а тьма символизирует власть над человеком и миром материального начала. Человек должен стремиться из тьмы к свету, чтобы возвратиться к утраченной гармонии. Символом источника света, Великого Архитектора, является блистающая звезда.

Цель путешествия Нарсима просветительская. Он мечтает доказать людям, что они не одиноки во Вселенной, и таким образом избавить их от гордыни («Не безумно ли чаять, чтоб всесовершенный разум наполнял небо точками, служащими только к забаве очей наших?») [3, с. 72]).

Интересен способ путешествия Нарсима на Луну – орлиные крылья. Орел, согласно «Словарю символов и терминов масонов», является символом духовных устремлений [5, с. 211]. «Странствие» является одним из элементов обряда посвящения, представляет собой ритуальное шествие

вокруг помещения ложи и символизирует путешествие по материальному и духовному мирам [5, с. 313]

Первое, что поражает воображение Нарсима на Луне, это дома, построенные из драгоценных камней и золота. Камень является одним из главных масонских символов. Во многом это связано с тем, что на ритуалы вольных каменщиков оказали влияние традиции средневековых ремесленных цехов, а также рыцарских и мистических орденов. Несовершенный человек ассоциируется с грубым камнем. Обработанный камень символизирует человека, ставшего совершенным в результате масонских работ. Золото, как металл, не поддающийся порче, также соотносится с очистившимся от грехов человеком.

Лунное общество, с которым знакомится Нарсим, патриархальное, все жители селения подчиняются отцу семейства. Возможно, наименования «отец», «сыновья», «братья» отсылают к устройству масонской ложи. «Отцом» именовался духовный руководитель и наставник масона, а весь состав ложи назывался «братия». Лунатисты ведут жизнь «естественных людей», занимаясь сельским трудом, отвергают науки и даже не имеют письменности. Космические путешествия Нарсима вызывает у них неодобрение. По словам старца Фролагия, «такая мелкая тварь, каков человек и с таким ограниченным смыслом, никогда не может постигнуть или проникнуть твердейшую завесу премудрых намерений творца...» [3, с. 82]. Отрицательное отношение к наукам и искусствам, возникшее под влиянием философии Ж.-Ж. Руссо, было характерно для масонских произведений конца 18 века. Розенкрейцеры считали разум лишь орудием на пути к откровению. Сходная мысль содержится в речах известного масона О.А. Поздеева: «Разве разум не дар Божий? Да, он дар; но грехом развращен и от света удален» [1, с. 126].

В масонской традиции большое значение имел образ «золотого века», пришедший из Античности. В представлении масонов это легендарное время, когда люди жили в гармонии друг с другом, Богом и природой, то есть жизнь до утраты Света. Вероятно, описание лунного общества связано с этим образом.

Дом семьи лунатистов, названный в повести «дворцом» и «храминой», напоминает устройство масонской ложи. Как закрытое, тайное пространство, «храмина» не имеет окон. В масонских произведениях ложа могла символизировать человека, Вселенную, а также Храм Соломона - «дом нерукотворный», который вольный каменщик возводит в своем сердце [2, с. 77].

Кульминацией путешествия Нарсима является пир в доме Фролагия, напоминающий описание Столовой ложи - торжественного обеда, который проводился после обряда посвящения и в некоторых других случаях. Иногда на такие обеды приглашались жены и дети масонов («Двери боковых храмин мгновенно растворились; тысячи красавиц выходят из оных. <...> Каждая из них приносит и поставляет на стол два блюда, провождаемая детьми своими...» [3, 83]). Пир лунатистов так же подчинен строгому ритуалу («Старец сел в кресла; он должен был занять место противу его; весь народ возлег по

198 | скамьям в несколько рядов вокруг их, и посреди глубокого всех безмолвствия начальствующий начал так...» [3, с. 81]). Как и собрание ложи, обед на Луне начинается и завершается молитвой, которую произносит отец семейства. Безмолвие, царящее во время трапезы, являлось важной категорией для масонов 18 века и ассоциировалось с умиротворением, сосредоточенностью. В данном случае новопосвященным, вероятно, является Нарсима, сидящий напротив Фролагия, который рассказывает неопиту об устройстве общества лунатистов, о естественном законе, которому они следуют.

Противопоставление идеального лунного и порочного земного общества достигает апогея в рассказе лунатиста Квалбоко о путешествии на Землю. Возвращение Квалбоко с Земли в дом прадеда напоминает притчу о блудном сыне («Совершенное раскаяние привело меня к стопам твоим; я вырвался из ада, где успех дерзостного моего предприятия наказан по достоинству» [3, с. 86]). Квалбоко подчеркивает, что, в отличие от жителей Луны, говорящих на одном языке, земляне разобщены, каждый народ пользуется своим языком - возникает мотив вавилонского смещения языков. Лунатист «шествовал по большей части местами пустыни, в жарчайшем воздухе» [3, с. 88]. В масонской символике пустыня – пространство, характеризующееся отсутствием позитивных качеств.

Полет Нарсима на Луну можно рассматривать как духовное путешествие и обряд инициации. В ходе путешествия меняется отношение Нарсима к себе и к миропорядку на Земле. Если раньше «просвещенный» герой верил в силу разума и именно с его помощью хотел доказать людям величие Творца, путешествие убедило его в бесплезности такой попытки, избавило от самонадеянности и гордыни – одного из семи пороков, с которыми должен бороться вольный каменщик.

Литература

1. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствовании Екатерины II. – М.: Ломоносовъ. – 2014. – 267 с.
2. Карвелис М.А. Масонская символика в русской культуре XVIII - начала XIX вв. : дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01. – СПб. – 2010. – 267 с.
3. Левшин В.И. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Взгляд сквозь столетия : Рус. фантастика 18 и первой половины 19 в. – М. : Мол. Гвардия. – 1977. – 336 с.
4. Шунейко А.А. Репрезентация масонской символики в языке русской художественной литературы XVIII - начала XXI веков : дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01. – Владивосток. – 2007. – 530 с.
5. Шунейко А.А. Символы и термины масонов : словарь. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ. – 2006. – 396 с.

Sevastyanova A.D.

MASONIC SYMBOLS IN V.A. LEVSHIN'S UTOPIA «THE LATEST JOURNEY WRITTEN IN THE TOWN OF BELEV»

Abstract. This article examines the influence of ideas and symbols of masonry on V.A.Levshin's utopia «The Latest Journey Written in the Town of Belev».

Key words: Russian literature of the 18th century; masonic symbols; utopia.

студент подготовительного факультета
Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
arkhinu@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЬЕСЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «К ЗВЕЗДАМ»

Аннотация. Статья посвящена вопросу о художественном пространстве пьесы Леонида Андреева «К звездам», специфику которого определяет особая организация сценического и внесценического (идейно значимого) пространства.

Ключевые слова: русская драматургия; художественное пространство; сценическое пространство; внесценическое пространство; идейно значимое пространство.

Среди драматургических приемов, традиционно используемых при создании пьесы, прием введения художественного пространства является важнейшим. Так как драма создается, прежде всего, для представления на сцене, драматург неизбежно очерчивает художественное пространство в пределах физически определенного сценического. Но пространство в художественном произведении заполнено не только игрой актеров, в нем также моделируются различные связи в картине мира героев: временные, социальные, этические и т.п.[3, с. 622]. Таким образом, художественное пространство в пьесах сопряжено с внутренним миром автора сценического произведения, его мироощущением, что прогнозирует его двучастность: выделения сценического и внесценического (идейно значимого) пространства. Сценическое пространство – это место, которое действительно занимают персонажи. Внесценическое пространство – это место, существующее лишь в репликах персонажей и поэтому недоступное зрителям для наблюдения. Обычно события пьесы происходят в сценическом пространстве, которое зрители могут непосредственно видеть и осмысливать. Лишь иногда события пьесы разворачиваются во внесценическом пространстве. Такое явление можно увидеть в пьесах Чехова. Так, в пьесе «Чайка» – это самоубийство Треплева, «Дядя Ваня» – попытка самоубийства Вани, «Три сестеры» – дуэль между Тузенбахом и Соленым. В «Вишневом саду» сцена аукциона также представлена во внесценическом пространстве, а зрители наблюдают за сценой бал, разворачивающийся в это же время перед их глазами. Таким образом,

200 | Чехов оставляет решающий эпизод за сценой. Подобный драматургический прием способствует актуализации драматичности, идейной важности событий внесценического пространства.

В первой пьесе Леонида Андреева «К звездам» также можно наблюдать две событийные линии: одна из них разворачивается в сценическом пространстве, другая же остается во внесценическом. Однако, если А.П. Чехов, как правило, оставляет наиболее драматический момент своих пьес вне сцены, то многие события пьесы «К звездам» Андреева разворачиваются в пространстве сцены.

Чехов обычно оставляет наиболее драматический момент своих пьес вне сцены, тем самым разрушая временную событийную синхронность, в то время как многие события пьесы «К звездам» Андреева разворачиваются во внесценическом пространстве синхронно событиям сценического пространства.

Четко проводя дихотомию пространств, автор описывает «здесь», то есть сценическое пространство, как очень простое и тихое место: «Обсерватория в горах... Сцена представляет две комнаты... Убранство простое, строгое, отсутствие мягкой мебели и занавесок. Несколько гравюр... Задняя комната..., в общем, похожа на первую комнату»[2, с. 320]. При этом «там» подчеркивает связь между массовым общественно-политическим движением, разворачивающемся во внесценическом пространстве, не наблюдаемом из зрительного зала, и персонажами, постоянно им интересующимися.

Николай, участвуя в революционном движении, которое у других героев аллегорически ассоциируется с дорогой «к звездам», продолжает влиять на слова, мысли и поведение практически каждого персонажа. Поэтому он, без сомнения, во многом определяет развитие драматических событий. Однако зрители не могут видеть ни революционных сцен, ни конкретных персонажей, в них участвовавших: эти события передаются залу только через диалог персонажей. Однако это не означает, что драматичность пьесы уменьшается или что напряжение исчезает.

Действие пьесы «К звездам» разворачивается в некотором отстранении от реального мира, как бы над ним, высоко в горах, где расположена обсерватория Терновского. Однако географическая отдаленность не изолирует обсерваторию от внешнего мира. И здесь перед персонажами ставятся насущные проблемы, а в их спорах и беседах отражается судьба поверженной революции [4, с. 9].

Таким образом, в пьесе создается контраст между «там» и «здесь», благодаря которому зрители активно участвуют в драме, не только наблюдая за событиями на сцене, но и реконструируя в своем собственном воображении невидимые события, развивающиеся параллельно им. Андреев сопоставляет «там», где боль и смерть стали обыденностью, с мирным и комфортным «здесь».

Сопоставление двух пространств связано с конфликтом поколений. Терновский, представляющий старшее поколение, и Верховцев, человек нового

поколения, не могут прийти к согласию друг с другом в споре о ближайшей цели человечества и в вопросе о будущей идее. Однако ближе к концу пьесы посредством противостояния между представителями разных поколений и миров открывается возможность нахождения компромисса, рождается некоторая гармония. Таким образом, в пьесе «К звездам» акцент сделан не на показе конкретных революционных событий, а на их осмыслении в процессе личного переживания или через споры и беседы людьми, работающими в горной обсерватории далеко от России [1, с. 77].

Леонид Андреев размещает идейно значимое (сценическое) пространство и персонажей не на переднем плане сцены, а на невидимом, заднем плане, при этом представляя их синхронно событиям сценического пространства, что позволяет ему максимально абстрагироваться от повседневности и усилить драматичность событий внесценического пространства.

Литература

1. Бугров, Б.С. Драматургия // Леонид Андреев Проза и драматургия В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. Издательство МГУ. 2000. С.75-90.
2. Леонид, А.Н. К звездам // Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. Рассказы; Пьесы. 1904-1907. Художественная литература. 1990. С.319-371.
3. Логман, Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // О русской литературе. Искусство-СПБ. 2005. С.621-658.
4. Чирва, Ю.Н. О пьесах Леонида Андреева // Андреев, Л.Н. Драматические произведения. В 2-х томах. Т. 1. Искусство. 1989. С.3-43.

Shinju Pak

ARTISTIC SPACE IN L.N. ANDREEV'S PLAY «FOR THE STARS»

Abstract. The article is devoted to the question of the artistic space of the play «For the Stars» by Leonid Andreev, the specificity of which is determined by the special organization of stage space and off-stage (ideologically significant) space.

Key words: Russian dramaturgy; artistic space; stage space; off-stage space; ideologically significant space.

ДОМ БЕСКОНЕЧНОСТИ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Аннотация. В данной статье анализируются особенности категорий пространства и времени, относящиеся к Дому – основному месту действия в произведении М. Петросян «Дом, в котором...».

Ключевые слова: пространство, время, бесконечность, Дом, Изнанка, круги времени.

Дом в романе М. Петросян – не просто интернат для детей с ограниченными возможностями. Это целый мир, который стремится доказать свою реальность, отрицая реальность мира вокруг себя – Наружности. Происходит это оттого, что воспитанники интерната, – дети с ограниченными возможностями, – чувствуя свою отверженность окружающим миром, пытаются сами отвергнуть этот мир и найти ему замену. Для этого они отграничивают пространство Наружности как на ментальном уровне: например, само слово «Наружность» является почти ругательством, разговоры о ней считаются «легкой формой извращения» [2, с. 315] и т.д.; так и на физическом – изменяя пространство Дома: например, закрашивая окна, ведущие в Наружность.

Замыкаясь в Доме, воспитанники стремятся преобразовать его пространство. Во-первых, разделяясь на группы или фракции, они создают территориальные границы, разделяя пространство на «свое» и «чужое» для каждой группы. Во-вторых, дети расширяют «свое» пространство в образно-понятийном плане. Так, каждая группа так или иначе видоизменяет свою комнату, обустривая ее в особом стиле, но каждая особенность этого стиля несет на себе намного более широкое значение, так как отображает внутренний мир героев. Другими словами, каждая группа создает в своей комнате отдельный маленький мирок, в который каждый из его обитателей привносит что-то свое. Одновременно эти мирки составляют общий «Середомный мир», который один из героев, Сфинкс, сравнивает с городом: коридоры выполняют роль улиц, Кофейник превращается в местное кафе, где могут встретиться члены разных групп, а комнаты групп становятся своеобразными жилыми районами.

Чтобы абстрагироваться от Наружности, дети преобразовали и расширяли пространство Дома силой воображения. Но в какой-то момент воображае-

мое стало реальным, и Дом действительно начал изменяться, как на пространственном, так и на временном уровнях, следуя за стремлением своих обитателей уйти от Наружности: «Если закрыты глаза в Наружность, куда они открываются вместо этого?» [1].

В пространстве и времени Дома происходят аномалии. Одной из них является возможность перехода детей на Изнанку. По своей сути это параллельное измерение, куда «проваливаются» некоторые из воспитанников: попасть на этот уровень можно только с помощью трансгрессии. Те, кому это удастся, делятся на «Прыгунов» и «Ходоков». Прыгуны не способны контролировать свой «прыжок» на Изнанку, теряют память, оказавшись там, а их тело остается «по эту сторону», пребывая в состоянии, похожем на кому. Ходоки же могут усилием собственной воли попасть на Изнанку и вернуться, не теряя при этом памяти и переходя «целиком» – вместе со своим телом. Главная особенность данного измерения заключается в том, что, здесь пропадают умственные и физические недостатки детей. Кроме того, именно здесь существует Лес – волшебное (даже для Изнанки) место, доступное еще меньшему количеству обитателей Дома, где не только исчезает физическая неполноценность, но и приобретаются сверхспособности: так, один из героев, Слепой, в Лесу может превращаться в волка-оборотня. Примечательно, что попасть на Изнанку и, соответственно, в Лес, можно только в пределах Дома. Таким образом, его пространство расширяется, переставая уместаться в пределы здания. М. Ремизова сравнивала Дом с мировой утробой, пространство которой стремится к бесконечности [3]. Действительно, пространства Дома и Изнанки настолько тесно связаны, что граница между ними пропадает, и коридор превращается в шоссе, ведущее к городам Изнанки, или сразу в Лес.

К бесконечности стремится и время Дома. Подтверждением этому служит такой феномен как «круги времени»: «Жизнь... как расходящиеся по воде круги. (...) На каждом круге повторяются старые истории, чуть изменившись, но никто этого не замечает. (...) Приятно думать, что время, в котором ты, – новенькое, с иголочки, только что вытканное. А природа всегда повторяет один и тот же узор» [2, с. 770]. Дом открывает возможность перехода с одного круга на другой, и таким образом создает собственное бесконечное время, состоящее из множества вариантов существования его самого и своих обитателей. Таким образом, Дом становится центром кругов времени. На каждом круге его время конечно: началом служит создание Дома, а концом – его разрушение; но, вместе с этим, количество самих кругов бесконечно. Дом во временном плане превращается в «бесконечность в себе», уместающуюся в определенном временном отрезке.

Интересно, что за возможность такого путешествия во времени отвечает один из героев – Шакал Табаки, а желающим переместиться на другой круг требуется не способность к трансгрессии, а специальные атрибуты. Табаки, как он сам о себе говорит, является «хранителем» или «Хозяином Времени» Дома и обладает нужными атрибутами: «Везучим гостям он дарит колесики от разбитых часов. Самым везучим – перо цапли. Первое означает одно,

204 | второе – совсем другое» [2, с. 926]. При помощи колесиков от часов герои могут перейти на другой круг времени, снова стать детьми и прожить жизнь в Доме еще раз. При этом у них, как у Прыгунов, искажается память, так как при возвращении героя на другой круг происходит не замена себя-ребенка на себя-взрослого с оставленного круга, а своеобразный синтез двух личностей: «Возвращающийся может стать совсем не тем, кем был раньше» [2, с. 843]. Только Табаки помнит все варианты своей жизни в Доме: являясь хранителем времени, он не может покинуть Дом и каждый раз возвращается на другой круг, внутренне становясь стариком, но внешне оставаясь ребенком. Перо же дает возможность коренным образом менять ход событий, потому что само становится источником новых кругов времени.

Важно отметить, что Дом сам становится героем произведения – живым, обладающим собственной волей и намерениями. Его пространство и время также словно оживают: они пульсируют, видоизменяясь вопреки законам реальности. Далеко не все обитатели Дома могут трансгрессировать, однако каждый чувствует динамику его пространства и времени, присутствия в нем чего-то большего, чем стены и окна. Следует отметить, что пульсация пространства Дома не хаотична: она имеет определенное направление, заключающееся в отдалении от Наружности и устремлении к миру Изнанки. Поэтому детей, обладающих способностью к трансгрессии, со временем становится все больше. Как было верно отмечено Д.А. Мельник в статье «Рассказывание историй», «...с каждым выпуском переход на «изнанку» не только воспитанников, но и самого здания становился все более и более легким» [1].

Стремясь расширить свое пространство и время до бесконечности, Дом предлагает своим обитателям выбор: уйти на Изнанку, избавившись от физических и умственных недостатков; принять Наружность и попытаться жить в этой реальности; или остаться в Доме, взяв «дополнительное время» на подготовку к расставанию с ним. «Ценой» же такого большого количества возможностей является готовность героев поверить в их существование, в реальность Изнанки, кругов времени и других «чудес Дома», а также сохранение их в тайне.

Литература

1. Мельник Д.А. Рассказывание историй в романе «Дом, в котором...» Мариам Петросян: смысловые уровни // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – серия 9. – вып. 3. – С. 63-67.
2. Петросян М. Дом, в котором... – Москва: Лайвбук, 2017. – 976 с., илл.
3. Ремизова М. Времени нет // Октябрь. – 2012. – №4.

Tapilin T.

THE HOUSE OF INFINITY: FEW WORDS ABOUT FEATURES OF SPACE AND TIME IN M. PETROSYAN'S NOVEL "THE HOUSE OF TIME"

Abstract. In this article the features of categories of space and time relating to the House – to the main scene of action in the M. Petrosyan's work «The house of time» are analyzed.

Key words: space, time, infinity, House, Wrong side, time circles.

Телкова Дарья Владимировна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
dashka_telkova@mail.ru

ПОЭТИКА ТРАДИЦИОННОЙ ЛЮБОВНОЙ БАЛЛАДЫ В СТИХОТВОРЕНИИ Н. ГУМИЛЕВА «ПЕРСТЕНЬ»

Аннотация. В статье рассматривается балладная основа стихотворения Н. Гумилева «Перстень». Доказывается синкретизм мотивов и поэтических форм, характерных для жанра любовной баллады, и авторских модификаций в структуре балладного стихотворения.

Ключевые слова: любовная баллада; мотив; поэтика; Н. Гумилев.

В начале XX века жанр баллады переживает свой второй расцвет. Поэты Серебряного века активно обращаются к поэтике балладного жанра, в частности к поэтике любовной баллады. При этом необходимо отметить, что традиционные мотивы и поэтические формы этого жанра могут подвергаться индивидуально-авторским трансформациям.

Структура традиционной любовной баллады основана на антагонизме, предполагающем наличие прямо противоположных персонажей – губителя и жертвы. Трагический пафос баллады обычно связан с несчастной судьбой женщины: героиня оказывается жертвой измены возлюбленного, выходит замуж не по любви, не может воссоединиться с возлюбленным в силу их социального неравенства и др.

В балладных стихотворениях Гумилева оппозиционный принцип расставания героев сохраняется, однако на первый план выдвигается образ женщины-губительницы, а жертвой чаще всего становится мужчина. Обратимся к стилизации народной любовной баллады, стихотворению «Перстень», сюжет которого довольно прост. Девушка просит «тритонов и мокрых ундин» вернуть ей перстень, который она уронила в колодец, причитая:

Мой жених изнемог от муки,

И будет он в водную гладь

Погружать горячие руки,

Горячие слезы ронять [3, с. 119]

Но обитатели колодца не хотят отдавать ей кольцо: «С человеческой кровью схожий, / Понравился нам твой рубин» [там же, с. 119]. Водные жители понимают, что этот перстень очень дорог девушке, ведь она обещает запла-

206 | тить за него даже ценой жизни своего жениха: «– Перстень твой, наверно, целебный, / Что ты молишь его с тоской...» [там же, с. 120].

Издавна перстень принято считать символом союза, супружеской верности; рубин – камень счастья, символ страстной любви. Согласно народным преданиям, потерять дарованный перстень значило разорвать духовную связь с дарующим.

В стихотворении, как и в традиционной балладе, реализуется неожиданный драматический финал, заключающий в себе единство кульминации и развязки. Ответ девушки поражает своей непредсказуемостью:

*Просто золото краше тела
И рубины красней, чем кровь,
И доньне я не умела*

Понять, что такое любовь [там же, с. 120]

Так, традиционный мифопоэтический символ получает новое прочтение: в данном случае перстень оказывается символом предательства, «проданной любви».

Первая строфа стихотворения имеет традиционную композиционную структуру повествования от третьего лица, характерную как для западноевропейской, так и для русской баллады. Дальнейшее развитие сюжета строится в соответствии с традицией западной народной баллады – посредством «ступенчатого» диалога: с каждым последующим диалогом раскрывается идейное содержание всего стихотворения. Сюжетная ситуация лишь в общих чертах намечена в первой строфе; далее событийный ряд как таковой отсутствует, он представляет собой лишь смену диалогов персонажей, что способствует лиризации повествования.

В стихотворении воплощен особый балладный мир – условно-фольклорный. В тексте многократно используются устойчивые фольклорные формулы: постоянные эпитеты («вода ключевая», «горячие слезы» [там же, с. 119]), повторы, характерные для народных песен («В колодец, в колодец ночной», «Он живет с молитвой, / С молитвой одной о любви» [там же, с. 119]). Все пространство сведено к колодцу, населенному мифическими существами – тритонами и ундинами. Время действия – пограничное, ночное. Однако временной план стихотворения расширяется: в условно-фольклорный мир вводятся детали реальной действительности: «...и стальной бритвой / Откроет он вены свои» [там же, с. 119]. В стихотворении время как бы абстрактно, действие замедлено за счет расширения реплик персонажей. Эпическая составляющая уходит на второй план, акцент переносится на раскрытие духовного мира героини.

Присутствие автора в повествовании никак не обозначено, что является традиционным для жанра баллады. Но стоит отметить, что любовная тема в стихотворении сопровождается не только фольклорными элементами, но

также постоянными мотивами любовной лирики Гумилева (мотив предательства, мотив женского коварства, безразличия и др.). Это позволяет рассматривать «Перстень» в контексте всего балладного творчества Гумилева как одного из вариантов осмысления сущности любовного чувства.

Итак, стихотворение Н. Гумилева «Перстень» сохраняет структуру традиционной любовной баллады, построенную на антагонизме главных героев, но сюжетные роли персонажей меняются (женщина-губительница, мужчина-жертва). Традиционные композиционные формы (повествование от третьего лица, непредвиденный финал, диалогизм) баллады сосуществуют с нетрадиционными, авторскими приемами (единство кульминации и развязки в финале, фактическая бессобытийность повествования). В стихотворении доминирует лирическое начало. Традиционные мотивы и мифопоэтические символы получают иную трактовку (мотив потери кольца, символика перстня).

Литература

1. Балашов Д.М. История развития жанра русской баллады. – Петрозаводск: Карел. кн. изд-во. – 1966. – 72 с.
2. Бобрицких Л.Я. Эволюция балладных форм в поэзии Н. Гумилева: проблематика и поэтика: автореферат дис. ... кандидата филол. наук. – Воронеж: ВГУ. – 2002. – 180 с.
3. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918-1921). – М.: Воскресенье. – 2001. – 394 с.
4. Куликова Е.Ю. Тезаурус смерти в лирике Николая Гумилева // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. – 2016. – Т. 26, вып. 6 – 94-102 с.
5. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с. 19.

Telkova D. V.

THE POETICS OF ORIGINAL LOVE BALLAD IN THE POEM «PERSTEN'» BY N. GUMILEV

Abstract. In this article the author has made an attempt to reveal the ballad foundation of the poem «Persten'» by N. Gumilev. The structure of the poem exemplifies synthesis of original ballad's poetics and authorial modifications.

Key words: Love ballad; motive; poetics; N. Gumilev.

Трегубова Мария Валерьевна
студентка 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
Tregubova.marya10@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОНЕТОВ ДЖОРДАНО БРУНО

Аннотация. Статья посвящена исследованию своеобразия сонетов Джордано Бруно. Поэтические произведения этого выдающегося мыслителя оказали влияние на становление и эволюцию жанра ренессансного сонета. Рассматриваются тематика и основные образы, используемые автором.

Ключевые слова: сонет, ренессанс, поэтика, тематика, анализ.

Джордано Бруно — выдающийся итальянский мыслитель эпохи Возрождения, многочисленные трактаты которого привлекают внимание исследователей с точки зрения его философских взглядов и космологических представлений о гелиоцентрической системе и безграничности Вселенной. Исследовательское прочтение философских сонетов Бруно позволяет утверждать, что созданные итальянским поэтом поэтические произведения, могут рассматриваться как важный этап становления и эволюции жанра ренессансного сонета. Творчество поэта оказало влияние на развитие идейно-тематического комплекса и принцип построения образной структуры сонетов У. Шекспира. Известный переводчик Г. М. Кружков подчеркивает: «Отметим, что если в первой части «Сонетов» чувствуется влияние Марсилио Фичино, то во второй части вполне возможно влияние другого великого гуманиста, поклонника Фичино и пропагандиста идей Коперника и Галилея — Джордано Бруно». [1, с.226] Однако, эта тема остается не изученной до конца, в литературоведении не представлена научная интерпретация сонетов Джордано Бруно.

Данная статья посвящена рассмотрению тематики и образной системе сонетов, вошедших в один из фундаментальных трудов поэта «О героическом энтузиазме», название которого, к слову, с испанского правильнее перевести «О героической одержимости».

Обратимся к научному определению и процессу становления жанра сонета. Сонет — это строгая поэтическая форма, состоящая из 14 строк: двух катренов и двух терцетов. В литературный оборот сонет ввел Гвидо Кавальканти, известный поэт «сладостного нового стиля», стоявший у истоков итальянской литературы, старший современник и друг Данте. В автобиографической исповеди «Новая жизнь» Данте Алигьери использует жанр сонета для воплощения своей идеи о любви как первичной ступени духовного развития, которое приводит к постижению божественной любви. Именно жанр сонета позволяет Франческо Петрарке выразить метафорическое осмысление взаи-

мосвязи мира и образа возлюбленной в «Книге песен». Благодаря Петрарке жанр сонета получил распространение в Европе.

Сонет становится ведущим жанром лирики в эпоху Возрождения. Это как раз то время, когда живет и работает Джордано Бруно. В 1585 году в Лондоне выходит его поэтический трактат «О героическом энтузиазме», наверняка знакомый Шекспиру, заинтересовав последнего во многом своей формой: книга состоит из 71-го сонета с пояснениями в виде диалога, наподобие «Новой жизни» Данте. Это произведение о смысле человеческой жизни, которая для поэта, благородной души, заключается в постоянном поиске истины и стремлении к возвышенному чувству любви. Свои сонеты он вкладывает в уста Ноланца, того самого «героического энтузиаста», под маской которого находится он сам.

К слову, поэт использует особую рифмовку: abababcc dedeff. Все сонеты объединены общей тематикой.

В первую очередь, Джордано Бруно обращается к теме любви, которая связана у поэта с отрицанием плотских удовольствий и популярных любовных поэтических жанров. Любовь по Бруно может быть только возвышенной, и встретить ее в реальной жизни невозможно. Все сонеты посвящены поиску и служению этому высокому чувству: «Я лишь одной пленяюсь красотой./ Лишь пред одним челом главу склоняю./ Одна стрела пронзает сердце мне./ В одном пылаю я огне./ И лишь в одном раю я быть желаю». [3, с.312]

Стоит отметить, что огонь становится в лирике Джордано Бруно одним из основных символов, с которым мы сталкиваемся практически в каждом сонете. Сам поэт называет его сильнейшим из элементов, способным превратить все остальные в себя, как и всепоглощающее чувство Любви, с которым и идет сравнение.

Если обратиться к еще одной поднимаемой поэтом теме – теме смерти – образ огня приобретает и другой смысл. Едва ли поэт не знал о том, что его взгляды не поддерживаются правительством и католической церковью. Наказанием за их распространение являлась смертная казнь – сожжение на костре. Именно поэтому лирику Джордано Бруно можно считать во многом пророческой: зная, что его ждет, поэт уповает на светлое чувство Любви, которое в жестоком земном мире существовать не может: «Как было бы светло нам в царствии любви./ Когда б не погрязал мир в злобе и в крови! [3, с.316]

Реальный мир жесток и несправедлив, и лирический герой чувствует себя причастным к чему-то большему, к какому-то высшему уровню осознания происходящего, недоступному обычным смертным. «В письме к вице-канцлеру Оксфордского университета Бруно называет себя доктором более совершенного богословия, профессором более невинной мудрости, чем какая преподается обыкновенно. Его знают везде, не знают только варвары. Он будит спящих, поражает кичливое и упрямое невежество; он — гражданин и житель всего мира, пред которым равен британец и итальянец, мужчина и женщина, епископ и князь, монах и лаик [мирянин]. Он сын отца-неба и матери-земли. В другом месте он не прочь причислить себя к тем людям, тем божественным Меркуриям, которых Провидение время от времени посылает

210 | на помощь людям». [2, с.366] Эту мысль он также отражает своих сонетах: «А у меня — обратная дорога:/ Меня Любовь преобразает в бога!» [3, с.346]

Также нельзя не заметить в Бруно отсутствия страха перед смертью. Тяжелый рок не кажется поэту таким тяжелым: наоборот, не представляя жизни без высокой Любви, он как будто ожидает ее прихода, чтобы наконец-то оказаться в лучшем мире, справедливом и честном, полном гармонии и счастья. В реальности же нет самой «жизни», она похожа на существование в томительном ожидании. Мы читаем об этом во многих сонетах, например, в сонете 16: «А я: «С небес не страшно падать мне!/ Лечу сквозь тучи и умру покойно./ Раз смертью рок венчает путь достойный...»». [3, с.345]

О внутреннем состоянии лирического героя, находящегося в постоянной борьбе с собой и стоящего как будто на перепутье между суровой реальностью и идеальным ирреальным миром, красноречиво говорят следующие строки: «Казним любовью казнию такую,/ Что разом я и жив и мертв вполне» [3, с.327]

В сонетах Джордано Бруно также обращается и к античным мифологическим образам, как бы сравнивая своего лирического героя с ними, проводя таким образом интереснейшие параллели. Так, например, в сонете 18 Ноланец сравнивается с героем греческих мифов Актеоном, который был наказан богиней охоты Артемиды за то, что увидел ее наготу. Образ охотника через призму восприятия лирического героя раскрывается с совершенно новой для нас стороны: сравнивая свою судьбу с судьбой Актеона, он снова предвидит свою смерть от собственных мыслей и взглядов: «Своею же теперь растерзан сворой.../ О разум мой! Смотри, как схож я с ним:/ Мои же мысли, на меня бросаясь,/ Несут мне смерть, рвя в клочья и вгрызаясь». [3, с.350]

Таким образом, мы можем увидеть, что Джордано Бруно был не только выдающимся итальянским мыслителем и философом своего времени, но и замечательным поэтом, творчество которого требует дальнейшего изучения. Его сонеты по праву входят в систему развития данного жанра как один из значимых его этапов, оказав влияние на поэзию Уильяма Шекспира.

Литература

1. Кружков Г. Очерки по истории английской поэзии. Том I: поэты эпохи Возрождения. — М.: Прогресс-Традиция, 2015. — 496 с.
2. Веселовский А.Н. Джордано Бруно. Избранные статьи. — Л.: Госполитиздат, 1939. — С. 359-383.
3. Джордано Бруно Философские диалоги. О Причине, Начале и Едином. О бесконечности, вселенной и мирах. О героическом энтузиазме. — М.: Новый Акрополь, 2013. — 512 с.

Tregubova M.V.

ARTISTIC ORIGINALITY OF GIORDANO BRUNO'S SONNETS

Abstract. The article is devoted to the study of originality of Giordano Bruno's sonnets. The poetry of this outstanding thinker influenced the formation and evolution of the genre of Renaissance sonnet. The subject and the main images used by the author are considered.

Key words: Sonnets, Renaissance, poetics, analysis, thematics.

Шамова Наталья Дмитриевна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
gestiya97@rambler.ru

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ЭМИЛИ ДИКИНСОН: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества Эмили Дикинсон и Марины Цветаевой. Особое внимание уделяется тематическому сходству произведений двух поэтов.

Ключевые слова: анализ, сопоставление, тематика, поэзия.

У исследователей сложились различные взгляды на схожесть творчества Эмили Дикинсон и Марины Цветаевой. Так, Григорий Кружков (стихотворения Э. Дикинсон в нашей статье даются в его переводе) в своей вступительной статье к «Стихам из комода» считал: «Сходство действительно есть. В письмах – эмоциональных, афористичных, порой загадочно-туманных – оно, пожалуй, выражено отчетливей. Но стихи Дикинсон – не так и не про то» [1, с. 10].

Виктор Финкель, напротив, отмечает: «Вместе с тем, несмотря на различные языки, континенты, национальные особенности стран происхождения и проживания, несмотря на абсолютно различные исторические эпохи, в их творчестве обнаруживаются удивительные, почти мистические параллели и ассоциации» [2]. Автор также уделяет особое внимание сходству структуры стиха двух поэтов.

В статье мы уделяем больше внимания непосредственно тематическому сходству произведений М. Цветаевой и Э. Дикинсон. Нам представляется весьма любопытным, что, несмотря на то, что авторы не были знакомы (Цветаева родилась спустя шесть лет после смерти Дикинсон, не читала её стихов, не знала её имени) и, кроме того, имели совершенно непохожие судьбы, в их поэзии можно проследить интерес к определенной тематике, а также сходные мотивы. Рассмотрим произведения Эмили Дикинсон и Марины Цветаевой по нескольким тематическим группам.

1. Тема отрицания мира.

Лирическая героиня Цветаевой не видит для себя места в той объективной реальности, которая представляет собой царство обыденности:

*Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?! [3, с. 236]*

Душа лирической героини Дикинсон желает перехода из реального мира в мир ирреальный, в царство свободного духа, отринутого от действительности:

*Так хочет Дух отвергнуть Прах,
Держащий Дух в плену –
И так Щегол с тоской глядит
Из клетки – в вышину* [1, с. 235]

Сопоставив два отрывка из произведений Дикинсон и Цветаевой, мы можем увидеть тематическое сходство двух стихотворений. Обе лирические героини не находят себе места в реальной действительности и ищут выход из нее. И этот своеобразный бунт против мира (у Цветаевой – в более категоричной форме: отрицание быта как такового; у Дикинсон – затворничество, ощущение замкнутости, чуждости и заточения в «клетке»).

2. Тема отношений с Творцом.

Дикинсон жила в эпоху торжества пуританской морали, была глубоко верующим человеком, но, несмотря на это, в ее творчестве можно найти произведения с противоречивым отношением к Создателю:

*Ужель остались простаки –
Что верят в этот хлам –
«Просите кротко, с верою,
И даст Всевышний вам»* [1, с. 65]

Отношение Цветаевой к Богу также противоречиво. При том, что мы не найдем в ее стихах отрицания существования Создателя, а, напротив, заметим глубокую убежденность в божественном происхождении ее поэтического дара, поэт ставит себя наравне с Творцом и зачастую рисует его образ довольно вызывающе:

*Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.*

*Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Веги – выходец.* [3, с. 218]

Важно отметить, что оба автора все равно сохраняли веру в Творца: дискутировали с теми или иными религиозными догмами, в разные периоды жизни меняли свое отношение к Творцу, но неизменно верили в него.

3. Мотив смерти.

В стихах обоих поэтов прослеживается особенное внимание к категории смерти. Наличие поразительно стойкого интереса к подобной тематике можно объяснить душевным надломом поэтов. Смерть видится каждой из них как один из выходов в иную реальность, избавление от обыденной жизни. Так, у Цветаевой:

*Я мечтаю о тебе, о смерть,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, оставший от объятий.* [3, с. 331]

Обратимся к произведению Дикинсон, в котором обнаруживаем идентичную интерпретацию мотива смерти:

*Смерть, отпри врата –
Впусти своих овец!
Скитаньям положи предел,
Усталости – конец.* [1, с. 141]

4. Тема поэта и поэзии.

Оба автора понимали свое творчество как нечто прекрасное, данное свыше. Обе они хорошо осознавали как масштаб своего поэтического дарования, так и значение своих произведений. У Дикинсон весьма примечательны следующие строки, отражающие отношение к своему Я:

*Что побрякушки Диадем,
Алмазов мелкий счет –
Когда на мне горит Венец –
Размером в Небосвод?* [1, с. 63]

У Цветаевой в строках-размышлениях о значении поэта также видим осознание вселенской силы как поэзии вообще, так и ее собственного поэтического дара:

*Поэты мы – и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы Бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов.* [3, с. 235]

Итак, рассмотрев некоторые стороны лирики столь различных авторов, мы можем прийти к выводу, что в произведениях Цветаевой и Дикинсон существует определенная тематическая идентичность, что является фактом, представляющим несомненный интерес для литературоведения.

Литература

1. Дикинсон Э. Стихи из комода. – М.: Издательская группа «Азбука-классика». – 2010. – 256 с.
2. Финкель В. Дикинсон и Цветаева // Слово. 2006. № 51. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/51/fi29.html> (дата обращения: 12.02.2018).
3. Цветаева М. Соч.: В 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Драматические произведения. – М. – 1984. – 567 с.
4. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т.1.: Стихотворения. – М.: Эллис Лак. – 1994. – 640 с.

Shamova N.D.

MARINA TSVETAEVA AND EMILY DICKINSON: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to analyzing the works of Emily Dickinson and Marina Tsvetaeva. Special attention is paid to the thematic similarity their works.

Key words: Analysis, comparison, thematics, poetry.

ФУНКЦИИ ВЫДЕЛЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Аннотация. В статье рассматриваются функции графического выделения ключевых слов в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». Курсивные выделения помогают читателю воспринять авторский замысел.

Ключевые слова: графические средства; шрифт; курсивное выделение; Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорбленные».

Графические средства выделения в художественном тексте были достаточно распространенным приемом, которым пользовались писатели XIX века. А.В. Чичерин [5], Е.А. Иванчикова [4], В.Н. Захаров [3], Е.Н. Батурина [1] и др. учёные, анализируя творчество Ф.М. Достоевского, отмечали, что основная функция выделенных курсивом слов и выражений состоит в том, чтобы помочь читателю понять авторский замысел.

Роман «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского с этой точки зрения ученые оставили без должного внимания, поэтому мы проанализировали произведение с позиций функционирования курсива. Было выявлено 147 единиц в курсивном оформлении, 21 из которых являются глаголами. Также курсивом выделены местоимения (52 употребления); краткие и полные формы прилагательных (18); существительные (17), причастия и наречия (5), отмечены единичные случаи выделения порядкового числительного, утвердительной частицы и союза.

Более подробно остановимся на функции глаголов. В романе преобладает выделение инфинитивов (9 употреблений). Данные глаголы в произведении выполняют связующую функцию и определяют подтекст глав, а порой и целых частей произведения: «Надо же окончательно высказаться, *договориться* до чего-нибудь, и надеюсь, что в этот раз вы меня совершенно поймете». [2, с. 348] В представленном фрагменте рассказчик и князь Валковский рассуждают о разрешении ситуации с Алёшей и Наташей: князь против их отношений, он хочет женить сына на Катерине. Выделенный глагол дает читателю понять, что герой настроен завершить данный спор, прийти к определенному соглашению.

В предложении «Карета действительно премиленькая, и Александр Петрович на первых порах своего владения ею ощущает чрезвычайное удовольствие и даже некоторую душевную потребность *подвозить* в ней своих знакомых» [2, с. 476] глагол «подвозить» указывает на психологическое состояние героя: выражая желание подвозить знакомых, Александр Петрович показывает новое приобретение, демонстрируя свою состоятельность.

В произведении выявлено 5 «курсивных» глаголов настоящего времени. В предложении «Анна Андреевна, увидя меня, грозит мне пальцем, махает на меня руками и *шикает* на меня, чтоб я не шумел» [2, с. 477] с помощью графического выделения передается психологическое состояние героини. Анна Андреевна беспокоится за Нелли и не хочет, чтобы сон девочки был нарушен.

В романе встречаются глаголы прошедшего и будущего времени (по 3 употребления). В романе они могут характеризовать манеру поведения героев, особенности их взаимоотношений с другими персонажами: «... если когда-нибудь, близко ли, далеко ли, теперь ли, или на будущий год, тебе покажется, что Маслобоев против тебя в чем-нибудь схитрил (и, пожалуйста, не забудь этого слова *схитрил*), – то знай, что без злого умысла». [2, с. 315] Также курсивное выделение глаголов может выполнять связующую функцию, определяющую подтекст произведения. Так, в предложении «Ну, разумеется, и *поговорим* за ужином» [2, с. 345] князь Валковский говорит о своих намерениях не напрямую, однако поставленный на глаголе акцент позволяет читателю однозначно трактовать слова князя.

Также в произведении встречается единичный глагол в повелительном наклонении: «Послушай, Наташа, ты спрашиваешь – точно шутишь. *Не шути*. Уверяю тебя, это очень важно». [2, с. 128] В данном случае курсивное выделение передает состояние рассказчика: мы можем уловить его раздраженность легкомысленным отношением Наташи к ситуации.

Таким образом, графические средства в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые» играют важнейшую роль в восприятии текста, помогают правильно трактовать авторскую позицию. С помощью курсивных выделений текстовые единицы наделяются дополнительным смыслом, а изменение начертания шрифта привлекает внимание читателя к отдельным событиям, героям и их состоянию, а также ситуациям в произведении.

Литература

1. Батурина Е.Н. Роль ключевых слов в семантической структуре художественного текста: на материале текста романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Владивосток, 2005. – 160 с.
2. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорблённые. М.: Изд-во АСТ, 2015. – 512 с.

- 216 | 3. Захаров В.Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании». М.: Русская речь, 1979. № 4. 21-27 с.
4. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. – 288 с.
5. Чичерин А.В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. М.: Советский писатель, 1965. – 371 с.

Shahmaeva K.A.

**FUNCTIONS OF EMPHASIZED VERBS IN THE NOVEL BY
F.M. DOSTOEVSKY «THE INSULTED AND THE INJURED»**

Abstract. Functions of graphic selection of key words in the novel by F.M. Dostoevsky «The Insulted And The Injured». Italic secretions help the reader to perceive the author's intention.

Key words: Graphics tools; font; italic type; F.M. Dostoevsky «The Insulted And The Injured».

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Воробьева Алена Сергеевна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
kataevalyona@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ХАРАКТОНИМОВ В КНИГАХ ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности составления характонимов в романах Т. Пратчетта, а также их текстообразующие функции и способы их художественного перевода на русский язык. Отмечается, что важный критерий при выборе способа перевода – сохранение всех оттенков авторской семантики имени.

Ключевые слова: художественный перевод; характоним; аллюзия.

Один из самых известных современных британских писателей сэра Теренса Дэвида Джон Пратчетта начал свою литературную деятельность в конце 1970-х годов, когда в Англии была своеобразная мода на жанр «юмористическое фэнтези». Известность его романы завоевали благодаря исключительному таланту Пратчетта иронизировать, по-доброму высмеивать произведения классической литературы и её ключевых персонажей, а также события реальной действительности. Появился цикл романов о Плоском мире, над которым писатель трудился в течение всей жизни. В связи с широкой популярностью данных книг возник вопрос о переводе книг Терри Пратчетта на русский язык.

Одной из основных сложностей является перевод имён собственных, так как они являются частью семантического аспекта текста. Функции онимов в художественном произведении гораздо шире, нежели в живой речи. Авторы составляют имена персонажам с определенной целью: дать характеристику герою, описать особенности поведения, расставить акцент на наиболее важных для понимания авторского замысла чертах характера. В зависимости от интенции, писатель, выбирая имя герою, может прибегнуть к назывной функции имени, но одним из самых частотных и ярких приемов художественной характеристики является использование (или составление) «говорящих» имен, или характонимов (в терминологии The International Council of Onomastic Science) [6]. Сложность перевода смысловых имен заключается в требовании не только учитывать их сущность, но и следовать при передаче их на другой язык авторскому замыслу, сохранять экспрессивность антропонимов.

Значимыми именами и прозвищами полна рассматриваемая нами книга Терри Пратчетта «Soul music», имеющая в официальном переводе, выполненном Берденниковым и Жикаренцевым, название «Роковая музыка». В силу сатирико-юмористической направленности романов имена персонажей являются ключом к пониманию смысла произведений. Имена составлены Терри Пратчеттом как по аналогии с естественными (Mustrum Ridcully, Ponder Stibbones, Glod Glodsson), с опорой на существующие ономастические модели, так и искусственно, подчёркнуто нереалистично (Cut-Me-Own-Throat Dibbler), что соответствует жанру. Широта семантики, заложенной в характеристиках, затрудняет перевод. Во избежание потери того или иного смысла переводчик обязан учитывать семантическое значение основы. Оно должно быть «ясным и понятным, ибо в нем заключено ядро эмоционально-очечной информации изобретаемого переводчиком имени» [2, с. 86].

Н. Берденников и А. Жикаренцев среди таких лексических способов перевода значимых имен (более всего подходящих для данных целей), как калькирование (воспроизведение комбинаторного состава слова или словосочетания), транслитерация и транскрипция (формальное побуквенное или фонемное воссоздание слова), наиболее подходящим посчитали семантический перевод.

Так, фамилия Аркканцлера (Mustrum Ridcully) было переведено как Наверн Чудакулли. Сторонники семантического подхода обращаются к значению основы, от которой образованы имя и фамилия. Ridcully происходит от английского ridiculous – смехотворный, нелепый, иными словами чудаковатый; отсюда – Чудакулли. Имя Mustrum упоминается в романе лишь дважды, однако тоже важно для понимания сущности героя. Берденников и Жикаренцев адаптируют это имя под характер персонажа, подчеркивая любовь Аркканцлера подвергать сомнениям любые явления. Он является одним из немногих персонажей, рассуждающих исключительно логически, избегая причудливости объяснений. Переводя фамилию как Чудакулли, Берденников и Жикаренцев подчеркивают необычность такого мышления для Плоского мира, выделяют намек Пратчетта на то, что Аркканцлер чужак скорее для жителей Анк-Морпорка, чем для читателей.

Имена гномов в романе стилизованы под традиции разных народов. Например, Золто Золтссон (Glod Glodsson) является аллюзией на скандинавское имя (ср. Тор Одинсон). В мире Терри Пратчетта гномы любят деньги и торги, очень меркантильны. Очевидно образование имени от английского gold (золото) с метатезой. Перевод с аналогичной перестановкой – Злото Злотссон – был бы неудачным, так как отсылал бы читателей к старому варианту слова-основы (злато), что лишком русифицировало бы данное имя. Таким образом, чтобы сделать семантику имени более прозрачной для русскоговорящей аудитории, но при этом обозначить черты характера персонажа, не упустив сатирико-юмористического

Имена троллей в Плоском мире образованы от названия породы, из которой он преимущественно состоит. Причем качество породы определяет социальный статус героя. В связи с этим необходимо при переводе сохра-

нить данные семы в значении имени. Берденников и Жикаренцев считают наиболее удачным вариантом перевода имени Cliff Утёс. Причем, обращаясь к геологии, находим, что термин cliff означает отвесной обрыв, омываемый водами. Для понимания мотивировки также важны факты биографии персонажа: тролль, во исполнение контракта с Музыкой, погибает в несчастном случае, когда автобус, в котором он находился, срывается в пропасть. Стоит подчеркнуть аллюзивность имени, упомянув, что гитарист группы Metallica Клифф Бёртон погиб при схожих обстоятельствах за несколько лет до написания Пратчеттом «Роковой музыки». Таким образом, с одной стороны, вариант перевода имени Утёс сохраняет социальную и физиологическую функцию характеронима, однако упускает важные интертекстуальные смыслы.

В связи с неоднозначностью семантики «говорящих» имен возникают споры о том, какая сема значения онима является ключевой для понимания и передачи авторского замысла. Автор одного из неофициальных переводов романа, Грант Бородин, – сторонник транскрипции. Mustrum Ridcully, по его мнению, целесообразнее назвать Маструм Ридкулли, Cliff – Клифф. Однако Бородин в случае с Glod Glodsson предпочел иного рода выражение аллюзии на скандинавское имя – Глод сын Глода.

Как точнее перевести тот или иной характероним, сохранив за ним все выполняемые им функции в авторском тексте, не нарушив стилистику, и при этом сделать перевод понятным для широкой аудитории читателей – вопрос, который по-прежнему требует ответа.

Литература

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English ↔ Russian. Учебное пособие. — СПб.: Союз, 2005. — 320 с.
3. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. – 366 с.
4. Пратчетт Т. Роковая музыка: фантастический роман / Терри Пратчетт. [Пер. с англ. Н. Берденников, под ред. А. Жикаренцева]. — М.: Эксмо, 2013. — 480 с.
5. Пратчетт Т. Роковая музыка (Музыка души) / Терри Пратчетт. [Пер. с англ. Г. Бородин]. — Эксмо, Валери СПД, 2002. — 350 с.
6. Onomastic terminology / The International Council of Onomastic Science. Режим доступа: <https://icosweb.net/drupal/terminology>
7. Pratchett T. Soul Music / T. Pratchett. — London: Gollancz, 2013. 368 p.

Vorobiova A.S.

THEW PROBLEM OF TRANSLATION OF CHARACTONYMES IN TERRY PRATCHETT'S BOOKS

Abstract. The article deals with the features of the composition of the charactonyms in the novels of T. Pratchett and their text-forming functions and the ways of their literary translation into Russian. It is noted that an important criterion in choosing the method of translation is the preservation of all tints of author's semantics of the name.

Key words: Literary translation; charactonym; allusion.

Карпова Анастасия Александровна
магистрант 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
anas-ananas_16@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЭП-ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются культурные и языковые особенности рэп-текстов, созданных в современной России. Сравнивается тематическое сегментирование афроамериканского и российского рэпа. Описываются основные коммуникативные функции рэп-текстов и частотные для рэп-поэзии средства языковой выразительности.

Ключевые слова: субкультура; хип-хоп культура; рэп; интертекст.

Со второй половины XX века главным объектом внимания ученых становится речь человека, и развитие лингвокультурологии, изучающей взаимовлияние языка и культуры [1; 2; 6] – тому подтверждение.

Любое человеческое общество подвержено стратификации, как следствие – единая культура социума расслаивается, появляются подвиды общей культуры, отвечающие запросам той или иной социальной группы. Согласно концепции социальной стратификации, под субкультурой понимается явление социально-психологического и художественного характера. [8] Яркий тому пример – субкультура хип-хопа. Зародившись в южном боро Нью-Йорка, она обрела последователей по всему миру. Как отмечают Е.С. Гриценко, Л.Г. Дунашева «... являясь носителем унифицированных форм культурной экспрессии, рэп способствует стандартизации художественных практик и в то же время предполагает некое культурное и социальное пространство для артикуляции моделей и ценностей местных сообществ». [3, с. 141-142] В афроамериканском дискурсе большое внимание уделяется расовым проблемам и мизогонии, а в отечественном – проблемам социальным, политическим, моральным, воспитательным, творческим (рэп-исполнители Anacondaz, Oxxxymiron, LocDog, NoizeMC, Хаски). Основные стратегии афроамериканского дискурса – протест и несогласие [3; 4; 5], российского – избранность рэп-исполнителя. [4] Отличительной лингвокультурологической особенностью отечественного рэпа является его текстоцентричность, поэтичность. [3; 4; 7] Рэп-тексты на русском наполнены интертекстуальными элементами, понятными, в основном, носителям русского языка. Каждый такой элемент выполняет определенную функцию.

Так, следом за референтивной функцией любого речевого акта, реализуется экспрессивная функция посредством употребления автором интертекстуальных отсылок к своим культурно-семиотическим ориентирам: «Идея превосходства против идеи братства/ Работает часто не только на садовых участках,/ Но именно здесь я вкурил смысл./ И мозг ударила мысль бросить автору вызов» («Привет, Ги», Anacondaz). Апеллятивная функция позволяет разделить слушателей на «чужих» и «своих», раскрывая значение рэп-текста тем, кто сможет декодировать апелляцию с учетом своего лингвокультурного фона: «Нет на свете примерных пар – время делать карьерный план <...> Если нет, так убей меня, как Дерек негра поребриком» («Привет со дна», Oxxxumiron). Фатическая функция направлена на установления близкого контакта со «своими»: декодированный образ позволяет слушателям понять исполнителя, возможно, разделить с ним его мысли: «Мой рэп – дегенеративное искусство!» («Дегенеративное искусство», Oxxxumiron). Эта функция близка по значению к роли литературы в жизни человека. Если слушатель озадачится поиском источника интертекстуального включения, реализуется метатекстовая функция: «Из точки А в точку Б вышел юноша бледный со взором горящим, <...> Таков каждый второй, тут их рой – отряд не заметит потери бойца./ Я жизни учился у мертвых, как принц датский у тени отца» («Неваляшка», Oxxxumiron).

К лексическим особенностям российских рэп-текстов относится использование вульгаризмов и сленгизмов: семёра, парконулся, детка, стволы, трещать в чате, убиться об стену, хейтер, спойлер, стремно, кошу под черных, респект за совет, смолить, стремно. Также можно отметить использование иностранного языка для языковой игры: «Просто не нужно брать, что не утащить./ Take my money, bro. I don't need this sheet./ Я частенько думаю, что I did my time./ И даже плачу, when angels deserve to die./ Но вопреки всему – I feel so alive./ Я уверен, everything's gonna be alright!» («Панч на панче», Anacondaz).

Рэп-поэзия изобилует средствами речевой выразительности. Например, часто используются аллюзии: художественная: «Обдолбанные Колфилды, дёрганые Дёрдены./ Ангедония, приметы Джареда Лето,/ Мы дети амфетамина, Бафомета и нью-металла./ <...> Мы – Питеры Пэны./ Из «Пены дней» мы растём, но не вырастаем» («Не от мира сего», Oxxxumiron); религиозная: «Холестерин, адреналин, эндорфин – Святая троица, спаси меня и сохрани!» («Этюд в багровых тонах», Anacondaz); кинематографическая: «Нео, Доны Кихоты и Бендеры пробуют взбодрить этот сонный мир,/ И роль мельниц на поле играет модуль с блэджкеком и жидомассонами» («Средний палец», Anacondaz). Также встречаются реминисценции: «В этом безумном мире поколения Perpsi» («Смачные ништяки», Anacondaz); сравнение: «На баттле шлю выскочек спать на больничной, как Сарынь на кичку!» («Дежавю», Oxxxumiron); эмпфаза: «На, лопай! Данные звуки – моя плоть и кровь,/ У меня с детства дырявые руки – Голгофа» («Сага об орлах и канарейках», Oxxxumiron).

Современные отечественные рэп-песни – особый способ познания молодежной российской субкультуры. Рэп-композиции насыщены реминисценциями и различными аллюзиями; им присуща высокая степень метатекстуальности, причем конкретный образ может быть художественно обработан и раскрыт много раз, а значит активизируется познавательный процесс. Российским рэперам удается языковая игра, основа которой – известные произведения литературы и кинематографа. Многие сленгизмы – заимствования из английского языка (хейтер, спойлер, респект, детка, гэнг, флоу), поэтому увеличивается аудитория, которая может понять тексты российских рэперов. В связи с этим изучение лингвокультурологической специфики текстов российской рэп-культуры видится нам перспективной задачей.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. — 331с.
3. Гриценко Е.С., Л.Г. Дуняшева. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика: Электрон. науч. журн. 2 (44)'2013. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/44.pdf> (дата обращения: 24.02.2018).
4. Кожелупенко Т.П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах: Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2009.
5. Колесников А.А. Лингвистические особенности языка представителей хип-хоп культуры: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 208 с.
7. Мельник Л.И. Особенности молодежных субкультур на примере хип-хопа: Дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
8. Соколов К.Б. Субкультуры, этносы и искусство: концепция социокультурной стратификации // Вест. Российского гуманитарного научного фонда. — 1997. -№1. — С. 137-138.
9. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. — М.: Наука, 1975. — 313 с.

Karpova A.A.

LINGVOCULTUROLOGICAL FEATURES OF RAP-TEXTS IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article explores the cultural and linguistic features of rap-texts created in modern Russia. The thematic segmentation of african-american and russian rap are compared. The basic communicative functions of rap-texts and frequency means of speech expressiveness for rap-poetry are described.

Key words: Subculture; hip-hop culture; rap; intertext.

Кондратьева Дарья Евгеньевна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
kislota05-15@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В данной статье анализируются фразеологизмы русского и сербского языков, в лексическом содержании или семантике которых наличествует концепт «смерть».

Ключевые слова: русский язык; сербский язык; фразеологизмы; фразеология; значение «смерть»; сопоставительный анализ.

С древнейших времен проблема жизни и смерти волновала людей, актуальной она остается и по сей день. Интересным и перспективным представляется рассмотрение данной проблемы и ее отображения в удобных и узнаваемых оборотах речи, так как любой волнующий общество вопрос отображается в его речи и языке.

Фразеологизм – лингв. свойственное только данному языку устойчивое словосочетание с самостоятельным значением, отличающимся от прямого. [2, с.957] Фразеология каждого языка складывается в его культурно-историческом контексте. В связи с этим все фразеологизмы имеют какую-либо тематику или семантическую соотнесенность с тем или иным явлением общественной жизни. Согласно Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко, наибольшая продуктивность образования фразеологизмов присуща лексемам, содержащим старейшее мифологическое мировосприятие людей: огонь, земля, вода, смерть, душа, черт, небо [1, с.85]. В данном исследовании будут рассматриваться выражения сербского и русского языков, прямо содержащие в себе или несущие в своей семантике лексему «смерть».

Цель работы – выявить схожие и различные черты языковой репрезентации концепта «смерть» в сербской и русской фразеологии, так как данное явление во все времена было важным и сакральным событием в жизни людей.

Все фразеологизмы по их семантическим вариантам можно разделить на несколько групп. В первую очередь, выделяются фразеологические единицы с прямым значением «умереть». В русском языке, как известно, таких очень много: из литературного («преставиться», «приказать долго жить»), из разговорного («протянуть ноги», «гикнуться»), жаргонного («дубу дать», «кони двинуть») языков и т.д. Все эти выражения имеют значение ухода из жизни.

224 | Сербский язык также располагает не меньшим разнообразием. Выражение «отићи богу на истину» дословно переводится, как «уйти/отойти к богу по правде», что в речи имеют значение равные глаголу «умереть». Такое же значение имеют и следующие фразеологизмы: «склонити очи» – отвести глаза; «отегнути папке» – вытащить папку. А выражения «душу испустити – испустить дух» и «Богу душу дати – отдать Богу душу», лексический состав данных фразеологизмов идентичен, что указывает на общность их славянского происхождения. Стоит отметить, что все выше обозначенные фразеологические единицы не имеют в своей лексической составляющей самих слов «смерть» или «умирать», но лишь их семантический компонент. Этот факт становится одним из критериев деления фразеологических единиц на подгруппы: наличие в их составе единицы «умирать» и ее отсутствие.

Отдельной подгруппой выделяются фразеологические единицы, которые по своему значению сравнимы с категорией состояния, «на пути к смерти». Серб. «Ни пири ни вири» – так говорят о том, в ком жизнь едва теплится. Или «бити с душом у носу» – быть с душой в носу, то есть на самой грани смерти. А также выражения дублирующие друг друга в обоих языках: «висити о длаци – висеть на волоске» и «блед као смрт – бледный как сметь». Дополняют эту группу фразеологизмы со значением опасности, угрозы смерти: «gledati smrti u oči – смотреть смерти в глаза» и «обрати зелен бостан».

Следующей группой фразеологизмов являются содержащие компонент «смерть» в своей лексической форме, но не семантической. Наибольшую часть таких выражений составляют фразеологические единицы, где компонент «смерть» выражает какую-либо степень или меру. В русском языке есть выражение «напугать до смерти», то есть напугать настолько сильно, что можно умереть. Сербская фразеология, конечно, также располагает выражениями с этим значением: «borba na život i smrt – борьба не на жизнь, а на смерть», то есть очень сильная, серьезная борьба. «спавати као заклан – спать как убитый», то есть «крепко спать».

Однако есть в обоих языках фразеологизмы, которые сложнее классифицировать, так как они остаются за пределами уже выделенных групп, но и не образуют отдельных. К таким выражениям относятся русские выражения «...только за смертью посылать» (в значении излишне долгого выполнения порученного задания) и «хоть убей, не знаю/ не помню» и другие подобные им.

Во многом русский и сербский языки схожи в реализации компонента «смерть» на фразеологическом уровне анализа. Это явление обуславливается родственностью языков, народов и частичной общностью их культурно-исторического и религиозного развития.

Представленный материал демонстрирует актуальность темы смерти для славянского сознания, однако нюансы, раскрывающиеся во фразеологизмах, отличаются для разных народов.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 344 с.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов/ Н.Г. Комлев - М.: Эксмо-Пресс, 2000. — 1308 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка/С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Трофимкина О.И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь/ Трофимкина О.И. М.: Восток-Запад, 2005. — 229 с.
5. Фразеологический словарь современного русского языка / составитель Ю.А. Ларионова— М.:«Аделант»,2014.—512с.
6. Ћосић П. Речник синонимима/ Павле Ћосић – Београд: Кomet, 2008. – 712 с.

Kondrateva D.E.

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT «DEATH» IN THE RUSSIAN AND SERBIAN PHRASEOLOGY

Abstract. In this article, the phraseology of Russian and Serbian languages is analyzed, in the lexical content or semantics of which the concept of «death» is present.

Key words: Russian language; Serbian language; phraseological units; phraseology; meaning «death»; comparative analysis.

Кузнецова Мария Александровна
магистрант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
mak9516@mail.ru

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ – САМЫЙ ЧИТАЕМЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. Ф.М. Достоевский является сегодня одним из самых читаемых русских писателей в мире. Однако наличие в текстах Ф.М. Достоевского множества концептов русской культуры приводит к различному и часто неправильному их пониманию и требуют особой подачи при преподавании их в иностранной аудитории.

Ключевые слова: Достоевский; русская литература; концепт; русская культура; русский язык как иностранный.

На сегодняшний день одним из самых читаемых русских писателей в мире является, несомненно, Ф.М. Достоевский. Неуклонно растет объем не только переведенных работ, но и исследовательских материалов, посвященных его творчеству. Популярность писателя подтверждают и всевозможные рейтинги мировой литературы, в крупнейших мировых театрах проходят аншлаговые спектакли, основанные на сюжетах его романов, снимаются фильмы, организуются посвященные его творчеству семинары, симпозиумы и конференции.

Следует обратить внимание, что количество упоминаний Ф.М. Достоевского, аллюзий и реминисценций на его произведения в западных СМИ, переведенных на русский язык, превышает количество каких-либо упоминаний других популярных русских писателей, таких как А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, В.В. Набоков или А.И. Солженицын. [8] Современный писатель и публицист Д. Быков предполагает, что секрет популярности Достоевского, например, у западного читателя заключается в том, что он «пишет по проверенным лекалам», находясь под влиянием западных литературных традиций: английской (Ч. Диккенс) и французской (О. де Бальзак). [5] Страны Востока также не остаются в стороне: еще несколько лет назад был отмечен высокий интерес к творчеству Ф.М. Достоевского в Японии, Китае, Иране. [4, 6, 8, 10]

Несмотря на практически всемирную популярность, тексты Ф.М. Достоевского содержат множество идеологических и мировоззренческих особенностей, свойственных непосредственно русскому человеку, а также концептов русской культуры («всечеловечность», «русская идея», «русский дух», «душа»,

«Бог», «соборность», «храм Божий», «народность» и др.). Это обуславливает возникновение трудностей при обращении к его произведениям представителей других культур, и их неправильную интерпретацию (так, например, в иностранной аудитории его часто причисляют к числу основателей жанра остросюжетного психологического детектива, не замечая при этом духовно-религиозную или почвенническую основу его произведений). В связи с этим тексты писателя нуждаются в особом разъяснении, комментировании или даже в особом способе подачи при преподавании их в иностранной аудитории.

Наиболее эффективной методологией для решения этой задачи является концептологический подход. На сегодняшний день работ, в которых бы рассматривалось понимание текстов писателя иностранцами немного, и большая часть из них концентрируются на восприятии философии Ф.М. Достоевского лишь западными писателями и философами. [1: 5–14; 3: 194–213] Таким образом, литературы, посвященной восприятию Достоевского простыми читателями крайне мало, что обуславливает актуальность таких исследований.

Восприятие писателя иностранными читателями проходит сквозь призму концептов собственной культуры; отсюда рождаются противоречивые и часто неверные интерпретации. Так, иностранные деятели культуры и философские мыслители то видят в Достоевском «антиутописта» [7: 16], то воспринимают его произведения как обличительную литературу, то как «христианское антиклассическое явление», называют «непревзойденным мастером патологической психологии» [2: 44–46], обвиняют Ф.М. Достоевского в нигилистическом пессимизме, слабости, утомлении и декадансе, трактуют романы писателя как исповедальные, приписывают ему мазохистские и даже садистские наклонности. Некоторые называют Достоевского «новой светочью русской литературы» и «средоточием правдивости и искренности», при этом видят в его текстах «смакование ужасных подробностей человеческого бытия»; другие признают, что романист остается для них непонятным, твердят, что он сочетает в себе величие и грубость, а также бесчувственную нецивилизованную тупость. [3: 194–213] Ряд мыслителей считает, что автор располагает мир между Богом и дьяволом, а в его произведениях отражаются судьбы русского народа. В любом случае, наследие Достоевского оказало сильное влияние на мировую философскую мысль, а его идеи нашли отражение также и в работах таких философов, как Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, Альберт Камю и др. [9] Среди иностранных студентов бытует мнение, что по произведениям писателя можно понять «загадочную русскую душу». [4]

Актуальность творчества писателя обосновывается тем, что вечные темы, поднимаемые в его произведениях, заставляют читателя с любым культурным кодом пропускать предложенные концепты через призму собственной лингвокультурологической традиции, заставив размышлять о самом себе, о собственных чувствах, ценностях и о месте человека в мире. Однако эта призма зачастую искажает идеи, заложенные автором в своих текстах.

Все вышесказанное означает, что использование произведений Ф.М. Достоевского в качестве рабочего материала в процессе изучения РКИ, во-первых, обосновано возможностью заинтересовать студента, вовлечь его в обсуждение общечеловеческих вопросов и изучение концептов русской культуры; а во-вторых, требует особого подхода к подготовке занятий по текстам Ф.М. Достоевского.

Литература

1. Бессонов Б.Н. Творчество Ф.М. Достоевского в оценках русских и зарубежных писателей, деятелей культуры и философов // Вестник Омского университета. 2005. № 2.
2. Васильева Т.В. Немецкий контекст переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. № 47.
3. Дайхин Т.Л. Испившие чашу... (Идеи Ф. М. Достоевского в художественном сознании английских писателей первой половины XX века) // Уральский филологический вестник. 2013. № 1.
4. Лебедев С. Почему Достоевский так популярен на Западе? / thequestion.ru/questions/80693/pochemu-dostoevskii-tak-populyaren-na-zapade.
5. Открытый урок с Дмитрием Быковым. «Преступление и наказание» – странный русский детектив: Видеолекция / youtube.com/watch?v=kxwcA9NAEcY.
6. Популярность Достоевского в Японии обсудят на симпозиуме в Москве // РИА Новости, 25.10.2008. ria.ru/culture/20081025/153791987.html.
7. Салова Д.О. Концепты «Достоевский» и «Тургенев» в англо-американской лингвокультуре (научная традиция) // Lingua mobilis. 2009. № 3.
8. Сафронова Е.Ю. Современное достоевсковедение в Китае // Культура и текст. 2016. № 3.
9. Черкасова Е. Достоевский и континентальная философия // Ф.М. Достоевский в диалоге с русской и мировой культуре. darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/dost_dialog_kult.pdf.
10. Хьяпур Марзи. Достоевский и Иран // Русский язык за рубежом. 2008. № 1.

Kuznetsova M.A.

FYODOR DOSTOEVSKY AS THE MOST READABLE RUSSIAN WRITER ABROAD

Abstract. Fyodor Dostoevsky remains the most readable Russian novelist in the world. However, a great number of specific concepts of Russian culture developed in his texts determines serious perception problems, foreigners face while reading, up to a possible misunderstanding. Given this fact, Dostoevsky's texts require applying special teaching methods for foreign students.

Key words: Dostoevsky; Russian literature; concept; Russian culture; Russian as a foreign language.

стажер-магистрант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
valentinainrussia@163.com

ОБРАЗ ЛИСЫ В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей этнокультурного сознания, которые нашли свое отражение в формировании образа лисы в культуре Китая. Рассмотрены некоторые особенности идиоматических выражений, содержащих иероглиф «лиса», проведен анализ литературных и словарных источников.

Ключевые слова: образ лисы, иероглиф, мифология, литература.

Известный российский китаист В.М. Алексеев отмечает: «Волшебная фантастика, которую китайский народ неизвестно даже с какого времени окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов». [1, с. 20]. В нашей работе мы рассмотрим некоторые факторы, оказавшие влияние на формирование стереотипа восприятия концепта «лиса» в китайской культуре.

Образ лисы в мифологии

В мифологии чаще всего упоминается девятихвостая лиса (九尾狐). Она может быть и людоедом, и нежной доброй женой.

Полумифическая девятихвостая лиса упоминается в китайском древнем трактате «Каталог гор и морей» (山海经), описывающем реальную и мифическую географию и обычаи Китая и соседних земель, а также обитающих там созданий: «又东三百里, 曰青丘之山, 其阳多玉, 其阴多青腹。有兽焉, 其状如狐而九尾, 其音如婴儿, 能食人, 食者不蛊。». Перевод: «Еще в трехстах ли на востоке есть, говорят, гора Цинцю. На солнечной ее стороне много нефрита, на теневой – много камня цинху. Там есть животные, по виду – как лиса, но с девятью хвостами, голоса их похожи на плач младенцев. Могут есть людей. А человек, съевший такую лису, не боится яда змей» [3, с. 47].

В китайском мифологии встречается и положительный образ девятихвостой лисы, например, древняя легенда о Да Юй. «禹三十未娶, 行到涂山, 恐时之暮, 夫其度制, 乃辞云: “吾娶之, 必有应矣。” 乃有白狐九尾, 造于禹。禹曰“白者, 吾之服也; 其九尾者, 王之证也。涂山之歌曰: ‘绥绥白狐, 九尾庞庞。我家嘉夷, 来宾为王。成家成室, 我造彼昌。天人之际, 于兹则行’。明矣哉!” 禹因娶涂山, 谓之女娇。» [5, с. 28]. Перевод: «Жил-был Да Юй. Ему исполнилось тридцать лет, а он ещё даже не женился. Это его

230 | очень волновало. Однажды он поднялся на гору Ту, и стал кричать в небо: „Если судьбой мне предназначено жениться, то Небо непременно исполнит это.“ И вдруг, откуда ни возьмись, появилась девятихвостая белая лисица. Юй сказал: „Белый цвет – цвет нашего племени, девять хвостов – признак величия².“ Люди, живущие на этой горе, затаили песню, в которой говорилось: „Лисица – белая, хвосты у нее – пушистые. Тот, кто к нам на гору в гости пришел, тот станет хозяином нашего края. Если он здесь женится – его потомки будут жить в благополучии. Это путешествие на гору Ту – решение неба, и решение неба премудро!“» Юй услышал эту песню, и женился на Лисе».

Здесь мы видим, что образ лисы в китайской мифологии многообразен, существуют лиса-людоед, также существует лиса, которая приносит счастье и процветание.

Образ лисы в литературе

В китайской литературе лиса часто превращается в человека. Она иногда помогает людям, иногда вредит им. Фактически получается, что в китайской литературе существуют три разных образа лисы:

1) лисица-оборотень – чаще всего является существом вредоносным. При этом принимает образ прекрасной девы. Лисица-оборотень умеет обольщать, заставляет человека терять разум, наносит вред здоровью. Она очень легко вступает в сексуальную связь с мужчинами, так как именно во время любовного акта лисе передается энергия ци (气) – жизненная сила мужа. В фантастическом романе 16 века «Возвышение в ранг духов» (封神演义) изображена императрица-лиса Су Даджи (苏妲己) жена последнего императора династии Шан Цзы Чжоу (子纣) (время правления: 1075–1046 до н. э.). Даджи – женщина очень красивая, умеет управлять мужчинами своими женскими чарами. Хотя она жена императора, но она распутна. Она активно вмешивается в политику, превратив своего мужа в тирана и развратника; вырвала сердце чиновнику, который собрался донести императору важное сведение.

2) лисица-фея – или «продвинутая» лиса-оборотень. Если ей приносить жертвы или спасти её от беды, то она может помочь, отблагодарить за справедливое к ней отношение. Фея-лиса обладает значительной силой, далеко превосходящей обычные возможности человека. Смешливая Иннин из «Рассказов Ляо Чжая о необычайном» (聊斋志异) является добродушной лисой. Лисица Иннин не может контролировать свой смех, она всегда покатывается со смеху, несмотря на ситуацию. Ее неземная красота очаровала студента Ван. После встречи с лисцей Иннин Ван перестал говорить и даже есть. Каждый день думает только о ней. Мать Вана узнала об этом и решила их обвенчать. Хотя Иннин бесовское существо, она очень любила своего мужа,

² в Древнем Китае число «девять» – число императора и величия.

свою свекровь. Ради семьи, она перестала смеяться. Иннин наказала соседа-бабника, который хотел её унижить.

3) Лиса-ученый / предсказатель – чаще всего предстаёт в образе юношей или мужчин. Он широко эрудирован, может предсказывать будущее, с ним интересно и легко общаться. У него незаурядные способности и благородное происхождение. В «Обширных записках годов Тай-пин» (太平广记) мы также находим Бо Джо (伯裘). Бо Джо является тысячелетним лисом, он много читает и умеет предсказывать будущее. Однажды его поймал правитель уезда Чэн Фей (陈斐), но сразу же отпустил. Лис добро не забыл. Он стал помогать справедливому правителю.

Образ лисы в фразеологизмах и словосочетаниях

Рассмотрим написание и значение иероглифа «лиса» (狐). Иероглиф 狐 является семантико-фонетически осложнённым иероглифом. 狐 состоит из двух составляющих ключей, левый ключ, подчёркивает принадлежность данного предмета к зверю и хищнику, правый ключ 瓜, обозначает его произношение.

В китайских фразеологизмах и словосочетаниях нередко встречается 狐.

① 狐假虎威 (лиса пользуется могуществом тигра) = «Положиться на чужую власть, чтобы давить и пугать других».

② 奸同鬼蜮，行若狐鼠 (лукавит, как черт и змея; идет, как лиса и мышь = «люди, злые и жестокие до крайности».

③ 狐朋狗友 (лисы и собаки – хорошие друзья) = «бездельники, лодыри, дурная компания».

④ 狐群狗党 (лисы и собаки в одной стае) = «банда мошенников или подлецов, бандитов».

⑤ 狐白之裘 (шуба из меха из подмышечной части лисьей шкуры) = «изысканная вещь».

⑥ 狐死首丘 (умирая, лиса поворачивает голову к норе) = «ностальгировать, верность к родине».

⑦ 狐疑 (по-лисьему подозревать) = «сомневаться».

⑧ 狐媚 (по-лисьему соблазнять) = «очаровывать, обольщать, завлекать».

Таким образом, в рассмотренных нами фразеологизмах и словосочетаниях, мы можем найти противоречивый образ лисы: хитрая и злая лиса умеет использовать чужой авторитет, она соблазняет. Она осторожна и бдительна, не доверяет окружающим. Образ лисы также связан с бездельем и преступлениями. Однако отмечаются и положительные качества лисы: мягкий и драгоценный мех, тоска по родине.

Образ лисы в бытовой речи

В разговорной речи китайцы часто употребляет Хули-цзин (狐狸精), дословно «лиса-дух» в негативном значении. Под этим словом понимается:

- 1) эффектная и красивая аферистка;
- 2) распутница, которая отбивает мужа у жены;

3) тряпичница, или пустая женщина, которая следит только за своей внешностью.

В быту, запах пота сравнивают с лисьим запахом. Хучоу (狐臭), дословно переводится как «лисья вонь», употребляется в значении: запах пота.

В заключении можно сделать вывод о том, что культ лисы, лисы-демона, лисы-монстра и лисицы-феи широко распространен в Китае и корнями уходит в глубокую древность. Образ лисы занимает центральное место в китайском фольклоре, «лиса» в китайской культуре мифологизирована и двойственна. Именно поэтому отношение китайцев к лисе очень неоднозначно.

Литература

1. Алексеев В.М. Предисловие переводчика // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. – М.: Худож. лит., 1988. – 20 с.
2. Алимов И.А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня // Религиозный мир Китая / *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности. – М.: РГГУ, 2006.
3. Будкина. Д. А. Синкретизм образа лисы в мифологии Китая [Текст]*/ XII молодёжная научно-практическая конференция с международным участием. «филологическое образование и современный мир» 2016 . Изд: Забайкальский государственный университет: сб. тр. обл. науч. конф. Чита-2016. – 47 с.
4. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
5. 任志强. 中国古代狐精故事研究. – 济南: 山东大学, 2014.– 28 с. [Жэн цзицзан. исследование рассказов о лисе-оборотне в древнем Китае].

Li Gen

THE IMAGE OF THE FOX IN CHINESE CULTURE

Abstract. The article is devoted to the study of the features of ethno-cultural consciousness, which were reflected in the formation of the image of the fox in the culture of China. Some features of idiomatic expressions containing Chinese character «fox» are considered, analysis of literary and lexical sources is carried out.

Key words: image of the fox, hieroglyph, mythology, literature.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена трудностям, возникающим в процессе межкультурного общения жителей Польши, России и Беларуси. Основное содержание исследования составляет сравнительный анализ православной и католической лексики, обуславливающей нормы религиозного поведения.

Ключевые слова: религиозный дискурс; межкультурная коммуникация; эквивалентность.

Религиозный дискурс, осваивая новое коммуникационное пространство, вышел за пределы православных и католических храмов, проник в печать, СМИ, Интернет. Религия как культурная ценность и одна из основ российского, белорусского и польского социума вошла в сферу публичной общественной жизни. Расширение межкультурной коммуникации в XX веке породило явление языковых и культурных барьеров [8, с. 8], преодолеть которые, при межкультурном и межъязыковом общении народов России, Польши и Беларуси, можно с помощью правильного отбора и интерпретации религиозной лексики, а также выборе поведения, соответствующего определённым ритуальным нормам.

Выбор католического и православного дискурса как материала для непосредственных наблюдений был связан с результатами опроса исследовательского центра «Пью» (Pew Research Centr), проводившегося в июне 2015 – июле 2016 гг. в 18 странах: 87% процентов населения Польши относит себя к католикам и лишь незначительная часть (> 1%) к православным; число православных в России 71% (католиков – > 1%), а в Беларуси – 73% (католиков – 12%) [6, с. 4].

Проблемы в коммуникации могут возникнуть не только между православными и католиками, но также и у представителей одной и той же конфессии – например, у католиков из Польши и из России. Данное явление происходит в результате несовпадения культурно-языковых кодов участников общения [3, с. 39].

Религиозный дискурс представляет собой ритуал и строится как неуклонное следование ритуальным нормам [8, с. 14]. Поэтому речь и поведение верующего человека должны подчиняться определённому канону. Проблемой может оказаться приветствие священнослужителя или название церкви. Данные, приведённые в таблице, содержат отобранные примеры религиозной лексики – важные с точки зрения частотности их применения в межъязыковом и межкультурном общении – в сопоставительном аспекте:

Польша (католич. дискурс)	Россия (католич. дискурс)	Беларусь (католич. дискурс)	Россия, Беларусь (православн. дискурс)
Kościół	Римско-католическая церковь (храм, собор)	Касцёл, каталіцкая царква (храм)	Церковь, храм, собор
Konfesjonał	Исповедальня/ конфесионал	Спаведніца/ канфесіянал	-----
Msza	Месса	Імша	Божественная литургия
Organy	Орган	Арган	Орган
Ksiądz	Священник	Ксёндз	Священник
Szczęście Boże! Niechaj będzie pochwalony Jezus Chrystus	Слава Иисусу Христу!	Няхай будзе пахвалёны Езус Хрыстус!	Благословите, батюшка
Pierwsza spowiedź	Первая исповедь	Першая споведзь	Первая исповедь
Pierwsza Komunia	Первое причастие	Першая Камунія	Первое причастие

Можно заметить, что среди выделенных слов наблюдаются как сходства, так и различия. Это говорит о том, что понятия об одних и тех же, то есть эквивалентных, предметах и явлениях действительности в разных языках могут отличаться, так как они основаны на разных представлениях в национально отличных сознаниях, а слова в разных языках могут иметь разную сочетаемость, разные стилистические и социокультурные коннотации [7, с. 63]. Поэтому, иногда похожие на первый взгляд понятия требуют дополнительного разъяснения, например:

– В православной культуре слово *церковь* ассоциируется только с православным храмом [5, с. 262]. Однако католики, проживающие в России, также используют слово *церковь* для обозначения римско-католического храма. В Польше существуют два различных слова – *kościół* (костёл) и *cerkiew* (церковь) – которые определяют принадлежность храма к католическому или православному вероисповеданию. В Беларуси как православный, так и католический храмы называют также одним словом – *церковь*. Однако в Беларуси для обозначения католического храма используется также и слово *костёл* (в бел. яз. – касцёл). В России слово *костёл* является иноязычным и используется как описание католического храма в Польше, Прибалтике и др. странах [2]. Иноязычным для россиян является также и слово *ксёндз* – польский католический священник [2].

– Орган (музыкальный инструмент) не используется в православной Литургии, в то время как в католической Мессе является основным инструментом, сопровождающим пение священника и прихожан [1].

– Первое Причастие – у католиков – это традиционное празднество, связанное с принятием ребёнком на литургии в первый раз таинства Евхаристии. В традиционных католических странах дети принимают Первое Причастие в возрасте 7-10 лет. Первому Причастию предшествует первая исповедь. День принятия Первого Причастия становится важным событием в жизни католической семьи и церковного прихода. В православии к исповеди обычно начинают ходить дети, достигшие 7-летнего возраста, а причастие можно принимать сразу после совершения таинства Крещения.

Данный материал доказывает, как важно ориентироваться в семантике и реалиях подобной лексики, чтобы в условиях межкультурного и межъязыкового общения понимать суть сказанного и успешно оперировать культурно-языковыми кодами. Например, в качестве приветствия католического священника используется фраза *Szczęść, Boże! Niechaj będzie pochwalony Jezusy Chrystus! Слава Иисусу Христу!* и рукопожатие. А в православии обычно, подходя ко священнику, совершают небольшой кивок-полупоклон и просят благословения – *Благословите, батюшка*. Священник отвечает *Бог благословит*. После этого приступают к разговору, а рукопожатие не принято.

Таким образом, можно сказать, что передача реалий, связанных с религиозными нормами в межкультурной коммуникации народов Польши, России и Беларуси, бывает затруднена не только из-за наличия безэквивалентной лексики, но также из-за различного значения одних и тех же понятий, используемых как в католическом, так и в православном дискурсе.

Литература

1. Кириллина Л. Статья Орган [Электронный ресурс] // Католическая Энциклопедия. М., 2007. URL: <http://www.toletanus.ru/?id=bibliotheca.index.2>, (дата обращения: 1.12.2017)
2. Крысин Л.П. Статьи Костёл, ксёндз [Электронный ресурс] // Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М., Русс. яз., 2000. Twirpx.com: сайт. URL: <https://www.twirpx.com/file/768830/>, (дата обращения: 2.12.2017)
3. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., Гнозис. 2007. – 368 с.
4. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе [Электронный ресурс] // PewResearchCenter – исследовательский центр Пью. 2017. 10 мая. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/10104852/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf>, (дата обращения: 01.12.2017)
5. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. Наука. Санкт-Петербург. 2000. – 278 с.
6. Суркова Е. Текст, дискурс и языковая картины мира [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. 2010. -22 с. URL: <https://www.bsu.by/Cache/pdf/212123.pdf>, (дата обращения: 1.12.2017)
7. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М., Слово/SLOVO, 2008. – 334 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., Слово/SLOVO, 2000. – 624 с.

Manchak-Rogalska T.V.

RELIGIOUS VOCABULARY IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. This article is devoted to the difficulties arising in the process of intercultural communication of the inhabitants of Poland, Russia and Belarus. The main content of the study is a comparative analysis of Orthodox and Catholic vocabulary, which determines the norms of religious behavior.

Key words: Religious discourse; intercultural communication; equivalence.

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В КИТАЕ И ПОЛЬШЕ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Аннотация. В настоящей статье в сравнительном аспекте определяется традиционное понимаемое и современное место китайской и польской женщины в обществе, приводятся стереотипы о женщинах, которые возникли на основе конфуцианской философии и патриархальной модели общества, и которые прочно сохранились в сознании китайцев и поляков.

Ключевые слова: традиция; культура; стереотип; женщина; Китай; Польша.

Большинство женщин из славянских стран считает несчастьем родиться женщиной в Китае. Равноправие полов, равенство женщин и мужчин стало в современном мире фактом. Однако следует отдать себе отчёт в том, что путь к уравниванию прав – это результат трудной борьбы наших предков. Не все знают, как живут женщины на другом конце света, а ведь именно женщина во всех культурах играет ключевую роль в семье. Судьба женщин в Китае, понимание их статуса и положения представляется нам интересным для рассуждений в рамках данной статьи [4].

В разных китайских префектурах замечаются различия в положении женщин. Женщины на севере страны, где количество потребления алкоголя мужчинами намного выше, чем в других префектурах, борются с проблемой алкоголизма мужей и сыновей. Система воспитания женщин включает с ранних лет формирование стабильного характера и выработку умений, связанных с заботой о мужчине. Плохими женскими качествами считаются плаксивость, истерики, смена настроения, обидчивость и др. Главным стереотипом является утверждение, что женщина без мужчины не способна к самостоятельному существованию. Китайская женщина заслуживает уважение только после рождения ребенка. Необходимо заметить, что китайский брак чаще всего является браком по расчёту, в основе которого находятся семейные экономические выгоды родителей невесты и забота о продолжении рода со стороны семьи мужчины. Большинство китайских браков лишено свойственных молодоженам чувств. Общество оказывает сильное давление на женщин, уверяя, что замужество является хорошим стартом во взрослую жизнь. Поэтому китайки стремятся стать «xiangqi liangmu», то есть идеальной, умной женой и матерью. Интересно, что женщины должны поступать согласно сложившейся и действующей философии конфуцианства, в которой: «среди пяти типов социальных отношений только в одном пункте выделяется

место для женщины, причем это второстепенная, подчиненная роль. Только когда в браке женщина рождает мальчика, на её счет двойной успех». Счастье женщины, согласно конфуцианству, это незначительный и маловажный фактор.

В свою очередь, современная китайка, жительница мегаполиса выходит из тени мужчины, не подчиняется традиции и непонятным обычаям. Мы можем её встретить в дорогих ресторанах, в салонах красоты, на занятиях по фитнесу и йоге, она активно участвует в общественной жизни. Мужей китайки ищут согласно своему статусу, не руководствуясь западными тенденциями. Кандидат в мужья должен иметь дом или квартиру, хороший автомобиль, в финансовом плане быть в состоянии обеспечить семью на хорошем уровне. Китайки достаточно поздно принимают решение о рождении ребенка, потому что они ждут того, кто выполняет их требования [3].

Многие китайские девушки учатся в университетах, делают научную карьеру, и таким образом уменьшается количество молодых жён. Культурная революция повлияла на положение женщин, появились шансы работать и быть матерью, государство позаботилось о детских садах и яслях, что повлияло на рост работоспособности женщин.

В китайской культуре поражает предметное отношение к женщине как к собственности мужчины. Исключение представляют зажиточные женщины, у которых благополучно сложилась карьера и которые в финансовом плане стали независимыми от мужчин.

В XXI веке замечательно увеличилось количество китайских туристов, путешествующих по Западу, что позволяет им узнавать западную культуру и традиции. Возможно, благодаря этому, с течением времени, положение китайских женщин изменится [5].

Позиция польских женщин тоже не особенно сильная в социальном плане. На уровне заработной платы в Польше принцип равенства полов не всегда реализуется. В экономическом и коммерческом секторе высокие посты и должности занимают мужчины. Исследования проводимые Hays Poland показывают, что такая ситуация возникает не из-за плохой квалификации женщин. Скорее всего, данная проблема связана со стереотипами, касающимися женского пола: во-первых, женщина не подходит к образу сильного лидера, во-вторых, будучи матерью, она в бизнесе является менее эффективным сотрудником, в-третьих, женщина боится принимать серьёзные решения, связанные с выполнением обязанностей на высоком посту [1].

В польской традиции женщина ассоциируется прежде всего с домашним очагом, детьми, заботой о благополучии семьи и др. Принято говорить, что польская мама не рождает ребёнка, она даёт ему жизнь.

Если незамужняя девушка рождает ребёнка в определенных кругах (село, деревня, патриархальная семья), люди отзываются о ней пренебрежительно, и считается, что она поступает плохо, неразумно, не уважает себя и таким поступком позорит себя и семью. «Плохое, неразумное поведение» в такой ситуации касается, в принципе, только женщины.

Польская женщина любит и хочет быть любимой, но она не думает о том, чтобы безгранично посвятить себя семье. Она хочет быть хорошей женой, правильно воспитывать детей, гордиться мужем и детьми, успешно работать и получать от жизни удовлетворение.

Среднестатистическая польская женщина рождает в возрасте 25-30 лет одного ребёнка, двоих детей, редко находит время для себя, для отдыха, всё время отводит на заботу о семье. Поведение польской женщины-матери стало отечественным символом и получило название «Мать полька» [6]. Этот стереотип, по словам Марии Щучкой, не имеет аналогов в мире. «Корни этого определения сидят в нашей нелегкой национальной истории, в которой все поколения мужчин жертвовали жизнью в борьбе за свободу страны. Когда мужья, отцы и братья шли на фронт, были в ссылках и тюрьмах, дома оставались женщины с детьми» [2].

Исторические факторы, связанные со статусом современной женщины в обществе, как правило, обусловлены патриархальным воспитанием в течение многих поколений, стереотипами и общественным мнением. Можно сказать, что в настоящее время необходимым является устранение этих барьеров и создание равных возможностей для реализации личности женщин во всех сферах жизнедеятельности.

Литература

1. Dobosiewicz J. Szklany sufit w naszych głowach. Dyskryminacja kobiet na rynku pracy trwa w najlepsze [Электронный ресурс] [сайт] URL: <https://businessinsider.com.pl/twoje-pieniadze/praca/dyskryminacja-kobiet-na-ryнку-pracy/r5mx166>, (дата обращения: 08.03.2018)

2. Kowalska A. Współczesna Matka Polka [Электронный ресурс] [сайт] URL: <http://kobieta.interia.pl/uczucia/news-wspolczesna-matka-polka,nId,407281>, (дата обращения: 07.03.2018)

3. Magkarst, Trudno być kobietą w Chinach: singielkę nazywa się odpadkiem, przyszłości córki handluje się na bazarze [Электронный ресурс] [сайт] URL: <http://www.wysokieobcasy.pl/wysokie-obcasy/7,115167,20847979,trudno-byc-kobieta-w-chinach-singielke-nazywa-sie-odpadkiem.html?disableRedirects=true> (дата обращения: 10.03.2018)

4. Putkiewicz.A Być kobietą w Chinach [Электронный ресурс] [сайт] URL: <http://miedzykulturowa.org.pl/czytelnia/artykuly/byc-kobieta-chinach/> (дата обращения: 10.03.2018)

5. Chińskie kobiety [Электронный ресурс] [сайт] URL: <https://www.salon24.pl/u/ankang55/488561.chinskie-kobiety> (дата обращения: 09.03.2018)

6. Szymańska A. Być „przy nadziei” – rodzinne tradycje i obyczaje w Polsce [Электронный ресурс] [сайт] URL: <http://rme.cbr.net.pl/index.php/archiwum-rme/105-maj-czerwiec-nr-49/tradycje-ludowe-i-obyczaje/193-byc-przy-nadziei-rodzinne-tradycje-i-obyczaje-w-polsce> (дата обращения: 07.03.2018)

Minajew P.A.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF WOMEN'S STATUS IN CHINA AND POLAND (TRADITION AND MODERNITY)

Abstract. This article is a comparative analysis of the traditional and contemporary status of women in Chinese and Polish society. It concerns the stereotypes about women based on the Confucian philosophy and patriarchal model of society, which are firmly preserved in China and Poland.

Key words: Tradition; culture; stereotype; woman; China; Poland.

ГЕНДЕРНАЯ ЦЕНзуРА КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме гендерного цензурирования как одного из компонентов русской языковой культуры. Доказательство данного тезиса выстраивается на основе рассмотрения соотношения мужского и женского рода в области профессиональной номинации.

Ключевые слова: языковая культура; гендерная цензура; категория рода.

Все языки, созданные в патриархальном обществе, отражают такую картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная, зависимая от мужчины и иногда даже ущербная роль, которой нередко приписываются негативные качества. Со временем возникает асимметрия, своеобразная мужская монополия над языком (андроцентризм). Самым ярким примером такой асимметрии является отождествление понятий «человек» и «мужчина», например англ. «man», фр. «homme», укр. «чоловік», рус. «молодой человек» (в обращении к мужчине) и др. Кроме того, об андроцентристском характере языка свидетельствует так называемый «общий мужской род», когда существительные мужского рода используются для обозначения лиц вне зависимости от пола. Язык также предпочитает формы мужского рода для обозначения группы лиц, состоящей из представителей разного пола. Например, если в группе есть мужчины и женщины, обобщённо их всё равно называют «сотрудники», «учителя», «профессионалы». Такое отождествление мужского рода с «общечеловеческим» не просто отодвигает женщину на второй план, но практически выносит ее за рамки языковой картины мира.

Такое положение вещей особенно заметно в названиях профессий. Язык долгое время оставался областью профессиональной дискриминации женщин. Когда речь заходит о профессиональной характеристике женщины, обычно подчеркиваются не столько ее навыки в данной профессиональной сфере, сколько ее физические и эмоциональные характеристики. Таким образом, в профессиональном мире существует двойной стандарт для должностных лиц женского и мужского полов, акцентирующий внимание на неполноценность женщины по сравнению с мужчиной.

Снижение роли женщины до второстепенной тесно связано с понятием гендерной цензуры, для которой язык выступает одним из главных инстру-

240 | ментов. В настоящее время гендерная цензура в языке развивается в двух направлениях:

1) **Контроль.** Главным приемом контроля в языке выступает «навязанное поведение». Как уже упоминалось выше, социальную роль женщины обычно характеризуют через ее личные – эмоциональные или физические – качества. Описывая женщину как профессионала, средства массовой информации чаще прибегают к мужскому роду: «*Но самое главное: в одной команде с Александром Самокутяевым и Барри Уилмором на работу в невесомость летит бортинженер Елена Серова <...> Отличный профессионал, умница – отзываются о ней коллеги-мужчины*» (Российская газета, №6492). Данный пример показателен: в одном предложении рядом находятся две характеристики одного и того же человека – профессиональная и интеллектуальная, причем первая дана в мужском роде, а вторая – в женском. Кроме того, наименованием «коллеги-мужчины» вместо простого «коллеги» автор текста лишний раз подчеркивает необычность такого явления как космонавт-женщина, чем явно отодвигает женщину как профессионала на второй план.

2) **Умолчание.** Чаще всего в русском языке женщины не имеют гендерно атрибутированного определения. С одной стороны, большая часть русских профессий имеет только мужской род (с неофициальным женским, который носит разговорный характер). Также часть профессий имеет женский род как «неофициальный» и носит уничижительный смысл (пр.: *докторша/врачиха, президентша, архитекторша* и т.д.) Такая стилистическая сниженность характеризует обладательниц этих профессий пренебрежительно. В таком контексте женщина, занимающаяся подобной профессией, становится как бы пародией на мужчину, такое наименование означает, что она – плохой специалист.

С другой стороны, явление умолчания связано с самоцензурой: женщины сами исключают себя из общего дискурса путем идентификации себя с помощью слов мужского рода. Например, Марина Цветаева предпочитала, чтобы ее называли *поэт*, а не *поэтесса*. В прогрессивный XX век все еще бытовало мнение, что женская литература на порядок слабее, чем мужская, что вынуждало писательниц – а их в ту пору было немало – пытаться соответствовать уровню мужчин, хотя бы на уровне номинации.

В настоящее время существуют несколько способов сглаживания гендерной нечувствительности, одним из которых является использование феминитивов – слов женского рода, альтернативных или парных аналогичным словам мужского рода. Вокруг этого явления ведутся многочисленные споры о его правомерности и тех значениях, которые вкладываются в данные слова помимо чисто лингвистических.

Таким образом, сферой, где сильнее всего проявляется гендерная нечувствительность, является профессиональная сфера. Несмотря на то, что в сов-

ременном мире женщинам доступны любые виды деятельности, тенденция общего мужского рода не была утрачена, поэтому в области профессиональной номинации женщины по-прежнему дискриминируются.

Литература

1. Ефремов В. А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина – женщина»: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Ефремов Валерий Анатольевич. – СПб., 2010. – 40 с.
2. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с
3. Ушакин С.А. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. - С. 35-45.

Negushina Aleksandra Alekseevna

GENDER CENSORSHIP AS AN ELEMENT OF RUSSIAN LANGUAGE CULTURE

Abstract. This article is devoted to the problem of gender censorship as one of the components of the Russian language culture. The proof of this thesis is built on the basis of the consideration of the ratio of masculine and feminine gender in the field of professional nomination.

Key words: Language culture; gender censorship; category of the genus.

ПРИНЦИП ПОВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АДАМА МИЦКЕВИЧА: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье анализируются виды повторов в произведениях Адама Мицкевича. Рассматривается повтор на всех уровнях языковой системы. В результате сопоставления польского, русского и английского варианта стихотворений выявляются общие закономерности принципов интерпретации повторов.

Ключевые слова: повтор; Адам Мицкевич; перевод; русский язык; английский язык; польский язык.

Выделение и рассмотрение универсальных принципов перевода текстов на разные языки всегда было и остаётся актуальной областью исследования. В данной статье на примере лингвистического анализа переводов Адама Мицкевича предпринята попытка выявить общие принципы интерпретации повторов. Повтор как базовый принцип организации текста рассматривается в трудах В.Я. Проппа [5], Д.С. Лихачева [2], Ю.М. Лотмана [3] и многих других учёных. Принимая во внимание тот факт, что поэты-романтики заимствовали фольклорные сюжеты и мотивы, отметим, что именно в текстах устного народного творчества повтор – основа композиционной структуры. Так, использование этимологических фигур (устойчивых сочетаний однокоренных слов типа *варится варенье*) – яркая отличительная черта и особенность славянского фольклора, обнаруживающаяся уже в древнейших текстах (См, например, работы М.В. Пименовой [4], В.В. Колесова [1]).

Фольклорная стилизация требовала от поэтов-романтиков развития языковых средств; их новаторство проявилось в использовании многозначности слова, развитии ассоциативности, метафоричности, открытиями в области стихосложения, метра, ритма.

В соответствии с уровневой организацией языковой системы, выделим четыре основные группы повторов, встречающихся в текстах Адама Мицкевича.

Фонетический повтор. У Адама Мицкевича представлена аллитерация. Проиллюстрируем этот приём на примере отрывка из стихотворения «Акерманские степи»:

<p>Stójmy!... Jak cicho!... Słyszę ciągnące żorawie, Którychby nie dościgiły żrenice sokoła; Słyszę, kędy się motyl kołysa na trawie, Kędy wąż śliską piersią dotyka się ziola... W takiej ciszy tak ucho natężam ciekawie, Że słyszałbym głos z Litwy... Jedźmy, nikt nie woła! (Stepy Akermzańskie)</p>	<p>Какая тишь! Трава не ше- лохнёт! Кругом меня вся ночь живёт и дышит; Вон, журавлей мне слышит- ся полёт; Чу, мотылёк во тьме траву кольшет, И лёгкий ветер ласково поёт... Какая тишь! Откликнись, мой народ: (Аккерманские степи, пер. Н.В. Берга)</p>	<p>The silence! I can hear far flight of cranes— So far the eyes of eagle could not reach— And bees and blossoms speaking each to each; The serpent slipping adown grassy lanes; From my far home if word could come to me!— (The Ackerman Steppe, пер. Edna W. Underwood)</p>
---	--	--

В польском и русском вариантах повторяются согласные *t // d, ś // ċ*, передающие шум, нарушающий тишину. Несколько иная интерпретация в английском переводе. Здесь для достижения аналогичного эффекта появляется аллитерация губных – *p // b, m*. Практически полное совпадение звуков во всех вариантах находим в стихотворении «Алушта днём»:

<p>Łąka w kwiatach, nad łąką latające kwiaty Motyle różnofarbne, niby tęczy kosa, Baldakimem z brylantów okryły niebiosa; Dalej sarańcza ciągnie swój całun skrzydlaty (Alushta w dzień)</p>	<p>Долина вся в цветах. Над этими цветами Рой пёстрых бабочек — цветов летучих рой — Что полог зыблется алмаз- ными волнами; А выше — саранча вздымает завес свой. (Алушта днём, пер. А. Майкова)</p>	<p>Upon the meadows settles shimmering down A band of butterflies in rainbow flight; Cicadas call and call in day's delight, And bees are dreaming in a blossom's crown. (Alushta by Day, пер. Edna W. Underwood)</p>
--	---	---

Отметим, что английский вариант более разнообразен с точки зрения звукового повтора, чем славянские, в которых отсутствует повтор заднеязычного *k*. Однако это отсутствие компенсируется лексическим повтором, который, в свою очередь, нанизывается на фонетический повтор: *kwiatach–kwiaty; цветам–цветами–цветов*.

Морфологический повтор представлен повторением однокоренных слов одной или разных частей речи. Сюда же включен повтор этимологических фигур. В славянских вариантах перевода повтор корня более последователен, чем в английском (в силу типологического сходства польского и русского). Приведём ряд отрывков, с русским переводом:

<p>Białawym kwieciami, jak białe motylki, Unoszą się nad topielą; List ich zielony jak jodłowe szpilki, Kiedy je śniegi pobielą. (Switez)</p>	<p>Как белые бабочки, белым цветком Юни над водою белеют; Как ёлка зимою под первым снежком, Их листья в воде зеленеют. (Свитязь, пер. В.Г. Бенедиктова)</p>
<p>Tak, godną łezkę nad nim uronić Tobie zostało, mój bracie! Tobie i piosnkę świętą zadzwonić Po przyjaciela utracie... (Do Aleksandra Chodźki)</p>	<p>Так уронить жемчужину слезинки Тебе над ним досталось, мой брат! И петь ещё, творя ему поминки, Святую песнь судьбы тебе велять! (Александрю Ходзьке, пер. Н.П. Семёнова)</p>

Jako promienie, co ze środka słońca Leją potoki blasku i gorąca, A słońce w środku stoi niewidome. I byłem razem na okręgu koła (Widzenie)	Так солнце сеет из себя лучи, Которые светлы и горячи, И зреть даёт, что зренью уловимо, А само в существе своём незримо (Видение, пер. В.Г. Бенедиктова)
Milczą piszczałki, głuchną bębni, (Dudarz)	Вдруг пищалки смолкли; бубны не бубнят (Гудочник, пер. В.Г. Бенедиктова)

Общеславянские корни **bel*, **pesn*, **zrbt*, **vetr* сохраняют свою семантику в русском варианте. Интересно, что в переводе на английский язык морфологический повтор (случаи *figura etymologica*) как правило замещается фонетическим – аллитерацией на смычные взрывные *d // t* (см. ниже стихотворение «Алушта ночью»).

Интересна интерпретация В.Г. Бенедиктовым отрывка из стихотворения «Видение». Повторяющийся здесь три раза корень **zrbt* в словах, относящихся к разным частям речи, отсутствует в оригинале. Вероятно, это связано с тем, что слова с названным корнем не закреплены в узусе употребления польского языка. У В.Г. Бенедиктова это намеренный приём стилизации. Последовательность двух и более слов с общей морфемой, создающих единую внутреннюю форму – средство актуализации определённого конкретного лексического значения.

Rzeźwią się wiatry, dzienna wolniej posucha (Ałushta w nocy)	Повеял ветерок; стихает пламя дня (Алушта ночью, пер. Н.В. Берга)	The drooping, weary day night pushed aside (Alushta by Night, пер. Edna W. Underwood)
--	--	--

Лексический повтор включает:

1) Повтор словоформ одного слова:

Чалмý-то как снимут — на них (тут — природа сама!)

Из чёрных курчавых волос остаётся **чалма**. <...>

Добыча, когда б и надежды их все превзошла —

И то бы в них жажду **добычи** унять не могла. <...>

(*Аль-Мутанабби*, пер. В.Г. Бенедиктова)

В русском варианте переводчик использует приём просаподосиса (повтора словоформ одного слова в начале и в конце стихотворения). На наш взгляд, такой тип повтора способствует актуализации тема-рематической связи в соседних высказываниях. В оригинале у Мицкевича этого приёма нет:

Pekroć **turban** zdejmą, włos czarny i długi

Wije się po ich głowach, jakby **turban** drugi.

(*Almotenabbi*)

2) Повтор слов одной тематической группы. В стихотворении «Морская тишь» образ сна создаётся близкими по семантике глаголами *спит*, *проснётся*, *дремлет* и примыкающим к ним в смысловом отношении существительным *снов*. Повтор на фонетическом уровне, напротив, создаёт напряжение. В оригинале у Адама Мицкевича находим лишь лексический повтор слов названной тематической группы (*Drzemią, spi*):

Скользит ветерок, чуть касаясь до флага.
 СпиТ море: чуть зыблется ясная влага.
 Так в грёзах невеста под радугой снов
 Проснётся, вздохнёт лишь — и спиТ уже вновь.
 Лёг парус на мачту и дремлет, как знамя
 На древке, — где брани угаснуло пламя.
 Корабль, как прикованный к месту, слегка
 Колеблется. Отдых для сил моряка!
 О море! Полипа таят твои воды:
 На дне спиТ он, сжавшись, средь бурной погоды,
 А в тишь свои ветви спешит растянуть.
 О память! На дне твоём гидра есть злая:
 Под бурей страстей она спиТ, отдыхая,
 И жало вонзает в спокойную грудь
 (*Морская тишь, пер. В.Г. Бенедиктова*)

Синтаксический повтор представлен синтаксическим параллелизмом и анафорой. Анафора способствует актуализации и выделению значимого по смыслу слова, а параллелизм сближает стихотворение с произведениями устного народного творчества, создаёт тональность и напевность:

<p> Pędź, latawce białonogi, Góry z drogi, lasy z drogi! <...> Pędź, latawce białonogi, Skały z drogi, sępy z drogi! <...> Pędź, latawce białonogi, Stepy z drogi, chmury z drogi! <...> Pędź, latawce białonogi, Trupy, huragany z drogi! <...> (Farys) </p>	<p> Конь белоногий мой, лети! Леса и горы, прочь с пути! <...> Конь белоногий мой, лети! Прочь, скалы, коршуны, с пути! <...> Конь белоногий мой, лети! Прочь, тучи, коршуны, с пути! <...> Конь белоногий мой, лети! Скелеты, вихри, прочь с пути! <...> (Бедуин, пер. Л.И. Пальмина) </p>
<p> «Weźmiesz pióro, gdy rękę zmordujesz żelazem, Pióro pracuje tylko za miecza rozkazem». Tak mię pióra uczyły w przyjaznej rozmowie, — Trzeba było posłuchać, z głupstwa się uleczyć (Almotenabbi) </p>	<p> Перо ты возьмёшь, как истратится сила плеча; Перо ведь работает всё по приказам меча». Перо этой речью хотело меня научить И тем от безумья, быть может, меня изле- чить (Аль-Мутанабби, пер. В.Г. Бенедиктова) </p>

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях Адама Мицкевича представлен повтор на всех уровнях языка. В одном тексте, как правило, несколько типов повторов, нанизывающихся друг на друга. Наиболее последователен перевод лексики, поскольку многие слова во всех трёх языках имеют прямые смысловые соответствия. Фонетические повторы, в силу специфики звуковой системы языков, в переводах могут как полностью сохранять эквивалентность, так и замещаться другим звуковым рядом. Имеет место принцип замещения повтора одного уровня языковой системы другим. Так, в текстах находим

246 | случаи замещения морфологического повтора фонетическим (случаи figura etymologica) при переводе на английский язык. Синтаксис русских переводов близок к оригиналам и отражает организацию фольклорных текстов, представленную в текстах Адама Мицкевича.

Литература

1. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1989 – 296 с.
2. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л. 1971. – 360 с.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14 – 285.
4. Пименова М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб. : Филологический фак-т СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. – 415 с.
5. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
6. Pisma Adama Mickiewicza: Konrad Wallenrod ; Grażyna ; Ballady i romanse ; Sonety ; Wiersze oryginalne, Том 3 – Paryż, 1844

Saraykin I.V.

THE REPETITION IN MICKIEWICZ'S POESY AS AN INTERPRETING PROBLEM

Abstract. Types of repetition in Mickiewicz's poesy are analyzed in the article. Repetition is described at all levels of the language system. Russian, Polish and English variants of the texts were compared and common interpretation patterns were revealed.

Key words: Repetition; Adam Mickiewicz; interpretation; Russian language; English language; Polish language.

КАРИКАТУРА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА: ЕЕ СУЩНОСТЬ И РОЛЬ

Аннотация. В статье рассматривается карикатура как лингвокультурема, обращается внимание на единство языкового и экстралингвистического содержания карикатуры, исследуется её сущность и роль в современных СМИ. В качестве примеров приводятся и анализируются карикатуры со страниц сербской прессы.

Ключевые слова: карикатура; лингвокультурема; средства массовой информации; теории юмора; лингвокультурологические элементы карикатуры; сербская пресса.

В последнее время карикатура привлекает большой научный интерес, хотя представляет собой не новое явление. Карикатура – это сложная лингвокультурема, диалектическое единство языкового и экстралингвистического содержания. Актуальность изучения карикатуры заключается не только в том, что эта форма массовой коммуникации широко представлена в современных СМИ, но и в том, что карикатура представляет собой особенную силу, влияющую на мнение своей аудитории. Таким образом, целью настоящей работы является исследование сущности и роли карикатуры для более глубокого её понимания.

Слово карикатура происходит из итальянского языка и значит преувеличение. В Европе она появляется в XVI веке, в первых богословских дебатах реформистов против католической церкви [10]. Будучи почти единственным носителем сильного сообщения во времена невысокого уровня грамотности населения, карикатура надолго сохраняет свою боевую природу.

Значительную роль карикатура сыграла в истории США, где воздействующая сила карикатуры проявилась особенно ярко. Например, американский политический деятель Б. Франклин активно употреблял карикатуру в прессе, призывая к борьбе за освобождение от колониальной власти Англии [14]. Отметим также, что как плод творческой работы карикатуриста возникли сегодняшние символы республиканской и демократической партий США (слон и осёл) [10].

Рассмотрим сущность карикатуры. Карикатура представляет собой жанр изобразительного искусства, но она ещё и – сложная семиотическая система. Как коммуникативное средство, т.е. носитель смысла, она объединяет в себе три семиотические функции: презентационную, ориентировочную и организационную [11].

В карикатуре чаще всего отражаются события из мира политики, поскольку распространяют её в большей степени СМИ, используя для представления актуальных событий. Изображая эти события, карикатурист ориентируется в них с помощью семи семиотических категорий: (не)правда, (не)желательно, (не)важно, (не)понятно, (не)удивительно, (не)серьезно, (не)допустимо [11]. Являясь по сути своей всего лишь символической иллюстрацией, карикатура в то же время имеет сложную организацию и направлена на то, чтобы передать сильное, релевантное и юмористическое (чаще всего сатирическое) сообщение.

Учитывая то, что цель карикатуры достигается при помощи юмора, необходимо рассмотреть саму природу юмора. Отметим, что в психологии существуют три теории, которые объясняют его: «вражеская» теория, объясняющая так называемый «агрессивный, социально корректирующий» юмор, который возникает как следствие насмешки над недостатками социального явления или человека; теория «катарсиса», которая юмор понимает в качестве терапии, снимающей напряжение; теория «диссонанса», которая юмор объясняет несовпадением двух идеи – той, которую ожидает адресат и той, которую на самом деле адресант сообщает [13].

Если оставаться в сфере политической карикатуры, то политический юмор представляет собой форму лингвистической экспрессии, направленной на структуры власти (политическая система и её институты, политические лидеры и лица, принимающие важные социальные решения) [7, с. 165].

Карикатурист не обязан лично быть знаком с теорией юмора, но для него, как адресанта, особенно важно сохранить тонкий баланс между точностью, преувеличением и юмором [10]. Карикатурист преувеличивает ради лучшего высказывания своего мнения, использует различные этикетки, чтобы уточнить, что именно он имеет в виду, опирается на символы, чтобы передать более широкую идею, обращается к аналогии, чтобы сравнить сложную ситуацию с более известной, использует иронию, чтобы обратить внимание на разницу между тем, что есть и тем, что должно быть [6].

Карикатуру можно отнести к лингвокультуре, так как в ней соединяются языковые и экстралингвистические элементы, которые делают её единицей более глубокого смысла, чем слово [1, с. 20]. Каждая карикатура как обязательный элемент включает в себя иллюстрации, к которым, как правило, присоединяется текст. Он может стоять под или над карикатурой, может находиться в самой карикатуре как речь персонажей, или может быть частью самого рисунка [1, с. 20]. Карикатура становится своеобразной визуальной эпиграммой [8, с. 966].

Однако эта визуальная эпиграмма может остаться непонятной, если сюжет, символы и лингвокультурологические элементы, не знакомы читателям, представляют другую культуру [3, с. 26]. Примерами сказанного могут служить карикатуры со страниц сербской прессы, которые пользуются различными метафорами: локально – сербскими, регионально – европейскими и общими мировыми.

Карикатура № 1

Карикатура № 1 не только традиционно изображает сербского крестьянина (типичные обувь и шляпа), но в ней также обыгрывается пьеса сербского писателя-сатирика Р. Домановича «Вождь», известная всем представителям сербской культуры. Цель карикатуры – показать заблуждения народа, который, неправильно выбрав «вождя», страдает.

Карикатура № 2

В карикатуре № 2 использованы различные персонажи, являющиеся символами лжи, в большей части понятные представителям европейской культуры. На первой парте сидит Буратино, за ним – барон Мюнхгаузен, а за ними охотник и рыболов (без которых не может существовать известная сербская поговорка «рыбо-охотничьи истории»).

Карикатура № 3

Карикатура № 3 изображает поговорку «решение из пробирки», которая имеет следующее значение: план выхода из кризиса, из какого-то трудного положения, но успех этого плана маловероятен.

Карикатура № 4

В карикатуре № 4 используется глобально-известный символ мира – голубь, строящий гнездо из спичек. Таким образом карикатурист хочет передать мысль, что мир можно легко расстроить «огнём», т.е. войной.

Относя карикатуру к произведениям лингвокультуры, можно отметить, что по степени эмоционального воздействия карикатура находится в тесной связи с афоризмом, памфлетом, басней и пословицей, которые в несколько предложений передают более глубокую мысль от того, что буквально собой обозначают [3, с. 27]. Также, так как графическим элементом карикатуры, как правило, является метафора, она чаще всего бывает усилена гиперболой или гротеском, чтобы стать более выразительной [3, с. 28].

Наконец, карикатура – это и вторичный дискурс, который благодаря своей сложной структуре выполняет особенную рефлексивную функцию [2, с. 73]. А именно она является «фрагментом ментального мира автора» и «каналом ведения диалога с окружающим миром» [4, с. 217].

Карикатура, которую использует СМИ, как специфический креолизованный дискурс, обязательно содержит политическое или социальное сообщение, касающееся актуальных событий [4, с. 219]. Важность и роль карикатуры в СМИ лучше всего показывает место, которое она занимает – как правило, она находится в эдиториале (от англ. editorial – «главный материал», «передовица (в газете)») [12]. Она занимает это место не только из-за того, что изображает главную новость дня, но и из-за того, что карикатура – это могучее оружие, которое у адресатов всегда вызывает реакцию: «одни смеются в знак одобрения», а другие «хрустят зубами в гневе и возражении» [9]. Каждый карикатурист хочет вызвать впечатление и для этого он опирается на вдохновение, нестандартное мышление и способность видеть «юмор», где другие видят только новости. Тем не менее каждая из карикатур отражает ценности и мнение самого карикатуриста, имеющего цель повлиять на поведение и убеждение своего адресата, потому что «карикатурист не резюмирует просто новость, но дает суждение о ней» [5].

Таким образом, созданная как иллюстрация к тексту, карикатура постоянно доказывает, что «рисунок более ценен, чем 1000 слов». Это ей удаётся благодаря сложным метафорическим образам, которые делают «то, что на поверхности легкомысленное, успешным», помогая таким образом обществу понять и рассудить «то, что является сложным» [10]. Несомненно, такая её природа заслуживает большого внимания не только лингвокультуролога, но и всех других учёных, которые интересуются обществом и общественными явлениями. Так как карикатура освещает ту сторону политической (и шире, социальной) культуры, которую нельзя найти в официальных сообщениях, она может быть средством понимания «обыкновенных» реакций на социальные явления, часто выходящих за пределы социологических опросов.

Литература

1. Беляева М.А., Шаклеин В.М. Лингвокультурологический анализ текстов карикатур. // Вестник РУДН. Серия русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2012. № 2. С. 19-24.

2. Ласкова М.В., Зуева Р.С. Политическая карикатура как социально- культурная универсалия в современной политической лингвистике. // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону, 2016. № 1. С. 71-75.

3. Талыбина Е.В., Минакова Н.А. Карикатура как взаимодействие вербальных и невербальных знаковых систем // Вестник РУДН. Серия русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2013. № 1. С. 24-30.

4. Чаплыгина Ю.С. Карикатура как одна из специфических форм креолизованного дискурса. // Вестник МГЛУ № 522. М., 2007. С. 217-220.

5. Behind the lines, Investigating political cartoons in the Lines National Museum of Australia's. [Электронный ресурс] // URL: http://www.nma.gov.au/_data/assets/pdf_file/0006/19455/Behind_the_Lines_bw.pdf

6. Cartoon Analysis Guide [Электронный ресурс] // URL: https://www.loc.gov/teachers/classroommaterials/presentationsandactivities/activities/political-cartoon/lm_cart_analysis_guide.pdf

7. De Landtsheer Ch. Feldman O. Beyond Public Speech and Symbols: Explorations in the Rhetoric of Politicians and the Media - Santa Barbara: Praeger Publishers, 2000. 286 p.

8. Duus P. Presidential Address: Weapons of the Weak, Weapons of the Strong-The Development of the Japanese Political Cartoon// The Journal of Asian Studies - Ann Arbor Michigan, 2001. Vol. 60, No. 4. pp. 965-997.

9. Laughing with Knives, National Museum of Australia. [Электронный ресурс] // URL: http://www.nma.gov.au/_data/assets/pdf_file/0016/19141/laughing_with_knives_colour.pdf

10. Lee C.B. A Semiotic Analysis of Political Cartoons. [Электронный ресурс] // URL: <http://cseweb.ucsd.edu/~goguen/courses/271sp03/spapers/cartoons/Cartoons.htm>

11. Lemke J.L. Visual and Verbal Resources for Evaluative Meaning in Political Cartoons. [Электронный ресурс] // URL: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/education/jlemke/papers/polcart.htm>

12. Political Cartoons Analyzing An Editorial in Picture Form. [Электронный ресурс] // URL: <https://humanities4life.wikispaces.com/file/view/analyzing+political+cartoons+globalization.pdf>

13. Tomoioagă A. A linguistic analysis of jokes. [Электронный ресурс] <http://www.upm.ro/ldmd/LDMD-03/Lds/Lds%2003%2016.pdf>

14. Wintz Neighbor T., Karaca C., Lang K. Understanding the world of Political Cartoons, for educators [Электронный ресурс] // URL: <https://www.world-affairs.org/wp-content/uploads/2013/10/2003-Understanding-Political-Cartoons.pdf>

Примечания

1. Карикатуры № 1, 2 взяты с сайта ежедневной газеты «Данас»; автор Corax (Предраг Кораксич) http://www.danas.rs/upload/images/corax/2013/9/4/coraxv-04-09-2013_ocr_w500_h516.jpg и http://www.danas.rs/upload/images/corax/2014/3/22/coraxv-22-03-2013_ocr_w500_h516.jpg

2. Карикатура № 3 взята с сайта политической партии «Доста је било»; автор Марко Сомборац <http://dostajebilo.rs/wp-content/uploads/marko-somborasasa-radulovic-604x270.png>

3. Карикатура № 4 взята с сайта ежедневной газеты «Вечерње новости»; автор Тошо Боркович <http://www.novosti.rs/upload/images/2014//PJER/Druga%20nagrada%202000.JPG>

Ugarkovic T.

CARICATURE AS LINGUOCULTUREME: ITS ESSENCE AND ROLE

Abstract. The caricature as a linguocultureme is considered in the article. The article draws attention to the unities of the linguistic and extralinguistic content of the caricature and examines the nature and the role of caricature in the modern media. The caricatures from the Serbian press are presented and analysed as examples.

Key words: Elements of caricature; Serbian press; caricature; linguocultureme; media; theory of humor; linguistic and cultural.

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И РЕКЛАМЫ

Аврамёнок Маргарита Владимировна

учащаяся 9 "Г" класса

МАОУ Домодедовской гимназии № 5

Домодедово, Россия

avramenok.rita@yandex.ru

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА В АНОНСАХ НОВОСТЕЙ ПЕРВОГО КАНАЛА

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос использования изобразительно-выразительных средств языка при создании заголовков анонсов новостей Первого канала. В ходе исследования и анализа автор приходит к выводу о том, для создания емких, афористичных, запоминающихся заголовков наиболее широкое применение находят такие средства, как аллюзия, цитата, фразеологизмы и реж реминисценция. Автор статьи предполагает, что данные приемы рассчитаны на привлечение внимания самой широкой зрительской аудитории к выпускам новостей Первого канала.

Ключевые слова: новости; заголовок; аллюзия; цитата; фразеологизмы; реминисценция.

Реалии наших дней таковы, что современный человек постоянно имеет дело с большим и постоянным объемом новостной информации, источники которой весьма разнообразны: это газеты, журналы, Интернет и, конечно, телевидение. Причем каждый из них ведет борьбу за свою аудиторию, пытается завоевать внимание зрителя, слушателя, ищет новые интересные формы подачи новостей.

Так, например, сравнительно недавно на Первом федеральном канале появились ежечасные краткие видео анонсы последних главных новостей в стране и мире. Анонсы новостей подаются вниманию зрителя неоднократно (примерно два раза в течение часа) и сопровождаются яркими, емкими, афористичными заголовками, в которых часто используются фразеологические обороты, аллюзии и реминисценции.

Новости – это неотъемлемая часть нашей жизни, и форма их подачи имеет немаловажное значение, что и объясняет актуальность данной научной работы. Кроме того, анализ заголовков поможет самостоятельно создавать

254 | оригинальные, запоминающиеся, информационно насыщенные названия текстов.

Объект исследования:

- анонсы новостей Первого канала.

Предмет исследования:

- использование крылатых выражений, фразеологических срращений, аллюзий и реминисценций в заголовках новостей Первого канала.

Цель исследования:

- определить, какие художественные приемы чаще всего используются в анонсах новостей Первого канала.

Задачи:

- собрать, изучить и систематизировать заголовки анонсов новостей Первого канала;

- определить художественные приемы, используемые в заголовках новостей Первого канала, и их роль.

Методы исследования:

- научно-поисковые: работа с литературоведческой литературой, работа с анонсами новостей Первого канала;

- аналитические: анализ собранного материала;

- систематизирующие: систематизация полученных данных;

-практические: создание перечня заголовков в соответствии с художественными приемами, используемыми в их создании.

В качестве заголовков анонсов новостей Первого канала наиболее часто используются изобразительно-выразительные средства. Так, сравнительно за небольшой период времени (три месяца) мной были обнаружены следующие выражения, нашедшие применение в качестве заголовков в новостях главного канала страны.

- Аллюзия в заголовках новостей

Аллюзия часто употребляется в качестве заголовков новостей и прочно занимает место в ряду ярких, запоминающихся, разнообразных образов, создаваемых редакторами новостей и, несомненно, привлекает внимание зрителя более взыскательного и образованного.

1. Таланты и деньги

О выделении государственных средств на развитие талантливых детей России.

Это аллюзия на пьесу известного русского драматурга XIX века А.Н.Островского «Таланты и поклонники».

2. Своя чужая боль

Заголовок к репортажу о помощи российских врачей сирийской девочке, лишившейся во время взрыва обеих ног. Это аллюзия на фильм режиссера Александра Рогожкина «Своя чужая жизнь», в котором рассказывается

о кровавых, жестоких, но в какой-то степени романтических годах сразу после революции.

3. В гостях у сказки

Репортаж о Европе в ожидании рождественских праздников.

Аллюзия на известную и любимую в советские времена передачу для детей «В гостях у сказки».

4. Дорога длиною в жизнь

Репортаж о гибели лодки с беженцами из Сирии. Аллюзия на песню А. Розенбаума «Дорога длиною в жизнь» о боевом полете русских летчиков в Афганистане.

5. Угадай мелодию

Заголовок репортажа о скандале вокруг песни Ф. Киркорова и воровстве её мелодии.

6. Кризис нежного возраста

Репортаж об обстреле и гибели подростков-самоубийц. Аллюзия на известный научный термин «кризис среднего возраста».

Кризис среднего возраста – это сложный эмоциональный и психологический период жизни, когда человек начинает переосмысливать прожитую жизнь, причем чаще с негативным оттенком.

7. Горячий снег

Название известной книги советского писателя Юрия Бондарева о жестоких боях под Сталинградом, победа в которых стала переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны, стало заголовком к репортажу о продолжающихся военных действиях в Донбассе и гибели людей.

8. Реформа со слезами на глазах

Слова из песни «День Победы» с заменой слова, соответствующего содержанию новости о массовых протестах населения против возможной реформы в избирательном законодательстве страны, стали заголовком анонса новостей о применении силовыми структурами Ирака слезоточивого газа при разгоне многотысячной демонстрации в центре Багдада.

9. Звезды своего дела

26 января 2017 в Екатерининском зале Кремля Владимир Путин вручил государственные награды и документы о присвоении почётных званий более чем тридцати россиянам за выдающиеся достижения в науке, культуре, медицине, производственной и наставнической деятельности.

10. Речь сквозь слезы

В заголовке репортажа использована аллюзия на известный фразеологизм «смех сквозь слезы», означающий «невеселый смех вопреки тяжёлому душевному состоянию, печали». «В Чикаго прозвучала прощальная речь президента США Барака Обамы. В ней он упомянул о Москве как о сопернике Вашингтона, перечислил свои достижения и со слезами на глазах

256 | поблагодарил свою супругу и дочерей. России же на прощание он решил преподнести очередной пакет санкций, уже внесенный в Сенат США».

11. Будь Трампом – и люди к тебе потянутся!

Аллюзия на известное в народе выражение «Будь проще – и люди к тебе потянутся!» стало названием репортажа о предвыборной гонке в США.

12. Из всех искусств...

Аллюзия на хрестоматийное высказывание В.И. Ленина о том, что «из всех искусств важнейшим для нас является кино» дало название репортажу о развитии отечественного кинопроката.

13. Уйти нельзя, остаться

Аллюзия на всем известное со школьной скамьи выражение «Казнить нельзя, помиловать» стало названием репортажа о политической и военной ситуации в Сирии.

14. Страна наострила лыжи

Полтора миллиона россиян приняли участие зимой 2017 года в спортивном мероприятии «Лыжня России». Заголовок содержит в себе аллюзию на фразеологизм «наострить лыжи», означающий «уходить, убегать куда-то». В данном контексте он имеет прямое значение.

15. Пиар на крови

Заголовок репортажа об убийстве лидера донецкого ополчения Гиви и причастности к нему киевских властей содержит аллюзию на название собора в Петербурге Спас на крови, построенного на месте покушения на русского императора Александра II.

16. Ветка сакуры и листья дуба

В заголовке было изменены некоторые слова. Это произведение, написанное Всеволодом Владимировичем Овчинниковым. Его полное название – «Сакура и дуб». В первом сюжете «Ветка сакуры» идет речь о том, что за люди японцы, а во втором «Корни дуба» – впечатления и размышления автора об Англии и англичанах. В анонсе имело место быть обсуждение о взаимоотношениях Англии и Японии.

17. Пароли, явки, шифры

Аллюзия на известное выражение «Адреса, явки, шифры» использовалась в качестве заголовка к репортажу о проблемах в социальных сетях и взломах.

18. Война слов

Проблема в анонсе: перейдет ли конфликт между Россией и США по Сирии в открытое противостояние? Название репортажа дает отсылку к известному роману Герберта Уэллса «Война миров» и одноименному кинофильму Стивена Спилберга.

19. Паны дерутся - у всей страны чубы трещат

Свое историческое начало это выражение берет из 16–17 века, когда польские феодалы, враждующие между собой, нападали на соседние владения вместе со своими холопами и более крупные феодалы разоряли мелких.

- Цитаты в заголовках новостей

1. «Скажи мне, кто твой друг...»

Неполное цитирование известной русской пословицы стала названием репортажа о политических и экономических отношениях Д. Трампа и странами Европы.

2. «Почем опиум для народа?»

Это заголовок репортажа о повышении цен на водку, которое значительно опередит уровень инфляции и позволит значительно пополнить государственный бюджет. Выражение «опиум для народа» - это образное определение религии, ставшее широко известным благодаря Карлу Марксу, использовавшему его в свое работе «К критике гегелевской философии права». Сравнение религии с опиумом, однако, известно еще до Маркса. Считается, что первым его использовал Маркиз де Сад в своем романе «Жюльетта» (1797) и немецкий поэт Новалис с сборнике афоризмов «Цветочная пыльца». Само же выражение «Почем опиум для народа?» - это цитата из известного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

3. «А напоследок я скажу...»

Такое название использовалось в качестве заголовка не однажды. Первый раз к репортажу об уходе Саакашвили с поста губернатора Одесской области и его обвинительной речи в адрес коррумпированности украинских властей.

Второй раз к репортажу об обвинительной речи Обамы перед своим уходом с поста президента США в адрес России и усилении санкций.

Это цитирование первой строчки романса из кинофильма Эльдара Рязанова «Жестокий романс». Фильм поставлен на основе пьесы А. Н. Островского «Бесприданница» и пользуется большой любовью зрителей, как и замечательные песни, многие из которых стали хитами.

4. «Люди гибнут за металл»

Цитирование слов из арии Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст» стало названием репортажа о задержании убийц спортсмена, которое произошло из-за денег.

5. «Большой секрет для маленькой компании»

Цитирование названия известной песни Сергея Никитина на слова Юнны Мориз, давшей название любимому советскому кукольному мультфильму-притче о дружбе, преданности, предательстве и раскаянии, стал названием репортажа о грязной предвыборной кампании во Франции.

- Игра слов в заголовках

1. Приговор ренты

Использование игры слов в совсем не веселом репортаже об ужесточении закона о договоре ренты.

2. Трамплин в Белый дом

Такое название получил репортаж о победе Д. Трампа на президентских выборах в США.

3. Затрамповать!

В репортаже с таким названием рассказывалось о массовых волнениях несогласных с результатами президентских выборов в США.

4. Вооружение и силы

Вооруженные действия в Сирии, наращивание военной мощи их армии.

- Реминисценция в заголовках

1. Выбор другой стороны

Такое выражение дает отсылку на фильм «Звездные войны». В содержании новостей мы узнаем о внутренних и внешних политических отношений на Украине.

Итак, на основе практической части работы можно сделать вывод, что в анонсах новостей широко используются в качестве заголовков емкие, афористичные общеизвестные выражения. Как, например, фразеологические обороты, имеющие преимущественно исконно русское происхождение (как в воду глядел, сидеть на двух стульях, как снег на голову, войти в колею, мороз по коже, вставлять палки в колеса, ловить на живца), а также фразеологические сращения из литературных и исторических источников (жребий брошен, когда в товарищах согласья нет). Стоит отметить, что в заголовках некоторые из них претерпели грамматические изменения в соответствии с контекстом новостей (на двух стульях – не усидели, вошли в колею).

1. Самое широкое применение при создании заголовков (57 %) находит такой синтаксический прием, как аллюзия. Самое большое количество аллюзий в анонсах новостей – это аллюзии на названия известных российских и зарубежных фильмов.

2. В процентном соотношении на долю фразеологических выражений приходится 20% проанализированных заголовков.

3. Цитата также довольно часто (14%) становится заголовком новостей. Например, слова из хорошо известных всем песен самых разных жанров: романсов, арии из опер, песен для детей. Также редакторами новостей используются цитаты из произведений фольклора: пословицы, крылатые народные выражения.

4. Такой прием, как игра слов, реже используется в качестве приема создания заголовков новостей (8%), но тоже имеет место.

5. Реминисценция встречается крайне редко (1%) в заголовках новостей, так как её значение может быть скрыто для «простого» зрителя.

Таким образом, использование в качестве заголовков фразеологических выражений, аллюзий и цитат позволяют создать яркий, афористичный, привлекающий внимание самых разных по уровню образования и культуры зрителей заголовков. Он не только способствует увеличению аудитории, но и заставляет размышлять над прямым и скрытым смыслом названия, а также искать аналогии, а может просто вызывать разнообразные эмоции.

Создание заголовка для статьи – это нелегкий труд, потому что именно его содержание сыграет роль в восприятии дальнейшей информации, именно оглавление решает возникновение интереса – будет ли человек слушать или читать предоставленные ему новости. Это искусство в борьбе за внимание зрителя, слушателя или целой аудитории.

Литература

1. Телевизионная передача «Новости» на первом канале
2. Словарь литературоведческих терминов. Под редакцией И.А. Книгина. Саратов, издательство «Лицей», 2006., С. 7, 26, 102, 165.
3. Фразеологический словарь русского языка. Составили Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. Под редакцией А.И. Молоткова. Издание 4-е. Москва «Русский язык» 1987., С. 37., 115, 245, 276, 278, 347, 472, 487, 512.
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_1_%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0_2009.jpg.
5. <https://www.proza.ru/2013/12/18/1832>.

Avramenok M.V.

FINE-EXPRESSIVE MEANS OF LANGUAGE IN THE NEWS PREVIEWS OF FIRST CHANNEL

Abstract. In the research paper of Avramenok Margarita, the question of use of expressive means of language in the headlines of the news announcements of the First Channel was considered. During the research and analysis, the author comes to the conclusion that such tools as allusion, quotation, phraseological units and less often reminiscence find the widest application in the creation of capacious, aphoristic, memorable headlines. The author assumes that these techniques are designed to draw attention of the widest audience to the news releases of the First Channel.

Key words: news; headline; allusion; quotation; phraseological units; reminiscence.

Гейн Екатерина Андреевна
студент 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
e-mail: gein_katia@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье анализируются различные трансформации фразеологизмов, употребляющихся в рекламных текстах, предлагается их классификация.

Ключевые слова: фразеологизм; рекламный дискурс (текст); трансформация фразеологизма.

Фразеологизмы – частотные языковые средства создания образа товара в рекламном тексте. Они обладают эмоционально-оценочными, стилистическими и прагматическими характеристиками, необходимыми рекламному дискурсу, активно используются в живой речи, понятны целевой аудитории и привлекательны для большинства людей.

По определению, данному в пособии под ред. П.А. Леканта, фразеологизмы – это «устойчивые сочетания слов, постоянные по своему значению, составу и структуре, воспроизводимые в речи в качестве готовых и целостных лексических единиц» [10, с. 46]. Однако в рекламных текстах существуют различные типы фразеологизмов, чья целостность может быть нарушена с целью языковой игры. В данном случае создатель рекламного текста выступает как *homo ludens*, а трансформированные фразеологизмы, создающие языковую игру, относятся к области непрямой коммуникации и связаны с реализацией прагмалингвистической категории косвенности [5, 6, 7]. Существуют различные классификации трансформированных фразеологизмов. Так, Ю.С. Бернадская выделяет *парафраз, чистый фразеологизм, переосмысленный фразеологизм, и фразеологизм, обыгрывающий имя бренда* [2]. Л.Н. Катыхина [3] называет такие единицы «неофразеологизмами» и пишет о том, что возможна экспликация и импликация компонента фразеологизма, в результате чего появляется совершенно новая единица с другим значением [3]. Д.С. Скарёв рассматривает процесс «дефразеологизации», в результате которого происходит разрушение традиционной фразеологической единицы и появляется совершенно новая единица с другим значением [9]. Т.В. Акимова предлагает такие приёмы трансформации фразеологизмов: *структурная трансформация, семантическое обновление оборота и структурно-семантические изменения* [1].

Е.В. Куликова описывает семантические и структурно-семантические преобразования во фразеологизмах [4].

На основе этих типологий мы создали свою классификацию трансформированных фразеологизмов, которые используются в рекламных текстах:

1. «Чистые» фразеологизмы – уже готовые фразеологические единицы, включенные в словари фразеологизмов, которые используются применительно к рекламируемому продукту.

2. Переосмысленные фразеологизмы – это такие единицы, в которых обобщённое неделимое значение фразеологизма распадается на значения составляющих его слов. Сочетание слов приобретает новый смысл, относящийся непосредственно к предмету рекламы.

3. Структурно трансформированные фразеологизмы. К этой группе относятся фразеологизмы, в структуре которых происходят изменения за счёт замены, введения или изъятия компонентов.

4. Фразеологизмы, обыгрывающие имя бренда, используются тогда, когда в самой устойчивой единице содержится слово, являющееся частью имени бренда и таким образом отсылающее к нему.

5. Окаzionaliальные (индивидуально-авторские) фразеологизмы. К ним относятся совершенно новые, авторские единицы, образованные на базе уже существующих в языке фразеологизмов.

Проиллюстрируем данную классификацию примерами, взятыми из рекламных роликов (телереклама):

1. «Чистые» фразеологизмы: «Печень работает *как часы*» (лекарство «Эссенциале Форте Н»). *Как часы* – точно, бесперебойно, подобно ходу часов [11, с. 318]. Фразеологизм увеличивает образность рекламного текста, его наглядность. Делается акцент на положительных последствиях использования рекламируемого продукта, причём фразеологизм приближает данное высказывание к разговорной речи, более понятной и привлекательной для потребителей.

2. Переосмысленные фразеологизмы: «Скидки знают своё место» (магазин «Эльдорадо»). *Знать своё место* – вести себя соответственно своему положению; быть скромным [11, с. 92]. В данном контексте фразеологизм обретает другой смысл, связанный со значением его составляющих: скидки постоянны и находятся каждая «на своём месте», распространяясь на определённый товар.

«Они [другие смартфоны] *с одной стороны* хорошие, *с другой* – никакие. <...> *С одной стороны* экран, *с другой стороны* экран» (телефон Meizu с двумя экранами). *С одной стороны, с другой стороны* – употребляется при противопоставлении двух фактов, обстоятельств [11, с. 279]. В первом предложении фразеологизм сохраняет своё целостное значение, а во втором – утрачивает его. Слово «сторона» употребляется здесь в значении «одна из

262 | поверхностей, один из боков чего-н.» [8, с. 770]. Вследствие сопоставления чистого и переосмысленного фразеологизмов возникает языковая игра.

3. Структурно трансформированные фразеологизмы: *Вкусно навсегда* (творожные сырки «Советские традиции»). Исходная форма: *раз и навсегда* – окончательно, решительно, бесповоротно [11, с. 234]. Замена одного компонента на другой вместе с синтаксической трансформацией словосочетания (добавление союза) помогает акцентировать внимание на традиционном, проверенном временем качестве продукта, т.е. вкус останется неизменным «раз и навсегда».

Тает во рту, а не в руках (конфеты M&M's). Исходная форма: *тает во рту* – о мягкой, легко разжевываемой или очень вкусной пище [11, с. 288]. Произведена импликация компонентов фразеологизма, которая привнесла в него дополнительный смысл: конфеты не только очень вкусны, но и покрыты яркой оболочкой, предохраняющей их от таяния в руках.

4. Фразеологизмы, обыгрывающие имя бренда: «Давление в норме» (препарат «AD Норма»). *В норме* – в обычном, нормальном состоянии [11, с. 173]. Во фразеологизме, составляющем часть слогана, присутствует то же слово, что и в названии рекламируемого товара, что способствует его узнаванию и запоминанию. Фразеологизм используется в первоизданном виде, без трансформаций.

5. Окаzionaliальные (индивидуально-авторские) фразеологизмы: «Разлетается со скоростью вкуса» (пломбир «Русский холод»). Данная окаzionaliальная единица, с одной стороны, имеет значение «очень быстро, как со скоростью света», но с другой стороны, связывает эту скорость со вкусовыми качествами продукта, что происходит с помощью замены компонента. В результате слово «скорость» приобретает не свойственную ему сочетаемость, что помогает созданию рекламного образа.

Таким образом, можно утверждать, что фразеологизмы в рекламных текстах часто подвержены трансформации, и в видоизменённом виде более успешно выполняют свои функции. Они добавляют в текст образности, оживляют его, приближают к разговорной речи, привлекая внимание потенциального потребителя и удерживая его благодаря своей экспрессивной окраске и новизне.

Литература

1. Акимов Т.В. Фразеологизмы в рекламном тексте. // Вестник МГУП. – М., 2013. – №6. – С.201-202.
2. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Юнити. – 2008. – С. 76-77.
3. Катыхина Л.Н. Структура и семантика рекламного сленга. // Журнал «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика

и педагогика». – Курск: Изд-во Юго-Западный государственный университет, 2016. – №4. – С. 90-95.

4. Куликова Е.В. Рекламный текст: лингвистические приёмы выразительности. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009. – № 6 (2). – С. 276–282.

5. Нестерова Т.В. «НОМО LUDENS» в непрямой коммуникации. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5-2(71). – С. 126–131.

6. Нестерова Т.В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русская-язычное общение). // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5-1 (47). – С. 156-162.

7. Нестерова Т.В. Актуальные проблемы коммуникативном лингвистики (к уточнению понятий «коммуникативная категория», «категория не прямой коммуникации», «категория косвенности»). // Русский язык за рубежом. – 2016. – №1 (254). – С. 103-109.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

9. Скарёв Д.С. Фразеологизм как средство создания образа в рекламном дискурсе // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21451319_57917916.pdf (дата обращения: 14.03.2018).

10. Современный русский язык: Словарь-справочник: Пособие для учителя / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; Под ред. П. А. Леканта. – М.: Просвещение, 2004. – 304 с.

11. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М.: рус. яз. – Медиа, 2007. – 336 с.

Gein E.A.

IDIOMS IN ADVRE'TISING TEXTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of idioms transformations in advertising texts; the author proposes their classification.

Key words: Key words: idiom; advertising discourse (text); transformation of idiom.

Жумабаева Саидахон Тахирджановна
магистрант 1 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
STZhumabaeva@pushkin.institute

ЯЗЫКОВЫЕ ФУНКЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье описываются основные функции политического дискурса и особенности их использования.

Ключевые слова: функции политического дискурса; политическая интерпретация.

Каждая конкретная сфера коммуникации, в том числе и политическая коммуникация, выполняет функции, которые лингвисты приписывают языку в целом. Однако в разных дискурсах наблюдается преобладание разных языковых функций. В данной статье мы рассмотрим основные функции, присущие политическому дискурсу. Под политическим дискурсом понимается совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверяемых опытом. [1, с. 6].

Роман Jakobson предложил классификацию, которая в той или иной вариации принимается большинством современных исследователей. Он выделил шесть основных функций языка [3, с. 198-203]:

- коммуникативная (референтивная) – функция общения;
- аппеллятивная – функция воздействия на адресата;
- эмотивная – функция выражения эмоций автора и возбуждения эмоций адресата, связана со стремлением «произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» [3, с. 198];
- метаязыковая – функция, направленная на объяснение смысла слова или высказывания;
- фатическая – функция установления и поддержания контакта между коммуникантами;
- эстетическая (поэтическая) – функция, ориентированная на красивое, эффектное, оригинальное оформление сообщения.

Рассмотрим приведенные языковые функции применительно к политическому дискурсу.

Коммуникативная функция направлена на передачу информации, которая должна повлиять на преобразование картины политического мира, существ-

вующей в сознании адресата. Информация может быть преподнесена в виде сообщений, обобщений, мнений, сопоставлений и т.д.

Как правило, вся информация подвергается политической интерпретации. Примером политической интерпретации служит «просеивание информации», или преподнесение «правильной», «нужной» информации. Политики стараются акцентировать внимание избирателей на информации, способной представить их в выгодном свете, и при этом отвлечь внимание общественности от тех фактов, которые могут нанести ущерб их интересам и репутации [2, с. 83]: «У нас общие цели, мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, страной, которой гордятся её граждане и которую уважают в мире...» (В.В.Путин).

Когнитивная функция ориентирована на «концептуализацию мира, создание личностной, а затем и групповой (партийной) политической картины мира» [1, с. 81]. Специфика политического мышления нередко отражается в речевой деятельности вне зависимости от желаний говорящего. Так, метафорическое обозначение родной страны как летящей к цели ракеты или как телеги с отваливающимися по дороге колесами выявляет политическое сознание адресанта, а также его подсознательную оценку действительности. Примерами подобных метафор могут служить следующие: закат системы нераспространения оружия массового уничтожения; новый виток гонки вооружений; антивоенный иммунитет; эпидемия штрафов; плацдарм для глобальной экспансии; клубок террористических группировок; расставлять фигуры на ближневосточной доске; залечить раны войны.

Апеллятивная (побудительная) функция нацелена на воздействие на адресата. Нередко в задачи политического дискурса входит мобилизация избирателей для проведения конкретных акций: пойти на митинг или демонстрацию, проголосовать на выборах за определенного кандидата или партию, оказать этой партии какую-либо иную поддержку и т.д.

Апеллятивная функция в политической коммуникации может быть реализована не только при помощи явных призывов, но и косвенными средствами. Например, прямой призыв из речи В.В. Жириновского: «Вот я вам говорю – все! Давайте пойдём, давайте пересчитаем любой участок, чего вы боитесь, если выборы честные? Давайте пересчитаем на любом участке! Вы боитесь! Поэтому не надо обманывать здесь!».

Эмотивная функция имеет двунаправленный характер, так как она ориентирована на выражение эмоций автора и возбуждение эмоций у адресата. Поскольку эмоции заразительны, выражение надежды, патриотических чувств, враждебности к чему-либо и т.д. способствует возникновению и укреплению таких же чувств и эмоций у адресата. Создание нужного эмоционального фона является важным предварительным этапом для последующего переубеждения адресата и побуждения его к необходимым действиям.

Воздействуя на эмоции избирателей, политик может убедить их в том, что он отстаивает их интересы и потому является наиболее подходящей кандидатурой на ту или иную должность. При помощи эмотивности политик также может внушить неуверенность или страх своим оппонентам, что в итоге способствует укреплению власти. Например: «Я заставлю уважать Россию во всем мире и смогу защитить граждан России и наших соотечественников в любой точке Земли. Я не позволю сбивать русские самолеты, насмехаться над нами, критиковать, лгать, чернить Россию, водить нас мордой об лавку. Я заставлю их учить русский язык, слушать бой кремлевских курантов, не похлопывать нас по плечу, а вслушиваться в гул от мерной поступи русской молодежи, которая вместе со всем народом движется к мировому олимпу» (В.В. Жириновский). Отметим, что характерным для данного политика набором эмоций, выражаемых на речевом уровне, является недовольство, неприязнь, презрение, раздражение, возмущение, негодование и гнев. Очевидно, что В.В. Жириновский делает упор на негативные эмоции, обладающие большей силой воздействия, нежели положительные.

По мнению специалистов, эмоции влияют на политические предпочтения не меньше, чем рациональное осознание проблемы. Нередки случаи, когда люди принимают решения будучи в эмоциональном состоянии, а затем ищут рациональное объяснение своему решению [2, с. 85].

Метаязыковая функция направлена на то, чтобы сделать речь доступной всем слоям населения, объясняя значение специальных понятий и терминов, интерпретируя смысл того или иного события, текста (например, закона) и т.п. Так как любой политик не хочет, чтобы его слова были истолкованы неверно, то не стоит недооценивать важность метаязыковой функции в политической коммуникации.

Фатическая функция помогает подготовить адресата к восприятию информации, настроить его на нужный лад, расположить к себе. Использование в речи некоторых идеологем позволяет судить о политических взглядах автора. К примеру, для дискурса либералов характерны высказывания о правах человека, о личных свободах, общечеловеческих ценностях, тогда как для национально-патриотических сил типичны рассуждения о православных корнях, о Святой Руси, о русском духе и т.п. [2, с. 86]: Например: «Мы боролись с международным терроризмом и разгромили его. Но угроза терроризма в России еще не исчезла. Я уверен, что вам не безразлична судьба нашего Отечества. Мы помним то время, когда враги окружали Чечню, а друзей, готовых встать на сторону чеченского народа, не было ни одного. Эту роль на себя взял не военный, не политик, не генерал. На защиту России и ее целостность встал муфтий и религиозный лидер Чечни Ахмат-хаджи Кадыров. У него не было ни армии, ни оружия, ни денег, но у него в руках был священный Коран. Первым ему подал руку помощи и оказал поддержку

Владимир Путин. Сделать это было нелегко. В самые трудные моменты той истории Ахмат-хаджи обращался к Владимиру Путину, и ни разу он не получал отказа — я видел это своими глазами». (Рамзан Кадыров).

Эстетическая (поэтическая) функция особенно ярко выражена в малых политических жанрах (лозунги, слоганы, заголовки, плакаты, листовки), ориентированных на массового адресата. Наименее характерна данная функция для серьезных произведений крупных жанров, таких как аналитические материалы, внутрипартийные документы и т.д. Эстетическая функция играет не последнюю роль в публичных выступлениях, поскольку в их цели входит произвести эффект и запомниться аудитории. Нередко данная функция проявляется в лозунгах, воздействуя также на сентиментальность получателей сообщения: Вместе мы - Беларусь! Государство для народа. Беларусь – страна, в которой хочется жить! (Александр Лукашенко); Великой стране – сильный лидер!

Великой стране – достойное будущее! (Владимир Путин).

В заключение следует отметить, что в реальной речевой деятельности все перечисленные выше функции находятся во взаимодействии, хотя какая-то одна из них может и превалировать. Поскольку целью коммуникации в сфере политики является, прежде всего, борьба за власть и ее удержание, все рассмотренные выше функции должны служить достижению этой цели.

Литература

Литература

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991.
2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006.
3. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – с. 193-230.

Zhumabaeva S. T.

LANGUAGE FUNCTIONS IN A POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article describes the main functions of political discourse and the features of their usage.

Key words: The functions of political discourse; political interpretation.

Иванова Олеся Вячеславовна
магистрант Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина
Москва, Россия
lesenuch@rambler.ru

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЭВФЕМИЗАЦИИ КАК ОДНОГО ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности функционирования эвфемизмов в мужских и женских глянцевах журналах, сходства и различия, частота употребления; тематические категории, наиболее подверженные эвфемизации, их гендерная специфика. В статье используются материалы журналов как премиум сегмента, так и масс-маркета.

Ключевые слова: эвфемизмы; гляцевые журналы; гендер; гендерная специфика; мужские журналы; женские журналы; эвфемизация; средства выразительности.

Употребление эвфемизмов и само явление эвфемии – достаточно популярное направление исследований в современном русском языкознании в силу их активного использования в языке. Однако эвфемизация в сфере российских гляцевых изданий, и тем более гендерная специфика этого явления, исследованы недостаточно. Хотя именно в этой сфере можно наиболее наглядно проследить особенности употребления эвфемизмов в зависимости от гендерного признака целевой аудитории.

В первую очередь обозначим, что под эвфемизмом мы будем понимать «слово (или выражение), которое используется для косвенного, скрытого обозначения любого предмета или явления, называть которое его прямым наименованием при определенных обстоятельствах неудобно, неприлично, не принято» [3, С. 22]. Под гендером нами понимается «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [2]. В целом, исследование гендера в языкознании направлено на решение двух основных вопросов: 1) язык и отражение в нём пола; 2) речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин [2]. Наша статья касается особенностей функционирования эвфемизмов в текстах, направленных на аудитории разных гендерных групп, то есть в текстах мужских и женских гляцевых журналов.

Для начала стоит отметить, что женские глянцевого журналы характеризуются значительно большей степенью эвфемизации, нежели мужские. Во втором случае мы даже можем наблюдать одновременно два противоположных явления: эвфемизация и огрубление. Лингвистической особенностью текстов мужских журналов можно назвать нарочитую грубость и разговорность языка. Так, например, в мужском глянце можно встретить фразу «Красиво, на мой взгляд, когда мужчина небрит и пьян (или с похмела) и лысый» или заголовок «Вопрос авторам: самый идиотский подарок, который вы получали?» (GQ, декабрь 2016). Тогда как в женских журналах, напротив, степень эвфемизации речи и количество тем, затрагиваемых этим процессом, более обширны.

В материалах мужских глянцевых журналов эвфемизации, в основном, подвергаются такие темы, которые могут содержать своего рода отсылки к «женской» теме. Таковыми являются, например, эвфемизмы связанные с темой старения и использования косметических средств, предотвращающих его. Так, в женских журналах намного чаще, чем в мужских, можно встретить само слово «морщины». В мужских, чаще всего, оно заменяется на «признаки старения» и др. Однако и обратный процесс – намеренное огрубление, в рамках данной темы тоже не редкость. Авторы мужского глянца используют нарочитую разговорность при описании средств для ухода за собой, придавая «женской» теме более «мужской» стиль. Например: «Вот средства, которые устранят раздражение и придадут коже товарный вид» (GQ, декабрь 2016). Вероятность встретить подобного рода формулировку в женском журнале минимальна. Помимо этого, эвфемизации в мужских журналах подвергаются некоторые темы, вызывающие у мужской части читательской аудитории неловкость или задевающие их самооценку. Как, например, «облысение». Здесь чаще можно встретить нарочито разговорный эвфемизм «стремительно реденеющая шевелюра» (GQ, декабрь 2016).

В женских журналах эвфемизации подвергается значительно большее количество тем. Так, в более мягкой форме принято выражать неодобрение или негативную оценку, особенно – при описании знаменитостей или обращении к читательницам (например, «моветон», «дурной тон», «легинсы – вещь с не самой простой репутацией» – ELLE, апрель 2017), или обозначение каких-либо элементов, вышедших из моды (например, «хит прошлого сезона»). Эвфемизмы, относящиеся к теме старения свойственны женским журналам, так же как и мужским, но в чуть меньшей степени (например, «возрастные изменения» и «морщины» встречаются одинаково часто: их употребление, в большинстве случаев, зависит от контекста). Куда чаще эвфемизмы можно встретить в отношении проблем с кожей. Так, чаще всего здесь можно увидеть следующие формулировки: «несовершенства кожи», «воспаления» и др. Ещё одна тема, подвергающаяся тщательной эвфемизации – лишний вес. Среди этой тематической группы можно выделить следующие подгруппы:

270 | 1) «жировые отложения, полнота»; 2) «полные люди», 3) «размеры одежды для полных» [1]. Чаще всего в дискурсе глянцевого журналов встречается вторая подгруппа. И наиболее распространённый эвфемизм здесь – «размера плюс», «plus size». И ещё одна наиболее объёмная группа лексических единиц, подверженная постоянной эвфемизации, – номинации дорогой/дешёвой косметики. В текстах такой тематики мы можем встретить огромное количество эвфемизмов, например: «люксовые средства», «бюджетные аналоги», «демократичная марка», «продукт масс-маркета» и др.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что эвфемизация широко распространена как в журналах, нацеленных на мужскую аудиторию, так и в изданиях, предназначенных для женщин. При этом существуют общие тематические категории, подверженные эвфемизации, и различные, поэтому наличие гендерной специфики эвфемизмов в глянцевого журналах очевидно.

Литература

1. Жукова А. Эвфемизмы со значением «полнота», «жировые отложения» в рекламном дискурсе // Человек в информационном пространстве. – 2016. – С. 127-133.
2. Кириллина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. – 2005. – №2 (23).
3. Москвин В. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: ЛЕНАНД. – 2010. – 264 с.
4. Cosmopolitan Beauty Русское издание. – 2017. – №1.
5. ELLE Русское издание. – 2017. – №15.
6. Gentlemen's Quarterly / GQ Россия. – 2016. – №12 (185).

Ivanova O.V.

GENDER SPECIFICITY OF EUPHEMISATION AS ONE OF STYLISTIC DEVICES OF MALE AND FEMALE MAGAZINES

Abstract. The article is devoted to the features of the functioning of euphemisms in male and female glossy magazines, similarities and differences, frequency of using; the thematic categories most susceptible to euphemisation, their gender specificity. The article uses materials from both the premium segment and the mass market magazines.

Key words: Euphemisms; glossy magazines; gender; gender specificity; male magazines; female magazines; euphemisation; stylistic devices.

Ивушкина Александра Денисовна
магистрант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
alexandra_ivushkina@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ПЕЧАТНОЙ ПРЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «STORY»)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования трансформированных прецедентных высказываний (ПВ) в текстах современной печатной прессы. Материалом исследования послужил выпуск журнала «STORY» за декабрь 2016 года.

Ключевые слова: прецедентный феномен; прецедентное высказывание; трансформированное прецедентное высказывание; трансформация; массмедиа; контент-анализ.

Для современной печатной прессы характерно использование трансформированных прецедентных выражений в заголовках и в самих текстах статей. Это обусловлено необходимостью привлечь внимание читателя к публикуемому, заставить его прочитать статью, а также желанием автора усилить эмоциональное воздействие материала на читателя.

Прецедентное высказывание (ПВ) определяется как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений которого не равна смыслу» [3, с.54-55]. Ярким примером прецедентного высказывания могут послужить пословицы и поговорки («Ума за морем не купишь», «Любишь кататься – люби и саночки возить» и т.д.). Хранясь в памяти членов лингвокультурного сообщества [5, с.21] и передаваясь из поколения в поколение, они воспроизводятся в речи носителя языка в подходящей для этого ситуации.

Контент-анализ прецедентных единиц, использующихся в журнале «STORY», показал, что для данного издания трансформирование ПВ также является довольно распространённым стилистическим приёмом. В одном выпуске издания (за декабрь 2016 года) было выявлено 71 прецедентное высказывание, при этом около 38 % обнаруженных единиц – 27 преце-

272 | дентных феноменов – были представлены в трансформированном виде. «Канонических» ПВ, которые употребляется в тексте в своём изначальном, неизменённом виде, было выявлено 44 единицы (около 62 %).

Исследователи выделяют четыре типа трансформаций, которым могут подвергаться прецедентные высказывания: 1) замена компонента ПВ; 2) распространение ПВ; 3) усечение ПВ; 4) транспозиция (нулевая трансформация) ПВ. [1, с.112-116]

Самым распространённым типом трансформации является замена компонента прецедентного высказывания. Интересно, что данный тип трансформирования часто используется авторами текстов, для того чтобы подчеркнуть различия, несходства между теми или иными ситуациями, для того чтобы сделать акцент на противопоставлении героев, явлений, ситуаций. Например, в статье с экспрессивным названием «Вы звери, господа!», посвящённой жизни и смерти Мэрилин Монро, автор пишет, изменяя сразу два прецедентных высказывания (высказывание Аполлона Григорьева и цитату из стихотворения

М.Ю. Лермонтова): «Наше всё – Пушкин, а Мэрилин – наше ничего. Оба преследуют нас всю жизнь и тянут в разные стороны. Пушкин – невольник чести, чувство доброе лирой пробуждал, а Монро – бесчестная целлулоидная нежить, которая пробуждала нечто иное». А.С. Пушкин рассматривается здесь как нравственный идеал, и прецедентные высказывания, связанные с его именем, трансформируются, когда речь идёт об американской актрисе, охарактеризованной в этой статье весьма неоднозначно. Автор текста заменяет компоненты ПВ контекстными антонимами («наше всё» – «наше ничего», «невольник чести» - «бесчестная нежить», «пробуждал чувство доброе» - «пробуждала нечто иное»), подчёркивая противопоставление Пушкина как образца поведения и Мэрилин Монро как примера безнравственности. Этот тип замены называется семантической трансформацией ПВ (на основе антонимии). [2, с.118-121] Дополнительным средством экспрессии здесь выступает синтаксический параллелизм. [6, с.16]

Зачастую журналисты используют трансформированные прецедентные высказывания в качестве заголовков статей, заметок и т.д. В частности, одна из статей журнала «STORY», посвящённая истории мормонского движения, озаглавлена «Играй, мормон!». В качестве заголовка здесь, очевидно, используется трансформированное ПВ «играй, гормон!» - русская народная поговорка, которую обычно употребляют, для того чтобы охарактеризовать разгульное, разнузданное поведение того или иного человека. Замена компонента ПВ здесь происходит на основе сходства звуковых оболочек языковых единиц (слово «мормон» близко по звучанию слову «гормон»). Такой тип замены называют формальной трансформацией прецедентного высказывания (на основе параномазии). [2, с.118-121] В статье, называющейся «Играй, мормон!», в сатирической форме описывается история мормонства и сущность

этого религиозного учения в целом, и, в частности, высмеивается тот факт, что в мормонстве разрешено и даже поощряется многожёнство. Таким образом, при трансформации фольклорного ПВ «играй, гормон!» происходит слияние смыслов высказывания изначального и высказывания трансформированного, тем самым усиливается эмоциональное воздействие заголовка на читателя.

Далее, один из разделов статьи о мормонстве носит подзаголовок «Восемь женщин Джозефа Смита», который тоже по сути является трансформированным прецедентным высказыванием (название фильма Ф. Озона «Восемь женщин»). Однако в данном случае изменение прецедентной единицы происходит с помощью трансформации другого типа – распространения ПВ. Как не сложно догадаться, данным заголовком также высмеивается популярное у мормонов положение о многожёнстве и поведение одного из зачинателей мормонского учения Джозефа Смита. При трансформации исходное прецедентное высказывание приобретает иное значение, поскольку используется здесь для усиления иронии.

Следующий тип трансформаций – усечение ПВ – в чистом виде встречается в медиатекстах значительно реже. Более того, среди выявленных (в текстах данного выпуска журнала «STORY») трансформированных высказываний не было обнаружено ни одного подобного случая, однако, встретились примеры комбинированные, где усечение сочетается с другими способами трансформации ПВ. Например, изменённое крылатое выражение «Бойтесь своих желаний, ибо они имеют свойство сбываться» используется в текстах издания дважды, в обоих случаях происходит усечение прецедентной единицы и распространение её с помощью вводной конструкции: «Но бойся, как известно, желаний своих!»; «Выходит, бойтесь своих желаний?». В данном случае исходное ПВ сохраняет своё изначальное значение, крылатое выражение слишком «громоздко», слишком длинно для использования в речи, и усечение делает ПВ короче и выразительней, а вводные «как известно» и «выходит» подчёркивают обобщённый смысл высказывания.

Ещё одним довольно распространённым способом трансформации прецедентных высказываний является транспозиция, или нулевая трансформация. Транспозицией в лингвистике называется использование одной языковой формы в функции другой. [4, с.519] Говоря о типах трансформации ПВ, под транспозицией исследователи понимают «использование нетрансформированного текста в качестве заголовка статьи» [2, с.123-124], то есть такой способ трансформирования прецедентного высказывания, при котором изначальное его значение переосмысливается, хотя «материальная оболочка» ПВ остаётся прежней. В качестве иллюстрации можно привести пример использования ПВ «Такая вот вечная молодость» в одном из текстов журнала. Строка из песни группы «Чиж & Со» используется здесь как заголовок рекламной статьи о сети клиник, в которой занимаются омоложением кожи. В исходном

274 | precedentном высказывании понятие «вечной молодости» отсылает читателя к самой песне и связывается такими вечными ценностями, как любовь и искусство (музыка в частности). В трансформированном же заголовке статьи под вечной молодостью понимается вечная красота, ценностью выступают внешняя привлекательность.

Таким образом, использование трансформированных прецедентных высказываний в текстах современных печатных медиа оказывается обусловлено тематической и идейной составляющей журналистского произведения, а также зависит от авторских интенций, которые реализуются в тексте.

Литература

1. Высоцкая И.В. Прецедентные феномены в современной рекламе. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2011, №6 (2), с.112-116. [Электронный ресурс]. – UPL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/24.pdf (дата обращения: 20.01.2018).
2. Высоцкая И.В., Перфильева Е.Ю. Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. С.118-124. [Электронный ресурс]. – UPL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tipologiya-sposobov-transformatsii-pretседentnogo-teksta-v-gazetnom-zagolovke> (дата обращения: 20.01.2018).
3. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор - В. Н. Ярцева // Москва, «Советская энциклопедия», 1990. С.685 [Электронный ресурс]. – UPL: // <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 22.01.2018).
5. Лингвокультурологическое моделирование медиатекста: монография/ И.В. Ерофеева, В.В. Богуславская, А.Н. Тепляшина, Ю.В. Толстокулакова; [отв.ред. И.В. Ерофеева]; Забайкал. Гос.ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 202 с.
6. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., Богуславская В.В., Ширина Е.В. Стилистика и риторика в схемах, таблицах, иллюстрациях. Том 1. Экспрессивные средства языка. – Ростов-на-Дону: РГУ. – 1998. – 24 с.

Ivushkina A.D.

THE FUNCTIONING CHARACTERISTICS OF THE TRANSFORMED PRECEDENT STATEMENTS IN THE PRESS (ON MATERIAL FROM THE MAGAZINE «STORY»)

Abstract. The article presents analysis of the functioning characteristics of the transformed precedent statements in the modern press. The issue of the magazine «STORY» (December 2016) was chosen as the data of study.

Key words: Precedent phenomenon; precedent statement; transformed precedent statement; transformation; mass media; content analysis.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКЕ

Аннотация. Статья представляет собой анализ особенностей текстов научно-популярного дискурса. Автор отмечает, что данный тип дискурса обслуживает отдельную сферу деятельности человека – популяризацию науки. Таким образом, можно сказать, что тексты дискурса могут рассматриваться как явления научно-популярного стиля. В работе дается теоретическое обоснование выделения самостоятельного научно-популярного стиля в рамках современной стилистики.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, функциональный стиль, жанр, медиатекст, СМИ.

В настоящее время вопрос о научно-популярном дискурсе в современной стилистике является дискуссионным, и до конца не установлен стилистический статус научно-популярных текстов. Исследования показывают, что понятие «научно-популярный дискурс» почти отсутствует в медийном пространстве. Чаще можно встретить «научный дискурс». Тем не менее отмечается тенденция к выделению именно научно-популярного дискурса. Исследователь Л.А. Егорова пишет, что к данному типу дискурса «относятся тексты различных жанров и форм репрезентации» [2, с. 43], объединенные определенными целеустановками. По мнению ученого, это популяризация достижений науки и техники, поддержание интереса к жизни научного сообщества, построение формационной мультимедийной сети, объединяющей различные источники информации по научной тематике, глобальные цели организации всего мирового сообщества для решения междисциплинарных мировых проблем, включающих охрану окружающей среды, развитие образования, защиту прав человека, интенсификацию медицинских исследований. Научно-популярный дискурс характеризуется тематической общностью и целью коммуникации, осознанным, активным участием коммуникантов в общественно значимом действии, обладающем диалогической природой. Целью коммуникации в рамках данного дискурса Л. А. Егорова называет стремление «воздействовать на общество, подготовить его к адекватному социальному взаимодействию и решению междисциплинарных глобальных проблем» [2, с.44]. Т.А. Воронцова предполагает, что причиной дискуссий о стилистическом статусе текстов научно-популярного дискурса является широчайшее разнообразие жанров, представленных в его рамках (это может быть книга, статья, интервью, репортаж, заметка).

В классической стилистике выделяется научный стиль и его подстили (научно-учебный, научно-популярный, научно-технический, научно-деловой). М.Н. Кожина выделяет тексты научно-популярного дискурса как подстиль научного стиля. Подстиль, по мысли ученого, – это результат деления функционального стиля «в зависимости от более узкой области его употребления (в пределах данной сферы общения) и соотносительности с менее широкой стороной жизни, с «подвидом» деятельности и общественных отношений, следовательно, и с несколько видоизмененными целями и задачами» [5, с. 180]. Н.Н. Маевский в вопросе о статусе текстов научно-популярного дискурса придает большое значение экстралингвистическим аспектам, которые он учитывает, формулируя содержание понятия «функциональный стиль»: «функциональные стили следует рассматривать как отражение внеязыкового в речи с помощью определенной системы средств языка» [4, с. 4-5]. По мнению ученого, научно-популярный стиль можно выделить как самостоятельный, так как он сформировался в связи с определенными общественными запросами и обслуживает конкретную сферу деятельности – популяризацию науки. Эту сферу мы не можем обозначить как «подвид» деятельности». Популяризация науки – это самостоятельная сфера, у которой есть собственные задачи, цели, область применения. Следовательно, если научно-популярные тексты обслуживают не разновидность определенной сферы человеческой культуры, а отдельную область деятельности, то у нас появляется основание характеризовать их как тексты самостоятельного функционального стиля. Н.Н. Маевский приводит в качестве аргумента данной точки зрения наличие у научно-популярного стиля конструктивного принципа и функционально-структурной системы, сформировавшейся «в результате межстилевой контаминации» [5, с. 8]. Такое слияние языковых средств нескольких стилей и обуславливает уникальность и самостоятельность научно-популярного стиля. В силу подобного стилистического явления, в научно-популярных текстах могут преобладать черты того или иного стиля. Мы не можем утверждать, что всегда превалируют черты научного стиля, и на этом основании выделять тексты научно-популярного дискурса как подстиль научного стиля. Подобный подход вынудил бы нас выделить научно-популярный текст, при преобладании черт публицистического стиля, как подстиль публицистического стиля.

Рассмотрим функционирование научно-популярного дискурса в медийном пространстве на примере текстов научно-популярного журнала «Кот Шредингера». Многие жанры научно-популярного дискурса создаются с помощью такого приема, как стилизация. В определенный образец текста помещается нетипичное содержание. Таким образом, научно-популярный стиль может вмещать в себя не только языковые черты других стилей, но и их жанровое наполнение. При соединении жанра одного стиля и содержания, характерного другому стилю, автор сохраняет композицию выбранного жанра, характерные

для него синтаксические конструкции, структуру текста. Для исходного формата может быть выбран любой жанр: инструкция по технике безопасности, договор, басня, публикация в социальной сети, полицейский протокол и т.д. Возможность такой контаминации обуславливает уникальность жанрового состава научно-популярного стиля. Например, жанр некролога используется для того, чтобы рассказать об «умерших» технологиях и гаджетах. Так, в журнале «Кот Шредингера» мы видим некролог по лампочке накаливания, тамагочи, фотопленке, CD-диске и т.д. В этом случае сохраняются структурные и композиционные особенности данного жанра: предмет изображения – факт «смерти» («Фотоплёнка, живая и искренняя, оставила нас. Хотя на самом деле это мы оставили её — ради цифровых снимков» [6 с. 51]), краткая биография «умершего» («Сначала для этой цели использовали раствор из щавелевой кислоты, железного купороса и гипосульфита. Затем, на рубеже XIX и XX веков много новых проявляющих веществ. Последним из них стал фенидон...» [6 с. 51]), информация о местах работы, достижениях («Повзрослев, Фотоплёнка, казалось, могла всё. Она существовала в цветной и чёрно-белой ипостасях, позволяла практиковать разные способы печати, вдохновляла на создание многочисленных наборов эмульсий для подложки... При съёмке эмульсия задерживала определённое количество света, и получалось изображение, составленное из разных цветных или чёрно-белых слов...» [6 с. 51]), упоминается причина «смерти» и в конце выражается скорбь («В конце XX века с изобретением цифровых фотоаппаратов съёмка стала доступна каждому...» [6 с. 51]).

Язык научно-популярного текста отличается образностью, эмоциональностью, занимательностью, сюжетностью. Он сочетает в себе свойства научного стиля (логичность, точность, наличие терминологии), публицистического (реализуется функция воздействия), стиля художественной литературы (образность). Такое взаимопроникновение элементов различных функциональных стилей формирует лингвистическую базу научно-популярного стиля, выделяя его среди классических подстилей. В текстах журнала «Кот Шредингера» встречаются такие тропы, как эпитет, сравнение, метафора, олицетворение. Эпитеты: «наивно полагала увидеть там <...> карту видимой части Вселенной или что-то другое, столь же восхитительно-научное» [7, с.25-26]. Сравнения: «Левое плечо напряженно приподнято, как у усердного ученика на сложной контрольной» [8, с.29]. Метафоры: «в ответ микроорганизмы совершенствуют оружие, тренируют бойцов, используют средства маскировки и диверсионные группы» [7, с.13] (здесь же — олицетворение). Для большей экспрессивности и образности речи используются приложения: «термин-страшилка», «гаджеты-монстры» [9, с.60]. А также применяется прием разрядки «Коне-е-ечно!», «на шика-а-арных таких санях». Используются нейтральные и разговорные элементы. Например, «правда, одни бактерии были «хорошими» и помогали хозяину» [7, с.15]. Также

278 | в текстах научно-популярного издания используются неологизмы: «ерундопель», ингобелеметр (от IgNobel Prize — Шнобелевская премия).

Таким образом, проанализировав жанровый состав и лингвистические характеристики текстов научно-популярного дискурса, мы можем сделать вывод о том, что данный тип дискурса обслуживает самостоятельную и постоянно развивающуюся в настоящее время сферу деятельности – популяризацию науки. Также научно-популярный стиль в отличие от научного реализует две, а не одну языковые функции: сообщения и воздействия. Данный факт выделяет тексты научно-популярного дискурса среди классических подстилей научного стиля. Описанные лингвистические и экстралингвистические аспекты позволяют нам говорить о формировании самостоятельного научно-популярного функционального стиля.

Литература

1. Воронцова Т.А. «Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля)» // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335) Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 38–42.
2. Егорова Л.А. «К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», 2009, № 1. С. 42-45.
3. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики [Текст] / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. - Пермь : [б. и.], 1966. - 213 с.
4. Маевский Н.Н. Особенности научно-популярного стиля : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Ростов-на-Дону, 1978. - 307 с.
5. Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики [Текст] / М-во высш. и сред. образования РСФСР. Перм. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького Пермь : [Кн. изд-во], 1968 - 251 с.
6. Журнал «Кот Шредингера» № 9 (23), сентябрь 2016 г. Издатель: ООО «Дирекция фестиваля науки» 144 с.
7. Журнал «Кот Шредингера» № 1-2 (27-28) январь-февраль 2017 г. Издатель: ООО «Дирекция фестиваля науки» 144 с.
8. Журнал «Кот Шредингера» № 1 октябрь 2014 г. Издатель: ООО «Дирекция фестиваля науки» 144 с.
9. Журнал «Кот Шредингера» № 1 (03) февраль 2015 г. Издатель: ООО «Дирекция фестиваля науки» 144 с.

Kartashova A.A.

POPULAR SCIENCE DISCOURSE IN MODERN STYLISTICS

Abstract. The article presents an analysis of characteristic of the texts of popular science discourse. The author considers that this kind of discourse serves a particular field of expertise – popularization science. So therefore we can say that texts of the discourse may be considered as the causes of popular science style. There is theoretical substantiation to formation of popular science functional stile under modern stylistic in the article. It can be useful for people at large.

Key words: Popular science discourse, functional stile, genre, media text, media.

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СТРУКТУРЕ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ЛОНГРИДА

Аннотация. В статье приводится определение лонгрида как жанра журналистики и рассматривается роль аудиовизуальных элементов как неотъемлемой части мультимедийного лонгрида.

Ключевые слова: лонгрид; мультимедиа; аудиовизуальные элементы.

Материалы длинной формы с широким использованием мультимедийных средств всё чаще встречаются в современных интернет-медиа. Среди них выделился лонгрид (англ. longread; long read – «долгое чтение») – особый жанр электронных медиа, которому присуще большое количество текста, разбитого на блоки и содержащего детальный обзор на заданную тему, и мультимедийных материалов: фотографий, аудио- и видеозаписей, инфографики и др. Данный жанр помогает читателю преодолеть «информационный шум» и полностью погрузиться в тему [2].

Лонгриды характеризуются активным использованием мультимедийных средств, которые достраивают смысл и восприятие текста. Это могут быть аудио- и видеофайлы, фотографии, презентации, инфографика, интерактивные хронологические таймлинии, рисунки, анимация, географические карты и многое другое. Эти элементы взаимосвязаны с текстом и между собой так, чтобы читатель мог получить полное представление по той или иной теме.

Важной характеристикой мультимедиа, используемых в новых медиа, является их модульность. Так, фотография, видео- или аудиозапись могут быть как элементом лонгрида, так и самостоятельной единицей информации. Модульность значительно облегчает процесс вёрстки, так как один элемент может быть легко заменён другим, и обеспечивает другой тип восприятия аудиторией. [5]

Н.Г. Лосева в работе «Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные» приводит следующую атомно-молекулярную теорию медиа: «Например, одна фотография – условный «инфоатом». Она может быть самостоятельным элементом и рассказать довольно много пользователю. Три или пять фотографий, собранные в слайд-шоу, – это уже «инфомолекула», тоже самодостаточная. Но при соединении такой «инфомолекулы» слайд-шоу с «инфомолекулой» текста, «молекулой»

280 | видеоиллюстрации или видеосюжета, «молекулой» графики получается «тело» мультимедийного материала». Таким образом, под инфомолекулой может подразумеваться любой элемент лонгрида: «фоторепортаж, карикатуры, подкасты, аудиоиллюстрация, аудиосюжет, видеосюжет, потоковое видео с места событий, видео- и аудиокomentarий» [3].

Визуальные инструменты наиболее часто встречаются в мультимедийных лонгридах, т.к. обладают способностью «погружать читателя в историю». Дэвид Кэмпбелл в своём исследовании «Целостность изображения» («The Integrity of the Image»), проведённым совместно с независимой организацией фотожурналистов World Press Photo, обосновал важность визуальной составляющей репортажа и высказал мнение о том, что фото сейчас стало неотъемлемой частью статьи и дополнительным средством художественной выразительности. [4]

Помимо фото, в лонгридах активно используется анимация, интерактивные картинки, аудио- и видеоконтент, цитаты, сноски, инфографика, таймлинии, подкасты и др. Как правило, все эти элементы находятся в тесном взаимодействии с текстом и между собой. Подобная сложная структура объясняется тем, что создатели лонгрида таким образом обеспечивают условия для поэтапного процесса усвоения идеи читателем: использование различных знаковых систем сначала воздействует на чувственный уровень восприятия, затем – на эмпирический, что приводит к теоретическим обобщениям.

Так, например, в лонгриде «NSA Files: Decoded» журналисты The Guardian использовали самоиграющее видео, текст, инфографику, аудио и фото; в статье «The Long, Strange Trip of Dock Ellis» спортивного издания ESPN использованы эскизы рисунков, фотографии билетов на матчи и коллекций бейсбольных карточек; в лонгриде «Out in the Great Alone» содержится интерактивная карта, видео, фотографии и иллюстрации, которые помогают создать эффект присутствия на гонках в собачьей упряжке на Аляске; лонгриды от Mashable «Photos Of The Year» и «Neil Leifer: The Boxing Photos» от Sports Illustrated практически полностью состоят из фото; в лонгрид «Сталин. Проводы» от «Московских Новостей» включены интервью очевидцев, архивные кадры, комментарии экспертов; в лонгриде «900 дней жизни. Хроники блокады» были включены эксклюзивный архив ТАСС и музея обороны Ленинграда, фото, видео, аудио.

Аудиовизуальные элементы тесно связаны со скроллджекингом (от англ. scrolljacking) – «приёму изменения контента по мере движения скролла». [1] Изменения звукового ряда, элементов дизайна, цветов страницы, воспроизведение видеороликов способны влиять на реакцию читателя от прочитанного и вызывать у него рефлексию.

Следует отметить, что подобным чередованием форматов достигается коммуникативная привлекательность лонгрида. Включение различных

аудиовизуальных элементов оказывает воздействие на разные механизмы восприятия (чувственный логический, зрительный, слуховой) и делает динамичным процесс усвоения информации. Пользователь не устаёт читать длинный текст, мультимедийные технологии заставляют его «погрузиться в историю».

Литература

1. Анюхина А.М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. №2 (24). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-multimediynogo-longrida-i-digital-storytelling-v-setevyih-media> (дата обращения: 18.12.2017).
2. Запускалов А. Я так люблю, когда большой. Лонгрид, пожалуйста! Могут ли длинные тексты стать основной формой для СМИ в будущем? [Электронный ресурс] // Интернет-издание Hungry Shark. 2013. Ноябрь, 11. – URL: <http://hungryshark.ru/articles/ya-tak-lyublyu-kogda-bolshoy> (дата обращения: 25.04.2017).
3. Качкаева А.Г., Кирия И.В., Коломеец К.Г., Лосева Н.Г., Силантьева О.М., Телень Л.О., Тихомирова Т.Б., Филимонов М.Г. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. – М.: 2010. – 200 с. – С. 131.
4. Campbell D. The Integrity of the Image// World Press Photo. — URL: https://www.worldpressphoto.org/sites/default/files/upload/Integrity%20of%20the%20Image_2014%20Campbell%20report.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
5. Manovich L. The Language of New Media. Cambridge: The MIT Press, 2002. P. 23-27.

Kotova E.O.

AUDIOVISUAL ELEMENTS OF MULTIMEDIA LONGREAD STRUCTURE

Abstract. The article presents a definition of the longread as a journalism genre and considers the role of audiovisual elements as an integral part of multimedia longread.

Key words: Longread; multimedia; audiovisual elements.

Красичкова Анастасия Дмитриевна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
dikki96@mail.ru

ФЕМИНИТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается история и современное состояние феминитивов в русском языке.

Ключевые слова: феминитивы; словообразование; гендерно-нейтральный язык.

В последнее время в языке масс-медиа появились новые феминитивы – слова женского рода, обозначающих названия профессий, социальных статусов и т. д. и употребляющихся в качестве коррелята словам мужского рода (например, автор – авторница, блогер – блогерка, менеджер – менеджерка). Во многом это явление связано с набирающим популярность антидискриминационным движением, но также связано с протестом – феминитивы употребляются для того, чтобы подчеркнуть своё отношение к лицу женского пола.

Конечно, феминитивы существовали и раньше. Еще в древнерусском языке (VI–XIV вв.) появилось огромное количество феминитивов, образованных с помощью суффиксов -ик/-иц(а), -ник/-ниц(а) (ключник – ключница, посадник – посадница). Распространены были также слова женского рода на -иц(а) к наименованиям лиц мужского пола на -ец-: кормилец – кормилица, старец – старица. Суффиксы -ин/-ын(я) была в древнерусский период малопродуктивна и встречается в основном в книжно-письменном языке: господин – господня, селянин – селяныня.

В силу исторических причин многие профессиональные обозначения не могли быть применены к женщинам, поскольку им было запрещено заниматься определенными видами трудовой и учебной деятельности вплоть до XX века, в период которого расширяется трудовая сфера деятельности и женщины начинают активно участвовать в общественной жизни. Раз женский труд проникал в новые области, появлялась потребность как-то обозначить женщину в этой роли. Здесь могли использоваться как старые слова женского рода, которые совместно с определениями формировали составные названия (сестра милосердия, классная дама), так и всевозможные новые аффиксальные образования (телефонистка, телеграфистка, авиаторша и т. п.).

Таким образом, именно конец XIX – начало XX вв. характеризуются первым всплеском образования феминитивов в русском языке. Однако в тот же исторический период в силу стала входить противоположная тенденция – употребление слов мужского рода в обобщенном значении. По отношению

к женщине начинают употребляться слова: автор, адвокат, архитектор, редактор и т.д. Эта тенденция в дальнейшем победила феминитивы, вытеснив их из русского языка. Уже в 1947 году филолог В. В. Виноградов в учебном пособии по русскому языку отмечает, что форма мужского рода в русском языке стала обозначать не столько идею пола, сколько общее представление о лице, соотношенность с классом «человек» [3].

Как видно из краткого экскурса в историю, феминитивы неразрывно связаны с социальными событиями, что кажется логичным: язык всегда опосредован социальными отношениями, заражен идеологией, культурой, субъективными представлениями говорящего и слушающего. Поэтому мы не можем не обращать внимания на то, что происходит вокруг, когда говорим о той или иной языковой тенденции.

Все возрастающий интерес к феминитивам в наше время связан с острыми социальными и политическими проблемами. Многие движения, в том числе феминистские и антидискриминационные, придумывают новые феминитивы, утверждая, что язык должен отображать реальность, и если сейчас существуют женщины в таких должностях, в которых не могли существовать раньше, то есть необходимость в новых словах-наименованиях женского рода. Также сторонники вышеуказанных движений выступают за изменение ориентированной на мужчин структуры языка, которая делает мужской пол социальной нормой. Идет попытка создать и внедрить гендерно-нейтральный язык, чему способствует образование феминитивов.

Феминитивы образуются от слов мужского рода с помощью суффиксов -к-, -ш-, -есс-, ниц-, -ин(ын)- (организаторка, младеница, человечница, шофериня). При этом существует вариативность: авторка – авторесса – авторица, инструкторка – инструкторша, инспекторша – инспектрисса и др. Это связано с определенными трудностями в словообразовании: так, мы должны учитывать, что словообразовательные средства бывают продуктивными и непродуктивными. Продуктивность связана со многими критериями, такими как, например, количество слов с данной морфемой или частотность употребления этих слов, но одним из важнейших критериев является то обстоятельство, что данные морфемы приносят в слова актуальные для данного периода существования языка значение.

Если мы посмотрим на другие славянские языки, например, на чешский язык, то увидим, что в нём феминитивы прижились. Суффикс -к- в чешском языке «отличается наибольшим богатством структурных связей» [2]: *notář – notářka, prezident – prezidentka, autor – autorka, doktor – doktorka* и др. Данный суффикс оказывается в чешском языке наиболее продуктивным и жизнеспособным, вытесняя некоторые другие суффиксы, поскольку характеризуется широкими словообразовательными связями и семантической емкостью. Некоторые другие суффиксы тоже могут образовывать феминитивы (*ministr – ministryně, dramaturg – dramaturgyně, hudebnik – hudebnice, mistr – mistrová*), но они отличаются более узкими структурными связями и сейчас малопродуктивны.

Многие из новообразованных слов-феминитивов в русском языке для носителей языка звучат неестественно, поскольку у суффиксов есть дополнительное значение, мешающее воспринимать слово только как наименование профессии. Так, например, суффикс -к- имеет пренебрежительно-уничижительное значение (Катька, лялька), а суффикс -ш- изначально обозначал название жены по мужу (капитанша, генеральша). Суффикс -ин- изначально использовался для обозначения женского лица, обладающего титулом (графин – графиня). Таким образом, мы можем наблюдать некоторое сопротивление языка новым формам, так как они не могут восприниматься стилистически нейтральными.

Как отмечают некоторые лингвисты [1], «в русском языке если слово учительница (и ему подобные – работница, родительница и т.п.) прижилось, то любая искусственно изобретённая форма (профессорша, профессориня, профессорка) будет неизбежно звучать иронично, что вряд ли входит в планы борцов за лингвистическое равноправие». Именно искусственность вводимых феминитивов является их основной проблемой: непривычно и странно звучащие слова, агрессивно навязываемые кем-то со стороны, вызывают у большинства людей справедливое отторжение и сомнение в их необходимости.

Тем не менее, суффиксам свойственно утрачивать некоторые оттенки значения с течением времени, а сам факт наличия феминитивов не является противоречащим традициям русского языка. Феминитивы в наше время активно внедряются в язык, но пока не употребляются повсеместно: мешает экспрессивность, эмоционально-оценочные оттенки снисходительности, несерьёзности, пренебрежительности. И так как это нововведение еще не приняло массовый характер, пока феминитивы не могут считаться языковой нормой.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. М.; Л.: Учпедгиз. – 1947. 784 с.
2. Нещименко Г. П. Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке // Ученые записки Института славяноведения / Отв. ред. С.Б. Бернштейн; АН СССР. М.. – 1960. Т. 19. С. 159–202
3. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М.: Наука. – 1986. 192–193 с.
4. Анна Алексеева, «Феминитивы: все за и против»: – URL: <https://umnaja.ru/feminitivy-vse-za-i-protiv/>
5. Марья Пророкова, «Психология свободы: Насколько «авторка» и другие феминитивы вписываются в правила русского языка?»: – URL: <http://www.furfur.me/furfur/freedom/howitworks/217475-feminitivy>

Krasichkova A.D.

FEMINITIVES IN MODERN MEDIA LANGUAGE

Abstract. In this article, the history and current state of feminitives in modern Russian language is reviewed.

Key words: Feminitives; word formation; gender-inclusive language.

ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ШОКОЛАДНЫХ НАБОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать особенности наименований шоколадных наборов в современном русском языке.

Ключевые слова: нейминг; ассоциация; способы образования слов.

Современная реклама активно использует различные ресурсы номинации. Система «потребитель-производитель-товар» включает два важнейших элемента: производитель товара стремится продать свою продукцию потребителю, а последний стремится выбрать товар, который ему нравится. Своего рода посредником между сторонами торговли выступает реклама. Именно она работает на имидж и производителя, и покупателя. Важная роль в рекламе товаров отводится наименованиям. С их помощью производитель (продавец) повышает привлекательность товара, а покупатель, опираясь на предложенную рекламу, может сделать свой выбор.

Актуальность и важность выбранной темы исследования заключается в том, что при всем многообразии подходов и направлений в исследовании названий проблема особенностей нейминга в России является недостаточно изученной.

В связи с этим мы рассмотрели 30 наименований шоколадных наборов, извлеченные методом сплошной выборки из каталогов популярных кондитерских фирм, проанализировали особенности их образования и функционирования.

Целью нашей работы явилось описание типологии и семантики наименований шоколадных наборов.

Для достижения данной цели нам было необходимо решить ряд конкретных задач:

- определить теоретические основы и методологическую базу анализа наименований;
- описать структуру наименований шоколадных наборов;
- выявить мотивировочные признаки, лежащие в основе наименований шоколадных наборов.

Поставленные задачи определили структуру работы.

Сначала мы рассмотрели вопросы истории изучения наименований, их роли в рекламе, а также рассмотрению существующих точек зрения на про-

286 | блему их системности. Интерес вызвал материал, посвященный психологии наименований, так как оно, прежде всего, воздействует на эмоции человека. Очень важно подобрать правильное название товара, потому что малейшая неточность в этих факторах может повлиять на выбор потребителя.

Таким образом, изучив теоретические основы и методологическую базу анализа наименований, мы выяснили, что данный вопрос является дискуссионным.

Далее мы проанализировали рассматриваемые единицы. Мы рассмотрели особенности образования, лексико-семантического названий шоколадных наборов, а также мотивированности наименований и их функционирования.

Следует отметить, что в рекламе исследуемых фирм преобладают простые наименования шоколадных наборов (74%), т.к. потребителю их легче запомнить, например, Визит, АССОРТИ, Esfero и др.

Интересно, что в качестве названий используют также целые предложения, например, Россия – щедрая душа (показывает близость к просторам России и её «щедрости»).

В рекламе товаров большую роль играют мотиваторы. Нами было выделено несколько групп, и самой распространенной является группа с мотиваторами-именами собственными:

ROSHEN – часть фамилии производителя (Порошенко).

Raffaello – созвучно с фамилией производителя - Ферреро.

Ferrero – отсылка к производителю (Мигелю Ферреро).

M&M's (с англ.) – Марс и Мьюрри.

Snikers – в честь клички любимой лошади семьи Марсов.

VANA TALLINN (с эст.) – старый Таллинн.

А. Коркунов – название производителя (Андрей Коркунов).

Спартак (с греч.) – руководитель восстания гладиаторов.

Россия – щедрая душа – показывает близость к просторам России и её «щедрости».

Кремлина – отсылка к Московскому Кремлю. [2]

Создавая название набора шоколадных конфет? маркетолог руководствуется эстетической значимостью пищи. Важными критериями в выборе мотиваторов оказались

- экзотичность:

Milky Way (молочный путь.), Dove (голубь, символ миролюбия), БАРОККО (отсылка к великим, вычурным и пышным архитектурным постройкам, словно конфеты повторяют всю изящность зданий) и др. [3]

- непосредственная связь с положительными эмоциями человека, ощущением праздника:

Kalev (одна из версий, что обозначает «прямо от сердца»), Русский марципан (ассоциация с чем-то нежным и воздушным, «родным»), Bounty

(щедрость), Птичье молоко (отсылка к чему-то нежному, приятному), Визит (эти конфеты прекрасно использовать в компании, когда приходят в гости), Стандарт (вкус конфет будет знаком всем и является классическим (стандартным)), КОМИЛЬФО (как надо, как следует), Mersci (спасибо) и др. [1]

Такие названия являются своего рода стимулом, возбуждающим в сознании покупателя ряд ассоциаций, которые могут быть положительными, отрицательными или нейтральными. Насколько положительными будут эти реакции, зависит от того, удачно или нет придумано название для данного набора фирмой-производителем.

Проанализировав названия наборов шоколадных конфет, мы выяснили, что наименование выражается опосредованно, то есть через отношение к предмету или явлению действительности, которые характеризуются соответствующей эмоцией. Поэтому метафора – основной способ их образования.

Таким образом, теоретическая значимость работы состоит в попытке выявления особенностей семантики, потенциальных возможностей образования наименований. Практическое применение данное исследование может найти в учебном процессе.

Следует отметить, что список рассматриваемых в данной работе названий шоколадных наборов может быть продолжен. Семантическое поле современных рекламных наименований требует дальнейшего изучения.

Литература

1. ГРУППА «ГУТА» «Объединенные кондитеры». [Электронный ресурс]. 2002–2017. – URL: <http://www.uniconf.ru/factories/rot-front/>
2. Россия - щедрая душа! [Электронный ресурс]. URL: <https://ruchoco.ru/>.

Laba K.L.

FEATURES OF THE CHOCOLATE SETS' NAMES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. This article attempts to analyze the peculiarities of the chocolate sets' names in the modern Russian language.

Key words: Naming; association; methods of word formation.

Левшина Евгения Олеговна
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
EOLevshina@pushkin.edu.ru

ИНФОРМАТИВНЫЙ РЕГИСТР В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ТВИТТЕР»

Аннотация. В статье представлен анализ информативного регистра в текстах социальной сети «Твиттер». На материале текстов «Твиттера» анализируются языковые средства, формирующие регистры, и их комбинации, которые позволяют раскрыть тактику автора и его стратегию.

Ключевые слова: русский язык; коммуникативно-функциональная грамматика; «Твиттер».

Любой текст есть отражение языковой картины мира человека, некоторой моделью видения им действительности. Антропоцентрическая точка зрения, в центре которой находится человек, осуществляющий процесс общения, характерна для коммуникативно-функционального подхода в лингвистике [2]. В концепции данного подхода текст рассматривается как самая крупная синтаксическая единица, соединяющая в себе форму, значение и функцию, что следует учитывать при анализе текстов. Г.А. Золотова выделила три признака, которые характеризуют любой текст (пространственно-временная позиция говорящего; динамический или статистический характер представляемой действительности; коммуникативные интенции говорящего), и на их основании разграничила 5 коммуникативных регистров речи как текстовых категорий: репродуктивный, информативный, генеритивный для монологической речи, реактивный и волюнтивный для диалога [3]. В работах последнего времени, посвященных исследованию нехудожественных текстов, было предложено понимать регистр как определенную модель, способ видения говорящим действительности. Автор текста, имея в своем распоряжении языковые средства, выбирает из них те, которые соответствуют его видению окружающего мира [4].

В данной статье мы обратимся к текстам русскоязычной социальной сети «Твиттер» и проанализируем их регистровые характеристики, а также попытаемся определить, почему информативный регистр наиболее часто употребляется авторами и как это влияет на выбор языковых средств при создании текста. Авторы преследуют различные цели при создании твитов: привлечение внимания, передача информации, реклама и так далее.

Языковые особенности текстов Твиттера подробно описаны в статье Атягиной А.П., поэтому отметим лишь ограниченное количество знаков, которые

могут быть использованы при создании твита (280 символов), использование хэштегов и возможность создания реплавов, то есть “ответов” на твиты других пользователей [1; с. 205]. Для анализа были использованы наиболее показательные тексты русскоязычного “Твиттера” с точки зрения регистравой принадлежности. Использованные тексты принадлежат только пользователям с открытыми аккаунтами, которые доступны для просмотра широкой аудитории.

Проанализируем несколько наиболее показательных в регистровом отношении текстов, в которых информативный регистр преобладает, и именно эту модель видения действительности.

В информативном регистре говорящий описывает факты, явления, события, «поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу» [3; с. 29]. Таким образом, для информативного регистра свойственно сообщение некоторой информации, отвеченной от конкретного времени и пространства. Модусная рамка информативного регистра представляет собой модель: “Я знаю, что...”, “Мне известно, что...”

(1) Знаете, какой страх есть у людей, которые живут в небольших городах? Остаться там.

Перед нами информативный тип текста (1), в котором автор сообщает известные ему факты, но не является непосредственно их наблюдателем. Автор задает вопрос, на который сам дает ответ. Данный пример интересен тем, что автор, занимая позицию «над» событиями, описывает их субъективно, тем самым передавая собственное видение проблемы. Собственное видение ситуации можно проследить так в вопросе, который задает автор, а именно в словосочетании «небольших городах», с имплицитно негативной коннотацией. В вопросно-ответной форме текста можно проследить коммуникативную интенцию говорящего — сообщить о чувствах людей, живущих в маленьких городах. Отметим, что этот текст именно в вопросно-ответной форме можно было отнести и к волюнтивному регистру, но в данном случае текст не является диалогом.

(2) Мне иногда очень жаль аниматоров, потому что они могут долго работать и взамен практически ничего не получать. Это так грустно.

Следующий текст «Твиттера» (2) включает в себя несколько регистров одновременно. С одной стороны, в нем имеются информативные признаки грустно, жаль. С другой стороны, есть и наблюдаемые (эмпирические) признаки долго работать, ничего не получать, которые являются показателями репродуктивного регистра, однако в целом текст информативен, поскольку в нем описывается неактуальная ситуация, что выражено модальной модификацией исходной модели (могут работать).

(3) В Берлине есть музей граффити Urban Nation, где можно увидеть даже Бэнкси. Очень круто. Обязательно сходите.

Данный пример (3) представляется особенно интересным тем, что он сочетает в себе несколько коммуникативных регистров. Так, например, пер-

290 | вое предложение можно отнести к репродуктивному регистру. Следующее предложение содержит явную оценку говорящего, его реакцию за заявленное в первом предложении (очень круто), которое представлено информативным регистром. Последнее же предложение характеризуется синкретизмом информативно-описательного и волюнтивного регистра. Глагол в повелительном наклонении (сходите), создающий эффект настоятельной рекомендации к посещению музея, является формальным выражением волюнтивного регистра (автор в тексте обращается к потенциальному собеседнику)

(4) Скептически отношусь к комплиментам, потому что, ну знаете, у меня дома есть зеркало.

(5) Никогда бы не подумала, но это место стало вторым родным домом, где все всё понимают.

Два примера выше (4) и (5) также характеризуются информативным регистром, поскольку предикативная часть подразумевает неактуальный хронотоп (позиция автора не «сейчас», а «вообще»). Нельзя не отметить и яркую выраженность позиция автора, в котором он является субъектом-модусом (субъектом-мнением).

Таким образом, при анализе данных примеров было выяснено, что информативный регистр является одним из самых употребляемых при создании текстов в «Твиттере», поскольку для автора представляется возможность выбора наибольшего числа языковых средств для выражения собственных мыслей. Однако существуют и вкрапления других регистров в текстах информативного регистра, но они довольно немногочисленны и вливаются в информативную модель видения действительности.

Литература

1. Атягина А.П. Твиттер как новая дискурсивная практика // Вестник Омского университета. – 2012. – № 4. – С. 203–208.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
4. Роговнева Ю.В. Коммуникативная грамматика и анализ текста // Русский язык за рубежом. – № 6. – 2017. – С. 92 – 95.

Levshina E.O.

INFORMATIVE REGISTER IN TEXTS OF SOCIAL NETWORK «TWITTER»

Abstract. This article reflects the results of research and analysis of informative registers represented in texts of social network «Twitter». Authors analyze the language forming registers, their combination, which allows us to understand author's tactics and strategy.

Key words: Russian language; communicative grammar; «Twitter».

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГЛОВОКОВ СЕТЕВЫХ СМИ КИТАЯ

Аннотация. В статье анализируются на конкретных примерах заголовки сетевых СМИ Китая. С развитием сетевых технологий интернет-новости стали новым способом передачи информации для многих людей различных возрастов. В то же время произошли лингвистические изменения в традиционных заголовках новостей из-за ускорения темпов работы и жизни. Читатели надеются получить максимальный объём информации путем чтения заголовков в течение короткого промежутка времени. Поэтому правильно выбранное название играет решающую роль в привлечении пользователей интернета к чтению.

Ключевые слова: интернет-новости, заголовок, языковые особенности.

По поводу новостей Интернета китайские лингвисты имеют разные мнения. Например, Мин Дахонг в своей статье «Моё мнение об интернет-новостях и обсуждение с г-ном Го Лоте» [1] считает, что новости в Интернете – это новости, которые распространяются через Интернет таким образом, который позволяет веб-сайтам, группам новостей, спискам рассылки, доскам объявлений, веб-страницам и другим средствам одноразового или комбинированного использования быть созданными любым учреждением или физическим лицом. Du Junfei считает, что к кибер-новостям относятся новости, передающиеся на основе Интернета и, в частности, новости передаваемые с помощью любого мессенджера. Это происходит при помощи каждого пользователя, просматривающего, загружающего, взаимодействующего или распространяющего информацию о новостях через Интернет. Пэн Лан [2] в «Сетевой коммуникации» в определении сетевых новостей относит их к каналу информации. Это сеть, но её субъектами являются объекты существующего мира, которые подчиняются законам о новостях и могут быть приравнены к традиционным новостям. В работе [3] предлагается ещё один вариант классификации: автор считает, что нужно разделить онлайн-новости на онлайн-отчёты о новостях, онлайн-комментарии новостей и, собственно, сами онлайн-новости. Проявление новостей в основном встречается в виде изображений, текста, видео и т. д.

Новостной сайт состоит из главной страницы и нескольких веб-страниц. Помимо выделения основных новостей на главной странице, другие новости появляются только в виде заголовков. Название играет ключевую роль в онлайн-новостях.

Заголовки новостей в Интернете генерируют ссылки, читатель всегда в соответствии с их собственными хобби имеет возможность выбирать – открывать ли текст, читать ли детали. Чтобы привлечь читателей, повысить скорость перехода по кликам и достичь цели распространения новостей, авторы должны твердо убедить читателей заголовках в важности информации. Заголовки должны быть простыми, точными и яркими.

Рассмотрим заголовки новостей China News (21.11.2002).

1. Синтаксическое построение заголовков.

Около 30% от их общего количества на главной странице веб-сайта – предложение, построенное по схеме «предмет – предикат – объект» (SPO). Например:

- 1) 中国已经启动长江黄河源头水土保持预防工程
- 2) 北京今天开始时全市房屋及设备展开安全大检查
- 3) 联合国预测今年全球网民将占世界人口十分之一
- 4) 碾死韩国少女的一美国军人被判无罪激起韩国民愤
- 5) 戴妃车祸现场“狗仔队”摄影师被控侵犯隐私
- 6) 贾春旺签署命令追授两民警二级英雄模范称号

Все шесть заголовков – предложения SPO. Они соответствуют привычкам чтения людей и правилам мышления. После прочтения заголовка пользователи в зависимости от их потребностей в основном осваивали основную информацию новостей независимо от того, открыта она или нет.

2. Употребление коротких предложений вместо длинных.

«Длинные предложения» и «короткие предложения» – это относительные понятия. Хотя длинные предложения имеют то преимущество, что они более полны и детализированы, чтение и понимание этих предложений затруднительно. Поэтому журналисты и редакторы часто используют два коротких предложения вместо одного длинного предложений в названии.

Если проанализировать новостные заголовки China News Network от 21 января 2002 года, обнаружим, что из двух коротких предложений состоят 29 заголовков, на которые приходится 30% общего количества заголовков новостей на этом веб-сайте. Например:

布利克斯称伊会提供武器研制报告美国反应冷淡
“入世”满一年权成报告盘点中国制造业得失
认同同年长女性成熟风韵日本流行“老妻少夫”

Судя по форме предложения, длинное предложение делится на два коротких. Это позволяет людям «воспринимает заголовок» с первого взгляда и читать его без затруднений. С точки зрения выражения мысли два коротких

предложения взаимно усиливают друг друга или описывают два аспекта происшествия отдельно. Также они могут объяснить основной исходный материал происшествия, проанализировать причину инцидента или сделать комментарий.

3. Обычно используемые шаблоны.

При использовании менее 20 слов для описания события иногда приходится опускать некоторые части. Анализ заголовков сетевых новостей часто показывает отсутствие объектов, предлогов, союзов, предикатов и т.п.

3.1 Пропуск объектов.

По сравнению с современными китайцами, объекты древних китайцев не являлись непосредственно комбинацией существительных. Поэтому все древние предложения выглядят компактным. В настоящее время в заголовках онлайн-новостей автор часто пропускает объект, чтобы достичь цели привлечения внимания. Например:

中国空军数十(架)新战机成功进行大机群战斗转场演练

印度一(辆)巴士行驶途中起火21名乘客被活活烧死

河南一(家)非法烟花爆竹生产点爆炸一(名)民誉英勇牺牲

Здесь отсутствие объекта в предложении не влияет на выражение смысла.

3.2 Опущенные предлоги, союзы.

2002年中国职业高尔夫联盟杯第5站(于)苏州开杆

古巴将军(在)广州寻根：“我永远都是中国人的儿子”

В этих предложениях квантификаторы опущены. Но они не влияют на выражение значения предложения, что также отвечает требованиям первой страницы к количеству слов для заголовков.

3.3. Изучение объекта и других компонентов.

С точки зрения структуры информации объект в основном берёт на себя важную задачу передачи новой информации, которую нельзя вообще опустить. Однако в заголовках онлайн-новостей объекты часто опускаются. Например:

浙江高中会考重大改革计算器不再是“作弊工具”

详讯：驻科威特美军遭袭重伤枪手是科威特警察

狮子座流星雨今日告别演出 仍可尝试观测

В первом предложении пропущен центральный объект «实行 реализация». Во втором примере «重伤 серьезно пострадал» пропущен глагол «受» до того. В третьем примере «告别演出 прощание» пропущен центральный объект «举行 удержать». Синтаксическая структура этих трёх предложений не является полной, но предложения достаточны для понимания смысла и выражения основной идеи.

4. Прагматические характеристики заголовков сетевых СМИ.

«Точность – это новость о жизни». Сеть неограниченно каждый день распространяет обширную информацию, в том числе и истинную, и ложную. Интернет-новости, как и другие новости, основной упор делают на досто-

294 | верность и точность. Заголовки сетевых новостей в основном описываются такими способами, которые позволяют отразить достоверность и точность информации.

4.1 Монофонические глаголы.

Средства массовой информации для онлайн-новостей – это Интернет. Они зависят от воздействия сетевой среды. В этом случае монофонический глагол становится предпочтительным объектом из-за его простоты и выразительности.

Сравним два содержания заголовках одних и тех же новостей от 18 ноября 2002 года sina и sohu:

新浪 T C L信息产业集团持续亏损 吴士宏正式告别T C L (A)

(Sina: T C L. Информационная группа промышленности устойчивая потеря, Wu Shihong официально попрощался T C L (A))

搜狐 业务持续亏损吴士宏别T C L (B)

(Sohu Непрерывная потеря бизнеса, Wu Shihong попрощался T C L)

Содержание одинаковое, объём информации подобен. Название В значительно лучше, чем название А. Одна из причин заключается в том, что В использовал «неодносторонний» глагол. Тенденция развития китайской лексики идёт от односложной к двусложной. В процессе развития синонимы часто используются для генерации новых слов. С точки зрения передачи информации полифонические и односложные выражения имеют свои преимущества: полифонические слова используются для усиления информации посредством избыточности информации и повторения; односложные используются для краткости. Они дают людям возможность создавать образ и понимание.

4.2. Прямая цитата.

Она используется для оценки одной вещи, авторитета персонажей или сути инцидента. Эти слова часто являются наиболее убедительными и используются для того, чтобы подчеркнуть подлинность высказывания. В названии иногда используется прямое цитирование персонажей.

Представитель Народной Освободительной Армии: «Если инцидент касается независимости Тайваня, мы решительно подавим его».

Лонг Юнту: «Конкуренция между Китаем и АСЕАН может быть преобразована в партнерство».

Оба эти случая удовлетворяют критерию подлинности новостей.

4.3 Простые слова.

Своевременная информации всегда была основой новостей. Сеть, превосходящая другие СМИ, также зависит от своевременности информации. Газеты имеют определенное время распространения после печати. Время эфирного вещания фиксировано. Необходимо своевременное добавление нового контента. При этом время аудитории ограничено. В Интернете такая информация может быть «чистой». Из-за необходимости своевременности

онлайн-новостей их язык в Интернете, как правило, не достигает уровня обработки и уточнения в других медиа. Часто самые простые слова используются, чтобы рассказать об основных моментах новостей.

俄南部中毒事件：中毒人数不断增加 已超过1300人
中国已成为亚洲旅游快速增长的客源输出国

С другой стороны, из-за требования своевременности в интернете нет цензуры новостей. Поэтому заголовки новостей часто содержат ошибки и семантические неизвестные:

AC米兰难舍核弹头 舍甫琴科再次被列为绝对卖品
尼泊尔发生会共汽车爆炸事件2人22人受伤
昨夜上妆下周首演 主创人员细说舞剧《藏羚羊》

Согласно основной части новостей, «абсолютная продажа 绝对卖品» в примере 1 на самом деле «абсолютно не продается». В примере 2 «2 человека получили ранения в 22», а должно быть «2 умерли и 22 ранены». Пример 3 «Прошлый макияж на следующей неделе Premiere», неизвестно, на самом деле это «Прошлая репетиция макияжа или дебют на следующей неделе».

Эта ошибка и семантическая двусмысленность не улучшили своевременность, но негативно повлияли на чтение. Эффект контрпродуктивен.

В дополнение к заголовку новостей другие новости должны быть ограничены в пространстве и времени, чтобы конкурировать, сделать их выделяющимися. Восклицательные и вопросительные знаки не могут заменить значение новизны.

1. Прописные английские буквы (сокращение слова).

Информация в заголовках новостей не так многочисленна, как в OICQ и электронной почте. OICQ и электронная почта – это личные области общения, но они влияют на общение. Объем данной аудитории онлайн-новостей очень широк. Поэтому распространение информации с использованием других методов снижается. В китайских онлайн-новостях английский алфавит относительно редко используется, и конкретные обстоятельства, приводящие к этому, различны, а именно:

众多NBA超级巨星为国披甲 梦之队呼之欲出

Эти английские буквы объясняют некоторые вещи лучше, чем их китайские переводы. В этом случае английские буквы предпочтительны в англо-китайском сравнении. Кроме того, в большинстве случаев английские буквы появляются в названиях, которые в основном являются названиями организаций или файлов. Они позволяют сэкономить место.

Например:

通过UFI认证 大连服博会拿到国际“大学文凭”
北京CBD开建180万平方米项目 2008年初初具规模

UFI – Международный выставочный союз, CBD – это бизнес-центр в Пекине. Название на английском языке может вместить больше информации.

Существуют и другие формы использования английских букв. Например: 性情中人“慕容复”的N个瞬间
NO. 1就是NO. 1 休伊特蝉联“年终世界第一”

Две английские буквы, несомненно, являются украшением. Они используются для привлечения внимания в соответствии с учетом психологических характеристик молодых интернет-пользователей, ищущих новое и разное.

2. Вопросительный знак.

Так называемый «вопросительный знак» – это название, которое появляется в форме вопроса. Отправной точкой для использования этого типа заголовка является то, что 1) репортер или редактор привлекает внимание читателя; 2) репортер или редактор предполагает, что аудитория задаст такие вопросы, а затем ответит. В любом случае, часть вопроса находится в центре внимания. Например:

爱滋病人可以结婚? 如何要小孩医生提出三措施

(Пациентки со СПИДом могут выйти замуж? Как родить ребенка? Врач выдвинул три способа)

以鲁迅命名的酒开酿“鲁迅”，是否成注册商标?

(Водка«Лу Сюнь». Нужно регистрировать её как товарный знак?)

Это позиция аудитории в отношении названия и аудитории, чтобы найти психологическую информацию. Эффект похож на романы Чжан Хуэй: «Для получения дополнительной информации о будущих событиях, пожалуйста, прислушайтесь к следующей декомпозиции». Это вызывает желание аудитории читать новости.

Итак, благодаря непрерывному развитию сетевых информационных технологий заголовки новостей в Интернете внедряются и влияют на нашу жизнь в виде нового языкового феномена.

Изучение заголовков новостей в качестве варианта языка имеет важное практическое значение. Заголовки новостей занимают ключевую позицию в освещении новостей, это помощь читателям в выборе информации о новостях, своеобразный дайджест, который помогает читателям искать и читать новости. Чтобы привлечь читателей, заголовки новостей в Интернете часто используют определенные средства и специальные языковые формы. Изучение и анализ этого лингвистического феномена в деталях может с научной точки зрения дать возможность понять языковые инновации в новостях и внести свой вклад в стандартизацию и изучение онлайн-новостей.

Литература

1. Мин Дахонг. Моё мнение об интернет-новостях и обсуждение с г-ном Го Лоте. [DB /OL]. URL: <http://www.chinatv-net.com>. 2010-10-15.

2. Du Junfei. Веб-журналистика [М]. Пекин: Китайская радио и телевизионная пресса, 2001.

3. Пэн Лань. Введение в Интернет [М]. Пекин: Жэньминьская университетская пресса, 2001.
4. Юань Хайян. Основные характеристики заголовка сетевых СМИ [J] 2007(31)
5. Дэн Синьсин. Редактор сетевых СМИ [М]. Пекин: Китайская радио и телевизионная пресса.
6. Прохорова К.В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // Вестник СПбГУ. Сер.9, 2012. Вып.1. С. 238-246.
7. Прохорова К.В. Прагматика заголовка в медиапространстве Интернета // Медиатекст как полиинтенциональная система. – СПб., 2012. С. 205-211.
8. Прохорова К.В. Речевая разработка события в заголовочном тексте // Русская речь в средствах массовой информации: Речевые системы и речевые структуры / Под ред. В.И. Конькова, А.Н. Потсар. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С.

Lo Hongxia

**LANGUAGE FEATURES OF HEADINGS OF NETWORK
MEDIA OF CHINA**

Abstract. In article headings of network media of China are analyzed on concrete examples. With development of network technologies of Internet news became a new way of information transfer for many people of various age. At the same time there were linguistic changes in traditional headings of news because of acceleration of rates of work and life. Readers hope to obtain the maximum volume of information by reading headings during a short period. Therefore correctly chosen name plays a crucial role in involvement of Internet users to reading.

Key words: Internet news, heading, language features.

Погостина Полина Сергеевна
студент Ленинградского государственного университета
им. А.С. Пушкина
Санкт-Петербург, Россия
pollypogostina@mail.ru

ДОНАЛЬД ТРАМП КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию дискурсивных стратегий в политическом медиадискурсе США, связанных с использованием прецедентного имени Дональд Трамп, выступающего как некая точка отсчёта при описании других политических деятелей. В статье определяются причины отсылки к имени 45-го президента США, рассматриваются его денотативные и коннотативные значения.

Ключевые слова: прецедентное имя; интертекстуальность; дискурс; медиадискурс.

Дискурс средств массовой информации Соединенных Штатов Америки реализует множество способов оформления новостных и аналитических материалов. Их адекватное восприятие требует привлечения большого объема фоновых знаний, известных и автору и читателю [1: с. 93]. Активизация этих знаний позволяет понимать множественные метафоры и другие стилистические приемы, характерные для национального дискурса, а также улавливать смыслы, стоящие за прецедентными феноменами и интертекстуальными элементами. Интертекстуальность предполагает, что читатель может соотнести получаемую информацию со статьями-предшественниками, свериться с данными других изданий, описывающими ту или иную новость. Однако прецедентные феномены (подразделяемые на прецедентные текст, высказывание, ситуацию и имя) далеко не ограничены рядом взаимосвязанных материалов: они широко известны всему лингво-культурному сообществу, актуальны в когнитивном плане и регулярно воспроизводятся в дискурсе [2: с. 44-45].

При изучении политического дискурса СМИ США становится очевидным тот факт, что прецедентным именем, играющим важнейшую роль в текущей прессе, является имя Дональд Трамп. Как показывает собранный эмпирический материал, оно занимает 44% всех случаев употребления прецедентных имен, и упоминается в 174 статьях из 200, послуживших материалом исследования. Целью данной работы является рассмотрение дискурсивных стратегий, связанных с употреблением прецедентного имени Дональд Трамп как своеобразной точки отсчета, от которой отталкиваются авторы при обращении к другим персоналиям американской политической жизни. Соответственно, необходимо определить, при описании каких политиков в американском политическом

медиадискурсе производится обращение к имени Дональд Трамп, каковы причины этого и какие выразительные средства при этом используются.

В первую очередь, с прецедентным именем Дональд Трамп неотрывно связаны и практически никогда не идут обособленно имена членов его семьи. Все они – Мелания Трамп, Иванка Трамп, Джаред Кушнер, Эрик Трамп и Дональд Трамп младший – являются олицетворением современной политики США: их образы прецедентны в национальном и международном масштабе, их имена связываются с их деятельностью, за ними стоят различные прецедентные ситуации. Однако во всех случаях Мелания Трамп представлена не только как «первая леди», но и как «жена Трампа» (Trump's wife); Иванка, Эрик и Дональд младший в любом контексте представлены не только как «советник президента» (advisor to the President) или «вице-президент компании» (company's vice-president), но и обязательно как «дочь Дональда Трампа» (Trump's daughter) или «сын Дональда Трампа» (Trump's son); а имя Джаред Кушнер, использованное в 12 статьях, во всех случаях идёт с обращением «зять» (son-in-law), и только изредка это обращение дополняется важной информацией «старший советник президента США» (senior advisor to the President). Во всех случаях упоминания членов семьи президента имя Дональд Трамп употребляется в прямом денотативном значении. Причиной этому служит то, что имя 45-го президента США гораздо более прецедентно в американском дискурсе, а имена членов его семьи упоминаются и приобретают коннотации исключительно благодаря факту ближайшего родства, а не собственных политических достижений.

Второй способ использования прецедентного имени Дональд Трамп как отправного пункта для описания других политических деятелей – это нарицательное употребление. Именно это имеет место в журнале Time: автор статьи приводит в заголовке метафору с именем Трампа: «“Чешский Трамп”, чья победа тревожит Европу» (The “Czech Trump” whose victory is rattling Europe [3: с. 9]). Журнал предлагает читателю практически готовый образ малоизвестной в США личности, называя не личное имя, а смежное нарицательное, апеллируя к фоновым знаниям американца. Речь в данной статье идёт о политике и действующем премьер-министре Чехии Андрее Бабише, описываемом как «миллиардер-популист, часто сравниваемый с президентом Дональдом Трампом» (the populist billionaire often compared to President Donald Trump [3: с. 9]). Его портрет сформирован с помощью обращения к сходному политическому и предпринимательскому стилю, автор сравнивает персоналии по трём параметрам, вынесенным в подзаголовки: «магнат» (the tycoon), «популист» (the populist) и «руководитель» (the manager), подмечая множественные сходства.

Имена некоторых политических персоналий постоянно возникают в американской прессе в одних контекстах с действующим президентом США, что привело к некоторой их амбивалентности. Несмотря на то, что о них сложено

300 | яркое общественное мнение как об обособленных фигурах, в массовом сознании также идёт обращение к прецедентным ситуациям и высказываниям, восходящим к имени Дональд Трамп. Так, самым ярким примером подобной двойственности прецедентного имени в политическом дискурсе СМИ является упоминание в журналах и газетах северокорейского лидера Ким Чен Ына, чьё метафорическое прозвище «Little Rocket Man», данное ему Дональдом Трампом в своём Твиттере и ставшее прецедентным, используется наравне с личным именем политика, делая Трампа в этой ситуации своеобразной точкой отсчета, причина чему – фоновые знания об их противостоянии.

Употребление имени Дональд Трамп в качестве некоей точки отсчёта для описания других политических деятелей позволяет проследить, какие качества 45-го президента США являются важнейшими для его восприятия культурным сообществом. Подобная отсылка не только служит формированию образов других личностей, но и реконструкции и стереотипизации самого имени Трампа. Таким образом, в американском политическом медиадискурсе наблюдаются три дискурсивные стратегии использования имени Дональд Трамп в качестве точки отсчёта для описания других деятелей: семейная связь, нарицательное значение имени и связь с прецедентными ситуациями и высказываниями. Имя Дональд Трамп употребляется авторами как в прямом денотативном значении с целью подчеркнуть большую значимость факта приближенности к президенту в сравнении с личной политической деятельностью, так и в коннотативном значении как имя нарицательное и в составе метафор. Использование имени Дональда Трампа в качестве отправной точки для описания других персоналий возможно благодаря его крайне высокой степени прецедентности в американском дискурсе.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта. 2008. 203 с.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. – М.: Гнозис. 2002. 284 с.
3. Tara John. The “Czech Trump” whose victory is rattling Europe // Time. 2017. Vol. 190. №19. P. 9.

Pogostina P.S.

DONALD TRUMP AS A REFERENCE POINT

Abstract. The article discloses discourse strategies in the American political media discourse, connected with the usage of the precedent name Donald Trump as a reference point for the description of other political figures. The article defines the reasons of referring to the name of the 45th President of the USA and reveals its denotative and connotative meanings.

Key words: Precedent name; intertextuality; discourse; media discourse.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В РЕКЛАМЕ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей использования молодежного сленга в современной рекламе.

Ключевые слова: сленг; реклама; жаргонизмы; англицизмы.

В связи с быстрым ростом уровня технологий значимость набирают электронные СМИ. Общеизвестным фактом является то, что основную часть аудитории Интернета составляют подростки и молодежь до 28 лет. Поэтому реклама в Интернете в большинстве своём ориентирована на людей именно этой возрастной группы.

С целью повышения конверсии и эффективности рекламы рекламодатели нередко прибегают к использованию сленговых выражений, популярных в молодежной среде. Обычно такими выражениями становятся искажённые русские слова, по сути представляющие собой разговорную форму: годнота от слова «годный – удовлетворяющий определенным требованиям, подходящий». [2, с. 135] Однако в большинстве случаев такие выражения являются адаптацией английских слов, несмотря на наличие их аналогов в русском языке. Ведь англицизмы в последнее время стали своего рода модой. Примерами таких слов могут послужить: хайп (англ. hype – ажиотаж), топовый (англ. top – вершина), мейнстрим (англ. mainstream – основное направление, течение). Нередки также употребления жаргонизмов: клёвый, тусовка, улётно и др.

Примеры:

1. «МТС – за хайп решаешь ты!»

В данном случае мы имеем дело с эхо-фразой [1, стр. 141], которая даёт понять пользователю, что благодаря безлимитному Интернету он будет смотреть всё что угодно и благодаря этому решать, вокруг чего будет ажиотаж (сленг. «хайп»).

2. «Сникерс. Не тормози, сникерсни!»

Создатели рекламы предлагают не «тормозить» – не останавливаться, не недоумевать.

3. «Шампунь Head&Sholders: он накроет тебя ураганом улётной свежести!» Шампунь, доставляющий наслаждение.

Жаргонизмы в разговорной речи употреблялись всегда. Однако использование сленговых выражений и жаргонизмов в СМИ и рекламе в частности стало проследиваться только в последнее время.

Возможно, употребление жаргонизмов и англицизмов в тексте рекламы, по мнению её авторов, должно придать новизны и шарма речи. Также, вероятно, их используют, чтобы подчеркнуть особенность текста и сделать его более «родным» для определенных групп молодёжи, которые и будут основной частью потребителей рекламируемого продукта.

Но не стоит забывать, что СМИ сейчас являются одним из главных источников информации для молодёжи. Употребление англицизмов в рекламных заголовках и других текстах СМИ является неуместным, если они не добавляют смысла и содержания тексту. Принято считать, что язык СМИ – сугубо официальный. И отклонения от него бессмысленны в целях того, чтобы поставить так называемый «маркер элитарности».

Литература

1. Бернадская Ю.С. и др. Основы рекламы: Учебник/ Ю.С. Бернадская, С.С. Марочкина, Л.Ф. Смотровва. Под ред. Л.М. Дмитриевой. – М.: Наука, 2005. – 281 с.

2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.

Samorukov M.V.

THE USE OF YOUTH SLANG IN ADVERTISING

Abstract. This article is devoted to the study of using of the youth slang features in modern advertising.

Key words: Slang; advertising; jargon; anglicisms.

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В РЕКЛАМЕ

Аннотация. В статье рассматриваются способы речевого воздействия, которые используются в рекламном дискурсе и актуальны на сегодняшний день.

Ключевые слова: реклама, речевое воздействие, рекламный текст.

Приёмы речевого воздействия представляют комплексное применение каких-либо вербальных действий со стороны адресанта для влияния на адресата. Убеждение, внушение (суггестия) и побуждение (волеизъявление) – вот три основных метода, необходимых для успешного воздействия на человека. Каждому способу соответствует ряд типов и приёмов речевого воздействия.

Убеждение является одним из ключевых способов воздействия на адресата. Убеждение – воздействие на сознание личности посредством обращения к «её собственному критическому суждению» [1, с.154]. В основе данного метода применяется упорядоченная аргументация и доказательства.

Аргументация представляет собой комплекс когнитивных операций, которые включают в себя такие приемы, как аналогия, перечисление, классификация, использование разнообразных метафор. Профессор А.Н. Баранов [2, с.234] пишет, что ключевой когнитивной операцией в процессе аргументации является онтологизация знания, соединяющая вводимую информацию с актуальной картиной мира реципиента. При данном виде воздействия обеспечивается сознательное принятие реципиентом суждений и оценок предполагаемого партнера по коммуникации, при этом не блокируется его критическое восприятие информации.

Аргументы в рекламе делятся на сильные и слабые [3, с.673]. К сильным относятся доводы с помощью цифр и терминов. Слабые аргументы делятся в свою очередь на рабочие (довод к массам, авторитет происхождения, авторитет имени, авторитет статуса, авторитет внешнего вида, довод от обещания) и ложные (довод от осуждения, аргумент от собственного авторитета). Например, «Мы создали йогурт Еrisa богатый белком. В 3 раза больше молока и сочные фрукты в густом йогурте с высоким содержанием белка. Еrisa – живите больше»: цифра в данном случае показывает состав продукта, это сильный довод. «ИКЕА – бренд, который выбирают миллионы семей»: в данном случае мы видим популярный довод к массам, ведь чаще всего потребитель доверяет мнению большинства.

Убеждение основано на логических действиях, которые состоят в частности из доказательств и обоснований. Доказательство – это процесс установления истинности определенного тезиса путем его выведения из других высказываний. Обоснование – процедура, которая подтверждает высказывание с определенной степенью вероятности, это «нестрогий (недедуктивный) вывод» [4, с.68].

Стоит выделить существование манипулятивной аргументации, которая направлена на умышленное игнорирование интересов реципиента, внушение ему целей, желаний и намерений, не имеющих до момента речевого воздействия.

Такой прием манипуляции, как использование устоявшихся в культуре символов и стереотипов, которые находятся в цепочке ассоциаций с концептом, необходимым манипулятору, тесно связан с социокультурным компонентом речевого воздействия. По мнению Е.В. Шелестюк [5, с.153], в данном приеме манипуляции восприятие информации не подвергается критической оценке в сознании адресата. Для успешного воздействия адресант должен иметь представления о том, какими социокультурными коннотациями (дополнительными оттенками значений слов) обладает вводимый объект для адресата. Кроме стереотипизации, используется и обратный прием дестереотипизации ситуаций, явлений и объектов, когда деятельность адресанта направлена на разрушение старых шаблонов и устранение определенных элементов из сознания реципиента.

Например, очень часто рекламодатели используют сравнительную лексику и описательную лексику со значением «лучший» для манипуляции над потребителем: «Единственный антиперспирант с экстрактом жемчуга, который заботится о красоте вашей кожи и защищает вас 48 часов. Жемчужная красота – первый дезодорант для красоты вашей кожи от Nivea».

Кроме убеждения и манипулятивных приемов речевого воздействия отдельно следует выделить суггестивные техники, направленные на эмоционально-установочную сферу адресата и особо связанные с психологическими методами воздействия. Внушение – это воздействие на подсознание, чувства и эмоции человека с целью создания у него определенного состояния или мотивации к определенным действиям. Среди методов внушения выделяют «прямые и косвенные, преднамеренные и непреднамеренные» [6, с.51]. Внушение – широкое понятие, включающее открытое прямое внушение и скрытое, замаскированное или косвенное внушение (суггестию), которое может быть выражено убеждением и побуждением.

Одна из основных тактик внушения – навязывание «позитивной оценки» [7, с.27]. Всего существует несколько видов оценки: относительная (сравнение двух объектов), всеобщая (оценка с опорой на этические и эстетические нормы, представления) и символическая. Самым востребованным типом оценки в рекламе являются первый и второй типы. Например, очень частотна ситуация, когда рекламируемый продукт сравнивается с другим

«обычным»: «По результатам исследований новый Ariel справляется лучше на 75% с пятнами жира, на 127% с ягодными пятнами и на 43% с пятнами зелени, чем обычный порошок» – в данном случае мы видим реализацию относительной оценки.

Психолингвистические методы суггестивного воздействия получают особое выражение на экстралингвистическом и соматическом уровнях воздействия, поскольку для суггестора чрезвычайно важным является взаимное соответствие психических характеристик адресанта и адресата. При использовании суггестивной речи происходит осознанная имитация темпа речи, дыхания и паузации реципиента, а также повторение его поз, жестов, мимики, положения тела.

К способам речевого воздействия относятся и побуждение (волеизъявление) – прямое воздействие на адресата через его волю (приказ, призыв, принуждение, уговаривание).

Таким образом, среди актуальных способов речевого воздействия в рекламе мы выделяем: убеждение (аргументация и манипуляция), внушение (позитивная оценка) и побуждение.

Литература

1. Панкратов В. Н. Психотехнология управления людьми: практ. рук. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2000. – 290с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дисс. д-ра филол. наук – М.: 1990. – 378с.
3. Былкова С. В., Кочетова А. С. Речевое воздействие в рекламе. – М.: Молодой ученый. №19, 2015. –712с.
4. Свинцов В. И. Истинностные аспекты коммуникаций и проблемы совершенствования речевого сообщения // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – 165 с.
5. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. – М.: Флинта, 2014. – 344с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. – 392с.
7. Ильинова Е.Ю. Акцентирование как ведущий конструктивный прием смысловой организации рекламного текста // Стилистическая категоризация и текст. М.: МГЛУ, № 433. 1996. – 211с.

Sinelshchikova V.N.

PERSUASION IN ADVERTISING

Abstract. The article discusses the methods of persuasion, which are used to advertising and relevant for today.

Key words: Advertising, persuasion, discourse text.

РОЛЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ СФЕРЫ ТУРИЗМА

Аннотация. Статья посвящена основным функциям метафорической лексики в рекламных текстах сферы туризма. Показаны примеры ее употребления. Раскрывается значимость метафорической лексики в рекламных текстах сферы туризма.

Ключевые слова: метафорическая лексика; рекламный текст; сфера туризма.

Реклама представляет собой форму массовой коммуникации, обладающую огромной силой воздействия. В настоящее время в связи с активным развитием рекламного рынка рекламные тексты (РТ) становятся предметом исследования различных наук. Важным представляется изучение различных языковых средств, способных повысить коммуникативную ценность рекламы и привлечь внимание потребителей. Особое внимание следует уделить туристической рекламе, так как в связи с процессами глобализации сфера туризма становится одной из точек соприкосновения различных культур.

Цель данной статьи – рассмотреть роль метафоры в создании рекламного текста, определить специфику функционирования данного языкового средства в рекламных текстах.

Поскольку рекламный текст должен быть привлекательным, метафора занимает в нём главенствующее положение: она воздействует на волю и чувства потребителей, побуждает их к действию. С помощью метафор актуализируются только нужные и позитивные свойства и признаки товара или услуги, их достоинства, что, с одной стороны, делает РТ оригинальным, запоминающимся, привлекая к нему внимание, а рекламируемый объект представляет в самом радужном свете, а с другой – затрудняет для потребителей процесс их объективной оценки.

Рассмотрим определение метафоры. Наиболее распространенным определением метафоры является: «Метафора – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных

признаков» [1, с.177-178]. Иными словами, метафора – слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлении. При этом сходство между ними основывается на самых различных чертах.

Под метафорической лексикой обобщенно понимается излюбленный объект лингвистических наблюдений. Метафорической лексики позволяет определить отношение человека к себе и окружающему миру, к словотворчеству, а также проследить ход человеческой мысли, процесс создания образности значения слова, понять идею номинации человеком того или иного предмета реальной действительности.

Метафорическая лексика является основным аргументирующим языковым средством образа товара, чтобы разнообразит рекламный текст, придаёт ему выразительность и силу. В связи с этим Э.П. Слободянюк подчёркивает, что «метафора выступает быстрым и мощным средством передачи идеи» [5, с.148] Это даёт основание рассматривать метафору, функционирующую в рекламном дискурсе, как одно из самых мощных средств экспрессии, рассчитанных на долговременное воздействие.

Е.Б. Курганова подчёркивает, что «рекламная» метафора «даёт возможность осмысления одних объектов через свойства или качества других» и нацелена на создание оригинального рекламного образа или привнесение какого-либо оценочного эффекта в рекламный текст.[2, с.122]

Метафора является материалом для иллюстрации основной мысли, идеи:

Специфика человеческой памяти в том, что идея в форме метафоры запоминается быстрее, чем при сухом рациональном изложении:

1. Метафора служит подсказкой решения или побуждением к действию, например: «НТЛ - двери, ведущие в лето» (Турфирма «НТЛ»); Горячие туры ждут Вас.

2. Метафора порождает новые идеи и усиливает внутреннюю мотивацию, например: «Весь мир в твоих руках»; «Мир начинается здесь...» («Минотель Экспресс», бюро путешествий); С нами вокруг света; Radisson SAS Лазурная, отель в Сочи: Самый летний отель России; «Коллекция солнечных туров» («ИННА ТУР»); Вы можете путешествовать на роскошные берега Дубая или столкнуться с красотой северного сияния и норвежскими фьордами – так много маршрутов, чтобы выбрать из них, мир действительно – ваша устрица!

3. Метафора позволяет усилить восприятие текста, сделать его более понятным и интересным для носителя языка и культуры: Корея. Круговорот ярких впечатлений; Бразилия - это карнавал длиною в год; Реклама Турции как места отдыха: Море удовольствий. Турция. Море истории, поэзия солнца, «Туристический калейдоскоп».

4. Метафора вызывает дополнительные ассоциации: Хорошо упакованный отдых («Нагали Турс»); «Фейерверк незабываемых впечатлений!»; Ожерелье островов.

Опираясь на взгляды В.В. Рожкова, назовем следующие свойства метафоры:

1) антропоцентричность,

- 2) индивидуальность,
- 3) комплексность восприятия и переживания,
- 4) способность участвовать в концептуализации действительности,
- 5) возможность по-новому интерпретировать тот или иной фрагмент действительности,
- 6) формирование метафорического кода рекламного текста,
- 7) создание целостного, панорамного рекламного образа с перспективой разрастания до метафоры-истории, метафоры-темы,
- 8) подключение к психическому отражению огромной массы неосознаваемого,
- 9) создание плюрализма, множественности образного прочтения ситуации,
- 10) эмоционально-оценочный характер. [3, с.177]

Таким образом, метафора в рекламе привлекает и удерживает внимание адресата, насыщает текст выразительными образами, способными надолго сохраниться в памяти, оказывает воздействие на ассоциативное мышление целевой аудитории, являясь одним из инструментов воздействия, а подчас и манипулирования сознанием и мыслительным процессом, выступает в роли уплотнителя информации. Образность метафоры позволяет наглядно отражать специфику национального мировосприятия, не только называть явление действительности, но и качественно оценивать его, определять уровень соответствия рекламного продукта ожиданиям и запросам потребителя, подготавливая его к роли активного участника коммуникации [4, с.1555].

Литература

1. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб: Филологический факультет // Государственный университет, 2002. – С. 177-178.
2. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте / Е.Б. Курганова. Воронеж, 2004. – 122с.
3. Рожков В.В. Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких (на материале романа Трудно быть богом): дис. ... канд. филол. Наук. – Новосибирск, 2007. – 177 с.
4. Скарнев Д.С. Метафора как средство создания образа в рекламном дискурсе // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-7. – С. 1550-1555.
5. Слободянюк Э.П. Настольная книга копирайтера. – М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2011. – 216 с.

Wu Chen

THE ROLE OF METAPHORICAL LEXIS IN THE ADVERTISING TEXTS OF THE SPHERE OF TOURISM

Abstract. The article is devoted to the main functions of the metaphorical lexis in the text of tourism advertising. Show examples how to use them. The significance of metaphorical lexis in advertising texts of tourism is revealed.

Key words: Metaphorical lexis; advertising text; tourist sphere.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Статья посвящена использованию фразеологизмов в рекламных текстах. Описаны особенности трансформации фразеологических единиц при их включении в рекламный текст.

Ключевые слова: фразеологизм; рекламный текст; рекламная коммуникация.

Фразеологизм – лексически неделимая, воспроизводимая единица языка, устойчивая в своем составе. [2] Фразеологизм можно рассматривать как язык культуры и кристаллизацию мудрости народов. Он отражает национальную специфику и самобытность народа. Фразеологизмы активно используются в коммуникации и являются важной составляющей как всего языка, так и речи отдельного человека. Так, в частности (не говоря о художественном стиле), их применение характерно для разговорной речи, публицистики, рекламных текстов и других сфер человеческого общения. Фразеологизм усиливает выразительность речи, ее образность и даже прагматическую направленность.

Фразеологизм следует рассматривать как номинативную единицу языка, соотносимую со словом семантически и грамматически, обладающую раздельнооформленностью, устойчивостью и воспроизводимостью и представляющую собой сочетание двух и более слов, словосочетаний или моделей предложения, выражающих единое целостное понятие. [3, с.16]

В данном исследовании мы обратились к специфике использования фразеологизмов в рекламных текстах.

Реклама является одной из сфер использования языка, это форма увещательной коммуникации, цель которой заключается в побуждении адресата изменить свое поведение и совершить действие, выгодное рекламодателю (сделать покупку, запомнить продукт, выделив его из ряда конкурентов). Рекламные тексты (РТ) в этом плане являются уникальным коммуникативным явлением, включающим в себя массу различных изобразительно-выразительных языковых и речевых средств, стилистических приемов, коммуникативных стратегий и речевых тактик, с помощью которых обеспечивается эмоциональность рекламного послания. [1, с.86]

Особый прием – использование фразеологизмов (фразеологических единиц – ФЕ). Данные единицы являются одним из действенных и частотных средств создания образа рекламируемого объекта в рекламном тексте. Во многом это связано с тем, что именно фразеологизмы обладают оценочностью, образностью, способностью отражать особенности национального менталитета и культуры. Следовательно, благодаря использованию ФЕ, РТ приобретает оригинальность и способность подчеркивать национальную специфику рекламируемого объекта (РО), поскольку ценным качеством фразеологизмов является то, что в практическом применении они дают возможность творческого подхода.

Для привязки ФЕ к РО нередко используется преобразование оборота применительно к конкретной задаче данного рекламного текста, т.е. его трансформация.

Трансформация фразеологизма – это сознательное частичное разрушение оборота и нарушение нормы, на которое идут копирайтеры и рекламодатели, стремясь к расширению средств выразительности, к языковым новациям. Видоизменения фразеологизмов можно свести к следующим типам трансформаций:

- 1) структурным изменениям, при которых сохраняется значение фразеологизма;
- 2) семантическому обновлению фразеологизма;
- 3) структурно-семантическим изменениям.

Рассмотрим подробнее.

1. Структурная трансформация фразеологических единиц означает либо замену какого-то компонента, либо введение в оборот «лишних» слов, либо изъятие компонента. Например, в оборот включается замена того или иного компонента на другой, соответствующий РО: Приятного супермаркета! (сеть магазинов «Азбука вкуса») – вместо «приятного аппетита»; «Свадьба наяву или на ТВ?» представляет собой трансформированную фразеологическую единицу «во сне или наяву». Компонент «ТВ» является предметной заменой слова «сон», так как оба понятия обозначают явления отличные от действительности.

2. Семантическое обновление оборота означает его дефразеологизацию, т. е. распад общего, целостного значения на значения составляющих частей при сохранении структуры ФЕ: Ваш комфорт на высоте (реклама Аэрофлота). Использованный оборот «быть на высоте», т.е. быть признанным, чувствовать уверенность в себе, делать все на высоком уровне, в данном контексте использован с намеком на прямое значение – авиакомпания обеспечивает хорошие условия пассажирам авиалайнера во время полета.

3. Структурно-семантические изменения ФЕ. Например, в рекламе утюга Bosch «Все складки гладки» использован фразеологизм «Взятки гладки»,

и в результате замены компонента все составляющие приобретают прямое значение. Рассмотрим другой пример: «Вдохни жизнь в губы!» (Maybelline). В этом контексте употребляется ФЕ: «Вдохнуть жизнь», означающая «внести оживление, воскресить, вернуть к жизни, возратить к жизни». В данном случае использование фразеологизма вносит в текст прямое значение, активизируя в целом восприятие рекламируемого объекта.

Наряду с трансформацией ФЕ в РТ используются «чистые» фразеологизмы. «Чистый» фразеологизм предполагает использование готового словосочетания, т.е. слово имеет непосредственное отношение к объекту рекламы. Подобный прием называют также узурпацией – присвоением оборота и приспособлением его к целям рекламодателя. Например: Семь бед – один ответ («Coldrex»), Комар носа не подточит (Средство от комаров).

С помощью фразеологизмов РТ приобретают яркость, оригинальность, лучше запоминаются, поскольку задействуются ментальная память носителя языка и культура, а также его коммуникативный опыт вкупе с языковой игрой, предлагаемой рекламодателем.

Литература

1. Гончарова Л.М. Рекламная коммуникация сферы туризма: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 158 с.
2. Краткий словарь лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. URL: <https://superinf.ru> (дата обращения: 01.03.2018).
3. Сканарев Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: автореф. дис. ... к.ф.н. / Д.С. Сканарев, Челябинский государственный педагогический университет. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. – 16 с.
4. Нуралиева К. З. Актуализаторы фразеологизмов / К. З. Нуралиева // Вестн. ун-та РАО. - 2010. - N 2. - С. 23-26.

Chu Xiaowei

THE SPECIFIC USE OF IDIOMS IN ADVERTISING TEXTS

Abstract. The article is devoted to the use of phraseological units in advertising texts. The features of the transformation of phraseological units are described when they are included in the advertising text.

Key words: Phraseology; advertising text; advertising communication.

ОЦЕНКА ОСОБЕННОСТЕЙ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В КИТАЕ И В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РЕКЛАМЫ ОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению и описанию оценки рекламных текстов. В статье рассматриваются особенности рекламных текстов в Китае и в России, предоставляются материалы анализа на примере тематической группы «свет и осветительные приборы».

Ключевые слова: рекламный текст; оценка; реклама; язык и стиль.

Анализ текста представляет собой переход от вещественного пространства линейной формы текста к абстрактному и нелинейному пространству его структуры, что дает возможность по-разному трактовать общее понятие «пространство текста» [1, с. 172].

В настоящее время адресант выражает волю и свой собственный стиль через грамматические и лексические среды, от которых в большой степени зависит эффективность рекламного текста. Вместе с тем сегодня наиболее актуальным трансформирующим медиатекст (и рекламный текст в том числе) инструментарием, повышающим его воздействующий на аудиторию потенциал, являются диджитал (цифровые) технологии [2, с. 52], что заслуживает отдельного рассмотрения.

Благодаря словесному тексту ключевая рекламная идея получает свое реальное воплощение, поэтому оценка рекламных текстов играет важную роль в изучении современных медиатекстов.

По Матанцеву А.Н. рекламные тексты выполняют:

- коммуникативную функцию;
- регулятивную функцию;
- обобщающую функцию;
- эмотивную функцию;
- эстетическую функцию;
- магическую функцию [3, с.416].

Оценка в рекламном тексте включает два типа:

- 1) общая оценка: положительная/ отрицательная.

а. ...LFS также отличается хорошими светотехническими показателями (русская реклама).

б. Авторские потолочные светильники, настольные лампы, бра и торшеры соседствуют с роскошными классическими светильниками известных мировых брендов, предназначенных для освещения просторных залов и гостиных. Профессиональные менеджеры, постоянно проходящие обучение на фабриках- производителях, всегда готовы помочь сориентироваться среди богатого ассортимента продукции. (русская реклама)

а. ASWAT- основатель классического эстетического освещения (китайская реклама).

2) частные оценки:

- эмоциональные;

а. Мы будем рады работать с Вами и добиваться успехов вместе (русская реклама).

а. Даже если вы не замечаете наличие света, свет никогда не перестанет любить тебя (китайская реклама).

- эстетические;

а. Представленные коллекции не только выразительны, но и уникальны. Лаконичные и изящные, винажные и современные... (русская реклама).

а. - Так безграничное рассеянное гало окружает глубокую ночь,

- странствует по светлому отражающемуся свету от реки Дунай.

- Традиции Рима отражают высшую жизнь искусства.

- Жизнь MEIXIN- ярко возвращает (китайская реклама).

б. Пусть горы будут зеленее, вода чище, жизнь прекраснее, всесторонне сохранить энергию (китайская реклама).

в. Создает красоту, делится красотой, JUHAO освещение - мой свет моему здоровью (китайская реклама).

г. ...от лучших европейских производителей Art Light - искусство в освещение (китайская реклама).

- телеологические оценки, показывающие высокую эффективность работы предприятия, стабильность его деятельности;

а. Биологически и эмоционально эффективное освещение (русская реклама).

б. Решения в сегменте HCL эффективны для применения в офисных, медицинских, образовательных учреждениях, а также на промышленных объектах (русская реклама).

в. - Мне нужно бегать как белка в колесе, чтобы оплачивать счета за электро-энергию (русская реклама).

-утилитарная польза производимого товара или услуги;

а. - Низкое энергопотребление, большой ресурс работы, яркое свечение (LED-гирлянды) (русская реклама).

б. Энергосбережение - светодиодные лампы в 5 раз экономичнее энергосберегающих компактных люминесцентных ламп (русская реклама).

в. ...так как лампы не содержат ртути и каких либо вредных веществ (русская реклама).

г. Оригинальные модели, широкий ассортимент, достойное качество по доступным ценам (русская реклама).

д. ...комплексная система освещения, способная благотворно влиять на работоспособность, настроение и самочувствие человека. . (русская реклама).

е. Экономьте электроэнергию с энергосберегающими лампами.

- Расход электроэнергии меньше, чем лампа накаливания (русская реклама).

а. Если 1,3 миллиарда людей используют энергосберегающие лампы,

- то могут сэкономить десятки миллионов тонн выработки электроэнергии угля в год, снизить миллиарды тонн выбросов CO₂ (китайская реклама).

- нормативные;

а. Правильное уличное и архитектурное освещение создает особую атмосферу, помогает обеспечить безопасность территории, делает ее комфортной и стильной (русская реклама).

а. Здоровый образ жизни невозможен без солнца, ночью JUHAO - моё солнце (китайская реклама).

- сенсорные. Например, Воздействие света на кожу и закрытые глаза снизит выработку мелатонина - гормона, вызывающего сон, и проснуться будет гораздо легче! (русская реклама)

Многие люди занимаются делом освещения для создания теплой атмосферы дома (китайская реклама).

Проведенные исследования позволили нам сделать ряд выводов, касающихся особенностей рекламного контента на русском и китайском языках, адресатом и потребителем которого являются аудиторные группы разных культур и регионов. Безусловный интерес представляет выявление особенностей оценочных характеристик, которые скрыто или явно выражены в текстах видеорекламы. Спектр выражаемых оценок, коннотаций укладывается в традиционно принятую функциональную специфику рекламных текстов. Обнаруженные нами особенности, определяемые лингвокультурологическими признаками, позволили нам обобщить группы оценок, провести статистический анализ и оформить эти данные в виде приведенной ниже диаграммы.

Можно заметить, что создатели китайской рекламы больше уделяют внимание выражениям высокого качества жизни, активно используя в рекламном дискурсе лексику с эстетической оценкой, а русские создатели больше ценят рациональность товаров, связанную с практической деятельностью и полезностью человека.

Рекламодатели разных стран стремятся применить все способы создания медиатекстов для достижения своих целей. Способы применения зависят от национального характера и лингвосоциокультурного статуса развития страны. В результате происходит совокупное использование разных стилей и способов в рекламных текстах, что приводит к информационной интеграции.

Литература

1. Богуславская В.В. Особенности методологии лингвосоциокультурного моделирования журналистских текстов// Акценты. Новое в массовой коммуникации. – Воронеж: ВГУ. - 2001. №5–6 (26–27). С.97–102.
2. Богуславская В.В., Богуславский И.В. Медиатекст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ// Гуманитарный вектор. Т.12, №5. – Чита: ЗабГУ. – 2017. – С.51 – 56.
3. Матанцев А.Н. Эффективность рекламы: учебное пособие. – М.: Фин-пресс, 2007. - 416с.

Yu Hong Bo

THE LIGHTING ADVERTISEMENT AS AN EXAMPLE OF THE EVALUATION OF TEXT CHARACTERISTICS IN CHINESE AND RUSSIAN ADVERTISING

Abstract. This article is dedicated to the identification and description of the evaluation of advertising texts. In the article characteristics of advertising texts in china and in Russia are considered from a linguistic point of view, the analysis data include thematic groups «lighting and lighting devices».

Key words: Advertising text; evaluation; advertising; language and style.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Балабанова Дарья Викторовна

магистрант 2 курса Государственного института

русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

balabanovad@mail.ru

СРАВНЕНИЕ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУР (НА ОСНОВЕ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ Г. ХОФСТЕДЕ)

Аннотация. В статье сравниваются русская и немецкая культуры по 6 измерениям, предложенным Г. Хофстеде. Приводятся особенности и ценности культуры, подтверждающие ту или иную её ориентацию в соответствии с типологией культурных измерений.

Ключевые слова: русская культура; немецкая культура; особенности и ценности культуры; типология культурных измерений.

Отношения России и Германии насчитывают тысячелетнюю историю и, хотя характер этих отношений менялся, между двумя странами всегда существовали экономические, культурные, политические, а в период Российской империи даже династические, связи. В настоящее время, несмотря на расхождения по ряду политических вопросов, Германия остается важным торговым партнером России. В связи с этим интересно и значимо сопоставить русскую и немецкую культуры. За основу взята типология культурных измерений Г. Хофстеде.

Индивидуализм или коллективизм: Германия является индивидуалистской культурой (67 баллов) [1]. Немцы относят индивидуализм к числу своих этнонациональных ценностей [2]. Также об индивидуалистском характере немецкой культуры, по нашему мнению, свидетельствует высокая доля поверхностного «этикетного» общения [2]. Среди отдельных черт индивидуалистских культур Г. Хофстеде называет быстрый темп жизни [1]. Результатом быстрого темпа жизни, а значит, нехватки времени может являться немецкая пунктуальность. Россия с результатом в 39 баллов относится к коллективистским культурам [1]. Ярким проявлением коллективизма является русская соборность, а также присущий русским сердечный и открытый стиль межличностного общения. [3]. Ориентация на коллективизм проявляется

также в таких русских этнонациональных ценностях как гостеприимство, взаимопомощь, щедрость, терпимость, доверчивость [4].

Дистанцированность от власти: В Германии дистанцированность от власти невелика (35 баллов) [1], поэтому высшей властью обладает не группа людей, а закон, что подтверждают важнейшие этнонациональные ценности немецкой культуры – закон и порядок. Неравенство между людьми всячески минимизируется, благодаря скромности, экономности и сдержанности немцев. Россия является страной с самой большой дистанцией власти (93 балла) [1]. В России существует сильное централизованное и авторитарное государство с многочисленным бюрократическим аппаратом. Для русского народа характерно двойственное отношение к государству, проявляющееся, с одной стороны, в почитании институтов государственной власти, а с другой – в недоверии к нему, неприятии действий власти. Но данное неприятие у большей части русских является пассивным и ради созданной авторитарной государственной машины они готовы поступиться своими гражданскими и политическими свободами [6].

Маскулинность: Германия относится к культурам «мужского типа» (66 баллов) [1]. Это подтверждают прагматичность и трудолюбие немцев: одна из характеристик культур «мужского типа» – люди живут, чтобы работать, а работать для них значит получать деньги и признание. Россия относится к «женским культурам» (36 баллов) [1]. Материальное благополучие и карьера не являются важными ценностями в русской культуре. Авторы, исследующие русский менталитет, напротив, пишут о материальной непритязательности русских людей. Значительно отличается у русских отношение к труду. Во-первых, труд для русских является частью духовной жизни, а не способом нажить богатство [7]. Во-вторых, особенности климата сформировали у русских «аритмический характер трудолюбия», который со стороны выглядит как лень [6].

Избегание неопределенности: У Германии данный показатель – 65 баллов, а у России – 95 баллов [1]. Г. Хофстеде отмечает, что в культурах с высоким индексом избегания неопределенности существует эмоциональная потребность в правилах, даже если они не работают или не соблюдаются [43]. Как пишет В. К. Трофимов, у русского народа существует перманентная установка на нарушение государственно-правовых норм, тем не менее, они жизненно необходимы для поддержания порядка, так как русский народ отличается слабой самодисциплиной и самоорганизацией, а также склонностью к анархии [6]. В обеих культурах правила и законы необходимы, чтобы обеспечить порядок, но в случае с Германией порядок является самоцелью и ключевой ценностью, а в русской культуре он необходим для функционирования централизованного авторитарного государства. Следующая особенность – ксенофобия и отрицательное отношение к эмигрантам. Хотя в целом по России уровень

318 | ксенофобии снижается, в обзоре за июль 2017 г. Московское бюро по правам человека (МБПЧ) сообщило о наличии в РФ различных форм агрессивной ксенофобии [5]. Германия, с одной стороны, показала себя в качестве гостеприимной страны, открыв в 2015 г. свои границы для беженцев, но с другой стороны, это вызвало рост праворадикальных настроений среди населения. Только за месяц с момента открытия границ в 2015 г. число тех, кого пугает наплыв соискателей политического убежища, увеличилось с 38% до 51% [8].

Долгосрочная или краткосрочная ориентация: Это единственное измерение, по которому Россия и Германия действительно очень близки: 81 балл – для России и 83 – для Германии [1]. Это значит, что обеим культурам свойственна долгосрочная ориентация. О долгосрочной ориентации немецкой культуры свидетельствуют экономность, любовь к различного рода страхованию, забота об окружающей среде. То, что Россия является страной с долгосрочной ориентацией, на первый взгляд, кажется логичным. Из истории нашей страны видно, что мы не привыкли цепляться за прошлое и легко отказываемся от традиций ради «светлого будущего». Но в то же время мы привыкли часто полагаться на «авось», в чём, как пишет В. К. Трофимов, проявляется безрасчётность и беззаботность о будущем [6], что скорее свойственно культурам с краткосрочной ориентацией.

Потворство желаниям или сдержанность: Русская (20 баллов) и немецкая (40 баллов) культуры являются сдержанными. Ценностями немецкой культуры, подтверждающими её сдержанный характер, являются собственно скромность и экономность. Русским свойственна привычка к самоограничению потребностей и способность стойко переносить материальные лишения. Русские обладают такими качествами, как неприхотливость, терпение, стойкость, материальная непритязательность [6].

Таким образом, согласно типологии культурных измерений Г. Хофстеде русская и немецкая культура схожи по 3 измерениям из 6. При этом действительно близки две данные культуры только в том, что касается ориентации на будущее. По 3 другим измерениям взгляды и ценности культур сильно разнятся. Это стоит учитывать в ситуации межкультурного общения между представителями данных культур, чтобы избежать недопонимания и конфликтов.

Литература

1. Hofstede G. The 6-D model of national culture: Geert Hofstede. – URL: <http://www.geerthofstede.nl> (дата обращения: 29.10.2017)
2. Газизов Р.А. Национальный характер и доминантные особенности общения немцев // Вестник Башкирск. ун-та. 2011. №2. С.441-445.
3. Мяло К.Г. О русском идеале // Евразия. 1996. №1 (4). С.77-85.

4. Почебут Л.Г. Психология и ценностные ориентации русского народа // Этническая психология и общество. М.1997. С.115-119.
5. Трифонова Е. Уровень ксенофобии в России постепенно снижается: Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/politics/2017-08-29/3_7062_ksenofobia.html (дата обращения: 13.01.2018)
6. Трофимов В.К. Истоки и сущность русского национального менталитета: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Екатеринбург, 2001. 43 с.
7. Хорина Г.П. Ценности русской культуры в условиях цивилизационного кризиса // Знание. Понимание. Умение. 2016. №6. С. 16-26.
8. Эни Э., Мищенко О. Социологи: Массовый приток беженцев все больше беспокоит немцев: Deutsche Welle. – URL: <http://www.dw.com/ru/социологи-массовый-приток-беженцев-все-больше-беспокоит-немцев/a-18759510> (дата обращения: 13.01.2018)

Balabanova D.V.

**COMPARISON OF RUSSIAN AND GERMAN CULTURES
(Based on the Cultural Dimensions Theory of G. Hofstede)**

Abstract. The article compares Russian and German cultures basing on six dimensions proposed by G. Hofstede. Specific features and values of culture are presented, which confirm one or another orientation of culture according to the cultural dimensions theory.

Key words: Russian culture; German culture; features and values of culture; the cultural dimensions theory.

Билиневич Татьяна Александровна
магистрант 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
tanyabilinevich@gmail.com

КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО КУЛИНАРНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ (ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Рассматриваются культурно-значимые единицы русского и румынского кулинарных дискурсов в целях уточнения содержания и объема культурно-значимой информации для национально-ориентированного учебника РКИ.

Ключевые слова: национально-ориентированное обучение; кулинарный дискурс; культурно-значимые единицы; лингвокультура питания.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес исследователей к национально-ориентированному обучению иностранным языкам. Преподавателю важно знать культуру учащихся для того, чтобы иметь возможность адекватно реагировать на возникающее непонимание отдельных реалий русской культуры [1, с.20].

Кулинарный дискурс отражает в языке и речи одну из основных составляющих повседневной жизни человека – питание. Как отмечает М.В. Ундритцова, особенности гастрономических норм разных народов могут быть причиной проблем в межкультурной коммуникации [2, с.43].

Нами были рассмотрены единицы кулинарного дискурса в учебниках элементарного уровня «Русский сезон», «Приглашение в Россию» (I), «Жили-Были», «Русский класс» и в учебниках базового уровня «Встречаемся в Москве», «Слово», «Приглашение в Россию» (II), «Жили-были» (базовый уровень) [9, 6, 8, 1, 2, 4, 5, 7].

К инвариантным культурно-значимым единицам русского кулинарного дискурса в учебниках элементарного и базового уровня относятся такие единицы: борщ, щи, икра, блины, пельмени. Кроме того, в учебниках есть названия традиционных блюд, без которых невозможно представить русскую кухню: окрошка, блины, пельмени, пирожок, тульский пряник, пирог, суп, суп-пюре, салат «Оливье», котлета по-киевски, рассольник и каша.

В учебнике «Русские сезоны» встречается слово варенье, а в учебнике «Приглашение в Россию» (I) – эквивалентное ему, но заимствованное – джем [11, 6]. Есть и другие заимствованные, но не новые наименования блюд – бутерброд, йогурт, пицца, чипсы, кекс и паштет. Среди новых наименований заимствованных блюд – биг-мак в учебнике «Русский класс» [1].

В учебниках базового уровня представлено больше культурно-значимых единиц кулинарного дискурса на уровне словосочетаний. Если на элементарном уровне даются только названия на уровне слова – и только существительные, то на базовом есть словосочетания (существительные + прилагательные): щи боярские, уха монастырская, щи русские, борщ московский, борщ украинский с пампушками, русский квас, компот из фруктов.

В данной статье культурно-значимые единицы русского и румынского кулинарного дискурса рассматриваются для того, чтобы в итоге предложить оптимальный способ включения таких единиц в национально-ориентированный учебник русского языка как иностранного для носителей румынского языка.

Культурный потенциал национальных кулинарных дискурсов в настоящее время недооценен. Между тем единицы, содержание которых обусловлено национальной спецификой русской культуры, всегда трудны для понимания, и, являясь культурологическими лакунами, должны вводиться с учетом специфики румынской культуры.

«Щи да каша – пища наша», – гласит русская народная пословица. Каша для нас – это не просто отдельное блюдо. Мы воспринимаем её как категорию. Так, в русском языке для каши из риса и молока есть альтернативные названия: рисовая каша, молочная каша, рис с молоком, а в румынском языке существует только одно названия для этого блюда – рис с молоком (*orez cu lapte*). Русская традиционная гурьевская каша кроме основного ингредиента манки включает в себя орехи и фрукты, но также входит в категорию каш. В румынской культуре питания нет каши как категории. В русской культуре питания заметно стремление к объединению ингредиентов, что ярко выражено на примере каш, а в румынской культуре питания наоборот, даже в одном блюде ингредиенты выступают как самостоятельные части целого.

Традиционный русский напиток чай, несмотря на то, что в румынском языке данный напиток имеет такое же название (*ceai*), воспринимается совсем не так, как в русской культуре. В Румынии считается, если кто-то пьёт чай, то он заболел и хочет согреться. Поэтому даже самая простая коммуникативная ситуация – приглашение на чашку чая в России – может быть неоднозначно воспринята в румынской аудитории.

Отдельно нужно сказать о таких явлениях русской кухни, которые несут в себе символическое значение. Благодаря тому, что основной религией в Румынии считается христианство, и большинство исповедуют православие, в основном кулинарные атрибуты русских и румынских религиозных празд-

322 | нований совпадают. Так, пасхальный пирог в Румынии – козонак (cozonac) готовится из таких же ингредиентов, как кулич, но отличается внешне. Есть также и паска (pasca) – это такой пирог с творожной начинкой. В России тоже готовят пасху, но это исключительно творожное изделие без добавления муки. Блины – это также распространённое блюдо в Румынии (clătite). Тем не менее, в румынской культуре блин не ассоциируется с солнцем, с проводами зимы и Масленицей, то есть следами язычества в русской культуре.

Русские и румынские единицы кулинарного дискурса, похожие по звучанию, но отличающиеся по значению, в учебниках должны быть снабжены соответствующим комментарием. Слово закуска (zacuscă) в русском языке означает многочисленные блюда предшествующие основным, а в румынском – это определенное блюдо из жаренных на открытом огне баклажан. Борщ в русском языке и борш (borș) в румынском не имеют ничего общего, так как румынский борш – это пшеничная закваска, которую добавляют в овощные супы. Похожее по звучанию на русское слово котлета тоже есть в румынском языке – котлет (cotlet), но оно не означает мясное изделие из рубленого мяса, а только кусок свинины на кости. Соответственно при первом восприятии румынами данных единиц, будут проводиться параллели с родным языком, что может стать причиной интерференции.

Литература

1. Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку/ под ред. И. П. Лысаковой. – М., 2004.
2. Ундрицова М.В. Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты: на материале русского, французского и греческого языков: дис. ...канд. филол. наук, Москва, 2015. – 290с.
3. Вохмина Л.Л. Русский класс. Учебник русского языка. Начальный уровень/ Л. Л. Вохмина, И.А. Осипова – М.: Рус. яз. Курсы, 2008. – 280 с.
4. Вохмина Л.Л., Гаврикова И.Ю., Зайцева А.С. Встречаемся в Москве! Учебное пособие для молодежи. Средний уровень (A2-B1). – М., 2016. – 200 с.
5. Глазунова О.И. Давайте говорить по-русски. Учебник по русскому языку. – М.: Рус. яз., 1997. – 336 с.
6. Ермаченкова В.С. Слово: пособие по лексике и разговорной практике. – 3-е изд. – СПб.: Златоуст, 2012. – 212 с.
7. Корчагина Е.Л., Литвинова Н.Д. Приглашение в Россию. Часть II. Базовый практический курс русского языка. Учебник. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Рус. яз. Курсы, 2006. – 276 с.
8. Корчагина Е.Л., Степанова Е.М. Приглашение в Россию. Часть I. Элементарный практический курс русского языка. Учебник. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Рус. яз. Курсы, 2006. – 288 с.

9. Миллер Л.В., Политова Л.В. Жили-Были...12 уроков русского языка. Базовый уровень: учебник. – 5-е изд. – СПб.: Златоуст, 2011. – 200с.

10. Миллер Л.В., Политова Л.В., Рыбакова И.Я. Жили-Были...28 уроков русского языка для начинающих: учебник. – 9-е изд. – СПб.: Златоуст, 2011. – 152 с.

11. Нахабина М.М., Антонова В.Е., Жабоклицкая И.И., Курлова И.И., Смирнова О.В., Толстых А.А. Русский сезон: учебник по русскому языку. Элементарный уровень. – М.: Институт русского языка и культуры МГУ им. М.В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2015. – 336 с.

Bilinevich T.A.

CULTURALLY SIGNIFICANT UNITS OF RUSSIAN CULINARY DISCOURSE IN THE CONTEXT OF NATIONAL-ORIENTED EDUCATION (FOR NATIVE ROMANIAN SPEAKERS)

Abstract. Cultural-significant units of Russian and Romanian culinary discourses are examined in order to clarify the content and scope of culturally significant information for a national-oriented textbook of RFL.

Key words: National-oriented education; culinary discourse; culturally significant units; food linguoculture.

Бродецкая Ульяна Владиславовна
магистрант Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина, Москва, Россия
ulianabrodetskaya@gmail.com

ГЕРОИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АНЕКДОТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ героев анекдотов трех тематик русской и английской культур. Выявляются общие и национально-специфические черты юмора.

Ключевые слова: юмор; шутка; кросскультурный анализ; шутки о школе, о персоналиях; этнические шутки.

Юмор – явление и универсальное, и уникальное. Постулат об уникальности юмора не требует объяснения и доказательств. Иначе не существовало бы кросскультурных барьеров в области юмора, вызванных непониманием шуток одних наций другими.

Разобрать все нюансы тематик юмора в одной статье не представляется возможным, поэтому мы рассмотрели особенности английских и русских шуток в трех самых популярных областях: школьная тематика, шутки по национальному признаку, шутки о персоналиях. При анализе были выявлены как общие, так и специфические черты.

1. Школьная тематика

В России данная тематика включает в себя анекдоты о сфере образования в целом: от школы, учителей и учеников до университетов, студентов и преподавателей. Поле деятельности позволяет описать комичные стороны всего учебного процесса. Среди главных героев анекдотов про школу – Вовочка и «Марь Иванна» – собирательные образы типичного хулигана-ученика и среднестатистического учителя. В России анекдоты про Вовочку существуют довольно долгое время, но, тем не менее, не теряют своей актуальности: герой меняется вместе с изменениями жизни городского общества, но его психологический портрет не изменяется, как не меняется и его популярность. Антагонистами мальчика выступают его учителя и родители, реже, одноклассники (отличница Машенька).

— Вовочка, ты почему так мелко пишешь? — Чтобы ошибки были не так заметны, Марь Иванна.

На уроке истории в школе: — Вовочка, когда закончилось средневековье?
— Когда появился Интернет, Марья Ивановна.

В английском юморе Вовочке соответствует Little Johnny (Мальш Джонни). Джонни – это маленький мальчик, который любит задавать смущающие вопросы и имеет очень простой способ мышления. Иногда он оказывается не по годам развитым в вопросах полового созревания, тогда как в других случаях, наоборот, очень невинен. Иногда Джонни появляется в анекдотах со своей подругой, которую обычно зовут Сюзи. Своими вопросами Джонни также ставит в неловкое положение родителей и учителей, но при этом в английских шутках личность учителя не называется. Это связано, возможно, с традицией этикетных форм, но также с не посягательством на личные данные, личную жизнь и статус учителя.

Teacher: «Little Johnny, give me a sentence using the word, ‘geometry.’»

Little Johnny: «A little acorn grew and grew until it finally awoke one day and said, ‘Gee, I’m a tree.’»

Мы видим, что анекдоты про Вовочку и Джонни имеют диалогичную структуру и чаще всего вопросно-ответную форму. Такая форма шуток наиболее типична и очень частотна для английского юмора.

2. Этнические шутки.

У русских более широкая география для шуток по национальному признаку. Это, конечно, связано с масштабами и многонациональным населением страны, а также тем, что большое количество шуток покрывает и постсоветское пространство. Героями русских анекдотов часто выступают представители малочисленных народов бывшего СССР (эскимосы, чукчи, евреи и т.д.). Отдельный пласт юмора – одесский юмор, армянское радио. Очень распространены сюжеты с участием трех национальностей (напр., русский, американец и немец/француз).

Традиционно англичане же шутят в первую очередь над своими ближайшими соседями: ирландцами и шотландцами. «Англичанин, ирландец и шотландец» – это начальная фраза популярной в Ирландии и Соединенном Королевстве категории шуток. Участвующие страны могут отличаться, хотя обычно они ограничены теми, кто находится в Ирландии и Великобритании, и число вовлеченных людей обычно составляет три, иногда четыре человека. В Ирландии персонажей иногда называют «Пэдди англичанин, Пэдди шотландец и Пэдди ирландец» (Paddy the Englishman, Paddy the Scotsman and Paddy the Irishman). В зависимости от того, кто рассказывает анекдот, одна национальность представляется в выгодном свете, а другие страны «страдают» в соответствии с национальными стереотипами. Например, в Англии шутка обычно основывается на том, что ирландец является глупым, шотландец – скупым, а англичанин же находит способ посмеяться над собеседником, демонстрируя превосходство. Примечательно, что в Шотландии и Ирландии англичанин обычно будет целью насмешки. Иногда, когда шутка требует четырех человек, к выше описанным героям присоединяется валлиец.

3. Литературные герои, исторические личности

Среди персонажей, о которых шутят русские – известные всем герои книг и мультфильмов, «детских» анекдотов: Винни-Пух и Пятачок, Буратино и его друзья, Крокодил Гена и Чебурашка. Большое количество шуток о героях фильмов, об исторических и политических деятелях, имена которых стали нарицательными.

Штирлиц – этот персонаж стал самым знаменитым образом разведчика в советской и постсоветской культуре. Для анекдотов про Штирлица характерны каламбуры, игра слов, очевидность слов и действий. Обязательными клише такого типа анекдотов являются крылатые фразы «Штирлиц знал, что лучше всего запоминается последняя фраза», «Штирлиц никогда еще не был так близок к провалу» и др.

В дверь кто-то вежливо постучал ногой.

– Безруков! – догадался Штирлиц.

Поручик Ржевский – является героем цикла анекдотов, обычно фривольных – на сексуальную, алкогольную и «каламбурную» тематику; собирательный образ гусара с вульгарными замашками в аристократической среде. Вместе с ним героями этого цикла являются Наташа Ростова, Полковник и др.

Наташа Ростова на балу в офицерском собрании:

– Ужас, как здесь душно! Поручик Ржевский, может быть, что-нибудь откроем!

– С превеликим удовольствием! Мадам, вам шампанского или коньячку?

Еще один герой – Чапаев. Его имя получило широкую известность и популярность после выхода романа «Чапаев» Д. Фурманова и одноименного фильма. Несмотря на то, что роль Чапаева в Гражданской войне была признана преувеличенной, он продолжает оставаться одним из самых известных красных командиров и героем бесчисленного количества анекдотов вместе с ординарцем Петькой и пулеметчицей Анкой.

Вопрос к армянскому радио:

– Кто из великих философов сказал, что в одну реку нельзя войти дважды?

– Чапаев!

В Англии не распространены шуточки об известных личностях. Ведь даже о Шерлоке Холмсе и Докторе Ватсоне больше русских шуток, пытающихся показать пародию на тонкий английский юмор, нежели собственно английских. Но среди героев встречаются английские джентльмены, сэр Джон и сэр Генри. Англичане могут шутить даже про свою королеву и королевскую семью (естественно, что шуточки в их адрес от представителей других культур крайне не приветствуются).

Why is England the wettest country?

Because the queen has reigned there for years!

Это лишь некоторые особенности, которые мы выделили. В дальнейших планах провести кросскультурный анализ тематик и особенностей английского юмора с привлечением большого количества тем и сфер употребления шуток с целью выявить области коммуникативных неудач.

Литература

11. Барский Л. А. Анатомия английского юмора. М.: Дрофа, 2012. 251 с.
12. Горностаева А.А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации. М.: Маска, 2013. 240 с.
13. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. М.: Эгмонт, 2002. 143 с.

U. V. Brodetskaya

CHARACTERS OF RUSSIAN AND ENGLISH JOKES: CROSS-CULTURAL ANALYSIS

Abstract. The article compares the characters of three themes of Russian and English anecdotes and identifies common and nationally specific features of humor.

Key words: humor; joke; cross-cultural analysis; jokes about the school; jokes about personalities; ethnic jokes.

Булгакова Вероника Владимировна
студент 3 курса кафедры ИДиЖ
Московского политехнического университета
Москва, Россия
BulgakovaVeronika@yandex.ru

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ *LORD* В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА “THE VANITY FAIR” У. ТЕККЕРЕЯ)

Аннотация. В статье рассматривается лексема *lord*, её семантика и функционирование в тексте романа У.Теккерея “The Vanity Fair” («Ярмарка тщеславия», 1848). Проведен этимологический, статистический, семантический и контекстный анализ данной языковой единицы. Проанализированы случаи ироничного использования лексемы в тексте романа. Выявлены наиболее частотные значения лексической единицы.

Ключевые слова: художественный текст; семантика; ирония; *lord*; коннотация.

Анализ актуализации лексем в художественном тексте представляет несомненный интерес для лингвистики, т.к. «текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка» [6, с. 19].

В каждой языковой картине мира присутствуют только ей присущие, лексемы, номинирующие национально-специфические понятия. Одной из таких в английском языке является лексема *lord*. Рассмотрению её семантики, актуализации отдельных значений, функционировании в викторианском художественном тексте посвящена настоящая статья.

Используя термин М.М. Бахтина, художественное произведение – это сказанное писателем, поэтом «слово о мире», акт реакции художественно одаренной личности на окружающую действительность [1, с. 330]. Многозначное слово в тексте раскрывает свои значения в зависимости от контекста, семантики всего текста, авторской интенции.

Происхождение основы «*hlāf*» исследователи связывают с прагерманским «*hlaibaz*» («*loaf of bread*» – буханка хлеба), образованным от индо-европейского *kel-*, *kley-*. Кроме того, лингвисты обращают внимание на прагерманский глагол «*warian*», который значил «остерегаться». Ведь именно он был «предком», сложившегося и уже упомянутого «*weard*». Кельтские племена в качестве эквивалента слову «*lord*» употребляли «*laird*» [7, с. 186]. Позднее, в среднеанглийский период, лексема «*hlāford*» трансформировалась в «*louerd*», «*loverd*», «*lhoaverd*» для обозначения представителя «высшего» класса: лорда, хозяина, правителя.

В толковых словарях найдено около 12-ти различных дефиниций существительного *lord*, а также образованных от него других частей речи и идиом, напр.: лицо, имеющее власть, контроль или власть над другими; хозяин, вождь или правитель; лицо, которое осуществляет определённые полномочия, имеет имущественные права; собственник земли, домов и т. д.; феодал, землевладелец; титулованный дворянин или пэр [10].

В художественных текстах языковые единицы наиболее полно раскрывают свой лингвистический потенциал, поскольку образность и выразительность литературных произведений создаёт необходимые условия для раскрытия каждогозначения. «Текст очень подвижный и гибкий, но вместе с тем хрупкий материал. . . Язык служит тексту, но в то же время выполняет определяющую роль, являясь для него «средой обитания», причём, средой структурированной» [3].

Проведена выборка лексемы *lord* из романа «Ярмарка тщеславия», выдающегося английского писателя-викторианца Уильяма Теккерея. Выбор литературно-художественного материала обоснован высокой степенью отражения в произведении нравов и обычаев английского общества XIX в. У. Теккерей без прикрас описал мировоззрение, характеры представителей «среднего» и «высшего» классов современного ему социума.

Роман “The Vanity Fair” («Ярмарка тщеславия») 1847–1848) – уникальное, разноплановое произведение, зеркальное отражение нравов и поведенческих особенностей английского общества XIX века. Жизнь буржуазно-аристократических кругов описана автором, как шумная ярмарка, на которой всё продаётся и всё покупается: «люди обогащаются и разоряются, заключают браки и умирают, гибнут надежды и рождаются новые иллюзии, возникают глубокие чувства и рассеиваются заблуждения» [7, с.154]. Творение Уильяма Теккерея реалистично, в нём характеры и судьбы всех героев неразрывно связаны со всевозможными жизненными обстоятельствами, в контексте которых интересно пронаблюдать за вариантами и инвариантами часто употребительной свыше (140 раз) в романе лексемы *lord*. В 85% случаев лексема служит для указания на высокое общественное положение героев романа.

Приведем примеры из текста, в которых реализованы основные значения *lord*:

1) титул, обозначение высокопоставленного чиновника, пэра: The Lord Lieutenant of a County, my dear, is a respectable man [11]. The Lord Chamberlain gives them a certificate of virtue [11],

2) мой господин, в романе Теккерея содержит скрытую иронию, направленную на вычурность, чрезмерную надменность героя: She did not understand one-half the compliments which he paid; she had never, in her small experience of mankind, met a professional ladies’ man as yet, and looked upon my lord as something curious rather than pleasant; and if she did not admire, certainly wondered at him [11],

3) горд, как лорд (при характеристике одного из персонажей романа, высмеивая его наигранную, напускную высокомерность и безграничное своеобразие): Mrs. Frederick Bullock, I say, flung glances of the bitterest hatred at the little upstart as he rode by with his hand on his side and his hat on one ear, as proud as a lord [11],

4) хозяин, муж: Her lord, painted at the same time by Lawrence, as waving his sabre in front of Bareacres Castle, and clothed in his uniform as Colonel of the Thistlewood Yeomanry, was a withered, old, lean man in a greatcoat and a Brutus wig, slinking about Gray`s Inn of mornings chiefly, and dining alone at clubs [11]. В этом контексте существительное *lord* употреблено, во-первых, для того, чтобы подчеркнуть отношение героини к герою, а, во-вторых, чтобы охарактеризовать персонажа как властного и могущественного человека, оказывающего большое влияние на возлюбленную,

5) Бог: THE KING? There he was. Beefeaters were before the august box; the Marquis of Steyne (Lord of the Powder Closet) and other great officers of state were behind the chair on which he sat [11]. Явная ирония прослеживается здесь.

Реализация значения Бог в устах Ребекки Шарп приобретает несколько иную, отнюдь не сакральную, трактовку: Lord! Lord! How poor Mrs Washington White`s card and Lady Crackenbury`s card, which our little friend had been glad enough to get a few months back, and of which the silly little creature was rather proud once – lord!lord! I say, how soon at the appearance of these grand court cards did those poor little neglected deuces sink down to the bottom of the pack. Lord!lord! he`ll be ordering a dressing-case next, and razors to shave with; I`m blessed if he won`t [11].

6) человек-хозяин: лексема *lord* даёт читателю понять, что Джордж вёл себя раскованно и дерзко: At his new home Master George ruled like a lord [11].

Lord – не только дворянский титул, но и определённый образ жизни и система ценностей, поведения. В данном примере наглядно проявляются представления о лордах, их манерах, правах и благосостоянии. Автор показывает читателю, что персонаж его романа живёт на широкую ногу, словно он богаче и влиятельнее самых уважаемых людей общества, что видно из следующего примера: He have made such a row in the housekeeper`s room about the dinners and hale, as no lord would make [11]. В следующей цитате звучат пренебрежительные нотки: If a lord was not by, she would talk to his courier with the greatest pleasure [11].

Подводя итог, отметим, что Уильям Теккерей придаёт словарным значениям лексемы иронический характер, создает комические образы тех, кто обладает богатством властью. Значения, связанные с религией, с обращением к Богу чаще всего в устах персонажей также «переосмыслены»: на самом деле в устах отнюдь не набожной Ребекки *my lord* всего лишь междометия. В полотно повествования, где действующие лица современной автором действительности относятся к высшим слоям общества, лексема обрастает различными оттенками. «Вместе с тем в рамках художественного произведения и в окружении тех единиц языка, которые авторы используют для описания представителей высшего английского общества, их характеров и поведения, именно значение благородный, знатный доминируют» [2, с.16].

Активное употребление изученной лексемы в художественной литературе с использованием всевозможных смысловых оттенков (сатирический, религиозный, титулярный и т.п.) даёт материал для дальнейшего анализа

семантики и функционирования лексемы *lord* в текстах других произведений Теккерея, а также его современников и представляется весьма перспективной с точки зрения таких отраслей лингвистики как лексикология, теория текста, семантика, а также в русле лингвокультурологии и когнитивистики.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Безкоровайна Г.Т. Репрезентация наименований лиц благородного происхождения в викторианском тексте (на примере романов Энтони Троллопа) ФГБОУ ВПО Нижегородский государственный университет имени Козьмы Минина // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых (21-22 апреля 2016). – Нижний Новгород, 2016. – С.16-22.
3. Ковригина Е. Текст-мысль, текст – образ, текст – язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://discourseanalysis.org/ada4/st32.shtml> (Дата обращения: 22.02.2018).
4. Лорды и леди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://umadrodd.blogspot.ru/2015/08/lordy-i-ledi.html> (Дата обращения: 23.02.2018).
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Михальская Н. «Ярмарка тщеславия» У. М. Теккерея. / Вступительная статья к книге У. Теккерей «Ярмарка тщеславия». – М.: Художественная литература, 1983. – 734 с.
7. Художественные особенности романа Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://elena-isaeva.blogspot.ru/2012/02/blog-post.html> (Дата обращения 24.02.2018).
8. The Oxford English Dictionary. Mode of access: URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/lord>
9. Etymology Dictionary. Mode of access: URL: <http://www.etymonline.com>
10. Thackeray W. M. Vanity Fair. Mode of access: URL: <http://www.literaturepage.com/read/vanity-fair.html>

Bulgakova V.V.

SEMANTICS AND FUNCTIONS OF THE LEXEME “LORD” IN THE ENGLISH LITERATURE (BASED ON THE NOVEL “VANITY FAIR” BY W. THACKERAY)

Abstract. Our article is about the polysemantic lexeme “lord” and different concepts, which are realized as invariants or variants of the nomination in fiction texts. It is important to point that the lexeme will be viewed through the prism of a prototype British culture with the help of a legendary novel “Vanity Fair” which was written by William Thackeray, the most prominent author of XIX century in English literature.

Key words: Literary text; semantics; irony; lord; connotation.

Веремева Елизавета Сергеевна
магистрант 1 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
eliza-bat@bk.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ИНТОНАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

Аннотация. В настоящей статье мы рассмотрим способы постановки общего вопроса в русском и сербском языках и опишем их интонационные особенности, синтаксические сходства и различия.

Ключевые слова: сербский язык; русский язык; интонационная конструкция; вопросительное высказывание; общий вопрос.

Общий вопрос – это вопросительное предложение, требующее подтверждения или отрицания. В разных языках используются различные способы постановки общего вопроса. В разговорной речи часто можно встретить вопросительные высказывания, заданные с помощью особой интонации (английский, французский, русский, сербский и другие языки).

В русском языке интонация играет большую роль. Е.А. Брызгунова под интонацией понимает определенное сочетание движения тона, силы звука, тембра и длительности [1, с.158]. Такое сочетание обозначает смысловую сторону высказывания, а также его эмоциональную составляющую. Е.А. Брызгунова выделила семь основных интонационных конструкций (далее ИК), различающихся направлением тона, длительностью гласного центра, усилением словесного ударения на нем, а также наличием или отсутствием смычки голосовых связок в процессе завершения произнесения гласного в центре ИК. Изменение логического ударения, происходящее посредством сдвига интонационного центра конструкции, обозначает перемену содержания высказывания. Так, в русском языке предложения, состоящие из одних и тех же слов, но имеющие различные интонационные центры, имеют разные значения. Например, в высказывании-просьбе «Дай мне книгу» без специальных интонационных выделений акцент будет на глаголе дай, акцентируя внимание слушающего на субъекте говорения, интонационно выделяют мне, это указывает на то, что книга нужна именно субъекту говорения. Выделяя

желаемый объект, мы поставим ударение на слове книга: дай мне книгу. Это уточнит, что говорящему нужна именно книга, а не другой предмет.

В русском языке основной способ постановки общего вопроса интонационный. Также существует менее употребительный способ – постановка общего вопроса с частицей ли, при этом интонация также активно участвует в таком высказывании.

Представим движение тона в вопросительных конструкциях ИК-2, ИК-3 и ИК-4. В ИК-2 преобладает нисходящий тон в сочетании с некоторым усилением словесного ударения на гласном центра. Эта конструкция реализуется в вопросах с вопросительными словами (Когда у вас день рождения? Где вы живете?). Также допускается смещение интонационного центра, в зависимости от логического ударения.

В ИК-3 присутствует восходящий тон с последующим падением. Конструкция типична для вопросов без вопросительных слов и является основной для постановки общего вопроса (Вы были на прошлой лекции? Вам сообщили домашнее задание?). Допускается подвижность гласного центра при менее логического ударения в высказывании.

В русском языке общий вопрос строится по модели ИК-3. Рассмотрим подробнее вопросы, заданные по типу этой конструкции.

Вопрос Ты была дома? имеет три возможных интонационных центра: 1) Ты была дома? 2) Ты была дома? 3) Ты была дома? Каждый вариант вопроса имеет соответствующий ответ: 1) Да, я. / Нет, не я; 2) Да, была. / Нет, не была; 3) Да, дома. / Нет, не дома.

Вопросительные предложения с частицей ли, как правило, делают акцент на слове, которое является смысловым и интонационным центром высказывания. Частица ли может примыкать к любому члену предложения и менять порядок слов, помещая акцентированное слово в начало предложения (Была ли ты на лекции? Ты ли была на лекции? На лекции ли ты была?). Однако для русскоговорящих более предпочтителен вариант вопроса, полученного с помощью специальной интонации без прибавления частицы ли (Холодно ли на улице? Холодно на улице?).

В ИК-4 используется нисходяще-восходящий тон, конструкция употребляется для сопоставительных вопросов (Аня уже дома. А Петя?).

Отличительной особенностью построения общего вопроса в сербском языке является его стилистическое употребление. Так, в официальном стиле речи наиболее употребителен грамматический способ постановки общего вопроса. В этом случае используют вопрос, включающий конструкцию да ли, которая присоединяется к повествовательному предложению (Да ли идешь сутра на факультет?). Такой тип вопроса имеет интонацию повествовательного высказывания: нисходящий тон на гласном интонационного центра идеш.

Также вопрос можно задать с использованием частицы ли после спрягаемой части сказуемого. Например, идеш ли сутра на факултет? Јеси ли за чоколаду? Је ли он за чоколаду? При этом сохраняется интонация повествовательного предложения, ИК-1, но меняется порядок слов.

Как и в русском языке, повествовательное предложение можно изменить на вопросительное с помощью интонации. При этом логическое ударение можно менять путем смещения интонационного центра (Идеш сутра на факултет? Ти си за чоколаду?). В зависимости от логического ударения можно получить следующие варианты ответа. Например, Идеш сутра на факултет? – Да, идем / Не, не идем; Идеш сутра на факултет? – Да, идем сутра / Не, не идем сутра; Идеш сутра на факултет? – Да, идем на факултет / Не, не идем на факултет. При этом необходимо употребление глагола в ответном высказывании.

Таким образом, в сербском языке в официальном и разговорном стилях общий вопрос чаще формулируется по грамматической модели с использованием да ли / ли, при этом интонация соответствует ИК-1. Вопросительная интонация по модели ИК-3 в сербском языке свойственна разговорному стилю речи. Такой способ постановки вопроса является общим в сопоставляемых языках.

Основным лингводидактическим принципом, на который неоднократно ссылаются ученые-методисты, является учет родного языка учащегося при обучении его иностранному языку. При обучении неизменно будет возникать явление интерференции на всех языковых уровнях, но особое значение имеет фонетический уровень, поскольку учащимся сложнее всего преодолеть автоматизированность артикуляций родного языка в пользу изучаемого: овладевая чужим языком, мы невольно смотрим на него через «призму» своего родного языка (по выражению Л.В. Щербы). Таким образом, в речи изучающего проявляется акцент [3, с. 6].

При обучении сербских студентов фонетике русского языка могут возникнуть трудности с образованием общего вопроса специальной интонацией без использования грамматического способа. Во избежание ошибок рекомендуется выполнение упражнений с высказываниями, построенными по модели ИК-3.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963. С.158-183.
2. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
3. Будник Е.А., Логинова И.М. Аспекты исследования звуковой интерференции (на материале русско-португальского двуязычия) монография / Е. А. Будник, И. М. Логинова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. ун-т экономики, статистики и информатики (МЭСИ), Каф. лингвистики и межкультурной коммуникации. Москва, 2012.

4. Вендина Т. И. Введение в языкознание; Учебное пособие для педагогических вузов. М., 2001. 121 с.
5. Иванова И. Е. Сербский язык для начинающих: Учебник и разговорник. М., Айрис-пресс, 2003. С.38-41.
6. Свешникова О. А. Использование фонологической теории Е. А. Брызгуновой при обучении РКИ. М., 2015.
7. Ginić J. Настава прозодије руског језика у српској говорној средини (лингвистички и лингводидактички аспекти). Универзитет у Београду, филолошки факултет, 2013. С.52-65.
5. Шильдер Н. К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: в 2 т. Репринтное издание 1885–1886 гг. Том 2. СПб.: Альфарет, 2016. - 788 с.

Veremeeva E.S.

COMPARISON OF INTERROGATIVE INTONATIONAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN AND SERBIAN

Abstract. The article compares the ways of realization of the general question in the Russian and Serbian languages. The author describes two types of formulation of interrogative questions, their syntactical similarities and differences.

Key words: Serbian language; Russian language; interrogative construction; general question.

СУБКУЛЬТУРА ФАНАТОВ ФУТБОЛА В ПОЛЬШЕ И В РОССИИ

Аннотация. В статье на основе исследований польских и российских ученых рассматривается тема субкультуры фанатов футбола в Польше и России. Дается определение субкультуры как социологического феномена, характеризуются черты, поведение и атрибутика членов субкультуры.

Ключевые слова: субкультура; молодежная субкультура; фанаты футбола.

В начале данной статьи необходимо сосредоточиться на объяснении определений молодежь и субкультура. Как пишет Вероника Танкилун: «молодежь, безусловно, может быть описана как социальная группа, в возрасте между детством и взрослостью. Однако трудно определить точный возраст для молодежи. Чаще всего принимается, что это возраст от 13-15 лет, до 30 лет». [5, с. 10] Мариан Филипяк определяет термин «молодежь» как «группу людей в определенном возрасте», а термин юность относит «к состоянию, которое они переживают». [1, с. 24].

М. Филипяк приводит также следующее определение слова субкультура: «Когда у людей есть похожие проблемы и когда на основе общих интересов и устремлений они вступают в довольно длительные связи между сверстниками, которые создают соответствующие нормы, ценности и закономерности только для данной группы, то некоторые из этих норм, ценностей и моделей поведения являются субкультурой определенной группы». [1, с. 13] Другими словами, субкультурой можно назвать относительно сплоченную социальную группу, которая подчеркивает собственную индивидуальность, нарушая общепринятые культурные схемы. С другой стороны, профессор Светлана Левикова в одной из своих книг пишет, что молодежные субкультуры создаются молодыми людьми для их самореализации и идентификации их личности. Сначала они воспринимались как отклонение от нормы. Некоторые по-прежнему воспринимают их как таковые.

Почему такие субкультуры создаются? С. Левикова объясняет, что некоторые субкультуры возникают на политическом или религиозном фоне. Однако у большинства из них не существует действительно определенной идеологии. Молодые люди в возрасте 15-18 лет переживают период полового созревания и поэтапно вступают в возраст совершеннолетия. Это тот пери-

од, когда они должны принимать решения, от которых зависит их будущее. Некоторые молодые люди не имеют представления о том, что следует делать в жизни, поэтому они присоединяются к субкультуре, перенимают чей-то способ одевания, мировоззрения и ценности. Субкультуры часто помогают им узнать, кем они хотят или кем не хотят стать. Некоторые субкультуры могут представлять патологические явления, угрозу и опасность для других людей, из-за невозможности приспособиться к социально-культурным и историческим ценностям данного общества.

Группа «футбольных фанатов», о которой пойдет речь, может быть включена в субкультуру, принадлежащей к группе так называемой культуры действия. Основной целью создания данной социальной группы является объединение болельщиков определенной спортивной команды с целью ее поддержки. Футбольные фанаты вместе проводят свободное время, чтобы поговорить о футболе, последних матчах и других новостях, вместе посещают спортивные мероприятия, организуют поддержку своей команды, пишут песни и кричалки. В последнее время замечается, что внутри данной субкультуры возникают проблемы, связанные с хулиганством и криминогенными особенностями.

Чаще всего субкультура возникает в крупном городе, который имеет собственную футбольную команду. Членов субкультуры футбольных фанатов нетрудно определить по поведению и одежде. На стадионе они появляются обязательно с атрибутикой клуба в виде флагов, транспарантов, специальной одежды (шапки, кепки, спортивные костюмы, футболки, шарфы, повязки, и др.), ракетами и другими аксессуарами. Главный атрибут фаната – шарф, являющийся своего рода «боевым знаменем», которое растягивается над головой. Это действие имеет также символический и почти мистический факт возвещения миру, что фанат и клуб неразделимы.

Некоторые поклонники футбола полностью ушли от идеи совместного проведения времени на стадионе и поддержки излюбленной футбольной команды. Вместе с популяризацией футбола среди фатов начинают распространяться течения агрессивно настроенных «хулиганс», которые являются виновниками массовых драк между поклонниками и беспорядков. Такие встречи, всегда заканчиваются травмами разной степени тяжести и убийствами. Наблюдается феномен формирования союзов между сторонниками команд из разных городов. Такие союзы построены на принципе защиты друг друга перед поклонниками ненавистных команд. Со временем негативное поведение становится все более распространенным явлением. Увеличились различные атаки фанатов на случайных людей, прохожих. Описываемые явления вышли на международный масштаб во время Чемпионатов Мира и Европы.

Интересным представляется факт, что польские фанаты имеют кодекс, который запрещает им общение с полицией и поощряет агрессию против неё.

Кроме того, в кодексе есть положение о том, что драки с фанатами команд противника должны проходить в изолированных местах. Особо интересно, что во время матчей команды Польши по футболу все поддерживают сборную.

В России футбол также является одним из самых популярных видов спорта. Среди поклонников числятся те, кто ведет себя на стадионе в соответствии с идеями спорта и соперничества и те, которых называют фанатами. Можно сказать, в настоящее время обладатели розеток (фанатский шарф) являются одной из самых распространенных групп в субкультуре фанатов. Как в Польше, так и в России появилась группа болельщиков, которая ездит за своей любимой командой по всей стране и поддерживает ее. Естественно, это самый популярный образ жизни среди молодых людей-фанатов. Как социальная группа большинство из них являются безработными или подрабатывающими от случая к случаю. Это объясняется тем, что им нужно много времени для путешествий за своей командой по разным городам страны. Однако любовь к дракам, нарушению порядка и патологическим действиям не обозначает, что они вообще не интересуются матчами. Они по-прежнему очарованы футболом, выкрикивают свои эмоции и проявляют свои чувства, но делают это очень жестоко, что является симптомом плохого образования, вандализма и насилия. Как пишет Владимир Луков, некоторые группы российских фанатов знают о своем неподходящем поведении и поэтому сами себя называют хулиганами. Здесь можно привести пример хулиганов Спартака, которые назвали своё сообщество «Ред-уайт хулиганс» или «Гладиаторы». Конечно, во время матчей они смело поддерживают свою команду, заботясь о соответствующих криках или мексиканской волне. С другой стороны, как и в Польше, они нарушают ход матча, организуют драки со сторонниками вражеских команд и атакуют полицию. Большое количество драк происходит до начала матча, например, на площадках перед стадионами, на железнодорожных станциях, парковках, в лесах. Вторым сходным фактором является наличие у российских фанатов кодекса и иерархии, а также свойственной символики, на которых часто вышиваются оскорбления, например: «Смерть врагам». Что касается иерархии, то интересно, что самые старые сторонники пытаются защитить самых молодых в битвах. Есть также договоренности между поклонниками разных клубов. Интересно, что такие дружбы могут быть также заключены в международном масштабе.

Можно заметить, что субкультуры польских и российских фанатов футбола действуют по аналогичным принципам. Члены этих субкультур часто являются опасными, вызывают страх среди других, способствуют деградации общепринятых ценностей, авторитетов. С нашей точки зрения, субкультура фанатов портит дух футбола, который как вид спорта включает в себя честное сотрудничество и положительные эмоции, объединяющие любителей футбола.

Литература

1. Filipiak M. Od subkultury do kultury alternatywnej: wprowadzenie do subkultur młodzieżowych/ Изд. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, 2003, 107 С.
2. Janus T. Przemiany w środowisku kibiców sportowych/ Изд. Sport Naukowo, Warszawa, 2013, 115 С.
3. Śmiałek M. Subkultury młodzieżowe w Polsce: wybrane zagadnienia/ Изд. Wydział Wydawnictw i Poligrafii Centrum Szkolenia Policji, Legionowo, 2015, 39 С.
4. Tankielun M. Subkultury młodzieżowe: ujęcie kategorialne, definicyjne i faktograficzne// Warmińsko- Mazurski kwartalnik naukowy. 2012. No 3. С. 9-26.
5. Левикова С. И. Молодежная субкультура / Изд. ФАИР-ПРЕСС, Киев, 2004, 608 С.
6. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. No. 10. С. 79-88.

Wieczorek P.

SUBCULTURE OF FOOTBALL FANS IN RUSSIA AND POLAND

Abstract. The articles, based on both Polish and Russian researchers, investigate the subject of the football fanatics subculture in Poland and Russia. A subculture is defined as a sociological phenomena; the features, attitudes, and attributes of the subculture members were characterized.

Key words: Subculture; teenager subculture; football fanatics.

До Тхи Хань
магистрант 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
hanh.dothi93@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ОБОРОТОВ ЖИВОЙ РЕЧИ (ЭЭОЖР) СО ЗНАЧЕНИЕМ УДИВЛЕНИЯ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода ЭЭОЖР со значением удивления на вьетнамский язык. Автор раскрывает сущность, трудности перевода и виды оборотов речи во вьетнамском языке. На основе анализа сущности процесса перевода, а также главных трудности перевода русских ЭЭОЖР на вьетнамский язык через примеры и восклицательные обороты речи во вьетнамском языке.

Ключевые слова: ненормативны, соответствующая конструкция, идиоматичность, обыкновенное предложение, синтаксическая единица, восклицательный оборот речи, устойчивые словосочетания.

Перевод ЭЭОЖР как особого типа синтаксической единицы, характерной для устной речи, на другой язык – задача не из простых.

Мы исходим из того, что перевод – это процесс преобразования, текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении неизменного плана содержания [2, с.11]. План содержания ЭЭОЖР вообще, и ЭЭОЖР со значением удивления, в частности, имеет специфику: ЭЭОЖР ненормативны. Они же ничего не обозначают, а лишь выражают эмоции говорящего в процессе общения. Следовательно, и перевод ЭЭОЖР должен иметь специфику. При передаче ЭЭОЖР со значением удивления на другой язык переводчику не следует опираться на лексический смысл составляющих их компонентов, ему необходимо подобрать во вьетнамском языке соответствующие конструкции, которые выражают эмоцию удивления, не обозначая при этом больше ничего.

Процесс перевода можно понимать как процесс решения двух главных задач: правильно понять содержание текста на языке оригинала, потом полно и точно передать это содержание средствами языка перевода [6, с.4]. Главная трудность перевода русских ЭЭОЖР на вьетнамский язык заключается именно в решении первой задачи – распознавание и понимание их. Данная проблема возникает, прежде всего, из-за «идиоматичности» таких конструкций.

Возьмем, например, те ЭОЖР со значением удивления, в состав которых входят знаменательные слова: Вот история!, Вот новость!, Какими судьбами, Выдумал, Скажите, Вишь, Пожалуй, Здравствуй!, Право?, Чучело! и др. Наличие знаменательных слов в данных оборотах может привести неопытных переводчиков к заблуждению, к неправильному толкованию их. Рассмотрим следующие примеры:

– Да, у ней ужасно голова болит, - промовила Марья Дмитриевна, обращаясь к Варваре Павловне и закатывая глаза. – У меня самой такие бывают мигрени.../ – Скажите! – возразила Варвара Павловна (И.Тургенев. Дворянское гнездо).

– Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало! (А.Чехов. Ванька).

В составе ЭОЖР, выражающих удивление, Скажите! и Выдумал! лишены номинативной основы. Эти глаголы не сохраняют в себе ни грамматического (вне ЭОЖР выдумал является глаголом несовершенного вида, употребляющимся в прошедшем времени, единственном числе, мужском роде, а скажите – глаголом совершенного вида, употребляющимся в повелительном наклонении), ни семантического значений (вне ЭОЖР выдумал имеет лексическое значение «придумать, изобрести», скажите – «владеть устной речью, владеть каким языком» и т.п.). Если бы переводчик не принял во внимание эту специфику оборота, получился бы совершенно абсурдный буквальный перевод, примерно такой: “Anh nghĩ thể đấy” или “Anh nghĩ ra rồi cơ đấy!” и “Hãy nói đi”.

Как ЭОЖР, выражающие удивление, Скажите! и Выдумал! должны соответствовать тем вьетнамским конструкциям, которые экспрессивно передают эмоцию удивления. Таких конструкций довольно много в нашем языке, например: Quái lạ!?, Không lẽ nào!, Thật vậy chăng?, Thế ư?, Ra thế!

Итак, по формальным признакам неноминативные ЭОЖР вообще, и ЭОЖР со значением удивления в частности, особенно те со знаменательными словами, могут ничем не отличаться от обыкновенных предложений, что нередко приводит к неадекватному переводу этих синтаксических единиц. Однако, на наш взгляд, именно то, что ЭОЖР ничего не обозначают, а лишь выражают ту или иную эмоцию, значительно упрощает задачу переводчика. В следующем параграфе будем подробнее рассматривать проблему передачи ЭОЖР со значением удивления на вьетнамский язык.

Передача ЭОЖР со значением удивления на вьетнамский язык не должна составлять особого труда, так как и во вьетнамском языке есть большое количество подобных синтаксических единиц, употребляющихся в устной речи для выражения эмоции говорящего: Ôi!, Ôi hay!, Ôi chao!, Ái chà, Chết chửa!, Thật kì lạ!, Không lẽ nào! и др. Такие высказывания называют разными терминами: “câu đặc biệt” (особое предложение) [8, с. 202], “câu cảm thán” (восклицательное предложение), “biểu thức cảm thán” (восклицательный

342 | оборот речи), “phát ngôn đặc biệt” (особое высказывание), “lời cảm thán” (восклицательное выражение) [9, с.187], “cảm thán từ” (восклицательное слово) [10, с.14]. Приведем примеры:

Ồ! Ra tôi danh giá thế kia đây! Thì ra ba chữ tên LÊ HÙNG DŨNG cũng to lắm, chứ nào đâu có vừa. (Nguyễn Công Hoan. Tôi chủ bảo, anh chủ bảo, nó chủ bảo).

Ái chà. Cậu cả cũng biết đay hăn hoi kia đây! (Nam Cao. Tư cách mõ).

Chưa kịp trông rõ hăn, y đã bị tay hăn chộp. Y ngạc nhiên: Ô hay! (Nam Cao. Đòn chông).

По мнению Зиэп Куань Бана восклицательные обороты речи («biểu thức cảm thán») во вьетнамском языке делятся на две группы:

1. Чистые восклицательные обороты речи («Biểu thức cảm thán thuần khiết»): ôi, ôi, ái, chà, ái dà, ái chà chà, ủa...

Као Суан Хао в работе “Tiếng Việt: Sơ thảo ngữ pháp chức năng” называет эти языковые единицы термином «từ-câu» (слово-предложение). Причем ученый подчеркнул, что термин «слово-предложение», употребляющийся лингвистами для обозначения аналогичных восклицательных предложений, появился относительно давно. Это значит, что каждое междометие само по себе может создать предложение. Слова-предложения составляют особый тип предложений. По сути дела междометия восходят к самопроизвольным крикам человека. Однако они употребляются умышленно как сигналы. Например: ái, ôi, ô hô, a, aha, chặc, eo ôi, chà (для выражения удивления) [8, с. 282].

2) Восклицательные обороты речи, более свойственные вьетнамскому языку (Biểu thức cảm thán có nhiều tính chất riêng biệt hơn của tiếng Việt). В состав этих высказываний входят знаменательные слова. Однако лексическое значение этих знаменательных слов не выражается прямо в предложениях: ôi cha mẹ ơi, trời ơi, trời ơi là trời, trời đất ơi, trời Phật ơi, áy chết, chết chửa, quái lạ, không có lẽ, trời cao đất dày ơi, thật là kì diệu, ...

Эти высказывания имеют такие же специфики, как и поговорки. Рассмотрим примеры:

Trời đất ạ!... Có đời nào như vậy? Cái thỏ tà gì cũng đất. (Nam Cao. Một đám cưới).

Thật thế ư? Không có lẽ. Thầy Ninh thương chị em Ninh lắm chứ!... (Nam Cao. Từ ngày mẹ chết).

Однако следует отметить, что аналогичные восклицательные обороты речи существуют и в других языках, например, в русском. Поэтому вряд ли можно считать их «более свойственными вьетнамскому языку». Сравним: Té ra thế!, Thế cơ đấy!, Ra thế и Вот так!, Вот и как!, Ну вот!.

Можно сказать, что до сих пор среди исследователей не сложилось единого мнения относительно терминологического обозначению данных устойчивых словосочетаний. Однако большинство лингвистов называют их термином «quán ngữ» (поговорки), под которым понимаются устойчивые словосоче-

тания, многократно употребляющиеся в речи в целях соединения речевых реплик, сладкоречия, выражения меры предосторожности или подчёркивания того или иного содержания речи. Для обозначения их употребляются и термин «quán từ tình thái» (модальные поговорки) [10, с.6] «quán ngữ cảm thán» (восклицательные поговорки) [9, с.155].

Литература

1. Акимова Г.Н. Экспрессивные свойства синтаксических структур // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. – Л.: Изд-во Лен. Унив., 1988. – С. 15-20.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: «Междунар. отношения». – 1975. – 240 с.
3. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. – Учебное пособие. М. – 1996. – 96 с.
4. Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова – Воронеж: Облтипография. –1999 – 193с.
5. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2001 . – 239 с.
6. Слепович В.С. Курс перевода. – Мн.: «ТетраСистемс». – 2004. – 320 с.
7. Bùi Mỹ Hạnh. Cấu tạo từ tiếng Nga hiện đại. NXBĐHQGTPHCM
8. Cao Xuân Hạo. Tiếng Việt: Sơ thảo ngữ pháp chức năng. NXB Giáo dục, 2004
9. Diệp Quang Ban, Ngữ pháp tiếng Việt, tập 1 và tập 2, NXBGD, 2005
10. Đinh Trọng Lạc, Nguyễn Thái Hòa. Một số phạm trù tình thái chủ yếu trong ngôn ngữ/ Tạp chí Ngôn ngữ. Số 8 – 2007

Do Thi Hanh

PROBLEMS OF TRANSLATION EMOTIONAL-EXPRESSIVE PHRASES OF LIVING SPEECH (EEPLS) WITH THE MEANING OF SURPRISE TO THE VIETNAMESE LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the problems of transferring EEPLS with the meaning of surprise to the Vietnamese language. The author reveals the essence, difficulties of translation and types of phrases living speech in Vietnamese. Based on the analysis of the essence of the translation process, as well as the main difficulties in translating the Russian EEPLS into Vietnamese through examples and exclamations of phrases living speech in Vietnamese.

Key words: Non-normative, appropriate construction, idiomatic, ordinary sentence, syntactic unit, exclamatory speech, stable phrases.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ НОВОГО СТИЛЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности нового стиля в международной публичной дипломатии на примере деятельности бывшего представителя при ООН Виталия Чуркина. Актуальность изучения коммуникативных ситуаций «Виталий Чуркин – оппоненты» продиктована необходимостью поиска оптимальных путей речевого воздействия в международной публичной дипломатии и необходимостью понимания оппонентами истинных мотивов и скрытых приемов языкового манипулирования.

Ключевые слова: новый стиль в международной публичной дипломатии; политический дискурс; коммуникативная ситуация; речь; приемы речевого воздействия.

Политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования. «Цели такого манипулирования – это преобразование языковой картины политического мира в сознании адресата, пробуждение в нем необходимых эмоций <...>» [5, с. 71]. Выявление механизмов политической коммуникации в международной публичной дипломатии, нацеленной на установление долгосрочных продуктивных контактов с зарубежными партнерами, представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия на оппонентов.

Современная публичная дипломатия имеет свои ценностные основания, в основе которых лежит «активный общественный диалог и его открытость» [2, с. 110]. Виталия Чуркина, постоянного представителя при ООН с 2006 по 2017 годы, по праву следует считать одним из зачинателей дипломатии ценностей, направленной на создание принципиально новой системы международных отношений, в которой ведется открытый конструктивный диалог, а конфликты сведены к минимуму.

Проанализируем подход В. Чуркина к решению сложных политических проблем на примере наиболее ярких его выступлений. В вопросах комментирования внешней политики России дипломат настойчиво продвигал миротворческую миссию страны. Ему нередко приходилось отражать провокационные выпады в сторону России со стороны участников политического процесса в ООН. Такие выпады обычно имели популистский характер и через призму СМИ должны были бы выставить внешнюю политику России в негативном свете. В марте

2014 года Постоянный представитель США при ООН Саманта Пауэр выступила с едкими и несдержанными комментариями в адрес России. Выступая с критикой действий нашей страны, она вспомнила всемирно известных русских писателей и позволила себе назвать Россию «вором». В. Чуркин отреагировал соответственно: «Госпожа Пауэр начала с упоминания о Толстом и Чехове, а закончила, опустившись до уровня бульварной прессы. Мы категорически не приемлем оскорбительных высказываний в адрес своей страны. Если делегация Соединенных Штатов рассчитывает на наше сотрудничество в Совете Безопасности по другим вопросам, то госпоже Пауэр следует твердо это усвоить» [1].

Защита интересов страны на международной арене становится определяющим фактором речевого поведения дипломата. Выступления дипломата институализированы, конкретны, что соотносится с концепцией ООН как рабочей площадки для урегулирования политических вопросов. В то же время сообразно использованная книжная речь дипломата оживлена и одухотворена его внутренней страстью: ей свойствен ораторский пафос, публицистичность, образность, меткость, остроумие, энергичность. Такой выбор коммуникативной стратегии может быть определён как «самодостаточность и благородство целей в поисках истины». Стремясь донести правду до зарубежных партнеров, В. Чуркин использует особую манеру разговора. «Наряду с высоким профессионализмом у него (В.Чуркина) были быстрая реакция, чувство юмора, идиоматический язык <...>. Жёсткую позицию легко занять, но подать её с таким артистизмом – большое умение <...>» [6].

В октябре 2016 года заместитель Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам Стивен О'Брайен голословно обвинил российские войска в бомбежках мирного населения Сирии и позволил себе сделать более политизированное заявление, чем ожидалось. Реакция В. Чуркина была жесткой, но справедливой: «Господин О'Брайен, если бы нам нужна была проповедь, мы пошли бы в церковь. Если бы мы хотели слышать стихи, мы пошли бы в театр. От ооновцев, особенно руководителей Секретариата ООН, когда они приглашаются на заседания Совета Безопасности, ждешь объективного анализа происходящего. У вас это явно не получилось» [4].

Данная коммуникативная ситуация демонстрирует твердое желание дипломата использовать рабочую площадку ООН не для пропаганды, но для объективного, равного, а потому эффективного процесса выработки совместных решений. Харизматичный стиль коммуникации позволяет В. Чуркину донести до оппонентов правду, подчеркнуть важность и глобальность освещаемых им тем. Речь В. Чуркина обязана быть официальной, таковой она и является, но дипломат делает ее яркой, живой, вносит в нее лексику различного целевого и стилового назначения. Те языковые средства, что в иной коммуникативной ситуации показались бы неуместными, дипломат мастерски использует в дипломатической речевой практике. В поисках истины В. Чуркин избирает эффективные коммуника-

346 | тивные стратегии, целью которых является преодоление политических препятствий и достижение согласия. Его «дипломатия» спасла мир от многих катастроф.

По мнению современных ученых в области речевой деятельности (И. А. Стернин, З. И. Курцева, и др.), коммуникативный и нравственный аспекты в речи являются неделимыми. Так, З.И. Курцева считает, что «лишь соблюдая коммуникативно-нравственные максимы, человек совершает достойный речевой поступок и позитивные речевые действия» [3, с. 71]. Не вызывает сомнения, что В. Чуркин адекватно оценивает «коммуникативную ситуацию и поступает сообразно ей» [3, с. 70], несет ответственность за каждое сказанное слово. Речь дипломата содержит те коммуникативно-нравственные максимы, что признаны во всем мире: справедливость, действия во благо, стремление к взаимопониманию и взаимодействию. Более того, дипломат ответными речами направляет партнеров на необходимость контроля речевых посылов, соблюдения в кризисной ситуации морально-нравственных аспектов. Безусловно, анализ различных коммуникативных ситуаций «В. Чуркин – оппоненты» поможет лучше понять инструменты и приемы речевого воздействия на оппонентов, в частности в дипломатической практике.

Литература

1. Богданов В. Заседание СБ ООН [Электронный ресурс] /Богданов В. // Вести. RU. URL: <http://www.vesti.ru/section.html?cid=5> (дата обращения: 19.10.17)
2. Гребенкина Е. Современная дипломатия на пути к сетевой структуре мира / Е. Гребенкина // Международная жизнь. - № 4. - 2017. - С. 99-112.
3. Курцева, З. И. Речевой поступок / З. И. Курцева //Русская словесность. - N 5. - 2004. - С. 69-73.
4. Маслова В. «Совбез не театр» [Электронный ресурс] / В. Маслова // RT на русском. URL: <https://ru.rt.com/71fw> (дата обращения: 18.10.17)
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие / А. П. Чудинов. - Москва : Флинта : Наука, 2008. - 254 с.
6. Химшиашвили П., Басисини А., Макаренко Г., Носонов Д. Виталий Чуркин: дипломат и неординарная личность [Электронный ресурс] / П. Химшиашвили, А. Басисини, Г. Макаренко, Д. Носонов //Русская мысль: электрон. журн. – 2017. – № 3. – URL: <http://russianmind.com/> (дата обращения: 16.10.17)

Dresvyanin D.V.

COMMUNICATIVE SITUATIONS OF A NEW STYLE IN INTERNATIONAL PUBLIC DIPLOMACY

Abstract. The article examines the peculiarities of a new style in international public diplomacy by the example of the activities of the former representative of the UN Vitaly Churkin. The relevance of the study of «Vitaly Churkin - opponents» communicative situations is dictated by the need to find the best ways of speech influence in international public diplomacy and the need of the true motives and hidden methods of language manipulation to be understood by the opponents.

Key words: New style in international public diplomacy; political discourse; communicative situation; speech; receptions of speech influence.

БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ

Аннотация. В статье отражены уровни использования библейских прецедентных феноменов в инаугурационных речах пяти последних американских президентов.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентный текст, инаугурационный дискурс, Библия, межкультурная коммуникация.

В своей работе «Статус лингвистики как науки» Эдвард Сепир писал, что действительность «неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [2, с. 261]. Подобную группу образуют политики, чья речь всегда привлекает внимание общественности как со стороны плана содержания, так и со стороны плана выражения. Отдельное внимание уделяется интертекстуальным связям и феномену прецедентности как одному из способов речевого воздействия. Ссылка на авторитетный источник – это распространенный приём в ораторском искусстве, используемый с целью убедить публику в правильности рассуждений говорящего. Кроме того, знание определенного источника выступает маркером единства оратора и аудитории. Таким универсальным текстом на протяжении веков является Библия, ведь священная книга связывает людей не только друг с другом, но и с Богом.

Отметим, что под прецедентным текстом в настоящем исследовании понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу». Обращение к прецедентному тексту регулярно возобновляется в речи за счет связанных с этим текстом прецедентных имён, ситуаций и высказываний [1, с. 47–48]. Однако использование одного прецедентного источника разными лингво-культурными сообществами не означает наличия в их когнитивных базах идентичных феноменов, поэтому в межкультурном общении могут возникать сложности.

Эта проблема особенно актуальна в политическом и дипломатическом дискурсах, где недопонимание может обострить отношения между государствами. Сегодня в условиях противостояния России и Америки перед российскими лингвистами стоит задача выявить черты американской традиции обращения к Библии как прецедентному тексту и сопоставить с русской

348 | традицией. Предметом данного исследования являются библейские прецедентные феномены в инаугурационных речах пяти последних американских президентов (Джордж Герберт Уокер Буш, Билл Клинтон, Джордж Уокер Буш, Барак Обама, Дональд Трамп).

Американская традиция президентской речи перед вступлением на пост существует уже более двухсот лет. За это время сформировалась чёткая структура инаугурационной речи, которую можно сравнить со структурой молитвы. И политический, и религиозный жанр начинаются с обращения и благодарения. Например, «Thank you, all. Chief Justice Rehnquist, President Carter, President Bush, President Clinton, distinguished guests, and my fellow citizens», – из выступления Джорджа Уокера Буша в 2001 году или: «My fellow citizens, I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed, mindful of the sacrifices borne by our ancestors. I thank President Bush for his service to our Nation, as well as the generosity and cooperation he has shown throughout this transition», – из выступления Барака Обамы в 2009 году. Далее в молитве следует покаяние в грехах, соответствующее в инаугурационной речи постановке проблем в американском обществе: «We know we have to face hard truths and take strong steps, but we have not done so; instead, we have drifted. And that drifting has eroded our resources, fractured our economy, and shaken our confidence», – в речи Билла Клинтона в 1993 году или: «Politicians prospered, but the jobs left, and the factories closed. The establishment protected itself, but not the citizens of our country», – в речи Дональда Трампа в 2017 году. Следующее структурное звено в обоих жанрах – обещание исправить прошлые ошибки придает выступлению исповедальный характер: «Each and every one of us, in our own way, must assume personal responsibility not only for ourselves and our families but for our neighbors and our Nation. Our greatest responsibility is to embrace a new spirit of community for a new century», – из выступления Билла Клинтона в 1997 году или: «We will defend our people and uphold our values through strength of arms and rule of law», – из выступления Барака Обамы в 2013 году. Заканчивается инаугурационная речь вариацией прецедентного высказывания «God bless you, and God bless America», созвучного и отпущению грехов на исповеди, и молитвенному «Аминь», имеющему сакральное значение.

Стоит также отметить особый элемент инаугурационной речи Джорджа Герберта Уокера Буша: «And my first act as President is a prayer. I ask you to bow your heads», – молитву, тесно связанную с проповедническим выступлением, в частности с выступлениями Мартина Лютера Кинга, ставшего образцом для ораторского искусства. Самую известную речь проповедника «I have a dream» упоминает Билл Клинтон в 1997 году: «Martin Luther King's dream was the American dream. His quest is our quest: the ceaseless striving to live out our true creed. Our history has been built on such dreams and labors».

Помимо обращений к Богу и упоминаний Его, инаугурационные речи американских президентов содержат непосредственные цитаты из Библии. Например, Билл Клинтон в 1993 году цитирует напутствие из Послания к Галатам: «The Scripture says, «And let us not be weary in well doing: for in due season we shall reap, if we faint not»», – подтверждая свою мысль о необходимости работать, пока работа не будет закончена. Барак Обама в 2009 году обращается к Первому посланию к Коринфянам, интерпретируя слова апостола Павла о том, что необходимо оставить младенческое, став взрослым, в связи с американской историей: «...but in the words of Scripture, the time has come to set aside childish things». Глубина этой интерпретации раскрывается только через общую тему 13 главы, посвященную дару любви. Ссылается на Библию и Дональд Трамп, вспоминая 132 (в американском переводе 133) псалом: «The Bible tells us, «How good and pleasant it is when God's people live together in unity»».

Часто встречаются в инаугурационных речах устойчивые выражения, заимствованные из Библии. Большинство из них связано со временем, его цикличностью: *when times change, time and again, from generation to generation*. В разных вариациях представлен символ зова Господнего: *a God call, when God calls, to hear a call to service, answer the call*. Разово использованы выражения: *not to wrest justice from the kings* (отобрать правосудие из рук верхушки общества), *not to be the sum of our possessions* (состоять из нематериального), *years of sabbatical* (годы отдыха, по аналогии с субботой для Бога), *a day of fire* (день огня, когда можно начать работать после отдыха), *a rock in a raging sea* (скала в бушующем море как нечто противостоящее, сопротивляющееся чему-то), *a seed upon the wind* (семя на ветру как нечто покорное ветру, следующее за ним), *from the face of Earth* (с лица земли).

Литература

1. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. Москва: «Гнозис», 2002. 257 с.
2. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ./Общ. ред. и вступ. ст. А.Е.Кибрика. – Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. С. 259-266.

Ivanova L.S.

BIBLE PRECEDENT PHENOMENA IN THE INAUGURAL SPEECHES OF THE AMERICAN PRESIDENTS

Abstract. The article is devoted to the levels of using the Bible precedent phenomena in the inaugural speeches of the last five American presidents.

Key words: Precedent phenomenon, precedent text, inaugural discourse, Bible, intercultural communication.

ВОПРОСЫ ДВОЙНОЙ «ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ» В ЯПОНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы наличия сходного значения «процессуальности» в русской и в японской аспектологиях в рамках преподавания РКИ.

Ключевые слова: аспект; японский язык; РКИ.

Для японцев, изучающих русский язык, наряду с категорией падежа и глаголами движения, одной из самых трудных для усвоения является категория видов глагола, что, конечно, связано с большими различиями грамматических систем русского и японского языков.

В основе классификации русской аспектуальной системы лежит идея «предела» по времени и пространству действия или состояния. Ю.С. Маслов отметил, что семантической базой оппозиции НСВ и СВ в русском и других славянских языках является «противопоставление достигнутой – недостижимой внутренней предела глагольного действия» [1, с. 33].

Сущность значения «предела» заключается в выражении внутреннего предела, к которому стремится действие. Идея предела заключается в представлении об изменении протекания и распределения во времени действия или состояния, выраженного данным глаголом, отражающихся в таких аспектуальных характеристиках, как терминативность или нетерминативность, гетерогенность или гомогенность глаголов НСВ и СВ.

Хотя глаголы НСВ являются оппозицией глаголам СВ, необходимо отметить, что глаголы НСВ также могут иметь предельность, поскольку категория предельности / неопределенности зависит от семантических значений глаголов, и видовые пары в принципе составляют гетерогенные терминативные глаголы. Например, следующие глаголы НСВ выражают значение перспективной завершенности действия: строить, открывать, шить и др. Видимо, эти глаголы отличаются от гомогенных нетерминативных глаголов (смеяться, бежать, работать, и др.), которые выражают лишь продолжение статичного состояния или действия.

Японская аспектология не имеет общепринятого единичного признака аспекта. В японской аспектуальной системе особое внимание уделяется

продуктивным дериватам, например, формам «-тэ иру». Для выражения протекания действия обычно используются различные комплексные конструкции: глагол + аспектуальная конструкция «-тэ иру».

В данной статье для составления таблицы значений и употребления «-тэ иру» используется классификация Х. Киндаити, создавшего основу японской аспектологии.

По мнению И. Харасава, понятие состояния в японской грамматике не относится к выражению аспекта, поскольку оно обозначает не протекание действия, а одно длительное состояние [5, с. 84]. Ю. Канэко также считает, что наряду с некоторыми значениями (процессуальность и др.) «-тэ иру» имеет значение состояния, которое возникает, когда временная граница действия ослабевает [3, с. 27]. В результате этого проявилось значение качества, когда глагол функционирует как прилагательное.

С нашей точки зрения, значение состояния всё-таки связано с категорией аспекта, так как оно явно указывает на такую особенность японского языка, как слабый временной предел, о котором будет сказано далее.

В составленной нами таблице, которая приведена ниже, указывается на некоторые функции продуктивного деривата «-тэ иру», значения которого могут чётко соответствовать или не соответствовать видовым значениям русской грамматической системы.

Значения «-тэ иру»	Примеры
а) процессуальность действия	Канодзэ ва вараттэиру. (She is laughing.) Она смеётся. Карэра ва иэ во татэтэиру. (They are building a house.) Они строят дом.
б) результат действия	Токэи га коварэтэиру. (The clock is broken.) Часы разбились. / Часы разбиты.
с) состояние	Карэ ва ясэтэиру. (He is skinny.) Он - худой.

Семантика «процессуальности» в классификации «-тэ иру» может быть довольно неопределенной по сравнению с семантикой вида глагола в русской видо-временной системе, где временной предел настолько яркий, что, в принципе, «процессуальность» глаголов НСВ подразумевает гетерогенное терминативное стремление к временному пределу. Однако сопоставительный анализ грамматики японского и некоторых других языков показывает, что японские глаголы не обязательно указывает на значение перфекта и предел действия. Ю. Канэко и Е.В. Петрухина отмечают, что семантическая доминанта «предела» в японском языке не так значима, так как под его семантической доминантой «стабильности» нет необходимости выражать «предел», представляющий темпоративную структуру ситуации и изменение в актантах глагольного действия [4, с. 74-91].

В японском языке слабая значимость временного предела также отражается в «процессуальности». Посмотрим пример а) из таблицы. Сразу видно, что «процессуальность» в японском языке объединяет типы глагола, обозначающие различную по содержанию «процессуальность» – динамичный и терминативный глагол (тагэтэиру - строят) и стабильный и нетерминативный глагол (вараттэиру - смеётся).

Неопределённость «процесса» японской аспектологии, подразумевающей двойное значение с точки зрения русского языка, не позволяет обучаемому адекватно распознавать и понимать основную семантику «предела» несовершенного и совершенного вида русского глагола.

Проблема принципиальных различий и некоторых сходств аспектуальных значений русского и японского языков требует обязательного методического решения в преподавании русского языка как иностранного. С нашей точки зрения, для этого необходимо найти такое объяснение, которое позволило бы сложиться целостной картине русской системы категории вида у японских учащихся, обучающихся русскому языку, поскольку ни один глагол в русском языке не существует вне категории вида. В дальнейших исследованиях нами планируется более подробный анализ сходных и несходных аспектуальных явлений в обоих языках и их влияния на успех обучения и появление ошибок на занятиях по РКИ.

Литература

1. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание // Языки славянской культуры. 2004. - 840 с.
2. Рассудова. О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке // Русский язык. 1982. - 149 с.
3. Kaneko. Y. Semantic dominance in the Russian aspectual system and inchoative expressions: Forms mirrored in Japanese // Russian literature study. Vol. 35. Tokyo, 2005. P. 25-33.
4. Kaneko. Y., Petrukhina. Aspectual classes of verbs: universal and idioethnic features (Russian and Japanese) // Japanese Slavic and East European Studies. Vol. 34. 2013. P. 73-94.
5. Harasawa. I. Analysis and study of Japanese grammar from the perspective education of Japanese language // Suri e netowaku. Tokyo, 2010. - 180 p.

Комatsu M.

QUESTIONS OF DOUBLE «PROCEDURALITY» IN THE JAPANESE ASPEKTOLOGY

Abstract. This article investigates some issues of presence of similar meaning «process» in Russian and Japanese language systems from the perspective of Russian language teaching as a foreign language.

Key words: Aspect; Japanese language; Russian language as a foreign language.

ВОПРОС УНИКАЛЬНОСТИ И ПОНИМАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В МЕЖДУНАРОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В данной статье решается вопрос понимания национальных культур в международной коммуникации. Автор ищет ответ на вопрос, как предотвратить межкультурные недоразумения и проводить международные встречи без серьезных нарушений, ссылаясь на исследования ученых и на основе собственных наблюдений.

Ключевые слова: культура; национальная культура; коммуникация.

Понимание национальной культуры требует ознакомления с дефиницией культуры. Так, авторы «Малого словаря польского языка» предлагают читателю несколько определений этого феномена: во-первых, они считают, что культура – это «совокупность достижений человечества, произведенных на протяжении исторического развития или во время определенной эпохи». [1, с. 369] Они относят также понятие «культуры» к «высокому уровню развития общества (...)». [1, с. 397] Вышеуказанные дефиниции позволяют нам прийти к выводу, что культура является индивидуальным атрибутом для каждого представителя человеческого рода. Общая культура может быть отнесена как к индивидууму, так и к более широкой группе людей. Здесь мы имеем в виду группы национальные или общества. Польская исследовательница Малгожата Бартошик-Пургат добавляет, что «каждый человек, имеющий свою личную культуру, создает культуру своего народа» [2, с. 14], поэтому можно сказать, что национальная культура представляет собой набор личных культур всех членов общества, которые отличаются друг от друга, ведь на каждого из них оказывают влияние незначительные субкультуры, семья, образование, а также зарубежные тренды.

Герт Хофстеде определяет культуру как «программирование ума», ученый считает, что каждый несет в себе «определенный образ мышления, чувствительности и поведения, который формируется на протяжении всей жизни». [4, с. 20] Он также согласен с тем, что это программирование определяется социальной средой и набором индивидуальных жизненных переживаний.

354 | Развивая мысль о понятии «культура», автор ссылается на исследование французского социолога Пьера Бурдьё, согласно которому мы учим культуру и ни в коем случае она не передает наследственно.

По словам Г. Хофстеде и других исследователей, сопровождающих его во время исследований, люди обладают неизменной необходимостью классифицировать друг друга и приписывать к различным группам. Ученые утверждают, что наиболее распространенная классификация групп – это отношения «мы», «они» и «свои» и «чужие». Люди чувствуют себя безопасно в группе, воспринимаемой как «наша», в свою очередь к «чужой» группе, они относятся осторожно, осмотрительно, скептически. На динамику этих отношений могут влиять различные факторы, такие например, как пол, возраст, религия и др. Таким образом, национальная культура – это набор особенностей, схем поведения и привычек того или иного общества, которое считает себя единством. Г. Хофстеде добавляет также, что все эти виды поведения это «коллективное программирование ума, которое является результатом того, что люди растут, воспитываются и развиваются в конкретной стране». [4, с. 503]

Государства, понимаемого как политически организованную единицу, учреждающую структуру мира, не следует приравнивать к «нации». Народы «были сформированы как формы социальной организации (неограниченные территориальным ареалом), однако это не меняет того, что многие страны создали единства, несмотря на разнообразие групп или меньшинств». В качестве примера можно привести страны, которые могут похвастаться историческими достижениями. Существует много факторов, облегчающих процесс интеграции, сплочения. Чаще всего это общий государственный язык, политическая система или религия, традиции и обычаи, а также средства массовой информации и многое другое.

Почему знание национальной культуры определенного народа важно не только с точки зрения международного бизнеса, но и в повседневной жизни? Ответ кажется простым – знание иностранной культуры облегчает установление и поддержку контактов. Понимание проблемы культурных различий – это своего рода ключ к приобретению навыков международной коммуникации. Джон Моль пишет, что чаще всего «реакцией на странное поведение других людей является профессиональная критика. Часто говорится: «Это типично английское / немецкое / итальянское поведение». [5, с. 9]

Необходимо заметить, что такого рода высказывания показывают незнание культуры. Следует понимать, что «условием понимания других обществ является понимание собственной культуры» [5, с. 9], принятие её уникальности и характерных черт. Это не означает, что мы должны прекратить попытки связываться с другими культурами: понять их – это наша обязанность.

Джерри Филипсен, профессор коммуникации в Университете Вашингтона, описывает культуру как «созданную обществом и передаваемую через

историю с ее символикой, значениями, предпосылками и принципами». [3, с. 425-426] Эм Гриффин объясняет, что культура – это код, который должен быть расшифрован, чтобы обеспечить успешную межкультурную коммуникацию и позволить взаимодействовать представителям разных культур.

В своей публикации Г. Хофстеде ссылается на истории, в которых международные встречи, часто случайные, заканчивались поражением или обидными шутками над одной из сторон. Причиной недоразумений были почти всегда культурные различия, которых участники данных встреч не осознавали, и которые оказались ключевой проблемой и легли в основу разногласий во время разговоров.

Например, в цитируемой работе исследователей можно найти интересное сравнение голландской и американской культуры. Голландцы ставят в своем резюме только самую важную информацию об образовании и профессиональном опыте, рассчитывая на то, что во время собеседования интервьюер будет в восторге от достижений, скрывааемых кандидатом. Американцы часто переоценивают свои способности и в CV (резюме) ставят только положительную информацию, пишут все пройденные курсы, описывают каждый титул и награду, а во время собеседований часто обещают невозможное. Однако это не влияет на факт, что голландец, восхищенный навыками американца, будет благосклонно относиться к американцу: ведь голландец привык к прямоте и не будет подозревать, что кандидат «исправил» свое прошлое, чтобы выглядеть лучше в глазах работодателя.

Итак, как предотвратить межкультурные недоразумения и проводить международные встречи без серьезных нарушений? Оказывается, единственным способом является ознакомление с иностранной культурой. Исследователи, социологи и антропологи культуры много лет проводят исследования в этой области. Существует много подходов к изучению культуры и огромное количество значений в разных областях человеческой деятельности. В настоящее время самыми популярными являются подходы Г. Хофстеда, Ф. Тромпенаарса и Чарльза Хэмпден-Тернера. Согласно Г. Хофстеде, культуру следует изучать в нескольких плоскостях: как явление дистанцировано от власти, явление коллективное или индивидуальное, культуру женственную или мужскую, определяя, насколько сильно она избегает неопределенности. Ф. Тромпенаарс и Чарльз Хэмпден-Тернер по отношению к разным культурам предлагают рассматривать три категории: отношение к людям, к времени и окружающей среде.

Как известно, ознакомление с характеристиками, формами, принципами, проявлениями конкретных культур гарантирует успех в межкультурном общении. Такой подход может способствовать тому, что случайная встреча представителей разных культур окажется успешной и позволит участниками реализовать долгосрочное и плодотворное сотрудничество.

Литература

1. Mały słownik języka polskiego/ Под ред. Sobol E., Изд. PWN, Warszawa, 2000, 1311 С.
2. Bartosik-Purgat M. Otoczenie kulturowe w biznesie międzynarodowym. Изд. Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, Warszawa, 2006, 202 С.
3. Griffin E. Podstawy komunikacji społecznej/Пер. с англ. О. Kubińska, W. Kubiński, М. Касмајор, Изд. Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk, 2003, 565 С.
4. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Kultury i organizacje/Пер. с англ. Durska M., Изд. Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, Warszawa, 2011, 511 С.
5. Mole J. W tyglu Europy. Wzorce i bariery kulturowe w przedsiębiorstwach/Пер. с англ. Roniker M., Roniker T., Изд. Prószyński i S-ka, Warszawa, 2000, 326 С.
6. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Siedem wymiarów kultury/Пер. с англ. Nawrot B., Изд. Oficyna Ekonomiczna, Kraków, 2002, 315 С.

Lewińska A.

IMPORTANCE OF UNDERSTANDING THE UNIQUENESS OF NATIONAL CULTURES IN INTERNATIONAL COMMUNICATION

Abstract. This article addresses the issue of understanding national cultures in international communication. The author seeks an answer to the question of how to prevent intercultural misunderstandings and hold international meetings without serious violations, while referring to research provided by scientists and sharing her own observation.

Key words: Culture; national culture; communication.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В РУССКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье сопоставляются различные виды риторических вопросов в русском и вьетнамском языках с учётом социо- и прагмалингвистических особенностей современной коммуникации.

Ключевые слова: риторический вопрос, прагматика, экспрессивные средства, коммуникативная интенция, значение.

В истории языковедения и в современной лингвистике вопросительные высказывания занимают особое место. Они в своей первичной функции заключают в себе поиск сообщения: говорящий информирует о том, что он хочет получить информацию от другого (других). Вопросительные предложения широко используются в непрямых функциях, когда они, хотя и имеют вопросительную форму, не выражают просьбу об информации и не требуют ответа. К ним относятся риторические вопросы, выражающие разнообразные модально-экспрессивные значения. Риторический вопрос представляет собой явление, широко распространённое в речи, в силу чего он привлекал и до сих пор привлекает внимание исследователей. До сих пор отсутствует систематическое описание структурных, семантических и прагматических особенностей риторического вопроса. Прагматические особенности риторических вопросов в русском и вьетнамском языках не были объектом специального исследования, а ведь в настоящее время «мы находимся на пути к культурному двуязычию» [3, с. 312].

В составе вопросительных предложений выделяются типы, объединяемые на основе первичных и вторичных функций этих предложений [3, с.4]. В своих первичных функциях вопрос направлен на поиск информации, то есть на получение ответа (функция вопросительности): Что случилось? Что вы думаете об этом человеке? В своих вторичных же функциях вопрос не требует ответа. Что касается риторического вопроса, во вторичных функциях он «ориентирован не на получение ответа, а на передачу информации – всегда экспрессивно окрашенной» [3, с.396].

В современной риторике риторический вопрос рассматривается как риторическая фигура, одно из экспрессивных средств, используемых для интенсификации и смысловой организации речи с целью повышения силы её воздействия на адресата. Иначе говоря, с риторическим вопросом связывается не выражение вопроса, а осуществление другого речевого акта (например, акт сообщения информации, акт выражения негодования, удивления, упрёка и т.д.). Ср.: Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи (Н.В. Гоголь); Кто не хочет быть честным? (Все хотят быть честными); Кто желает себе зла? (Никто не желает себе зла) и т.п.

В современных лингвистических исследованиях присутствует большой интерес к прагматическим функциям вопросительных конструкций. Специфика рассматриваемых конструкций заключается в несовпадении плана выражения и плана содержания. Не существует однозначного соотношения между формой и содержанием речевого акта, т.е. одна и та же лингвистическая форма может выражать различные коммуникативные интенции, и, наоборот, для выражения какой-либо интенции говорящего используется целый ряд лингвистических индикаторов косвенного значения вопросительных конструкций (это и лексико-семантические, и морфологические, и синтаксические индикаторы). С точки зрения теории речевых актов риторические вопросы именуются косвенными речевыми актами. В риторических вопросах может выражаться предположение (Опять будем встречать кого-нибудь?), неуверенность (Вы как будто змеям сочувствуете? (М.М. Пришвин)). Предложения в форме вопроса содержат скрытое утверждение или скрытое отрицание: Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? (А.С. Пушкин); Какой учитель не мечтал об этом? (скрытое утверждение); В корыте много ли корысти? (А.С. Пушкин); Как укутали ребёнка! – Кто же так одевает детей?; Разве такое забудешь? (скрытое отрицание); вежливое побуждение: Не скажете ли несколько слов? Не могли бы вы зайти за мной?; Не могли бы вы открыть окно?; пожелание, совет: Зачем красить крышу в зелёный цвет?; Не сходить ли тебе к врачу?; деликатную или нерешительную просьбу: Не поможешь ли ты мне?; Зачем ты открыл окно?!; Вы не поможете мне открыть этот замок?; Не взять ли тебе отпуск?; эмоционально окрашенную констатацию факта: А, так вы не уехали? В качестве ненастойчивого, некатегорического приглашения-побуждения могут использоваться выражения, заключающие в себе значение обсуждения предложения с собеседником, совета с ним. Это обычно вопросительные предложения типа: Не сходить ли нам...?; Не пойти ли нам...? (Не сходить ли нам вечером к маме?; Не пойти ли нам пообедать вместе?). Кроме того, в побуждающей функции употребляются вопросительные односоставные предложения с глаголом 1-го лица множественного числа будущего времени: Сходим (в кино)?; Пообедаем (вместе)?; Погуляем?. В вопросительных предложениях наиболее обычны

модальные частицы, служащие для усиления, подчёркивания, а также для характеристики сообщаемого по связям и отношениям.

Согласно теории речевых актов Сёрля [5, с. 245], в значении любого высказывания можно выделить две составляющие: пропозициональное содержание и иллокутивную силу, приложенную к этому пропозициональному содержанию. Иллокутивное значение может быть первичным, имеющим формальные эксплицитные признаки, которые выражаются с помощью определённой формы предложения и перформативных высказываний, т.е. иметь буквальный смысл, или быть имплицитным, т.е. косвенным. Вторичное значение часто не имеет формальных признаков, однако оно может быть идентифицировано благодаря контексту или коммуникативной ситуации. Смысл высказывания тесно связан с ситуативностью. Косвенное значение целого ряда вопросительных конструкций является конвенциональным. Например, известный пример Сёрля: *Could you pass me the salt?* (Вы не могли бы передать мне соль?) очень редко выступает в своём буквальном значении. Благодаря прагматической интерпретации вопроса: *У вас есть спички?*, мы имеем в виду выражение: «Я хочу спросить у вас спички, потому что я хочу курить, но сначала должен осведомиться, есть ли этот предмет у вас». Этот прагматический подход соответствует позиции традиционной риторики, которая оперирует таким понятием, как троп.

Во вьетнамском языке вопросительные предложения можно разделить на две группы: предложения, содержащие общий вопрос, т.е. вопрос, относящийся к предложению в целом, и предложения, содержащие частный вопрос – вопрос к одному из членов предложения (или группе членов предложения). Наиболее распространённым средством выражения общего вопроса является использование специальных вопросительных частиц: *Thế anh không còn cách nào để giải quyết à?* (Так, значит, вы не можете ничего поделать?); *Phải nắng quá chắc* (Верно, было слишком жарко?); *Cô ấy chưa ngủ ư?* (Она ещё не спит?). Другим средством выражения общего вопроса является альтернативная конструкция: *Anh nghỉ ngơi hay làm việc?* (Ты отдыхаешь или работаешь?). Существует ещё одно средство выражения общего вопроса, также на основе альтернативы, – сопоставление служебных слов, одно из которых выражает утверждение: *phải*, другое – отрицание: *không*. Слова эти или ставятся одно за другим в конце предложения, или первое из них выносится в начало предложения и употребляется в сочетании с глаголом *só* (иметься). В последнем случае образуется рамочная конструкция, в которую оказывается заключённым целиком всё предложение. Ответ на подобный вопрос даётся в положительной форме с помощью *phải*, в отрицательной – с помощью *không* или *không phải*: *Các anh học nám cuối phải không?* (Вы учитесь на последнем курсе?) – *Phải / Không (không phải)* (Да / Нет (Нет)). Рассмотренные выше способы, построенные на основе альтернативы, используются также при

выражении частного вопроса. При постановке частного вопроса могут быть использованы альтернативная и рамочная конструкции. При ответе обычно выбирается одна из противопоставленных возможностей или перечисляются обе: Anh hay Mai làm việc đó? (Ты или Май делает эту работу?) - Tôi (Я) / (Cả tôi, cả Mai làm việc đó (И я, и Май)). Рамочная конструкция при постановке частного вопроса также связана с использованием альтернативы. Перед членом предложения, к которому относится вопрос, ставится глагол có (иметься), который подчёркивает наличие предмета, признака для действия, обозначенного данным членом или служебное слово đã, указывающее на время: Anh có hiểu không? (Вы поняли?); Anh đã đọc chưa? (Вы прочли?).

Предложения, содержащие частный вопрос, строятся с помощью вопросительных местоимений. Ответ на такой вопрос даётся одним словом, которое замещает вопросительное местоимение при переходе от вопроса к утверждению: 1) ai (кто) и gì (что) (ai - существительное со значением лица и gì - существительное со значением предмета): Ai đây? (Кто там?); Anh làm gì đây? (Что ты делаешь?); 2) sao (как/каким образом), vì sao, sao vậy (общий перевод почему, почему так): Anh ấy học sao? (Как он учится?); Vì sao anh ta không đến? (Почему он не пришёл?); Anh ta không muốn trả lời, sao vậy? (Он не хочет отвечать, почему?); 3) nào (какой/который): Từ Khuyên nào? (Êâêêê êc ù Êơââiâ?)... Значение nào близко к значению gì (что/какой) в тех случаях, когда последний замещает зависимый член в группе существительного. Однако употребление показывает, что речь идёт не о предмете вообще, обладающем какими-то признаками, а об одном из имеющихся, известных в данной ситуации предметов, который надо выделить из общего ряда. Сравните: (cá này là) cá gì? (Что это за рыба? и Какая рыба? (которая из уже известных?); 4) bao giờ, bao lâu (когда, как долго): Anh học bao lâu? (Сколько времени учишься?); Anh đến bao giờ? (Когда пришёл?); 5) đâu (где/куда): Anh đi đâu? (Куда идёшь?); Đâu là chân lý? (Где истина?); 6) mấy и bao nhiêu (сколько, несколько): Cháu học lớp mấy (В каком классе ты учишься?); Anh có bao nhiêu tiền? (Сколько у тебя денег?); Anh có mấy quả cam? (Сколько у тебя апельсинов?).

Во вьетнамском языке существует множество конструкций для выражения не значения, предусмотренного системой языка, а вторичного значения, которое проявляется в процессе коммуникации. Особое значение приобретают có и không в структуре группы глагола в риторических вопросах. Вопрос образуется путём присоединения к глаголу- ядру обоих слов có и không, первого перед глаголом, а второго – после него: Có biết không? (Знаешь?) (положительный оттенок); Có đi thư viện không? (Пойдём в библиотеку?) (значение приглашение к действию). Đã – антоним chưa и поэтому в сочетании с chưa образует вопросительную конструкцию đã... chưa, подобную конструкции có... không: Cháu đã ngủ chưa?. Рамочные вопросительные конструкции đã...

chưa и сớ... không имеют неодинаковую сферу употребления в связи с различными в значении составляющих их элементов. Выше уже отмечалось, что вопрос о действии, заданный с помощью конструкции сớ... không, имеет дополнительный оттенок приглашения его совершить. Конструкция đã... chưa может, помимо собственно вопроса, выражать уверенность спрашивающего в том, что ответ будет положительным.

В современном русском и вьетнамском языках происходит «переоценка социальных и нравственных ценностей» [2, с. 39] и это не может не влиять на прагматический фон риторических вопросов в речевом потоке.

Таким образом, очень важно изучать не только структуру грамматической и лексической единицы и её знание в языковой системе, но в то же время надо принимать во внимание социолингвистический и прагматический контексты, определяющие её функционирование в коммуникации.

Литература

8. Богуславская В.В., Китанина Э.А. Идеологический пуризм в контексте патриотизма: социокультурный аспект / В.В. Богуславская, Э.А. Китанина // Общество: социология, психология, педагогика. – Выпуск № 3. – 2016. С. 10-13.
9. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: Монография/ РГЭУ «РИНХ». – Ростов-на-Дону, 2005. – 416 с.
10. Русская грамматика. «АГ-80» Академия наук СССР, Институт русского языка. –М.: Наука, 1980. Том. II.
11. Nguyễn Văn Thành. Tiếng Việt hiện đại. Hà Nội, “Nhà xuất bản khoa học xã hội», 2003.
12. Searle J. Indirect Speech Acts. New York. Academic Press, 1975.

Nguyen Duc Tuong

PRAGMATIC FEATURES OF RHYTHICAL QUESTIONS IN RUSSIAN AND VIETNAMIC LANGUAGES

Abstract. The article compares various types of rhetorical questions in Russian and Vietnamese languages, taking into account the socio- and pragmlinguistic features of modern communication.

Key words: Rhetorical question, pragmatics, expressive means, communicative intention, meaning.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВЬЕТНАМ

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты межкультурной коммуникации в области литературы между Россией и Вьетнамом, восприятие русских классиков во Вьетнаме.

Ключевые слова: русский язык; русская классическая литература; научные и культурные мероприятия.

Россия и Вьетнам – две страны, очень далёкие друг от друга. Кажется, что общего может быть между ними? Моя родина – Вьетнам, но я живу и учусь в России, в русской школе, на русском языке. Теперь и Россию я считаю своей родиной, но не теряю связь с Вьетнамом. Я знаю, что в России и в Москве живут многие мои соотечественники. Российские туристы с удовольствием отдыхают во Вьетнаме. Поэтому вопросы, важные для меня, являются важными для многих россиян и вьетнамцев. В этом я вижу актуальность моего исследования. Однажды я задал себе вопрос, как связать эти две страны, ставшие мне родными? В решении этой проблемы мне помог любимый школьный предмет – литература. Россия и Вьетнам связаны через русскую литературу – это стало главной гипотезой моего исследования.

История появления русского языка во Вьетнаме носит патриотический характер. Первым во Вьетнаме обратился к русскому языку 33-летний юноша — Нгуен Ай Куок. Таким образом он хотел найти путь к освобождению своего народа. 30 июня 1923 года Нгуен Ай Куок прибыл в колыбель Октябрьской революции – Петроград (ныне Санкт-Петербург), а затем в Москву. Нгуен Ай Куок поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока, принимал участие во всех интернациональных съездах. Русский язык помог ему изучить революционную теорию и в определенной степени способствовал тому, что он стал коммунистическим лидером, членом Коммунистического интернационала.

Русская классическая литература пришла во Вьетнам, тогда французскую колонию, сравнительно поздно, уже в 20-е гг. XX века. Произведения русской литературы и в 30-е гг. были малодоступны даже интеллигентному вьетнамскому читателю.

А.С. Пушкин. Для такой страны Юго-Восточной Азии, как Вьетнам, творчество великого русского поэта А.С. Пушкина занимает особое место в культурном пространстве. Во вьетнамском литературоведении и истории

литературы сложилось отдельное направление, которое вполне можно назвать «вьетнамская пушкинистика», цель которой – перевод произведений, биографических материалов А.С. Пушкина, а также изучение его творчества.

Утром 21 декабря 2010 года народным комитетом города Ханоя была проведена торжественная передача городу Ханую скульптурного бюста

А.С. Пушкина от Союза писателей России и посольства РФ во Вьетнаме. Сделанный из бронзы бюст, весом 60 кг, будет установлен в Ханое в городском парке «Мир».

В своем выступлении на церемонии секретарь отдела Пушкина при Союзе писателей России П. Новоселов высоко оценил роль А.С. Пушкина в русской и мировой литературе, сказав, что великого поэта Пушкина по праву считают удивительным явлением русской литературы, в частности, и мировой литературы, в целом. Впервые во Вьетнаме организована выставка, где представлены экспонаты и материалы, рассказывающие о жизни и творчестве А. С. Пушкина. Это особенное культурное мероприятие, посвящённое 177-й годовщине со дня кончины и 215-летию со дня рождения великого русского поэта. Несмотря на небольшой масштаб, выставка получила высокую оценку посетителей.

Выставка прошла с 11 по 14 февраля 2014 года в Ханойском филиале института русского языка имени А.С. Пушкина. Интересно, что на этой выставке многие любители стихов Пушкина узнали, что переводы произведений Пушкина на самом деле появились во Вьетнаме уже в 1937 году. В это время в газете «Ароматная река» была помещена статья, посвящённая 100-летию со дня кончины гениального русского поэта.

Л.Н. Толстой. Для нас, вьетнамцев, Толстой до сих пор – «открытая книга», интерес к любовно-заинтересованному «чтению» которой, полагаем, не только не исчезнет в ближайшее время, но усилится. Особый интерес у переводчиков вызывает роман Л. Толстого «Воскресение». До сих пор во Вьетнаме не имеется сборника всех переводных произведений Л. Толстого. Вьетнамские читатели давно познакомились с Толстым, гениальным художником, но мало людей, которые знают Толстого-мыслителя. В докладе «Перевод и издание произведения Толстого во Вьетнаме. Успехи и актуальные проблемы», прочитанном на международной конференции в Ясной Поляне в 2009 году, доцент Фам Винь Кы отметил: «Наследие Толстого-идеолога не знают массовые читатели и многие из них еще сохраняют устарелое предупреждение, что Толстой – замечательный писатель, но плохой мыслитель, который им не полезен». Наши ученые-филологи надеются, что интерес к наследию Толстого в полном объеме в ближайшее время будет возрастать. Подведу итог словами вьетнамского писателя Хоанг Чунг Тхонг: «Лев Толстой не только является замечательным писателем русского народа, но и представляет собой замечательного писателя нашего вьетнамского народа в настоящее время».

Одним из первых начал читать произведения Л. Толстого бывший президент Вьетнама Хо Ши Мин (1890–1969). В статье, посвященной пятидесятилетию со дня смерти Л. Толстого, он назвал себя «учеником великого русского писателя».

А.П. Чехов. Свидетельств того, как воспринимался Чехов в колониальном Вьетнаме, немного. В 1977-1978 годах в Ханое переводчики Фан Хонг Занг и Као Суан Хао издали двухтомник чеховских рассказов и повестей. В предисловии от издательства подчеркивалась цель издания: «Выпуская в свет на этот раз избранные произведения Чехова, мы публикуем самые выдающиеся шедевры этого великого писателя. Мы прилагаем все усилия для того, чтобы появились относительно точные переводы, передающие стиль подлинника». В 1979 г. Фан Хонг Занг выпустил первую во Вьетнаме книгу о Чехове («Чехов»). Она представляет собой очень живой биографический очерк, благодаря которому вслед за знакомством с произведениями писателя во Вьетнаме смогли ближе узнать Чехова-человека.

С.А. Есенин. 28 августа 2015 г. в Институте литературы Вьетнама (при АОН Вьетнама) прошла научная конференция «Сергей Есенин и русская культура Серебряного века». Она прошла в атмосфере научной дискуссии. На ней прозвучали доклады о гении Есенина, его значении в русской поэзии, о ярком, но еще малоизвестном во Вьетнаме литературном периоде.

В 60-70 годы XX века Вьетнам переживал трудные годы, и многие советские поэты были солидарны с Вьетнамом в его неравной борьбе с американскими захватчиками. Одним из них был талантливый советский поэт Евгений Долматовский. Он написал много стихов о нашей стране.

Научные и культурные мероприятия последних 10 лет, посвящённые русскому языку и литературе во Вьетнаме.

1. В городке Тышон, северовьетнамской провинции Бакнинь, 23 мая 2014 года состоялось торжественное открытие первого во Вьетнаме частного Дома-музея «Русской литературы» во Вьетнаме.

2. Круглый стол «Русская литература во Вьетнаме и вьетнамская литература в России». Встреча писателей двух стран в Овальном зале Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 22 сентября 2011.

3. В Российском центре науки и культуры в Ханое 16 декабря 2016 года состоялось открытие международной региональной конференции «Русский язык в странах Юго-Восточной Азии». Наряду с учёными-русистами из Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, России, Тайланда, в мероприятии приняли участие представители зарубежных дипмиссий, работающих в Ханое. Мероприятие было организовано по инициативе представительства Россотрудничества во Вьетнаме и при поддержке Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, фонда «Русский мир», Посоль-

ства России во Вьетнаме, официальных и деловых кругов России и Вьетнама. Новые перспективы открывает перед профессиональным сообществом русистов инициатива Министерства образования Вьетнама, планирующего существенно расширить преподавание русского языка в школе: если сейчас русский язык преподаётся с 10 по 12 классы, то рассматривается введение этого предмета уже с 3 класса.

Итак, русская литература является одним из главных культурных связующих звеньев между Россией и Вьетнамом.

Литература

1. Хуинь Нгуен Тхат Тхао Издание произведений А.П. Чехова во Вьетнаме//Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 43-45

2. Dao Tuan Anh Van hoc Nga tu diem nhin cuoi the ky XX - truyen thong va kinh nghiem // Tap chi van hoc. 2001. № 1.

3. Данг Тхи Тху Хыонг Л.Н. Толстой во Вьетнаме. Роман «Воскресение» в переводах на вьетнамский язык (межкультурная коммуникация): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук//Иваново.2015

4. Ву Тхыонг Линь Восприятие романа А. Пушкина «Капитанская дочка» во Вьетнаме: проблемы перевода и изучения: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук//Иваново.2016

5. Русский язык за рубежом. Специальный выпуск .2015 № 22 6.Российский центр науки и культуры в Ханое. Сайт. <http://vnm.rs.gov.ru/ru>

6. Ханойский филиал Института русского языка им. А.С. Пушкина (Вьетнам). Сайт. (<https://pushkininstitute.ru/>)

Tue Hai Long

RUSSIAN LITERATURE AND VIETNAM

Abstract. The article deals with various aspects of intercultural communication in the field of literature between Russia and Vietnam, the perception of Russian classics in Vietnam.

Key words: Russian language; Russian classical literature; scientific and cultural events.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЬЕТНАМСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. Статья посвящена описанию вьетнамского фольклора как важного фактора в процессе воспитания подрастающего поколения. Особое внимание уделяется изучению воздействующего фактора народной педагогики в жизни народа, её воспитательной функции, присущей ей с давних времен.

Ключевые слова: народная педагогика, вьетнамский фольклор, воспитание, педагогическое воздействие.

Фольклор очень важен в жизни человека. С самого детства мы соприкасаемся с произведениями устного народного творчества в виде колыбельных, загадок, сказок, пословиц, поговорок и т.п. Они сопровождают человека всю жизнь: со дня рождения до самой смерти. В них, как в зерне, заложены деятельные силы многогранной культуры человеческого общества, но главное в них - душа народа, его самобытность и уникальность.

Воспитательный потенциал фольклора во Вьетнаме безграничен. В современном Вьетнаме возрождают сегодня забытые традиции старины, используя народный опыт, создавая новые модели воспитательных теорий и практик. Внимание к фольклору как к неисчерпаемому источнику воспитания и развития человека, к древним пластам культуры и традициям в целом, проявляется особенно активно в социально-педагогической среде. Это связано с функциональными особенностями жанров фольклора, с глубокой духовностью и мудростью народного творчества, с непрерывностью процесса передачи национальной культуры из поколения в поколение. По словам русского педагога К.Д. Ушинского (1824–1871), «воспитание, созданное самим народом, основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях». Великий русский педагог высоко оценивал нравственно-этический потенциал народной педагогики.

В истории Вьетнама также были личности, заложившие основы педагогической мысли. Чу Ван Ан (1292–1370) известен как выдающийся педагог, человек, которого с уважением называют «учителем десяти тысяч вьетнамских поколений». У него много успешных и талантливых учеников. Сам он был одним из лучших учёных-конфуцианцев. Чу Ван Ан родился в ханойском пригородном

уезде Тханьчи – священной земле, которая известна историческими, культурными и революционными традициями. В свое время он был приглашён в императорский двор для преподавания наследным принцам и занял должность ректора первого университета Вьетнама – Храма литературы «Ванмиеу-Куоктьзам». Под девизом «Прежде всего учиться правилам приличия, а лишь затем получать знания» Чу Ван Ан внес огромный вклад в образование. Его идеология и позиция в данной сфере имели глубокое значение для последующих поколений.

Свое название педагогика (др.-греч. παιδαγωγική — искусство воспитания) получила от греческих слов «пайдос» (παῖς) – дитя и «аго» (ἄγω) – вести. В дословном переводе «пайдагогос» означает «детоводитель». Постепенно слово «педагогика» стало употребляться в более общем смысле для обозначения искусства «вести ребенка по жизни», то есть воспитывать его и обучать, направлять духовное и телесное развитие. Со временем накопление знаний привело к возникновению особой науки о воспитании детей. Самое краткое, общее и вместе с тем относительно точное определение современной педагогики следующее – это наука о воспитании человека [2, с.10-11].

Слово «воспитание» в традициях вьетнамской педагогики сохраняет все свои значения и может употребляться как синоним слову «образование». Воспитание в широком социальном смысле – это совокупность формирующих воздействий всех общественных институтов, обеспечивающих передачу из поколения в поколение социально-культурного опыта, норм и ценностей [2, с.16]. Слово «воспитание» имеет и узкое педагогическое значение. Это специально организованная деятельность, направленная на формирование определенных качеств человека, осуществляемая во взаимодействии педагогов и воспитанников в рамках воспитательной системы [3, с.416-417].

Таким образом, издревле до наших дней воспитанию придается большое значение. Ему даже отдается приоритет перед образованием. Ведь недаром восточная мудрость гласит «Не обязательно выпить все море, чтобы узнать, что вода в нем соленая». Важность воспитания в том, что ребенок становится человеком, личностью только благодаря воспитанию, а именно «духовному воспитанию».

Вьетнамский фольклор и педагогическая наука Вьетнама насыщены многовековым опытом и мудростью народа. Произведения народного творчества способствуют многогранному развитию детей и молодежи. Трудно переоценить значение трудового воспитания в общей системе народной педагогики, оно действительно является её сердцевиной. С древнейших времён во Вьетнаме трудовое воспитание детей и молодёжи являлось важнейшей обязанностью родителей, а затем учебных заведений и других общественных институтов. Именно поэтому пословиц и поговорок, восхваляющих труд и высмеивающих лень, во вьетнамском фольклоре великое множество. Во многом они соответствуют и русскому народному творчеству: Посеешь арбуз – соберешь арбуз, посеешь горох – соберешь горох (Gieo gì, gặt nấy. // Gieo dưa

được dưa, gieo đậu được đậu. // Tốt giống tốt má, tốt mạ tốt lúa) - Что посеешь, то и пожнешь; Говоришь хорошо, а делаешь плохо (Nói như rồng leo, làm như mèo mửa. // Miệng nói hay, tay làm dở) - Большой говорун – плохой работун; Говорить ничего не делая (Chỉ nói suông, không làm gì thì dễ. // Làm biếng lầy miệng mà đũa) - Брехать – не цепом мотать; Будешь трудиться – будешь и кормиться (Có làm có ăn. // Tay làm hàm nhai, tay quai miệng trễ) – смысл пословицы одинаков в обоих языках; Чтобы рыбу есть, надо в воду лезть (Cá muốn ăn phải lăn xuống nước. // Có làm thì mới có ăn, không dung ai lại đem phần đến cho); Ленивый, но любит пожинать чужие заслуги (Người tay trắng thích hưởng thành quả lao động của người khác. // Lười nhác thích hưởng công sức của người khác/Ngồi mát ăn bát vàng) – Белые ручки чужие труды любят.

Под образованием понимают важнейший процесс в воспитании детей и молодежи. Оно включает в себя не только получение знаний, но и формирование личности, своего уникального взгляда на жизнь. Очень важным является выбор учителей, не только школьных, но и учителей по жизни; не стоит забывать и о самообразовании, о воспитании себя самого. Поэтому вьетнамское народное творчество имеет множество пословиц и поговорок, которые восхваляют роль учителей в жизни: Узнать можно лишь тогда, когда учишься (Muốn biết phải hỏi, muốn giỏi phải học); Знаешь - говори, а не знаешь – слушай (Biết thì thưa thốt, không biết thì dựa cột mà nghe); Только уважая учителя, можешь сам стать учителем (Trọng thầy mới được làm thầy); Узнать можно лишь тогда, когда учишься (Đi một ngày đàng học một sàng khôn); В трудностях проявляется разум (Cái khó làm khôn, nhưng dạy khôn/Cái khó làm lộ cái khôn). - Беды мучат, да уму учат; Не узнаешь стыда, не станешь человеком (Không nếm xấu hổ, đó có nên người. // Có phải mới trải. // Có nhục, mới có vinh) – Без стыда лица не износишь; Богатством ума не купишь (Tiền bạc không mua được trí khôn. // Một kho vàng không bằng một nang chữ) - смысл этой пословицы одинаков в обоих языках; Седой, а еще глупец (Bạc đầu còn dại/Bầu mươì không bằng đũa lên bầu) - Век живи, век учись, а дураком помрешь.

Загадки и сказки как жанры фольклора развивают способность к анализу, обобщению, формируют умение самостоятельно делать выводы, умозаключения, умение четко выделить наиболее характерные, выразительные признаки предмета или явления, умение ярко и лаконично передавать образы предметов, развивают у детей «поэтический взгляд на действительность».

Народные сказки Вьетнама очень явственно отражают моральный облик народа. В сказках народ повествует о зазнайстве и истинной дружбе, о кажущейся и подлинной глупости, о находчивости и храбрости, о доброте и жадности, причем в каждой из них можно найти некоторые незыблемые нравственные законы, нарушение которых обязательно приводит к гибели: либо физической, либо нравственной. Один из таких законов – это почитание старших, с одной стороны, родителей, братьев и сестер, а с другой – это обязанность заботиться о слабых и младших. Такое мировоззрение народа встречается во многих

поучительных сказках, где каждый поступок героя влечет за собой какое-либо следствие, и кажущаяся сиюминутная, мимолетная выгода, которая определяется эгоистичными желаниями, оборачивается впоследствии против того, кто думает лишь о себе. Алчность, эгоизм, бездушные подвергаются в сказках осуждению, а персонажи, которые нарушили кодекс нравственности – неминуемому наказанию. Можно добавить, что в сказках Вьетнама народная мудрость передается не только в повествовании, как например, в сказках «Отчизна», «Сын земли», «Незримый предатель» [1], но мы также встречаемся с народными героями, с отвагой крестьян, не желающих мириться с порабощением и т.п. И всегда в сказках торжествует победа простого люда, а заканчиваются сказки моралью, в которой заложена та самая народная мудрость, которая учит читателя жизни.

Вьетнамцы в своих сказках очень поэтично обрисовывают свою природу: с большой любовью в них описываются джунгли с их чудесами и тайнами, с яркими цветами и бабочками, лесными ручьями и прекрасными деревьями. При этом любовь к природе родного края сочетается с любовью к народу.

Такие сказки живы по сей день. Сегодня родители рассказывают своим детям те же волшебные истории, правда, нередко вкладывают в них современный смысл. Так, из маленьких вьетнамцев уже который век, воспитывая в них честность и храбрость, чувство справедливости и доброту, взрослые растят тружеников и патриотов. Ведь недаром каждая вьетнамская сказка имеет в конце мораль, которая во все времена звучит очень актуально.

Таким образом, ядро народной мудрости всегда присутствует в любой воспитательной теории. В современных условиях трудовые традиции развиваются, совершенствуются и обогащаются. Это и есть проявление народной педагогики в действии, в жизни. Народ всегда стремился привить молодому поколению любовь к Родине, правдивость, честность, скромность, коллективизм, чувства дружбы, товарищества.

Литература

1. Жукровский В. Сказки Вьетнама. – М.: Детгиз, 1956.
2. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс: учебник для студ. пед. вузов: в 2-х кн. – М.: ВЛАДОС, 2000. – Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения.
3. Педагогика: учебник для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Педагогическое общество России, 2009.

Pham Thi Tra

EDUCATIONAL INFLUENCE OF VIETNAMESE FOLKLORE WITH FOCUS ON PEDAGOGICAL BASIS

Abstract. The article is devoted to the description of Vietnamese folklore as an important factor in the education of the younger generation. Special attention is paid to the study of the influencing factor of national teachers in the life of the people, its educational function inherent to it since ancient times.

Key words: Folk pedagogics, Vietnamese folklore, education, pedagogical influence.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМНОЙ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье затронут вопрос о проблемах транслитерации в русском и китайском языке. На примере имён собственных продемонстрировано, какие различия имеют эти языки, и какими приёмами транслитерации необходимо пользоваться, что успешной перенести слово из одного языка в другой.

Ключевые слова: китайский язык; русский язык; транслитерация; транскрипция; имя собственное.

В современном мире границы между странами в буквальном и переносном смысле преодолеваются благодаря культурному обмену, взаимным торговым отношениям, политическим объединениям и другим типам взаимодействия. Это, вне сомнения, касается отношений между Китаем и Россией, развитие которых с каждым год продвигается в лучшую сторону. Тем не менее, на пути формирования партнёрских и дружеских отношений встаёт большая проблема взаимного языкового понимания. Несмотря на роль английского языка как языка международного общения, существует необходимость прямого контакта с использованием национальных языков обеих стран.

Чтобы взаимодействие было эффективным, требуется иметь не только представление об особенностях языков, на которых ведётся общение, но и быть готовым преодолевать трудности, связанные с различиями. Одним из таких нюансов является особенности взаимной транслитерации имён собственных. Без этого знания невозможно добиться эффективной коммуникации между носителями двух языков в связи с включением в дискурс всё большего числа новых онимов, не имеющих устоявшихся переводных форм в языке-партнере, что делает эту тему особенно актуальной в наше время. В частности, на уровне образования, университетам, принимающим международных студентов, приходится сталкиваться с трудностями, фиксируя их имена в различных вариантах, что для документов недопустимо. Например:

买卖 передаётся как Мэй Мэй / Мей Мей;

夏英 передаётся как Шяэйинг / Щаэйинг;

纪委 передаётся как Дзивей / Тзивей / Цзивей;
Владимир передаётся как 弗拉季米尔 / 弗拉基米尔;
Ольга передаётся как 奥莉佳 / 奥尔加;
Алексей передаётся как 奥列克谢 / 阿列克谢.

Чем больше у языков схожих сторон, тем легче совершить перевод, и наоборот. Русский, украинский и белорусский языки, принадлежа одной языковой группе, поддаются взаимной транслитерации без особых трудностей, в сравнении с передачей звучания слов на европейских языках. Но и транслитерационное взаимодействие этих языков не вызывают такой сложности, как с языками из различных языковых семей, например, с китайским или арабским.

Различия между китайским и русским языками очевидны даже не-филологам. Географически и исторически сложилось так, что русский язык относится к индоевропейской семье языков, а китайский язык – к сино-тибетской, что на современном этапе фонетически выражено следующими противопоставлениями: моносиллабизм / полисиллабизм корневых слов; смыслоразличительная тональность / атональность языка; различная смыслоразличительная долгота гласных / её отсутствие; наличие / отсутствие дифтонгов; придыхательных согласных; существование уникальных и не существующих в другом языке гласных и согласных фонем, и т. д.

Так, в китайском языке существует тональность слогов, благодаря которым изменение высоты звука может полностью изменить значение слов, чего нет в русском языке. В русском существует редуцирование гласных, в результате которого они теряют свою четкую артикуляцию, теряют долготу и качество звучания, чего нет в китайском языке.

Подобные фонетические особенности усложняются различными графическими системами: китайская иероглифика и русский кириллический алфавит. Алфавиты передают в большинстве случаев речь по принципу «1 звук = 1 буква. Русский алфавит включает 33 буквы, которые в своём определенном сочетании формируют слоги и многосложные полиморфемные слова. Знаки иероглифической знаковой системы передают собой слог, а зачастую слово каждый. Каждый иероглиф имеет свое уникальное знаковое обозначение. Количество уникальных знаков в китайском языке превышает отметку в десять тысяч иероглифов.

Говоря о графической конверсии китайских / русских онимов на соответствующий язык, важно определиться с названием вида подобной передачи. К двум основным видам конверсии относятся транскрипция и транслитерация.

Транскрипция передаёт по возможности максимально точно звучание слов другого языка, что в рассматриваемом случае затруднено.

Транслитерация — передача знаков одной письменности знаками другой письменности [Гиляревский, с. 17]. Важно, чтобы существовало стандартное

372 | соответствие графических знаков или последовательности знаков между системами письма языков. При этом принимается во внимание обычно не только соответствие знаков двух графических систем, но и звуки, что применимо по отношению к русскому и китайскому языкам. Звуковая репрезентация одного графического китайского знака на русский язык технически представляет собой расчленение звукового потока на отдельные звуки / звуковые сочетания (т. н. инициали, финали, медиали), их ассоциации с русскими звуками, их написание с помощью русских букв / буквенных сочетаний. И наоборот, звуковые сочетания русских имён ассоциируются носителями китайского языка с похожими звуковыми кластерами в китайском языке и фиксируются с помощью иероглифов. Так как число подобных звуковых сочетаний в каждом языке конечно и повторяемо, можно говорить об определенном наборе соответствий между графическими системами. Поэтому способ конверсии слов между языками можно назвать транскрипционной транслитерацией.

Первая система китайско-русской транскрипционной транслитерации была разработана известным Китаеведом архимандритом Иакинфом в 1839 г. Позднее она была видоизменена в «Полном китайско-русском словаре» архимандрита Палладия, откуда она получила название палладиевской или палладицей [Чжан Хун Сэн, с. 28]. Палладиевская система сейчас является общепринятой у русскоязычных синологов и фактически единственной системой записи китайских имён собственных в русском языке. Однако она не знакома неспециалистам, отсюда и возникают разночтения, указанные выше. Конечно, такая система транслитерации не идеальна, так как китайские тоны в русской передаче не отражаются, за исключением специальных случаев использования в словарях и учебных материалах. Возможно, в этом нет необходимости, так как читать китайские наименования на русском языке придется русскоговорящему населению, которое физически, в силу отсутствия практических навыков не будут способны воспроизвести различные китайские тоны. Русская транскрипция может осуществляться напрямую с иероглифического написания с использованием китайско-русских словарей, в которых чтения иероглифов приводятся сразу в кириллице. Также существуют онлайн сервисы палладицы, например cidian.ru, позволяющий транслитерировать китайские имена. В ходе проверки, данный интернет ресурс зарекомендовал себя как хороший инструмент быстрой и эффективной транслитерации.

Некоторые переводчики предпочитают опосредованную транслитерацию иероглифов через пиньинь (Pinyin) – официальный стандарт латинской транскрипции имён и названий из КНР. Данная система из 422 слогов пиньинь, однозначно соответствующая фонетической системе китайского языка официального диалекта путунхуа. Это означает, что любому слогу путунхуа соответствует один и только один слог пиньина. Пиньинь был принят в 1958

году <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D0%B8%D0%BD%D1%8C> - cite_note-50th_birthday-1, автором пиньинь является Чжоу Югуан. С 1979 г. пиньинь используется во всём мире в качестве официальной латинской транскрипции имён и названий из КНР [Алексахин, с. 19]. В случае опосредованной транслитерации сначала иероглиф романизируют, т. е. находят его графическое соответствие в латинском алфавите: например: 梅丽 транслитерируется в пиньине как méili. Затем латинскую транскрипцию переводят в русскую: Мэйли, что легче, т. к. оба алфавита – индоевропейские. Русские имена можно таким же образом транслитерировать на китайский язык используя латинскую транскрипцию. Так, например, Наталья Непряева в латинском языке обозначается как Nayaliya Neryuaeva и на китайский транслитерируется как как 纳塔莉娅 奈普里耶耶娃. Различные интерпретации произношения слов могут возникнуть при самостоятельном переводе, однако используя системы транслитерации подобный процесс упрощается и минимизируется шанс ошибки.

Подводя итог, можно добавить, что уже огромный список номинаций из КНР и России перенесены из одного языка в другой, что позволяет упростить взаимодействие двух культур. Помимо этого, нет необходимости владеть другим языком, чтобы корректно осуществить транслитерацию с одного языка на другой. Для этого существуют специальные системы, позволяющие транслитерировать слова, без утраты созвучия.

Литература

1. Алексахин А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка Учебное пособие. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 204 с.
2. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Введение // Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. 3-е изд. испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 3-18.
3. Чжан Хун Сэн. Сравнительное изучение русского и китайского языков (2 том) [М]. – Шанхай: Изд-во Обучение иностранным языкам, 2004. – 254 с.

Zhao Xuelian

THE ISSUE OF MUTUAL TRANSLITERATION IN RUSSIAN AND CHINESE

Abstract. This paper dwells on the issue of mutual transliteration in Russian and Chinese. On the example of proper names, it is demonstrated what differences these languages have and what techniques can be used for successful transliteration.

Key words: Chinese; Russian; transcription; transliteration; proper name.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Айкало Зора

*магистрант 1 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина*

Москва, Россия

zora.ajkalo82@gmail.com

ПРЕДПОСЫЛКИ К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВА В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о разной просодической организации слова в русском и сербском языках. Хотя оба языка принадлежат к одной языковой группе, в них наблюдаются такие различия, которые вызывают большие трудности у сербских студентов при изучении русского языка, в частности, при овладении русским произношением.

Ключевые слова: просодическая организация слова; сопоставительное изучение.

Русский язык как один из славянских языков очень близок нам, сербам. Но именно схожесть языков вызывает много трудностей у сербских студентов при изучении русского языка. В связи с этим нельзя говорить о том, что сербским студентам не надо тратить много времени и прилагать усилия при изучении русского языка. И наоборот, если русские студенты начинают изучать сербский язык, что сначала им этот процесс кажется легким, они считают, что для общения на сербском языке им достаточно, например, изменить место ударения в слове, вспомнить устаревшие, вышедшие из употребления слова; и тогда они заговорят на сербском.

Но при изучении языка необходимо обращать внимание не на схожесть языков, прежде всего, а на их различия.

При изучении сербскими студентами звуковой организации русского слова большие трудности связаны с реализацией фонетической природы русского ударения, с определением местоположения ударения в слове. Поскольку в сербском языке существует правило «Пиши, как говоришь, и читай, как написано», то явление редукции безударных русских гласных будет новым для сербских студентов. И этому явлению необходимо учить.

Русское словесное ударение по своей фонетической природе является количественным, т.е. ударный гласный произносится прежде всего длительно. Безударные гласные произносятся с меньшей длительностью звучания, с меньшим напряжением артикулирующих органов. В связи с этим безударные гласные могут менять свое качество. И русское словесное ударение правильнее называть качественно-количественным.

Сербское словесное ударение является музыкальным. Выделяют четыре типа ударения. В их основе присутствует движение тона и длительность. Таким образом, ударение может быть краткое нисходящее, краткое восходящее, долгое нисходящее и долгое восходящее. При этом следует учитывать, что гласные в сербском языке произносятся одинаково отчетливо как в ударных, так и в безударных слогах.

При рассмотрении вопроса о расположении ударения в слове необходимо учитывать: 1) закреплённость / незакреплённость ударения за определенным слогом (связанное или свободное ударение); 2) сохранение / передвижение ударения в слове при его словоизменении или словообразовании (подвижное или неподвижное ударение).

В русском языке ударение является свободным, т.е. ударение может быть в начале слова, середине или конце; на разных морфемах. И может быть подвижным и неподвижным. Подвижное ударение встречается только в 2% русской лексики, но наиболее частотной.

В сербском языке ударение также считается свободным, т.е. ударение может быть на любом слоге слова. Однако в многосложных словах ударение не может быть на последнем слоге слова. И сербское ударение является подвижным. Особо следует отметить, что при изменении места ударения в слове может меняться и качество ударения.

Существуют известные параллели между сербским и русским ударениями. Так, в словах с одинаковым фонетическим составом наблюдается разное местоположение ударения. В многосложных сербских словах ударение перемещается на один слог к началу слова по сравнению с соответствующими русскими словами. Например, русское слово Андрей с ударным [e] и сербское слово с ударным [a]; русское слово телефон с ударным [o] и сербское слово со вторым ударным [e]. Еще примеры: сербские слова: рУка, нОга, вОда, говОрити, кОнцерт, стУдент, госпОдин.

Таким образом, хотя русский и сербский языки принадлежат к одной языковой группе, в них наблюдаются существенные различия в звуковой (в частности, просодической) организации слова. Сопоставительное изучение этих двух языков на фонетическом (в широком понимании) уровне позволит в дальнейшем прогнозировать возможные ошибки в русской речи сербских студентов, выявить причины возникновения реальных ошибок. И результаты проделанной работы могут быть использованы при обучении сербских

Литература

1. Анотонова Д.Н. Фонетика и интонация: корректировочный курс для зарубежных преподавателей. - М.: Рус. яз., 1988 -176 с
2. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов/А.Н. Щукин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. Шк., 2010. – 349 с.
3. Станојчић Ж., Поповић Љ. Граматика српскога језика, Београд, Завод за уџбенике и наставна средства 1992, 397 с.
4. Шпис Л., Гавела Б. Руски у 100 лекција, Београд, Просвета, 1964, 287 с.

Ajkalo Z.

THE PREREQUISITES FOR THE CONTRASTIVE STUDY OF PROSODIC ORGANIZATION OF THE WORD IN RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES

Abstract. The article raises the question of different prosodic structure of the Russian and Serbian words. Though these languages belong to the same language group, there are some structural (including phonetic) differences which make some obstacles for Serbian students when they learn Russian.

Key words: The prosodic structure of the word; the comparative study.

ОБУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ СЕРБСКОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме обучения сербскоговорящих студентов русской интонации. В статье описана методическая разработка, с помощью которой студенты смогут познакомиться со всеми интонационными конструкциями русского языка.

Ключевые слова: методика; интонация; интонационная система; русский язык; сербский язык.

При изучении любого иностранного языка, родной язык студента всегда оказывает влияние на всех уровнях, но особо ярко это отражается на фонетическом уровне в устной деятельности обучающегося. Овладение русской интонацией представляет большую сложность для всех изучающих русский язык как иностранный. Наибольшие сложности наблюдаются у носителей близкородственных языков, что напрямую связано с сильной фонетической интерференцией. Следовательно, для того, чтобы иностранные обучающиеся успешно овладели русской интонацией, необходима целенаправленная работа над данным разделом фонетического знания.

Наше исследование посвящено анализу типичных трудностей, с которыми сталкиваются сербскоговорящие студенты при овладении русской интонационной системой. Для носителей сербского языка, как правило, сложно реализуемыми являются 3, 5, 6 и 7 интонационные конструкции (ИК). Для того, чтобы помочь слушателям справиться с данными трудностями, нами была создана методическая разработка.

В контексте нашей работы мы рассматриваем преподавание интонационной системы русского языка сербскоговорящим студентам филологических факультетов с уровнем языковой подготовки не ниже В1.

Все уроки нашей разработки направлены не только на практическое овладение студентами интонационными конструкциями русского языка, но также на расширение теоретических знаний учащихся.

В основе нашей методической разработки лежит теория Е.А. Брызгуновой, изложенная в её трудах. Базой для составления уроков послужили пособия по фонетике и интонации Е.Л. Бархударовой, Е.А. Брызгуновой, И.Л. Муханова,

378 | В.И. Одинцовой, И.А. Садыковой и М.Н. Шутовой. Апробация методической разработки была произведена в рамках спецкурса по русской интонации на 2, 3, 4 курсах филологического факультета Университета Бая-Луки (Босния и Герцеговина, Республика Сербская).

Программа подготовки учащихся филологического факультета Университета Бая-Луки по предмету «Фонетика и фонология русского языка» включает в себя изучение первых четырех типов ИК русского языка. При разработке цикла уроков нашей целью было познакомить и дать полное представление учащимся о видах и роли интонации, поэтому в программу нашего курса входят все семь типов ИК, выделенных Е.А. Брызгуновой, что обеспечивает расширенное представление студентов об интонационной системе русского языка. В ходе курса студенты повторяют, систематизируют, обобщают, расширяют и закрепляют уже имеющиеся знания, получают новые, а также формируют и совершенствуют навыки и умения в области фонетики.

В связи с тем, что слушателями курса являются студенты-филологи продвинутого этапа обучения, каждый урок фокусирует внимание на определенном типе и особенностях употребления ИК, что обеспечивает как практическое, так и теоретическое усвоение материала.

Опираясь на программу подготовки учащихся филологического факультета по направлению «Русский язык и литература» и полученный педагогический опыт, нами был разработан цикл из 12 уроков, ориентированный на типичные интонационные трудности носителей сербского языка. Каждый урок предполагает работу в аудитории с преподавателем и рассчитан на 90 минут учебного времени в группах размером до 14 человек.

Задачами каждого урока являются: 1) повторение теории о синтагматическом членении предложения, его функции и смысловозначительных особенностях; 2) пополнение и обобщение теоретических знаний учащихся об интонационных средствах русского языка и о функции интонации в речи; 3) формирование, коррекция и развитие слухо-произносительных навыков в области русской интонации.

В ходе разработки цикла уроков нами был учтен факт того, что студенты знакомы только с первыми четырьмя типами ИК русского языка, поэтому первые 4 урока направлены на систематизацию и расширение знаний о функциях ИК-1, 2, 3, 4. Данный блок занятий завершается повторительным уроком.

Последующие уроки пособия направлены на знакомство учащихся с ИК-5, 6, 7 и их отработку, что позволяет овладеть на практике всеми типами ИК. Это является особенно важным для студентов-филологов, для которых русский язык является объектом профессиональной деятельности.

Уроки имеют стандартную структуру.

I. Прослушивание/просмотр аудио/видеофрагмента

В начале занятия преподаватель предлагает студентам прослушать/посмотреть аудио/видеофрагмент. Целью данного задания является практическая демонстрация использования интонационных конструкций в речи, а также расширение представлений учащихся о разнообразных случаях их использования в русском языке. Далее студентам предлагается проанализировать прослушанный/просмотренный фрагмент с точки зрения использования интонационных средств. Данное задание позволяет учащимся в ходе анализа вспомнить функции и реализацию той или иной ИК.

Использование аудио/видеофрагментов в составе урока обеспечивает демонстрацию учащимся всех изучаемых типов ИК в различных ситуациях использования.

II. Презентация схемы движения тона

Преподаватель фокусирует внимание учащихся на схеме движения тона и демонстрирует изменение тона на примере фраз из прослушанного/просмотренного аудио/видеофрагмента.

Так как главным критерием отбора демонстрационной аудио/видеозаписи является максимальное употребление рассматриваемой на уроке ИК, преподаватель выбирает фразу, интонационная реализация которой соответствует теме занятия, записывает ее на доске и предлагает учащимся вспомнить, как звучала фраза на записи и где находился интонационный центр. После выделения и обоснования центра ИК, преподаватель объясняет и демонстрирует движение тона в предцентральной и постцентральной части фразы-примера.

Данные теоретические сведения необходимы для формирования теоретической базы студентов-филологов.

III. Формирование навыков употребления ИК

После демонстрации движения тона происходит последовательная отработка реализации ИК в разных значениях с теоретическим комментарием со стороны преподавателя.

Слушателями выполняются упражнения подготовительного, речевого и коммуникативного типа. В ходе выполнения данных упражнений учащимися по одному или попарно, преподаватель корректирует ошибки и объясняет особенности использования той или иной ИК в конкретном случае.

IV. Выполнение контрольного задания

Студентами самостоятельно выполняется ряд упражнений, которые позволяют преподавателю проконтролировать качество усвоения нового материала.

Предложенная методическая разработка была успешно апробирована в рамках спецкурса по русской интонации на 2, 3, 4 курсах филологического факультета Университета Баня-Луки (Босния и Герцеговина, Республика Сербская).

Литература

1. Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи / Е. А. Брызгунова. – 3-е изд. переработанное. – М. : Русский язык. – 1977. - 278 с.
2. Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка: пособие для преподавателей, занимающихся с иностранцами / Е. А. Брызгунова. – М. : Изд-во Московского ун-та. – 1963. - 306 с.

Burdykina A.A.

**TEACHING OF RUSSIAN INTONATION
TO SERBIAN-SPEAKING STUDENTS**

Abstract. The article presents the issues of teaching Russian intonation to Serbian-speaking students. The article describes the methodological approach by which students will be able to get all intonation constructions of Russian language.

Key words: Methodology; intonation; intonation system; Russian language; Serbian language.

Веретенина Валерия Олеговна
магистрант 1 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
lera_lyalka@mail.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ- ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Аннотация. В данной статье перечислены основные цели и преимущества дистанционного образования. Кроме того, рассматривается, как Интернет-ресурсы помогают преподавателям организовывать учебный процесс при дистанционном образовании в изучении русского языка как иностранного.

Ключевые слова: образование; дистанционное образование; русский язык как иностранный; интернет-технологии.

Дистанционное образование – один из способов организации процесса обучения, который основывается на использовании современных информационных и телекоммуникационных технологий, позволяющих проводить обучение на расстоянии без непосредственного контакта между преподавателем и учащимся.

К основным целям дистанционного образования можно отнести следующие.

1. Дать возможность обучающимся совершенствоваться и пополнять свои знания в необходимых для них областях.
2. Дать качественное образование по имеющимся школьным и вузовским программам.
3. На основе результатов экзаменов выдать аттестат или присвоить квалификационную степень.

Если сравнить имеющиеся формы обучения, становится очевидным, что для дистанционного образования требуется меньшее количество оборудования, материально-денежных средств и преподавательской работы, к тому же в нём применяются новые идеи, изобретения и механизмы, которыми богат Интернет. Также стоит отметить, что интернет-обучение обеспечивает достаточно большую скорость обновления знаний, привлечение к обучению людей из разных регионов, тем самым расширяя аудиторию слушателей.

Среди основных критериев эффективности дистанционного образования обычно выделяют интерактивность – данные курсы должны обеспечивать максимальную обратную связь между учащимся и преподавателем, обучаемым и учебным материалом, а также возможность обучаться в группах. Ключе-

вой фигурой дистанционного обучения является педагог, так как именно он выдает необходимые задания студентам, проверяет исполнение заданий и их правильность, отвечает на вопросы и консультирует.

При интернет-обучении связь между преподавателем и учащимся осуществляется при помощи современных информационных технологий: компьютерных телекоммуникаций, спутниковых связей, телевидения, мультимедиа и различных обучающих систем. Как правило, с использованием данных интернет-технологий часть учебно-методического материала (теоретический, практический курс и контрольные задания) комплектуют в специальные «пакеты» и отправляют студентам для самостоятельного изучения.

Говоря о роли дистанционного образования в преподавании русского языка как иностранного (далее РКИ), стоит отметить, что конечной целью изучения любого иностранного языка является ведение беседы с носителями языка устно или письменно. Для достижения этой цели необходимо иметь высокий уровень знания языка. Поэтому современная методическая наука больший акцент делает на коммуникативной направленности обучения. При таком подходе Интернет предоставляет неисчерпаемые возможности: работа с Интернет-ресурсами способствует более осознанному и мотивированному изучению лексики и грамматики иностранного языка, помогает сформировать навыки разговорной речи и обеспечить аутентичность общения.

Необходимо отметить, что Интернет-ресурсы имеют ряд преимуществ по сравнению с традиционными образовательными ресурсами: они менее дорогостоящие, высокоскоростные, обеспечивают неограниченный доступ к материалам нескольким пользователям одновременно. Также Интернет дает возможность иностранцам «наблюдать» язык в реальности, копировать его использование и знакомиться с образцами поведения носителей языка. Интернет-технологии являются универсальными, так как их использование возможно на любом этапе овладения языком.

Помимо электронной почты, благодаря которой происходит обмен информацией между обучающимися и преподавателем, довольно эффективно в процессе обучения РКИ может применяться программа Skype, позволяющая проводить видео-конференции. Интерактивная коммуникация с носителями языка или при занятиях в группах создает благоприятные условия для обогащения словарного запаса. Таким образом, происходит погружение в языковую среду, где обучающиеся могут не только слышать речь, но и имеют возможность следить за жестами, мимикой, наблюдать за артикуляционными движениями и улавливать правильную интонацию. С помощью Skype можно организовывать чат-комнаты, где темы для беседы могут быть самыми различными: политическими, социальными, философскими, молодежными, по интересам и т. д.

Весьма эффективным средством для обучения чтению и письму является интернет-блог, который не требует от пользователя особых умений. Блог по-

могает организовать процесс коммуникации студентов, так как обучающийся читает сообщение, а затем может ответить на него (высказать свое мнение или прокомментировать).

В качестве дополнительных Интернет-ресурсов для самостоятельного изучения РКИ обучающиеся могут пользоваться такими порталами как, например, «Образование на русском» (pushkininstitute.ru), Ruspeach (ruspeach.com) или видеохостинг YouTube. Ruspeach (сайт для обучения РКИ) содержит теоретическую базу, различные задания и упражнения по лексике, грамматике, аудированию, письму, чтению. Материалы видеохостинга YouTube часто используются преподавателями в качестве дополнительных материалов при обучении, так как там можно посмотреть фильмы с титрами или видео-уроки по темам русского языка.

Таким образом, можно сделать вывод, что, во-первых, дистанционное образование становится более востребованным в современном мире, так как имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными формами обучения; во-вторых, использование интернет-технологий при дистанционном обучении РКИ отвечает всем современным требованиям коммуникативного подхода, цель которого состоит в том, чтобы заинтересовать учащихся в изучении иностранного языка; в-третьих, при помощи аутентичных видео-файлов и различных программ, выбор которых предлагает Интернет, создается языковая среда, пусть и смоделированная в условиях учебного занятия.

Литература:

1. Апальков В.Г. Использование современных средств обучения и Интернет-технологий в обучении иностранным языкам // «Открытое образование» (МЭСИ). 2013, №6, с. 71-75.
2. Горбонос Ф.В., Павленчик А.О., Павленчик Н.Ф. Использование Интернет-технологий в дистанционном обучении // Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова (Москва), «Никоновские чтения», 2012. №17 с. 373-376.
3. Дятлов С.А., Толстопятенко А.В. Интернет-технологии и дистанционное образование // «Информационное общество», 2000, вып. 5, с. 29-37.
4. Преподавание в сети Интернет: Учеб. пособие / Отв. редактор В. И. Солдаткин. – М: Высшая школа, 2003. –792 с. Трайнев В.А., Трайнев И.В.

Veretenina V.V.

DISTANCE EDUCATION USING INTERNET-TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article lists objectives and advantages of distance education. It is dealt with Internet resources and how they help teachers organize delivery of distance learning Russian as a foreign language.

Key words: Education; distance education; Russian as a foreign language; internet-technologies.

РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИКИ ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена роли англоязычной терминологии в формировании лексики индустрии гостеприимства во вьетнамском языке. Рассмотрены пути заимствования, приведены примеры терминологической лексики.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; TPRS; проектная деятельность; словарная работа; игровые упражнения; коммуникативная компетенция; методика обучения.

Сегодня английский язык – один из самых распространенных языков мира, признан официальным языком в 53 странах мира. 1,5 миллиарда людей в мире говорят на английском языке. Кроме того, в настоящее время английский язык, будучи признанным языком международного общения, является своего рода «донором», значительно пополняя лексику многих профессиональных сфер деятельности. Этот процесс наблюдается как в русском, так и в других языках. Вьетнамский язык не является исключением. В данной статье мы проследим функционирование англоязычных заимствований во вьетнамском языке на примере гостиничной сферы.

С каждым днем больше и больше туристов имеют желание путешествовать в другие страны, что определяет развитие гостиничного бизнеса и туризма. При этом, как было отмечено, англоязычная терминология играет очень важную роль в формировании лексики индустрии гостеприимства во всех языках в целости, и во вьетнамском языке, в частности.

Терминология – это совокупность терминов данной области знания, производства, деятельности. Исследователями рассматриваются терминология грамматическая, терминология международная, терминология производственно-техническая [1, с.320].

Лексика (от греч. *lexikos* — словесный, словарный) - совокупность слов, связанных со сферой их использования. [1, с.106].

В гостиничном деле и туристическом бизнесе используется узкоспециальная лексика, поэтому можно условно подразделить терминологию для обозначения заимствованные понятий данной сферы на несколько групп.

Во-первых, из английского языка термины, обозначающие ранее не существовавшие во Вьетнаме реалии. Это объясняется экстралингвистическими факторами. С развитием сферы туризма и гостиничного бизнеса в мире во Вьетнаме, как и в других странах, активизировались процессы заимствования специальной лексики, используемой данной сфере, поскольку в туризме и гостиничном сервисе соответствие мировым стандартам – один из важнейших критериев для притока в страну иностранных гостей. В настоящее время постепенно появляется много туристических фирм и гостиниц. В то же время отсутствовал терминологический аппарат для рекламирования туристического продукта³, включающего реалии, которых до этого не было во вьетнамской среде, и поэтому появилась тенденция заимствования английского терминологического слоя лексики, так как ему присущ интернациональный характер ввиду чрезвычайной распространенности английского языка в данной области. Это нашло свое выражение в заимствованиях путем калькирования, транскрипции и транслитерации.

1. Заимствования терминов английского языка во вьетнамском языке в сфере гостиничного бизнеса и туризма разделяются на некоторые типы. Рассмотрим подробнее.

а) Заимствование – неизменение формы и значения слова: email-> email, internet-internet, minibar-minibar, check –in, check –out, view – view, visa-visa, marketing- marketing, deadline-> deadline, sale-> sale, check-in online-> check-in online.

б) Заимствование – изменение формы и неизменение значения слова: canteen -> cǎng tin, Tour -> tua, Miting -> mít ting, dollar -> đô la.

в) Заимствование одной части слова: Game room – phòng games, internet access- truy cập internet, Check-in date – ngày check –in, Tip money – Tiền Tip, Bonus– tiền bo, Vip room – phòng Vip, Book room- book phòng, gym room – phòng tập gym, Block booking-> đặt phòng theo block, Sofa Bed-> ghế sofa, Online booking system-> hệ thống đặt phòng online, Inclusive tour->tour trọn gói.

2. Калькирование как один из способов заимствования иноязычной лексики представляет собой «образование слов и выражений посредством копирования, буквального (чаще поморфемного) перевода структуры иноязычных слов [2, с. 234]. Например: Guaranteed booking -> Đặt phòng có đảm bảo), Guesthouse->nhà khách, single room ->phòng đơn, car park->bãi đỗ xe, laundry service ->dịch vụ giặt là, swimming pool -> bể bơi, room number -> số phòng, Vending machine -> máy bán hàng tự động, Global Distribution System -> Hệ

³ **Туристический продукт** – комплекс услуг по перевозке и размещению, оказываемых за общую цену (независимо от включения в общую цену стоимости экскурсионного обслуживания и (или) других услуг) по договору о реализации туристского продукта; Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.11.2012)

thống phân phối toàn cầu, Group Inclusive Tour → Khách du lịch theo đoàn, Group Plan rate → Giá cho đoàn khách. Guest Service Cycle → Chu kỳ phục vụ khách, Customer support → Hỗ trợ khách hàng, Hotel industry → ngành khách sạn, Overnight accommodation → Ở lưu trú qua đêm, Registration process → qui trình đăng ký, Registration form → Phiếu đặt phòng, Tour guide → hướng dẫn viên du lịch

Tour Voucher → phiếu dịch vụ du lịch. Количество слов, которые появляются путем калькирования во вьетнамском языке в сфере гостиничном бизнесе, весьма значительно. При калькировании все слова переводятся слово в слово, но позиция слов определена по синтаксису во вьетнамском языке. При калькировании некоторые вьетнамские слова стали устойчивыми словосочетанием: user-friendly – thân thiện với người dùng.

3. Транскрипции и транслитерации: транскрипция (лат. transcriptio — переписывание).

1) Передача звуков иноязычного слова (обычно собственного имени, географического названия, научного термина) при помощи букв русского алфавита. Шекспир (англ. Shakespeare), Руссо (франц. Rousseau) Гёте (нем. Goethe) [1, с.325].

2) То же, что фонетическая транскрипция. Например: bar → ba, internet → in-tơ-nét, coffee → cà-phê, Caffeine → cà-phê-in, Beefsteak → bít-tết, taxi → tác-xi, garage → ga-ra, salon → sa-lông, , marketing → mắc-ket-tinh, TV → Ti-vi, PR → Pi-a, Sofa → sô-pha, resort → rì-sốt, sandwich → san-quí, biscuit → bánh-quí, salad → xà-lách/xá-lát, media → mê-đi-a.

Во-вторых, много английских терминов используют полностью с целью экономики, но все-таки могут достигнуть цели коммуникации (Check - in вместо làm thủ tục nhận phòng), (Check out – làm thủ tục trả phòng), Order – đặt đơn hàng, Free – miễn phí, Brochures: quyển cẩm nang giới thiệu về khách sạn và dịch vụ đi kèm, markup → Số tiền mà một Hãng lữ hành hoặc một Hãng lữ hành bán sỉ du lịch nước ngoài sẽ cộng thêm vào chi phí sản phẩm của Công ty cung cấp để có thể trả hoa hồng cho các đại lý du lịch bán các sản phẩm tour du lịch của họ và để thu được một biên lợi nhuận cho công ty của họ.

Однако эти заимствования употребляются неодинаково в статьях и рекламе различных туристических фирм и гостиниц.

Ко второй группе туристических терминов относятся заимствования новых терминов для уже существующих старых понятий по причине их престижности, моды. Например: buffet – раньше часто говорят “tiệc đứng”, но сейчас почти всех говорят “tiệc búp phê”. Balcony – «ban công» вместо «mái hiên». Но качество этой группы незначительно.

Индустрия гостеприимства является одним из самых динамично развивающимся направлением. Язык всегда играет важную роль в формировании и развитии любой отрасли. Для обозначения новых понятий, возникших в связи с резкими изменениями в обществе, образовались новые слова. Один

из способов образования этих слов являются заимствования терминов иностранных языков, а в этой статье именно терминов английского языка. В то же время в язык проникали новые интернациональные слова, а некоторые слова обогатились новыми смысловыми оттенками значения. Таким образом, как видно из представленного материала, внеязыковые условия влияли на развитие лексики гостиничного бизнеса.

Литература

1. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. - М.: Просвещение. – 1976. — 543 с.
2. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс. – 2008. – 811 с.
3. Từ Điển Thuật Ngữ Chuyên Ngành Biên Phiên Dịch Anh-Việt. NXB Thanh Niên.
4. Từ Điển Từ Vay Mượn Trong Tiếng Việt Hiện Đại, NXB Đại Học Quốc Gia TP Hồ Chí Minh. Trần Thanh Ái. – 2009
5. «Những vấn đề ngữ văn» (Tuyển tập 40 năm nghiên cứu khoa học của Khoa VH&NN)
6. Oxford Advanced Learner's Dictionary, NXB Oxford University Press. – 2005

Duong Thi Dung

THE ROLE OF ENGLISH TERMINOLOGY IN THE HOSPITALITY INDUSTRY'S VOCABULARY FORMATION OF VIETNAMESE

Abstract. The article aims to the role of English terminology in the hospitality industry's vocabulary formation of Vietnamese. It also considers ways of word borrowing and gives some examples of terminological vocabularies.

Key words: Hospitality; tourism; hospitality industry; Vietnamese; English terminology; vocabulary; borrowing; calque; transcription.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ЧЕРНОГОРСКОМ

Аннотация. В данной статье рассматриваются лингводидактические средства выражения изъяснительных отношений в русском и черногорском языках.

Ключевые слова: изъяснительные отношения; средства выражения; словосочетание; сложноподчиненное предложение; бессоюзное предложение.

В современном русском языке изъяснительные отношения обозначают семантическую сферу, которую можно определить как связь человека с окружающим миром, выявление объекта речи, мысли, восприятия.

В данной статье исследуются средства выражения изъяснительных отношений, представленных двумя синтаксическими единицами – словосочетанием и сложным предложением (сложноподчиненным и бессоюзным). В изъяснительных отношениях, выраженных словосочетаниями, проявляется содержание объектных отношений. Объектные отношения в словосочетании являются подчинительными отношениями, так как между предметом и действием существует подчинительная связь. Словосочетание является основным способом выражения изъяснительных отношений. Таким образом, объектные отношения возникают при глаголах: мышления и памяти (читать книгу, думать о любви, мечтать о путешествии), эмоционального состояния (любить музыку, бояться высоты, хвалится достижениями), передающих информацию (сказать правду, говорить глупости). Объектные отношения возникают и между деепричастиями, которые являются средством выражения изъясняемого опорного слова, и существительными в разных формах. Например: читая книгу, обращая внимание, рассказывая о жизни.

Так как изъяснительные отношения опираются на семантику слова, они выражаются и причастиями. Например: звонивший брату, говорящий о Москве.

Объектные отношения возникают как внутри глагольных словосочетаний, так и внутри субстантивных и атрибутивных словосочетаний. Например: равнодушие к жене, равнодушный к жене; внимание к брату, внимательный к брату. Краткие

прилагательные тоже являются средством выражения объективных отношений в словосочетаниях: доволен успехами, уверен в себе, убежден в истине.

При объяснении изъяснительных отношений черногорским студентам, лучшим методом является метод перевода, поскольку эти языки принадлежат одной группе (славянской) и между ними нет большого различия.

Сравним следующие словосочетания: читать книгу – читати книгу; любить музыку – вољети музику; сказать правду – рећи истину; обращая внимание – обраћајући пажњу; равнодушие к жене – равнодушност према жени; уверен в себе – сигуран у себе.

В выше приведенных примерах можно отметить, что все словосочетания на русском языке, в которых проявляются объектные отношения, имеют свои эквиваленты на черногорском языке. Между ними существует только одно исключение – действительное причастие настоящего времени (говорящий, читающий) не совпадает с формой в черногорском языке и переводится только как «который говорит, который читает». Из-за этого, можем отметить, что действительное причастие настоящего времени в черногорском языке не считается средством выражения объектных отношений.

Типичным средством выражения изъяснительных отношений в русском языке являются и сложноподчиненные предложения. Особенностью изъяснительных сложноподчиненных предложений являются их разновидности. Благодаря союзным средствам и изъясняемым опорным словам, которые имеют функцию смысловой связи между главной и придаточной частей, выделяем изъяснительные предложения: 1) сообщающие о факте, с союзом что и его синонимами (будто, будто бы, как будто, как будто бы) – И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. (А.П. Чехов); 2) выражающие волеизъявление (предложения с союзом чтобы и его синонимами как бы, чтобы не, как бы не, только бы, хоть бы...) – Необходимо, чтобы однажды все люди влюбились... (М. Горький); 3) содержащие вопрос, поиск информации (с союзной частицей ли); 4) сообщающие о частном аспекте факта (с союзными словами кто, что, какой, чей, откуда, куда, который, как, сколько, когда, почему, отчего,...) – Господь знал, кому понятие давал. (А.П. Чехов)

В черногорском языке изъяснительные отношения в сложноподчиненном предложении устанавливаются тем же самым образом, с помощью союзных средств и изъясняемых опорных слов, которые требуют распространения.

Сравним: Она сказала, что завтра открывается самый большой торговый центр в Москве. Она је рекла, да се сјутра отвара највећи тржни центар у Москви.

Мой отец хотел, чтобы я участвовала на этом соревновании. Мој отац је желио да учествујем на том такмичењу.

Можно отметить, что в черногорском языке очень употребительным является союз да, который соответствует русским союзам что и чтобы. В некоторых случаях, часто вместе с опорными глаголами, выраженными оценочными предикативами и краткими прилагательными, союз что не переводим только союзом да, но и союзом што – Хорошо, что он вовремя уехал

390 | домой. Добро је што је на вријеме отишао кући.; Я рада, что он занял первое место на международном фестивале танца. Срећна сам што је освојио прво мјесто на међународном фестивалу у плесу.

Союз как и как будто совпадают с союзами како и као да. Например: Мне казалось, как будто я в другом городе. Чинило ми се као да сам у другом граду.; Мама слышала, как ее дети ссорятся в коридоре. Мама је чула како се њена дјеца свађају у ходнику.

Эквиваленты изъяснительных предложений с союзными словами, в черногорском языке: Маша знает, почему они всегда опаздывают. Маша зна зашто они увијек касне. Союзные слова когда – када; почему-зашто; куда-куда; где-где; какой-какав; который-који; чей-чији; сколько-колико.

Изъяснительные отношения выражаем средствами бессоюзного предложения в рамках сложного. По мнению Леканта, это «один из двух основных структурных типов сложного предложения в русском языке, который выделяется по формальному критерию». (Лекант, 2009, С.743)

В работе Н.И. Формановской говорится, что «отсутствие союзов ведёт к усилению роли интонации, поэтому бессоюзные сложные предложения типичны для устных сфер общения, в частности для разговорной речи». (Формановская, 1989, С.165)

Пример: Сергей знает: ему надо очень много заниматься. В первой части глагол «знает» требует своего распространения; Сергей знает, что ему надо очень много заниматься.

Таким образом, в обоих языках основным средством выражения изъяснительных отношений являются словосочетание и сложное предложение: сложноподчиненное и бессоюзное.

Литература

1. Величко А.В. Синтаксис современного русского языка: Практическое пособие для иностранных учащихся филологических факультетов. Комментарии и упражнения (электронное издание). – Спб.: Златоуст, 2015. – С. 65-66.
2. Лекант П.А. Современный русский литературный язык. – М.; Высшая школа, 2009. – С. 743.
3. Фоминых Б.И. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения: Учебное пособие для бакалавров. – Ч.1. – М.,2012. – 105-120 С.
4. Формановская Н.И. Сложное предложение в современном русском языке. Теория и упражнения (включенное обучение). – М.: Русский язык, 1989. – 165 с.

Klikovac A.

THE PRACTICAL (LINGUO-DIDACTIC) METHODS OF EXPRESSING COMPLEMENT SUBORDINATE CLAUSES IN RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR EQUIVALENTS IN MONTENEGRIN LANGUAGE

Abstract. This article discusses the means of expressing complement subordinate clauses in Russian and Montenegrin languages.

Key words: Complement subordinate clauses; expressing methods; combination of words; complex subordinate sentence; sentences without conjunctions.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОСВОЕНИЕ РУССКОГО ИМЕННОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-ОСТЬ*)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу морфологических особенностей китайского языка в сравнении с особенностями русского языка. В работе рассматриваются принципы, с помощью которых можно использовать явление транспозиции при обучении русскому языку китайских студентов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; морфология; китайский язык.

В современном мире у носителей китайского языка повышается интерес к изучению русского языка как языка обучения, делового и личного общения. В связи с этим крайне актуальным является анализ особенностей китайского языка, который позволяет оценить, какие трудности испытывают китаезычные студенты при изучении русского языка как иностранного.

В данной статье мы рассмотрим характерные особенности китайского языка и проанализируем наиболее характерные словообразовательные модели. Цель работы – определить, возможно ли использование транспозиции при объяснении русского словообразования китайским студентам.

Для достижения этой цели проанализируем характерные для китайского языка типы словообразования и сравним их с наиболее распространенными моделями словообразования в русском языке.

Китайский язык – один из наиболее распространенных в мире (один из шести языков ООН). Долгий период изолированного развития и длинная история языка делают его интересным предметом изучения. Типологию китайского языка и его особенности в своих работах изучали такие ученые как В.М. Солнцев, Н.В. Солнцева, А.А. Хаматова, А.А. Скоробогатых, Дж. Гринберг, В.А. Курдюмов, В.И. Горелов, С.Е. Яхонтов и др.

В нашей работе мы пользуемся морфологической классификацией языков, приведенной в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», в котором

392 | выделяется четыре типа языков: изолирующие, или аморфные; агглютинативные, или агглютинирующие; инкорпорирующие, или полисинтетические; флективные языки. [4, с. 513]

Китайский язык относится к языкам изолирующего строя, для которого характерна односложность морфем, большинство морфем являются элементами двухсложных слов и не обладают синтаксической самостоятельностью. Наиболее продуктивный способ словообразования – словосложение. Также в современном китайском языке представлена система аффиксов, которые могут быть отнесены к разряду служебных частей речи в зависимости от выполняемых ими функций или же носят агглютинативный характер. В. М. Солнцев отмечает, что изоляция – «характеристика особого способа связи слов в предложении, а именно такого, при котором в самих словах, а точнее в форме слов не выражается отношение к другим словам и тем самым не маркируется синтаксическая функция». [5, с. 163] Изучая изолирующие языки, В.М. Солнцев приходит к выводу, что агглютинация и флексия «могут не противоречить изоляции, а существовать в ее рамках». [5, с. 139]

Русский язык, в свою очередь, относится к языкам флективного типа и имеет принципиально другую морфологическую структуру. Этот фактор оказывается существенным затруднением в обучении РКИ, так как для китайскоязычных студентов непривычно аффиксальное словообразование, широко распространенное в русском языке. Однако, несмотря на структурные и морфологические различия, мы можем при объяснении русского словообразования использовать транспозицию и тем самым повышать эффективность освоения этой темы китайскими студентами.

В современном китайском языке мы видим примеры того, как отдельные иероглифы выполняют роль суффиксов с определенным лексическим значением. Так, существуют китайские суффиксы, значение которых соответствует значению русского суффикса -ость в абстрактных существительных. Русский суффикс -ость чаще всего обозначает свойства (искренность, честность) и состояние (сонливость, усталость). [2, с. 383]

В китайском языке аналогичные существительные образуются группой суффиксов. Рассмотрим следующие: 性 xìng, 头 tóu, 心 xīn и 意 yì.

Суффикс 性 xìng является полузнаменательной морфемой, образующей ряд абстрактных существительных со значением свойств, присущих предметам и явлениям. Например: xiǎn xìng – ясность (быть отчетливым + 性); gèn xiàng – твердость (прочный + 性); gè xìng – индивидуальность (один + 性). Можно заметить, что, в отличие от русского языка, суффикс xìng образует абстрактные существительные от слов разных частей речи. Суффикс 头 tóu имеет значение «голова» и образует абстрактные существительные со значением «наличие свойства или качества», но в ряде случаев эта тенденция не прослеживается. 准头 zhǔn tóu – правдивость (верно + 头); 甜头

tián tóu – сладость (сладкий + 头); 里头 lǐ tóu – внутренность (внутри + 头). Суффикс 心 xīn обладает значением «сердце», и образует абстрактные существительные, обозначающие свойства характера человека. 虚心 xū xīn – скромность (скромный + 心); 诚心 chén gxīn – искренность (правдивый + 心); 多心 duō xīn – подозрительность (много + 心).

Аналогичным образом образует абстрактные существительные суффикс 意 yì («мысль, желание»). Слова с этой морфемой обозначают особенности характера и свойства человеческой природы. 意 dì yì – враждебность (враг + 意); 醋意 cù yì – ревность (ревновать + 意); 好意 hǎo yì – доброжелательность (хорошо + 意).

В некоторых случаях значение таких слов-аффиксов может совпадать со значением суффиксов русского языка. Это совпадение может быть использовано при преподавании русского языка как иностранного в китайязычной аудитории: преподаватель может объяснять структуру русского слова через транспозицию, с опорой на структуру слова китайского через языковую аналогию.

Разумеется, мы не можем говорить о полном совпадении семантики китайских и русских аффиксов, однако, при изучении русского языка, китайским студентам будет полезно опираться на это сходство для более точного понимания процессов русского словообразования. Для русских суффиксов абстрактной семантики очевиден параллелизм с китайскими служебными элементами слова, что может быть использовано в лингводидактике РКИ.

Литература

1. Большой китайско-русский и русско-китайский словарь. 450 000 слов, словосочетаний и значений, составитель Левина О.В под ред. Цили Н. / О.В. Левина. – М., «Славянский дом книги». – 960 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / — Назрань: Пилигрим, 2010. — 486 с.
3. Кузнецов П.С. Морфологическая классификация языков / П.С. Кузнецов. — М., 1954. — 356 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. Ярцевой В.Н. / Н.В. Ярцева. – М., «Советская энциклопедия», 1990. – 688 с.
5. Солнцев, В.М. Введение в теорию изолирующих языков / В.М. Солнцев. — М.: Восточная литература РАН, 1995. — 359 с.

Konovalova E.S.

PECULIARITIES OF MODERN CHINESE LANGUAGE INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN NAME WORD-FORMATION (ON THE EXAMPLE OF ABSTRACT EXISTING SUFFIX WITH -ОСТЬ)

Abstract. This article is about the analysis of the morphological features of the Chinese language in comparison with the peculiarities of the Russian language. We consider the principles by which we can use the phenomenon of transposition in the teaching of the Russian language for Chinese students.

Key words: Russian as the foreign language; morphology; Chinese language.

Куприянова Алена Олеговна
магистрант 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
helen1842@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОВЛАДЕНИИ БЫТИЙНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В АНГЛОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема влияния родного языка при изучении англоговорящими студентами конструкций с глаголом быть в значении обладания. Автором проведён анализ работ американских студентов (уровень А2), позволивший выявить некоторые типичные ошибки при изучении конструкций с данным глаголом в посессивном значении.

Ключевые слова: ФСП бытийности; РКИ; глагол быть; бытие; посессивность.

Наше исследование посвящено анализу влияния родного языка при изучении конструкций с глаголом быть. В поле экзистенциальных конструкций входят не только предложения с данным глаголом в значении существования, «но и конструкции, где «быть» выполняет копулятивную функцию, и даже конструкции с посессивным значением» [2, с. 57]. В этой работе мы рассмотрим особенности функционирования глагола быть в значении обладания. С этой целью мы провели сравнительный анализ такого типа конструкций в русском языке с конструкциями со схожим значением в английском языке. Наш интерес был направлен на выявление различий в функционировании глагола быть в значении обладания в английском и русском языке.

В основе данной работы лежит проведённый нами диагностический срез степенью владения бытийными предложениями в группе американских студентов, занимавшихся русским языком в разных университетах в течение 3-х семестров. Данной группе студентов был предложен тест, включающий в себя перевод бытийных предложений со значением обладания с английского на русский язык. Анализ данных работ помог нам с достаточной степенью объективности выявить типичные ошибки, возникающие при изучении данной темы.

Классические предложения данного типа, например, У моего дедушки есть лодка, редко вызывают трудности. Данный пример будет выглядеть на

английском языке следующим образом: *My grandfather has a boat*, что значит *He possesses a boat*, то есть наличествует значение обладания. С самого начала обучения чаще всего англоговорящие студенты и запоминают, что глагол *есть=have=иметь*, однако данное соответствие действует далеко не всегда, что и провоцирует большое количество ошибок.

Наиболее проблемным аспектом в нашем тестировании оказалось использование глагола *быть* в предложениях, построенных по модели бытийных конструкций, но не являющихся таковыми. В русском языке глагол *быть* не используется в конструкциях характеристики, включающими в свой состав оценочные прилагательные или наречия. Исходное предложение: *She has a red car*. Переведённые варианты: *У неё есть красная машина. У её есть красную машину. Она есть красном машина. Однако признаем, что данный пример не является абсолютно «чистым» с точки зрения задачи исследования, поскольку в таком предложении без контекста значение «имения, обладания» в некоторых ситуациях может появиться: А у неё есть красная машина! Так что отнесём это к некоторым недосмотрам подготовки к проведению эксперимента.*

Предложения, не относящиеся к бытийным и не нуждающиеся в употреблении глагола *быть* в их составе, также вызвали большое количество трудностей. В качестве примера такого предложения в тестировании был предложен следующий вариант: *Ann has the flu*. К сожалению, ни один из студентов не справился с переводом данного предложения. Переведённые варианты: *У Анны есть грипп. У Анна больна с гриппом. У Анны есть грипп. Такие случаи использования бытийных конструкция следует заучивать особо.*

Следующим проблемный момент оказались предложения, не относящиеся к бытийным конструкциям, но в английском варианте включающие глагол *to have* в своём составе: *I want to have a cat*. В нашем исследовании мы встретили следующие варианты перевода данного предложения: **Я хочу что, у меня есть кошка. * Я хочу есть кот. Я хочу иметь кошку. Причина данной ошибка та же, что и в ранее рассмотренных нами ситуациях.*

В предложении **Я хочу есть кот* проявляется ещё и тот важный момент, что преподаватель при знакомстве с этим глаголом не доносит учащимся, что глагол *есть* (в предложении *У меня есть кот*) отнюдь не является инфинитивной формой глагола. Как известно, *есть* – это форма настоящего времени от глагола *быть* (*У меня есть кот, У меня будет кот*) и хотя бы по одной этой причине *есть* не может появиться после глагола *хотеть*, который сочетается именно с инфинитивом!

Таким образом, мы выяснили, насколько сильно проявляется интерференция в конструкциях, не имеющих сходства с родным языком. И насколько важно, с другой стороны, не только давать возможно больший объём тренировки, но и давать чёткое представление о самой грамматической конструкции, как она устроена, каковы взаимосвязи и значения входящих в конструкцию грамматических форм.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, possessивность, обусловленность. – СПб. – 1996. – 229 с.
2. Востоков В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке: дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. – М., 2000. – 409 с.
3. Друзина Н.В. Глагол «быть» в структуре функционально-семантического поля качественности (на материале языков различных групп) // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2004. №6. – С.43-51.
4. Заметалина М.Н. Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка (диахрония и синхрония): дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. Волгоград, 2002. – 286 с.
5. Метс Н.А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев. – М., 2005. – 190 с.
6. Розова К.Л. Парадигматические особенности бытийных предложений в русском языке // Вестник Тверского государственного университета. Тверь, 2014. №1. – С.147-150
7. Чинталова А.Н. Типология глаголов быть, иметь, делать // Научная мысль Кавказа. Ростов-на Дону, 2009. №1. – С. 117-121.
8. Широких И.А. О категории бытийности и её репрезентации в языке // Язык и литература в поликультурном пространстве. Барнаул, 2015. №1. – С. 165-169.
9. Greenbaum S. The Oxford English grammar, 1996. 668 p.

Kupriyanova A.O.

**THE INFLUENCE OF INTERFERENCE IN THE STUDY OF
EXISTENTIAL SENTENCES IN THE ENGLISH-SPEAKING CLASSROOM**

Abstract. This article is devoted to the problem of the native language influence in the process of learning the verb to be in possessive meaning by English-speaking students. The author has conducted an analysis of some papers of American students (A2 level), through which the typical mistakes in possessive constructions with this verb could be identified.

Key words: Functional semantic field of existence; Russian as a foreign language; the verb to be; possessive constructions.

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Речевой этикет – важная часть культуры, нравственности, выработанная под влиянием социально-исторических факторов тем или иным народом в соответствии с его представлениями о нормах взаимодействия в обществе. Он является составляющей процесса межкультурного общения, в связи с чем следует уделять речевому этикету большое внимание в практике преподавания языка. Формирование языковой компетенции, которая включает умение использовать речевой этикет, является одной из знаковых задач в обучении русскому языку как иностранному у вьетнамских студентов. В статье представлены отдельные вопросы обучения русскому речевому этикету вьетнамских студентов и проблемы, возникающие в процессе преподавания.

Ключевые слова: речевой этикет, межкультурное общение, русский язык, вьетнамский язык, обучение РКИ.

Авторы Азимов Э.Г и Шукин А.Н в «Словаре методических терминов» характеризуют речевой этикет как социально заданные и национально-специфичные правила речевого поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений, принятых в предписываемых обществом ситуациях «вежливого» контакта с собеседником [1, с.258]. Известно, что к речевому этикету, в частности, относятся слова и выражения, употребляемые людьми для прощания, просьбы, извинения, принятые в различных ситуациях формы обращения, интонационные особенности, характеризующие вежливую речь и т. д. Изучение речевого этикета занимает особое положение на стыке лингвистики, теории и истории культуры, этнографии, страноведения, психологии и других гуманитарных дисциплин [3, с.53].

Говоря о включении речевого этикета (РЭ) в практику РКИ для вьетнамской аудитории, следует выделить основные особенности русского речевого этикета, проанализировать словосочетания и конструкции, отличающиеся от их вьетнамских аналогов или не имеющие аналогов вообще.

Так, например, для обращения и начала разговора в России в официальной обстановке и к более старшим по возрасту обращаются на «вы» и по имени-отчеству. Называть человека по фамилии считается невежливым.

398 | Возрождаются русские обращения, такие как «господин», «госпожа», после которых идет фамилия: например, «господин Иванов». Они вошли в общение и используются обычно в официальной или тожественной обстановке.

Рассмотрим этикетные традиции во вьетнамской речевой культуре. Отличия очевидны. Во Вьетнаме имена состоят из семейного имени (фамильного), среднего имени и имени индивидуального. При обращении следует употреблять последнее индивидуальное имя с «господин» или «госпожа». Обращение по собственным именам не такое разветвленное, как в русском, так как вьетнамцы никогда не обращаются друг к другу по фамилии и отчеству, а только по имени: например, «господин Хунг – ông Hùng», «госпожа Лан – bà Lan».

Во Вьетнаме обращение просто по имени к старшим абсолютно запрещено, а допускается только в общении между равными или по отношению к младшим. Кроме этого, можно обращаться к собеседнику, используя личные местоимения. Таким образом, имеются две формулы обращения к одному лицу: ты и вы. Употребление ты/вы-формы зависит от возраста собеседников, социального положения, степени знакомства и обстановки общения.

Общий принцип русского и вьетнамского РЭ состоит в том, что форма «вы» соответствует более формальному общению и выражает уважение к собеседнику; форма «ты», напротив, - неформальному общению между равными и считается непринужденной. Вместе с тем можно использовать немалое количество синонимичных слов для называния адресанта «я» и адресата «ты», например: *tôi, tôi, mình, bạn, tui, anh* (= я); или *bà, mày, mình, mi, em, thằng này* указывающие на ты [4, с.25].

Распространено во Вьетнаме и упоминание о собеседнике в 3-ем лице, что может проявляться в следующем диалоге (приводим его на русском языке):

Учитель: Вы уже поужинали?

Школьник: Да, а учитель? (вместо «Да, а Вы?»)

Следует обратить внимание на то, что русские любят произносить длинные тосты, притчи, анекдоты. Во вьетнамском языке выделяются тосты: *San ly* (англ. аналог – «Cheers!») и *vì chúng ta* (русский аналог – «За все!») с добавлением желания (в то время как русские используют За + существительные в винительном падеже).

Формирование языковой компетенции, которая включает навыки речи, умение использовать соответствующие речевые формулы и знание отличий на уровне межкультурной коммуникации, является одной из главных задач в обучении русскому языку как иностранному вьетнамских студентов. Преподаватели, в свою очередь, всегда используют разные учебники для преподавания русского языка как иностранного с учётом специфики русского национального речевого этикета, чтобы повышать степень владения языком учащихся. Например, с успехом используется учебник О.И Глазуновой «Давайте говорить по-русски» [2]. С одной стороны, он включает лексический, грамматический, фонетический и учебно-познавательный материал и создан с учетом трудностей, с которыми часто сталкиваются преподаватели и сту-

денты в процессе обучения языку. С другой стороны, его содержание описывает русский речевой этикет: в каждом из этих текстов содержатся задания и упражнения, связанные с этим вопросом (русские имена, местоимения «ты» и «вы», слова «пожалуйста», господин или товарищ и т.п.). Данные упражнения содержат формулы речевого этикета в разных диалогах и в текстах.

В ходе преподавания русского речевого этикета часто возникает межъязыковая интерференция. Студенты употребляют речевые формулы русского этикета по законам и правилам вьетнамского языка. В силу этого актуальным становится определение различий между речевым этикетом двух языков.

Для преподавателей русского языка как иностранного воспитание у студентов-русистов языковой компетенции в области межкультурной коммуникации является одной из главных задач. Поэтому преподавание русского речевого этикета во вьетнамской аудитории рассматривается как неотъемлемая часть на каждом этапе обучения, когда знания будут расширяться. В этом плане обучение русскому речевому этикету не должно останавливаться на ситуации знакомства и запоминании стандартных фраз и выражений. Необходимо уделять внимание их использованию в конкретных ситуациях речевой коммуникации.

Кроме того, знание отличий русского и вьетнамского речевого этикета дает преподавателю возможность использовать данный материал при прохождении определенной лексики и грамматики, а также предупредить возникновение у учащихся значительного числа ошибок.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). - СПб.: Издательство «Златоуст», 1999.
2. Глазунова О.И. Давайте говорить по-русски. - 5-е изд. М. 2003 – 336с.
3. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – М.: Икар, 2002. - 159с.
4. Kim Jae Chon. Các từ ngữ dùng để xưng hô trong tiếng việt và tiếng hàn Tr.HCM, 2001.

Le Thi Huyen

RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES FOR VIETNAMESE STUDENTS

Abstract. Speech etiquette is an important part of culture, morality, developed under the influence of socio-historical factors by a people in accordance with its views on the norms of interaction in society. He is part of a process of cross-cultural communication, this connection should be given speech etiquette great attention in the practice of language teaching. The development of linguistic competence, which includes the ability to use speech etiquette, is one of the most significant tasks in teaching Russian as a foreign language to Vietnamese students. The article presents some issues of teaching Russian speech etiquette of Vietnamese students and problems arising in the process of teaching.

Key words: Speech etiquette; cross-cultural communication; Russian language; Vietnamese language, teaching Russian as a foreign language.

УСТРАНЕНИЕ ОШИБОК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФОНЕТИКИ В КОРЕЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы изучения фонетики в корейской аудитории. Автор сопоставляет различия корейского и русского произношения и даёт рекомендации по улучшению произносительных навыков корейских студентов.

Ключевые слова: фонетика; корейская аудитория; трудности произношения.

Главная трудность изучения русского языка – фонетика, т.е. наука о звуках, о произношении. Фонетика (от греч. Phone – голос, звук, шум+...тека). Собрание звуковых учебных пособий (дисков, пластинок, магнитофонных записей). Фонетика также содержит записи учебных текстов, произведений, литературы в исполнении мастеров художественного слова [1, с.490].

Из-за отсутствия в корейском языке звуков [р], [ж], [ц], [ш], [щ] трудность заключается в воспроизведении этих звуков. На слух корейской аудитории эти звуки плохо различимы. Корейские обучающиеся не могут дифференцировать звуки [р] и [л] или [ш] и [щ]. Для корейских учащихся самым сложным является произношение звука [р], так как должно вызвать вибрацию кончика языка.

Например,

рисунок – 그림 [глим] жизнь – 삶 [сам] чаша – 숯 [суп]

шуба – 모피 [мопи] рыба – 생선 [сенсэн]

щипчик – 집개 [диггэ] каша – 죽 [зуг] ценр – 시내 [синэ]

В Корее молодые люди 19-ти лет, как правило, поступают в университет, начинается обучение русскому языку. С точки зрения науки, люди в этом возрасте уже сформировали фонетику своего языка, поэтому изучение ранее неизвестных звуков затруднено. Дело в том, что в корейских вузах очень мало занятий по фонетике. Большинство занятий – это изучение грамматики, письма, разговорной речи. По этой причине студенты хорошо знают грамматику или пишут грамотно, но плохо говорят по-русски. Интересно, что эта проблема существует не только в Корее, но и других азиатских странах – таких, как Китай и Вьетнам.

В начале 1990-х гг. холодная война закончилась и российско-корейские отношения улучшились, так что в Республике Корея обучение русскому языку

было введено во многих корейских вузах и школах. В настоящее время есть трудности при обучении РКИ корейских школьников и студентов.

Во-первых, в корейских вузах недостаточно русских преподавателей. Обычно корейские преподаватели преподают грамматику, литературу, историю и т.д. На наш взгляд, русский преподаватель эффективно учит студентов русскому языку, и если обучающиеся совершают ошибки в фонетике, то преподаватель сразу исправит их. Материал закрепляется сразу.

Во-вторых, именно на начальном этапе учащиеся из Кореи должны иметь как можно больше контактов с носителями русского языка, быть «на пути к культурному двуязычию» [3, с. 12]. Корейские обучающиеся тем не менее стараются использовать аудиозаписи и видеоматериалы на занятиях по русскому языку. Самое главное – устранение ошибок необходимо сразу же, чтобы не повторять их вновь и закрепить новый материал.

Таким образом, все вышеперечисленные ошибки при обучении РКИ корейских студентов необходимо устранять, чтобы добиться максимально эффективного результата.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Икар. – 2009. – 448 с.
2. Нам Хе Хён. Современное положение и меры для его продвижения в Корее. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – 2012. – С. 82–85.
3. Богуславская В.В., Китанина Э.А. Идеологический пуризм в контексте патриотизма: социокультурный аспект / В.В. Богуславская, Э.А. Китанина // Общество: социология, психология, педагогика. Выпуск № 3. – 2016. – С.10–13.

Lee Jiyeon

ELIMINATION OF ERRORS IN THE STUDY OF PHONETICS IN THE KOREAN AUDIENCE

Abstract. The article examines the problems of studying phonetics in the Korean audience. The author compares the differences between Korean and Russian pronunciation and gives recommendations on improving the pronunciation skills of Korean students.

Key words: Phonetics; Korean audience; difficult pronunciation.

*Линь Сяоюе**магистрант 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина**Москва, Россия**Xiaoyue777@yandex.ru*

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КИТАЙСКОГО УЧАЩЕГОСЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию лингводидактически значимых особенностей языковой личности (далее: ЯЛ) китайского учащегося, изучающего русский язык (РЯ) в довузовский период в условиях России (т.е. на начальном этапе обучения языку).

Ключевые слова: языковая личность; китайский учащийся; начальный этап.

Актуальность данной работы связана с социально-культурными и производственными потребностями китайского общества в высококвалифицированных кадрах. Данная задача для Китая решается, в том числе, и в условиях России. Так, в настоящее время среди иностранных учащихся российских вузов китайские студенты и слушатели по своей численности занимают второе место. Однако наши наблюдения показывают, что более половины китайских учащихся, поступающих на подготовительные факультеты (далее: ПФ) российских вузов не справляются с учебными программами, испытывают значительные трудности усвоения как РЯ, так и профильных предметов. В данной работе мы попытаемся рассмотреть социально и этнокультурно обусловленную ЯЛ китайского учащегося и определить трудности изучения РЯ (и профильных предметов), которые связаны с особенностями данной личности.

Поскольку наибольшие трудности испытывают китайские учащиеся в самый первый период обучения в российских вузах (т.е. на НЭ обучения), следовательно, в качестве объекта исследования мы выбираем учебный процесс НЭ обучения, а в качестве предмета исследования – социально и культурно обусловленную ЯЛ китайского учащегося, существенным образом влияющую на успешность/неуспешность её учебного процесса.

В методике преподавания русскому языку как иностранному (РКИ) на сегодняшний день имеются национально ориентированные работы, посвящённые обучению китайских учащихся на НЭ. Это работы И.А. Бобрышевой, Л.П. Мухаммад, Вень Яо, Ван Лися, Ян Цин и т.д. [1,2,3 с.34] Однако эти работы написаны или очень давно [1, с.67] (и, в связи с этим, по многим параметрам

уже не отражают специфику современного китайского учащегося), или показывают только 2-3 черты ЯЛ учащегося, имеющие отношение к обучению данной личности на НЭ. [1, с.90] Таким образом, цель исследования – определить особенности ЯЛ современных китайских учащихся, способствующие (или тормозящие) усвоение РЯ и профильных предметов по избранной специальности.

По мнению учёных, на НЭ обучения применительно к ПФ достигается «пороговый, или 1-й сертификационный уровень (РКИ-1) владения языком, предоставляющий возможность учащимся удовлетворять основные коммуникативные потребности в реальных ситуациях общения с носителями языка в бытовой и социально-культурной сферах общения, а также участвовать в учебном процессе на русском языке». [Щукин, Азимов 1996, с. 45] Как видим, цели НЭ обучения внушительны, а их достижение китайскими учащимися остаётся под вопросом. Чтобы понять причины этому, попытаемся определить некоторые черты ЯЛ современных китайских учащихся, приезжающих на обучение в Россию.

Как мы думаем, главными факторами, определившими содержание и структуру ЯЛ современного китайского учащегося, являются социальные и этнокультурные факторы. С одной стороны, в лингводидактике общеизвестны весьма положительные с точки зрения учебной деятельности черты личности, заложенные традиционной китайской культурой и конфуцианской системой образования. Это вежливость, воспитанность личности учащегося, сдержанность, скромность, умение слушать, способность к самостоятельной работе, опора ни книгу как источник знаний. С другой стороны, в семидесятых годах прошлого века Китай был вынужден провести демографическую реформу, позволяющую семье иметь только одного ребёнка. В связи с этим современный китайский молодой человек/девушка (в том числе и современные китайские учащиеся Китая и России), можно сказать, «ребёнок» данной реформы, причём ребёнок, осознающий себя «единственным» и неповторимым, «центром мироздания». Отсюда и его эгоцентричность. Это привело к тому, что даже в своей родной среде, в условиях Китая, китайская молодёжь не отвечает тому «портрету», который обычно рисуют в отношении китайцев. Так, в настоящее время мотивация поведения молодых китайцев определяется, главным образом, прагматическими целями, постепенно вытесняя такие присущие конфуцианской культуре нравственные качества, как взаимопомощь, сочувствие, доброжелательность. Наряду с этим формируются такие отрицательные черты, как отсутствие приспособленности к повышенным психологическим нагрузкам; слабая ориентировка в новых условиях; ограниченный круг интересов, ориентированность на конкретный, опредмеченный, мир, затруднения в восприятии отвлеченных, абстрактных понятий и т.д.

Все эти, описанные выше, особенности современной ЯЛ китайского учащегося проявляются и в условиях России и отрицательно сказываются на

их межкультурном общении, в том числе и учебном речевом взаимодействии. Так, мы выделяем три группы трудностей, связанных с ЯЛ современного китайского учащегося: 1) трудности социального характера: коммуникативные барьеры, связанные с социальными, территориальными и этнокультурными различиями данных учащихся; несоблюдение культурных норм общения с ровесниками и старшими (в том числе и преподавателями); вузовские перегрузки, связанные с насыщенностью программ ПФ; отсутствие систематического контроля, к которому учащиеся привыкли в рамках отечественной школы и т.д.; 2) трудности психологического и психолингвистического характера, среди которых наиболее часто встречающимися являются: а) отсутствие достаточных волевых качеств в достижении результата; б) слабое произвольное внимание, мешающее учащемуся сосредоточиться на предмете учебного взаимодействия; 3) языковые проблемы, связанные: а) с содержанием и структурой ЯЛ учащегося; б) с отсутствием последовательной национально ориентированной педагогической стратегией, учитывающей вышеизложенные (и иные) особенности ЯЛ.

Безусловно, практика показывает, что существуют и чисто языковые трудности (фонетические, грамматические лексические), но это, как мы понимаем, является отдельной темой исследования.

Литература.

1. Бобрышева И.А. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап): Дис. ...канд. пед. наук: 13.00.02. М., 1996.
2. Ван Лися, Л.П. Мухаммад. Описательный текст в учебном процессе китайских студентов-филологов (начальный этап обучения):// Российский научный журнал. Москва, 2017. № 4 (18).
3. Вэнь Яо. Специфика организации языкового материала при обучении китайских студентов-филологов (уровни А1-А2): магистерская диссертация. М., 2014.
4. Щукин А.Н., Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов понятий. М., 2009.

Lin Xiaoyue

LINGUODICALLY FEATURES OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE CHINESE STUDENT OF THE INITIAL STAGE OF TRAINING

Abstract. The article is devoted to the identification and description of linguodidactically significant features of the language personality (further: YaL) of the Chinese student studying the Russian language (RJ) in the pre-university period in the conditions of Russia (ie at the initial stage of teaching the language).

Key words: Linguistic person; Chinese student; initial stage.

КУЛИНАРНЫЙ РЕЦЕПТ КАК ВИД АУТЕНТИЧНОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. В данной статье рассматриваются лексико-грамматические особенности текстов кулинарных рецептов на русском языке. Аутентичные рецепты анализируются с точки зрения возможности их использования на уроках русского языка как иностранного в качестве источника не только лексико-грамматического, но и лингвокультурного материала.

Ключевые слова: аутентичный текст; кулинарный рецепт; лексика; грамматика.

Одной из ключевых проблем при обучении иностранным языкам является подбор материала, наиболее полно отвечающего целям обучения. Тексты, вне зависимости от их стиля и жанра, являются неотъемлемой частью процесса обучения иностранному языку. Тексты, представленные в учебниках иностранного языка, бывают двух видов: аутентичные (созданные носителями языка для носителей языка) и адаптированные (облегченные, созданные на основе какого-либо литературного произведения для изучающих иностранный язык на начальном этапе обучения). Вопрос о том, когда и в каком объеме следует вводить аутентичные тексты, является довольно спорным и по сей день.

Тексты не только служат образцами употребления тех или иных грамматических моделей или слов, но и содержат в себе культурные компоненты, которые дают обучающимся некое представление о культуре страны изучаемого языка, ее обычаях и традициях, а также о менталитете ее граждан.

Кулинарные блюда и традиции народов других стран всегда представляют интерес для обучающихся вне зависимости от того, для каких целей они изучают иностранный язык. Согласно Европейской системе уровней владения языком, уже на уровне А1 (элементарный уровень) учащийся должен уметь удовлетворять элементарные коммуникативные потребности в ограниченном числе ситуаций повседневного общения [2]. Поскольку потребность в еде является неотъемлемой частью жизни любого человека, овладение «кулинарной» лексикой (названия овощей и фруктов, продуктов питания и напитков, столовых приборов и посуды, операции, связанные с приготовлением пищи и т.д.) значительно облегчает жизнь в бытовом плане.

Понятно, что овладеть такой лексикой можно с помощью текстов кулинарных рецептов. Несмотря на то, что кулинарный рецепт — явление достаточно редкое для учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному (РКИ), аутентичный текст рецепта можно успешно применять на уроках для усвоения новых лексико-грамматических конструкций, закрепляя их употребление на практике путем приготовления блюда по этому рецепту.

Прежде чем рассматривать кулинарный рецепт с точки зрения лексики и грамматики, необходимо дать определение рецепту и обозначить его основные характеристики. Слово «рецепт» входит в состав интернациональной лексики в русском языке. В Словаре русского языка С.И.Ожегова находим следующие значения этого слова: 1. Предписание врача о составе лекарства, об изготовлении какого-н. лечебного средства и о способе применения его больным; 2. Способ приготовления чего-н., а также (перен.) способ действовать каким-н. образом [1, с.590]. В данном случае нас интересует второе значение, из которого мы можем сделать вывод о том, что кулинарный рецепт представляет собой инструкцию по приготовлению какого-либо блюда.

В подтверждение этому находим следующее определение: «Кулинарный рецепт — руководство по приготовлению кулинарного изделия. Содержит информацию о необходимых пищевых продуктах, их пропорциях и инструкциях по смешиванию и обработке. Кулинарные рецепты описывают механическую и тепловую обработку ингредиентов, способы сервировки готовых изделий»[3].

Любой текст имеет ряд характеристик. Если рассматривать кулинарный рецепт как текст, то, как уже было отмечено ранее, он представлен в жанре инструкции и относится к официально-деловому стилю, для которого характерны сжатое изложение материала, отсутствие эмоционально-экспрессивных речевых средств, повествовательный характер изложения и т.д. В подтверждение данного утверждения перечислим характерные черты, присущие современному кулинарному рецепту: название (часто и национальная принадлежность) блюда; ориентировочное время приготовления; список необходимых для приготовления блюда ингредиентов, их количество и пропорции; необходимые условия и оборудование; пошаговая инструкция по приготовлению блюда; метод сервировки (украшение блюда и его подача на стол) [3].

Безусловно, в настоящее время существует множество авторских рецептов, которые отражают опыт автора и могут отклоняться от общепринятых формулировок, но стандартные рецепты из кулинарных книг или периодических изданий (газет и журналов) довольно похожи по структуре и не требуют адаптации.

Какую же информацию можно извлечь из кулинарного рецепта на русском языке? Если ориентироваться на вышеперечисленные характеристики, то кулинарный рецепт можно рассматривать в двух плоскостях: лексической (ингредиенты, оборудование) и грамматической (инструкция по приготовлению и сервировке), однако более целесообразно иметь дело с этими двумя плоскостями одновременно.

Например, в русском рецепте список ингредиентов, как правило, располагается непосредственно перед инструкцией и может быть представлен в двух видах: 1) ингредиент (в именительном падеже) — количество (мука — 1 стакан); 2) количество ингредиента, ингредиент (в родительном падеже) (1 стакан муки).

Поскольку инструкция по определению предполагает некий порядок действий для достижения какого-либо результата, то для нее, как и для кулинарного рецепта, характерен императив, причем он может быть выражен не только формой повелительного наклонения (смешайте все ингредиенты), но и имплицитно, с помощью инфинитивов (овощи помыть, нарезать кубиками). И в том, и в другом случае можно рассмотреть такой аспект, как вид глагола, причем можно подобрать такой рецепт, где эти видовые различия будут отчетливо видны и подойдут для иллюстрации различных случаев их употребления, например, выражение процесса (несовершенный вид) и однократного действия или последовательности действий (совершенный вид): 1) овощи положить (СВ) в кастрюлю и варить (НСВ) на медленном огне 10 минут; 2) белки отделите (СВ) от желтков, выложите (СВ) в глубокую миску и взбивайте (НСВ) до образования устойчивых пиков.

Помимо видов глагола в рецептах можно отследить ряд глаголов с различными приставками, а также разобраться в различиях их значений, например, резать, нарезать, вырезать, порезать, надрезать, срезать и т.д.

Благодаря большому разнообразию рецептов можно легко выбрать те из них, которые соотносятся с грамматической или культурологической темой урока, а также уровнем языковых навыков учащихся. Таким образом, аутентичные кулинарные рецепты можно широко использовать как вспомогательный материал на уроках русского языка как иностранного.

Литература

7. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов/ Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., – 1984. – 797 с.

8. Европейская система уровней владения иностранным языком — МФТИ (ГУ) URL: https://mipt.ru/education/chair/foreign_languages/articles/european_levels.php (дата обращения: 14.03.2018)

9. Кулинарный рецепт — Словари и энциклопедии на Академике URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/182788> (дата обращения: 14.03.2018)

Romanchikova N.M.

COOKING RECIPE AS AUTHENTIC TEXT TYPE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article deals with lexico-grammatical features of Russian cooking recipes. Authentic cooking recipes are analyzed in the context of their possible use in teaching Russian as a foreign language as a source of lexico-grammatical and linguocultural information.

Key words: Authentic text; cooking recipe; lexis; grammar.

Садекова София Равилевна
магистрант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
sonyasadekova@gmail.com

«ИНСТАГРАМ» КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ РКИ

Аннотация. В статье рассматривается социальная сеть «Инстаграм» и ее использование в преподавании РКИ в качестве многофункциональной среды обучения.

Ключевые слова: интернет-пространство, обучение РКИ, социальная сеть, «Инстаграм», образовательный аккаунт.

В современном мире интернет-среда развивается с молниеносной скоростью. Не секрет, что различные сферы человеческой деятельности тесно связаны с интернет-пространством, и сфера образования не является исключением. В связи с этим Интернет можно и нужно считать полноправным дидактическим средством и многофункциональной средой обучения.

Наличие таких современных форм и средств обучения, как вебинары, дистанционные курсы, авторские онлайн-уроки, образовательные порталы, учебные мобильные приложения, является одним из способов реализации использования интернет-пространства в обучении РКИ. Но все выше перечисленное уже широко известно и интегрировано в сферу образования и науки, мы же хотим осветить новое явление в области обучения РКИ – обучение посредством социальной сети «Инстаграм».

«Инстаграм» – это одна из самых популярных социальных сетей нашего времени. Она позволяет обмениваться фотографиями и короткими видеороликами, которые пользователь может сопроводить текстом, помимо этого к фото и видео пользователь может применить различные фильтры и распространить любой свой пост через собственный сервис или через другую социальную сеть. Согласно статистике администрации данного сервиса от 26 сентября 2017 г., число активных пользователей социальной сети «Инстаграм» увеличилось до 800 млн чел. и стремительно приближается к миллиарду.

Пользователи со всего мира общаются при помощи этой социальной сети. Для того, чтобы следить за постами определенного пользователя в «Инстаграме», нужно быть на него подписанным – тогда вы будете видеть его записи в своей ленте.

Все информационное содержание этой социальной сети, т.е. ее контент, можно поделить на три вида: продающий, развлекательный и информаци-

онный. Нам интересен именно информационный контент. Он должен быть чем-то полезен пользователям. Это может быть бизнес аккаунт, в котором пользователь рассказывает о жизни своей компании или о продукте, который он производит; новостной аккаунт; торговый аккаунт, через который пользователи могут приобрести тот или иной товар и образовательный аккаунт, целью которого является обучение и просвещение его целевой аудитории.

Образовательных аккаунтов, связанных с обучением РКИ, на сегодняшний момент не так уж и много. Для ознакомления нами были отобраны 3 из них, специализирующихся на обучении РКИ.

- *Metodicarki* – данный образовательный аккаунт принадлежит Учебному центру русского языка МГУ им. М.В. Ломоносова. В основном администрация аккаунта общается со своей аудиторией при помощи визуального контента: в профиль выкладываются изображения, содержащие правила русского языка, сложные случаи употребления или образования слов, орфоэпические нормы русского языка и т.п. Периодически в аккаунте появляются посты, в которых администрация знакомит свою аудиторию с различными учебниками и учебными пособиями по РКИ, а также с преподавательским составом учебного центра. К сожалению, администраторы данного профиля не дают никакого сопроводительного комментария к своему визуальному контенту (кроме постов об учебниках, учебных пособиях и преподавательском составе). Количество подписчиков – 1451.

- *Rki_for_everyone* – этот образовательный аккаунт сильно отличается от первого. Здесь пользователь может найти грамматические таблицы, фразеологизмы, паронимы, пословицы и поговорки русского языка. К сожалению, не все публикации имеют сопроводительный комментарий, но некоторые материалы сопровождаются аудиозаписями. Аккаунт ведется администратором на двух языках – русском и английском. Также следует отметить, что администратор этого профиля активно общается со своей аудиторией, что является несомненным плюсом для аккаунта такого рода. Количество подписчиков – 1199.

- *Rki_today* – это сравнительно новый образовательный аккаунт, который предоставляет своим пользователям достаточно информативные посты.

Каждый пост состоит из изображения или серии изображений, аудиозаписи и сопроводительного комментария на двух языках – русском и английском. Администратор аккаунта активно общается со своими пользователями и мотивирует их к общению на русском языке. Остается надеяться, что этот образовательный аккаунт будет развиваться дальше. Количество подписчиков – 369.

Ознакомившись с данными образовательными аккаунтами, мы пришли к выводу, что они активно развивают новую форму обучения РКИ посредством социальной сети «Инстаграм», о чем свидетельствует количество подписчиков этих профилей. Однако у каждого из них есть свои недочеты, но мы уверены,

410 | что с ростом подписчиков эти аккаунты будут расти и совершенствоваться, а может быть появятся и другие, подобные им профили.

Обучение РКИ при помощи сети «Инстаграм» – это малоизученная и многофункциональная среда обучения. Использование данной социальной сети откроет перед преподавателями РКИ абсолютно новые возможности: любой педагог может создать отдельный закрытый профиль для своих учеников и выкладывать туда дополнительные материалы, ссылки на интересные сайты по изучению РКИ, всевозможные видеоролики и аудиозаписи, фотографии, свои собственные видео лекции, домашние задания и многое другое, что существенно повысит мотивацию учеников и только усилит их интерес к изучению русского языка; также можно создать открытый профиль и начать свой собственный блог по обучению РКИ, куда можно будет выкладывать информацию о том, какого это быть преподавателем русского языка как иностранного, с чего нужно начать, какие учебные пособия использовать и т.п.

Если задуматься, то грамотное использование этой социальной сети только поможет как педагогу, так и учащимся в обучении и изучении РКИ. Во-первых, это разнообразит учебную деятельность, во-вторых, повысит мотивацию учащихся, в-третьих, обогатит формальный учебный материал, к которому имеют доступ учащиеся.

Литература

1. Деревяшкина Н.М., Новгородцева Т.Ю. Информационные технологии в науке и образовании : учеб. пособие. Ч. 1. Иркутск, 2007.
2. Полат Е.С. Интернет на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2001. № 2–3.
3. Подшивалова Е.А. Интернет-ресурсы в преподавании русского как иностранного // XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». - М., 2009.
4. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иностранному говорению. М., 1991.
5. Нетология [Электронный ресурс]: сайт – URL: <https://netology.ru/blog/instagramkontent> (дата обращения: 06.02.2018).

Sadekova S.R.

INSTAGRAM AS A MEAN OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. In the article author observes social network Instagram, its using in teaching and learning Russian as a foreign language as a multifunctional educational environment.

Key words: Internet space, learning Russian as a foreign language, social network, Instagram, educational account.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ДРАМАТИЗАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультуроведческий, языковой, речевой и коммуникативный потенциал русских народных сказок как формы реализации технологии драматизации при обучении русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, метод драматизации, сказка, мультисенсорный подход, инновационные технологии обучения, лично-ориентированное обучение.

В рамках дисциплины «Русский язык как иностранный» (РКИ) преподаватель на занятиях часто обращается к текстам (или фрагментам текстов) из русской классической литературы. Большим потенциалом для развития и закрепления языковых и речевых навыков обладает русская народная сказка, что не случайно, поскольку именно с этого жанра начинается, как правило, процесс освоения родного языка русскими детьми. Сказка является продуктом коллективного сознания, в то же время сама создаёт его. Сказка – эффективный инструмент формирования различных составляющих коммуникативной компетенции учащихся: культурно-страноведческой, лингвокультуроведческой, языковой, речевой. Рассмотрим эти возможности подробнее.

Сказки – уникальный источник крылатых выражений и моделей бытовых ситуаций, происхождение которых иностранцу обычно неизвестно: битый небитого везет; в некотором царстве, в некотором государстве; в воде не тонет и в огне не горит; высоко сажу, далеко гляжу; жили-были; жить-поживать и добра наживать; за тридевять земель; ни в сказке сказать, ни пером описать; пир на весь мир; поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что; полцарства и коня в придачу; по сусекам поскребла; по усам текло, а в рот не попало и др. Важно то, что каждое из этих выражений связано с определенной ситуацией, часто воспроизводимой в речи носителей языка. Чтобы правильно понимать такие фразы, нужно быть знакомым с контекстами, в которых они встречаются. Чтение сказок дает ключи к пониманию расхожих образов и выражений и помогает иностранцу встраиваться в русскую культурную

412 | среду [1]. При чтении произведений данного жанра в иностранной аудитории возникает диалог культур. Учащиеся вспоминают похожие сюжеты своих национальных сказок, проводят аналогии, находят различия.

Русская сказка тесно связана с другим фольклорным жанром – поговоркой, представляющей большую познавательную ценность для изучающих язык и культуру какого-либо народа. Сказка – естественный контекст, в котором поговорка достаточно полно раскрывает свое содержание. Некоторые поговорки повторяются в различных сказках и благодаря этому обретают широкую популярность: Семь бед – один ответ; Нет худа без добра; Утро вечера мудренее; Чему быть, того не миновать и т.п.

Острсюжетный характер сказки и эмоциональная окрашенность ее образов способствует развитию речи и мышления учащихся. Эффективно здесь обращение к волшебным сказкам («Царевна-лягушка», «По щучьему велению», «Морозко», «Сивка-Бурка», «Иван Царевич и серый волк»), которые, благодаря ярким и необычным сюжетам, вызывают особый интерес учащихся, легко запоминаются, надолго сохраняясь в памяти. Удачны и удобны для использования на занятии сказки о животных («Теремок», «Кошкин дом», «Три медведя», «Колобок» и др.). Каждое животное-персонаж в таких сказках является символом, носителем тех или иных черт характера (лиса – хитрость, лживость, лживость; заяц – трусость, доброту; волк – жадность, злобу; медведь – добродушие, неуклюжесть, обжорство и т.д.) и представляет собой яркий, легко запоминающийся образ. Иностранцу полезно узнать, что мы имеем в виду, когда называем кого-либо лисой, медведем или говорим, что у человека заячья душа. Таким образом, сказке принадлежит немаловажная роль в формировании культурно-страноведческой и лингвокультуроведческой компетенций иностранных учащихся.

Сказка интерактивна по своей природе, вызывает сопереживание, поскольку ситуация и герои минимально дистанцированы от читателя или слушателя и вызывают у последних ассоциации с тем или иным персонажем. Это побуждает формировать и высказывать собственное критическое отношение к героям, их поступкам и самим ситуациям, представленным в сказках. Особенно это касается сюжетов, где герой – глупец, лентяй и неряха – незаслуженно получает награду. Здесь сказка, несомненно, выполняет воспитательную функцию. Произведения этого жанра являются наглядным иллюстративным материалом при изучении тематической лексики и способствуют максимально эффективному и естественному усвоению единиц в контексте, в котором они существуют органично. Например, вводя лексемы на тему «характер человека», удобно включать в учебный процесс русские сказки о животных, где лиса всегда хитрая, волк жадный, глупый и злой, заяц трусливый. Или вспомнить социально-бытовые сказки, персонажи которых тоже являются носителями определенных черт и качеств. Так,

солдат – хитрый, находчивый, умный, смелый, предприимчивый, а поп – жадный и глупый. Бытовые сказки, являя собой модель обычной жизненной ситуации, также позволяют познакомить учащихся с реалиями старинного русского быта (котел, изба, горшок, кузница, печь, молот и т.д.), обеспечить усвоение единиц-наименований членов семьи («Репка», «Курочка Ряба», «Жена-спорщица» и др.).

Народная сказка – ценный фонд многих особенностей разговорной речи. В текстах этого жанра сохранены диалоги, содержащие частотные речевые модели, знакомясь с которыми учащиеся осваивают различные способы выражения основных интенций (желание /нежелание, совет, оценка, осуждение, восхищение, согласие / несогласие, просьба, приказ и т.д.). В этой связи сказки становятся мощным инструментом формирования и развития коммуникативной компетенции иностранных студентов. В силу своего событийного характера сказка содержит большое количество глаголов. Поэтому все лексико-грамматические темы, связанные с ними, такие как спряжение, образование форм прошедшего и будущего времени, вид, глагольное управление и др., изначально заложены в материале сказок, органически связаны с их сюжетной спецификой и могут изучаться как по отдельности, так и комплексно.

Например, русская народная сказка «Репка», изобилующая глаголами и разнообразными их формами, позволяет включать в учебный процесс следующие задания: 1. Назвать (выписать) глаголы совершенного и несовершенного видов («посадил», «выросла» - сов. вид, «тянут» - несов. вид). 2. Найти в сказке глаголы-синонимы, обозначающие звательный процесс («позвала» бабка внучку – «кликнула» внучка Жучку). 3. Найти в начале сказки бесприставочно–приставочную пару однокоренных глаголов (тянут – потянут). Вспомните, в каких еще сказках встречались вам похожие пары (сказка «Теремок»: стала Мышка «жить – поживать»).

Хорошо известно, что для иностранных студентов особую трудность представляет усвоение глаголов движения. В этой связи актуально использовать не только традиционные формы упражнений по отработке этой темы, но и всё больше внедряемые в практику обучения РКИ инновационные форматы [2]. В сказках, особенно в волшебных, нередко встречается сюжет-путешествие, основанный на пространственном перемещении героев. Они идут, едут, бегут, плывут, лезут и даже летят, часто вместе с какими-либо предметами, которые они несут, везут, тянут, тащат и т.п. Такое богатство глаголов движения, как приставочных, так и бесприставочных, позволяет практически в неизменном виде использовать их при изучении этой темы.

Сказки окажутся полезными при изучении синтаксиса сложного предложения. На материале сказок можно продемонстрировать учащимся особенности сложноподчиненных предложений с различными отношениями:

414 | изъяснительными, обстоятельственными, особенно времени: «Только дошли, вор тотчас и украл царевну»; «Поутру, лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему»; «Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал». Встречаются сложные предложения с союзом пока не, употребление которого вызывает трудности у иностранцев: «ухватил царевну за косы и до тех пор волочил ее по дому, пока не покаялась» [4, 5]. Широко распространены сложные предложения с уступительными отношениями, особенно предложения с союзными средствами типа как ни, сколько ни, куда ни, где ни и т.п.: «Куда ни полезет, а что-нибудь разобьет или из кувшина прольет»; «Родная что ни сделает, за все ее гладят по головке»; «Как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли» и т.п. [4, 5]. Условные отношения нередко выражаются в сказках бессоюзными сложными предложениями различных типов: «Достанешь – золотом-серебром награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч»; «Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился» [4, 5] и т.п.

Оптимальным способом введения сказки в структуру занятия можно считать применение технологии драматизации, в частности использование кукольного театра. Куклы (особенно перчаточные) прекрасно организуют внимание учащихся, являются эффективным контактоустанавливающим средством. В такой ситуации учащийся становится ее непосредственным участником. Такая технология полностью отвечает требованиям мультисенсорного подхода, так как моторная, мимическая активность при воссоздании различных ситуаций сказочного сюжета сопровождает у учащихся речевую, что соответствует принципам демонстрирующей (зрительной) наглядности в процессе обучения.

Опыт применения описанной технологии в группе китайских студентов показал, что включение в процесс обучения РКИ русской народной сказки как формы реализации технологии драматизации позволяет прийти к следующим результатам:

1. Максимально реализуются базовые положения личностно ориентированного обучения: каждый студент в полной мере получает возможность проявить свою самобытную личность, все свои способности, раскрыть творческий потенциал. Тот факт, что в сюжете сказки принципиально важен каждый герой, позволяет каждому учащемуся осознать свою важность и нужность.

2. Расширяется ролевой репертуар учащихся, обогащается их эмоциональная сфера, развиваются мелкая моторика, память, внимание, мышление и воображение. Мягкий юмор этих произведений вызывает улыбку у учащихся, способствует созданию непринужденной атмосферы на уроке.

3. Подготовка и реализация сказочного спектакля предусматривает коллективную работу преподавателя и студентов, придавая процессу обучения языку диалого-полилогический характер вместо традиционного монологического [3].

4. Условно коммуникативная направленность такой работы способствует усилению внеречевой мотивации речевых действий, что соответствует принципам личностно деятельностного подхода. Разыгрывание различных ситуаций сказки способствует формированию коммуникативной компетенции учащихся [3].

5. Активное участие в подготовке и реализации спектакля по сказке доставляет удовольствие учащимся, они видят результат проделанной работы, что способствует повышению мотивации к изучению русского языка, а также уверенности в себе. Такая форма организации учебного процесса позволяет создать максимально творческую и ненапряжённую обстановку, вовлекая в активный процесс самых замкнутых и молчаливых учащихся.

6. Поскольку такая деятельность предполагает совместную работу преподавателя и всех учащихся, то у ее участников активно формируются коллективистские качества, студенты приучаются к сотворчеству, развивается чувство ответственности за совместный результат (сказочный спектакль).

Таким образом, сказка, вводимая на занятии РКИ для реализации драматической технологии, является эффективным способом формирования и развития всех составляющих коммуникативной компетенции иностранных учащихся: культурно-страноведческой, лингвокультуроведческой, языковой и речевой.

Литература

1. Барсукова–Сергеева О.М. Русская народная сказка как инструмент формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся // Русский язык за рубежом. – 2013. - № 4. - С.28-35.
2. Ельникова С.И. Упражнения в практике преподавания РКИ: привычный формат и новая реальность // Русский язык за рубежом. – 2017. - № 2. – С. 27-31.
3. Лешутина И.А. Развитие коммуникативной компетенции иностранных учащихся: интерактивные формы внеаудиторной работы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – СПб., 2014. – С. 94-98.
4. Народные русские сказки / Составитель А.Н. Афанасьев. - М., 1976.
5. Русские народные сказки. – Краснодар: Изд. «Улыбка», 2013.

Saifeeva K.M.

RUSSIAN FOLK TALE AS A FORM OF DRAMA TECHNIQUE ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article discusses some of the methodological techniques of the Russian folk tales text use as a form of drama technique for the linguistic, grammatical and cultural purposes in teaching Russian as a foreign language.

Key words: Russian as a foreign language drama, Russian folk tale, multisensory approach, innovation technologies in teaching, personality-oriented teaching.

Сорокина Юлия Владимировна
магистрант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
juliyavladimirovna.s@gmail.com

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ УЧЕБНИКА

Аннотация. В статье представлена история развития теории учебника в России.

Ключевые слова: учебник, теория учебника, история развития.

Еще в 1637 году был издан первый печатный учебник «Новый и простой метод изучения французской грамматики» П.Фесту, после чего в 1696 году в свет вышла печатная книга «Русская грамматика» Г.-В. Лудольфа. В дальнейшем учебник прочно занял лидирующие позиции в практике обучения русскому языку как иностранному.

В отечественной педагогике огромное влияние на развитие теории учебника оказал К.Д. Ушинский, который написал что-то действительно новое. Его учебник «Родное слово» учитывал интересы детей, посильность информации, умственное развитие школьников. Основные принципы построения «Родного слова» до сих пор используются современными методистами.

В СССР особое внимание уделялось содержанию учебников, так как содержание образования имело очень высокое значение. Среди выдающихся людей, которые внесли тот или иной вклад в развитие теории учебника, можно выделить Ф.П. Коровкина, Н.К. Крупскую, П.П. Блонского, Е.И. Перовского, Н.А. Менчинскую и многих других. Так, Н.К. Крупская утверждала, что учебник «должен быть построен так, чтобы всякий мог взять его и самостоятельно учиться по нему» [1, с. 32]. Учебник становится автономным средством обучения, которое в свою очередь имеет особые требования к построению материала.

Однако в 1934 году выходит постановление об унификации учебной литературы, сводя многообразие учебников к одному единственному варианту.

Наиболее интенсивное развитие теории учебника приходится на 70-80 гг. XX в. Можно выделить следующих авторов Д.Д. Зуев, В.П. Беспалько, В.В. Краевский, В.С. Цетлин, М. Бондаренко, Л.Я. Зорина, С.Г. Шаповаленко и других. Именно в этот период у учебника появились различные трактовки. С.Г. Шаповаленко определяет учебник как средство для усвоения основ наук, которое предназначено для обучаемых, а В.В. Краевский утверждает, что в учебнике представлена не только деятельность обучаемого, но и предполагаемая деятельность преподавателя. Д.Д. Зуев утверждает, что учебник

объединяет в себе предметное содержание образования и виды познавательной деятельности, которые должны быть усвоены учащимися с учетом их возрастных или иных способностей [4, с. 330]. В.П. Беспалько утверждает, что учебником может считаться любой материальный носитель: контрольно-обучающие электронные устройства, фильмы, аудиовизуальные курсы, обучающие компьютерные программы, аудиозаписи. В качестве модели процесса обучения учебник учитывает цели и задачи обучения, дидактические принципы и различные технологии обучения [2, с. 59].

В начале 1990-х годов единая система учебников была отменена, теперь для каждого предмета можно было выпускать несколько учебников, что в свою очередь привело к появлению большого количества издательских домов, которые до сих пор специализируются на образовательной литературе.

Проблема теории и практика создания новых учебников и учебных комплексов до сих пор остается актуальной. Это связано с тем, что в методике отсутствуют основы, которые могли бы в полной мере раскрыть сущность коммуникативной природы языка и индивидуальных особенностей овладения им. Так М.Н. Вятютнев утверждает, что «создание целостной теории учебника иностранного языка – это объемная, многоаспектная и сложная задача, которая может быть выполнена объединенными усилиями представителей нескольких наук, имеющих прямое или косвенное отношение к исследованию проблем преподавания иностранных языков» [3, с. 83].

Появление Федеральных государственных стандартов, которые повлияли на предъявление высоких требований к учебникам, позволяют по новому взглянуть на проблемы теории учебника. Он должен способствовать развитию аналитико-синтетической деятельности и самостоятельности, а не считаться только инструментом предоставления знаний.

В последнее время электронные образовательные ресурсы все больше внедряются в учебный процесс. Так и по дисциплине русский язык как иностранный компьютерные технологии стали неотъемлемой частью учебного процесса.

Современный электронный учебник РКИ – электронное издание, содержащее в себе информативную и методическую базу обычного бумажного издания, которое в то же время соответствует требованиям нового Государственного стандарта.

Использование различных мультимедийных технологий и гипертекста, особая модульная организация, которая реализует все виды речевой деятельности – только малая часть возможностей современных электронных учебников.

С помощью дистанционного обучения можно освоить целый учебный курс. Однако не стоит путать его с электронным учебным пособием, главной задачей которого является изучение темы или раздела. Таким образом,

418 | электронный учебник выполняет функцию «репетитора», то есть каждый учащийся может найти свой путь изучения иностранного языка.

Некоторые методические задачи могут быть решены только в электронном учебнике, так как они способствуют максимальному погружению в языковую среду:

- обучение на основе аудиовизуальной информации;
- моделирование искусственной речевой среды;
- использование видеоматериалов для создания проблемных ситуаций;
- спонтанное говорение для решения различных задач [5, с. 44].

Таким образом, в последние годы появилась проблема плюрализма учебников, которых стало слишком много. Порой преподавателям сложно выбрать подходящий из огромного числа имеющихся. В настоящее время выдвигаются предложения по сокращению числа учебников. Кроме того, необходимо отметить, что электронные учебники даже лучше чем обычные учебники способствуют развитию всех видов речевой деятельности, формируют языковую компетенцию и значительно увеличивают эффективность обучения русскому языку как иностранному.

Литература

1. Беспалько В.П. Теория учебника. – М.: Педагогика, 1988. – 160 с.
2. Беспалько, В.П. Основы теории педагогических систем (Проблемы и методы обучающих систем) [Текст] / В.П. Беспалько. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. – 59 с.
3. Вятютнев М.Н. Традиции и новации в современной методике преподавания русского языка // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. VI международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. – М., 1986. – 83 с.
4. Зув Д.Д. Термины и их определения // Проблемы школьного учебника. М. – 1980. – Вып. 8. – 330–335 с.
5. Полат Е.С. Новые педагогические технологии. — М., 1999. – 44 с.

Sorokina Y.V.

HISTORY OF THE THEORY OF THE TEXTBOOK

Abstract. The paper presents history of the theory of the textbook in Russia.

Key words: Textbook, the theory of the textbook, history of development.

СЮЖЕТНО-РОЛЕВАЯ ИГРА НА ЗАНЯТИЯХ РКИ КАК МЕТОД РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье говорится об особенностях использования ролевых игр на занятиях по русскому языку как иностранному. Предлагаемая в статье ролевая игра «Суд присяжных» направлена на развитие коммуникативных способностей учащихся и рассматривается как дополнение к основному обучению.

Ключевые слова: игровые технологии, русский язык как иностранный, ролевая игра.

Игра – понятие общенаучное, поэтому в зависимости от того, где используется (в философии, истории культуры, педагогике, психологии, социологии или этнографии), она имеет разные толкования. По определению М.Ф. Стронина, «игра - это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением» [6, с. 15]. Главное отличие игры от других видов деятельности в том, что ее предметом является сама человеческая деятельность, «игрой человека, – отмечает Д.Б. Эльконин, – является такое воссоздание человеческой деятельности, при котором из нее выделяется ее социальная, собственно человеческая суть – ее задачи и нормы отношений между людьми» [7, с. 18]. Значение игры невозможно исчерпать, в том и состоит ее феномен, что, являясь развлечением, отдыхом, она способна перерасти в обучение, в творчество, в терапию, в модель типа человеческих отношений и проявлений в труде, воспитании.

В отечественной педагогике и психологии проблему игровой деятельности разрабатывали такие ученые как К.Д. Ушинский, П.П. Блонский, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, в зарубежной - З. Фрейд, Ж. Пиаже и мн. др. В их трудах исследована и теоретически обоснована роль игры в онтогенезе личности, в развитии основных психических функций, в самоуправлении

420 | и саморегулировании личности, наконец, в процессах социализации - в усвоении и использовании человеком общественного опыта.

В последние десятилетия такие ученые, как А.Н. Щукин, М.Н. Коньшева, Е.И. Пассов, И.В. Вронская, занимающихся методикой обучения иностранным языкам, справедливо обращают внимание на эффективность использования игрового метода обучения [1, 3].

Обучающие игры помогают сделать процесс обучения иностранному языку интересным и творческим. Они дают возможность создать атмосферу увлеченности и снимают усталость учеников на занятии [4]. В любой вид деятельности на уроке иностранного языка можно внести элементы игры, и тогда даже самое скучное занятие приобретает увлекательную форму.

Если взять во внимание тот факт, что игра для детей является ведущим видом деятельности, то можно предложить использовать в качестве обучающей технологии игру, позволяющую создать ситуацию, в которой ученик обязательно должен участвовать. К такому виду игр относятся сюжетно-ролевые игры, различные подвижные, мимические и пальчиковые игры. К контексте игры видоизменяется и сопровождающая система упражнений: традиционный формат меняется инновационными приемами работы [2].

Итак, ролевая игра – методический прием, относящийся к группе интерактивных способов обучения практическому владению иностранным языком. Ролевая игра представляет собой условное воспроизведение ее участниками реальной практической деятельности людей и создает условия реального общения, эффективность обучения в данном случае обусловлена повышением мотивации и интереса к предмету [5]. Ролевая игра мотивирует порождение речевой деятельности, так как обучаемые оказываются в ситуации, когда актуализируется потребность что-либо сказать, спросить, выяснить, доказать, чем-то поделиться с собеседником.

Сюжетно-ролевые игры достаточно широко применяются в учебном процессе на уровнях начального, среднего и высшего образования. Их проведение включает несколько этапов: подготовительный этап, этап проведения игры и этап подведения итогов.

Первый этап, подготовка к ролевой игре, предполагает, что преподаватель должен учитывать следующие положения: во-первых, ролевая игра должна быть значима для учащихся. Во-вторых, необходимо брать такие ситуации, которые могут быть решены в рамках занятия. В-третьих, крайне важна предварительная подготовка участников игры, которую следует проводить во внеурочное время либо непосредственно для этого выделяется время на занятии.

Второй этап, проведение ролевой игры, также имеет определенную последовательность действий. В самом начале занятия преподаватель сообщает тему игры и обозначает игровую ситуацию и вместе с обучающимися

обсуждает актуальность разыгрываемой ситуации, дает инструкции о ходе игры. Преподаватель должен максимально доступно изложить правила и убедиться, что все понимают инструкцию правильно. Затем происходит распределение ролей, если остаются не занятые в игре учащиеся группы, то им можно предложить отдельное задание: можно создать группу наблюдателей, которые будут отслеживать вербальное и невербальное поведение участников ролевой игры, как они взаимодействуют и как решают поставленную перед ними задачу. После этого организуется ситуация, размечается пространство и вводятся роли, активные участники действуют в соответствии со своими ролями и полученной информацией. По ходу ролевой игры наблюдатели и преподаватель не вмешиваются в действия участников, но делают методические заметки для последующего комментирования.

Третий этап, подведение итогов игры, проводится наблюдателями или преподавателем на основе анализа выполнения каждым участником его роли, фиксируется эмоциональная реакция каждого из играющих; преподаватель излагает факты, сведения, сопоставляя их с эмоциональными реакциями играющих учащихся. Учащийся получает оценку за качество проигрываемой имитируемой ситуации и правильность ответов на вопросы, связанные с анализом проимитированной ситуации, а также с проверкой качества усвоения теоретических знаний. В этих целях учащемуся могут быть предложены дополнительные вопросы.

В данной статье нами предлагается вариант сюжетно-ролевой игры для учащихся, владеющих русским языком на уровне В2-С1.

ИГРА «СУД ПРИСЯЖНЫХ»

Тема игры:

- социальные отношения в коллективе;
- проблема преступления и наказания;
- взаимоотношение бедный и богатых;

Цель игры: развитие коммуникативной компетенции, развитие навыков моделирования ситуации.

Задачи игры:

- научиться правильно аргументировать свою точку зрения;
- научиться внимательно слушать аргументы оппонента и отвечать на его реплики;
- научиться поддерживать дискуссию.

Сюжет игры

Сюжет игры разворачивается в наши дни. Происходит собрание Международного Суда ООН. Слушается дело по обвинению молодого испанца, который возвращаясь с вечера встреч Выпускников, в состоянии алкогольного опьянения угнал машину и решил на ней покататься по городу. В игре принимают участие 9 человек (обвиняемый, верховный судья, присяжный судья

422 | 1, присяжный судья 2, присяжный судья 3, присяжный судья 4, присяжный судья 5, присяжный судья 6, секретарь). Задача верховного судьи - вынести максимально гуманный приговор подсудимому. Для этого он слушает шесть присяжных судей, которые выдвигают свои аргументы за или против оправдания подсудимого. Все присяжные судьи разного пола, возраста и национальности. Каждый из них смотрит на обвиняемого с точки зрения своего пола, возраста и менталитета. Основываясь на своих знаниях, они предлагают судье вынести тот или иной приговор. Выслушав всех присяжных судей, судья дает последнее слово обвиняемому, который аргументирует, почему его нужно оправдать. После этого судья удаляется на пять минут для вынесения вердикта.

Секретарь: Встать! Суд идет!

Верховный Судья: Прошу садиться. Слушается дело по обвинению гражданина Королевства Испании. Подсудимый - 28 летний Антонио Гансалес, обвиняется в угоне автомобиля и вождении его в состоянии алкогольного опьянения.

Секретарь: В зал приглашается обвиняемый.

Обвиняемый: «Рассказ обвиняемого о себе».

Секретарь: В зал приглашаются присяжные судьи.

Присяжный судья 1: «Речь присяжного судьи».

Присяжный судья 2: «Речь присяжного судьи».

Присяжный судья 3: «Речь присяжного судьи».

Присяжный судья 4: «Речь присяжного судьи».

Присяжный судья 5: «Речь присяжного судьи».

Присяжный судья 6: «Речь присяжного судьи».

Обвиняемый: «Речь обвиняемого».

Верховный Судья: Суд удаляется на 5 минут для вынесения вердикта.

Пример одного из персонажей:

Персонаж: Анджело Лука (ИТАЛЬЯНЕЦ), присяжный судья.

Внешность: мужчина 30 лет, высокого роста и крепкого телосложения, достаточно красивый. Выглядит с иголочки.

Характер: Уверенный в себе и решительный человек, он – хозяин жизни, не имеет комплексов. Разговаривает эмоционально, страстно и очень громко. Обязательно с небольшим итальянским акцентом.

Ваша роль: Вы - итальянец. Молодой и эмоциональный человек. Вы достаточно богаты и привыкли от жизни получать все, что только захотите. В студенческие годы Вы были заядлым гулякой и дебоширом. Вы постоянно смотрите на часы, так как знаете, что меньше чем через час у вас свидание с восхитительной девушкой, и Вы уже явно опаздываете. Делайте это не только во время вашего Выступления, но и во время всего заседания суда. Взывайте суд побыстрее закончить обсуждение данного дела. Давите на то,

что угон машины в состоянии алкогольного опьянения это преступление, которое заслуживает условного срока наказания. Расскажите нелепую историю из вашей молодости, когда Вы нарушили закон (разбили витрину или украли бутылку красного сухого вина в магазине и т.п.).

Ваша цель: Как можно быстрее уйти из зала суда, так как Вы опаздываете на свидание. Докажите, что обвиняемый совершил незначительное преступление и наказание должно быть максимально лояльным.

Конструкции, которые обязательно нужно использовать в своей речи: Разве можно наказать человека за невинную шутку?; Вспомните свою молодость.

Лексический словарь: выглядит с иголочки – опрятно, ухоженно, красиво; дебошир – хулиган, скандалист; гуляка – любитель повеселиться; нелепая история – смешная.

Подводя итог вышесказанному отметим, что организация обучения иностранному языку на занятии в форме игры логична, потому что применение ролевых игр как метода развития коммуникативных способностей студентов в наибольшей степени соответствует природе человеческого общения, использование ролевых игр направлено на формирование навыков и умений адекватного коммуникативного поведения в социально-значимых ситуациях межкультурного общения. Ролевые игры - это путь к формированию и внедрению высокого уровня речевой компетенции каждого обучающегося, на любом этапе изучения русского языка. Овладение ролевыми играми на занятии иностранного языка имеет непосредственный выход на реалии современной жизни, то есть готовит учащихся к ситуации повседневного общения в иноязычной среде.

Литература

1. Аникушина Е.А., Бобина О.С., Дмитриева А.О., Егорова О.Н., Калянова Т.А., Мамонтова М.Ю., Старцева С.П., Фомин В.С. Инновационные образовательные технологии и активные методы обучения: Методическое пособие. - Т.: В-Спектр, 2010.

2. Ельникова С.И. Упражнения в практике преподавания РКИ: привычный формат и новая реальность // Русский язык за рубежом. – 2017. - № 2. – С. 27-31.

3. Коньшшева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. – М.: изд. Четыре Четверти, 2005.

4. Лешутина И.А. Развитие коммуникативной компетенции иностранных учащихся: интерактивные формы внеаудиторной работы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – СПб., 2014. – С. 94-98.

5. Лешутина И.А. Современные образовательные технологии в условиях профильного обучения РКИ // Русский язык за рубежом. – 2017. – №4. – С. 64-73.

- 424 | 6. Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроках английского языка. - М., 1994.
7. Эльконин Д.Б. Психология игры - 2-е изд. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.

Tihonova J.

**ROLE-PLAYING GAME ON CLASSES IN RUSSIAN
AS FOREIGN AS THE METHOD OF DEVELOPMENT OF
COMMUNICATIVE ABILITIES OF STUDENTS**

Abstract. The article deals with the peculiarities of using role-playing games in Russian as a foreign language. The role-playing game «Jury Trial», proposed in the article, is aimed at developing communicative abilities among students and is considered as an addition to the basic training.

Key words: Game technology; teaching Russian as a foreign language; role-playing game.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Болдышева Анастасия Юрьевна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
nboldysheva8@gmail.com

РУССКИЕ СЕЗОНЫ С.П. ДЯГИЛЕВА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ РУССКОГО ИСКУССТВА ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. В статье рассматривается роль «Русских сезонов» Дягилева в популяризации русского искусства за рубежом. Автор исследует различные аспекты новаторства в спектаклях «Русских сезонов», реакцию на них европейской художественной элиты.

Ключевые слова: искусство; балет; декорации; оформление; влияние.

Конец XIX – начало XX века являются периодом стремительного развития Русского искусства. Как известно, одним из самых ярких явлений того времени принято считать художественную антрепризу С.П. Дягилева.

С 1907 года Дягилев организовывал ежегодные выступления русских артистов за рубежом, получившие название «Русские сезоны». В первый год это были симфонические концерты. В них участвовали известнейшие музыканты: Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов, А. К. Глазунов и др. В 1908 году Дягилев привёз в Париж оперу «Борис Годунов», где блистал великолепный русский бас – Ф. Шаляпин. Однако, несмотря на успех, этот сезон принёс Дягилеву убытки. Поэтому на следующий 1909 год он решил везти в Париж балет. Никто не мог предсказать точный успех, ведь для Дягилева это был рискованный ход, и в случае неудачи его многолетние труды могли остаться незамеченными. Здесь проявилась отличительная черта великого импресарио – смелость в принятии решений. И именно этот проект принёс ему мировую известность, определил его дальнейшую судьбу.

Дягилев предложил новую модель балетного спектакля – одноактный балет – хореодраму, кардинально отличавшуюся от существовавшего ранее. Это был полный отход от традиций классического балета XIX века, слишком затянутого и непонятного для простого обывателя. Эту модель не только приняли за рубежом, но и взяли за основу последующие западные хореографы XX века.

Дягилев собрал творческий коллектив из величайших деятелей искусства. Он сам определял тематику, выбирал композиторов, художников, хореографов

и исполнителей. Если раньше театральным декорациям и костюмам не уделялось много внимания, то Дягилев сделал их такими же значимыми, как и сам танец. Он привлёк к оформлению лучших российских художников, знакомых ему ещё по сотрудничеству в художественном объединении «Мир Искусства»: Л. Бакста, А.Н. Бенуа, Н.К. Рериха, И.Я. Билибина, А.Я. Головина и др. Художники поставили цель – поразить зрителя красотой оформления спектакля, сделать угасающее балетное искусство более ярким и динамичным, способным оказывать эмоционально-художественное воздействие [4, с.247]. Сцена становится новым свободным пространством, площадкой для воплощения новых художественных идей.

Создатели «Русских сезонов» осознали, что европейской публике захочется видеть в русских постановках особый колорит, нечто «восточное», далёкое от европейской культуры, в некоторой степени дикое, варварское. Поэтому в спектаклях были продемонстрированы ожидаемые черты Востока с ретроспективной открытостью прошлого: «первозданная красота древней славянской земли, таинственность греческой архаики» [2, с.112] и т.п.

Одним из выдающихся художников, оформлявших «русские сезоны» был Лев Бакст. Декорации Бакста отличались смелостью и оригинальностью, кроме того, мастер активно работал с цветовыми гаммами, создавая комбинации, способные вызывать у зрителя различные чувства. Его красочные, вызывающе эротические костюмы к балету «Шехерезада» произвели сенсацию, а обтягивающее телесное трико Вацлава Нижинского в спектакле «Послеполуденного отдыха Фавна» настолько вошло в историю моды, что Фредди Меркюри использовал такой же костюм для съёмок в клипе «I want to Break Free». Художник Николай Рерих создавал эскизы декораций для таких постановок, как «Князь Игорь», «Весна священная». Зрителя поражали его декорации с изображением первозданной красоты природы: пейзажи с густыми облаками, холмами и могучими валунами, воссоздающие времена древней и средневековой Руси. Помимо русских художников, С.П. Дягилев привлекал к оформлению своих сезонов и европейских знаменитостей: Пабло Пикассо, Андре Дерен, Анри Матисс, Коко Шанель и других.

Своим успехом «Русские сезоны» обязаны не только художникам, но и артистам и хореографам. Многочисленные эксперименты с различными танцевальными формами Михаила Фокина и Георгия Баланчивадзе (в будущем Джорджа Баланчина – создателя американского балета) настолько опережали своё время, что в дальнейшем легли в основу нового балетного стиля модерн. В отличие от классического балета, где существовали строгие каноны, в их балетах отменялись любые ограничения. Танец более приближался к драматическому искусству. Большое значение придавалось актёрскому мастерству танцора. В. Нижинский, А. Павлова, Т. Карсавина, солисты дягилевских балетов, считаются революционерами танца. Вместо классических па, танцоры использовали приемы пантомимы и народного танца, много импровизировали.

Большое впечатление на Парижскую публику произвела также русская музыка. Н.А. Римский-Корсакова и И.Ф. Стравинского можно назвать реформаторами в жанре балетной музыки.

На спектаклях «Русских сезонов» побывали знаменитейшие люди того времени: писатель Ромен Ролан, танцовщица Айседора Дункан, основательница знаменитой косметической фирмы Елена Рубинштейн и модельер Коко Шанель. Все они с восторгом отзывались о Дягилеве и о его балетах.

Так, известный французский композитор Клод Дебюсси посетив дягилевский балет написал: «Русские дадут нам новые импульсы для освобождения от нелепой скованности. Они помогут нам лучше узнать самих себя и более свободно к себе прислушиваться» [3, с.62].

Сезоны Дягилева сыграли значительную роль в популяризации русской культуры в Европе и способствовали установлению моды на всё русское в разнообразных сферах деятельности. Выступавшие в группе Дягилева Патрик Хили-Кей, Элис Маркс и Хильда Маннингс взяли русские псевдонимы – Антон Долин, Алисия Маркова и Лидия Соколова. Дизайнеры обращались к неординарным экзотическим образам, разнообразным русским и азиатским фольклорным элементам. Коко Шанель и многие другие модельеры использовали мотивы «русского стиля» в своих коллекциях. Даже свадебное платье супруги короля Великобритании Георга VI содержало элементы «русского стиля».

Таким образом, можно отметить, что расцвет балетного искусства в начале XX века во всём мире, несомненно, заслуга Дягилева. Дягилев сделал балет зрелищным, превратил его в популярное, коммерчески выгодное искусство. «Русские сезоны» имели грандиозный успех в Европе, повлияли и на дальнейшее развитие музыки, театрально-декорационного искусства, живописи и моды. Созданные под руководством С.П. Дягилева балеты и в наше время являются украшением главных сцен мира.

Литература

1. Бенуа А.Н. Воспоминания о русском балете // Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 5 кн.: В 2 т. 2-е изд., доп. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1990. – Т. 2. Кн. 4, 5. – 743 с.
2. Давыдова М.В. Художник в театре начала XX века. М.: Наука, 1999. – 150 с.
3. Зильберштейн И.С. О художниках «Русских Сезонов» // Огонек. – 14 мая 1983. – №20. С.51-86.
4. Куприна И.В. Истоки и особенности русского модерна // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 240-249.

Boldysheva A.Ju.

RUSSIAN SEASONS OF SERGEI DIAGHILEV AND PROMOTION OF RUSSIAN ART ABROAD

Abstract. The article discusses the role of Diaghilev's «Russian seasons» in promoting Russian art abroad. The author explores different aspects of innovation in performances of «Russian seasons», in the response of the European artistic elite.

Key words: Art; ballet; decoration; design; effect.

*Гейн Екатерина Андреевна
студент 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
gein_katia@mail.ru*

РЕФОРМЫ ПИСЬМА 1710 И 1918 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена сравнению политических, социальных и экономических аспектов двух самых значимых реформ русского правописания: петровской реформы алфавита 1710 г. и реформы орфографии 1918 г.

Ключевые слова: русская орфография; алфавит; Пётр I; реформа правописания 1918.

На протяжении своей истории русское письмо претерпело множество изменений, обусловленных как развитием языка, так и вмешательством государства. В данной статье рассматриваются внеязыковые аспекты двух самых ярких реформ правописания: 1710 и 1918 гг. с целью их сравнения.

К концу XVII в. русский алфавит сохранял свои архаичные черты, из-за чего некоторые буквы не использовались или использовались неправильно. Однако предпосылкой к проведению реформы алфавита было не только его несовершенство в лингвистическом плане. В контексте петровских преобразований, направленных на создание нового, приближенного к европейскому общества, реформы в области культуры, в том числе и языка, были необходимы. В первую очередь Пётр I преследовал цель отделить церковный язык от светского, поэтому его реформа алфавита не распространялась на религиозную литературу. Пётр стремился показать главенство государственного начала над религиозно-духовным, провести границу между старым и новым порядком. Новое общество должно было быть ориентировано на европейскую, а не на греческую культуру, и поэтому новый шрифт, по мнению Петра, должен был походить на лагинский [3, с. 108].

Однако такое изменение шрифта имело и чисто практическое значение. Форма букв, утвердившаяся в рамках письменной культуры, и наличие надстрочных знаков были неудобны для книгопечатания, поэтому количество и качество издаваемых книг было неудовлетворительным, что приводило к низкому уровню грамотности населения. А в условиях государственных преобразований требовалось большое количество новых специалистов, чья подготовка значительно затруднялась из-за слабого книгопечатания, направленного в первую очередь на распространение церковной литерату-

ры. Развитие образования, одна из важнейших составляющих социальной политики Петра, тоже требовало увеличения числа и удобочитаемости книг.

Типографское изготовление печатного знака вызывало трудности, что влекло за собой высокую стоимость книг. В ходе Великого посольства Пётр договорился с голландскими мастерами о печатании книг кириллицей и дальнейшем налаживании книгопечатания в России, однако, столкнувшись с трудностью набора книг традиционным полууставом и сравнив их внешний вид с европейскими изданиями, Пётр осознал необходимость создания нового шрифта.

Несмотря на эти предпосылки, некоторые исследователи считают, что реформа не была закономерной и проводилась исключительно из-за идеологических воззрений Петра. Реформа шрифта скорее опиралась на волю монарха, которой нельзя было прекословить, чем на созревшую общественную необходимость [2].

Ситуация, сложившаяся спустя двести лет, была несколько иной. Реформа 1918 г. была впервые предложена задолго до её воплощения в жизнь — в 1904 г. В 1911 г. была проведена всероссийская анкета среди учителей. Вот примеры типичных мнений из этой анкеты: «На бесплодное заучивание грамматики и правописания приходится тратить почти половину трёхлетнего курса сельской школы». «Буква Ъ нас замучила». «Буква Ъ отнимает половину учебного года, и всё же ученики, выйдя из школы, скоро забывают правописание этой буквы» [4, с.10]. От необходимости тратить существенную часть учебного года на заучивание орфографических правил страдало качество освоения детьми других наук. Идея о введении всеобщего начального образования, которая обсуждалась Государственной думой в 1906-1913 гг., не могла быть реализована на практике в таких условиях.

Финансирование излишнего количества учебных часов требовало больших затрат. К экономической стороне проблемы относилось также наличие буквы Ъ на конце слов. По подсчётам Л. Успенского, который назвал Ъ «самой дорогой буквой в мире», в России того времени могло ежегодно печататься около восьми с половиной миллионов лишних страниц из-за присутствия этой буквы [5, с.218-222]. А это существенные затраты на бумагу, чернила, оплату труда наборщиков.

Идеологический фактор не играл решающей роли в разработке реформы, так как подготовили её учёные-лингвисты. Впервые официально она была объявлена Временным правительством и подтверждена большевиками. В «Декрете о введении нового правописания» от 23 декабря 1917 г. сказано, что реформа проводится «в целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания» [1, с.187]. То есть, цели введения новой орфографии были чисто практическими.

Споры, возникшие после проведения реформы, действительно имели идеологический подтекст, так как изменение орфографии, а вместе с тем и насильственное изъятие букв из типографий ассоциировалось с большевиками, а непринятие нового правописания стало одним из видов протеста против советской власти. Однако не стоит забывать, что проект реформы не имел никакого отношения к революции и новой идеологии. Переломный момент в истории России только создал благоприятные условия для её воплощения в жизнь, чем и воспользовались большевики, не боявшиеся значительных изменений общественной жизни.

Таким образом, можно констатировать, что в обоих случаях реформы проводились в переломное для страны время смены идеологии. Оба вмешательства в систему письма произошли под влиянием государства, однако были и некоторые различия. Пётр I сам подготовил реформу, основываясь на своих политических взглядах и культурных задачах, желая противопоставить новый порядок старому, а также видя в ней полезность для своих преобразований. Реформа 1918 г. была разработана учёными задолго до её воплощения в жизнь, т.к. в том была чисто практическая необходимость. Можно сказать, что в первом случае переломный момент в истории России был главной причиной изменения алфавита, и будь на месте Петра другой человек, о реформе бы и не задумались; а во втором – она изначально не была связана с политической ситуацией в стране, а революция стала тем удобным моментом для воплощения её в жизнь, той движущей силой, которая помогла быстро внедрить столь болезненные для общества изменения.

Литература

1. Декрет о введении нового правописания // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. – 1942. – с. 187-188.
2. Ефимов В.В. Драматическая история кириллицы. Великий петровский перелом: Исторические материалы. – URL: [http:// istmat.info/node/521](http://istmat.info/node/521) (дата обращения: 16.02.2018)
3. Никулушкин К.В. Эстетика шрифта в реформе русской азбуки 1708 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. №6 (72): в 3-х ч. Ч. 1. – с. 107-111.
4. Сакулин П.Н. Реформа русского правописания. – Пг.: Парус, 1917. – 69 с.
5. Успенский Л.В. Слово о словах – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. – 542 с.

Gein E.A.

SPELLING REFORMS OF 1710 AND 1918 IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATIONS OF RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the comparison of the political, social and economic aspects of two the most significant reforms of Russian spelling: Peter's reform of the alphabet of 1710 and the spelling reform of 1918.

Key words: Russian orthography; alphabet; Peter I; the spelling reform of 1918.

Ирани Адель Асифовна
студент 2 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
irani.a.irani@gmail.com

ИСТОРИЯ ФЕМИНИЗМА В РОССИИ В 80–90-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена истории развития женского движения в России в 80-90-е годы XX века. Именно в этот период появляются и ведут активную общественную деятельность первые феминистские организации.

Ключевые слова: феминизм; женское движение в России; 80-90-е годы XX века; феминистские организации.

Данная статья посвящена одному из периодов истории феминистского движения в России. Оно появилось в конце XIX – начале XX века в рамках всемирного движения суфражисток. Снова проблемы феминизма стали актуальны в нашей стране в 80-90-е годы XX века, когда на волне диссидентского движения возникли первые феминистские организации. Однако этот этап в истории российского феминизма остается малоизученным. Восполнить этот пробел призвана данная статья.

Первая группа советских феминисток возникла в 1979 году в Ленинграде и просуществовала до 1982 года. Клуб «Мария» боролся с партийной атеистически настроенной идеологией и ставил своей целью духовную революцию, которая подарит женщинам гендерное равенство. Особой заслугой ленинградских феминисток стало издание журнального альманаха «Женщины и Россия» и журнала «Мария».

Альманах «Женщины и Россия» (1979) освещал маргинальные для диссидентского движения темы: трудности воспитания детей, женский быт. Он разрушал иллюзии о СССР как о социально благополучной стране. Журнал «Мария» имел более широкую тематику: от философских вопросов до вопросов женского здоровья, творчества, религии [2].

Крайне важным результатом борьбы за равноправие в конце 70-х – начале 80-х годов стало принятие новых законодательных актов, которые ужесточили наказание за избивание женщин, насилие и жестокое обращение [1, с. 188].

С приходом «перестройки» в России появляется множество женских клубов, групп и ассоциаций. Только официально зарегистрированных организаций насчитывалось около 300 [4].

К 1993 году большинство из них сливается в три крупные общественно-политические объединения: «Женщины России», «Женская Лига» и «Независимый женский форум».

Победа первого из них на выборах в Государственную Думу в 1993 году стала одним из самых значительных событий в истории постсоветского феминизма [5]. Фракция приняла участие в разработке 209 из 325 законопроектов и в подготовке нового семейного Кодекса Российской Федерации. Деятельность фракции была направлена на ликвидацию элементов дискриминации в семейных отношениях и повышение конкурентоспособности женщин на рынке труда.

Второе объединение, «Женская Лига», было создано для обеспечения продуктивного взаимодействия между 17 феминистскими организациями и стремилось воплотить идею о представительстве обоих полов в политике.

В результате деятельности этих трёх больших политических блоков доля женщин в политике в 1993 году возросла по сравнению с 1990 годом. В 1990 году женщины занимали лишь 5,3% в составе Съезда народных депутатов, 8,9% – в Верховном Совете. В 1993 году в Федеральном Собрании женщины составили 11,4% от числа депутатов, в Совете Федераций – 5,6%, в Государственной Думе – 13,6. Еще одним важным достижением является то, что женщины вновь стали восприниматься как реальная политическая сила [4].

Помимо «Женщин России», «Женской Лиги» и «Независимого женского форума» в годы «перестройки» появляется масса других менее известных объединений. Интересной тенденцией являлась ориентированность многих из них на работу в сфере женского предпринимательства и трудоустройства женщин, а также их профессиональной реализации. Среди объединений такого типа можно назвать «Конфедерацию женщин России», «Консорциум неправительственных женских объединений», который включает в себя более 100 организаций из разных регионов России. Особое место занимает Ассоциация «Конверсия и женщины», занимающаяся проблемами социальной защиты женщин на предприятиях военно-промышленного комплекса, а также проблемами безопасности и мира на планете в целом [4].

В 90-е годы XX века появляется множество объединений научно-просветительского характера, которые внесли огромный вклад в развитие теории и восстановление истории женского движения в России, в распространение идей феминизма. Особенно известны среди них Московский центр гендерных исследований, Петербургский центр гендерных проблем, Петрозаводский центр гендерных исследований, Клуб «Преображение» и многие другие.

Феминистки также реализовывали массу информационных проектов, в частности, «Информационный центр Независимого женского Форума» (зарегистрирован в 1994). Своей целью он ставил развитие информационного обмена между женскими организациями, поддержку региональных женских инициатив и повышение статуса женщин в обществе [4].

Большой вклад в развитие женского движения сделали правозащитные объединения (например, «Комитет солдатских матерей») и благотворительные

организации, чья деятельность связана в первую очередь с оказанием помощи женщинам, подвергшимся сексуальному или домашнему насилию. К ним можно отнести Ассоциацию кризисных центров для женщин, Московский реабилитационный центр жертв сексуального нападения «Сестры» (1991 г.), Петербургский центр «Женщина в опасности» (1996 г.) и другие [4].

Итак, феминистское движение 80-90-х годов России характеризуется созданием большого количества организаций, главными направлениями деятельности которых были просвещение в области феминизма, обеспечение взаимодействия различных феминистских групп, оказание помощи женщинам в области профессиональной реализации, защита от насилия и жестокого обращения. Члены двух из этих организаций имели представительство в законодательном органе РФ, где в фокусе их деятельности было положение женщин в трудовой, политической и семейной сферах. Значительная часть этих объединений продолжают свою работу и в настоящее время. Женские организации 80-90-х годов заложили основу феминистского движения России начала XXI века.

Литература

1. Бартол К. Психология криминального поведения. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2014. – 353 с.
2. Женщина и Россия. Альманах. Женщинам о женщинах. Выпуск 1. // Russia Beyond Russia: The André Savine Digital Library. – URL: <http://dc.lib.unc.edu/cdm/item/collection/rbr/index.php?id=18839> (дата обращения: 15.02.2018)
3. Информационный центр независимого женского форума (ИЦ НЖФ). // URL: <http://www.owl.ru/win/women/org001/> (дата обращения: 17.02.2018)
4. Лахова Е.Ф. Женское движение в годы реформ: проблемы и перспективы. М., 1995 // Российские женщины в XX веке. Опыт эпохи. – URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/lahova3r-e.htm> (дата обращения: 16.02.2018)
5. От «клепальщицы Розы» до Бриджит Джонс. История женской эмансипации в России и за границей. // Лента.Ру. – URL: <https://lenta.ru/articles/2005/03/08/women/> (дата обращения: 15.02.2018)
6. Российский феминизм. // Colta. – URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/10972> (дата обращения: 15.02.2018)

Irani A.A.

THE HISTORY OF FEMINISM IN RUSSIA IN 80-90-S YEARS OF XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the history of the development of the women's movement in Russia in the 80-90-s of the XX century. It was during this period that the first feminist organizations appeared and conducted active social activities.

Key words: Women's movement in Russia; 80-90s of XX; feminist organizations.

Лебедев Алексей Алексеевич
студент 4 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия
alexeylebedev97@mail.ru

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье сделана попытка представить историю становления и развития русского государства в виде серии децентрализаций и централизаций. На большом фактологическом материале рассматриваются основные исторические события, начиная с конца IX и заканчивая XX веком, и анализируются присущие им особенности и характерные тенденции.

Ключевые слова: государство, централизация, децентрализация, революция, власть, разрушение, восстановление.

В данной статье мы попробуем представить историю России как государства в несколько непривычном виде – в виде серии децентрализаций и централизаций.

Изначально было первично-децентрализованное состояние, характерное для истории всех государств. Потом из племён восточных славян стали формироваться предгосударственные образования – племенные союзы. Эти процессы можно назвать предцентрализационными.

Первая централизация, то есть объединение восточнославянских племён под сильной властью одного князя, произошла в конце IX века и является заслугой Рюрика и Олега, которые, однако, опирались на результаты предцентрализационных процессов. О том, что Олег завершил первую централизацию, свидетельствует и «Повесть временных лет», в которой упоминаются «князья, подь Олгомь сущи», т.е. предцентрализаторы, покорённые Рюриком и Олегом во имя создания единой и великой Киевской Руси [1].

Развитие многих государств показывает нам, что за первой централизацией в большинстве случаев наступает и первая децентрализация – в нашей истории она известна под названием «феодалная раздробленность Руси», которая началась в конце XI века с Любечского съезда.

Эта децентрализация длилась до начала XIV века, когда началась борьба за объединение Руси. В качестве возможных централизаторов выступали Московское, Тверское и Литовское княжества. Победа в борьбе за единую Русь досталась Москве, которая усилиями многих князей – от Ивана Калиты до Ивана Грозного – собрала

воедино почти все исконно русские земли. Стоит отметить, что централизационные процессы замедлялись не только наличием нескольких централизаторов и борьбой между ними, но и определённым противодействием со стороны Орды.

Итак, вторая централизация была длительным процессом (XIV-сер.XVI вв.), а основными её героями были князья московские. Отметим особую роль Ивана Калиты, перенёсшего в Москву резиденцию митрополита, Дмитрия Донского, победившего на Куликовом поле, Ивана III, окончательно разгромившего Орду и подчинившего Новгород, и Ивана IV, завершившего централизацию России и разорвавшего кольцо вражеских огней, душившее Россию, путём победы над Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами. Важно, что Иван Грозный открыл России путь на восток и отчасти на юг, на Кавказ.

Однако после смерти Ивана Грозного начался династический кризис, приведший к третьей децентрализации, в официальной историографии именуемой «Смута». К счастью, с приходом династии Романовых Россия была восстановлена, так что третью (романовскую) централизацию можно назвать первой рецентрализацией, т.к. предыдущие централизации требовали большего времени и бóльших усилий [2].

Четвёртой (и самой страшной) децентрализацией России стали Февральская и Октябрьская революции, а также порождённая ими Гражданская война. Основными децентрализаторами России в рассматриваемый период стоит назвать А. Керенского и В. Ленина. При этом отметим, что В. Ленин является фигурой неоднозначной: он поставил Россию на грань гибели – и он же воссоздал её в виде СССР. Создание СССР – это четвёртая централизация России (или вторая рецентрализация – это название уместно ещё и потому, что характер воссоединённой России был иным: она превратилась из Российской империи в СССР, первое в мире социалистическое государство).

Однако В. Ленин умер, не завершив воссоединения с Россией всех её частей. Именно поэтому второй герой четвёртой централизации – это И. Сталин, возвративший России почти все её исторические территории и даже добавивший к ним совершенно новые земли, например, Черновицкую область. При этом, пожалуй, ещё более важен тот факт, что под руководством И. Сталина были побеждены внутренние силы, способные децентрализовать Россию, а также отражено нападение внешних сил, стремившихся к уничтожению и расчленению нашей Родины, т.е. были пресечены попытки новой децентрализации страны (1937 и 1941 годы).

В 1991 году произошла пятая децентрализация России – развал СССР. К сожалению, пятой централизации (третьей рецентрализации) не произошло: имели место лишь ограниченно-рецентрализационные процессы, каковыми стоит признать восстановление власти русского государства на территории РФ (после разгрома чеченских боевиков) и проведение некоторых интеграционных мероприятий на постсоветском пространстве (основными из них

436 | стоит считать возникновение Союзного государства России и Белоруссии, появление ЕАЭС и создание ОДКБ). Таким образом, основным централизатором России в настоящее время стоит по праву признать В. В. Путина, отметив при этом, что руководимые им рецентрализационные процессы проводятся на меньших, чем прежде, территориях.

Не исключено, что в будущем возможна полная пятая централизация, которую точно можно будет назвать централизацией, т.к. эти процессы будут носить уже не рецентрализационный характер.

В качестве завершения отметим корреляцию децентрализаций России с критическими моментами её истории, когда суверенитету нашей страны грозила гибель в силу внешних причин. Отметим, что популярный ныне писатель и публицист Н. Стариков выделяет четыре таких момента: это 1223, 1612, 1812 и 1941 годы [3].

Первый из них был своеобразным следствием первой децентрализации (у единой Руси было намного меньше шансов подпасть под Иго), второй прямо коррелирует со второй децентрализацией, будучи порождён ею, а третий и четвёртый могли стать причиной новых децентрализаций России, чего, к счастью, не произошло.

Итак, мы рассмотрели историю российской государственности как серию централизаций (рецентрализаций) и децентрализаций и выделили пять централизаций и пять децентрализаций, отметив особенности, присущие каждой из них. Разумеется, проведённый анализ не претендует на истину в последней инстанции, тем не менее, с эвристической точки зрения, представленный материал с позиции информации к размышлению выглядит вполне уместным и своевременным в оценке событий и тенденций сегодняшней реальности.

Литература

1. Повесть временных лет. Подг. текста, пер. и комм. О.В. Творогова. [Электронный ресурс]//Режим доступа:<http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4869>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Пресняков А.Е. Российские самодержцы. – М.: Книга. – 1990. – 464 с.
3. Стариков Н. Национализация рубля – путь к свободе России. – СПб.: Питер. – 2016. – 336 с.

Lebedev A.A.

CENTRALIZATION AND DECENTRALIZATION AS THE KEY MOMENTS OF RUSSIAN HISTORY

Abstract. The article attempts to present the history of the formation of the Russian state in the form of a series of decentralization and interlocking. On a large factual material examines the main historical events since the end of IX and ending with the twentieth century, and analyses their inherent characteristics and performance patterns.

Key words: State, centralization, decentralization, revolution, power, destruction, restoration.

Трегубова Мария Валерьевна
студент 3 курса Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
Tregubova.marya10@yandex.ru

«УРАВНИТЕЛЬ И САНКЮЛОТ» ИЛИ «КОРОНОВАННЫЙ БЕЗУМЕЦ»?

Аннотация. Статья посвящена императору Павлу I и его реформаторской деятельности. Особое внимание уделено различным трактовкам образа императора современниками и последующим оценкам его преобразований.

Ключевые слова: император Павел I; законы; реформы; крестьяне; престолонаследие; заговор.

Император Павел I – одна из самых неоднозначных фигур на российском императорском троне. Он был личностью неординарной, что позволило Пушкину назвать его «романтическим императором», Герцену – сравнить его с «коронованным Дон Кихотом», а консервативным историкам написать о нём как о «коронованном безумце».

Павел I (1754-1801 гг.) взшёл на престол в возрасте 43 лет. Его первые реформы и указы стали, по выражению Сперанского, «возможным началом целой системы улучшений крестьянского быта» [4, с.26]. Во-первых, был отменен чрезвычайный рекрутский набор, введённый ещё при Екатерине. Во-вторых, «людям, ищущим вольности», было предоставлено право апеллировать на решения судебных инстанций. В-третьих, был издан указ, отменявший хлебную повинность, взамен которой устанавливался особый сбор по 15 копеек за четверик. В-четвертых, Павел запретил дробить крестьянские семьи, продавать дворовых и крестьян без земли, оброк заменил трёхдневной барщиной. Именно Павел снял с крестьян недоимку в семь с лишним миллионов рублей, возместив ущерб из бюджета за счёт новых обложений исключительно дворянского сословия. Не случайно один из современников, оценивая реформы императора писал: «Действительно самая знатная особа и мужик равны перед волей императора, но это карбонарское равенство – не в противоречии ли оно с природой вещей?» [4, с.11].

Одной из основных идей Павла I была идея о создании единого Свода Законов. Уже в декабре 1796 г. появился указ «О собрании в Уложенной комиссии и во всех архивных изданиях доньне узаконенной и о составлении из оных трёх книг законов Российской империи: Уголовных, Гражданских и Казённых дел». Беспрецедентной являлась деятельность Павла по формированию нормативной среды. В «Полном своде законов Российской Империи», состоящем из 45-ти томов, павловские распоряжения составляют около 2,5 томов.

Вершиной деятельности императора было введение династической конституции в лице двух законов: «О престолонаследии» и «Учреждение императорской фамилии». Павел установил ненарушимое правило: престол наследуется только старшим в мужском колене, – и тем самым вернул древний порядок, который существовал ещё до Петра I. 5 апреля 1797 г. был обнародован Акт о престолонаследии, согласно которому престол наследовался старшим сыном. Таким образом, Павел стал первым русским царем, который установил чёткий порядок престолонаследия и тем самым ограничил самодержавие.

Одним из важнейших направлений в реформаторской деятельности были финансовые преобразования. Он проводил реформы, связанные с заменой ассигнаций на монеты. В 1796 г. была выпущена «банковская монета», в 1797 г. – серебряная монета, в 1798 г. – ефимки.

Практически революционным шагом было утверждение в 1800 г. «Постановления о коммерц-коллегии» – своего рода нового министерства торговли и промышленности. В состав Коммерц-коллегии, кроме президента и 10 правительственных членов, были введены 13 членов, избравшихся на 3 года от купечества и фабрикантов. Впервые в русской истории купцы и промышленники получали возможность войти в правительство. Александр I на пятый день своего правления ликвидирует это нововведение.

Во внешней политике Павлу приходилось решать проблемы, возникшие ещё при Екатерине II. На его плечи взвалились последствия семи войн: трёх с Польшей, двух с Турцией и также с Персией и Швецией. Они истощили казну государства, внешний долг превышал все мыслимые суммы. Одной из самых главных мер императора стало полное прощение и освобождение всех польских участников войны 1794-1795 гг.

В 1799 г. русские войска под командованием А.В. Суворова одержали ряд побед над Францией в Северной Италии. Павел высоко оценил действия Суворова, присвоив ему самый высокий военный чин – генералиссимуса. [1, с.209]. А высадка экспедиции адмирала Ф.Ф. Ушакова в Неаполе и освобождение Рима означали конец французского господства в Италии.

Одним из ключевых событий во внешней политике Павла I стала индийская экспедиция, которую отечественные биографы называли «авантюрой» и проявлением «нервной импульсии» императора. Однако идея этой операции принадлежала Наполеону, который и провозгласил цель освободить эти территории от англичан. Успех этой операции смог бы изменить судьбы Европы и мира, но возникший заговор, в котором соединились внутривнутриполитические, внешнеполитические и семейные источники, не позволил этому осуществиться.

Уже через 10 лет после смерти Павла «последний летописец» Н.М. Карамзин буквально вынес Павлу Петровичу приговор в своем трактате «О древней и новой России». Исходя из его слов, император стремился устрашить людей, обладал помутненным рассудком, казнил просто так. Поэтому со времен Карамзина и в школьных учебниках Екатерина II называется «Великой», а Павел считается «тираном и деспотом». Между тем сохранились и другие отзывы о Павле. Прусский посланник

Брюль, оценивая реформы Павла, отметил, что «недовольны все, кроме городской черни и крестьян» [4, с.25]. «Из 36 миллионов русских по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора, хотя и не все сознавали это» [4]. Это записал немецкий литератор Коцебу. Его свидетельство тем более ценно, что он в своё время побывал в сибирской ссылке по приказу того же Павла, но при этом сохранил объективность. Такие авторитетные историки как Н. Эйдельман, М. Сафонов, Ю. Соловьев писали, что определяющей чертой личности Павла и даже его идейных воззрений было «рыцарское понятие о чести». Он мог признать свою неправоту, как это было с А.В. Суворовым или способствовать карьере Александра Рибопьера, отец которого в полной мере испытал на себе царскую немилость [2, с. 255-256].

Учитывая все эти аргументы, доказанные трудами Боханова, Эйдельмана, Хорватовой и другими исследователями, а также исходя из воспоминаний людей, знавших Павла лично, например, дневник воспитателя Павла Порошина или мемуары графини Головиной, можно сделать вывод о том, что теория о так называемом «сумасшествии» Павла едва ли имела место быть. Особенно интересна и увлекательна работа, написанная в этом ключе, Е. Хорватовой «Русский Гамлет. Павел I, отвергнутый император» [3].

Следует признать, что эпоха Павла требует дальнейшего тщательного изучения историками. Отрадно отметить, что выдающийся историк Николай Иванович Павленко незадолго до своей смерти успел закончить описание биографии Павла I, и эта работа, написанная исключительно на архивных документах, должна в ближайшее время выйти в печать.

Литература

1. Третьякова И.А. Военно-исторический аспект российско-швейцарских отношений. //Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия-Запад-Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. – М., Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 206-213.

2. Третьякова И.А. Выходцы из Швейцарии на российской службе // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия-Запад-Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения», 13 мая 2014 года. – М., Ярославль: Ремдер, 2014. – С.250-256.

3. Хорватова Е. Русский Гамлет. Павел I, отвергнутый император. – М.: АСТ-Пресс, 2011. – 336 с.

4. Эйдельман Н.Я. Грань веков. – М.: Издательство Экслибрис, 1992. – 384 с.

Tregubova M.V.

«THE EQUALIZER AND SUNCULT» OR «CROWNED MADMAN»?

Abstract. The article is devoted to Emperor Paul I and his reformatory activity. Special attention is paid to various interpretations of the Emperor's image by contemporaries and subsequent assessments of his transformations.

Key words: Emperor Paul I; the laws; the reforms; the peasants; the succession; conspiracy.

ХО ШИ МИН И В.И. ЛЕНИН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Статья посвящена взглядам и оценкам современной вьетнамской молодежи на деятельность лидера страны Хо Ши Мина. Особое внимание уделено биографии вождя вьетнамской революции. Делается сравнение знаний русской и вьетнамской молодежи на историческое прошлое своих стран.

Ключевые слова: Вьетнам, Хо Ши Мин, Ленин, студенты, история.

В истории любой страны найдутся яркие личности, способные вести за собой массы, совершать революции, разрушать политическое и социально-экономическое устройство государства. Безусловно, такими харизматическими лидерами являются В.И. Ленин для России и Хо Ши Мин для Вьетнама.

В истории наших стран много общего. Ещё до недавнего времени это были дружественные социалистические страны. Но если сегодня Россия – это совершенно другое и в политическом, и экономическом, и идеологическом плане государство, то Вьетнам по-прежнему остается социалистической страной во главе с Коммунистической партией. Тем не менее, в 1990-х гг. и в нашей стране начались осторожные реформы, которые привели к относительной либерализации социально-экономической жизни, при сохранении существующей исторической парадигмы и определенной системы ценностей.

Поскольку на данном историческом этапе особую важность представляют отношения России и Вьетнама, нами было решено провести опрос о лидерах Вьетнама и России среди молодежи этих стран. Цель исследования – определить взгляды современной вьетнамской молодежи на Хо Ши Мина и проанализировать полученные результаты. Для этого было проведено небольшое анкетирование среди вьетнамских студентов, которое содержало ряд вопросов по биографии и работам Хо Ши Мина. Подобное анкетирование было проведено и среди русских студентов, с аналогичными вопросами про В.И. Ленина. Из опрошенных 20 вьетнамских студентов, большинство знают работы Хо Ши Мина и основные факты его биографии. Поэтому, можно сделать вывод, что и для сегодняшней вьетнамской молодежи Хо Ши Мин остаётся уважаемым человеком. Опрос же русских студентов показал очень плохие знания о Ленине (даже на элементарный вопрос о месте захоронения Ленина 7 из 20 не назвали

Москва, Красная площадь, Мавзолей). Интересным является и тот факт, что 19 из 20 вьетнамских студентов знают, кто такой Ленин, но только 2 из 20 русских студентов знают кто такой Хо Ши Мин. А между тем это был незаурядный человек, вождь вьетнамской революции, основатель независимого Вьетнама.

Хо Ши Мин родился в 1890 г. в небольшом вьетнамском селе Ким Лиен, когда Вьетнам была колонией Франции. При рождении его назвали Нгуен Шинь Кунг, а в школьные времена Нгуен Тат Тхань, что означает «Нгуен-триумфатор». Хо Ши Мином он стал для конспирации – когда проживал в Китае и воспользовался паспортом умершего местного жителя.

Благодаря отцу, который был служащим при императорском дворе, он имел возможность обучаться во французской школе, где пристрастился к чтению и узнал о Великой Французской революции. В двадцать один год Хо Ши Мин нанялся матросом на корабль и отправился в Европу для изучения «революционного дела». Первым европейским городом, который увидел своими глазами Хо Ши Мин, был Марсель, где одни жили в роскоши, а другие – в крайней нищете. К своему удивлению юный вьетнамец обнаружил, что лозунг «свобода, равенство и братство» при капитализме – лишь красивые слова.

Пока Хо Ши Мин жил за границей, постепенно сформировалось его мировоззрение. Решающее влияние на него оказала работа В.И. Ленина «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросу» [1, с.72]. Он был очарован мыслями Ленина, которые призывали к борьбе за освобождение угнетённых народов. Поэтому он отправляется в Советскую Россию изучать марксизм-ленинизм. Известен факт, что Хо Ши Мин мечтал встретиться с Лениным, но не успел этого сделать. Из Москвы он уехал убеждённым борцом за освобождение Вьетнама.

В 1930 г. Хо Ши Мин в эмиграции образовал Коммунистическую партию Вьетнама, главной задачей которой ставил борьбу за независимость своей страны. В годы Второй мировой войны Вьетнам был захвачен японцами, что привело к массовому голоду в стране. Тогда Хо Ши Мин учредил Лигу борьбы за независимость Вьетнама (Вьетминь). Для борьбы с захватчиками он сотрудничал с американскими и китайскими спецслужбами.

После капитуляции Японии, под руководством Хо Ши Мин прошла «Августовская революция», в результате которой власть во Вьетнаме стала принадлежать независимому правительству под председательством Хо Ши Мина. Однако фактической независимости Вьетнам не получил. По решению Потсдамской конференции на территории Вьетнама находились китайские, французские и английские армейские части, которые не только занимались разоружением японцев, но и поддерживали сохранение колониальной зависимости Вьетнама от Франции.

Хо Ши Мин обратился за поддержкой к своим покровителям, но ни американцам, ни китайцам, ни советским коммунистам не хотелось пор-

442 | тить отношения с Францией ради защиты маленького и бедного азиатского государства. Французы оккупировали основные города Вьетнама, но их гарнизоны оказались в осаде, поскольку в окрестностях господствовали вьетнамские партизаны. Постепенно военные действия, названные «Первой Индокитайской войной» приобрели мировое значение. Хо Ши Мин стал во всём мире символом борьбы с колониальным господством.

Первая Индокитайская война, закончилась в 1954 г. поражением Франции и признанием независимости Вьетнама, но разделением его по 17-й параллели на Северный и Южный. Северный возглавил Хо Ши Мин, а Южный – ставленник США Нго Динь Зьем. Чтобы не допустить разделения страны, началась кровопролитная 20-летняя Вьетнамская война, где социалистический Север был поддержан СССР, а капиталистический Юг – США.

До 1973 г., когда были подписаны Парижские мирные соглашения, о выводе из Вьетнама американских войск, Хо Ши Мин не дожид, так как умер в 1969 г. в возрасте 79 лет. Но именно он научил свой народ, почти столетие до этого покорно терпевший французское колониальное господство, любить свободу. Поэтому маленький Вьетнам смог одолеть две супердержавы – Францию и США.

Общеизвестно, что будущее страны находится в руках молодёжи. А будущее начинается с прошлого, оценка которого очень часто меняется по истечении времени. Борьба мнений будет существовать всегда, а уж тем более у историков из разных стран мира. И к этому следует относиться как к нормальному, естественному процессу развития [2, с.61]. Поэтому, чтобы достичь понимания и взаимного уважения молодёжи надо повышать общий уровень образованности, уважать прошлое своей страны, какое бы оно не было, определять стратегию развития и лучшие пути её достижения.

Литература

4. Ленин В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (Для Второго съезда Коммунистического Интернационала). – М.: Полное собр. соч. в 55 Т. – Т. 41. Май-ноябрь 1920. – С.72-75.

5. Третьякова И.А. К вопросу о роли «Страноведения России» в обучении иностранных учащихся. // Человеческий капитал, №6, 2017. С.59-61.

Pham Thi Tra

HO CHI MINH AND LENIN THROUGH THE PRISM OF MODERN YOUTH MINDSET

Abstract. The article is devoted to the views and assessments of modern Vietnamese youth on the activities of the country's leader Ho Chi Minh. Special attention is given to the biography of Vietnam's revolution leader. Comparison is made between the knowledge of Russian and Vietnamese youth on the historical past of their countries.

Key words: Vietnam, Ho Chi Minh, Lenin, students, history.

Абдуллина Галия Равиловна
студент Государственного института русского языка им. Пушкина
Москва, Россия
a_rainbow@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ С ВАСИЛИЕМ АКСЕНОВЫМ)

Аннотация. Статья посвящена психологии творчества, раскрывающейся в многолетней переписке Б. Ахмадулиной и В. Аксенова («В бесконечном объятии»).

Ключевые слова: Поэзия, эпистолярный жанр, Ахмадулина, Аксенов.

Проблема психологии литературного творчества является важной и все еще недостаточно исследованной проблемой. Ее практическая составляющая, связанная с конкретным творчеством того или иного писателя, позволяет ответить на многочисленные вопросы: в каких условиях складывается творчество, «как меняется оно в зависимости от опыта, характера, настроения художника, его умения наблюдать и анализировать» [1, с. 4].

В центре внимания в статье – переписка Б. Ахмадулиной и Б. Мессерера с В. и М. Аксеновыми. Отметим характер отношений перечисленных лиц – они были близкими друзьями. Во-вторых, скажем, когда и в каких условиях шла переписка. Эмиграция Аксеновых послужила катализатором для ее начала. В предисловии к журнальному варианту переписки, получившей название «В бесконечном объятии», Б. Мессерер называет ее безумной и страстной, ведь покинувший дом и написавший первую весточку вкладывал в нее «всю неизбежную тоску по России и дружеским связям». [4, с. 5] Шесть лет (1980–1986) не иссякала вереница писем.

Немаловажную роль играет жанр. В письме порой можно выразить больше, чем в стихотворении хотя бы потому, что в само письмо можно включить стихотворение. Кроме того, в посланиях такого рода можно увидеть характер человека.

Проследим, как обращаются друг к другу адресанты. «Родные», «любимые», «родимые» – так начинает свои письма Ахмадулина. Далее – имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами: Васенька, Маята. Аксенов

444 | большую часть посланий открывает прилагательным «дорогие», называет Белка и Борька, в открытках использует знак &: «Б&Б».

Представляют особый интерес подписи под сообщениями. «Целую. Ваша Белла» – так заканчивает послания Ахмадулина. Аксенов более изобретателен: «Вашингтонцы», «VA», «Youг BAC», «Ваши Вас и Май», «M&V». В местоимении «ваша» – вся любовь, которую испытывает Ахмадулина. В подписях ее собеседника присутствуют иностранные буквы. Язык забывается, и это проявляется даже в таких вещах, как инициалы.

В конце сообщений авторы оставляют пожелания. От привычных «обнимаем», «обнимаю вас второпях», «целуем и мечтаем о встрече» (Аксеновы) до необычных ахмадулинских: «Пишу новую штучку, как всегда – посвященную тебе» [4, с. 23]; «Просто шлю вам всю мою любовь и целую» [4, с. 34]. Привычная нам просьба о телефонном звонке: «Вася, позвоните когда-нибудь: в яви голоса нуждаюсь» [4, с. 32] сродни признанию в любви: «Моя жизнь, сердце – не как символ, а как нечто, подлежащее боли, – ваше» [4, с. 23]. Улавливается схожесть с молитвой: «Васенька, много нашей жизни, у нас отнятой, – в тебе, тебе дано ее длить, беречь и осуществлять. Целую тебя (через сотни разъединяющих верст – это ближе и правильной всего остального)» (курсив наш. – Г.А.) [4, с. 39]. «Маята, прости, прости. Знаю твою любовь, и потому – столько моего вздора» [4, с. 40]. Свои высказывания Ахмадулина именует «вздором». Здесь проявляется ее чувство собственного достоинства.

Остановимся на письмах, представляющих наибольший интерес. В первом письме Ахмадулина жалуется, что прошедший год был тяжел: умерли близкие. Она сетует на отъезд В.Н. Войновича. В конце послания указывает, что именно позволяет ей не унывать: «Вот съеду в Переделкино, успокоюсь, Бог даст, напишу что-нибудь – и полегчает» [4, с. 12]. Ахмадулина верит, что ее поэзия – дар Всевышнего. В этом она схожа с А.С. Пушкиным, который утверждал, что вдохновение – Божий дар: «Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется, / Как пробудившийся орел». («Поэт». 1827) [5, с. 161]

В письме № 7 Ахмадулина рассказывает, что ей предложили опубликовать произведения в «Литературной газете». Среди прочих она выбрала «Сад». В нем затрагиваются важные для нее темы: языка, поэта и поэзии. Оно состоит из 11-ти строф, логически было бы объединить последние две в одну. Тогда стихотворение будет разбито на 2 тематических блока: в 1-м раскрывается тема языка, во 2-м – поэта и поэзии. В первой части поэт говорит об ассоциациях, связанных со словом «сад»: «Ты – дуб, дупло, Дубровский, почта / сердец и слов: любовь и кровь». [2, с. 138] В первой строке – аллитерации на «д». Так возникает переход от ассоциаций, возникающих у многих людей со словом «сад» (дуб и дупло) к ассоциациям, личным для поэта: Дубровский. Здесь же

она сообщает, что муж, увидев ее состояние («нашел меня – обезумевшей от похорон, девярых и сороковых дней и от жизни») [4, с. 15] решил отправить ее отдыхать под Тарусу. Там она вновь стала творить: «Через десять дней мрачности, я начала писать стихи: днем и ночью» [4, с. 15].

Письмо № 16 она пишет в Сочельник. Мы узнаем, как в их семье отмечают праздники. Но на фоне всеобщего веселья ей хочется заняться привычным делом – писать. Она понимает, что не может сделать это в шумном Переделкине – необходимо отправиться в Тарусу. «Все в лес хожу. Заел меня репей» [2, с. 152], – первая строка стихотворения «Лебедин мой». Лирический герой – свидетель бытового убийства. Рассказав эту печальную историю, Ахмадулина заключает: «Отпустим спать чужую жизнь. Один рассудок лампы бодрствует в тумане» [2, с. 155]. Кроме строф из «Лебедина...», она отправляет «Ночь упаданья яблок». Это произведение философской тематики: оно о времени. Читая его, вспоминаем «Вновь я посетил...» Пушкина. Оба поэта утверждают: да, жизнь проходит, но это процесс закономерный. В «Ночи упаданья яблок» возникает ассоциация с открытием закона всемирного тяготения: «Со мной такого лета не бывало. / – Да и не будет! – слышу уверенье. / И вздрагиваю: яблоко упало, / на «НЕ» извне поставив ударенье». [3, с. 654] В этом же письме Ахмадулина признается, что планирует издать книгу, но не уточняет деталей: «Ощущение чего-то важного и необходимого предстоящего совершенно отвлекает меня от интереса к бывшему, могущему составить книгу, – в “Совписе” ли, в “Ардисе” ли – мне художественно все равно». В ответном письме Аксенов уточняет: «Насколько я тебя понял, ты хочешь составить книжку для “Ардис”. Оформи это желание более отчетливо, и Карл с Эллендеей будут, мне кажется, счастливы». [4, с. 30].

Здесь же Ахмадулина упоминает стихотворение «Мы начали вместе: рабочие, я и зима...» Сезон, описанный в этом произведении, – осень, столь снежная (в ноябре), что поэт именуется ее зимой. Автор рассказывает о своем общении с тремя рабочими, которые строили гараж с кабинетом. Но главная тема – природа вдохновения. Каждое действующее лицо занято своим делом: рабочие строят, поэт трудится над своим произведением, и природа тоже «работает». Осенние месяцы сменяют друг друга. Сентябрь выдался холодным, и автор не смогла воплотить свою творческую затею. И у строителей не было возможности заняться делом: «То нет кирпича, то застряла машина с цементом» [2, с. 135] Октябрь, напротив, был теплым. Рисуя эту пору, Ахмадулина употребляет троекратный повтор приставки «не»: «Нежданно-негаданно – невидаль: зной в октябре» [2, с. 135]. Так она показывает, что природа непредсказуема. Если сентябрю обыкновенно бывает «бабье лето», а октябрь выдается дождливым, – в году, в котором происходят описываемые события, случилось наоборот. Смена погоды помогла рабочим продолжить свой труд: «Кирпич и цемент обрели наконец-то единство» [2,

446 | с. 135], и в природе воцарилась гармония: «Все травы и твари разнежились в чудном тепле, / в саду толчея: кто расцвел, кто воскрес, кто родился». [2, с. 135] Неслучайно поэт использует троекратный повтор местоимения «кто». Так она персонифицирует мир природы. Согласимся с М. Эпштейном, утверждающим, что в творчестве Ахмадулиной «благодаря природе расширяется присутствие поэзии в мире – с наступлением зимы “стало Пушкина больше вокруг, / Верней, только он и остался в уме и природе”». Особенно это заметно в стихотворениях «Мы начали вместе: рабочие, я и зима...» и «Сад» [6, с. 12].

Итак, анализ переписки двух писателей помогает лучше понять психологию творчества и характер Ахмадулиной, проявляющиеся и в ее произведениях: особенности ее взгляда на мир, ее чуткость и отзывчивость по отношению к друзьям, ее эмоциональность.

Литература

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. – М.: Прогресс, 1970. – 654 с.
2. Ахмадулина Б. Прощай, любить не обязуйся... : стихотворения / Белла Ахмадулина. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 288 с.
3. Ахмадулина Б. Стихотворения и поэмы. Дневник. – Эксмо, 2012. – 736 с.
4. В бесконечном объятии: переписка Беллы Ахмадуллиной и Бориса Мессерера с Василием и Майей Аксеновыми // Журнал «Октябрь» – 2011. – № 10. – С. 3-74.
5. Пушкин А.С. Стихотворения. / Вступит. статья А. Твардовского; Худож. Г. Клодт. – М.: Худож. лит., 1983. – 255 с.
6. Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...» Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.

Abdullina G.R.

PSYCHOLOGY OF CREATIVITY IN BELLA'S AKHMADULINA EPISTOLARY HERITAGE (AFTER THE AKHMADULINA AND AKSENOV CORRESPONDENCE)

Abstract. The article is devoted to psychology of art, which is revealed in the correspondence between Ahmadulina and Akseonov kept up for many years (“In eternal embrace”).

Key words: Poetry, epistolary genre, Akhmadulina, Aksenov.

ЭВФЕМИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ТОЛСТЫЙ ЧЕЛОВЕК» В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Аннотация. Статья посвящена анализу эвфемистических обозначений, тематически относящихся к такой особенности телосложения человека, как полнота, с точки зрения их функционирования в газетном дискурсе.

Ключевые слова: Язык СМИ, газетный дискурс, эвфемизм.

Современный период развития лингвистики характеризуется возросшим интересом к изучению явления эвфемии с точки зрения массовой коммуникации. Внимание исследователей обращено к языку СМИ и рекламы и обусловлено тем, что эвфемия расширяет рамки своего проявления.

Вслед за Н.С. Араповой мы понимаем эвфемизм как «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [2, с. 590].

Эвфемизмы тематической группы «внешность» представляют значительный пласт лексики, скрывающей недостатки фигуры и лица человека. Доминирующую группу здесь составляют эвфемистические единицы, связанные с проблемой полноты и избыточного веса.

Подобные эвфемизмы широко востребованы в рекламе, где «... их употребление не просто способ «не обидеть» адресата, но полноценное средство речевого воздействия на потенциального потребителя товара / услуги, способствующее снятию комплексов и созданию психологического комфорта, сопровождающего процесс покупки» [4, с. 128]. Мы же сосредоточим внимание на эвфемизмах данной тематической группы в газетном дискурсе.

Анализ словарей эвфемистической лексики [5; 8], толковых словарей [6; 7] и словарей синонимов [1] позволил выделить следующие разновидности эвфемизмов с указанной семантикой:

1) слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (грузноватый, полненький, (несколько) полноватый, толстоватый, толстенький, толстячок, толстушка, пышечка, животик);

- 2) прилагательные и атрибутивные существительные, характеризующие фигуру (полный, сдобный, аппетитный, пухлый, в теле, с приятной полнотой, с формами, упитанный, крупный, грузный, дородный, массивный, пышнотелый);
- 3) прилагательные с семантикой «отступление от стандарта» (нестандартные параметры тела);
- 4) сравнительные наименования (женщина кустодиевских качеств, богатырь, великан, исполин, гигант);
- 5) перифразы (есть на что посмотреть, есть за что подержаться);
- 6) существительные с семантикой «полнота» (избыточный вес, солидная комплекция, корпуленция);
- 7) глаголы и глагольные сочетания (скидывать в весе, входить в тело, раздобреть);
- 8) существительные с широкой отрицательной семантикой (недостаток, несовершенство).

В данной статье мы обратимся к самой обширной подгруппе – прилагательных и атрибутивных существительных, которые характеризуют фигуру и являются эвфемизмами к «толстый». Рассмотрим, какие из вышеупомянутых единиц востребованы в газетном дискурсе, обратившись к материалам Национального корпуса русского языка (газетный подкорпус). Особый интерес с этой точки зрения представляют публикации, посвященные проблемам лишнего веса и похудения, современным стандартам фигуры, одежде для полных людей и т.д. Анализ газетных источников 2000-х годов показал, что самым употребляемым в качестве эвфемизма является прилагательное «полный», например: «У великих мастеров прошлого полная женщина олицетворялась с любовью и радостью к жизни» («Труд», декабрь 2002 г.) или «Вряд ли полная женщина заполнит свой гардероб белыми костюмами, визуально увеличивающими объемы тела» («Труд», октябрь 2000 г.).

Довольно частотны такие номинации, как прилагательные «массивный» («Еще во время службы в храм вдруг вошел массивный мужчина весьма грозного вида в форме американского полицейского» («Труд», сентябрь 2007 г.)) и «грузный» («Он был в маске, достаточно грузный – килограммов под 100» («Комсомольская правда», октябрь 2013 г.)), а также атрибутивные сочетания «в теле» («К девушкам в теле испытываешь нормальный мужской интерес, а худых девчонок хочется покормить» («Комсомольская правда», февраль 2012 г.)) и «с формами» («Но отдельные марки уже начинают делать линии для женщин с формами» («Комсомольская правда», июль 2014 г.)).

Необходимо отметить, что «эвфемизм является вторичной номинацией и понятие, обладает ли лексическая единица эвфемистическими свойствами, мы можем только исходя из ситуации общения» [3, с. 116]. Иногда эвфемистические номинации не стремятся завуалировать недостатки, а употребляются

в прямом значении. Так, наряду с эвфемистичным наименованием прилагательного «крупный» («Да, он крупный мужчина, не мешало бы сбросить килограммов восемь» («Новый регион», июнь 2007 г.) в представленных источниках встречаются прямые номинации, синонимичные понятиям «мощный», «большой по величине»: «Положение сидений легко регулируется, так что и хрупкая барышня вроде меня, и крупный мужчина будут чувствовать себя за рулем одинаково комфортно» («РБК daily», апрель 2009 г.).

Прилагательное «упитанный» аналогично употребляется не только в качестве эвфемизма по отношению к полному человеку, но и в прямом значении, ср.: «Если же упитанный драйвер пренебрегал этим средством безопасности, полнота, наоборот, повышала риск смерти на 10% по сравнению с худощавыми водителями, забывшими про ремень» («РБК daily», февраль 2010 г.) и «Мальчик достаточно упитанный. Его состояние оценивают как удовлетворительное» («Комсомольская правда», август 2013 г.).

Прилагательное «пухлый» употребляется только для характеристики внешности детей в своем прямом значении: «Его зовут Маурицио, он очень подвижный, симпатичный, пухлый ребенок с темными глазами» («Труд», июль 2003 г.). Примечательно, что данный адектив, используемый для характеристики ребенка, имеет положительную семантику и не нуждается в эвфемистической паре.

Прилагательное «дородный» в качестве эвфемизма используется довольно редко: «Дородный парубок, регулярное трёхразовое калорийное олигархическое питание сделали его упитанным и округлым» («Известия», май 2014 г.).

Если эвфемизм «дородный» может использоваться в ироническом ключе, то «аппетитный» в СМИ вызывает двусмысленные ассоциации: «В мужских журналах женщины аппетитные, с формами» («РБК», декабрь 2014 г.). Данная номинация не представлена широко, но встречается в эпатажных, скандальных публикациях и рассчитана на соответствующую реакцию целевой аудитории.

Важно отметить, что тексты газетного не имеют цели приукрасить действительность, языковые средства данного дискурса в целом имеют нейтральную валентность. Следовательно, «экспрессивные» эвфемизмы, не просто скрывающие недостаток, а выдающие его за достоинство, не характерны для газетных текстов. Так, эвфемистических единиц «сдобный», «с приятной полнотой», «пышнотелый» в текстах СМИ нами не было обнаружено.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В газетном дискурсе востребован достаточно широкий спектр эвфемистических обозначений полноты. Приведенные примеры показывают, что наибольший простор для их использования дают публикации, посвященные проблемам лишнего веса и похудения, современным стандартам фигуры, одежде для полных людей и т.д. Группа эвфемизмов со значением «толстый человек» в газетном дискурсе представлена неоднородно. «Газетные» эвфемизмы рассматривае-

450 | мой тематической группы, в отличие от «рекламных», не имеют маркетинговых задач и поэтому не выполняют эстетизирующей и комплиментарной функции. В целом использование эвфемизмов данной тематической группы в СМИ обусловлено лишь интенцией адресанта нивелировать негативный прагматический эффект.

Литература

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. – 672 с.
2. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С. 590.
3. Вильданова Г.А. Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 162 с.
4. Жукова А.Г. Эвфемизмы со значением ‘полнота’, ‘жировые отложения’ в рекламном дискурсе // Человек в информационном пространстве. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 127-133.
5. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
6. Лопатин В.В. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2013. – 928 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М.: А ТЕМП, 2010. – 944 с.
8. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

Abramova A.S.

EUPHEMISMS WITH THE MEANING «FAT PERSON» IN MODERN MASS MEDIA

Abstract. The article analyzes the features of using euphemisms thematically related to a particular body type (a thematic group of words “fatness”) in newspaper discourse.

Key words: Mass media language, newspaper discourse, euphemism.

ГРЕЧЕСКИЕ (ПОНТИЙСКИЕ) ФАМИЛИИ С ТУРЕЦКИМИ КОРНЯМИ В СРАВНЕНИИ С РУССКИМИ ФАМИЛИЯМИ С ТЮРКСКОЙ ОСНОВОЙ

Аннотация. В данной статье рассмотрены греко-понтийские фамилии с турецким компонентом и некоторые русские фамилии с тюркской основой. Проанализированы характерные особенности грамматического строения данных фамилий. Рассмотрены причины возникновения фамилий. Выявлены и представлены основные типы греко-понтийских фамилий с турецкими корнями и русских с тюркской основой.

Ключевые слова: Понтийский, греческий, русский, турецкий, тюркский, фамилия, антропоним, патронимы, корень, компонент, основа.

Развитие межэтнических контактов нередко приводит к заимствованиям. Перенимаются и заимствуются не только предметы быта слова и понятия, обозначающие эти предметы, но и обычаи. Заимствование – сложный исторический и социокультурный аспект, который во многом способствует развитию, становлению и укреплению отношений между различными народами. Заимствоваться могут и фамилии. Одной из причин может служить то, что представители одного этноса, переселяясь из своих исконных мест в другие, становятся родоначальниками новых фамилий.

В данной статье будут рассмотрены греческие (понтийские) фамилии с турецкими корнями в сравнении с некоторыми русскими фамилиями с тюркской основой. В ходе анализа греческих (понтийских) фамилий авторами статьи был составлен сравнительно небольшой корпус фамилий с турецкими корнями. В основном это фамилии понтийских греков. Основной базой русских фамилий с тюркскими корнями послужил корпус фамилий, представленный в книге Н.А. Баскакова «Русские фамилии с тюркскими корнями».

Понтийскими греками (самоназвание – «Ромеос» (гр. Ρωμαίος)) принято считать греков, некогда населяющих юго-восточное побережье Черного моря (Понта) [1; 23].

Самым важным отличием понтийских греков является их язык – говоры восточно-анаатолийского диалекта турецкого языка. Для обозначения этих групп используется турецкий этноним «урумы». Тюркоязычные понтийцы имеют чёткую этническую идентичность как греки Понта и отождествляют себя с общепонтийским наследием.

Понтийские греки проживают в Российской Федерации, Армении, Грузии, Азербайджане, Казахстане, в самой Греции, Турции, США, ФРГ, Канаде [2; 20].

Часть понтийцев – тюркоязычны и использовали в быту (до переселения из Понта) турецкий язык. Понтийский диалект сильно отличается от новогреческого.

В статье этнографа А. Попова («Понтийские греки») говорится о двуязычии понтийцев. А. Попов утверждает, что понтийские греки в быту наряду с греческим использовали и турецкий язык. Это объясняется тем, что в XV – XVII вв. понтийцы перешли на турецкий, а греческую речь сохраняли в виде греко-тюркской билингвы. После переселения в Россию вторым языком для понтийцев стал русский. На турецком преимущественно говорило старшее поколение. Фольклорная традиция (песни, частушки, сказки и др.) также сохранилась на турецком языке [4].

Вышеизложенные факты из истории и языка греко-понтийского народа могут объяснить наличие турецких корней. Стоит заметить, что народы эти на протяжении много столетий жили и живут рядом. Это соседство не могло не отразиться на культурах, на языках народов, населяющих данный регион. Заимствования были не только в одностороннем порядке – безусловно, и в турецкий язык проникло огромное количество греческих слов – будь то терминологическая (научная) лексика, или единицы языка, обозначающие те или иные предметы быта.

Обратимся же к фамилиям. Для начала скажем несколько слов о науке, которая занимается изучением фамилий. Антропонимика – (от греч. *άνθρωπος* — человек и *ὄνομα* — имя) — раздел ономастики, изучающий антропонимы — собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена) [3; 36].

Антропонимом называется любое имя собственное, которым зовется человек: имя личное (Иван, Мария / Марья, Ваня, Маня); отчество (Иванович / Иваныч, Савельевич / Савельич, Ивановна / Иванна); фамилия (Иванов, Ивановский, Ивановских); прозвище (Хомяк, Кувшинное Рыло, Тетя Лошадь, Косолапый); псевдоним (Иегудиил Хламида – М.Горький; Казак Луганский – В. Даль); клички (Коняга, Коба).

Здесь стоит заметить, что, безусловно, рассмотреть и проанализировать все современные греческие фамилии с интересующим нас компонентом –

задача весьма сложная. Авторы решили ограничиться интересными случаями и распространенными греческими фамилиями. Основной корпус фамилий собран в Греции и в Малой Азии.

Большинство греческих фамилий ведут своё происхождение либо от места рождения человека, либо от имён и многочисленных прозвищ. Приведем примеры: Адамиди — от библейского имени Адам, Иоаннидис — Иоанн, Аманатидис (Αμανατίδης) образовано от слова «аманат⁴», что значит «жилистый, сильный человек»; Кавьяр — (Καβιάρ) торговец рыбной икрой.

Разнообразие фамилий огромно, можно встретить следы слов турецких, славянских, итальянских. Нас прежде всего интересуют турецкие корни. Для этого обратимся к фамилиям с турецким компонентом (корнем):

Фамилии на греческом	Русское произношение	Этимология	Значение
Αραμπατζής	арабадзис	araba+ci	извозчик
Αράπογλου	арапоглу	arap+oğlu	букв. «сын араба»
Ασλανίδης	асланиди	arслан	лев
Ασλάνογλου	асланоглу	aslan + oğlu	сын льва
Ατζαμιδάκης	адзамидаки	acemi	новичок, чужой
Ατζιος	адзиос	haci	хаджи – мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.
Βογιατζόγλου	воиадзоглу	boya +ci + oğlu	букв. сын красильщика
Βουζιανας	вузианас	buz	лёд, ледяной
Γιάσογλου	ясоглу	yas (вполне возможно, что yaz)	yas – траур yaz – лето
Γιαχνής	яхнис	yahni	яхни (мясное блюдо, приготовленное с жареным луком)
Γκιόκας	гиокас	gök	небо, цвет неба
Γκοτσινας	готсинас	koç	баран
Δελής	делис	deli	сумасшедший, помешанный, ненормальный
Δικος	дикос	dik	стройный
Δουβαρα	дувара	duvar	стена
Δουκιαντζάκης	дукиадзакис	dukkan+ci	бакалейщик
Εκμεκτσόγλου	экмекцоглу	ekmek +ci + oglu	сын пекаря

⁴ В турецком emanet - оставление на попечение; сдача на хранение.

Ζορμπάς	зорбас	zorba	буйный
Ισλαμίδη	исламиди	İslam	Ислам
Καζανάς	казанас	kazan	котелок
Καζαντζίδης	казадзидис	kaza	1) несчастный случай; 2) судьба
Καπακλής	капаклис	kapak	крышка
Καραγιαννίδης	караянидис	Kara + Yanidis	черный + имя собственное букв. черный Янидис
Καρακασίδης	каракасидис	kara + kaş	чернобровый
Καράς	кара	kara	черный
Καραγκιόζης	карагиозис	kara + gök	черноглазый
Κεμεντζετιδής	кэмэндзецидис	keman + ci	музыкант, который играет на лире (скрипке)
Κοτσαμουκίδης	коцамукидис	hoca	учитель, наставник
Μπαλτατζής	балтадзис	balta+ci	дровосек
Μπογιατζή	боядзи	boya+ci	маляр
Μπουγέα	бугэа	boğa	бык
Ουσταμπάσης	устабасис	usta мастер + baş голова	букв. «главный над мастерами»
Παπάζογλου	папазоглу	papaz + oglu	сын священника
Σαμπαζιώτη	сабазёти	saban	плуг
Σεφεριάδης	сэфэриадис	sefer	в значении: военный поход
Σακαλλής	сакаллис	sakal	борода, бородатый
Σιμιτζής	симитдзы	simitçi	выпекающий или продающий бублики
Ταμπάκου	табаку	tabak	тарелка
Τερζής	тэрзис	terzi	портной
Τοπάλογλου	топалоглу	topal+ oglu	сын хромого
Τσιρκινίδης	тсиркинидис	çirkin	некрасивый
Τσιφλιτζής	цифлидзис	çift	пара, парный
Τσομπάνογλου	цопаноглу	coban+oglu	сын пастуха

Как видно из таблицы, фамилии могут обозначать профессии (Κεμεντζετιδής [кэмэндзецидис] – скрипач), внешний вид – (Τσιρκινίδης [тсиркинидис] – некрасивый), (Καρακασίδης [каракасидис] – чернобровый) и др. Некоторые из состоят из двух турецких корней, например: Εκμεκτσόγλου [Экмекцоглу], где εκμεκ (хлеб) + çι – аффикс для образования названий про-

фессий + oglu (сын), что значит – «сын пекаря». Нехарактерный для греческого звук [ç] передаётся сочетанием букв τσ [тс]. Однако, как видно из таблицы, окончания фамилий – греческие. Со временем новые, заимствованные слова начинают подчиняться правилам греческого языка, становятся «греческими».

Процесс возникновения фамилий с иноязычной основой наблюдается не только в греческом языке. Этот процесс можно наблюдать и в русском языке. В русских фамилиях легко обнаруживаются тюркские корни. Это объясняется очень просто. Россия – многонациональная страна с многовековой историей. Кроме того, стоит заметить, что русский язык на протяжении длительного исторического периода взаимодействовал с различными тюркскими языками. В результате каждая из сторон обогатила свой лексический арсенал необходимыми заимствованиями. Мы хотели бы остановиться на некоторых русских фамилиях с тюркской основой, сравнить эти фамилии с похожими фамилиями в греческом языке, установить сходство/различие между ними. Для этого мы обратились к книге Н.А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения». В этой книге собран достаточно большой (300 фамилий) корпус интересующих нас фамилий. Возникновение и формирование этих фамилий, – как пишет автор вышеупомянутой книги, – «объясняется переходом на русскую службу выходцев главным образом из Золотой Орды, а также из родовых и государственных объединений тюркоязычных народов, как более ранних по отношению к Золотой Орде, так и образовавшихся после ее распада на Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское ханства» [1; 6]. Автор приводит 300 фамилий с подробным историко-этимологическим анализом каждой фамилии.

Сравним некоторые греческие и русские фамилии с тюркскими основами. И в греческом и в русском языках есть фамилия с основой «арап». В греческом это фамилия: Αράπογλου [арапоглу], а в русском Арапов. Что интересно, в греческом языке эта фамилия состоит из двух заимствованных компонентов: агар «араб» + oglu «сын», а в русском – «арап⁵» + русский суффикс образования фамилий -ов. Собственное имя Аслан⁶ (тур. arslan «лев») в русском языке приобрело форму «Руслан», а в греческом – преобразовалось в фамилию Ασλανίδης [асланиди]. Распространенными также считаются фамилии с компонентом «кага» («чёрный»). Например, в русском языке: Карачаров [1; 180], Карачинский [1; 168], Карачеев [1; 232]; в греческом: Καραγααννίδης [караянидис], Καρακασίδης [каракасидис] и др.

⁵ Фамилия Арапов могла возникнуть либо из принадлежности ее родоначальников к чернокожим (ср. арап Петра Великого — прозвище Ганнибала), либо из отрицательного прозвища арап «обманщик, плут, пройдоха» (см. Баскаков Н.А. «Русские фамилии тюркского происхождения» М., «Наука», 1979. С. 163.

⁶ В русских летописях, былинах, сказках: Арслан, Руслан, Ёруслан, Аслам. Там же. С. 231.

В данной статье была предпринята попытка продемонстрировать наличие греческих (понтийских) фамилий с турецкими корнями, а также русских с тюркской основой. Безусловно, этот пласт лексики нуждается в более детальном анализе. Во-первых, необходимо очертить границы распространения фамилий с турецкими корнями, частность их употребления. Во-вторых, разбраться со сложными языковыми процессами. В-третьих, к решению данного вопроса можно подойти с точки зрения лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, что создаст прочный плацдарм для развития межэтнических и культурных связей между народами.

Литература

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., «Наука», 1979.
2. Иванова Ю.В. Культурная общность – понтийцы // *Studia Pontocausasica*. Вып. 3. Понтийские греки. Краснодар, 1997; Агдзидис В. Одиссея Понтийских греков. От геноцида и сталинизма к перестройке. Салоники, 1991.
3. Гуриели Э., Игнадиадзе Р., Читлов Д., Читлов Ф. Славные греки Грузии. Тбилиси, 1995. С. 15-21.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Попов А. П. Понтийские греки [Электронный доступ] <http://papounidis.com/pontijskie-greki/>
6. [Электронный доступ] <http://elramd.com/grechskie-familii/>
7. «Τα οικογενειακά μας ονόματα», Μανόλη Τριανταφυλλίδη, εκδ. Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, Θεσσαλονίκη 1995.
8. «Ονόματα – Επώνυμα – Παρατσούκλια», Ανδρέα Καλαντζάκου, εκδ. Ελεύθερη Σκέψη, Αθήνα 2000.
9. «Νεοελληνικό Ετυμολογικό και Ερμηνευτικό Λεξικό», Αθανασίου Φλώρου, εκδ. Α. Λιβάνη «Νέα Σύνορα, Αθήνα 1980.

Ayzatullin T. Rauf, Ioakeimidi Eirini

GREEK (PONTIC) SURNAMEN WITH TURKISH ROOTS IN COMPARISON WITH RUSSIAN SURNAMEN ALSO WITH TURKISH ROOTS

Abstract. In this article are examined Greek surnames with Turkish component and some Russian surnames with the Turkish. Were analyzed characteristic features of the grammatical structure of these surnames. Were considered the reasons for borrowing surnames. The main types of Greco-Pontic surnames with Turkish roots and Russian surnames also with Turkish roots were identified and presented.

Key words: Pontic, Greek, Russian, Turkish, surname, anthroponym, patronyms, root, component.

Алимбай Айгерим

студент 2 курса университета им. Сулеймана Демиреля,

Алматы, Казахстан

alimbayevaaygerim@gmail.com

Сураншиева Дана

студент 2 курса университета им. Сулеймана Демиреля,

Алматы, Казахстан

dana.suranshiyeva@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЯЗЫЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию отношения к русскому, казахскому, и английскому языкам в условиях существующего полилингвизма Казахстане.

Ключевые слова: Полилингвизм, отношение к языкам, тест «matched guise».

В республике Казахстан, на сегодняшний день, проживает более 130 народностей, большинство из которых сохранили свои национальные и культурные ценности, в том числе и язык. Однако это не препятствует взаимопониманию между представителями различных национальностей, так как согласно данным статистики 94.4% населения понимают устную речь на русском языке [1], который в силу сложившихся исторических обстоятельств получил в Казахстане статус языка межнационального общения. В настоящее время также ведется политика по укреплению позиций казахского языка, являющегося титульным языком нации, а, следовательно, государственным языком республики Казахстан. Дальнейшая языковая политика в Казахстане предполагает переход от двуязычия к трехязычию, то есть использованию английского языка наряду с казахским и русским [2]. Это вполне закономерно, так как английский язык является одним из основных каналов получения информации и знаний со всего мира. Однако не все казахстанцы придерживаются того мнения, что трехязычие необходимо. Многие считают, что такая политика может навредить развитию государственного языка. В связи с этим, актуальным является исследование отношения к языкам, функционирующим в Казахстане, для выявления степени их востребованности и престижа в обществе.

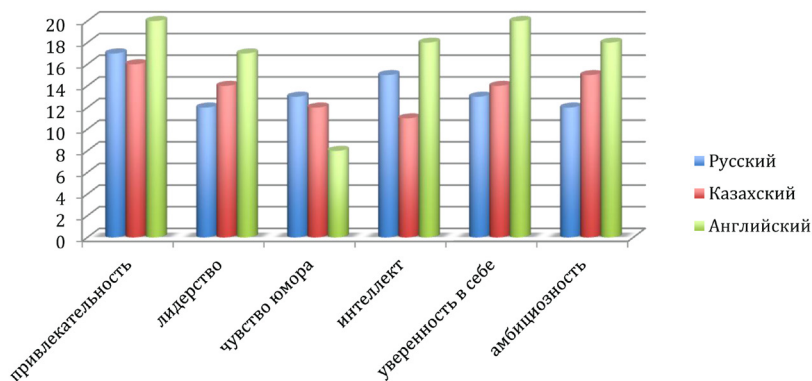
В 2016 году началось внедрение трехязычного обучения в школах и университетах. В связи с этим нас заинтересовало отношение студентов к казахскому, русскому и английскому языкам, которые планируется использовать для преподавания различных предметов, так как оно будет существенно влиять

на проведение политики трехязычия. Выявление отношения к русскому, казахскому и английскому языкам послужило целью нашего исследования, которое, в свою очередь, может послужить основой для проведения сбалансированной языковой политики наряду с другими исследованиями такого рода.

С целью выявления отношения к трем вышеуказанным языкам нами был проведен эксперимент на базе университета имени Сулеймана Демиреля, с участием 20 студентов и 20 преподавателей разных факультетов. Возраст участников эксперимента составлял от 17 до 50 лет. Нами были выделены две возрастные группы: студенты – в возрасте от 17 до 24, и преподаватели возрастной категории 28-50. Все респонденты являются билингвами, свободно владеющими русским и казахским языками. Для проведения эксперимента был использован метод социолингвистического исследования «matched-guise test», разработанный В. Ламбертом и его коллегами для выявления скрытого отношения к языкам (точнее к английскому и французскому – в Монреале, Канада) [3]. Суть данного метода заключается в том, что прослушав отрывок речи, респонденты дают характеристику личных качеств говорящего. Важно отметить, что респондентам предлагается прослушать запись одного и того же текста, произнесенного одним и тем же человеком, но на разных языках, при этом респонденты не знают, что слушают одного и того же человека.

В ходе нашего эксперимента респондентам было предложено прослушать девять разных аудиозаписей, три из которых были сделаны одним и тем же человеком на русском, казахском и английском языках. После прослушивания записей респонденты должны были охарактеризовать говорящих по следующим параметрам: привлекательность, лидерство, чувство юмора, интеллект, уверенность в себе, амбициозность.

Рисунок 1. Характеристика говорящих, данная студентами

Как видно из графика, приведенного выше, английский язык получил наибольшее число положительных оценок практически по всем категориям. Все 20 респондентов ответили, что человек, который говорил на английском

привлекателен и уверен в себе. Принимая во внимание и другие положительные характеристики, данные говорящему на английском языке, можно сделать вывод, что на сегодняшний день, английский язык является более привлекательным для молодежи, чем русский или казахский. Английский язык так же представляется языком, дающим больше возможностей, так как человек говорящий на английском, был оценен как лидер, умный и амбициозный в большем количестве случаев, чем тот же человек говорящий на русском или казахском.

Говоря об отношении студентов к русскому и казахскому языкам нужно отметить, что казахский воспринимается как язык, дающий больше возможностей, чем русский, так как респонденты отметили, что говорящий на казахском более амбициозен и уверен в себе, чем говорящий на русском. Из этого следует, что языковая политика, проводимая по укреплению позиций казахского языка дала свои плоды и его статус повышается среди молодежи. Однако следует отметить, что русский язык сохраняет свою привлекательность для молодежи, что подтверждается высокой оценкой данной интеллекту, привлекательности и чувству юмора человека, говорящего на русском.

Оценка преподавателей отличается от оценки студентов в том, что английский и русский имеют практически одинаковую оценку по всем параметрам, которая является ниже, чем оценка, полученная говорящим на казахском, что можно объяснить тем, что национальная принадлежность людей более старшего возраста уже сформирована, и они, соответственно, осознают, что язык – это часть их национальной идентичности.

В заключение следует отметить, что отношение к языку в обществе это главный фактор его существования и развития в данном обществе.

Литература

1. Кадыралина Ж. Языковая политика в Казахстане как инструмент строительства нации. <http://e-history.kz/ru/expert/view/50>
2. Стратегии и программы республики Казахстан. http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs
3. Lambert W., Hodgson R. Evaluational reactions to spoken languages // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1960. No.60. pp. 44-51.

Alimbay A., Suranshiyeva D.

LANGUAGE ATTITUDES IN MULTILINGUAL ENVIRONMENT IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article discusses language attitudes to Russian, Kazakh and English in multilingual environment in Kazakhstan.

Key words: Multilingualism, language attitudes, matched-guise test.

Алмин Кирилл Игоревич
студент Исторического факультета II курса
Самарского государственного социально-педагогического университета
Россия, г. Самара
Almin.kirill@mail.ru

МАЯК НАД ВОЛГОЙ (ТОПОНИМИКА СЕЛА ВИННОВКА)

Аннотация. Есть на Земле особенные места, которые так и называются – святыми. И в какое бы мы ни отправились святое место – это путь к Богу. В данной статье повествуется об истории возникновения села Винновка на территории Самарской области и мужского монастыря. И что называют «Маяк над Волгой» или иначе «Волжский Афон».

Ключевые слова: монастырь, село Винновка, храм, святыня.

Любимый образ Матери Казанской
Не раз Россию от беды спасал.
От нечистия и вражеских атак
В тяжёлый час Отчизну защищал.

1 Волга, Жигули, Самарская Лука – известные и значимые слова для каждого россиянина. Волга несет свои воды по Европейской части России. В середине своего пути Волга изгибается в своем течении, образуя излучину – луку, здесь, как раз, и стоят Жигулевские ворота. Отсюда и пошло наименование этой местности Самарская Лука.

За многолюдной Самарой, со своим крутым темпом жизни можно увидеть то, что не может оставить никого равнодушным. Потому что мы входим в монашеский, уединенный мир – в Свято-Богородичный мужской монастырь во имя Божией Матери «Казанская». Над воротами монастыря, с наружной стороны, находится образ Матери Божией в мозаике. Богородица смотрит на всех пришедших в монастырь и всех согревает Своим любящим взглядом.

2. Первое упоминание о поселение Винновка относится к XVII веку в описании дворцовых сел Самарского уезда. Население являлось ясачными (государственными) крестьянами. Однако в XVII в. среди жителей села было обнаружено немало переселенцев из числа крестьян Троице-Сергиевой лавры. Их не стали возвращать на прежние места жительства, а оставили в Винновке вместе с ясачными, обязав платить подати монастырю. В 1768 г. крестьян Винновки отдали графам Орловым. В 1807 г. Винновку унаследовала Анна Алексеевна Орлова-Чесменская – дочь известного российского полководца и дипломата Алексея Орлова-Чесменского, очень набожная женщина, которая

придерживалась монастырских норм жизни. Она проживала в Москве, но при этом солидную часть своих доходов отдавала на нужды церкви (подсчитано, что всего ей на церковные нужды было отдано около 3 миллионов рублей – огромная по тем временам сумма). Именно при ней был построен каменный храм, сохранившийся до наших дней.

Первый храм в Винновке появился еще в XVIII веке. В 1770 г. в деревне, называвшейся тогда Винная-на-Ключе, была построена и освящена первая деревянная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, после чего населённый пункт был переименован в село Богородское – Винновка. В 1839 г. в селе случился пожар, в результате которого большая часть села и в том числе церковь сгорели. В это время владелицей земель, к которым принадлежало с. Богородское-Винновка, была Анна Алексеевна Орлова-Чесменская – единственная дочь графа Орлова, который за победу при Чесме утвердил Россию как великую морскую державу не только на северных, но и на южных морях. Знаменитый государственный деятель и воин, был одним из тех, кто возвел Екатерину II на престол, кто утвердил за ней титул Великой. Он очень горячо любил свою дочь (так как, рано потерял любимую жену, а потом и годовалого сына) и поэтому сделал для нее все возможное. Анна получает лучшее образование, какое дается девушкам высшего света, становится фрейлиной императрицы. Девушка сторонится не только женихов, но и жизни при дворе. После смерти своего дорого отца Анна постепенно решает окончательно отойти от светской жизни. Стоит подчеркнуть, что от отца Анна Алексеевна унаследовала сильную волю, умение жить самостоятельно. Анна сама распоряжается всем наследством, подбирая нужных людей. В Православии Анна черпает духовные силы, которые и дают ей возможность твердо стоять на земле. Пост и молитва не изнуряют ее, а, наоборот, придают ей силы.

Анна Алексеевна после пожара в селе распорядилась строить каменную церковь, которая, в последствии, стала центром всей жизни живущих здесь людей. Храм объединял людей и в радости, и в горести. В 1851 г. Храм в честь Казанской иконы Божией Матери был окончательно достроен и освящён. До 1930 г. храм существовал как сельско-приходской.

26 февраля 1930 г. по официальной версии – из-за отказа общины платить налоги – храм был закрыт. Церковь хотели разрушить, колокола были сброшены в реку, кресты пытались сорвать с куполов, но только погнули – и этот факт оказался символичным. Внутреннее убранство храма было полностью уничтожено – многие иконы были порублены топором и сожжены, однако часть икон удалось спасти местным жителям, и некоторые из них впоследствии, после возрождения церковной жизни, были возвращены.

В Винновке, как и по всей России, также были расстрелы тех, кто поднялся на борьбу с безбожной властью – их останки были найдены при восстановлении храма, при строительстве монастыря и бережно перезахоронены.

Почти век ждал возрождения этот храм и пришло время вновь сиять куполам, белеть стенам церкви.

21 июля 2003 г. в день, когда читается Казанская икона Божией Матери, в селе Винновка была отслужена Божественная литургия. Именно в этот день было принято решение о строительстве мужского монастыря.

В 2005 г. было принято решение о повышении статуса подворья в честь Казанской иконы Божией Матери из монастырского в Архиерейское.

26 апреля 2006 г. после перерыва в 76 лет в храме была отслужена первая Архиерейская Пасхальная служба.

26 декабря 2006 г. Священный Синод РПЦ благословил открытие Свято-Богородичного Казанского мужского монастыря в селе Винновка.

Проект монастыря на Волге был представлен архитектором Юрием Ивановичем Харитоновым, имевшим опыт строительства храмов в России и за ее рубежом.

Как выглядит монастырь сегодня?

Остановимся и войдем в главные врата монастыря...

В наши дни на территории Свято-Богородичного мужского монастыря в честь Казанской иконы Божией Матери в селе Винновка действуют 3 храма: храм Казанской Божией Матери: белоснежный храм с золотыми куполами, Богородичной синей кровлей хорошо виден со стороны реки и не может не радовать глаз. Виктор Чемирзов — один из первых художников, который стал заниматься иконописью, росписью стен в храме. Когда мы входим в храм, то прежде всего видим святых Руси. На одной стене предела — святителей и преподобных отцов Церкви; на другой — праведников, новомучеников и исповедников российских;

храм во имя преподобного Сергия Радонежского: зал храма украшен росписями на евангельские сюжеты. На левой стене — росписи, посвященные самарским святым;

храм во имя Святой Живоначальной Троицы: освящен Митрополитом Самарским и Сызранским Сергием, в сослужении с митрополитом Петрским и Херронисским Критской Православной Церкви Нектарием, в день Святой Троицы в 2014 г. Территория храма — монашеская. Здесь находятся братский корпус с кельями для монахов. Иконостас этого храма выполнен из мрамора.

В 2013 г. принято решение о создании на территории монастыря музея истории Винновки, в котором собраны интересные и уникальные экспонаты, такие как Часослов XVII века, рукописный Катехизис XIX века, подлинная митра святого патриарха Тихона, множество старинных икон.

А также на территории расположена колокольня в виде маяка, надвратная церковь и ротонда с чашей для водосвятия.

Все построено по образу и подобию монастыря на святой горе Афон. Во время проектирования монастыря архитектор Ю.И. Харитонов неоднократно побывал на Афоне. Общий дизайн монастыря выполнен по греческому образу.

Учитывался и местный холмистый рельеф – здания возводились так, чтобы были видны со всех сторон и закрывали одно другое. Не случайно принято называть монастырь в с. Винновка Волжским Афоном.

Настенные росписи, иконопись выполнены в древнерусском стиле, в традициях великих иконописцев Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия.

Идея всей изографии храма предложена одним из ведущих иконописцев нашего края Виктором Чемирзовым, выражена в мысли о Святой Руси, которая в своем сердце хранит образ Христа Спасителя и Богородицы.

Святынями монастыря являются: образ Богородицы Казанской, икона Святой Великомученицы княгини Елисаветы с частицей мощей, мощевик Киево-Печерских угодников Божиих.

Иконы Богоматери и Архангела Гавриила спасли жители села, которые сумели их сохранить, несмотря на то, что им грозило за это тюрьма, ссылка, расстрел.

3. Трудно теперь представить, что здесь стояла до двухтысячных годов порушенная церковь с погнутым крестом наверху.

Родина начинается с того места, где проходят самые главные события нашей жизни, где мы принимаем Крещение во Христа, даем обет верности во время таинства венчания, где исповедуем свои грехи и принимаем Плоть и Кровь Иисуса Христа через таинство Причастие (Евхаристие), где прощаемся с земной жизнью и переходим в жизнь вечную. И тем самым получается, что Родина начинается с Храма!

Храм над Волгой — как свеча, зажженная Богородице и Христу. Маяком над Волгой и, одновременно, маяком веры и надежды стал мужской монастырь во имя Казанской иконы Божией Матери в самарском селе Винновка с очень непростой историей своего возникновения.

«Свет Христов просвещает всех».

Литература

1. Солоницын А.А. Маяк над Волгой. «ООО Медиа-Книга». 2015. 46 с.
2. Солоницын А.А. Свято-Богородичный мужской монастырь во имя иконы Божией Матери «Казанская». Афон на Волге. «ООО Медиа-Книга». 2012. 16 с.
3. <http://sbkmenmon.cerkov.ru>

Almin K.I.

«LIGHTHOUSE ON THE VOLGA (PLACE NAMES VINNOVKA VILLAGE)»

Abstract. There are special places in the world, which are called - the saints. And no matter what we may have gone a holy place - this is the way to God. This article tells about the history of the village Vinnovka in the Samara region and the monastery. And that is called «Lighthouse on the Volga» or otherwise «Volzhsky Athos».

Key words: Monastery, village Vinnovka, temple, shrine.

Амерханова Алина Рамилевна
студент Оренбургского государственного
педагогического университета
Оренбург, Россия
al_am96@mail.ru

ОТ ПУСТОСЛОВИЯ ДО ПРЕДАТЕЛЬСТВА **(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА** **М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА** **«ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ»)**

Аннотация. Рассматривается образ Порфирия Головлёва (Иудушки) в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы».

Ключевые слова: русская литература; православная культура; М. Е. Салтыков-Щедрин.

*За всякое праздное слово, какое скажут люди,
дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься,
и от слов своих осудишься.*
(Мф. 12: 36–37)

Человек современного российского общества, увидев преимущества свободного доступа к различным источникам информации, не сразу осознал риски этой свободы. Помимо определенных социологами, психологами (и другими специалистами социальной сферы) проблем: интернет-зависимости, отставания в речевом развитии и отсутствия возможности логично и быстро мыслить у детей, игромания и др., мы вынуждены (вслед за Георгием Георгиевичем Бовтом, выступление «Одно дело некачественная информация, а другое дело – свобода слова и Интернета» (программа «К слову»)) констатировать проблему снижения качества, надежности, уровня глубины получаемой современным человеком информации. Проблема эта осложняется, как обычно, скрытым характером латентно протекающего «заболевания» человеческого общественного сознания. Большинство зрителей телевизионных программ, посетителей Интернета так или иначе подвержены пустословию, обеспеченному чаще всего хитросплетением коммерческих, рекламных интересов, внутри- и межкорпоративных отношений, ситуативными особенностями функционирования информационного поля.

Исследователи традиций социального речевого общения и современного состояния общественного мышления утверждают, что светское (в широком значении) пустословие – давний бич, а информационный рупор (ТВ,

Интернет) имеет силу практически неограниченного влияния на личность человека, таким образом, наличие пустословия в жизни каждого человека становится все менее заметным для него самого. Более того, все мы в какой-то мере вынуждены и пустословить, и праздномыслить – имея огромное количество приятелей, знакомых (нужных и ненужных), не так-то просто каждому уделить особое внимание.

Привычка – вторая натура. Мы уже привыкли к такому положению вещей, где за хаосом пустопорожного общения забываем о глубоких мыслях, стремлениях, чувствах. Праздномыслие, пустословие особенно опасны тем, что не выглядят дурным поступком – ведь это даже не сплетни, не злословие. Но, оказывается, в православии эти составляющие нашей жизни являются грехом. Религиозное мышление ценно ещё и тем, что порой заставляет нас удивляться закоренелости, прочности наших заблуждений, и то, что для верующего человека ясно как день, нам представляется странным, неожиданным, таким, что сегодня модно определять словечком «нонсенс». (Из высказываний современного подростка: «У нас соседка в Бога верит, мяса не ест – в общем, ненормальная»).

Речь выражает наши мысли и чувства. Это привычное положение скрывает многие составляющие: подбор лексики, ритм, тональность, мелодика, даже тембр – и в каждой составляющей больше чувства, (хотя, конечно, и мысль тоже присутствует), а, значит, всегда идёт интенсивная, хотя и малозаметная, работа души. Митрополит Саратовский и Вольский Лонгин так говорит об этом: «Празднословие не только бесполезно, но еще и очень вредно для каждого из нас. Осуждая или просто болтая без смысла, мы как бы «выступаем» наше сердце и нашу душу. Святые отцы, говоря о празднословии, часто употребляли это понятие. Это как дом с открытыми окнами и дверями в мороз — там не может жить ничего доброго. Поэтому и в сердце человека, который постоянно празднословит, со временем образуется пустота, которая не дает вселиться в это сердце ничему хорошему, доброму.» (Интервью митрополита Саратовского и Вольского Лонгина). Ольга Рожнёва в своей статье «Многоглаголанье, пустословие и любопытство. Из наследия Оптинских старцев» пишет о том, что «оптинские старцы часто напоминали о благоразумном молчании и предостерегали от многоглаголанья. Преподобный Амвросий наставлял: «Благое говорить – серебро рассыпать, а благоразумное молчание – золото. Лучше предвидеть и молчать, чем говорить и потом раскаиваться. Умное молчание дороже всего. Если положить все правила благоразумия на одну весовую чашу, а на другую чашу положить благоразумное молчание, то молчание одно перевесит». Преподобный Никон писал: «От неосторожных слов более бед, нежели от самих дел. Помни монашеское правило: не начинать говорить самому, не быв спрошенным». И хоть эти слова старца относятся к монашествующим, но и живущим в миру нужно чаще вспоминать

466 | о них. Ведь как часто мы даем непрошенные советы, задаем лишние вопросы, рассказываем что-то глубоко личное (что следовало бы сберечь лишь для близких людей), а потом раскaiваемся в этом» [6].

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в своём романе «Господа Головлёвы», описывая одного из героев, делает упор как раз на эти его качества: пустословие и праздномыслие. Этот герой – Порфирий Головлёв, по прозвищу Иудушка, прототипом которого является брат Щедрина Дмитрий Евграфович. Иудушкой его зовут потому, что предательство – основная составляющая его натуры. Сам себе Порфирий Головлёв казался очень набожным, нравственным человеком; по сути, он даже не осознавал, что своими действиями сжил со свету родных братьев, сыновей и мать. Именно это его непонимание помогает читателям задуматься, всегда ли и мы способны осознать, к чему может привести наше празднословие, такое на первый взгляд невинное, порой даже кажущееся милым как беззаботное щебетание, что «словесный гной» Иудушки – это выражение болезни его души, которая позволяет думать, что он является причиной гибели «всех», причиной бесчисленных «умертвий». Он – жертва сложившихся от века общественных семейных отношений. Щедринский герой не только калечит, он сам искалечен силой вещей. Не смея противостоять той чудовищной инерции зла, которая влечёт его по жизненному пути, он погружается в опустошающий душу мир пустяков и мелочей и, в конце концов, приходит к разрыву с реальной действительностью. Является ли Иудушкино предсмертное раскаяние искуплением вины перед всеми замученными им? На этот счёт нет единого мнения. Некоторые критики (И.Б. Павлова, А.П. Ауэр, И.А. Есаулов, А.А. Колесников, С.Ф. Дмитренко, Т.Н. Головина) считают, что в пробуждении мёртвой души Иудушки писатель видел залог его возможного возрождения, вступления на новый жизненный путь.

Другие придерживаются мнения, что совесть становится для героя возмездием за всё совершённое им зло, и ключом к разгадке считают сказку «Христова ночь», написанную Салтыковым-Щедриным через шесть лет после публикации «Господ Головлёвых». В этом произведении воскресший Христос не может забыть предательства, поэтому возвращает к жизни своего обидчика и обрекает его на вечные страдания. Таково понимание Салтыковым-Щедриным роли новозаветного персонажа-предателя как в Евангелии, так и вообще в мире.

Великий актёр, сыгравший роль Иудушки на сцене – И. М. Смоктуновский однажды сказал, что Салтыков-Щедрин писал не про какого-то чудовищного человека, стоящего особняком среди людей, но про каждого из людей. Если воспринимать литературные произведения и их героев всерьёз, можно увидеть связи между такими, казалось бы, разными понятиями, как пустословие, праздномыслие и предательство. Не следует забывать о том,

что книги – наш шанс посмотреть на мир и самих себя со стороны и сделать попытку изменить жизнь к лучшему.

Литература

1. Ауэр А.П. Некоторые особенности поэтики М.Е. Салтыкова-Щедрина. // Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в историко-литературном контексте. – Калинин: Изд. КГУ, 1989. – С.93-100.
2. Головина Т.Н. «История одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина: литературные параллели. – Иваново: Изд. ИвГУ, 1997. – 76 с.
3. Дмитренко С.Ф. Щедрин: незнакомый мир знакомых книг: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Изд. МГУ, 1998. – 96 с.
4. Есаулов И. А. Тоталитарность и соборность: два лика русской культуры. // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. 1. – С. 148-170.
5. Колесников А.А. Переосмысление архетипа «блудного сына» в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». // Писатель, творчество: современное восприятие. – Курск: Изд. КГПУ, 1999. – С. 38-52.
- Павлова И. Б. Проблема русской национальной судьбы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический, духовный аспекты. Автореферат докторской диссертации по филологии. Мск, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.cheloveknauka.com/problema-russkoj-natsionalnoj-sudby-v-tvorchestve-m-e-saltykova-schedrina-hudozhestvenny-obschestvenno-istoricheskiy-duh>
6. Рожнёва Ольга – «Многоглаголение, пустословие и любопытство. Из наследия Оптинских старцев» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.pravoslavie.ru/62843.html>
7. Тюнькин К. И. Салтыков-Щедрин. // М. : Мол. гвардия, 1989. – 621 [3] с, ил. – (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 3 (694)).

Amerkhanova A.R.

FROM VERBIAGE TO BETRAYAL (BASED ON THE NOVEL «THE GOLOVLYOV FAMILY» BY M. E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN)

Abstract. The article focuses upon the image of Porphyry Golovlyov (Judas) in Saltykov-Shchedrin's «The Golovlyov family».

Key words: The Russian literature; Orthodox culture; M. E. Saltykov-Shchedrin

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗАХ ЭДГАРА А. ПО

Аннотация. В работе представлено исследование особенностей готической литературы, а также ее роли в возникновении психологической и детективной новеллы у Эдгара А. По, а также сравниваются художественные методы готической прозы и методы писателя при написании логических рассказов.

Ключевые слова: Готическая литература; детектив; Эдгар По.

Готическая литература являлась самым прогрессивным и популярным жанром начиная с конца XVIII в. Определение канонов готического жанра громкими именами Х. Уолпола, А. Радклиф и М. Г. Льюиса открыло новую, ранее неизведанную перспективу для авторов предромантизма. Н. А. Соловьева писала: «XVIII век не был веком только разума, здравого смысла. Это было время, когда воображение, фантазия по праву стали считаться существенным качеством интеллекта...» [5, с.84]. Разумеется, первоначально такие настроения воспринимались скептически, особенно в литературе, которая на тот момент придерживалась строгих догм. Отдалившийся на колоссальное расстояние от классицизма, новый жанр подвергнулся суровой критике, однако, он быстро утвердил свои позиции среди публики, как созидающей, так и потребляющей. Новые идеи стали требовать новых методов.

Готический роман, обнажающий в себе несовершенства человека и окружающего его мира, акцентирующий зыбкость грани между реальным и фантастическим, побуждал авторов использовать соответствующие литературные приемы: угнетение, страх, постоянное напряжение. Средневековье, которое зачастую становилось главным временем действия, генерировало в авторском сознании нереальные, мифические образы, возникающие призраками на христианских землях. Человеческая фантазия, до этого ограниченная рамками религии и шаблонной этики классицизма, теперь знакомялась с новыми образами, постепенно, но неотвратно; интерес к неизведанному был гораздо сильнее господствующего традиционализма. Читателям того времени не терпелось узнать, что же находилось за гранью обыденного. Готическая литература была готова дать ответ. Отсюда следует главная и наиболее общая особенность готического романа – интрига. Именно она стала своеобразной визитной карточкой, делала жанр узнаваемым и в своем роде уникальным.

Мрачные стены древних средневековых замков, меланхолия, испуг – все это стало прочными нитями в канве повествования, способной затянуть читателя; новый образ главного героя заставлял завидовать приключениям, выпавшим на его долю, сочувствовать ему. И действительно, то, что происходило в готическом романе с героями имело мало общего с идеалами классицизма, которые превозносили разум и отрицали чувства. Ситуации и эмоции героев готической литературы стали несколько реалистичнее, нежели в литературе классицизма, что объяснимо общественными взглядами времени, в которое она создавалась. Н. А. Соловьева характеризует это так: «Свойство личностное, способное реагировать на несоответствие между нравственным достоинством личности и ее униженным общественным положением, становится постоянным качеством общественного сознания уже в период предромантизма» [5, с. 120].

В Америке результатом комбинирования предромантизма и собственно романтизма, который уже господствовал в Европе, становится еще один жанр – романтическая новелла. Именно на этом поприще Эдгар По добился своей популярности.

Тщательно работавший над чистотой своего литературного языка, Э. По взял за основу журнальную прозу. «Он исследовал ее тематику, стилистику, язык, композиционные принципы, пытаясь раскрыть секреты ремесла» [2, с. 167], – уточняет Ю. В. Ковалев. Желание быть интересным публике, любовь к литературе заставляли писателя идти на смелые, порой отчаянные эксперименты. Именно поэтому, по словам литературоведа, «...ранние рассказы По оказались в большинстве своем многозначны и неопределенны в жанровом отношении» [2, с. 168].

Э. По вовсе не является представителем писательской элиты готики. Он – популяризатор данного жанра, его исследователь, экспериментатор, принесший большую славу жанру ужасов, но при всем этом он – романтик, новатор, искатель. Главной заслугой американца считается не столько его продолжение традиций готической литературы, сколько раскрытие ее богатства в тонком, эмоционально-психологическом ключе.

Нельзя не заметить, что огромное влияние на произведения Эдгара По оказывают события его собственной жизни, которая была довольно трагичной, а также общественные настроения, свойственные интеллигенции США в то время: агрессивный конформизм на грани революции. Трагизм этот в большой степени отразился на атмосфере его произведений. Новеллистика в исполнении Э. По сквозила скорее готической нежели романтической эстетикой, и в то же время не выходила за пределы второй. Конфликт в произведениях Эдгара По всегда затрагивает острые темы: ценность человеческой жизни в обществе, идея против общественных устоев – все это является чертами романтизма. Такой жанровый синкретизм свойственен всей прозе писателя, что ставит его особняком среди авторов своей эпохи.

Эксперименты и подражания достигли своего апогея в произведении «Падение дома Эшеров». Гнетущая атмосфера, старинный особняк, трагедия главных героев – начитанный современник бы с легкостью идентифицировал готический рассказ, который теперь воспринимается довольно равнодушно. Отличительной чертой произведения, отождествляющей его с новым временем и его литературными течениями, становится глубокий психологизм. Повышенный интерес к душевной организации человека, к его переживаниям, к рефлексорным реакциям его психики на положительные и отрицательные эмоции вдохновляли писателя. Исследуя разум человека на уровне науки, Э. По научился воспроизводить эмоциональные реакции персонажей в своих творениях; более того, он умело пользовался этим для того, чтобы впечатлить читателя должным образом. Нельзя не заметить размах этой тенденции в рассказах ужаса, а со временем она станет константой, авторской подписью. Однако, эволюция Эдгара По в отношении литературы не закончилась. Авторское кредо вынудило его искать новые дороги.

Наконец, после череды опытов, в 1841 году выходит «Убийство на улице Морг». Психологическая проза писателя вышла на новый уровень, сам Э. По же окрестил ее «логической». Серия рассказов о делах сыщика Дюпена, а также «Золотой жук» стали тем, что в XX веке будут называть детективом. Эволюцию, которую совершил По в ходе своих литературных экспериментов, по достоинству оценили главным образом его последователи, которые и оформили жанр до конца, сделали его уникальным.

Нужно заметить, что логические рассказы Э. По, будучи первыми произведениями своего жанра, еще не обладали всеми чертами, присущими позднему детективу. В произведениях же, к примеру, А. Конан-Дойля уже присутствуют определенные рамки, которые в течение долгого времени неукоснительно соблюдали творцы детективной прозы. Однако произведения Э. По представляют своего рода конвергенцию излюбленных авторских методов, интересов, исканий, что дает литературоведам широкий круг вопросов касательно зарождения логического рассказа. Анализируя прошлые новеллы Э. По можно сделать вывод: романтик черпал вдохновение в поздней готической литературе (а именно в ужасах и романах напряжения), а также руководствовался проверенными художественными методами таких титанов словесности, таких как У. Шекспир, Д. Байрон, Д. Мильтон и т.д. Создавая новую прозу, писатель не отступал от своих идеалов, но и не прекращал движение по курсу, который прокладывал самостоятельно.

Наибольший интерес для писателя представляло то, как читатель воспринимает произведение на психологическом уровне. Глядя на творчество Эдгара По с такого ракурса становится видно, что границы применения данного метода весьма размыты: глубокий психологизм свойственен и лирике писателя, причем начиная сразу с первого сборника стихотворений

(«„Тамерлан“ и другие стихотворения»); кроме того, не стоит забывать, что романтизм в целом тяготел к многогранному отражению чувственности человеческой души. Эта особенность, активно развивавшаяся в поздней готике, была не таким уж редким явлением в литературе XIX века. Но у Э. По психологизм является значительным элементом, позволяющим всячески манипулировать читательским сознанием. Большой интерес возникает при детальном разборе детективов По, после которого становится очевидна связь с традициями готического романа.

Центральный персонаж – одиночка, эксцентрик, незаурядный человек. Личность Дюпена, героя «Убийства на Улице Морг», «Тайны Мари Роже» и «Похищенного письма», дуалистична, в нем соединяются черты романтического героя и героя готического романа. С одной стороны, он противопоставлен обществу, мыслящему примитивно, а с другой – как таковой конфликт байронической личности и общества отсутствует. Однако поразительно его сходство с Франкенштейном, героем произведения М. Шелли. Квинтэссенция таланта и стремления к познанию, а также безграничная фантазия – вот характеристика нового типа персонажа – героя-искателя. Но даже такое описание этого типа неполно. Дюпен наделен экстравагантными чертами, это бесспорно, но главная его способность – смотреть на вещи через призму как материального, так и духовного мира. Он не отвергает ни чувств в пользу разума, ни разума в пользу чувств. Так называемый мнимый рационализм на самом деле подвержен глубокой рефлексии – это то соединение, которого можно сказать недоставало персонажам готических и романтических произведений.

В готическом романе ужаса действие разворачивалось вокруг какого-либо мистического происшествия, которое так или иначе влекло за собой криминальные последствия: разного рода насилие, похищение, убийство; преступление было скорее антуражем, а мистика оставалась главенствующим элементом сюжета. Логический рассказ же по своему композиционному построению ассиметричен. Эдгар По переиначил каноны готического, помещая преступление в центр повествования, а мистическую составляющую используя в качестве эффектного антуража. При этом писатель не отступает от главного метода готического рассказа, которым, как мы уже выяснили ранее, является интрига. В «Убийстве на улице Морг» детали совершенного преступления настолько ужасны и хаотичны, что объяснить их можно было разве что вмешательством каких-либо потусторонних сил. Автор использует обманый ход: источником паранормального в итоге становится бытовая случайность. Саспенс, главный союзник писателя на нелегком пути покорения публики, перемещается из готики в детектив.

Еще одним примечательным сходством с готической литературой в детективах Э. По становится общая мрачная атмосфера повествования, про-

472 | чно укрепившаяся уже в ранних произведениях автора. В этом отношении городские стены становятся еще более пугающими, нежели силуэт древнего замка, в котором обычно происходило действие готических романов. Замок, старое поместье, иными словами, одна локация была единственным опасным местом, а теперь территория расширялась; читатель не знал, откуда и от чего ждать опасности, что только увеличивало интерес к повествованию и не оставляло возможности точно предугадать дальнейшее развитие событий.

Но, как не парадоксально, отсюда следует наиболее прогрессивное отличие рассказов Э. По от готики. Автор заинтересован в том, чтобы читатель сам старался разгадать тайну, а не слепо следовал за сюжетной линией. Отсюда – тщательная детализация, практически сухое изложение фактов; Э. По ничего не скрывает: читатель знает столько же, сколько знает рассказчик и сыщик. Интуиция, порожденная от гармонии разума и чувства, становится их главным оружием.

В ходе проведенных исследований в области слияния художественных методов мы выяснили, что Эдгар По подверг серьезной переработке ключевые черты психологической новеллы и готического рассказа ужаса. Результатом авторского синтеза стал новый жанр, строящийся вокруг совершенного преступления и акцентирующий возможности человеческого разума и интуиции; интрига, мрачная атмосфера, частичная мистификация наряду с общим психологизмом – таковы черты первого детектива.

Литература:

1. Drabble M. «The Oxford companion to English literature» (6th edition) – Oxford University Press, 2000. – 1172 p.;
2. Ковалев Ю.В. «Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт: Монография» – Л.: Художественная литература, 1984. — 296 с.;
3. Ковалев Ю.В. «Эдгар По. История всемирной литературы» – Т. 6. – М.: Наука, 1989. - с. 571-577;
4. По Э. «Рассказы. Стихотворения» - М.: Эксмо, 2005. – 768 с.;
5. Соловьева Н.А. «У истоков английского романтизма» – М.: МГУ 1988. – 232 с.

Badina D.D.

TRANSFORMATOIN OF GOTHIC TRADITION IN EDGAR POE'S DETECTIVE NOVELS

Abstract. The article shows the features of Gothic literature, their role in origin of Edgar A. Poe's psychological and detective novels, comparison of Gothic fiction method with author's logical fiction method.

Key words: Gothic literature; detective; Edgar Poe.

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В РОМАНЕ Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Аннотация. В данной статье рассматриваются существующие интерпретации числовой символики в романе Е. И. Замятина «Мы». Автором предлагаются новые трактовки взаимосвязи чисел с характерами героев и их ролью в композиции романа.

Ключевые слова: Замятин; антиутопия; библейские аллюзии; нумерология; символизм; символика чисел.

Роман Е. И. Замятина «Мы» является одним из первых антиутопических произведений и сегодня стал классикой своего жанра. В романе используется числовая символика, которой посвящено множество исследований (Геллер Л. «Утопия в зеркале гематрии, или Эзотерический модернизм Е. Замятина», В. Колчанов «Мистериальные векторы и нумерологические аллюзии в романе Е. Замятина «Мы» В. Колчанова, Струве Н. «Символика чисел в романе Е. Замятина «Мы»»). Так, в работе В. Колчанова 120 дней – это аллюзия на библейский сюжет – время пребывания человека на земле [Колчанов, 2014, с. 542]. Однако мы можем предложить другую трактовку этого символа. Общее число записей в романе – 40, каждая из которых делится на три части, т.е. на три дня. Таким образом, герой-повествователь ведет дневник за 120 дней до постройки ИНТЕГРАЛА - корабля, призванного восславить идеологию Единого Государства во всей Вселенной. Обратимся к 6 главе Книги Бытия: «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет» [Библия. В.З. Бытие, с. 9]. Далее, согласно библейским текстам, в наказание за нравственное падение людей, Бог насыляет на землю Великий потоп, призванный уничтожить все человечество, за исключением благочестивого Ноя и его семьи. Однако на момент постройки ковчега Ноем было 600 лет [Библия. В.З. Бытие, 2006, с. 11], следовательно, можно предположить, что 120 лет – время, отведенное на постройку ковчега. Проведем параллель между ковчегом и ИНТЕГРАЛОМ. Цель ИНТЕГРАЛА – масштабна и грандиозна – «проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной», т.е. найти все функции от одной переменной, которые при подставлении в уравнение обращали бы его в тождество. Тождественность, т.е. равенство – ключевое

474 | слово в этом определении. Нахождение равенства и гармонии во Вселенной соотносится с миссией библейского ковчега – установление нового, лучшего мира. Интеграл, с точки зрения математики, является аналогом суммы для бесконечного числа бесконечно малых слагаемых. На основе этого мы можем сделать вывод, что ИНТЕГРАЛ – символ конечного итога земного существования, и в то же время – возрождения жизни.

Еще с одной интерпретацией чисел в композиции романа знакомимся в работе Н. А. Струве. Он считает, что ключевой шифр романа – число 13 [13, с. 538]. Исследователь отмечает, что 13 входит в построение произведения, предвещает ключевые эпизоды в развитии всего действия. Так, в 13-й записи Д-503 впервые нарушает дисциплину и, подчинившись воле I-330, не идет на работу. Через 13 глав, в 26-й записи, заговорщики осмелились впервые нарушить привычное единомыслие на выборах Благодетеля. Спустя еще 13 глав, в 39-й записи, после неудавшегося захвата ИНТЕГРАЛА, Д-503 приходит к убеждению о непобедимости Единого Государства и господстве устоявшейся системы. В финале романа главного героя, вместе со всем сопротивлением, ждет операция по «удалению» фантазии. Число 13 зашифровано здесь в показателях барометра ($760, 7+6=13$) и в указании номера аудитории ($112, 1+12=13$), в котором проводилась операция. Нам было интересно ознакомиться с ролью этого числа в разных культурах, и вот к чему мы пришли: это убеждение восходит к культуре древних шумеров, где возникла двенадцатеричная система счисления [3, с. 47–49]. Число 12 в ней считается «круглым», «завершенным», как число 10 в десятичной системе. Считалось, что следующее за ним «13» нарушает общую гармонию и вносит дисбаланс. Если же обратиться к древнескандинавской культуре, то в ее пантеоне 13-м богом является Локи – бог хитрости, проницательности и обмана [1, с. 261–267]. В христианской культуре 13 – число собравшихся на Тайной вечере [Библия. Н.З. Евангелие от Матфея, 2006, с. 1048], последней трапезе Христа с двенадцатью ближайшими учениками, один из которых, Иуда, предал своего учителя. Таким образом, на протяжении истории число 13 являлось неблагоприятным символом роковых перемен. Все события романа, связанные с этим числом, являются переломными: герой нарушает привычный порядок и вносит ту самую нестабильность в механизм работы Единого Государства.

Нам было интересно попробовать найти объяснение символики чисел романа и в необычной области – нумерологии. Обратившись к значению карт Таро, обнаружили, что 13-м старшим арканом в колоде является карта «Смерть», символизирующая не только вечный покой, но и перерождение, трансформацию [15, с. 274]. Тогда это объясняет суть самой «операции» – коренное изменение в сознании человека, лишение души и превращение его в часть единого государственного механизма.

Перейдем теперь к рассмотрению числовой символики в «именах» героев романа. Автор записей, Строитель ИНТЕГРАЛА, носит номер Д-503. В сво-

ей работе Н. Струве отмечает, что «по местоположению в алфавите русское Д соответствует цифре 5, что в сумме с двумя другими цифрами дает те же 13 ($D/5+5+3$), но в завуалированной форме» [13, с. 537]. Число 13 в имени героя оказывает влияние, заставляет колебаться между математическим счастьем и свободной жизнью за Стеной. Нам же было интересно найти объяснение символики и в русской культуре. Значение Д в кириллице – дѣю (делаю, произвожу) [17]. Это прямое указание на профессию Д-503: он – инженер-строитель, один из руководителей постройки ИНТЕГРАЛА. Кроме того, буква Д имеет название «Добро». На наш взгляд, предназначением Д-503 было примкнуть к МЕФИ, которые стремились уничтожить систему Единого Государства.

Интересно отметить, что русская Д соответствует греческой Δ (Дельта), которая в математике является обозначением изменчивости, различия между значениями переменных. Нам кажется, что эта буква в имени героя символизирует неопределенность характера персонажа, который на протяжении всего романа меняет свои убеждения и после участия в мятеже все равно убеждается в правильности действий Единого Государства.

Л. Геллер же по-другому подходит к трактовке, он отмечает, что цифра «3» в имени героя символизирует мужское начало, «2» – женское, «5», как их сумма, – священный союз, любовь и брак. Цифровая часть номера Д-503 содержит два этих символа, подчеркивая «человечность» героя, его умение любить. Цифра «0» в числовой части является связующим звеном между созданным любовным треугольником: Д-503, О-90 и I-330. При этом I-330 погибает, Д-503 превращается в бездушную машину, но остается О-90 [2, с. 279]. В работе В. Колчанова О-90 представляет собой архетип Великой Матери, которая даст начало новой жизни, воспитывая ребенка с «0» (нуля) в свободном социуме за пределами Единого Государства [5, с. 562–563]. Мы также рассмотрели значение числа 0 в работах Аристотеля, где ноль – исток всего нового, совершенная форма [8], т.е. для этой героини «0» – символ возрождения. И вновь обратимся к нумерологии в картах Таро. Согласно польскому тарологу А. Хшановска и астрологу И. Прокопенко, число 9 «несет в себе любовь к миру и людям, милосердие, гуманизм в глубоком смысле, братство и понимание других. Это число до самого начала истории трактуется как сверхъестественное, хотя бы потому, что беременность у человека длится именно девять месяцев» [14, с. 47–48]. Это еще раз подчеркивает роль материнства в судьбе О-90. Круглые формы ее образа переходят в округлости цифр, что делает её максимально женственным персонажем, т.к. круг, с точки зрения сакральной геометрии, является символом женственности и материнства [11, с. 8].

Противоположностью О-90 и центральной фигурой романа является I-330. Число 13 в ее номере обозначено соединением латинского I с первой тройкой номера, так как она практически открыто возглавляла сопротивление. Буква I (i) в математике обозначает мнимую единицу, то есть нереальное число, математи-

476 | ческий «трюк». Поэтому при встречах с I-330, герой чувствует себя во сне, а сама I не может существовать в Едином Государстве, она сохранила в себе «древние» чувства и «древние» привычки и не способна слиться с безликой толпой.

Противоречивость характера I-330 кроется в ее образе («четырёхлапый икс»), который В. Колчанов сравнивает с X Арканом Таро, на котором «...справа Германибус, гений добра, силится взобраться на вершину окружности. Слева Тифон, гений зла, сбрасывается с вершины этой окружности. [10, с. 151]» Этот аркан символизирует собой не только двуликость, но и выполнение жизненно важной задачи, которой для I-330, безусловно, стало свержение правительства Единого Государства. Полная числовая часть её номера рассматривается исследователями как одно из пифагорейских «фигурных чисел», т.е. чисел, связанных с той или иной геометрической фигурой: основываясь на определении Пифагора, 330 соответствует пятиугольнику, на основе которого строится пентаграмма – противоречивый символ, обозначающий, в зависимости от расположения, Сатану или Спасителя. Таким образом, складывается сложный образ главной героини, которая является перед читателем и в роли дьявола, и в роли ангела.

Мы решили вновь обратиться к русской культуре и обнаружили, что кириллическая буква I (И десятиричное) использовалась в русском языке вплоть до реформы 1918 года, которая была проведена постреволюционной властью. Кроме того, мы рассмотрели историю использования пентаграммы и обнаружили, что впервые символ пятиконечной красной звезды на форме использовали кронштадтские матросы во время штурма Зимнего дворца – ключевого события Октябрьской революции 1917 года [12, с. 88–121]. Сравнив события тех лет с попыткой революции в романе «Мы», приходим к заключению: численная часть номера I-330 определяет её роль в романе; она – предводительница революционного движения, основная противница идеологии Единого Государства.

Кроме этих персонажей немаловажную роль в романе играют и другие герои, числовая символика которых раскрывает не только их характеры, но и предопределяет развитие сюжета. Использование же различных источников позволяет нам получить новые интерпретации символики художественного произведения. Приведенный анализ – это лишь попытка получить новые трактовки числовой символики, которые не исчерпываются данной работой и представляют, безусловно, интерес для дальнейшего изучения.

Литература

1. Баландин Р. 100 великих богов / Р. Баландин, Москва: Вече, 2014. 432 с.
2. Геллер Л. Утопия в зеркале гематрии, или Эзотерический модернизм Е. Замятина. под ред. О.В. Богданова, М.Ю. Любимова, Санкт-Петербург: РХГА, 2014. 976 с.
3. Депман И.Я. История арифметики / И.Я. Депман, Москва: Просвещение, 1965. 416 с.

4. Замятин Е.И. Мы / Е.И. Замятин, Москва: АСТ, 2016. 224 с.
5. Колчанов В.В. Мистериальные векторы и нумерологические аллюзии в романе Е. Замятина «Мы» под ред. О.В. Богданова, М.Ю. Любимова, Санкт-Петербург: РХГА, 2014. 976 с.
6. Леви Э. Учение и ритуал высшей магии. // Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/occult/levie001.htm>.
7. Лопухин А.П. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. VII / А.П. Лопухин, Москва: ДАРЬ, 2009. 1296 с.
8. Мордовина Л., Ухарская А. Числа как коды культуры. // Электронный журнал Аналитика культурологии. 2010. (1 (16)).
9. Нерсисянц В.С. [и др.]. История политических и правовых учений / В.С. Нерсисянц, Н.М. Золотухина, В.Г. Графский, Л.С. Мамут, Москва: НОРМА, 2004. 944 с.
10. Папиус Предсказательное Таро, или Ключ всякого рода карточных гаданий / Папиус, Санкт-Петербург: Печатный труд, 1912. 240 с.
11. Прокопенко И. Сакральная геометрия. / Москва: АСТ, 2014. 447 с.
12. Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. / В. Серж, Оренбург: Праксис, 2001. 696 с.
13. Струве Н.А. Символика чисел в романе Е. Замятина «Мы» под ред. О.В. Богданова, М.Ю. Любимова, Санкт-Петербург: РХГА, 2014. 976 с.
14. Хшановска А. Мистерия Таро / А. Хшановска, Москва: Высшая школа Классической Астрологии, 2000. 208 с.
15. Greer M.K. Mary K. Greer's 21 Ways to Read a Tarot Card / M.K. Greer, Woodbury, Minnesota: Llewellyn Publications, 2006. 336 с.
16. Послания старца Филофея // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 12.03.2017).
17. Русские слоги. Значение букв, слогов и слов русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://russkieslogi.ru/znachenija-russkih-bukv.html>.
18. Библия Москва: Российское библейское общество, 2006. 1375 с.

Balabaeva A.S.

NUMBER SYMBOLISM IN THE NOVEL «WE» BY Y. ZAMYATIN

Abstract. The article is devoted to the study of existing interpretations of number symbolism in the Zamyatin's novel «We». New interpretations of the relationship between numbers and characters' nature, their role in the composition of the novel are given by the author.

Key words: Zamyatin; dystopia; biblical allusions; numerology; symbolism; number symbolism.

Балабанова Дарья Викторовна
студент Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
balabanovad@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ДОКУМЕНТНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СДЕЛОК В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Аннотация. В статье рассматривается проявление некоторых особенностей немецкой лингвокультуры в немецком документном дискурсе на примере типичного для Германии документа «Общие условия заключения сделок». Дается краткая характеристика данного документа, и проводятся параллели с русскоязычным документным дискурсом.

Ключевые слова: документный дискурс; общие условия заключения сделок; немецкая лингвокультура; документный дискурс.

Документный дискурс на сегодняшний день остается малоизученным, несмотря на ключевую роль документов в современном обществе. Под документным дискурсом мы вслед за О.П. Сологуб понимаем: «корпус текстов документов, включенных в процесс делового общения, управленческой деятельности» [3, с. 159]. Согласно Федеральному закону № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документ – это «материальный носитель с зафиксированной на нём в любой форме информацией..., который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения» [5]. На документы в определенной степени опираются все без исключения сферы общественной жизни и все сферы деятельности человека. При этом документы несут в себе не только фактическую информацию, но и, как любой результат деятельности человека, отражают особенности культуры, носителем которой являются составители документа.

Документные тексты значительно отличаются с точки зрения стилистики от других типов текста. В силу таких особенностей документных текстов как унифицированность, безобразность, терминированность культурные особенности отражаются в них в более скрытой форме нежели в художественных текстах или публицистике. Для начала выделим те особенности

немецкой культуры, которые могут быть отражены в данном типе текстов. В книге Адама Флетчера «Как стать немцем» упоминаются такие особенности немецкой культуры как стремление планировать все свои действия, стабильность, стремление избежать неожиданностей, экономность, соблюдение правил, образование слов путем сложения основ [2]. В статье Ю.Н. Точиловой «Немцы XXI века. Какими их видят россияне» приводятся такие особенности немецкой культуры – законопослушность и любовь к порядку [4].

Как проявляются данные особенности немецкой культуры в таком типичном для немецкого документного дискурса жанре как «Общие условия заключения сделок» (далее ОУЗС)? ОУЗС в §305 Гражданского кодекса Германии определяются как «предварительно сформулированные для множества договоров (не менее трёх) договорные условия, которые одна сторона договора (сторона, применяющая данные условия) представляет другой стороне при заключении договора» [7]. Таким образом, ОУЗС являются не собственно договором, а регулирующим документом, на основе которого договоры составляются. Выбранному для анализа жанру документного дискурса в русском дискурсе нет абсолютного аналога. Для подобного, распространённого в гражданском обороте Германии, документа в качестве неполного аналога можно назвать типовой рамочный договор.

ОУЗС существуют в Германии уже довольно долго. Впервые законодательно содержание ОУЗС было определено 1 апреля 1977 г. Для сравнения – в России определение рамочного договора было официально закреплено в Гражданском кодексе только в 2015 г., то есть сама идея документа подобного типа является для России достаточно новой.

ОУЗС упрощают, ускоряют и стандартизируют заключение договора. Наличие документа такого типа отражает стремление немцев к регламентированию всего и вся и, конечно, стремление к экономии, в частности, экономии времени. Потенциальный деловой партнер может заранее ознакомиться со всеми условиями осуществления сделок какой-либо компании и самостоятельно принять решение относительно того, хочет ли он сотрудничать с данной компанией.

Для анализа были взяты ОУЗС компании «Dallmeier electronic». Первый пункт данного документа начинается с отсылки к параграфу Гражданского кодекса Германии: «Diese Allgemeinen Geschäftsbedingungen gelten nur für Unternehmer im Sinne von § 14 BGB» («Настоящие Общие условия заключения сделок действительны только в отношении предпринимателей согласно статье 14 Гражданского кодекса Германии»). Аналогичные отсылки присутствуют и далее по тексту документа, что можно объяснить упомянутой в статье Ю.Н. Точиловой законопослушностью и стремлением соблюдать все правила и регламентации [4].

Во втором пункте дается полное наименование компании с указанием организационно-правовой формы и адреса. Интересно, что компания названа

в честь основателя Дитера Даллмайера. Очень многие крупные компании в Германии являются семейными предприятиями и носят имена своих основателей. Сотрудник боннского Института изучения среднего бизнеса Йохан Экхоф считает, что в долгосрочной перспективе семейные предприятия более ответственно ведут бизнес, так как их владельцы исходят из того, что передадут свое дело по наследству [1]. Имена собственные как культурно-маркированные единицы, используемые в названиях компаний и корпораций, свидетельствуют о том, что немцы ответственны, склонны к долгосрочному планированию, ориентированы на будущее, дорожат историей своей семьи и репутацией.

В рассматриваемом документе присутствует большое количество сложных слов, образованные от двух и более основ, которые являются визитной карточкой немецкого языка. Например, название документа – Allgemeine Geschäftsbedingungen, где Geschäftsbedingungen состоит из слов das Geschäft – сделка и die Bedingung – условие. Для немецкого языка характерно сокращение сложных слов с общей главной основой, например: Schutz- oder Urheberrechten, - полный вариант Schutzrechten oder Urheberrechten («права на интеллектуальную собственность или авторские права»). В рассматриваемых ОУЗС встречаются сложные слова и подобного типа: Nicht-EU-Länder («страна, не являющаяся членом ЕС»). С помощью сложных слов можно передать максимум информации используя минимум языковых средств, что тоже можно назвать своего рода проявлением немецкой экономности.

Отдельно следует рассмотреть гендерный аспект немецкого документного дискурса. В русскоязычных документах все существительные, обозначающие должности и звания будут только мужского рода. В Германии в Общий устав федеральных министерств внесено требование равного обращения к мужчинам и женщинам. Это значит, что нужно использовать такие формулировки, которые бы четко указывали, что данный документ адресуется как мужчинам, так и женщинам, например, Bürgerinnen und Bürger, LeserInnen, Kolleginnen/Kollegen. [6]. В ОУЗС обычно нет обращения, но гендерный аспект учитывается и здесь, например: „15.5. Alle Begrifflichkeiten und Regelungen sind geschlechtsneutral und auch sonst diskriminierungsfrei im Sinne des Allgemeinen Gleichbehandlungsgesetzes (AGG) zu verstehen“ (Все термины и определения приведены без указания половой принадлежности и должны толковаться без допущения каких-либо видов проявления дискриминации в соответствии с «Общим законом о равном обращении»).

Таким образом, особенности национальной культуры находят отражение даже в таком унифицированном типе дискурса как документный дискурс. В нашем случае особым проявлением немецкой культуры стало само наличие особого жанра документного дискурса – «Общие условия заключения сделок», для которого нет абсолютного аналога в русскоязычном документном дискурсе.

Кроме того особенности немецкой культуры проявились в подробности и детальности документа, в регулярных отсылках к конкретным параграфам Гражданского кодекса Германии, в наименовании компании, в использовании сложных слов и в деликатном отношении к проблеме равноправия полов.

Литература

1. Вассераб Ю., Евдокимова Ю. Секрет успеха семейного бизнеса по-немецки [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/секрет-успеха-семейного-бизнеса-по-немецки/a-5666628> (дата обращения 12.02.2017)
2. Лебедева И. В., Мако Т. Современная формула немецкой нации (рецензия на книгу Адама Флетчера «Как стать немцем») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1. С. 343-348.
3. Сологуб О.П. Документная лингвистика: становление и развитие новой научной дисциплины // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Т.20 (59). № 1. С. 215-220
4. Точилина Ю. Н. Немцы XXI века. Какими их видят Россияне (результаты анализа русских Интернет-источников) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-4. С. 182-185
5. Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 29.12.1994 N 77-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] / Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5437/ (дата обращения 12.02.2017)
6. Юзманов П. Р. Категория информативности в русском и немецком документном образовательном дискурсе: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2012. 190 с.
7. Bürgerliches Gesetzbuch (§§ 305–310 vom 02.01.2002) [Электронный ресурс] // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-iminternet.de/bgb/BJNR001950896.html#BJNR001950896BJNG023401377> (дата обращения 3.12.2014)

Balabanova D. V.

NATIONAL AND CULTURAL MARKEDNESS OF DOCUMENT DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED BY GENERAL TERMS AND CONDITIONS OF BUSINESS IN GERMAN LANGUAGE)

Abstract. The article shows how some features of German linguoculture find expression in German document discourse as exemplified by a typically German document of General Terms and Conditions of Business. The brief description of this document is given and the parallels with Russian document discourse are drawn.

Key words: Document discourse; General Terms and Conditions of Business; German linguoculture; document discourse.

СЕМАНТИКА ИМЕН ЯЗЫЧЕСКИХ БОЖЕСТВ В ТЕКСТАХ КОМПОЗИЦИЙ РОК-ГРУППЫ «АРКОНА»

Аннотация. Произведен семантический анализ ономастического контекста в композициях современной рок-группы «Аркона».

Ключевые слова: культурное пространство; текст; язычество; семантика; образ.

Современное культурное пространство уплотняется текстами – альтернативными духовными «пусками» – оригинальными концепциями мироустройства. При наличии емкого семантического ядра они органично принимаются широкими социальными кругами. Такие концепции раскрываются в текстах некоторых популярных музыкантов, групп.

Рок-группа «Аркона», работающая в стиле «языческий метал», основана в 2002 г. участниками долгопрудненской родноверческой общины «Вятичи» Марией Архиповой и Александром Королёвым. На вопрос об актуальности язычества сегодня Мария отвечает: «Язычество подразумевает в себе прежде всего мировоззрение. Я считаю себя язычником, потому что думаю, что мои взгляды очень близки к взглядам наших далёких предков. <...> Вся моя жизнь отражается в моём творчестве» [1].

Духовная ретроспекция базируется на потребности поиска ментальных «корней». Б. Рыбаков обосновывает эту потребность: «Изучение язычества – это <...> и путь к пониманию культуры народа» [2].

Семантическое ядро текстов «Арконы» (неизменный создатель их – Маша Архипова) составляет идея обращения к языческим богам в эпоху разобщенности, утраты духовных и культурных ценностей. Эстетизация идеи усилена магией имен, встречающихся в семи полноценных альбомах около 170 раз. Чаше других упомянуты Род (более 20 раз), Марена (27), Велес (17), Сварог (11), Перун (10), Ярила (10), Стрибог (10). Реже – Чернобог, Коляда, Кострома, Дажьбог и др. Наиболее содержательны в этом плане альбомы «Возрождение» (2004), «От сердца к небу» (2007), «Гой, Роде, гой» (2009).

При сохранении внутренних связей языческого пантеона презентуется индивидуальная манера многослойного озвучивания имени. Имена божеств, отраженные в уникальной акустической рамке, приобретают закреплённую

семантику, переходящую в новый альбом с последующим наложением лексических, психологических и акустических оттенков.

«Прежде всего к небу <...> древний арий <...> возносил свои взоры, <...> произнося молитвы и славословия», – замечает А. Фаминцын [3]. В текстах Маши Архиповой имена божеств становятся эмоциональным ядром песенных текстов, носящих характер молитвы.

Имя Рода, зародившего мир (Правь, Навь, Явь), обретает множество вариаций: в звательном падеже – «Роде», в лексических образованиях с прикреплением общезначимых приложений – «Бог-Отец», «Род-Батюшка». «Самым загадочным и наименее изученным из всех славянских божеств является Род», – пишет Б. Рыбаков [2]. Эмоциональная характеристика Рода создается эпитетами «незримый», «дарующий свет», «Великий», «Многоликий» («Гой, Великий! Многоликий! Прими требу, огнем в небо!»). В текстах «Арконы» к Роду обращены требы общего значения, глобального масштаба: «Да длани широкие-де, да ко люду распластай. Да ты ко люду опусти, да силушкой да славной награди».

Молитва о даровании прощения за утрату исконной славянской веры адресована Сварогу – верховному владыке Вселенной, родоначальнику других светлых богов. Имя его связано со сменой поколений славян: оно их скрепляет и освящает: «От Солнца до Солнца, я лик обращаю во небо во синее, до Сварога-батюшки. Услышана буде та просьба священная, за род свой заблудший реку о прощении».

Образы Перуна (бога-громовержца, победоносного божества) и Ярилы (божества, дарующего свет, весеннее плодородие) воссоздаются не только в момент молитвенного обращения. Посвященные им тексты звучат в постановочном сопровождении. Во время исполнения композиции «Стенка на стенку» при восславлении Перуна («Песня вольная, воля раздольная. Славит Перуна сила народная!») в зале устраиваются «бои стенка на стенку» (народная забава), иногда переходящие в слэм. Традиционно и вождение хороводов во время исполнения композиции «Ярило». Называнию имени сообщается заклинательная функция. «“Похороны Ярилы” в дни летнего солнцестояния отражают важнейшую аграрную фазу: полное отмирание старого зерна – семени, брошенного в землю весной, и вызревание новых зерен на колосьях» [2]. С Ярилой в текстах «Арконы» соотнесены положительные эмоции, в его образе запечатлен символ грядущего добра: «На закате багровом скажешь доброе слово, чтоб Ярило всю землю одарил красотой».

Мрачное настроение вызывают тексты с резонирующими именами Стрибога и Марены. Эти имена не соотнесены с молитвой, а ассоциируются с двумя полюсами вечности – вечного мятущегося движения, даже хаоса и – вечного покоя. «С ветром ставни мои открылись, душу вмиг опалил огонь. Длань Стрибога всколыхнулась, лист кровавый лёг на ладонь». Интересны

484 | строки, в которых упоминается о «посредниках» между людьми и Стрибогом: «Может, скажет древо седое, гласом Стрибога мне песнь воспоёт, о родном, что воротится вскоре только уже никогда не уйдёт». Имя вовлекает в звуковую «рамку» объекты окружающего пространства, расширяет ареал своего могущества (оно существенно дистанцировано от очевидной семантической вертикали («Бог / человек») и представляется уже пересечением бесконечного множества диагоналей – горизонтали – вертикали. Марена ожидает на другом полюсе вечности: «Сон в холодной тьме согреет, мы уйти обречены. Жизнь во сне померкнет, в царство Мары сгинем мы!». Но и здесь нет четкой вертикали. Скорее, горизонталь, качание – подобное укачиванию ребенка: «Мара ходила, за собой манила. Пела во кресне колыбельну песню». Марена представляется «матерью» усопших, плакальщицей, сберегающей душу в небытии.

«Аркона» популярна не только в России. Команда даёт концерты по всему миру, и полные залы подтверждают актуальность их музыки и текстов. Очевидно, ономастика текстов для слушателей – носителей разных языков – является общим местом, несет энергетический заряд и употребляется не как эстетический «антураж», а как неотъемлемая часть древней русской культуры, из которой вырастает сегодняшний день. А. Шептунов представил результат деятельности группы: «Аркона» сделала то, что не сумели сделать их предшественники, а именно выдать на гора настоящие танцевальные фолк-метал хиты, основанные на подлинно русском материале» [4].

Литература

1. Архипова М. Переписка с автором статьи.
2. Рыбаков Б. Язычество древних славян // http://modernlib.ru/books/ribakov_boris/yazichestvo_drevnih_slavyan/read
3. Фаминцын А. Божества древних славян // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fam/intro.php
4. Шептунов А. Аркона. Альбом дня: Стенка на стенку // <http://www.zvuki.ru/R/P/27156/>

Balvanova V.S.

SEMANTICS OF NAMES OF PAGAN DEITIES IN LYRICS OF ROCK BAND “ARCONA”

Abstract. Semantic analysis of onomastic context in lyrics of modern rock band “Arcona” is performed in the article.

Key words: Cultural space; text; paganism; semantics; an image.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ И ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена вопросам преподавания синтаксиса в школе. Анализируя традиционную методику преподавания синтаксиса, автор приходит к выводу, что данная система не позволяет в полной мере развивать языковую личность. В связи с этим автор предлагает корректировать курс синтаксиса, используя достижения идеографической грамматики.

Ключевые слова: русский язык; школьный курс; структурно-семантическая грамматика; идеографическая грамматика; синтаксис; методика преподавания синтаксиса; технология текстовой деятельности; лингводидактика.

Одной из составляющих рабочих программ по русскому языку, которая вызывает большое количество разногласий в дискуссиях о содержании и в целом о целесообразности её преподавания, является грамматика. Роль грамматики в школьном образовании не раз переосмысливалась лингвистами и методистами, одна часть которых видела в ней основу школьного филологического образования, а другая, напротив, считала грамматические учения лишь знаниями, носящими факультативный характер. Ранее одним из основных аргументов, выдвигаемых в пользу обучения школьников грамматике, являлась её практическая значимость в процессе формирования правописных умений. Однако впоследствии сформулированные цели и задачи учебного предмета «русский язык» указали на то, что грамотное письмо не является единственным планируемым результатом освоения программы по данному курсу. В связи с этим методистами (Алексеева О.В., Купалова А.Ю., Львова С.И. и др.) за основу преподавания грамматики в школе было предложено взять лингвистические труды, посвящённые соотношению формы и значения слова.

Как правило, школьным учителям известна лишь одна модель грамматического описания системы языка - та, что представлена в школьных учебниках, а в более развернутом виде - в вузовском нормативном курсе. Это модель «от формы - к смыслу», т.е. структурно-семасиологическая грамматика.

486 | Модель «от смысла – к форме», т.е. грамматика идеографическая, учителям практически не известна.

Однако современному словеснику необходимо иметь представление об альтернативном традиционному описании системы русского языка, поскольку, не имея такого представления, учитель по большей части не осознает в полном объёме задач традиционной грамматики. Поясним это.

Основная задача традиционно грамматики – последовательно отвечать на вопрос: «Как устроена языковая система?». Так, современная практика школьного изучения русского языка нацелена на воспитание «получателя» сообщений, акцентируя внимание учеников на пассивные аспекты речевой деятельности - слушание и чтение. Решение этой задачи связано с традиционной грамматикой, ориентированной на анализ отдельных языковых единиц и целых высказываний. Задача идеографической грамматики - прямо противоположная: она заставляет последовательно отвечать на вопрос «Как выразить заданное значение?». Понимание значения как центральной, главной функции языковой единицы, осознание разных типов её значения, использование в речи языковых единиц для выражения определенного смысла должно составлять содержание каждого урока русского языка. Обоснование такого подхода в обучении мы находим в трудах Л.В.Щербы, который говорил: «Совершенно ясно, что весь язык сводится к смыслу, к значению. Нет смысла, нет значения – нет языка» [1, с. 153].

Совершенно очевидно, что знакомство учителей, а вслед за ними и учащихся, с основами «грамматики смыслов» возможно лишь на основе доведения до логического конца - до семантики - традиционной характеристики каждой из грамматических категорий, что позволит органично перейти от анализа, как базового метода обучения, к синтезу. Для этого учителю-словеснику необходимо иметь представление о возможности и необходимости «альтернативных» моделей грамматического описания родного языка.

Как совместить «традиционную» и «альтернативную» модели учебной грамматики? Парменова Т.В. предлагает два варианта [6, с. 28]:

- а) параллельное знакомство на протяжении всего школьного курса как с «традиционной», так и с «альтернативными» грамматиками;
- б) преимущественное внимание на разных этапах обучения то к одной, то к другой модели грамматического описания по «принципу приоритета» той или иной функции языка в данный момент.

Очевидно, что оптимальным является первый вариант. Однако его конструктивная проработка невозможна до тех пор, пока не будут созданы целостные модели учебных «альтернативных» грамматик. Поэтому, понимая, что обучение языку - процесс целостный и комплексный, учитель обязан подумывать, какая из функций языка является опорной на разных этапах обучения.

Традиционная (структурно-семасиологическая) грамматика, основанная на логическом переходе «от формы к смыслу», пропедевтически изучается

в начальной школе и полностью осваивается как целостная система в рамках основного этапа обучения (5–9 классы). Базовые единицы обучения в рамках этой грамматики соотносятся с языковыми единицами различных уровней: в рамках лексического уровня базовый элемент – это отдельное слово как семема или лексема, а также разнообразные группировки слов по значению и форме; в рамках морфологического уровня – это слово как словоформа и лексема (совокупность всех возможных форм); в рамках морфемики и словообразования – это морфемное членение слова; в рамках синтаксиса – это словосочетание и предложение.

Важной областью грамматики, семантика которой требует более детального рассмотрения в школьной программе, по нашему мнению, является синтаксис, так как, во-первых, многообразие элементов синтаксиса и их форм обладает большим количеством значений, а во-вторых, синтаксис, соединяя все свои элементы, формирует конечную языковую реальность, все эти значения содержащую. Помимо этого, в ходе изучения требований, диктуемых нам современными условиями жизни, можно выделить, что неотъемлемая роль в процессе преподавания русского языка должна быть отведена работе с технологиями текстовой деятельности, так как человек постоянно окружен информацией, которую он должен воспринимать, понимать, интерпретировать, воспроизводить, а также самостоятельно создавать. Однако достижение наиболее успешного результата работы над текстовой информацией невозможно без понимания всех аспектов значения высказывания и роли его субъекта, что всегда находит своё отражение в синтаксисе.

Таким образом, на наш взгляд, в настоящее время имеется возможность совершенствования методики преподавания синтаксиса в школе, которое будет базироваться на лингвистических трудах по семантическому синтаксису, в частности исследования Г.И. Володиной [7], что позволит соединить изучение свойств синтаксического строя языка с их практическим применением в речи. Разработка данной методики поможет ученикам при работе не только с предметами филологического цикла, но и в ходе освоения других учебных дисциплин, так как формирование умений и навыков работы с высказываниями относится к метапредметной составляющей учебного процесса.

Всё это необходимо ясно осознавать, разрабатывая и внедряя «альтернативные» модели школьной грамматики. Перед лингводидактикой стоит задача всесторонней разработки методики альтернативной грамматики. Как видим, вопросов больше, чем ответов, но это хороший стимул для методических исследований.

Литература

1. Алексеева О.В. Реализация функционального принципа при изучении морфологии в школьном курсе русского языка: Автореф. диссер. ... док. пед. наук. – М., 2010. – 47 с.

2. Володина Г.И. Принципы описания простого предложения в идеографической грамматике русского языка: Дисс. ... д-ра филолог, наук. М., 1991. 382 с.
3. Купалова А.Ю. Основы функционального подхода к изучению синтаксиса русского (родного) языка в школе: Автореф. дис. ... док. пед. наук. – М., 1991. – 55 с.
4. Львова С.И. Функционально-семантический подход к обучению морфемике и словообразованию в школьном курсе русского языка: Автореф. дис. ... док. пед. наук. – М., 1993. – 55 с.
5. Парменова Т.В. Практическая функциональная грамматика русского языка // *Specimina philologiae Slavicae*. Band 127. Verlag Otto Sagner. München, 2000. – 247 S.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 353 с.

Belozarov P.S.

**TO THE QUESTION OF CORRELATION OF THE
SEMASIOLOGICAL AND IDEOGRAPHIC GRAMMAR IN THE
SCHOOL COURSE OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. In this article, it is said about questions of teaching syntax at school. Analyzing the traditional method of teaching syntax, the author surmises that the system does not let cultivate a language personality to the full. Thereby, the author suggests to update the course of syntax basing on achievements of the ideographic grammar.

Key words: The Russian language; the school course, the structure-semantic grammar; the ideographic grammar; syntax; method of teaching syntax; technology of text activity; theory of language teaching.

Берёзкина Алиса Дмитриевна

студент Российского университета дружбы народов

Москва, Россия

Alisa.beriozkina@yandex.ru

Гришина Алеся Александровна

студент Российского университета дружбы народов

Москва, Россия

Alesya.grishina.1998@mail.ru

Жегличева Анна Михайловна

студент Российского университета дружбы народов

Москва, Россия

Zheglicheva.anyuta@yandex.ru

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ЧЕРТА РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ)

Аннотация. В статье рассматривается гостеприимство как национальная черта русского характера. Тема гостеприимства раскрывается через призму русских пословиц. Тема изучается в курсе «Русский язык и культура речи» и является актуальной для студентов, обучающихся по направлению «Сервис» и «Гостиничное дело».

Ключевые слова: русские пословицы, гостеприимство, русский характер.

В данной статье мы обратились к теме русского гостеприимства, отраженной в пословицах. Эта тема оказалась особенно актуальной для нас как студентов, обучающихся по направлению «Сервис» и «Гостиничное дело». Будущая специальность, непосредственно связанная с гостеприимством, определила наш интерес. Думается, что некоторые аспекты темы гостеприимства в пословицах могут помочь правильно, эмоционально излагать речь, выстраивать профессиональное поведение, а также узнать о традициях русского гостеприимства и возродить некоторые из них (ср. с пословицами профессиональной сферы [4]).

Как и другие виды народного творчества, пословицы основаны на вековых наблюдениях и опыте народа. Как указывает В.А. Маслова, «это душа всякого национального языка, в котором неповторимым образом отражаются дух и своеобразие нации» [5, с. 82]. Характерные черты русской души – доброта, гуманность, склонность к покаянию, сердечность и душевная мягкость. Многие

490 | пословицы и поговорки показывают эти черты: Доброму бог помогает; С добрым жить хорошо; Делать добро спешит; Доброе дело и в воде не тает; Жизнь дана на добрые дела; Добро век не забудется; Доброе дело крепко; Доброе дело на век. К доброму человеку справедливо относится судьба: Злому – смерть, а доброму – воскресение. Но слишком смиренного человека пословицы и поговорки осуждают: Его разве только ленивый не бьет; Смирную собаку и кочет бьет.

Пословица – малая форма народного поэтического творчества, облаченная в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщенную мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном. Своей силой пословица обязана смысловому эффекту, возникающему в результате особого стяжения синтаксической и лексической формы, призванного закрепить некое содержание. Особые приемы помогают обобщить утверждение, поднять его до уровня метафоры, то есть превратить в типический эквивалент практически бесконечного числа ситуаций. Можно говорить о своеобразном «пословичном стиле», существующем как бы вне времени: традиционность основная черта пословиц [12, 13]. Нужно отметить, что пословица – это лингвистический термин, который часто употребляется как синоним термину поговорка. Так, в общетеоретическом смысле поговорку определяют так: «1) пословица; высказывание, изречение, суждение, относящееся к пословице; 2) краткое образное устойчивое высказывание (часто, употребляемое в переносном значении), синтаксически оформленное как простое или сложное предложение (иногда может состоять из нескольких предложений), отражающее обобщенную формально закреплённую ситуацию, возведенную в формулу, излагающее важную истину, наставление, правила или принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [3, с. 7, 9].

Гостеприимство – типичная ситуация, требующая этикета. Основной частью гостеприимства, как принятого ритуала, считается совместное застолье. Гостеприимством считается добродетель, которая с давних времен распространена даже между невежественными и грубыми народами, но особое и почетное место она занимала среди избранного народа [10, 11]. Согласно дефиниционному анализу словарных статей, гостеприимством называют готовность принимать гостей, хлебосольство, радушие [7, с. 339; 8, с. 278].

Гостеприимство, щедрость и широта натуры являются характерными чертами русской души и русского национального характера. Русское гостеприимство общеизвестно: Хоть не богат, а гостям рад. Для гостей всегда приготовлено лучшее угощение: Коли есть, что в печи, все на стол мечи!; Гостю шей не жалей, а погуще налей. Эти пословицы говорят о том, что в любой ситуации русские люди гостя встретят хорошо, поставят все лучшее на стол и никогда не покажут, что у них что-то хуже, чем у других.

Русские народные пословицы и поговорки о гостеприимстве, представленные в изобилии, говорят о людях, которые славятся гостеприимством.

Пословицы также описывают как положительные аспекты человеческой души в этом проявлении и радостные моменты встречи гостей, так и отрицательные: И рад бы в гости звать, да нечем угощать; Гостю почёт, хозяину – честь; Добрый гость всегда впору; Где рады, там не учащай, а где не рады век не бывай; Гость немного гостит, да много видит; Желанный гость не ждет, когда его позовут; Желанным гостям – теплый привет, для незваных гостей в доме хозяина нет и др.

Так, в пословице И рад бы в гости звать, да нечем угощать, отражен важный аспект русского гостеприимства. Русский человек очень гостеприимен, но не может просто так пригласить человека, если нечем угостить. В угощении проявляются основные черты русского хозяина. Когда встречают гостей, то все сладости и вкусности несут на стол, и только после начинаются душевные беседы. Поэтому и говорится Рад в гости звать, да без угощения нельзя. В пословице Гостю почёт, хозяину – честь почет означает почитание, все лучшие почести – гостю, и если хозяину удалось уважительно, с почетом встретить гостя, то и самому такому хозяину честь, уважение и хвала.

В пословице Добрый гость всегда впору прилагательное добрый квалифицирует гостя как человека, расположенного всей душой к тем людям, которые его зовут в гости. И такой гость всегда приходит вовремя, он всегда нужен, всегда впору. Такого гостя встретят с радушием, любовью и лаской, его всегда рады видеть люди в своем доме. Добрый гость не доставляет неудобств, всегда рад тому, чем его потчуют, отмечает, что все угощения были очень вкусные и выражает благодарность хозяйке обеда (дома).

Пословицы часто содержат в себе практические советы, предостережения и поучения. Одни из них обращены к гостям, другие – к хозяевам.

Пословица Где рады, там не учащай, а где не рады век не бывай, обращенная прежде всего к гостю, предупреждает о том, что не следует злоупотреблять гостеприимством, даже если гость является желанным. А в выражении век не бывай ярко показано предостережение о том, что не следует бывать в гостях у нерадушных хозяев.

В пословицах: Желанный гость не ждет, когда его позовут; Желанным гостям – теплый привет, для незваных гостей в доме хозяина нет лексемой желанный называют человека, которого желают видеть, ждут, хотят видеть, всегда будут рады его визиту. Нужно очень внимательно, с благодарностью относиться к тем людям, которые приглашают в гости, помнить о важных датах, событиях в их жизни и нанести визит. Однако нельзя быть навязчивым, надоедливым, утомляя гостеприимных людей частыми визитами. В противном случае можно стать даже незванным гостем, человеком, которого перестали звать в гости, двери перед которыми всегда будут закрыты.

В пословице Гость немного гостит, да много видит глаголы гостит и видит напоминают хозяину, что гости, находясь в доме достаточно недолгое время,

492 | могут многое узнать о хозяине, например, как он живет, каков человек в быту, его увлечения, привычки и т.д.

Наконец, половицей Встречай не с лестью, а с честью хозяину напоминают об искренности общения. Лесть – угодливое, неискренне восхваление кого-либо с целью добиться его благосклонности, и в таком событии как принятие гостей она неприемлема. Честь – понятие этическое и социальное, связанное с оценкой таких качеств личности, как верность, справедливость, благородство, достоинство и независимость. Встретиться с таким хозяином приятно любому гостю.

Таким образом, тема русского гостеприимства, отраженная в пословицах, оказалась актуальной и интересной не только с точки зрения культуры речи, но и профессиональной. В процессе исследования пословиц заданной тематики мы увидели, как важно быть искренним, радушным, приветливым хозяином, открыто и приветливо встречающим добрых, желанных гостей.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1984. – 399 с.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус. яз., 2000. – 240 с.
3. Кацюба Л.Б. Лицо глагола в русских пословицах: семантико-грамматические и лингвокультурологические аспекты: монография. – М.: МЭСИ, 2015. – 240 с.
4. Кацюба Л.Б. Паремии профессиональной сферы: лингвокультурологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). – Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – С. 62-64.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
6. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А.Н. Мартынова. – М.: Современник, 1986. – 512 с.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / под. ред. А.П. Евгеньевой. – Т.1. А-Й – М.: Русский язык, 1981. – 698 с.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. 3. Г – М.: Рус. яз., 1992. – 400 с.
9. Фалкирк М. 1000 русских пословиц и поговорок на каждый день. – М.: Мартин, 2016. – 224 с.
10. Общие ресурсы по теме «Гостеприимство»: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.metapower.tv/> (дата обращения: 20.02.2017).
11. Общие ресурсы по теме «Гостеприимство»: [Электронный ресурс]. URL: <http://znaniya.info/questions/obschestvoznanie/> (дата обращения: 20.02.2017).

12. Общие ресурсы по теме «Пословица»: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litpedia.ru/> (дата обращения: 21.02.2017). 493

13. Общие ресурсы по теме «Пословица»: [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/> (дата обращения: 21.02.2017).

14. Общие ресурсы по теме «Пословицы и поговорки»: [Электронный ресурс]. URL: <http://pogovorki-posloviy.ru/> (дата обращения 24.02.2017).

A.D. Beryozkina, A.A. Grishina, A.M. Zheglicheva

**HOSPITALITY AS A NATIONAL TRAIT OF RUSSIANS
(AS EXEMPLIFIED BY RUSSIAN PROVERBS)**

Abstract. The article considers the topic of the Russian hospitality in Proverbs. The Hospitality is analyzed in the article as a national trait of the Russian character. The topic is relevant to the discipline «Russian language and speech culture» for the course of «Service» and «Hotel business».

Key words: Russian proverbs, hospitality, Russian character.

Буравлёва Елизавета Сергеевна
студент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина
Москва, Россия
buravlyova.es@gmail.com

ПРИЯТИЕ МИРА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ С. ДОВЛАТОВА

Аннотация. В статье рассматривается особый тип понимания мира, обозначенный как юмористическое мироощущение, подкрепляется доводами его философская основа: принцип приятия мира.

Ключевые слова: приятие мира; юмористическое мироощущение; трагизм бытия; философско-юмористическая проза.

Истинное мужество в том, чтобы любить жизнь, зная о ней всю правду.
С. Довлатов

Определение художественного юмора, а вслед за этим юмористического мироощущения – один из наиболее сложных вопросов теории литературы. Для исследователя, работающего с данной категорией комического, встает проблема поиска универсального определения юмора, отграничения его от других видов комического (сатиры, иронии, сарказма и т.д.), а также создания объективной классификации комического. Данная статья опирается на понятийно-терминологический аппарат (понятия «приятие мира» и «юмористическое мироощущение»), выработанный Н.С. Выгон в работах, посвященных С. Довлатову [1].

Как справедливо считает Н.С. Выгон, юмор – особый вид комического, который, по сравнению с иронией, сатирой, сарказмом, обладает сохранительной функцией. Смех является уникальным механизмом сохранения не только для человеческой психики и морали, но и для института культуры в целом [1, с. 1]. Благодаря юмору человек способен воспринимать многосложный мир и примирять все противоречивые элементы действительности. В пользу философского характера юмора говорит также его способность открывать истинную природу вещей. Сущность явлений оказывается противоположна внешнему выражению: безумное оборачивается мудрым, ничтожное становится возвышенным.

В истории эстетики встречается понимание юмора не только как обладающего всеми познавательными-эстетическими возможностями вида комического, но еще и присоединившего к ним «высший моральный характер смеха» –

апологию человека и мира, солидаризацию с ними, несмотря на лишенный иллюзий взгляд на их вечное несовершенство.

Творчеству С. Довлатова присущ особый тип художественного сознания, юмористическое мироощущение, которое проявляется на всех уровнях художественной структуры, является жанро- и стилеобразующим фактором, определяет отношение писателя к культурным традициям и другим видам комического. Юмористическое мироощущение представляет собой обобщающую этико-эстетическую позицию писателя, которая содержится в системе создаваемых им образов мира, а также обусловленные этой позицией принципы художественного познания и творческой деятельности, основанные на поэтике юмора. Н.С. Выгон в своем исследовании формулирует константы юмористического мироощущения: 1) сочетание комической трактовки с глубокой серьезностью авторского отношения к изображаемому; 2) равноправие всех явлений действительности как художественного материала; 3) принцип «поэтизации прозы жизни»; 4) «оправдание мира» [1, с. 2]. Комплекс этих свойств определен в исследовании Н.С. Выгон как философско-эстетический принцип приятия бытия.

В творчестве Довлатова понятия чувство юмора и драматизм составляют важную антиномию, в рамках которой писатель осмысливает мир. Вместе эти чувства рождают синтез приятия мира. В «Чемодане» герой Довлатова возражает установленной ОВИРом норме провоза трех чемоданов, но, упаковывая вещи, обнаруживает, что ему хватает всего одного чемодана скромного размера. Внешне комическая ситуация протеста (« – Всего три чемодана?! Как же быть с вещами?! – Например?! – Например, с моей коллекцией гоночных автомобилей?») [6, с. 347]) обнаруживает трагическое положение героя, покидающего Родину, которая оставляет ему лишь скудный набор вещей и болезненные воспоминания. Однако неслучаен выбор эпитафии к сборнику рассказов: «Но и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне...» (А.Блок). Автор принимает советскую действительность, в которой он жил и творил, принимает он и неизбежный отъезд.

Приятие бытия формирует довлатовскую концепцию мира и человека. Исходя из утверждений: «Как известно, мир несовершенен» и «Человек способен на все – хорошее и дурное», - он защищает человеческую жизнь во всей ее полноте, используя для этого весь диапазон средств несатирического комизма. Довлатов ясно сознавал сущность своего дара и философическую природу юмора и был убежден в том, что юмор – не цель, а средство, «инструмент познания жизни». Писатель считал, что юмористическое осмысление мира не просто помогает человеку существовать, но и способствует его возрождению. Рассуждая в «Марше одиноких» о жизни в России, о людях, вынужденных мириться с условиями дефицита продуктов, с отказами в выезде за границу, с создавшейся политической и военной ситуацией, Довлатов подмечает, что

пережить это трудное время советскому человеку всегда помогало юмористическое мироощущение и желание восстановить справедливость. Довлатов заканчивает рассказ «Из России долетают...» словами: «Юмор – украшение нации. В самые дикие, самые беспросветные годы не умирала язвительная и горькая, простодушная и затейливая российская шутка. И хочется думать – пока мы способны шутить, мы остаемся великим народом!» [5, с.532].

Герой Довлатова – это терпимый ко всему человек: терпимый к обстоятельствам, чужому мнению, условиям жизни, терпимый даже по отношению к себе. Рефлексируя над проблемой своей неустроенности в жизни, он осознает, что принятие обстоятельств – всё, что ему остается: «Пиши, создай шедевр. Вызови душевное потрясение у читателя. У одного-единственного человека... Задача на всю жизнь. А если не получится? Что ж, ты сам говорил, в моральном отношении неудавшаяся попытка еще благороднее. Хотя бы потому, что не вознаграждается... Пиши, раз уж взялся, тащи этот груз. Чем он весомее, тем легче...» [3, с.211]. В этом его свойстве и состоит отчасти принцип приятия бытия, который является способом существования в лишенной смысла действительности. В другом рассказе тот же мотив профессиональной не востребоваемости раскрывается в трагикомическом свете: «Рассказы, естественно, не печатали. Я стал больше пить. Маска непризнанного гения как-то облегчала существование. И друзья появились соответствующие. Бородатые, загадочные и мрачные. Кроме того, они не мыли рук после уборной, а мать к этому относилась строго. Едва ли не строже, чем к правописанию» [4, с.378]. Довлатов умел принимать жизнь такой, какая она есть, и запечатлеть это на бумаге. Сам писатель считал, что говорить о высоком гораздо проще, чем уметь низкому придавать значимость. В его произведениях присутствует юмористический пафос, травестирующий привычно-значительное и открывающий экзистенциальную глубину в обыденном. С точки зрения его этико-эстетических воззрений, столкнувшись с абсурдом бытия, писатель не берет на себя функции судьбы, не морализирует. В этом смысле Довлатов наследует традиции Чехова: «Я должен это понять» [7, с.8]. Сам писатель отмечал сходство своей позиции с чеховской: «Можно благоговеть перед умом Толстого. Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить нравственные поиски Достоевского. Юмор Гоголя. И так далее. Однако похожим быть хочется только на Чехова» [8, с.204].

Нельзя не согласиться с высказыванием Л. Сальмон о том, что Довлатов научился смотреть на себя со стороны как на предмет собственного исследования. Можно назвать писателя философом-юмористом [9, с. 39]. Способность к глубокому анализу самого себя, своей сути, а через данный анализ – понимание природы вещей в целом, и дает, на наш взгляд, это невероятное сочетание юмора и приятия жизни. В этом смысле большую роль сыграл его опыт надзирателя, нашедший художественное воплощение в по-

вести «Зона». Довлатов понял многое о себе и человеческой природе. Понял, что изменение обстоятельств могло мгновенно превратить любого человека в зверя, в подонка или в героя. И про себя человеку также не дано знать, кем станет он сам. Парадоксальность психологического опыта Довлатова заключалась в том, что именно работа надзирателем способствовала созреванию его главной идеи, важной для понимания мироощущения писателя. Идея состоит в том, что такие, полярные на первый взгляд, категории, как добро и зло, — могут сосуществовать в одном и том же человеке в зависимости от стечения обстоятельств:

«В нормальных же случаях, как я убедился, добро и зло – произвольны. <...> Разумеется, зло не может осуществляться в качестве идейного принципа. Природа добра более тяготеет к широковещательной огласке. Тем не менее в обоих случаях действуют произвольные факторы. Поэтому меня смешит любая категорическая нравственная установка. Человек добр!.. Человек подл!.. Человек человеку – друг, товарищ и брат... Человек человеку – волк... И так далее. Человек человеку... как бы это получше выразиться – табула раса. Иначе говоря – все, что угодно. В зависимости от стечения обстоятельств. Человек способен на все – дурное и хорошее» [2, с.86].

Чтобы понять идейный принцип писателя, необходима способность «увидеть большое на расстоянии», необходим взгляд «издалека», позволяющий преодолеть универсальную тенденцию к бинарным противопоставлениям и смотреть на вещи с присущим Довлатову драматизмом или даже трагизмом, если можно так выразиться: «Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей. Между заключенными и надзирателями. Между домовниками-рецидивистами и контролерами производственной зоны. Между зеками-нарядчиками и чинами лагерной администрации. По обе стороны запретки расстился единый и бездушный мир» [2, с.53].

Благодаря юмористическому стилю Довлатова читатель имеет возможность разделить с автором это снисходительное осмеяние, приятие бытия. Вместе с автором читатель чувствует, что это и смешно, и грустно одновременно, но главное – он чувствует, что так и есть в действительности. В читателе довлатовский текст пробуждает скрытого юмориста, который где-то дремлет в нашем подсознании. В этом заключается когнитивная функция юмористического текста [9, с.110].

Таким образом, юмор Довлатова, как нам уже удалось установить, – это его способ понимания, освоения и приятия реальности. Для С. Довлатова характерно ощущение трагизма бытия – это необходимое условие создания художественной модели мира в присущей объекту философской противоречивости и полноте. У писателя лишенный иллюзий взгляд на действительность сочетается с особым даром видеть комизм бытия, он избегает смеха бичующего, казнящего – сатирического. Смех в его творчестве становится

Литература

1. Выгон Н.С. Современная русская философско-юмористическая проза: проблемы генезиса и поэтики. Автореф. дисс. докт. филолог. наук. – М.: МПГУ, 2000. – 44 с.
2. Довлатов С. Зона (Записки надзирателя) // Довлатов С. Собр. соч.: В 4 т. / Сост. А.Ю.Арьев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. Т. 2. С. 5–196.
3. Довлатов С. Заповедник // Там же. Т. 2. С. 197–324.
4. Довлатов С. Наши // Там же. Т. 2. С. 325–444.
5. Довлатов С. Марш одиноких // Там же. Т. 2. С. 445–569.
6. Довлатов С. Чемодан // Там же. Т. 3. С. 347–482.
7. Довлатов С. Ремесло // Там же. Т. 3. С. 7–212.
8. Довлатов С. Записные книжки // Там же. Т. 4. С. 159–304.
9. Сальмон Л. Механизмы юмора: О творчестве Сергея Довлатова. – М.: Прогресс-традиция, 2008. – 256 с.

Buravlyova E.S.

THE ACCEPTANCE OF THE WORLD AS A PHILOSOPHICAL BASIS FOR THE HUMOROUS ATTITUDE OF S. DOVLATOV

Abstract. In this article a particular type of understanding of the world like as the humorous attitude is described and its philosophical basis – the principle of the acceptance of the world is justified.

Key words: The acceptance of the world; the humorous attitude; the life tragedy; the philosophic and comic prose.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФОРА И ТИПОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН ЗЕМФИРЫ (АЛЬБОМ «ЖИТЬ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ»)

Аннотация. В статье представлен анализ текстов песен Земфиры (альбом «Жить в твоей голове») в соответствии с коммуникативной грамматикой Г.А. Золотовой, определены типовые значения предложений с метафорическим значением. Результаты анализа позволяют выявить тактику и стратегию автора.

Ключевые слова: художественная метафора; типовое значение; тактика автора; стратегия автора; коммуникативно-функциональный подход.

Изучение понятия метафоры продолжается с IV века до н.э. по сегодняшний день. Определение ему впервые дал древнегреческий философ Аристотель, назвав метафору «несвойственным именем, перенесенным с рода на вид, с вида на род, или с вида на вид или по аналогии» [1, с. 669]. В последующем метафора рассматривалась в различных аспектах. Учёные пришли к выводу, что «метафора <...> обнажает процесс переработки в языковое значение различных субпродуктов идеальной (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной, когнитивной) деятельности человека» [2, с. 343], и поэтому её можно изучать с разных позиций.

Г.Н. Складневская выделяет следующие направления: семасиологическое, ономаसेологическое, лингвистическое, лингво-стилистическое, логическое, гносеологическое, психолингвистическое, экспрессиологическое, лингвистико-литературоведческое, лексикологическое, лексикографическое [10, с. 6–10]. К этому списку стоит добавить когнитивный подход, который приобрёл популярность во второй половине XX века [7].

Существует столь же большое количество классификаций, выдвинутых в рамках указанных концепций. Для многих из них первичным является разделение на метафору художественную и языковую. Определение «художественная» разными лингвистами заменяется на «поэтическая», «индивидуально-авторская», «творческая», «речевая», «окказиональная». Если языковая метафора воспринимается в качестве привычного выражения, фигуральный смысл которого «стирается» (море слёз, песня льётся), то художественная метафора

«внесистемна, субъективна (отражает индивидуальный взгляд на мир), выполняет эстетическую функцию, сохраняет “авторство”, обладает максимальной синтагматической обусловленностью, уникальна, невоспроизводима» [10, с. 37].

Определение понятия индивидуально-авторской метафоры, данное Н.А. Тураниной, позволяет сделать вывод о причинах уникальности данного лингвистического явления, которое учёный называет «таким типом переносного значения слова, который задает семантическую двуплановость метафоры на основе реализуемых в контексте сходных признаков денотатов с целью отражения индивидуально-значимой образной языковой картины мира» [8, с. 14]. Так, художественная метафора отражает мировоззрение говорящего, благодаря чему рождаются сугубо личные ассоциации и образы.

Этот тип метафоры часто встречается в текстах песен Земфиры. Стоит отметить, что произведения выстроены таким образом, что художественную метафору часто нельзя вычленишь из простого предложения, она занимает весь его объём. Для успешного интерпретирования важны все элементы предложеческой модели (например, в предложении *Внутри меня случился маленький бардак*).

Для анализа художественных метафор в текстах песен Земфиры (альбом «Жить в твоей голове») мы обратимся к коммуникативно-функциональной грамматике, основы которой были разработаны во второй половине XX века Г.А. Золотовой [4], [5], [6]. Определяющими для данной концепции являются принципы антропоцентричности и текстоцентричности. Антропоцентричность выражается в том, что любой текст создаётся человеком и в любом предложении можно усмотреть позицию говорящего. Текстоцентричность предполагает, что главным объектом изучения коммуникативно-функционального синтаксиса является именно текст, в котором говорящий выражает свою позицию.

Понятие художественной метафоры активно коррелирует с этими принципами. Субъективность и уникальность была отмечена нами ранее. Влияние синтаксического окружения на интерпретацию метафоры также трудно переоценить: «Только в составе контекста метафора теряет неопределенность и поддается однозначной семантизации» [9, с. 110].

Чаще всего в произведениях Земфиры метафорически выражается ментальное или эмоционально-психическое состояние или действие субъекта, выраженного местоимением в 1-м или 2-м лице или не названного, но имеющего определённо-личное значение. Предикатная синтаксема выражена либо статуальным глаголом: *Я болею от обиды*; *Мы обрастали чувствами*, либо акциональным: *Обрушились небом в комнате*; *Я ищу твое лицо в своем лице*. В отдельных случаях встречается субъект, выраженный существительным с абстрактным значением, при котором имеется предикат, выражающий изменение качества явления: *Жизнь покати́лась в сторону*; *День покати́лся брошенный*.

Редкий пример вербально выраженного субъекта, имеющего предметное значение и характеризующегося акциональными глаголами — Месяц плакал и смеялся. Однако мы не можем выделить типовое значение действия предмета. По теории Г.А. Золотовой, «предметы существуют, наличествуют, обладают свойствами, претерпевают изменения физического состояния, не мыслят, самостоятельно не действуют, не передвигаются произвольно, но функционируют по воле человека» [6, с. 106]. Так, неодушевлённое существительное месяц здесь мыслится как лицо, и данную модель можно интерпретировать как олицетворение, которое лингвисты рассматривают то как «частный случай метафоры, т.е. перенос свойств предметов или явлений одушевленного мира на предметы или явления мира неодушевленного» [3, с. 69], то как самостоятельное понятие, т.к. «в метафоре интерпретация конкретного образа (в том случае, если он достаточно развит) всегда направляется одним из значений метафорического термина, в олицетворении он более свободен» [12, с. 6].

По схожей модели строится пример Потолок летит: субъект с предметным значением характеризуется предикатом с акциональным значением. Для того чтобы выделить типовое значение, необходимо обратиться к контексту: Кувырок назад, кувырок пополам себя поперёк. Кувырок — потолок летит, потолок. У модели Кувырок можно выделить типовое значение физического действия неназванного субъекта со значением определённого лица: условно — я совершаю кувырок. Отсюда, модель потолок летит передаёт физическое состояние лица: лицо, совершая кувырок, ощущает, что перед глазами всё летит; всё перемешалось; в глазах мельтешит. Синонимичная конструкция позволяет заменить акциональный глагол статуальным (мельтешит), что убеждает в правильности присвоения данной модели типового значения состояния.

Потолок летит — не единственная модель, типовое значение которой раскрывает замысел метафоры, только если учитывается субъект, соотносимый с говорящим. Рассмотрим предложение Кто спрятался в голове. Субъектная синтаксема — местоимение со значением неопределённости, предикатная синтаксема — акциональный глагол. Локативная синтаксема имеет значение части тела, если воспринимать буквально, и значение ментального пространства, если учитывать переносный смысл. В обоих случаях локатив препятствует буквальному пониманию и, следовательно, выделению типового значения «физическое действие неопределённого лица».

Кто спрятался в голове — Кто спрятался в моих мыслях — Кто стал предметом моих мыслей. В этой цепочке компонент, выраженный неопределённым местоимением, не может быть агенсом. Невозможно стать предметом чьих-то мыслей без волевого участия этого человека. Таким образом, кто имеет значение субъекта-каузатора, который воздействовал на не назван-

ный субъект действия, тем самым заставив его думать о себе. Не названный субъект действия вербализуется в модели с синонимичным значением: О ком я думаю. То, что его следует выразить именно через 1-е лицо, ед. ч., т.е. форму Я субъекта, а не, например, Он субъекта, определяется контекстом: Мне слышатся голоса, прошлого голоса. Типовое значение модели Кто спрятался в голове, таким образом, ментальное действие лица.

Ещё одна модель, содержащая неизосемическую конструкцию, — Внутри меня случился бардак. Синтаксема внутри меня выступает в данной конструкции не как локатив, а как субъект, обозначающий лицо в целом. Функцию предиката выполняет абстрактное имя существительное бардак, сопровождаемое фазисным модификатором, который может быть опущен. Типовое значение — эмоционально-психическое состояние лица.

Выявление типовых значений моделей предложения — первый этап коммуникативно-функционального анализа текста. Второй ступенью служит определение принадлежности предикативной единицы к одному из пяти коммуникативных регистров. Третий и четвёртый уровни — обращение к тактике и стратегии автора соответственно [6, с. 455].

Опуская второй этап анализа, обратим внимание на две завершающие ступени. Тактику Г.А. Золотова определяет как «комплекс языковых и речевых приемов построения текста, анализом текста и выявляемых» [6, с. 456]. Опираясь на специфику рассмотренных моделей предложения, можно отметить что метафорический контекст в большинстве из них — распространённое простое предложение. Субъекты в предложениях с метафорой преимущественно личные, автор реже характеризует предметы или явления. Кроме того, в тексте постоянно ощущается присутствие субъекта-говорящего, даже когда он не вербализован. Типовое значение, как уже было отмечено, выражает либо статуальный, либо акциональный признак.

При определении стратегии автора имеет смысл обратиться к функции метафоры в принципе, ведь «если выявление тактики текста показывает, как строится текст, то выявление стратегии текста отвечало бы на вопрос зачем, для чего этот текст создается» [6, с. 456]. Воспользуемся классификацией В.К. Харченко [11]. Упомянутые нами примеры художественной метафоры в текстах песен Земфиры выполняют информативную функцию, представляя образное прочтение ситуации и характеризуя отношение к ней. Метафора Кто спрятался в голове несёт в себе идею о том, что человек «проник» в мысли другого глубоко и незаметно, и сам факт риторического вопроса свидетельствует о рефлексии говорящего, мысли об этом человеке доставляют ему беспокойство.

Эмоционально-оценочная функция также присуща художественной метафоре в лирике Земфиры. Слово бардак применительно к эмоционально-психическому состоянию лица экспрессивно выражает растерянность и дезориентированность говорящего. Художественные метафоры не всегда

можно однозначно интерпретировать (например, обрушились небом в комнате, включили свои огни). Это связано с тем, насколько личные ассоциации использует автор. Кроме того, благодаря постоянному присутствию Я субъекта читатель/слушатель глубже проникается написанным.

Конечно, метафоры участвуют и в формировании стиля художественного произведения. Анализ тактики автора позволяет выявить определённую манеру изложения. Textoобразующая функция метафоры выражается в том, что благодаря повторяемости и указанным выше особенностям в воплощении этого приёма текст обладает цельностью.

Литература

1. Аристотель. Поэтика / Пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 669 с.
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР: Сер. литературы и языка, 1978. Т.37. № 4. С. 333–343.
3. Бахмутова Е. А. Культура речи. Казань: Изд-во КГУ, 1964. 118 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
8. Туранина Н.А. Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре. Белгород: Изд-во БГУ, 2001. 75 с.
9. Туранина Н. А., Никитенко Л. И. Метафора и метафорический контекст в женской поэзии начала XX в. // Известия ВГПУ. 2009. №7. С. 109–112.
10. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 148 с.
11. Харченко В.К. Функции метафоры / Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 88 с.
12. Хованская З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов: Изд-во СГУ, 1975. 432 с.

Busoedova D. V.

INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHOR AND TYPE SIGNIFICANCE IN ZEMFIRA LYRICS (ALBUM «TO LIVE IN YOUR HEAD»)

Abstract. The article provides an analysis of Zemfira lyrics according to G.A. Zolotova's communicative-functional theory and defines the type significance of sentences with metaphorical meaning. The results of the analysis make it possible to reveal author's tactics and strategics.

Key words: Individual author's metaphor; type significance; author's tactics; author's strategics; communicative-functional theory.

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье освещается вопрос перевода русских прецедентных феноменов на китайский язык, автор рассматривает определение, классификацию прецедентных феноменов, а также трудности и способы их перевода.

Ключевые слова: прецедентные феномены, перевод, русский язык, китайский язык.

В современном мире немислимо жить без постоянного обмена информацией между людьми, говорящими на разных языках. Особенно на фоне годов российских и китайских СМИ (2016- 2017 гг.) у двух стран есть большие перспективы сотрудничества в сфере новых медиа. По мере неуклонного увеличения объема поступающей информации о России растет потребность в понимании русского языка и культуры. И теперь интереса и внимания у китайских руссисов больше всего сосредоточены на переводе двух языков.

«Перевод – это выражение того, что уже было выражено на одном языке средствами другого языка» [5, с.11]. Однако перевод осуществляется не просто с одного языка на другой, но, по сути, с одной культуры на другую. Чтобы решить задачи перевода и межкультурного общения, следует изучать языковую картину мира. Прецедентные феномены, как часть картины мира, выступают маркерами социокультурной идентичности, так как способны активизировать в сознании представителей национально- культурного общества комплекс связанных с ними ассоциаций.

Что такое прецедентные феномены? Понятие «прецедентный текст» было введено Ю.Н.Карауловым в лингвистику, такие тексты понимаются как: «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с.216].

Расширенное определение дала В. В.Красных: прецедентные феномены— это «1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»), 2) актуальные

в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [4, с.58].

К прецедентным феноменам относятся: прецедентное имя (имена собственные, связанные либо с прецедентными текстами, либо прецедентными ситуациями); прецедентный текст (произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы и т.д.); прецедентное высказывание (цитаты, название произведения, полное воспроизведение текста, представленное одним или несколькими высказываниями); прецедентная ситуация (некие эталонные ситуации с определенными коннотациями). [4, с.50-51]

Известно, что при переводе текста не только требуется понимание грамматики и значений составляющих текст слов, но и понимание того, что хранится в сознании говорящего и проявляется в коммуникации, т.е. национального языкового сознания.

При переводе прецедентных феноменов часто возникает довольно много трудностей. Прежде всего переводчик должен их понимать. Но понимание прецедентных феноменов не сводится к занятию их буквальных значений, для адекватного перевода требуется понимание их коннотаций. Согласно замечанию В. С. Виноградова «При переводе прецедентных феноменов следует учитывать, что они неразрывно связаны с культурой той или иной страны, и соответственно, получатель перевода может не обладать тем же необходимым для полного восприятия текста объемом фоновых знаний или фоновой информации, т.е. той общей для коммуникантов информацией, которая обеспечивает взаимопонимание при общении» [2, с.35].

При переводе прецедентных феноменов китайские переводчики сталкиваются с трудностями, поскольку необходимо адаптировать их не только с лингвистической точки зрения, но и с социокультурной. Помимо лексограмматической трансформации текста переводчик должен добиться прагматического воздействия на адресата, эквивалентного авторскому замыслу.

Существует 2 пути перевода прецедентных феноменов: адаптация и пояснение [6, с.284]. Выделяются следующие этапы перевода прецедентных феноменов:

1. Определить тип прецедентных феноменов. Когда переводчик встречается с одним прецедентным феноменом, прежде всего должен определить, к какой группе он принадлежит: к прецедентным именам, текстам, высказываниям или ситуациям;

2. Выбрать метод перевода: адаптацию или пояснение. При переводе прецедентного имени часто пользуются транскрипцией и транслитерацией. Иногда переводчик может снабдить его примечанием с объяснением его коннотаций, например: русское имя Вася Пупкин— *waxia pūpūjīn (elusōi wānghōng)*— (русский пользователь интернета, который прочно закрепился

506 | в сетевом фольклоре и при этом получил распространения за пределами сети); При переводе прецедентного текста можно использовать прямой перевод с комментарием переводчика, например: Ой, мороз, мороз... -- beifeng nage chuiya(tianqi henleng)— (дует холодный ветер); при переводе прецедентного высказывания или прецедентной ситуации можно заменить на аналог, например: Не тормози, сникерсни!— genbentingbuxialai!(реклама китайской жевачки);Если не возможно найти эквивалент, можно сделать прямой перевод с комментарием, например: поцелуй Иуды— youda zhiwen(wangen fuyi).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Трудности перевода с испанского языка на русский : учебное пособие / Н.Д. Арутюнова. — М. : КНОРУС, 2014, -120с.
2. Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2006. – 240 с
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: URSS, 2010, 264с.
4. Красных В. В. Этнолингвистика и лингвокультурология.— М.: Гнозис, 2002, 284с.
5. Терехова Г. В. Теория и практика перевода: Учебное пособие.- Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004, стр.11.
6. Черниченко С. В. К вопросу о переводе прецедентных феноменов в публицистическом тексте // Молодой ученый №6 (41)/ 2012, стр. 284.

Wang Dan

TO THE PROBLEM OF TRANSLATION OF RUSSIAN PRECEDENT PHENOMENA TO CHINESE

Abstract. The article reveals an issue of translation of Russian precedent phenomena to Chinese, the author examines the definition, classification of precedent phenomena, the difficulties and the ways of their translation.

Key words: precedent phenomena, translation, russian language, chinese language.

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ В «СОЛНЕЧНОЙ» ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Аннотация. Статья посвящена «солнечной» поэзии Тютчева и её связи со славянской мифологией. Основываясь на «Поэтических воззрениях славян на природу» Афанасьева, мы рассмотрим ряд стихотворений Тютчева, в каждом из которых присутствует образ солнца, особое внимание обращая на природные явления и их взаимосвязь с внутренним миром лирического героя.

Ключевые слова: Афанасьев, Тютчев, солнце, славяне, природа, пантеизм, цикличность жизни, стихийные споры.

Как писал А.Н. Афанасьев: «На раннем утре своего доисторического существования пранарод, от которого произошли индоевропейские племена (в том числе и славяне), был погружен в ту простую, непосредственную жизнь, которая устанавливается матерью-природою. Он любил природу и боялся ее с детским простодушием и с напряженным вниманием следил за ее знаменами, от которых зависели и которыми определялись его житейские нужды. Сам не сознавая того, он был поэтом; жадно вглядывался в картины обновляющегося весною мира, с трепетом ожидал восхода солнца и долго засматривался на блестящие краски утренней и вечерней зари, на небо, покрытое грозowymi тучами, на старые девственные леса, на поля, красующиеся цветами и зеленью» [1].

Русские поэты, которым был близок пантеизм, поэты, которые воспевали в своих строках природу, хотя и имеют «искусственное образование» (понятие, введенное Афанасьевым в книге «Славянская мифология»), но душой и внутренним миром мало чем отличаются от древних славян. Ведь это огромный дар – чувствовать природу так, как это делали тысячи лет назад до тебя; писать стихи, вплетая в них образы древности, наделять их символами и связывать с главной темой произведения.

Ф.И. Тютчев был одним из поэтов, для которых стало характерным создавать в своих произведениях мир, где внешнее было показателем внутреннего, то есть очень тесно были связаны внутренний мир героя с окружающей его действительностью. И зачастую благодаря пейзажам, в которые включен лирический герой, мы понимаем, что творится у него в душе. Очень точно об этом писал И.О. Шайтанов: «От древнего синкретизма тютчевскую по-

эзию отделяет одно: она принадлежит современному сознанию, которому потребовалось усилие, чтобы не замечать грани между человеческим и природным в своем желании раствориться, смешаться, мгновенно проникнуться чувством полноты бытия» [5, с. 32–33].

Судя по таким стихотворениям, как «Бессонница» и «Анненковой», мы видим, как Тютчев берёт за основу ту или иную философскую тему, связывает её с миром природы и пытается донести конечную мысль до читателя. В «Бессоннице», например, Тютчевым поднимается несколько философских вопросов – это и «покинутость» человека природой:

«И мы, в борьбе, природой целой // Покинуты на нас самих» [4, с. 80].

и тот самый неизбежный круговорот жизни:

«И новое, младое племя // Меж тем на солнце расцвело, // А нас, друзья, и наше время // Давно забвеньем занесло!» [4, с. 80].

и неизбежность смерти:

«Металла голос погребальный // Порой оплакивает нас!» [4, с. 80].

В стихотворении «Аннековой» Тютчев создаёт романтическое двоемирие, где есть мир нереальный, то есть мир снов, в котором лирический герой может быть со своей любимой, в этом мире всё иное – и солнце, и природа, и свет:

«Мы видим: с голубого свода // Нездешним светом веет нам, // Другую видим мы природу, // И без заката, без восходу // Другое солнце светит там...» [4, с. 201].

Но есть и реальность, куда возвращается герой после пробуждения, и реальность эта совсем не так прекрасна, как мир с иным солнцем:

«И тусклой, неподвижной тенью, // Вновь обреченных заключенью, // Жизнь обхватила нас опять» [4, с. 201].

Таким образом, мы видим, что Тютчев не только воспевал природу, но и мог с её помощью рассказывать о терзающих его вопросах, о вечных вопросах бытия. И.О. Шайтанов пишет о Тютчеве: «Поэзия Тютчева обращена к вечным вопросам. Однако вечные вопросы имеют обыкновение то отступать в тень, то снова давать о себе знать с как будто никогда ранее не пережитой остротой. Именно поэтому в истории культуры существует понятие «открытие природы», хотя, казалось бы, как её можно открывать, если человек природен по своему рождению и своей сути. Это так, но воспринимает природу человек по-разному, обращаясь к ней то исключительно как к источнику жизни, то замирает, пораженный её красотой» [5, с. 5].

Тютчеву было очень важно показать этот идеальный строй природы, где нет места ошибкам и неверным расчётам, масштаб вселенной огромен, она бесконечна, мироздание никогда не будет изучено до конца, но что точно известно: утро неустанно сменяет ночь, луна раз в месяц становится полной, а после дождя всегда выходит солнце. Вселенная циклична, жизнь циклична, каким-то образом природа существует в гармонии со Вселенной и никогда не сбивается, никогда не ошибается. К. Пигарев писал: «Стихийные споры

привлекают к себе Тютчева не только своей конечной «гармонией», недостающей человеку, но и тем, что поэт находил в них родственное человеческой природе. В философском понимании Тютчева истоки этих «споров», происходят они или вне человека, или в нем самом, одни и те же» [2, с. 215].

У поэта есть несколько стихотворений, знакомых всем с детства, в которых показана борьба между грозой и солнцем, где в конечном итоге торжествует именно дневное светило:

«Солнце раз еще взглянуло // Исподлобья на поля – // И в сиянье потонула //
Вся смятенная земля» [4, с. 153].

Афанасьев же, анализируя мифологию древних славян, тоже заметил, что, по их мнению, во время грозы на небе действительно велись бои, и в главе «Грозы, ветры и радуга» даже описал ход событий: «Стремительность, с какою распространяется солнечный свет и упадает с неба молния, и быстрота, с какою летит пущенная с лука стрела; страшные удары молнии, несущей убийства и пожары, жгучие лучи солнца, производящие засуху и истребляющие жатвы, и насмерть поражающее острие стрелы или копья, грохот грома и вой бури во время грозы, свист летящей стрелы, шум ринутого сильной рукою копья и звон оружия в битве: все эти аналогические явления заставили сблизить солнечный луч и молнию с копьём, стрелою и другим оружием, известным в древности». [1]

Основываясь на «Поэтических воззрениях славян на природу», попытаемся осветить три произведения Тютчева, в каждом из которых присутствует образ солнца, особое внимание обратив на природные явления и их взаимосвязь с внутренним миром лирического героя.

«Я помню время золотое» написано в 1834 году. Тютчев рассказывает историю своей любви к Амалии Максимилиановне Крюденер, он вспоминает один из тех вечеров, где он был истинно счастлив рядом с ней, их история не смогла закончиться хорошо, но те времена, где они всё ещё были вместе, лирический герой называет золотыми временами, и таким эпитетом отождествляет их с чем-то приближенным к солнечному, следовательно, божественному.

Произведение наполнено игрой света, озарённая закатным солнцем местность навеивает мысли о том, что любви этой «младой феи» и лирического героя скоро придёт конец, точно так же, как и этому догорающему дню. Так как читателю заранее известно, что произведение является лишь воспоминанием о золотых временах, многое становится ясно: и печальное настроение, пронизывающее каждую строфу, и необратимый процесс заката солнца, и игра теней. Как бы сильны ни были воспоминания, каким бы счастливым они не делали героя, вечер всё равно наступит, то есть счастье не будет длиться вечно.

Если смотреть на произведение с точки зрения только природных явлений, то получается такая картина: «день вечерел», «шумел Дунай», «солнце

медлило прощаясь», «ветер тихий», «край неба дымно гас в лучах», «день догорал», «река в померкших берегах», «проводжала день», «пролетала тень». Таким образом, мы видим, что параллельно с историей любви красиво и плавно ночной мрак отвоёвывает свои территории, солнечные лучи медленно отступают, оставляя после себя только тепло, солнце медлит, но всё же уходит, как и всегда на протяжении тысячи лет. Афанасьев писал об этом удивительном противостоянии: «Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения – вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека. Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся в бесчисленных формах, обуславливается силою света и тепла; без нее все замирает» [1]

В произведении есть такие строки:

«И ветер тихий мимолётом // Твоей одеждою играл // И с диких яблонь
цвет за цветом // На плечи юные свевал» [4, с. 136].

Автор очень трепетно относится к героине, и даже ветер, который во многих сказаниях является самобытным и могучим существом, очень нежно касается её одежд. Как пишет Афанасьев, существует такая галицкая поговорка, что ветер – это дух божий; если смотреть с этой точки зрения, то и без того обожествлённая девушка становится ещё более особенной, избранной.

Предпоследняя строфа рисует нам образ девушки, которая «...беззаботно вдаль глядела... Край неба дымно гас в лучах; День догорал; звучнее пела Река в померкших берегах». Афанасьев писал, что понятия «свет» и «зрение» сродни друг другу, славяне отожествляли их, и именно отсюда появилось представление небесных светил очами: «Представление светил очами равно принадлежит народам и Старого и Нового Света. Во многих языках Восточного архипелага названия, даваемые солнцу, означают: око дня. Скандинавские поэты солнце, луну и звезды называют глазами неба, и наоборот: глаза человека уподобляют солнцу и луне, а лоб (череп) его – небесному своду, что встречается и в наших старинных рукописях: “яко на небеси светила солнце и луна, гром, ветр, сице и в человеке во главе очи, и глас, и дыхание, и мгновение ока, яко молния”» [1].

Стихотворение «Глядел я, стоя над Невой» написано по переезде в Петербург, куда Тютчев прибыл в конце сентября 1844 года. Оно наполнено мраком и холодом, в каждой строфе есть такие эпитеты, как «морозный туман», «зимнее небо», «мертвенный покой», «оледенелая река», а слово «мгла» повторяется дважды: в первой строфе и в последней. Образ солнца появляется лишь в мечтах героя. Произведение строится на противопоставлении холода и тепла, Севера и Юга, света и тьмы. Обращение к солнцу при его отсутствии походит на молитву, герой будто цепляется за последнюю возможность спастись от холода, но холодно не только в Петербурге, но и в душе. Отсюда

следует вопрос, а поможет ли побег на Юг согреться духовно и спастись от душевного оледенения?

В произведении упоминаются облака, всходившие на ночное зимнее небо, а также купола Исаакия, окутанные мглой морозного тумана, такая мрачная картина напоминает сказание, о котором писал Афанасьев: «Сказочный эпос представляет змея похитителем красавицы-Солнца, которую заключает он в железном замке, т.е. прячет ее за снежными облаками и зимними туманами. Но если, с одной стороны, змей, в качестве владыки зимних туманов и морозов, отождествляется с баснословным кузнецом — строителем ледяных мостов и железных замков, то, с другой стороны, тот же змей, как дожденосная туча, подчиняется на зиму неодолимой силе кузнеца-Мороза, который сковывает его железными цепями» [1].

Картина, созданная в стихотворении, представляет собой глубокую заледеленую зиму, сама атмосфера произведения напоминает сказание, описанное Афанасьевым, о богине земного плодородия, вступающей в брак с богом небесных гроз в счастливое время весны, но теряющей своего супруга в период холодной зимы; отсюда создалось у германцев прекрасное сказание о том, как Фрея, в белой развевающейся одежде, плача и жалуясь, шествует через горы и доли, неустанно ищет своего скрывшегося мужа, находит его и потом снова теряет и принимается за те же поиски.

Стихотворение «Сияет солнце, воды блещут» наполнено солнечным светом и радостью, лирический герой видит жизнь во всём, что его окружает, пантеистическое восприятие мира позволяет автору отождествлять природу и человека, а любовь к Е.А. Денисьевой, которой посвящено это стихотворение, делает героя ещё счастливее.

Образ Солнца как символ жизни открывает это стихотворение и озаряет читателя своим светом, помогая нам ещё ярче прочувствовать внутренний мир героя. Таким образом, Тютчев смог показать внутренний мир человека через явления природы, ведь именно благодаря им мы можем ощутить, до чего глубоки и сильны чувства героя, как ярки они и как излучают свет, вырывающийся из души. Тютчев максимально тесно связал между собой мир духовный и мир внешний, открывая нам новые грани восприятия действительности.

В третьей строфе стихотворения на эмоциональные переживания поэта, вызванные созерцанием явлений внешнего мира, накладывается его впечатление от улыбки любимой женщины. Упоение, испытываемое «цветущим миром природы», и упоение, ощущаемое лирическим героем, выступают как категории одного порядка.

Подводя итоги, стоит сказать, что многие авторы посвящали свои произведения миру природы, но у Тютчева это были не просто оды полям и лугам, это была целая философия, построенная на связи человеческой жизни с ми-

512 | ром природы. Не случайно И.С. Тургенев писал о Тютчеве: «Талант его, по самому свойству своему, не обращён к толпе и не от нее ждет отзыва и одобрения; для того чтобы вполне оценить г. Тютчева, надо самому читателю быть одарённым некоторую тонкостью понимания, некоторую гибкостью мысли, не остававшейся слишком долго праздною» [3, с.46].

Литература

1. Афанасьев А.Н. «Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов». В трех томах. – М.: Современный писатель, 1995, URL: <http://slavya.ru/trad/afan/>
2. Пигарев К.В. «Тютчев и его время», М. 1978.
3. Тургенев И.С. Из сборника: «Ф.И. Тютчев: PRO ET CONTRA, Личность и творчество Тютчева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология». Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, Спб. 2005.
4. Тютчев Ф.И. «Полное собрание стихотворений». Издательство «Советский писатель», Л. 1987.
5. Шайтанов И.О. «Ф.И. Тютчев: поэтическое открытие природы», М. 1998.

Vartazarova J.A.

SLAVIC MYTHOLOGY IN «SOLAR» POETRY OF F.I. TYUTCHEV

Abstract. The Article is devoted to poetry of Tyutchev, focused on the theme of the sun, and its connection with the Slavic mythology. Based on « Poetic views on the nature of the Slavs « by Afanasiev, three Tyutchev's pieces of writing are considered in this Article, as there is an image of the sun in each of the these writings. During the analysis of writings, special attention has been paid on the natural phenomena and their interrelation with inner world of the lyrical hero.

Key words: Afanasiev, Tiutchev, the sun, the Slavs, nature, pantheism, the cyclical nature of life, confrontation of elements, Shaitanov.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВИЛЬНОСТИ РЕЧИ НА УРОКАХ РКИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «образовательный квест» и возможности использования квеста на уроках по русскому языку как иностранному с целью формирования у обучающихся правильности речи.

Ключевые слова: образовательный квест; культура речи; коммуникативные качества речи; правильность речи; урок РКИ.

В современной действительности наблюдается постепенно возрастающий интерес к такой научной дисциплине, как культура речи, и, соответственно, к коммуникативным качествам речи как ее непосредственному предмету [Головин 1980; Введенская 2004; Аннушкин 2014 и др.].

Впервые возникнув в риторических трудах Платона, Аристотеля, Диогена, Цицерона и др., в античных учебниках риторики, поэтики и стилистики, коммуникативные качества речи прошли огромный путь эволюции, будучи актуальным вопросом и в эпоху Средневековья, и в XVII-XVIII вв., когда в России появляются первые руководства по грамматике и риторике, и в наши дни.

Традиционные представления о коммуникативном аспекте культуры речи находились вне лингвистики. Этот аспект общения рассматривался в риторике, и только в конце XX в. исследователи обращаются к культуре речи как к науке о языковой структуре речи в ее коммуникативном воздействии.

В современной лингвистике стала популярной такая точка зрения на вопрос коммуникативных качеств речи, при которой подчеркивается их связь с эффективностью общения как конечной целью культуры речи [Граудина, Ширяев 1996]. Как отмечают Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев, «культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [5, с. 13].

Одновременно с этим в методике преподавания русского языка как иностранного на первый план выходит стратегическая цель обучения, которая заключается в «формировании в процессе обучения языку вторичной языковой личности» [1, с. 295], способной «в процессе общения отражать средствами

514 | языка окружающую действительность и достигать определенных целей в этом мире» [1, с. 295].

Таким образом, если принимать во внимание тот факт, что все обучение РКИ направлено на формирование у учащихся навыков эффективного речевого взаимодействия на русском языке, в рамках которого становится возможным достижение поставленных целей, обучение коммуникативным качествам речи студентов-иностранцев, изучающих русский язык, а также формирование у них представлений о русском «риторическом идеале» становится не только целесообразным, но и необходимым.

Итак, несмотря на большое количество различных классификаций коммуникативных качеств речи, исследователи сходятся в том, что основным коммуникативным качеством является правильность речи. Правильностью речи, по мнению Н.Б. Головина, обеспечивается взаимопонимаемость речи, ее единство. Исследователь определяет правильность речи как «соответствие ее языковой структуры действующим языковым нормам» [4, с. 41].

Инновационные процессы, происходящие в обществе, нашли отражение в изменении общей концепции и всей системы обучения русскому языку как иностранному. Компетентностный подход к обучению, предусматривающий усиление практикоориентированной составляющей процесса обучения, направлен также на широкое использование в образовательном процессе интерактивных форм проведения занятий.

Одной из таких интерактивных форм можно назвать образовательный квест. В переводе с английского языка квест (quest) – продолжительный целенаправленный поиск, который может быть связан с приключениями или игрой, он предполагает нахождение различных подсказок и их использование для достижения цели. Квест-технология в образовательном процессе как понятие появилась относительно недавно. Большую роль в этом сыграли не психологи и педагоги, но появившиеся несколько десятилетий назад компьютерные игры жанра quest. Само название «квест» было именем собственным и использовалось в названии компьютерных игр, разработанных компанией Sierra On-Line [8, с. 70].

Тенденция к применению квеста в преподавании иностранных языков обусловлена тем, что он развивает критическое мышление, умение сравнивать, анализировать, классифицировать информацию. У студентов повышается мотивация, что ведет к повышению эффективности познавательного процесса. Также такая игровая форма обучения, как квест, способствует развитию воображения, установлению эмоциональных контактов между учащимися, командообразованию, снимает психологическое напряжение, предупреждает утомляемость на уроке.

И.Н. Сокол предлагает подробную классификацию квестов, в сокращении приведенную в статье Кичеровой и Ефимовой. Образовательные квесты различаются:

по форме проведения (компьютерные игры-квесты, веб-квесты, QR-квесты, медиа-квесты, квесты на природе, комбинированные);
режиму проведения (в реальном режиме; в виртуальном режиме; в комбинированном режиме);
сроку реализации (краткосрочные; долгосрочные);
форме работы (групповые; индивидуальные);
предметному содержанию (моноквест; межпредметный квест);
структуре сюжетов (линейные; нелинейные; кольцевые);
информационной образовательной среде (традиционная образовательная среда; виртуальная образовательная среда) [7, с. 4-5].

В настоящее время широко известен и активно применяется в образовании метод проектов. Web-квесты – это один из видов проектной деятельности. Образовательный web-квест – это проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которой используются информационные ресурсы интернета. Разрабатываются web-квесты для максимальной интеграции всевозможных интернет-ресурсов в различные учебные предметы и программы.

Структура обучающего квеста обычно включает в себя следующие компоненты:

- 1) введение (изложение темы, обоснование значимости проекта);
- 2) формулировку задания;
- 3) распределение ролей;
- 4) описание процесса работы;
- 5) руководство к действиям;
- 6) оценку полученных результатов;
- 7) заключение (суммирование познавательных навыков, акцентирование возможности их применения в других областях) [6, с. 2].

Следует отметить, что квест является одной из наиболее действенных форм проведения урока по закреплению пройденного материала. Образовательный квест предполагает прохождение учащимися определенных заданий, ориентированных на уже известные им правила грамматики. С помощью квеста можно формировать навыки понимания и правильного использования в речи глаголов совершенного и несовершенного вида, глаголов движения (в формулировках самих подсказок неизменно будут присутствовать такие глаголы, как «войти», «выйти», «подойти», «обойти» и др.), модальных слов, отрабатывать способы выражения различных типов обусловленности, в зависимости от уровня владения языком.

Задания квеста могут быть представлены в различной форме: в виде подсказок по маршруту к цели (см. Пример 1) или в виде отдельных упражнений (см. Пример 2). Выдача подсказок может производиться после выполнения грамматических или речевых упражнений, при составлении которых могут использоваться различные элементы действительности, например (при

516 | проведении квеста за пределами аудитории) информация, размещенная на доске объявлений, инструкции, надписи на памятниках и т.д.

Пример 1. Поднимитесь вверх по лестнице. Посчитайте ступени. Сколько ступеней? Запомните число. Идите направо (≈ 10 метров). На дереве вы увидите три конверта. На каждом конверте написано число. Возьмите конверт, на котором число равно числу ступеней на лестнице.

Пример 2. Продолжайте идти прямо. Дойдите до доски объявлений. Посмотрите на неё!

На доске объявлений:

В этом зоопарке один олень и одна лань, а в нашем зоопарке:

Варианты ответа (каждый распечатан на одном листе, на обороте листа с правильным вариантом содержатся дальнейшие указания):

а) два олени и две лани

б) две олени и два ланя

в) два оленя и две лани

На обороте:

Идите прямо до светофора.

Перейдите через дорогу.

В рамках квеста студенты могут взаимодействовать друг с другом на русском языке, обращаться за помощью к прохожим, использовать общественный транспорт, что способствует как формированию устойчивых навыков говорения и аудирования, так и адаптации к социально-культурной среде, знакомству с институтом/городом/страной, в которых проходит обучение (при обучении в стране изучаемого языка), развитию навыков работы в команде.

Таким образом, внедрение в процесс обучения РКИ образовательного квеста способствует формированию у обучающихся лингвистической, речевой и социокультурной компетенции.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Аннушкин В.И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 88 с.
3. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Катаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов. – Ростов Н/Д: Феникс, 2005. — 544 с.
4. Головин Б.Н. Основы культуры речи: Учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» - 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.
5. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. - М.: Наука, 1996. – 441 с.
6. Калугина Ю. В., Мустафина А. Р. Образовательный квест как интерактивная форма обучения иностранному языку // Научно-методический

электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 3496–3500. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85700.htm>. 517

7. Кичерова М. Н., Ефимова Г.З. Образовательные квесты как креативная педагогическая технология для студентов нового поколения. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/28PDMN516.pdf>

8. Истомина В.В. Квест в профессиональном образовании. URL: http://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/10247/1/pop_2015_13.pdf

Viktorova A.G.

**EDUCATIONAL QUEST AS A METHOD OF FORMING CORRECT
SPEECH AT LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Abstract. This article focuses on the possibility of using the educational quest at lessons of Russian as a foreign language with the aim of forming correct speech.

Key words: educational quest; speech culture; verbal communication skills; correct speech; a lesson of Russian as a foreign language.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ СОН/СЪН В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Аннотация. В докладе будут исследованы кросс-культурных особенностей русских и болгарских фразеологизмов на материале тематической группы фразеологизмов с опорным компонентом сон / сън.

Ключевые слова: фразеологизм; сон; лингвокультурология; русский и болгарский язык.

Фразеология - это промежуточная область между лексикой и грамматикой. Фразеологизмы представляют собой сочетания слов, в которых есть нерегулярное значение и которые воспроизводятся в речи как цельноформленные единицы. Фразеологизмы выражаются в изолированных языковых конструкциях, они являются продуктом языкового народного творчества. Многие ученые, исследующие фразеологию отмечают, что во фразеологической картине мира выражается искусство и умение народа представлять сложные концепты и картины в виде образов.

В семантическом плане фразеологизмы являются наиболее сложной группой языковых единиц, потому что невозможно понять общий смысл этих образных выражений, исходя только из простой структуры значений составляющих их слов. Именно поэтому и фразеологизмы, с одной стороны, представляют большой интерес для иностранцев при изучении иностранного языка, но с другой - вызывают большие трудности для понимания.

В данной работе мы исследуем фразеологизмы близкородственных языков, а именно: русского и болгарского. Сопоставительные работы представляют большой интерес для межкультурной коммуникации. С помощью сопоставления выявляются универсальные и культурно специфические особенности анализируемых фразеологических единиц в данных языках.

Данная статья, является началом работы по сопоставительному анализу компонентов сон и мечта(сън и мечта) в русской и болгарской фразеологии. Попробуем определить сходства и различия между фразеологизмами с опорным компонентом сон.

В русском и болгарском языках частотно используются фразеологические единицы, как в письменной, так и в устной форме.

Общее количество, имеется в виду фразеологизмов с компонентом сон, и также фразеологизмы, в которых эта лексема отсутствует, но они выражают синонимичное значение, которые мы анализировали - 26 единиц в болгарском и 27 в русском языке. В статье разделяем исследованные единицы на четыре групп:

1. сон со значением бессоница,
2. сон в значение спать непробудно,
3. значение фразеологизма сон в руку
4. фразеологизм с компонентом сон со значением мечта

При анализе установили, что большое количество фразеологизмов имеет значение „бессоница”. Например, в русском языке: сон не берет, не смыкать глаз, сон не приходит, сон не идет и в болгарском: сънят бяга от очите ми, сън не ме лови.

Употребляя фразеологизмы со значением „бессоница” или „вовсе не засыпать, даже и на самое короткое время“, мы можем толковать состояние человека как „беспокойство, чувство тревоги“.

Все эти фразеологизмы сходны по значению в отношении рассматриваемых близкородственных языков.

Интересно отметить, что в русском языке во фразеологизме не смыкать глаз можно употребить глагол смыкать только в значении смыкать глаз, например, не можем сказать смыкать губы т.е. слово глаз не можем заменить. Фразеологизмы всегда имеют строго установленный порядок, и произвольная смена компонентов фразеологических единиц приводит к разрушению фразеологизма к потере смысла и непонимания.

Вторая группа – это фразеологические единицы с компонентом сон, которые имеет значение „спать непробудно”, крепко, например: спать(заснуть, уснуть) мертвым сном, мъртвешки сън, спя непробудно. В болгарском языке фразеологизм капвам за сън, умирам за сън, означает „смертельно хочется спать” или сон валит с ног. Таким образом, в обоих языках сон имеет значение „состояние, которое восстанавливает силы человека”.

Описание различия между фразеологизмами в русском и болгарском языке, служит для того, чтобы предотвратить недопонимания при изучение русского языка болгарскими - или на-оборот, болгарского языка русскими. Но, интересно описать и сходства между ними с опорой на общий компонент.

Полностью совпадают фразеологизмы с общим элементом как спать сном праведника и в объятиях Морфея, спя праведен сън и в объятия на Морфей. Можем отнести данные фразеологизмы в группу со значением „состояния покоя и отдыха”, которые в обоих языках противопоставлены нашей первой группе, сон - бессоница. В рассматриваемых лингвокультурах существует фразеологизм В объятиях Морфея из греческой мифологии, где Морфей – это сын бога сна Гипноса. В эту группу можем добавить и фразеологизм богатыр-

520 | ский сон, „спать крепким долгим сном“, который не имеет коннотативного значения в болгарском языке.

Интересно рассмотреть и фразеологизм в русском языке сон в руку, который не имеет эквивалента в болгарском. Используя классификацию В.В.Виноградова в работе „Об основных типах фразеологических единиц в русском языке“, мы можем распределить этот фразеологизм в группу фразеологические сращения. Эти фразеологические сращения обладают высшей степенью семантической слитности, они семантически неделимы, можно сказать, что их компоненты как бы срослись. Если понимать фразеологизм сон в руку как „видение, сновидение“, как то, что „увиденное во сне сбудится в реальности“, можем проанализировать его значение и с культурологической стороны. Сон отражающей - древнейшие представления мифологии - это духовное восприятие мира. Он является переходным состоянием между жизнью и смертью. Образ сна выступает как мифологический символ, который предсказывает то, что произойдет. В современном лингвокультуре как в русской, так и в болгарской сон можно толковать. Многие люди верят в сны. То, что приснилось, означает какое-то пророчество, которое пытаются отгадать, в частности, при помощи специальных книг – сонников.

Другой интересный фразеологический оборот в русском языке- на сон грядущий, которой употребляется в значении „перед сном, на ночь“. Во многих православных молитвенниках есть раздел молитв на сон грядущим, читаемых идущим ко сну. Такое употребление этого выражения редко. В современном языке встречается в виде на сон грядущий, т.е. грядущим назван сам сон. В болгарском языке не существует фразеологизм с таким значением. Но, например, исходя из основного семантического значения слова сон- частично прекращение работы сознания, в болгарском языке есть фразеологизм и на сън мисля со значением непрерывно думать, не успокаиваясь. Тут уже сон не имеет значения восстановление сил, а является продолжением дня, того что происходило в течение дня. Все рассмотренные фразеологизмы в первой и второй группе не имели такого значения.

В последнюю группу обе лингвокультурах имеет несколько фразеологизмов, которые имеет значение мечта, например, во сне не снилось, спать и видать(хотеть осуществить что-л.), ни насън не съм мислил(не съм виждал), не съм и сънувал. Данные фразеологизмы имеют значение события, вероятность совершения которого трудно себе представит. Семантика этих фразеологизмов связана с неправдоподобностью, когда человеку не верится, на укладывается в голове то, что происходило.

Между мечтой и сном существует и промежуточная конструкция грезы, при анализе возникают очень интересные связи между компонентами. Интересно анализировать и связь сон как явь, но это исследование будет в других работах.

Данное описание является одним из начальных этапов разработки концептов сон и мечта, в общем проекте, предполагающем определить кросс-культурные параметры на основе сопоставления, - русской лингвокультуры с другими лингвокультурами [Брагина (в печати)].

Литература

1. Брагина Н.Г. Тематический классификатор: русская лингвокультура в сопоставлении с другими лингвокультурами (в печати)
2. Вежбицкая А.А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Вежбицкая А.А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140–161
5. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005
6. Ничева Кети.Българска фразеология. – С.: Наука и изкуство, 1994
7. Маслова В.А., Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта, Наука, 2016.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и литературологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.

Словари:

1. Андрейчина К., Влахов С., Димитрова С., Запрянова К. Русско- болгарский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1994.
2. Антонова Л.В. Новейший школьный фразеологический словарь. – М.: Дом славянской книги, 2014.
3. Баско Н.В. Фразеологизмы в русской речи: Словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2002.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.
5. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И, Федорова. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978.
6. Жуков В.П, Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 2009.
7. Кети Анкова-Ничева. Нов фразеологичен речник на българския език.- София: Университетско издателство, „Св. Климент Охридски“, 1993
8. Кети Анкова-Ничева, С.Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова Фразеологичен речник на българския език. - С., 1975
9. Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка.-М.: Флинта: Наука, 2004
10. Кошелев А., Леонидова М. Българско-руски фразеологичен речник.- С-М.: Наука и изкуство, 1974

11. Михельсон М.И. - Русская мысль и речь . Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний
12. Федорова Т.Л. Фразеологический словарь русского языка. -М.:Стандарт, 2015
13. Федорова А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. -М.:Топикал, 1995
14. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. -М.:Русский язык. 1997

Voyslavova S.S.

**PHRASEOLOGISMS WITH COMPONENT SLEEP IN RUSSIAN
AND BULGARIAN LINGVOCULTUROLOGY**

Abstract. The report explores cross-cultural characteristics of Russian and Bulgarian phraseological units on the basis of a thematic group of idioms with a reference to the component of the dream.

Key words: phraseological; dream; lingviculturology; Russian; Bulgarian.

слушатель подготовительного факультета
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
398715727@qq.com

БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЯ В КИТАЕ: СОБЕСЕДОВАНИЕ ПРИ ПРИЕМЕ НА РАБОТУ

Аннотация. В статье делается попытка описания различных коммуникативных приёмов собеседования при приёме на работу в России и в Китае; анализируются лингвокультурные различия в бизнесе-коммуникации в Китае и в России.

Ключевые слова: навыки межличностного общения; слабые стороны; математические тесты; мотивационные тесты; психологические тесты.

В поликультурном мире бизнеса работодатели разных стран проводят собеседование по-разному. Проведение собеседования в Китае, например, будет значительно отличаться от проведения собеседования в России. Кажется естественным, что в условиях глобализации должно быть не важно, в какой стране проходит собеседование: работа есть работа, а в Америке или в Великобритании — это уже второстепенный вопрос. На практике национальные традиции и особенности менталитета накладывают свой отпечаток на проведение собеседования в той или иной стране.

Исторически сложились четыре методики проведения собеседования: британская, немецкая, американская и китайская. Это не значит, что проведение собеседования по китайской методике возможно только в Китае, по британской — только в Великобритании и т.п. Подробнее рассмотрим, как проходит собеседование в Китае и в России, ведь в коммуникацию по-разному «внедряются «чужие» концепты»[2, с.233]

Китайский народ — народ с богатым историческим прошлым. Проведение собеседования по китайской методике подразумевает проверку не только профессиональных, но и общих знаний. Соискателям предлагается написать несколько сочинений, чтобы проверить их знания по истории, грамотности письма и пр. Из всех соискателей, участвующих в конкурсе, нужное количество баллов набирают лишь несколько процентов. Претенденты пишут заключительное сочинение, тема которого связана с их будущей работой. И только те, кто напишет эту работу успешно, будут приглашены на собеседование. Баллы за экзамен часто влияют на служебное положение соискателя, которого по итогам собеседования взяли на работу. Изучив и обобщив данные

524 | по 180-ти видам тестов, можно утверждать, что наиболее часто задаваемые вопросы в Китае следующие:

Вопрос: Расскажите о себе.

Известно, что это отличный шанс, чтобы произвести впечатление на интервьюера, однако это трудно сделать в контексте китайской культуры. Современные методики менеджеров по персоналу рекомендуют перечислять все награды, которые претендент когда-либо получал, можно даже начать с раннего детства. Рекомендуется не умалять своих достижений, наоборот — возводить их в превосходную степень. Например, если была организована вечеринка на пять человек, можно смело утверждать, что работали продюсером.

Вопрос: Каковы ваши навыки межличностного общения?

Никого не интересует, какой хороший человек на самом деле. Для того, чтобы получить работу в Китае, вам пригодятся такие навыки, как выпить не поморщившись пару-тройку стопочек байцзю, перекричать всех в караоке, ну и, безусловно, приписывать все достижения боссу.

Вопрос: Почему вы думаете, что подходите нам?

Распространенная ошибка отвечать на этот вопрос, используя такие словосочетания, как «уникальная компетенция», «долгосрочная карьера», «корпоративное видение» и т.д. Согласно традициям, в китайской компании от вас хотят только одного — безоговорочного послушания и подчинения. Вашему китайскому боссу требуется, чтобы вы были достаточно «верно-подданным» и выполняли все приказы руководителя без лишних вопросов.

Вопрос: Каковы ваши слабые стороны?

Этот вопрос может показаться легким и очевидным, однако в китайской культуре ответить что-нибудь типа «мой главный недостаток в том, что я перфекционист». Как только претендент произнесёт подобную фразу, потенциальный работодатель, скорее всего, потеряет всякий интерес. В стране, где скромность — главная добродетель, такой ответ будет расценен как высокомерный.

Вопрос: Каков уровень ожидаемой вами зарплаты?

В Китае не принято открыто озвучивать свои притязания на полную компенсацию жилья, страховку, оплачиваемый отпуск два раза в год и вид на жительство.

Интересны культурные различия в прохождении собеседования при приёме на работу в Китае и России. Чаще всего встреча с работодателем и специалистом проходит в офисе компании или в неформальной обстановке. В основном используются 2 основных правила, следуя которым возможно построить хорошие отношения со своим потенциальным начальником: 1) стараться показать себя как сформированный человек и настоящий профессионал; показать работодателю, что вы индивидуальная личность, разговаривайте

убедительно и уверенно; 2) нельзя быть уверенным в том, что претендента на должность возьмут безоговорочно, всегда необходимо быть готовым к отказу. Также следует помнить об определенных качествах, которые присущи далеко не всем людям, к примеру, постараться быть вежливым, проявлять уважение, демонстрировать профессиональные способности. С недавнего времени в России применяются специальные тесты при прохождении собеседования. Это такие тесты, как математические тесты, мотивационные тесты, психологические тесты. Но главным плюсом тестирования считается возможность узнать кандидата не как профессионала, а простого человека. Чаще всего таким способом можно узнать:

- уровень самооценки;
- возможность реагировать на экстренные или сложные ситуации;
- жизненную позицию;
- психологическое состояние, устойчивость к стрессу.

Таким образом, методики, несомненно различны, опираются в одном случае на традиционную, когнитивную базу китайской национальной культуры, в другом – на русские ценности, но с учётом европейских инноваций. Что эффективнее- как для претендента на должность, так и для работодателя? На этот вопрос ответа нет. Сама по себе каждая методика не гарантирует 100% эффективность. Чтобы проведение собеседования было действительно успешным в бизнес-коммуникации, нужно использовать элементы всех этих методик, умело их сочетая.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 4-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Китанина Э.А., Божинская Т.Л. Проблема неоднородности общества и социальная дифференциация языка на рубеже XX-XXI вв//Теория и практика общественного развития. 2009 №3-4. С.233-240.

Guo Tianxiao

BUSINESS COMMUNICATION IN CHINA: AN INTERVIEW IN EMPLOYMENT

Abstract. This article attempts to describe the various communication techniques interview in employment in Russia and China; Lingvokulturnye analyzed the difference in business communication in China and Russia.

Key words: interpersonal skills; weaknesses; math tests; motivation tests; psychological tests.

Гонопольская Анастасия Витальевна
ученица 10 класса МБОУ СОШ № 12
Казань, Россия
vbvbyb21vbyb21@gmail.com

Хамидуллина Аниса Ленаровна
ученица 10 класса МБОУ СОШ № 12
Казань, Россия
anisakhamidullina@icloud.com

РАССКАЗЫ И.А. БУНИНА 1900–1940-х ГОДОВ: К ВОПРОСУ ОБ ИМПРЕССИОНИСТИЧНОСТИ СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ

Аннотация. В статье на материале пейзажных описаний в рассказах Бунина, принадлежащих к разным этапам его творчества, выявляется импрессионистская техника создания образа, определяются роль цвета и света, их символические значения, проясняются функции пейзажа.

Ключевые слова: И.А.Бунин, рассказы, пейзажные описания, импрессионистичность стиля.

Яркой особенностью таланта И.А. Бунина является живописность мировидения, определяющая и своеобразие его стиля. Литературоведы, стремясь прояснить связь писателя с культурой Серебряного века, для которой характерно взаимодействие разных видов искусств, не раз отмечали влияние изобразительного искусства на творчество И.А. Бунина [см., в частности, 1, 2, 5]. Однако, по признанию исследователей, «в целом это направление в изучении наследия писателя еще только формируется» [2]. В нашей работе основное внимание сосредоточено на определенном аспекте живописности стиля писателя – на выявлении черт импрессионистичности в его пейзажных описаниях. В известных нам исследованиях в этом плане рассматривается его раннее творчество [см.: 1]. Цель нашей работы – доказать, что черты импрессионизма проявляются как в ранних, и поздних произведениях Бунина. Материалом анализа являются четыре его рассказа: «Поздней ночью» (1897), «Туман» (1901), «Кавказ» (1937) и «Генрих» (1940).

Рассказы «Поздней ночью» и «Туман» привлекли наше внимание, поскольку явление природы здесь становится, можно сказать, важнейшим действующим лицом. В первом из них – это свет месяца. Как известно, для импрессионистов характерно понимание особой роли света, который влияет на форму и объект. В рассказе «Поздней ночью» движение света тоже является

важнейшим элементом сюжетно-композиционной и стилевой структуры. Все начинается с того, что герой «увидал себя в тихом и светлом царстве ночи» [3, 325]. Сложные эпитеты, передающие оттенки цвета, игру света, выполняют в этом описании ту же функцию, что и подрагивающие, переливающиеся мазки на картинах художников-импрессионистов, создающие впечатление трепетного движения, волшебства прекрасного мгновения: «Месячный свет падал из окон бледно-голубыми, бледно-серебристыми арками, и в каждой из них был дымчатый теневой крест, мягко ломавшийся по озаренным креслам и стульям» [3, 326].

Благодаря ночному свету возникает неожиданный угол зрения, который позволяет увидеть, почувствовать то, что было скрыто за суетой и обыденностью дня. Бунин использует импрессионистскую технику световых пятен, размытого контура, выражающего субъективное впечатление. «Месячный свет, проходя сквозь белесые кружева гардин, смягчал сумрак в глубине комнаты» [3, 326], при этом казалось, что он «смягчает сумрак» не только комнаты, но и души. Все, что еще вчера делало героя и его возлюбленную «злыми и беспощадными врагами», в сиянии месяца растворилось. Они ощутили «заповедь радости, для которой мы должны жить на свете» [3, 327].

Благодаря движению месячного света пространство комнаты расширяется. Герой мысленно покидает Париж, видит «золотисто-блестящую пустынную ширь Балтийского моря», бесконечные поля и равнины, «разноцветные огоньки» русских деревень, «старый, серый помещичий дом, ветхий и кроткий» [3, 326, 327].

В рассказе «Туман» Бунин использует тот же принцип расширения границ времени и пространства, позволяющий герою почувствовать связь мгновения и вечности. Это происходит благодаря туману. Кстати, образ тумана мы можем встретить и у французских, и у русских художников-импрессионистов, которые любили изображать переходные состояния природы.

В бунинском рассказе главный герой находится на пароходе, плывущем по Черному морю. На вторые сутки путешествия палубу окутывает густой туман. Он поглощает все вокруг, превращая людей в призраки, а корабль в привидение: «Серые космы тумана, как живые, медленно ползли по пароходу»; «Он вытягивался, изгибался, мы казались друг другу призраками, двигающимися во мгле» [3, 373]. Ощущение мистики усиливается, благодаря свету месяца: «Среди тумана, озаряя круглую прогалину для парохода, вставало нечто подобное светлому мистическому видению: желтый месяц поздней ночи, опускаясь на юг, замер в бледной завесе мглы и, как живой, глядел из огромного, широко раскинутого кольца» [3, 375].

Об импрессионистичности пейзажа говорит и текучесть времени и пространства. Этот эффект создается за счет переходных состояний времени суток («На рассвете первой ночи» [3, 373]), времени года («Была зима, но

все последние дни стояла оттепель» [3, 373]), состояния гор и моря («На Кавказских горах таяли снега, а море дышало обильными предвесенними испарениями» [3, 373]). Изменчив и сам туман: на рассвете он «закрыв горизонты (...) и медленно возрастал вокруг нас» [3, 373], «сделался немного светлее» [3, 373], но затем «темнел все угрюмее» [3, 374].

Согласно словарю символов, образ тумана означает «неясность, неопределенность, предшествовавшие порядку мироздания, туман в Библии предвещает великие Откровения» []. Именно эти два значения реализуются и в сюжете бунинского рассказа. Внешний мир перестает существовать для героя. Он ощущает свое одиночество перед лицом непостижимой тайны природы. Цепочка риторических вопросов («Где мы? (...) И зачем эта странная ночь (...) ? А главное – зачем все это (...) полно какого-то глубокого и таинственного значения?») сменяется ощущением «великой и безнадежной печали» [3, 376]. Герой задумывается «о всех живущих на этой земле, о людях древности». Так постепенно психологическая функция пейзажа дополняется философской. Героя посещают мысли о смерти, но они не пугают его: «Мне пришло в голову, что-то великое, что обыкновенно называют смертью, заглянуло мне в эту ночь в лицо, и что я впервые встретил её спокойно и понял так, как и должно человеку» [3, 377].

Одновременно с этим откровением происходят изменения и в природе. «И ночь, и туман, казалось мне, были только затем, чтобы я еще более ценил и любил утро. А утро было ласковое и солнечное, - ясное бирюзовое небо весны сияло над парходом (...)» [3, 377]. Этот финал как будто выражает основную философскую идею импрессионизма – осознание ценности жизни, умение видеть ее красоту в каждом мгновении.

В рассказах «Кавказ» и «Генрих» из цикла «Темные аллеи» в пейзажных описаниях тоже звучит мотив тайны. И хотя в них более выражено трагическое мировосприятие писателя, но оно лишь усиливает ощущение чудных мгновений жизни. В этих двух рассказах мы видим 2 мира: Москву, которая изображается темной, сырой, и юг, солнечный, теплый, с прекрасными пейзажами, видами гор и моря. Любящие друг друга герои пытаются убежать в иную реальность, но эта попытка заканчивается катастрофой: в «Кавказе» - самоубийством мужа героини, в «Генрихе» - убийством героини её прежним любовником.

В рассказе «Кавказ» образ иного мира создается с помощью ярких красок природы («алые мальвы», «часть моря цвета фиалки», «горячие веселые полосы света»), через изображение обитателей гор, призванное подчеркнуть экзотичность этого мира («черкешенки в черных длинных до земли одеждах, в красных чупяках»). Но особенно импрессионистичность стиля проявляется в картине южной ночи. Здесь выражена свойственная писателю способность улавливать малейшие изменения цвета, появляющиеся под воздействием световоздушной среды. Каждая деталь в этом описании предстает в движении. Недаром здесь так много глаголов: «в черной тьме плыли, мерцали, светили топазовым светом

огненные мухи», «быстро прыгала (...) прозрачная речка», «чудесно дробился, кипел её блеск в тот таинственный час», «пристально смотрела поздняя луна» [4, 12-13]. Характерны и цвето-световые эпитеты, рассчитанные на визуальное восприятие: «топазовый», «огненные», «прозрачный». Для создания зрительного впечатления Бунин подключает и звуковые ассоциации. Этому, в частности, служит метафорическое сравнение: «стеклянными колокольчиками звенели». В целом такая картина, основанная на тончайшей игре света, передает впечатление некой мистической тайны природы.

Однако рассказ Бунина завершается не картиной обретенного счастья, а самоубийством мужа героини, которое тоже происходит на фоне природы. Но пейзажных описаний здесь нет. Стиль этого фрагмента лаконичен, он передает ощущения человека, утратившего способность воспринимать красоту окружающего мира. Потеряв жену, он потерял интерес к жизни. Такой финал привносит новый смысл и в образ Кавказа: он символизирует здесь не столько обретенную свободу, сколько её иллюзию.

Сходный мотив звучит и в рассказе «Генрих». Здесь в название выносятся псевдоним главной героини Елены Генриховны, поэтессы, критика и переводчика. Как и в рассказе «Кавказ», в основе композиции – мотив дороги. Дорога является здесь и проводником из зимы в лето, и разлучницей любящих. Герои расстаются, чтобы вскоре встретиться в Ницце, но эта встреча не состоится, так как Генрих будет убита.

Однако еще до этой катастрофы характер пейзажных картин, которые герой видит за окном поезда, направляясь в солнечную Ниццу, уже предвещает будущую трагедию. К ночи небо становилось синим и в то же время «мертвенно-алым». Алый – цвет любви, но одновременно и цвет крови. Определение «мертвенно» побуждает соединять эти понятия. Потом «мертвенно-алое небо» сменяет «чёрный Дантов ад гор» и обилие «воспалённо-красного огня», дымящегося «при входе в закопченную пасть туннеля» [4, с. 115]. В дальнейшем при описании пейзажей Ниццы мотив ада продолжает звучать и в «пепельном призраке» Антибского мыса, и в «смоляной» черноте моря. Именно через детали пейзажа предано состояние героя, потерявшего женщину, которую так долго искал.

В заключительном фрагменте рассказа Бунин, стремясь подчеркнуть всю глубину горя, которое переживает герой, использует принцип контраста. Когда Глебов еще не знал, что Генрих убита, и думал, что она просто оставила его, «ровной безнадежной тоске», охватившей героя, соответствует и пейзажная картина – «вечернее бледное море лежало спокойно и плоско, зеленоватым сплавом с опаловым глянцем, (...) дымчато-сизый запад над Антибским мысом был мутен, в нем стоял и мерк диск маленького солнца, апельсина-королька» [4, 118]. Вместе с тем отдельные цветные детали этой картины («зеленоватый сплав с опаловым глянцем»), сравнение солнца с апельсином-корольком) позволяют

и в этом тоскливом пейзаже выделить отдельные «вспышки» красоты, напоминающие грозовые всполохи. Это подготавливает заключительный трагический «аккорд» – реакцию Глебова на внезапное известие о гибели возлюбленной: «Он (...) вдруг вскочил, оглушенный и ослепленный как бы взрывом магния». [4, 119]. Бунин использует здесь импрессионистское по своей природе сравнение, в основе которого световая вспышка, выражающая взрыв эмоций.

Итак, как в раннем, так и позднем творчестве Бунина, в пейзажных описаниях обнаруживают себя импрессионистичность стиля. Это проявляется: в ослаблении сюжета; в преобладании конкретно-чувственных ощущений над объективным описанием; в выборе необычного ракурса при воссоздании картин природы; в концентрации внимания на переходных состояниях, выраженных с помощью глаголов, передающих незавершенность действия, в цвето-световых метафорах и сравнениях, сложных и необычных эпитетах, рассчитанных на зрительное восприятие. Одновременно в прозе Бунина (особенно в его поздних рассказах) цвет и свет зачастую приобретают символический смысл, что способствует созданию психологического подтекста в его произведениях.

Все это позволяет проявиться разнообразным функциям пейзажных описаний: психологической, эмотивной, философской, сюжетно-композиционной.

Литература

1. Абабина Н.В. Творчество И.А. Бунина в контексте французского импрессионизма. URL.: [file:///C:/Users/User/Downloads/Nzl_2011_1\(3\)_](file:///C:/Users/User/Downloads/Nzl_2011_1(3)_)
2. Байцак М. С. Поэтика описания в прозе И.А. Бунина: живопись посредством слова. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Омск, 2009. // URL: <http://cheloveknauka.com/poetika-opisaniya-v-proze-i-a-bunina-zhivopis-posredstvom-slova>
3. Бунин И.А. Темные аллеи. // Бунин И.А. Собр. соч. в 4-х т.т.: Т.1. – М.: Правда, 1988. – С.325-327; 373-377.
4. Бунин И.А. Темные аллеи. // Бунин И.А. Собр. соч. в 4-х т.т.: Т.4. – М.: Правда, 1988. – С.9-12, 107-118.
5. Жемчужный И.С. Цвет как явление художественного подтекста в прозе И.А. Бунина // Культура и текст. – 1999, №5. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsvet-kak-yavlenie-hudozhestvennogo-podteksta-v-proze-i-a-bunina>
6. Жюльен Надя. Словарь символов. Пер. в франц. С. Каюмова, И.Устьянцевой. – Челябинск: Урал Л.Т.Д., 2000. – 499 с.

Gonopolskaya A.V., Khamidullina A.L.

I.A. BUNIN'S STORIES WRITTEN IN 1900-1940S: TO THE QUESTION ABOUT IMPRESSIONISTICNESS OF WRITER'S STYLE

Abstract. In this article in I. A. Bunin's stories pertaining to different periods of his oeuvre the impressionistic image creation technique is identified, the colour, light and their symbolic meanings role is determined, the landscape functions are clarified.

Key words: I.A. Bunin, stories, landscape descriptions, impressionisticness of style.

Гуськова Маргарита Дмитриевна
студент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина
Москва, Россия
gusckova.margarita2016@yandex.ru

Нестерова Татьяна Вячеславовна
проф. кафедры общего и русского языкознания
Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина
Москва, Россия

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОЛОРИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ (НЕЙМЫ И СЛОГАНЫ)

Аннотация. Статья посвящена фоносемантическому и колористическому анализу неймов и слоганов, который проведен с опорой на методику А.П. Журавлева, изложенную им в книге «Звук и смысл», а также с помощью компьютерных программ «VAAL» и «DIATONE».

Ключевые слова: фоносемантика, фоносемантический анализ, цветопись, колористический анализ, нейм, слоган, компьютерные программы «VAAL» и «DIATONE», цветовая семантика, звукоподражательная теория.

Фоносемантика – «это теория, основная идея которой заключается в том, что все звуки языка<...> обладают закрепленной семантикой» [13, с. 37]. Она существует на стыке фонетики, семантики и лексикологии. У этой теории есть как свои сторонники, так и противники. Мы считаем, что во всем следует соблюдать «золотую середину»: конечно, нельзя категорично утверждать, что фоносемантика определяет эволюцию языка, но и игнорировать результаты фоносемантических исследований, по нашему мнению, филологу тоже не стоит. Анализируя функционирование лексической единицы в речи/тексте, лингвисту следует учитывать и ее семантику, и прагматику, и звучание, подключая, если это необходимо для решения поставленных в работе задач, инструментальные методы исследования. Именно такой разноаспектный анализ слова порой дает очень интересные результаты. На сегодняшний день мы имеем множество методик и принципов фоносемантического описания звуковой оболочки слова, а также различные методы колористического анализа лексики.

Проблема соотношения внешней (формальной) и внутренней (семантической) сторон слова заинтересовала многих ученых (начиная с древних

времен и заканчивая современными исследованиями) и тесно переплеталась с вопросом о происхождении языка: существовало множество попыток дать ответ на вопрос: «Какими были первые слова?» (например, Гераклит и его последователи). С точки зрения одних ученых, первые слова были подражаниями звукам, которые издают объекты как живой, так и неживой природы, и эти слова оставались именами живых существ и вещей (звукоподражательная теория). По мнению других, первые слова появились на основе бессознательно издаваемых звуков, которые выражали различные впечатления и состояния души человека. Позднее данные звуки стали именами реалий, которые вызывали эти состояния души, впечатления и т.д. (теория междометий). Фоносемантическая проблематика нашла отражение и в диалоге Платона «Кратил» [2]. В речи он выделял быстрые, тонкие, громкие звуки и т.д. [9, с. 207]. О вкладе Платона в изучение фоносемантики пишет в своей статье «Фоносемантика: от античности до современности» А.Б. Михалев [10, с. 92]. Основная мысль древнегреческого ученого, по мнению автора статьи, – это принцип имитации, лежащий в основе первичного наименования [Там же, с. 92]. Вместе с тем Платон отмечает, что не все слова могут быть истолкованы с точки зрения подражательной теории: «слова, производные от первичных подражательных, могут потерять эту видимую связь между звучанием и предметом» [Там же, с. 92]. Впоследствии идеи Платона развил в своей философско-языковой концепции Г. В. Лейбниц [8, с. 279]. Большое внимание связи звука и значения уделяли стоики. Первые звуки, согласно стоикам, подражали вещам, причем подражание это мыслилось как звукоподражание, непосредственное или опосредованное сходством звукового впечатления (грубость, мягкость, сила и т.д.) с впечатлением, доставляемым вещью [1, с. 79-84]. В Средние века и в эпоху Возрождения та же проблема периодически возникала в различных мистических и религиозных текстах, однако не нашла однозначного решения. В XVIII в. фоносемантическую традицию продолжили французские классицисты Ш. де Бросс, К. де Жеблен, Ш. Нодье [10, с. 93].

В Древней Руси вопрос о фонетическом значении стал рассматриваться еще в XII веке. Так, монах Ефимий предложил классификацию звуков, в которой даются их качественные и оценочные характеристики. Все звуки Ефимий разделил на несколько групп. В первую группу вошли гласные звуки, во вторую группу – [б], [в], [г], [д] – как грубые; в третью – [к], [п], [р], [т] – как «грохочущие» и «шумные»; в четвертую – [л], [м], [н] – как косноязычные, трудные для понимания; в пятую – [с], [з] – как звуки, связанные с наговором, сплетнями, доносом [9, с. 207].

Фоносемантический и колористический анализ применялся и в поэзии. Например, французский поэт XIX в. Ш. Бодлер использовал в своих стихах прием цветописи («Я, как сфинкс, царю в лазури, выше всякого познания/

С лебединой белезною сочетаю холод льда») [3, с. 198]. В сонете поэта-символиста А. Рембо «Гласные» указанные звуки вызывают цветовые соответствия: «А – черный, белый – Е, И – красный, У – зеленый, О – синий: тайну их скажу я в свой черед. А – бархатный корсет на теле насекомых, которые кружат над смрадом нечистот» [12, с. 372]. Русский символизм использовал цветопись для создания многомерных христианских смыслов (А. Блок: «в лазури/ Чьего-то лучезарного взора пребывает теург») [6, С. 238].

В XX веке начинается новый этап в становлении фоносемантики как раздела лингвистики. Во многом этому процессу способствует рост рекламных и пиар-технологий. Американский психолог Ч. Осгуд разработал методику управления «музыкой слов» [9, с. 207]. Показывая испытуемым таблички с написанными бессмысленными созвучиями и слогами, ученый попросил их оценить ощущения, вызываемые тем или иным звуком: сильный он или слабый, светлый или темный, большой, маленький и т.д. В итоге им были сформированы 24 шкалы оценки звуков. Ученым был создан словарь, в котором каждому созвучию соответствовал цифровой код – положение слога по 24 шкалам. В середине XX в. появились работы, в которых фоносемантика получила обоснование как отдельная отрасль языкознания. Большую роль в разработке данного вопроса в нашей стране сыграли такие русские лингвисты, как С.В. Воронин, А.П. Журавлев, В.В. Левицкий [4,5, 7].

С помощью формулы Ч. Осгуда А.П. Журавлев сравнивал семантику звуков, из которых состоит слово, с его значением. Так, например, фоносемантическое значение слова «баобаб» – «большой», «величественный», «могучий» (что соответствует объекту, обозначаемому данным словом). Проанализировав таким образом корпус слов русского языка, А.П. Журавлев пришел к выводу, что фонетическая оболочка многих слов не только соответствует их семантике, но и влияет на нее. Исследователь приводит в пример слово «лик», у которого значение красоты определяется именно тем, что слово состоит из звуков [л'], [и], [к]. А слово «лицо» – из-за его звучания – употребляется для обозначения менее красивого объекта. Л. Розин и П. Успенский, критикуя теорию А.П. Журавлева, пишут о том, что он абстрагируется от стилистических регистров слова [13, с. 38]. Однако слово приобретает данные регистры в речи, а речь связана с произношением слов. В этом случае возникает вопрос: не обусловлены ли стилистические регистры произношением того или иного звука в слове? А.П. Журавлев провел эксперимент с целью подтвердить гипотезу о том, что большинство людей одинаково воспринимают звуки языка. Гласные, твердые и мягкие согласные звуки русского языка давались его носителям в качестве стимульного материала. Все «звукобуквы» (термин А.П. Журавлева) было предложено оценить по шкалам Ч. Осгуда. Шкалы состояли из антонимичных прилагательных: «хороший – плохой», «яркий – тусклый» и т.п. К каждой шкале можно было применить 5 оценок.

534 | Оценка 3 означала нейтральность, а оценки 1,2,4,5 показывали степень выраженности того или иного признака. На основе экспериментальных данных с опорой на психометрический метод изучения символического значения звуков речи А.П.Журавлев описал символику звуковых единиц, анализируя семантику слов. Автор соотнес буквы русского алфавита с определенными цветами (например, О — светло-желтый; Е — зеленый; И — синий; Ы — темно-коричневый, У - лиловый и т.д.) [5, с. 101].

В XXI веке фоносемантические исследования вышли на принципиально новый уровень благодаря активному внедрению компьютерных технологий. Для изучения воздействия звуковой оболочки слова на наше восприятие стали использоваться компьютерные программы «DIATON» (И.Черепанова) и «VAAL» (В.Шалак и соавторы). Тексты и звуки в этих программах оцениваются по таким параметрам, как «сильный», «нежный», «яркий», «радостный» и т.д. По звуковому составу текста теперь стало возможным в основных психологических шкалах охарактеризовать личность написавшего текст. Это такие шкалы, как: «возбудимость», «гипертимность», «депрессивность» и т.д. [9, с. 208]. Данные программы позволяют оценивать эмоциональное воздействие фонетической структуры текста и отдельных слов на подсознание человека, задавать характеристики желаемого воздействия, оценивать уровень агрессивности, сексуальности и т.п. текстов, а также дают возможность провести тестирование колористической организации текстов. Справедливости ради нужно отметить, что результаты такого анализа не всегда бывают однозначны, поэтому данные программы нужно использовать как вспомогательное средство при изучении фоносемантики и колористики различных текстов, в том числе и рекламных.

Авторы данной статьи, анализируя различные рекламные тексты, неоднократно обращались к компьютерным программам «VAAL» и «DIATONE», а также к методике А.П.Журавлева (помимо опроса информантов в фокус-группах). Ниже приводятся результаты такого анализа некоторых неймов и слоганов.

1. «А́льфа-ба́нк. Креди́т. Бы́стро! Удо́бно! Наде́жно!»

Методика А.П.Журавлева позволяет определить цветовую семантику текста. Для этого при расчетах требуется указать количество звукобукв в тексте (считая за две все ударные), доли звукобукв в тексте, соотнести их с нормальными долями для звукобукв, представленными в книге «Звук и смысл» [5, с. 82 - 83], и, рассчитав место звукобуквы по преобладанию над нормой, выявить окраску нейма или слогана. Согласно методике А.П. Журавлева, в нейме «Альфа-банк» присутствуют звукобуквы А+Я, дающие красный цвет.

В программе «VAAL» появляется ярко-красная цветовая шкала, соответствующая цветовой семантике названия данного банка. Можно сделать вывод о том, что цвет в логотипе выбран удачно.

Колористический анализ слогана с помощью методики А.П.Журавлева показал, что данный текст окрашен в мрачный темно-коричневый, светло-желтый или густо-красный цвета. Возможно, превалирование мрачного темно-коричневого цвета связано с отрицательной или нейтральной оценкой данного слогана участниками фокус-группы (33%). Программа «VAAL» не определила для данного слогана цветовую окраску.

Нейм «Альфа-банк» производит впечатление чего-то «страшного», «тихого», «тусклого», «печального» - окончательный вердикт программы «VAAL». Программа «DIATONE» посчитала слово «Альфа» «тихим», «страшным», «тусклым», «печальным», «медлительным» и т.д.

Все эти характеристики противоречат лексической семантике слова «альфа» (первая буква греческого алфавита имеет числовое значение «1»).

Фоносемантика по методике А.П.Журавлева определяется с помощью специальной, выведенной исследователем формулы: $F = \sum f_i k_i / \sum k_i$ [8, с. 32], где F — фонетическая значимость слова; f_i — фонетическая значимость очередного (i-того) звука слова; k_i — коэффициент для очередного (i-того) звука; Σ — знак суммы, P_i — частотность любого звука. Для того, чтобы учесть место каждого звука в слове, необходимо коэффициент первого звука слова (k_i) увеличить в четыре раза, а коэффициент ударного (куд) — в два раза [11]. Как отмечает А.П.Журавлев, «инструментом для измерения служит шкала, образованная из двух антонимичных прилагательных типа «хороший-плохой», «большой – маленький» и т.п. Для каждого из прилагательных с помощью слова «очень» образуются две степени сравнения: «очень хороший», «хороший»; «очень плохой», «плохой». Затем строятся шкалы, похожие на шкалу школьных оценок:

«И так для многих слов, обозначающих признак предмета: сильный – слабый, светлый – темный, быстрый – медленный, округлый – угловатый, гладкий – шероховатый, легкий – тяжелый и др.» [5, с. 11].

Соответственно, проанализировав нейм «Альфа-банк» по шкале «безопасный - страшный», получим, что нейм является «страшным» (см. ниже) (это подтверждается и программой «VAAL» - 7.7 единиц в пользу вышеуказанной характеристики).

Слоган «Альфа-банка» «VAAL» оценила как нечто «грубое», «мужественное», «страшное», «шероховатое», «угловатое», «темное», «сложное», «отталкивающее» и т.д. (см. ниже):

Проанализировав слоган «Альфа-банка» по методике А.П. Журавлева, мы обнаружили, что $k_i = 206,41$, $f_i k_i = 721,634$; $F = 721,634/206,41 = 3,49 \sim 4$, а значит, слоган «грубый» (что подтверждается и программой «VAAL»).

К нейму «Альфа-банк» 40% члены фокус-группы отнесли положительное, 10% - отрицательно, 50% - нейтрально. Информанты, давшие положительный ответ, отмечали, что у них название банка ассоциируется с чем-то главенствующим (что соответствует семантике слова «альфа»). Нейм вызвал

536 | у аудитории более приятные ассоциации, нежели слоган. Многие члены фокус-группы говорили о своих «непонятных» (отрицательных или нейтральных) ощущениях при прочтении слогана «Альфа-банк. Кредит. Быстро! Удобно! Надежно!». Можно предположить, что это связано с фоносемантикой текста. 34% опрошенных отнеслись к данному слогану положительно, 33% - нейтрально и 33% - отрицательно. В целом, результаты, полученные при анализе фоносемантики нейма и слогана в программах и по методике А.П.Журавлева, соответствуют результатам опроса членов фокус - группы.

2. «Сбербанк. Всегда рядом».

Следуя методике А.П.Журавлева, получаем, что нейм «Сбербанк» окрашен в красные тона (как видим, в логотипе нейм – белого цвета). Программы «VAAL» и «DIATONE» не выдали никаких ярко выраженных цветовых характеристик нейма «Сбербанк». Слоган «Сбербанк. Всегда рядом!», по шкале А.П.Журавлева, окрашен в желто-зеленые тона (см. выше). В логотипе банка присутствует зеленый цвет (бело-зеленая гамма используется в интерьере помещений банка, а также в униформе его работников), поэтому можно предположить, что слоган подобран удачно. Программа «VAAL» охарактеризовала нейм «Сбербанк» достаточно противоречиво: «хороший», «сложный», «страшный», «грубый», «мужественный»; программа «DIATONE» - как «короткий» и «быстрый». Применяя методику А.П.Журавлева, вычисляем, что нейм «Сбербанк» является «никаким» по шкале «красивый - отталкивающий» ($k_i = 28,26$; $f_{k_i} = 82,86$; $F = 82,86/28,26 = 2,93(\sim 3)$). Программа «VAAL» посчитала слоган «Сбербанка» «хорошим», но в то же время «отталкивающим». Согласно методике А.П.Журавлева, слоган «Сбербанк. Всегда рядом!» по шкале «добрый – злой» является нейтральным, т.е. «никаким» ($k_i = 103,51$; $f_{k_i} = 313,352$; $F = 313,352/103,51 = 3,02$). Опрос членов фокус-группы показал, что большинство информантов (42%) отнеслись к данному слогану отрицательно, 25% - положительно, 33% - нейтрально. Участники опроса мотивировали свое негативное отношение к нейму и слогану тем, что банк может за ними следить (т.к. он «всегда рядом»). Информанты были недовольны тем, что отделения «Сбербанка» и банкоматы встречаются не так часто, как хотелось бы, усматривая в этом противоречие со слоганом. Проведенный анализ позволяет предположить, что данный слоган не очень удачен.

3. «АОС. Я люблю свою семью».

В программе «VAAL» окраска нейма «АОС» - красно-желтая, что соответствует результатам, полученным при подсчетах по методике А.П.Журавлева (светло-желтый, белый или густо-красный цвета).

Цвет слогана «АОС. Я люблю свою семью», согласно методике А.П.Журавлева, - темно-синий, сиреневый, а также густо-красный. Сиреневый цвет получаем и при анализе данной фразы в программе «VAAL». Поскольку на самой упаковке моющего средства присутствуют сиреневый

и оранжевый цвета (близкий по цветовой гамме к красному), то можно считать, что слоган подобран удачно.

Нейм «АОС» в программе «DIATONE», ассоциируется с чем-то «округлым», «хорошим», «активным» и т.д.

По шкале «хороший - плохой» (методика А.П.Журавлева) данный нейм оценивается как «хороший» ($F = 19.3/9.3 = 2,02 \Rightarrow$ «хороший»).

Слоган также подобран удачно. Программа «VAAL» оценила его как нечто «хорошее», «доброе», «округлое» и т.д. Оценивая слоган «АОС. Я люблю свою семью!» по шкале «женственный – мужественный» с применением формулы А.П.Журавлева, получаем, что $k_i = 316,89$; $f_{ki} = 643,554$, а $F = 643,554/316,89 = 2,03$; следовательно, фоносемантическая характеристика слогана содержит параметр «женственность», что напрямую связано с целевой аудиторией: моющим средством чаще всего пользуются именно женщины. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что данный слоган удачен. По результатам опроса мы получили следующую картину: 55 % отозвались о слогане положительно, 27 % - отрицательно, 18 % - нейтрально. Некоторые информанты, давая отрицательную оценку слогану, не могли понять, каким образом моющее средство соотносится с любовью к семье. В целом, можно считать нейм и слоган удачными.

На основании проведенного фоносемантического и колористического анализа неймов и слоганов, а также результатов опроса информантов в фокус-группах можно сделать вывод о том, что при восприятии рекламного текста целевая аудитория ориентируется не только на лексические значения слов, из которых он состоит. На подсознательном уровне мы воспринимаем и другую информацию – ту, которую несет звук. В ней «закодированы» определенные ассоциации, связанные у человека с данным звуком, в том числе и цветовые. Конечно, результаты инструментального анализа не всегда однозначны и могут противоречить лексической семантике слов рекламного текста. Однако в случае совпадения фоносемантических, колористических и лексических характеристик слов, из которых он состоит, можно говорить об эффективности воздействия данного рекламного текста на потребительскую аудиторию. По нашему мнению в практике создания рекламного имени, слогана, логотипа, рекламных текстов, необходимо сочетать результаты инструментального фоносемантического и колористического анализа с лингвистическим (на уровне фонетики, лексики и стилистики) и социологическим (опрос в фокус-группах) для того, чтобы глубже проникнуть в суть рекламного текста и оценить степень его воздействия на потенциального клиента.

Литература

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов) [Текст] / Общ. ред. О.М. Фрейденберг. – СПб.: Алетея, 1996. – 362 с.

2. Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев)/[Электронный ресурс]/Диалоги Платона, Кратил. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/18krati.htm> (дата обращения 16.02.17)
3. Бодлер Ш. Цветы зла. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. – 288 с.
4. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 244 с.
5. Журавлев А.П. Звук и смысл: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Просвещение, 1991. - 160 с.
6. Критика русского символизма. Т. 2. – М.: Олимп, 2002. – 448 с.(7)
7. Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Основные итоги [Текст] / В.В.Левицкий. — Черновцы, 1998. – 130 с.
8. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме [Текст] / Г.В.Лейбниц. – М., 1936. – 484 с.
9. Лукашин И.С. Фоносемантическое значение звуков речи/ И.С.Лукашин, И.В. Долинина // Ивановский государственный химико-технологический университет. – Иваново, 2008. – С. 206 – 211
10. Михалев А.Б. Фоносемантика: от античности до современности/ А.Б.Михалев // Вестник ПГЛУ, №1. - Пятигорск: Издательство «Редакция научного журнала «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», 2012. - С.92-96
11. Панова М.В. Фоносемантический анализ слова и текста/сост. Е.В.Сидорова [Электронный ресурс]/Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010.URL: <http://www.slideshare.net/ivanov1566359955/296-49065312> (дата обращения 17.02.17)
12. Поль Верлен. Артю Рембо. Стефан Маллерме. Стихотворения. Проза. – М.: Рипол Классик, 1998. – 736 с.
13. Розин Л. К критике теории фоносемантики/ Л. Розин, П.Успенский // Журнальный клуб Интелрос. Культиватор, №2. – 2011. - С. 36-45

Guskova M.D., Nesterova T.V.

PHONOSEMANTIC AND COLORISTIC ANALYSIS OF ADVERTISEMENT TEXTS (NAMES AND SLOGANS)

Abstract. The article is dedicated to the phonosemantic and coloristic analysis of names and slogans, based on A.P. Juravlev's methodology presented in his book «Sound and Meaning», and carried out with the help of computer programs «VAAL» and «DIATONE».

Key words: phonosemantics, phonosemantic analysis, color writing, coloristic analysis, name, slogan, computer programs «VAAL» and «DINATONE», color semantics, echoic theory.

МОТИВ РОССИИ В СПЕКТАКЛЯХ ГДАНЬСКОГО ТЕАТРА "TEATR WYBRZEŻE"

Аннотация. Театр Побережье как одна из важнейших польских сцен в своих спектаклях представляет также тему России и её культуры. С помощью спектакля можно перенестись в Россию не покидая Гданьска. Путём интеракции зрителя и сцены можно интересно показать жизнь россиян, их быт и традиции. Одними из самых выдающихся спектаклей являются „Вишнёвый сад”, „Баба Шанель” и „Корабль дураков”.

Ключевые слова: польский театр; Россия в польском театре; польские пьесы о России.

Театр как одна из множества форм искусства является не только оружием приказа глубокого смысла, а также способом его выражения. Выполняет он также роль учителя, а содержание спектакля подталкивает зрителя к размышлениям над собой и общественными проблемами⁷. С помощью театра можно очень интересным способом представить зрителю культуру и обычаи других стран и поэтому с большим интересом представляют спектакли отражающие образ данного общества. Очень часто он показан комично-ироничным способом, чтобы с юмором и дистанцией посмотреть на другие народы.

Одним из известнейших и уважаемых мест на театральной карте Польши является театр Побережье (Teatr Wybrzeże), который можно назвать гордостью Гданьска. Каждый год театр посещает около ста тысяч гостей, а актеры театра очень популярны (Дорота Колак, Мирослав Бака, Катажина Фигура). Театр был основан в 1946 году на фундаменте разрушенного здания, которое когда-то являлось Городским театром⁸. Сейчас театр располагает пятью сценами: Большая и Черная сцена имени Станислава Хебановского, сцена Маляряня, сцена Камеральна в Сопоте и летняя сцена находящаяся в Прушчу Гдань-

⁷ Gliniecki M., Maksymowicz L. Teatr edukacyjny – komunikacja bez granic. [Электронный ресурс]: Słupsk: Teatr STOP & SOK 2001 URL: <http://www.teatrstop.pl/publikacje/pub02/015/015.html> (дата обращения: 25.02.2017).

⁸ Teatr Wybrzeże 6.10.2016 [Электронный ресурс]: GEDANOPEDIA URL: http://www.gedanopedia.pl/?title=TEATR_WYBRZEZE%C5%BBE (дата обращения: 25.02.2017).

540 | ском⁹. Первым директором театра был Иво Галль, а с 2006 года должность директора исполняет Адам Оржнховски.

В гданьском театре часто представляют российскую классику, которая очень ценится зрителями и критиками. Так же вышло и с «Вишневым Са-дом», премьера которого состоялась 16 декабря 2016 года на Большой сцене в Гданьске. Режиссёр Анна Аугустынович решила представить пьесу Антона Чехова, хотя его произведения являются вызовом для современного режиссера. Интерпретация предложенная Анной Аугустинович стала актуальной и пронизительной как никогда раньше – интеллигенция была представлена как люди отстраненные от действительности, интересующиеся только собой, лишенные креативности, абсолютно несамостоятельные. Революция не была необходимою, интеллигенция сама отдала власть в руки простому народу¹⁰.

Следующий спектакль который пользуется большим интересом со стороны зрителя это „Баба Шанель” под режиссурой директора театра Адама Ожеховскиего. Пьеса российского драматурга Николая Коляды показывает проблемы, с которыми встречаются пожилые люди не только в России, но и в Польше. Их активность и жизнелюбие не всегда встречается с пониманием окружающих, мы привыкли видеть пожилых людей закрытых в своих домах, больницах. в церкви, а не на музыкальной сцене.

По моему мнению „Корабль дураков” Николая Коляды даёт зрителю огромную дозу положительной энергии. Коляда занимался не только режиссурой, но и музыкальным сопровождением, благодаря музыке можно почувствовать себя как в России. Герои маленького дома просыпаются отрезанными от света - их дом затопил дождь. Вырванные из повседневной жизни, стараются справиться с появившемся избытком свободного времени, которое становится поводом соседских и, в первую очередь, семейных споров и конфликтов. Спектакль показывает частые проблемы соседей, которые чаще всего не имеют малейшего значения¹¹.

Вышеперечисленные произведения Российских и Польских авторов это только малая часть картины России представленной в репертуаре театра Побережье. Гданьский театр с успехом и гордостью представляет пьесы отображающие Россию и её быт, которые пользуются большой популярностью зрителей.

⁹ Historia [Электронный ресурс]: Oficjalna strona Teatru Wybrzeża URL: <http://www.teatrwybrzeze.pl/o-teatrze> (дата обращения: 26.02.2017).

¹⁰ Rudziński Ł. Zamrozeni. Recenzja «Wiśniowego sadu» Teatru Wybrzeże. 17.12.2016 [Электронный ресурс]: Trójmiasto.pl URL: <http://kultura.trojmiasto.pl/Zamrozeni-Recenzja-Wisniowego-sadu-Teatru-Wybrzeze-n108433.html> (дата обращения: 26.02.2017).

¹¹ Rudziński Ł. Tani humor zawsze w cenie. Recenzja spektaklu «Statek szaleńców» Teatru Wybrzeże 30.08.2014 [Электронный ресурс]: Trójmiasto.pl URL: <http://kultura.trojmiasto.pl/Tani-humor-zawsze-w-cenie-Recenzja-spektaklu-Statek-szalencow-Teatru-Wybrzeze-n82925.html> (дата обращения: 26.02.2017).

Такого рода соприкосновение с искусством может помочь каждому, даже не искушенному зрителю, хотя бы на момент перенестись в мир загадочной российской культуры, попытаться понять её и почувствовать так называемую „российскую душу”.

Литература

1. Gliniecki M., Maksymowicz L. Teatr edukacyjny - komunikacja bez granic. [Электронный ресурс]: Słupsk: Teatr STOP & SOK 2001
URL: <http://www.teatrstop.pl/publikacje/pub02/015/015.html> (дата обращения: 25.02.2017)
2. Historia [Электронный ресурс]: Oficjalna strona Teatru Wybrzeża
URL: <http://www.teatrwybrzeze.pl/o-teatrze> (дата обращения: 26.02.2017)
3. Rudziński Ł. Tani humor zawsze w cenie. Recenzja spektaklu «Statek szaleńców» Teatru Wybrzeże 30.08.2014 [Электронный ресурс]: Trójmiasto.pl
URL: <http://kultura.trojmiasto.pl/Tani-humor-zawsze-w-cenie-Recenzja-spektaklu-Statek-szalencow-Teatru-Wybrzeze-n82925.html> (дата обращения: 26.02.2017)
4. Rudziński Ł. Zamrożeni. Recenzja «Wiśniowego sadu» Teatru Wybrzeże. 17.12.2016 [Электронный ресурс]: Trójmiasto.pl
URL: <http://kultura.trojmiasto.pl/Zamrozeni-Recenzja-Wisniowego-sadu-Teatru-Wybrzeze-n108433.html> (дата обращения: 26.02.2017)
5. Teatr Wybrzeże 6.10.2016 [Электронный ресурс]: GEDANOPEDIA
URL: http://www.gedanopedia.pl/?title=TEATR_WYBRZE%C5%BBE (дата обращения: 25.02.2017)

Denst Bartłomiej

RUSSIAN THEME IN THE PERFORMANCES OF GDANSK WYBRZEZE THEATRE

Abstract. Wybrzeze Theatre is one of the most interesting forms of art in Gdansk. Shows that take place in this theatre include russian topics - life of Russians is shown in a very interesting, moving and (sometimes) amusing way. I would call “Wiśniowy Sad» (directed by Anna Augustynowicz), «Baba Chanel» (directed by Adam Orzechowski), «Statek Szaleńców» (directed by Nikolaj Kolada) one of the most interesting plays that are shown in the Wybrzeze Theatre.

Key words: Polish theatre; Russia in the polish theatre; Polish shows about Russia.

«ЯЗЫК ВРЕТ, КАК ВСЕ МЫ, ВРЕТ И НЕ КРАСНЕЕТ»: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В. НОВИКОВА В «РОМАНЕ С ЯЗЫКОМ»

Аннотация. В статье приводится анализ различных аспектов языковой игры в романе Владимира Новикова «Роман с языком».

Ключевые слова: языковая игра; филологический роман, Новиков.

В. Новиков – автор романа «Сентиментальный дискурс. Роман с языком». Жанр произведения сам автор определил как «филологический роман» и в статье «Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия» дал такое определение: «Филологическим по преимуществу, наверное, можно считать такой роман, где филолог становится героем, а его профессия — основой сюжета». [3].

Различные языковые явления, такие как цитация, реминисценции и аллюзии и фразеологизмы, обыгрываются автором, становятся средством языковой игры, которая, в свою очередь, является смыслом романа, неотъемлемой и необходимой его частью. Языковая игра важна и для раскрытия авторского замысла.

Языковая игра, которая сопровождает читателя на протяжении всего произведения, придает новое содержание жанру «филологический роман». По сути, главным героем такого романа является как раз язык, творческий, яркий, знакомый каждому носителю языка и все время новый, расширяющий границы сознания, представления о мире, вмещающий национальное сознание. Языковая игра, представленная в романе, заставляет воспринимать роман, как особый образец игры. Именно это позволяет говорить о том, что роман В. Новикова «Роман с языком» является ярким примером жанра «филологический роман».

Уясним для себя название романа - «Сентиментальный дискурс», и подзаголовок - «Роман с языком». На наш взгляд, название несколько необычно. В словаре иностранных слов находим: «Дискурсивный (от лат. *discursus* рассуждение) – обоснованный предшествующими суждениями (противоп. интуитивный)». [2; с. 84] Там же видим: «Сентиментальный – излишне чувствительный, приторно-нежный, слезливо-умилительный» [2; с. 84] «Сентиментальный» и «дискурс», казалось бы, два совершенно несовместимых слова. Получается, что написанный Новиковым роман – роман-рассуждение, основанный на обдуманых чувствах и переживаниях. Это рассказ профессора, рассуждающего одновременно логично и трепетно.

В подзаголовке «Роман с языком» имеет место семантическая двойственность. Слово «роман» представлено в словаре двумя омонимами: «Роман – повествовательное произведение со сложным сюжетом и многими героями, большая форма эпической прозы» [4; с. 843] и «Роман – любовные отношения, любовная связь». [4; с. 843] Так и вся жизнь автора, несмотря на банальные жизненные обстоятельства, окрашена одним романом – с языком. И результатом этих «отношений» становится «Сентиментальный дискурс», в котором присутствует невероятное множество языковых явлений. Во многом раскрыть идею романа помогает языковая игра на страницах книги.

Языковая игра во все времена привлекала носителей языка своей нестандартностью, возможностью проведения своеобразного «лингвистического эксперимента». Этот «лингвистический эксперимент», по мнению Л.В. Щербы [5; с. 17], позволяет значительно расширить возможности языка и раздвинуть рамки языковой системы. Описание многих реалий сегодняшней жизни, особенно из числа тех, которые заслуживают иронического к себе отношения, сопровождаются интересной игрой слов и смыслов, модификацией стандартных литературных средств выражения, то есть, помимо традиционных изобразительно-выразительных средств, активную позицию занимают приемы языковой игры.

Владимир Новиков уже с заглавия готовит читателя к предстоящей игре с языком, используя метафорическую игру.

Кроме того, нельзя забывать, что на протяжении всего романа языковая игра является прерогативой главного героя. Учитывая то, что он является филологом, можно сказать, что эта игра используется для характеристики его, как человека-специалиста, как человека, способного творчески пользоваться языком, способного дарить любовь к языку остальным носителям его. Каким бы элементом языковой игры ни была его фраза (цитация, аллюзия или фразеологизм), она всегда подтверждает его высокие знания и эрудированность. Например, обратимся к цитации:

1. «Помнишь, Мастер, впервые встретив Ивана Бездомного, говорит, что ему его стихи «ужасно не нравятся», хотя он их и не читал». [2; с. 29] Цитируя фразу из произведения М. Булгакова и ссылаясь на один эпизод, рассказчик раскрывает сущность одного из героев романа. Тот в свою очередь критикует те научные труды, в который он ещё не вник и, возможно, даже не читал.

2. «А молчалиники вышли в начальники...» Нет, теперь ситуация радикально переменилась: в начальники выходят говоруны». [2; с. 129] Обыгрывается цитата из одноименного стихотворения Александра Галича. Употребление оппозиции молчалиники/говоруны создает комический эффект, а также само включение чужеродной единицы выступает как средство экспрессии.

Или к аллюзии:

1. «Милый Игрек, не будь Сальерей – хотя бы потому, что не Моцарт я, абсолютно». [2; с. 221] Упомянув двух известных композиторов автор как бы ссылается на произведение А. Пушкина «Моцарт и Сальери». В данном произведении Пушкин рассказывает историю, как Сальери якобы отравил Моцарта.

544 | В то время как рассказчик произведения говорит о своем коллеге, который во всем старается поставить ему подножку, предать, насулить. И, упоминая этих героев, он просит своего товарища по работе не делать этого более.

2. ...хочешь шутить – иди работать Жванецким или пиши свои «Двенадцать стульев». [2; с. 185] В данном примере автор упоминает известного русского писателя-сатирика М. Жванецкого и название плутовского романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» как образцы юмористической эстетики, в противовес людям, неумело и непрофессионально использующим в речи шутки, остроты и т.п.

Или к фразеологизму:

1. «Невелика наша научная деревня, и чтобы понять свое в ней место, необязательно от каждых ворот получить поворот – иные отлупы можно и предугадать, вычислить». [2; с. 193] Данная фраза является русской поговоркой. Она имеет смысл: получить везде отказ. Именно в этом значении она и использована главным героем. Он искал работу, однако, в нескольких университетах получил отказ, и понял, что продолжать поиски бессмысленно.

2. Литературный талант – это не «хорошо подвешенный язык», не болтливый «язык без костей». [2; с. 210] Оба выражения являются устойчивыми. Также оба имеют значение: свободное умение хорошо говорить, писать, без особых трудностей. Говоря это, автор показывает, что литературный талант – это не пустая болтовня, а серьезный труд и глубокие знания во многих сферах.

Такая игра с читателем не только характеризует произведение и главного героя, но и дает возможность читателю проверить свои знания, подключиться к разгадыванию смыслов, образов, мотивов произведения, а значит, создавать свой творческий речевой, языковой мир, то есть еще раз удивиться многообразию и таланту русского языка и сильнее полюбить его.

Литература:

1. Большой словарь иностранных слов. – Москва, 2003. – 990с.
2. Новиков Вл. Роман с языком. – М.: Зебра Е; АСТ, 2007
3. Новиков Вл. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия. – Журнал «Новый мир» № 10, 1999 г. (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/10/novik.html)
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Evko A.I.

“THE LANGUAGE LIES, AS WE ALL DO, AND IT DOESN’T BLUSH”: V. NOVIKOV’S LANGUAGE-GAME IN “THE NOVEL WITH THE LANGUAGE”

Abstract. The article provides an analysis of various aspects of language game in the novel by Vladimir Novikov’s “The novel with the language”.

Key words: Language-game, philological novel, Novikov.

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ПОЭЗИИ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ПОЭТОВ- ФУТУРИСТОВ СЕМЕНА КИРСАНОВА И ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу графических средств в творчестве поэтов-футуристов Семена Кирсанова и Владимира Маяковского.

Ключевые слова: русский язык, поэтическая графика, анализ графических средств, футуристы.

Как известно, любое литературное произведение является целостной системой, в изучении которой важна не только тематика текста, но и совокупность стилистических приемов. Такой комплексный подход стал возможным после возникновения структурно-семантического анализа поэтического текста, предложенного Ю. М. Лотманом [3]. Его монография посвящена принципам анализа поэтического текста, изучению природы поэзии, композиции поэтического текста, поэтическому дискурсу. В нашем анализе мы отталкиваемся от концепции структурно-семантической поэтики, в условиях которой поэтическое произведение представляется как единый механизм, все элементы которого взаимосвязаны.

Так как поэтический текст, как и любое литературное произведение, представляется знаковым выражением художественной речи, то является обязательным изучение его поэтической графики. Порой писатель осознанно создаёт форму своего произведения, поэтому при анализе следует учитывать возможность специального подбора графических средств. В своей монографии Ю.М. Лотман говорит о том, что именно графическая система отличает поэтический текст от непоэтического. «Графическая урегулированность служит интересным примером реализации этой особенности поэтических текстов. Она позволяет проследить некоторые общие закономерности отношения поэтической структуры к общеязыковой. В естественном языке графическая структура — его письменная форма — не является ни стилем, ни какой-либо особой системой выразительности. Она представляет собой лишь графический адекват устной формы языка» [3, с.70].

Одна из особенностей поэзии состоит в сочетании графики и звучания, и их комплексном воздействии на эстетическое мировосприятие человека.

«В поэзии графика оказывается не только важнейшим текстообразующим средством, но и – прежде всего – особого рода сигналом, с помощью которого читатель соотносит текст с определённой экстралингвистической культурно-исторической традицией... Именно в стихе графическое оформление способно играть стилеобразующую роль, которая является отражением речевого мышления. Ведь в ритмике, в поэтической интонации, как правило, закодирован более глубокий смысл, чем в лексическом слое» [4, с.38].

В нашем исследовании мы опираемся на анализ паралингвистических средств художественного текста предложенного Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным [1].

Предметом настоящего исследования являются паралингвистические средства в поэзии российских футуристов XX века, которые внесли значительный вклад в развитие графической стороны поэтического текста.

Известно, что футуристы отрицали старую культуру и провозглашали новую, придерживались взглядов антиэстетизма, проявляли интерес к живописи, ввели новую графику и звукопись.

Некоторые поэты-футуристы обращаются к классическому стиху, но большинство связывают поэзию с живописью, вследствие чего возникают различные индивидуальные графические манеры.

Для стилистического анализа графических средств мы выбрали стихотворение Семена Кирсанова «Боль» и Владимира Маяковского «Письмо Татьяне Яковлевой». Умоляют, просят:

— Полно,
выпей,
вытерпи,
позволь,
ничего,
не будет больно...—
Вдруг,
как молния,—
боль!
С. Кирсанов.
В поцелуе рук ли,
губ ли,
в дрожи тела
близких мне
красный
цвет
моих республик
тоже
должен

пламенеть.

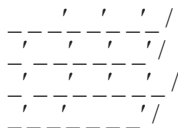
В. Маяковский

Проанализировав паралингвистические средства этих стихотворений, мы выявили некоторые общие черты в их поэтической графике.

Во-первых, основа графической фактуры этих стихотворений – начертание слов, словосочетаний и фраз, которые в объёме строфы-текста представляют собой лесенку. Единицей этого графического рисунка является поэтическая графическая строка, объём которой варьируется от 1 до 4 графем и увеличивается или уменьшается бессистемно. Графическая форма этих текстов гармонично взаимодействует с паралингвистическими средствами, в особенности с интонацией. При членении стихотворений на строки поэтическая графика выполняет выделительную функцию, т.е. высекает из общего потока художественной речи графему значимую для смысла.

Во-вторых, графическая форма стихов заключает в себе поэтический ритм. Способ членения стихотворений на строки не только выделяет значимые графемы, но и формирует «скорость» стиха. Так, например, в стихотворении С. Кирсанова «скорость» стиха нарастает от 2 строки к 6, а перед 7 делается пауза, которая материально выражена знаком «тире».

В-третьих, графическая форма стихотворений усложняет определение стихотворного размера. Для того чтобы определить стихотворный размер данных поэтических текстов, понадобилось расписать их в рифмованные строки. Например, стихотворение В. Маяковского: «В поцелуе рук ли, губ ли / в дрожи тела близких мне / красный цвет моих республик / тоже должен пламенеть».

Из приведенной выше ритмической схемы видно, что ударение в стихотворении падает на первый слог, размер двустопный, следовательно, стихотворение написано хореем. Также проанализировав стихотворение С. Кирсанова «Боль», мы чётко увидели, что оно тоже написано хореем.

В-четвертых, в стихотворениях практически отсутствует индивидуально-авторская пунктуация. Поэты ставят знаки препинания по правилам русского языка и только в некоторых случаях используют знак «тире» для выделения значимой графемы или для постановки более долгой паузы. Так, например, в стихотворении «Письмо Татьяне Яковлевой» В. Маяковский использует «тире» для выделения слова: «потягиваясь, задремлю, сказав – тубо – собакам озверевшей страсти».

Также мы обнаружили значимое отличие в членении стихотворений на строки. С. Кирсанов старается делить текст на поэтические строки на основе

548 | синтаксиса, например, разбивает однородные члены предложения по разным строкам: «выпей / вытерпи / позволь», кроме тех случаев, когда отдельное слово значимо для смысла стихотворения. В. Маяковский, напротив, делит текст на строки, основываясь на смысловой значимости слов. Так, например, в стихотворении «Письмо Татьяне Яковлевой» поэт разделяет словосочетание «красный цвет», чтобы выделить эпитет «красный».

Проведённый анализ является примером демонстрации индивидуально-авторской интонации. Особое графическое оформление данных стихов служит не только реализацией графической системы как структурного составляющего эмоциональность произведению. Стихотворения обладают яркой эмоциональной окраской именно благодаря авторской графической манере.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.

2. Казарин Ю.В. Поэтический текст как система: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 260 с.

3. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. – М.: Просвещение, 1972. – 271 с.

4. Федотов О.И. Основы русского стихосложения. – М., 1997. – 240 с.

Evmenova T.S.

GRAPHICS AS A LITERARY DEVICE IN THE XX-th CENTURY POETRY (BASED ON S. KIRSANOV AND V. MAYAKOVSKY'S WORK)

Abstract. The paper focuses on graphics in the poetry of S. Kirsanov and V. Mayakovsky.

Key words: Russian language, graphics in poetry, graphics study, futurism.

Жданович Олеся Андреевна
студент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
olesya_zhdanovich@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК Н.Н. АСЕЕВА «ОКСАНА» КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕЛОЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается поэтическая книга «Оксана» как собрание избранных стихотворений Н.Н. Асеева 1912–1916 гг., анализируются основные темы и мотивы художественного целого.

Ключевые слова: Николай Асеев, русский футуризм, «Центрифуга», избранное, раннее творчество, художественное единство.

Книга «Оксана» стала пятым стихотворным сборником Н.Н. Асеева и первым, построенным по принципу избранного. Это был результативный опыт самоанализа творчества, способ отделить преходящее от индивидуально-поэтического. «Оксана» включает в себя 59 поэтических текстов, 13 из которых напечатаны впервые. Отметим, что стихотворения пронумерованы, что является единственным примером среди сборников Асеева, составленных им самим. Вероятно, этот строгий отбор стал выражением критического отношения поэта к его первым опытам.

Действительно, из стихотворений, вошедших в дебютную «Ночную флейту» (1914), Асеев публикует в «Оксане» всего два: «Фантасмагорию» (1913) и «Безумную песню» (1912). «Фантасмагория» – завершающий аккорд первого сборника, сгусток романтических веяний. В этом стихотворении «ритм подчиняет себе семантику материала» [3, с. 9], смысл затемняется. Именно поэтому в «Оксане» «Фантасмагория» звучит несколько чуждо.

«Безумная песня» открывает книгу «Оксана». Стихотворение, скорее всего, занимает первое место как созданное ранее остальных из помещенных в сборнике. В остальном хронологический принцип расположения произведений не соблюдается.

Из «Зора» (1914) Н.Н. Асеев отбирает уже пять стихотворений, но три из них печатаются под другими названиями; «Звенчалъ», переименованная в «Песню сотен», – еще и в новой редакции. Асеев лишает стихотворение ремарок, высмеивавших В. Брюсова. Произведения, составившие асеевскую часть «Леторея» (издан совместно с Григорием Петниковым), полностью вошли в «Оксану», разделенные другими стихотворениями. Тем не менее

почти половина страниц сборника отведена для поэзии 1916 г. Критически на стихотворения этого времени Асеев взглянет намного позже.

В произведениях «Оксаны» отражены разнообразные влияния на формирующееся поэтическое сознание Асеева: наставничество символистов, гофмановские настроения, подражание «буйным и задевающим» стихотворениями А.К. Толстого, воплощение отдельных частей теорий Боброва, пастернаковские мотивы, динамичность Маяковского, словотворчество Хлебникова [7, с. 16; 2, с. 7; 5, с. 202; 6, с. 33]. Идеи предшественников и современников Асеева были им творчески осознаны и переработаны.

Стихотворения сборника относятся к периоду участия Асеева в трех литературных объединениях: это «Лирика», «Центрифуга» и «Лирень». Весной 1914 г. прекратила свое существование «Лирика» и была организована «Центрифуга» [5, с. 205]. Состоявший в группе с момента ее самопровозглашения, но бывший скорее ею ведомым, нежели ее создателем, руководимым авторитетом С. Боброва, Асеев уже в апреле 1915 пытается обрести творческую самостоятельность – организует совместно с Г.Н. Петниковым и Божидаром литературно-издательскую группу «Лирень». Однако вплоть до 1917 г. Н. Асеев поддерживает живые связи и с «Центрифугой». Об этом свидетельствует и публикация «Оксаны» под ее маркой. Издательство этого сборника – один из последних эпизодов в истории сотрудничества Н. Асеева с «Центрифугой» перед его отъездом во Владивосток [4, с. 232–233].

Таким образом, названный сборник представляет собой историю художественных поисков поэта 1914–1916 гг.

Как было сказано выше, Асеев не следует принципу хронологии: стихотворения более ранних лет соседствуют с написанными в 1916, что было, видимо, выражением стремления «уравновесить» качество художественного материала начала и конца книги. Также нет смысла говорить о жанровом делении. Стихотворения внутри сборника не распределены по группам, тем не менее композиционная целостность несомненна: ее создают развивающиеся общие темы и мотивы.

Сборник открывается темой богоборчества. В «Безумной песне», продолжающей традиции обращения символистов к античным образам, ястреб выступает как аллегория божественного:

Там в золотом убранстве,
В мощи вечного пыла
Плавает зоркий ястреб...
[1, с. 5]

Здесь еще завуалировано стремление свергнуть божество, но уже в стихотворении «Торжественно...» лирический герой прямо обращается к «Возлюбленному»:

Буду стучать к Тебе, дикий, взъерошенный, бешеный,

Буду хулить Тебя,
 Чтоб ты откликнулся
 Песнями!

[1, с. 10]

Кроме того, богоборческая тема, появляясь во многих произведениях сборника, является ведущей в стихотворениях «Объявление», «Осада неба», «Скачки», «Проклятие Москве», «Царь играет на ветреных гусях...». К этой группе можно присоединить и «Откровение»:

Тот, кто перед тобой ник,
 запевши твоей свирелью,
 был такой же разбойник,
 тебя обманувший смиреньем.

[1, с. 23]

«Навеянным фольклором и древней стариной» называет это стихотворение Ю.А. Мешков: «Лихой казак-разбойник передает состояние души лирического героя, его позицию по отношению к современности» [6, с. 61]. Однако на причастность «Откровения» к библейской тематике несомненно указывают название произведения, контекст («божьи холеные уши»), кроме того, прямое обращение к Богу в форме второго лица, единственного числа характерно для поэзии Асеева.

Иначе трактует образ разбойника Б.М. Джилкибаев: «В этом стихотворении “бог” показан покровителем и заступником богатого проходимца “разбойника Савла”, впоследствии ставшего «апостолом Павлом» [3, с. 57]. Эта версия интересна, но малоосновательна. Трудно предположить, чтобы Асеев мог называть разбойником Савла, который был воспитан в традициях фарисейского благочестия (Деян. 23:6) и ремеслом зарабатывал себе на жизнь (Деян. 18:3). Кроме того, никаких прямых указаний в тексте Асеева на Савла нет. Вероятнее всего, что Асеев имеет в виду так называемого благоразумного разбойника, распятого рядом с Иисусом. В этом случае «смирение» может трактоваться как покаяние, а «избранник» – как допущенный в рай.

Далее конфликт остается непримиримым, в стихотворении «Я знаю: все плечи смело...» (1915) находят выражение пантеистические взгляды; лирический герой бросает вызов высшим силам в ответ на похищение дорогого лирическому герою человека:

И станет коситься глазом
 в небо, за помощью, к третьему,
 но брошу лопнувший разум
 с размаха далеко вслед ему.
 И буду плевать без страха
 в лицо им дары и тайнства
 за то, что твоя рубаха

одна на песке останется.

[1, с. 57]

К концу сборника Бог начинает характеризоваться уже как нейтральный наблюдатель («бога голубой глаз глядит на мчащееся облако»); лирический герой обращается к Богу с покорной и даже традиционной речью («Ты, даровавший мне жаркую речь, / дай мне у ног и устать и прилечь!»)

В «Оксане» широко представлены стихотворения о войне, написанные под впечатлением от службы в армии в 1915–1916 гг. [6, с. 56]. Для Асеева характерно раскрытие темы бессмысленности войны через призму времени: в ряде стихотворений для иллюстрации возникают исторические образы («лукавый Калита / поет грядущую былинку / неборимого щита»), образы воинов прошлого («Встали латники вала / кинуть в души нам вихри и замяти») и мифологические персонажи («Бьются Перун и Один, / в прасини захрипев»).

В произведениях книги «Оксана» война окрашена не патриотическими и героическими тонами, столкновения всегда приводят к личной и народной трагедии. Смерть – главный атрибут войны («закачал наш пан / мертвой головою»; «Не завтра ль, выданы смертельным сумеркам, / пойдете к песням вы и к молитвам?»); «Матерой материк в истерике, / пули изрешетили его дочерей черепа»).

Сознание лирического героя проходит путь от понимания бессмысленности, безумия войны, до ее отрицания, но отрицания пассивного. Финальное «Осмеяте» звучит признанием лирического героя своей беспомощности перед стихийной и всеразрушающей силой:

... пусть жизнь пройдет не по-моему
под глупое твяканье пушек,
и, неба зрачки наполнив помоями,
зальется дождем из лягушек.

[1, с. 57]

«Временная линия в сборнике «Оксана» могла бы быть представлена как прямая, бесконечно уходящая в прошлое, продляющая настоящее, не знающая будущего.

Именно стихотворения, обращенные в прошлое, «согретые дыханьем неподдельной самобытности», выделяет Б.Л. Пастернак среди остальных произведений «Оксаны», особенно же – «Песня Ондрия», «Кремль 1914 год», «Тунь». «Ничего общего ни с подражательством эпигонов, ни с подчинением традиции, ни, наконец, со стилизаторством эти, составляющие яркую особенность автора и часто расточаемые им анахронистические красоты, не имеют», – пишет Пастернак в 1917 г. [8, с. 446].

Понятие времени коррелирует у Асеева с понятием вечности: «Пройди к повороту и скройся / Из пыльных недель навсегда»; «Мы – ведь вечности вращенье»; «Я годы собрал из меди, / а он перечел их тыщи»; «что он стоит

в века, / званье свое вызывая?» От своего читателя поэт требует «мужества перед лицом вечного движения» [9, с. 28].

Лирический герой осознает себя свидетелем становления «еще не живого племени», и эпоха, которую он застаёт, видится ему переломной, исторической:

О, Время! Я рад, что я достиг

Держать тебе нынче стремя.

[1, с. 16]

Одно из главных имен в творчестве Асеева – Оксана. Ксении Михайловне Синяковой, жене поэта, посвящены многочисленные стихотворения и целые их сборники («Зор», «Ой конин дан окейн», «Оксана», «Стальной соловей»). Любовная лирика Асеева уникальна и в то же время камерна, так как воспроизводит образ одной этой женщины:

Как птицы, маячат присловья,

но мне полонянна — одна:

подымет посулы любовья

до давьего дневьего дна...

[1, с. 16]

С одной стороны, может показаться, что тема любви занимает в сборнике второстепенное место, так как ей посвящено сравнительно небольшое количество стихотворений, притом сконцентрированных во второй части книги. С другой стороны, очевидно, что они выполняют важнейшую функцию: с помощью них поддерживается эмоциональный баланс, расстояние между поэтом и читателем сокращается. В самом патетическом стихотворении сборника – «Осмейте...» – образ девушки вырастает до категорий жизни и смерти, любовь провозглашается основой существования лирического героя:

«Оксана — жизнь и Оксана — смерть!»

Чьи губы новы и чьи руки — не вы,

чьи косы длиннее и шире Невы,

как росы упали от туч до травы...

[1, с. 76]

Фоном для лирических переживаний в книге чаще всего выступают море и небо. Это определяет главные цвета «Оксаны» – синий и голубой («исписан синими молниями»; «облако высинил ветер»; «снега, засиневшие грустью»; «голубые ладони»; «дали синий почтовый ящик»).

С синим и голубым цветами по широте представленности способен стать в ряд только белый, тоже изначально цвет небесной и морской стихий («белые корни небес»; «с ветвей скользит, белея, лунь»; «белолобая глыба палубы»).

Несмотря на обилие негативно окрашенной лексики («рвите сумрака черные вены»; «гляжу с улыбкой раба»; «пустынным палом похоти / перепалило роды»; «в лавках, набитых тревогой кувырком»; «человечья лютая свара»; «сучьи перебежки»; «шумя стаканом крови, / шагнуло пьяное столетье»; «ел,

554 скрипя зубами, тоскующий песок»; «жизнью в лицо ему плюнуть»; «кожа дней, почерневши, сморщится»), общее настроение сборника мажорно. Это обусловлено тем, что из этих «кровавых» строк звучит основная идея поэтического текста – смелости и одновременно смятенности начинающейся жизни:

... стакан весны высок и пуст,
его рукою сердца взвешу...

[1, с. 74]

Итак, в ходе анализа были выделены основные источники влияний на поэтические тексты сборника «Оксана», рассмотрено творческое окружение Н.Н. Асеева в 1912–1914 гг. Выявлены основные темы, мотивы и спектр наиболее представленных цветов, определена их роль в системе, образующей художественное пространство книги «Оксана».

Литература

1. Асеев Н.Н. Оксана. – М.: Центрифуга, 1916. – 85 с.
2. Асеев Н.Н. Я не могу без тебя жить. – М.: Эксмо, 2011. – 349 с.
3. Джилкибаев Б.М. Контекст поэзии раннего Асеева / М-во высш. и сред. спец. образования КазССР. Каз. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Кафедра рус. филологии. – Алма-Ата, 1971. – 115 с.
4. Зеленкова Е.В. «Центрифуга» и «Лирень»: к истории взаимоотношений // Восьмая международная летняя школа по русской литературе. Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Женевский ун-т. – пос. Цвелодубово (Ленинградская обл.): Свое изд-во, 2012. С. 227–235.
5. История русского футуризма / В. Ф. Марков; Пер. с англ. В. Кучерякина, Б. Останина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 414 с.
6. Мешков Ю.А. Николай Асеев: творческая индивидуальность и идейно художественное развитие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 272 с.
7. Мильков В.И. Николай Асеев: Лит. портрет. – М.: Советская Россия, 1973. – 198 с.
8. Пастернак Б.Л. Люди и положения. – М.: Эксмо, 2008. – 750 с.
9. Шайтанов И. В содружестве светил. Поэзия Николая Асеева. – М.: Советский писатель, 1985. – 400 с.

Zhdanovich O.A.

N.N. ASEEV'S COLLECTION OF POETRY «OKSANA» AS ARTISTIC WHOLE

Abstract. This article deals with collection of poetry “Oksana” composed from selected N.N. Aseev’s poems for 1912–1916, analyzes the main themes and motifs of the artistic whole.

Key words: Nikolai Aseev; Russian Futurism; “Centrifuge”; selected works; early works; artistic unity.

ТЕЗИСЫ О РЕФЛЕКТОРНЫХ ДУГАХ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена общей проблеме понятия «рефлекторная дуга» в концепции Ю.Н. Караулова. Осуществляется опыт феноменологического подхода к решению поставленной темы.

Ключевые слова: языковая личность; текст; феноменология; рефлексия; сознание.

Обозначенная нами тема исследования базируется, с одной стороны, на теоретических достижениях в области языковой личности (В.В. Виноградов, 1980; Г.И. Богин, 1984; Ю.Н. Караулов, 1987, В.И. Карасик, 2002; Е.В. Иванцова, 2010 и др.). Последняя, согласно концепции Ю.Н. Караулова, есть личность, «...реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов, 2010: 38]. С другой стороны предлагаемая работа учитывает феноменологические (Э. Гуссерль, 2011, Г.Г. Шпет, 2004) и герменевтические (Г.Г. Шпет, 2004; Г.И. Богин, 2009) разработки.

Само понятие рефлекторной дуги, вероятно, было выведено из работ Р. Декарта физиологами (см.: А.С. Батуев, 2008), после уже заимствовано Ю.Н. Карауловым в качестве метафоры: «...и ввод этот (ввод прецедентного текста в ситуацию общения – прим. З.А.) осуществляется подобно замыканию наведенной в сознании слушающего рефлекторной дуги, дуги условного рефлекса: намек (цитата или имя) — и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушателя, прецедент вступает в игру» [Караулов, 2010: 217]. Не вызывает сомнений, что для мыслительной деятельности носителя языка знак может выступать как та интенциональная предметность, на которую направлены внимание, восприятие, память (В. фон Гумбольдт, 2000; К.С. Аксаков, 1875; И.А. Бодуэн де Куртэнэ, 1963, С.Д. Кацнельсон, 2011 и др.). В концепции Ю.Н. Караулова проблема дескрипции рефлекторной дуги не была и не могла быть решена как минимум до появления отечественных разработок в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии (Е.С. Кубрякова, 1997; С.Г. Воркачев, 2007; З.Д. Попова, А.И. Стернин, 2007; Ю.С. Степанов, 2007; В.И. Шаховский, 2008; В.А.

Маслова, 2008; Н.Ф. Алефиренко, 2010 и др.). Причина этого заключается, с одной стороны, в разрыве (по идеологическим причинам) дореволюционной линии исследования словесности, близкой к феноменологической философии (Н.В. Крушевский, 1883; М.М. Бахтин, 2003; Б.М. Энгельгардт, 2005 и др.), а с другой – в установлении структурно-системной парадигмы в лингвистике, где сознание как объект долгое время оставалось в тени.

II. Иначе была ситуация в первой трети XX века. В.В. Виноградов в своих разработках по стилистике (и исторической в том числе) постулирует применение функционально-имманентного метода, который характеризуется как «метод «феноменологического» описания» [Виноградов, 1977: 232]. В этих поисках он отнюдь не одинок: в публикациях литературоведов-современников (Б.М. Энгельгардт, 2005), и в признании умирающего И.А. Бодуэна де Куртенэ («В действительности я всю свою жизнь был собственно феноменологом» [цит. по: Якобсон, 1985: 336]) лишь фрагментарно представлена та линия, о которой мы говорили выше. И она могла бы помочь исследователям пролить свет на сущность и специфику рефлекторной дуги языковой личности, но этот вектор представлен незавершенными программами, разрозненными концепциями и осложнен отсутствием трудов в области лингвистической эпистемологии по данному вопросу.

III. В дальнейшем изложении мы будем пользоваться текстами первой половины XVII века, когда кризисное социокультурное положение этноса могло быть означено, а следовательно, отображено документами и памятниками эпохи. Следует оговорить, что данный период представляет собой лагуну не только в исторических исследованиях языка, но и в диахронической лингвоперсонологии. В рамках этого этапа работы мы привлечем материал официально-деловой письменности, некоторые тексты которой напрямую связаны с поставленной нами темой.

Один из документов накладывает ограничения на рефлексию языковой личности, регламентируя её ментальную деятельность. Мы подразумеваем «Крестоприводную запись Бѣлозерцевъ на вѣрность службы царю Михаилу Ѳеодоровичу» 1613 года. В ней указано следующее: «Также мнѣ имркъ <...> изъ иныхъ государствъ государя не хотѣти и не обирати, и о такомъ воровскомъ заводѣ ни съ кѣмъ не умышляти и не думати, и въ иные государства о томъ ни съ кѣмъ не ссылатися и не думати; а у кого послышу язъ имркъ такое лихое дѣло и умышленье и ссылку, и мнѣ такого человѣка не покрыти, и его поимати...» [ДАИ, 1846: 1]. Привлекает внимание последовательность из отрицаний модальных глаголов (не хотѣти, не умышляти и не думати). Составители документа, вероятнее всего, понимали опасность индивидуального выбора как результата рефлексии субъектом ситуации. Вместе с тем тот факт, что на деятельность сознания накладываются ограничения, следует считать объективацией в знаковой последовательности имманентно данных

процессов. История сохранила имена и тех, кто нарушал представленные требования, но в других городах и селениях Московского государства.

В «Отписке Хутынского архимандрита Киприана» 1614 года обнаруживаем то, что вполне может быть означенной в тексте рефлекторной дугой языковой личности. Священнослужитель пишет: «а намъ какъ промышлять по здѣшнему дѣлу смотря , помимо вашъ наказъ и вашихъ грамотъ? а отъ васъ къ намъ ни о чемъ имянно не писано; а сколко нашего разуму было, и мы государю и его государевымъ бояромъ безъпрестани били челомъ» [ДАИ, 1846: 25]. В приведенном фрагменте прослеживается оппозиция Адресант – Адресат (вашъ наказъ и вашихъ грамотъ / нашего разуму), оформляющая координаты возможной мыследеятельности рамками коммуникации. Автор отписки обращается к жителям Новгородских земель, и здесь интерес вызывает то, что с этим населенным пунктом связан другой документ, в котором отображена оценка типичного русского поведения глазами Шведского подданного. На последнем тексте мы остановимся подробнее.

Этот документ известен как «Предложеніе фелдмаршала Эверта Горна Новгородскимъ земскимъ чинамъ» от 25 января 1614 года. В нём сделан ряд замечаний, характеризующих ментальное состояние жителей города: «И вы Новгородского государства люди двоемысленни, тако что его королевское величество не вѣдаетъ , чего отъ васъ впередъ чаяти» [ДАИ, 1846: 30]. То, что в «Крестоприводной записи Бѣлозерцевъ» было решено жестким регламентированием ментальной сферы, в ситуации мятежного Новгорода, помнившего в преданиях о вече, оказалось трудноосуществимым. Впрочем, оценка дана и жителям Москвы: «толко бы Московскіе люди такую безпричинную воину не зачали, еще же и нынѣ не образумляются, аще ли и многижда наставляеми; отъ того же мочно разумѣти, что онѣ Божиимъ особнымъ наказаніемъ, собя и всю отчину свою въ конечную погибель низводвести хотятъ» [ДАИ, 1846: 30]. Образованный европеец выстраивает синтаксис по образу простого логического силлогизма: Московскіе люди не образумляются → аще ли и многижда наставляеми → мочно разумѣти ... онѣ собя и всю отчину свою въ конечную погибель низводвести хотятъ. Языковая личность Эверта Горна четко осознает не только экстралингвистические параметры ситуации, но и категориально-семантическую функцию возвратного глагола при агенсе в предложении (люди не образумляются) и отсутствие такого при опущенном пациенсе в эллиптической конструкции (и многижда наставляеми). Это уже, в свою очередь, вскрывает интенции пишущего, его собственную рефлекторную дугу.

IV. В одной из своих работ Г.Г. Шпет вѣднил: «Между вѣдением и сознанием, между знанием и совестью, втирается оценка» [Шпет, 2006: 177]. Последняя может быть детерминирована концептосферой этноса, культурными категориями, даже жизненными обстоятельствами авторов. Тем не менее, на данном этапе работы мы сфокусируем внимание на оценке ума и разума, отображенной ресурсами языка в текстах князей-публицистов первой половины XVII века.

Автор	Положительная оценка	Отрицательная оценка
И.М.Катырев-Ростовский	Остроумь [РИБ, 1891: 622],	злоумну [ЛЗАК, 1907: 133],
И.А. Хворостинин	благоразумія [РИБ, 1891: 539], богоразумія [РИБ, 1891: 529]	малоумныхъ [РИБ, 1891: 545], високоуміе [РИБ, 1891: 532], Злоумное [ЛЗАК, 1907: 34],
С.И. Шаховской	благоразумно [РИБ, 1891: 869]	Не выявлено

Концептуально вычлняемые «Бог», «Благо», «Зло» выступают аксиологической шкалой рефлексорной дуги языковой личности представленного сословия.

V. Предлагаемая вниманию читателя работа есть первое приближение к лингвистическому измерению феноменологической философии. Такая, на первый взгляд, вулгаризация целого направления европейской мысли обусловлена наметившимся кризисом ещё недавно актуальных дисциплин. На своем докладе в рамках «Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» В.А. Маслова обозначила это тезисом, согласно которому путь русской когнитивной лингвистики заключается в описании концептов. Если это программное утверждение, то оно неутешительно: антропоцентрическая направленность этого вектора будет редуцирована наметившимся движением к структурно-системному подходу, от которого когда-то отмежевались. В противовес позиции В.А. Масловой мы выдвигаем иной тезис: путь русской лингвистической феноменологии начнётся с фундаментального объяснения рефлексорной дуги, а завершится описанием деятельности (актов) сознания носителя языка в том объеме, в каком это будет возможно при соответствующей методологической разработке.

Литература

1. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1977. – 511 с.
2. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб, 1846. – 306 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. – 264 с.
4. Летопись занятий императорской археографической комиссии за 1905 год. СПб., 1907. – 284 с.
5. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т.13. СПб, 1891. – 982 стлб.
6. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2006. – 712 с.
7. Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. – 455 с.

Zagumennov A.V.

ABSTRACTS OF REFLEX ARCS RUSSIAN CULTURE FIRST HALF OF XVII CENTURY

Abstract. The article is devoted to the General problem of the concept of «reflex arc» concept in Yu. N. Karaulov. Experience is a phenomenological approach to the set theme.

Key words: Language personality; the text, phenomenology, reflection, consciousness.

СПОРТИВНЫЙ РЕПОРТАЖ КАК ПРЕДМЕТ ЯЗЫКОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье проводится обзор исследований, посвященных спортивному репортажу как жанру спортивного дискурса и типу текста массовой коммуникации. Выявляются характерные черты спортивного репортажа как вида речевой деятельности и как типа текста.

Ключевые слова: спортивный репортаж, комментатор, лексика, композиция, текст, спортивный дискурс.

Спортивный репортаж (СР) направлен на массовую аудиторию и занимает одно из лидирующих мест среди современных СМИ. Звучащий СР представляет собой спонтанный устный монолог журналиста. Исследователи Т.М. Рогожникова, Э.Г. Никитина уточняют, что спецификой подобного жанра журналистики является оперативность и беспристрастное (по возможности - без оценок) освещение событий [4, с. 1]. В монологе комментатора непосредственное восприятие реальной действительности (а именно, движения и действия (броски по воротам) субъектов во времени и в пространстве) сопровождается анализом увиденного. А речепроизводство комментатора отражает все эти процессы. Содержанием данной деятельности определяется состав семантического поля (с лексемами, характеризующими данную деятельность и с предикатами движения (бежать), акциональными предикатами (стрелять, стрельба) и его функционирование в тексте. А изъяснительные, причинно-следственные, определительные и условные конструкции служат синтаксическими показателями осмысления комментатором наблюдаемых событий. Они обуславливают незначительную глубину выражений (в сравнении с подготовленными высказываниями), также занимаются реализацией однотипных моделей без наличия разнообразных подчинительных средств связи: потому что, если, что, который: «Сергей Чепиков только что покинул стартовый створ, минута пятьдесят три значит прошло, э-э со времени ... нахождения на дистанции лидера» (Д. Губерниев).

Для причинно-следственных конструкций чаще характерен такой порядок, при котором следствие-первично, а причина-вторична. Это можно объяснить целью коммуникации: сначала происходит понимание факта внеязыковой действительности, затем он анализируется. Из этого следует, что восприятие событий (движений и действий) и их языковая интерпретация в спортивном репортаже происходят одновременно, а продуктом этой деятельности является

560 | текст с его особенностями. Целостность текста отмечается в процессе реализации говорящим своей стратегии, например, через его композицию; а связность может проявляться в номинации лиц (участников состязания), их деятельности и условий ее осуществления (пространственных и темпоральных характеристик).

По Л.В. Златоустовой, «устный спортивный репортаж входит в систему публицистического фоностилиа и его жанровых разновидностей». Его характеристика объясняется событиями и фактами объективной реальности (это отражается на организации спортивного репортажа). Важно отметить, что этот жанр не имеет строгой композиции, в отличие от письменного текста. В композиции СР с точностью отмечаются только начало и конец. Компоненты композиции (контексты) с различными микротемами, такими как название и место проведения соревнования, участники, стадион, трасса, погода. Все вышеперечисленное чаще всего дается в самом начале текста, но их появление возможно и в центральной части репортажа. Таким образом, последовательность данных контекстов может поменяться в зависимости от развития событий и от намерения говорящего. Например, подобные микротемы могут встречаться в части, где отсутствует динамика. Такие включения реализуют стратегию говорящего, поддерживают интерес аудитории. В концовке такого текста, как правило комментатор обобщает все факты и подводит итоги соревнований. Такие компоненты создают «композиционную рамку» СР. Центральная часть СР имеет денотативную отнесенность, она складывается из происходящих событий, их динамики. Событийный динамизм объясняет и изменение состояний, эмоций комментатора: от нейтральных до пика эмоциональной напряженности к эмоциональной разрядке. Динамизм состояния комментатора может быть отражен в динамике создаваемого им текста. Порядок изложения событий отражает порядок их следования в реальной действительности (ходом соревнования). При этом комментатор осуществляет отсылку только к объектам (событиям), непосредственно имеющим отношение к ситуации общения. А движение или действие воспринимается, определяется по прототипической модели: «движение-действие здесь и сейчас». Именно такая композиция способна реализовать стратегию говорящего [3, с. 151,152]

Публицистический текст, который обращен к массам, явно обладает воздействующим характером, об этом свидетельствуют его оценочная лексика: О как по-горнолыжному Рафаэль Пуаре проходит великолепно, я такой техники ещё не видел, просто использует параллельное ведение лыж, не затормозил ни ... на секунду, я думаю, если измерять скорость прохождения этого участка, то у Рафаэля Пуаре она будет самая высокая, да может быть отыграл ... несколько десятых секунды, но показал исключительную технику, настоящую, горнолыжную (Д.Губерниев). В СР оценка преимущественно параметрическая, она функционирует как качественная. Помимо этого, оценка субъектов осуществляется по их деятельности (основывается на результа-

тах стрельбы, скорости хода): Все-таки за спиной всегда чуть легче, даже несмотря на то, что темп задает такой э-э скоростной биатлонист как ... Уле Айнер; Рико ... Гросс, он ... уже занимает сейчас ... седьмое место, и ... ни разу не промахнулся ... на двух огневых рубежах, он и сейчас подтверждает свою славу лучшего ... снайпера в биатлонной элите (Д. Губерниев).

Н.Н. Трошина в своей работе «Лингвопрагматический аспект текстов массовой коммуникации» пишет о языковых средствах в СР. По ее мнению, они выполняют вспомогательную функцию, основная роль отводится видеоряду [5, с. 161]. В данном случае говорится об удачном сочетании элементов сообщения и воздействия. То есть комментатор, на первый взгляд, уходит на второй план. Но, несмотря на это, его роль довольно велика, он воздействует на аудиторию. Таким образом, например, осуществляется пропагандирующая функция (т.е. реклама какого-либо вида спорта). Что способствует развитию детского спорта.

В работах И.Н.Аксеновой СР рассматривается как информационный текст, который является многофактурным и вторичным. СР рассматривается как комплексный текст, содержащий в себе помимо речи музыку, жестикуляцию и другие элементы (если мы говорим о телевизионном репортаже) [1, с.2]. Характерными чертами СР как вида речевой деятельности являются:

1) Прямая зависимость речи комментатора от событий, происходящих в процессе спортивного состязания.

2) Комментатор строит сообщение, ориентируясь на «среднего» (непрофессионального) получателя информации.

3) Комментатор приобретает статус реального участника макромира спортивного события (не просто наблюдатель).

4) Репортаж и события игры не разделены во времени, поэтому спортивный комментарий является спонтанным речевым актом.

5) Манера повествования обуславливается общей стратегией комментатора (3 основных категории мысленно определяет говорящего: знание, оценка, готовность к продуцированию текста).

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что ситуация, в которой находится комментатор, является замкнутой. Он ограничен событиями, происходящими на поле. Целью комментатора является удовлетворение запросов как искушенной аудитории, так и обыкновенных зрителей (не знатоков). Функции спортивного комментария: целенаправленная оценочность, контроль смысловой избыточности, толерантность психологическая и лингвистическая и др. Важен также ход спортивной игры.

Ключевую роль в спортивной комментарии могут сыграть личностные особенности комментатора (Д. Губерниев, например, излишне эмоционален) или же фирменные фразы комментатора («Получите, распишитесь!» Г. Черданцева).

Нужно также принимать во внимание и то, откуда ведется репортаж (с места событий или из студии). В первом случае комментатор видит больше, он вовлечен в процесс игры. Второй комментатор как правило находится в студии и выпол-

562 | няет роль запасного, он видит ту же картинку, что и зритель (как правило его выходы в эфир связаны с техническими неполадками при прямой трансляции).

В заключение можно отметить, что СР является жанром дискурса, в котором ментальная деятельность самого говорящего, перцептивный процесс, словесная реализация комментатором фактологического материала происходит с опорой на информацию. Видеоряд также относится к визуальным средствам, он представляет движения, действия субъектов (а именно спортсменов); так же зрителей и стадион, различные схемы, мишени, ворота; таблицы с результатами; аудиоряд – звуки выстрелов, ударов по мячу или шайбе, комментарии спортсменов, подсказки тренеров, реакция болельщиков. Стоит отметить, что спортивный репортаж представляет собой речетворческое произведение (т.е. текст), которое характеризуется такими свойствами, как целостность и связность. СР является устным спонтанным монологом и по своим характеристикам, как уже отмечалось ранее, его можно отнести к публицистическому фоностиллю. Данный тип текста является ядром спортивного дискурса. При этом исследование устного (как первичного) типа дискурса представляется нам более интересным, так как этот дискурс с наиболее полной степени отражает речевую деятельность и факторы (социальные, психологические) его понимания.

Литература

1. Аксёнова И.Н. Коммуникативно-прагматические особенности спортивного репортажа. Автореф. па соискание учёной степени канд.филолог. наук. - М., 1988. - 21 с.
2. Аксёнова И.Н. Спортивный репортаж как тип текста// Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Сб.науч.трудов. - Калинин, 1985. – С. 167-173.
3. Златоустова Л.В. Текст, дискурс, жанр, параметры их классификации // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 150–152.
4. Рогожникова Т.М., Никитина Э.Г. Исследование суггестивной эффективности поликодовых и полимодальных текстов (на материале спортивных репортажей) Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Выпуск № 3 - Тольятти, 2012 – 9 с.
5. Трошина Н.Н. Лингвопрагматический аспект текстов массовой коммуникации// Роль языка в средствах массовой информации. М., 1986. - С. 155-173.

Zapevalova N.D.

SPORTS REPORT AS SUBJECT OF THE LANGUAGE RESEARCH

Abstract. In this article the review of the researches devoted to the sports report as a genre of a sports discourse and a text type of mass communication is carried out. Characteristic features of the sports report as type of speech activity and as text type come to light.

Key words: Sports report, commentator, lexicon, composition, text, sports discourse.

Запывалова Полина Ивановна
студент Магнитогорского государственного
технического университета им. Г. И. Носова
Магнитогорск, Россия
polina-zapivalova@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАК ДИДАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ БИЛИНГВОВ

Аннотация. В статье освещаются современные подходы к обучению билингвов. Ведение уроков развития русской речи обеспечивает осознание значимости религиозной компоненты в процессе освоения языка и культуры другого народа. Представлены приемы работы с билингвами и их родственниками.

Ключевые слова: билингвизм, сопоставление систем обучения, миграция, религиозная компонента образования, РКН.

Проблемы образования билингвов в настоящее время стоят очень остро, что связано с увеличивающейся миграцией. При этом, к сожалению, не уделяется должного внимания категории учеников, для которой русский язык является неродным. В процессе изучения второго языка выделяется ряд факторов, способствующих усилению мотивации к полилингвальному обучению. Одним из таких факторов выступает введение религиозной компоненты в содержание дидактического материала.

В городе Магнитогорске Челябинской области в настоящее время возрастает количество учеников, чьи родители приехали в Россию из соседних республик на постоянное жительство, но не владеют русским языком ни как языком общения, ни как языком обучения. Регион не располагает достаточным количеством специалистов, владеющих методикой обучения русскому языку как иностранному, поэтому учителя-словесники во многом самостоятельно моделируют методики развития русской речи билингвов.

Практика работы с детьми и взрослыми, изучающими русский язык как неродной, обнаруживает, что мотивация к осознанному овладению русской речью существенно возрастет при введении в содержание обучения сопоставительной информации о культурах и религиях различных народов, а также за счет реализации опыта семейного чтения источников, высоко оцениваемых церковью.

В настоящей работе мы хотим познакомить с опытом использования материалов данного курса в семейном обучении русскому языку билингвов.

Задача преподавателя — так организовать работу с билингвами, чтобы, сопереживая героям произведений, полилингвальная аудитория испытывала сильное эмоциональное воздействие. Примером, решающим задачи духовно-нравственного воспитания, может послужить семейное изучение «Повести о Петре и Февронии Муромских».

В классе преподаватель может познакомить билингвов с праздником семьи, любви и верности, сказав, что восьмого июля все православные отмечают день святых Петра и Февронии. Проводя такие занятия чтения, подбирая столь актуальный материал, становится возможным воспитывать отношение к семейным ценностям как общенациональным. На уроках литературного чтения у билингвов воспитываются духовные и нравственные качества (доброта, преданность в дружбе и любви, умение прощать), что находит отражение в жизни, как младшего школьника, так и взрослой личности.

Во время работы с родителями целесообразно объяснить, что этот праздник, был религиозным, с 2008 года стал общероссийским. Вовлекая родственников, педагог может попросить на занятие, приуроченное к данному празднику, приготовить фотографии семей учеников, повышая таким образом мотивацию к использованию русской речи. Все это пробуждает интерес к общению на русском языке.

К проведению занятия, затрагивающего тему «семья», желательно организовать работы таким образом, чтобы родители дома подготовили билингвов к занятию, прочитав и обсудив «Повести о Петре и Февронии Муромских». Родителям можно выдать вопросы, которые они могут задать после семейного прочтения. И самое важное в данном случае — позволить мыслить билингву. Самостоятельно развивая мысль, репетирует перед высказыванием в аудитории, более того, ученики более мотивированы в классе после такой работы. К примеру, «Понравилась повесть?», «Назови героев», «Какой момент повести самый интересный?», «Кто из героев больше понравился? Почему?», что позволяет поработать над первичным восприятием текста. Для формирования эстетической компоненты по изучаемой теме — дать задание с родственниками подготовить стихотворение по теме семья.

В классе же, основываясь на семейном чтении, урок литературного чтения может происходить более интенсивным образом. К примеру, для отработки навыков вторичного восприятия текста, целесообразно попросить билингвов прочитать повесть про себя. Проанализировать произведение можно с помощью вопросов «Как автор описывает героев? Что означают эти слова?». Билингвы находят слова и читают их: Петр — блаженный, т. е. благой, добрый; благоверный; святой; преподобный; смиренный; чистосердечный; Феврония — святая; мудрая; блаженная; преподобная.

Для развития навыков устной русской речи, а здесь мы основываемся на ситуативно-тематическом принципе, говорим: «Назовите положительные

черты. Назовите отрицательные черты». В ходе данной работы, на заключительном этапе спрашиваем: «Чем Петр и Феврония заслужили звание святых?». Ответом может быть: «Своей любовью и верностью. Они так любили друг друга, что просили у Бога смерти в один день. Петр и Феврония были образцом семейной жизни, любви и верности. Даже смерть их не разлучила. Поэтому они стали святыми — покровителями брака».

Как сказано в трудах Almeida о религиозном образовании и нравственном воспитании гражданского общества, согласно Silveira, католический девиз был следующим: «без религии нет нравственности».[1]

На последнем этапе работы по рассматриваемой теме задавались вопросы: «Чему учит нас эта древнерусская повесть?», «Какие качества человека являются ценными?». В качестве вывода могут послужить слова: «Любовь, преданность, доброта. Своей жизнью Петр и Феврония показали, каким должен быть человек, каким должна быть его жизнь».

Важную роль в развитии русской речи билингвов играет сравнение основных религиозных заповедей, декларируемых ценностей. Тот высокий эмоциональный настрой, которым сопровождается сравнение, позволяет усваивать языковой материал особенно глубоко.

Как показывает практика, особый потенциал содержат проектная технология подготовки семейных выступлений на религиозные темы. По правилам проекта, каждый член команды должен представить свою часть выступления. Если дети относительно свободно выступают перед товарищами, то взрослые испытывают смущение, которое снимается дополнительной работой преподавателя с выступающим и использованием подготовленных письменных подсказок.

В процессе работы с российскими билингвами активно используется опыт, накопленный в период обучения русскому языку бразильских студентов, и собственно опыт бразильского образования.

В настоящее время в Бразилии большее внимание уделяется этической составляющей в процессе образования, что благотворно сказывается на процессе билингвального обучения и образования в общем его виде. Подобные приемы можно с легкостью перенимать, совершенствовать, подстраивать под необходимую модель обучения.

Государство вносит определенные коррективы в настоящее время, грамотно планируя и предотвращая возможные проблемы в грядущих процессах обучения. Перенимая опыт стран, проводя внутренний анализ, и обращая внимание на результаты исследований, достигаются грандиозные результаты. Множество приемов обучения мигрантов говорит в большей степени о том, что необходимо внедрять образовательные элементы для таких обучающихся во вне учебной среде. Подводя итог, следует отметить, что, как бы ни происходила миграция, всегда можно найти подходы, которые позволят сформировать обучение многонациональных групп наилучшим образом.

566 Мы с легкостью можем создавать условия, которые будут сильно помогать обучающимся многонациональных классов адаптироваться к среде. Речевое развитие билингвов должно, безусловно, происходить не только в стенах школы. Этому должны способствовать как институт семьи, так и религиозный институт. Моральная компонента оказывает крайне важное влияние на обучение билингвов, ведь они являются уникальной группой учеников. Для мигрантов любой страны острым является вопрос изучения основного языка, поскольку преподавание исключительно всех предметов происходит на языке, являющемся не родным, либо иностранным.

Следует проводить интеграцию культурных феноменов в процессы образования, для того чтобы обеспечивать процессы закрепления знаний. Перенимая опыт, родственных нам в некоторых аспектах стран, по преподаванию языка билингвальным обучающимся в многонациональных классах, мы делаем возможным проведение прогресса в образовательных процессах, улучшая их качество.

Следует обратить внимание так же на то, что миграция, это только часть исторических процессов стран билингвального состава, как указано в работе Ribeiro, D. [2]. Кроме того, подобные установки находятся и у русских авторов, говорящих об исторических перспективах уральского региона (В. А. Аврорин и Ю. Д. Дешериев, и ранее такие же высказывания о билингвизме были указаны авторами Т. А. Бертагаевым, К. М. Мусаевым и С. Н. Оненко.[5, с. 10-11], [4, 6])

Количественная же оценка систем обучения многонациональных классов юга Бразилии и Урала России показала важность внеурочной деятельности языкового образования билингвов. И что следует из этих выводов, России предстоит в более сжатые сроки проводить лингвистические реформы, начало которым было уже положено. Что будет сделано таким образом, при котором билингвальное образование в области развития речи достигнет высоких показателей эффективности системы обучения.

Процессы обучения билингвов, что очевидно, требуют наиболее тщательного рассмотрения. В настоящее время педагогам необходимо учитывать современные требования, подбирать соответствующий материал, использовать новые приемы. Овладение русским языком в Челябинской области обучающимися-мигрантами есть совокупный процесс приобретения знаний.

Литература

1. ALMEIDA, V. de. Ensino religioso ou educação moral e cívica: a participação de Guaraci Silveira na Assembléia Nacional Constituinte de 1933/34. Revista de Educação do Cogeime, São Paulo, v.11, n. 21, dez. 2002
2. Ribeiro, Darcy. O Povo Brasileiro: A Formação e o Sentido do Brasil. Estudos de antropologia da civilização, Darcy Ribeiro. Companhia de Bolso (Editora Schwarcz Ltda.) 2008. 436 p

3. Marilda C. Cavalcanti. Estudos Sobre Educação Bilingüe e Escolarização em Contextos de Minorias Lingüísticas no Brasil. – Marilda C. Cavalcanti (UNICAMP), DELTA: Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada // DELTA vol.15 special issue São Paulo 1999

4. Азимов П.А., Дешериев Ю.Д., Никольский Л.Б., Степанов Г.В., Швейцер А.Д. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык. // Научно-техническая революция и функционирование языков мира, М.: Наука, 1977 - с. 8-19

5. Дешериев Ю.Д. Введение // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976

6. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Развитие общественных функций литературных языков. М.: Наука, 1976. - 432с.

7. Дробижева Л. М. Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России. Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М.: Изд. Ин-та социол. РАН, 1998. – 385 с

8. Мусаев К. М. Исследование языковых систем в синхронии и диахронии: Сб. ст.: К 70-летию Э.Р. Тенишева / Институт языкознания АН СССР; [Редкол.: К.М. Мусаев (пред.) и др.], М.: Наука, 1991. – 163 с.

9. Опыт межэтнических отношений // Латинская Америка. – 1997. – № 10. – С. 87

10. Орусбаев А.О. Русский язык как этнокоммуникативный компонент дву- и многоязычия в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 2003. – 227с.

11. Потебня А. А. Язык и народность. О национализме / А. А. Потебня // Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1913. – 192 с.

12. Рахимжанов К.Х. Языковые контакты и их отражение в региональной, художественной литературе (на материале творчества писателей Павлодарского Прииртышья): автореф.дис.канд. филол.наук: 10.02.19/ Рахимжанов Канат Хисматович. Алматы, 2005. – 23 с.

Zapivalova P.I.

THE RELIGIOUS CONTENT AS A DIDACTIC BASIS OF TEACHING RUSSIAN FOR BILINGUALS

Abstract. The article covers contemporary approaches to teaching bilinguals. Lessons allow us to understand meaning of religious compound in speech mastering. Elements for bilinguals and their parents are shown.

Key words: Bilinguals; education systems; migration; religious compound of education; RaFL.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА» В ОДНОИМЕННОЙ ОПЕРЕ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

Аннотация. В данной статье путем комплексного анализа партитуры рассматриваются ключевые особенности трансформации художественной модели повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» в одноименной опере П.И. Чайковского на уровне конфликта, сюжета и системы персонажей.

Ключевые слова: Пушкин, Чайковский, Пиковая Дама, художественная модель, конфликт, партитура.

Связи между литературой и музыкальным театром являются недостаточно разработанной областью литературоведения. В то же время актуальность исследований, посвященных изучению этих связей, несомненна, поскольку, во первых, литературный компонент (либретто) является неотъемлемой частью музыкально-драматических жанров, и во-вторых, вопрос об общекультурном значении литературных произведений как текстов-источников должен быть рассмотрен и в рамках литературоведческой парадигмы.

Сложность подобных исследований обусловлена отсутствием общепринятой методологии анализа музыкально-драматических жанров. Синкретичные по своей природе, они могут рассматриваться в рамках литературоведения, музыковедения и театроведения, однако лишь комплексный междисциплинарный подход позволил бы в полной мере задействовать при анализе все элементы произведения. Попытку формирования такого подхода сделала в своей работе О.В. Комарницкая [2].

Большие затруднения вызывает также определение объекта исследования. Лишь в 2016 году было дано достаточно полное описание комплементарной сущности оперного текста, где последний трактуют как «сложную логическую систему, включающую в себя авантекстовые элементы, основной текст, а также текст оперного спектакля» [3, с. 51]. Настоящая работа основана на результатах герменевтико-компаративного анализа музыкально-вербального текста оперной партитуры.

Опера «Пиковая дама» была написана в период с 19 января по 3 марта 1890 г. Композиционно она делится на семь картин и три действия. Либретто подготовлено Модестом Ильичом Чайковским (братом композитора).

Чайковские значительно изменяют художественную модель повести А.С. Пушкина. Время действия переносится в XVIII век. Лиза из воспитанницы превращается во внучку графини и становится невестой князя Елецкого – персонажа, введенного Чайковскими. Образ Германа (в повести – Германна) изменен и дополнен: появляется мотив его любви к Лизе, препятствием к браку с которой становится знатность (богатство) княжны. Трансформируется и сюжет: отношения Лизы и Германа ускоренно развиваются в сцене в комнате Лизы, куда Герман проникает через балкон. Авторы осуществляют своеобразное глобальное смещение сюжетной модели источника: делая ее основой драматического произведения, они усиливают ее трагизм, развивая те мотивы, которые у Пушкина даны более нейтрально; к трагедии Германна-игрока, оканчивающейся более радикально, чем в повести – самоубийством, добавляется трагедия влюбленного Германа; трагедия влюбленной Лизы разрешается тем же радикальным способом.

Исследователи по-разному трактуют природу фантастического в повести Пушкина: «Существуют две противоположные тенденции. Одна отождествляет пушкинскую фантастику с фантастикой тех писателей, которые признавали двухплановость мира... представители другой точки зрения отрицают фантастику в повести, пытаются объяснить все события очень реально» [4, с. 639]. Фантастическое, «роковое» есть и в опере Чайковского. Б.В. Асафьев отмечает, что «обаяние и могучее воздействие оперы» заключается в возможности неожиданно и с убедительностью выявить не подчиненную сознанию мистическую силу [1]. Пример – один из номеров первой картины – квинтет «Мне страшно!», объединяющий всех участников будущей трагедии (Лизу, Графиню, Германа, Князя и Томского). Эта музыка, звучащая при случайно-роковой встрече пяти персонажей, не может быть объяснена по-иному, и Герман в своей партии прямо говорит о неведомой силе, проводником которой становится Графиня: «В ее глазах ужасных я свой читаю приговор немой!» [5]

Однако ключевым элементом художественной модели для Чайковских становится не внешняя сила, а психическое состояние Германа. С самого начала он предстает перед нами как человек одержимый. Уже при первом своем выходе Герман поет: «я сам не знаю, что со мной... владеть собой не в силах больше...» [5]. Начальный мотив ариозо «Я имени ее не знаю» почти в точности повторяет появляющийся позже лейтмотив трех карт. В сознании Германа эти две идеи неразделимы. Сначала он связывает желание узнать три карты с желанием разбогатеть и тем самым сделать возможным брак с Лизой, но постепенно эта связь рвется, идеи разделяются и три карты вытесняют любовь к Лизе. Ключевым моментом развязки оперы становится шестая картина. В ней Герман уже знает комбинацию, а Лиза простила ему смерть Графини. Однако одержимость Германа перерастает в безумие: встретившись

570 | с возлюбленной, он вдруг – прямо во время встречи – перестает узнавать ее и убегает в игорный дом.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что основной идеей оперы становится безумие Германа как постоянная характеристика его образа.

Изменения оригинального литературного текста диктуются не только волей композитора и либреттиста. Здесь в силу вступает множество факторов, связанных со спецификой оперы как жанра и историей создания произведения (например, частые случаи написания оперных партий для конкретных исполнителей). В каждом случае совокупность этих факторов требует отдельного анализа, методология которого еще не выработана. Рассмотренный в данной статье материал требует дальнейшего изучения с применением нового комплексного междисциплинарного подхода. Подобные работы, безусловно, представляют ценность как для литературоведения, так и для других дисциплин, объектом исследования которых является опера.

Литература

1. Асафьев Б.В. Пиковая дама. [Электронный ресурс]. URL: <http://harmonia.tomsk.ru/pages/secret/?33> (дата обр.: 13.03.2017).

2. Комарницкая О.В. Русская опера XIX – начала XX веков. Проблемы жанра, драматургии, композиции: автореф. дис. ... докт. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2012. – 45 с.

3. Пилатова И.В. Комплексный подход к исследованию оперного текста: к вопросу о методологии // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 3. С. 51–53.

4. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820—1840 гг.): сб. произведений / Под ред. А.А. Карповой. Л., 1991. – 672 с.

5. Чайковский М.И. Пиковая дама. [Электронный ресурс]. URL: http://lukianpovorotov.narod.ru/Folder_SongBook/CL/Pikovaya_dama.htm (дата обр.: 13.03.2017).

Ivanov P.K.

TRANSFORMATION OF THE A. PUSHKIN'S STORY "THE QUEEN OF SPADES" IN THE HOMONYMOUS OPERA BY P. TCHAIKOVSKY

Abstract. The article considers the key transformation features of the artistic model of the A. Pushkin's story "The Queen of Spades" in the homonymous opera by P. Tchaikovsky. The complex analysis of the score is conducted on the levels of plot, conflict and system of characters.

Key words: Pushkin, Tchaikovsky, The Queen of Spades, artistic model, conflict, score.

КАТЕГОРИЯ PLURALIA TANTUM КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. В данной статье проводится сопоставление русских слов *pluralia tantum* с их аналогами в английском, французском и чешском языках; проводится анализ этих слов с точки зрения единичности, множественности и членимости, нечленимости. Результаты анализа некоторым образом связаны с ментальностью разных народов.

Ключевые слова: *Pluralia tantum*, единичность, множественность, менталитет, русский, английский, французский, чешский языки.

Категория числа – одна из наиболее показательных и многогранных категорий мышления современного человека.

Менталитет народа отражается в языке, в связи с этим возникает интерес к различным категориям языка, их конкретному проявлению в каждом из языков, к внутренней форме номинативных единиц языка. В лингвокультурологии ментальность – это совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества. [2] Интересно проследить, как самоощущение нации отражается в реализации категории числа в типологически разных языках (английском, французском, чешском и русском).

Особенности данного фрагмента национальной картины мира в каждом языке можно выявить при сопоставительном описании номинативного элемента числового значения. [2] Наиболее распространенными элементами при описании количества являются: единичность и множественность, расчлененность и нерасчлененность. Данные критерии более всего связаны с работой человеческих чувств и восприятия. Наиболее часто на отношение к определенной числовой категории существительного влияет пространственное расположение предметов, их слитность или раздельность, площадь, занимаемая объектом и т. д.

В частности, нами были исследованы слова *pluralia tantum* в русском языке и их иноязычные соответствия и выявлены некоторые закономерности. В качестве инструмента для анализа числовых выражений были использованы

такие понятия, как симметричная и несимметричная корреляция. Под симметричной корреляцией подразумевается такое соответствие, когда иноязычные эквиваленты во всех рассматриваемых языках относятся к категории *pluralia tantum*, несимметричная корреляция предполагает некоторые расхождения.

Рассмотрим это на конкретных примерах. Русское слово «дрожжи» - «yeast» (англ.) (данное слово допускает и форму *yeasts*, но чаще все же употребляется форма единственного числа), «levure» (фр.) и «kvasinky» (чеш.). В английском и французском языке данное понятие выражается формой единственного числа, а в славянских языках, таких как русский и чешский, имеет форму *pluralia tantum*/множественного числа. Данное наблюдение свидетельствует о том, что носители английского и французского языков воспринимают подобные вещества как сплошную нерасчлененную массу, а славяне (русские и чехи) все-таки видят в нем некую дисперсность. В приведенном примере наблюдается частичное совпадение, т. е. несимметричная корреляция.

Аналогичный тип соответствия выявляется при анализе слов, относящихся к группе со значением «отбросы» и имеющих единую словообразовательную структуру: «опилки», «отбросы», «объедки», «отруби» и т. п. Например, для слова «опилки» существуют следующие корреляты: в английском – «sawdust», во французском – «sciurge», в чешском – «piliny». «Отруби» - «bran» (англ.), «son» (фр.), «otruby» (чеш.) Здесь мы также отмечаем, что русское *pluralia tantum* соответствует в английском и французском языках *singularia tantum*, в чешском языке ситуация аналогична с русским языком. Этот случай также рассматривается как несимметричное соответствие, частичное совпадение.

В английском и французском языках признак дисперсности оказывается несущественным для формирования категории числа и нейтрализуется в форме единственного числа, в славянских же языках (чешском и русском) дисперсность вещества отражается в устройстве категории числа и связана с формой множественного числа.

По тем же критериям рассмотрим слово «сливки» в английском, французском и чешском языках в соотношении с данным словом в русском языке. Итак, в английском языке – «cream», во французском – «crème», а в чешском – «smetana». В этом случае мы видим, что во всех рассматриваемых языках, кроме русского, слово «сливки» имеет форму *singularia tantum*. Слово «сливки» имеет полное несоответствие в категории числа по отношению к другим рассматриваемым языкам.

Полную несимметричную корреляцию между русским и сопоставляемыми языками наблюдаем и у других слов типа «сливки», обозначающих сплошную неделимую массу в жидком агрегатном состоянии, например, «чернила»: английский – «ink», французский – «encre», чешский – «inkoust»; «духи» - «perfume» (англ.), «parfum» (фр.), «voňavka» (чеш.); «белила» (вещество, используемое в том числе и в жидком состоянии) - «zinkwhite, whitelead» (англ.), «blanc» (фр.), «běloba» (чеш.)

В данном случае мы видим, что все слова относятся к *singularia tantum*, за исключением русского языка.

Таким образом, для французского и английского языкового сознания любое вещество независимо от 1) его структуры (дисперсная/недисперсная) и 2) агрегатного состояния (жидкое/ твердое) ассоциируется с единичностью и имеет форму единственного числа, то есть такие элементы значения слов, обозначающих вещества, как «дисперсность» и «состояние» в категории числа английского и французского языков нейтрализуются. В чешской языковой картине представления о дисперсности, как и в русском языке, являются фрагментообразующими и отражены в форме множественного числа («опилки» - «piliny»). Что же касается состояния вещества, то в чешском языке этот элемент значения является мотивирующим при выборе формы единственного числа для веществ с жидким агрегатным состоянием («mleko», «voda», «smetana», «inkoust», «voňavka» и др.), а в русском языке этот элемент не определен, размыт, немотивирован (ср.: «молоко», «вода», «сливки», «чернила», «духи» и др.)

Из анализа, представленного выше, можно заметить, что в абсолютном большинстве случаев слова, которые в русском языке имеют форму *pluralia tantum*, в английском и французском языках относятся к *singularia tantum* (если учитывать то конкретное значение, которое взято нами для анализа). В чешском языке нет такой определенности: часть слов соответствует категории русского слова. Примерно из 15 проанализированных слов, имеющих вещественное значение и относящихся к категории *pluralia tantum*, 14 – *singularia tantum* (в английском языке), 12 – во французском, 6 – в чешском. То есть в абсолютном большинстве случаев мы наблюдаем несимметричную корреляцию. Это можно объяснить тем, что в английской и французской языковых картинах мира нивелируются такие элементы значения, как 1) отсутствие-наличие дисперсности и 2) состояние вещества, в чешском оба эти признака являются мотивирующими при выражении числа и влияют на выбор формы, в русском языке мотивирующей является только дисперсность *pluralia tantum*, значение же состояния является невыраженным.

Далее рассмотрим слова, которые также демонстрируют определенную закономерность в выражении категории числа в сравнении с русским языком. Это слова, называющие некоторые конкретные предметы. С точки зрения категории числа их можно разделить на две группы: 1) слова, обозначающие расчлененные предметы (в русском языке они могут быть *pluralia tantum* – («вилы») и иметь пару по числу, например, «вилка», «скрипка» и т.п.) и 2) слова, обозначающие некоторые составные и парные предметы (слова типа «ножницы», «брюки», «перила» и др.)

Только в чешском языке расчлененность предмета закреплена в картине мира и связана с множественностью, например: «вилы» - «vidle», «скрипка»

574 | - «housle», «вилка» - «vidlice». В английском и французском языках расчлененность не является фрагментообразующим элементом и не связывается со множественностью, подобные слова имеют противопоставление по числу: «вилы» - «pitchfork» (англ.), «fourche à foïn» (фр.), «скрипка» - «violin» (англ.), «violon» (фр.). Таким образом, расчлененность как свойство конкретных предметов отражена последовательно только в чешской языковой картине мира, в русском языке этот элемент значения неопределен и проявляется непоследовательно (ср.: «вилка» и «вилы»).

Вторая группа существительных - названия составных предметов – обнаруживает отношения симметричной корреляции во всех рассматриваемых языках. Признак «двусоставность предмета» регулярно отражается в сопоставляемых формах как маркер множественности. Например, «ножницы» - «scissors» (англ.), «les ciseaux» (фр.), «nůžky» (чеш.); «брюки» - «trousers» (англ.), «pantalon» (фр.), «kalhoty» (чеш.); «очки» - «glasses» (англ.), «lunettes» (фр.), «brýle» (чеш.).

Таким образом, двусоставность предмета является общим признаком, который отражен в национальных картинах мира во всех исследуемых языках. Различия между языками в этой части касаются не самого элемента значения и его роли в формировании категории числа, а того, что считать в каждом конкретном случае составленным из двух частей, а что нет.

Например, в русском языке слово «качели» обозначает составной предмет, что находит отражение в *pluralia tantum*. В трех других языках это слово имеет форму единственного числа и допускает противопоставление по числу: «swing» (англ.), «swing» (фр.), «houpačka» (чеш.). Такая неоднозначность в интерпретации числа вызвана особенностями национального видения устройства данного предмета, его двусоставности. Качели представляют собой такой предмет, который не всегда можно представить как составной: «А то еще отдельно у каждых ворот маленькие качели – дощечка и пара веревок» [3]. Этим можно объяснить то, что в большинстве языков данное слово представлено в единственном числе.

С другой стороны, некоторые русские существительные, которые не рассматриваются как названия составных предметов, с точки зрения, например, чешского языка относятся к данной группе и представляют собой *pluralia tantum*: «рот» - «ústa», «дверь» - «dveře».

В данной статье мы проанализировали русские слова категории *pluralia tantum* и их переводы на некоторые иностранные языки. Наибольшие расхождения в выражении категории числа касаются слов с вещественным значением, эти случаи можно охарактеризовать как несимметричную корреляцию (полную или частичную). В этой части исследования не было зарегистрировано ни одного случая симметрии.

Что касается слов, обозначающих составные предметы, то здесь чаще наблюдается полная симметрия (слова во всех рассматриваемых языках

относятся к категории *pluralia tantum*). Национально-культурное сознание избирательно выявляет данный признак: предметы, которые можно визуально разделить на две равные части («очки», «ножницы») во всех языках относятся к категории *pluralia tantum*, если же такие визуальные признаки не очевидны, то слово имеет значение единичности («качели»).

Были выделены элементы значения, участвующие в формировании данного фрагмента английской, французской, чешской и русской национальных картин мира. Для английского и французского языков это значение двусоставности предмета, для чешского – 1) дисперсности, 2) агрегатного состояния, 3) расчлененности, 4) двусоставности и 5) парности, для русского языка – 1) дисперсности, 2) двусоставности, 3) парности. Расчлененность, агрегатное состояние в русской языковой картине выражается непоследовательно. Общим значением для всех языков является двусоставность предмета, что и проявляется в симметричной корреляции слов с данной семантикой.

Литература

1. Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – I-VIII, 752 с. – (Studiophilologica)
- 2 Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
3. Куприн А.И. По-семейному. Собр.соч.в 9 тт. – М.: Правда, 1964

Tikhomirova D.G.

CATEGORY PLURALIA TANTUM AS REFLECTION OF THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD

Abstract. This article compares Russian words *pluralia tantum* with their counterparts in English, French and Czech languages; the analysis of these words from the perspective of oneness and multiplicity. The results of the analysis in some way connected with the mentality of different peoples.

Key words: *Pluralia tantum*, singularity, plurality, the mentality, Russian, English, French, Czech.

УСАДЬБА ДАРОВОЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать, какую роль усадьба Даровое сыграла в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; усадьба Даровое.

*«Без святого и драгоценного,
унесённого в жизнь из воспоминаний детства,
не может и жить человек...»
(«Дневник писателя», 1877).*

Усадьба Даровое – место, связанное с детскими годами Фёдора Михайловича Достоевского. Воспоминания о жизни в Даровом и впечатления, полученные маленьким Фёдей на землях этого небольшого имения, нашли своё отражение во многих произведениях великого русского писателя.

Отец Достоевского, Михаил Андреевич, был доктором московской Мариинской больницы для бедных. После 15 лет добросовестной службы он был удостоен чина коллежского асессора и ордена святой Анны III степени. Это давало ему право стать потомственным дворянином, а значит, быть владельцем земли и иметь крепостных. В 1831 году Достоевские покупают имение Даровое, расположенное в Каширском уезде Тульской губернии неподалёку от Зарайска. Весной 1832 года многочисленное семейство Достоевских, в котором уже было 6 детей, отправилось знакомиться с усадьбой.

Дорога из Москвы к Даровому была длинной, около 150 км, и ехать на лошадях нужно было больше двух суток. На пути лежали Люберцы, Бронницы, Коломна, Зарайск, многочисленные деревеньки. Младший брат знаменитого писателя, Андрей Михайлович Достоевский, вспоминал о том, как переживал путешествие будущий писатель: «Во время поездок этих брат Фёдор бывал в каком-то лихорадочном настроении. Он всегда избирал место сидения на облучке. Не бывало ни одной остановки... при которой брат не соскочил бы с брички, не обегал бы близлежащей местности или не повертелся бы около лошадей» [2].

Чтобы понять радость и нетерпение маленького Феди Достоевского во время пути, а также глубину впечатления, оставленного в его детской душе летней жизнью в Даровом, нужно представлять некоторые подробности его

жизни в Москве. День был строго подчинён распорядку, связанному с работой отца в больнице, и редко отличался от таких же предыдущих и последующих дней. Дома не разрешалось шуметь, а когда отец отдыхал после обеда перед вечерним посещением больных, то все говорили шёпотом. Гулять можно было только в больничном саду, чинно прогуливаясь с няней. Подвижные игры, даже с мячом или палками, считались неприличными и опасными и были под запретом.

Вот поэтому покупка Дарового с фруктовым садом, липовой рощей и берёзовым леском, которые сохранились и поныне, было событием чрезвычайной важности в жизни детей семьи Достоевских. Маленькие москвичи впервые получили возможность играть с утра до ночи на улице, купаться по 3-4 раза на день, знакомиться с природой на личном опыте. «И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ёжиками и белками, с его столь любимым мною сырым запахом перетлевших листьев» [1], – вспоминал Фёдор Михайлович Достоевский в конце жизни, в 1876 году («Мужик Марей»).

В Даровом сложились у детей и игры собственного сочинения. Одной из самых увлекательных считалась игра «в диких». В липовой роще выбирались самые густые заросли и строился шалаш с незаметным входом. Расписав тело красками на манер татуировок, в украшениях из листьев и гусиных перьев, вооружившись самодельными луками и стрелами, «дикие» – братья Достоевские – забирали в плен крестьянских мальчиков и девочек (правда, заранее предупреждённых о нападении). В шалаше их держали в плену, пока не следовал выкуп. Самым приятным в этих играх было отсутствие присмотра взрослых. Более того, Мария Фёдоровна Достоевская, их мама, радуясь свободе детей, подыгрывала им, оставляя где-нибудь под кустом обед, который нужно было съесть без вилок и ножей, прямо руками.

С Даровым связаны у Достоевского воспоминания о самых дорогих ему в детстве людях – маме и няне Алёне Фроловне, про которую он написал: «Есть совершенно святые...». Так, весной 1833 года в имении был пожар, дотла сгорела деревня и господский скотный двор. Достоевский вспоминал: «Оказалось, что всё сгорело <в Даровом>. Бросились на колена и стали молиться, мать плакала. И вдруг подходит к ней наша няня, Алёна Фроловна... Всех она нас вырастила и выходила... Жалованья она не брала у нас уже много лет... и накопилось её жалованья рублей пятьсот... и вот она вдруг шепчет маме: – Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне что, мне не надо...» («Дневник писателя», 1876, апрель) [1].

Нужно сказать, что уже к концу лета 1833 года Достоевские помогли крестьянам деньгами, и деревня была отстроена заново.

Мария Фёдоровна проводила лето в деревне с детьми. В Даровом храма не было, поэтому Достоевские были прихожанами храма Сошествия Святого

Духа, расположенного в соседнем селе Моногарово. Детское воспоминание о Причастии, запечатлённое в памяти великого писателя, оказалось связанным с образом матери. Достоевский наделяет им героя своего предпоследнего романа «Подросток»: «Я всю эту деревню как во сне теперь вижу... А вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви причащали, вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» [1].

Во многом под влиянием матери, сформировалось у маленького Феди отношение к крестьянам Дарового – людям подневольным и порой непривлекательным, но, тем не менее, сохраняющим в себе образ и подобие Божие. Воспоминание о мужике Марее, приласкавшем его в детстве, помогло Фёдору Михайловичу Достоевскому пережить годы каторги и ссылки. В минуту ненависти к окружающим его каторжникам, теряющим человеческий облик, отчаявшийся Достоевский вдруг вспомнил крестьянина из Дарового: «Он протянул тихонько свой толстый, с чёрным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ. – Ишь ведь, ай, – улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой...» [2]. И вера в человеческое, доброе начало, присущее даже самому страшному преступнику, дала великому писателю силы выжить в тяжелейших условиях заключения.

В двадцатых числах июля 1877 года Фёдор Михайлович Достоевский, спустя 40 лет, вновь посещает Даровое, чтобы побывать в местах своего детства, поклониться праху отца, нашедшего последний приют на погосте возле моногаровского храма, а главное – подготовить себя к новому роману «Братья Карамазовы», ставшему последним большим произведением писателя. Боясь через десятки лет не найти в Даровом ничего, что напоминало бы ему счастье детских лет, Достоевский позже признавался в «Дневнике писателя»: «Сорок лет я там не был, и столько раз хотел туда съездить, но всё никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» [1].

Известно, что Фёдор Михайлович в последний свой приезд пробыл в Даровом два дня. Его принимала у себя сестра Варвара Михайловна, которой перешло имение. По свидетельству Анны Григорьевны Достоевской, жены писателя, Фёдор Михайлович обошёл все известные ему с детства места, заходил в избы к мужикам, своим сверстникам, из которых многих помнил.

Светлые воспоминания и образы детства, которые удалось воскресить в своей душе Достоевскому после поездки в Даровое, послужили основой для монолога Алёши Карамазова – главного и любимого героя последнего романа. Слова эти заключают в себе драгоценный опыт жизни великого русского писателя и могут по праву служить завещанием всем нам – его соотечественникам и наследникам великой русской литературы: «Знайте же,

что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как какое-нибудь хорошее воспоминание, и особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома... Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь» («Братья Карамазовы») [1].

Литература

1. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : В 20 т. - М. : Terra, 1998.
2. Соловьев Е. А. Достоевский. Его жизнь и литературная деятельность // http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175329.

Indzynskaya O.M.

THE MANOR DAROVOE IN LIFE AND CREATIVITY OF F. M. DOSTOEVSKY

Abstract. In this article the attempt is made to analyze the role of manor Darovoe in the life and creativity of F.M. Dostoevsky.

Key words: Dostoevsky; the manor Darovoe.

СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА В АНОНИМНОЙ "ГИСТОРИИ О РОССИЙСКОМ МАТРОСЕ ВАСИЛИИ КОРИОТСКОМ" И ПОВЕСТИ Н.М. КАРАМЗИНА "ОСТРОВ БОРНГОЛЬМ"

Аннотация. В статье приведено сопоставление хронотопов «гистории» XVIII века и предромантической повести Н. М. Карамзина.

Ключевые слова: хронотоп, барокко, предромантизм.

*Г*история о российском матросе Василии Кориотском была написана в первой трети XVIII века, а повесть Н. М. Карамзина в 1793 году, но, несмотря на то что они принадлежат разным эпохам, в них можно обнаружить общие черты. О сходствах в эстетике барокко и предромантизма – методов, в русле которых созданы произведения, писал А. Н. Пашкуров [6]. В данной статье будет рассмотрен один из аспектов сопоставительного анализа произведений – хронотоп.

Сходства в пространственно-временной организации текстов в первую очередь связаны с характером источников, к которым обращались авторы. Так, Г.Н. Моисеева справедливо отмечает, что события второй части «Гистории» (начинающейся с описания бури) напоминают сюжеты народных сказок [3]. Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий» А. Н. Николюкина, жанр сказки воспринимался как «нарочитая и поэтическая фикция» [4, с. 989]. «Остров Борнгольм» Н. М. Карамзина опирается на традицию западноевропейского готического романа, строившегося на основе фантастического сюжета, то есть в обоих случаях мы имеем дело с категорией вымышленного, придуманного. В начале текстов мы видим реальный локус: знакомимся с отцом Василия, узнаем настоящую мотивировку отплытия сына и становимся свидетелями благословения героя отцом. Н. М. Карамзин начинает повесть с описания кабинета, камина, погоды и дает установку на правдоподобие: «я повествую — повествую истину, не выдумку» [5, с. 61]. Таким образом, в обоих произведениях рассказ о событиях ведется на стыке двух хронотопов, хотя авторы это различие нивелируют, и вымысел вплетается в рамки реального повествования. Конечно, совмещение пространственно-временных планов в анонимной «гистории» отчасти механическое, то есть «миры» объединяются

только на стыке частей образом главного героя и упомянутой в первой части деталью (червонцы). «И по отбытии на кораблях оной Василий, взяв тысячу червонцев, и зашил в кафтан свой в клинья тайно, чтоб никто не знал, для всякой приключаящейся нужды»; (после бури) «А уже ему есть зело хотелось, а хотя у него червонцы были зашиты в клиньях в кафтане, токмо негде и не у кого было (купить)» [1, с. 14]. У Н. М. Карамзина хронотопы «соседствуют», входят друг в друга на протяжении всей истории, следовательно, организация пространства усложняется. Как и в «Гистории», остров, на который попадает рассказчик, является фантастическим пространством по отношению к «реальному» времени начала повествования. В этом пространстве герой попадает в пограничное состояние между сном, в котором ему являются фантастические образы, и пробуждением: «Мечи застучали надо мною, удары сыпались на грудь мою, — но вдруг все скрылось, — я пробудился и через минуту опять заснул. Тут новая мечта возмутила дух мой. Мне казалось, что страшный гром раздавался в замке, железные двери стучали, окна тряслися, пол колебался, и ужасное крылатое чудовище, которое описать не умею, с ревом и свистом летело к моей постели» [5, с. 69]. После окончательного пробуждения, проходя сквозь «темную аллею», герой вспоминает о друидах, таким образом автор делает отсылку к далекому и загадочному прошлому.

Основным местом развития событий в произведениях является остров. Как символ он означает «одиночество, изоляцию, смерть» [4, с. 370], что особенно заметно в предромантической повести (одиночество юноши, изоляция девушки, мотив смерти в песне: «Я сам в волнах шумящих, / С тобою погребусь» [5, с. 63]). Переход в островное пространство даётся героям непросто. В обоих произведениях он сопровождается особым состоянием и происходит по воле бури. Рассказчик в повести Н. М. Карамзина перед этим шесть дней болеет, а Василий переживает «мнимую смерть» («пав на землю, яко мертв» [1, с. 14]). Небольшие размеры выбранного авторами локуса (после описания широких морских просторов) предполагают концентрацию действия и «фокусное» изображение пространства. Василий Кориотский сначала путешествует по реальным странам (Голландия, Англия, Франция), а по пути домой попадает на остров – вымышленное пространство, с которого повествователь начинает знакомство читателя с новым открытым миром, где деятельный человек, обладающий природной смелкой, независимо от своего происхождения во всей полноте может реализовать свои способности. Василию Кориотскому удается перехитрить разбойников, спасти Ираклию и стать королем Флоренским. У Н. М. Карамзина описанные острова (существующие на самом деле) – это, во-первых, тоже пристанище для героя-рассказчика, возможность переждать непогоду. Во-вторых, каждый остров – это новый шаг в развитии сюжета: на Гревзендской земле происходит первое знакомство со «страшной тайной», а на острове Борнгольм, куда герой попадает случайно по воле рока, загадка для него разрешается. Чужое про-

582 | странство, в пределах которого развиваются основные события, оказывается враждебным, закрытым для героев, оно пытается скрыть от них свои тайны, вселяя страх: «Несчастный! Как дерзнул ты пристать к нашему острову?» [5, с. 69]; «понеже на оном острове великой и непроходимой лес, и великие трясины, и болота, что от моря никуды и проходу нет» [1, с. 14]. Но волей или неволей герои становятся свидетелями этих тайн. Василий Кориотский открывает чулан, в котором томится королева Ираклия, похищенная разбойниками, а рассказчик повести слышит песню гревзендского юноши и заходит в пещеру с таинственной узницей. «Своим» пространством в обоих произведениях является родина персонажей, попасть на которую оказывается непросто, так как приходится оказывать сопротивление стихийным силам природы.

Таким образом, время и пространство барочной «гистории» и предромантической повести имеют ряд общих черт. Во-первых, зыбкий переход, тесное сплетение хронотопов (сказочного и реального в анонимной повести, фантастического и действительного в произведении Н. М. Карамзина). Во-вторых, использование «островного» пространства в качестве основного места действия. В-третьих, введение пространственной оппозиции «свое-чужое».

Литература

1. Гистория о российском матросе Василии Кориотском // Западов В. А. Русская литература XVIII века, 1700-1775: Хрестоматия, Москва, «Просвещение», 1979, 447 с.
2. Керлот Х. Э. Словарь символов, М.: «REFL-book», 1994, 608 с.
3. Моисеева Г. Н. Гистория о российском матросе Василии Кирицком (К вопросу о составе и происхождении повести) // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. — Т. 10. — 507 с.
4. Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий, Москва, НПК «Интелвак», 2001, 1600 с.
5. Остров Борнгольм // Карамзин Н. М. Избранное / Прим. П. Беркова и Г. Макогоненко; Ил. В. Иовика. — М.: Правда, 1984. — 464 с., ил.
6. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 ч. - Елабуга: ЕГПУ, 2011. - Ч. 2. - С. 138.
7. Травников С. Н., Ольшевская Л. А. История русской литературы XVIII века. Практикум. Учеб. Пособие – М.: Высш. Шк., 2004. – 359 с.

Kalita O.V.

SPECIFIC FEATURES OF THE CHRONOTOPE IN THE ANONYMOUS «TALE OF RUSSIAN SAILOR VASILIIY KORIOOTSKY» AND IN THE KARAMZIN'S NOVEL «ISLAND OF BORNHOLM»

Abstract. This article reveals the comparison of the chronotopes in the tale of the XVIII-th century and Karamzin's gothic novel.

Key words: Chronotope, barocco, pre-romanticism.

*обучающаяся государственного казенного оздоровительного образовательного учреждения санаторного типа для детей, нуждающихся в длительном лечении «Волгоградская санаторная школа-интернат «Созвездие»
Волгоград, Россия
b.cantomirova@yandex.ru*

«МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ ЖАНРА

Аннотация. В работе названы и детализированы точки «соприкосновения» жанровой природы фрагмента «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» и народной сказки.

Ключевые слова: сказка, рождественская история, жанровая природа, пространство, композиция, образ.

Повествовательные фрагменты, включенные Ф.М. Достоевским в его «Дневник писателя», выделяются особо. Каждый воспринимается как самостоятельный текст. Одним из самых ярких является фрагмент «Мальчик у Христа на елке».

Он соседствует с реалистическим очерком «Мальчик с ручкой», в котором автор говорит об отсутствии у него романтических «иллюзий», связанных с будущим детей – заложников нищенского и развратного существования их родителей: «Это дикое существо не понимает иногда ничего, ни где он живет, ни какой он нации, есть ли Бог, есть ли государь» [4, с. 458]. Такое «предисловие» создает настроение для восприятия следующего фрагмента – «Мальчик у Христа на елке». Однако ожидания читателя не оправдываются – настроение определяют совершенно иные эмоциональные категории – любовь, сострадание, надежда... Впечатление становится тем сильнее, чем неожиданнее. Присутствие этих категорий объясняется, очевидно, жанровой спецификой – так и должно быть в рождественской истории (такое жанровое определение традиционно дают фрагменту литературоведы) – и предыдущая история о мальчике с ручкой нужна была для усиления «фона» – безвыходной ситуации, беды. Финал истории о мальчике у Христа на ёлке, действительно, самый «удачный» и даже естественный для рождественской истории. Однако необходимо присмотреться к пред- и посткомментариям автора, в которых он несколько раз упоминает о том, что историю эту он «сочинил», а слова «кажется», «мерещится», «выдумывать» – подтверждение этому. Эти ком-

584 | ментарии «отсекают» фрагмент от граничащих с ним записей. Он становится самостоятельным текстом. А анализ его жанрово-композиционных особенностей позволяет сделать вывод о том, что эти комментарии, возможно, представляют собой соответственно присказку и концовку сказки.

В первых строках встречаем мы слова «это где-то и когда-то случилось», похожие на традиционно сказочное «в некотором царстве, в некотором государстве...». Отмечаем наличие топографических и временных формул («...как раз накануне Рождества, в каком-то огромном городе...» [4, с. 458]). Формула наличия графически отнесена к зачину: «был в подвале мальчик», к ней примыкает формула недостоверности: «Мерещится мне» (формулы определены согласно классификации Н.М. Герасимовой [2]). В заключительных предложениях («И зачем же я сочинил такую историю <...> Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, – то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там обелке у Христа – уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться, или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать» [4, с. 462]) фиксируется момент окончания рассказывания сказки, и возникает альтернатива доверие / недоверие тексту, характерная для многих русских сказок («Говорят, в старину всё такие-то удалцы рожались, а нам от них только сказочки остались» («Звериное молоко»), «Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была, – так надо верить» («Несмеяна-царевна») (все тексты сказок взяты со страницы <http://www.rodon.org/other/rnvs.htm#a10>).

Обрамленное такими комментариями содержание имеет вполне очевидные признаки сказочного повествования. Обратимся к анализу некоторых «пунктов» композиции. Так, В.Я. Пропп определяет отлучку как один из наиболее распространенных вариантов завязки: «дети или жена, иногда беременная, остаются одни, остаются без защиты. Этим создается почва для беды. Усиленную форму отлучки представляет собой смерть родителей. <...>. Та же самая ситуация может создаться, если отлучаются не старшие, а наоборот, младшие» [6, с. 132–133]. Почвой для беды в тексте «Мальчик у Христа на ёлке», становится смерть (=отлучка) матери ребенка «лет шести или даже менее» («Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена» [4, с. 459]).

Далее встречаем упоминание о большой собаке, которая весь день своим воем пугала ребенка, оттого он и не решался покинуть подвал. Собака оказывается своеобразной сказочной преградой, препятствующей герою осуществить обязательный переход в пространство сказочного действия.

Важной особенностью сказки является наличие дарителя. В данном фрагменте даритель – остающаяся в подвале восьмидесятилетняя старушонка, страдавшая от ревматизма. Она единственное живое (мертво пьяного халатника учитывать нельзя) существо, пребывающее на границе между

миром сакральным (начальная точка движения мальчика) и пространством сказочных испытаний. «Даритель – определенная категория сказочного канона. Классическая форма дарителя – яга. <...> Часто ягой названы персонажи совсем иных категорий – например мачеха. С другой стороны, типичная яга названа просто старушкой, бабушкой-задворенкой и т.д.» [6, с. 146]. Характеристика старухи у Ф.М. Достоевского «жившая когда-то и где-то в няньках» [4, с. 459] вполне соотносима в контексте с образом бабушки-задворенки. Однако старуха не только не дает мальчику чудесного дара, но и пугает его. С этого нарушения классического течения сказки возникает представление о деформации общего сказочного сюжета, приводящего к тому, что в итоге своих исканий мальчик не обретает традиционных материальных благ и устойчивого жизненного положения.

Пространством испытаний героя во множестве сказок становится таинственный лес. Это враждебная периферия, он противопоставлен своему, родному пространству (для мальчика родное пространство – не подвал, а место, откуда привезла его мама – «Там, откуда он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями; на улице, чуть смеркнется – никого, все затворяются по домам, и только завывают целые стаи собак, сотни и тысячи их, воют и лают всю ночь. Но там было зато так тепло и ему давали кушать» [4, с. 459]). Сакральность дома замыкается несколькими «порталами» – закрытое окно, закрытый дом, сотни собак – и характеризуется наиболее важными положительными факторами – тепло и сытно. Городская улица, встречающая мальчика, вначале не похожа на таинственный лес: «улица, – ох, какая широкая!»; «а свету-то, свету-то!» [4, с. 460], однако она полна более страшных опасностей: «И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз!»; «Вот здесь так раздавят наверно» [4, с. 459; 460]. Следуя за мальчиком, видим и деревья («таинственный лес») – в комнатах, за стеклами, украшенные ёлки: «видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья» [4, с. 460]. Яркие блики, праздничная суета могут создать впечатление живой жизни, поразившей мальчика своим величием. Но Достоевский дает понять: это мир мертвых (губительное пространство леса). Не случайны в тексте множественные упоминания об искусственности, на которую вначале намекает автор («мертвый» блюститель порядка, отвернувшийся от мальчика, чтобы не заметить его страдания и просящего взгляда, «мертвая» барыня, сунувшая копеечку, чтобы избавиться от попрошайки и захлопнувшая перед его носом дверь), а затем изображает рельефно: «Стоят люди толпой и дивятся: на окне за стеклом три куклы, маленькие, разодетые в красные и зеленые платьица» [4, с. 460]. Именно куколки запечатлели в памяти мальчик – перед самой смертью он вспоминает только их. Здесь образ куклолки совмещает две функции – маркирует мертвое пространство и называет традиционного

586 | сказочного помощника (как, например, в сказке о Василисе Прекрасной), облегчающего жизненные тяготы.

Особое значение имеет троекратный повтор – пытаюсь сблизиться с людьми, получить хлеб, кров, ребенок трижды подходит к стеклам, за которыми видит приготовления к празднику. Трижды упомянуто (с усилением качества), как замерзает ребенок: перед первым стеклом «и так больно стало вдруг пальчикам» [4, с. 459]; возле второго стекла «а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить» [4, с. 460]; в третий раз упоминается о замерзших ручках мальчика, не сумевшего удержать копейку... Возникает сходство с народной сказкой «Морозко», в которой девушка-падчерица выдерживает тройное испытание морозом (например, в пересказе А.Н. Афанасьева Морозко трижды спрашивает, тепло ли девушке, все ниже опускаясь с дерева, все сильнее потрескивая, и только потом сжалился, «окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами»). То же происходит и с героем Достоевского, убежавшим от злого мальчика «за дрова»: «... и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть и стало так тепло, так тепло, как на печке» [4, с. 461].

Мальчик – сирота. А образ сироты имеет в фольклоре особую семантику. А.Х. Гольденберг замечает: «Особый статус сироты в обрядовых представлениях был связан с тем, что он воспринимался как лицо ущербное не только социально, но и ритуально. <...> Лишенный защиты и покровительства в мире земном, сирота мог обращаться за помощью к миру потустороннему» [3, с. 10]. Е.Е. Левкиевская определяет: «Сирота, не имея опеки среди людей, получал ее от Бога, забравшего у него родителей, но за это предоставившего Сироте свое особое покровительство. <...> Имея покровительство в сакральном мире, Сирота мог обращаться туда за помощью. <...> Слово Сироты, как и слово нищего, быстрее доходит до Бога» [5]. Поэтому во внутреннем монологе героя «Мальчика у Христа на ёлке» мы четыре раза слышим имя Господа: «Господи, какой город!» a folktale, a Christmas novel, the genre nature, space, composition, an image. → «Господи, кабы покушать!» → «Господи, так хочется поесть, хоть бы кусочек какой-нибудь» → «стало ему вдруг так одиноко и жутко, и вдруг, Господи!» [4, с. 459; 460].

Символика трехкратных повторов, числа «три» и «пограничных» два-три и три-четыре рассмотрена в работе В.Е. Ветловской, отметившей фольклорную природу таких включений: «Важен самый факт, что мысль о сказочной основе или сказочных элементах очень сложного и вполне актуального повествования вообще не была чужда Достоевскому» [1]. Литературовед размышляет о том, что фольклорные троекратные и четырехкратные повторы органично наполняются согласно художественному замыслу Ф.М. Достоевского христианской семантикой: «число «три» <...> должно, по замыслу автора, не только указать на близость романа фольклорным жанрам, но и на

связь этого произведения с христианской литературой. Соединя фольклорное начало с началом христианским, Достоевский идет, как видим, не путем насильственного сближения различных элементов в пределах одного художественного целого, но отталкивается от уже существующего и как бы узаконенного факта, ибо христианская литература действительно питалась тем, что было создано народной фантазией» [1].

Местом, куда прибывает мальчик в финале, становится не начальный, «уравновешенный» гармонией топос, а ёлка Христа. Вместо материального благополучия герой обретает душевное успокоение. Такая концовка позволяет предположить, что писатель изначально определяет для своего персонажа путь, символизирующий торжество духовного над материальным. Фольклорные же основания сюжета, основного мотива (дороги с испытаниями), образов позволяют воспринимать рассказанную в «Дневнике писателя» историю на уровне разума, сердца и духа, как ментальное сказочное повествование.

Литература

1. Ветловская В.Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/26_tom/Vetlovskaja/Vetlovskaja.pdf (дата обращения 14.12.2016).
2. Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки (к проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Сов. этнография. 1978. № 5, С. 18–28.
3. Гольденберг А.Х. Фольклорные и литературные архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. – 46 с.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. - Т. 12. - С. 457–462.
5. Левкиевская Е.Е. Сирота [Электронный ресурс]. URL: <http://pagan.ru/slowar/s/sirota8.php> (дата обращения 14.12.2016).
6. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.

Kantomirova B.I.

“THE BEGGAR BOY AT CHRIST’S CHRISTMAS TREE” BY F.M. DOSTOEVSKY: ABOUT THE NATURE OF GENRE

Abstract. This article is dedicated to the search of common ground of the genre nature with a folktale in a fragment of “A Writer’s Diary” by F.M. Dostoevsky, “The Beggar Boy at Christ’s Christmas Tree”.

Key words: a folktale, a Christmas novel, the genre nature, space, composition, an image.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ СМИ НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «КОТ ШРЕДИНГЕРА»

Аннотация. Статья представляет собой анализ научно-популярного издания на предмет поиска важных особенностей проявления просветительской функции СМИ. Автор отмечает, что данная функция становится все более значимой в информационном обществе. В работе дается описание содержательных и визуальных характеристик журнала. Статья интересна для широкого круга читателей.

Ключевые слова: образование, СМИ, просветительская функция, научно-популярное издание.

Просветительская функция СМИ в наши дни представляется особенно важной. В век открытий, новых технологий люди с узконаправленной специальностью не всегда способны понять суть открытий в других областях науки. Тем не менее, это необходимо для развития человека как личности. Просветительская функция СМИ, по мнению Суворовой С.П., заключается в том, чтобы «переводить на язык массовой аудитории» научную информацию и способствовать «интеллектуальному, эмоциональному, нравственному обогащению человека» [3]. Однако исследователи отмечают преобладание в СМИ интереса к сенсациям, эпатажным событиям, подробностям жизни публичных людей. Поэтому следует обратить особое внимание на научно-популярные издания, которые стремятся просветить аудиторию.

На сегодняшний день у читателя сформировалось клиповое мышление. Ученый Т.В. Семеновских рассматривает понятие «клиповое мышление» как процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [2, с. 1]. Человек не воспринимает объемные тексты. Только факты. Но факт научного открытия не даст никакого импульса для дальнейшего изучения разработок данной области. Для этого нужен текст, который привлечет внимание, сформирует читательский интерес и преподнесет научную информацию доступным языком.

Итак, давайте рассмотрим, как именно реализуется просветительская деятельность в СМИ на примере журнала «Кот Шредингера».

Объектом данной статьи является просветительская функция в СМИ. Предмет – реализация данной функции в журнале «Кот Шредингера». Цель работы – выявление особенностей осуществления просветительской функции СМИ на примере журнала «Кот Шредингера».

«Кот Шредингера» – это научно-популярный журнал. Издание является мультидисциплинарным, так как охватывает множество сфер научной деятельности. Это способствует расширению целевой аудитории и популяризации актуального научного знания в разных областях среди непрофессионалов, так как задача популярно-научной периодики – это «доходчивое объяснение сложной научной информации читателю-неспециалисту» [1, с. 60], по мнению М.В. Литке. Такой подход важен для осуществления просветительской деятельности в СМИ.

Основную предметную область журнала составляют как естественные, так и социальные науки. Структура номера представлена следующими блоками: «Диктатура будущего», «Технологии», «Естествознание», «Homo sapiens», «Герои», «колонки редакторов». На первом месте расположен раздел, посвященный тенденциям научного прогресса, составлению каких-либо прогнозов на основании мнения экспертов и ученых. Приоритет отдается актуальным событиям в научной сфере и предположениям о тенденциях будущего, чем и должна характеризоваться просветительская функция СМИ. Далее блоки расположены по степени важности с точки зрения редакционной политики. Предпочтение все же отдается точным наукам.

Особенное внимание уделяется не столько описанию, сколько анализу и разъяснению неизвестных ранее научных фактов, открытий доступным для широкого читателя языком. В этом и заключается основная особенность реализации просветительской функции СМИ: научный факт как таковой не всегда будет понятен массовому читателю. Средства массовой информации должны «говорить» с аудиторией на одном языке, подавать научную информацию предельно понятно. Журнал «Кот Шредингера», на наш взгляд, успешно справляется с данным аспектом выполнения функции просвещения. Например, «Секвенатор» – прибор, определяющий порядок нуклеотидов ДНК. Для ученых последовательность ДНК организма – бесценная вещь, позволяющая детально исследовать его эволюцию и родственные связи, глубже изучить устройство. По этому «тексту» врачи смогут определить предрасположенность человека к различным заболеваниям и разработать индивидуальную программу лечения» [6, с. 14]. В данном тексте подробно дано определение, описаны функции прибора, в объяснении использована метафора для большей наглядности: ДНК сравнивается с текстом.

Не менее важны для грамотного осуществления просветительской функции СМИ авторитетные источники, эксперты, способные предоставить неиска-

женную объективную информацию. Особенно в наше время большой вес имеет взгляд не только опытных ученых с большим стажем, но и молодых. Сегодня наука стремительно развивается и уже обслуживает потребности будущих поколений. Например, в выпуске №1 (03) январь-февраль 2015 опубликован материал о молодом ученом, который усовершенствовал компьютерную программу для невидящих людей. Разумеется, такие программы уже существовали. «А если это ребенок, который никогда в жизни не видел ни облаков, ни неба, ни Windows 7, ни браузера?» [5, с. 112] Поэтому данная сфера действительно нуждается в доработке молодыми учеными.

Поколение, которое в ответе за наше завтра – это как раз одна из основных составляющих целевой аудитории журнала. Это обучающиеся общеобразовательных учреждений – школ, гимназий, лицеев. Следовательно, одной из важнейших задач издания является привлечение внимания школьников. Для этого некоторые материалы облекаются в игровую форму. Например, различные свойства простого валенка описываются с точек зрения нескольких научных дисциплин (математика, химия, архитектура, физика, история и т.д.) в виде сценария утренника в физико-математическом детском саду [5, с. 2]. «Мы хотим, чтобы наука вызывала по меньшей мере интерес, а лучше — азарт», – пишет сама редакция о цели издания на сайте журнала. Поэтому избирается «игровая» тактика, с помощью которой успешно реализуется просветительская функция. Объем и форма подачи информации не давят на читателя, не вызывают отторжения сложностью для восприятия ни визуально, ни содержательно. Примечательно в этой связи некое приложение к журналу – настольная научная игра (умные слова; научный ерундопель). А игра обычно вызывает у человека азарт и интерес. Этой цели служат и «вопросы по номеру». Свой вариант ответа можно проверить на правильность, прочитав материалы выпуска. Это тоже увлекает читателя, предлагает ему испытать свои силы и с помощью своеобразного квеста узнать новые для себя научные факты. Таким образом, информация не навязывается читателю, ее предлагается отыскать самому. Это особенно важно для школьной и студенческой аудитории, так как в образовательных учреждениях они получают массу обязательной информации, так что научно-популярным изданиям не стоит предлагать громоздкие, сложные тексты с обширной терминологией. Более того, так как авторы являются журналистами, а не учеными, они задаются теми же вопросами, что и массовый читатель. Журналист вступает в научно-исследовательский процесс: изучает, обрабатывает информацию. Отсюда – преобладание в журнале аналитических жанров, где подробно описываются какие-либо научные явления с позиций непрофессионала, но все же с опорой на экспертное мнение.

Так же для реализации просветительской функции в СМИ важно уметь предвосхищать запросы целевой аудитории. Как хороший учитель должен

найти подход к ученику, так журналисту необходимо чувствовать связь с читателем. Чтобы быть ближе к аудитории, журналисты Кота Шредингера обращаются к массовой культуре (Доктор Кто, Звездные войны, к/ф «Понедельник начинается в субботу», комиксы №5-8 (19-20) лето 2016). Так формируется читательский интерес. Материалы издания представляют собой синкретизм развлекательных элементов и научной информации. Само название говорит о чем-то двойственном, так как эксперимент Эрвина Шредингера представляет собой загадку: мы не знаем, жив ли кот в стальном ящике. Поэтому название журнала создает интригу.

Немаловажно и присутствие Кота как персонажа на страницах издания. Его реплики и замечания создают эффект живого неофициального диалога. Читатель чувствует себя более комфортно, когда сталкивается с новыми научными знаниями, не соответствующими его профилю или уровню подготовки. Здесь можно провести параллель с подобными персонажами в школьных учебниках. Этот психологический элемент используется для того, чтобы настроить коммуникацию между автором и неподготовленным читателем. Конечно, аудитория «Кота Шредингера» разнообразна, однако значительную часть составляют люди, не обладающие знаниями либо в области естественных наук, либо в области гуманитарных наук.

Не менее важна и визуальная составляющая средства массовой информации для успешного выполнения интересующей нас функции. Обложка журнала «Кот Шредингера» определенно обладает преимуществами на фоне других изданий. Это необходимо именно для научно-популярного СМИ, так как для активной реализации просветительской функции изданию требуется привлечение аудитории, а элитарному, научно-популярному журналу это сделать сложнее, чем массовому. Сама редакция среди прочих характеристик называет журнал «шершавым» из-за особенностей бумаги. Такой номер приятно держать в руках, он сразу же привлекает внимание. На обложке размещены заголовки, в которых графически выделено самое основное. Такой же принцип распространяется на работу с текстом. Важные имена, цифры, интересные факты, ключевые слова, основная мысль материала выделены графическими способами (шрифт, выделение цветом). В такой форме современному человеку гораздо легче воспринимать информацию. Читатель сегодня не привык вычитываться в текст, он воспринимает факты визуально. Обратив внимание на интересный факт или знакомое имя, он прочтет сам материал.

Итак, на основе анализа научно-популярного издания «Кот Шредингера» можно заключить, что в специфику осуществления просветительской функции данным средством массовой информации входит оптимизация научного знания для наиболее легкого восприятия массовой аудиторией; поиск визуальных решений для комфортного восприятия сложного текста (выделение важной

592 | информации, цифр, фактов, имен графическими средствами); построение прочной коммуникации с целевой аудиторией; выбор наиболее приемлемых способов подачи информации, умение сделать ее интересной для широкого круга читателей.

Литература

1. Литке М.В. «Научно-популярные и научно-познавательные журналы: проблема типологической классификации» // Журналистский ежегодник. 2014. №3. С. 59-61.
2. Семеновских Т.В. «Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде» // Интернет-журнал «Науковедение» №5 (24) сентябрь-октябрь 2014 [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede> (дата обращения 05.03.2017)
3. Суворова С.П. Автореферат диссертации по филологии на тему «Реализация просветительской функции журналистики в современных общероссийских газетах», 2006 г. [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-prosvetitelnoi-funktsii-zhurnalistiki-v-sovremennykh-obshcherossiiskikh-gazetak> (дата обращения 01.03.2017)
4. Кот Шредингера. 2014. №1.
5. Кот Шредингера. 2015. №1.
6. Кот Шредингера. 2015. №12.

Kartashova A.A.

EDUCATING FUNCTION IN MEDIA EVIDENCE FROM THE MAGAZINE «SCHRODINGER'S CAT»

Abstract. The article presents an analysis of popular scientific magazine to characterize realization of educating function in media. The author consider, that this function is getting more important at information society. There is description of considering and visual aspects of magazine at the paper. It can be useful for people at large.

Key words: Education, media, educating function, science edition.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ЯЗЫК – РЕЧЬ» В ТЕКСТАХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Аннотация. Исследование пословиц и поговорок помогает установить дополнительные смысловые оттенки лексем с национально-культурной семантикой. Настоящая работа посвящена анализу текстов пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем, с целью выявить рамки тематической группы «Языковая культура» в сознании носителя русского языка.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, речевая культура, картина мира, тематическая парадигма.

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему усвоению языка, но и более глубокому пониманию его образа мыслей и характера. Поговорки и пословицы – одни из самых активных и широко распространенных памятников устного народного поэтического творчества. В них народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт. Как правило, они имеют афористическую форму и поучительное содержание, выражают думы и чаяния, взгляды на явления общественной жизни, эмпирически сложившееся представление о воспитании молодого поколения.

В.И. Даль так определяет пословицу: «Пословица – краткое изречение, поучение, более в виде критики, иносказания, или в виде житейского приговора». Пословица имеет прямое или переносное значение, что делает её многозначной. «Поговорка – складная короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы» [3]. Исследование фольклора наглядно показывает сходство в изложении жизненного опыта различными народами, существовавшими относительно изолированно друг от друга, это базируется на одних и тех же системах жизненных ценностей. Отличительной особенностью пословиц и поговорок любого народа является их исконно национальное происхождение, несмотря на то, что их мотивационная база во многом универсальна.

Целью настоящего исследования является изучение текстов пословиц и поговорок в рамках выявления лексических компонентов тематической группы «Язык – Речь». Для этого мы обратились к собранным В.И. Далем

пословицам русского народа. Отметим, что пословица представляет собой сложную единицу, являющуюся объектом изучения в рамках междисциплинарной парадигмы (лингвистика, фольклористика, психология, этнография и т.д.). Исследователи-фольклористы рассматривают пословицу прежде всего как некое суждение, содержащее в сжатом виде многовековой опыт народа, концентрированное выражение коллективного представления в отношении моральных или категориальных императивов.

Материал показал, что внутри тематической группы «Язык – Речь» целесообразно выделить и проанализировать следующие подгруппы.

1. «Сила языка».

В пословицах и поговорках в концентрированной форме выражается сущность мировосприятия, менталитет народа, особенности культуры, речевого этикета. Во многих культурах язык очень ценится, рекомендуется относиться к нему бережно. Русский язык изобилует пословицами и поговорками о русской речи, о речевом поведении в различной ситуации, подчёркивается значимость языка как основы человеческого существования. Так, исследование показало, что в рамках «Сила языка» можно выделить тематическую подгруппу «Язык как формирование личности»: Язык телу якорь; Мал язык да всем телом владеет; Язык мал, великим человеком ворочает; Язык один, и в будни и в праздники; Лучше не договорить, чем переговорить; На думах - что на вилах; на словах - что на саях, а на деле - что в яме; Язык болтает, а голова не знает [2].

Как видим, тематическая парадигма «Сила языка» пополняется ключевыми лексемами с отрицательной коннотацией якорь, владеет, болтает, переговорить, которые вступают в семантически оппозиционные отношения с номинациями качеств, характеризующих личность: болтливость, балагурство, бесстыдство. Коннотативные семы «проводник», «помощник», «красноречие» применительно к руководящей роли языка в жизни человека видим в текстах пословиц: Язык до Киева доведёт; У него на всякий спрос есть ответ; На его спросы ответов не напасёшься; Язык – стяг, дружину водит; Язык царствами ворочает; Язык языку весть подаёт.

Следует отметить, что тексты пословиц и поговорок содержат сему «страшное оружие», когда речь заходит о влиянии Слова на человека. Так, в пословицах: Слово не стрела, а пуше стрелы разит; Слово не стрела, а сердце сквозит; Слово не обух, а от него люди гибнут; На великое дело – великое слово; Ласковое слово и кость ломит; ключевые семы стрела, разит, обух, гибнут, ломит заключают в себе отрицательную коннотативную сему по отношению к номинации «речь», поэтому словом можно уничтожить, но в то же время пословицы: От приветливых слов язык не отсохнет; И собаку ласково примолвишь, так хвостом вертит (так не скоро укусит) заключают ключевые лексемь приветливые, ласково, что отражает исключительно положительную

семантику, связанную с вежливым и приветливым обращением. С подобной семантикой связаны тексты пословиц и поговорок, в которых номинируется «индивидуальность» рассказчика, собеседника: Петь хорошо вместе, а говорить порознь; Красную речь красно и слушать; Во многословии не без пустословия. Так, ключевые лексемы порознь, многословие, красно в рамках контекста приобретают коннотативную сему «своеобразие», «отдельность».

2. «Отношение народа к речи-языку»

Национальная культура, патриотизм, этническое самосознание народа напрямую зависит от отношения общества к родному языку, так как в нём выражены основные убеждения, принципы, жизненные цели и историческая культура. Речь непосредственно влияет на формирование у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия. Достижение цели, по пословицам, у каждого человека проявлялось различно, в том числе в зависимости от его гендерной принадлежности.

Гендер (или гендерные особенности) дефинируются как социальный пол, определяющий поведение человека в обществе и зависящий не от биологических, а от социальных условий (общественное разделение труда, специфические социальные функции, культурные стереотипы и т.п.) [4]. Так, исследование показало, что в рамках тематической парадигмы «Язык-Речь» можно выделить тематическую подгруппу «Гендерные особенности», которая пополняется ключевыми лексемами с отрицательной коннотацией *наседка*, *беда*, *чёртово помело*, *кривая в половицах*: *Знала б насадка, узнает и соседка*; *Не ждёт баба спроса, сама всё скажет. Что вода в решете*; *Бабий язык – чёртово помело*; *Мели, кривая; грош на полке* (т.е. за мною); *Бьёт языком (баба), что шерстобит струной жильной*; *Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит*; которые вступают в семантически оппозиционные отношения с номинациями качеств, характеризующих болтливых женщин: *пустословие*, *сплетничество*, *судачество*. Однако, если женщине присуще лишь *злорадство* и *сплетничество*, то коннотативные семы *предательство*, *обман* применительны к поведению молодого человека, мужчины, что наблюдаем в пословицах: *Мужик ражий, да язык-то вражий*; *Речист, да на руку не чист*; *На словах – блажен муж, а на деле – вскую шаташась!*; *Так врёт, что с души прёт*; *Врал бы, да меру знал бы*; *Ради красного словца не пожалеет родного отца*; *Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца*.

Следует отметить, что тексты пословиц, поговорок и обрядовые тексты отмечают молчание, краткость и сдержанность, присущие немногим, что в русской картине мира является следствием ума, рассудительности и даже таланта: *Сперва подумай, а там и скажи!*; *В добрый час молвить, в худой промолчать*; *Недолгая речь хороша, а долгая – поволока*; *Много говорить – голова заболит*; *Молчи, глухая, меньше греха!*; *Мелет день до вечера, а послушать*

нечего; Нечего про то и говорить, чего в горшке не варить! (коннотативная сема «принцип уместности»). Ключевые лексемы подумай, недолгая, нечего, таким образом, с одной стороны заключают в себе отрицательную коннотативную сему, связанную с бездумностью разговоров, а с другой же касаются обрядовости, традиционности и нормы поведения, принятой в обществе (подумай, а затем скажи, нечего говорить, чего не варить, «обдумать», «не зарекаться», «не вести пустых разговоров», «смолчать»). Отношение народа к родному языку высоко и бережно, русский народ убеждён, что каждое сказанное слово обладает своей силой, именно поэтому следует обдумать каждое слово прежде, чем его произнести.

3. «Речевая культура»

Нередко лексема «Язык» наделяется потенциальной семой «звуковая стихия, природная по своей сути» (звукоподражание как аналог человеческой речи), с ней человек часто не может справиться, только волевому может она покориться, что также получает лексико-семантическую характеристику в текстах пословиц: За кукушку бьют в макушку; Бормочет, что глухарь. Лепечет (Сокочет), как сорока. Тарантит, как сойка (как варакушка). Пищит, как цыпленок. Кричит (Зевает), как выпь. Воркует, как голубок. Поет, как канарейка. Каркает, как ворона. Пташкой щебечет; Ври сдуру, что с дубу! Это так с морозу сорвалось; Врет, как водой (как в уброд) бредёт; Это на вей-ветер сказано; Есть у него шишку лишку: во рту мышка (потенциальная сема «пустословие») Язык мой – враг мой (прежде ума глаголит); Язык мой – враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет; Язык мягок: что хочет, то и лопочет; Держи язык за зубами; Держи язык короче; Держи язык на привязи (на веревочке) (потенциальная сема «сдержанность», «обдуманность») [1, с. 36].

Тематическая парадигма «Язык – Речь» пополняется и лексемами, определяющими отношение ко лжи: За худые слова слетит и голова; Как сорвалось (с языка), так и брякнулось (и совралось); Сперва подумай, а там и скажи! Врать – своя неволя (охота); Зерна мели, много (а лишнего) не ври! Со вранья пошлин не берут; Так врёт, что с души прёт; Врал бы, да меру знал бы; Больше говорить – больше согрешить. Меньше говорить – меньше греха. Меньше врётся – спокойнее живётся; Меньше ври, больше ешь, спи да грезь на себя (потенциальная сема «продуманность слов», «немногословие», «честность»). Выделенные лексемы передают отрицательное отношение ко лжи, а также дают советы, как её избежать.

Нельзя не заметить, что отношение к языку и речевой культуре во многом определяется традициями и обычаями народа, которые в полной мере реализуются в текстах пословиц. Так, пословицы: По разговорам всюды (годится), а по делам никуды; Языком не торопись, а делом не ленись; Кто много говорит, тот мало делает; Меньше говори, да больше делай! Не спеши языком, торопись делом; Кто языком штурмует, тот мало навоюет содержат

ключевые лексемы разговоры, дело, не спешить говорить, обозначающие положительное отношение к тому, кто делает, а не болтает.

Другие пословицы: Кто говорит, тот сеет; кто слушает – собирает (пожинает); Чья бы ни рычала, да твоя-то молчала; Бог дал два уха, а один язык; Умей вовремя сказать, вовремя смолчать; Нестыдно молчать, коли нечего сказать содержат коннотативную сему, связанную с внимательным и толерантным отношением к собеседнику («вежливо выслушать», «помочь советом вовремя», «промолчать»).

Таким образом, анализ текстов пословиц и поговорок позволяет выявить существенные особенности отношения к родному языку, речи русского народа, благодаря чему раскрывается фрагмент языковой картины мира русского народа.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М., 1994.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. [Электронный ресурс]. URL: <http://hobbitaniya.ru/dal/dal141.php> (дата обращения 24.02.2017)
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М. 1862. СПб. 1879. С. 370. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/dvi/prn0.htm> (дата обращения 20.02.2017)
4. Сексологическая онлайн-энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.endic.ru/enc_sex/Gender-159.html (дата обращения 07.03.2017)

Kozlova E. Y.

THEMATIC GROUP "LANGUAGE - SPEECH" IN TEXTS OF AMBASSADORS AND TALKS

Abstract. The study of proverbs and sayings helps to establish additional semantic nuances of lexemes with national-cultural semantics. The present work is devoted to the analysis of the proverbial texts and sayings collected by V.I. Dal, in order to identify the framework of the thematic group "Language Culture" in the mind of the native speaker of the Russian language.

Key words: Proverbs, sayings, speech culture, picture of the world, thematic paradigm.

Корнеева Татьяна Алексеевна
студент 3 курса ГОУ ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный институт»
Коломна, Россия
tanyakorneeva1996@yandex.ru

ФОРМЫ ИМ.-ВИН. П. МН. Ч. ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТЕКСТЕ «ОПИСАНИЕ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ» 1781 г.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации одной морфологической нормы — формы Им. - Вин. п. мн.ч. в тексте.

Ключевые слова: деловая письменность; языковые нормы; имена прилагательные.

В 1781 г. учреждается Московская губерния в составе 15 уездов. К этому знаменательному событию составляется карта губернии и на основе различных источников (данных городских магистратов, летописных исторических сведений, предыдущих описаний г. Москвы и других подмосковных городов и т.д.) предпринимается попытка создать комплексное описание Московской губернии, которое затрагивало бы множество актуальных для того времени вопросов: важные исторические события в жизни городов и уездов, особенности местоположения, количество улиц и площадей, состав населения, особенности экономической жизни, состояние торговли, ремесел и т.д.

Это описание известно, прежде всего, по двум рукописным спискам, которые датируются и называются по-разному. Первый (РГБ. ОР, Фонд 313. Ед. хранения 19) так и называется — «Описание Московской губернии», в самой рукописи присутствует дата 1781 г. Второй (РГАДА. Фонд 197. Опись 1, портфель 36) носит иное название — СОСТОЯНИЕ СТОЛИЧНАГО ГОРОДА МОСКВЫ 1785-го Года, из которого можно понять, что оно относится к более позднему периоду — к 1785 г.

История текста этого описания очень примечательна и сложна. М.А. Катасоновой удалось выяснить, что далее текст описания был использован в «Историческом и топографическом описании городов Московской губернии с их уездами, с Прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквях» [<http://www.familii.ru/onomastika/toponimica/6176-katasonova-mariya-alekseevna-kvoprosu-ob-istorii-sozdaniya-teksta-opisanie-moskovskoj-gubernii-1781-g-tezisy-doklada-na-51-j-nauchnoj-studencheskoj-konferentsii-po-toponimike-2016-g-2>].

А дальше в весьма сокращенном виде его можно было обнаружить в статьях «Нового и полного географического словаря Российскаго Государства,

или Лексикона, описующего азбучным порядком... достопамятныя места обширной Империи Российской» (М., 1788—1789).

Два рукописных списка «Описания Московской губернии» представляет большой интерес с точки зрения реализации языковых норм, характерных для делового языка эпохи конца XVIII в.

Список «Описания» из РГБ представлял собой торжественный экземпляр, предназначенный для подношения высокому лицу, может быть, самой императрице. Непосредственная работа с рукописью показала, что этот список был переписан пятью опытными писцами, которые обладали очень красивыми, четкими почерками, но допускали очень широкую вариативность в передаче орфографических и морфологических норм.

Список РГАДА, напротив, был написан очень небрежно, но одним лицом. Реализация языковых норм, на первый взгляд, более строгая: так, в этом списке почти не отражается в орфографии влияние акающего произношения.

Несомненно, текст списков должен быть проанализирован с точки зрения разных языковых уровней. На данном этапе исследования хотелось бы остановиться на особенности реализации форм Им. - Вин.п. мн.ч. в списке РГАДА, который, как уже упоминалось, был переписан одним лицом.

Отметим, что данная рукопись публиковалась два раза: первый раз в 1879 г. [3] С.С. Илизаров так описывает особенности этого издания: «По архивному экземпляру рукописи в 1879 г. неудовлетворительно в отношении точности передачи текста и совершенно анонимно, т.е. без какой-либо справки об авторе текста и авторе публикации, месте хранения произведения, особенностях рукописи и т.п., была сделана публикация» [2, с.155]. Второй раз в 1997 г. С.С. Илизаров напечатал только отрывок из этой рукописи, включающий описание города Москвы [2, с.156—168]. Поэтому в своём исследовании мы будем непосредственно обращаться к рукописи РГАДА. Фонд 197. Опись 1, портфель 36.

История форм Им. - Вин. п. мн.ч. в литературном языке XVII—XVIII в. была рассмотрена В.М. Живовым в главе «Формы прилагательных в именительном и винительном падежах множественного числа» его монографии «Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков» [1].

Нормативными окончаниями Им. п. всех трех родов являются –ие/-ые. В тексте «Описания Московской губернии» в списке РГАДА переписчик отходит от этой нормы, попеременно используя –ие/-ые и –ия/-ья.

Непоследовательное употребление можно проследить на протяжении всего текста. Например, в описании Можайска: Главнейшія улицы (Л. 40 об.); лишнія лавки (Л. 42); сукна, шелковые плисовые, ситцовые, кисейные (Л. 42); прочія товары (Л. 42); небольшія сады (Л. 42); получаемяя денги (Л. 43); разныя места (Л. 43) и др.

Прослеживаются также и множественные скопления окончаний –ия/-ья: два противолѣжашія продолговатыя полуострова (Л. 2 об.); гористыя

мѣста (Л. 2 об.); великолѣтныя готической фигуры остатки древности (Л. 3); Первые цари (Л. 3); торговые ряды (Л. 3 об.); знатнѣишія строенія (Л. 3 об.); артиллерискія орудія (Л. 3 об.); перьвыя части (Л. 3 об.); правильно выстроенныя дома (Л. 4 об.); господскія люди (Л. 6); внутренныя части (Л. 6 об.); Главныя отросли (Л. 7); американскія, ост индскія и прочія товары (Л. 7); китайскія товары (Л. 7); шелковыя товары (Л. 7 об.); прочія мѣста (Л. 7 об.); турецкія земли (Л. 7 об.); другія бумажныя матеріи (Л. 8); Бумажныя товары (Л. 8) и др.

Статистическіе данныя по распределенію этих окончаній в тексте «Описанія Московской губернии» по списку РГАДА выглядят следующим образом:

	Nom. pl. masc.	Ac. pl. masc.	Nom.-Ac. pl. fem.	Nom.-Ac. pl. neut.	Всего
-ии/-ьи	1	-	-	-	1
-ия/-ья	36	36	28	36	136
-ая/-ья	-	-	-	-	-
-ие/-ые	32	74	22	31	159
Всего	69	110	50	67	296

Соотношеніе употребленія флексій –ие/-ые к общему числу употребленій флексій Им. - Вин. п. мн. ч. равно 159 к 296, -ия/-ья – 136 к 296.

Таким образом, основной флексией здесь оказывается –ие/-ые.

Флексія –ия/-ья реализуется во всех трех родах и в Им. - Вин. п. без исключенія. Это хорошо видно на примере описанія Москвы. Им. мн. м. р.: Первые цари (Л. 2 об.), шелковыя товары (Л. 7 об.). Вин. мн. м. р.: крепкія бастіоны (Л. 3 об.). Им. - Вин. ж. р.: новыя эпохи (Л. 2), другія бу/мажныя матеріи (Л. 8). Им. - Вин. ср. р.: гористыя мѣста (Л. 2 об.), великолѣтныя готиче/ской фигуры остатки (Л. 3), нужныя мастерства (Л. 6).

В.М. Живов в своей статьѣ, анализируя текст Уложения 1649 г., отмечает, что флексія –ия/-ья выступает в середине XVII в. как факультативный вариант флексіи –ие/-ые [1, с.442]. Это положеніе оказывается актуальным и во второй половине XVIII в. и применимо к тексту «Описанія Московской губернии», что доказывает ряд следующих примеров: шелковыя платки, шелковыя товары (Л. 53 об.); товары щепетильныя, щепетильныя товары (Л. 23) и т. д. Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют тот факт, что у одних и тех же прилагательных, расположенных по соседству, могут писаться разные флексіи. Таким образом флексія –ия/-ья приобретает тот же внеродовой характер, который свойственен основному варианту [1, с.442].

Флексія –ие/-ые также реализуется во всех родах в Им.-Вин. п. Им. мн. м. р.: канцелярскіе служители (Л. 30), хорошіе водяные ключи (Л. 31 об.). Вин. мн. м. р.: прочіе города (Л. 30 об.). Им.-вин. ж. р.: бѣлорускіе губерніи (Л. 31), покупаемыя кожи (Л. 31 об.). Им.-вин. ср. р.: рускіе чулки (Л. 30 об.), другія мѣста (Л. 31).

Единожды используется флексия –ии/-ьи. Она представлена Им. мн. м. р. европейскии товары (Л. 7). В ее использовании ничего примечательного нет.

В тексте есть два примера разнородного использования флексий у субстантивированных прилагательных: обоего пола малолетняя (Л. 10), самые малолѣтныя (Л. 26). В этом случае можно предположить деграмматикализацию окончания.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в тексте «Описания Московской губернии» по списку РГАДА, во-первых, использование флексий –ие/-ые, –ия/-ья разнородно, во-вторых, флексия –ия/-ья выступает как факультативный вариант флексии –ие/-ые, и, в-третьих, флексия –ия/-ья приобретает внеродовой характер по аналогии с основным вариантом.

Следующим этапом исследования будет изучение реализации этой нормы в списке «Описания Московской губернии» РГБ. Предполагается выяснить, влияет ли на реализацию данной нормы тот факт, что данный текст был переписан пятью разными писцами, т.е. будет ли как-то соотноситься эта реализация с границами текста, переписанным тем или иным писцом.

Литература

1. Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 656 с.
2. Москва в описаниях XVIII в. // Подготовка текста, статьи С.С. Илизарова. — М.: «Янус-К», 1997. — 320 с. с илл.
3. Состояние столичного города Москвы 1785 г. — М.: Типография М.П. Щепкина и К°, 1879.

Korneeva T. A.

NOM.–AC. PL. FORMS OF ADJECTIVES IN «MOSCOW REGION DESCRIPTION» (1781)

Abstract. The article surveys features of using one of the morphological norm – Nom. – Ac. pl.

Key words: Standard language; linguistic norms; adjectives.

ПРИЕМ ШОКОВОЙ ТЕРАПИИ В ПРОЗЕ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ

Аннотация. В статье исследуется прием шоковой терапии в прозе Людмилы Петрушевской на примере отдельных произведений из сборника «Песни восточных славян» и цикла рассказов «Реквиемы». Выявляется содержание указанного приема, делается вывод о пафосе человеколюбия в рассказах Петрушевской, о новом типе катарсиса.

Ключевые слова: постреализм, приём шоковой терапии, пафос, архетип тени, катарсис.

Современному писателю и литературному критику Д. Быкову творчество Людмилы Стефановны Петрушевской представляется своеобразным «ожогом жизни». Рефлекторная реакция на ожог – самозащита, которая, судя по некоторым критическим отзывам о творчестве писательницы [2, дата обращения 08.03.2017], стала частотной реакцией на ее тексты. С формулировкой «Талантливо, но слишком мрачно» А.Т. Твардовский отклонил присланные ему рукописи. Во многом из-за открытого «эсхатологического контекста» [3, с. 624] произведений Петрушевской определение «мрачно» стало наиболее частой характеристикой ее творчества, возможно, потому, что Петрушевская не просто рассказывает, а влияет на психофизическое состояние читателя. Точкой отсчета у нее выступает человек в ограниченном, «клаустрофобном» [3, с. 618] пространстве жизненного хаоса. Но вопреки «мрачности» прозы Л. Петрушевской в ней звучит жизнеутверждающий пафос человеколюбия.

В сборнике «Песни восточных славян» и цикле рассказов «Реквиемы» специфика авторского взгляда заключается в том, что он выявляет из общего потока только то, что работает на образ: усиленный трагизм, поражения и промахи героев. Сам прием шоковой терапии напоминает нам о первостепенных вещах: о тех, кто слабее нас и о нашей собственной силе. События, происходящие вечером, смерть, призраки и тьма – это проявления одного из основных архетипов по теории К. Г. Юнга – архетипа тени. Он объединяет то, что человека самого в себе пугает: сокрытые темные побуждения, иллюзии, страхи. Зло в системе координат автора не отклонение от нормы, а она сама. Уже это переосмысление закона реалистической литературы изначально шокирует. К.Г. Юнг дал определение шоковому воздействию: «от брошенного в воду камня, расходятся круги, так же происходит шоковое

воздействие от неожиданного, резко обозначенного явления. Чем необычнее и мощнее это первоначальное видение, тем дольше будет длиться его осмысление, тем больше и настойчивее духу надо будет напрягать свои усилия, что бы привести его в соответствие с собственной природой и понятиями, доступными человеческому разуму. Видение такого рода, буквально вторгается в душу» [6, с. 123].

В лекции «Язык толпы и язык литературы» (1991) читаем нечто подобное: говоря о месте ужаса в художественном произведении, Петрушевская утверждала, что «искусство страшного как репетиция смерти», «любое несчастье, отрепетированное в искусстве, вызывает тем сильнее катарсис, возвращая к жизни, чем совершеннее, гармоничнее прошла репетиция страдания и страха» [5, дата обращения 21.01.2017].

В циклах нет ни одного рассказа без упоминания смерти. Сами обстоятельства создают пограничные ситуации. И если в медицинской интерпретации прием шоковой терапии используется в тех случаях, когда другие методы безрезультатны, то применимо к «Песням» это количественное и качественное превосходство зла и боли над добром, погружение читателя в абсурдный мир полной безысходности. Иррациональность мира и искажение хронотопа лишает героев ориентиров и индивидуальности. Немалую роль играет то, что все описанное в рассказах хоть и абсурдно, но имеет явные знаки выхода в реалистическое пространство.

Погружая читателя в свою реальность жизни как «правильной трагедии» [3, с. 625], автор добивается очень тонкого личностного контакта. Бытовой, местами агрессивный, переданный в динамике язык рушит барьер читатель-герой, особенно через номинации мотива смерти, которая имеет разные сюжетные вариации: умирающая душа – «Дама с собаками», гибель семьи – «Белый пудель», «Я тоже тебя люблю», полная бесчеловечность и эгоизм – «Гигиена», «Шопен и Мендельсон», утрата надежды, самой основополагающей силы человека – «Как цветок на заре», «Черное пальто». Петрушевская работает со страхами и с патологиями – защитными механизмами, приспособлениями маленького человека к агрессивной реальности. Появляются мотивы житейской стойкости, одиночества, страдания, страха и краха всего окружающего. Чем больше область знания человека, тем больше и область незнания вокруг нее. В обыденной жизни тема смерти, зла не входит в наш повседневный опыт, человеку свойственно подсознательно защищаться от него. Тексты Л. Петрушевской открывают путь потоку этого нового страшного, которое в своих подробностях множит тьму.

Попадая в пространство рассказа «Черное пальто», читатель без предупреждения оказывается на иррациональной дороге с искаженным хронотопом. В основе текста лежит детективная композиция. Символические черные детали, число «три», психологический, как будто преувеличенный в своей

жестокости и неожиданности жест: возвращение памяти, построенное по принципу кошмара-сна. Пространство сужается и расширяется, начиная от размеров грузовика и до перехода пространства города в карман пальто. Все это выводит из равновесия. Единственным, что не меняется, остается рассказчик, которому читатель вынужден доверять, попадая в положение ведомого. Диалог героев начинается достаточно поздно и шокирует своей прямоотой и свободой: «Я умру и увижу себя сверху» [1, с. 112]. Эта черта характерна и для других рассказов. Поэтика речи, «непринужденно режущая бритвой» [1, с. 110], оказывает порой большее влияние, чем сюжет. Петрушевская намерено усиливает, сгущает страх, что заставляет героя прозреть и очнуться.

«Эсхатологией повседневности» [3, с. 616] можно назвать события в рассказе «Гигиена». Исходное событие – неизлечимую эпидемию – привносит герой рассказа, некий молодой человек. Семья изолируется, и вакуумное пространство перерастает в антиутопическое. В таких условиях жестокость достигает максимума, люди теряют человечность, свой облик, свой смысл. Вместе с молодым человеком, которого воспринимают как попрошайку, появляется и смерть, она, как что-то естественное, упоминается вскользь. В самом начале рассказа, в первом диалоге, дедушка произносит ключевую фразу: «Нет, спасибо, нам не надо» [1, с. 80]. Бытовая, ежедневная, брошенная в ответ на бескорыстное предложение помощи, доброты и человечности фраза, сразу становится приговором не только семье, но и человечеству. Начиная с раздела еды, все происходящее: запертая в комнате дочь и в туалете жена, кошка, которая съела девочку, прокалывание ножа на газовой плите после ежедневных убийств – это становится ужасающим и доводит читателя до полного шока, а героя до полного обезличивания – озверения. Точная характеристика ситуации дается Петрушевской: «Это стерло в порошок всех обитателей квартиры» [1, с. 83]. Зараженных называют «обожженными», они слепнут, чернеют и, истлевая душой, умирают. Но те, кто выживают в настолько правдивом среди этого абсурда финале, уже обожглись своей добротой. Важной усиливающей деталью финала становится время. Читатель осознает, что попал в недоступное, неясное время после смерти и полностью незнакомое, шокирующее пространство, которые дают возможность оценить финал – с позиций христианской эсхатологии.

Один из немногих рассказов со счастливым концом, уверяющий, что все пропавшие в действительном, поглощающем хаосе мира найдутся, – рассказ «Нина Комарова». Первый абзац полностью идентичен сказочному зачину, если бы не последняя фраза, которая трансформирует привычный сюжет: «Он заигрался, и девочка пошла к маме. Пошла, но по дороге завернула в лес и заблудилась, ее всю искусили комары» [1, с. 275]. Вместе с героями мы узнаем, что Нина – немая. Мы, ну никак не могли предположить такого поворота. Дальше, на протяжении всего текста, мы, насторожившись, ждем

подвох. В этом рассказе нет ни одного отрицательного персонажа. Вообще никакого внешнего или внутреннего зла. Победа слабой личности над сильными обстоятельствами, случайными, маленькими, но вместе ужасающими, как комары. Состояние шока, в котором пребывают все, а в особенности Нина в конце рассказа, не парализует и читателя. Шок возникает здесь не оттого, что все плохо, а оттого, что все хорошо. И это ощущение невозможности, абсурдной иррациональности счастья, контрастирующего с привычной его невозможностью, является хрупкой константой художественного мира Л. Петрушевской, утверждающей пафос человеколюбия через страдание.

Известно, что все слова художественного произведения неодинаковы с точки зрения смысловой и эстетической значимости в контексте целого текста, они по-разному соотносятся с темами и образами. Идеино-художественное содержание произведения воплощается в языковой структуре текста, в которой можно обнаружить центральные слова-образы, слова-лейтмотивы, которые более других связаны с глубинным идейно-художественным смыслом. В поэтике их принято называть ключевыми словами [4, с. 435-437].

В трех сборниках рассказов: «Реквиемы», «Песни восточных славян», «Два царства», в количественном соотношении понятия-антиномии соотносятся следующим образом: «жизнь» (160) / «смерть» (32), свет (190) / «тьень»(35), «любовь» (34) / «ненависть» (7). Негативных определений гораздо меньше, но состояние катарсиса достигается не посредством «умиротворяющей завершенности» сюжета [4, с 342], а через свойственную постреализму диалогическому постижению меняющегося мира (что воспринимается как его неизменное тяготение к хаосу) и открытость авторской позиции по отношению к нему [3, с. 585]. Это достигается путем ассоциаций, но даже если смерть упоминается, то ее традиционный образ сглаживается в потоке речи и как бы обесцвечивает яркое понятие. Тема света является ключевой. Люди либо его излучают, либо поглощают, но автору интересны те, кто просто пропускает его через себя. В любом случае, в мире Петрушевской «свет» приподнесен как цель, луч света в темном царстве, энергия, делающая окружающий мир видимым.

Шоковое воздействие на читателя начинается с первого знакомства с текстами и поддерживается все новыми и новыми поражающими образами и подробностями, которыми наполнен мир абсурдно-реальных людей автора. Говорить о том, о чем не принято говорить, - вот метод изображаемый предмет Петрушевской, то, чем она привлекает и шокирует.

Для того чтобы пережить страдание, необходимо преодолеть ужасное, построенное на основе шоковой терапии ощущение трагичности и несправедливости жизни. Шок – сам по себе состояние не сиюминутное, а состояние-последствие, поэтому, когда оно достигает своего результата, мы можем говорить о катарсисе. Целью шоковой терапии является возбуждение сострадания, страха, отрицание всего противного чистому человеку.

Катарсис если и намечен, то за границами текста. Ее произведения, безусловно, переворачивают, меняют, очищают, пробуждают чувства. Переработанные негативные стороны жизни, гиперболизировано показанные и принятые как данность, рождают гармонично страшный мир, в котором добро не побеждает зло, но в этом зле и находится возвышение, называемое катарсисом.

Литература

1. Петрушевская Л.С. Песни восточных славян: [рассказы и пьесы]. – СПб: Амфора, 2005. – 333 с.
2. Кошелева А.Л., Монгуш Е.Д. Проза Л. Петрушевской: содержательно-эстетический дискурс, типология. // Мир науки, культуры, образования, №3 (40), 2013. // <http://cyberleninka.ru/article/n/proza-l-petrushevskoy-soderzhatelno-esteticheskij-diskurs-tipologiya>
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX века (1950-1990-е годы): в 2 т. Т. 2: 1968-1990. – М.: Издательский центр «Академия». – 688 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий // Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. — 1600 с.
5. Панн Л. Запретная зона Людмилы Петрушевской. / Журнал «Новый мир», №12, декабрь 2008. – М., 2009. // Интернет-источник: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2008_12/Content/Publication6_2342/Default.aspx
6. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – 319 с.

Kostomarova K.P.

THE METHOD OF A SHOCK THERAPY IN THE PROSE OF LUDMILA PETRUSHEVSKAYA

Abstract. The Method of a shock therapy in the prose of Lyudmila Petrushevskaya is explored in the article. The author focuses on selected works from the collection "Songs of the Eastern Slavs" and a series of short stories "Requiem". The contents of the specified reception is detected, the output of the pathos of humanity, about a new type of catharsis in stories Petrushevskaya is done.

Key words: Postrealism, method of a shock therapy, the pathos, the shadow archetype, catharsis.

ВЫРАЖЕНИЕ РУССКОЙ ДУШИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГОСТЕПРИИМСТВА (НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Аннотация. В статье рассмотрены особые качества русской души через тему гостеприимства, отраженную в поговорках. Тема актуальна в курсе «Русский язык и культура речи» для студентов, обучающихся по направлению «Сервис» и «Гостиничное дело», поскольку связана с традициями гостеприимства.

Ключевые слова: русские поговорки, гостеприимство, русская душа.

В настоящей статье рассматривается проявление особых качеств русской души через тему гостеприимства, выраженную в поговорках. Тема явилась актуальной и значимой для авторов – студентов, обучающихся по направлению «Сервис» и «Гостиничное дело». Будущая специальность, тесно связанная с традицией гостеприимства, и богатый паремиологический материал определили интерес к выбранной тематике.

Обратим внимание на то, что лингвистический термин поговорка в нашем исследовании мы употребляем как синонимичный термину поговорка, который может определяться так: «1) поговорка; высказывание, изречение, суждение, относящееся к поговорке; 2) краткое образное устойчивое высказывание (часто, употребляемое в переносном значении), синтаксически оформленное как простое или сложное предложение (иногда может состоять из нескольких предложений), отражающее обобщенную формально закреплённую ситуацию, возведенную в формулу, излагающее важную истину, наставление, правила или принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [5, с. 7, 9].

Это определение несколько отличается от определения поговорки, данного в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание»: поговорка определяется как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, обычно, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором содержится многовековой опыт русского народа; имеет форму законченного предложения» (цит. по [6, с. 65]).

Историческое формирование русских народных поговорок на протяжении множества веков происходило при непосредственном участии русского народа.

В пословицах содержится накопившаяся мудрость многих поколений. Через эти пословицы можно знакомить новые поколения с нравами и обычаями русского народа, а также изучить особенности русского быта: как русский народ трудился, отдыхал, создавал семью и т.п. [2, 7].

Отличительными чертами национальной души русских людей является их гостеприимство и щедрость. Русское гостеприимство общеизвестно, что можно выразить пословицей: Хоть не богат, а гостям рад. Для гостей всегда нужно приготовить лучшее угощение: Коли есть, что в печи, все на стол мечи!; Гостю щей не жалеи, а погуще налей. Данные пословицы говорят о том, что как бы тяжело не приходилось хозяевам, они всегда хорошо встретят своего гостя, поставят ему все лучшее, они никогда не покажут своему гостю, что у них хуже гостить, чем у других людей [1].

Издревле у русских людей есть особая традиция встречать гостей на пороге своего дома. Хлеб-соль – это одновременно и приветствие, и выражение радушия, и пожелание гостю добра и благополучия: Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай; Без хлеба нет жизни, нет истинного русского стола [9].

Вообще без хлеба нельзя представить жизнь, в частности, нельзя представить себе традиционный русский стол без наличия на нем хлеба. В России отношение к хлебу всегда было особым, и все тяготы и лишения, которые происходили в России, доказывают это. Можно вспомнить трудные и голодные годы блокады Ленинграда, время Великой Отечественной войны, когда хлеба было катастрофически мало, и его выдавали по 125 граммов в день на одного человека, и при этом ценилась каждая корочка, каждая хлебная крошка.

Ценность хлеба русский народ пронес через все свои испытания, и его почитают в настоящее время. Про это говорят такие известные русские пословицы, как: Хлеб всему голова; Хлеб на стол, так и стол – престол; Плох обед, коли хлеба нет; Хлеб дар божий, отец, кормилец; Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай.

Соль, также имеет большое значение в жизни человека. В древний город Киев привоз соли осуществлялся из Прикарпатья. Нехватка соли в Древней Руси была настоящей бедой, которая могла вызывать народные волнения, например, в истории известен целый ряд соляных бунтов. В то время соль стоила очень дорого, и она в буквальном смысле ценилась на вес золота. Здесь можно с уверенностью сказать, что как хлеб, так и соль стали символом гостеприимства и радушия русских людей, например, Без соли, без хлеба худая беседа или Без хлеба – смерть, без соли смех [1].

В концептуализации «Гостеприимства», можно выделить следующие тематические группы, в которых «гостеприимство» представляет собой:

1) личность гостя или хозяина и ее отличительные особенности: В гостях воля хозяйская; Встретил с радостью, а проводил с жалостью; Где гостит, тут и костит; Глупый гость будет угощать хозяина;

- 2) открытость и радушие: Где слова приветия, там улыбка для ответа;
- 3) щедрость при угощении гостей: В этом доме и вода что мед;
- 4) отношение к своему дому или жилищу хозяина дома;
- 5) приверженность к установленным традициям, принятым обычаям, обрядам и ритуалам: У нас на Руси прежде гостю поднеси; Обед не в обед, как хозяина нет;
- 6) выражение гостями благодарности хозяевам: Хочешь быть хорошим гостем – хвали хозяйку;
- 7) внутренняя симпатия хозяев по отношению к своим гостям: Хороший гость всегда вовремя;
- 8) советы по приему гостей хозяевам дома и поведению – гостям (самая продуктивная группа): Хоть немного гостит, да много видит; Рад не рад, а говори: «Милости просим!»; Не кричи: гости на полатах; Любишь гостить, люби и к себе звать; Какого гостя позовешь, с таким и побеседуешь.

Следует отметить, что анализ русских пословиц дал возможность исследовать концепт «Гостеприимство» и его актуализацию в менталитете русского народа. Были выявлены общие черты представления концепта в пословицах, которые проявились в признании постулата, когда «быть гостеприимным – это хорошо».

В русских пословицах зафиксированы похожие модели поведения в частности, отношение к званым и незваным гостям: Хороший гость дому радость; Сытого гостя легко потчевать; Редкий гость никогда не в тягость; Не вовремя гость – пуще злодея; Не радуйся гостину приезду, радуйся отъезду, а также к неожиданным или слишком загостившимся людям: Часто за шапку берется – не скоро уйдет; Пустили погреться, а он уж и детей крестить.

По внушительному объему пословиц о гостеприимстве можно судить об актуальности выбранной темы для русских людей вообще. Гостеприимство как черта характера, составляющая русской души является показателем внутренней культуры, развивает чувство дружбы и товарищества.

Русские пословицы тематической сферы «Гостеприимство» являются особой частью русского национального сознания, так как русский человек готов не только отдать лучший кусок, но и поделиться последним. Встретить и накормить своего гостя, дать что-то ему с собой в дорогу является обычным делом для русского человека. Однако необходимо отметить, что гостеприимство как черта характера, в связи со спецификой русского менталитета, имеет не только достоинства, но и определенные недостатки [9].

Таким образом, рассмотрев проявление особых качеств русской души через тему гостеприимства, выраженную в паремиях, мы пришли к следующему. Актуальность темы определена нашей будущей специальностью, которая тесно связана с традицией гостеприимства. Разнообразный паремиологический материал позволил рассмотреть разные ситуации в сфере гостеприимства и выявить традиции русского гостеприимства, широту русской души.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Народ-художник. – М.: Издательство «Советская Россия», 1986. – 368 с.
2. Берсеньева К.Г. Русские пословицы и поговорки. – М.: «Центрполиграф», 2010. – 233 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник. – В 2-х т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1984. – 399 с.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус. яз., 2000. – 240 с.
5. Кацюба Л.Б. Лицо глагола в русских пословицах: семантико-грамматические и лингвокультурологические аспекты: монография. – М.: МЭСИ, 2015. – 240 с.
6. Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2013. – №1. – Том 10. – С. 65-67.
7. Кацюба Л.Б. Лингвокультурологические аспекты субъекта в паремиях // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2006. – № 6 (61). – С. 116-120.
8. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост. А.Н. Мартынова. – М.: Современник, 1986. – 512 с.
9. Смирнова Л.А. Национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство» в русской пословичной картине мира // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 48-51.
10. Общие ресурсы по теме «Пословицы и поговорки»: [Электронный ресурс]. URL: <http://pogovorki-posloviy.ru/> (дата обращения 25.02.2017).

Koksharova E.O.

**THE HOSPITALITY AS AN EXPRESSION OF THE RUSSIAN SOUL
(BASED ON PROVERBS)**

Abstract. The article describes peculiarities of the national soul of Russian people in the context of Russian hospitality. The theme of hospitality is revealed by the material of Russian Proverbs. The topic is relevant to the discipline «Russian language and speech culture» for the course of «Service» and «Hotel business».

Key words: Russian Proverbs, hospitality, Russian soul.

ИНВАРИАНТЫ ОБРАЗА ДАЭРОНА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ РОЛЕВИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация образа Даэрона в современной русской поэзии ролевиков.

Ключевые слова: современная поэзия; ролевики; Даэрон и Лютиен; Берен; Толкин.

Красивая поэтичная легенда о любви юной эльфийской принцессы Лютиен и смертного воина Берена не оставила равнодушными поклонников произведений Дж. Р.Р. Толкина. Современные российские исполнители, взяв за основу ключевые события во взаимоотношениях двух героев, в песнях попробовали воссоздать образ Даэрона. Наиболее известными песнями стали: «Дайолен – Даэрон» Н. О'Шей (Хелависы), «Даэрон – Лютиен» Н. Новиковой и «Даэрон» Л. Бочаровой.

С фанатами произведений Толкина ассоциируется появление ролевого движения. Ролевика – субкультура людей, играющая в ролевые игры (преимущественно живого действия, хотя возможны ролевые игры в Интернете (на форумах и в социальных сетях), где игроки пишут друг другу объемные тексты с описанием внешности персонажа, характера, его действий и т.д.). Первые серьезные ролевые игры – «Хоббитские игрища» – проводятся в 1990 году, и в них принимают участие 130 человек (преимущественно школьники и студенты) со всего СССР. В этой среде получили распространение менестрели – исполнители авторской песни в ролевой ситуации. Важно отметить, что менестрель не общается с залом напрямую: он использует маску, чтобы передать смысл текста и подчеркнуть свою роль в игрищах, поэтому часто исполняются песни, в которых менестрель – и исполнитель, и лирический герой песни. Вне ролевой ситуации, вне контекста непосвященному человеку сложно понять, о чем идет речь в песне. Таким образом, менестрель исполняет роль посредника между двумя мирами, находясь одновременно и в выдуманном, созданном с помощью песни мире, и реальном, где существует сцена и зрители.

От лица Даэрона исполняют песни Н. Новикова и Л. Бочарова.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу образа Даэрона в выбранных песнях, стоит подробней остановиться на «Сильмариллионе» – произведении Дж.Р.Р. Толкина, которое является предысторией знаменитой трилогии «Вла-

612 | стелин Колец». По своей сути, «Сильмариллион» – это сборник мифов и легенд Средиземья, где рассказывается о сотворении Арды, и далее описывается вся её история (также даны сведения и о событиях «Властелина Колец»).

В оригинальной версии легенды, изложенной Толкином в «Сильмариллионе», образ Даэрона не раскрыт до конца – ему посвящено примерно пять предложений. Не вызывает сомнений его двойное предательство (рассказал отцу Лютиен Тинголу, когда она полюбила Берена и когда просила помощи в освобождении возлюбленного, находившегося в плену); известно, что Даэрон считался величайшим менестрелем в Средиземье, с которым не мог сравниться никто, кроме Маглора, и Лютиен часто танцевала под его музыку. Не вызывает сомнений безответная любовь певца к Лютиен, с которой он знаком с детства. И после того, как Даэрону стало известно о пропаже Лютиен, он ушел в Средиземье и стал сочинять песни, оплакивая потерю своей единственной в жизни любви.

Наиболее известна песня под названием «Дайолен – Даэрону». Слова песни принадлежат Н. Васильевой, автору самого известного фанфика (так называется вид любительского литературного произведения, в котором автор (фикрайтер) создает свой сюжет по мотивам популярных книг, компьютерных игр, фильмов и т.д.) по вселенной Дж.Р.Р. Толкина «Чёрная книга Арды». Дайолен – слепой менестрель, пришедший к Морготу в надежде излечиться от слепоты и встретившийся там с Даэроном. Любопытно, что по сюжету книги Даэрон не говорил с ним о своем горе: менестрель догадался о чувствах, бушующих в сердце эльфа. Эта песня – песня-прощание с Лютиен, которая никогда не будет с ним, осознание вины; «звезды – как камни в Железном венце» – отсылка к Сильмариллу, магическому камню, за которым Тингол отправил Берена на верную смерть. Сломанная флейта – символ отречения от своего дара (которого не было в оригинальной версии, но который появляется в «Черной книге Арды»). «Тебе – уйти на путь Людей», – отсылка к решению Лютиен потерять свое эльфийское бессмертие ради того, чтобы жить с Береном. В целом, песня через систему символов и отсылок к сюжету оригинальной легенды представляет собой рассказ о чувствах Даэрона, предавшего свою возлюбленную и потерявшего её.

Абсолютно другое настроение дарит песня Лоры Бочаровой «Даэрон». Повествование ведется от лица Даэрона, который в ярости упрекает Лютиен в её выборе. Лирический герой предстает злым и мстительным, способным смириться со смертью возлюбленной, но не готовым отдать её другому («Я был бы счастлив, если б смерть тебя оставила ничьей» [1]). Даэрон жестоко страдает, осознавая собственное бессилие и безответную любовь, мечется между своей болезненной страстью и ненавистью к предавшей возлюбленной, проклиная её и счастливого соперника. Он не знает, что делать, как объяснить Лютиен, что заслуживает её больше, чем Берен: «Мне королевой ты была, а стала нищего слугой» [1]; не может понять, почему Лютиен выбрала Берена, когда с Даэроном её ждало бы «вечное тепло», а не «холод и огонь», и не понимает, в чем его «вина», почему Лютиен предпочла смертного воина, которому не суждено даже разделить с ней бессмертие.

Третья песня, принадлежащая перу Н. Новиковой, настроением похожа на первую. Можно было бы предположить, что эта песня Даэрона – одна из тех песен-плачей, которые он сочинял в Средиземье, поскольку лирический герой говорит от имени Даэрона. Певец здесь – тонко чувствующий поэт, скорбящий о своей судьбе и о судьбе Лютиен. Вся песня – неутолимая печаль тоскующего сердца. Здесь нет пронзительной ненависти, бушующей страсти, только тихая обреченность и память («Ты навсегда остаешься со мной /Сломанной флейтой в руках...»[3]). В этой песне отражена легенда, рассказанная Даэроном на свой лад: «Мнятся шаги чужака по беспомощно хрупким цветам» [3], – предчувствие скорого расставания с Лютиен, потому что Берен и есть тот самый «чужак». «Нет, смерть еще не идет по следам» [3], – надежда на то, что Лютиен так же бессмертна и жива, хоть и вдалеке от Даэрона.

Следует отметить тот факт, что все три песни написаны женщинами и могут в сознании читателя вызвать аллюзии к образу Ярославны из «Слова о полку Игореве». Во всех песнях сильны мотивы горького плача: лирический герой оплакивает либо собственную судьбу, либо судьбу любимой женщины. Это связано с тем, что в русской культуре образы героев Толкина пока не закреплены в поэтической традиции. Авторы-исполнительницы стремились переработать эти образы так, чтобы русский читатель-слушатель не воспринимал их как чужаков, а мог почувствовать родство с ними, мог понять и посочувствовать им.

Таким образом, после анализа трех текстов можно выделить несколько инвариантов образа Даэрона в современной поэзии ролевиков: первый образ – талантливый менестрель, оплакивающий свою возлюбленную, певец, оставшийся в сердцах; второй – образ злобного забытого возлюбленного, который не в силах смирится с потерей Лютиен; и, наконец, третий – наиболее притягательный – образ поэта, страшщегося за судьбу любимой и желающего ей счастья, пусть и не с ним. Думается, что первый образ ближе всех к оригинальной версии легенды.

Литература

1. Бочарова Л. Даэрон. – Эл. ресурс – URL: <http://www.treismorgess.ru/?p=1179> (дата обращения – 25.11.2016).
2. Васильева Н.Н. Черная книга Арды. – М., ЭКСМО-Пресс, 2000, 458 с.
3. Новикова Н.Н. (Тэм Гринхилл) Даэрон – Лютиень. – Эл. ресурс – URL: <http://tem-collection.narod.ru/4-text/songs14.htm> (дата обращения – 13.11.2016).
4. Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион / пер. с англ. Н. Эстель. – М., АСТ, 2000. – 416 с. – стр. 158-220

Krasichkova A.D.

THE INVARIANTS OF THE IMAGE OF DAERON IN CONTEMPORARY RUSSIAN ROLE-PLAYERS' POETRY

Abstract. The article analyses the image of Daeron in contemporary Russian role-players' poetry.

Key words: Contemporary poetry; role-players; Daeron and Luthien; Beren; Tolkien.

Крестьянинова Кристина Сергеевна
студент Глазовского государственного
педагогического института им. В.Г. Короленко
Глазов, Россия
krestyaninova_kristina@mail.ru

КОЛОРАТИВ КРАСНЫЙ В ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЕ УДМУРТИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ О. А. ПОСКРЁБЫШЕВА)

Аннотация. В данной статье рассматривается функционирование колоратива красный в стихотворных текстах известного удмуртского поэта О. А. Поскрёбышева.

Ключевые слова: колоратив; красный; лексико-семантическое поле; центр; периферия.

Слова со значением цвета — это особый пласт лексики любого языка. Они существуют в прямых, переносных и символических значениях, что используется авторами текстов различных стилей и жанров. Цвет определяется как «один из видов красочного радужного свечения — от красного до фиолетового, а также их сочетаний или оттенков» [5, с. 809]. В. И. Новиков отмечает, что «у каждого из семи цветов радуги есть устойчивые связи и ассоциации» [4, с. 135]. Например: красный цвет чаще всего ассоциируется с кровью, зелёный — с природой, голубой — с небом и т. д.

В данной статье исследуется один из колоративов цветовой палитры Удмуртии красный в поэтических текстах известного поэта Республики Олега Алексеевича Поскрёбышева. Он писал на русском языке, но с детства испытал плодотворное влияние культуры Удмуртии, её обычаев и песен. В. Канашкин отмечал: «В своих стихах О. Поскрёбышев широко использует фольклорные мотивы, ритмы, образы. Он не только хорошо слышит народную речь, но и дает возможность ощутить ее красочность, многоцветность, все звуковые и смысловые оттенки» [1, с. 122].

В его текстах обнаружены следующие колоративы: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, белый, чёрный, серый (286 единиц). Для анализа был выбран колоратив красный и его оттенки в виду их высокой частотности (47 единиц).

Как показал анализ, красный цвет в поэтический текстах О. А. Поскрёбышева представлен в основном прилагательными (16 единиц), редко — глаголами (2 единицы):

А работник не прочь бы и сбросить
С оторочкою красной армяк. (432. Здесь и далее в скобках указана страница источника).

От восторга жизни млело тело,
И хотелось так прожить мне дни,
Чтоб за всё, что я сказал и сделал,
Не пришлось краснеть перед людьми. (554)

Оттенки красного также чаще представлены прилагательными: алый (8 единиц), багровый (3 единицы), розовый (3 единицы), малиновый (3 единицы), багряный (2 единицы) и бордовый (1 единица), реже глаголами – алеть (3 единицы), розоветь (2 единицы), обагреть (сохраняется орфография источника) – (1 единица), наречием – малиново (1 единица), багрово (1 единица) и существительным – алость (1 единица).

Частое употребление прилагательных неслучайно: они наиболее ярко обозначают признак. Как правило, прилагательные составляют богатые синонимические ряды, из которых можно выбрать именно то слово, которое наиболее точно выражает мысль, и таким образом сделать речь более точной и выразительной. Глаголы встречаются реже, так как обозначают процесс, действие. Редко используются наречия, обозначающие непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака, и существительные, обозначающие опредмеченный признак.

Колоративы можно представить в виде лексико-семантического поля. Лексико-семантическое поле (ЛСП) определяется как «особая, иерархически организованная совокупность языковых единиц, принадлежащих к разным частям речи и объединенных инвариантным значением» [3, с. 292]. В составе ЛСП выделяются ядро и периферия. Ядром поля «является единица, выражающая его общее значение...; единицы, расположенные на периферии, обладают более сложным, насыщенным, специализированным содержанием и тесно взаимодействуют с членами смежных полей» [3, с. 292]. Ядром анализируемого поля является красный «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови» [6, т. 2, с. 122]. Периферия неоднородна: разграничивается ближняя и дальняя. На ближней периферии анализируемого поля располагаются колоративы алый — «светло-красный» [6, т. 1, с. 33], розовый — «бледно-красный» [6, т. 3, с. 728], багряный — «яркий густо-красный» [2, с. 26], так как у них отсутствует лишь один из признаков ядерности — «цвета крови». На дальней периферии находятся малиновый — «тёмно-красный, цвета ягод малины» [6, т. 2, с. 219], бордовый — «тёмно-красный, цвета красного вина» [6, т. 1, с. 108], багровый — «густо-красный, пурпуровый» [6, т. 1, с. 55], включающие в определения новые значения: малиновый — «цвета ягод малины», бордовый — «цвета красного вина», багровый — «пурпуровый». Количество анализируемых колоративов ближней и дальней периферии в поэтических текстах О. А. Поскрёбышева одинаково.

Ядро поля, колоратив красный, поэт использует в прямом и переносном значениях.

Прямое значение реализуется при описании военных событий, бытовых явлений: красная кровь, красная глина:

Брызнул им в лицо горох картечи,
Брызнула горохом красным кровь... (98)
В красной глине увязая,
Печь врачуют в свой черёд... (114)

Колоратив красный употребляется поэтом и в переносном значении при описании домашнего обихода: красный зверь — это огонь, горящий в печи, а огненный — «цвета огня, пламени, ярко-красный» [6, т. 2, с. 585]:

На скамье в квашонке тесто.
В печке красный зверь урчит.
Вдоль избы, как занавеска,
Дым тяжёлый из печи. (113)

Стоит отметить, что частотность колоратива красный в прямом и переносном значениях одинакова: равна девяти. В отличие от этого, его оттенки в стихотворных текстах О. А. Поскрёбышева чаще встречаются в прямом значении, так как используются поэтом для более точной передачи цвета. Переносное значение употребляется при описании природы, результата трудовой деятельности, например: алые зори; бордовые края зорь; багровый закат; малиновый кирпич:

Все боры, все зори алые,
Можжевёл, и краснотал,
И любую травку малую
В сердце он отсюда взял. (279-280)
Неброских красок отчизны моей,
Как цвета глаз своих, не вижу я.
Озимый клин горит всё зеленой;
Снег синеват; бордовы зорь края... (50)
Закат, ух, багров:

Встречайте покров. (269), (в данном фрагменте покров реализуется О. А. Поскрёбышевым в значении снежный покров)

И мне бы так — с небрежным шиком
Стлать мягко глину с мастерка.
Кирпич, малиновый с обжига,
Звонит малиновкой в руках. (251)

Между тем некоторые лексемы рассматриваемого семантического поля в поэтических текстах О. А. Поскрёбышева употребляются в первоначальных, этимологических значениях, не имеющих отношения к цвету. Их использование придаёт повествованию особый колорит. Таковы малиново (пел малиново), красные (красные слова). Колоратив малиновый в данном контексте реализует значение «мелодичный» [7, с. 563], а красный употребляется в своём первоначальном значении «красивый», «прекрасный» [7, с. 368]:

— Не для кружки ль молока
 Шла бурёнушка в луга
 И бродила день-деньской,
 Чтоб вернуться не пустой!
 Жар над ней со звоном тёк,
 Пел малиново рожок;
 Как свирели, тут и там
 Пели пташки по кустам. (222-223)
 Земля моя, будь светлой и прекрасною,
 И пусть превыше самых красных слов
 В любви к тебе цветёт, сияет, празднует
 Твоих больших умельцев ремесло. (278)

Примечательно, что на ближней и дальней периферии не обнаружены сложные прилагательные со значением оттенка цвета. Их отсутствие можно объяснить наличием соответствующих лексем, максимально точно определяющих цвет, а также особенностями стихотворных текстов.

Таким образом, особенностью семантического поля красный является преимущественное употребление его оттенков. Это можно объяснить географическим положением Удмуртии, для которой характерны неяркие цвета, и умеренно континентальный климат, что накладывает отпечаток на восприятие описываемых реалий и, вероятно, на характеры жителей Республики.

Литература

1. Канашкин В. К самой главной высоте // Наш современник. 1972. № 2., С. 122-123.
2. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2006. 928 с.
3. Митина Е.А. К вопросу о структуре лексико-семантического поля «Смерть» // Вестник ЧГПУ. 2010. №12., С. 291-302.
4. Новиков В.И. Словарь модных слов. М.: Зебра Е, 2005. 156 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2013. 874 с.
6. Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2004. Т. 1-4.

Источник

1. Поскрёбышев О.А. Жизнью всё было. Ижевск: Удмуртия, 1981. 568 с. (Все стихотворные иллюстрации приводятся по данному изданию. В скобках указаны страницы сборника).

Krestyaninova K.S.

COLOUR RED IN COLOUR PALETTE OF UDMURTIA (A CASE STUDY OF O. A. POSKRJOBYSHEV'S POETIC TEXTS)

Abstract. The article considers function of colour red in poetic texts by famous Udmurt poet O. A. Poskrjobyshev.

Key words: Colour vocabulary; red; lexical-semantic field; centre; periphery.

Крючкова Анастасия Александровна
студент Волгоградского государственного
социально-педагогического университета
Волгоград, Россия
xurta1610@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТАМИНАЦИОННЫХ КАЛАМБУРОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ПРИ СОЗДАНИИ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Аннотация. В статье рассматривается приём контаминации как проявление языковой игры при создании интернет-мемов.

Ключевые слова: языковая игра, интернет-коммуникация, контаминация.

Языковая игра – определенный тип речевого поведения, который основывается на осознанном нарушении языковых норм с целью шутки, придания речи говорящего комической тональности. Помимо функции развлечения языковая игра также призвана развивать мышление и язык, поскольку полностью освоено мышлением лишь то, что освоено языком. Подробными исследованиями в области изучения феномена языковой игры являются работы Л. Витгенштейна, Е. А. Земской, В. З. Санникова, Е. А. Агеевой, Т. В. Булыгиной, И. Н. Горелова, Ю. О. Коноваловой и др.

В настоящее время явление языковой игры нередко можно встретить в рекламе, заголовках газет и журналов, в названиях теле- и радиопередач. Не менее активной сферой использования данного феномена является Интернет. Стремление развлечь себя и собеседника, а также стремление к самоутверждению приводит к частому созданию новообразований на основе языковой игры в социальных сетях, в частности, при создании такой единицы культурной информации, как мем. Анализ фактического материала, извлеченного преимущественно из социальной сети «ВКонтакте», показывает, что одним из самых распространенных приёмов словообразования при языковой игре является контаминация.

Контаминация — сравнительно молодой способ словообразования. На данном этапе изучения нет единого понимания контаминации, как нет и единого названия для данного явления. В. З. Санников предлагает такое определение: «Контаминация – это «сплав» двух слов или частей слов» [Санников: 164]. Кроме того, данное явление может обозначаться термином включение, поскольку основа одного слова как бы вклинивается в середину другого.

В. П. Изотов и В. В. Панюшкин предлагает следующую классификацию типов контаминации:

- основа первого слова в сочетании с усеченной частью второго слова;
- усеченная часть первой основы в сочетании с целым словом;
- усеченная часть первой основы в сочетании с усеченной частью второй основы;
- объединение звуковых оболочек слов, имеющих одинаковое начало, или образование морфологически неразложимых частей слов, общих для обоих объединяемых слов.

А. Ф. Журавлёв выделяет два структурных типа контаминации: 1) «агглютинация»; 2) междусловное наложение [Журавлёв: 86]. По мнению Е. А. Земской, междусловным наложением можно считать те случаи, когда оба слова сохраняются полностью, но «наезжают друг на друга» (особый словообразовательный прием), а также образования, где одно слово (или его часть) вклинивается в середину другого слова [Земская: 191–192].

В настоящее время особую популярность приобрели мемы, созданные на основе междусловного наложения. Обратимся к конкретному фактическому материалу.

Мухоморж (мухомор + морж), пауксус (паук + уксус), пингвинил (пингвин + винил), тигруша (тигр + груша), лягушкаф (лягушка + шкаф), пенопласточка (пенопласт + ласточка), пробелка (пробел + белка) – два слова в составе третьего полностью сохраняются, как бы накладываясь друг на друга. Важно отметить, что во всех проанализированных новообразованиях данного типа обязательно условие сохранения семантики и родовидовых отношений группы «Названия животных».

Не менее популярной в изображениях-мемах является языковая игра, при которой часть слова вклинивается внутрь другого слова. Например:

Злайка моя – в знакомое всем выражение, отражающее ласковое обращение зайка моя, вклинивается корень -зл-, вследствие чего возникает контаминационный каламбур, отражающий характер того, к кому обращаются в уменьшительно-ласкательной форме.

Торческая личность – данный мем сопровождается картинкой с изображением куска торта. Таким образом, прилагательное творческая, обозначающее характеристику деятельности, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей, превращается в торческую в значении любви к употреблению десерта.

Особый интерес представляет собой серия популярных в социальных сетях мемов, изображающие животных, в частности, кота, и при этом обыгрывающие названия книг, фильмов и любые другие сочетания слов (чаще узнаваемые носителями языка) при помощи включения звукоподражательных междометий, корня слова кот и т. п. Рассмотрим некоторые из них.

Замурчательная мысль – в прилагательное замечательная добавлен корень, отражающий звукоподражательный элемент мур. Возникший контамина-

620 | ционный каламбур приобретает смысл «мысль, имеющая положительный характер».

Ещё один мем, в основе которого лежит звукоподражательный элемент мур – О боже, какой мурчила (орфография и пунктуация сохранены). Авторы изображения таким образом обыгрывают название нашумевшей по всей стране песни певицы Натали «О Боже, какой мужчина!».

Котаник – каламбур является контаминацией существительного кот и усеченной части названия популярного художественного фильма Дж. Кэмерона «Титаник». Комический эффект новообразованию придаёт сопровождающее изображение представителей рода кошачьих в позе, соответствующей позе главных героев фильма в одном из самых популярных эпизодов.

Ещё один пример обыгрывания названия фильма – Великий Кэтсби. В данном контаминационном каламбуре сохраняется семантика названия животных, но здесь она представлена как транскрипция английского слова cat (в переводе на русский язык – кот). Изобразительный ряд дает понять, что речь идет именно о фильме Б. Лурмана «Великий Гэтсби», так как в меме представлена трансформация одного из кадров картины (с измененными лицами главных героев).

Вездекот – второй корень существительного вездеход меняется с -ход- на -кот-. Визуально новообразование подкреплено изображением кота, который как будто бы наблюдает за тем, кто просматривает данный мем.

Анализ фактического материала показал, что экспрессивные возможности контаминационного словообразования активно используются в интернет-коммуникации в игровых целях. Данное наблюдение говорит об острой необходимости носителей языка в экспрессивных единицах синкретичного характера.

Литература

1. Журавлёв А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
2. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Kryuchkova A.A.

USING OF CONTAMINATIONAL PARONOMASIA AS A LANGUAGE PUN AT CREATION OF INTERNET-MEMES

Abstract. The article researches contamination as a language pun at a creation of internet-memes.

Key words: Language pun, internet communication, contamination.

Кузнецова София Андреевна

студент филологического факультета
Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского
Брянск, Россия
sofya.miss-sofiya@yandex.ru

Сергеенко Ирина Сергеевна

студент филологического факультета
Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского
Брянск, Россия
sergeenko.ira@yandex.ru

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПУТЕШЕСТВИЯ» В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.К. ТОЛСТОГО

Аннотация. Письма А.К. Толстого являются не только глубокими произведениями, представляющими особую художественную ценность, но и неисчерпаемым источником информации о художественном мировидении, об эстетике души этого великого писателя и поэта. Основываясь на эпистолярном наследии А.К. Толстого, мы совершили попытку классификации ключевых лексем, выражающих отношение великого поэта к заграничным путешествиям.

Ключевые слова: А.К. Толстой, эпистолярное наследие, тематическая группа, путешествия, лексика, семантика.

Граф А.К. Толстой – самый популярный, разносторонний и значительный из поэтов-эклектиков. Писатель оставил потомкам не только свои выдающиеся лирические и прозаические произведения, но и свои письма – глубоко художественные произведения, преисполненные истинной эстетической красоты и гармонии. Помимо этого, эпистолярное наследие Толстого является еще и важнейшим историческим источником, которое дает довольно масштабное представление не только о личности писателя, но и о литературных и исторических процессах в России 1830 – 1970-х гг.

Целью нашего исследования было выявление круга лексем, характеризующих фрагмент картины мира, связанный с описанием Толстым его путешествий.

Структуру «зарубежных» писем можно назвать классической. Она содержит в себе следующие пункты: приветствие – ответ на письмо – впечатления от поездки – рассказ о здоровье своем и близких – прощание. Иногда в структуре письма появляются вставки исторического и личного характера.

Собранный материал позволил нам совершить попытку следующей многоступенчатой классификации лексем, характеризующих отношение Толстого к заграничным путешествиям:

1. География путешествий.
 - 1.1. Топонимы.
 - 1.2. Микротопонимы.
2. Цель путешествия.
 - 2.1. Оздоровительные поездки.
 - 2.2. Деловые.
 - 2.3. Поездки с целью культурного обогащения.
3. Достопримечательности, развлечения, знакомства.
4. Оценка впечатлений.
 - 4.1. Положительная
 - 4.2. Отрицательная
5. Соотношение «"Свое"» – «"чужое"».

Рассмотрим каждую номинацию более подробно.

Тематическую подгруппу «География путешествий» можно рассмотреть на таких конкретных примерах:

...Я завтра еду в Лондон на 3 – 4 дня, потом в Карлсбад, а затем в Женеву... Здесь четко прослеживается последовательность путешествий: Лондон – Карлсбад – Женева.

В эту тематическую подгруппу, безусловно, входят топонимы (... Не доезжая до Фалькенау, я встретил кучку цыган с тремя медведями...; ... Веймар очарователен...) и микротопонимы (... я не знаю, кто ходит теперь в моем халате и кто покрывается моим одеялом, ибо, хотя швейцар гостиницы «Медведь» уже более месяца тому писал ко мне, что отправил эти предметы роскоши в Венецию, я их не получил..., ... мы обедали у Serenissim'уса в комнате св. Елизаветы, где она жила, где находятся её вещи и мебели в византийской комнате, но очень грубой и маленькой, с колонной посреди комнаты...).

Тематическая подгруппа «Цель путешествия», по нашим наблюдениям, включает в себя 3 подпункта:

Поездки оздоровительного характера, что определяют ключевые лексемы «болят», «лечение» и «водолечение»; София Андреевна едет туда прямо отсюда вместе с Софи и Жоржем, у которого болят глаза, - Он будет проходить там курс водолечения...; Мы решили отложить этот героический курс лечения и через 3 дня ехать в Италию...

Второй подпункт включает путешествия делового характера: Девять часов утра, и я должен быть в 10 на репетиции. Репетируют утром и вечером, и в день представления. Лексемы «репетиции», «репетируют» и «представления» отражают серьёзное отражение Толстого к постановкам своего драматического произведения за границей (в Веймаре). Путешествия с целью

культурного и эстетического обогащения: Здание 13-го века около собора называется парламент, и у него прелестный балкон... Комо имеет сокровища архитектурные... Ключевые лексемы «сокровища архитектурные» и «прелестный балкон» достаточно полно передает восхищённое отношение автора к искусству во всех его проявлениях, к которому он благоговел всей душой.

Тематическую подгруппу «Достопримечательности, развлечения, знакомства» можно проиллюстрировать следующими примерами: ... Не доезжая до Фалькенау, я встретил кучку цыган с тремя медведями. Они побежали за мной, прося милостыню, и они совсем были похожи на наших цыган, на самых диких, и я очень жалею, что я не остановился, чтобы посмотреть такие же ли штуки проделывают медведи, как наши...

... Я только что вернулся из «Тангейзера». Какая великолепная опера... И какой драматизм!..

... Я сейчас был на «Летучем голландце»...

Ключевые лексемы «Тангейзера» и «Летучий голландец» являются номинациями, связанными с искусством, первое из которых представляет собой неполное название пятой оперы Рихарда Вагнера (полное «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге»), а второе – оперу Вагнера в трёх действиях. Заметим, что обе оперы исполнялись на немецком языке.

В другом случае находим: ... разве я могу расстаться с Коле? Я не понимаю и половины из того, что он рассказывает, но то, что понимаю – обожаю... Ключевые лексемы «не понимаю», «рассказывает», «обожаю» описывают полную картину отношения Толстого к знакомствам: его не волновали барьеры языкового характера, искусство для него всегда было интернационально.

Тематическая подгруппа «Оценка» включает в себя оценочную лексику, характеризующую условия проживания, эстетику города и интеллигентность коренных жителей («Дрезден хороший город, но, конечно, я не хочу, чтобы мы прожили в нем зиму. Лица самые антиэстетические, ... голоса отвратительные, воздух дурной...»). Как правило, оценка была либо безусловно положительной (Здесь очень хорошо; кругом лес буковый, и много-много дорожек, и везде шумят ручьи, как в Дивоне, только здесь гораздо лучше...), либо крайне отрицательной (... в вилле Сербеллона ни одной порядочной комнаты... показали лишь одну, еще меньше моей, сырую, голую, которая, вероятно, прежде была нужником...)

Тематическую группу «Своё – “чужое”» ярко иллюстрируют следующие примеры: ... В лучшие времена, когда при свете луны пела кукушка в моем родном краю, который, хоть я этого и не показываю, я люблю больше, чем за границу, и когда дышалось мне легче...

Ключевые лексемы «мой», «родной», «люблю» и сравнительный оборот «я люблю больше, чем за границу» вполне выражает отношение Толстого к «чужому»: идеализируя рыцарскую Европу, исполняясь уважением к не-

624 | мецкой литературе, восхищаясь итальянским искусством, поэт и драматург оставался всецело предан «родному краю», его истории и природе.

В отдельных случаях тексты писем содержат превосходные описания юмористического и иронического характера, связанные с яркими деталями, запомнившимися автору: На улицах почти каждый день убивают, и я, когда выхожу ночью, кладу в карман револьвер – право, которое всем иностранцам предоставляется через посредство их посольств. Всё это вкупе с прекрасной погодой и плеском фонтанов составляет прелестное сочетание. Ключевые лексемы «убивают», «револьвер» «вкупе» с эпитетами в сочетаниях «прекрасная погода», «плеск фонтанов» и «прелестное сочетание» явно преследуют цель придать повествованию ироническую коннотацию.

Таким образом, лексико-семантическое исследование эпистолярного наследия А.К. Толстого позволяет получить полное представление о личности этого великого писателя, поэта и драматурга, который стал гордостью Брянской земли.

Литература

А.К.Толстой. Собрание сочинений. Том четвертый.//Москва, 1964. – С. 45-453

Kuznetsova S.A., Sergeenko I.S.

THE THEMATIC GROUP OF "TRAVEL" IN THE EPISTOLARY HERITAGE A.K. TOLSTOY

Abstract. Letters AK. Tolstoy are not only profound works of special artistic value, but also an inexhaustible source of information about the artistic worldview, the aesthetics of the soul of this great writer and poet. Based on the epistolary heritage of AK. Tolstoy, we attempted to classify key tokens expressing the attitude of the great poet to travel abroad.

Key words: A.K. Tolstoy, epistolary heritage, thematic group, travel, vocabulary, semantics.

ТРУДНОСТИ УСВОЕНИЯ БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЛОКАТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В АНГЛОГОВОРЯЩЕЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье затрагивается проблема изучения конструкций с глаголом быть англоговорящими студентами. Автором был проведён анализ работ американских студентов (уровень А2), позволивший выявить некоторые типичные ошибки при изучении конструкций с данным бытийным глаголом.

Ключевые слова: ФСП бытийности; РКИ; глагол быть; бытие; локативность.

Анализ бытийных предложений представляет собой определённую сложность уже на этапе осмысления бытия как такового. Бытие является одним из главных философских понятий, к которому наука обращалась с самых ранних этапов своего становления. Проблема осмысления, понимания бытия всегда была и до сих пор остаётся одной из ключевых проблем философских учений. В качестве рабочего понятия в данной статье мы предпочтём следующее определение бытия – это «наиболее общее и абстрактное понятие, обозначающее существование чего-либо вообще» [6; с.15].

Лингвистика, которая, как известно, берёт своё начало из философии, переосмыслила философскую категорию бытия в языковую бытийность. «Категория бытийности является языковым способом репрезентации философской онтологической категории бытия» [8; с.166]. Таким образом, перед языкознанием стоит задача анализа формальных средств выражения данного знания в том или ином языке.

В отечественном языкознании в развитие данной проблемы большой вклад внёс А.В. Бондарко, который создал теорию функционально-семантических полей (ФСП), одним из которых и является поле бытийности. Вслед за А.В. Бондарко, под бытийностью мы будем понимать «семантическую категорию, объединяющую различные варианты значений существования, бытия, наличия» [1; с.52].

В данной статье необходимо отметить и тот неоспоримый факт, что язык как бы «навязывает» человеку определенное видение мира. Одна и та же реальность имеет разные формы языкового выражения в разных языках, что не

626 | является исключением и для языковой репрезентации категории бытийности. В этом заключается одна из сложностей при изучении, а также обучения иностранным языкам.

Бытийные предложения информируют адресата о том, что некий предмет является или не является частью действительности, т.е. существует или не существует в ней. Мы говорим о бытийности, как об универсальной категории, так как это изначально предопределено единством окружающего нас мира, ведь основа семантических категорий находится во внеязыковом пространстве. Однако данная онтологическая категория воспринимается различными культурами и народами по-разному.

Нужно заметить и следующее: бытийные предложения играют большую роль в любом языке и используются постоянно. В своей работе В.Д. Ившин приводит следующую статистику: «предложение с оборотом *there is / there are* употребляются в современном английском языке весьма часто. Так, например, в рамках наших первых подсчётов частотность употребления их составляет 5%. Иными словами, каждое двадцатое предложение непременно начинается с оборота *there is/are* или имеет его в своём составе.» [3; с.153]. Поэтому объяснение данных моделей англоговорящим студентам даже на начальных этапах обучения представляет чрезвычайно важной задачей.

Одним из вариантов репрезентации поля бытийности представляются конструкции с предикатами существования. «Из глагольных предикатов первое место в ядерной части ФСП бытийности занимает глагол *быть*, который является универсальным средством передачи бытия [2; с.21]. В данной статье мы проанализируем функционирование глагола *быть* в значении наличия чего-либо где-либо. Мы будем рассматривать предложения, называющие место или пространство, в котором что-либо существует или же не существует и далее сравним, как передаются схожие семантические характеристики в английском языке.

Необходимо также отметить, что сравнительный анализ мы будем проводить с точки зрения преподавания РКИ для выявления возможных сложностей при изучении данной темы англоговорящими студентами.

Практической основой данной работы стал проведённый нами диагностический срез степени владения бытийными предложениями в группе американских студентов, занимавшихся русским языком в разных университетах в течение 3-х семестров¹². Мы предложили им перевести с английского

¹² Уровень владения русским языком американскими студентами весьма трудно определить, поскольку студенты, во-первых, учились в разных университетах, во-вторых, не проходили никакого тестирования, а, в-третьих, американская система тестирования не совпадает с европейской, так что предъявляемый, например, в документах уровень *Intermediate+* соотносим ли с европейским Пороговым уровнем. Известно одно: студенты обучались русскому языку 3 семестра.

на русский язык предложения, выражающие значение наличия чего-либо в каком-либо месте. Анализ их работ помог нам выявить типичные ошибки, возникающие при изучении данной темы. Важно отметить, что изучение функционирования глагола быть в языке является достаточно важной темой, которую необходимо детально прорабатывать, так как она имеет широкий спектр языкового употребления.

Для передачи наличия чего-либо где-либо при помощи конструкции с глаголом быть в русском используется достаточно строгая модель: обстоятельство места (где?) – есть – подлежащее.

В свою очередь для передачи схожего значения в английском языке также есть отдельная конструкция – *there is/are*. В современном английском языке данное словосочетание представляет собой единое целое и семантически передаёт существование, наличие чего-либо где-либо. Оно обладает схожей с русской моделью семантикой. Модель: *existential there - be - subject - adverbial modifier of place (where?)*. Сравним функционирование данных моделей на примере одного и того же предложения: В моём городе есть оперный театр. *There is an opera house in my town.*

Как неоднократно отмечали многие исследователи в данной области для бытийных предложений характерен локативный член предложения, что указывает на существование предмета в некотором пространстве. В данном выше примере мы как раз можем это наблюдать. Однако, если локативная часть в предложении отсутствует, это указывает на существование некоторого класса предметов во всём пространстве.

По результатам нашего исследования, мы выяснили, что данный аспект изучаемой нами темы представляет особенные трудности. Практически во всех работах предложения с конструкцией *there is/ there are* переведены дословно, без применения рассмотренной выше модели правильного построения русского предложения. Рассмотрим на конкретном примере:

Исходное предложение: *There is a big table in our living room.*

Переведённый вариант: Есть большой стол в нашей гостиной.

Мы выяснили, что наибольшее количество ошибок англоговорящие студенты делают именно в предложениях данного типа. Это обстоятельство можно объяснить тем, что, вероятно, студентов не познакомили с данной конструкцией или им было предложено недостаточное количество упражнений на отработку данной темы. Преподавателю очень важно обратить внимание студентов на инверсию, происходящую в русском языке при использовании данной модели.

Следующим этапом рассмотрения нашей темы стало использование данной конструкции в отрицательном предложении со значением отсутствия чего-либо в определённом локуме. Прежде всего отметим, что, в русском языке при построении таких предложений бытийности, мы заменяем глагол быть

на лексему нет в качестве сказуемого и, при этом, ставим существительное, обозначающее отрицаемый предмет, в Р.п. В английском же языке, отрицательное предложение может быть построено двумя способами: 1. Отрицательная частица *not* присоединяется к глаголу *to be*; 2. Перед существительным ставится отрицательное местоимение *no*. В комнате нет телефона. 1. *There is no telephone in the room.* 2. *There isn't a telephone in the room.*

Несмотря на наличие двух вариантов построения отрицательного предложения в английском языке, данные типы использования отрицания являются достаточно типичными для него и не привязаны к конструкции *there is / there are*. В отличие от русского языка, где случай замены глагола на отрицание нет является скорее исключением, нежели правилом. Таким образом, в данном случае для англоговорящих студентов может представлять сложность переход двусоставного предложения в односоставное, что не характерно для английского предложения.

По результатам исследования мы выяснили, что замена английского *isn't / aren't* на нет не представляет больших трудностей. Ошибки возникают из-за неумения использовать бытийную конструкцию и применять инверсию. Англоговорящие студенты следуют за английским языком, делая практически синтаксическую кальку с английского: *There are no theatres in our town.* Переведённые варианты: Нет театров в наш городе. Есть нет театров в нашем городе. Не театров в нашем городе.

Хочется отметить то, что изначально имеющиеся проблемы, не преодоленные на начальном этапе, переходят, конечно же, и дальше. Этот факт, несомненно, нельзя игнорировать, т.к. рассмотренные нами выше конструкции играют важную роль как в английском языке, так и в русском. Важно подчеркнуть и то, что абсолютно все студенты, принявшие участие в нашем исследовании (15 человек), сделали ошибку в данной конструкции. Полученный нами результат говорит о важности изучения данной темы и необходимости тщательной с ней работы.

Литература

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность / А.В. Бондарко [и др.] СПб., 1996. – 229 с.
2. Заметалина М.Н. Бытийность в функционально-семантическом пространстве русского языка (диахрония и синхрония) : дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук / Заметалина Мария Николаевна. Волгоград, 2002. – 286 с.
3. Ившин В.Д. Коммуникативный синтаксис современного английского языка (актуальное членение предложения): дис. на соиск. учен. степ. докт. пед. наук / Ившин Василий Дмитриевич. М., 1992. – 429 с.

4. Кузьмина С.Е. Об основном значении структурной схемы THERE PSIMPLEVERBAL S APLACE // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2009. №11-2. С.154-156.

5. Метс Н.А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев. М., 2005. – 190 с.

6. Философский словарь/ Под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд. М., 2001. – 719 с.

7. Чинталова А.Н. Типология глаголов быть, иметь, делать // Научная мысль Кавказа. Ростов-на Дону, 2009. №1. С. 117-121.

8. Широких И.А. О категории бытийности и её репрезентации в языке // Язык и литература в поликультурном пространстве. Барнаул, 2015. № 1. С. 165-169.

9. Greenbaum S. The Oxford English grammar, 1996. – 668 p.

Курьянова А.О.

DIFFERENCES IN THE STUDY OF EXISTENTIAL SENTENCES WITH LOCATIVE COMPONENT IN THE ENGLISH-SPEAKING CLASSROOM

Abstract. This article is devoted to the study of constructions with the verb to be by English-speaking students. The author has conducted an analysis of the work of American students (A2 level), through which the typical mistakes in locative constructions with this existential verb could be identified.

Key words: Functional semantic field of existence; Russian as a foreign language; the verb to be; being; locativity.

РОЛЬ АРХАИЗМОВ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли архаизмов в стихотворениях И. Бродского, определяются типы архаизмов и их функции, делается вывод об особенностях творческого мастерства поэта.

Ключевые слова: архаизмы, функции архаизмов в художественном произведении, поэзия И. Бродского.

Архаизм – слово или выражение, вышедшее из повседневного употребления и потому воспринимающееся как устарелое [1, с.56]. Большинство лингвистов (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, М.Л. Гаспаров, М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев и др.) рассматривают архаизмы как разновидность возвышенной лексики, средство создания исторической стилизации и комического эффекта.

И. Бродский – фигура в отечественном литературном процессе уникальная. «Были замечания по поводу того, что его [Бродского] поэзия несовременна. В дни суда над Бродским один советский поэт сказал: «Дали прочитать его стихи, они какие-то... архаичные»» [6, с.9]. Архаизмы занимают важное место в художественном пространстве поэта. «Всё, что тем или иным способом выпадает из активного языкового употребления, архаизируется, причём степень архаизации определяется временем и живым языковым сознанием говорящих» [5, с.12].

Предметом исследования выступили архаизмы в сборниках стихотворений И. Бродского «Конец прекрасно эпохи» (1964-1971), «Урания» (1973-1987), «Разговор с небожителем», в которые вошли «большие стихотворения» и поэмы, созданные поэтом на протяжении всей жизни.

И. Бродский использует архаизмы разной степени устарелости, высокочастотной выступает группа фонетических архаизмов, тех слов, в которых устарело и изменилось фонетическое оформление. У поэта встречаются такие неполногласные слова с корнями, как -глас- (гласить, возглас, оглашать, огласка), -глав- (глава, двуглавый, безглавый, возглавить, стремглав), -сред- (середина, посередине), -брег- (брег, прибрежный), -древ- (дерево), -страж- (страж), -град- (град, вертоград), -хлад- (хлад, прохлада, прохладный), -влак- (влачащий), -млек- (млеко, млечный (цвет)), -брад- (брада), -вран- (вран), -врат- (врата). Например, предлог пред (отмечено 31 употребление) оформляет архаическую форму слов, совмещает версификационную и стилистическую

функции. Неполногласный вариант, являясь атрибутом высокого слога, служит также для придания речи большей выразительности:

Он пред врагами честь свою
и шпагу не сложил... [3, с.59]

Лексика с корнями -злат- (златоуст, златоротец, злато, златой) и -сребр- (сребро, сребролюбиво) является привычным атрибутом произведений фольклора и органично входит в ткань стихотворения, в целом имеющего ярко выраженную фольклорную направленность:

Взошла луна, и каждый новый шаг
сверкает, как сребро в песчаном злате. [3, с.148]

Полногласие полон несет большую эмоциональную нагрузку:

Там были также ряды колонн,
забредшие в те снега,
как захваченные в полон,
раздетые донага. [4, с.23]

Лексико-словообразовательные архаизмы получают оттенок устарелости при помощи словообразовательных аффиксов. Например, обнаружено 16 случаев использования приставки воз-(вос-): возглас (8), возношу (5), воздам (4), воззрится (3), возжег (1), возлюбя (1), возвеселятся (1), возлежал (1), возоплю (1), воспоследует (1), воспрясть (1), восславим (1), восставь (1). Старославянская про своему происхождению приставка в сочетании с глагольным корнем эмоционально окрашивает слово, превращая действие в некий значительный творческий или духовный акт:

Когда я умру, а сказать точней,
когда я проснусь и когда скучней
на первых порах мне придется там,
должно быть, виденья, я вам воздам. [3, с.181]

Слова с префиксом со- представляют другую группу лексико-словообразовательных архаизмов: сокрывать (7 употреблений) и сокрушаться (3 употребления). Слова с указанным префиксом обладают повышенной экспрессией:

Они сокрылись, платя их шумят,
Несясь вослед листве, пример подавшей.
Они исчезли, воздух их сокрыл,
И лес ночной сейчас им быстро дышит... [3, с.191]

Собственно-лексические архаизмы являются самой многочисленной из лексических архаизмов. И. Бродский активно пользуется лексикой, обозначающей названия частей человеческого лица и тела: уста, очи, око, лик, чело, перст, глава, выя, стан, патлы, чрево. Выполняя функцию поэтизации речи и создания высокой экспрессии, архаизмы данной тематической группы позволяют автору воплотить поэтическую связь времен на уровне слов и образа, придать тексту колорит эпохи.

И. Бродский использует поэтизмы услада, лихва, назиданье, сторица, укор и хула. Традиционна и функция этих лексем: они призваны поэтизировать речь, придавать ей большую выразительность:

...Предайся укоризне:

отныне вам разлука суждена.

Отпустим. Не вздыхай об этом слизне. [3, с.286]

Язык И. Бродского характеризуется полистилистичностью. В нем сочетаются низкий, общеупотребительный и высокий стили, которые на первый взгляд кажутся несовместимыми. В поэзии И. Бродского «живут» слова, символически обозначающие область, землю, данную судьбой – юдоль, эмпирей и обитель (2 употребления); слова, обозначающие физическое или эмоциональное состояние человека – забвение (5), бдение (1), упование (1). Автор прибегает к тематической группе «говорения» – молвить (6 употреблений), глагол (4), глаголющий (2), глаголить (1), витийствовать (2); использует группу слов, связанных с восприятием явлений окружающего мира – взор (33 употребления), ведать (13), узреть (10), внимать (8), взирать (6), взорлить (1).

В стихотворениях поэта присутствует слова, обозначающие какое-либо действие – зыбиться (3 употребления), ворожить (1), вчинять (1), почить (1), пестовать (1); слова, которые объединяют предметы быта – гребень (4) и ложе (1). Можно отметить группу архаичных форм наречий – доселе, одесную, ошую, сиречь, понеже, поелику, паче. И. Бродского используют слова агнец, дряг, мзда, дабы и др., которые не обладают яркой образностью и экспрессией, но понятны современному читателю, расширяют его кругозор, напоминают об истории. Так создается поэтическая связь времен и возникает единое ценностное пространство текста.

Грамматические архаизмы выпадают из современной языковой системы. Они обычно стилистически маркированы, либо как высокие, книжные, поэтические, либо как просторечные, поэтому основная их функция в художественной литературе стилистическая. Например, устаревшие грамматические формы именных частей речи. В них можно выделить лексему крыла (4 употребления), которая является традиционным поэтизмом: «Уноси нас с собой на крылах» [3, с.165]. В XIX веке эта форма как поэтическая употреблялась и в прямом значении (крылья птицы) и в переносном (символ поэтического дара и вдохновения). Выполняя функцию поэтизации и стилеобразующую, форма «крыла» задействована поэтом в прямом значении (крылья стрекозы, птицы).

В произведениях И. Бродского функционируют устаревшие грамматические формы атематических глаголов. Они представлены формой первого лица единственного числа есмь и формой второго лица единственного числа еси. У поэта форма первого лица единственного лица выполняет функцию ироничности. В этом случае противопоставляется один и тот же глагол

в разных стилистических окрасках – возвышенной и нейтральной, общеупотребительной:

Ибо чувствую, что я

тогда лишь есмь, когда есть собеседник! [3, с.282]

Таким образом, употребление архаизма, который выступает синонимом общеупотребительной лексики, преобразует текст с целью «украшательства», усиления изобразительно-выразительных возможностей. И. Бродский активно проводит языковые эксперименты с помощью вовлечения в общий оборот речи архаизмов. Архаизмы органично входят в ткань лирических произведений поэта, участвуя в образовании его неповторимого поэтического стиля, и употребляются для поэтизации речи (Будет отныне красным млеко этих коров [3, с.128]), создания высокой экспрессии (Боль сокрушит гордыню [3, с.264]) или иронии (...хвала тебе, госбезопасность, людскому разуму хула [3, с.17]), служат приемом исторической стилизации (...вода дробит в зеркале пасмурном руины Дворца Курфюста [2, с.25]). Кроме того, они могут являться показателями литературной традиции определенной эпохи (Не обнажая сабли, он берет урочища, веси, грады [3, с.392]). Итак, архаичность языка стала неотъемлемой частью поэтического стиля И. Бродского.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. – 608 с.
2. Бродский И. Конец прекрасной эпохи: Стихотворения. СПб., 2011. – 144 с.
3. Бродский И. Разговор с небожителем: Стихотворения, поэмы. СПб., 2013. – 448 с.
4. Бродский И. Урания: Стихотворения. СПб., 2009. – 224 с.
5. Григорьева А.Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка. М., 1953. – 68 с.
6. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2006. – 447 с.

Kuznetsova T.Y.

THE ROLE OF THE ARCHAISMS IN POETRY J. BRODSKY

Abstract. The article considers the role of the archaisms in the poems of J. Brodsky, defined types of archaisms and their functions, the conclusion about the features of the poet's creative skills.

Key words: Archaisms, archaisms function in fiction, poetry J. Brodsky.

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ СТИХИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХИИ ВОДА) В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. СОЛОУХИНА

Аннотация. В статье анализируются языковые особенности сборника «Камешки на ладони» В. Солоухина. Исследуется структурно-семантическая организация «водной» лексики и ее функциональные особенности. Дается комплексное описание языкового воплощения стихии «ВОДА» в художественной картине мира автора.

Ключевые слова: текст; лингвистический анализ; лирическая миниатюра; В. Солоухин; лексема; стихия; концепт.

Одним из вечных и прекрасных мотивов мирового искусства является природа. Русская литература рисует удивительные образцы пейзажной лирики. В ней – неиссякаемый источник вдохновения для многих художников слова, одним из которых является Владимир Солоухин.

Читая художественное произведение мастера, человек узнает мировоззрение автора, особенности его сознания. Через призму этого сознания читатель расширяет свой кругозор, ведь «способность посмотреть на явление через призму чужого сознания равноценна возможности заглянуть в параллельные миры». [2; с. 3].

Изучение особенностей индивидуально-авторского мировоззрения в рамках семантического пространства текста является актуальным направлением современной лингвистики, получившим распространение в работах А.Г. Баранова, Ю.М. Валиевой, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.П. Григорьева, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Н.А. Кожевника, Б.А. Ларина, В.А. Лукина, З.Ю. Петровой, Л.Г. Бабенко, Д.М. Поцепни, Н.А. Тураниной, В.К. Харченко и др.

Художественные тексты определенного литературного периода представляют картину соответствующего языкового образного слоя, выявляют особенности сочетания традиционных семантических возможностей слова при авторской смысловой переориентации.

Одно из направлений исследования этого явления – это описание отдельных фрагментов мира, играющих важную роль как для обыденного, так и для художественного сознания. Такими составляющими картины мира являются

архетипические образы ВОДЫ, ВОЗДУХА, ЗЕМЛИ, ОГОНЯ, которые имеют особый историко-культурный контекст, занимают важное место в жизни этноса и находят отражение в художественном дискурсе.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления репрезентантов водной стихии в рамках художественной картины мира. Возросший интерес общества к стихиям, их культурологическим и мифопоэтическим аспектам, требует постановки вопроса о комплексном описании лингвистической специфики исследуемого явления.

Предметом нашего внимания является структурно-семантическая организация «водной» лексики и ее функциональные особенности в сборнике лирических миниатюр «Камешка на ладони» В. Солоухина.

Феномен водной стихии подвергается комплексному лингвистическому описанию с позиций лексико-семантического, формального и функционального своеобразия на материале лирических миниатюр В. Солоухина. Исследование материала художественных текстов с ориентацией на понятие тематической группы как объективной основы анализа авторского способа освоения некоторых фрагментов действительности в сопоставлении с данными обыденного сознания, что проводится впервые на материале произведений В. Солоухина. Исследуется авторская специфика контаминации и конвергенции тропов, отражающих водную стихию в произведениях писателей второй половины XX века.

Наша задача состоит в комплексном описании номинаций стихии ВОДА в сборнике лирических миниатюр «Камешки на ладони» В. Солоухина как феномена отражения художественной картины мира.

Материалом исследования послужили лексемы, выписанные из 21 лирической миниатюры В. Солоухина.

В концептосфере славян важное место занимает концепт ВОДА. В русском фольклоре вода неразрывно связана с жизнью и смертью.

В исследуемом сборнике семантическим ядром является лексема ВОДА. Это слово и его производные, такие как ВОДИЧКА, ПАВОДОК, ВОДЯНИСТЫЙ, ВОДНЫЙ, ВОДОРΟΣЛИ и т.п. встречаются 198 раз.

Начальным этапом формирования характера человека становится его детство. Сам Владимир Алексеевич говорил о детстве так: «На Западе ученые люди считают, что первые семь лет жизни человека закладывают фундамент личности и определяют ее дальнейший ход развития. Я должен сказать, что мои первые семь лет были счастливейшими годами жизни» [6, с. 1]. Лексема ВОДА занимает одну из ведущих позиций в исследуемом сборнике, что неудивительно. Такая частотность слов объясняется любовью автора к своей малой родине. Владимир Алексеевич Солоухин родился в крестьянской семье в селе Алепино Владимирской губернии. Это село расположилось на высоком округлом холме, близ которого протекает река Ворша. Дорога на родину

636 | Владимира Солоухина лежит через красивейшие – типично русские – леса и луга и озера и речку Пекшу, о чем и вспоминает автор. В своих воспоминаниях он с нежными чувствами описывает каждый знакомый ему ручеек, речку, озеро, хочет донести до читателя нежные чувства, с которыми у него ассоциируется родная деревня. С особой любовью автор говорит о дорогих сердцу местах «с яблонями и пасеками с частными лошаадьми, со скрипом телег, с колокольным звоном, с праздниками и сенокосами, со светлой речкой Борщей, с грибными переселками, с васильками во ржи» [6, с.1].

Например: «Мы по колено заходим в светлую текучую воду, которая очень холодна теперь, в конце сентября, наклоняемся над водой и пьем ее большими вкусными глотками...» — миниатюра «Мститель» [3, с.52].

«В конце концов земля так напиталась водой, что не брала в себя больше ни капли влаги.» — миниатюра «Летний паводок» [3, с.62].

«На самый грубый, поверхностный взгляд, мир этот состоит только из двух частей: из зелени и воды. Но и в воде отражается все та же сплошная зелень.» — миниатюра «Белая трава» [3, с.57].

В художественных произведениях писателей XX – XXI вв. с концептом ВОДА соотносятся представления о жизни, времени, очищении, здоровье, забвении, смерти. В словаре В. Солоухина концепт ВОДА является сложной структурой, для создания многогранного образа которой автор прибегает к использованию слов с синонимичным значением: ВЛАГА, ПОЛОВОДЬЕ, РУЧЕЙ, РЕКА, ОЗЕРО, МОРЕ, СТРУЯ, ДОЖДЬ, КАПЛЯ, РОДНИК, ПОТОК, БРЫЗГИ, ГРОМ, ЧЕРНАЯ СИНЕВА, ГРОЗА, ПОТОП, ТЕЧЕНИЕ, ПУЗЫРИ и т.д.

Мы находим целесообразным разбить эти лексемы на следующие тематические группы:

- «Водные пространства и водоемы». Сюда включены следующие слова: ручей, река, озеро, море, родник, пруд:

«По каждому оврагу, по каждой канаве наперегонки, перепрыгивая через корни деревьев, через камни, мчались ручьи, словно у них была единственная задача – как можно быстрее домчаться до речки и принять посильное участие в ее разгуле.» — миниатюра «Летний паводок» [3, с.62].

«Не настолько большое, чтобы казаться выпуклым, то есть не море, не озеро, а именно — пруд.» — миниатюра «Рыбий бог» [3, с.225].

- «Формы существования воды»: влага, капля, гром, гроза, брызги, пузыри, дождь:

«Каждый день перепрыскивали дожди. В конце концов земля так напиталась водой, что не брала в себя больше ни капли влаги» — миниатюра «Летний паводок» [3, с.62].

«Крупные капли дождя разбивались о землю, превращаясь в пыль и мельчайшие брызги.» — там же [3, с.62].

«Конечно, бывало, ударит колокол или гром, но это редко, по праздникам, во время грозы.» — миниатюра «Двадцать пять на двадцать пять»[3,с.187].

- «Характер движения воды»: половодье, струя, поток, потоп, течение:

«Но все же речка наша слишком мала, чтобы даже в такое половодье всерьез навредить людям» — миниатюра «Летний паводок»[3,с.63].

«Ни водопада, ни потока воды в трубах, гонимой мощными насосами, одолеть ему не дано.» — миниатюра «Рыбий бог»[3,с.241].

Как известно, слово«ВОДА» происходит от праславянского *vodā, восходящего к праиндоевропейскому *wodor, от корня *wed— с тем же значением. Многие ученые считают, что в праиндоевропейском языке существовало два корня для обозначения воды: *ap – обозначал воду как «живую» силу природы; *wed – обозначал воду как неодушевленную субстанцию.» [1;с. 28]

В своих произведениях Владимир Солоухин придерживается значения первого корня. Образ водной стихии создается автором с помощью эпитетов, метафор и сравнений, что позволяет выявить особенности авторского отображения исследуемого явления.

При создании лирических миниатюр В.Солоухин старается выразить свое понимание мира, донести до человека то, как сам автор воспринимает явления, образы, пробудить в читателе соавтора, чтобы тот сопереживал с ним.

Одним из самых значимых художественных средств, с помощью которых автор достигает этой цели, является развернутая метафора. В результате исследования метафоры в текстах В. Солоухина мы получим яркое представление о духовно-биографическом опыте автора, о его взглядах на жизнь и об образах, играющих важную роль в его творчестве.

По словам Н. А. Турапиной, метафора в современном языке является самым сильным и активным средством семантического словообразования: «Сравнивая и сопоставляя порой несопоставимое, метафора переносит художественный образ в плоскость языка, выступая тем самым как механизм порождения нового значения слова» [5, с. 8]. Следовательно, в идиостиле В. Солоухина метафора составляет основу художественных преобразований на словесном уровне. При исследовании пристальное внимание было обращено на метафорическую лексику, связанную с описанием водной стихии и имеющую свои особенности в текстах В. Солоухина.

Метафоры, в которых слова выступают в роли носителей метафорического образа, подразделяются по частичечной принадлежности. Так, в лирических миниатюрах В.Солоухина водная стихия представлена именными и глагольными метафорами, которые гармонично сочетаются в текстах автора

Приведем примеры номинативных метафор. Наиболее частотными выступают следующие:

- волна : «Клубы росли, расширялись, подступали горечью к горлу, застлали глаза и вдруг ударили снизу в мозг темной непонятной волной»[3,с.28];

- потоп: «Одну ночь лил, а что сотворилось! А если бы сорок дней и сорок ночей – вот и был бы потоп. Погодите еще, разверзнутся хляби небесные!..» [3,с.64];

- водопад, поток: «Ни водопада, ни потока воды в трубах, гонимой мощными насосами, одолеть ему не дано.» [3,с.241].

Примеры глагольных метафор:

- плыть: «Значит, так и поплывет она через море жизни одна в своей низкой деревенской избе.» [3,с.241];

- хлынуть, лить: «Ночь хлынула в пространство, на время отвоеванное у нее человеческим светом, залила его еще более густой, еще более непроглядной темнотой.» [3,с.26];

- течь, вымывать: «Время течет и вымывает из памяти сначала более легкие впечатления, а потом добирается до основных и тяжелых.» [3,с.138];

- кипеть: «Когда все кипели и шипели, исторгая вместе с проклятьями слово о «неуважении к коллективу.» [3,с.143] и др.

У В. Солоухина соседствуют два направления при создании «водных» образов: одно из них связано с использованием метафор, имеющих сему со значением воды или жидкости, общее значение таких метафор связано со стихией воды; второе же – связано с использованием метафор для изображения человека, его внутренних переживаний и внешних свойств. Следовательно, можно говорить о том, что многообразие индивидуально-авторской метафоры позволяет увидеть разнообразные методы метафорического переноса наименований водной стихии, которые являются образным отражением мира в идиостиле писателя.

Исследование показало, что широкая представленность анализируемых номинаций в текстах писателя свидетельствует о важности концепта ВОДА для ментальных представлений русского человека и художественной картины мира второй половины XX века, о чем метафорически и говорил сам В.Солоухин в одной из своих миниатюр: «Но нет проще способа погубить на земле все живое, как залить землю водой. И нет проще способа погубить все живое в воде, как взять и выпустить из водоема всю воду» [3, с.233].

Литература

1. Валевская М.С. Наименования стихий в русском и французском языках в семантическом и словообразовательном аспектах [Текст] / Валевская М.С. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2015. – 80 с.
2. Кольцова Л. М. Художественный текст через призму авторской пунктуации [Текст] / Кольцова Л. М. – Воронеж : изд-во ВГУ, 2007. – 48 с.
3. Солоухин В. Камешки на ладони [Текст] / В. Солоухин. – М. : Дет. Лит., 2007. – 285 с.

4. Скляр М.С. Концепт слова «стихия» в русском языке //М.С. Скляр,АКД, - М., 2005. – С. 260.
5. Туранина Н. А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века. – Орел, 2000.
6. <http://cleverforever.ru/news/view/solouhin-vladimir-alekseevich-sovetskiy-pisatel-i-obschestvennyy-deyatel-iz-sela-alepino-sobinskogo-rayona>

Kushnir K.I.

LANGUAGE MAKING THE MAIN ELEMENTS (ON EXAMPLE OF ELEMENTS WATER) IN FICTION OF V. SOLOUHIN

Abstract. The article analyzes the linguistic features of the book "Stones in the palm of" B. Solouhin. We study the structural and semantic organization of 'water' vocabulary and its functional features. We give a complete description of the language realization elements "water" in the artistic world of the author picture.

Key words: Text; linguistic analysis; lyrical miniatures; V. Solouhin; token; element; concept.

Лаба Камила Леонидовна
ученица 6 «Б» класса МБОУ СОШ № 24
г.о. Коломна, Россия
mila-22-79@mail.ru

НОВЫЕ СЛОВА В РЕКЛАМЕ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В данной статье предпринята попытка проанализировать способы образования новых слов, используемых в современной рекламе.

Ключевые слова: новые слова; словообразовательный аспект; образование слов.

Современная реклама активно использует новые слова или неологизмы. Система «потребитель-производитель-товар» включает два важнейших элемента: производитель товара стремится продать свою продукцию потребителю, а последний стремится выбрать товар, который ему нравится. Своего рода посредником между сторонами торговли выступает реклама. Именно она работает на имидж и производителя, и покупателя. Важная роль в рекламе товаров отводится новым словам. С их помощью производитель (продавец) повышает привлекательность товара, привлекает к нему внимание покупателя, который делает свой ежедневный выбор в пользу того или иного товара.

В данной работе была предпринята попытка проанализировать способы образования новых слов, используемых в современной рекламе.

Мы видим, что образование новых слов включает в себя 4 части речи, среди которых 36% составляют имена существительные, глаголы, имена прилагательные и наречные образования – по 21,3%.

Рассмотрев особенности словообразовательной структуры неологизмов, встреченных нами в современной рекламе, было выяснено, что преобладает суффиксальный способ образования новых слов (50%).

1. «Не тормози – сникерсни!».

Сникерс+ну+ть →сникерснуть.

Данный глагол образован по аналогии со словом тормози с транслитерацией. Рекламисты в качестве мотивирующего слова используют название торговой марки SNICKERS.

2. «Хлеб лицейский – вкуснотейский!»

Вкуснота+ейск(ий)→вкуснотейский.

Данное имя прилагательное образовано по аналогии со словом лицейский.

3. «Ммм, как шоколадно!»

Шоколадный + о →шоколадно.

4. «Вкусно и хрустно».

Хруст + но→хрустно.

Данное имя прилагательное образовано по аналогии со словом вкусно, а ассоциативно связано с фирмой «Хрустим».

5. «Пепсизм-колализм».

Пепси + изм→пепсизм.

Кола + л+ изм→колализм.

Здесь использован суффикс -изм- со значением «название направлений и систем, сфер деятельности, склонностей заболеваний по отношению к предмету, явлению, названному неодушевленным существительным» [1, с.192]. Транслитерация присутствует также.

6. «Самые дешёвые колбасности».

Колбасн(ый) + ость→колбасности.

Отступление от норм словообразования заключается в том, что в качестве базовой основы выступило относительное прилагательное.

7. «Стилинка».

Стиль + инк(а)→стилинка.

В основе – продуктивная модель, по которой образованы уменьшительно-ласкательные слова: изюминка, бусинка. Действительно, рекламное издание представляет собой сложенный вдвое лист А4 и никак по размеру не может претендовать на громкое название «газета». Неологизм ассоциируется с названием фирмы «Техностиль».

Далее по своей продуктивности - суффиксально-постфиксальный способ и наложение основ (по 14% соответственно).

Суффиксально-постфиксальный способ образования:

1. «Чупсуйтесь вместе!»

(Чупа)чупс+ова+ся→чупсоваться. Данный глагол образован по аналогии со словом веселиться.

2. «Жизнь стала тошибись!»

Тошиба+и(ть)+ся→тошибиться.

В данном примере суффиксально-постфиксальный способ образования осложнен транслитерацией. Компания Toshiba рассчитывала при создании неологизма тошибись на ассоциативно-фонетическое восприятие рекламы покупателем.

Наложение основ:

1. «Инновые волосы».

Иннов(ационный)+новый→инновый.

Прилагательное инновый демонстрирует, каким будет эффект после использования продукта, какая «инновационная» формула создаётся в шампуне.

2. «АББАсолютно солнечный мюзикл».

АББА+абсолютно→АББАСотно.

642 | Неологизм из рекламы мюзикла «МАМА МІА» создан наложением основ с транслитерацией.

Сложение основ и лексический перенос представлены единичными случаями:

1. «Легковая жизнь».

Данный неологизм образован для того, чтобы убедить покупателя, что новая модель авто сделает жизнь легче.

2. «Чистотайд».

Чистый+о+тайд(Taid) →чистотайд.

Существительное чистотайд образовалось сложением основ прилагательного чистый и названия фирмы-производителя «Taid» с транслитерацией.

Следует отметить, что неологизмов, образованных суффиксальным способом оказалось больше. Особенность данной группы новых слов – использование иноязычных слов в качестве мотивирующих, что свидетельствует об активном использовании в русском языке заимствований. Чаще всего новые слова являются именами существительными, что соответствует основной функции языка – номинации.

Литература

1. Русская грамматика: [в 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл.ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. - Т.1. – 783 с.

Laba K.L.

NEW WORDS IN ADVERTISING: DERIVATIONAL ASPECT

Abstract. This article attempts to analyze the ways of formation of new words used in modern advertising.

Key words: New words; derivational aspect; the formation of words.

К ВОПРОСУ ОБ ОТЛИЧИИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В РУКОПИСНОМ И ПЕЧАТНОМ ВАРИАНТАХ ТЕКСТА В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

Аннотация. В статье описывается различие в передаче языковых норм в рукописном и печатном варианте текста «Описания Московской губернии» 1781 г.

Ключевые слова: языковые нормы; деловая письменность; литературный язык.

Различаются ли языковые нормы рукописного и печатного текста? Современные носители русского языка, вероятно, ответят на этот вопрос отрицательно: один и тот же текст будет передаваться и в рукописном, и в печатном варианте совершенно одинаково.

Но, оказывается, были и другие времена: в России, во второй половине XVIII в., когда почти всё делопроизводство совершалось в канцеляриях и документы переписывались вручную, реализация языковых норм во многом зависела от того, в каком варианте представлен текст: рукописном или печатном. Тем более что нормы и литературного, и делового языка в ту эпоху проходили стадию становления и обработки.

Наше внимание привлёк текст «Описание Московской губернии» 1781 г.

М.А. Катасонова в докладе на 51-ой Топонимической научной студенческой конференции описала разные этапы бытования этого текста, автор которого, к сожалению, остался неизвестен [1]. К первому, рукописному этапу можно отнести две рукописи: РГБ. ОР, Фонд 313. Ед. хранения 19 и РГАДА. Фонд 197. Опись 1, портфель 36. Второй этап отражен в труде «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, с Прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквях» 1787 г., авторство которого часто приписывают Х.А. Чеботарёву, хотя С.С. Илизаров в своей монографии «Москва в описаниях XVIII в.» с этим категорически не согласен [2, с. 170].

И, наконец, третий этап бытования текста – это отражение его в словарных статьях «Нового и полного географического словаря Российского Государства,

644 | или Лексикона, описующего азбучным порядком... достопамятные места обширной Империи Российской» (М., 1788—1789).

Мы хорошо сознаём, что на разных этапах своего бытования, текст испытывает своеобразные сдвиги в своей жанровой принадлежности: рукописные варианты, без сомнения, принадлежат к жанрам деловой письменности, в «Историческом и топографическом описании...» он приближен к историческому повествованию, а в словарных статьях «Нового и полного географического словаря...» усиливается его научно-справочная составляющая.

Для предварительного сопоставления мы взяли рукописные списки — РГБ. ОР, Фонд 313. Ед. хранения 19; РГАДА. Фонд 197. Опись 1, портфель 36 и сравнили их текст со словарными статьями «Нового и полного географического словаря...», в которых описываются города Московской губернии.

Заметим, что рукопись РГБ. ОР, Фонд 313. Ед. хранения 19 была переписана пятью разными писцами, очень чётко, аккуратно и красиво, а РГАДА. Фонд 197. Опись 1, портфель 36 — одним почерком, весьма небрежно.

Что же при сравнении сразу бросилось в глаза?

1. Совсем по-разному представлено пунктуационное оформление текста. В рукописных списках пунктуационное оформление целиком зависит от намерений писца. Зачастую оно просто отсутствует, нет даже делений текста на предложения. Или же оно настолько вариативно и произвольно, что определить какие-то правила достаточно трудно. Например, в списке РГАДА перечисляются 15 частей города Можайска: 1; Гостиная, 2. Николская 3. Тютиня 4; Екиманская 5 Вознесенская 6. Орекова 7; Богородская 8. Карпова 9. Большая горная заруцкая 10: Сурина 11. Стрелецкая 12: Экономическая 13: Подъ Лужецкимъ монастыремъ 14. Служная бобыльская 15: Ильинская набережная (РГАДА Л. 40). Хорошо видно, что после цифры может ставиться точка с запятой, точка, двоеточие или вообще ничего.

В том же списке при описании города Бронниц на всём листе 55 только один знак препинания — комбинация точки с наклоненной чертой: Возле / самага же селения есть озеро называемое Белое: // (РГАДА Л.55) , которая, по-видимому, выполняет роль точки в конце предложения, а после других предложений вообще ничего не ставится.

В словарных статьях «Нового и полного географического словаря Российскаго Государства...» пунктуация присутствует, точка в конце предложений ставится обязательно.

2. Употребление прописных букв. Здесь рукописный и печатный варианты сходятся лишь в одном: обязательно с прописной буквы будут писаться титулы и имена царствующих особ, а также членов их семей, а также всё, что связано с ними: Но какъ стека/ющіяся во оную съ улицъ нечистоты дѣлали воду не/ чистою и къ употребленію неудобно, то по ВЫСОЧАЙШЕМУ / СОИЗВО- ЛЕНІЮ ВЪЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ проводился здѣсь (канал — РГБ, проп.

РГАДА) или водоведение, которое начало свое имѣть / за двѣ вѣрсты, отъ села Большихъ Мытищъ, изъ находя/щихся тамъ источниковъ; (РГАДА Л.4).

В словаре названия словарных статей полностью даны с помощью прописных букв — КОЛОМНА, географические названия в тексте с помощью разрядки курсивом, но весьма непоследовательно: на протекающих же чрезъ городъ рѣчкахъ Коломенкѣ, Чурѣ и Рѣпинкѣ [3, Часть 3, с. 289], название Коломенка почему-то курсива не удостоилось.

В рукописных списках названия разделов передаются по-разному: даже в списке РГАДА, переписанном одним почерком, сначала разделы полностью даются прописными буквами, затем только первая буква в названии прописная, а дальше и вообще всё название передается с помощью строчных букв.

Стратегия в употреблении прописных букв в именах собственных разная: в рукописи имена собственные могут писаться со строчной буквы: въ астрахани и Саратовѣ, ипетербургѣ (РГБ Л.22), а в словаре, наоборот, состав слов, которые явно относятся к именам собственным намного шире, чем в современном русском языке: въ 1607 году взятъ былъ Польскимъ генераломъ Лисовскомъ, Народное Училище, в коемъ обучается разнаго состоянія юношество начаткамъ Россійскаго языка и писать, рисовать, Ариѳметикѣ...[3, Часть 3, с. 288].

3. На уровне орфографии рукописные варианты текста характеризуются необыкновенно широкой вариативностью. Складывается устойчивое впечатление, что самым важным качеством писца были каллиграфические навыки, но отнюдь не знание орфографических и грамматических норм. В списке РГБ неоднократно встречаются написания афицеры, афса, двое из пяти писцов вообще не употребляют букву ѣ.

В печатном варианте тот же самый текст передается по единым орфографическим нормам: буква ѣ в соответствии с её этимологией, оглушение и озвончение согласных не отмечается – соблюдается принцип морфемного единообразия. Но существуют и отступления от единых норм. Так, в тексте встречается вариативное написание слова ярмарка: в описании Волоколамска, Воскресенска, Дмитрова – ярманка, ярманки [3, Часть 1, с. 170,181,249], в описании Звенигорода, Клина – ярмарокѣ, ярмарка [3, Часть 3: с. 50,247]. В рукописном тексте единый вариант – ярмонка.

В словаре активно используются сокращения единиц измерения: подь селеніями 3252 дес. 2362 саж. пашни 75962 дес. 96 саж. [3, Часть 1: 250]. В рукописи сокращения не используются.

4. На грамматические нормы рукописных текстов оказала сильное влияние разговорная речь. Так, окончание полных имён прилагательных м.р. в ед.ч., Им.п. - ой: при описании города Коломны называются торги – рыбной, сальной, масляной, встречается окончание р.п. ед.ч. в виде -ого.

Статьи «Нового и полного географического словаря Россійскаго Государства...» требуют пристального изучения с точки зрения воплощенных

646 | в них грамматических норм. Какие-то нормы, например, окончание имён прилагательных Р.п. ед.ч., м.р. - аго, даются без вариантов. А вот окончания Им.п. и Вин.п. мн.ч. представлены совершенно по-разному. Чтобы понять характер такой вариативности, необходимы точные статистические данные.

В настоящей статье были высказаны только некоторые замечания по поводу разницы в передаче языковых норм в печатном и рукописном варианте одного и того же текста второй половины XVIII в. Думается, что в дальнейшем исследовании будут более детально описаны прежде всего грамматические варианты, характерные для каждого вида текста.

Литература

1. Катасонова М.А. К вопросу об истории создания текста «Описание Московской губернии» 1781 г. (доклад на 51-ой Научной студенческой конференции по топонимике) [Электронный ресурс] // История фамилии. Исследовательский центр. 1996-2017. URL: <http://www.familii.ru/onomastika/toponimica/6176-katsonova-mariya-alekseevna-k-voprosu-ob-istorii-sozdaniya-teksta-opisanie-moskovskoj-gubernii-1781-g-tezisy-doklada-na-51-j-nauchnoj-studencheskoj-konferentsii-po-toponimike-2016-g-2>

2. Москва в описаниях XVIII в. // Подготовка текста, статьи С.С. Илизарова. —М.: «Янус-К», 1997. — 320 с. с илл.

3. Новый и полный географический словарь Российскаго Государства, или Лексикон, описующий азбучным порядком... достопамятныя места обширной Империи Российской... М., 1788—1789. Часть 1 (А—Ж), Часть 2 (З—К), Часть 3 (Л—Н), Часть 4 (О—Р), Часть 5 (С—Т), Часть 6 (У—Ѳ).

Lahonkina S.A.

TO THE ISSUE OF DIFFERENCE OF LANGUAGE NORMS IN HAND-WRITTEN AND PRINTING VERSIONS OF THE TEXT IN BUSINESS LANGUAGE OF THE END OF THE 18TH CENTURY

Abstract. The paper deals with the history of the text "Moscow Region Description" (1781) as an official document, as a historical composition and as scientific-reference work. We discuss the dependence of the linguistic norms from the functions and other characteristics of the text, and whether it was printed or hand-written.

Key words: Linguistic norms; standard language; official literacy.

ЗНАЧЕНИЕ САТУРАЛЬНОЙ АКЦИОНАЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается эквиваленты сатуративного способа глагольного действия, а также способы выражения значения чрезмерности в художественном, публицистическом и разговорном дискурсе.

Ключевые слова: глагол; способ действия; сатуративный способ; чрезмерность.

Особое и прочное место способов глагольного действия в морфологии и в словообразовании русского языка объясняется «их необычайной выразительностью и высокой активностью в языке художественной литературы, в разговорной речи, в публицистике», свидетельствующих о больших «стилистических возможностях этого пласта русского глагольной лексики» [Ремчукова 2007, с. 125]. Говоря о «сатуративном способе» глагольного действия, который «рисует действие, завершившееся после длительного градуированного течения» и «переходит нормальную границу» [Константинова 2008, с. 172], мы имеем в виду СГД в широком смысле слова, т.е. не «словообразовательные разряды глаголов» (узкое понимание), а «семантические группы глаголов, в которых возможно (но не обязательно) морфемное выражение значения» [Ремчукова 1992, с. 47].

В одной из наших статей мы выделили грамматический, лексический и лексико-грамматический способы выражения значения сатуральности в контекстах с акциональными глаголами с семой «питье – еда» [Левитина, Константинова 2015, с. 243]. В данной статье мы предлагаем рассмотреть акциональные глаголы, обозначающие действия человека, которые выражают значение чрезмерности самостоятельно (лексически) (сама семантика таких глаголов выражает чрезмерность) или синтаксически (когда значение чрезмерности выявляется с помощью контекста).

Чрезвычайно ярко в разговорном дискурсе выступает глагол турнуть. Он представлен как в устном дискурсе, так и в отраженном, письменном:

1) В силу этой самой недооцененности и всего через пять месяцев после начала занятий мессера Джузеппе из Воспитательного общества благородных девиц и турнули [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010];

2) Турну Семена из моего с понтом «люкса» [Василий Аксенов. Тайнственная страсть, 2007];

3) Из МГУ после первого же семестра собирались его турнуть за «ре-визионистские взгляды», однако турнули все-таки после второго семестра и с другой формулировкой: «отчислен за неудовлетворительную посещаемость» [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль, 2005];

4) С такими посулами народ и сейчас с удовольствием турнул бы Абрамовичей и Чубайсов [Владимир Князев. Либеральный интим, 2003 // «Спецназ России» 15.01.2003];

5) Семеныч не постыдился и об этом акте рассказал казацко-канцелярскому активу, поэтому Семеныча не приняли. Семеныча брезгливо турнули. А сам тот гад, подъесаулмужелочец, «на зоне вроде бы к куму ползал да сучил ради досрочки, как бывший куммуняка» [Афанасий Мамедов, Исаак Милькин, Самому себе, 2003 // «Октябрь» 2002].

В последнем примере значение чрезмерности усиливается за счёт описательного наречия брезгливо.

Синонимическим эквивалентом глагола турнуть чаще других выступает глагол гнать в сочетании с лексическим индикатором-усилителем в шею. Он представлен в разных типах предложений.

1. Определенно-личные односоставные предложения с грамматической основой, выраженной глаголом гнать в повелительном наклонении:

1) – Зачем Афанасьев? Гони его в шею! – Нельзя гнать, – терпеливо ответил я, – он начальство, инспектор главка [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь, 2004];

2) Да что ты с ним разговариваешь, гони его в шею, – посоветовал один из курящих [Лев Дворецкий. Шакалы, 2000];

3) Если же кто-то, прикинув на глазок, назовет конкретную сумму, гоните в шею этого «мастера» – он хочет вас обмануть, стырить денежки [Андрей Ванденко, Александр Градский: не спешите меня хоронить, 2003 // «Карьера» 01.11.2003];

4) Ну да, а теперь узнали, когда он с этим алкашом к вам заявился. Гони-те обоих в шею! [Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь» 2002];

5) Этому немало способствовал присутствовавший на семинаре знаменитый диссидент и литератор Анатолий Якобсон, который, услышав первое же прочитанное Игорем четверостишие, закричал: «Давид Самойлович, гоните его в шею, это провокатор!» [Александр Городницкий. «И жить еще надежде», 2001].

2. Неопределенно-личные односоставные предложения со сказуемым гнать:

1) Ненадежных гонят в шею. [Александр Лившиц. Мои долги – мое богатство, 2003 // «Известия», 08.07.2003];

2) Если же лучше выросли соседские посевы, парня гнали в шею, и на следующий Ярилин день девушка отправлялась на межу с другим претенден-

том [Наталья Манушкина. Как к деньгам приделать ноги, 2003 // «Семейный доктор», 15.10.2003].

3. Обобщенно-личные односоставные предложения:

1. Гони их в шею, больше будут уважать [Николай Джнев. Принцип неопределенности, 2009];

2. Ха-ха-ха. Гони их в шею. Я знаю остров в Карибском море, военная база, ни души [Вадим Месяц. Лечение электричеством // «Урал» 2002].

4. Безличные (чаще инфинитивные) односоставные предложения со сказуемым гнать со значением повелительным:

1) Гнать ее в шею. Посадить на самолет и с приветом бабушке! [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын, 2014];

2) Гнать в шею всех этих обезьян, откуда пришли [коллективный форум: Жители Пугачева из-за убийства десантника перекрывали трассу, 2013];

3) Надо ли быть великим специалистом, чтобы понять – если после выстрела охранники в течение ПЯТИ секунд ничего не способны предпринять, то их надо гнать в шею – и это еще самое малое, так как это кто угодно, но не телохранители [Сергей Козлов. Волшебники-недоучки, 2004 // «Боевое искусство планеты», 11.03.2004];

4) Я тогда единственный раз пожаловалась родителям, и мать сказала, что таких подруг надо гнать в шею [Нина Катерли. На два голоса // «Звезда», 2003].

5. Двусоставные предложения, в которых роль сказуемого играет глагол гнать в сослагательном наклонении:

Я бы их в шею гнал. Нашли себе добрую самаритянку, - сказал молодой человек [Вяльцев А. Путешествия в одну сторону, 2000 // «Звезда» 2001].

В сочетании с лексическим интенсификатором в шею выступают и нейтральные глаголы прогнать и выгнать:

1) Старика прогнали в шею и быстро построились передо мной в одну шеренгу [Михаил Панин, Камикадзе // «Звезда», 2002];

2) Вместо того чтобы выгнать Феропонта в шею, отдала ему квартиру, купила машину... [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

Синонимическими эквивалентами глагола турнуть выступают также глаголы с более высокой степенью интенсивности: выставить, вытолкать, попереть (чрезмерность возрастает, когда с ними употребляется уже упомянутый выше интенсификатор в шею).

1) Ну, пришли бы вы, к примеру, в банк, а там уничтожили бы ваши вклады, а вас бы выставили в шею? [Ирина Дедюхова. Я обвиняю! 2003 // Интернет-альманах «Лебедь», 21.12.2003];

2) Так что ничего хорошего от моего дружеского визита к немчуре, за исключением того, что он просто велел бы вытолкать меня в шею, мне ожидать не приходилось [Попов Е. Отчего деньги не водятся, 2000];

3) Нет, не годится, так его просто в шею попрут, и вся беседа [Леонид Юзефович. Дом свиданий 2001].

Отдельно можно выделить те контексты, в которых участвует только лексический интенсификатор в шею, подразумевающий какой-либо из глаголов, рассмотренных выше (т.е. в следующих примерах имеет место быть синтаксический эллипсис).

1) – Как это, – изумился поручик, – гнать? – В шею, – сказал Шувалов [Леонид Юзефович, Костюм Арлекина, 2001];

2) Я завопил на них. Всех в шею! Вон! [Владимир Маканин. Неадекватен // «Новый Мир» 2002];

3) Тот в посольство с жалобой, его оттуда – в шею [Леонид Юзефович. Костюм Арлекина, 2001].

Среди глаголов с очень яркой внутренней семантикой обратим внимание на разговорное слово отчихвостить (в значении «сильно выбрать, выругать за что-нибудь»).

1) Она так себя уже отчихвостила, что критика других ей уже не нужна [online тренинг по психологии, февраль 2017];

2) Он тут же снял трубку, набрал номер и так ее отчихвостил, такими словами воспользовался, что мне даже полгчало [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая, 2015];

3) О, как я его про себя отчихвостила [ГурченкоЛ. Аплодисменты, 2003];

4) Два матроса с подводной лодки отчихвостили нас с приятелем на славу – бляхи так и мелькали, так и мелькали [Дмитрий Каралис, Космонавт, 2002 // Нева, 2002];

5) Тот подозвал нерадивого официанта и при помощи отборного русского мата отчихвостил его [Андрей Ростовский, Русский синдикат, 2000].

Ещё один глагол с яркой внутренней семантикой – ухандокасться (в значении «устать»).

1) Ухандокалась сегодня, столько перестирала! (разговорный дискурс);

2) Я с этим твоим огородом совсем ухандокался! Не выходные, а сплошная пытка! (разговорный дискурс);

3) Ухандокались порядочно, но это не помешало нам заглянуть в ночной клуб, попить пива и рассмотреть местных красавиц (Интернет-дискурс);

4) Ухандокались капитально, но охватили много (Интернет-дискурс).

В большинстве выше приведенных примеров значение чрезмерности поддерживается контекстуально – с помощью описательных наречий совсем, порядочно, капитально, знатно.

Синонимическим эквивалентом глагола ухандокасться может быть слово ухряпаться (значение чрезмерности здесь поддерживается контекстуально – с помощью местоименно-соотносительной придаточной части): Я так ухряпался, что уже пальцем не мог пошевелить (разговорный дискурс).

Значение чрезмерности также выражается с помощью многозначного разговорного слова отчебучить (здесь: в значении «сделать»):

1) А много позже узнала, что как ни собирай по зёрнышку, по крошке, как ни систематизируй знания по акушерству, оно такое порой отчебучит, таким кретином тебя выставит, что не знаешь, куда бежать [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010];

2) Японец отчебучил такое, что духам на том свете наверняка стало тошно [Геласимов А. Степные боги. 2008].

В последних двух примерах значение чрезмерности выражается не только семантически ярким глаголом отчебучить: это значение здесь имеет контекстуальную, синтаксическую поддержку, которая в двух предложениях выражается не совсем одинаково. В первом предложении значение чрезмерности усиливается за счет предшествующих главной части с глаголом отчебучить однородных придаточных уступительных; однородного сказуемого кретином выставит с усилительными указательными местоимениями (такое, таким) в главной части и последующей местоименно-соотносительной придаточной части. Во втором предложении значение чрезмерности возникает за счет весьма образной местоименно-соотносительной придаточной части: что духам на том свете наверняка стало тошно.

Литература

1. Константинова А.Ю. Современный русский язык. Морфология / Учебник для бакалавров. – М., 2008. – 288 с.
2. Левитина В.Д., Константинова А.Ю. Реализация сатурального способа глагольного действия в современных художественных и публицистических дискурсах // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы VII Междунар.научн.-практ. конф. (Чебоксары, 04 дек. 2015 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – №4 (7). – с. 243 – 246
3. Ремчукова Е.Н. Морфология современного русского языка. Категория вида глагола: учеб. Пособие/Е.Н. Ремчукова. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. – 144 с.

Levitina V.D.

EXCESSIVE VERB'S MEANING IN RUSSIAN LANGUAGE AND WAYS OF ITS EXPRESSION IN RUSSIAN DISCOURSE

Abstract. In the article we analyse synonymic equivalents of saturative verb's aspect and ways of excessiveness's expression in literary, journalistic and colloquial discourse.

Key words: Verb; verb's aspect; saturative verb's aspect; excessiveness.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматриваются разработанные в франкоязычной лингвистике подходы к исследованию рекламного дискурса (семиотический, прагматический, коммуникативный и др.), описанные в не переведенных на русский язык работах, которые могут стать хорошей методологической базой для исследования русскоязычного рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст; методология исследования; семиотика; семиология; социолингвистика; коммуникация; франкоязычная лингвистика.

В лингвистике отечественная реклама как объект лингвистического анализа вновь приобрела актуальность в 90-е годы XX века; с тех пор было написано множество работ, посвященных разным видам рекламы, однако едва ли можно говорить о разработанности четкой методологии изучения и описания рекламного текста в сравнении с зарубежными лингвистическими школами, занимавшимися данным вопросом в течение гораздо более долгого времени.

Значительный вклад в решение этого вопроса внесла франкоязычная лингвистика, однако отсутствие перевода с французского языка на русский ключевых научных работ, посвященных изучению и лингвистическому описанию рекламных текстов, не позволило этой методологии получить широкое распространение в среде русистов.

Представляется, что положения этой методологии достойны лингвистического внимания, однако они требуют корректировки с учетом специфики русской рекламы в поле русского языкового и культурного пространства.

Реклама как объект лингвистического исследования привлекла внимание французских исследователей в середине XX века и с тех пор исследовалась как в академических кругах (первый теоретический труд, полностью посвященный рекламе, появился в 1955 году [15]), так и в лабораториях частных предприятий, привлекавших лингвистов в надежде оптимизировать процесс производства рекламы и привлечь новых клиентов (Ролан Барт, работавший какое-то время на рекламное агентство «Publicis», опубликовал ряд работ о рекламе между 1957 и 1966 годами [2-5]).

Изучение рекламных текстов во Франции в подавляющем большинстве случаев происходило и по сей день происходит в рамках семиотического подхода, однако нельзя говорить о единообразии теорий, практик и методик, используе-

мых исследователями семиотического направления. Так, делая обзор истории исследования рекламы во Франции, Александр Кутан в своей работе, посвященной интернациональным рекламным кампаниям, выделяет три основных подхода к изучению рекламы: семиологию Фердинанда де Соссюра, семиотику Альгирдаса Жюльена Греймаса и семиотику Чарльза Сандерса Пирса [9, с. 21]. Карин Бертелло-Гие в своём труде «Как анализировать рекламный дискурс» (здесь и далее перевод наш – О.Л.) противопоставляет лингвистические, семиотические и семиокоммуникационные подходы [6, с. 8-26]. В данной статье мы попытаемся показать преемственность между различными методиками и логику развития методологии изучения рекламного текста во Франции.

Представляется, что наибольший вклад в развитие научной мысли в области анализа рекламных текстов во Франции внёс Ролан Барт, развивший теоретические положения Фердинанда де Соссюра и таким образом способствовавший распространению семиологии в среде французских лингвистов. Важно отметить, что в своих работах Барт уделяет особое внимание визуальным составляющим рекламного сообщения и их взаимодействию с текстовыми составляющими (текст может предоставить дополнительную информацию, а может служить «якорем», способным направить интерпретацию реципиента к тем смыслам, которые вложили в изображение его создатели; обратное также справедливо). Для Барта изображение является полисемантическим знаком, способным отразить реальность и передать ряд смыслов, которые будут интуитивно понятны французскому реципиенту. Так, в работе «Риторика образа» [5] он дает анализ рекламы марки «Panzani», где изображены упакованные фирменные макароны, соус и пармезан, лежащие в авоське рядом луком, перцем, картофелем, помидорами и грибами, которые являются, по мнению Барта, символом «итальянскости», одновременно вызывая ассоциации с классическими натюрмортами и рогом изобилия. Он приходит к этому выводу, рассматривая рекламное изображение как единый текст и анализируя денотаты и коннотации как ее визуальной, так и лингвистической частей. Данный подход получил развитие в работах таких исследователей, как Жорж Пенину [18], Женевьева Корню [8], Мартин Жоли [16].

Труды, посвященные более детальному анализу собственно лингвистической составляющей рекламных текстов, появились во Франции позже. Так, в 1978 году на французский язык была переведена статья австрийского исследователя Лео Спитцера «Американская реклама как народное искусство» [21]. Выраженная в ней идея, что риторическое искусство всегда служило практическим целям и может, таким образом, служить утилитарному по сути рекламному дискурсу, легла в основу риторического (стилистического) подхода к анализу рекламы. Заслуживает упоминания написанный в рамках данного направления труд Жана-Мишеля Адама и Марка Бонома «Аргументация в рекламе. Риторика похвалы и убеждения» [1].

Данные подходы вызвали критику со стороны исследователей прагматики текста, упрекнувших своих предшественников в отсутствии интереса к контексту. В самом деле, в ранних работах исследователи фокусируются на системе (языке), а не на её фактических реализациях (речи) и не считаются с ролью реципиента в восприятии рекламного текста. Так, в работах последователи и Барта, и Греймаса (см. работы Жан Мари Флош, приложившего теорию семиотического квадрата к рекламе [14]) приходят к выводу, что смысл создаёт рекламный текст, а не человек, воспринимающий его, что существует истинная, конечная интерпретация рекламного текста, к которой в идеале способен прийти любой реципиент.

С критикой данного подхода выступили такие исследователи, как Николь Эверер-Десме, исследовавшая локутивные, иллюкутивные и перлокутивные акты рекламных текстов в рамках семиопрагматического подхода [13], а также Эрик Ландовски [17] и Андреа Семприни, исследовавшие рекламу с позиции социосемиотики. Для Семприни реклама является частью социального дискурса и не может быть интерпретирована вне конкретного социокультурного контекста. Семприни считает, что анализ рекламных текстов позволит лучше понять общество, в котором они создаются и воспринимаются [20] (анализ рекламы марки «Benetton» позволяет ему сделать выводы, касающиеся отношения современного ему общества к концепциям традиционного и современного, общепринятого и индивидуального).

Введению фигуры реципиента в поле исследования рекламы французская лингвистика обязана идеям представителя американской семиотической школы Чарльза Пирса [19], которые во Европе были подхвачены и развиты Умберто Эко [10-12] и в особенности Элизео Вероном [23-24]. Последний берёт положение Пирса о бесконечности интерпретаций знака (т.е. потенциальных смыслов, которые реципиент может почерпнуть в тексте) и создаёт новое видение процесса интерпретации текстов, основанное на взаимодействии грамматики создания текста (т.е. условий и правил, по которым тексты создаются) и грамматики восприятия текста (т.е. условий и правил, по которым тексты воспринимаются). По Верону, разнообразие интерпретаций текстов является результатом несимметричности модели восприятия: смыслы, заложенные в текст его создателями, не могут быть полностью считаны реципиентом (грамматика создания текста не совпадает с грамматиками его восприятия; реципиент не является идеальным адресатом, на которого рассчитано сообщение). Схожую модель коммуникации в сфере медиа (вдохновлённую, впрочем, коммуникативным кодексом Грайса, а не теориями Пирса) можно также найти у Патрика Шарадо: успешный обмен информацией между адресантом (фирмой, рекламным агентством) и адресатом (потенциальным клиентом, воспринимающим рекламу) возможен только тогда, когда обе стороны ясно осознают, какие роли им предназначены в акте коммуникации и почему и с какой целью данный обмен имеет место [7].

Таким образом, за время своего существования семиотический подход к изучению рекламных текстов вообрал в себя множество теорий и положений смежных направлений исследования, сблизившись в процессе социальными дисциплинами вообще и теорией коммуникации в частности. Хотя узкопрофильные анализы рекламных текстов (например, в рамках стилистики) все ещё имеют место во французской прессе, в опубликованном в 2015 году труде «Как анализировать рекламный дискурс» французский лингвист Бертело-Гие настаивает на необходимости комплексного междисциплинарного семиокоммуникационного подхода к рекламным текстам, основанного на совокупности наработок французской мысли в области анализа рекламы и способного предложить не просто жесткую модель анализа, но сложное, многогранное видение рекламного текста как объекта, достойного скрупулезного изучения [6, с. 26].

Нам представляется, что более чем полувековой опыт французской лингвистики, соответствующим образом адаптированный под нужды русистики, мог бы быть полезен отечественным исследователям. Ведь, как американский лингвист Жан Умикер-Себеок написала в 1988 году о семиотическом анализе рекламных текстов, из-за того, что «лишь ничтожная часть франкоязычных исследований в этой области получила распространение в не франкоязычных странах, <...> некоторым из нас приходится заново изобретать колесо, уже изобретенное в 1960-ых и 1970-ых годах» [22, с.14].

Литература

1. Adam J.-M., Bonhomme M. L'argumentation publicitaire. Rhétorique de l'éloge et de la persuasion. Paris: Armand Colin, 1997. – 238 с.
2. Barthes R. Image publicitaire de l'automobile – Analyse sémiologique. Publicis, 1966. – 48 с.
3. Barthes R. Le message publicitaire, rêve et poésie // Les cahiers de la publicité. 1963. №7, С. 91-96.
4. Barthes R. Mythologies. Paris: Seuil, 1957. – 233 с.
5. Barthes R. Rhétorique de l'image // Communication. 1964. №4, С. 40-51.
6. Berthelot-Guiet K. Analyser les discours publicitaires. Paris: Armand Colin, 2015. – 172 с.
7. Charadeau P. Le discours d'information médiatique. La construction du miroir social. Paris: Nathan, 1997. – 286 с.
8. Cornu G. Sémiologie de l'image dans la publicité. Paris: Les éditions d'organisation, 1990. – 158 с.
9. Coutant A. Les campagnes de publicité internationales: quelles méthodes pour obtenir un manifeste efficace dépassant les clivages culturels. URL: http://memsic.ccsd.cnrs.fr/mem_00000125 (дата обращения: 20.02.2017).
10. Eco U. La guerre du faux. Paris: Librairie générale française, 1987. – 381 с.

11. Eco U. La production des signes. Paris: Librairie générale française, 1992. – 121 c.
12. Eco U. Les limites de l'interprétation. Paris: Grasset, 1992. – 406 c.
13. Everaert-Desmedt N. La communication publicitaire. Étude sémiopragmatique. Louvain-la-Neuve: Cabay, 1984. – 307 c.
14. Floch J. M. Sémiotique, marketing et communication. Sous les signes, les stratégies. Paris: PUF, 2003. – 233 c.
15. Galliot M. Essai sur la langue de la réclame contemporaine. Toulouse: Edouard Privat, 1955. – 578 c.
16. Joly M. Introduction à l'analyse de l'image. Paris: Nathan, 2000. – 128 c.
17. Landowski E. L'achat et le contrat. De la mise en scène publicitaire de quelques rapports sociaux // Bulletin Actes sémiotiques. 1986. №9, C. 13–30.
18. Péninou G. Intelligence de la publicité: étude sémiotique. Paris: Robert Laffont, 1972. – 300 c.
19. Pierce Ch. S. Ecrits sur le signe. Paris: Seuil, 1978. – 262 c.
20. Semprini A. Analyser la communication. Comment analyser les images, les médias, la publicité. Paris: L'Harmattan, 1996. – 270 c.
21. Spitzer L. La publicité américaine comme art populaire // Poétique. 1978. № 34, C. 152-171.
22. Umiker-Sebeok J. Marketing Signs // Indiana University. 1988. №2, C.14.
23. Veron E. Construire l'événement: les médias et l'accident de Three Mile Island. Paris: Editions de minuit, 1981. – 176 c.
24. Veron E. La semiosis sociale. Saint-Denis: Presses universitaires de Vincennes, 1987. – 230 c.

Litnevskaja O.A.

ON RESEARCH METHODOLOGY OF ADVERTISING TEXTS

Abstract. The article deals with the approaches to advertising discourse (semiotic, rhetorical, pragmatic, communicative and others) developed by French linguists, whose works were seldom translated to Russian, but whose theories could serve as a methodological basis for the study of Russian advertising texts.

Key words: Advertising text; research methodology; semiotics; semiology; sociolinguistics; communication; French linguistics.

И.И. ЛЕОНТЬЕВ-ЩЕГЛОВ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАСТАВНИК Р.П. КУМОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ)

Аннотация. На материале переписки выявляется роль писателя И.Л. Леонтьева-Щеглова в творческой биографии донского прозаика Р.П. Кумова. Анализируется тематика писем Р.П. Кумова к И.Л. Леонтьеву-Щеглову.

Ключевые слова: Р.П. Кумов, И.Л. Леонтьев-Щеглов, литературный наставник, творческая биография, творческая история произведения.

Творческая биография Р.П. Кумова (1883-1919), одного из видных представителей дооктябрьской донской литературы, лишь в нашем веке стала предметом научного изучения. Вышло два сборника избранных сочинений писателя, появились статьи о нем в литературных энциклопедических словарях и очерки, сопровождающие новые издания его литературных трудов [1, 2, 8].

Важную роль в творческой биографии Р.П. Кумова сыграл его первый литературный наставник – И.Л. Леонтьев-Щеглов, входивший в писательскую плеяду «спутников Чехова» [3, с. 24-30]. Молодой литератор познакомился с ним, сотрудничая с газетой «Слово», где Леонтьев был редактором литературного отдела. На протяжении четырех лет, с 1907 по 1910 гг. между ними шла регулярная творческая переписка.

И.Л. Леонтьев-Щеглов (1856-1911) пришел в русскую литературу в 80-е годы с повестями из армейской жизни и по праву занял одно из видных мест в «артели восьмидесятников». А.П. Чехов отмечал такие важные стороны таланта Леонтьева, как теплоту, сердечность и разнообразие [3, с. 26].

Однако с середины 90-х годов писательский потенциал Леонтьева пошел на спад. Иссякли военная и театральная, а также дачная и курортная темы [4, с. 462]. По замечанию исследователей, «наиболее ценны в творческом наследии Щеглова правдивые зарисовки с натуры, продолжающие традиции физиологического очерка 40 гг. и документально-психологической литературы середины XIX в.» [7]. Широкою известность получили воспоминания И.Л. Леонтьева-Щеглова об А.П. Чехове, с которым он был близко знаком.

Следует отметить, что основным творческим ориентиром для донского писателя был именно А.П. Чехов. Поэтому сближение Кумова с И.Л. Леонтьевым-Щегловым, на наш взгляд, неслучайно: Кумов воспринимал своего литературного наставника как посредника между ним и Чеховым.

В письмах к Леонтьеву-Щеглову Кумов нередко размышляет о любимом писателе. Чеховская тема возникает уже в самом начале их переписки: «Мне пришлось читать Ваши воспоминания об Антоне Павловиче. Вот почему я посылаю Вам свой набросок „На могиле Чехова“» [6, л. 6]. Свое особое понимание чеховского творчества Кумов излагает в одном из писем к Леонтьеву-Щеглову: «У меня есть думка когда-нибудь написать маленький этюд о Чехове как художнике-философе. Меня очень коробят критики, видящие в Чехове воспроизводителя известной полосы русской жизни (90-е годы). Чехов, мне кажется, больше, чем русский писатель 90-х годов, и не в 90-х годах лежит причина его скорби. Живи он сейчас, его Муза была бы гораздо скорбнее, чем в 90-ые годы. Его скорбь – евангельская, вечная скорбь души, слышавшей чудесную песню „о блаженстве безгрешных духов под кущами райских садов...“ О Боге Вечном, – и потом попавшей на скучную маленькую землю» [6, л. 29].

На долгое время Леонтьев-Щеглов становится главным литературным критиком и учителем Кумова. Начинаящий писатель с благодарностью принимал замечания наставника: «Ваша „мораль“, как Вы называете свои указания для меня, – словно дождь на пашню: чем больше, тем лучше... И если когда-нибудь на моей пашне будут цветы и хлеб, – среди них будет жить постоянно память о благодатном милом дожде» [6, л. 14].

Интерес представляет письмо от 5 марта 1908, в котором Кумов соглашается с Леонтьевым-Щегловым, критикующим его за субъективность: «Верно, верно, мой милый, славный учитель, – до чертиков субъективен мой последний рассказ, как, кажется, вообще субъективны и все остальные мои вещи. Я знаю, это скверно, потому что в конце концов будут неизбежные перепевы и повторения, но ... я надеюсь отрешиться как-нибудь от своего субъективизма...» [6, 13]

Характерно, что А.П. Чехов в одном из писем к И.Л. Леонтьеву-Щеглову, анализируя его произведения и отмечая привлекательные стороны его таланта, критикует Щеглова за писательский субъективизм: «Вы субъективны до чертиков». Это письмо, которое было опубликовано еще при жизни Чехова, было особенно дорого для Леонтьева-Щеглова [4, с. 461].

В целом положительно оценивая творчество начинающего писателя, некоторые его произведения Леонтьев-Щеглов подвергает серьезной критике. Такая судьба постигла один из первых драматургических опытов Кумова – пьесу «Писатель», в которой он стремился изобразить «драму человека-писателя» и которую мечтал посвятить своему литературному наставнику [6, л. 11].

Конструктивная критика Щеглова заставляет молодого писателя задуматься о сущности собственного литературного творчества и пересмотреть свои творческие установки: «Хотел было долго исповедоваться перед Вами, что пишу и что думаю о своем писательстве. <...> Знаете, все, что было написано

мною до сих пор, было эскизно, несерьезно, пожалуй, даже перепевно, хотя и не знаю, с чьего голоса?.. Только сейчас, после Вашего последнего письма, после гибели моего „Писателя“, которого я очень любил, я понимаю, что для творчества нужно наглухо закрыть двери и остаться одному. Именно так я надеюсь работать летом над двумя большими работами, детали которых обдумываю я все это время. В этой наглухо закрытой комнате будет только один желанный гость – Вы и Ваша критика» [6, л. 11-12]. Тема творчества является сквозной в переписке двух литераторов.

Еще одна важная для Кумова тема – современная русская литература. В одном из писем молодой писатель обращается к Леонтьеву-Щеглову с вопросом: «Где, в чем сейчас русская литература?» Рассуждая далее о литературной ситуации начала XX века, Кумов высказывает свое понимание литературы: «До сих пор верил, что русская литература сейчас есть, хотя и очень своеобразная по форме. Раньше, мол, был ручей светлый, отражавший небо, ворочавший колеса на человеческих мельницах, а теперь он разбился, как в водопаде, на множество мелких красивых брызг... А в настоящее время все это мне кажется какой-то бакалейной торговлей, а не литературой, и грустно, одиноко стоят в отдалении представители прошлой русской литературы, и между ними мои самые близкие и родные писатели-люди – Щеглов и Чехов» [6, л. 15].

По мнению Кумова, современная ему литература отказалась от роли нравственного ориентира, в связи с чем утратила свое значение: «Положим, современная жизнь – фейерверк, но разве литература – пленка „Кодака“, увековечивающая только один момент, быть может и интересный, но без связи с предшествующим и последующим, без рассмотрения глубины, без захвата души читателя? Наша литература – газета, не выше, и кто знает – современные массовые самоубийства не объясняются ли отчасти этим отсутствием авторитетного, важного руководства в литературе?» [6, л. 16]

Молодой писатель активно интересовался современным ему литературным процессом. Его характеристики и оценки литературы модернизма свидетельствует о собственной писательской позиции: «Мне иногда представляется, что наша утонченная современная молодая теперешняя литература есть просто какое-то инстинктивное движение человеческой души в сторону от слишком бурных реальных проявлений жизни: как улитка, душа заперлась сама в себе, и вот, в результате, тонкие, прихотливые мысли, так непохожие на землю... Впрочем, я объясняю таким образом только часть нашей „молодой“ литературы» [6, л.54-54 об.].

По письмам Кумова к можно проследить творческую историю многих его произведений. Так, в письме от 2 сентября 1907 года писатель сообщает И.Л. Леонтьеву-Щеглову: «По Вашему совету начал приглядываться к Москве, и знаете, что получилось и меня в записной книжке – как результат наблюдения? Контур рассказа „В колодезе“ (стены домов, кусочек неба, крики

торговцев, жизнь двора и какая-то особенная жизнь где-то в стороне: звон старых колоколов, старые предания, старые лица...). Кажется, это совсем не то, что хотели Вы» [6, л. 18]. Но чуть позже Кумов напишет: «„Колодезь“ не удался. Получился какой-то протокол и я бросил» [6, л. 25 об.]. Однако в 1914 году донской писатель вновь обращается к «московскому тексту». Очерк Р.П. Кумова «Город», вошедший в сборник «Москва и ее жизнь», судя по всему, является переработкой неудавшегося в 1907 году рассказа «В колодезе».

О том, насколько велика была роль литературного наставника в творческом развитии Р.П. Кумова, можно судить на примере истории создания повести «Лиза» (1909). Первый ее вариант в жанре рассказа писатель прислал Леонтьеву-Щеглову, однако результатом своей работы Кумов был недоволен: «Посылаю Вам свою новорожденную „Лизу“ – вещицу малокровную, скороспелую, вялую» [6, л. 3].

Произведение получило в целом положительную оценку Леонтьева-Щеглова, обратившего, однако, внимание автора на некоторую его незаконченность. «Но теперь, после Ваших слов, я хочу еще работать над этим рассказом. Помню, когда я писал его, у меня в душе было еще так много, что можно было бы сказать. Мне кажется, что почти весь рассказ – только контур, только намек», – писал Кумов своему наставнику [6, л. 10 об.].

Важно отметить, что писатель задумал «Лизу» как небольшой рассказ, переросший в результате кропотливой работы над ним в большую повесть: «В Москве мне казалось, что рассказ выйдет маленький, на несколько страничек, а когда засел за работу, только шевельнул за уголок сюжета, и посыпалась <...> такая масса деталей, описаний», – пишет Кумов [6, л. 3-3 об.].

Решившись продолжать работу над произведением, Кумов все же замечает: «Смушает меня одно: рассказ разрастется, получится почти повесть, а в больших вещах я чувствую себя как малыш, надевший отцовские брюки» [6, л. 10 об.]. Но все же по совету наставника Кумов, до этого работавший преимущественно в малых формах прозы, создает одну из лучших своих повестей, получившую признание у читателей и литературной критики.

Творческая дружба Р.П. Кумова и его литературного наставника продолжалась вплоть до смерти в 1911 году. В письме к А.А. Измайлову от 23 сентября 1911 года Кумов с горечью пишет о том, как много значил для него И.Л. Леонтьев-Щеглов: «В „Дяде Ване“, как я звал его, я потерял очень, очень много. Мне лично кажется, что „Иван Щеглов“ прежде всего был в литературе праведником, а потом уже беллетристом. К сожалению, жизнь так устроена, что она больше обращает внимания на беллетристику, чем на праведность <...> Я думаю, что наша жизнь просмотрела самое важное, что было в покойном – его нежную восторженную любовь к литературе родной. „Комната Гоголя“, которую он снимал буквально на последние гроши, пушкинский реквием, письма писателей, – ведь все это сюжеты для самых высоких и трогательных

поэм...» [6, л. 9-9 об.]. Книги И.Л. Леонтьева-Щеглова «Новое о Пушкине» (1902) и «Подвижник слова: Новые материалы о Гоголе» (1909), упомянутые в этом письме, стали для Кумова еще одним уроком творческого поведения писателя, посвятившего себя служению русской литературе.

Литература

13. Запевалов В.Н. Кумов Р.П. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библ. словарь. - М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. - С. 364-366.
14. Заяц А.А. Кумов Р.П. // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – Т. 3. – С. 227-229.
15. Катаев В.Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова. Под ред. В.Б. Катаева. М., 1982. – С. 5-45.
16. Катаев В.Б. Иван Леонтьевич Леонтьев (Щеглов) // Спутники Чехова. Под ред. В.Б. Катаева. М., 1982. – С. 460-465.
17. Кумов Р.П. Письма А.А. Измайлову // ИРЛИ, ф. 115, д. № 170.
18. Кумов Р.П. Письма И.Л. Леонтьеву-Щеглову // ИРЛИ, ф. 150, д. № 866.
19. Овчарова П.И. Щеглов И.Л. // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Т.2. М: Просвещение, 1990. [Электронный ресурс]: http://www.azlib.ru/s/sheglow_i_1/text_0020.shtml (дата обращения: 30.01.2016)
20. Супрун В.И. Забытый сын донской земли / Кумов Р. П. Избранное / сост. В.И. Супрун. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008. – С. 515-561.

Medvedeva M.A.

I.L. LEONTIEV-SHCHEGLOV AS LITERARY INSTRUCTOR OF R. P. KUMOV

Abstract. The role of I. L. Leontiev-Shcheglov in the creative biography of the Don writer R.P. Kumov is shown on the basis of the correspondence material. The subject of the letters of R.P. Kumov to I.L. Leontiev-Shcheglov is also analyzed.

Key words: R.P. Kumov, I.L. Leontyev-Shcheglov, literary instructor, creative biography, history of creative works.

РЕАЛЬНОЕ И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «АЭЛИТА»

Аннотация. В данной статье предпринята попытка выявить реальное и фантастическое в романе А. Н. Толстого «Аэлита».

Ключевые слова: А. Н. Толстой; реальное; вымышленное.

Алексей Толстой начал работу над романом «Аэлита» в 1922 г. Тогда же начала выходить журнальная публикация. Окончательно роман увидел свет в 1923 г. В 1937 г. произведение было опубликовано в несколько сокращенной редакции, в которой самое существенное для научного анализа отличие состояло в исключении из произведения точных дат [1, с. 15].

Цель нашего исследования – изучить вклад выдающегося писателя А. Н. Толстого в формировании научной картины мира и найти в романе «Аэлита» реальное и вымышленное. Для достижения поставленной цели мы сделали аспектный анализ текста данного произведения:

1. Внешний вид аппарата.

Ракета, которую построил Лось: «...яйцеобразный аппарат был не менее восьми с половиной метров высоты и шести метров в поперечнике. Посредине, по окружности его, шел стальной пояс, пригибающийся книзу, к поверхности аппарата, как зонтик, – это был парашютный тормоз, увеличивающий сопротивление аппарата при падении в воздухе. Под парашютом – расположены три круглые дверцы – входные люки. Нижняя часть яйца оканчивалась узким горлом. Его окружала двойная, массивной стали, круглая спираль, свернутая в противоположные стороны, – буфер» [2, с. 12]. Таков был внешний вид междупланетного дирижабля. Он в принципе похож на современную многоступенчатую космическую ракету, представляющую собой сложное сооружение, состоящее из тысяч деталей и устройств.

2. Вид Марса.

Подлетая к Марсу, герои повести наблюдают сложную геометрически правильную систему каналов, на их пересечении расположены темные точки. Система каналов двойная — одна ярко видна на поверхности Марса, вторая — крайне бледная, как бы стёртая. Позднее инженер Лось понял, что старая сеть каналов заброшена, дно высохших каналов поросло кактусами, новая же снабжает водой водяные цирки (ров на вымышленном марсианском языке) — циклопические водохранилища, заметные даже с орбиты. Место

спуска аппарата описано как оранжевая пустыня, изрезанная рукотворными каналами и поросшая кактусами.

Предположения А.Н. Толстого оправдались, так как Марс - это «четвертая от Солнца планета, представляющая собой яркую, красно-оранжевую массу, отмеченную глубокими впадинами и огромными горными вершинами» [4]. Это планета цвета ржавчины, два ее полюса покрывают ярко-белые шапки льда.

3. Полёт на Марс.

Уже более 50-ти лет идёт исследование Марса, и каждый полёт занимает примерно 150-300 дней.

В описании полета на Марс есть явная неточность. Она касается следующего эпизода: «Лось уменьшил и совсем выключил двигатель. Перемена скорости была теперь менее болезненна. Но наступила тишина, настолько мучительная, что Гусев уткнулся лицом в руки, зажал уши. Лось лежал на полу...» [2, с. 17]. Как только был выключен двигатель в кабине должна была наступить невесомость. Поэтому Лось не мог лежать на полу, а должен был хотя бы парить над полом.

Высадку на Марс можно сравнить с посадкой на Землю. Автор статьи «Как здоровье космонавтов?» попросил ветерана космодрома Байконур Н. Лебедева рассказать, как действительно чувствовали себя космонавты после приземления и как встречали возвращающиеся с орбиты корабли. Вот что он рассказал:

«Лётчики доставляли в район предполагаемого приземления спускаемой капсулы спасателей и медицинский персонал. Как правило, капсула засекалась еще в момент ее спуска на парашюте. Спасатели выравнивали упавший аппарат в положение удобное для извлечения космонавтов, закрепляли его и открывали люки. Последняя операция была крайне важной, так как при спуске по баллистической траектории, предшествующей парашютному, происходит подгорание капсулы, и было возможно частичное заклинивание люков. Медики извлекали космонавтов из капсулы и укладывали их на носилки, так как их состояние не позволяло им самостоятельно двигаться. Некоторым делали даже уколы, укрепляющие тонус. Космонавты на вертолете доставлялись с места приземления на площадку №1 в реанимационное отделение госпиталя, где они приходили в себя около трех суток. Затем их переправляли в Звездный. Там полтора-два месяца их обследовали. И лишь после этого направляли на санаторно-курортное лечение» [5].

4. Время полёта на Марс

Совершенно нереально прилететь на Марс за 10 часов. Но если лететь с разумным ускорением, то за трое суток вполне возможно достичь Марса даже по траектории обратной вращению планет. Столь короткое время появилось в романе, потому что автор непременно хотел сопоставить космический рейс на Марс со временем перелета по маршруту Москва - Берлин. Автор

664 | пишет об этом прямо: «Через несколько лет путешествие на Марс будет не более сложно, чем перелет из Москвы в Берлин» [2, с.10]. На самолетах того времени для преодоления расстояния в 1600 км от Москвы до Берлина как раз и требовалось время порядка 10 часов.

5. Атмосфера Марса

Атмосфера Марса открыта была еще до полета автоматических межпланетных станций. Благодаря противостояниям планеты, которые случаются раз в три года, и спектральному анализу, астрономы уже в 19 веке знали, что она имеет весьма однородный состав, более 95% которого составляет CO₂. В 20 веке благодаря межпланетным зондам мы узнали, что атмосфера Марса и его температура сильно взаимосвязаны, ведь благодаря переносу мельчайших частичек оксида железа возникают огромные пылевые бури, которые могут охватить половину планеты, попутно поднимая ее температуру [3]. А.Н.Толстой в своём романе предположил, что атмосфера на Марсе такая же, как и на Земле.

6. Ландшафт Марса

Темно-синее, как море в грозу, ослепительное, бездонное небо увидели Гусев и Лось (герои романа А.Н.Толстого «Аэлита»), вылезая из аппарата:

«Пылающее, косматое солнце стояло высоко над Марсом. Такое солнце видывали в Петербурге, в мартовские, ясные дни, когда талым ветром вымыто все небо.

- Веселое у них солнце, - сказал Гусев и чихнул, - до того яркое был свет в густо-синей высоте. Покалывало грудь, стучала кровь в виски, но дышалось легко, - воздух был тонок и сух.

Аппарат лежал на оранжево-апельсиновой, плоской равнине. Горизонт кругом - близок, подать рукой. Почва сухая, потрескавшаяся. Повсюду на равнине стояли высокие кактусы, как семисвечники, - бросали резкие, лиловые тени. Подувал сухой ветерок. Лось и Гусев долго озирались, потом пошли по равнине. Идти было необычайно легко, хотя ноги и вязли по щиколотку в рассыпающей почве. Огибая жирный высокий кактус, Лось протянул к нему руку. Растение, едва его коснулось, затрепетало, как под ветром, и бурные его, мясистые отростки потянулись к руке. Гусев пхнул сапогом ему под корень, - ах, погань, - кактус повалился, вонзая в песок колочки» [2, с. 25].

На самом деле поверхность «красной планеты» выглядит по-другому: все, начиная от земли до маленьких камней и скал, покрыто красной пылью. Так как на Марсе нет ни воды, ни подтвержденной тектонической активности, его геологические особенности остаются практически неизменными.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1. А.Н. Толстой в своём романе предположил, что человек может полететь на Марс, и мы знаем, что такая возможность есть.

2. Автор в романе «Аэлита» допустил ошибку во времени. Сейчас мы можем провести расчёты и увидеть, что до «красной планеты» можно долететь минимум за 167 дней.

3. Писатель, имевший техническое образование, описал двигатель. Общую идею он почерпнул из устройства двигателя внутреннего сгорания, и в итоге получилась вполне разумная конструкция. С современной точки зрения двигатель инженера Лося не выглядит фантастическим изобретением.

4. А.Н.Толстой в своём романе предположил, что атмосфера на Марсе такая же, как и на Земле. Но на самом деле на «красной планете» атмосфера совершенно не пригодна для жизни.

5. Автор в романе «Аэлита» довольно правдиво описал поверхность Марса.

Литература

1. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. – М.: Высшая школа, 2008.
2. Толстой А.Н. Аэлита. - М.: Детгиз, 1959.
3. <https://galspace.spb^Атмосфера и климат>
4. <https://spacegid.com^Марс>
5. <https://wikipedia.org>

Metlikina A.V.

THE REAL AND THE FANTASTIC IN THE NOVEL A. N. TOLSTOY'S "AELITA"

Abstract. This article attempts to identify the real and the fantastic in the novel A. N. Tolstoy's "Aelita".

Key words: A. N. Tolstoy; real; fake.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОБМЕН И ПРОБЛЕМА НЕУДАЧ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу барьеров в межкультурной коммуникации на фоне пристального внимания к изучению иностранных языков. Академический обмен рассматривается как прямое столкновение с другой культурой.

Ключевые слова: язык; культура; коммуникация.

XVI век за стремительное развитие и недолгую продолжительность успешно завоевал право называться эпохой – эпохой глобализации. Первоначально термин «глобализация» (от лат. *globus* – шар) относился лишь к стремлению мировых экономических сил создать унифицированную систему распределения мировых благ, стратегий экономического роста и предотвратить возникновение кризисных ситуаций. В этот масштабный процесс, как естественный порядок развития, оказались вовлечены и другие сферы человеческой жизни, существующие в непрерывном взаимодействии. Глобализация охватила также ряд других острых вопросов, таких как нерациональное использование природных ресурсов, возрастание террористических угроз и религиозных, расовых, межэтнических конфликтов, появление новых инфекционных заболеваний, наличие ядерного оружия и возможная манипуляция им других государств (либо собственных граждан) с угрозой его применения и т.д. Мировое сообщество видит возможность решения этих и других проблем в объединении усилий всего человечества. Потому ежегодно проходят сотни международных конференций, создаются и расширяются волонтерские программы, тысячи высших учебных заведений подписывают соглашения о сотрудничестве и открывают для современных студентов тот мир, о котором, наверно, не мог бы мечтать человек прошлого столетия. Отсюда усиленное внимание направлено к изучению иностранных языков.

Легко можно оценить «силу» этого течения. В городе Краснодар, где число населения еще не достигло шестизначной отметки, уже существуют десятки частных школ преподавания иностранных языков. Кроме того, интернет, занимающий существенную роль в жизни современного студента, предлагает множество способов выучить язык: онлайн-курсы, индивиду-

альные или групповые занятия с преподавателем-носителем языка, а также открытый доступ к огромному запасу материалов для самостоятельного изучения. Несправедливы сомнения в обоснованности этого явления, ведь о том, что различие языков отчуждает человека от человека, писал Августин Аврелий еще в 5 веке нашей эры. [1] Безусловно, это наблюдение было сделано человеком еще раньше (библейское предание о Вавилонской башне). Но достаточно ли «выучить язык», чтобы наладить общение с человеком, представляющим другую культуру? Чтобы ответить на этот вопрос, студентам и всем изучающим языки достаточно вспомнить свой первый контакт (едва ли можно назвать его разговором) с носителями другого языка.

Объяснить причину подобных неудач способна межкультурная коммуникация. Этим термином обозначается адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. [3, с.26] Межкультурная коммуникация как научно-прикладная дисциплина занимается проблемами понимания и взаимопонимания: понять чужое (другое), адекватно объясниться с чужим, правильно интерпретировать иные, не свои культурные знаки. [4, с.81]

Традиционно выделяют четыре вида коммуникативных барьеров, возникающих в процессе межкультурного взаимодействия [4, с.86]:

1. Языковой барьер в межкультурной коммуникации. Обладание недостаточной лингвистической, коммуникативной и когнитивной компетенцией ведёт к большим затруднениям в общении с представителями других культур. Стоит также отметить, что существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и культур. Если же языковой барьер абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении (или сопоставлении) родной культуры с иными. [5, 40] В одних случаях такое столкновение приводит к легкому удивлению, в иных – к культурному шоку. Язык в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения стоит в одном ряду с культурой. [2, с.48]

2. Барьеры в невербальной коммуникации. Зачастую невербальное поведение не рассматривается как потенциальная причина неудачной коммуникации, однако мимика, жесты, позы, реакции на те или иные события подобно языку отражают культуру представителя своего народа. Из этого следует, что в каждой культуре существуют особые поведенческие нормы, которые регулируют поведение человека в различных ситуациях. Разграничение личного пространства так же определяется нормами, принятыми в культуре этнической общности.

3. Стереотипы как барьеры в межкультурных взаимодействиях. Возможно, именно они являются главными факторами, замедляющими освоение в новой культуре. Стереотипное оценивание национальных характеров как

следствие недостаточного или искаженного знания о культуре, истории, образе жизни народа, тенденция к этноцентризму и предрассудки, появившиеся в результате изначальной отчужденности по отношению к «чужим» или из-за негативного опыта, воздействуют на исход коммуникации. Важно помнить о том, что представитель каждой культуры оценивает окружающую действительность с помощью языковой картины мира, и любое отклонение от этого понимания считается ложным. В то же время, языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира [5, с.54].

4. Различия в ценностных ориентациях как препятствие межкультурному общению. Появление чего-то нового, в корне отличающегося от ранних норм и представлений нередко вызывает чувство неприязни или даже опасности за устоявшиеся ценности. Человека, кто всегда готов узнать, проанализировать и принять новое и кто не ставит свои взгляды выше взглядов других людей, англичане называют *an open-minded person*. Придерживаясь принципа «открытости новому» и уважения к другим можно избежать нежелательных культурных столкновений.

Академический обмен – бесценная возможность окунуться в культуру другого народа, познакомиться с его традициями, обычаями, уникальной национальной картиной мира и, наконец, оказаться в мире изучаемого языка. С. Г. Тер-Минасова отмечает: «Живой язык живет в мире его носителей, и изучение его без знания этого мира (без того, что в разных научных школах называется по-разному: фоновыми знаниями, вертикальным контекстом и др.) превращает живой язык в мертвый, то есть лишает учащегося возможности пользоваться этим языком как средством общения» [5, с.37]. Цели академической мобильности могут быть совершенно разными: кого-то волнуют актуальные проблемы человечества, кто-то ищет пути личной реализации или специализируется в узкой сфере, в чем и тем, и другим бесспорно поможет повышение квалификации, новые знания и неоценимый опыт.

Важно помнить, что владение иностранным языком на определенном уровне не гарантирует успешность поездки, на планирование которой было потрачено немало сил, времени и материальных средств. Рассмотреть этот вопрос и попытаться разобраться в нем меня натолкнуло, в первую очередь, собственное желание стать частью иного общества, для которого изучаемые мной иностранные языки являются родными. Кроме того, опыт знакомых и друзей подтверждает наличие всех названных барьеров, препятствующих межкультурному взаимодействию.

Короткое время наши занятия по английскому языку посещал студент, приехавший из Франции. Эта дисциплина являлась для него одной из дополнительных, основные были посвящены русскому языку и культуре. Цель его поездки оказалась проста – открыть для себя новую страну. Однако, позже он признался, что приехал в Россию уже с набором устоявшихся стереотипов

и пытался найти им оправдание (и в случае некоторых, к сожалению, нашел). Кроме того, при знакомстве с местной культурой он пропускал непривычные явления через языковую картину своего мира. Отсутствие улыбок на лицах прохожих, суровый тон незнакомцев, пытающихся разобраться в акценте иностранца, «грубость» просьбы преподавателей на паре («Читай!» вместо «Читайте, пожалуйста»), где для нас первое выражение абсолютная норма, не вызывающая негативных эмоций) немало смущали нашего французского коллегу. После таких впечатлений я поспешила сделать вывод, что опыт оказался неудачным, но эта оценка коснулась только моих наблюдений, которые были под влиянием той самой языковой картины мира. На вопрос: «Что бы ты посоветовал своим соотечественникам, которые планируют также приехать в Россию по обмену?» мой французский друг ответил: «Поезжайте! Это самое лучшее, что вы можете когда-либо испытать!»

Литература

1. Аврелий Августин. О граде Божьем. Электронная библиотека «Гражданское общество в России». Электронный ресурс – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Avgustin_18-22.pdf.
2. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1975. – 284 с.
3. Верещагин Е. М., В. Г. Костомаров. Язык и культура. М.: Рус. Яз., 1990. – 246 с.
4. Катермина В. В., Прима А. М. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Saarbrücken. Palmarium Academic Publishing, 2013. – 185 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008. – 352 с.

Nazaryan S.A.

ACADEMIC MOBILITY AND THE PROBLEM OF MISUNDERSTANDING IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of intercultural communication barriers while learning foreign languages is under close attention. Academic mobility is considered as a direct collision of different cultures.

Key words: Language; culture; communication.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ЭРИСТИКИ КАК ИСКУССТВА СПОРА

Аннотация. В статье освещены основные определения и особенности понятия эристики как искусства побеждать других в спорах. Представлены история происхождения, развитие и фундаментальные рекомендации эристики. Кроме того, статья тоже поднимает проблему мировоззренческого смысла овладения риторикой, разграничивает эристику, диалектику и софистику.

Ключевые слова: спор; эристика; диалектика; софистика; риторика.

В нашей современной жизни на разном уровне широко и много обсуждается роль спора. В культуре речи спор является особым видом речевой коммуникации, в котором реализуются все формы красноречия и самые разные риторические навыки. Это и есть древнейшая форма диалога. Спор – это процесс доказательства некоторых тезисов, во время которого каждый из участников отстаивает свою правоту, своё понимание обсуждаемой проблемы и пытается опровергнуть мнение противника.

Эристика понимается как искусство ведения спора.

Выделим наиболее часто встречаемые дефиниции понятия «эристика» в словарях. Общей характеристикой в данных дефинициях будет «наука побеждать в спорах, искусство спорить». Однако имеет смысл рассмотреть определения термина «эристика» в его тысячелетней истории:

С позиций лингвистики: в Словаре Д.Н. Ушакова, как и во многих других словарях, под эристикой (от греч. «eristike») подразумевается искусство спорить, полемизировать. В новом толково-словообразовательном словаре русского языка Ефремовой: слово «эристика» обозначает искусство вести спор, полемическое мастерство (например. Владеть искусством эристики) В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона мы находим следующее определение: искусство спорить, умение опровергать доводы противника и защищать свои положения, независимо от их внутренней состоятельности. [2, с. 27].

Следует отметить, что в этом искусстве входят три элемента.

Эристика, таким образом, стоит на следующих основаниях:

- знании теории доказательств;
- умении обнаруживать нарушения законов и правил логики;
- умении применять уловки (умышленные нарушения) в споре.

С позиции философии: В.Д. Гладкий в своей работе о древнем мире написал: «Эристика, в широком смысле искусство спора. Это искусство

в особенности культивировалось в Древней Греции среди софистов в 2-й половине 5-го века до нашей эры и в Мегарской школе в 4 веке до нашей эры, представители которой часто называли эристиками. В наше время софистикой называют приёмы намеренно ложных рассуждений, эристикой же вообще искусство спора» [4, с. 365]. В Философском Энциклопедическом словаре эристика толковалась как искусство вести диспут, искусство умственного фехтования, подчиненное правилам (Шопенгауэр). Эристиками называют мегариков в силу их склонности к диспутам, спорам.

Что касается культуры ведения спора в других странах, то необходимо уделить особое внимание национальной специфике ведения спора в различных ситуациях. Так, последователи китайского философа Моцзы различали основные способы эристики как ключевые методы ведения спора: 1) аналогия (сопоставление вещей); 2) сравнение суждений по частям; 3) использование противоречий в аргументах противника; 4) обличение противника через подражание ему и проч.

Что касается истории европейской науки, то эристика зародилась и оформилась в Древней Греции в VI-V вв. до нашей эры. На первом этапе своего развития эристика понималась как средство отыскания истины с помощью спора. Суть эристики заключается в умении убеждать других в правильности высказываемых взглядов и соответственно умению склонять человека к тому поведению, которое представляется нужным и целесообразным. Но постепенно эристика стала пониматься и как умение вести спор, чтобы достигнуть единственной цели – выиграть его любой ценой, совершенно не заботясь об истине и справедливости.

Прототипом для софистической эристики послужили диалектические доказательства Зенона против движения и множественности. Первое руководство по эристике принадлежало Протагору (до нас не дошло). Современники софистов называли их также эристами и определяли эристику как искусство вызывать сомнение по поводу всего и опровергать всякое положение. Картину эристической деятельности древних софистов мы находим у Платона в его «Эвтидеме», и у Аристотеля в сочинении «О софистических доказательствах». Аристотель же предложил сам термин «эристика». Один из обычных приёмов эристики состоит в обобщении, т. е. положение, истинное лишь в ограниченной сфере, принимается в безусловном значении. Мегарская школа точно так же, как и софистическая, постепенно выродилась в эристику, хотя софизмы этой школы, как, например, у Сильпона, все же обличают некоторый теоретический интерес.

С именами софиста Протагора и Сократа связано появление в ней двух направлений – софистики и диалектики. Принципиальное различие их – в отношении к истине: софисты не признают существования объективной истины, поэтому целью спора считают убеждение собеседника в своей правоте посредством софизмов и других уловок. Для сократиков цель спора – совместные поиски и обоснование объективно существующей истины при

помощи диалектики и майевтики, поскольку знание истинных гражданских добродетелей совершенствует самого человека и улучшает нравы общества. Усилиями античных философов и риториков учение о споре и аргументации ставит и частично решает вопросы о видах и принципах спора, способах доказательства и убеждения, о средствах воздействия на слушателей, образе оратора и др. Античная эристика оказала определяющее влияние на развитие теории спора и аргументации в последующие века.

Следует отметить, что Аристотель фактически отождествлял эристику с софистикой. Дальнейшим развитием взглядов Аристотеля на эту проблему явились труды Артура Шопенгауэра. Этот известный философ называл эристику духовным фехтованием с единственной целью – остаться правым. Артур Шопенгауэр в знаменитой книге «Эристика или искусство побеждать в спорах» дал следующее определение эристике: «Это наука о стремлении человека показать, что он всегда бывает прав».

«Эристическая диалектика», следовательно, есть искусство вести споры, но таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть *per fas et nefas* («through right and wrong») – правдами и неправдами). Итак, истина спорного вопроса, взятая объективно, и сила правоты или довод, аргументы спорящих и слушателей – вещи совершенно различные. Сейчас эристика является составной частью риторики.

С другой стороны, сущность этих направлений раскрыта Ю.В. Рождественским следующим образом: «этос создает условия для речи, пафос – источник создания смысла речи, а логос – словесное воплощение пафоса на условиях этоса» [7, с. 96]. Поэтому следует разграничивать эристику, диалектику и софистику таким образом:

- Эристика как искусство спора предполагает такое поведение общающихся, которое оправдывает использование средств, позволяющих утвердить своё мнение либо выиграть в споре любым путем, любыми средствами, вне зависимости от каких-либо этических установок и правил. Цель речи в данном случае – «утвердить свое право на поступок и оставить за собой окончательное суждение» [7, с. 115]. Принципы общения основаны на том, чтобы скрыть истину, отстаивать свой интерес любой ценой, не дать собеседнику возможности закономерно и последовательно развить свою мысль.

- Диалектика – это искусство вести спор, диалог, направленный на взаимозаинтересованное обсуждение проблемы с целью достижения истины в процессе столкновения мнений, суждений, точек зрения. Диалектика не позволяет пользоваться приёмами, которые затемняют суть спора, оказывают давление на оппонента. Напротив, диалектика призывает ценить оппонента, уважать его. В процессе обсуждения спорного вопроса следует использовать логические приемы доказательства и убеждения.

- Софистика находится между противоположными этическими требованиями диалектики и эристики. «Смысл софистики как этики речи состоит

в видимом следовании диалектике, но с эристической целью – добиться «выигрыша спора» [7, с. 116]. Основные приемы софистики – приведение к абсурду, увлечение внешними словесными эффектами, что приводило к беспредметным словесным действиям и риторическим усилиям.

В эристике выработаны общие рекомендации, другими словами, это эристический подход к спору как искусству убеждения в правоте своего мнения и опровержения мнения своего оппонента. Чтобы отстаивать свои взгляды, необходимо обладать определенными навыками ведения спора и, прежде всего, уметь находить логические ошибки в рассуждении оппонента, разоблачать софизмы, а также психологические уловки и другие недозволенные приемы ведения спора.

Таким образом, эристика продолжает оставаться классическим учением о способах ведения спора, которое требует творческого подхода в изучении новых условий публичных дискуссий современного информационного общества. Впрочем, она сохранила все классические формы, которые необходимо знать, чтобы противостоять неэтичным и некорректным приемам в споре, отстаивая идеалы истины, общественного и личного блага. Сказанное особенно актуально применительно к СМИ и Интернету, где разворачивается настоящая битва за то, каким будет новый человек XXI века и какой будет наша общественная и личная жизнь.

Литература

1. Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс: учеб.пособие / В.И. Аннушкин. - М.: Флинта: Наука, 2007. – 224 с.
2. Брокгауз и Ефрон. Брокгауз и Евфрон, Энциклопедический словарь. – СПб. 1890-1907. – Т.41. – 586с.
3. Бузук Г.Л., Ивин А.А., Панов М.И. Наука убеждать: логика и риторика в вопросах и ответах. – М.: 1992
4. В. Д. Гладкий. Древний мир. Энциклопедический словарь М.: 1998 г. В 2-х томах. Т.2. – 478 с.
5. Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика. – М., 1991. – 127 с.
6. Поварнин С.И. Спор. Теория и практика спора./ С.И. Поварнин – 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2015. – 120 с.
7. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М., Флинта: Наука, 2004. – 96 с.

Nguyen Thi Thu

THE ART OF WINNING DISPUTES AND INFLUENCE PEOPLE

Abstract. This article introduces a number of basic definitions needed to understand the concept “eristic” as the art of winning disputes and influence people. Author also gives an overview of the origin, development and fundamental recommendations of eristic. In addition, the article also raises the problems of the philosophical senses of mastering the art of rhetoric, persuasion, differentiation between eristic, dialectics and sophistry.

Key words: Dispute; eristic; dialectics; sophistry; rhetoric.

ОТРАЖЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕТСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИИ К. И. ЧУКОВСКОГО «ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ»

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению основных причин появления и становления такого явления, как детское словотворчество, одной из которых является отсутствие необходимых лексических единиц в словарном запасе ребенка для обозначения реалий окружающей действительности. Кроме того, в статье рассматриваются основные способы словообразования.

Ключевые слова: детское словотворчество; К. И. Чуковский.

Проблемы возникновения и изучения такого уникального явления, как детское словотворчество, безусловно, очень актуальны на сегодняшний день, поскольку на протяжении последних десятилетий данному вопросу уделяется особое место в психологических, лингвистических и психолингвистических исследованиях, где подчеркивается значимость усвоения процессов словообразования не только для развития устной речи ребенка, но и для его умственного развития в целом. Доказано, что словотворчество детей является закономерным этапом речевого развития, свидетельством успешного овладения языковой системой. Но, несмотря на то, что онтолингвистика – активно развивающаяся научная дисциплина, словообразовательный уровень детской речи изучен фрагментарно.

Поэтому целью данного исследования является, во-первых, выявление словообразовательных особенностей детских инноваций; во-вторых, выяснение причин их возникновения. Кроме того, исследование детских словообразовательных инноваций позволит лучше разобраться в устройстве самой словообразовательной системы языка.

Термин «детские словообразовательные инновации» введен в научный обиход С.Н. Цейтлин. Под словообразовательной инновацией понимаем отсутствующее в общем употреблении слово, созданное как по продуктивной, так и непродуктивной словообразовательной модели, а также (при отсутствии модели) – при опоре на тот или иной конкретный образец. [2, с. 11]. Как синонимичные данному используются термины – словообразовательный окказионализм, речевая ошибка.

Увлекательную работу по сбору детских инноваций начал К.И. Чуковский в своей работе «От двух до пяти», которую можно считать основанием для нового направления отечественной лингвистики – лингвистики детской речи. Обращаясь к матерям и призывая их быть внимательнее к речи собственных детей, К.И. Чуковский писал: «Для нас все слова уже готовы, скроены и сшиты, и голова у каждого из нас – как оптовый склад таких готовых форм, «магазин готового платья». У детей – это мастерская – все мерится и шьется, творится каждую минуту заново, каждую минуту сначала, – все – вдохновение и творчество» [3].

В процессе работы с произведениями К.И. Чуковского нами были выписаны 42 примера детских словообразовательных новообразований. При их описании нами была использована классификация способов детского словообразования, предложенная С.Н. Цейтлин [2, с. 23].

Основная часть отобранных новообразований создается при помощи узуальных способов деривации по продуктивным в языке моделям (аффиксация, сложение и др.). В этом аспекте отобранные детские новообразования можно распределить на три группы:

В первую группу отнесем новообразования, произведенные в соответствии с суффиксальным способом (14 единиц). Например:

Никовойная – ничья («Я мамина, и большениковойная») [3]. От местоимения «никого» при помощи суффикса -(й)н- (по аналогии с «ничей» ничейный). При словообразовании происходит нарушение словообразовательной модели, так как от данной производящей основы не образуется прилагательное.

Во вторую группу отнесем новообразования, произведенные в соответствии с приставочно-суффиксальным способом (5 единиц). Например: Отмухиваться – отгонять мух («я сижу и отмухиваюсь») [3]. От предложно-падежного сочетания «от мух» при помощи приставки от- и суффикса -ива-.

В третью группу отнесем новообразования, произведенные в соответствии с сложно-суффиксальным способом (1 пример): сумасошлатая – сошла с ума («Куда она ушла, сумасошлатая?») [3]. Сложение слов и одновременное присоединение суффикса -г-.

Детские инновации конструируются также с помощью способов неuzuального (оказионального) словообразования. Доля неuzuальных способов в разговорном словотворчестве пока заметно меньше, однако, как отмечают лингвисты, она неуклонно растет, что связано во многом с тем, что неuzuальный способ сам по себе экспрессивнее, выразительнее. Среди отобранных нами детских новообразований неuzuальными способами образованы 26 единиц.

1 группа детских новообразований, произведенных с помощью обратного словообразования (26 примеров). Приведем примеры обратного словообразования:

1.1. Депрефиксация (устранение префикса): дотепа – от недотепа («Ты недотепа! Нет, дотепа, дотепа!») [3]. От существительного «недотепа» при помощи устранения префикса «не».

1.2. Десуффиксация (устранение суффикса): одуван – большой одуванчик [3]. От существительного «одуванчик» с помощью устранения суффикса «-чик-».

1.3. Устранение окончания: слуг – слуга, только мужского рода («Я буду барыня, ты, Таня, слуга, а Вова будет слуг») [3]. От существительного «слуга» с помощью обратного устранения флексии -а.

2 группа – гибридное (контаминационное) словообразование (7 примеров): начаепился – напился чаю («Я уже начаепился») [3]. От глагола «напиться» и существительного «чай» при помощи контаминационного способа.

3 группа – заместительное словообразование (замещение фрагментов слов) (10 примеров): мазелин – вазелин («Мама просит мазелин!»). [3] Фрагмент «ваз-» заменяется на «маз-» от мотивирующего слова «мазать», «мазь», с которым ребенок ассоциирует незнакомое слово.

Развитие языка, по мнению Т.А. Гридиной, совершается у всех малышей по одним и тем же законам [1, с. 25]:

1) одна из причин бурного словосочинительства связана с объективно существующим различием между объемом детского лексикона и наличным лексическим запасом языка;

2) аналогия с каким-то конкретным словом-образцом или «следование» определенному алгоритму образования слова, закрепленному в системе словообразовательных моделей языка;

3) стремление компенсировать незнание общеупотребительного слова или вследствие ситуативной потребности обозначить содержание, не имеющее в языке однословного наименования.

Итак, самым распространенным словообразовательным способом, как показывает наш анализ, у детей можно считать суффиксальный способ. По нашему мнению, это можно объяснить тем, что он, по всей видимости, является наиболее удобным и простым для детского мышления.

Среди неузуальных способов словообразования самыми распространенными являются заместительный и гибридный способы. Причина этого явления, на наш взгляд, заключается в попытке объяснить ребенку новое для него слово через знакомое слово, существующее в его словарном запасе. У ребенка менее стабильный и звуковой, и семантический облик слов. Слова не приобрели достаточной устойчивости ни в том, ни в другом плане и потому чаще оказываются заменителями друг друга.

Словотворчество позволяет ребенку на каждом из этапов речевого развития решать коммуникативные задачи при дефиците речевого опыта. Хотя следует заметить, что ни одно «новое» детское слово нельзя считать абсолютно

оригинальным – в словаре ребенка обязательно есть словообразовательная модель, по которой это слово и построено. Однако самостоятельно сконструированные детьми слова отличаются от литературной нормы и попадают в разряд инноваций.

В связи с вышеизложенным, мы пришли к выводам о том, что наиболее значимыми причинами появления анализируемых нами детских словообразовательных инноваций является объективно существующее различие между объемом детского лексикона и наличным лексическим запасом языка. Необходимость заполнения пробелов вызывает активизацию словотворчества. Дети прибегают к процессу словотворчества в разных ситуациях по разным причинам, в первую очередь, для наиболее полного и всестороннего изучения окружающей их действительности, адаптации к ней, а так же, с целью самовыражения, налаживания контактов с окружающими их детьми и взрослыми, и по ряду других причин.

Литература

1. Гридина, Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи / Т.А. Гридина. – М.: Флинта. – 2013. – 152 с.
2. Цейтлин, С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.Н. Гридина. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 2000. – 240 с.
3. Чуковский, К.И. Собрание сочинений в 15 т. Т. 2: От двух до пяти [цифровая книга] / К.И. Чуковский. – М.: Терра – Книжный клуб. – 2001.

Nefedova A.A.

A REFLECTION OF THE DERIVATIONAL FEATURES OF CHILDREN'S WORD CREATION IN THE WORK OF K. I. CHUKOVSKY "TWO TO FIVE"

Abstract. This article discusses the main reasons for the emergence and development of such phenomena as children's words, one of which is the lack of the necessary lexical units in the vocabulary of the child to indicate the reality of reality. In addition, the article considers the main ways of word formation.

Key words: Children's words; K. I. Chukovsky.

Островская Дарья Александровна
студент магистратуры Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
odaooop@gmail.com

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ С.В. ЛАВРОВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования невербальных приемов воздействия на аудиторию в международном деловом общении. Эффективность выделенных приемов иллюстрируется на примере невербального аспекта коммуникативного поведения министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова.

Ключевые слова: невербальное поведение; приёмы воздействия; дипломатический дискурс.

В условиях глобализации и широких межкультурных контактов большое внимание уделяется институту дипломатии и международных отношений.

Сегодня наблюдается тенденция к исследованиям по следующим аспектам данной темы: проблема смежности дискурсов в системе дипломатического вида дискурса (В.И. Карасик, О.А. Прохорова, О.О. Ардасова); анализ вербальных особенностей дипломатического дискурса (Е.А. Вебер, Т.А. Волкова, Л.М. Терентий, Т. Хайфа); рассматривается эволюция речевых приемов дипломатического дискурса в историческом аспекте (Л.А. Баландина, Г.Ф. Кураченкова); исследуется дипломатический дискурс с точки зрения психолингвистики (И.А. Бубнова, Л.М. Терентий); прагмалингвистики (А.С. Кожетева, Е.Ю. Оберемченко).

К анализу невербальной составляющей дипломатического дискурса учёные обращаются редко, хотя исследования в данной области позволят в дальнейшем разрабатывать различные программы по улучшению коммуникативной деятельности специалистов, работающих со словом, применимых не только в дипломатическом, но и в других типах дискурса.

Поэтому предметом исследования данной работы послужили невербальные приемы воздействия на аудиторию в дипломатическом общении на примере анализа коммуникативного поведения министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова.

Прежде чем мы перейдём к анализу невербальных техник, применяемых министром иностранных дел в ходе своей профессиональной деятельности,

необходимо кратко охарактеризовать область, в которой он эту деятельность осуществляет.

Под термином «межкультурная коммуникация» мы вслед за А.Н. Шукиным понимаем «взаимодействие участников коммуникации, принадлежащих к разным культурным сообществам, с целью установления взаимопонимания и взаимодействия в различных ситуациях речевой деятельности» [7, с. 123].

Только специалист, обладающий межкультурной компетентностью (включающей коммуникативную («практическое владение всеми видами речевой деятельности и всеми аспектами изучаемого языка в различных ситуациях и формах речевого общения» [2, с. 3]) и лингвокультуроведческую составляющие («знание культурных особенностей носителей языка» [2, с. 4])), может свободно ориентироваться в современном поликультурном пространстве.

Процесс межкультурного общения представляет собой процедуру поиска компромисса и качественно нового языка, благодаря которому коммуникация становится, во-первых, возможной, во-вторых, эффективной и результативной.

Любой акт коммуникации состоит из вербального, ритмико-интонационного и невербального аспектов речевого воздействия. Сообщение интерпретируется с помощью этих трех коммуникативных составляющих, поэтому стоит уделять внимание каждому из них, а не только словесному.

С.В. Лавров является одним из самых уважаемых дипломатов не только России, но и мира. В своей практике использует различные приёмы эффективного воздействия на аудиторию. Его коммуникативный стиль – своеобразный эталон успешного международного взаимодействия не только для дипломатов, но и представителей других профессий, чья деятельность непосредственно связана с ведением переговоров и публичными выступлениями.

Источниками анализируемого материала послужили видео с пресс-конференций, заседаний, политических телевизионных передач и новостных роликов с участием С.В. Лаврова (например, выступления в ООН, интервью в программах «Вечер с Владимиром Соловьевым», «Главное», «Поздняков», для фильма «Первый», в ток-шоу «Право знать», видео с пресс-конференций с Д. Керри и т.д.)

Министр иностранных дел – представитель страны на международной арене, лицо государства, человек, выражающий взгляды, идеи, мнения целого народа. Как следствие, огромная ответственность лежит на плечах главы МИД и его команды: любое действие, слово, любой поступок или даже мимическое движение могут сыграть роль в последующем международном сотрудничестве и в отношении к стране, которую дипломат представляет.

Исследователями установлено, что невербальная составляющая коммуникативного поведения является той базой–основой, по которой оценивается человек в целом, и лишь после принимается во внимание вербальный аспект, закрепляющий за специалистом статус успешного мастера слова и профессионала в своем деле.

Дипломатическую сферу общения отличает строгий этикет, свод правил поведения, следование которым обязательно для всех членов института дипломатии. Это имеет огромное значение в международной деловой деятельности, т.к. учитывает особенности культуры поведения в разных странах, исключая неверное толкование жестов, слов, движений в ходе общения и т.д. Принята наиболее усредненная норма, не нарушающая состояния комфорта представителей других государств.

Отличительной чертой коммуникативного поведения С.В. Лаврова является прекрасное владение своими эмоциями, сдержанность, а также практически полное отсутствие жестикуляции и мимических сигналов в ходе общения.

Минимум невербальных действий, используемых дипломатом в ходе общения, позволяет С.В. Лаврову вести успешную деловую деятельность. Мимика министра неактивна: при общении подвижна только нижняя губа (видимо, в силу возраста), остальные лицевые мышцы неподвижны.

Говорит без пауз и запинок: «перебить» министра невозможно, пока он не закончит мысль. В то же время данная особенность – свидетельство того, что речь С.В. Лаврова продумана (если имеет место пресс-конференция, официальная встреча, выступление и т.п.), а также глава МИД – профессионал в своём деле и умеет оперативно находить ответ, подбирать необходимые аргументы в ходе беседы для осуществления эффективной коммуникации (если отвечает на вопросы интервьюера, иностранного коллеги и т.д.).

С.В. Лавров внимательно слушает собеседника, смотрит в глаза адресату, непосредственно в камеру (на телевизионных передачах) или в левый нижний угол (признак размышления над ситуацией, беседа с самим собой); периодически поправляет очки, поглаживает подбородок (признак принятия решения по А. Пизу [5, с. 46]). Ключевые слова и мысли глава МИД подчеркивает кивком/наклоном туловища, а также «размыканием» больших пальцев (часто сидит, держа сцепленными пальцы на уровне живота, либо покрывает левой ладонью правую). Если вопрос адресанта затянут, во избежание долгого молчания С.В. Лавров может тихо кашлянуть или глубоко вдохнуть.

Поза во время акта коммуникации устойчивая, уверенная (если коммуниканты стоят): прямая спина, ноги на ширине плеч, руки «по швам», либо левая находится в кармане брюк; не напряжён. Жестикулирует редко и неактивно (легкие круговые движения кистью одной руки). Позу в ходе встречи не меняет.

Пользуется НЛП-техникой «честности и открытости»: руки всегда держит на виду, поза открытая; во время чтения доклада держит лист двумя руками, на трибуне кладёт их параллельно по обоим краям, показывая готовность отвечать на вопросы искренне и откровенно.

Министр иностранных дел РФ отлично владеет своим голосом. Это помогает ему вести успешную профессиональную деятельность, потому

что качества, присущие голосу дипломата-профессионала отвечают всем особенностям голоса успешного и уверенного в себе человека, что вселяет уверенность и в других участников общения.

Голос низкий, мягкий, приятный, глубокий и объемный. Тембр отличается устойчивостью и неизменностью на всем протяжении разговора. Темп умеренный. Также голос министра отличается мышечной свободой (отсутствие напряжения мышц голосового аппарата) и полетностью (остается хорошо слышимым в любых аудиториях).

Одним из важных невербальных сигналов в акте коммуникации является улыбка. На дружественных встречах с представителями государств, с которыми у России хорошие отношения, в ходе интервью российским изданиям С.В. Лавров ведет себя чуть более свободно. Его улыбку отличают все национальные особенности «русской улыбки» (по классификации И.А. Стернина): если министр улыбается, то это верный признак того, что он действительно доброжелательно настроен и искренне рад (прищуривается, появляются мелкие морщинки в уголках глаз), т.к. в русском общении улыбка не является сигналом вежливости (только в рамках делового этикета; в этом случае она характеризуется краткостью и выполняется только губами).

Стиль одежды С.В. Лаврова строгий, классический, как того требует дипломатический этикет. Министр предпочитает носить темно-серый/синий костюм, белую/голубую рубашку, темно-синий/серый/голубой галстук. Также глава МИД носит часы (признак делового и пунктуального человека) и очки с безободковой оправой (не бросаются в глаза, глаза открыты).

С.В. Лавров часто проводит встречи с молодыми специалистами, активно поддерживает их начинания, проекты и организации. На одном из таких мероприятий (Всероссийский молодежный образовательный форум «Территория смыслов на Клязьме») «отошёл» от строгого официально-делового стиля: был в клетчатой светлой рубашке, без галстука, в пиджаке, в ботинках в тон пиджаку, в классических темно-синих джинсах; сидел более расслабленно, слегка сутулился (чего не допускает на официальных встречах). Подобный приём оправдан попыткой быть ближе к аудитории и наладить доверительные отношения со студентами.

На неофициальных мероприятиях (например, шоу «Вечерний Ургант») министр более открытый и доброжелательный, с хорошим чувством юмора: смеется, шутит, положительно реагирует на шутки в свой адрес (также С.В. Лавров может пошутить и на серьёзных встречах, но только будучи уверенным, что будет правильно понят иностранными коллегами и журналистами).

С точки зрения проксемики дистанция, на которой глава МИД ведёт беседу, зависит от положения кресел или трибун в помещении: обычно она строго официальная (порядка 1,2-2,5 метров), соответствующая европейской норме, правилам дипломатического этикета и НЛП-технике «зонального про-

682 | странства» (не нарушает зону личного пространства собеседника, создавая чувство дискомфорта).

Из вышеперечисленных особенностей коммуникативного поведения С.В. Лаврова, а также исходя из результатов его деятельности, можно сделать вывод, что министр иностранных дел РФ представляет собой образ человека успешного, уверенного, уважаемого в глазах мирового сообщества, к его мнению прислушиваются, с ним считаются. Во многом грамотный учёт невербальных сигналов в ходе международного делового общения помогает С.В. Лаврову вести успешную внешнюю политику и достойно представлять нашу страну на различных встречах, визитах и заседаниях.

Литература

1. Акатова А.А. Нейролингвистическое программирование на грани практики и теории // Аprobация. – 2015. – №3. – С. 39-42.
2. Гетманская А.В. Об особенностях межкультурной коммуникации в контексте полилога культур // Перевод. Язык. Культура: V Междунар. заочная научн.-практ. конф., 28 февраля 2014 г.– СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – 7 с.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
4. Малюга Е.Н. Взаимодействие вербальных и невербальных средств в межкультурной деловой коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №9. – С. 12-21.
5. Пиз А. Язык телодвижений. – М.: Эксмо, 2006. – 416 с.
6. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: «Флинта», «Наука». – 2006. – 193 с.
7. Щукин А.Н. Методика обучения речевому общению на иностранном языке: учеб. пособие. – М.: Икар, 2011. – 454 с.

Ostrovskaya D.A.

NON-VERBAL TECHNIQUES OF INFLUENCE OVER THE AUDIENCE IN S.V. LAVROV'S COMMUNICATIVE BEHAVIOUR

Abstract. The article examines the problem of using non-verbal techniques of influence over the audience in international business communication. Effectiveness of these techniques is illustrated with the example of Foreign Minister of Russian Federation S.V. Lavrov's non-verbal communicative behaviour.

Key words: Non-verbal behaviour, techniques of influence, diplomatic discourse.

ПРИНЦИП ПАРАДОКСА В ПОЭТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ВЕЧНЫЙ МУЖ»)

Аннотация. В данной статье рассматривается роль парадокса в рассказе Ф.М. Достоевского "Вечный муж".

Ключевые слова: парадокс, система героев, сюжет, жанр.

Парадокс, функционирующий в художественном произведении, проявляет значимую глубину.

Сущность этого приёма заключается, во-первых, в неожиданном, непривычном суждении, резко расходящимся с общепринятым мнением. Во-вторых, в противоречии в характере героев и их поведении, в ходе событий и т.п.

Приём парадокса проявляется в изображении системы образов героев, конфликте, сюжете, определении жанровой принадлежности.

Автор назвал «Вечного мужа» рассказом, однако чаще это произведение относят к повести. Чтобы разобраться в этом, нужно определить характерные признаки этих двух жанров.

Рассказ «сиюминутен». Повесть — вещь о былом, о том, что уже произошло. В повести событие всегда мыслится в прошлом [2]. Произведение «Вечный муж» ведётся в настоящем времени.

Для рассказа характерная неопределенна топография: дом, городская комната. В «Вечном муже» почти неопределённая топография: мост, «город», кладбище, дача.

В рассказе нет строгих пространственно-временных отношений, сама история происходит часы или дни, а в повести — дни и месяцы.

Фёдор Михайлович расписывает подробно время действий героев. Во сколько встал («в десятом часу»), сколько ждал («Он ждал долго, до полонины первого»), спал («Он проспал около трех часов») и т.д. Однако в расчёте времени действия «Вечный муж» является интересным примером. Всё происшествие занимает около месяца и повторная встреча героев состоит только через два года, то есть все события занимают два года и месяц, что наталкивает на мысль о романе. Но подробно расписаны только семь дней, что укладывается в рамки рассказа. В этом проявляется интересная парадоксальность произведения.

Часто в рассказе есть рассказчик, от имени которого и сообщается происходящее [4, с. 159]. Однако Ф.М. Достоевский не поддерживает такой традиции.

Подводя итоги, можно увидеть, что произведение «Вечный муж» включает в себя признаки как рассказа так и повести, хотя больше тяготеет к жанру рассказа.

Использование парадокса в рассказе «Вечный муж» помогает Фёдору Михайловичу показать всю сложность и глубину человеческой природы.

В своём рассказе Ф.М. Достоевский разделяет своих главных героев на типы: «хищный тип» и «смирный тип», охарактеризованные Н.Н. Страховым.

Вначале хищным типом представлен Вельчанинов. Он удачливый столичный светский человек, Дон Жуан, являлся объектом восхищения Трусоцкого. Павел Павлович же в предыстории изображён обычный, тихим, слабовольным, находящимся под полной властью своей жены.

Однако раскрытая измена жены заставляет героя преобразиться из покорного «вечного мужа» в коварного мстителя. И вот представители «хищного» и «смирного» типа меняются ролями. Вельчанинов, который обманывал Трусоцкого, неожиданно встретившись с ним после смерти Натальи Васильевны, чувствует, что Трусоцкий играет им.

Однако такая роль его не устраивает, он собирает все свои силы, вспоминает свои давние умения и становится прежним светским Вельчаниновым, дамским угодником. Он одерживает победу над Трусоцким, ведь над Павлом Павловичем смеётся вся молодёжь у семейства Захлебниных. Но победа Вельчанинова была недолгой. Он сам уже чувствовал нравственные муки. Да и сам Трусоцкий всего лишь через 24 часа попытается зарезать Алексея Ивановича бритвой. Вельчанинов снова становится жертвой, но после упорной борьбы он связывает Трусоцкого и затем отпускает. В конце рассказа Трусоцкий предстаёт перед читателями снова жертвой – новая жена имеет любовника. Вельчанинов протягивает руку Трусоцкому, но тот отказывается её пожать. И так всё движется по кругу.

В рассказе есть два сюжета, разграничивающиеся на «дневную» и «ночную» действительность, это «внешний» реалистический сюжет и «сюжет сознания» (метасюжет). В ночных сценах герои совершают совсем не свои собственные поступки, действуя по иной логике [3, с. 121].

Уход Вельчанинова в «подпольное» мышление начинается, когда «иногда по ночам, его мысли и ощущения почти совсем переменялись в сравнении с всегдашними и большею частью отнюдь не походили на те, которые выпадали ему на первую половину дня» [1, с. 7].

В «дневных» эпизодах главную роль играет Вельчанинов, а Павел Павлович превращается в «вечного мужа», играя комедийную роль. В «ночных» сценах образ Трусоцкого разнообразен.

По ходу сюжета Трусоцкий неоднократно называется призраком, видением и привидением.

«- Стойте! - крикнул опять Вельчанинов. - Вы не удерете?

- То есть как "удерете"? - вытаращил глаза Павел Павлович, поворачиваясь и улыбаясь с третьей ступеньки» [1, с.24].

Получается, что всё ещё не уверен в реальности своего посетителя.

Ещё одними из образов Трусозкого в «ночном» сюжете это сравнение его с мертвецом и смертью. Одной из важных деталей портрета Павла Павловича, которая долго сидела в голове у Вельчанинова, это черный креп на шляпе. Данная деталь указывает на прямую связь Трусозкого со смертью. После Вельчанинов называет этого незнакомца «висельником», будто это человек не носит траур по умершему, а сам является таковым.

Павел Павлович с самого начала похож на вестника смерти. Трусозкий заявляет о смерти своей жены. Позже в рассказе говорится о внезапной смерти Багаутова и Лизы, к которым Трусозкий косвенно, но причастен.

В рассказе есть два женских самостоятельных персонажа, которые имеют более менее раскрытые образы – это Наталья Васильевна Трусозкая и её дочь Лиза.

В «Вечном муже» говорилось, что внешность, интеллектуальные способности, а также манеры Натальи Васильевны не были чем то особенным. Однако она обладала необычайным магнетизмом при всей обычной внешности и низкого внутреннего мира. Вельчанинов вспоминает: «связь и любовь эта до того сильно владели им, что он был как бы в рабстве у Натальи Васильевны и, наверно, решился бы тотчас на что-нибудь даже из самого чудовищного и бессмысленного, если б этого потребовал один только малейший каприз этой женщины. Ни прежде, ни потом никогда не было с ним ничего подобного» [1, с. 25-26].

На вопрос Вельчанинова об их отношениях, и не узнает ли об этом муж, Наталья Васильевна отвечала «с некоторой досадой, что муж ничего не знает, и никогда ничего не может узнать, и что «все, что есть – совсем не его дело».

Госпожа Трусозкая любила свободу, но в «подпольном» её понимании. То есть как вседозволенность. Она была замужем, однако изменяла мужу, предполагая, что это касается только её. Невероятно, но она была верна своим любовникам. Правда, пока они ей не надоедали.

«Характер решительный и владычествующий; примирения наполовину с нею быть не могло ни в чем: «или всё, или ничего». В делах затруднительных твердость и стойкость удивительные. Дар великодушия и почти всегда с ним же рядом — безмерная несправедливость. Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили... Она любила мучить любовника, но любила и награждать. Тип был страстный, жестокий и чувственный» [1, с. 27]. В этом отрывке показана «подпольная» сущность героини. Ведь этот тип признаёт только тираническую любовь. Эта женщина являла собой пример двойственности. Добро и зло в ней шагали бок о бок. Великодушие и несправедливость, чувственность, но жестокость, умение награждать, но при этом любовь к мучительству.

Отношения Вельчанинова и Трусоцкого с Натальей Васильевной имеют своеобразное продолжение, показанное в их «поединке» за Лизу, которая становится третьей стороной треугольника. Однако здесь она в зависимом положении от обоих мужчин.

Сложно сказать, кто виноват в смерти маленькой девочки. С одной стороны, это Вельчанинов виноват, что Лиза является плодом греха. Вельчанинов отнимает ребёнка у отца. Она не хочет уезжать. Даже после того, как Павел Павлович всё-таки заставляет её поехать. Однако Трусоцкий сам довёл Лизу до столь ужасного состояния. Когда он узнал об изменах жены, он стал вымещать гнев и злость на бедном ребёнке. Он издевался над ней, обзывал, жестоко щипал, в держал в грязном номере

Трусоцкий ночует у Вельчанинова, чтобы на следующий день поехать к Лизе на дачу к Погарельцевым. Однако утром, когда Вельчанинов проснулся, он узнал, что Павел Павлович убежал. Выходит, что Трусоцкий несмотря на слова о любви к Лизе, меньше всего волнуется о ребёнке.

Скорее всего, в смерти Лизы виноваты оба (что также указывает на их взаимосвязь как двойников). Получается, что рождение и смерть девочки это преступление, которое связывает и отдаляет Вельчанинова и Трусоцкого друг от друга

Можно сказать, что смертью девочки Трусоцкий мстит своему обидчику. Он почти специально убивает Лизу, чтобы причинить боль Вельчанинову, несмотря на то, что сам же потом будет чувствовать боль.

Выходит, что Павел Павлович в конце рассказа не может простить Вельчанинова потому, что сам виноват в смерти Лизы, сам мучал и издевался на тем, кого так сильно любил. Всю парадоксальности ситуации выражает такая фраза: «Как же мог быть так жесток этот изверг к ребенку, которого так любил, и вероятно ли это?» [1, с. 63].

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 9. – Л.: Наука. – 1974. – 528 с.
2. Захаров, В. Н. Система жанров Достоевского типология и поэтика: [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/460737/>
3. Криницин, А. Б. «Сюжетно-мотивная структура повести «Ф.М. Достоевского «Вечный муж» // Достоевский и мировая культура. № 28. – 2012. – 114-160 с.
4. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс. – 1999. – 334 с.

Polyanskaya N.V.

THE PARADOXICAL PRINCIPAL IN F.M. DOSTOEVSKY'S POETICS (BASED ON "THE ETERNAL HUSBAND" SHORT STORY)

Abstract. The role of paradox in a short story "The Eternal husband" by F.M. Dostoevsky is demonstrated in this article.

Key words: Paradox; character relationships; plot; genre.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЧИТУЛИ (НЕКРОЛОГА) В СЕРБСКОЙ МАССМЕДИЙНОЙ СРЕДЕ ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена комплексному описанию РЖ читули (серб. ‘читуља’) – некролога в сербской лингвокультуре в текстах массмедиа.

Ключевые слова: речевой акт; речевой жанр; некролог; квазиадресация.

Жанр некролога является малоизученным в современной лингвистике. В сербской лингвокультуре был выработан особый речевой жанр (далее – РЖ) читули (серб. ‘читуља’), обладающий рядом уникальных свойств в плане заполнения своего фрейма и специфики адресата и адресанта. Толковый словарь Матицы сербской гласит: читуља – «объявление, обычно в газетах, в котором публикуется информация о смерти того или иного человека с данными о похоронах и т.д.» [7, с. 1487]. РЖ читули (некролога) представлен в масс-медийной сфере общения, преимущественно на кириллице, что связано с влиянием на РЖ традиций православной культуры, связанных со смертью и погребением усопшего. Публикуется в крупных медийных изданиях общественно-политической направленности, в региональных газетах.

Данный РЖ анализируется нами в аспекте изучения входящих в него речевых актов (далее – РА): «речевой акт – это (действие) отдельная реплика в диалоге, наделенная определенной иллокутивной силой и вызывающая, предполагающая определенный перлокутивный эффект... Иначе говоря, это элементарная единица речи. Речевой же жанр – особенно если учесть вторичные РЖ – это более развернутое сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов» [3, с.58-59]. Тексты данного РЖ являются примерами креолизованных текстов. Для оформления текста (вербальный компонент) используются чёрные рамки, также в некрологе публикуется фотография умершего (невербальный, иконический компонент).

По модальности можно выделить следующие группы некрологов-читуль:

1) информативный: формальное объявление-оповещение о смерти. Данный тип текстов строится по шаблону, в нём присутствуют только ядерные РА и используются исключительно речевые формулы оповещения и выражения скорби, что влечёт к нивелировке эмотивных компонентов;

2) эмотивный: тексты комплексного характера (с информативной и эмотивной составляющей), цель которых – выражение психоэмоционального

688 | состояния адресанта по поводу смерти. В таких текстах значительна доля периферийных компонентов. Структура таких текстов гибкая и вариативная при наличии формул выражения скорби.

По тематическим типам различаются:

- 1) некролог-объявление о недавнем факте смерти;
- 2) некролог-объявление о памятных мероприятиях (серб. помен) в связи с годовщиной смерти или памятной датой (40 дней, год, 5 лет со дня смерти).

В РЖ читули можно выделить следующие слоты: РА объявления, РА подписи – ядерные, РА пожелания, РА пожелания, РА обещания, РА похвалы, РА скорби, РА признания (редко) – периферийные. Нарративный компонент относится к крайней периферии РЖ.

РА оповещения является ядерным в читуле, что отражается в наличии заполняющих РА оповещения клишированных конструкций со стержневым глаголом оповештавати (оповещать), использующимся с существительными в форме В.п., обозначающими лиц, с которыми адресат находится в родственных или приятельских отношениях. В РА оповещения обязательно упоминается дата смерти и факультативно возраст покойного. («Обавештавамо родбину и пријатеље да је дана 11.2.2017. преминуо наш драг и вољен Вукоман Црнковић» [5, с.30]: «Оповештаем родных и приятелей о том, что 11.2.2017 г. умер наш дорогой и любимый Вукоман Црнкович»). Данная конструкция не несёт эмотивной нагрузки и является обязательной для всех текстов объявлений о смерти. В текстах оповещений также присутствует эмотивный компонент, однако он выражается с помощью клишированных конструкций наш драги + имя, наш вољени + имя, с тужним срцем + гл. обавештавати в ф. 1 л. мн.ч., что снижает эмотивную нагрузку текста и выдвигает на первый план информативную составляющую. В РА оповещения (информативный тип) также присутствует информация о времени и месте отпевания и похорон. В эмотивном тексте такая информация не присутствует.

РА подписи обязателен в некрологе. С его помощью производится указание на адресата: как индивидуального, так и коллективного. Распространённой формулой подписи является конструкция прил. ожалошћени (скорбящий) + имя/сущ. породица (семья): «Ожалошћени: ћерка Мирјана и син Саша» [1, с.34]: «Скорбящие: дочь Мирьяна и сын Саша». Также могут опускаться имена адресантов, и вместо них автономно используются существительные, указывающие на родственные связи адресанта(-ов) и умершего или субстантивированные существительные, показывающие эмоциональное родство между адресантом и умершим («Захвална деца» [1, с.35]: «Благодарные дети»). РЖ читули, таким образом, являясь медийным жанром, остаётся жанром малой группы, то есть печатается в первую очередь для семьи, круга близких друзей покойного. Гибридизируются РА подписи и признания: «Волимо те, Твоји НАЈМИЛИЈИ» [1, с.35]: «Любим тебя, Твои самые милые». Таким образом, данный РЖ сочетает в себе черты массового и межличностного общения.

Своеобразен характер адресации в читуле. С одной стороны, адресат теста – прогнозируемый обобщённый (что характерно для масс-медийной

сферы общения), поскольку публикуется в целях информирования о факте смерти круга близких и знакомых семьи покойного. Данный адресат обуславливает информирующую функцию текста. Вместе с тем, своеобразием данного РЖ (эмотивной группы) является наличие квазиадресата (покойного), к которому обращается автор читули. Примеры квазиадресации в этом жанре многочисленны, и они призваны подчеркнуть особое расположение, тёплые чувства по отношению к покойному и нивелировать факт утраты с помощью диалогизации текста некролога. Квазиадресация характеризует периферийные РА обещания, РА благодарности, РА скорби и РА похвалы, а также нарратив.

К компонентам ближней периферии относятся РА обещания, РА благодарности и похвалы. В данных РА присутствуют многочисленные эпитеты положительной семантики, призванные представить положительный образ квазиадресата у массового читателя. Часто мы имеем дело с гибридизацией данных жанров: Миђо, ти одлазиш, али твоје људске врлине не могу бити заборављени, оне ће увек бити са нама [5, с.31]: Мичо, ты уходишь, но твои добрые свойства твоей души не могут быть забыты, они всегда будут с нами – гибридизируются РА обещания и похвалы. В РА похвалы преимущественно используются конструкции с элементом хвала (спасибо) + за + сущ. в Акузативе (В.п.) „Хвала ти за љубав и подршку коју си ми увек давала“ [5, с.32]: „Спасибо за любовь и поддержку, которую ты мне всегда давала“ – гибридизация РА благодарности и похвалы. Для РА обещания характерно наличие глагольных форм простого будущего времени. Отметим, что РЖ читуле характеризует режим Ты-общения, то есть квазиадресация осуществляется с помощью употребления местоимений ти/твој (ты/твой) и глаголов в форме 2 л. ед.ч. («Странице које си исписао о нашој породици вечно ће нас подсећати на тебе. Хвала ти за све» [5, с.32]: «Страницы, которые ты написал о нашей семье, вечно будут напоминать нам о тебе. Спасибо тебе за всё»).

РА пожелания включает в себя множество речевых формул, связанных с ритуалом похорон и религиозными представлениями о загробном мире, например: лака му црна земља (рус. эквивалент ‘пусть земля будет пухом’), нека ти анђели чувају ‘пусть тебя хранят ангелы’, нека почива у миру бојђем ‘пусть почивает в мире божем’ [8]. Метафорика, присутствующая в данном РЖ, связана с идеалистическим изображением рая в народном сознании, на что указывает сравнение покойника с ангелом, смерти с дорогой и включение в текст некролога указания на предметы похоронного ритуала (розы): «Сретан ти пут, лепа наша... Нека буде ти посут ружама» [2, с.19]: «Счастливого пути, наша красавица. Пусть он будет усыпан розами».

РА скорби реализуется с помощью глагола недостајати ‘не хватать’ в форме футура 1. (простого будущего времени) с именной конструкцией или им.сущ./местоимением в форме Д.п.; в некоторых случаях при глаголе используются и именные компоненты в форме В.п.: «Недостајаће ми њена љубав, осмех и подршка»: «Мне будет не хватать её любви, улыбки и поддержки» [5, с.32].

Нарратив представляет собой положительную характеристику покойного, поэтому в нарративе, как правило, присутствует косвенный РЖ похвалы. Нарратив чаще встречается в региональных изданиях и является в данном РЖ компонентом дальней периферии. В нарративе могут описываться воспоминания из прошлого: «Сада, када твоје срце изненада престало да куца, нама, твојим пријатељима и колегама остају само сећања и успомене на заједнички рад, на дружење, приче и шале, остају нам само успомене на једног великог човека добре и племените душе, човека великог срца, доброг друга и великог пријатеља» [4, с.25]. Также нарратив может указывать на жизненные обстоятельства, приведшие к кончине: «Мама, бориле смо се заједно, храбро, али нажалост, болест је победила» [1, с.34]: «Мама, мы вместе храбро боролись, но, к сожалению, болезнь победила». В нарративе активно используются средства языковой выразительности, например, метафоры положительной семантики при описании покойного (племенита душа, велико срце) и метафорическое указание на смерть (срце изненада престало да куца), олицетворение (болест је победила). К средствам языковой выразительности на синтаксическом уровне относятся параллелизм и ряды однородных членов предложения. В отдельных случаях нарратив обретает черты вымышленного сюжета, связанного с интерпретацией адресантом загробного мира и включает в себя элементы квазиадресации: «Bili jednom brat i sestrice, voleli se kao mala deca, a sada ih na zemlji nema više, jer ih anđeli od majke rastaviše. Nestalo je onih lepih dana, sreće, smeha, glasova, lepote. Sada osta moje srce tužno da pati i čeka zvezde dve da se uveče pojave i kažu: «Majko, više nismo sami, sad smo zajedno, sad smo ljudi, nismo mali vragolani». Nikada vas ne mogu zaboraviti ni vašu sliku izbrisati iz glave. Živećete večno u majčinom srcu, deco moja mila. Vaša mama Vesna»: «Жили-были брат с сестрой, любили друг друга, как маленькие дети, а сейчас их на земле больше нет, потому что их ангелы с матерью разлучили. Исчезли прекрасные дни, счастье, смех, звон голосов, красота. Сердце моё сейчас в печали, страдает и ждёт две звезды, которые появляются вечером и говорят: «Мама, мы больше не одни, мы вместе, сейчас мы взрослые, мы больше не те маленькие проказники». Никогда вас не смогу забыть и ваш образ не сотрётся из моей памяти» [6, с.25]. Данный пример примечателен тем, что в него включены вымышленные слова покойных, и квазиадресат становится квазиадресантом, от лица которого строится прямая речь.

Отметим, что с целью более глубокого выражения эмоционального состояния адресанта в эмоциональном типе читуль может опускаться ядерный РА оповещения. Его заменяет развёрнутый нарратив, РА пожелания или РА признания, как в следующем примере: «МОЈОЈ НАЈБОЉОЈ МАМИ НА СВЕТУ МИЦИ. Мама, волим те највише на свету. Заувек. Твоја ДРАГАНА» [1, с.34]: «МОЕЙ ЛУЧШЕЙ МАМЕ НА СВЕТЕ МИЦЕ. Мама, я люблю тебя больше всего на свете. Навсегда. Твоя Драгана».

В эмотивном типе при РА оповещения и скорби частотны обращения с гипокористиками личных имён, особенно к старикам, девушкам и детям.

С целью указание на приятельские отношения, существовавшие при жизни покойного между ним и адресантом некролога. Примечательно, что форма гипокористики может употребляться как с формой полного имени («Напустила нас наша драга тетка, заова и бака АНГЕЛИНА АНБА ЈОВАНОВИЋ» [5, с.32]: «Покинула нас наша дорогая тѣтя, золовка и бабушка Ангелина Андџя Йованович»), так и самостоятельно, что используется в некрологах, обращѣнных к кровным родственникам и близким друзьям («Нашем САВИ последњи поздрав» [5, с.30]: Последний привет для нашего САВЫ“) (там же). Отметим, что использование прозвищ вместо имѣн чаще встречается при обращении к умершим приятелям, друзьям: «БОБИЦЕ, нека ти анђели чувају. Биба, Васке и деца»: «ЯГОДКА, пусть тебя хранят ангелы. Биба, Васке и дети» [2, с.24]. Конструкция последњи поздрав является клишированной, запечатлевает ритуальные традиции прощания с усопшим.

Таким образом, набор слотов данного РЖ вследствие своей разнородности и сочетания черт массового и межличностного общения варьируется в зависимости от прагматической установки адресанта (информировать и/или вызвать эмоциональный отклик у адресанта), в связи с чем можно выделить два фрейма данного РЖ: информативный (без периферийных слотов) и эмотивный (с периферийными слотами). Соответственно по своей модальности и прагматической установке ядерные РА можно назвать информативными, периферийные – эмотивными. Во многих текстах данного РЖ информативные РА вытеснены эмотивными. В РЖ присутствуют гибридизированные РА (РА подписи и РА признания, РА пожелания и РА благодарности): гибридизация осуществляется с целью выражения эмотивного содержания в тексте ограниченного объѣма. Отличительной чертой данного жанра является наличие квазиадресата и квазиадресанта.

Литература

1. «Вечерне новости». Бр. 2530. Белград. – 24.02.2017. – 34-35 с.
2. «Дневник». Бр. 25062. Нови Сад. – 24.11.2016. – 17-25 с.
3. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты и проблемы) // Жанры речи. Вып. 2. – 1999. – 51-56с.
4. «Нове кикиндске новине». Бр. 100. Кикинда. – 28.06.2012. – 25с.
5. «Политика». Бр. 37091. Београд. – 13.02.2017. – 32-33с.
6. «Сомборске новине». Бр. 3263. Сомбор. – 06.01.2017. – 25с.
7. Николић М. Речник српског језика. Нови Сад, Матица српска. – 2011. – 1487с.
8. <http://www.prostorsombor.rs/services/citulje>

Rudakov M.A.

SERBIAN'S SPEECH GENRE NECROLOGY ('ČITULJA') IN MASS-MEDIA TEXTES

Abstract. The article describes the Serbian linguistic culture's speech genre necrology (Serbian 'čitulja') in mass-media textes.

Key words: Speech act; speech genre; necrology; quasiadresation.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕДУЦИРОВАНИЯ ЗВУКОВ [ɪ] И [ə] В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Работа посвящена редукции гласных [ɪ] и [ə] в английском и русском языках. Особое внимание обращается на позицию гласных в слове и степень их редукции в зависимости от ударного слога. Автор выясняет, каким образом редуцируются звуки [ɪ] и [ə] в английском и русском языках с помощью редукции второй степени.

Ключевые слова: русский язык; английский язык; фонетика; редукция гласных.

Когда гласная в слове является безударной, она произносится по-разному в зависимости от положения ударного слога. Этот процесс называется ослаблением, или редукцией. В таком случае гласные становятся похожими на [i] и [ɪ] или на Schwa [ə] – гласный звук среднего ряда среднего подъёма. В английском языке различают две группы гласных. Первая группа - гласные полного образования, находящиеся большей частью под ударением, вторая группа - гласные в безударных слогах, то есть редуцированные звуки. Обе группы содержат элементы, строго принадлежащие одной из вышеперечисленных групп и не появляющиеся в любых других позициях. Таким образом, они нейтрализуются либо в безударных, либо в ударных слогах.

Одним из часто встречающихся нейтральных звуков является Schwa [ə]. Кроме того, Schwa в английской фонетике может стоять в исключительно непредвокальной позиции и в безударных слогах. Из этого следует, что [ə] всегда редуцированный (например, tutor /'tju:tə/ “репетитор” или ago /ə'gəʊ/ “тому назад”). Schwa может занимать позицию в конце слова (например, water /'wɔ:tə/ “вода” или the /ðə/ “определенный артикль”) или в начале (например, appear /ə'piə/ “появиться”). Такие функциональные слова, как are [ɑ:] (множественное число глагола «быть»), at [æt] (предлог «на») и us [ʌs] (родительный, винительный и дательный падеж местоимения «мы»), обычно используются в своих слабых формах [6, с.124], то есть они являются редуцированными, поскольку в большинстве случаев согласовываются со словами, стоящими за ними.

Н. Хомский и М. Халле отмечают, что почти каждый ненапряженный и неударный гласный редуцируется на [ə]. Это служит основанием правила редукции гласных [4, с.111]. Следует обратить особое внимание на то, что в определённых условиях слоговые согласные свободно сочетаются с [ə], и это позволяет говорить о синкопе [8, с.504-505]. Звукосочетание как C1əC2, в котором C обозначает consonant «согласный», является неизбежной средой, в которой могут образоваться слоговые согласные. Поскольку это явление нам поможет в дальнейшем исследовании понять систему редукции гласных в английском языке, необходимо знать, как оно работает и как работают слоговые или, другими словами, силлабические согласные. Что касается звукосочетания этой интерконсонантальной (между согласными) позиции, то перед согласным C2, являющимся возможным слоговым согласным, должен стоять редуцированный звук [ə], предшествующий C2 и отличающийся от него, то есть неидентичные согласные могут неизбежно занять место согласного C1. При этом получается, что по иерархии звучности в английском языке C1 является менее звучным (сонорным), чем C2 [8, с.141-144]. Например, barrel /'bærəl/ → ['bærɪ] «бочка», irony /'aɪrəni/ → ['aɪnɪ] «ирония», button /'bʌtən/ → ['bʌtn] «кнопка, пуговица».

Гласные [i] и [ɪ] нейтрализуются в некоторых позициях, так как оба могут оказаться в различных положениях. Точнее [i] может стоять только в конце слова (например, happy /'hæpi/ «счастливый») или перед гласными (например, studio /'stju:diəʊ/ «студия»), вследствие чего необходимо запомнить, что [i] никогда не стоит перед согласными, как в слове music /'mju:zɪk/ «музыка» [8, с.143-145]. Н. Хомский и М. Халле приходят к выводу, что исключительно безударные нижние гласные могут занимать место в конце слова. В соответствии с их анализом [ɪ] в конце слова и в предвокальной позиции считается безударным, но напряжённым звуком. Так как это правило носит общий характер, оно может применяться не только в случае [i], но и для каждого гласного, стоящего в конце слова [4, с.111] (например, fiasco /fi'æskoʊ/ «фиаско»), или у предвокального гласного не нижнего ряда (например, annual /'ænjʊəl/ «ежегодный»).

М. Тёркенци и П. Сигетвари пользуются знаком +IND, для того чтобы изображать различную среду индикатора, предсказывающего то, что речь идёт либо о безударных гласных, либо о гласных полного образования [9, с.506]. Знак -IND – среда нон-индикатора (без индикатора) – показывает среду, в которой невозможно предсказать, являются ли гласные безударными или полностью образованными. Благодаря этому, есть позиции, в которых априори понятно, являются ли безударные гласные редуцированными и считаются ли они гласными полного образования, но не редуцированными. Поэтому самая легко определяемая среда +IND сопровождается «правилом синкопы», так как это правило может применяться только в случае, если следующий слог

694 | редуцирован. Как было уже сказано, для того чтобы согласный стал силлабическим, ему должен предшествовать /ə/, безударные /i/ или /i:/ и следующие, отличающиеся от него согласные [8, с.144]. Место этого безударного гласного определяет, является ли [i] гласным полного образования или редуцированным. Это явление может привести к выпадению звука. В случае если они находятся в интерконсонантальной позиции, второй согласный является сонорным и не полугласным согласным, первый согласный является менее сонорным согласного C2 с последующим редуцированным гласным. Благодаря этому, в слове *memory* /'meməri/ → ['memrɪ] → ['memrɪ] “память” правило применяется удовлетворительно, но в слове *memorise* /'meməraɪz/ → *['memrɪz] → *['memrɪz] “запомнить” правило применяться не может, поскольку /aɪ/ получает просодическое третичное ударение. В примерах транскрипции мы используем знак «*» как маркёр ошибочного невозможного варианта, тем самым показывая, что правило применить невозможно. Таким образом, если [i] или [i:] могут занимать место последующего редуцированного гласного, то они считаются редуцированными, но, конечно, исключительно в том случае, когда может применяться синкопа и соблюдены все обозначенные условия, как, например, в слове *maverick* /'mævərɪk/ → ['mævɪk] “инакомыслящий” [9, с. 509].

Флапинг, или тапинг является фонологическим процессом, живущим во многих диалектах английского языка. Его суть заключается в том, что согласные звуки /t/ и иногда /d/ произносятся как одноударные согласные, то есть флэпы - в некоторых позициях хлопающие согласные, например, между другими согласными [5, с.225]. Флапинг в американском диалекте считается также средой +IND, так как он появляется тогда, когда ему предшествует редуцированный гласный звук. А.К. Риль считает, что согласный, образованный с помощью языка вместе с альвеолярным отростком, становится одноударным согласным, сопровождающим несогласный сегмент и предшествующим безударному слогу (будь то гласный или слоговой согласный) [7]. Флапинг может применяться в словах типа *gravity* /'grævəti/ → ['grævəɾɪ] – “гравитация” и *cottage* /'kɒtɪdʒ/ → ['kɒtɪdʒ] “коттедж”, но не может применяться в случае, например, *gravitate* /'grævɪteɪt/ → *['grævɪreɪt], учитывая, что [eɪ] является гласным полного образования, а не редуцированным.

Русские гласные, попадающие в безударную позицию, ослабляются в значительной степени и теряют свое качество. В зависимости от места безударного гласного относительно ударения в слове различаются две степени редукции (первая и вторая) [2, с.27].

Первая степень редукции наблюдается в первом предударном слоге, в самом начале и в конце слова (например, *дело* [dʲ'elə], *атака* [tʲ'akə] и *море* [m'orʲɪ]). Вторая степень редукции наблюдается во втором, третьем и других предударных слогах (например, *карандаш* [kəɾɛndʲ'asʲ], *перевод* [pʲɪrʲɛ'vɔtʲ]). Наибольшей редукции подвергается первый гласный заударного слога (например,

са́хар [s'axəŋ], го́род [g'orət]) [1, с.54]. В русском языке гласные под ударением произносятся сильнее, чем безударные гласные. Более того, в русском языке различают качественную и количественную редукцию гласных. С точки зрения нашего анализа, [a], [o] и [ɔ] подвергаются качественной редукции, характер их звучания меняется значительно, качественно, по сравнению с [u] и [y], подвергающимися количественной редукции.

Поскольку наша работа сосредоточена на таких редуцированных звуках, как [ɪ] и [ə], мы будем рассматривать только вторую степень редукции, так называемую сильную редукцию. Гласные сильной редукции находятся в предударных и заударных слогах, то есть это безударные гласные, находящиеся ни в позиции первого предударного слога, ни в позиции начала слова [3, с.21-22]. При этом гласные второй степени редукции встречаются во втором, третьем и четвёртом предударном слогах (например, самова́р [səmev'ar], водоворо́т [vədəvrət] и т.п.). По длительности эти редуцированные гласные на два раза короче гласного [a] под ударением. Если сравнивать их по качеству звучания, то можно сопоставить с нейтральным гласным [ə], который может встречаться и в английских словах. Однако стоит отметить, что произношение русского [ə] звучит более отчётливо, чем английское нейтральное [ə]. Редукция гласного [a] встречается в закрытых заударных слогах, например, запад, сахар, рядом. Длительность этого звука составляет $\frac{1}{4}$ длительности [a] под ударением [2, с.28-29]. По качеству этот редуцированный гласный уже более похож на английский нейтральный звук [ə], чем он есть в остальных предударных слогах.

Русский безударный [u] в меньшей степени подвергается какой-либо редукции, во всех позициях он сохраняет свой характер лабиализованного гласного, но в безударных позициях изменяется его длительность и степень его напряжённости. Он только произносится короче, то есть происходит только количественная редукция [2, с.33]. На это следует обратить внимание, так как в английском [u] может редуцироваться на [ə], и происходит качественная редукция. При этом для англоговорящих могут возникать проблемы при произношении безударного [u], поскольку вероятен факт ошибки, и этот звук может произноситься как [ə]: например, укро́п [okr'op] → *[əkr'op] или угово́рить [ugəvrj'itj] → *[əgəvrj'itj]. В случае если [u] стоит рядом с мягкими согласными, он произносится как более закрытый и более продвинутый вперёд гласный: например, любя́мый [lʲubj'imj] или дя́дюшка [dʲj'ædʲuʂkə].

Гласный [e] после палатализованных согласных в первом предударном слоге, в самом начале слова и после гласных произносится как [ɪ], но склоняется к [e], и между ними возникает промежуточный звук. В остальных положениях [e] произносится как [ɪ]. Следует обратить внимание на то, что в случае редукции второй степени звук [a], как и звук [e], после мягких палатализованных согласных звучит как [ɪ], то есть эти звуки подвергаются качественной сильной редукции [1, с.55]. Что касается звука [ɪ], то он в без-

696 | ударном положении произносится немного короче, чем [и] под ударением, и может быть более открытым и отодвинутым назад.

Таким образом, мы рассмотрели явление редукции в английском и русском языках, особое внимание обратили на редукцию второй степени в русском языке. В ходе сопоставительного анализа выявили, что в английском и русском языках характер образования редуцированных звуков [ɪ] и [ə] может совпадать, и по качеству звучания в обоих языках они похожи. Важно отметить, что знание и понимание основных правил редукции английских гласных может быть полезным при отработке фонетических навыков на занятиях по русскому языку с использованием языка-посредника английского. На наш взгляд, англоговорящим обучающимся удаётся быстрее и легче понять систему русской редукции, чем говорящим на другом языке, где, как например в венгерском, явление редукции гласных отсутствует.

Литература

1. Битехтина Н.Б., Климова В.Н. Русский язык как иностранный: фонетика. М.: Русский язык. Курсы, 2011.
2. Братусь Б.В., Вербицкая Л.А. Пособие по фонетике для иностранных студентов-филологов. М.: Русский язык, 1983.
3. Скрипник Я.Н., Смоленская Т.М. Фонетика современного русского языка: Учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010.
4. Chomsky, N., Halle, M. The Sound Pattern of English // New York: Harper and Row. 1968.
5. Giegerich, H.J. English Phonology // Cambridge University Press. 1992.
6. Nádasdy, Á. Background to English pronunciation // Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó. 2006. P. 95-145.
7. Riehl, A.K. American English Flapping: Perceptual and Acoustic Evidence Against Paradigm Uniformity with Phonetic Features // Working Papers of the Cornell Phonetics Laboratory 15. 2003. P. 271.
8. Szigetvári, P. Syncope in English // The Even Yearbook 5. 2002. P. 139-149.
9. Törkenczy M., Szigetvári P. A Thistle, or How to Tell a Reduced Vowel Rare Device: Writings in Honour of Ágnes Péter ELTE Papers in English Studies, Bálint Gárdos, Veronika Ruttkay, and Andrea Timár (eds.) // Department of English Studies, Eötvös Loránd University, Budapest. 2011. P. 503–513.

Szabó Ádam

HOW VOWEL REDUCTION APPLIES TO [ɪ] AND [ə] IN ENGLISH AND RUSSIAN

Abstract. The following article is devoted to the discussion of reduced vowels as [ɪ] and [ə] in English and Russian. First of all, reduction as a general phenomenon and the classification of English vowels are to be discussed. Secondly, we will get an insight to the reduction of [ɪ] and [ə] in English, and finally, in Russian with the help of the extreme reduction.

Key words: Russian language; English language; phonetics; vowels reduction.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ «JOIE» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье на материале текстов произведений французской литературы, толковых и фразеологических словарей предлагается описание когнитивных моделей лексемы «joie» во французской лингвокультуре. Выделены и представлены основные когнитивные модели, описывающие физиологическое проявление эмоционального состояния радости.

Ключевые слова: концепт; когнитивная модель; радость; эмоция; языковая картина мира.

Любой человек является носителем концептов, имея собственный культурный опыт, культурную индивидуальность. Несмотря на широкое распространение, термин «концепт» до сих пор не имеет однозначного толкования и варьируется в концепциях различных научных направлений. Например, Г.Г. Слышкин определяет концепт как «условно-ментальную единицу» [2, с. 35]. Формирование концепта представлено им как процесс соотнесения результатов опытного познания действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, искусстве и т. д.

Для репрезентации мыслительных процессов исследователи достаточно часто широко используют модели, именуемые «схема», «фрейм», «скрипт», «сценарий». В нашем случае это когнитивные модели. Термин «когнитивная модель» по меньшей мере используется в трёх значениях. Для раскрытия данного понятия мы воспользуемся формулировкой М.В. Пименовой: «Под когнитивными моделями понимается некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире» [1, с. 14].

Эмоции служат предметом изучения многих наук, так как они являются неотъемлемой частью человеческой сущности. Различные эмоциональные состояния в наибольшей степени передают невербальные средства общения, выражающие истинное отношение говорящего к явлениям окружающей действительности и в значительной степени определяют особенности коммуникативного поведения, оказывая сильное влияние на процесс взаимодействия представителей разных наций.

Эмоция радости относится к основным первичным или базовым эмоциям. Это свидетельствует о том, что данная эмоция обладает большим количеством различных характеристик и особенностей их выражения в том или ином языке, а в нашем случае во французском языке.

В данном исследовании, проанализировав лексические единицы, объединенные структурно-семантической связью со словом *joie*, глаголы и фразеологические единицы, описывающие физиологическое проявление эмоционального состояния радости, мы попытались выявить несколько когнитивных моделей, представляющих «*joie*» в современном французском языке. Материалом для нашего исследования послужили словарные статьи из толковых и фразеологических словарей, а также тексты произведений французской литературы, где данные конструкции введены в контекст.

Физиологические проявления эмоционального состояния радости представлены в основном метафорами. Отобранный материал мы распределили по группам в соответствии с основными признаками, описывающими *joie* (радость).

1. Кинесические способы выражения эмоции.

Кинесические способы выражения радости являются основным средством его внешних проявлений. Одним из основных средств выражения эмоционального состояния радости являются смех и улыбка. Проявления улыбки или смеха легко расшифровываются и почти всегда свидетельствуют об эмоции радости.

1) *Le sourire et la joie éclataient dans ses yeux et sur ses lèvres.* (Stendhal, 228);

2) *C'était une sensation extraordinaire et elle rit de joie quand ses longues mèches s'envolèrent* (Benzoni, 71).

При передаче ЭС радости во французском языке используются также эмоциональные кинемы лица в целом, выражения глаз и т.п. Например:

3) *Son visage s'éclaira d'une joie intense qu'elle s'efforçait de contenir* (Pagnol, 101);

4) *Il la serrait dans ses bras : «Tu es revenue!» et elle restait jusqu'à l'aube à cause de cette joie sur son visage* (Beauvoir, 62).

Способ описания эмоции через кинемы выражения глаз часто используется во французском языке.

5) *Les petits yeux du chevalier Riscara brillèrent de joie (...)* (Stendhal, 260).

В то же время эта эмоция может выражаться и слезами, и смехом одновременно, как это показано в следующем примере:

6) *Elle s'exaltait. Les mots se bouscullaient dans sa bouche. Elle riait, pleurait en même temps* (Laffont, 73).

2. Внешние выражения.

К внешним выражениям ЭС радости относятся такие действия, как: *frémir, tressaillir, sauter, danser, trépigner, se pâmer de joie* (R). Например:

7) J'ai sauté de joie quand cet abominable Crevel m'a fait ces atroces propositions-là (Balzac, 321);

8) Il voudrait danser de joie, prendre le monde à témoin de sa félicité (Duquesne 1, 201).

Типичными действиями являются также жесты субъекта эмоции, к которым могут примешиваться крики или другие звуковые сопровождения:

9) Va te faire foutre, Baudouin! hurla-t-il à nouveau. Et son écho, des cris de joie, des hurrah, des bravos, des vivats (Laffont, 171).

Одной из типичных внешних реакций на ЭС радости во французской культуре является «потирание рук» от радости или удовольствия.

10) Il se frottait les mains, tout en marchant avec une joie intime, la joie du succès sous toutes ses formes, la joie égoïste de l'homme adroit qui réussit, la joie subtile, faite de vanité flattée et de sensualité contente, que donne la tendresse des femmes (Maupassant, 278).

Анализ данных примеров позволяет построить следующие когнитивные модели лексемы *joie*, выраженные в формах невербальной коммуникации:

1. Кинесические способы выражения: улыбка; смех, кинема лица; глаза; слезы.

2. Внешние проявления: крики, звуки; потирания рук; прыжки, скачки, действия.

Данный список можно продолжить и выявить другие возможные преобразования когнитивных моделей лексемы *joie*.

Данная работа также показывает, что французский язык обладает широким спектром языковых средств, служащих для описания эмоциональной сферы человека.

Литература

1. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований [Текст] / М.В. Пименова // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 14 с.

2. Слышкин, Г.Г. Концептологический анализ институционального дискурса [Текст] / Г.Г. Слышкин // Филология и культура. – 2001. – С. 34-36.

Sambotsyrenova I.K.

COGNITIVE MODELS OF THE LEXEME «JOIE» IN FRENCH LANGUAGE

Abstract. The article discusses the description of the lexeme “joy” in the French language based on the materials of French literature, explanatory dictionaries and dictionaries of phrase and idiom. The main cognitive models of physiological display of the emotional state of joy are described and represented.

Key words: Concept; cognitive model; joie/joy; emotion; linguistic view of the world.

Семенцова Дарья Игоревна
студент ФГБОУ ВПО «Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского»
Брянск, Россия
sementsova_dashuta@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНТРАПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ

Аннотация. В статье рассматриваются лексические средства, представляющие интрапространство в лирике А.Ахматовой: *лексемы сердце, душа, тело, я.*

Ключевые слова: Язык художественной литературы; поэтический контекст; лексема; семантика; интрапространство.

Лирика А.А. Ахматовой – самобытное явление в русской поэзии. За сдержанной формой её стиха мы видим трагические переживания, рельефно проявляющиеся через, казалось бы, нейтральные детали. Наиболее ярко душевное состояние лирического героя передаётся посредством употребления ключевых лексем, репрезентирующих интрапространство. По нашим наблюдениям, к их числу в первую очередь можно отнести сердце, душа, я. Особняком стоит лексема тело, приобретающая в определённых поэтических контекстах антонимичную семантику «физическая оболочка» либо «вместилище чувств и эмоций».

Рассмотрим перечисленные ключевые лексеммы подробнее.

Лексема сердце употребляется в следующих значениях.

1. «Духовно-вещественная субстанция». Это вместилище разнообразных чувств, свойственных человеку, но обладающее, однако, вещественными характеристиками: сердце осязательно, до него можно дотронуться: из сердца, как из губки, выжмет жизнь.

В другом контексте А.А. Ахматовой находим: О, сказавший, что сердце из камня, / Знал наверно: оно из огня. Полагаем, лексеммы огонь и камень выражают «вещественность» сердца при помощи трансформации устойчивых сочетаний «огненное сердце» и «каменное сердце», которые здесь являются контекстными антонимами. Подобное употребление подчинено поэтической традиции: так, у И.Ф. Анненского встречаем: «Я думал, что сердце из камня» [1, с. 34].

2. Лексема сердце способна приобретать семантику «вместилище чувств»: Чтобы смерть из сердца вынула / Навсегда проклятый хмель, где проклятый

хмель – это метафорическая номинация любви. Или же: Я кровь от рук твоих отмою, / Из сердца выну черный стыд.

Тело нередко является границей между двумя проявлениями чувств: Я смеюсь, а в сердце злобно плачу. При этом внешнее проявление чувств вербализуется в местоимении я, которое становится квазисинонимичным лексема тело. Противопоставляя мир внутренних переживаний и внешнюю реакцию, автор скрывает от посторонних свои чувства, эмоции вне душевного пространства ложны, интрапространство скрывает истинные чувства.

Лексема душа употребляется в следующих значениях.

1. «Духовная субстанция». Это вместилище человеческих чувств, не имеющее материального обозначения, но физически ощущаемое. Например: Помолись о нищей, о потерянной, / О моей живой душе. В данном контексте лексема душа, обладающая лексико-грамматической категорией неодушевленности, приобретает черты живого существа за счёт контекстного окружения, а именно лексем нищая и живая. Обратим внимание, что эпитет нищая относится только к одушевленным понятиям, на что указывает лексикографическая дефиниция [4, с. 1040].

2. «Вместилище чувств, способное существовать вне физического тела». Душа выходит за пределы интрапространства, прощаясь с телом: Всего верней свинец душе крылатой / Небесные откроет рубежи, где небесные рубежи – метафорическое обозначение внешнего пространства.

В некоторых поэтических текстах мы наблюдаем случаи переосмысления фразеологизмов: А в груди моей уже не слышно / Трепетания стрекоз. В приведённом контексте, по нашему мнению, произошла трансформация устойчивого сочетания «бабочки в животе», являющегося калькой из немецкого языка, – таким образом сформировалось выражение «трепетание стрекоз в груди». По своему лексическому значению фразеологизм и авторское выражение А. Ахматовой эквивалентны, однако у поэтессы происходит замена «вместилища», что, возможно, обусловлено близостью лексемы грудь к душевному восприятию. Лексема же живот в кальке с немецкого ближе к физиологии.

В другом контексте видим: Как соломинкой пьешь мою душу, / Знаю, вкус её горек и хмелен, / Но я пытку мольбой не нарушу. Здесь мы находим пересечение значений метафоры «пить душу» с фразеологизмом пить кровь – мучить, притеснять кого-либо [3, с. 321]. Заметим, что в данном контекстном окружении словосочетание вкус души вызывает ассоциацию с коктейлем (напиток – смесь вина, сока и пр.) [4, с. 690], который аналогично пьют соломинкой. Полагаем, что в отрывке у сочетания вкус души развивается потенциальная сема «несерьезное намерение», относительно того, кто ощущает этот вкус. Лексема душа в приведённом контексте ассоциируется с алкогольным напитком.

Следующей лексемой, представляющей интрапространство, является местоимение я. По нашему мнению, в контекстных употреблениях можно разграничить «я» физическое, синонимичное лексеме «тело», и «я» психологическое со значением «вместилище чувств».

1. Физическое «я» («я» = «тело»). Данные два компонента одного целого взаимодействуют между собой: внутренние чувства и эмоции влияют на физическое состояние человека. Например: Всё сильней биенье крови / В теле, раненном тоской, где лексема кровь – физическая единица, а тоска – душевная тревога [4, с. 2021].

2. Психологическое «я» («я» = «душа»). Психологическое «я» у Ахматовой является вместилищем как позитивных, так и негативных эмоций и чувств. Свидетельством этому являются предлоги «в» и «во», употребляющиеся при обозначении места, пространства: Теперь во мне спокойствие и счастье или И поняла ты, что отравная / И душная во мне тоска. В данном контексте психологическое «я» лирической героини квазисинонимично лексеме душа.

Аналогичное употребление находим и в контексте: Как белый камень в глубине колодца / Лежит во мне одно воспоминанье. / Я не могу и не хочу бороться: / Оно – веселье и оно – страданье. В данном отрывке мы видим сходство выражения белый камень во мне с фразеологизмом «камень на душе» (тяжелое, гнетущее чувство) [3, с. 192]. Однако обращаясь к символике белого цвета, узнаем, что он символизирует чистоту, неосквернённую [5, с. 429]. Подобное столкновение в тексте дает аллюзию на чувственный диссонанс у лирической героини Ахматовой. Биографический факт говорит о том, что данное стихотворение посвящено Б. Анрепу, с которым у поэтессы был неудачный роман [6]. Воспоминание о любви одновременно приятно и мучительно для героини, что подтверждает использование антонимов в тексте: веселье – страданье.

Проанализировав поэтические тексты, мы пришли к выводу, что пространство внутреннего «я» Ахматовой не бесконечно, оно имеет границу – физическую оболочку. В ходе работы нами были обнаружены и исследованы лексические номинации, репрезентирующие интрапространство в лирике А.А. Ахматовой. В роли таких ключевых лексем выступают прежде всего репрезентанты вместилища чувств и эмоций, что, с одной стороны, соответствует поэтическим традициям, а с другой – является новаторством. В любом случае локальные лексемы с семантикой интрапространства помогают увидеть фрагмент языковой картины мира автора.

Литература

1. Анненский И.Ф. Стихотворения. М. – 1987. – 272 с.
2. Ахматова А.А. Лирика. М. – 2006. – 382 с.

3. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров Ф.И. Фразеологический словарь русского языка. М. – 1986. – 543 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. – 1972. – 1689 с.
5. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. Санкт-Петербург. – 2003. – 672 с.
6. Штейн О.В. Журнал Вестник. Электронный ресурс. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0218/win/shteyn.htm> (дата обращения: 26.02.2017).

Sementsova D. I.

**LEXICAL-SEMANTIC REPRESENTATION OF LYRIC'S OF
A.A AKHMATOVA INTRA SPACE**

Abstract. The article deals with lexical means representing intra space in the lyrics of Anna Akhmatova: *tokens heart, soul, body, I.*

Key words: Fiction language; poetic context; lexeme; semantics; intra space.

ОБРАЗ ЧИНГИСХАНА В ГЛАЗАХ МОНГОЛОВ И РУССКИХ

Аннотация. В этой статье мы пытаемся показать разницу в изображении личности Чингисхана русскими и монголами. Начиная от истории мы движемся, чтобы найти отличия в художественных образах, т. е. нашей целью является сравнение произведений, написанных русскими и монгольскими писателями.

Ключевые слова: Чингисхан, история, великий, жестокий воин, историография.

Всем известно, что искусство не является наукой и что оно более субъективно. Но иногда и наука кажется субъективной. Вот, например, история. Бесспорно, она наука. Но в историографии взгляд на правление Чингисхана и его поход на Русь в Монголии и России не совпадает. Взгляды на этот вопрос даже резко отличаются друг от друга. Сравнив эти два взгляда, мы увидим как народы России и Монголии представляют одного и того же человека. В Монгольской историографии написано о Чингисхане более подробно, поскольку о нем писали не только как о воине, но и как о человеке, который имел полную, насыщенную личную жизнь.

История о Чингисхане, которую преподают в Монголии, достаточно подробно сообщает нам о жизни хана. Чингисхан объявлен самым важным человеком последнего тысячелетия. Чингисхан – основатель и первый великий хан Монгольской империи, объединивший разрозненные монгольские племена. Основатель самой крупной в истории человечества континентальной империи. Чингисхан – это не имя, а титул. Его принял Темучжин на курултае (собрании у монголов) в конце XII века. Значение титула «Чингис» тёмно: «Чингис» или «Тэнгис» монголы называли море, это было отдельное божество в пантеоне шаманизма. Возможно, оно связано с именем Тэнгри - бога всех монголов. Анонимный автор «Сокровенного сказания монголов», так и переводит Чингисхан – Хан волею Вечного Синего Неба. А имя данное Чингисхану при рождении, – Темуджин, значит «кузнец». Оно родственно тюрко-монгольскому корню «темур» - «железо». Настоящее имя – Тэмуджин Тэмуджин родился в 1155 или 1162 году в урочище Делюн-Болдок на берегу реки Онон в семье Есугей-багатура из рода Борджигин и его жены Оэлуи

из рода олхонут, которую Есугей отбил у меркита Еке-Чиледу. Мальчик был назван в честь пленённого Есугеем татарского вождя Тэмуджина-Уге, которого Есугей победил накануне рождения сына. Его отец, Есугэй-багатур, по-видимому, имел некоторое влияние среди монголов, но после его смерти его приверженцы тотчас покинули его вдову и детей; семья несколько лет скиталась в лесах, питаясь кореньями, дичью и рыбой. Борджигины сразу же перекочевали на другое место, и тайчиуты не смогли их обнаружить. В возрасте 11 лет Тэмуджин подружился со своим ровесником знатного происхождения из племени джадаран (джаджират) — Джамухой, который позднее стал вождём этого племени. С ним в своём детстве Темуджин дважды становился побратимом. При поддержке Тоорил-хана силы Тэмуджина стали постепенно расти. К нему стали стекаться нукеры, он совершал набеги на соседей, умножая свои владения и стада. Он отличался от остальных завоевателей тем, что в ходе сражений старался сохранить в живых как можно больше человек из улуса противника, чтобы в дальнейшем привлечь их к себе на службу. Весной 1206 года у истоков реки Онон на курултае Тэмуджин был провозглашён великим ханом над всеми племенами и получил титул «каган», приняв имя Чингиз.[1]

Монголия преобразилась: разрозненные и враждующие монгольские кочевые племена объединились в единое государство. Все население Чингисхан поделил на десятки, сотни, тысячи и тумены (десять тысяч), перемешав тем самым племена и роды и назначив командирами над ними специально подобранных людей из приближенных и нукеров. Все взрослые и здоровые мужчины считались воинами, которые в мирное время вели своё хозяйство, а в военное время брались за оружие. Вооружённые силы Чингисхана, сформированные таким образом, составляли примерно до 95 тыс. воинов. Монголы-завоеватели не собирались вывозить богатства с захваченных территорий, они скорее хотели на месте развивать хозяйство и собирать налоги. Это способствовало развитию торговли. Монголы не делили народы по религиозному признаку. Они были шаманистами, но уважали все религиозные взгляды. Благодаря этому в империи не было конфликтов на религиозной почве.

В глазах монголов Чингисхан объединитель Монголии и их герой. Благодаря Чингисхану Монгольская империя считается самым большим государством в истории человечества. Хан был величайшим завоевателем за всю историю мира. Монголы почитают Чингисхана как величайшего героя и реформатора, почти как воплощение божества. Монголы всегда уважали Чингисхана. Он национальный символ, и имя его Чингисхан. Монголы очень уважают Чингисхана и называют своих детей в его честь для них одно удовольствие. Чингисхан — используется почти во всех названиях. В столице страны, Улан-Баторе, есть международный аэропорт Чингисхан, Чингис Хаан

Банк находится на Чингиз-Авеню, которая ведет к площади Чингисхана. Вы можете заказать знаменитую водку Чингис. Местные жители говорят о хане с гордостью. А в 30 км от города стоит сияющая стальная 130-метровая статуя знаменитого военачальника верхом на коне, властно доминирующая над пустынной степью. Туристы могут подняться на самый верх, постоять на смотровой площадке, расположенной в голове лошади и почувствовать себя встать на голову лошади, чтобы испытать чувство исторического господства и почувствовать себя ханом Евразии. Статуя Чингисхана является одним из самых высоких и внушительных изваяний в мире.

Все описанное выше – взгляд монголов на жизнь и личность Чингисхана. А теперь посмотрим какова точка зрения в России. Мы сразу увидим, что она приняла его другим образом – не как героя, а как жестокого человека.

Объект нашего наблюдения был не только героем, но и жестоким завоевателем. Представленная история свидетельствует о том, что Чингисхан завоевал более 700 народов на территории от Японского до Каспийского моря и создал самую большую империю в истории. За 21 год своего правления Чингисхан завоевал территорию, превышающую 30 миллионов квадратных километров – больше, чем какой-либо другой правитель за всю историю человечества. Монгольское нашествие на Русь нанесло непоправимый урон культуре и экономике русских земель. Поэтому, русские говорят, что знакомство с монголами ничего хорошего нашей стране не принесло. Русские считают, что Чингисхан оставил кровавый след.[2]

Одним словом, в глазах русских Чингисхан – жестокий, кровожадный завоеватель мира. И его цель была – уничтожить все, не столько взять, а именно уничтожить. Когда большинство людей в России просят назвать самых жестоких и кровожадных вождей в истории, они в первую очередь упоминают имя Чингисхана. Есть много свидетельств о легендарной жестокости Чингисхана и его убийствах. Большинство из них рассказывают похожие истории о том, как он предлагал своим врагам сдаться, а если они отказывались, полностью уничтожал их, их семьи и друзей. Чингисхан уничтожил около ста миллионов человек, почему его считают великим завоевателем, а не кровавым убийцей? И вот такие вопросы до сих пор существуют.

1223 год стал годом печали для всей Русской земли. На Руси было 74 города, и 49 из них были уничтожены, причем 14 так никогда и не восстановились. Они разрушили прекрасные русские города, убили большое количество людей. Многие люди были угнаны в рабство. Так началось монгольское завоевание Руси. В декабре 1237 году кочевники оказались на территории Рязанского княжества. Его столица была взята и беспощадно уничтожена. Монголам удалось распространить свою власть почти на всю территорию Руси. С 1258-го по 1476 год Русь была обязана платить монгольским владыкам дань и предоставлять рекрутов для монгольских армий. Русские князья,

которым монголы со временем доверили непосредственное управление их землями и сбор дани, могли приступать к исполнению своих обязанностей только после получения официального разрешения от монгольских владык. Под монголо-татарским игом существование Руси было крайне унижительным. Она полностью была подчинена и политически, и экономически. Поэтому окончание монголо-татарского ига на Руси, дата стояния на реке Угре – 1480 год, воспринимается как важнейшее событие в истории Руси. [3]

Разные представления о Чингисхане в историографиях двух стран сказались и на произведениях их культур. О хане говорится не только в историографиях, но о нем сочинили и много произведений. Чтобы подтвердить сказанное, мы приводим пример стихотворения русских писателей с одной стороны, и пример стихотворения монгольских писателей с другой стороны. Но каждые эти двух стран признали, что этот человек был великим ханом и завоевателем, хотя у них получились разные образы. Это доказывают следующие произведения. Русский писатель Сергей Пилигрим сочинил стихотворение “О Чингис хане”.

Могуч и грозен Чингисхан - великий вождь, великий хан!
 Как солнце он пришёл с Востока, над миром поднялся высоко,
 На Землю устремив свой глас - суровый повелитель рас!
 И орды воинов лихих, и тучи племён кочевых:
 и в стужу, слякоть, адский зной - текут бескрайнею рекой.
 А следом дым пожарищ, пыль и эхом стонущий ковыль,
 и море крови, реки слёз, и плач поникнувших берёз.
 Но на превратности судьбы Русь поднималась на дыбы:
 стихийно, порознь, тяжело - до Калки было далеко!..
 А Чингисхан разбив шатры, повелевал нести дары:
 изделий, утвари, добра - от Волги и до вод Днепра!
 Глазами видел не на слух, что не потух враждебный дух,
 а только тлеет исподволь, сыпя на раны мести соль...
 И вот гонцы ни с чем вернулись, в пути возы перевернулись...
 Какой-то князь затеял спор, не дал гонцам собрать побор...
 Ну что ж, за дерзкую управу пошлёт отряд он на расправу.
 Да только не поспеть вокруг: сужается свободы круг!..
 " - Аллах!" - взывает к небесам:
 - Империя трещит по швам!
 Советом добрым помоги! Одолевать стали враги!..
 Намаз окончен снова в путь: неверных в бегство повернуть!..
 Как вихрь несётся на коне опять селения в огне!..
 Набатом кровь стучит в висках и, страстный, блеск горит в глазах!
 Победный дух парит легко! До Калки было далеко!..

Русский писатель Батраченко Алексей тоже сочинил стихотворение о хане, как у Сергея Пилигрима. Так как они русские. Стихотворение называется “ЧИНГИСХАН”.

Однажды в низовье Онона, на бархатный глядя закат,
 Я слушал, как о Чингисхане рассказывал старый бурят:
 «В те страшно далекие годы в степях бушевал ураган –
 Повел кочевые народы дорогой войны Чингисхан.
 Он верил себе и пророкам, был дерзок, бесстрашен и строг,
 Заставил он встать на колени окрашенный кровью Восток.
 Великие стены Китая пред ним устоять не смогли, –
 Его повелителем мира народы тогда нарекли.
 Под свист и звериные крики, ровняя с песком города,
 Лавиной ужасной и грозной на мир надвигалась орда.
 В дыму минареты, мечети, в крови Бухара, Самарканд,
 С улыбкой взирает на Запад Великий монгольский гурхан.
 Лишь времени бег остановит жестокий кровавый поход,
 На выжженных землях, оставив рыдать миллионы сирот.
 Сознание могучего хана окутает синий туман,
 С багряной осенней зарницей уйдет навсегда Чингисхан.
 На родине возле Онона курган возведут для него,
 Он создал империю страха, но больше не смог ничего...»

Вот в этих произведениях показано, как думают русские о Чингисхане. Вы видите, что в историографиях, что в произведениях русских людей отражен только отрицательный образ этого человека. А монголы наоборот пишут только положительное, так как он является великим ханом Монгольской империи. Один из ярких примеров это стихотворение монгольского писателя Д. Пүрэвдоржа “Чингис”.

В этом стихотворении рассказываются о том, как Чингисхан стал великим полководцем и оставил своим потомкам великую историю, культуру, обширную богатую степь. Несмотря на трудное враждебное время, не только объединил разрозненные племена, но и завоевал всю Азию и половину Европы. Первые четыре строки звучат так:

Темуджин – не родился из тетивы луков
 Темуджин – не вышел из неконечников стрельбы
 Темуджин – родился у мамы Оэлуун
 Темуджин – вышел из истории кладки

В Монголии с большой любовью люди говорят и вспоминают о Чингисхане. Он всегда актуальная тема для разных видов искусств. О Чингисхане снято много фильмов и телесериалов. Например, большой популярностью пользуется телесериал “О жизни Чингисхана”. Можно сказать, что глаза монгольского человека видят больше положительных, чем отрицательных

черт хана. В тоже время, кажется, что глаза русских не видят ту же самую картинку. В русских произведениях и культуре, как и в истории, хан описан суровым воином. Более того в памяти русских монгольско – татарское иго осталось темным и несчастливым периодом в русской истории. Поэтому, обобщая сказанное, мы можем сделать вывод, что по этой теме взгляды двух народов останутся далеким и друг другу непонятным. Но несмотря на, кажется непреодолимые разногласия, эта статья является поводом для более глубокого разговора между двумя культурами, чтобы лучше друг друга понять.

Литература

1. Влияние монголов на Русь: “за” и “против”. Историографическое исследование // URL: http://referatwork.ru/category/istoria/view/89168_vliyanie_mongolov_na_rus_za_i_protiv_istoriograficheskoe_issledovanie
2. Взгляды историков на монголо-татарское нашествие на Русь // URL: <http://biofile.ru/his/29431.html>
3. Чингис Д. Пүрэвдорж // URL: <http://internetmedleg.blog.gogo.mn/read/entry361638>
4. Сергей Пилигрим. Сказ о Чингисхане // URL: <https://www.stihi.ru/2011/05/11/1400>
5. Батраченко Алексей. Чингисхан // URL: <http://stiho-bum.ru/detail.php?id=8445>

Symbat Alyeksyei

GENGHIS KHAN'S IMAGE IN THE OPINION OF MONGOLS AND RUSSIANS

Abstract. This article explores the difference between Russian and Mongolian depiction of Genghis Khan. Briefly touching the history, we are turning our attention to the literature in order to make a comparison between Mongolian and Russian writings on the theme of Genghis Khan.

Key words: Genghis Khan, history, great, fierce warrior, historiography.

О ФАКТОРАХ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ГРАЖДАНАМИ ТУРЦИИ, ЖИВУЩИМИ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. Автор статьи рассматривает различные мотивирующие факторы применительно к изучению русского языка гражданами Турции, постоянно живущими и работающими в Республике Казахстан, и членами их семей. В статье представлены результаты исследования, проведенного среди возрастной группы 17–19 лет.

Ключевые слова: граждане Турции, живущие и работающие в Казахстане; русский язык; мотивация к изучению.

Как свидетельствует официальная статистика, «по переписи 1989 года в Казахстане проживали 49 567 представителей турецкого народа. ... В 1999-2009 годы численность турков возросла на 28 % и составила 97 015 человек. В 1959 году турки составляли 0,1% населения республики, а к 1 января 2014 года составляли 0,6 % населения» [1]. Однако, в данном случае речь идет в основном лишь о турках-ахыска, т.е. о тех, чья историческая родина — «юго-западные районы современной Грузии, которые ранее входили в состав Османской империи» [2].

Между тем, по данным аналитического портала Ratel.kz [3], на сегодняшний день, в Республике Казахстан проживает около 4000 турецких граждан, работающих здесь на постоянной основе, а также члены их семей. И если в самой Турции, по мнению турецких исследователей, «русский язык становится одним из востребованных языков в Турции, с каждым днем интерес к его изучению растет» [4, с. 128], в связи с чем актуальны и исследования в сфере мотивации его изучения, то мотивация работающих в Республике Казахстан турецких граждан и членов их семей (в особенности – детей, как школьников, так и студентов), к изучению русского языка практически не рассматривалась. Между тем, необходимость его изучения осознается людьми, входящими в эту специфическую группу. Как правило, дети турецких граждан обучаются на турецком языке в таких образовательных учреждениях, как лицей «Білім -инновация» или международная школа Galaxu, где есть возможность обучения на турецком языке. Конечно, в соответствии с казахстанскими образовательными программами в этих школах преподается русский язык.

В данной работе мы рассмотрели несколько факторов, мотивирующих к изучению русского языка респондентов небольшой возрастной группы (17-19 лет). В дальнейшем мы планируем проанализировать, насколько мотивированы к изучению русского языка остальные группы турецких граждан, постоянно проживающих в Республике Казахстан, и каковы основные мотивирующие факторы. Опрос среди этой группы (опрошено 42 человека) выявил следующее: при ответе на вопрос Кто из вас хотел бы изучать русский язык и почему? о своем желании углубленно изучать русский язык заявили 36 человек, т.е. 86,7%. Основные группы причин таковы (каждый опрашиваемый мог выбрать несколько вариантов):

1 Хотел бы научиться, т.к. чем больше знаешь языков, тем лучше (82%);

2 Русский язык предоставляет больше возможностей (73%);

А) ты можешь найти больше друзей (61%) (был представлен также такой вариант ответа, как «Чтобы лучше общаться со сверстниками»);

Б) у тебя больше шансов найти более высокооплачиваемую работу в различных местах (72%);

2 Русский язык – один из мировых языков, наиболее используемый там, где я живу (64%);

3 Я хотел бы более глубоко изучить его, потому что он повсеместно используется в Казахстане (57%);

4 Если кто-то хорошо знает русский язык, ему проще научиться другим языкам (47%);

Помимо этого, указывая факторы мотивации к изучению русского языка, опрашиваемые отмечали следующее: «По возвращении в Турцию меня спросят, какие языки я знаю, и русский будет более интересен, чем английский, т.к. английский знают все»; «Русский язык довольно популярен в Турции». Интересно, что один из респондентов охарактеризовал русский язык как «крутой»; большинство опрошенных (71%) также отмечали, что он сложен для изучения. Отметим, что, конечно же, туркам проще освоить казахский язык (как близкородственный, входящий в тюркскую языковую семью) и пользоваться им как основным средством общения с теми, кто не владеет турецким языком; однако важность изучения русского языка также осознается большинством опрошенных.

Таким образом, среди небольшой группы молодежи, для которой турецкий язык является родным и кто планирует в дальнейшем возвращение (или отъезд на работу) в Турцию, очевидно осознание важности изучения русского языка в целях профессиональных (поиск работы, карьерный рост, материальные факторы), в целях коммуникации и социализации (общение со сверстниками и повышение своего статуса), в целях интеллектуального развития, расширения кругозора, навыков и умений в сфере изучения иностранных языков. Мы считаем, что необходимо продолжить исследование

712 | среди различных возрастных групп для того, чтобы установить мотивирующие факторы и в соответствии с ними строить изучение русского языка носителями турецкого языка и культуры.

Литература

1. Турецкая диаспора Казахстана. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kzvesti.kz/6-8-2015/7148-tureckaya-diaspora-kazakhstan.html> Дата обращения 10.02.2017
2. Крупнейший турецкий этнокультурный центр в Казахстане. Электронный ресурс. Режим доступа:
3. http://e-history.kz/ru/project/view/8?type=publications&material_id=987 Дата обращения 10.02.2017
4. Ratel.kz. Аналитический Интернет-портал. Электронный ресурс. Режим доступа:
5. http://www.ratel.kz/kaz/v_kazakhstan_privlekajutsja_trudovye_migranty_iz_kitaja_turtsii_i_uzbekistana Дата обращения 10.02.2017
6. Соннур Актай. История обучения русскому языку в Турции (на примере Анатолийского университета). - Самарский научный вестник. - 2015. № 1(10) - С. 128-130

Syurmen M.

MOTIVATION OF RUSSIAN LANGUAGE LEARNING FOR TURKISH RESIDENTS IN KAZAKHSTAN

Abstract. The article deals with key motivating factors of Russian language learning related to Turkish residents working in Kazakhstan, and their family members. The author conducted survey among 17-19 years old lyceum students.

Key words: Turkish residents in Kazakhstan, Russian language, motivation.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ФАНТАСТИЧНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ «НОВЕЙШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ, СОЧИНЕННОГО В ГОРОДЕ БЕЛЕВЕ» В.А. ЛЕВШИНА)

Аннотация. В данной статье рассматривается формирование классических для отечественной фантастики компонентов фантастичности в первой русской фантастической повести В.А. Левшина «Новейшее путешествие».

Ключевые слова: фантастика; В.А. Левшин; «Новейшее путешествие»; литературная утопия; литература XVIII века; компоненты фантастичности; элементы необычайного.

Развитие фантастического жанра в русской литературе XVIII века остается наименее изученной областью отечественного литературоведения.

До сих пор не дано строго научного определения «фантастики» и «фантастического» в литературоведении. В данной работе фантастика понимается как особый характер художественного произведения, допускающий нарушение границ реальной действительности с помощью использования «элемента необычайного» (иначе: «компонента фантастичности» [3]), т.е. введения фактора, который невозможен в реальном мире.

Виды и формы фантастического творчества весьма многообразны. В русской литературе XVIII века к этой форме обращаются такие писатели как А.Н. Радищев (глава «Хотилов» в «Путешествии из Петербурга в Москву»), М.М. Щербатов («Путешествие в землю Офирскую...») и Н.М. Карамзин («Сиерра-Морена»). Фантастическое вводится в произведения за счет использования сюжетов, образов и символов античности, фольклора древнерусской литературы. Писатели-просветители переосмысливают это влияние и приспособляют к мышлению своей эпохи.

Удивительным открытием для русской литературы стала фантастическая повесть В.А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» (опубликована в 1784 году в «Собеседнике любителей российского слова»). В ней впервые появляется древнейший, имеющий античную традицию мотив космического путешествия на Луну.

Человек всегда желал расширить границы своего существования, назначенные ему природой. Сначала пределом мечтаний были «земные» места, знакомые всем по сказкам дальние загадочные страны. Когда же Земля была наконец освоена, внимание героев-исследователей обратилось к звездам. В эпоху Просвещения особенно актуальным становится вопрос о том, каким образом добраться до «звезд» и каким будет сам процесс путешествия. Фантастическая идея «космического полета» является центральным компонентом фантастичности (КФ) «Н.П.», благодаря которому рождаются и все остальные. Однако представление Левшина о возможности космического полета все еще наивно: путешествие в другой мир, отличный от земного, не дается научного объяснения, а для его реализации используется мотив сна.

Главный герой «Н.П.» Нарсим размышляет о способах покорения воздуха. Он проводит параллель с уже покоренной стихией воды: образ деревянной щепки, держащейся на воде, послужил идеей для изобретения водоходного судна. Ответ на вопрос он так же находит в самой природе: «он видал, как перо от малейшего ветра поднимается на сию стихию» [2, с.71]. Затем его взор обращается к звездам, а мысль – «к выдумке для изобретения летающей машины» [2, с.72].

Проект аппарата для покорения воздуха приходит Нарсиму во сне. Мотив сна неслучайно используется Левшиным, он оказывается связующим элементом двоемирия. Аппарат представляет собой управляемый восьмикрылый ящик из легчайших буковых дощечек. Устройство, идея которого принадлежит легендарному изобретателю Дедалу («Миф о Дедале и Икаре»), тоже является одним из обязательных КФ. Условно ему можно дать название «летающий аппарат».

Целью космических путешественников чаще всего становилась Луна («Правдивая история» Лукиана, «Иной свет, или государства и империи Луны» Сирано де Бержерака). И Нарсим очарован Луной – как исследователь-мечтатель. «Блестящая Луна прежде всего обращает к себе его желание...» [2, с.73]. Процесс полета захватывает героя. Он ощущает успех и восхищение. Страх оказывается стимулом для ответов на вопросы о самом полете: как дышать? как опуститься на луну? Так возникает следующий КФ «процесс полета».

Мир Луны не слишком отличается от земного. Луна делится на две половины: освещаемую и неосвещаемую Солнцем. На последней обитают дикие племена, занимающиеся рыбным промыслом. «Солнечные» племена, встреченные героем, живут по определенной модели общества – «природной». У них нет государей, а в каждом селении назначается отец всех жителей. Старик – один из таких отцов. «Во всей Луне нет государей; сии мои дети, чада сынов моих, внуков и правнуков; а все здание составляет один дом моего семейства» [2, с.80]. Лунатисты верят во всемогущего творца и живут по естественному закону, где признается любовь к богу и к ближнему своему.

У них нет письменности и никаких наук, кроме необходимых: земледелия и скотоводства. Прочие же науки, по мнению селенитов, изобретают те, кто не желает трудиться и зарабатывать себе хлеб; их «из любви к ближнему оному» [2, с.82] лишают пищи, чтобы они опомнились и начали работать. Необычны и дома на Луне: жилища построены из прозрачных камней – алмазов, а кровли сделаны из золота. Нет ни окон, ни свечей, единственное освещение – солнечные лучи, отражаемые Землею. Этой деталью писатель подчеркивает «контраст с земной жизнью» [1, с.328] и «“неземную” добродетель лунатистов» [1, с.328]. Так создается противопоставление «двух миров» (последний КФ): земного мира и фантастического, последний из которых впоследствии превратится у романтиков в идеальный.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в повести «Новейшее путешествие» В.А. Левшин, продолжая традиции фантастического жанра античной и средневековой европейской литературы, впервые в русской литературе формирует компоненты фантастичности (центральный – «космический полет», «летающий аппарат», «процесс полета», «два мира»), которые впоследствии станут классическими для отечественной фантастики последующих эпох.

Литература

1. Гуминский В.М. О русской фантастике (Послесловие) // Взгляд сквозь столетия. (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В.М. Гуминский. М., 1977. С. 320-334.
2. Левшин В.А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Взгляд сквозь столетия. (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / сост. В.М. Гуминский. М., 1977. С. 69-90.
3. Мзареулов К.Д. Фантастика. Общий курс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/mzar/04.php.

Tagunova A.M.

THE FORMATION OF FICTION COMPONENTS IN THE 18TH-CENTURY RUSSIAN LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF V.A. LEVSHIN «THE LATEST TRAVEL COMPOSED IN THE CITY OF BELEV»)

Abstract: the article is dedicated to the formation of fiction components, which are supposed to be classical for Russian fiction in the first Russian Speculative fiction novella «The latest travel».

Key words: Speculative fiction, V.A. Levshin, "The latest travel composed in the city of Belev", utopian literature, 18th-century literature, fiction components, supernatural elements.

ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРА ДЕТЕЙ В РОМАНЕ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...» (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЙ, ЗВУЧАЩИХ В ПЕРВУЮ НОЧЬ СКАЗОК)

Аннотация. В данной статье анализируются фольклорные произведения, созданные воспитанниками интерната для детей-инвалидов в романе М. Петросян «Дом, в котором...». В качестве примера рассматриваются произведения, звучащие в первую из двух описанных в романе Ночей сказок.

Ключевые слова: фольклор, обряд, сказки, иносказания.

Неотъемлемой частью жизни человека является творчество. В том числе и словесное. Поэтому на протяжении многих столетий и, конечно же, в наши дни одним из самых востребованных видов искусства является литература. Но появилась она далеко не сразу. Литература появилась из фольклора, который стал прародителем и многих других видов искусств. Термин «фольклор» (в переводе означающий «народная мудрость») был введен Уильямом Томсом в 1846 году. Изначально под этим термином понималось народное творчество во всех его проявлениях: в древнейшие времена искусство не было разделено на такие самостоятельные сейчас виды искусства, как танец, музыка, пение, – все это было неотделимо друг от друга и существовало как единое целое. Поэтому в понятие «фольклор» входили разнообразные проявления духовной и даже некоторые проявления материальной культуры народа: например, одежда и обустройство домов. Однако в 20 веке было решено использовать этот термин в более узком смысле, обозначая им только произведения устного народного творчества.

Итак, фольклор – это словесное творчество: «Ему присущи свойства искусства слова. Этим он близок к литературе. Вместе с тем он имеет свои специфические особенности: синкретизм, традиционность, анонимность, вариативность и импровизация» [3]. Фольклор зарождается и среди воспитанников интерната для детей-инвалидов в романе Мариам Петросян «Дом, в котором...». И это неудивительно: устному коллективному творчеству намного легче зародиться в маленьком, отчасти закрытом обществе. Так в школах появляется школьный фольклор, в университетах – студенческий и т.д. Общество же, представленное в романе М. Петросян, в гораздо большей

степени изолированно от окружающего мира, чем школьное или студенческое. К тому же, его представителями являются не совсем обычные подростки, обладающие незаурядным мышлением, что делает это общество еще более специфическим. Поэтому те произведения устного творчества детей, которые будут рассмотрены в настоящей статье, а именно – сказки, которые дети рассказывают в Ночь сказок, – оригинальны, необычны и сильно отличаются от других фольклорных произведений того же жанра.

Прежде чем рассуждать дальше, определимся со значением термина «сказка». В толковом словаре Ожегова это слово обладает тремя значениями, из которых нам пригодится только первое: «Сказка – повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [4, с. 710]. Однако можно ли называть сказками те истории, которые рассказывают воспитанники в Ночь сказок?

В первую очередь необходимо отметить, что, несомненно, эти произведения являются фольклорными. Они анонимны: дети стараются сохранить анонимность так, чтобы не было известно не только, кто является автором, но и кто является сказителем. Поэтому рассказывают истории в темноте измененными певучими голосами под одурманивающим действием алкоголя. Произведениям присуща импровизация: никто не готовится и не заучивает текст своей сказки наизусть, чтобы потом рассказать ее в Ночь сказок. Поэтому история рассказывается не сразу целиком, а по частям, давая время сказителю обдумать дальнейшее повествование во время выступления другого сказителя. Из-за этого сказки смешиваются, образуя единое многогранное повествование, авторами которого являются все участники. Также рассказы сопровождаются музыкой: «из похороненного в одеялах магнитофона доносилась органная музыка» [1, с. 118]. В этом проявляется их своеобразный синкретизм. Ночь сказок напоминает древние языческие обряды, и это действительно обряд, название которого является не чем иным, как обманкой, скрывающей его реальное назначение. Для разгадки этой тайны и для того, чтобы понять, чем на самом деле являются так называемые «сказки», звучащие в эту ночь, следует обратить внимание на более давнее и более «говорящее» название действия – Ночь, когда можно говорить. Говорить о параллельном мире, названном Изнанкой, о ее волшебном Лесе, о чудесах, происходящих в Доме. Доступ в этот мир Дом – именно Дом – открывает далеко не всем, а рассказать о нем открыто нельзя, так как это «Великая Тайна, о которой не следует говорить вслух» [1, с. 60]. Так что дети делятся на посвященных в «Великую Тайну» и непосвященных, для которых мир Изнанки закрыт. Посвященным нужно как-то дать о себе знать другим таким же (хотя бы для того, чтобы убедиться, что Изнанка – не галлюцинация, а реально существующее другое измерение), но как это сделать, не нарушая табу? Одним из способов поделиться запретными знаниями стала Ночь сказок.

Чтобы лучше понять природу этого явления, следует обратиться к древности. В далеком прошлом люди верили в силу слова, и фольклор носил утилитарный характер: с помощью слов люди стремились влиять на силы природы. Но они также верили, что сказанное не вовремя или не к месту слово может серьезно навредить. Так, например, если охотник скажет, на какого зверя он собирается охотиться, назвав его настоящим именем, зверь услышит его и поспежит скрыться. Поэтому, «отправляясь в лес, первобытный охотник старался скрыть свои намерения. Он называл зверей и птиц другими, подставными названиями» [5]. Отсюда в фольклоре появляются иносказания. Позже иносказания распространились и на духов: хозяев леса (лешего), рек (водяного), дома (домового) и т.д., с которыми тоже следовало вести себя осторожно. Также необходимо отметить, что на основе иносказательной речи зародился такой фольклорный жанр, как загадки: «в древности отгадывание загадок воспринималось как очень важное умение. У многих народов существовали особые обряды посвящения во взрослость. В эти обряды включалось и испытание мудрости: отгадывание загадок, владение иносказательной речью»[5].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что, называя свои истории сказками, дети прибегают к той же хитрости, что и древние охотники, дававшие зверю подставное имя, или люди, говорившие иносказательно, чтобы не разгневать духов. Дети используют иносказания и подмену слов, чтобы не рассердить сам Дом, ведь он «...требует трепетного отношения. Тайны. Почтения и благоговения. Он принимает или не принимает, одаряет или грабит, подсовывает сказку или кошмар, убивает, старит, дает крылья... Это могущественное и капризное божество, и если оно чего-то не любит, так это когда его пытаются упростить словами. За это приходится платить» [1, с. 605-606]. Поэтому и слишком прозрачное название «Ночь, когда можно говорить» было заменено на сбивающую с толку «Ночь сказок». Слово «сказка» служит хорошей маскировкой, позволяющей посвященным в тайну Дома говорить о том, что они видели на той стороне или что знают о ней, сохраняя при этом в секрете правдивость своих историй. Ведь главной особенностью сказки является ее подчеркнуто вымышленный сюжет, а истории об Изнанке непосвященному человеку кажутся именно сказками, небылицами. Примечательно высказывание В.Я. Проппа о том, что «в сказках-небылицах действительность нарочито выворочена на изнанку» [2, с. 305]. В случае детей, живущих в Доме, действительность способна «выворачиваться на изнанку» в прямом смысле, так что небылицы превращаются в быль. Понять это, как отмечалось выше, способны лишь посвященные, однако непосвященным всегда дается шанс «разгадать загадку» – поверить в силу Дома и в самую возможность существования других миров – то есть, в то, что принято считать сказкой. Таким образом, Ночь сказок превращается еще и в своеобразное

испытание, определяющее, достоин ли человек того, чтобы Дом принял его и открыл свои тайны. Хотя оно довольно сильно усложняется: неожиданный обрыв одной истории началом или продолжением другой, калейдоскоп частей разных повествований путает, сбивает с толку. Это еще один прием «маскировки» правды, укрывающий ее от духа Дома.

Итак, непосвященным сложно проникнуть в тайны Дома, а посвященные даже в Ночь сказок постараются не говорить о них открыто. Поэтому среди детей зарождается очень необычный фольклор, который в Ночь сказок принимает формы собственно сказок, а также небылиц и загадок.

Большинство историй можно отнести к жанру небылиц. Например, история о василисках в волшебном лесу похожа больше на заметку натуралиста, решившего писать о фантастических животных. Как выяснится позже, это сказка Слепого – человека, который больше кого бы то ни было знает, что представляют собой Дом, Изнанка и особенно Лес. Но в нашем мире его знания могут быть восприняты только как небылица. Поэтому Слепой рассказывает о Лесе и его обитателях почти не прибегая к иносказаниям. Также в его «сказке» можно найти произведение другого фольклорного жанра – поверье: «Когда вылупляется маленький василиск, скорлупа яйца начинает дымиться. Но обливать ее водой и тушить нельзя, это к беде. Надо дождаться, пока она сама дотлеет» [1, с. 121].

Сказка о плывущих по реке дураках, которых забирает себе Луна, по жанровой принадлежности тоже является небылицей. Однако, в отличие от истории про василисков, в ней содержится множество иносказаний. Например, в лунных дорожках, по которым плывут дураки, прослеживается намек на одно из наркотических веществ под названием «Лунная дорога», популярном среди жителей Дома. Это вещество пьют те, кто хочет попасть на Изнанку, но не может сделать это усилием собственной воли. Такие люди чаще всего теряют память, оказываясь «на той стороне» – становятся дураками. Также в описании реки можно проследить аналогию с Летой – рекой, которая является границей двух миров, и вода которой лишает памяти того, кто ее выпьет. Автором этой сказки оказывается Сфинкс – на тот момент единственный человек, кроме Слепого, бывавший на Изнанке. Поэтому его небылицу можно трактовать как своеобразное предупреждение стремящимся на «ту сторону» людям. В этой истории тоже можно найти поверье – о том, что в определенный час определенной ночи вода у берегов реки, по которой дураков отправляли к луне, становится сладкой, и «тот, кто успеет ее выпить, станет дурачком» [1, с. 119].

Те сказки, которые не получили продолжения в романе и остались ни к чему не привязанными частями в узоре общего повествования, становятся загадками. Так, например, не понятно, что за существа «сидели в грязных клетках и высасывали сырые яйца через дырку в скорлупе» [1, с. 118] или

720 | что «похоже на черный цилиндр» и «по ночам тихо гудит, воруя время» [1, с. 118]. Здесь, как в загадке, дается только описание предмета или существа, но не дается ответа – их названия. Однако ответы на эти загадки смогут найти только посвященные – так же, как и понять смысл странных поверий, встречающихся в некоторых историях. Потому что это «сказки другой стороны», фольклор другого мира – мира Дома, его Изнанки и волшебного Леса.

По этой же причине сказка Лорда, прожившего в Доме намного меньше остальных и, соответственно, знающего о нем намного меньше, не похожа на истории других рассказчиков, зато более привычна и понятна нам. Эта сказка о драконе и рыцаре, напоминая средневековую балладу, больше других соответствует своему жанру: здесь есть и нескрываясь вымышленный сюжет, и фантастические силы, и традиционные фольклорные герои: доблестный воин-протагонист и злой дракон-антагонист. Это характерные признаки волшебной сказки. В то же время, сказка Лорда тоже является своеобразной небылицей – о нем самом. Скорее бессознательно, но Лорд все же понимает, в чем заключается особенность Ночи сказок, и поэтому рассказывает «небылицу» о себе самом как о части Дома, о своем необычном происхождении как одной из его тайн, хотя, скорее всего, не осознает этого.

Особенно примечательна история о встрече сказителя (оставшегося неизвестным) с Большой Волосатой – существом, по сути являющимся домовым, так как «рождается она в фундаменте дома и живет, пока дом не рухнет», а «древние называли ее духом очага и делали ей подарки» [1, с. 120]. Вполне возможно, что это тоже «быль», скрывающаяся за названием «сказка», и рассказчик действительно встречал это существо. Примечательно же здесь то, что в этой истории совпадают фольклорные мотивы и образы обоих миров: ведь поверья и сказки о домовых есть и в нашем мире. Можно принять это наблюдение за аллегорию на изначальное единство всех народов Земли, которые рассказывают сказки об одном и том же, но на разных языках, по-разному называя героев повествования. Можно вывести эту мысль на более высокий уровень, предположив, что вся Вселенная когда-то имела единое начало, и теперь общие черты можно найти даже в разных мирах.

Но вернемся с небес на землю и подведем итоги. Как уже упоминалось выше, фольклор – это искусство слова, и дети показали себя как настоящие мастера этого искусства. Они, как самостоятельная нация, создали оригинальный, самобытный фольклор. В свои сказки, загадки, поверья дети Дома заложили знания о Великой тайне Дома, как народы всего мира вкладывали в свои фольклорные произведения знания о Великой тайне мироздания. Именно поэтому, изучая творения маленькой группы детей, можно лучше понять огромное человечество.

Литература

1. Петросян М. Дом, в котором... – М.: Лайвбук, 2017. – 976 с., илл.
2. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. (Собрание трудов В. Я. Проппа.) – М.: Лабиринт, 1998.–352 с.
3. Фокеев А.Л. Неиссякаемый источник. Устное народное творчество // Издательство «ЛИЦЕЙ»: URL: http://licey.net/free/12-analiz_proizvedenii_literatury_do_20_veka_dlya_sochinenii/53-neissyakaemyi_istochnik_ustnoe_narodnoe_tvorchestvo/stages/2530-folklor___ustnoe_narodnoe_tvorchestvo_osobennosti_folklor.html (Дата обращения - 11.03.17)
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка– М.: Советская энциклопедия, 1970. – 900 с.
5. Русские народные загадки // HintFox. Библиотека статей: URL: <http://www.hintfox.com/article/rysskie-narodnie-zagadki.html>
6. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия: URL: <http://www.krugosvet.ru>

Тарлин Т.

**FEATURES OF CHILDREN’S FOLKLORE IN
THE M. PETROSYAN’S NOVEL “DOM, V KOTOROM...”
(ON THE EXAMPLE OF STORIES OF THE FIRST FAIRY TALES NIGHT)**

Abstract. In this article the folklore works created by pupils of a boarding school for disabled children in the M. Petrosyan’s novel are analyzed. As an example the works sounding in the first of two described in the novel Fairy Tales Nights.

Key words: Folklore, ceremony, fairy tales, allegories.

ДИСПЛЕЙНЫЙ ТЕКСТ В КОНКРЕТИКЕ АНАЛИЗА

Аннотация. Феномен дисплейного текста, открытый В.Г. Костомаровым, несмотря на его обсуждение в кругу специалистов, только становится полноценным объектом научных исследований в рамках общей теории текста. В случае прямой презентации дисплейного текста (в прямом эфире) он превращается в дисплейный дискурс. Важнейшим фактором разделения текста и дискурса является время дискурса, которое протекает в реальном режиме.

Ключевые слова: теория текста, текст, дискурс, дисплейный текст, дисплейный дискурс.

Развитие сетевого общения в XXI в. подтолкнуло лингвистов обратиться к изучению языкового явления, ставшего характерным для эпохи телевидения и Интернета, - визуальные (экранные тексты). Советский и русский лингвист академик В.Г. Костомаров подробно останавливается на рассмотрении этого феномена в своих последних трудах и называет данные тексты дисплейными: «Экран в узком значении служит носителем и звучащей вербальности, и письменной, и изобразительной форм наряду с органами речи, пером, печатным станком и фотографией. В немом черно-белом, затем цветном и звуковом кино он обретает новую природу, обособляясь в особую форму — дисплейную» [2, с.54].

В.Г. Костомаров отмечает, что первое осмысление особенностей «комбинированных письменно-звуко-изобразительных текстов» относится к кинематографическим работам, но в современных реалиях, по мнению ученого, лучше обращаться к наиболее распространенному в обществе телевидению, а затем переходить к экрану компьютера и анализировать дисплейные тексты, поскольку телевизор в эпоху смарт-ТВ превращается по сути в гигантский компьютер-планшет.

В данной статье предпринята попытка первого подробного разбора дисплейного текста с опорой на работы В.Г. Костомарова. Для детального изучения взят телевизионный репортаж России 24, посвященный государственному празднику - «Дню народного единства». Взятый телетекст обладает наиболее полным набором характерных черт изучаемого феномена – дисплейного текста.

Суть дисплейного текста заключается в его «вербально-картинно-образной синкретичности, т.е. в возможности совмещать в себе разные формы пре-

зентации и иллюстрации текста. На дисплее параллельно взаимодействуют письменная и звуковая вербальность, изобразительность, воплощенная в статичной или движущейся картинке, музыка, световые и цветовые эффекты. Дисплейные тексты «обретают семантическую полноту в переплетении вербальной, звуковой, изобразительной, цветовой сторон, что даёт право говорить об особой форме овеществления текста - мультикоммуникативной» [2, с.61].

По нашим наблюдениям авторы дисплейных текстов, представленных в средствах массовой информации, в основном придерживаются универсальной текстовой композиции. Она состоит из таких частей: введение (подготовка адресата к восприятию текста, актуализация нужных пресуппозиций), основная часть (кульминация и развязка), выводная (резюмирующая) часть как заключение с обязательной прибавкой информации (некоторой порции жизненного опыта, возможно, формирование новой пресуппозиции, новых фоновых знаний у адресата).

Каждая часть может быть представлена отдельным фиксированным кадром или их последовательностью в виде фрейма, тогда фреймы и клипы объединены одной связующей их темой. Это позволяет говорить о блочном синтаксисе дисплейного текста – «расчленение на удобовоспринимаемые клипы» [1, с.141]. Вся композиция подчинена выполнению конкретной коммуникативной задачи.

Вводная часть указывает на тему, выполняет подготовительную функцию. На этом этапе «читатель-слушатель-зритель» (терминология В.Г. Костомарова) получает общее представление о смысле предстоящего текста, формирует предварительные идеи о дальнейшем повествовании. Из первого кадра рассматриваемого текста передачи 1 канала о праздновании Дне народного единства (от 4 ноября 20018 г., эфир в 18-10) потребитель может определить его общую тему, наметить возможный смысл предстоящего коммуникативного события в рамках дисплейного текста.

Формирование темы в сознании потребителя происходит путем беглого анализа деталей картинке, представленной на экране, восприятия звучащего вербального ряда и музыкального фона. Телевидение «приучает к «тексту трех измерений», к принципиально новой структуре, совмещающей языковые (устные и письменные) носители смысла с неязыковыми» [2, с.58].

Особенность дисплейного текста – это информационно насыщенный визуальный ряд. В рассматриваемом телетексте картинка даёт большой объем основной информации. Маркерами темы «общественное мероприятие» в нашем тексте являются: количество людей на заднем фоне, формирующих в данном тексте образ массовки; разнородность данного образа с точки зрения возрастных и гендерных различий участников; высокая интенсивность участия («задействованности») массы в повествовании.

Дисплейные тексты способны создавать иллюзию реального участия адресата (т.е. зрителя) в описываемом событии, потребитель может ощущать

724 | атмосферу синтезированного текста, испытывать эмоции, сходные с эмоциями присутствующих в реальном событии людей. Как пишет В.Г. Костомаров: «Композиции языковых и внеязыковых носителей смысла <...> обеспечивает чувственное восприятие...» [2, с.57]. В нашем телетексте образ массовки (улыбки, радость на лицах) наполняет текст положительными эмоциями, эту атмосферу дополняет звуковой ряд (песни, звучащие со сцены). Теперь зритель может сформулировать тему текста более конкретно – это положительное общественное событие, праздник. Тема праздника подкрепляется и дополнительными деталями: сцена с наряженными актёрами, сувенирная палатка на заднем плане, надувные шары в руках людей и т.д.

Опираясь на идеи М.М. Бахтина о хронотопе художественного произведения, мы предполагаем, что характерной чертой дисплейного текста является принцип встроенной актуальной хронотопичности ситуации текста и его образов. Движущая картинка позволяет читателю-зрителю определить пространственно-временные отношения в тексте. Пространственные образы (в нашем тексте, к примеру, образ толпы) активно действуют, изменяются и развиваются во времени, меняя свое местоположение. Общее представление о месте и времени действия формируется на основе анализа ряда неязыковых носителей смысла, а дополнительно уточняется вербальным печатным (в виде надписей) или звучащим рядом. В нашем тексте место действия – это городская площадь (картинка: постройки городского типа на заднем плане; печатный текст в левом верхнем углу экрана «Хабаровск»; слова корреспондента: «в Хабаровске», «прийти на Комсомольскую площадь»). Время года – осень (пейзаж – зелёные деревья, частично снежные участки; одежда людей (шапки, тёплые куртки, сапоги); время суток – утро (печатный текст в левом верхнем углу экрана «06:02»).

Таким образом, из вводного клипа потребитель получает большой пласт общей информации, из которой понимает тему текста, определяет время и место действия (хронотоп), получает представление об эмоциональной нагрузке текста. В сознании потребителя информации формируется общий смысл произведения.

Стоит отметить, что основная информация содержится в визуальной части, состоящей из вербального письменного и невербального фонового и мультимедийного визуального компонентов. Звуковой ряд при этом играет второстепенную, сопутствующую роль. В.Г. Костомаров подчеркивает: «Изображения порой можно смотреть и понимать без словесного комментария, выключив звук» [3, с.21].

В основной части текста автор подробно раскрывает заявленную тему. Если в вводном клипе она имела еще размытые границы, то в основной части тема обрастает деталями и принимает четкую форму. Детали праздника – это кадры, где люди делают фото с персонафицированными героями

сказок и мультфильмов (люди, одетые в костюмы медведя, тигра); кадры мастер-классов, соответствующих теме праздника, выступлений творческих коллективов на отдельно организованных площадках и на главной сцене.

В основной части содержится и кульминация дисплейного текста - это момент, когда тема, заявленная в начале, формулируется окончательно, у зрителя не возникает сомнений при её определении. Мы полагаем, что кульминация нашего текста – это появление на экране кадра с плакатом «День народного единства». С этого момента тема текста понятна, подробно раскрыта и четко сформулирована – положительное общественное событие, праздник «День народного единства».

Завершающим компонентом композиции, т.е. развязкой, является момент, когда читатель-слушатель-зритель, имея четкое представление о теме текста, подробно раскрытые его идеи, приходит к конкретному выводу, который формируется на основе уже полученной информации, но как бы дублируется и дополнительно подсказывается автором дисплейного текста. Развязкой нашего телетекста мы считаем кадр экрана, на котором представлена надпись «Россия объединяет». Таким образом, по нашему мнению, именно эту идею автор ставит как центральную и основную, на её выражение был нацелен создаваемый текст. Точно выразить главный смысл и идеи, заложенные в дисплейном тексте, автору помогает особенность его построения, о чем так говорит В.Г. Костомаров: «Текст в целом «собирается» (вспомним основополагающую роль «монтажа кадров» в кино) из отдельных кратких и законченных частей (блоков, клипов)» [2, с.60].

Автор дисплейного текста (журналист, оператор и монтажер) может свободно соединять отснятые кадры в удобный для него рисунок, менять клипы местами в зависимости от поставленных целей, следуя великому открытию С. Эйзенштейна - монтажу. Таким образом, по нашим предположениям, для дисплейных текстов характерен упоминаемый в работах В.Г. Костомарова принцип «прожектора», который уточняет принцип эйзенштейновского монтажа. Именно с помощью принципа «прожектора», высвечивая нужные детали, автор дисплейного текста управляет вниманием читателя, задаёт нужное направление его мысли, подводит потребителя к нужным выводам.

Не отрицая принцип «прожектора», мы отмечаем и вторую важную особенность взаимодействия читателя-зрителя с дисплейным текстом. Мультимедальные тексты, разновидностью которых считаются дисплейные, предстают перед читателем-зрителем, как некий семиотический потенциал: «смысл текста формируется не только через то, что изображено и представлено автором, но читатель строит собственный путь прочтения текста» [4, р.157]. Выбор индивидуального маршрута прочтения зависит от целей потребителя, его индивидуальных особенностей и жизненного опыта. Приведем пример, опираясь на наш текст. Предположим, что цель читателя (если он житель

726 | Хабаровска) узнать только время и погоду на улице в настоящий момент. Дисплейный текст предоставляет несколько вариантов получения нужной информации.

1. Ценная информация берётся только из картинки. В этом случае внимание потребителя будет выхватывать детали, предоставляющие ценную для него информацию, из визуального ряда: вербальный написанный текст (указывает время), одежда людей (даёт представление о погоде).

2. Ценная информация берётся только из звукового ряда. Внимание слушателя главным образом направлено на слова корреспондента («морозное утро...»)

3. Ценная информация берётся из визуальной и звуковой составляющей, когда дисплейный текст воспринимается полностью, но внимание читателя вылавливает только ценную для него информацию и игнорирует остальное.

Параллельное сосуществование положительных и отрицательных шумов, представленных в разных информационных рядах, мы определяем как еще одну особенность дисплейного текста. К положительным относятся шумы, которые дополняют общий смысл повествования или несут сопутствующий общему смыслу характер, не отвлекают читателя от главной темы (например, визуализированный (написанный) фрагмент в углу экрана «06:00», «Хабаровск» или параллельно звучащая народная песня – положительный шум относительно основного содержания текста). К отрицательным мы относим шумы, несущие информацию, которая отвлекает от основной идеи текста, входит в контраст с общим смыслом (надписи, помещенные в нижней части экрана бегущей строкой «Путин выступил на пленарном заседании форума активных граждан «Сообщество» и т.д.)

Особое внимание хотим обратить на вербализованный печатный компонент в правом верхнем углу экрана. Он состоит из двух частей: надпись «Россия 24» – указывает на главного адресанта, называет его имя – телеканал «Россия 24». Подобная деталь характерна для большинства дисплейных текстов, что позволяет говорить о возможности их паспортизации, привязанности к инициатору интеракции. Вторую надпись «прямой эфир» мы оцениваем как важную в определении отношения текстового времени ко времени его прочтения. Если события, представленные в дисплейном тексте, разворачиваются в настоящем мнении, то мы предлагаем переходить от термина дисплейный текст к дисплейному дискурсу.

Вышеописанный феномен, несмотря на его активное обсуждение в кругу специалистов, только становится полноценным объектом научных исследований в рамках общей теории текста: «Применительно к дисплею следует... учить понимать, чем он может очеловечить или обезчеловечить нас» [2, с.89], а для этого требуется подробное изучение и понимание данного явления.

Литература

1. Костомаров В.Г. Дисплейные тексты как форма сетевого общения // Russian Language Journal. 2010. Vol. 60., С. 139-145.
2. Костомаров В.Г. Рассуждение о формах текста в общении: учеб. пособие – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 97 с.
3. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. Спб.: Златоуст, 2015. – 138 с.
4. Serafini F. Expanding the four resources model: reading visual and multi-modal texts // Pedagogies: An International Journal. 2012. Vol. 7. № 2., P. 150-164.

Tveritina E.R.

DISPLAY TEXT. THE ATTEMPT OF ANALYSIS

Abstract. This article is about modern phenomenon, which was discovered by V.G. Kostomarov, called display text. Despite the fact that nowadays the problem of display text is one of the widely discussed issues among different experts, it is just on its way of becoming a serious object of scientific study. The article also shows the difference between display text and display discourse.

Key words: Text theory, text, discourse, display text, display discourse

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

Аннотация. В статье говорится об особенностях использования игровых технологий на занятиях по русскому языку при обучении детей-билингвов. В качестве дополнения к основному обучению предлагается разработка компьютерной игры, направленной на усвоение детьми лексического материала по теме «Цифры». Адресная локализация игры возможна в рамках проекта «Русский детям» на портале «Образование на русском».

Ключевые слова: игровые технологии, обучение русскому как иностранному, дети-билингвы, портал «Образование на русском».

Методика раннего обучения иностранным языкам как наука прошла долгий путь становления и развития. В настоящий момент она рассматривается как самостоятельная научная дисциплина. Многие учёные полагают, что обучение детей иностранному языку следует начинать в тот момент, когда у ребёнка есть уже элементарные грамматические навыки родного языка, когда ребёнок уже умеет писать и читать, то есть примерно в возрасте 5-8 лет [Выготский, Ушинский и т.д.]. В этом возрасте ребёнок психологически готов к обучению и к процессу освоения нового материала. Начальный этап обучения любому языку является важнейшим, ведь от того, как проходит обучение на данном этапе, зависит успех овладения предметом в перспективе.

На сегодняшний день большинство учёных, занимающихся методикой обучения иностранным языкам, справедливо обращают внимание на эффективность использования игрового метода [Щукин, Коньшева, Пассов, Вронская и т.д.]. Во-первых, это объясняется тем, что преимущественно у детей дошкольного и младшего школьного возраста ярко выражена игровая мотивация. Во-вторых, в игре особенно полно, а порой и неожиданно проявляются способности любого человека, а ребёнка в частности. В-третьих, непосредственно игровая форма позволяет многократно увеличить эффективность обучения. Игра – это целый мир, который с детства ассоциируется у нас с позитивными эмоциями. Желание выиграть обостряет внимание и память, а проигрыш - в отличие от низкого балла за контрольную работу - воспринимается как результат невезения, при этом не понижает самооценку и переживается достаточно легко. Учитывая особенности дошкольного воз-

раста, учёные считают необходимым широко использовать игровые приёмы при обучении иностранному языку. Какими бы внешними или внутренними факторами не мотивировались игры, смысл их заключается в том, что они должны стать практикоориентированными.

Обучение детей-билингвов иностранному языку имеет определённую специфику, основывающуюся на индивидуально-психологических особенностях. Именно в этом возрасте (5-8 лет) дети отличаются природной любознательностью, у них вырабатывается потребность поиска нового. Одной из ключевых сторон обучения является содержательная, так как для детей важно то, что именно передаётся посредством языка. Из этого следует, что обучение должно затрагивать интересы дошкольников, отвечать их потребностям в общении и познании.

Нужно помнить, что занятие ни в коем случае не может рассматриваться как традиционный урок – оно должно иметь форму коллективного творчества. Наиболее эффективно это можно организовать в условиях групповой работы, так как рядом со сверстниками ребёнок будет чувствовать себя свободно и раскованно.

Если принять во внимание тот факт, что игра для детей является ведущим видом деятельности, то можно предложить использовать в качестве обучающей технологии игру, позволяющую создать ситуацию, в которой ребёнок обязательно должен участвовать и учиться новому. К такому виду игр относятся сюжетно-ролевые игры, различные подвижные, мимические пальчиковые игры. Всё, что ребёнку предлагается для изучения должно быть максимально интересным и доступным, будь то сказки, приключения героев мультфильмов, рассказы о жизни животных и т.п. Развитие ребёнка подразумевает воплощение в игре всех знаний, умений, навыков в различных видах деятельности, возможность применять их как можно шире в процессе обучения иностранному языку. Это не только позволяет усвоить на занятиях большое количество лексического и первичного грамматического материала, но и способствует развитию психических функций ребёнка, которые необходимы для овладения иноязычной речью.

Для того чтобы изучение иностранного языка стало более продуктивным, можно эффективно использовать информационные Интернет-ресурсы, содержащие широкий аудиовизуальный и текстовый материал. Не секрет, что современные дети привязаны к таким средствам массовой коммуникации как компьютеры, планшеты, смартфоны. Гаджеты сегодня являются отличными помощниками при изучении иностранного языка. В связи с тем, что в последнее время активно популяризируется дистанционное и электронное обучение языку, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина на базе портала «Образование на русском» запустил проект «Русский детям». Учебно-игровое русскоязычное пространство содержит широкий спектр возможностей образовательно-интерактивного мультимедийного

730 | контента для индивидуальных и коллективных занятий русским языком в школе и дома. Эта система позволяет не только обучать детей-билингвов, но и фиксировать их учебные достижения.

В рамках проекта «Русский детям» нами проанализирован раздел «Игровая площадка», в котором представлены игровые виды познавательной деятельности. Для детей в возрасте 5-8 лет в данном разделе имеется 14 игр, которые позволяют даже самым маленьким детям не только расширить свой словарный запас, но и освоить азы русской грамоты. Весь раздел состоит из трёх подразделов: «Для всех ребят», «Для тех, кто умеет или учится читать», «Для тех, кто уже хорошо читает». Эти подразделы представлены в виде обучающих игр, которые помогают выучить буквы, цветовую гамму, наименования животных и их детёнышей и др. Но, как нами подмечено, в разделе отсутствуют игры, помогающие ребёнку выучить цифры от 1 до 10. Мы посчитали возможным предложить проект игры по данной лексической теме.

Игра «СБОРЫ В ПОХОД»

Цель игры: формирование лексических навыков по теме «Цифры».

Задачи игры: познакомить ребёнка с сюжетом игры; активизировать лексический материал по теме «Цифры»; отработать изученную лексику на практике.

Перед началом игры ведущий, имитируя детский голос, сообщает, что герои всем знакомого мультфильма Вини-Пух, Пятачок, ослик Иа, Сова, Кролик и их друзья собираются в поход. Для этого Вини-Пуху нужно сходить в магазин и купить всё необходимое.

Ребёнок должен помочь игровому герою купить все вещи строго с заданным количеством: 4 палатки, 5 компасов, 3 фонарика, 7 зонтиков, 1 топор, 6 ведер, 8 кружек, 9 сачков, 2 удочки и 10 бочонков мёда.

На слайде игры изображён Вини-Пух, который рассматривает товары в магазине. Перед ним полка с десятью одинаковыми предметами, на которых написаны цифры. Ведущий объявляет, что нужно купить от 1 до 10 предметов. Ребёнок должен нажать на тот предмет, где изображена необходимая цифра. Если ответ верный, то предмет отправляется в рюкзак Вини-Пуха, если же ответ неверный – то он «улетает» за пределы слайда. После того как все предметы куплены, ведущий спрашивает ребёнка: «Что ещё можно взять с собой в поход?». Следующим появляется слайд, на котором изображены 9 предметов: мяч, телевизор, карта, шкаф, холодильник, котелок, аптечка, веник, ковёр. Из этого перечня нужно выбрать те предметы, которые могут быть полезны в походе. Ребёнок с помощью курсора выбирает нужные предметы и нажимает кнопку компьютера.

Пример

Ведущий: «В этот солнечный летний день Пятачок и Вини-Пух решили собрать всех друзей и пойти в поход. Но для этого у них не оказалось самых необходимых вещей. Давай, Дружок, поможем Вини-Пуху собраться в поход.

Я тебе подскажу, сколько нужно купить предметов, а ты нажимай на нужную цифру».

Ведущий: «Итак, нужно купить восемь кружек».

Ведущий: «Нам понадобится всего один топор».

Ведущий: «Нас много, так что давай купим четыре палатки».

Ведущий: «А давай купим шесть ведёр?».

Ведущий: «Мы точно пойдём ловить рыбу. Возьми две удочки!».

Ведущий: «Хмм, и где тут семь зонтиков?».

Ведущий: «Мы с собой возьмем девять сочков».

Ведущий: «Нам пригодятся пять компасов».

Ведущий: «Надо не забыть ещё три фонарика».

Ведущий: «Ну и, конечно же, нам понадобится десять бочонков мёда!».

Ведущий: «Молодец, Дружок! Ты всё сделал правильно. Как ты думаешь, может, мы могли что-нибудь забыть? Посмотри на картинки, какие ещё предметы могут пригодиться в походе? Нажми на те из них, которые ты бы взял с собой».

На следующем слайде изображены радостные и с полными рюкзаками Вини-Пух, Пятачок и их друзья. Игра закончена.

Считаем, что при огромном количестве плюсов электронного обучения не стоит забывать о том, что детям в возрасте 5-8 лет не рекомендуется долгое время находиться за компьютером. Опасность времяпровождения у компьютера заключается в том, что ребенок может бесконечно им увлечься, что может привести к проблемам со зрением и к сколиозу. Поэтому следует не забывать о существующих «Гигиенических требованиях к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы» (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03). Документ регламентирует продолжительность непрерывной работы на компьютере для детей данного возраста не более 15 мин в день. Кроме того, между занятиями, если они предполагают более длительное нахождение ребёнка перед экраном, необходимо делать 10-минутные перерывы, совмещая тем самым игровую технологию и технологию здоровьесбережения. Предложенная нами игра займёт у ребёнка всего 10 обучающих минут.

Таким образом, проект «Русский детям», находящийся на базе портала «Образование на русском», следует рассматривать как прекрасную,

но дополнительную возможность для изучения русского языка. «Ум ребёнка находится на кончиках пальцев», - писал известный педагог В.А. Сухомлинский, поэтому взрослым всегда нужно помнить о реальных детских играх и не стоит их полностью замещать виртуальной реальностью.

Литература

1. Воронская И.В. Методика раннего обучения английскому языку. - СПб.: Каро, 2015. – С. 11-33.

2. Коньшева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. - М.: Изд-во «Четыре четверти», 2005. – С. 9-27.
3. Лешутина И.А. Активизация возможностей личности и коллектива как залог эффективного обучения РКИ // Методика преподавания иностранных языков: традиции и новации. Сборник научных трудов по материалам научно-методической конференции-вебинара. В 2-х частях. Часть I. - Курск: КГМУ, 2016. – С. 291-295.
4. Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42836/
5. Образовательный проект «Русский детям» // <http://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/>
6. Портал «Образование на русском» // <https://pushkininstitute.ru/>

Tikhonova E.

GAMING TECHNOLOGY IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE BILINGUAL CHILDREN

Abstract. The article talks about the features of using gaming technology in the classroom for the Russian language when teaching bilingual children. As a supplement to the main training it is proposed to develop a computer game aimed to assimilate the children of the lexical material on the theme "Numbers". Address localization is possible in the framework of the project "Russian for children" in the portal "PushkinOnline".

Key words: Gaming technology, teaching Russian as a foreign language, the child bilingual, PushkinOnline.

ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ИНАКОВОСТИ В РОМАНЕ КРИСТЫ ВОЛЬФ «МЕДЕЯ»

Аннотация. В статье рассматриваются формы воплощения образа Медеи как «иной»/ «другой» в постмодернистском романе К. Вольф, анализируются особенности повествовательной структуры, строящейся на сочетании точек зрения персонажей, выражающих свое отношение к инаковости главной героини.

Ключевые слова: иной; другой; миф; интерпретация.

В XX веке в науке формируется понятие «иной», активно развиваются феминистские и гендерные исследования. Синонимичными к термину «иной» являются понятия «чужой»/«другой». Внимание к Другому является важнейшим аспектом современного постмодернистского мышления, где подчеркивается многоголосие культурных миров. Соответственно и литература меняет свое отношение к Иному. «Иной» понимается как не такой, как я, не похожий, но доступный для понимания, познания, не тот, кого необходимо уничтожить, а тот, кого нужно познать. Важной составляющей проблемы Другого становится осмысление женщины, как Другого. Вновь возросший интерес к исследованию «другости»/ «инаковости» женщины связан с развитием феминистских и гендерных исследований.

Иной в контексте нашего исследования – это человек, субъективность которого может состоять из нескольких типов и/или постоянно видоизменяться, который осознает и принимает множественную реальность.

Немецкая писательница Криста Вольф обращается к мифологическим образам, которые изначально противоречивы. Ее роман «Медея. Голоса» написан в форме чередующихся монологов героев. Шесть «голосов», сменяя друг друга, разноаспектно выявляют суть происходящих событий. Известно, что Медея в древнегреческой мифологии – волшебница, дочь Колхидского царя Эета и океаниды Идии, внучка Гелиоса. На сегодняшний день существует две версии концовки мифа об аргонавтах. Более ранняя версия гласит, что детей Медеи убили коринфяне. Более позднюю версию мы знаем из трагедий Еврипида и Сенеки, когда Медея убивает своих детей сама. Криста Вольф решает интерпретировать первоначальную версию.

Обращение Вольф к мифологическим образам – это одна из граней ее писательской индивидуальности, связанная со стремлением определить место женщины в современном мире. Писательница говорила в своем интервью с журналистами в Бонне 23 февраля 1997 года : «Медея» – история женщины в мужском мире: то, что делает из нее мир мужчин. Для самой писательницы – это «попытка извлечь чью-то фигуру из ее времени, понять ее, вылущить, бросив при этом и вполне критический взгляд на ступени, которые она уже прошла в творении великих поэтов» [2, с.183].

К главной героине каждый герой романа относится по-разному. Она способна разжечь в людях любовь, ненависть, страх, зависть. Но самым сильным противником для Медеи является весь город Коринф. Для жителей Коринфа Медея иная: «Коринфяне говорят: всякая женщина, если она пробует жить своим умом, уже необузданная» [3, с.137]. Ей чужды стандарты, которые царят в Коринфе: «Коринфяне все так думают, для этих беззаветная женская любовь к мужчине все заранее объясняет и оправдывает» [3, с.143]. Объяснение мы находим в словах Леукона: по-другому она просто не умеет. «Уверенность в себе, которая от нее исходит, большинство коринфян успели уже прозвать высокомерием и ненавидят ее за это <...> колхидки делают здесь самую черную работу, а ходят с высоко поднятой головой, словно жены наших высших придворных, и, что самое поразительное, иначе ходить они просто не умеют» [3, с.238].

Первую характеристику Медеи дает Ясон. Не случайно автор вводит голос самого близкого человека волшебницы в Коринфе – ее возлюбленного. Но не поддержку мы встречаем в его словах, а слабохарактерность и страх за себя. Ясон любит власть, это становится ясно из его рассказа о золотом руне. И когда стоял выбор – остаться в Коринфе одному или уйти вместе с любимой, то вторая «мысль даже в голову бы не пришла» [3, с.161]. Моральное падение героя окончательно проявляется в том, что он не говорит о мальчиках как о своих сыновьях. И это сразу же замечает Медея: «Ради вас, – говорил он мне. – Ради тебя и детей. Чтобы тебя здесь оставили». Так уже и говорил – «ради вас», себя к нам не причислял [3, с.201], – что подтверждает мнение Креонта о Ясоне: «Да ты-то давно наш, Ясон, этого только слепец не заметит» [3, с.166].

Не встал Ясон на защиту Медеи и на суде: «Никому не было бы ни малейшей пользы, вздумай я на совете распинаться и ее защищать» [3, с.266]. Но ни трусость, ни малодушие Ясона не вызывают отвращения в сердце Медеи, а наоборот, ей жаль его. И это последние ее слова ему. Именно потому, что она лучше других видела его слабости, знала его жажду денег и власти, а главное, была не такой как остальные женщины, которых можно силой заставить замолчать, Ясон и ненавидел ее: «Это уж слишком. Такое я не должен выслушивать. Ведь я мог и иначе. Дать выход своей ярости. Встряхнуть хорошенько, притиснуть к стене. Чтобы знала: никому не дозволено

безнаказанно оскорблять Ясона. <...> Женщин надо брать. Обламывать. Только так, силой, из самых недр, мы и извлекаем то, что пожаловано нам природой, – нашу всепоглощающую усладу. Ни взгляда, ни слова больше. Я ушел. Больше я ее не видел» [3, с.271]. Медея сама это понимает: «Женщину, которая видела мужчину в миг слабости, в Коринфе так просто не прощают» [3, с.145]. Не простил и Ясон.

Следующий голос – Агамеда, бывшая ученица Медеи, дочь ее подруги. Во время учения Агамеды Медея держалась с ней строже, чем с остальными, даже на отдалении, «дабы никто не мог сказать, будто дочь ее подруги у нее на особом положении». В тот же миг ученица ее возненавидела. Девушкой движет чувство зависти, жажда роскоши, золота. Она хочет вопреки словам Медеи «иметь все сразу». Нежелание «прозябать в ничтожестве» – главная цель девушки. Волшебница останавливала ее порывы: «Ты будешь хорошей целительницей, Агамеда, если научишься знать свое место» [3, с.175].

Слова Лиссы (кормилицы Медеи) о том, что Агамеда «всегда норовила видеть в людях, а особенно в себе самой, только то, что мне нужно, а главное, удобно и выгодно» [3, с.176], только больше раздражали девушку и подогревали закипающую ненависть к Медее, так как вопреки истине, она видела, что Медея окружена сплошными почитателями и никого больше к себе не допускает. В девушке говорила горечь и обида с детства. Но снова вместо ожидаемой злобы со стороны Медеи, мы видим ее желание откровенно поговорить с Агамедой, узнать, почему она такая несчастная.

Двойственное отношение к Медее у Акама, первого астронома царя Креонта. Ему нравилось говорить с ней, Акам понимал, что она особенная, не такие как все в Коринфе, поэтому Медея стала поверенной его секретов. Медея была первой женщиной, распознавшей музыку сфер одновременно с Акамом. Его поразила эта близость их душ. Он до последнего не хотел ее изгнания. Зная каждую ступень «ее безудержного падения в пропасть», Акаму «тошно при мысли о том, что станет с Медеей» [3, с.214]. Однако чувство власти оказалось сильнее гуманного. Давно забытая история с Ифиной, которую начала ворошить Медея, ставила под сомнение карьеру Акама. Он понимал, что если встанет на защиту Медеи, то эта же «лавиная» погребет и его вместе с нею. Он же «один из первых, кто понял, что надо ее устроить» [3, с.215]. Медея честна и открыто произносит истину вслух. Этого не терпит Акам, не терпит и весь Коринф.

Глаука, некогда «питавшая к Медее нервическое обожание» [3, с.206], в последствии не называет ее имени, а рассказывает как об «этой женщине», пытаясь полностью искоренить воспоминания о ней из своей головы. Медея, единственная кто хочет открыть правду Глауке о ее сестре Ифиносе: «Ты столько лет, – сказала она мне, – пыталась соединить несоединимое, от этого и болела» [3, с.226]. Но девушка боится знать истину, ей легче пове-

736 рить в то, что она сама все выдумала, что «эта женщина» с помощью своих настоев и трав внушила ей страшные картины.

Глаука слишком доверилась Медее и не может себе этого простить. Волшебница подарила ей надежду о выздоровлении от эпилептических припадков, смогла избавить ее от комплексов, была с ней в сложные минуты, стала ей тем, кем не смогла стать родные мать и отец – близким другом. Глаука сама говорит об этом времени: «Это были дни, исполненные надежды, пока она меня не бросила, не оставила в беде, как покинула когда-то мама, никогда, никогда не надо было со мной так поступать. Ненавижу ее» [3, с.227].

Леукон – второй астроном царя Креонта, предугадывает дальнейшую судьбу волшебницы двумя словами: «Медее обречена» [3, с.233]. Он единственный из всех жителей Коринфа, который дружелюбно относился к Медее: «Я сам себе удивляюсь, никогда прежде имя женщины не имело в моей жизни особого значения» [3, с.233]. Но он понимал, что Медее выпало раскрыть правду, которая определяет всю их коринфскую жизнь, и в защите ее он бессилён [3, с.242]. Во втором своем монологе Леукон скажет: «Любой может убедиться – мы правильно истолковали волю богов, когда изгнали колдунью из города. «Мы» – говорю я и почти не пугаюсь. Мы, коринфяне. Мы, справедливые. И я тоже пальцем не пошевелил, чтобы ее спасти. Я же коринфянин» [3, с.273].

Из отношения каждого героя к Медее, мы делаем вывод, что инаковость не только отталкивает, но и притягивает, привлекает. Криста Вольф рисует образ новой женщины, меняет ее положение в обществе. Писательница в литературоведческом эссе отмечает, что ей «стало совершенно ясно, что история патриархата преобразила мифологическую историю, женщину, что патриархат изменил мифологию, должен был изменить ее. Например, в отношении Кассандры, женщины, которой никто не верит. Еще больше преобразована Медее. «Варварка» – это было нечто, это есть нечто, чего патриархат не выносит – с полным на то основанием» [2, с.181].

Авторская интерпретация становления личности Иного заключается в создании особой характеристики героя, а именно инаковости, а также максимально сложной среды окружения Иного.

Писательница показывает женщину в двух аспектах: Медее-детоубийца, враг народа, и Медее-человек, борющаяся за права личности. Медее страдает от клеветы коринфян за то, что она ставит их «перед решениями, до которых они не доросли, но одна необходимость которых разрывает душу надвое, оставляя после себя чувство поражения и вины» [3, с.273]. Коринфяне, которые все свои несчастья и горести готовы выместить на бедной волшебнице, не понимают своей жалости и беспомощности: «Люди, лучше будут думать, что их околдовали, чем согласятся признать, что сами, по доброй воле, от обыкновенной голодухи, жрали сорную траву и даже внутренности нечистых

животных» [3, с.158]. Коринфянам важно знать, что они живут в «самой распрекрасной стране на белом свете», эту пелену с глаз способна снять Медея, «иная» в своих убеждениях и мыслях, за что и подвергается изгнанию.

Так, инаковость главной героини проявляется и на вербальном, и на предметно-художественном уровнях: в речевых и портретных характеристиках, жестовом поведении, контрастном противопоставлении Медеи враждебной ей среде. Используя фрагментарную композицию, строящуюся на чередовании противоречащих друг другу точек зрения персонажей, К. Вольф создает образ новой женщины, готовой бороться за свои права и положение в обществе.

Литература

1. Анненский И.Ф. Трагическая Медея // Театр Еврипида. – Т. 1, Л. – 1966. – С. 205-264.
2. Вольф К. Из беседы с журналистами в Бонне 23 февраля 1997 года // Вопросы литературы 1999, №4, с. 181-183
3. Вольф К. Кассандра. Медея. Летний этюд / Пер. с нем. – М.: «Издательство «Олимп», «Издательство АСТ», 2001. – 448 с.
4. Вольф К. Миф и образ // Вопросы литературы. - № 4. – 1999, С. 178-185
5. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Рос. Энциклопедия. – 1994. – Т. 2.
6. Млечина И. Предостережь и давь надежду // Литературное обозрение. – 1987. — №3. — С.65.
7. Ярхо В.Н. Миф и политика в древнегреческой трагедии на материале произведений Еврипида // Вопросы истории. - № 1. – 1970. – С. 209-214.

Tiyan D.E.

FORMS OF THE PERSONIFICATION OF OTHERNESS IN CHRISTA WOLF'S NOVEL «MEDEA»

Abstract. Abstract: This article deals with forms of the personification of Medea's character as "other"/ "alien" in Christa Wolf's postmodern novel. The interpretation of different points of view in the narrative structure allows to observe otherness of the main character.

Key words: Alien; other; myth; interpretation.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГАЛИЦИЗМЫ КАК ЭРГОНИМЫ И МАРКИРОВКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье речь идёт о влиянии французского языка на русский язык, анализируются галлицизмы как эргонимы и маркировки, даются примеры галлицизмов в современном русском языке.

Ключевые слова: галицизмы, калька, фразеологическая калька, фразеологизм, эргоним, семантическая калька, морфема.

Один из основных приемов, которым пользуются создатели искусственной ономастики (эргонимов и маркировок) – привлечение англицизмов и галлицизмов. К примеру, название компьютерного салона Визард можно принять за обычный эргоним, который эксплуатирует идею прогрессивного Запада (англ. Wizard). Но английские термины и вообще английский язык в компьютерных кругах значит больше, чем в «средневзвешенном» речевом узусе. Для компьютерщиков, имеющих дело с технической документацией, английский – второй рабочий язык. Если адресат-некомпьютерщик владеет английским и дословно переведет название компьютерного салона как «волшебник», то ассоциативный ряд будет идти от этого перевода. Однако в англоязычных программах wizard'ами называют некоторые справочные функции, призванные помочь пользователю более эффективно работать с программным продуктом. Галлицизмы также довольно многочисленны в современном русском языке. У языка, оказавшегося перед лицом иностранного слова, обозначающего некоторое отсутствующее в нем нужное понятие, имеется три возможности: заимствовать само это слово; создать новое слово из своих морфем по образцу иностранного; использовать для выражения нужного значения уже имеющееся слово, придав ему новое значение по образцу иностранного слова.

В сфере моды, кулинарии более распространены галлицизмы. Галлицизмом «Комильфо», например, называют и разного рода агентства, и туристическую компанию, и салон красоты, и диско-бар, конфеты; есть даже племенной питомник «Комильфо». Эти эргонимы, безусловно, созданы с учетом установки на восприятие. В основном эргонимы прагматичны,

создаются по принципу ассоциации с чем-то очень хорошим, приятным, то есть это прагмемы с мелиоративной коннотацией. Ведь носителя языка хотят соотносить себя с элитой, бомондом.

«Маркировочные обозначения – это по сути наименования промежуточные между именами собственными и нарицательными. Маркировки выполняют особые прагматические функции в рекламе. Специфика рекламной коммуникации как особой сферы общения состоит в целенаправленном расширении знаний адресата об объектах рекламы, формировании положительного отношения к нему, закрепление его образа в памяти потребителя и создании необходимых форм поведения» [2, с.123]

Впрочем, маркировки, как и прочие искусственные образования, есть область (индивидуальных или групповых) вкусовых предпочтений.

Известно, что заимствования вообще редко бывают наименованиями рода или вида; напротив, они часто выступают наименованиями частными, детализирующими. Крайнюю степень детализации представляют маркировки. Галлицизмы (от латинского *gallicus* - галльский) - слова и выражения, заимствованные из французского языка или образованные по модели французских слов и выражений. Галлицизмы довольно многочисленны в современном русском языке. У языка, оказавшегося перед лицом иностранного слова, обозначающего некоторое отсутствующее в нем нужное понятие, имеется три возможности: заимствовать само это слово; создать новое слово из своих морфем по образцу иностранного;

использовать для выражения нужного значения уже имеющееся слово, придав ему новое значение по образцу иностранного слова. Отношение к заимствованным словам как к более “красивым” и престижным характерно для XXI века. В связи с этим «корректируется система ценностей» [3, с.238]/ Проанализировав названия московских кафе, баров и ресторанов, можно сделать вывод о том, что в последнее время эргонимы и маркировки более сложные, рассчитаны не на любого клиента, посетителя, а только на осведомлённого в мире моды, престижа и т.п. Например, имеются такие названия: “Cheval Blanc” (белый конь); “Grand Prix” (высшая цена); “La Colline” (холм); “La Marée” (прилив, залив); “Au Lait” (с молоком); “Cinq sens” (пять чувств); “Chateau des fleurs” (замок цветов); “Carré Blanc” (Белый квадрат) (в отличие от чёрного квадрата Малевича; “Bonjour Cafe” (добрый день, кофе); “L'Eclair de Genie” (молния гения); “La Petite maison” (домик); “L'Etranger” (иностранец); “Mon plaisir” (моё удовольствие); “La Terrasse” (площадка).

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что никакой язык не развивается «изолированно от других», прагмемы-эргонимы и прагмемы- маркировки являются необходимым «атрибутом» современного русского языка и языка современной рекламы в частности.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов // Советская энциклопедия. 1969. - 608 с.
2. Китанина Э.А. Прагматика иноязычной лексики в русском языке. – Ростов-на-Дону, 2005.- 304 с.
3. Китанина Э.А., Божинская Т.Л. Проблема неоднородности общества и социальная дифференциация языка на рубеже XX-XXI вв//Теория и практика общественного развития. 2009 №3-4. С.233-240.

Traore Y.

**LEXICALS GALLICISMS AS ERGONIMS AND LABELINGS
IN RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. The matter in the report concerns the french impact on russian, analysis of gallicisms as ergonims and labellings, and gallicisms examples in modern russian language.

Key words: Gallicism, loan translation, phraseological loan translation, semantic loan translation, morpheme.

Хараборкина Татьяна Сергеевна
студент ФГБОУ ВПО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
Брянск, Россия
Haraborkinats@mail.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСЕМ, СОЗДАЮЩИХ АВТОРСКУЮ ВСЕЛЕННУЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются тематические группы и составляющие их лексические средства, которые формируют авторскую вселенную.

Ключевые слова: художественный текст; тематическая группа; потенциальная сема; контекст; авторская вселенная.

В фантастической литературе и литературе в жанре фэнтези создание воображаемой вселенной имеет большое значение в рамках эстетического воздействия на читателя. В романе Марины и Сергея Дяченко «Пещера» представлена параллельная вселенная, в которую персонажи попадают, когда засыпают, и в которой являются животными. Идея параллельных миров не нова и была воплощена ранее во многих произведениях: например, в серии Клайва Стейплза Льюиса «Хроники Нарнии», в серии книг Стивена Кинга «Тёмная башня» и других.

Обратимся к некоторым тематическим группам (в дальнейшем ТГ), лексемы которых участвуют в создании авторской вселенной.

1. ТГ «Облик», включающая лексемы, называющие внешние признаки обитателей Пещеры. Животные Пещеры – оригинальные существа, однако вполне возможно, что авторы произведения опираются на образы реально существующих животных. Одним из них является сарна. Такую номинацию мы находим в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, где этой лексеме даётся следующее толкование: «Сарна – жен., зап. серна, козенок, животное, называемое и дикой козой, хотя у него рожки оленьи») [2]. Однако из анализируемого нами текста сложно понять, насколько описанное Дяченко существо близко к реальному животному из приведённой дефиниции. Создать фантастический образ помогают в первую очередь эпитеты. Так, лексемы изящный и хрупкий, относящие к силуэту сарны, говорят о её сложении, причём эпитет хрупкий здесь приобретает потенциальные семы «грациозный», «изящный». Для описания ног животного авторы используют эпитеты тонкие, танцующие. Лексема «танцующие» также приобретает в данном контексте сему «изящные». Главной отличительной чертой сарны

742 | являются уши, поэтому авторы нередко прибегают к ярким метафорам, например, жемчужные раковины, локаторы. Причём первая лексема указывает на форму и окраску, а вторая – на острый слух существа.

Главный и самый опасный хищник Пещеры – сааг. Сарна и сааг противопоставляются друг другу как жертва и хищник соответственно. Описывая зверя, Дяченко используют метафору чёрная дыра и неуловимая бесформенная тень, говоря о цвете сага. Для описания страха, который вызывает хищник, Дяченко используют метафоры ужас Пещеры, чудовищное сооружение из клыков и мышц. Смертоносность хищника подчёркивает словосочетание костяные крючья, которое приобретает в контексте потенциальные семы «зубы», «клыки». Кроме того, в тексте используется метафора, называющая пасть хищника «идеальным устройством для перегрызания шей», а словосочетания костяные ножи и изогнутые ножи, приобретают в тексте сему «когти». Для усиления атмосферы страха, при описании сага, авторы используют яркие эпитеты: желтоватые, мутные, бешенные, презирующие пустотуглаза; огромные ноздри; мощные, безобразно выступающие, упругие мышцы, чудовищный объём лёгких. Все перечисленные лексеммы создают образ безжалостного чудовища.

2. ТГ «Восприятие» включает лексеммы, отражающие видение мира существами Пещеры. Восприятие сарны основывается на её статусе жертвы. Об опасности она узнаёт с помощью звуков. Пещера для неё представляется «переплетением звуков», поэтому в создании авторской вселенной важна лексика с семантикой фонообзначений. Звуки для сарны осязаемы – это выражено часто повторяющейся метафорой – нити звуков и отзвуков. Для их характеристики в тексте используются лексеммы тонкие, редкие, безопасные. Лексеммы тонкие и редкие приобретают в контексте потенциальные семы «слабые», «едва слышные». Интересно, что для передачи звуков Дяченко используют и колористическую лексику. Привычные звуки обозначаются лексеммой серый, которая употребляется в переносном значении (посредственный, ничем не замечательный) [5, с. 714], а опасные звуки – лексеммой жёлтый. Данный цвет является сигнальным: он предупреждает об опасности.

Звуки в авторской вселенной приобретают осязаемость, что передаётся, например, через употребление лексеммы бахрома (об отзвуках), приобретающей в контексте потенциальную сему «множество». Кроме того, авторами используются лексеммы верёвочка, шнурок, паутинка для обозначения силы и отчётливости звука. Так лексема паутинка приобретает потенциальные семы «слабые», «едва слышные» звуки.

Для особой «качественности» звука, его оценки Дяченко используют контекстные синонимы и антонимы: звуки могут быть случайными и важными, простыми и опасными. Лексема случайные приобретает в контексте потенциальную сему «неважные», а лексема простые – «безопасные». При

описании звуков в тексте лексемы знакомые и безопасные также употребляются как контекстные синонимы.

Хищник воспринимает Пещеру иначе: для него вещественны запахи. Запах сарны для сага сладкий, что, как мы полагаем, равноценно в художественном контексте значению «вкусный». По нашим наблюдениям, лексема сладкий относится также и к характеристике страха жертвы, и к «привкусу» убийства. Можно считать, что данное слово в романе приобретает семы «приятный», «любимый» – в восприятии хищника, разумеется. Жертва воспринимается хищником как еда, и потому её запах получает номинацию свежий в значении «недавно добытый, не испортившийся» [5, с. 700]. Употребление эпитета сытый по отношению к запаху в контексте не является признаком насыщения, а приобретает потенциальную сему «предвещающий сытость». Сага воспринимает и специфические запахи жертвы, такие как покорности страх, причём запах здесь передан лексемой аромат (Душистый, приятный запах) [5, с. 29], что свидетельствует о положительной коннотации для хищника.

С поведением сага связано широкое употребление темпоральной лексики. Так, к жертвам сага относится метафора вязнет в секундах, т.е. время представлено авторами как вязкая жидкость: вязнуть - застревать в чём-н. вязком, липком [5, с. 123]. Это явление, вероятно, связано с особенностью восприятия времени носителями русского языка, что доказывают данные «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю.Н. Караулова: реакция «течёт» относится к центру ассоциативно-семантического поля «время» [4]. Время для сага также жидкое, но в описании его восприятия употребляются лексемы стекает, скользит, шелестит – по шкуре хищника. В каждом случае время ассоциируется с жидкостью разной консистенции. Возможно, такое употребление навеяно аллюзией с фразеологизмом «как с гуся вода», только в несколько трансформированном значении: время не безразлично зверю, а покорно ему.

Для усиления разницы в восприятии времени сагом и сарной в тексте используются антонимы: «Вечность... сага казалась сарне кратким мигом» [3, с. 361]. Время в тексте представлено не только в жидком, но и в твёрдом виде: дробленое на мгновения время (дробить - Разбивать на мелкие части) [5, с. 180]. Момент, когда сага утрачивает контроль над временем, отмечен нарушением лексической сочетаемости: ...время просто текло – серыми бесцветными ключьями [3, с. 301]: ключья течь не могут. Такая лексическая несочетаемость здесь может выражать диссонанс во внутреннем мире хищника, что усиливается колористической лексемой серый. Время не первый раз приобретает подобную «окраску»: так, в произведении И.А Бродского «Пятая годовщина» находим строки: Там в моде серый цвет – цвет времени и бревен.

3. ТГ «Пещера как вместилище» включает лексемы, связанные с описанием Пещеры внутри. Главным образом это олицетворения, поскольку сама Пещера представляется авторами как живое существо. Говоря о ней, они

используют лексемы жила, убивает, Пещера, кроме того, может быть спокойна, она обладает спокойным дыханием. С помощью олицетворений в тексте изображён и ветер, ощущаемый внутри пещеры: лизнул, дышал. Персонифицируются и звуки Пещеры, так как саг умел обманывать их. Значения лексемы обмануть указывает на одушевлённость обманутого (ввести в заблуждение, сказать неправду; поступить недобросовестно по отношению к кому-н.). Кроме того, из иллюстративного материала «Толкового словаря» Ожегова мы видим, что если обман не связан с абстрактными категориями (обманул надежды, доверие друга), то он связан с живыми существами (обманул товарищей, лиса волка обманула) [5, с. 431]. С водой связаны олицетворения дышал ручей и жила вода.

Некоторые приёмы олицетворения связаны с видением сага. Так, он видит коридоры и переходы Пещеры как сосудистую систему живого существа: Сплетения коридоров – артерии и вены, по которым вздохами и отзвуками струится жизнь... [3, с. 112], Пространство Пещеры виделось ему в постоянном движении – пульсирующие сосуды переходов, перегоняющие по ярусам тёплую жизнь [3, с. 55]. Кроме того, олицетворение присутствует и в восприятии времени сагом: ... время держало её (жертву). Олицетворение авторы использовали и в отношении смерти, что передаётся через словосочетание сделала шаг.

В описании Дяченко Пещеры можно найти много недосказанности и полутонов: нечёткое описание живых существ и неполнота признака нередко выражается посредством суффикса прилагательного со значением неполноты признака –оват-. Такие суффиксальные образования относятся к: 1) облику Пещеры (зеленоватый); 2) восприятию Пещеры (дикуватое очарование); 3) вкусовым ощущениям растений Пещеры (кисловатый мох); 4) цвету глаз обитателя Пещеры (желтоватые).

Неполнота картины мира в пещере объясняется недостатком источников света. В Пещере этим целям служат только светящиеся жуки и светящийся мох, поэтому для описания характера освещения используются лексемы-эпитеты светящиеся, мерцающие и огненные. Для усиления эффекта непостоянства освещения авторы используют градацию: посверкивали, перемигивались, вспыхивали и гасли. Здесь присутствует нарастание признака: посверкивали – время от времени, слегка сверкали; лексема перемигивались приобретает в контексте потенциальную сему «поочерёдно зажигались», «поочерёдно вспыхивали»; лексема вспыхивали называет это же явление, но в более ярком проявлении; лексема гасли свидетельствует о завершении цикла, его кольцевой структуре.

Таким образом, животные Пещеры – символические абстрактные образы жертвы и хищника. Лексем, обозначающих их особые отличительные признаки, недостаточно для идентификации в их образах каких-то реальных

животных. Восприятие этих вымышленных существ, однако, базируется на основных реальных инстинктах: у жертвы это инстинкт самосохранения, у хищника – жажда крови. Стоит отметить, однако, что хоть человеческое сознание, и отключено у существ Пещеры, оно явно проявляется в их восприятии мира. Внутренний облик Пещеры служит одновременно и фоном, на котором разворачиваются события, и указанием на то, что в данной авторской вселенной всё живое – даже окружающее пространство. Подобное сочетание известных читателю реалий и вымышленных создаёт авторскую вселенную.

Литература

1. Бродский И. Стихотворения и поэмы. URL:<http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7725>. Дата обращения 20.02.2017.
2. Даль В.И. Толковый словарь Даля. 1863-1866. URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/351234>. Дата обращения 05.02.2017.
3. Дяченко М., Дяченко С. Пещера: Избранные произведения. – М.: Эксмо, 2008. – 544 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. URL:<http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php>. Дата обращения 19. 02. 2017.
5. Ожегов С.И, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874 с.

Kharaborkina T.S.

THEME GROUP OF TOKENS WHICH CREATE AUTHOR'S UNIVERSE ARTWORK

Abstract. Annotation. The article deals the with thematic groups and their constituent lexical means, which form the author's universe.

Key words: Lliterary text; thematic group; the potential sema; the context; the author's universe.

КИНЕСИКА: ЖЕСТЫ В РОССИИ И НА КУБЕ

Аннотация. В статье анализируются жесты и их значения в рамках межкультурной коммуникации на Кубе и в России, анализируются распространённые жесты и привычки использования жестов в России и на Кубе.

Ключевые слова: жесты; кинесика; межкультурная коммуникация.

Исследовательская цель данной работы – рассмотреть и проанализировать традиции кубинских и русских жестов – разных, но обозначающих одно и то же.

Жест является важнейшим средством невербальной коммуникации, которое, сопровождая речь, обычно является показателем раскованности говорящего. Жест подчёркивает ту непринуждённость, которую мы считаем необходимым условием реализации разговорной речи. Жест сокращает вербальный текст, заменяет слова и включает в диалог те или иные дополнительные смыслы. Жесты являются системой различного рода телодвижений, особенно движений рук - как часть коммуникативного акта и как предмет кинесики [1, с.149], которая, в свою очередь, является наукой, изучающая всю совокупность телодвижений – выразительных жестов, участвующих в человеческом общении, за исключением движений речевого аппарата [1, с.195].

Русские практически не используют синхронные движения обеих рук, жестикуляция осуществляется одной рукой, чаще правой. Вторая рука или совсем не жестикулирует, или жестикулирует в меньшей степени и не повторяет движения правой. Когда жестикулируют руками, их не выносят далеко от тела. Наблюдая жестикуляцию русских, представители других наций не всегда правильно определяют стилистику жеста, т. е. когда и с кем можно употреблять определённые жесты, а когда нужно себя в этом ограничить. Русская жестикуляция определяется ситуацией, отношениями говорящих и их социальной принадлежностью, ведь «многие функции социологем (в виде жестов) отличаются устойчивостью» [4, с.10]. Чем человек воспитаннее, вежливее, тем более сдержан его жест.

Становится очевидным, что большинство жестов культурно специфичны и не только не способствуют межкультурной коммуникации, а затрудняют ее. Одинаковые по технике исполнения жесты могут по-разному интерпретироваться даже в разных культурах одной страны. По наблюдениям за

невербальной коммуникацией на Кубе, удалось установить, что у кубинцев очень много разных жестов, и они почти всегда используют синхронные движения обеих рук. Кубинцы во время разговора всегда двигаются и много жестикулируют, поэтому жесты в кубинской культуре являются обязательными национальными признаками.

Рассмотрим подробнее, каковы кубинские и русские жесты, чем они отличаются друг от друга.

Популярный жест «кукиш» (шиш, фи́га, дуля) — кулак с большим пальцем, просунутым между указательным и средним, как грубый жест, обозначающий высшую степень насмешки, презрения и унижения. Символическая комбинация из пальцев, способная отвести «дурной глаз» и вообще защитить от воздействия враждебных существ или сил, означает весьма скабрёзную ужимку, и является символом полового акта. В настоящее время основное значение этого жеста в России: «ты ничего не получишь».

Средний палец, или фак (от англ. fuck) — неприличный жест, заключающийся в том, что средний палец поднимается вверх или вперёд, а остальные четыре пальца прижимаются к ладони. Средний палец при этом выступает как фаллический символ. Иногда большой палец не прижимают к ладони, а отставляют вбок, но суть жеста от этого не меняется. Жест служит прямым оскорблением или грубым требованием коммуниканта оставить в покое, «отвязаться». В англоязычных странах вербальный аналог этого жеста — ругательство «Fuck you!» или требование отстать «Fuck off!». На Кубе, как и во многих странах, жест среднего пальца обозначает требование оставить в покое. Но иногда также обозначает отказ и часто насмешку, как, например, кубинцы часто используют этот жест с близкими, шутя или когда друзья фотографируются. Когда кубинцы сплетают пальцы, это значит, что они хотят, чтобы свои желание сбылись, и чтобы всё получилось. А в качестве оберега от нечистой силы и сглаза, кубинцы всегда касаются дерева.

Щелчок по горлу — жест хорошо известный. Им приглашают выпить, равно как просто обозначают любой питьевой процесс и все связанные с ним радостные и печальные события. На Кубе, чтобы пригласить кого-то выпить или поговорить о питьевом процессе, кубинцы всегда символизируют бутылку с помощью большого пальца и всего кулака и делают так, как будто они пьют.

Чесание затылка. Когда русские очень озадачены, они часто чешут затылок, потому что это обозначает, что им надо подумать. Когда кубинцы долго думают и думают о чём-то важном, они часто трогают подбородок. Этот жест значит, что они серьёзно размышляют.

Рвать рубашку на груди в России значит, что человек хочет оправдываться. На Кубе, когда человек хочет оправдываться, он делает движения руками вперёд и часто этот жест сопровождается со словами: что же ты образуеть?

748 | (это переносное значение глагола образовать, который здесь взывает смысл выражения «Чего ты хочешь?»).

При счёте русские сгибают пальцы и начинают с мизинца. Русские говорят, что это должно быть, потому, что это как-то помогает им сконцентрироваться, взять ситуацию «в кулак», а себя в руки. На Кубе люди наоборот делают, они при счёте разгибают пальцы и начинают с большого, это для кубинцев – логично, для них кулак – это ноль и все пальцы руки – пять.

В России, когда хотят показать, что собеседник «немного того», что у него «шарики за ролики», русские крутят палец у виска. А на Кубе кубинцы делают обороты с указательным пальцем у уха, этот жест похож на соответствующий русский жест, но они разные, по крайней мере, для кубинцев.

Русский жест сыт по горло, который является знаком сытости, показывается приставлением кисти к шее ладонью вниз. На Кубе, когда кубинцы уже удовлетворили голод, они говорят, что довольны и рукой медленно трогают свой живот – это значит достаточно.

В России жест положить руку на сердце является выражением обещания или клятвы. А когда на Кубе люди хотят дать клятву, они жестикулируют с помощью указательного и большого пальца, как будто они будут целовать, а рука остаётся открытой. Этот кубинский жест – очень распространённый.

Жест секир-башка похожий на жест «сыт по горло», но в отличие от него он носит, как правило, не слишком миролюбивый характер. Во время исполнения жеста секир-башка нужно провести большим пальцем по шее, имитируя движение кинжала. Как правило, этот жест обозначает ультимативную просьбу. А на Кубе, когда люди не могут больше терпеть что-то или кого-то, они берут прядь волос и говорят, что они – «до последнего волоса из-за кого-то или чего-то». Но, очевидно, не все кубинцы делают этот жест: лысые люди конечно не могут, тогда им придётся, только сказать «я до последнего волоса из-за тебя», а все собеседники будут понимать выраженное настроение, и кто-нибудь будет шутить.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что кубинцы, как и русские, имеют великое богатство жестов, которые очень ярко выражают эмоции. Кубинские жесты отличаются от русских: эти различия показывают особенность кубинской культуры, кубинскую историю и конечно, историю испанского языка. Кубинцы и русские способны высказать одно и то же разными способами, и эти жесты, характерные для каждой из этих стран, являются ключом для проникновения в языковую среду, в потрясающие миры испанского и русского языка, потому что у каждого языка свои особенности, которые должны быть изучены вместе с языком, а жесты, безусловно, одни из них.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во «КомКнига», 2007. – 576 с.
2. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. - 187с.
3. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. - М: Изд-во «Флита: Наука», 2013. – 224 с.
4. Китанина Э.А., Былкова С.В. Прагматический потенциал «оценочной революции» в оппозиционной прессе: социальный аспект//Теория и практика общественного развития №1. - Краснодар, 2017. С.10-13.
5. Мамонтов А. С. Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации. –М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2010. – 160с.
6. Нестерова Т. В. Введение в теорию коммуникации. Учебное пособие. Изд.«Государственный институт русского языка им. Пушкина» -М: 2015. - 268с.

Khimenes Vázquez G.

KINESICS: GESTURES IN RUSSIA AND CUBA

Abstract. In this article is analyzed the topic of the variety of gestures and their meanings within the framework of intercultural communication in Cuba and in Russia.

Key words: Gestures; kinesics; intercultural communication.

ГЕРОИ И КОМПОЗИЦИЯ РОМАНА ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Рассматриваются основные подходы современных китайских и русских исследователей в трактовке романа «Анна Каренина», выявляются совпадения и различия в позициях толстоведов.

Ключевые слова: Толстой, Китай, Россия, «Анна Каренина», главные герои, композиция.

Роман «Анна Каренина» привлекает неизменный интерес читателей и исследователей как в России, так и в Китае. Оценки этого романа отличаются, так как предопределены различным менталитетом читателей. Рассмотрим это на примере интерпретации главных героев романа Толстого.

В китайском литературоведении XX в. Анна трактовалась как передовая женщина, смелая, искренняя и открытая. В настоящее время китайские учёные стали шире интерпретировать этот образ, выделяя в Анне всю глубину человеческих переживаний. Среди причин, приведших к Анну к суициду, учёные называют следующие. Согласно Цзя Сяолин, феодальное и консервативное общество, а также Каренин и Вронский привели Анну к трагедии [18]. Анна, которая до поездки в Москву была идеальной женой и матерью, стала любовницей Вронского; Чжао Гуанхуй полагает, что конфликт между разными статусами Анны привёл её к трагедии [24]. Чжан Лу видит трагедию Анны в том, что у этой героини нет независимого эмоционального и экономического положения [20]. Согласно Чжао Сюань, трагедия Анны – в игнорировании религии [23]. Сунь Цайся называет причинами трагедии Анны её пребывание в ложных высших сферах общества, недовольство мужем и любовником, понимание героиней любви [13]. Согласно Чжан Вэньлань, причина трагедии Анны в её противоречивом характере и желании дистанцироваться от всех [19].

Чжан Цзяньхуа полагает, что страх, стыд и чувство вины от украденной любви приводят к раздвоению личности Анны. Бесконечное подозрение составляет одну из главных причин её самоубийства, подчёркивает китайский

исследователь; самосознание, система ценностей и предубеждение верхов общества уничтожали Анну на уровне духа. Трагедия Анны, пишет Чжан Цзяньхуа, связана с браком без любви, разрушенной семьёй, расставанием матери и ребенка, осознанием невозможности вечной любви и духовным страданием. Причины трагедии Анны, согласно Чжан Цзяньхуа, физиологические, общественные, моральные, нравственные, личные психологические, духовные; мир толстовской героини богат, но в то же время хрупок и беден, делает выводы Чжан Цзяньхуа [22]. Ху Юн и Се Цзинцзюнь интерпретируют трагедию Анны в религиозно-этическом плане и связывают её с отсутствием гармонии в семье [17]. А. К. Степаненко трактует самоубийство Анны как следствие логической и «психологической» последовательности, напоминающей мотивацию греческой трагедии [12, с. 37]. Анна ищет успокоения в морфине, пишет А. В. Данилов, и принимает его в минуты отчаяния, вследствие чего начинается ломка, которая проявляется в её эмоциональной нестабильности; Каренина едет на вокзал, бросится под локомотив в состоянии депрессии, которая развилась на фоне нехватки морфина. Анна, по А. В. Данилову, стала жертвой общественных стереотипов и не смогла смириться с участью «павшей» женщины; любовь была для неё и величайшим счастьем, и трагедией её жизни [4, с. 528]. Согласно Н. В. Каргашиной, причина обречённости любви Анны и Вронского в том, что любовь не может вписаться в фальшивое общество [5, с. 69].

Толстой раскрыл все стороны социально-психологической драмы главной героини через постепенное нагнетание экспрессии и показ её внутренних переживаний. А. П. Алиева подчёркивает, что, отношения Анны с другими людьми тревожны: сама же героиня представляется окружающим здоровой и физически, и нравственно: в ней есть внутренняя сила, благотворно действующая на других; бессознательный страх Анны становится причиной гибели этой героини [1, с. 22].

Ряд учёных занимаются проведением параллелей между женскими образами Толстого и женскими героинями западноевропейских писателей. Насколько нам известно, русские исследователи сравнивают Каренину и героиню Флобера госпожу Бовари [5]. В китайском литературоведении сопоставлении Анны Карениной с героинями мировой литературы намного больше. Так, Чжан Сяосяо, анализируя процессы пробуждения женского сознания у Анны Карениной и Норы из «Кукольного дома» Ибсена, подчёркивает, что обе героини смелые и стремятся к настоящей любви [21]. Гэ Лицзюань сопоставляет Джейн Эйр и Анну Каренину [3]. Сюй Янь полагает, что у Флобера и у Толстого во многом одинаковое отношение к своим героиням: оба писателя и сочувствуют своим героиням, и критикуют их [14]. Ли Шули, Хань Мэйцзюань, Чжан Ваньюй, Дин Нинтао проводят параллели между Анной Карениной и женскими образами китайской литературы, в первую очередь,

752 | между Анной Карениной и героиней романа Цао Сюециня «Сон в красном тереме», героиней пьесы Цао Юй «Гроза» и героиней пьесы Тан Сяньцзу «Павильон пионов», и говорят об их стремлении к настоящей любви. Нин Вэй полагает, что китайские героини проявляют страстное стремление к любви, а в «Анне Карениной» бурно проявляется религиозное чувство. Согласно Нин Вэй, идеал в пьесе «Павильон пионов» – гармоничная красота и тонкое ощущение любви, а в романе Толстого – конфликтная красота и драматичный сюжет, что обусловлено разницей русской и китайской культур [9].

Долгое время китайские учёные трактовали Каренина как негативный образ, противопоставленный Анне, и называли его куклой, бюрократической машиной. Чжэн Кэлу пишет, что Каренин – корыстный, равнодушный, лицемерный человек, окостенелый, бюрократ, у которого отсутствуют жизненные силы [26, с. 363]. Согласно Чжу Вэйчжи, Каренину нужно от Анны не любви; для Каренина важно сохранить своё достоинство, а потому его не волнует жизнь Анны и её душа; Каренин – воплощение старого режима, делает вывод Чжу Вэйчжи [25, с. 426].

Согласно Ян Чжэнсянь, Ся Лачу, Хань Ся, Ван Сяоин, у Толстого максимально объективное отношение к Каренину. Ян Чжэнсянь полагает, что не надо оценивать поведение Каренина через призму восприятия его женой [27]. Ся Лачу считает, в Каренине изначально были любовь и прощение, но общество изуродовало его душу [15, с. 45-48]. Хань Ся подчёркивает, что Каренин стремится к приличию и избегает эмоционального наслаждения, что толкает его жену к измене [16, с. 208].

В интерпретации толстоведов образ Каренина претерпел значительные изменения: долгое время его трактовали как карьериста и сухаря, в работах последних лет его всё чаще интерпретируют как христианина, приписывая Каренину в сцене родов Анны черты праведника [2].

Однозначно негативную оценку китайских исследователей получил Вронский. Ни Жуйцин называет Вронского вульгарным жизнелюбом [8].

Китайские и русские исследователи обсуждают вопросы композиции романа «Анна Каренина». Лю Я считает, что в романе Толстого существуют следующие связи между персонажами: конфликтная, контрастная, отношения «ведущий-ведомый» [6]. Чжан Цзяньхуа акцентирует арочную структуру романа [22, с. 137].

Одним из первых русских исследователей о композиции «Анны Карениной» писал А. В. Станкевич. Согласно А. В. Станкевичу, в «Анне Карениной» две, казалось бы, ничем не связанные между собой сюжетные линии и вместо одного романа явлены два романа [11].

Е. А. Масолова выявляет, что в «Анне Карениной» формально замкнутые, отдельные главы предстают частями идейно-тематической целостности, состоящей из строго упорядоченного сочетания трёх типов циклов и одиночных глав.

В четырёхглавных циклах говорится о фальши в человеческих отношениях; в двухглавных циклах герои страдают от усугубляющейся неустроенности жизни и растущего взаимонепонимания; в одиночных главах герой стоит в преддверии новой жизни; в трёхглавных циклах нарисована привычная жизнь героев и жизнь, направленная на единение с «мы»; отсутствие заключительной одиночной главы в последней части романа – свидетельство единения «я» с «мы», сопряжения «мысли народной» с «мыслью семейной» [7, с. 133].

Итак. В интерпретации «Анны Карениной» китайскими и русскими исследователями есть совпадения и различия при анализе поэтики этого романа, что обусловлено и разными методами анализа художественного текста, и спецификой национальной картины мира учёных этих двух стран. Сопоставления различных подходов исследователей к роману Толстого демонстрируют уникальность этого гениального писателя, столь неоднозначно прочитываемого читателями разных стран.

Литература

1. Алиева А.П. Мотив страха в произведении Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 20-22.
2. Гродецкая А.Г. Ответы на предания: жития святых в духовном поиске Л. Толстого. СПб., 2000.
3. Гэ Лицзюань. Анализ образов Джейн Эйр и Анны Карениной // Вестник Цзинаньского университета. 1995. № 3. С. 17-19
4. Данилов А.В. тема морфинизма в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4–3. С. 527-528.
5. Каргашина Н.В. Самоубийство в романах «Госпожа Бовари» и «Анна Каренина» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2003. № 25. С. 66-70.
6. Лю Я. Искусство структуры и изображения романа «Анна Каренина» // Зарубежная литература исследования. 1998. № 3. С. 87-88.
7. Масолова Е.А. Циклизация в романе толстого «Анна Каренина» // Новый филологический вестник. 2007. № 2 (5). С. 124-133.
8. Ни Жуйцинь. Исследования о Л. Н. Толстом. Шанхай, 1989. 340 с.
9. Нин Вэй. Ду Линя и Анна Каренина // Теория. 2008. № 9. С. 137-138.
10. Решетов Д.В. Романы Г. Флобера «Мадам Бовари» и Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: философско-эстетическое осмысление проблемы самоубийства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 24 с.
11. Станкевич А.В. Каренин и Лёвин // Вестник Европы, 1878, № 5.
12. Степаненко А.К. Мотив железной дороги в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2005. № 6. С. 36-39.

13. Сунь Цайся. Анализ трагедии Анны // Литература в Аньхой. 2009. № 2. С. 204-205.
14. Сюй Янь. Сравнение образов Анны и Эммы // Профсоюзный форум. 2002. № 5. С. 89-90.
15. Ся Лачу. Анализ сложности образа и значения Каренина // Хуанганский педагогический университет. 2004. № 1. С. 45-46.
16. Хань Ся. Интерпретация изображения Каренина // Вестник Хэнаньского педагогического университета. 2007. № 1. С. 206-210.
17. Ху Юн, Се Цзин Цзюнь. Три женщины в несчастливых семьях: Анна, Нора и Фань И // Вестник Шаньдунского образовательного института. 2001. № 5. С. 41-45.
18. Цзя Сяолин. Анализ причина трагедии Анны // Писатель. 2009. № 2. С. 75-76.
19. Чжан Вэньлань. Анализ трагедии главной героини романа «Анна Каренина» // Изучение теории. 2011. № 11. С. 200-201.
20. Чжан Лу. Парадокс свободы: трагедия Анны // Любитель новостей. 2011. № 19. С. 112-113.
21. Чжан Сяосяо. Сравнение образа Анны и Норы // Вестник Чанчуньского института образования. 2014. № 10. С. 29-30.
22. Чжан Цзяньхуа, Вэнь Юйся. Биография Толстого с иллюстрациями. Пекин, 2008. 290 с.
23. Чжао Сюань. Современная интерпретация образа и причин трагедии Анны Карениной // Вестник Ляонинского педагогического университета. 2006. № 1. С. 104-106.
24. Чжао Гуанхуй. Главная героиня романа «Анна Каренина» // Исследование зарубежной литературы. 2005. № 3. С. 122-125.
25. Чжу Вэйчжи. История европейской литературы. Тяньцзинь, 1994. 650 с.
26. Чжэн Кэлу. История зарубежной литературы. Пекин, 2006. 409 с.
27. Ян Чжэнсянь. Рассуждения о Каренине // Вестник Юньнаньского педагогического университета. 1990. № 5. С. 67-73.

Zhang Xuan

**CHARACTERS AND COMPOSITION OF TOLSTOY'S NOVEL
"ANNA KARENINA" IN THE INTERPRETATION OF CHINESE AND
RUSSIAN RESEARCHERS**

Abstract. We consider the basic approaches of contemporary Chinese and Russian researchers in the interpretation of the novel "Anna Karenina" and reveal similarities and differences in positions of Tolstoy's scholars.

Key words: Tolstoy, China, Russia, "Anna Karenina", main characters, composition.

*студент магистратуры Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
annazhang0724@yahoo.com*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Аннотация. Восточная и западная культуры имеют большие различия. Ни одна из культурных проблем сегодня не является столь актуальной и не привлекает столько внимания, как диалог между Западом и Востоком.

Ключевые слова: Восток и запад; культура; межкультурная коммуникация; трудности.

Ретроспектива исследований западной и восточной культур

Восточный мир обычно связывают со странами Азии или Дальнего Востока. Данный регион состоит из трех пересекающихся в культурном отношении регионов: Восточная Азия, Южная Азия и Юго-Восточная Азия. В научных исследованиях дихотомия Восток – Запад трактуется как противопоставление между восточной и западной культурами. Однако в настоящий момент данное противопоставление сглаживается, а четкие границы между восточной и западной культурами становятся все более неопределенными и размытыми.

Коммуникации между Востоком и Западом касаются не только языков, но и культур. Эти культуры имеют разные характеристики. Считается, что западная культура происходит из древнегреческой и римской имперской цивилизации. Отчасти западная культура коренится в славянской, германской и кельтской культуре в Северной и Восточной Европе. Многими людьми христианство воспринимается как важный символ культуры Запада. Основное содержание «западной души» составляют понятия свободы, демократии, законности, научного знания и др.

Что касается культуры Востока, то она является чрезвычайно многогранной и разнообразной, включающей различные традиции. Безусловно, одной из самых ярких восточных культур является культура Китая – одна из старейших известных человечеству культур на земле, стоящая на одном уровне с такими развитыми и утонченными ранними цивилизациями, как Ближневосточная (Месопотамия, центр находится в современном Ираке) и египетская.

В свою очередь китайская культура в зависимости от базовой философской концепции может быть подразделена на конфуцианскую, даосскую, легизм и нек.

к самодисциплине и самосознанию. Особенно это характерно для конфуцианства.

Традиционно страны в Восточной Азии находятся под сильным влиянием конфуцианства, включая материковый Китай, Тайвань, Гонконг, Макао, Корею, Японию и Вьетнам, а также территории, заселенные преимущественно китайцами, такие как Сингапур. Конфуцианство часто характеризуется как система социальной и этической философии, а не религии. По сути дела, конфуцианство построено на древней религиозной основе для создания социальной ценности, институтов и идеалов традиционного китайского общества.

Тысячи лет спустя, восточно-азиатские народы по-прежнему испытывают сильное влияние конфуцианства. Это отражено, например, в китайских представлениях о семье, отношениях между саморазвитием и семьей, личных и социальных отношениях. Традиционно отношения внутри семьи в восточном обществе более тесные по сравнению с семейными отношениями в западном обществе. Кроме того, существует также разница в представлениях о прямоте и деликатности. Обычно «деликатность» описывается как характерная черта азиатской культуры [3, с. 133].

Трудности межкультурного общения на основе восточно-западного культурного фона

С точки зрения коллективного целого восточные и западные народы отличаются друг от друга. Однако они имеют похожие желания, потребности, опасения и надежды [3]. Для того чтобы нейтрализовать межкультурные барьеры необходимы знания об особенностях культур, об общем и различном в культурах, дающих представления о поведении представителей разных культур и народов.

Понятие «межкультурная коммуникация» впервые появилось в 1950-е годы в американской антропологии. Теория межкультурной коммуникации активно развивалась все эти годы, существует много исследований, получены серьезные результаты.

Рассмотрим интересующие нас вопросы с точки зрения сегодняшних реалий. Субъектом коммуникации является человек. Поэтому человеческая деятельность занимает важное место в процессе межкультурной коммуникации. Для иностранцев психологические трудности, такие как языковые, могут быть серьезным препятствием для общения. Это особенно ярко проявляется при погружении в иную культуру и языковую среду: резко меняется окружение, а объективный культурный шок может приводить к инстинктивной самозащите. Одним из способов преодоления возникающих барьеров заключается в том, чтобы абстрагироваться от имеющихся стереотипов, дать самоостановку на нейтральное восприятие действительности.

Имеющиеся культурные различия иногда оказывают негативное влияние на общение между людьми на разных культурных фонах. Однако не менее

важными оказываются личностные характеристики, способность принять носителя другого языка и другой культуры таким, какой он есть. Внимание также следует обратить на то, что культурное разнообразие не исключает общечеловеческих элементов, общих биологических и когнитивных особенностей. Как уже было сказано выше, у нас схожие потребности, желания, опасения и надежды.

Как иностранец, живущий за границей, могу предположить, что одним из способов преодоления барьеров коммуникации – имитация. Подражая другим в образе жизни, поведении, мы вдруг обнаруживаем, что выходим из зоны непонимания и культурного шока. Это помогает улучшить понимание другой культуры. Кроме того, имитация отчасти является инстинктивным умением человека, а это значит, что каждый может использовать этот прием в межкультурном общении.

Литература

1. Nabanita D. Top10 differences between Eastern and Western Cultures. 2013.
2. Ph.D. Candidate, Academician Z. Bunyadov. Insititute of Oriental studies// The caucasus and globalization. 2012. С. 108-116.
3. Samantha W. Cultural Diversity and Transversal Values: East-West Dialogue on Spiritual and Secular Dynamics. 2006. UNESCO.C.7-14.
4. Robert Charles Lee. Are people around the world more similar than they are different?//<https://www.quora.com/Are-people-around-the-world-more-similar-than-they-are-different>
5. David Robson. Psychologists are uncovering the surprising influence of geography on our reasoning, behaviour, and sense of self.//<http://www.bbc.com/future/story/20170118-how-east-and-west-think-in-profoundly-different-ways>

Zhang Yuewan

CROSS-CULTURAL COMMUNICATON BETWEEN EAST AND WEST

Abstract. The Eastern and Western cultures are distinguished by a rather large scale. None of the cultural issues today is regarded as more urgent or attracts more attention than the dialog between eastern and western civilizations.

Key words: East and west; culture; cross-cultural communication, difficulties.

Чуносова Ирина Александровна
аспирант Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета (ЧГПУ)
Челябинск, Россия
chunosovaia@cspu.ru

МЕЖДОМЕТИЯ В ТЕКСТАХ ЮЖНО-УРАЛЬСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается особая роль междометия как части речи в русском языке, их функционирование и значение, а также включение междометных высказываний в церковные хроники XIX вв.

Ключевые слова: междометие; языкознание; древнерусский язык; стилистика; летописи.

Рукописные памятники Южного Урала конца XVIII – XIX вв., невзирая на строгий и обладающий большим количеством условностей жанр, отличаются живостью стиля и языка. Одним из проявлений смешения стилей и элементов присутствия разговорно-бытовой лексики являются междометия. В.В. Виноградов, как известно, выделил междометия как особый разряд слов, расположив их после частей речи (знаменательных слов), частиц речи (служебных слов) и промежуточных между теми и другими модальных слов [1, с.746-748]. Когнитивный подход к лингвистике предполагает формулировку общих вопросов к частям речи, Кубрякова Е.С. пишет об этом так: «Еще ранее мы утверждали, что вместо того, чтобы спрашивать о том, что з н а ч а т слова отдельных ЧР (частей речи, прим. И.Ч.), целесообразнее задаться вопросом о том, на обозначение каких фрагментов мира они направлены и номинацией каких величин, каких сущностей в мире действительном и мире вымышленном они служат. Сегодня мы сформулировали бы этот вопрос еще более определенно: как концептуализируется мир при его восприятии человеком, какие при этом выделяются единицы или сущности, какие при этом создаются когнитивные структуры (структуры знания) и в рамках каких ЧР происходит вербализация каждой из них» [2, с.219-220]. Вместе с тем следует отметить, что междометия по-прежнему остаются «неясной и туманной категорией», по словам Л.В. Щербы [5, с.77-78], ибо объём и границы этой части речи не установлены и размыты.

Для того чтобы прояснить состояние данной части речи в современном русском языке, следует обратить внимание на исторические корни, изучить диахронные метаморфозы междометий на доступном материале текстов церковно-приходских летописей XIX века.

Одним из самых удивительных маркеров живого языка в тексте летописи стало присутствие междометий. Хотя оно было обусловлено разными причинами, факт

остается фактом: языковой маркер разговорного неформального общения вписан в объективный и беспристрастный стиль изложения произошедших событий.

В XIX веке междометия функционируют в разных жанрах, но в отличие от древнерусской литературы их использование писцом обусловлено необходимостью выражения собственного отношения и исторической достоверности. Междометия в летописях появляются редко, но тем важнее становится их роль как маркера стилистического воздействия на читателя или слушателя, а также – как индивидуально-авторского способа отражения, описания окружающего мира. Так для анализа были взяты церковно-приходские церковно-летописи Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897) и Оренбургской епархии, Троицкого уезда Параскевиевской церкви Кундравинской станицы, заведенная в 1865 году.

В самом начале церковно-приходской летописи Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897гг.), ещё перед введением, приведена инструкция по заполнению церковных книг. Один из пунктов данной инструкции ведения летописного свода гласит: «Излагать въ лѣтописи все сіе, сколь можно, яснѣе и проще, безъ всякой изысканности, такимъ языкомъ и слогомъ, какимъ кто владѣеть и говорить. При этомъ вносить въ оную одни только факты, и гдѣ возможно и прилично, то и причины оныхъ; но пишущій не долженъ присовокуплять къ тому собственныхъ размышлений и чувствованій по поводу излагаемого имъ» [3, с.24].

Выражение чувств летописца все равно происходит, вне зависимости от его желания, оно становится понятным через особые обороты речи, порядок слов, строй предложения, читатель ощущает, когда событие задевает летописца за живое. Однако по большей части ведущие записи люди стараются быть беспристрастными, опускают оценочную лексику и подходят к изложению событий именно в ключе ясного и просто изложения.

Хотя в летописях не предусматривается и не приветствуется неприкрытое выражение чувства по отношению к описываемому, однако в тексте так или иначе присутствуют междометия – иногда для соблюдения исторической точности они необходимы.

Итак, рассмотрим случаи употребления междометий в одном из самых регламентированных и сухих, сугубо историческом тексте, относящемся к хроникам – тексте летописи. Случаи употребления этой части речи можно подразделить на: цитирование отрывка текста целиком (четыре случая, 50%), цитирование названия какого-либо произведения, включающего в себя междометную единицу (два случая, 25%), приведение междометия как примера живой речи говорящего (один случай, 12,5 %), а также – вербальное выражение чувств самого летописца (один случай, 12,5 %).

Один из случаев цитирования отрывков текста полностью это, например, отрывок из «Сна Пресвятой Богородицы»: «И рѣче къ ней Господь Ісус Хри-

760 | стость: о, Мати Моя возлюбленная! Повѣждь Мнѣ сонъ Свой, справедливо ли что еси видѣла?» [3, с.59]. В начале летописи, в главе «Религіозное состояніе», в числе прочих проблем и успехов взаимодействия церкви и населения, упоминается хождение между православными рукописной книжки, которая имеет из-за частого переписывания несколько списков, с разногласиями и несходствами между собой. Чтобы устранить всякую возможность неточности и одновременно ознакомить с верным текстом, летописец приводит образец «Сна», а также – спорные моменты книжки, которые позволяют относить её скорее к раскольничьему учению, нежели к православному. Летопись, таким образом, служит не простой хроникой с последовательным перечислением исторических фактов и кратким их описанием, а настоящей повестью жизни поселения и ближайших территорий.

Цитирование названия какого-либо произведения, включающего в себя междометную единицу, встретилось в текстах летописей дважды. Один раз при описании выпускной церемонии учеников местных мужских училищ, Миасского первого и Миасского второго, а также Сыростантской школы: «Въ заключеніе всего пропѣта пѣсня: «Ахъ, ты, воля, моя воля», воспоминающая незабвенныя дѣянія въ Бозѣ почившаго Царя-Освободителя» [3, с.141]. Как видно из примера, летописец относится к своей работе с пристрастием и большим вниманием: каждое событие выпускного описывается отдельно, в том числе – песня, название которой также находит свое место в тексте летописного свода.

Приведение междометия как примера живой речи говорящего присутствовало в анализируемых текстах всего один раз: «Особо было совершено благодарственное молебствіе въ казармѣ, для мѣстной артиллерійской команды 4 конной батареи, причемъ священнкъ Н. Сементовскій выяснилъ значеніе чудеснаго событія 17 Октября, а командиръ батареи, войсковой старшина, Л.Г. Сѣдякинъ, передавъ подробности крушенія поѣзда, предложилъ крикнуть «ура!» за Царя» [4, с. 228]. Выражение верноподданнических чувств по отношению к монарху – важная часть летописных записей, это выражается на визуальном (изменение шрифта, возрастающая величина букв, обязательное вычурное написание) и семантическом (всё, что так или иначе связано с царской семьей, упоминается в обязательном порядке, излагается как можно подробнее) уровнях текста. Летописец, разумеется, не мог опустить междометие «ура», ибо хотя оно и выражает эмоциональное восприятие ситуации, но является частью исторического события, поэтому упоминается в тексте.

Подводя итог, можно сделать вывод, что язык летописных текстов XIX века стремился отражать жизнь не только объективно, соответственно фактической стороне дела, но и эмоционально полно.

Литература

1. Виноградов, В.В. Русский язык: (Граммат. учение о слове). – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
2. Кубрякова, Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи// Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Институт русского языка им.В.В. Виноградова. – 1996. – С. 218-224.
3. Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897): в 3 т. Т. 1. / сост. А.А. Миронова, Е.Ю. Пичугова, Е.А. Шляхтина; науч. ред А.А. Миронова; Миас. филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. – 467 с.
4. Летопись Оренбургской епархии Троицкого уезда Миасского завода Петропавловской церкви (1882–1897): в 3 т. Т. 2. / сост. Т.А. Василец, Е.А. Маркина, А.А. Миронова; науч. ред. А.А. Миронова; Миас. филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ». – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. – 356 с.
5. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба // О частях речи в русском языке. [Электронный ресурс] //http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-74d.htm

Chunosova I.A.

INTERJECTIONS IN TEXTS OF SOUTH URAL CHRONICLES OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article considers the special role of interjection as a part of speech in the Russian language, their functioning and significance, as well as the inclusion of interjective statements in the church chronicles of the XIX century.

Key words: Interjection; linguistics; Old Russian language; stylistics; church chronicles.

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ВЕНЕРИН ВОЛОС»

Аннотация. В статье исследуются особенности повествования романа «Венерин волос», чья субъектная структура представляет трудность для читательского восприятия и понимания.

Ключевые слова: повествование; персонажи; субъектная структура.

В современном литературоведении проблема организации субъектной сферы является одной из ключевых. В модернистской и постмодернистской литературе часто наблюдается построение неклассических субъектных структур: автор и герой взаимопроникаемы, а художественный мир произведений дан сквозь преломление авторского и геройного планов. Так, С.Н. Бройтман говорит о «нестанционарности» геройного и авторского планов и отмечает, что такие субъектные формы в литературе стали возможны только благодаря пониманию человеком личности, не как единичного целого, а как «вероятностно-множественного», двуединства «я» и «другого» [4, с. 126]. Наличие субъекта речи, который совмещает в себе разные субъектные планы, разные голоса, звучащие раздельно и слитно, демонстрирует роман М.Шишкина «Венерин волос».

Данная работа опирается на такие исследовательские категории: автор, герой, неосинкретизм. По классическому определению М. Бахтина, автор – это совокупность творческих принципов, носитель единства завершеного целого произведения; его отношение к герою и миру – отношение «напряженной внаходимости», а герой понимается, как «носитель основного события» [1, с. 87]. Ещё одной ключевой исследовательской категорией для нас является термин «неосинкретизм», предложенный С. Н. Бройтманом, и означающий «новые формы субъектной организации, основой которых является нерасчленимая интерсубъектная целостность «я» и «другого» в произведениях эпохи модальности» [4, с. 126].

Все фабульные пласты в романе «Венерин волос» раздроблены и рассыпаны. Однако пласты легко восстанавливаются по принципу объединяющих образов: Кира и Артаксеркса, толмача, Навуходозавра, Изабеллы. Каждый из пластов обладает особой субъектной структурой и связан с главным субъектом – толмачом.

Роман начинается первой строчкой из труда Ксенофонта «Анабасис»: «У Дария и Парисатиды было два сына, старший Артаксеркс и младший Кир» [5, с. 40]. Образы Артаксеркса и Кира соотносятся с событийной канвой, повествующей

о борьбе братьев за персидский престол и последующей гибели младшего – Кира. С одной стороны, читатель видит строчки из древнего эпоса, с другой, читатель смотрит глазами героя, который читает «Анабасис» на рабочем месте. С точки зрения отношений героя-автора-читателя, роман начинается с игры этими позициями, подчеркивается их нестационарность и взаимозаменяемость. Древнегреческие эпизоды читатель воспринимает через призму сознания толмача ещё и потому, что в его творческом восприятии и на страницах романа происходит встреча древних греков и чеченцев. Сознание толмача соединяет свой читательский опыт и опыт беженцев, отражая его на страницах романа.

Древнегреческий текст без какого-либо перехода прерывается на историю о переводческой деятельности толмача, которая повествует о деятельности переводчика в центре по делам беженцев. Задача толмача – переводить показания людей, которые по разным причинам (войны, преследование и насилие на Родине) бежали в Швейцарию. Персонажи должны рассказать о своей жизни настолько убедительно, чтобы получить желанный статус беженца. В данных эпизодах субъектная структура организована двумя разными способами: от первого лица и в вопросно-ответной форме диалога. Толмач говорит от своего лица, а перспектива изображения задана сквозь призму его сознания: «И каждый хочет что-то объяснить. Надеется, что его выслушают. А тут мы с Петром» [5, с. 40]. Второй способ — вопросно-ответная форма диалога, вообще не предполагает никакой формы авторского присутствия и используется намеренно, чтобы скрыть «посторонний» голос. В этом смысле неоднозначно положение фигуры толмача относительно текста. С одной стороны, он только переводчик, посредник между государством и беженцем. С другой стороны, всё происходящее в «беженской канцелярии» дано через восприятие творческой пишущей природы толмача, что даёт ему возможность обобщить весь человеческий опыт. Толмач превращает формальный канцелярский допрос в вопросы о смыслах бытия, а ответы беженцев приводит к «вечным» истинам.

Римские эпизоды соотносятся с любовной канвой романа: историей толмача и Изольды. В них толмач выступает как герой событий, а повествование ведётся от третьего лица. Но даже в пределах одного предложения наблюдается наложение и взаимопроникновение субъекта авторского плана и героя: «Он бродил под тускло освещёнными сводами и в свою очередь злился на Изольду, что притащил зачем-то сюда её с натёртой ногой, могли бы прийти и завтра или послезавтра» [5, с. 201]. Несмотря на повествование от третьего лица, читательское сознание воспринимает фигуру изображающего и фигуру изображенного слитно. Такой эффект достигается за счёт того, что герой-толмач как бы становится автором своей жизни, проживая её заново на страницах романа. По замечанию М.Липовецкого, «все это в конечном счете приводит к тому, что герой наделяется позицией вневходимости – именно эта позиция и позволяет герою стать центром межтекстового диалогизма и одно-

ременно не оставаться замкнутым в пределах какой-либо одной культурной формулы» [2, с. 175]. Получается, что толмач становится многоуровневой фигурой, которая представлена в двух планах: толмач-герой и толмач-автор.

В эпистолярной линии о Навуходонозавре раскрывается образ толмача-отца. Всего в романе читателю открыты шесть писем, которые толмач пишет сыну. Манера письма похожа на сказочное повествование. В письмах присутствуют фантастические герои, выдуманные миры, а также логика, характерная для детского сознания: «Не дай Бог, объявите кому-нибудь войну или нападут инопланетяне. За всем глаз да глаз нужен» [5, с. 16]. Толмач пересказывает сыну те подробности своей жизни, о которых ребёнок не должен знать. При этом толмач пишет не в реалистической манере, а художественным языком, пытаясь установить понимание на уровне творческого восприятия. Важно отметить, что и в письмах толмач иногда называет себя в третьем лице, мысля себя героем событий. Эта позиция «над» позволяет герою осмысливать и интерпретировать события, происходящие с ним, то есть осуществлять своё предназначение – толмачить.

Пласт, связанный с образом Изабеллы и её дневниковыми записями, рассказывающими о детстве, любви, страсти к творчеству, первом горьком опыте и взрослении великой певицы, на первый взгляд, кажется автономным по отношению ко всему роману. Прежде чем читатель встречается непосредственно с дневником, он сначала знакомится с историей его создания и публикации. В романе говорится о том, что некий молодой учитель получил задание от редакции опубликовать биографическую книгу о бывшей когда-то популярной певице романсов. Но редакция разорилась, а сама певица умерла: «Когда Белла Дмитриевна умерла, он уже толмачествовал далеко» [5, с. 86]. Таким образом, читатель узнаёт, что публикация дневника Изабеллы в романе – ещё одна творческая задача толмача.

Текст дневника певицы появляется в форме фрагментов мемуарного характера, принадлежащих непосредственно самой Белле. Повествование ведётся от лица Изабеллы, с момента, когда отец ей дарит красивую тетрадь. Дневник вызывает у читателя ощущение подлинности, а история, рассказанная в нём, мыслится как существовавшая когда-то. Такой эффект поддерживается наличием в дневнике незавершённых записей, которые обрываются на полуслове. Появление дневника на страницах романа никак не мотивировано, а художественный мир дневника целен. Сознание толмача не вторгается в мировосприятие Изабеллы, фрагменты её дневника вставляются в роман без изменения композиции и хода дневникового повествования. Речь Изабеллы прямо, а не косвенно, открыта для читательского сознания. Дневниковые записи Беллы в определённый момент перестают появляться на страницах романа, а её дальнейшая судьба, её мысли и чувства перед смертью возникают перед читателем в финальной части.

Финальная часть романа представляет собой сплав из многоголосия героев. Повествование представляет собой неразрывный хор голосов, времени

и истории. Толмач творчески домысливает судьбу Изабеллы Дмитриевны, превращая её смерть в символические роды, истории беженцев доводятся до универсальных вопросов бытия, раскрывается причина разрыва между толмачом и Изольдой (культурный знак «Изольда» – неполноценен, он предполагает присутствие возлюбленного Тристана, которым так и не смог стать толмач). Наличие обрывков голосов и их слитость в едином речевом потоке объясняется на страницах романа: «Воскрешение плоти. Из ничего, из пустоты, из белой штукатурки, из плотного тумана, из снежного поля, из листа бумаги вдруг появляются люди, живые тела, встают, чтобы уже остаться навсегда, потому что снова исчезнуть, пропасть просто невозможно – ведь смерть уже была» [5, с. 328]. Получается, что создатель романа – демиург, который запечатлел жизнь на страницах романа, а значит, в вечности. Толмач – медиатор между жизнью и бессмертием, жизнью и творчеством.

Многосубъектность романа раскрывает характер жизни: круговорот событий, хор голосов и истории. С точки зрения субъектной организации толмач выступает как многоуровневая фигура – он субъект авторского плана, герой, демиург, способный впитать в себе общечеловеческие ценности и увековечить их на страницах романа. Роман может быть прочитан через разные субъектные уровни, это связано не только с игровой установкой романа, но и соотносится с главным замыслом: важны только истории, только сама жизнь, и неважно, кому истории принадлежат, потому что жизнь – это круговорот событий и истории, а все люди сводимы к вечным культурным архетипам (каждая женщина – Венера, Изольда, Хлоя, мужчина – Тристан, Дафнис).

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Спб., 2000. – 334 с.
2. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. – 317 с.
3. Малкина В.Я. Модальности поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. – 358 с.
4. Малкина, В.Я. Неосинкретизм // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. – 358 с.
5. Шишкин М.П. Венерин волос: роман. М., 2012. – 540 с.

Shalamatova E.O.

FEATURES OF THE NARRATION OF «A MAIDENHAIR» BY MIKHAIL SHISHKIN

Abstract. The article analyses the features of the narration in «Maidenhair», which subject structure is characterized by difficulty for perception and understanding.

Key words: Narration; characters; subject structure.

Шелудякова Анастасия Викторовна
магистрант Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия
anastasiya_sheludyakova@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АНГЛИЦИЗМА «ТРОЛЛИНГ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье сделана попытка описания семантической трансформации англицизма «троллинг» в русском языке. Наблюдение за употреблением данной единицы в контексте позволило выявить новые семантические компоненты и значения и зафиксировать их интегральные и дифференциальные признаки.

Ключевые слова: русский язык, заимствование, семантическая трансформация, компонентный анализ.

При взаимодействии двух языков и культур и активном пополнении лексической базы русского языка новыми единицами, некоторые из них приобретают совершенно иные, новые значения, сформированные в контексте русской лингвокультуры и отсутствующие в языке-источнике, а также выстраивающие системные отношения с другими единицами. Полисемия одного из таких заимствований представляет особый интерес как явление, мало изученное, но активно процветающее в русском языке. Одной из таких единиц в русском языке является слово «троллинг», на сегодняшний момент не имеющее полного и четкого определения и развившее достаточно широкую полисемию.

Материалом исследования являются тексты СМИ и Интернет-ресурсов, а также несколько видеоматериалов. Для анализа и выявления нетипичных и, вместе с тем, частотных употреблений мы используем методы лингвистического наблюдения слова в контексте посредством частичной выборки 100 зафиксированных реализаций, анализа словарных дефиниций и семного анализа.

В англоязычных словарях Longman Dictionary of Contemporary English и Merriam-Webster есть несколько толкований глагола to troll. Ядерное значение представлено семей «вращать, крутить» – «to cause to move round and round» [3]. На периферии находится сема «писать в Интернете оскорбительные сообщения, комментарии с целью вызвать реакцию на них», «действовать как тролль на форумах, сайтах и т.д.» – «to leave offensive or upsetting messages on the Internet, just in order to get a reaction», «to antagonize (others) online by deliberately posting inflammatory, irrelevant, or offensive comments or other disruptive content // to act as a troll on (a forum, site, etc.)» [2].

«Словарь новейших иностранных слов» Шагаловой Е.Н. дает следующее определение троллинга: «размещение с в Интернете (в форумах, в блогах и т.п. провокационных сообщений с целью вызвать конфликты между участниками» [12]. Дьяков А. И. в «Словаре англицизмов русского языка» приводит более широкое толкование слова, выделяя два значения и указывая на сферу их функционирования: «1. част. интерн. размещение в Интернете (на форумах, в группа новостей, в вики-проектах и др.) провокационных сообщений с целью вызвать флейм, конфликты между участниками, оскорбления, войну правок и т.п... 2. мор. Способ ловли с применением моторизованного плавсредства...» [7]. В статье Н.М Строителява «Троллинг как разновидность провокационного речевого поведения» данное явление, как видно из названия, определяется как речевое поведение, «один из эмоциональных и оценочных типов воздействия, который соотносится с областью межличностных субъективно эмоциональных отношений», а также «процесс общения, направленный на конфликтогенный диалог» [8]. В русском языке данная единица получила широкую сферу употребления. Наиболее интересным значением для нашего изучения является именно то, которое в английском языке является периферийным: провокационные действия в сети Интернет.

Возникновение новых значений происходит, согласно Л. Витгенштейну, в процессе языковой игры, а именно коммуникативной практики, употребления той или иной единицы в реальной речевой деятельности в рамках конкретной культуры.

Проанализировав установленное количество текстов нам удалось выявить следующие контекстуальные экспликации заданной семы:

- по степени опосредованности: сетевой (толстый, тонкий), видеотроллинг, телефонный;
- по виду: классический (в огороде бузина, а в Киеве дядька), дорожный, рекламный, правовой, конкурентный, тендерный, дружеский, фанатский, христианский, тревел-троллинг, геополитический, троллинг в небе, ядерный и т.п.;
- по направленности: обидчик – жертва, взаимный, массовый;
- по степени вовлеченности: случайный, тролль по психологическому призванию; высокопрофессиональный, проплаченный и т.д.;
- по степени скрытости: анонимность, публичность (известные и публичные персоны);
- по степени оценки: положительная – блестящий, дерзкий, классный, яркий; гениальный, успешный, экосистема Интернета, «санитары леса» и т.д.; негативная – крайняя тупость, яростный, жестокий, пляски на костях, троллинг на крови и т.д.;
- по эмоциональной нагрузке: позитивные и негативные комментарии, троллинг позитивом, клевета, моральный вред, интернет-издевательства, грубость, и т.п.;

– по цели: получить удовольствие, развлечься с помощью жертвы, вытаскать яркие эмоции, вызвать полемику или склоку, разжечь конфликт, финансовый интерес, дискредитация сообщества или отдельных его членов, посеять раздор, желание привлечь внимание к своей персоне, т.п.;

– по инструментарию и методам: глупая улыбка в ответ; подкинуть идейку, написание комментариев, угроза, глумливые подписи, оскорбительные картинки, мимикрирование, попытка выдать себя за другого, «маскарад» и т.п.

Таким образом, мы можем наблюдать семантическую трансформацию англицизма «троллинг» в русском языке и её следующий семный состав:

1. вид социального, психологического и речевого провокационного поведения – Дипломаты на завалинке: почему диалог стран превратился в троллинг [6];

2. метод отрицательного психологического воздействия на кого-либо – В последние месяцы объектами троллинга в Соединенном королевстве стали многие политики, общественные деятели, известные писатели и актеры. Их обвиняют в приписываемых проступках, а также недопустимым образом осуждают за политические взгляды и мнения по поводу различных событий [4];

3. вид язвительного подшучивания над кем-, чем-либо с определенной целью, чаще для развлечения – Троллинг Трампа от Далай-ламы. Ответ духовного лидера Тибета был лаконичен, но полон юмора: он изобразил Трампа — его прическу и «маленький рот» [5];

4. способ заработка – Бывшая сотрудница компании «Интернет-исследования» — фабрики «кремлеботов» — Людмила Савчук подала на своих работодателей в суд... Она рассказала «Снобу», зачем стала «троллем» и как будет бороться с «троллингом» [10];

5. организованная деятельность, направленная на манипуляцию кем-, чем-л., дискредитацию кого-, чего-л. и т.д. – Burger King: «троллинг» как бизнес-стратегия. Сеть фаст-фуда продолжает маркетинговую войну против главного конкурента - McDonald's [1];

6. коммуникативный стиль – Это такой троллинг со стороны Сергея Богдановича. С улыбкой, глядя в глаза почти сочувственно, он с удовольствием водит собеседника за нос [11];

7. явление массовой культуры – название программы на телеканале «РоссияК»: «Троллинг как явление культуры?» [9].

Таким образом, мы можем наблюдать семантическую трансформацию англицизма «троллинг» в русском языке и образование новых значений, не зафиксированных на данный период времени в словарях, но активно возникающих в сферах бытовой, общественной, политической коммуникации. Полисемия единицы является отражением формирования в российской культуре новой черты времени и нового стиля в коммуникации.

Литература

1. Burger King: «троллинг» как бизнес-стратегия // Sostav.ru. URL: <http://www.sostav.ru/publication/vojna-brendov-burger-king-vs-mcdonalds-17624.html>.
2. Merriam-Webster: Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс] // URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/trolling>.
3. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/troll>.
4. В Великобритании за троллинг в интернете планируют давать два года тюрьмы // ТАСС. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1517728>.
5. Видео дня. Троллинг Трампа от Далай-ламы // ПОЛИТ.РУ. URL: http://polit.ru/article/2016/09/23/dalai_trump/.
6. Дипломаты на завалинке: почему диалог стран превратился в троллинг // Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/284001-diplomaty-na-zavalinke-pochemu-dialog-stran-prevratilsya-v-trolling>.
7. Дьяков А. И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://anglicismdictionary.dishman.ru/T/>.
8. Стротелев Н.М. Троллинг как разновидность провокационного речевого поведения [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2013, Том 4, № 4. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2013/TGU_4_141.pdf.
9. «Тем временем» с Александром Архангельским // РОССИЯК. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20905/episode_id/1429942/.
10. «Троллинг — элемент одной большой системы». Зачем бывший «кремлебот» судится со своими работодателями // Сноб. URL: <https://snob.ru/selected/entry/93184>.
11. Уткин Василий. Семак и троллинг. Василий Уткин – о тренерской карьере Сергея // Советский спорт. URL: <http://www.sovsport.ru/gazeta/article-item/946753>.
12. Шагалова Е. Н. Троллинг // Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. — М.: Астрель, 2009. — стр. 600.

Sheludyakova A. V.

SEMANTICAL TRANSFORMATION OF THE ENGLISH LOANWORD TROLLING IN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. In this article there is realized a prompt of describing semantical transformation of English loanword trolling in Russian language. In the process of the word context usage analysis new semantical components and meanings as well as their integral and differential signs are obtained.

Key words: Russian language, loanword, borrowing, semantical transformation, componential analysis.

Шепко Юлия Евгеньевна
студент Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского
Брянск, Россия
yukiko16@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В ДИСКУРСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой личности Иоанна Кронштадтского на прагматическом уровне. Рассматривается функционирование прецедентных текстов в его дискурсе.

Ключевые слова: языковая личность, прагматический уровень, прецедентный текст, Иоанн Кронштадтский, дискурс.

В настоящее время термин „языковая личность” является одним из наиболее популярных в современной лингвистической науке. Это обусловлено тем, что объектом изучения лингвистики выступает язык, который служит средством создания любого текста, являющегося продуктом речевой деятельности человека. Именно поэтому правильное понимание текста трудно представить себе без обращения к языковой личности автора, под которой понимается „совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)” [Цит. по: Рыбникова 2009: 1, с. 99].

Всестороннее изучение языковой личности подразумевает рассмотрение её как трехуровневой организации (см. работы Ю. Н. Караулова). Языковая личность состоит из вербально-семантического, когнитивного (тезаурусного) и прагматического (мотивационного) уровней [1, с.56]. Анализ прецедентных текстов выступает одним из аспектов описания прагматического уровня в структуре языковой личности.

Объект нашего исследования – дневник св. прв. Иоанна Кронштадтского, который представляет собой „выбор из Священного Писания догматических и нравоучительных и особенно замечательных для автора исторических текстов с мыслями на них автора” [4, с.9]. Поэтому мы ставим своей целью рассмотрение только прагматического уровня языковой личности на материале дневниковых записей святого за 1856 год.

В трудах Ю.Н. Караулова прецедентными называются тексты, которые в той или иной степени значимы для изучаемой нами личности в „познавательном

и эмоциональных отношениях”, известны её широкому окружению и к которым неоднократно обращается данная языковая личность [1, с.216]. Ещё одно важное условие для того, чтобы текст был назван прецедентным, – это, по мнению Караулова, его хрестоматийность, то есть данный текст должен быть общеизвестным. Прецедентные тексты отражают ценностную картину мира языковой личности, её культурную принадлежность, служат способом аргументации и воздействия на адресата. Существуют следующие способы использования прецедентных текстов той или иной личностью – это полное цитирование; вторичный способ, предполагающий трансформацию текста или размышления, касающиеся исходного текста и, наконец, семиотический способ, при котором „обращение к оригинальному тексту даётся намёком, отсылкой, признаком” [1, с.217].

Цитаты, которые вводит Иоанн Кронштадтский в свой дискурс, заимствованы из различных источников. Прежде всего, это церковно-религиозная литература: Ветхий Завет (Книга Бытия, Книга Иова, Псалтирь, Книга пророка Исаии, Книга пророка Варуха, Книга Исход, Книга Левит, Книга пророка Иеремии, Плач Иеремии), Евангелие (Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Иоанна), апостольские Послания, апостольские Деяния, Апокалипсис. Цитаты следуют в дневнике друг за другом непоследовательно. Такая композиция дневника отражает сосредоточенность святого на духовной жизни, потому что „невозможно спастись и право жить, не зная Закона Жизни, не изучив вполне воли Божией, запечатлённой в святом Евангелии” [4, с.6]. Ещё одной причиной такого построения дневника, как нам кажется, является наличие адресата. Не случайно святой, обращаясь к потомкам, просит: „Не истреблять этой книги и по смерти моей: может быть, кто-нибудь найдётся подобный мне по мыслям и по чувству и покажет своё глубокое сочувствие написанному в этой книге...” [4, с.9]. В дневнике Иоанн Кронштадтский обращается к различным адресатам: Богу, пастве, другим священникам. Кроме того, размышления святого обращены и к себе, что проявляется в употреблении местоимения „ты”. „Ты стыдишься своего звания? Неправда: твоё звание стыдится тебя” [4, с.276].

Прецедентные тексты, используемые языковой личностью, встраиваются в определённую систему, продолжая и развивая естественным образом течение оригинального дискурса [1, с.230], например: „Человек каждый час падает, грешит, и когда согрешит, в душе происходит беспокойство, смятение, тоска, тяжесть, потребность в помиловании; тогда душа невольно молится Богу, уста произносят как бы машинально: помилуй мя, Боже! Боже, милостив буди мне, грешному” (54 пс., ст. 1–4). [4, с.215].

Ещё один способ включения прецедентных текстов в дневник – полное цитирование с последующим размышлением на приведённую цитату. „Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую?.. Какое вы-

772 | сокое свидетельство об Иоанне и по лицу Свидетеля, и по самому качеству свидетельства! Иоанн противопоставляется трости, ветром колеблемой. Да, строгость жизни Иоанновой была такова, что его можно было уподобить горе Сион, которая не подвигнется вовек” (Мф. 11,7) [4, с.69].

Цитаты в дискурсе Иоанна Кронштадтского нередко служат средством аргументации и подкрепляют выраженные в дневнике мысли [1, с.230]. Например: „Всякий человек и ныне, поживши на земле, сколько Бог пошлёт жить, непременно наконец возвращается в землю, от неяже взят бысть” (Быт. 3:23) [4, с.12]. „Всё хорошее и справедливое в этой книге почитаю не своим, а Божиим, так как мы не потому, чтобы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога” (2 Кор. 3,5). [4, с.9]. Подобное отношение к собственным дневниковым записям сходно с одной из специфических особенностей древнерусской литературы – анонимностью, связанной с христианской концепцией личности человека, где смирение – одно из главных христианских добродетелей. Оно также является свидетельством подвижнической жизни святого, поскольку „твёрдым основанием любого подвига является смирение, желание прославить имя Божие, а не себя; послужить, а не превознестись” [2, с.75].

Кроме того, цитирования в дневниковых записях выступают в качестве критерия оценки, с их помощью мы узнаём отношение святого к „патриархальной древности”, к различным ситуациям в современном ему обществе. „Истинно, Бог не делает неправды и Вседержитель не извращает суда. Кто кроме Его промышляет о земле? И кто управляет всею вселенною? Если бы Он обратил сердце Свое к Себе и взял к Себе дух её и дыхание её, - вдруг погибла бы всякая плоть, и человек возвратился бы в прах. Какое достойное Бога понятие имели о Нем люди мира патриархального! Как благочестива была патриархальная древность! <...> А часто ли теперь заводят в дружеском кругу речь о Боге знатные люди?!” (Иов. 34:12-15). [4, с.28]. Иоанн Кронштадтский говорит о том, что люди „патриархальной древности” осознавали, что Господь непрестанно заботится о человеке, благоговели пред Ним, в то время как знатым современникам святого чужда эта тема.

За счёт использования прецедентного текста проявляется отношение святого к власти: „Иже поставляет царем человека лицемера за строптивость людей. Да, цари поставляются Самим Богом: это мы твёрдо исповедуем” (Иов. 34:30). [4, с.29]. Ещё одним подтверждением мысли Иоанна Кронштадтского о богоизбранности царей, о том, что всякая власть – от Бога, является сопоставление Михаила Романова с Авраамом. „Россияне! Если вы будете благочестивы, Бог то же скажет вам, что и израильтянам: А ты, Израиль, раб Мой, Иаков, которого Я избрал, семя Авраама (Михаила Феодоровича Романова), друга Моего...” (Ис. 41:8-14). [Д4, с.51]. Из рода Авраамова происходит Господь наш Иисус Христос (Мф. 1,1-16), о роде Авраама Го-

сподь говорит в книге Бытия ветхозаветному праведнику: Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя (Быт.12:2). Такое сопоставление выбрано Иоанном Кронштадтским не случайно: святой показывает, как Бог заботится о благочестивых чадах Своих, поставляя царём того, кого они заслуживают. Кроме того, приведённая нами цитата отражает мировоззрение святого – прецедентным текстом он подтверждает христианскую мысль о том, что изменение мира невозможно без изменения себя, невозможно без личного покаяния.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что языковая личность св. прв. Иоанна Кронштадтского частично раскрывается через использование прецедентных текстов. Они отражают эпоху, в которую жил святой, его мировоззренческие ориентиры, отношение к власти, характеризуют его как личность духовного типа, живущую Богом и в Боге.

Литература

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
2. Протоиерей Андрей Ткачёв. Тебе и мне Бог письмо написал. – 5-е изд. – Киев: Послушник, 2014. – 256 с.
3. Рыбникова Е. Е., Киселева Д. В. Речевые особенности языковой личности Ивана Грозного. – Кемерово: Вестник КемГУ №1, 2009.
4. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Дневник. Том 1. 1856. – М.: Булат, 2005. – 256 с.

Shepko Y.E.

PRECEDENT TEXTS INTO DISCOURSE IOANN KRONSHADTSKY'S LINGUISTIC PERSONSLITY

Abstract. The article analyses deals analysis of the Ioann Kronshtadtsky's linguistic personality in pragmatic aspect. Accouts functioning precedent texts in his discourse.

Key words: Linguistic personality; pragmatic aspect; precedent text; Ioann Kronshtadtsky; discourse.

Шутова Наталья Сергеевна
студент Глазовского государственного
педагогического института им. В.Г. Короленко
Глазов, Россия
100007081999364q@gmail.com

МИР И ВОЙНА В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ «ОБЫКНОВЕННОГО» ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЧУВСТВО)

Аннотация. В статье рассматривается восприятие Ниной Костериной как представительницей молодого поколения 20-40-х годов XX века событий в стане и семье на материале семантического поля *чувство*.

Ключевые слова: дневник; семантическое поле; семантический полюс, центр, периферия, эмоциональный фон.

Нередко задаются вопросом: как мы выстояли и победили в Великой Отечественной войне? Ответы разные, но нельзя не видеть, что страна сплотилась в патриотическом порыве. На фронт отправлялись не только по призыву военкомата, но и добровольцы, среди которых – вчерашние десятиклассники. Они шли на войну, не задумываясь о том, что не все вернутся.

Как же формировался «обыкновенный» человек в 20-30-е предвоенные годы? Один из ответов на этот вопрос дает «Дневник Нины Костериной». Нина Костерина одна из обыкновенных людей, как их иногда называют. Она и сама подчеркнула это, назвав свои записи «Дневник обыкновенной девушки» (7. Здесь и далее указываются страницы дневника).

Жанр дневника выбран нами неслучайно. Дневник – это «записи личного характера, ведущиеся изо дня в день» [2, с. 266]. Такая его черта, как интимность, ненаправленность на читателя, обуславливает высокую степень достоверности, искренности сделанных записей.

Нина Костерина вела дневник в период с 20 июня 1936 года по 14 ноября 1941 года, в нем отображена довоенная пора и первые месяцы после её начала. Все семантическое пространство дневника включает в себя несколько семантических полей: учеба, любовь, чувство, будущее, друзья, война, фронт и др. Семантическое поле – это самая крупная смысловая парадигма, объединяющая слова различных частей речи, значения которых имеют один общий семантический признак [4]. Одно из самых показательных в контексте данной работы поле – чувство: жанру дневника свойственна фиксация, описание «только что» случившегося, пережитого [1, с. 98]. Мысли, отношение автора к происходящему проявляются наиболее ярко в поле чувства.

Целью статьи является рассмотреть восприятие и оценку значимых событий «обыкновенной» девушкой, одной из многих, её реакцию на происходящее в стране и в семье в разные периоды: мир и война – на материале семантического поля чувство, отраженных в «Дневнике Нины Костериной».

В семантическом поле чувства ясно просматриваются два полюса: радость и тревога. Они формируются центром и периферией. В центре представлены в наиболее яркой форме характеристики описываемого явления. Периферия отличается тем, что эти признаки не столь отчетливы. В центре первого полюса радость. На периферии – праздник, веселье, восторг, смеяться, чудесный; к периферии отнесём плясать, танцевать, петь, барахтаться, прекраснейший. Чувства выражаются во всем: в глазах, в выражении лица, в телодвижениях, в поступках, поэтому последние тоже включаются в семантический полюс радости, хотя и на периферию, но они не менее информативны.

Радость непосредственно связана с праздниками, поэтому обратимся к записям от 7 ноября 1937 года и 2 сентября 1941 года. В первой она описывает празднование дня Октябрьской революции – государственный праздник, во второй – праздник только Нины и ее друзей – «шашлычок», устроенный их институтским преподавателем в связи с окончанием геологической практики. На первый взгляд, эти праздники нельзя ставить в один ряд, но для Нины Костериной они близки: государственные события она воспринимает как личные. Все радости и горести страны она переживает остро, например, в дневнике она отмечает: «О Конституции я что-то мало и плохо понимаю, хотя чувствую, что это в жизни страны большое событие» (8), – так Нина пишет о проекте новой Конституции. Смерть Максима Горького для нее – личная утрата: «Но вот смерть Максима Горького я переживала как личное горе» (8).

В описании празднования дня Октябрьской революции много глаголов, обозначающих не только действие, но и атмосферу праздника. Среди них акциональные глаголы, передающие активность действия, его наблюдаемость в конкретном временном плане веселиться, петь, танцевать, (по)смеяться и др.:

- 1) В этом тупичке мы часа полтора пели и танцевали под гармошку (18);
- 2) На обратном пути мы зашли на манежную площадь и вволю потанцевали.
- 3) Будем веселиться вовсю! (18);
- 4) А сегодня в груди что-то звенит и поет (18);

Глаголы реализуют значения прямые и переносные. В прямом значении они передают конкретное действие, состояние (предл. 1–3), в переносном отражают состояние души Нины (предл. 4).

Радостный эмоциональный фон акцентируется характеризующими прилагательными и наречиями со значением высокой степени: настроение прекраснейшее (превосходная степень прилагательного), танцевать вволю

776 | («до полного удовлетворения...» [3, с. 68]), веселиться вовсю («очень сильно, из всех сил» [3, с. 83]).

Вскочила рано в прекраснейшем настроении (18);

Вот наконец и долгожданный праздник (18);

Будем веселиться вовсю! (18).

Иные чувства и иной эмоциональный фон записи начала войны от 2 сентября 1941 года. В такое страшное, тяжелое, суровое время тоже возможны радостные события, у Нины и её друзей костер по случаю окончания геологической практики. Но здесь уже единичны глаголы, непосредственно относящиеся к празднованию, ср.: чуть не пляшем, смеялись.

А мы, как племя диких, чуть не пляшем вокруг костра;

Потом купались, барахтались в речке, смеялись над Иваном Андреевичем, нашим милым «глухарем»...

Большинство глаголов не имеют в своем значении семы радости, они передают только действие бегать, собирать, угостить, подавать, открывать, делать.

Полуголые, в купальных костюмах

мы бегаем по берегу, собираем сучки и щепки (109);

Иван Андреевич угостил нас чудесным шашлыком (109);

Он подавал мне шашлык на ноже –

мне лишь оставалось открывать рот,

что я, как голодный галчонок, и делала (109).

Показательно, что в записи от 2 сентября 1941 года практически отсутствуют регулятивы, характеризующие атмосферу праздника. А единственное прилагательное в превосходной степени, добрейший, используется не для описания внутреннего чувства, а характеризует человека, Ивана Андреевича, бывшего преподавателя Нины, устроившего ей и ее друзьям «шашлычок».

В этой записи степень эмоциональности значительно снижена.

В анализируемых записях очевидно существенное различие в описании чувства радости. Семантический полюс имеет разную наполняемость, формируя разный эмоциональный фон. В первой записи он положительный, светлый, во второй – сдержанный, а веселье уже совсем не беззаботное. Читаем конец записи: и уж не до бездумного веселья, когда вспомнишь, что где-то, уже близко, льется кровь (18). Если в первом случае душа девушки звенит и поет, то во втором она же переворачивается от осознания того, что война уже недалеко.

В центре второго полюса семантического поля чувство – тревога, это «беспокойство, волнение» и «сигнал об опасности» [3, с. 752]. Тревога появилась у Нины еще до войны, после ареста отца: «Кажется, надо быть готовой к каким-то очень скверным событиям» (34), – записывает она. С началом войны тревога усиливается, что подчеркивается лексически прилагательным истерический, повтором однокоренных слов: тревога, тревожный.

Из Москвы истерические телеграммы:

«...работы продолжать...», «...работы свернуть...» (108)

Дни полны тревожного ожидания (115)

Из соседней квартиры стучат: «Тревога, тревога!» (116)

Тревога застала меня вечером на Каретном:

кто-то вошел в вагон и сказал: «Тревога! Выходите!» (117)

Характерно, что на периферии полюса тревога в дневнике появляются колоративы, опосредованно передающие названное чувство – в довоенное время Нина Костерина в дневнике редко употребляет наименования цвета. Записи военные, напротив, насыщены ими, причем среди них преобладает черный, создавая темный, мрачный фон. В первом предложении, приведённом ниже, прилагательное черный реализует два значения. В сочетании с существительным тучи это колоратив (прямое значение). При существительном хищник значение переносное: страшный, опасный.

Черный хищник неожиданно,

из-за черных туч кинулся на нашу родину. (107)

Погода серая, мрачная, черные тучи нависли кругом. (103)

...За окном густая, непроглядная темь. (107)

Будущее темное и страшное... (108)

В записях начала войны появляется красный и его оттенки, обозначенные существительными, а красный – это «цвет крови» [СОШ: 282].

Уже где-то близко льется кровь,

города и села распадаются в прах и пыль... (109)

А пожар войны охватил страну от «хладных финских скал до пламенной Колхиды», враг уже глубоко среди наших полей и лесов... (108)

Нина Костерина готова защищать страну: «Ну что ж, готова... хочу действовать, хочу на фронт...» (107), «Мое место на фронте» (108), «Надо решать и как можно скорее, нельзя оставаться посторонним зрителем» (115), «Я должна идти туда, куда зовет меня родина» (115).

Анализ семантического пространства чувства в «Дневнике Нинин Костериной» позволяет сделать следующие выводы.

Для Нины Костериной, как и для большинства молодежи той поры, не свойственно деление событий на происходящие в стране и личные. В семантическом поле чувства резко противопоставлены два полюса: радость и тревога, что отражается в лексике записей. В мирную, довоенную пору доминирует радость. Лексика определяет светлый, позитивный эмоциональный фон. Тревога, волнение ещё эпизодичны: тревога возникает в связи с трагическим событием в семье – арестом отца. С началом войны в записях актуализируется полюс тревога – единственное радостное событие той поры описано ею сдержанно и скупно. Резко изменяется общий эмоциональный фон записей: он становится тёмным, мрачным. Тревога в эту пору – это

778 | тревога за судьбу Родины. Тем не менее четкие границы между радостью и тревогой отсутствуют.

Нина стремится на фронт, хотя осознает, что может погибнуть, но идет ради жизни. Вот её запись перед уходом на фронт: Это похоже на парадокс, но так и на самом деле: потому я и на фронт иду, что так радостно жить, так хочется жить, трудиться и творить... жить, жить! (119)

Литература

1. Словарь литературных терминов под ред. В.М. Кожевникова. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т./ Под К.С. Горбачевича М.: Рус. яз, 1993. Т.4. 576 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2013. 874 с.
4. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/>

Источник

1. Дневник Нины Костериной. М.: Детская литература, 1964. 128 с.

Shutova N.S.

PEACE AND WAR IN DICTIONARY'S NOTES OF AN „ORDINARY“ PERSON (BASED ON MATERIAL OF SEMANTIC FIELD OF THE WORD “FEELING”)

Abstract. The article describes how Nina Kosterina, who is a representative of young generation of 1920-40, perceives occasions in a camp and her family. It is based on material of semantic field of the word “feeling”.

Key words: Diary, semantic field, semantic pole, centre, periphery, emotional background.

МЕТАФОРА КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «метафоры» и анализируется взаимосвязь между концептом и метафорой. Значительное внимание уделяется функциям и содержанию метафоры. В статье приводятся множество точек зрения исследователей на данный феномен в области когнитивной лингвистики и анализируются различные подходы к изучению данной проблемы.

Ключевые слова: концепт, метафора, концептуальная теория метафоры, сфера-источник, сфера-мишень.

Среди многочисленных направлений современной лингвистики большой интерес для учёных представляет когнитивная лингвистика. Данное направление сформировалось в лингвистике во второй половине 1970-х гг. и изучает проблемы соотношения языка и мышления. Сегодня, по мнению большинства исследователей, «концепт» остаётся ключевым понятием в современной когнитивной лингвистике.

Впервые понятие «концепт» употребил С.А. Аскольдов-Алексеев в своей статье «Концепт и слово», где описал данное лингвистическое явление как «мысленное образование, которое знаменует нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода». [2, с.269]

В связи с дальнейшим развитием когнитивной лингвистики понятие «концепт» получило множество различных объяснений. Причиной возникновения различных определений обусловлено сложной и многогранной структурой концепта. Несмотря на существование большого количества определений «концепта», следует отметить, что данное лингвистическое явление можно объяснить как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету». [12, с.4]

Как отмечает В.И. Карасик, концепт состоит из трёх составляющих: понятийной, образной и ценностной. Следовательно, данный феномен содержит различные ассоциации, эмоции, оценки, образы и коннотации, присущие человеку, обществу или определённой культуре, с помощью которых происходит формирование концептуальной картины мира.

Известно, что лингвисты отмечают способность «концепта» подразделяться на несколько типов репрезентаций ментального мира человека по содержанию знаний: схема, прототип, фрейм, стереотипы, сценарии и т.д. Следует отметить, что среди данных феноменов объектом пристального внимания для дальнейшего изучения является метафора как ещё одна разновидность репрезентации «концепта» в связи с тем, что метафора обладает информационно-смысловым комплексом, который содержит образы и ассоциации когнитивного порядка.

Первые упоминания о метафоре можно найти в трактате Аристотеля «Поэтика», где он рассматривает данный феномен в качестве «риторической фигуры», объясняя её как «перенос имени с рода на род, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии». [11]

В литературоведении метафора рассматривается как троп, в котором происходит перенос названия с одного предмета на другой по признаку сходства.

Отговорила роща золотая,
Берёзовым, весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдёт, зайдёт и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом. [7]

Анализируя данное стихотворение С. Есенина согласно литературоведческому подходу, можно выделить несколько метафор: «отговорила роща золотая», «берёзовым, весёлым языком», «журавли, печально пролетая», «грезит конопляник». Таким образом, в данном случае метафора является тропом, в котором происходит передача характерных признаков от одного предмета к другому. Метафору, представленную в данном примере в качестве литературного приёма, используют для усиления эмоциональной окраски и достижения ёмкости образа.

В современной когнитивной лингвистике учёные рассматривают метафору как явление сложное и многоплановое, определяя её «как одну из основных ментальных операций, способов познаний, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [5, с.7]

В основе изучения метафоры как особой формы мышления лежит метод исследования или теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где метафоризацию рассматривают как «процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain)». Согласно данной теории, сфера-источник является отправной

точкой для образования сферы-мишени, так как сфера-источник содержит опыт взаимодействия человека с окружающим его миром, представленного в качестве схем образов. Следовательно, сфера-мишень становится неким результатом метафорического переноса и приобретает вторичное значение. Таким образом, при соотношении двух ментальных элементов (концептами), относящихся к разным сферам, возникает концептуальная метафора. [5, с.7]

Казалось невероятным, что современный аэропорт с толпой обеспеченных целеустремлённых туристов находится всего в нескольких километрах от этой юдоли разбитых и развеянных по ветру чайний. [6, с.12]

В основе семантики данного выражения «от этой юдоли разбитых и развеянных по ветру чайний» находится метафора «жизнь – это борьба». Сфера-мишень описывает действительность (жизнь), которая структурируется на основании сходства сфера-источника (борьба).

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века -
Всё будет так. Исхода нет.

Умрёшь - начнёшь опять сначала
И повторится всё, как встарь.
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь. [4]

В семантике этого произведения находится метафора «жизнь – это путешествие», т.е. человек проходит весь цикл жизненного пути – рождение, смерть, достижения целей, выбор на разных этапах жизненного пути и т.д.

Следует отметить, что наряду с концептуальной теорией метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона сформировались множество других теорий, которые в некотором смысле её дополняют, так как, по мнению лингвистов, данный метод исследования такого явления как метафоры не должен иметь замкнутой системы, содержащую лишь две области, с помощью которой не всегда возможно создать и интерпретировать метафору, исходя из реалий действительности, описывающий мир.

Однако все другие подходы к исследованию метафоры прежде всего рассматривают определённые пространства, где заключены различные ассоциации и образы ментального характера об окружающем мире, концепт. Как известно, что в любой метафоре можно выделить три составляющих: концепт, фреймы и слоты. Таким образом, анализирую подробно метафору, получаем следующую схему: метафора – это интерпретированная форма концепта на основании сходства понятий этих явлений; фрейм – это пакет данных, представляющий какой-либо концептуальный объект, а слоты являются содержательной стороной фрейма. Следовательно, метафора представляет

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. – 896 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология // Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 269 – 279.
3. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопр. языкознания. 2003. № 2. С.73 – 94.
4. Блок А. Стихотворение «Ночь, улица, фонарь, аптека...» [Электронный ресурс]: сайт / Аскбука Литературы. URL: <https://www.askbooka.ru/> (дата обращения: 06.02.2018).
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 7.
6. Робертс Г.Д. Шантарам // Том 1 // пер. с англ. Л. Высоцкого, М. Абушика. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. С. 12.
7. Есенин С. Стихотворение «Отговорила роща золотая...» [Электронный ресурс]: сайт / Аскбука Литературы. URL: <https://www.askbooka.ru/> (дата обращения: 06.02.2018).
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. – 390 с.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. 3-е изд. перераб. и доп. Минск, 2008. С.46-50.
11. Новая философская энциклопедия // Метафора [Электронный ресурс]: сайт/ Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHf38bc2df8334014f0106f3> (дата обращения: 06.02.2018)
12. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры/ Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 215.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. С.4.

Yurina M.K.

METAPHOR AS ANOTHER KIND OF CONCEPT REPRESENTATION

Abstract. This article considers the sense of "metaphor" and analyzes the relationship between the concept and metaphor. Considerable attention is paid to the functions and the content of the metaphor. The article gives many points of view of other researchers on this phenomenon in the field of cognitive linguistics and analyzes different approaches to studying this problem.

Key words: Concept, metaphor, conceptual theory of metaphor, source domain, target domain.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению гендерных стереотипов в пословицах английского языка. Сравнительный анализ паремий английского языка осуществляется на основе выявленных стереотипов. Установлено, что гендерные стереотипы формируются по принципу оппозиции. Наблюдается тенденция к выравниванию гендерных ролей.

Ключевые слова: стереотипы, гендер, паремии, мужчины, женщины, коннотация, оппозиция.

Актуальность выбранной темы определяется повышенным вниманием к изучению и описанию гендера как одного из важнейших показателей социального статуса, а также гендерных стереотипов в системе конкретного языка. Требуется выяснить, какие именно стереотипы о мужчинах и женщинах существуют в пословицах и поговорках английского языка, затем сравнить их. Это представляется возможным, в частности, благодаря анализу современных пословиц и поговорок.

Теоретической базой данного исследования являются работы отечественных и зарубежных лингвистов, психологов и социологов: А.В. Кирилиной [4], А.П. Садохина [7], У. Липпмана [5], Я. Ким [3] и т.д.

По данным Словаря гендерных терминов, гендерные стереотипы – это сформировавшиеся в культуре обобщенные представления о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины [8]. Являясь последствиями обобщения, гендерные стереотипы формируют наши ожидания поведения мужчин и женщин [3].

Гендерные стереотипы в лингвистике представляют особый интерес в связи с очевидной гендерной маркированностью английского языка, что наиболее ярко выражается в пословицах и поговорках.

Изучением пословиц и поговорок занимается паремиология (от греч. *paroimia* - пословица) [2]. Г.Л. Пермяков определяет паремию как народное изречение, выраженное предложением (например, пословицы, поговорки, приметы) или короткой цепочкой предложений (например, басенки, «одно-моментные» анекдоты, загадки) [6].

Однако в узком значении паремиями считаются только пословицы и поговорки, т.к. выполняют функцию нравовучения и претендуют на статус представителей народной мудрости [1].

Нами отбирались фразеологические единицы, содержащие непосредственную номинацию пола.

С целью выявления гендерных стереотипов был проведен анализ 67 гендерно маркированных пословиц и поговорок, из которых 42 относятся к женщинам и 21 к мужчинам, и 4 характеризуют оба гендера в сопоставлении. Пословицы выбирались методом сплошной выборки.

Базой анализа стали: *The Facts on File Dictionary of Proverbs*, *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*, *The Penguin Dictionary of English Proverbs*.

Различное количество пословиц и поговорок, характеризующих гендер, связано с трудностями при определении концепта мужчина. Данные трудности объясняются «инклюзивным» характером употребления слова *man* в английском языке и расширенной семантикой его родового понятия.

Анализ гендерных стереотипов показал, что в большинстве, женщины характеризуются отрицательно, т.к. большинство паремий имеют очевидную негативную коннотацию.

1. Женщина страшна в гневе: *Hell hath no fury like a woman scorned* ((фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной)). Выражение создано английским драматургом У. Конгривом [10. p.208]; *The female of the species is more deadly than the male*. Всякая супруга злее всякого супруга. Данное изречение встречается в книге Киплинга «Самка» [9. p. 87]

2. Умственные способности женщины оцениваются низко. При этом прослеживается четкая связь между красотой и умом: *Women have long hair and short brains*. Волос долог, да ум короток. Данная пословица в настоящее время считается неполиткорректной, ее можно встретить только в словарях, сегодня она имеет стилистическую помету устаревшая, не употребляется [11. p.465].

3. Несмотря на это, образ женщины как жены и матери выглядит положительно: *Men make houses, women make homes*. Хотя мужчина может построить или купить здание, женщина создает уют в нем [9. p. 186]; *The wife is the key to the house* [10.p.395].

Особенно подчеркивается роль женщин в жизни мужчин: *Man is the head but woman turns it*. [10.p.147] Мужчина голова, а женщина – шея.; *Behind every great man there's a great woman.*, За каждым великим мужчиной стоит женщина; *He that will thrive must first ask his wife*. Кто хочет преуспеть, должен спросить у жены. Пословица встречается впервые в английских колядках еще в 1500 г. [10. p.147] Здесь же зафиксировано стереотипное представление о том, что все решения принимает женщина.

Отдельную группу составляют современные пословицы и поговорки, представляющие женскую точку зрения на положение, занимаемое женщи-

ной в обществе, а также на роль мужчин: A woman needs a man like a fish needs a bicycle. Лозунг феминистского движения. Происхождение данного лозунга приписывают Глории Стейнем в 1969 году [11. p. 487]. В настоящее время видим тенденцию к выравниванию гендерных ролей, что проявляется в независимости женщин от мужчин.

В пословицах и поговорках и их дефинициях в отношении мужчины, преобладает положительная оценка образа мужчины.

1. В семье отец выступает в роли примера для подражания: One father is worth more than a hundred schoolmasters., Отец даст больше, чем сотня учителей. Автор изречения – Герберт Джордж Уэллс. [11. p. 278]; Like father like son. We weren't surprised to learn that he had developed an alcohol problem— like father, like son. Впервые встречается в 1340 году в форме «Ill sons follow ill fathers»[9 p. 170]

Мудрость мужчины определяется его отношением к женщине: Honest men marry soon, wise men not at all. Честный человек женится рано, умный — никогда! В данной пословице говорится о том, что в брак вступают только глупцы, так последствия часто неблагоприятные. [11. p. 126]

Мужчинам дается совет, предостерегающий их от выбора женщин по внешнему виду, где красота – не главное: Newer choose your women or your linen by candlelight. Не выбирай женщину или белье при свечах. Пословица впервые использована Дж. Санфордом в произведении «Сад удовольствий» в 1573 году. [10.p.387]

Статус мужчины определяется наличием семьи, в частности хорошей жены: A good wife and health is man's best wealth Хорошая жена и здоровье – лучшее богатство.; Wives must be had, be they good or bad.

2. Появление семьи оказывает на мужчину положительное воздействие, предостерегает от неоправданных рисков: He that has a wife and children has given hostages to fortune. Тот, у кого нет жены и детей, вверил судьбу провидению. Выражение встречается у Френсиса Бекона (1561-1626) в книге «О браке и одиночестве» [9 p. 240]

Согласно результатам анализа за мужчинами закреплены следующие стереотипы:

1. Мужчины любят поесть: The way to a man's heart is through his stomach.,Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок [9. p. 375.].

2. Мужчины любят глазами: Boys seldom make passes at girls who wear glasses [10 p.96].

В пословицах и поговорках закреплён ряд качеств, характеризующих мужчину отрицательно:

2. Мужская беда – пьянство: He that drinks beer, thinks beer [9. P,169].

3. Когда мужчины собираются вместе, работа прекращается: Two boys a half a boy, and three boys are no boy at all [10.p.382].

В Кроме того, современные пословицы и поговорки, представляющие женскую точку зрения, выражают беспокойство, связанное с проблемой поиска партнера, что свидетельствует о постепенном изменении стереотипов о мужчинах как эталонном гендере: *Good men are scarce*. Хороших мужчин мало. Встречается в сборнике «Теологических и нравственных очерков» Д. Тувилла [10.p. 156.]

Гендерные стереотипы, закрепленные в паремиях, формируются по принципу оппозиции присутствие-отсутствие или положительное – отрицательное.

Что касается одинаковых характеристик, здесь варьируется их количественный состав. Например, отмечается, что женщина в гневе страшнее мужчины: *The female of the species is more deadly than the male* [11.p.379]. Согласно паремиям, и мужчинам и женщинам не достает терпения, но в женщине это качество присутствует в большей степени: *Patience is virtue, catch it if you can:seldom in a woman, never in a man* [9.p.402].

Противопоставление гендерных стереотипов связано с противопоставлением концептов «мужчина» и «женщина»: *Men are from Mars, women are from Venus* [10.p.251].

Даже одно и то же качество может проявляться по-разному в зависимости от гендерной принадлежности носителя. Так, если говорить о возрасте: *A man is as old as he feels, and a woman as old as she looks* [10.p.249].

Проанализировав пословицы с гендерными стереотипами можно заключить, что они содержат наиболее общие образы мужчин и женщин. Были проанализированы паремии с компонентом “man”, который не содержит указания на пол и относится к человеку в общем. По его итогам можно сделать вывод, что человек должен обладать такими качествами, как ум, трудолюбие, честность, доброта и целеустремленность. Среди положительных мужских характеристик необходимо выделить храбрость, честность, добропорядочность, надежность.

Отрицательные качества отражают в основном общечеловеческие пороки, а не мужские. В отличие от мужчин, женщины преимущественно оцениваются отрицательно. Согласно пословицам, женщинам присущи такие черты, как болтливость, капризность, непредсказуемость, распушенность, коварство, лицемерие, напускная слабость, упрямство. В то же время женщина-мать выглядит положительно. В настоящее время положение женщины стало более твердым в обществе, и идеи гендерного неравенства, возможно, сохранились только в пословицах.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования/Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344с.

2. Большой энциклопедический словарь/Под ред. А. М. Прохорова. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1997.
3. Ким, Л. Э Гендерные стереотипы // Исследовательский проект «Влияние социальных факторов на понимание гендерных ролей». Программа Центрально-Азиатские Инициативы Исследований, ИОО - Будапешт, Ташкент, 2002
4. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистический аспект: монография/ А.В. Кирилина. — М.: 1999. — 152 с.
5. Липпман, У. Общественное мнение/Пер. с англ. Т.В. Барчуновой Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
6. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Филологические исследования по фольклору. — М., 1975. — с.27 – 53
7. Садохин, А.П. Культурология. Теория культуры: Учеб. пособие для вузов/ А.П.Садохин, Т.Г. Грушевицкая— 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 365 с.
8. Словарь гендерных терминов/Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты". М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
9. The Facts on File Dictionary of Proverbs, 2002г.
10. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs, 2003г.
11. The Penguin Dictionary of English Proverbs

Yasnikova A.S.

GENDER STEREOTYPES IN PROVERBS AND SAYINGS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract. The paper deals with gender stereotypes in the English Language. A comparative analysis of paremii in English is carried out on the basis of revealed stereotypes. It is established that gender stereotypes are formed on the principle of opposition. A tendency to equalization of gender roles is observed.

Key words: Stereotypes, gender, paremii, masculinity, femininity, connotation, opposition.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА ДЕМОНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И М.А. ВРУБЕЛЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики образа Демона в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» и в творчестве М.А. Врубеля, а также определению места «демонической» темы в их мировоззренческих позициях.

Ключевые слова: образ, Демон, лейтмотив, мироощущение, трагизм, поиск.

Демон («ст.-слав. Демонъ (Супр.) из греч. δαίμων «злой дух, дьявол» (Нов. Зав.)» [5, с.498]) – сложный образ мировой культуры, по-разному интерпретировавшийся на протяжении веков. Сократ и его последователи (Платон, стоики и другие) воспринимали демона как совесть или даже ангела-хранителя, который способен оберегать своего подопечного, предостерегая его от опасности и указывая на то, чего делать не стоит. Согласно христианским представлениям, демон – это один из самых могущественных ангелов, вознамерившийся свергнуть Бога и стать властителем Небес. Проиграв бой с войском, возглавляемым архангелом Михаилом, демон (Люцифер, Денница) был свергнут на землю, где теперь искушает христиан или посылает им несчастья, дабы разрушить веру людей в Бога. Следовательно, в христианском мироощущении демон есть не дух вообще, но всегда злой дух, падший ангел.

Многоликость демона как архетипического образа мировой культуры отразилась и в искусстве. Создателем одного из самых ярких и запоминающихся образов Демона в отечественной литературе стал М.Ю. Лермонтов. Произведения поэта и прозаика, объединённые «демоническим» лейтмотивом (стихотворения «Мой демон» (1829, 1830-1831), «Я не для ангелов и рая...» (1831), «Послушай, быть может когда мы покинем» (1832), драма «Маскарад» (1835), поэма «Сказка для детей» (1839), роман «Герой нашего времени» (опубл. в 1840), фантастическая повесть «Штосс» (опубл. в 1845)), сплетаются в самобытный, фантастико-реалистический узор. Важный элемент этого лермонтовского узора представляет собой образ Демона, выведенный на страницы поэмы «Демон», работа над которой велась в течение десяти лет (1829-1839).

Кто является перед читателем поэмы «Демон»: низвергнутый с небес возгордившийся ангел, inferнальное существо, одолеваемое жадной мести

и сеяния зла, или, может быть, одинокий странник, оторванный от земного и небесного? Текст произведения открывается описанием полёта Демона над землёй. «Печальное», «познавая жадное» существо перестало «сеять зло», ибо «искусство» распространения зла не встречало сопротивления среди смертных и быстро наскучило ему. Перестав наслаждаться чудесными картинами природы, презирая и ненавидя всё, что окружает его, Демон живёт, лишившись интереса к самой жизни. И только любовь к земному созданию с неземной душой способна оживить Демона, возродить его, помочь обречённому ступить на путь спасения.

Устремившись к высокой цели возрождения через любовь, Демон, однако, продолжает использовать злое, смертоносное оружие и становится причиной гибели жениха своей возлюбленной Тамары. Нарушив душевное равновесие грузинки, погрузив её в состояние печали, Демон, тем самым, лишает её внутренней силы и устраняет препятствия для завоевания расположения восточной красавицы. Потусторонним голосом является Демон к Тамаре и шепчет ей прекрасные слова о «золотом сне», т.е. об отрешённости от всего земного, о бездейственности, воплощающей собой мнимую духовность, которую сможет получить девушка, поддавшись воле коварного искусителя.

Характер Демона отличается противоречивостью, двойственностью. Искушая свою жертву, этот «пришлец туманный и немой» будто бы и «жалел об ней». «Ни день, ни ночь, - ни мрак, ни свет!»[2,с.565] – стих, отражающий «сумеречность» демонического существа и раскрывающий тайну его привлекательности. Избранная Демоном жертва оказалась сильнее, чем он мог предположить. Напуганная странным голосом Тамара, просит своих родителей отправить её в монастырь, чтобы там, замуровавшись в «келье-гробу», навсегда избавиться от злого наваждения. Совершив этот подвиг во имя сохранения чистоты своей души, девушка всё же не может освободиться от своего гонителя, в собственной келье и в храме на службе она слышит и даже видит его, и, желая молиться святым, непокорное сердце «молится ему». Демон, таким образом, «и любит, и одновременно тиранит объект своей любви» [1,с.133]. Стоя у стен монастыря, Демон вдруг слышит «нежную песнь» («Как будто для земли она/Была на небе сложена!»)[2,с.569]. Слеза скатилась по его лицу – обречённый поверил в возможность возрождения, лучшие чувства проснулись в нём, с «открытой для добра душой»[2,с.569] он входит в келью Тамары, желая найти примирение с помощью возлюбленной, воплощающей собой идеал Вечной Женственности. Но, встретив в келье девушки её защитника – херувима, «злой дух» возвращается в своё прежнее состояние. Оставшись один на один с Тамарой, он снова начинает опутывать возлюбленную сетями лживых речей, не открываясь ей до конца, он сулит ей совместное счастье, и в итоге добивается поставленной цели, дав клятву примирения, но не поражения, с небом. Тамара гибнет. Но после

790 | смерти девушки Демон не получает её душу. Ангел уносит её на небеса, так как своими страданиями несчастная искупила свой грех, а Демон «побеждённый» проклинает свои прошлые мечтания и вновь остаётся в гордом, злом одиночестве. Так, происходит второе и финальное его падение без возможности возрождения.

Любопытно восприятие образа Демона и в других видах искусства. М.А.Врубель, русский художник рубежа 19-20 вв., с детства влюблённый в творчество своего поэта-тёзки, был буквально околдован демоническими силами inferнального существа. Лейтмотивом его работ также становится Демон, поиск (начавшийся в 1855 г.) целостного образа которого стал главной целью творчества художника. «Существует версия, что непосредственным поводом для врубелевского Демона была постановка оперы А.Г. Рубинштейна в Киеве И.П. Прянишниковым» [4, с.101]. В 1890 г. Врубель пишет своего «Демона сидящего». Затем возникает ряд иллюстраций художника, созданных специально для юбилейного издания Лермонтова. Закончив работу над иллюстрациями, Врубель на 10 лет освобождается от «демонической» темы и ощущает себя абсолютно счастливым, но уже осенью 1901 г. Демон вновь овладевает сознанием и душой художника и больше никогда его не отпускает.

Какова же визуализированная версия анализируемого образа? Демон Врубеля – это двойственное, «андрогинное» создание, характеризующееся переменным доминированием в разных работах женского или мужского начал. Трансформируя образ своего детища на протяжении всей жизни, художник изображает Демона то гигантом-силачом, лежащим на плаще, то женоподобным, хрупким существом. Несмотря на беспрестанные изменения и доработку изображений, все Демоны Врубеля обладают общими чертами: неземная природа существа, величественность образа, отпечаток печали на грустном лице, возвышенность романтического героя и мыслителя, борьба не только внутренняя, но и внешняя, причём не с небом, но с землёй. Демон Врубеля представляет собой символ поверженного, но гордого духа человека, обессиленного в своей гениальности жестоким, больно ранящим обществом.

Желая подчеркнуть титаническое, мифологическое начало в образе Демона, художник использует приёмы театрализации, «сценически» выстраивая композиции своих работ. Романтизированную природу Кавказа, тонко изображённую в поэме Лермонтова, Врубель наделяет сказочными чертами и окрашивает в восточный колорит. Его Демон тесно связан с природным началом, то есть обретает связь со хтоническими существами. Он окружён то чудесными минералами-цветами, то потоками вод и камнями, то горами.

Именно «Демона поверженного» (1902) Врубель признавал тем, кого так долго искал. Однако даже на московских и петербургских выставках, художник не перестаёт дорабатывать картину, изменяя её цветовую палитру и облик изображённого на ней Демона. В конце своего творческого пути Врубель

всё-таки изменяет направление собственной мысли и пишет картины на религиозную тематику, желая искупить свою «творческую демоническую вину».

Как уже было замечено выше, демоническая тема представляет собой лейтмотив творчества как М.Ю. Лермонтова, так и М.А. Врубеля. Чем же обусловлен столь высокий интерес к анализируемому образу? Здесь важно заметить, что любимым поэтом Врубеля был именно Лермонтов. С увлечением погружаясь в творчество Пушкина, Шекспира и Гёте, художник на первое место ставил всё-таки автора поэмы «Демон». Родившись в день первого издания данного произведения, Врубель будто навсегда связал с ним свою судьбу. Знакомые художника причиной его одержимости образом Демона считали душевную болезнь. В его картинах друзья находили отголоски тяжёлого психического состояния.

Демон как символ особого мироощущения действительно не покидал поэта и художника, буквально преследовал обоих. Большинство современников обоих гениев подчёркивали наличие демонических черт характеров самих творцов. Лермонтов создаёт рефлексирующего экспериментатора Печорина, схожего отчасти с любимым врубелевским героем Гамлетом, черты характера которого обнаруживались в художнике. Ещё до иллюстрирования юбилейного лермонтовского издания Врубель рисует Печорина почти как автопортрет. О трагизме ницшеанского сверхчеловека, забывшего о своём истинном призвании, можно сказать, павшего, а, вернее быть отпавшего или даже поверженного, говорит В.С. Соловьёв, размышляя над особенностями личности Лермонтова. Неистребимую печаль и скорбь, трагизм и отсутствие взаимопонимания с миром обнаруживаем в обоих Демонах – в Демоне Лермонтова и в переосмысленном образе Демона Врубеля. Действительно, художник, взяв за творческую основу поэму Лермонтова, всё же трансформирует заимствованный образ Демона, переосмысляет его трагическую судьбу и не даёт ему пасть окончательно, а лишь повергает его в бессилии перед убийственно враждебным обществом. Духовное родство обоих творцов обнаруживается в бесконечном стремлении и поэта, и художника к высокому и недостижимо-прекрасному. Демон Лермонтова, как и Демон Врубеля, не являются силами абсолютного зла; дух сомнения, а, следовательно, и двойственность природы определяется попыткой обрести истину и возродиться через неё, причём истина эта доступна лишь любящему сердцу. Демон не богоборец, но дух, испытывающий душевные метания.

Как Демон Лермонтова есть отражение души поэта, его самосознания и философских основ восприятия мира, так и Демон Врубеля – это персонафицированная идея, определившая жизненный путь художника. Именно поэтому образы обоих Демонов были лишены статического восприятия их создателями и находились в состоянии постоянной динамики. Они «жили» вместе со своими «отцами» и претерпевали различные метаморфозы па-

792 | параллельно с душевными движениями и изменениями, происходившими во внутреннем мире как поэта, так и художника.

Конгениальность обоих творцов обуславливается сходством трагического мироощущения, стремлением возвыситься над взорванным изнутри миром и жадной обретения не чисто религиозного и не чисто рационального, а иного знания, что и порождает дух сомнения. Но коренное отличие в толковании «демонической» темы обоими творцами заключается в том, что Лермонтов, «заставив» пасть своего Демона вторично, тем самым отказывается от него, а Врубель, изобразив «Демона поверженного» всё же продолжает верить в его гордую силу и доброту!

Литература

1. Кумыш В.Ю. Некоторые особенности построения образа Демона в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон»// Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2007. №3., С.131-135.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том первый/ Сост. и комм. И.С. Чистовой; Вступ. Ст. И.Л. Андроникова. – М.: Правда, 1988. – 720с.
3. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества// М.Ю. Лермонтов: pro et contra/ Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. – СПб.: РХГИ, 2014- (Русский путь). – 1090с.
4. Суздалев П.К. Врубель и Лермонтов. М.: Изобразительное искусство, 1991. – 240 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1 (А – Д): пер. с нем. И доп. О.Н. Трубачева/ под ред. И с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.
6. Яковлева А.С. Проблема этического и эстетического в творчестве М.А. Врубеля: от Христа к Демону// Вестник СПбГУКИ. 2016. № 3., С. 146–149.

Yatskiv E.O.

THE COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE DAEMON'S TYPE OF M.Y. LERMONTOV AND M.A. WROBEL

Abstract. The article focuses on study the specific of the Daemon's type in the poem «Daemon» of M.Y. Lermontov and in the creation of M.A. Wrobel and definition the place of the «daemon's» theme in their world view's positions.

Key words: Type, Daemon, leitmotiv, attitude, tragedy, search.

студент 1 курса Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина
Москва, Россия
vule.mali98@gmail.com

ЭПОПЕЯ О КОСОВСКОМ БОЕ – ОТ «ИЛИАДЫ» ДО ГОЛГОФЫ

Аннотация. В данной статье анализируются основные идеи песен «Косовского цикла», и освящается их тесная связь с Гомеровским эпосом «Илиадей». Кроме того, обращается внимание на соответствие «Косовского завета» христианским этическим нормам.

Ключевые слова: Илиада, эпос, Косовский цикл, христианские этические нормы.

Эпические народные песни являются хранителями народного духа, этической философии народа, национальных нравственных устоев. П. П. Негош, один из известнейших исследователей сербского народного эпоса, считал, что благодаря важному свойству эпической поэзии — хранить традиции поколений, существует связь веков. Он писал о XVIII «гордом» веке, который прославили великие люди. Эта славная эпоха привлекала его внимание так как, он считал, что XVIII век должен был быть увертюрой к окончательной свободе сербских земель. Главным историческим событием, ставшим основой Косовского эпоса, является, собственно бой на Косовом поле, происшедший 28 июня 1389 года на Видовдан. В народе известен как день, в который становится видно, кто был верен и предан делу чести, а кто стал предателем. Косовская битва играет важную роль не столько в истории сербского народа, сколько в сербской поэзии. Тем не менее, Косовская битва представляет особый интерес для историков как событие, приведшее к смерти сербских и турецких воюющих правителей. Об этом событии начали создавать песни уже после окончательной потери сербами своей государственности в XV веке, возможно, и раньше.

Исследователи сравнивают песни косовского цикла с «Илиадой» и находят много общих черт, замечают аналогию с «Илиадой» по трагизму описываемых событий, накалу страстей, и неразрешимости конфликта. Согласно «Полному словарю иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке», Илиада — это древнейшая греческая поэма, рассказ в стихах об осаде Илиона, или Трои, и подвигах разных героев. Автором «Илиады» долго называли Гомера, но в недавнее время была выдвинута гипотеза, что

794 | Гомер имя собирательное, а «Илиада» — это народный героический эпос, собранный из отдельных песен рапсодами, профессиональными исполнителями эпических поэм.

Итак, Косовская трагедия, как и «Илиада», начинается с конфликта. Вук Бранкович распространяет слухи о Милоше Обиличе, портя его репутацию у князя Лазаря. Милош, чтобы очистить свое имя от клеветы, во время битвы уходит во вражеский лагерь, где убивает султана и где сам был зарублен охраной султана. Ослабленная сербская армия, которую бросил и предал Вук Бранкович, не была достаточно сильна, чтобы сопротивляться врагу. В конечном итоге, погибает сам князь Лазарь, поздно узнавший о невиновности Милоша.

Милош Обилич (согласно Милану Будисавлевичу) — это центральный герой сербской эпической поэзии, сербская версия Ахилла. Он, как и Ахилл в «Илиаде», главный герой сербского эпоса, о Косове. Завязка событий сербского эпоса — ссора приближенных князя: Милоша и Вука. Как из-за ссоры Ахилла и Агамемнона произошли трагические события, так и конфликт Милоша и Вука приводит к трагическим событиям, в развитии действия описываются все несчастья армии князя Лазаря. [2]

Женщины в Косовском эпосе оплакивают погибших воинов, а сама княгиня Милица отправляется на Косово поле, за телом Лазаря и хоронит его. Также как в Илиаде Андромаха, жена Гектора, и его мать горько оплакивают погибшего героя, а царь Приам приходит к Ахиллу, целует руки врагу и просит тело Гектора, чтобы его достойно похоронить.

Особенность большинства сербских эпических песен, в том, что они начинаются словами: „Боже мили, чуда великога..“ где Бог, по мнению народного певца, занимает то место, которое в античности занимала Муза-богиня, к которой обращается поэт. [2] В словах песни «Милош Обилич- змеев сын» :

«Мајка ти је Јања чобаница,
Од Србије, из Херцеговине,
Бабо ти је змаје из облака,
Твоја мајка била чобаница,
..дванајест година» [4, с.226]

Упоминается символическое число 12 (Мать Милоша — пастушка, которая 12 лет пасла овец), это число типично и для Илиады, и для фольклора других народов. Еще один важный признак сходства двух анализируемых произведений: подчеркивается необычность происхождения Милоша и Ахилла. Мать Милоша — Яња является простой смертной женщиной, а отец его – змей с облаков, а в Илиаде наоборот: мать Ахилла – богиня, а отец — простой смертный человек.

Вместе с тем, по мнению Милана Будиславлевича, есть элементы, которые отличают сербскую эпическую песню от «Илиады», – это её христианские

этические принципы, национальные нравственные устои. [2] В отличие от «Илиады», созданной в языческую эпоху, где война воспринимается как способ храброго и сильного воина получить богатую добычу, где в поединке одерживают победу ради личной славы, в косовском эпосе переплетаются две добродетели: христианская, подразумевающая мученическую смерть на Голгофе, и рыцарская, воспринимаемая как кодекс рыцарской чести, верного и доблестного служения Богу и своему отечеству. А так как они обе доведены до идеальной формы, образу сербского героя и человека соответствуют слова Виктора Аксючицкого, который говорил, что в славянском народе мотивацией является идеал сам по себе, в отличии от западного, у которого в наивысшей степени преобладает индивидуальный интерес[1].

Идеал истинного христианина, принявшего мученическую смерть, и доблестного рыцаря представлен в образе канонизированного князя Лазаря из эпоса о Косовском бое. Он не спрашивает, как Гамлет «быть или не быть?», но выбирает между двумя жизнями «земной» и «небесной». Князь Лазарь в песне «Гибель сербского царства» спрашивает себя: «Боже правый, что делать, открой мне, Что избрать — небесное ли царство, или царство краткое земное?» Избрать земное царство — это значило бы только сохранить физическую жизнь, но потерять, честь и свободу, а затем и культурную самобытность.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что героический эпос о Косовском бое несомненно является частью культурного богатства сербского народа. Якоб Людвиг Карл Гримм подчеркивал: «Со времен Гомера и до сих пор нет произведения, которое могло бы так ясно представить сущность эпоса, как сербская народная песня» [3, с.20]. Философия косовского боя — это философия птицы феникс, философия голгофы, прошедшая эволюцию от общечеловеческих ценностей до национальной этической философии. Это философия героической смерти ради воскресения, философия индивидуальной жертвы, ради счастья будущего коллектива. [3, с.20]

Литература

1. Аксючиц В.В. О русском характере: Характер нравственности. http://www.zlev.ru/53_7.htm [10.3.2018].
2. Будисављевић М. Илијада у огледалу Косовских песама. <http://www.rastko.rs/projekti/cm/1/mbudisavljevic-ilijada.html> [09.03.2018]
3. Ђурић М. Видовданска етика. – Загреб: Издање српског академског друштва Његош, 1994 - 25 с.
4. Петрановић Б. Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине: Јуначке пјесме старијег времена. Књига трећа, Београд, Државна штампарија, 1870- 575с.

Gavric V.

**EPIC ABOUT THE KOSOVO FIGHT –
FROM THE ILIAD TO GOLGOTHA**

Abstract. In this article, the main ideas of the songs of the "Kosovo cycle" are analyzed, and their close connection with the Homeric epic "Iliad" is sanctified. In addition, attention is drawn to the compliance of the "Kosovo Testament" with Christian ethical norms

Key words: The Iliad, epos, Kosovo oath, Christian ethical norms

Научное издание

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

Материалы I Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 23–25 мая 2018 года

Сборник научных статей

В авторской редакции

Технический редактор *Н. М. Разумова*
Компьютерная верстка *Е. А. Васюкова*

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute